

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ РОССИИ XX–XXI ВЕКОВ

**Материалы
XXV Международной научной конференции**

**Иваново
2026**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Ивановский филиал ЧОУ ВО «Институт управления»

Ивановский филиал РАНХиГС (Президентская академия)

ЧПОУ Ивановский фармацевтический колледж

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ РОССИИ XX–XXI ВЕКОВ

Материалы XXV Международной научной конференции

Иваново, 25–26 марта 2026 г.

Иваново

Издательство «Ивановский государственный университет»

2026

ББК 63.3(2):86.372(2)

Г72

Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XXV Междунар. науч. конф., Иваново, 25–26 марта 2026 г. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2026. – 760 с.

ISBN 978-5-7807-1521-4

В сборнике представлены материалы XXV Международной научной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков», в которых анализируются различные проблемы истории Русской Православной Церкви в контексте истории российского государства и общества, исследуются малоизученные аспекты этого сложнейшего периода в истории нашей страны, вводятся в оборот неизвестные источники, делается попытка найти новые подходы в изучении новейшей отечественной истории.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ивановского государственного университета*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук **А.А. Корников** (ответственный редактор),

д-р ист. наук **С.М. Усманов**,

д-р ист. наук **Ю.А. Ильин**,

д-р ист. наук **В.Л. Черноперов**,

канд. ист. наук **Н.В. Юркин**,

канд. ист. наук **И.А. Комиссарова** (ответственный секретарь)

За содержание материалов ответственность несут авторы

ISBN 978-5-7807-1521-4

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2026

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Ivanovo State University

Institute of Management, Ivanovo branch

Ivanovo branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration”, Ivanovo, Russia

Ivanovo Pharmaceutical College

**STATE, SOCIETY, CHURCH
IN THE HISTORY OF RUSSIA
(20th – 21st CENTURIES)**

Proceedings of the XXIV International Scientific Conference

Ivanovo, March 25–26, 2026

Ivanovo
Ivanovo State University
2026

State, Society, Church in the History of Russia (20th–21stcenturies) : proceedings of the XXV International Scientific Conference, Ivanovo, March 25–26, 2026. – Ivanovo : Ivanovo State University, 2026. – 760 p.

ISBN 978-5-7807-1521-4

The proceedings include discussion of the XXV International scientific conference «State, Society, Church in the History of Russia in the 20th – 21st centuries». A wide range of problems covering the history of Russian Orthodox Church, Russian State and society are analyzed. Aspects of the turbulent period of history that have not been studied a lot so far are explored. Unknown sources are introduced. An attempt to find new approaches to the study of Contemporary Russian History is made.

*Printed according to the decision
of the Editorial Board of Ivanovo State University*

Editorial board:

A.A. Kornikov, Doctor of History (Editor-in-Chief)

S.M. Usmanov, Doctor of History

Y.A. Ilyin, Doctor of History

V.L. Chernoperov, Doctor of History

N.G. Yurkin, Candidate of Science, History

I.A. Komissarova, Candidate of Science, History (Secretary-in-Chief)

The content is the responsibility of the authors

УДК 322

Е.М. Мирошникова,

профессор, доктор философских наук, главный научный сотрудник
Центра религиозоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский
государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург)

О РОЛИ ГОСУДАРСТВА В МЕЖРЕЛИГИОЗНОМ ДИАЛОГЕ

Аннотация. Религиозные общины представляют собой значительную силу на местном, национальном и международном уровнях, выступая в роли моста между жителями и органами власти, тем самым укрепляя общество и государство. Автор подчеркивает, что возможности межрелигиозного диалога существенно бы укрепились, если бы государство, было бы внимательнее к нему в рамках модели государственно-церковных отношений, а религиозные организации развивали бы отношения, прежде всего между собою, а не концентрировались на борьбе с секуляризмом. В этом отношении делается акцент на важную роль религиозного образования в контексте межкультурного диалога и гражданской идентичности.

Ключевые слова: модель государственно-церковных отношений, диалог, георелигия, религиозный плюрализм, религиозное образование, культура.

E.M. Miroshnikova,

Professor, PhD (Philosophy), Chief Fellow, Center for Religious and ethno-political
Studies, Pushkin Leningrad State University (Sankt-Petersburg)

ON THE ROLE OF THE STATE IN THE INTERRELIGIOUS DIALOG

Abstract. Religious associations represent the significant power on the local, national and world levels, while being a sort of bridge between citizens and officials, strengthening in this way the society and the state. Meanwhile, the author notes, that opportunities of the interreligious dialog could be more effective, if the state would be more attentively to it in the framework of the model on the state-church -relations; if the religious associations realized relationships among themselves, but not concentrated on the fight against secularism. From this point of view the author emphasizes the role of religious education in the context of the interreligious dialog and civil identity.

Key words: model of the state-church relations, dialog, georeligion, religious pluralism, religious education, culture.

Проблему вовлеченности государства в сферу межрелигиозных отношений следует рассматривать в контексте модели государственно-церковных отношений (ГЦО): идентификационная, кооперационная, отделительная. На протяжении тысячелетней истории в нашей стране осуществлялась идентификационная модель с ведущей ролью Русской православной церкви Московского Патриархата. Между тем эта модель она не представляла собой нечто застывшее, напротив, в разные исторические эпохи под давлением социально-политических и культурных условий меняла свое выражение. Достаточно упомянуть для сравнения периоды реформ Никона и Петра I. Наряду с этим отечественная история знает опыт кооперационной модели как результат февральской революции 1917 года, десятилетия практики отделительной модели в форме воинствующего атеизма. В настоящее время, согласно Конституции РФ, Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом (ст. 14, п.п. 1, 2).

Так может ли государство быть соучастником в межрелигиозном диалоге или же это только внутреннее дело религиозных организаций? Как государству реагировать на усиливающийся религиозный плюрализм на фоне миграционных и демографических процессов? Ведь религиозный плюрализм – это не только признание наличия многих религий, это прежде всего рефлексия на это многообразие.

Как верно подчеркивал М.Ю. Смирнов, с религиозоведческой точки зрения в отличие от теологической, религия – это социокультурное явление. «Религия – это не предметы культа, стены храмов, облачения служителей, священные тексты. Это люди, находящие в религиозных идеях и образах свои жизненные смыслы» [6, с. 18]. Современная эпоха выявила две основные линии трансформации религии как социокультурного феномена: как принадлежность к семейной, национальной, культурной традиции и как индивидуальный выбор на основе свободы совести. Суть дела заключается в том, что, находясь в одном географическом ареале, они вступают в конфликты. Вот почему для анализа диалога как такового и феномена межрелигиозного диалога, в частности, важно представлять целостную геополитическую картину (геополитика как целое), но и религиозную картину мира как его часть. Я предлагаю назвать это георелигией (совокупность количественных и качественных показателей религиозного фактора в разных частях нашей планеты).

Наиболее влиятельными и многочисленными к 2050 году будут христианство, ислам, индуизм, народные (естественные) религии. Между тем роль и место христианства – самой крупной религией в мире

(2,3 млрд) – существенно изменяется. Если в 2010 г. самая большая численность христиан приходилась на Северную и Южную Америки, то к 2050 г. – на страны, расположенные южнее Сахары. Между тем в Европе – колыбели евангелизации – растет численность мусульманского населения. Ислам – самая быстрорастущая религия в мире (2,0 млрд). Вместе с тем за последнее десятилетие резко возросло число не относящих себя ни к какой религии в Северной Америке, Европе, Австралии, Южной Корее (1,9 млрд) [8]. Исключением из этого тренда является ситуация в бывших советских республиках, ныне суверенных государствах: Россия, Азербайджан, Молдова, Грузия. В них наблюдается возрастание роли религии и религиозных организаций особенно в контексте сохранения культурной идентичности. «Как историческая форма, культура всегда существует в виде конкретного локального симбиоза технологий поведенческих ритуалов и обычаев, социальных норм, моральных и религиозных ценностей, мировоззренческих построений целеполаганий» [1, с. 7].

Сложность межрелигиозного диалога обусловлена многочисленными религиозными конфликтами, ставшими причиной социально-политических кризисов. К сожалению, социологические исследования по проблемам демографии и миграции обходят вниманием георелигию и не учитывают проблемы и возможности, которые обусловлены религиозными убеждениями. В исследованиях о миграции преобладают вертикальные и иерархические критерии, основанные на государственной принадлежности и системах социального регулирования в политике, праве и бизнесе, и на этой основе разъясняющие ответственность за людей, пересекающих границы. Между тем все большее значение приобретает горизонтальная дифференциация, в частности концепция «антропологического квадрата», фокусирующаяся на социально ориентированных коммуникациях [3, с. 205–206].

На мой взгляд, серьезную причину амбивалентности межрелигиозного диалога представляет собой отсутствие консенсуса на сущность миссионерской деятельности, точнее, на соотношение понятий прозелитизма и миссии: прозелитическая миссия или миссионерский прозелитизм [7]. В этом отношении особый вес приобретает государственный подход. Международный опыт свидетельствует о различных формах решения обозначенной проблемы. Например, Конституция Греции (идентификационная модель ГЦО), в которой закреплён статус Греческой православной церкви как государственной религии, запрещает прозелитизм (ст. 13, п. 2). В США, (отделительная модель) вновь, спустя десятилетия, обострилась дискуссия о наличии в государственной школе табличек с десятью библейскими заповедями. В Верховном Суде

США рассматриваются иски, поданные несколькими штатами (Техас, Луизиана), требующими возврата в классные комнаты государственных школ табличек Декалога и представляющими их не как собственно религиозные символы, а как традиционные культурные ценностные нормы. Отечественные нормативно-правовые акты, например, положения, сформулированные Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации 2019 года, признают право на то, чтобы пытаться обратить других людей в свою религию или изменить их убеждения, используя ненасильственные средства коммуникации и воздействия [4, с. 72]. Как хорошо известно, именно коммуникационная и символическая природа составляют сущность культуры как коллективного феномена [2, с. 5].

Религиозная символика в контексте передачи знаний о религии в государственной школе как никогда стала актуальной в самых разных частях света, в том числе и в нашей стране. Настоятельная необходимость всестороннего обсуждения проблемы с приглашением ученых, политиков, представителей религиозных организаций требует осмысления и рефлексии государства и общества на внешнее выражение религиозных взглядов и убеждений. Дихотомичный процесс практической реализации передачи знаний о религии в РФ приобретает все новые характеристики [5]. С 1 сентября 2026 года в школьную программу будет включен отдельный предмет «Духовно-нравственная культура России», который станет обязательным для учеников 5–7-х классов.

Осмысление современных подходов к публичному присутствию религиозных традиций и новаций с учетом возрастающей роли идентификационных маркеров конфессиональной принадлежности, анализ последствий религиозного и культурного плюрализма, включающего в себя исследование процесса культурализации религии, указывает на необходимость реструктуризации значений религиозного фактора. Прежде всего это относится к новым вызовам по отношению к государству, его политике по регулированию религиозного плюрализма на фоне политизации религиозных сообществ. На мой взгляд, в вопросе о роли государства в межрелигиозном диалоге именно религиоведение представляет собой основу концептуального аспекта модели государственно-церковных отношений.

Библиографический список

1. *Доброхотов А.Л.* Телеология культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 527 с.
2. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. 526 с.

3. *Мирошникова Е.М., Шмельцле У.Ф.* Роль религии в процессе интеграции мигрантов // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2023. № 3. С. 200–213.

4. *Мирошникова Е.М.* Межрелигиозный диалог и миссионерская деятельность: желаемое и возможное // Религиоведческие исследования, 2024. № 1 (29). С. 63–77.

5. *Мирошникова Е.М.* Модели государственно-церковных отношений в мире и модели религиозного образования // Религия в современной России. Санкт Петербург и Ленинградская область / Мирошникова Е.М., Пронина Т.С., Егоров В.А., Чернеевский А.П., Ленков П.Д., Кондратьева М.К., Сливкина В.А., Бокова О.А. СПб., 2024. С. 22–46.

6. *Смирнов М.Ю.* Своевременное религиоведение. Вопросы теории и методологии российских политических исследований: монография. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2024. 188 с. ISBN 978-5-8290-2183-2

7. Энциклопедия Протестантизм. Первое масштабное издание: в 2 т. М.: Эксмо, 2025. 1632 с. ISBN: 978-5-04-223938-0.

8. How the Global Religious Landscape Changed From 2010 to 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/20/2025/06/PR_2025.06.09_global-religious-change_report.pdf (дата обращения: 18.12.2025).

УДК 327

О.К. Шиманская,

доцент, старший научный сотрудник, Институт Европы РАН (Москва)

Г.С. Широкалова,

профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Н. Новгород)

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ И МОЛОДЁЖНАЯ ПОЛИТИКА: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье анализируется состояние и сложные взаимоотношения современных автокефальных православных церквей в мире. В фокусе внимания авторов особенности молодёжной миссии наиболее крупных национальных православных церквей – Русской православной и Румынской православной церквей.

Ключевые слова: религия, православие, молодёжь, молодёжная политика, Россия, Европа.

O.K. Shimanskaya,

Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Europe RAS (Moscow)

G.S. Shirokalova,

Professor, Leading Researcher, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod)

ORTHODOX CHURCHES AND YOUTH POLICY: EXPERIENCE AND PROSPECTS

Abstract. The article analyzes the state and complex relationships of modern autocephalous Orthodox churches in the world. The authors focus on the specifics of the youth mission of the largest national Orthodox churches – the Russian Orthodox Church and the Romanian Orthodox Church.

Key words: religion, Orthodoxy, youth, youth policy, Russia, Europe.

Несмотря на историческую древность православной традиции и устоявшихся принципов её организационной структуры, на сегодняшний день она изменяется в связи с действиями Вселенского (Константинопольского) патриархата по созданию Православной церкви Украины (далее – ПЦУ) в январе 2019 г. До этих событий организационно православие существовало как 15 автокефальных и автономных национальных поместных церквей и других структурных образований внутри них (самоуправляемых церквей). Сейчас в диптихе Константинопольского патриархата 15 автокефальных церквей: Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская, Русская, Сербская, Румынская, Болгарская, Грузинская, Кипрская, Элладская (Греческая), Польская, Албанская, Чешских земель и Словакии, Украины. В диптихе Русской православной церкви (далее РПЦ) 12 автокефальных православных церквей – это Антиохийская, Иерусалимская, Русская, Грузинская, Сербская, Румынская, Болгарская, Албанская, Польская, Чешских земель и Словакии, Православная церковь в Америке, Македонская. В частности, Фанар (район г. Константинополя и резиденция Вселенского патриарха с церковью Святого Георгия) считает Православную церковь в Америке частью РПЦ. РПЦ считает действия Вселенского патриархата и патриарха Варфоломея (в миру Димитриоса Архондониса) по признанию ПЦУ в январе 2019 г. антиканоническими, за что Фанари поддерживавшие его политико-богословскую линию Александрийский патриархат, Кипрская и Элладская церкви были исключены из её диптиха и с ними было прервано евхаристическое общение. РПЦ однозначно поддержал Сербский патриархат, остальные национальные православные церкви воздержались от оценки действий Фанара. В мае 2022 года диптих РПЦ пополнился Македонской православной церковью (Охридской архиепископией) принятой в евхаристическое общение.

На данный момент раскол мирового православия не имеет подвижек к урегулированию. Более того Константинопольский патриархат образует викариатства, церковные благочиния на территориях, которые Московский патриархат считает зоной своей канонической юрисдикции, например, в странах Балтии. В своей богословской полемике Константинопольский патриархат обличает РПЦ в «этно-филетизме», в свою очередь, получает обвинение в раскольничьей деятельности в мире современного православия. Среди острых проблем современного православия следует назвать так же гонения на Украинскую православную церковь и ущемление права на свободу совести в условиях специальной военной операции на Украине.

Несмотря на раскол в мировом православии, РПЦ занимает пятое место в диптихе по константинопольскому списку, и третье по принятому в ней самой, но количественно это самая крупная православная церковь в мире, как по числу верующих, так и по охвату территорий включённых в её юрисдикцию. Вторая по численности верующих это Румынская православная церковь (далее – РумПЦ) из более чем 19 млн румынских граждан по данным на 2022 г. [11] 86,45 % граждан – православные [4]. Именно поэтому нам интересен опыт социального служения и работы с молодёжью РумПЦ, как национальной православной церкви, находящейся в евхаристическом общении с РПЦ, влиятельной православной церкви из-за массовости её аудитории, церкви постсоциалистической страны, что сближает её с РФ, но в то же время, церкви страны, которая входит в Евросоюз (то есть в условиях украинского конфликта в блок недружественных России государств). Интересен и сравнительный анализ работы с молодёжью румынской и русской православных церквей, их опыт и возможные общеправославные перспективы.

У истоков Европейского Союза была лишь одна страна с православным населением – Греция, вошедшая в объединение в 1981 г., и где православие является государственной религией. Румыния присоединилась к ЕС в 2007 г. вместе с Болгарией, приняв на себя обязательства следовать европейским стандартам и нормам в области внутренней и внешней политики, включая её социальные аспекты и поддержку молодёжи. При формировании молодежной политики учитываются принятые международные документы, начиная с Всеобщей декларации прав человека и т.д., но они носят рекомендательный характер: «их выполнение на национальном уровне не всегда представляется возможным в силу значительной гетерогенности современного европейского пространства» [1]. Несмотря на стремление ЕС к унификации молодежной политики стран-членов, она часть внутренней политики государства,

связанной с социально-экономическим и культурным уровнем развития конкретного общества.

Сегодня в ЕС на национальном уровне исследователи как отечественные Т.С. Фёдорова [6, с. 5–13], В.А. Смирнов [5, с. 7–16], Н.В. Плотицкина [3, с. 80–93], так и зарубежные, например, итальянский аналитический центр IARD [29], Д. Дибуа [8, р. 15–36] и др. различают несколько моделей молодежной политики:

- Универсалистская – вовлечение молодёжи в программы государственного субсидирования оздоровления, образования и воспитания, включая общественно-политический компонент. Реализовывалась в СССР и странах социалистического лагеря;

- Патерналистская – где молодёжь рассматривается как стратегический ресурс для будущего, отсюда обширные государственные программы поддержки молодёжи;

- Смешанная – ситуативно включающая компоненты разных моделей;

- Консервативная или модель на базе общин – где молодёжь выступает проблемой, требующей социализации и адаптации на рынке труда. Государство поддерживает наиболее обездоленные группы, привлекая местное гражданское общество и частных инвесторов. В классическом виде проводится Великобританией;

- Централизованная или средиземноморская – характерна для аграрных стран с сохранившимися патриархально-семейными отношениями и высоким авторитетом Церкви, где в социальной сфере основную роль играет семья и Церковь.

Большинство государств ЕС разрабатывают и реализуют молодёжную политику, привлекая общественные организации и благотворительные фонды. В странах Центральной и Восточной Европы последние четверть века идёт апробация своих подходов к молодёжной политике. Связано это с отказом от социалистического универсалистского наследия, спецификой становления демократической государственности и ролью общественных институтов в публично-правовой сфере. Авторитетным институтом в общественной жизни Румынии выступает РумПЦ как хранитель гуманистических ценностей и национальных традиций. День защиты детей 1 июня в Румынии объявлен государственным праздником и выходным днём, проходят концерты, организуется летний отдых и раздача подарков от приходов детям из общественных социальных центров и многодетных семей. В разных епархиях РумПЦ открываются многопрофильные центры, напоминающие клубы советского времени. Они оказывают разнообразную поддержку – помогают детям с выполнением домашних заданий, развивают творческие способности

(рисунки, театр, музыкальные занятия), обучают языкам, танцам, спортивным играм, способствуют профессиональной ориентации; консультируют, при необходимости оказывают медицинскую помощь и занимаются санитарно-гигиеническим просвещением. В этих центрах подростки обеспечиваются двухразовым комплексным питанием и школьными принадлежностями, а также одеждой с привлечением спонсоров. Обязателен религиозный компонент – катехизация и участие в богослужениях. Центры организуют и предметные мероприятия по ремонту, национальному костюму, олимпиады по истории, экскурсии, викторины и др. Перед пандемией РумПЦ открыла 535 социальных учреждений для детей [9]. Перед 1 сентября все приходы по стране организуют праздник для первоклассников. Хорошая традиция дарить детям портфели и ранцы с набором максимума необходимых принадлежностей для первого года обучения в школе. Перед зимой проводятся акции «Обуй школьника», когда приходы под руководством священников собирают средства и закупают зимнюю обувь и одежду для детей из семей малоимущих. Эти примеры говорят о том, что у РумПЦ стало активной гражданской силой в стране и разработало собственную параллельную государственной социально-ориентированную молодежную политику по средиземноморской или централизованной модели [7]. По сути, РумПЦ инициировала альтернативную государственной линию молодежной политики, основанную на христианском милосердии, гуманизме, сострадании и помощи ближнему и дальнему.

В РПЦ для оптимизации молодежной миссии Юбилейный Архиерейский Собор, проходивший в Москве в августе 2000 года, образовал Синодальный Отдел по делам молодежи РПЦ. Его задача – активизация работы среди молодежи, а также развитие церковной активности самих молодых людей. РПЦ сегодня руководствуется принятым 24 марта 2022 г. документом «Концепция организации молодежной работы и молодежного служения в Русской Православной Церкви» [2]. Сегодня Синодальный Отдел по делам молодежи возглавляет Серафим, епископ Истринский, викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси (Амельченков Владимир Леонидович). В копилке молодежного отдела немало реализованных проектов, например «Больше, чем путешествие», разработка паломнических туристических маршрутов по епархиям, включающая модный ныне «монастыринг», интеллектуальный турнир «Наследие и наследники», направленный на прославление новомучеников и др.

Епархии РПЦ имеют свою специфику по работе с детьми и молодежью. Например, на радио «Образ» Нижегородской епархии существуют специальные циклы передач для детей: «Школьное время»

(Веселый Штоколо мечтает стать Человеком через добрые дела), «Нижегородские истории из старинной шкатулки» (радиовersion детско-го православного журнала «Саша и Даша» с семейными экскурсиями по Н. Новгороду, его легендами и загадками), «Нижегородские авторы – детям» (писатели читают рассказы, сказки, стихи), «Утро в храме» (рассказы о мире православного храма: об архитектуре, церковных предметах, облачении священнослужителей, церковных Таинствах, праздниках) и др. Для подростков и юношества организованы волонтерские направления: церковно-богослужebное, трудническое, социальное, форумное, спортивное, миссионерское, культурно-просветительское, паломническое.

Естественно, все виды работы любой церкви с новыми поколениями подчинены явно или латентно катехизации с учетом детской/юношеской психологии на основе новых технологий. Но о степени ее конкурентности другим формам работы с молодежью, можно судить по общемировому тренду секуляризации.

Библиографический список

1. *Грaчëв Е.Н.* Молодëжная политика в Европейском Союзе: национальный и наднациональный уровни: дис. ... канд. полит. наук. М.: МГИМО МИД. 2019. С. 19–20.
2. Концепция организации молодежной работы и молодежного служения в Русской Православной Церкви // <https://www.patriarchia.ru/article/103063> (дата обращения: 29.11.2025).
3. *Плотичкина Н.В.* Национальная молодежная политика в европейских странах: планирование, мониторинг, ответные меры на кризис covid-19 // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16, № 2. С. 80–93.
4. Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе. Pew Research Center: Мировая динамика: цифры, факты, тенденции. 2017 г. // <https://docviewer.yandex.ru> (дата обращения: 20.05.2025).
5. *Смирнов В.А.* Особенности институционализации молодежной политики в Европе // Youth World Politic. 2013. № 3. С. 7–16.
6. *Федорова Т.С.* Молодежная политика в странах Евросоюза: образование и культура // Культура в современном мире. 2013. № 4. С. 5–13.
7. *Шиманская О.К.* Традиционные социальные институты в молодëжной политики Румынии // Современная Европа. 2023. № 5. С. 147–160.
8. *Dibou T.* Towards a better understanding of the model of EU youth policy // Studies of Changing Societies: Youth Under Global Perspective. Vol. 1'(5). P. 15–36.
9. Servicii caritabile pentru 30.000 copii, Patriarhia Română a investit în 535 de instituții sociale destinate copiilor // <https://basilica.ro/servicii-caritabile-pentru-30-000-copii-patriarhia-romana-a-investit-in-535-de-institutii-sociale-destinate-copii> (дата обращения: 06.05.2023).
10. Study on the state of young people and youth policy in Europe. IARD (ed.) Vol. 1. Comparative Report. 2001. <http://www.politiquesenfancejeunesse.org/>

wp-content/uploads/2016/04/Young-people-youth-policy-IARD-2001.pdf (дата обращения: 27.06.2023). 29 p.

11. Populația rezidentăla 1 ianuarie 2022 p înscăderecu 163,6 miipersoane // https://insse.ro/cms/sites/default/files/com_presa/com_pdf/poprez_ian2022r_0.pdf (дата обращения: 29.11.2025).

УДК 2-475

Д.И. Сазонов,
протоиерей, Костромская епархия (Кострома)

«СЛОВА И РЕЧИ» МИТРОПОЛИТА НИКОЛАЯ (ЯРУШЕВИЧА) КАК ПОНИМАНИЕ ЕГО ЛИЧНОСТИ И ЭПОХИ

Аннотация. Полученные в результате исследования четырехтомника митрополита Николая (Ярушевича) «Слова и речи» выводы позволяют говорить как о масштабе его личности, так и о выдающейся его роли в послевоенном возрождении Русской Церкви. Актуальность и востребованность в настоящее время показывает их подлинную ценность.

Ключевые слова: митрополит, Церковь, государство, сборник, проповедь, гонения, верующие.

D.I. Sazonov,
Archpriest, Kostroma Diocese (Kostroma)

"WORDS AND SPEECHES" BY METROPOLITAN NICHOLAS (YARUSHEVICH) AS AN UNDERSTANDING OF HIS PERSONALITY AND ERA

Abstract. The conclusions obtained as a result of the study of Metropolitan Nikolai (Yarushevich)'s four-volume work "Words and Speeches" allow us to speak both about the scale of his personality and about his outstanding role in the post-war revival of the Russian Church. Their relevance and demand in the present time demonstrate their true value.

Key words: metropolitan, Church, state, collection, sermon, persecution, believers.

В сборниках трудов митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича) изданных в 4 томах с 1947 по 1957 г. отражены не только его личностные характеристики и жизненные принципы, но и наиболее яркие события, происходившие как в международных отношениях, так и внутри страны, участником которых приходилось ему быть. В напечатанных проповедях, произнесенных митрополитом в городских

и сельских храмах, в дни праздников и будней, в его речах и посланиях, посвященных церковным и политическим событиям, отображены такие характерные личностные черты митрополита Николая как искренняя вера, верность Церкви, любовь к Родине, его способности оратора, широко эрудированного человека, навыки дипломата и богослова.

Сборники трудов разделены на 4 тома, каждый из которых написан соответствующие годы в связи с различными этапами жизни митрополита. Первый издан в 1947 г., второй охватывает период 1947–1950 гг., третий – 1950–1954 гг., четвертый – 1954–1957 гг. В предисловиях к каждому тому есть пояснения, которые подсказывают, в какой период, когда, и при каких обстоятельствах были написаны и произнесены тексты, вошедшие в сборник. Например, в первом томе поясняется, что проповеди и послания записаны в 1940–1946 гг., во время, когда митрополит Николай был Экзархом Западных областей Украины и Белоруссии, митрополитом Киевским и Галицким, с 1944 г. – Крутицким [2, с. 5]. Каждый временной период соответствует также различным периодам государственно-церковных отношений послевоенного времени. Каждый том сборников делится на разделы: раздел «Слова» – включает проповеди сказанные в храмах по различным поводам, например, «Взаимное прощение», «Мать и дети», «Покров». Раздел «Речи» – включает обращения к пастве, например, речь «Все для победы», произнесенная 9 августа 1941 года, речь «Единство духа», произнесенная в Вестминстерском аббатстве в Лондоне на торжественном богослужении 15 мая 1945 года. Раздел сборников «Послания» содержит призыв к верным в непростой политической обстановке послевоенного времени: «Послание к клиру и мирянам Украины», «Обращение к славянским народам во вторую годовщину войны». В томах с 2 по 4-й обязательно присутствует раздел озаглавленный «В защиту мира» – он содержит речи и статьи, сказанные на международных конгрессах и встречах, например, «Речь на конгрессе народов в защиту мира в Вене», «Обращение к верующим Западной Германии». Раздел «Речи и статьи по разным поводам» – воспроизводит речи произнесенные, например, на торжествах по поводу дарования автокефалии Чехословацкой Православной Церкви, приветственное слово в день тезоименитства Патриарха Алексия.

Подвергнув анализу тексты посланий и проповедей митрополита Николая приходим к выводу о беспочвенности обвинений его в тщеславии и гордыне, якобы послуживших мотивацией к изданию его сочинений. Опровергая это мнение, обратимся к фактам. Так, в своем обращении к ученым мужам при присуждении ему ученой степени доктора богословия он говорит о смущении, которое охватывает его от похвал

в свой адрес. Он заявляет, что готов и в дальнейшем, по мере сил, приносить своими трудами пользу Церкви. Такие слова вряд ли создают впечатление о нем как о самовлюбленном гордеце, пользующемся своим положением [3, с. 377, 378]. Вывод – польза для Церкви и людей – вот истинная причина возникновения его печатных трудов! Тем, более, что впечатление от них не может не оставить мнение о нем как о большом труженике богословской науки, искусном в подаче знаний, мысли, облеченных в понятный для каждого конструктив. Недаром, согласно своим талантам, он в продолжение многих лет, с 1943 по 1960 г. был редактором Журнала Московской Патриархии и возглавлял Издательский отдел. По воспоминаниям современников, его проповеди и послания, принесли большую пользу и сослужили свою просветительскую миссию как в среде духовенства, так и мирян Русской Православной Церкви.

При анализе его проповедей и речей приходит понимание тех выводов, с которыми ему приходилось встречаться. О принятии им тех решений, порой непростых, по поводу которых ему пришлось выступать, сознавая, что он представляет не только и сколько себя, но в его лице люди разных народов и стран видят представителя Русской Церкви, его Родины, державы-победительницы. Страны, которая принесла во имя победы над фашизмом столько жертв.

Объясняя усилия почившего Патриарха Сергия на сближение Церкви с государственным курсом в деле патриотического служения, а также свою любовь к Родине, он обращает внимание слушателей на тот факт, что Церковь, является духовной составляющей народа, она неотделима от него, выбравшего, в данный исторический период тот или иной политический строй, тот или иной социальный путь развития. Выступая перед зарубежной аудиторией митрополит повторяет исторический нарратив о том, что не смотря на различия, все народы Земли должны объединяться ради общих целей – веры в Бога, стремлению к миру, желанию победить общего врага, разрушающего духовные и культурные ценности [2, с. 219]. Говоря о единении человечества на общих для каждого базовых ценностях он высказывается на тему особой ответственности христиан за положение и состояние вещей в мире. Он восклицает: «Ведь называющие себя христианами способствовали возникновению этих ужасов сначала пренебрежением к евангельским заветам и затем и полным извращением христианских требований» [4, с. 362]. Далее, он предлагает христианам практическими шагами по обузданию поджигателей войны искупить свою вину. Потрясенный увиденному в Катыни злодеянием – расстрела польских офицеров, он восклицает: «На вечные времена вошло это злодеяние в историю, как

бессмертный обвинительный акт против тех, кто поведение свое строил на лжи, ненависти, высокомерии, расчетливом, «научно обоснованном» человекоистреблении» [4, с. 326].

Дипломатическая миссия митрополита Николая строится на желании служить исконным целям России и Русской Православной Церкви – объединить славянские народы. Находясь в славянских странах при выполнении своей церковно-дипломатической миссии, он традиционно обращается к темам исторической России, призывает славян к историческому возрождению идеи панславянизма. Причем он указывает, что примером единения Православной Церкви и народа служит история Русской Церкви, в ее прошлом и настоящем, в дни лихолетий и войн, которая «счастлива иметь такое прошлое, потому что служение своему народу, своей Родине – это вершина счастья» [2, с. 232]. В своих выступлениях в различных странах мира он неоднократно говорит об исторической роли Церкви в становлении и развитии Российского государства, раскрывает идею российской государственности, в основе которой лежит единение народа и Церкви. Идея единства народа и Церкви озвученная митрополитом Николаем в послевоенный период на различных международных площадках, впоследствии прозвучат в знаменитой речи Патриарха Алексия (Симанского) произнесенной 16 февраля 1960 г. на Конференция советской общественности за разоружение [6, с. 33–35].

Итак, проанализировав идеи и смыслы речей митрополита нельзя не отметить, что темы, которые он поднимал в своих речах и обращениях к пастве не потеряли своей актуальности и поныне, в XXI веке. Так, в послании к клиру и верующим Украины от 28 марта 1942 года по поводу автокефального раскола, учиненного епископом Поликарпом Сикорским, он указывал на самочинные автокефалистские и раскольнические деяния Сикорского, которые приведут соблазненных его речами и деяниями верующих к худшим последствиям. «Обособив даже по богослужебному языку украинскую Церковь от Церкви Русской, оторвать ее впоследствии от Матери-Церкви – хотя бы ценой вечной гибели душ православных, так как он не может не знать, что самочинная автокефалия есть раскол, лишаящий верующих тока благодати Божией» – предупреждает он людей [2, с. 241].

Обращаясь с пастырским назиданием и призывами к исправлению жизни паствы в Отечестве, он, как видно из его печатных трудов, и к себе предъявлял не менее высокие требования: к своей жизни, к своим словам и поведению. Над каждым произнесенным и напечатанным впоследствии текстом, составивших основу его печатных сборников, он тщательно работал, проверял, редактировал.

Особый раздел его речей и слов посвящен Патриарху Алексию (Симанскому), датам его Патриаршей интронизации, юбилеям, памятным датам служения. Говоря о служении и заслугах Патриарха перед Церковью и народом, митрополит Николай указывал на высокий авторитет Патриарха Русской Церкви как среди инославных, так и среди представителей братских Православных Церквей [2, с. 227].

Отметим, что исследуя «Слова и речи» митрополита Николая невозможно не указать на высокое искусство проповеди, которым автор владел в совершенстве. В основе их лежит стройная конструкция и приемы гомилетической науки и ораторского искусства, имеются ссылки не только на Священное Писание и опыт святоотеческой жизни – они дышат примерами и образами взятыми из природы, из повседневной, обыденной жизни, которые близки и понятны каждому человеку. Например, раскрывая перед слушателями сущность молитвы за других людей, он указывает, что она должная идти из чистого сердца. «Если ручеек чистой воды протекает через заболоченное или загрязненное место, чистая вода мутнеет, – говорит он, и указывает, – Эти сравнения применим к грешному сердцу» [4, с. 135]. В следующей проповеди он раскрывает символы добродетелей, где символом веры является крест, символом надежды – якорь, символом любви – сердце, и призывает человека умножать любовь к Богу и друг другу, посредством которого входят в райские обители, уготованные Христом верующим в Него, «где Пасха Христова будет праздноваться в бесконечных веках» [3, с. 16]. За высокое искусство проповеди его многие называли Златоустом XX века.

Завершая исследование трудов митрополита Николая «Слова и речи» еще раз отметим, что влияние его проповеднической деятельности на современников было огромно. Его сборники распространялись не только среди священнослужителей Русской Православной Церкви и служили примером для подражания в произнесении проповедей, но и за рубежом, где получили высокую оценку, были включены в учебные курсы и пособия для изучения на богословских факультетах [1, с. 118–119]. Трудно даже оценить, насколько «Слова и речи» митрополита были востребованы верующими в государстве, где почти не издавалась религиозная литература, где люди жаждали слышать живое слово своего современника.

Отметим, что важным показателем личности и истинности призвания человека служит то, как он проявляет себя в экстремальной ситуации. Во время антирелигиозного наступления в конце 1950-х годов митрополит Николай проявил себя как истинный христианин-апологет в своих проповедях бесстрашно обличавший безбожие [7, с. 91]. Как свидетельствует его биография, он не мимикрировал под обстоятельства,

не изменился. Он жил так, как говорил в своих проповедях, особенно в обстоятельствах, когда пришло время антирелигиозного наступления на Церковь.

С началом духовного возрождения в России возобновился интерес к проповедническому наследию митрополита Николая, которое неразрывно связано с изучением его личности и деятельности. В 1994 году вышел V том его «Слов и речей» составленной М.Ф. Анфимовой. Переиздание его проповедей показывает, что они актуальны и востребованы по сей день. Интерес к его личности не угасает. Изданный в 2007 г. сборник его избранных проповедей называется «Сила любви» [6]. Именно в силе любви к Богу и людям заключается феномен митрополита Николая (Ярушевича).

Для большего понимания личности митрополита и понимания эпохи в которой он жил призываем послушать, как трогательно звучат его слова в проповеди «Любовь и правда», сказанной в Ильинской церкви в Черкизове: «И после Божественного приговора, когда с небес будет сходить «Новый Иерусалим», и будут открываться врата его для верных детей Божиих, одесную Бога будет сиять одна любовь, в лучах которой будут блаженствовать все истинные рабы Господа своего» [3, с. 140]. Таким истинным служителем любви Божией к людям был митрополит Николай (Ярушевич)!

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1202. Л. 118–119.
2. *Митрополит Николай (Ярушевич)*. Слова, речи, послания (1941–1946): в 4 т. М.: Московская Патриархия, 1947. Т. 1. 256 с.
3. *Митрополит Николай (Ярушевич)*. Слова, речи, послания: в 4 т. М.: Московская Патриархия (1947–1950). 1950. Т. 2. 400 с.
4. *Митрополит Николай (Ярушевич)*. Слова, речи, послания (1950–1954): в 4 т. М.: Московская Патриархия, 1954. Т. 3. 488 с.
5. *Николай (Ярушевич), митрополит*. Сила любви: Избранные проповеди / ред.-сост. О.А. Рогачева. М., 2007.
6. Речь Патриарха Московского и всея Руси Алексия на конференции советской общественности за разоружение (Москва, 1960) // Журнал Московской Патриархии. 1960. № 3. С. 33–35.
7. *Рогов А.* Златоуст XX века // Слово. 1994. № 1–6. С. 88–91.

А.А. Федотов,

профессор, Ивановский государственный химико-технологический университет; заместитель директора,
Ивановский филиал Института управления (Иваново)

**ПРОФЕССОР Н.Р. КОРОВИН (10.12.1935–5.12.2012) –
УЧИТЕЛЬ И УЧЕНЫЙ: К 90-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

Аннотация. Автор обращается к жизненному пути и наследию своего учителя профессора ИвГУ Николая Романовича Коровина, ставя целью показать его как учителя и ученого, внесшего весомый вклад в подготовку своих учеников разного уровня – от школьников до докторов наук; признанного специалиста по истории рабочего класса, много лет преподававшего историографию, внесшего вклад и в изучение истории Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: Николай Романович Коровин, профессор, ИвГУ, рабочий класс, историография.

A.A. Fedotov,

Professor, Ivanovo State University of Chemical Technology; Deputy Director,
Ivanovo Branch of the Institute of Management (Ivanovo)

**PROFESSOR N.R. KOROVIN (10.12.1935–5.12.2012) – TEACHER
AND SCIENTIST: ON THE 90TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH**

Abstract. The author turns to the life path and legacy of his teacher, Professor Nikolai Romanovich Korovin of Ivanovo State University, with the aim of showing him as a teacher and scholar who made a significant contribution to the training of his students at various levels, from schoolchildren to doctors of science. He is a recognized expert on the history of the working class, who has taught historiography for many years and has also contributed to the study of the history of the Russian Orthodox Church.

Key words: Nikolai Romanovich Korovin, Professor, Ivanovo State University, working class, historiography.

10 декабря 2025 года исполнилось 90 лет со дня рождения моего учителя – профессора Николая Романовича Коровина (10.12.1935–5.12.2012). Глубокие исторические знания сочетались в нем с простотой в общении; трудные для понимания вопросы он умел объяснить так, чтобы любому стало понятно. Его опыт учителя и ученого заслуживает того, чтобы быть широко известным.

Н.Р. Коровин родился 10 декабря 1935 года в селе Сторожевое-Усманского района Воронежской области в крестьянской семье. По окончании Сторожевской семилетней школы и Усманского педагогического училища, в 1954 году год отработал сельским учителем, после чего был призван в Советскую Армию. После демобилизации работал учителем в Сторожевской средней школе [8, с. 4]. По окончании военной службы был аттестован в качестве офицера запаса, последнее воинское звание, присвоенное ему – капитан [1, с. 89].

Вспоминаю, как уже после кончины Николая Романовича его супруга, Раиса Егоровна, сейчас тоже почившая, рассказывала мне: «Николай преподавал в школе, и заочно учился в Воронеже в институте. В селе Сторожевое он был учителем истории и труда, делал табуретки. Мы прожили там три года, я работала в сельсовете, вела воинский учет. И вот однажды он приходит и говорит: “Меня направляют директором в другую школу, в другое место”. А мы даже не думали уезжать. Домик был неплохой, хотели его расширить, посадили сад хороший, клубнику выращивали. А тут этот перевод... ему дали поручение в качестве директора заниматься строительством школы в селе Поддубровка. Там была восьмилетняя школа, а решили сделать среднюю. <...> Мы вместе работали, я была учителем пения, домоводства и пионервожатой. Николай Романович считал, что нет плохих учеников, просто учителям нужно быть к ним добрее и внимательнее, и больше работать над собой, чтобы учить в первую очередь не словами, а своим примером» [8, с. 22–23].

Раиса Егоровна рассказала мне тогда, и как определился дальнейший жизненный путь моего учителя как ученого: «Параллельно Николай в это время учился в аспирантуре. Ему хотелось стать ученым. <...> После того как Николай защитил кандидатскую диссертацию, мы переехали в Тюмень, где его взяли на работу в строительный институт. Девять лет прожили в Тюмени. Тогда там хорошо было: большой выбор недорогих продуктов. А в центре России хуже было с этим. В Тюмени я работала на приборостроительном заводе, потом в тепличном хозяйстве, на почте. А затем переехали в Иваново, здесь больше тридцати лет Николай Романович трудился в университете. Мы ни студентов, ни аспирантов никогда не приглашали к себе домой. Не из-за того, что было плохо: было нормально. Не звали, чтобы не приходили к нам с сумками – он не для этого помогал своим ученикам. Ему был важен результат работы с ними, их научные успехи» [8, с. 24].

Кандидатская диссертация на тему «Рабочий класс Центрально-Черноземного района в годы второй пятилетки (1933–1937)» под научным руководством В.Н. Елисеевой была защищена Николаем Романовичем в 1978 году в Воронежском государственном университете.

Докторскую диссертацию «Рабочий класс России в 30-е годы XX века» (научный консультант профессор В.М. Селунская) он защитил в 1996 году в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова [7, с. 69]. Около 18 лет Николай Романович отдал работе школьным учителем (с 1954 по 1972 годы), затем почти сорок лет посвятил преподаванию в высшей школе: 1972–1977 гг. – ассистент кафедры истории КПСС Тюменского инженерно-строительного института, 1977–1980 гг. – старший преподаватель истории СССР Тюменского государственного университета, с 1980 года – доцент, затем профессор кафедры новейшей отечественной истории Ивановского государственного университета. Ученое звание доцента было присвоено ему в 1983 году, профессора в 1997 году [7, с. 69]. В ИвГУ профессор Н.Р. Коровин трудился до 2012 года, ставшего последним в его жизни. Активно работал в ученом совете исторического факультета, много лет возглавлял факультетскую методическую комиссию, был членом диссертационного совета по историческим научным специальностям при Ивановском государственном университете и членом диссертационного совета при Владимирском государственном педагогическом университете по защите кандидатских диссертаций по педагогическим наукам [7, с. 70].

Профессор Н.Р. Коровин много публиковался; был автором свыше 100 научных публикаций, общим объемом около 150 печатных листов [1, с. 91]. Основной темой его научных интересов были проблемы, связанные с рабочим классом.

В вышедшем в 1985 году учебном пособии «Социалистическая индустриализация и изменения в рабочем классе Центральной России (1929–1937 гг.) Н.Р. Коровин обращал внимание на то, что «За короткий исторический срок рабочий класс данного региона построил и освоил тысячи промышленных предприятий, среди них такие крупные как Ярославский шинный завод, Новолипецкий металлургический завод, Московский автомобильный завод, Ивановский меланжевый комбинат. Общей закономерностью индустриального развития СССР явились высокие темпы роста всех отраслей крупной промышленности, прежде всего, тяжелой индустрии» [2, с. 74]. И после произошедших в истории России перемен, в выпущенном уже в 2001 году учебном пособии «Индустриализация в СССР» Н.Р. Коровин отмечал огромное положительное значение индустриализации для советской истории, для будущей победы советского народа в Великой Отечественной войне: «История 1930-х годов показывает, что индустриализация СССР практически охватила все регионы страны и все отрасли народного хозяйства. Выполненный объем строительно-монтажных и пусковых работ, а также выпущенная за годы первых пятилеток промышленная продукция

показывают, что индустриальный рывок был проведен в исторически короткий срок. Это был невиданный в истории энтузиазм советского народа <...> Индустриализация СССР укрепила, в первую очередь, оборону страны. Построенные гиганты тяжелой индустрии, прежде всего, работали на оборонные отрасли народного хозяйства. Выпущенные в 30-е годы самолеты, танки, стрелковое и автоматическое оружие, артиллерийские установки, боеприпасы, другое вооружение, военнотехническое снаряжение в целом показывают, что труд рабочих, инженеров и техников в этой отрасли был огромен» [3, с. 89–90].

На протяжении многих лет Николай Романович преподавал историографию студентам исторического факультета Ивановского государственного университета. Он обращал их внимание на развитие исторической науки, ее связь с переменами в общественных отношениях: «...практика исторических исследований последних десятилетий показывает, что историки в России и других странах ищут ответы на многие поставленные вопросы исторической действительности. Некоторые новые методики и методы изучались давно, некоторые начинают применяться совсем недавно. Но это показывает еще раз, что историческая наука тесно связана с жизнью, и пытается найти ответы на ее запросы» [5, с. 98].

Интерес к истории Русской Православной Церкви проявился у Николая Романовича не только в том, что он стал научным руководителем кандидатской диссертации, посвященной церковной истории и научным консультантом докторской по этой тематике, но и в целом ряде его публикаций. Можно в их числе отметить большую рецензию на сборник «Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России» [6, с. 336–346], в которой профессор писал, что «...заинтересованный читатель найдет в этом сборнике многое не только из истории Русской Православной Церкви, но и из гражданской истории – истории России. Вдумчивый исследователь найдет здесь историографию, источниковедение, библиографию и многие другие направления научного знания» [6, с. 345].

В некоторых из этих публикаций Н.Р. Коровин рассматривал наследие церковных историков сквозь призму своего опыта преподавания будущим историкам историографии в классическом университете. Так о митрополите Евгении (Болховитинове) он писал, что его «...труды имеют фундаментальное значение по самым различным направлениям гражданской и церковной истории. К сожалению, даже в университетских курсах, мы имеем лишь беглое упоминание о нем, как об историке» [4, с. 9–10].

Профессор Н.Р. Коровин принимал активное участие в работе существовавшего при Ивановском духовном училище (впоследствии Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской Православной духовной семинарии) научного центра по проблемам церковной истории и церковного осмысления истории России, был членом научного совета этого центра и редакционной коллегии выпускаемого им «Церковно-исторического ежегодника». Николай Романович помогал профессору А.А. Корникову в начале организации ежегодной международной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв.». Выступал на них в качестве докладчика, был членом оргкомитета, руководителем секций. Этот важный проект стал одной из визитных карточек Ивановского государственного университета. Рождение же его стало возможным, в том числе и благодаря участию профессора Н.Р. Коровина. Эта сторона его деятельности была отмечена рядом церковных наград, в том числе медалью святителя Василия Кинешемского и Архиерейской грамотой.

Бескорыстное и самоотверженное служение Николая Романовича науке, его готовность работать на результат, не жалея сил и времени; то, как он умел радоваться достигнутому результату – защитившемуся под его научным руководством ученику, вышедшей книге, – все это впечатляло. Профессор до последнего года жизни, завершившейся 5 декабря 2012 года, продолжал преподавательскую деятельность. Для меня он стал образцом учителя и ученого, оставив в моей душе неизгладимые светлые воспоминания о том, чему он меня учил, в первую очередь – своим примером.

Библиографический список

1. *Корников А.А.* Н.Р. Коровин: ученый, педагог, человек // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Вып. 4. С. 89–92.
2. *Коровин Н.Р.* Социалистическая индустриализация и изменения в рабочем классе Центральной России (1929–1937 гг.): учеб. пособие. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1985. 79 с.
3. *Коровин Н.Р.* Индустриализация в СССР: учеб. пособие по новейшей отечественной истории. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. 92 с.
4. *Коровин Н.Р.* Митрополит Евгений (Болховитинов) как историк // Богословский сборник Ивановской епархии. 2001. № 4. С. 7–10.
5. *Коровин Н.Р.* Отечественная историография истории России с древнейших времен до начала XXI века: учеб. пособие. Иваново: Ин-т упр., фил., 2010. 103 с.
6. *Коровин Н.Р.* Рец. на: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. Позднейшие документы о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: сб. в двух частях / сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. 1064 с., илл. (Материалы по истории Русской Православной Церкви) // Церковно-

исторический ежегодник. Иваново: Науч. центр по проблемам церковной истории и церковного осмысления истории России при Иваново-Вознесенской духовной семинарии, 2004. Вып. II–III. С. 336–346.

7. Кто есть кто в исторической науке Ивановской области: биобиблиографический справочник / сост. А.А. Корников, А.В. Степанов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. 176 с.

8. Учитель, ученый: памяти профессора Николая Романовича Коровина / ред.-сост. А.А. Федотов. Иваново: [Б.и], 2017. 160 с.

УДК 281.93

С.М. Усманов,

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

«Я ОГЛОХ К РОССИИ»: ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ПРОТОИЕРЕЯ ГЕОРГИЯ ФЛОРОВСКОГО*

Аннотация. Автор обращается к наследию выдающегося русского богослова XX столетия протоиерея Георгия Флоровского. Рассматривается патриотический аспект его самосознания. В статье выявлена нарастающая «глухота» знаменитого богослова к российской проблематике. Вместе с тем отмечается, что этот процесс остался незавершенным, поскольку в последние два десятилетия жизни и творчества Флоровского происходило его частичное «возвращение» к России.

Ключевые слова: протоиерей Георгий Флоровский, Россия, окамененное бесчувствие.

S.M. Usmanov,

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

"I'M DEAF TOWARDS RUSSIA": BIOGRAPHICAL SKETCHES OF ARCHPRIEST GEORGES FLOROVSKY

Abstract. The author examines the legacy of Archpriest Georges Florovsky, a prominent 20th-century Russian theologian. The patriotic aspect of his self-awareness is examined. The article reveals the renowned theologian's growing deafness to Rus-

---

© Усманов С.М., 2026

* *Статья подготовлена в рамках технического задания на выполнение научно-исследовательской работы по заказу Ивановского государственного университета № 2025—03 «Интеллигенция и интеллектуалы, многообразие современного мира и будущее России».*

sian issues. However, it notes that this process remained incomplete, as the last two decades of Florovsky's life and work saw his partial "return" to Russia.

Key words: Georges Florovsky, Russia, petrified insensibility.

Первая фраза заголовка нашей статьи представляет собой цитату из письма выдающегося православного богослова Русского Зарубежья протоиерея Георгия Флоровского. 19 февраля 1952 г. он писал своему знакомому слависту Дмитрию Чижевскому: «Пересматриваю „Весы“ (русский литературный журнал начала XX в. – С. У.) с 1904 г.: душно, кошмарно и беспредметно. Плохо я верю в „героизм русской литературы“, даже если его и не понимать по Венгерову (Семен Афанасьевич Венгеров был известным литературным критиком и историком литературы. – С. У.). Мало нахожу пищи для „народной гордости“ и даже для „любви к отечеству“. Впрочем, оных никогда не имел. Я, по-видимому, окончательно оглох к „России“, и теперь бы уже не смог написать даже „Путей Русского Богословия“. Теперь для меня „звучат“ только патристические голоса...» [3, с. 109]. Столь откровенное признание тогдашний декан Свято-Владимирской православной духовной семинарии в Нью-Йорке, конечно, не мог сделать открыто. Тем более писать слово «Россия» в кавычках. Это было бы слишком скандально для православного богослова, пастыря и воспитателя молодежи. Такое можно было написать лишь человеку, которому отец Георгий очень доверял. И, тем не менее, он все-таки это написал! Как говорится: сказал и облегчил душу.

Откровенное признание протоиерея Георгия Флоровского в своем отторжении исторической Родины тем более показательно, что за четверть века до этого он призывал к «жгучей молитве» за Россию [3, с. 100]. А немного позднее он опубликовал статью «Окамененное бесчувствие» в эмигрантском журнале «Путь», в которой, можно сказать, ставил диагноз духовным болезням тех своих соотечественников, которые потеряли (или вообще не имели) в душе принадлежность к своей стране и своему народу: «Россию надо еще освобождать, завоевывать и отбивать в духе. Но эта битва только тогда будет успешна, если это будет битва за Святую Русь, если удары мы направим под самый корень. Надо понять, что С. С. С. Р. начинается не с октября, но гораздо раньше, и выкорчевывать ее последние корни» [4, с. 133].

Однако спустя многие годы почти в таком же положении оказались и сам отец Георгий. Он стал равнодушен и даже подчас пренебрежителен к России и всему русскому. Мало того, известный богослов в немалой степени перестал быть русским в своем самосознании. А де-факто стал американцем (отчасти русскоязычным и числившимся экспертом по российским делам). В некоторых наших работах мы попытались показать духовную и нравственную эволюцию мировоззрения

протоиерея Георгия Флоровского от русского патриотизма к полной интеграции в Америке [2; 3]. Наш вывод состоял в том, что он сознательно отказался от русского патриотизма вроде бы в пользу вселенского Православия. Но в немалой степени это было и следствием притяжения американского образа жизни, что отец протоиерей не раз практически прямо декларировал.

Как мы уже отмечали, подобный процесс американизации (добавим – и европеизации) проделали и многие другие наши соотечественники – эмигранты. Многие, но не все. Есть и такой феномен, как возрождения патриотизма среди части наших соотечественников-эмигрантов. В таком случае подчас вспыхивает какая-то лирическая ностальгия по Родине. А некоторые из эмигрантов становятся значительно более духовно обеспокоенными. Тут уже не обходится подчас и без «жгучей молитвы».

Впрочем, и сам протоиерей Георгий Флоровский после случившегося у него приступа «глухоты», все-таки не докатился до русофобии (как это случилось с немалой частью нынешних «релокантов» из России). Личная переписка отца Георгия с некоторыми его друзьями из русской эмиграции рисуют несколько иную и более сложную картину эволюции его мировоззрения. Все же в современной ему России его больше всего не устраивала Советская власть, а потому спустя более полувека после октября 1917 г. он все еще употребляет по отношению к нашей стране слово «Совдепия» [1, с. 743]. Да и занятия отца Георгия проблематикой российской истории и культуры (а не подготовка фундаментального труда о святых отцах, как он думал в первые годы после Второй мировой войны) в последние два десятилетия его жизни вплоть до кончины в 1979 г. стали для него чем-то наиболее важным. В письмах того времени он с увлечением пишет о Достоевском, Владимире Соловьеве, Победоносцеве и других деятелях отечественной истории и культуры [1]. Правда, все это так и не вылилось в сколько-нибудь значительные публикации. Флоровский не смог даже завершить переработку своего главного сочинения – написанной в середине 1930-х гг. книги «Пути русского богословия». Но все-таки его определенное «возвращение» к России очень показательное.

Думается, такое «возвращение к России» носило для Флоровского отчасти вынужденный характер в последние десятилетия его жизни, поскольку ему так и не удалось создать фундаментальный труд по наследию святых отцов Православной Церкви в русле выдвинутой им концепции «неопатристического синтеза». Поэтому в Америке были востребованы его способности как знатока российской истории и культуры. Заметим, что сам отец Георгий интересовался в этой связи все же историей прежних эпох, до установления Советской власти. Куда

в меньшей степени его занимала российская эмиграция. И совсем враждебен он был к реальностям «страны Советов», как правило, старательно избегая ее упоминания в своих публикациях.

В качестве итога данного обзора творческой биографии протоиерея Георгия Флоровского хотелось бы отметить актуальность духовного опыта нашего выдающегося соотечественника не столько для современной, сколько для будущей России. Искания, заблуждения и открытия протоиерея Георгия Флоровского могут стать ценным ориентиром (а в чем-то и предостережением) для будущих поколений наших соотечественников.

Библиографический список

1. Другая философия: переписка Д.И. Чижевского и Г.В. Флоровского (1926–1932, 1948–1973) как источник по истории русской мысли // Исследования по истории русской мысли: ежегодник за 2008–2009. М., 2012. С. 465–902.
2. Усманов С.М. Проблема экуменизма в диалоге протоиереев Георгия Флоровского и Александра Шмемана: ближневосточный контекст // Христианство на Ближнем Востоке. 2024. Т. 8, № 1. С. 42–55.
3. Усманов С.М. Теории цивилизаций в экуменическом богословии протоиерея Георгия Флоровского // Теология: теория и практика. 2024. Т. 3, № 1. С. 96–127.
4. Флоровский Г.В. Окамененное бесчувствие (по поводу полемики против евразийцев) // Путь. 1926. № 2. С. 128–133.

Секция 1
«РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
(РУБЕЖ XIX–XX вв. – НАЧАЛО XXI в.)»

УДК 355.722(470) + 271.22-725.7 + 316.728

Д.Н. Афонин,

профессор, Университет при МПА ЕврАзЭС (Санкт-Петербург)

П.Н. Афонин,

иерей, храм святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова
на Богословском кладбище (Санкт-Петербург)

ДУХОВНОЕ ОКОРМЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНОГО КОРПУСА
ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ, ПРАКТИКИ
И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ

Аннотация. Статья посвящена комплексному изучению системы духовного окормления чинов Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) – уникального военизированного формирования, совмещавшего задачи военной защиты границы и фискального контроля. Исследование демонстрирует, что духовное окормление являлось неотъемлемым элементом служебно-бытовой культуры ОКПС, выполняя функции идеологической консолидации, моральной регуляции и социальной адаптации личного состава, действовавшего в специфических условиях пограничной службы.

Ключевые слова: Отдельный корпус пограничной стражи, военное духовенство, духовное окормление, пограничная служба, ведомственное православие, Министерство финансов, военно-религиозная политика.

D.N. Afonin,

Professor, University of the IPA EurAsEC (St. Petersburg)

P.N. Afonin,

Priest, Church of the Holy Apostle and Evangelist John the Theologian
at the Theological Cemetery (St. Petersburg)

SPIRITUAL NURTURING OF THE SEPARATE CORPS
OF THE BORDER GUARD BY THE RUSSIAN ORTHODOX
CHURCH: INSTITUTIONAL FOUNDATIONS, PRACTICES,
AND SOCIO-CULTURAL ROLE

Abstract. This article is devoted to a comprehensive study of the system of spiritual nurturing for the personnel of the Separate Corps of the Border Guard (Otdel'nyy Korpus Pogranichnoy Strazhi – OKPS) – a unique militarized formation that combined the tasks of military border defense and fiscal control. The study

demonstrates that spiritual nurturing was an integral element of the service and domestic culture of the OKPS, performing functions of ideological consolidation, moral regulation, and social adaptation for personnel operating in the specific conditions of border service.

Key words: Separate Corps of the Border Guard, military clergy, spiritual nurturing (pastoral care), border service, departmental Orthodoxy, Ministry of Finance, military-religious policy.

Отдельный корпус пограничной стражи, созданный в 1893 году и находившийся в подчинении Министерства финансов, представлял собой особый институт, сочетавший элементы военной организации, правоохранительной деятельности и таможенной службы [1]. Его духовное окормление, остававшееся долгое время вне фокуса внимания исследователей, является репрезентативным примером адаптации модели военного духовенства к нуждам специализированного ведомства. Изучение данной темы позволяет выявить механизмы интеграции религиозного фактора в служебную практику государственных структур позднимперского периода и понять специфику корпоративной идентичности пограничников. Целью статьи является анализ становления, структуры и функционирования системы духовного попечения в ОКПС как целостного феномена, основанного на синтезе общевоинских уставных положений и ведомственной специфики.

Создание ОКПС и его территориально-бригадная организация поставили вопрос о формировании собственной системы духовного окормления [2]. Юридической базой для создания и функционирования ОКПС стало «Положение об управлении Отдельным корпусом пограничной стражи» (1893) [3], но оно не касалось вопросов подчинения духовенства. Священники ОКПС в мирное время находились в подчинении епархиальных архиереев, а не военного духовенства, что влекло за собой организационные сложности: хотя они получали денежное содержание, их положение в церковной иерархии зависело от епархиального управления, а в военном контексте – от командного состава корпуса. В 1909 году протопресвитер А.А. Желобовский пытался переподчинить 17 церквей корпуса из епархиального в военное ведомство, но Синод в постановлении № 4927 от 5–11 июня 1909 года отклонил это, мотивируя строительством храмов на государственные и частные средства, наличием гражданских прихожан и эквивалентностью обязанностей по воспитанию преданности вере, царю и отечеству.

Назначение священнослужителей, их содержание, обеспечение церковной утварью осуществлялось за счет средств Корпуса. Как отмечал обер-священник армии и флотов А.А. Желобовский в своем отчете за 1897 год [4], «священники пограничной стражи, получая содержание

от сего Корпуса, вместе с тем вполне разделяют условия жизни чинов одного, находясь в непосредственной близости к ним и их нуждам». Штаты духовенства утверждались отдельно для каждой бригады, исходя из дислокации отрядов и расстояний между ними. Как правило, один священник окормлял несколько отрядов (команд), что требовало от него постоянных разъездов. В мирное время священники объезжали посты не реже двух раз в год, как предписано в Инструкции службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи от 1912 года.

Формирование штатов духовенства было постепенным и зависело от выделения финансирования Министерством финансов. К 1900 году, через семь лет после создания Корпуса, его штатное расписание предусматривало наличие 32 священников. К 1910 году, по данным «Штата священников, состоящих при Отдельном корпусе пограничной стражи, и размера содержания и денежных выдач, им производимых» [5], утвержденного Министром финансов, общее число штатных священнослужителей ОКПС составляло 37 человек, но далеко не все штатные должности священнослужителей были заняты. Для сравнения, общая численность военного и морского духовенства Российской империи в тот же период превышала 700 человек [6], что подчеркивает относительно скромную долю, но и особый статус духовенства пограничного ведомства. К 1917 году должности священников были замещены лишь в 17 бригадах, что составляло около 55 % от нормативной потребности. С учётом общей численности корпуса это означало крайне высокую пастырскую нагрузку: на одного священника в отдельных округах приходилось от 1 500 до 2 500 человек личного состава.

К началу XX века в ОКПС сложилась трехуровневая система духовного окормления [7]:

Общее руководство осуществлял архиерей в чью епархию входили священники Корпуса. Последние регулярно представляли отчеты о духовно-нравственном состоянии вверенных им частей.

В каждой из 31 бригады ОКПС имелся штатный священник, который подчинялся непосредственно командиру бригады в административно-хозяйственных вопросах и епархиальному архиерею – в духовных. Он был включен в штаб бригады, что подчеркивало его официальный статус.

Повседневная работа велась в местах дислокации отрядов и постов. Для богослужений использовались полевые церкви-палатки, походные иконостасы, а в местах постоянной дислокации – специально построенные или арендованные храмы, молитвенные дома.

Особенностью являлась чрезвычайная рассредоточенность пастырей. Священник 3-й Западной пограничной бригады в рапорте 1904 года

констатировал: «Отряды разбросаны на огромном пространстве, посещение их сопряжено с большими трудностями, особенно в распутицу. Некоторые заставы находятся в таком удалении, что чины не могут попасть в церковь по нескольку месяцев». Это требовало от священников Корпуса не только пастырских, но и значительных физических усилий, сближая их с условиями службы армейских полевых священников.

Распределение священников по 31 бригаде и Заамурскому округу пограничной стражи было неравномерным и определялось оперативной обстановкой и плотностью размещения отрядов. Наиболее крупные и стратегически важные бригады, такие как Санкт-Петербургская, Варшавская, или дислоцированные на обширных пространствах (например, Закавказская), могли иметь по два и более священника. В то же время некоторые бригады, особенно на западных участках с компактным расположением постов, обходились одним священником. Согласно циркуляру Главного штаба ОКПС № 125 от 1904 года [8], каждый священник в среднем должен окормлять от 500 до 1500 нижних чинов, не считая членов их семей, что значительно превышало нормативы для полковых священников в регулярной армии и свидетельствовало о высокой нагрузке, но фактически она была превышена в 2–3 раза. Например, 18.05.1901 Николаем II были утверждены штаты Заамурского округа ОКПС в составе 3 генералов, 58 штаб- и 488 обер-офицеров, 24 врачей, 17 ветеринаров, 1 священника, 1 артчиновника, 25000 нижних чинов [9].

Деятельность священников ОКПС не ограничивалась отправлением богослужений. Она носила многогранный характер и была нацелена на формирование корпоративного духа и поддержание высокой морали:

- совершение литургий, молебнов, панихид, обязательных по уставу в праздничные дни, царские дни, перед приведением к присяге и после нее. Акцент делался на молебнах о даровании побед русскому воинству и о здравии Государя, что укрепляло идеологическую связь с монархией;

- проведение внебогослужебных бесед на религиозно-нравственные темы, часто связанные со спецификой службы: осуждение пьянства, разъяснение долга перед Отечеством, важность честности и бдительности. В отчете священника 1-й Санкт-Петербургской бригады за 1901 год [10] отмечалось: «Беседы с нижними чинами ведутся преимущественно о соблюдении верности присяге, о недопустимости сношений с контрабандистами и жителями сопредельной стороны в ущерб службе»;

– организация церковно-приходских школ для детей чинов Корпуса, проживавших при бригадах, а также нередко – обучение грамоте нижних чинов;

– участие в жизни сообщества – посещение больных, утешение семей погибших, ходатайство перед начальством о нуждах чинов. Священник выступал как доверенное лицо, посредник между командованием и рядовым составом.

Церковные праздники, особенно бригадные храмовые праздники, становились центрами корпоративной жизни, сплачивавшими военных, гражданских служащих и членов их семей. Строительство постоянных церквей при штабах бригад (например, церковь Св. Александра Невского при штабе 1-й бригады в Санкт-Петербурге) символизировало укорененность духовной составляющей в ведомственной культуре.

Однако, существующая система духовного окормления ОКПС сталкивалась с объективными трудностями. Хроническая нехватка священников, огромные расстояния, конфликты юрисдикции с епархиальным духовенством по вопросам использования приходских храмов, а в некоторых регионах (Кавказ, Средняя Азия) – необходимость взаимодействия с иноверным и иноконфессиональным населением осложняли работу.

Утвержденный штат священников де-факто никогда не был полностью укомплектован. Постоянная нехватка кадров, вызванная сложностью службы на отдаленных границах, болезнями и переводами, была хронической проблемой. Так, в 1912 году вакантными оставались 5 должностей в различных бригадах, что составляло около 13.5 % от общего штата [11]. Такая нехватка компенсировалась либо увеличением нагрузки на действующих священников, либо привлечением на временной основе местного епархиального духовенства, что, однако, порождало финансовые и административные сложности, о чем регулярно докладывали командиры бригад. Особенно ярко такие проблемы проявлялись в 7 округе, расположенном в Средней Азии, где епархиального духовенства не хватало.

Представленная статистика наглядно демонстрирует, что система духовного окормления ОКПС, будучи формально устроенной по образцу военного духовенства, функционировала в условиях постоянного дефицита кадров и экстремальной пространственной рассредоточенности паствы. Численность священников была недостаточной для оптимального покрытия потребностей, что закладывало объективные противоречия в ее работе, но одновременно свидетельствовало о попытке государства обеспечить религиозно-нравственную поддержку даже для столь специфического и разбросанного формирования.

Таким образом, духовное окормление Отдельного корпуса пограничной стражи сформировалось как целостная, институционально зрелая система, интегрированная в общеимперскую структуру духовенства, но обладавшая ярко выраженной ведомственной спецификой. Священники ОКПС выступали не только как проводники религиозных идей, но и как агенты государственной власти, ответственные за поддержание морального духа, лояльности и корпоративной солидарности в специфической среде пограничников. Эта система успешно функционировала вплоть до событий 1917 года, после которых была упразднена вместе со всей дореволюционной структурой военного и ведомственного духовенства. Изучение данного опыта важно для понимания механизмов взаимодействия государства, армии и церкви в имперский период, а также формирования профессиональной этики и идентичности силовых структур.

Библиографический список

1. Пиджаков А.Ю., Татаренко А.В. Из истории Отдельного Корпуса Пограничной Стражи // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2007. № 1 (27). С. 70–73.
2. Афонин Д.Н., Молчанова Е.Р., Куприянов А.В. Исторические аспекты обучения должностных лиц таможенных органов и отдельного корпуса пограничной стражи в Российской империи // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2025. № 3 (95). С. 118–122.
3. Высочайше утвержденное Положение об управлении Отдельным корпусом пограничной стражи. 15 октября 1893 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XIII. № 9973.
4. Желобовский А.А. Всеподданнейший отчет обер-священника армии и флотов за 1897 год. СПб., 1898.
5. Высочайше утвержденный штат священников, состоящих при Отдельном корпусе пограничной стражи. 6 июня 1910 г. // РГИА. Ф. 573. Оп. 26. Д. 455. Л. 1–3.
6. Отчет обер-священника армии и флотов за 1912 год о состоянии церквей и духовенства военного ведомства. СПб., 1913. С. 24–26
7. Приказы по Отдельному корпусу пограничной стражи. 1893–1917 гг. // РГИА. Ф. 569.
8. Циркуляр Главного штаба ОКПС № 125 от 9 сентября 1904 года «О порядке удовлетворения духовных потребностей чинов Корпуса». // РГИА. Ф. 569. Оп. 13. Д. 120. Л. 12.
9. Вишняков О.В. Создание Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Конец XIX – начало XX века // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 55–57.
10. Отчеты священников бригад Отдельного корпуса пограничной стражи в канцелярию обер-священника армии и флотов // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 806. Оп. 5.
11. Сведения о замещении вакансий священников в бригадах ОКПС // РГВИА. Ф. 20028. Оп. 1. Д. 187. Л. 45–47 об. (1912 г.).

Н.С. Байкалов,

доцент, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (Улан-Удэ)

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ГОРОДОВ И ПОСЕЛКОВ БАМА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС В УСЛОВИЯХ РАЙОНА НОВОГО ОСВОЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления и развития институтов Русской православной церкви в районах, прилегающих к Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Анализируются особенности религиозной ситуации в районе нового освоения, который формировался как технократическое пространство в ходе позднесоциалистической модернизации территорий Сибири и Дальнего Востока, свободное от религиозного влияния.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Байкало-Амурская железнодорожная магистраль, Всесоюзная ударная комсомольская стройка, Забайкалье и Дальний Восток, район нового освоения.

N.S. Baikarov,

Associate Professor, D. Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude)

ORTHODOX CHURCH OF THE URBAN SETTLEMENTS OF BAIKAL-AMUR MAINLINE: HISTORICAL GENESIS IN THE CONDITIONS OF A NEW DEVELOPMENT AREA

Abstract. This article examines the formation and development of Russian Orthodox Church institutions in the regions adjacent to the Baikal-Amur Mainline. It analyzes the religious situation in this newly developed region, which emerged as a technocratic space free from religious influence during the late socialist modernization of Siberia and the Far East.

Key words: Russian Orthodox Church, Baikal-Amur Mainline, All-Union Komsomol Shock Construction Project, Transbaikalia and the Far East, new development area.

Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (далее, БАМ), наиболее интенсивно осуществлявшееся в позднесоветский период, стало не только уникальным инженерно-технологическим проектом, охватившим шесть регионов Сибири и Дальнего Востока протяженностью более 3 тыс. км, но специфическим социокультурным феноменом. В ходе Всесоюзной ударной комсомольской стройки вдоль магистрали формировался новый индустриальный пояс с разветвленной сетью городских поселений.

В советское время БАМ являлся символом преимуществ и достижений социализма, поэтому возникшие в зоне стройки города и поселки позиционировались как пространство атеистического созидания. Религиозное сознание сохранялось в латентной форме, однако институционального присутствия Русской православной церкви в новых поселениях не наблюдалось вплоть до рубежа 1980–1990-х гг.

Православные традиции сохранялись в старых, добамовских поселениях. Так, в начале XX века на территории Северо-Байкальского района Бурятии насчитывалось 5 церквей и 4 часовни, включая храм св. Иннокентия Иркутского в селе Байкальское (до 1942 г. – Горемыка). Церковь была построена в 1910-е гг. на средства местных купцов в традициях деревянного церковного зодчества, характерного для Сибири и Дальнего Востока. В 1930-е гг. храм был закрыт и переоборудован под школу. Позднее в нем был устроен сельский клуб [4, с. 78–79]. В настоящее время здание церкви восстановлено и является местной достопримечательностью.

Другой архитектурный памятник региона Иоанно-Предтеченская церковь была построена в селе Дагары в 1869 г. В 1913 г. согласно акту передачи, хранящемуся в Историко-краеведческом музее Северо-Байкальского района им. Н.К. Киселевой, церковь была перенесена в пос. Нижнеангарск (до 1931 г. – Губа), где просуществовала до 1932 г. [3, л. 1–2]. Здание и церковное имущество до наших дней не сохранились за исключением иконы св. Иннокентия Иркутского, которая по завещанию владельцев была передана в дар современному храму Владимирской иконы Божией Матери в Нижнеангарске.

Кризис советской идеологии во второй половине 1980-х гг. привел к активному поиску новых ценностных ориентиров, в том числе в христианской вере. Завершение ударной комсомольской стройки и сдача БАМа в постоянную эксплуатацию совпали с началом системного кризиса советского государства и общества. Поселения БАМа оказались в состоянии глубокой экономической депрессии, сопровождавшейся массовой безработицей, алкоголизацией и криминализацией населения [1, с. 177–191]. В этих условиях православная церковь взяла на себя функции социальной стабилизации и противодействия социальной деструкции, просветительства и наставничества, благотворительности и социальной защиты граждан. Организация православных приходов повсеместно сопровождалась открытием воскресных школ, компенсирующих недостаток учреждений культуры. Церковь помогала жителям бамовских городов и поселков, в большинстве своем приехавшим на строительство магистрали из других регионов страны и не успевшим укорениться на новой территории почувствовать связь с общерусской

историей и культурой и сформировать гражданскую и социальную идентичность.

Однако православное возрождение притрассовых районов БАМа было затруднено из-за огромной протяженности территорий, низкой плотности населения, неразвитой храмовой инфраструктуры и слабого развития путей сообщения. В результате главным путем распространения православия в регионе становится железная дорога.

Важную роль в миссионерской деятельности сыграли храмы-вагоны, оснащенные салоном для проведения богослужений, кафедрой священнослужителя и т.д. Например, руководство ВСЖД ОАО «РЖД» выделило такой вагон Иркутской епархии, освященный во имя святителя Иннокентия Иркутского, благодаря которому православие стало проникать в самые отдаленные пристанционные поселки БАМа [2].

По мере роста числа прихожан началась институционализация церкви и формирование епархиальных структур. На западном участке БАМа духовным центром становится г. Северобайкальск, основанный ленинградскими строителями в 1974 г. и получивший статус города республиканского подчинения в 1980 г. [8, с. 3] Православная община молодого города появилась в 1987 г. Северобайкальске и была названа в честь св. Иоанна Кранштадтского. Первоначально у горожан не было специального помещения, поэтому верующие собирались в здании городской администрации или на частных квартирах. После образования Читинской и Забайкальской епархии в 1994 г. приход был перерегистрирован в честь Казанской иконы Божией Матери, икона которой была спасена в годы репрессий против церкви и сохранилась у Е.И. Семушевой. Для храма было выделено временное помещение, а также определена площадка для возведения специального здания.

Строительство храма затянулось на десятилетия из-за сложного социально-экономического положения региона БАМа, суровых природно-климатических условий, отсутствия в молодом поселении православных традиций. В 2007 г. в здании было запущено отопление, установлены и освящены колокола. В 2008 г. в новом храме прошли первые службы, а в следующем году он был официально введен в эксплуатацию. Через год в Бурятии была учреждена своя епархия, из которой по решению Священного Синода от 5 мая 2015 г. была выделена Северобайкальская и Сосново-Озерская епархия. Епископом Северобайкальским и Сосново-Озерским был назначен игумен Николай (Кривенко), а Богородице-Казанская церковь получила статус кафедрального собора новообразованной Северобайкальской епархии [5].

Православный приход административного центра Северо-Байкальского района пос. Нижнеангарска был зарегистрирован в конце

1991 г. Храм Владимирской иконы Божией Матери был построен в 2010-е гг. и сегодня нередко представляется в туристических блогах и агрегаторах как самый северный храм на Байкале [11].

Еще один бамовский поселок Северо-Байкальского района Бурятии Новый Уоян в 2015 г. также получил свой храм, посвященный преподобному Сергию Радонежскому. Здание построено по проекту главного архитектора ООО «ПСК "Зодчие"» А.Е. Михеева [12].

В базовом поселке СМП-670 треста «Нижеангарсктрансстрой» в период строительства БАМа, а ныне центре Муйского муниципального района республики Бурятия Таксимо православный приход был учрежден в 1994 г. и назван в честь Успения Пресвятой Богородицы. В 1995 г. под молебельный дом местные власти выделили сборно-щитовое здание бывшего рабочего общежития. В 2003 г. начались работы по возведению храма, которые были завершены только в 2011 г. [10]. Кроме этого храма в столице тоннельщиков БАМа пос. Северомуйске в 2017 г. по проекту архитектора Г. Хмелева была построена Часовня Николая Чудотворца, ставшая центром местной православной общины.

На центральном участке магистрали, территориально относящемся к Благовещенской епархии, центром православия является столица БАМа г. Тында. Тындинский православный приход возник в 1990 г. Некоторое время он размещался в здании бывшей библиотеки треста «Мостострой-10». Строительство постоянного храма началось с 1993 г. и первоначально велось силами бамовских предприятий. Однако депрессивное положение города, расформирование Байкало-Амурской железной дороги привели к затягиванию проекта. В феврале 2001 г. в Тынде начала работу Балтийская строительная компания «Восток», занятая в сооружении железнодорожной ветки к крупнейшему в России Эльгинскому месторождению коксующегося угля. Организация взяла шефство над храмом-долгостроем и в течение восьми месяцев завершила строительство. Примечательно, что стройку курировал Герой Социалистического труда И.Н. Варшавский, а бригаду строителей возглавлял ветеран БАМа К. Шайхулин. 28 октября 2001 г. Свято-Троицкий кафедральный собор в г. Тында вместимостью на 240 прихожан открыл свои двери для верующих [7]. Наряду с кафедральным собором в Тынде есть деревянный храм Покрова Пресвятой Богородицы, основанный в 1995 г.

В пос. Февральске Селемджинского района Амурской области, крупном населенном пункте центрального участка БАМа, православный приход Рождества Пресвятой Богородицы был основан в 1996 г. В начале 2000-х гг. местные жители получили здание бывшего рабочего общежития, которое было перестроено в церковь. Здание подверглось капитальному ремонту, на крыше была установлена луковичная главка.

В 2012 г. в день празднования годовщины основания Февральска новый храм был освящен епископом Благовещенским и Тындинским Лукианом [9].

Восточный участок БАМа входит в состав Амурской епархии, которая образована решением Священного Синода от 5 октября 2011 г. путем выделения из состава Хабаровской епархии в составе Верхнебурейнского муниципального района, г. Комсомольск-на-Амуре, Комсомольского, им. Полины Осипенко и Солнечного муниципальных районов. Кафедральный собор св. пророка Илии располагается в Комсомольске-на-Амуре. Храм был построен в период с 2002 по 2007 год на добровольные пожертвования от жителей и предприятий города [6].

Таким образом, опыт распространения влияния Русской православной церкви в притрассовых поселениях БАМа демонстрирует трансформацию районов позднесоветской социалистической модернизации в поликультурное пространство, где религиозный компонент играет роль важнейшего смыслообразующего фактора. Несмотря на технократическое происхождение региона, основу населения которого составили транспортные строители и железнодорожники, православные приходы в настоящее время являются неотъемлемым элементом инфраструктуры жизнеобеспечения БАМа, выполняя задачи не только духовного, но и социального служения.

Библиографический список

1. Байкалов Н.С. Байкало-Амурская магистраль и северные районы Бурияти: от всесоюзной комсомольской стройки к постсоветской деиндустриализации. Улан-Удэ: изд-во Вост.-Сиб. гос. ун-та технологий и управления, 2021. 232 с.
2. Восточно-Сибирская железная дорога подарила Иркутской епархии вагон-церковь. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/29924> (дата обращения: 25.12.2025).
3. Историко-Краеведческий музей Северо-Байкальского района им. Н.К. Киселевой. Акт передачи Иоанно-Предтеченской церкви.
4. История Северо-Байкальского района / сост. Т.П. Темникова. Улан-Удэ: Нова-Принт, 2015. 600 с.
5. Кафедральный собор в честь Казанской иконы Божией Матери г. Северобайкальска: официальный сайт прихода. URL: <https://sbk.cerkov.ru/organizacii/> (дата обращения: 25.12.2025).
6. Кафедральный собор св. пророка Илии в Комсомольске-на-Амуре // Амурская епархия: официальный сайт. URL: http://eparhia-amur.ru/eparchia/Raspisanie/Sobor_sv_Ilii/ (дата обращения: 25.12.2025).
7. Кафедральный собор Троицы Живоначальной в Тынде // Благовещенская епархия: официальный сайт. URL: <https://blaginform.ru/prihod-hrama-svyatoj-zhivotvoryashhej-troiczy-g-tynda/> (дата обращения: 25.12.2025).

8. О преобразовании рабочего посёлка Северобайкальска Северо-Байкальского района Бурятской АССР в город республиканского подчинения: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 ноября 1980 г. // Правда Бурятии. 1980. 8 ноября. С. 3.

9. Паломничество в Февральск, Церковь Рождества Пресвятой Богородицы // Азбука паломника. URL: [https://azbyka.ru/palomnik/Церковь_Рождества_Пресвятой_Богородицы\(Февральск\)](https://azbyka.ru/palomnik/Церковь_Рождества_Пресвятой_Богородицы(Февральск)) (дата обращения: 25.12.2025).

10. Таксимо, Церковь Успения Пресвятой Богородицы // Собры.ру. Народный каталог православной архитектуры. URL: <https://sobory.ru/article/?object=25711> (дата обращения: 25.12.2025).

11. Церковь Владимирской иконы Божией Матери, Нижнеангарск: лучшие советы перед посещением // Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g10793098-d10778195-Reviews-Church_of_Our_Lady_Icon_of_Vladimir-Nizhneangarsk_Republic_of_Buryatia_Siberia (дата обращения: 25.12.2025).

12. Церковь Сергия Радонежского // Собры.ру. Народный каталог православной архитектуры. URL: <https://sobory.ru/article/?object=57647> (дата обращения: 25.12.2025).

УДК281.93(091)

М.А. Балахонова,

преподаватель кафедры гуманитарных наук, Ивановский государственный медицинский университет (Иваново)

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА ДЛЯ РУССКИХ ВЕРУЮЩИХ XIX – НАЧАЛА XX в.

Аннотация. В статье рассматриваются определение, классификация, этапы, а также основные аспекты паломнической деятельности русских верующих в XIX – начале XX в. Актуальность исследования обусловлена современной трансформацией международных отношений и усилением конфронтации России и Запада.

Ключевые слова: верующие, Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО), паломничество, социокультурный аспект, спасение, Храм Гроба Господня.

M.A. Balahonova,

Lecturer, Department of Humanities, Ivanovo State Medical University (Ivanovo)

THE SIGNIFICANCE OF ORTHODOX PILGRIMAGE FOR RUSSIAN BELIEVERS IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Abstract. This article discusses the definition, classification, stages and the main aspects of Russian believers' pilgrimage activities in the 19th – early 20th centuries. The relevance of this study is determined by the current transformation of international relations and the intensifying confrontation between Russia and the West.

Key words: believers, Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS), pilgrimage, sociocultural aspect, salvation, Church of the Holy Sepulchre.

Паломничество – путешествие к святым местам с целью поклонения и молитвы.

В последние годы достаточно широко распространилось не вполне корректное и чуждое традиционным воззрениям, представление о паломничестве как явлении, состоящем из двух взаимосвязанных форм. Первая форма – религиозные паломнические путешествия, совершаемые представителями различных религий к святым местам, освящённым вековыми традициями почитания и поклонения.

Вторая форма – светские паломнические путешествия, совершаемые туристами вне зависимости от их религиозной принадлежности к всевозможным, в том числе религиозным, а также к мемориальным, памятным и другим мирским объектам. Эту форму следует признать всё же не паломничеством, а туризмом [3, с. 26].

Типология паломничества достаточно разнообразна и имеет несколько оснований. Паломнические путешествия традиционно подразделяются на два вида: внутренние и зарубежные.

Внутреннее паломничество предполагает путешествие верующих людей к святым местам, расположенным внутри определённых регионов или государств.

Зарубежное или выездное паломничество предполагает путешествие представителей той или иной религии к святыням, находящимся за границами их государства и даже на других континентах.

По своему составу паломничество подразделяется на три типа: индивидуальное, групповое и массовое. Первые два типа представляют собой стандартную поездку в одиночестве, либо небольшим составом людей. К последнему в православной традиции прежде всего относятся многодневные крестные ходы.

Паломничали верующие люди всех сословий, но большинство их до конца XIX в., конечно, составляло духовенство. Стремление

к святыне, её ценность и значение для бытия Церкви и спасения каждого христианина должны переживаться особенно сильно, конечно, теми, кто посвятил свою жизнь служению церкви – в священном сане или на кафедре богословской науки, чем и объясняется вышесказанное [3, с. 28].

Богомолья различались также причиной или целью. Русские паломники, прежде всего, шли в святые места, чтобы поклониться святыням: чудотворным иконам, честным мощам угодников Божиих, святым крестам, чтобы получить заступничество на день судный в тех или иных обителях, в коих подвизались святые угодники Божии. Русские люди считали, что в святых местах молитва более действенна и быстрее доходит до Бога. Не маловажным фактом считается тот, что русские люди, в отличие от западных христиан – пилигримов, поклонялись святыням и через поклонение соединялись с Богом, поэтому русских богомольцев называли не только богомольцами, но и поклонниками главной святыни Палестины – Храма Гроба Господня. Западные же христиане лишь созерцали святыни [4]. Именно в этом заключалась «сотериологическое» значение паломничества, что означало «путь к спасению».

Паломничество структурно почти всегда проходило в четыре этапа: подготовка к путешествию, передвижение к святому месту, совершение сакральных ритуалов около святыни, возвращение на родину.

Процесс подготовки к путешествию являлся важной частью культуры паломничества. Подготовка к паломническому путешествию связана с получением благословения священника, связанное, как правило, с духовной готовностью человека к совершению поклонения, благословение не всегда может быть дано будущему паломнику. Не менее важным вопросом при подготовке к паломничеству являлся выбор времени путешествия, которое, как правило, связывается с каким-либо религиозным праздником или важным событием, или с личными причинами верующего человека. Наиболее значимыми для паломников было посещение святых мест, приуроченных к главным праздникам и событиям той или иной религии: в Вифлееме ездили на Рождество Христово, в Иерусалим – на Пасху. Испокон веков путешествия, в том числе религиозные, были дорогостоящими предприятиями, поэтому важным моментом в их подготовке был сбор денежных средств и материальное обеспечение паломника одеждой, обувью и запасом питания.

Складывались весьма разнообразные культурные традиции, связанные с процессом передвижения паломников по маршрутам, ведущим к святым местам. С древнейших времён паломничество считалось богоугодным и благочестивым делом, а также представлялось как духовный подвиг, поэтому передвижение пешим ходом считалось наиболее подходящей и более того – благодатной формой путешествия. В то же

время если перед паломниками возникали какие-либо естественные преграды в виде рек, озёр и морей, то они пользовались лодками или кораблями, если это были горы – гужевым транспортом и другими известными ещё в древности средствами передвижения, например, канатными подъёмниками и мостами [3, с. 29].

Своей цели, приобщению к сакральному в святом месте, паломники достигали через участие в религиозном ритуале. В разных религиях ритуал представляет собой устойчивую систему символических и ассоциативных актов, которые формируются на основе определённых традиционных правил. Функция ритуала в религиозном сообществе заключается в том, что он устанавливает и регулирует взаимоотношения людей со святыней, а также воспроизводит их личные и общественные переживания. Ритуал в святом месте становится универсальным проводником, который помогает верующему человеку духовно осуществить переход от светского мира к сакральному.

После завершения поклонения святыне паломник чаще всего возвращался на родину, совершая тем самым последний этап своего путешествия. История паломничества свидетельствует о том, что обратный путь паломников на протяжении многих столетий был не менее труден, чем дорога к святому месту. Именно поэтому, чтобы подтвердить для себя и для других истинность совершённого паломнического путешествия, паломники привозили на родину с собой различные реликвии, памятные предметы и сувениры. Для особо чтимых реликвий, принесённых из святых мест, обычно заказывали или создавали специальные драгоценные оправы и ларцы с целью их сохранения, а также всеобщего или личного почитания [3, с. 30].

Необходимо отметить, что на всех этих этапах паломнику активно помогало созданное в 1882 г. Императорское Православное Палестинское Общество, преследовавшее три основные цели: поддержка православия в Палестине, поддержка русского паломничества в Святую землю; содействие научным исследованиям по истории и археологии Ближнего Востока [2, с. 31].

Социокультурный аспект паломничества тесно связан с отношением к паломникам со стороны окружающего их социума. Паломничество в сознании русского народа на протяжении тысячи лет воспринималось как высокий духовный подвиг и подвижничество, поэтому богомольцев и странников уважали верующие, всегда оказывали им помощь и поддержку [3, с. 201].

Применительно к России важнейшим культурообразующим объектом является Русская Православная Церковь. В православном паломничестве, как уже упоминалось, ключевым понятием является «поклонение»,

которое напрямую связано с почитанием святых мощей Божьих угодников, чтимых крестов и чудотворных икон. По учению Церкви, благодатные дары, данные Спасителем святому, сохраняются и в его мощах. Именно поэтому храмы и монастыри, где находятся мощи особо почитаемых святых, становятся местом массового паломничества христиан.

Прежде всего, для паломничества характерна религиозная деятельность, «объемлющая собою отношения человека к Богу». Это отношение представляет собой твёрдую веру, которая составляет основу нравственной и культурной деятельности человека и всего общества. Одной из главных составляющих взаимоотношений человека с Богом является его общение со святыней в святом месте, всё это представляет собой естественный путь к спасению [3, с. 203].

Также паломничество представляет собой собственно культурную деятельность людей в чистом виде, к которой относятся «объемлющие отношения человека к внешнему миру», то есть научная, художественная, техническая и так далее. Общеизвестно, что монастыри и храмы на протяжении многих веков были и остаются не только святыми местами, но и центрами развития науки, образования, литературы, искусства.

Паломничество имело общественно-политическое значение, «объемлющее собою отношения людей между собою как членов одного народного целого, и отношения этого целого как единицы высшего порядка к другим народам». Учитывая многонациональный характер и полирелигиозную специфику территорий, по которым проходят паломнические маршруты и находятся святыни, за многие века сложились традиции уважительного отношения богомольцев к чужим культурам, религиям и святыням. Для православных паломников, естественно, объекты почитания других мировых и национальных религий не могут являться святынями. Однако понимая, что эти объекты почитания представляют собой культурное и религиозное основание для идентичности разных народов, паломники старались проявлять к ним толерантное отношение [1].

Еще одним аспектом был экономический, «объемлющий собою отношения людей применительно к условиям пользования предметами внешнего мира, следовательно, добывания, и обработки их». В современных условиях, как и много веков назад, массовое религиозное паломничество всегда имело экономическую составляющую, которая представляет собой процесс предоставления различных платных услуг паломникам. Традиционно в структуру паломнической деятельности входит предоставление услуг по размещению (проживанию) и питанию, транспортировке и сопровождению богомольцев, а также производство

товаров религиозного, культурного, повседневного и сувенирного назначения [3, с. 205].

Таким образом, паломничество играло особую роль в жизни верующего населения XIX – начала XX в. Прежде всего, православные совершали путешествия с целью утешения и молитвы. Некоторые осуществляли социокультурное взаимодействие, обменивались опытом и знаниями в сфере своей культуры и религии. Были также путешественники, совершавшие паломничество как туристы.

Библиографический список

1. Балдин К.Е. Источники личного происхождения о русском православном паломничестве конца XIX – начала XX в. URL: <http://www.ippo.ru/historyippo/article/istochniki-lichnogo-proishozhdeniya-o-russkom-prav-202745> (дата обращения: 03.01.2026).

2. Герд Л.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). С. 55–91.

3. Житенёв С.Ю. Религиозное паломничество в христианстве, буддизме и мусульманстве: социокультурные, коммуникационные и цивилизационные аспекты. М.: Индрик, 2012. 264 с.

4. Комиссаров В.И. О смысле православного паломничества. Музей путешествий и паломничества по святым местам. 2014. URL: <http://www.ippo.ru/ipporu/article/o-smysle-pravoslavnogo-palomnichestva-muzey-putesh-202439> (дата обращения: 03.01.2026).

5. Сухова Н.Ю. Паломнические поездки в Святую Землю и на Афон преподавателей и студентов духовных академий. 2013. URL: <http://www.ippo.ru/ipporu/article/palomnicheskie-poezdki-v-svyatuyu-zemlyu-i-na> (дата обращения: 03.01.2026).

К.Е. Балдин,

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПАЛОМНИКОВ В ПАЛЕСТИНУ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.*

Аннотация. На рубеже XIX–XX вв. поток православных паломников, направлявшийся из России в Палестину постепенно возрастал. Для информационного сопровождения паломников государственные органы, Русская православная церковь, общественные организации выстроили систему информационного сопровождения русских богомольцев.

Ключевые слова: православное паломничество, Святая Земля, Русская Православная Церковь, Императорское Православное Палестинское Общество.

K.E. Baldin,

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

INFORMATION SUPPORT FOR RUSSIAN ORTHODOX PILGRIMS TO PALESTINE AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

Abstract. At the turn of the 19th and 20th centuries, the flow of Orthodox pilgrims from Russia to Palestine gradually increased. To provide information support for pilgrims, government agencies, the Russian Orthodox Church, and public organizations established a system for informing Russian pilgrims.

Key words: Orthodox pilgrimage, Holy Land, Russian Orthodox Church, Imperial Orthodox Palestine Society.

На рубеже XIX–XX столетий ежегодно тысячи паломников выезжали из России на Ближний Восток для поклонения святыням вселенского христианства в Палестине и сопредельных с ними территориях. Это массовое движение стало важным явлением в религиозной и общественной жизни России в этот период. Существовали определенные нормативные документы, регулировавшие паломнические поездки, они определяли в том числе пакет документов, необходимый для выезда за рубеж.

© Балдин К.Е., 2026

* Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием Ивановского государственного университета в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» FZZM-2025-0001.

Актуальную информацию о правилах выезда за рубеж необходимо было довести до сотен, а в дальнейшем – до тысяч потенциальных богомольцев, всё же они отправлялись не в соседний уезд или в соседнюю губернию, даже не на Соловки или Валаам, а в гораздо более далекое путешествие в Святую Землю.

Значительную роль в информационном сопровождении наших паломников относительно условий и реалий таких путешествий сыграли «Епархиальные ведомости», которые выходили в провинции. Правда соответствующая более или менее подробная и правдивая информация стала появляться на их страницах с 1880–1890-х гг. В это время паломничество, с одной стороны, стало подлинно массовым, а с другой – появилась организация, которая специализировалась на помощи паломникам и от имени которой печатались в «Ведомостях» не просто полезные, а необходимые для простых поклонников-крестьян объявления и прочие публикации. Это было Православное Палестинское Общество, возникшее в 1882 г., а с 1889 г. получившее наименование Императорское (ИППО).

В этой связи можно возразить, что «Епархиальные ведомости» являлись периодическим изданием, распространявшимся почти исключительно среди духовенства и предназначенным для представителей именно этой сословно-профессиональной читательской среды. Но информация для массы паломников, в том числе для крестьян, распространялась через «Епархиальные ведомости» не непосредственно, а опосредованно. Предполагалось, что о правилах паломничества, его алгоритме и стоимости священники будут доводить до сведения своих прихожан, особенно если они увидят, что некоторые из них настроены на совершение далекого путешествия. Наверняка, не все местные клирики делали это постоянно, но такой канал распространения соответствующей информации реально существовал. Особенно эффективными были для этого Палестинские чтения, которые, проводились практически во всех епархиях с 1890-х годов.

Приведем несколько примеров публикаций «Епархиальных ведомостей», появившихся в 1880–90-х гг. на страницах такого местного церковного официоза как «Владимирские епархиальные ведомости». Владимирская губерния и Владимиро-Суздальская епархия не значились в первых рядах по числу отправлявшихся в Святую Землю паломников, но они были не в конце списка наиболее активных в этом отношении регионов. То есть это был край, который может быть назван среднестатистическим или типичным. Почти сразу же после возникновения Православного Палестинского Общества рассматриваемые нами

здесь «Ведомости» напечатали объявление об этом важном событии и устав этой организации [2, 1882, № 18, с. 475–485].

Возьмем для примера подшивку этого повременного издания за 1895 год. В самом начале его на страницах «Епархиальных ведомостей» разместили объявление о паломнических книжках ИППО, которые делали для неимущих путешествие гораздо более дешевым по стоимости. Здесь также указывалось, где в Петербурге, а также в провинции у епархиальных уполномоченных можно купить паломнические книжки [2, 1895, № 1, с. 39]. В июне-июле 1895 г. на страницах того же повременного издания была напечатана в нескольких номерах краткая история ИППО. В этой публикации особо подчеркивалось, что главная задача общества – «облегчение для православных паломников путешествия в Палестину» [2, 1895, № 12, с. 255–263; № 13, с. 283–294; № 14, с. 315–316].

Реальную практическую пользу будущие паломники могли извлечь из «Наставления», напечатанного там же осенью (то есть накануне массового паломнического сезона) 1895 года. В нем подробно объясняли читателям, какие документы – виды на жительство, справки из полиции и т.п. должны были оформить для получения заграничного паспорта и пропуска за границу купцы, почетные граждане, мещане, крестьяне (для разных сословий набор этих документов был различным). Относительно крестьян говорилось, что они должны иметь так называемые «плакатные» паспорта от волостных правлений и свидетельства от местной полиции о «неимении препятствий» для выезда за рубеж. Только при наличии этих документов богомольцы могли получить в портовых городах Черного моря заграничные паспорта с уплатой 50 к. за каждые полгода пребывания за границей [2, 1895, № 19, с. 457, 485–486].

Аналогичные практические советы публиковали и другие провинциальные церковные официозы. «Костромские епархиальные ведомости» в 1912 г. напечатали «необходимое предостережение» паломникам, их уведомили, что нередко богомольцы, особенно крестьяне, «прибывая в Одессу и др. порты Черного моря для следования в Палестину и на Афон, не имеют при себе документов...» для оформления заграничных паспортов. Такие паломники «с разбитыми надеждами и отчаянием» возвращаются домой. Редакция «Епархиальных ведомостей» напрямую обращалась к провинциальным священнослужителям, а через них – к будущим паломникам: «Для того, чтобы оградить паломников от этой опасности, совет ИППО просит настоятелей церквей, когда к ним будут их прихожане обращаться за советами и указаниями насчет путешествия на Восток, разъяснять им, что для выезда за границу нужно выправить у местного губернатора проходной билет для

следования в Одессу или др. город, где паломники имеют право на получение удешевленного паспорта» [3, 1912, № 2, с. 27].

Важным информационным потенциалом для наших богомольцев обладал журнал «Русский паломник», который начал издаваться в Петербурге с 1885 г., его коммерческая сторона со временем перешла в руки известного столичного издателя П.П. Сойкина. По своему содержанию журнал был вполне доступен для не очень грамотных читателей. Годовая подписка на этот периодический орган стоила всего 5 рублей. За год подписчики могли получить не только 52 номера (он выходил раз в неделю), но и приложения – 12 популярно написанных брошюр по паломнической тематике, а также литографированные картины [6, 1886, № 37, с. 381; 1906, № 11, с. 161, 174].

На протяжении более тридцати лет своего существования редакция журнала стремилась оправдать его название, целевые публикации для православных поклонников занимали значительную часть каждого номера. В частности, в конце XIX в. на его страницах печатались циклы очерков под названиями: «Русские в Палестине», «По Святой Земле», «Из Палестинских воспоминаний». Для будущих паломников в них говорилось, о том что в Палестину придется сначала ехать на поезде, а потом долго плыть на корабле. Богомольцы получали информацию о том, что их ждет в Иерусалиме, Назарете, Вифлееме и при посещении других священных достопримечательностей [6, 1886, № 46, с. 502; 1889, № 36, с. 476; 1895, № 25, с. 398].

В «Епархиальных ведомостях», в журналах «Русский паломник», «Странник», «Церковный вестник», «Душеполезное чтение», «Духовная беседа» имелись небольшие рекламные отделы, как правило – в конце очередного номера. Там сообщалось о выходе брошюр, практически полезных, а по цене доступных для простых поклонников. Например, говорилось о выходе в свет изданного ИППО «Краткого руководства православным русским паломникам, отправляющимся на поклонение святым местам Востока». [4]. Уже из его названия наглядно видна значимость такого издания для простого паломника.

Широко рекламировалась также небольшая книжка П.П. Свецко-го [7]. Она была рассчитана не небогатого и невзыскательного читателя, вместе со стоимостью пересылки из столицы в провинцию книжка стоила всего 7 копеек. Вместе с тем, она не только давала внятные инструкции о том, что обязательно надо посмотреть в Святой Земле, но и чисто практические советы – как ехать на Ближний Восток, на чем можно сэкономить во время поездки.

Однако информация не всегда достигала тех, кто в ней больше всего нуждались, то есть крестьян, а также малоимущих слоев города.

М.И. Осипов – уполномоченный ИППО в Одессе рассказывал епископу Арсению, который отправлялся на Ближний Восток: «Часто откуда-нибудь, чуть не из Сибири, приходят богомолки не только что без паспорта, но даже без какой бы то ни было бумаги, удостоверяющей личность, приходят за несколько тысяч верст пешком; грешно, разумеется, отправлять таких домой за паспортом, и приходится всеми правдами и неправдами улаживать дело». У крестьян зачастую не было никакого представления о том, что сейчас называется политической географией. Они считали, что почти весь белый свет занят российскими землями и даже не задумывались о том, что есть какая-то «заграница», куда просто так попасть нельзя. Они слабо представляли то, в какую сумму им может обойтись путешествие по морю и пребывание за рубежом. М.И. Осипов приводил епископу Арсением нередкие случаи из своей практической деятельности: «Часто у богомолки, пришедшей за тысячи верст, не хватает денег даже на пароходный билет; не вернешь же такую обратно...» [1, 1901, т. 1, № 3, с. 504].

В определенной мере информационную нужду паломников удовлетворяли монахи с подворий афонских монастырей, именно в них останавливались в Одессе наши паломники, направлявшиеся в Святую Землю. Упомянутый выше владыка Арсений так описывал жилье паломников у афонских монахов в Одессе: «Стены комнат и проходные коридоры увешаны картинами библейского содержания, изречениями св. отцов и объявлениями под заглавием: «необходимые расходы для паломников, отправляющихся в Святую Землю». Например, эти объявления сообщали, что за бланк паломнического паспорта необходимо уплатить 50 коп., за гербовую марку, которую наклеивали на прошение градоначальнику – 80 коп, за прописку «вида»(паспорта) в полиции – 70 коп.; за «засвидетельствование» его у турецкого консула – 2 руб., за пароходный билет 3-го класса до Яффы и обратно – 25 руб. Следовательно простому паломнику на проезд до Палестины из Одессы и обратно требовалось потратить всего 29 рублей, т.е. сравнительно небольшую сумму, а стоимость дороги до Афона, куда пароходный билет 3-го класса стоил 14 руб. 80 коп., составляла только 18 рублей 80 копеек [1, 1901, № 3, с. 500].

Те же монахи в Одессе оказывали поклонникам бесценную помощь не только тем, что они очень дешево расселяли наших богомольцев на своих подворьях и давали им полезную информацию. Они брали на себя хлопоты по оформлению заграничных паспортов на основании привезенных паломниками документов, ходили для этого к чиновникам одесского градоначальства, не беря за этот труд никакой платы. Также паломники безбоязненно и даже охотно доверяли им деньги для покупки

пароходных билетов и получали эти проездные документы, можно сказать, с доставкой на дом. Словом, монахи экономили поклонникам деньги, массу времени, сил и нервов [1, 1901, т. 1, № 3, с. 503]. Русским паломникам иногда приходилось задерживаться на несколько дней в Одессе. Время пребывания в этом городе зависело от расписания отплытия пароходов. Например, о. Евгений (Мерцалов) из Олонецкой губернии находился в Одессе проездом четыре дня, за это время он посетил храмы города, погулял по центральным улицам и зашел в порт, откуда ему предстояло скоро отбыть в Святую Землю [5, с. 43–50].

После отбытия за границу на судах Русского Общества Пароходства и Торговли наши паломники во время путешествия продолжали оставаться под опекой уполномоченных этой судовой компании, ИППО, русских дипломатических представителей, которые находились в Константинополе, Смирне, на Родосе, в Бейруте и в других портах. Это обеспечивало безопасность в ходе довольно длительного путешествия и благополучное прибытие наших богомольцев в порт Яффу, которая являлась морскими воротами Святой Земли.

Библиографический список

1. *Арсений, епископ.* В стране священных воспоминаний. Описание путешествия в Святую Землю, совершенного летом 1900 года Арсением, епископом Волоколамским, Ректором Московской Духовной Академии в сопровождении некоторых профессоров и студентов // Богословский вестник. 1901–1902.
2. Владимирские епархиальные ведомости.
3. Костромские епархиальные ведомости.
4. Краткое руководство православным русским паломникам, отправляющимся на поклонение святым местам Востока». СПб., 1907.
5. *Мерцалов Евгений, священник.* От Петрозаводска до Иерусалима и обратно. Путевые заметки и впечатления паломника. М.: Индрик, 2014.
6. Русский паломник.
7. *Свецкий П.П.* Поездка в Иерусалим, Палестину, Афон, Синай, Бар-Град и Рим. СПб., 1900.

С.С. Беззубов,

учитель истории, обществознания, музыки

МКОУ Старогольчихинская основная школа, Вичугский муниципальный район,

аспирант кафедры культурологии Шуйского филиала

Ивановского государственного университета

**СОЦИАЛЬНОЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В КИНЕШЕМСКОМ И ЮРЬЕВЕЦКОМ УЕЗДАХ
КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX ВЕКА. ПО МАТЕРИАЛАМ КОСТРОМСКИХ
ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ**

Аннотация. История любого региона нашей страны представляет собой многогранный и сложный процесс, в котором Русская Православная Церковь играла ключевую роль, осуществляя свою миссию в различных сферах, в том числе социальной и образовательной. В данной статье рассматривается работа Русской Православной Церкви в территориальных пределах бывших Кинешемского и Юрьевецкого уездов. Эта историческая область Костромской губернии ныне является частью Ивановской области и входит в пастырскую ответственность Кинешемской епархии (Иваново-Вознесенская митрополия). Исследование ориентировано на изучение влияния церкви на духовное и социальное развитие местного сообщества. Особое внимание уделяется роли церковных институтов в развитии образовательной и социальной инфраструктуры указанных уездов. Опираясь на всестороннее изучение Костромских епархиальных ведомостей, выявляются устойчивые закономерности в деятельности церкви, в области социального служения и образовательной работы. Представленное исследование позволяет осмыслить историческое наследие Русской Православной Церкви и её взаимодействие с общественной жизнью Кинешемского и Юрьевецкого уездов Костромской губернии ныне Кинешемского и Юрьевецкого районов Ивановской области.

Ключевые слова: ведомости, Кострома, епархия, школа, училище, церковь, Кинешма, Юрьевец, братство, чтения.

S.S. Bezzubov,

Teacher of History, Social Studies, and Music

МКОУStarogolchikhinskaya Basic School, Vichugsky Municipal District,

Postgraduate Student of the Department of Cultural Studies at the Shuya Branch
of Ivanovo State University

**THE SOCIAL AND EDUCATIONAL SERVICE OF THE RUSSIAN
ORTHODOX CHURCH IN THE KINESHEMSKY
AND YURIEVETSKY DISTRICTS OF THE KOSTROMA
PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH AND EARLY
20TH CENTURIES. BASED ON MATERIALS
FROM THE KOSTROMA DIOCESAN GAZETTE**

Abstract. The history of any region of our country is a multifaceted and complex process in which the Russian Orthodox Church has played a key role in carrying out its mission in various fields, including social and educational. This article examines the work of the Russian Orthodox Church in the territorial boundaries of the former Kineshma and Yuryevetsky counties. This historical area of Kostroma province is now part of the Ivanovo region and is under the pastoral responsibility of the Kineshma Diocese (Ivanovo-Voznesenskaya Metropolia). The research focuses on the impact of the church on the spiritual and social development of the local community. Special attention is paid to the role of church institutions in the development of the educational and social infrastructure of these counties. Based on a comprehensive study of the Kostroma Diocesan Gazette, stable patterns in the activities of the church, in the field of social service and educational work are revealed. The presented research allows us to comprehend the historical heritage of the Russian Orthodox Church and its interaction with the public life of Kineshensky and Yuryevetsky districts of Kostroma province, now Kineshensky and Yuryevetsky districts of the Ivanovo region.

Key words: Vedomosti, Kostroma, diocese, school, college, church, Kineshma, Yuryevets, brotherhood, readings.

Кинешемский и Юрьевецкий уезды представляли собой типичный для Центральной России регион с разнообразной экономической структурой. В хозяйственном укладе уездов наблюдался синтез традиционного аграрного сектора с развивающейся текстильной промышленностью. В частности, Кинешемский уезд выделялись значительным развитием текстильной индустрии, создававшей множество рабочих мест и влиявшей на социальную жизнь населения. Географическое положение на Волге обеспечивало активное развитие судоходства, особенно заметное в уездных центрах – Кинешме и Юрьевце. Речные пути служили жизненно важными артериями, связывающими регион с другими частями страны и способствующими торговле. Церковь играла в жизни этих уездов исключительно важную роль, выходя далеко за рамки религиозных функций. Церковные приходы играли ключевую роль в организации

общественной и культурной жизни местного населения. Они часто становились очагами образования, помогая местному населению получить доступ к знаниям, а также место проведения различных мероприятий. Священнослужители, помимо духовного наставничества, выполняли функции общественных деятелей, участвуя в решении различных вопросов жизни общины.

Исключительно ценным источником информации для исследователей местной церковной истории являются «Костромские епархиальные ведомости» официальная газета Костромской епархии, издававшаяся в Костроме в 1885–1917 годах [5]. В каждом номере этих изданий публиковались подробные материалы о деятельности церкви на территории Костромской епархии. Большую значимость для изучения социальной и образовательной деятельности Православной Церкви указанных уездов, представляют отчеты, которые печатались в ведомостях. Рассмотрим некоторые из них.

В двухчастном отчете о приходе, расходе и остатке епархиальных сумм по содержанию Кинешемского духовного училища, опубликованном в № 10 за 1887 год, говорится, что малоимущим воспитанникам училища давались денежные пособия от 5 до 25 рублей. Эти выплаты осуществлялись на регулярной основе, два раза в год, что свидетельствует о продуманной системе материальной поддержки студентов из социально уязвимых слоев населения. Во второй части отчёта приведены данные о ремонте и содержании здания училища: ремонт четырёх классных форточек обошёлся по 50 копеек за каждую, починка кровли составила 1 рубль, всего расходы на эти работы достигли 3 рублей. Кроме того, ремонт четырнадцати железных ученических коек стоил 13 рублей 70 копеек, окраска двух пар железных ведер – 50 копеек, а работы по ремонту штукатурки и отбелке стен здания училища – 50 рублей. Из отчета следует, что средства были направлены на поддержание здания в надлежащем состоянии, а также для обеспечения комфортных условий для обучения [1887, № 10].

При этом же училище, состояло «Братство во имя Святого Духа», открывшееся 26 октября 1910 года с благословения епископа Костромского и Галичского Тихона. Основные задачи Кинешемского братства заключались в религиозно-нравственном просвещении и поддержке духовного роста членов общества. Братство проводило духовно-нравственные чтения и беседы. Члены Кинешемского Свято-Духовского братства активно занимались просветительской деятельностью, направленной на повышение духовного уровня населения и укрепление Православной веры в приходах Кинешмы и Кинешемского уезда. Благодаря этим усилиям, братство способствовало укреплению православного

сознания и поддержанию традиций веры в местных приходах. Членский взнос на нужды Братства состоял из трех рублей в год, а взнос, дающий звание пожизненного члена равнялся пятидесяти рублям [1911, № 17].

Ярким примером социально-образовательной деятельности церкви служит церковно-учительская школа в селе Хреново Кинешемского уезда. Школа была построена в 1900 году. Финансирование её осуществлял местный купец села Тезино, Иван Александрович Кокорев. Школа имела три этажа с классами, библиотекой, спальными комнатами и столовой. Она была рассчитана на 180 учеников, с мастерскими для ремесленного обучения в подвальном этаже. Иван Александрович обеспечивал школу учебными материалами, выписывал книги для школьной библиотеки, приобретал для детей подарки на Рождественскую елку. В 1902 году школа была официально открыта епископом Кинешемским и Галичским Виссарионом, который благословил учебное заведение и вручил благодарственный адрес Ивану Александровичу Кокореву, как почетному попечителю [1910, № 12].

Первый выпуск школы прошел в 1905 году. Эта школа была важным образовательным учреждением для подготовки церковно-приходских учителей и имела значительное влияние на развитие образования в регионе. Интересно, что в школе учились будущие выдающиеся русские ученые социолог Питирим Сорокин и экономист Николай Кондратьев.

В отчёте, опубликованном в номере 11 за 1887 год, сообщается о проведении в Юрьевце религиозно-нравственных чтений с добавлением общепользуемой информации для населения. Это мероприятие было официально одобрено правительством и благословенно епископом Костромским и Галичским Александром. Чтения открылись 15 марта 1887 года под наблюдением настоятеля Преображенской церкви Юрьевца священника Николая Скворцова. Они проводились каждое воскресенье и состояли из двух частей: первая – духовного содержания, а вторая – духовно-исторического, исторического, этнографического или литературно-исторического характера [1877, № 11]. Чтения в Юрьевце были направлены на духовное просвещение местного населения, интегрируя религиозное образование с культурно-образовательными аспектами. В рамках этих чтений осуществлялась не только передача религиозных знаний, но происходило формирование целостного мировоззрения, что способствовало укреплению духовных и культурных традиций общества.

Заслуживают внимания идеи, цели и организационная структура «Попечительского совета о бедных», созданного в Кинешме. Этот совет демонстрирует важность системного подхода к помощи нуждающимся и служит хорошим примером для современных социальных инициатив.

Совет был открыт 14 марта 1865 года на правах православного церковного братства при Успенском соборе уездного центра. Главной целью совета было попечение о бедных всех сословий Кинешмы, особенно престарелых, больных и малолетних без приюта, с обучением и воспитанием в духе христианского благочестия. Совет также занимался распространением религиозно-нравственных брошюр. Братство платило жалованье учителям разных школ, приобретало мебель и классные принадлежности, платило за дрова для отопления школ [1891, № 2]. Доход Братства составлялся из пожертвований благотворителей и кружков при церквях, они поддерживали учителей, обеспечивали школы мебелью и пособиями, а также помогали малоимущим. Инициатива создания совета принадлежала протоиерею Александру Кузьмичу Горицкому и городскому главе Кинешмы старосте собора – потомственному почетному гражданину купцу Алексею Ивановичу Поленову. Благодаря их усилиям совет успешно действовал более 25 лет как православное церковное братство. История совета демонстрирует важность общественных и церковных институтов, которые могут служить примером для современных благотворительных организаций.

В официальном разделе «Костромских епархиальных ведомостей» помещались журналы, протоколы, сведения об архиерейских богослужениях и о маршрутах поездок для обозрения церковей епархии. Также там размещались отчеты епархиальных миссионеров о состоянии старообрядчества и сектантства в пределах Костромской епархии, списки крещеных и присоединенных к Православию лиц других исповеданий, отчеты братств, попечительств, комитетов и Костромского отделения Палестинского православного общества. Общество было открыто 29 марта 1898 года в праздник Входа Господня в Иерусалим (Вербное воскресенье), по инициативе председателя этой организации – великого князя Сергея Александровича, дяди царя Николая II. Председателем Общества единодушно был избран епископ Кинешемский Вениамин (Платонов). Товарищем (заместителем) председателя стал Костромской губернатор Иван Михайлович Леонтьев.

Главным видом деятельности Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) были палестинские чтения – массовые мероприятия, которые охватили десятки тысяч жителей губернии. Тематика чтений сочетала религиозно-нравственные и общеобразовательные вопросы. Лекторы рассказывали слушателям о географии Палестины, святых местах, связанных с жизнью Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы и апостолов. Материалы для чтений поставляло Палестинское общество в виде серии брошюр под названием «Чтения о Святой Земле», написанных простым и доступным языком для широкой публики.

В первый год работы Костромского отдела ИППО палестинские чтения были проведены лишь в губернском центре

В Кинешемский уезд палестинские чтения пришли только на третий год работы Костромского отдела ИППО. В числе других населенных пунктов зимой 1900–1901 гг. они были проведены в слободе Решме. В Кинешме чтения вел настоятель соборного храма протоиерей о. Николай Реформатский [1].

В 1905 году благочинный села Тезино Кинешемского уезда протоиерей Алексей Князев ввел палестинские чтения в местной Петропавловской церкви. Тематика чтений в Тезино мало отличалась от принятой обществом. Кроме обзора достопримечательностей Палестины, связанных с событиями Ветхого и Нового заветов, отец Алексей знакомили население с так называемой «священной географией», т.е. с горами и водами Палестины; рассказывали им, например, о Мертвом море, Тивериадском озере, реке Иордан и о тех событиях священной истории, которые происходили в этих местах. Обычно на последних неделях Великого поста привлекала большое внимание тема «О страданиях, смерти и погребении Господа нашего Иисуса Христа». Несмотря на то, что село Тезино и его окрестности являлись одним из центров стачечного движения в Ивановском крае, чтения собирали значительное число селян. Показательно и то, что в условиях революции сельское духовенство старалось не ослаблять религиозно-нравственную работу с населением [1]. Петропавловская церковь была разрушена в середине 30-х годов XX века, а село Тезино сегодня входит в состав г Вичуга.

Судя по отчётам ведомостей Палестинское общество, оказывало значительное влияние на религиозную жизнь епархии. Великий князь Сергей Александрович неоднократно писал рескрипты с благодарностью на имя Председателя Костромского отдела Преосвященного Вениамина, епископа Кинешемского. «Преосвященнейший Владыко! Усматривая из представленного Мне отчета о деятельности отделов Императорского православного общества за 1898–1899 г. постепенное развитие состоящего под Вашим председательством Костромского отдела и приписывая это исключительно заботам и трудам по оному Вашего Преосвященства, поставляю в приятный для Себя долг выразить Вам, Преосвященнейший Владыко, Мою искреннюю признательность и прошу Вас передать Вашим по отделу сотрудникам Мою благодарность» [1900, № 10].

В «Костромских епархиальных ведомостях» печатались также отчеты от разного рода учреждений, находящихся на территории Костромской епархии. Одним из таких было Братство преподобного Сергия. Это братство, равно как и Православное Палестинское общество

Костромской епархии, находилось под покровительством Великого Князя Сергея Александровича. Указанное православное общество в первую очередь заботилось о церковно-приходских школах на территории епархии. В отчете за 1888 год Советом Братства 129 церковно-приходским школам и школам грамоты (название некоторых школ в Российской империи) было выдано 1500 рублей, полученных из Священного Синода, и 955 рублей из сумм Братства. Так же школам были безвозмездно выделены учебники и пособия [1888, № 23].

Заключение. Материалы «Костромских епархиальных ведомостей» показывают, что социально-просветительская деятельность Церкви в Кинешемском Юрьевецком уездах носила комплексный и системный характер, а также была фундаментальным фактором в формировании культурного, образовательного и нравственного облика упомянутых уездов. Она играла интегративную роль, связывая воедино религиозные, образовательные и социальные аспекты жизни местного общества. Изучение этого наследия является ключом к пониманию исторического пути Ивановской земли и служит важным ориентиром для продолжения этой работы в современных условиях в лоне Иваново-Вознесенской и Кинешемской епархии.

Библиографический список

1. Балдин К.Е. Палестинские религиозно-нравственные чтения в Кинешемском уезде в начале XX века. <https://www.ippo.ru/historyippo/article/palestinskie-religiozno-nravstvennye-chteniya-v-ki-202723?ysclid=mide3u9yyq117258913>. (дата обращения: 24.11.2025).
2. Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. Санкт-Петербург, 1863. Электронное издание.
3. Краткая справочная книга о приходских церквях Костромской епархии. Кострома, 1911. Электронное издание.
4. Костромские Епархиальные Ведомости. 1877. № 11; 1887. № 10; 1888. № 22; 1891. № 2; 1990. № 10; 1910. № 12; 1911. № 17. Электронное издание.
5. Соборная библиотека. <https://bibl-kostroma.ru/периодические-издания?ysclid=min9tknfb765586942> (дата обращения: 21.11.2025).

А.Б. Богомолов,

главный специалист, Российский государственный исторический архив
(Санкт-Петербург)

**АПОЛЛИНАРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛЬВОВ (1848–1901) –
НАЧАЛЬНИК АРХИВА И БИБЛИОТЕКИ
СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА**

Аннотация. Статья посвящена памяти А.Н. Львова – церковного, архивного и общественного деятеля конца XIX – начала XX в. В 1889–1901 гг. он возглавлял архив Святейшего Синода. Автором уделяется внимание различным аспектам преобразований в архиве в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Православная церковь, Святейший Синод, архив Синода, архивное дело, Н.В. Калачов, А.Н. Львов.

A.B. Bogomolov,

Chief Specialist, Russian State Historical Archive (St. Petersburg)

**APOLLINARY NIKOLAEVICH LVOV (1848–1901) –
HEAD OF THE ARCHIVE AND LIBRARY OF THE HOLY SYNOD**

Abstract. This paper deals with the activities of A.N. Lvov, a church, archival, and public figure of the late 19th and early 20th centuries. From 1889 to 1901, he headed the archives of the Holy Synod. The author pays attention to various aspects of transformations in the archive during this period.

Key words: The Orthodox Church, the Holy Synod, the archive of the Synod, archiving, N.V. Kalachov, A.N. Lvov.

Аполлинарий Николаевич Львов руководил Синодальным архивом с 1889 по 1901 год и был хорошо известен специалистам архивного дела своими докладами на Археологических съездах. Но он «был не только архивистом-теоретиком». Под его управлением архив приобрел необходимый «ученый характер» и «сделался одним из самых благоустроенных русских архивов» [13, с. 78–79].

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона называл Львова писателем, особо отмечая ведение им отдела «Мнения печати по церковным вопросам» в журнале «Церковный вестник», составление «Описания храма Христа Спасителя в Москве» и издание «Писем духовных и светских лиц к митрополиту московскому Филарету» [14, с. 109]. Перечень публикаций к его биографии в юбилейном издании Комиссии по

описанию Синодального архива насчитывает более 20 работ, «или относящихся к архивоведению и археологии, или основанных на архивных материалах» [9, с. 263–265].

По всей видимости, как отмечает С.Л. Фирсов, имя Львова «скорее всего было бы памятно лишь небольшому числу архивных работников» [4, с. 8]. Но в советское время он стал широко известен исследователям русской истории конца XIX века как автор дневника, фрагменты которого были опубликованы в 1930 г. в «Красном архиве» [6]. Полное издание документа (из фондов РГИА), с предисловием и комментариями С.Л. Фирсова, состоялось в 2000 г. [4]. Об А.Н. Львове упоминают в своих работах и другие современные авторы (С.И. Алексеева, свящ. А.С. Ионов, А.Е. Мусин, Д.И. Раскин, Е.В. Старостин, Т.И. Хорхордина, свящ. Г.Э. Щеглов и др.), но отдельного биографического исследования не проводилось.

Некоторые важные сведения о жизни, служебной и общественной деятельности Львова можно почерпнуть из некрологов, опубликованных в церковных («Церковный вестник», «Церковные ведомости» и др.) и светских изданиях. Особо отметим публикацию мемориальной речи академика А.И. Соболевского на заседании Комиссии по описанию Синодального архива 16 октября 1901 г. [13]. Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви посвятило Львову не только некролог, но и специальное издание [3; 8]. Он являлся членом Совета и заместителем председателя, принимал активное участие в ведении духовных бесед и научно-популярных чтений, выработке нового устава Общества, руководил строительством школы при Воскресенской церкви на Обводном канале и др. В этом же издании опубликован и текст духовного завещания А.Н. Львова [3, с. 14–16]. Сам же он, по воспоминаниям священника А. Рождественского, не очень любил, «чтобы о нем и его трудах писали в газетах, упоминали в отчетах» [3, с. 38].

А.Н. Львов родился в сентябре 1848 г. в семье протоиерея в г. Новгороде. Здесь он закончил духовные училище и семинарию, а затем, поступив в Санкт-Петербургскую духовную академию, прошел «курс наук по церковно-историческому отделению» и в 1873 г. был выпущен со степенью кандидата богословия. В 1874–1880 гг. он преподавал в московских учебных заведениях, но из-за болезни горла Львов вынужден был оставить педагогическую деятельность [9, с. 254–255].

Для изучения специальных исторических дисциплин будущий архивист поступил Археологический институт в Санкт-Петербурге и закончил его в 1882 г. с серебряной медалью [3, с. 5; 11, л. 33–34]. По воспоминаниям Львова, директор института Н.В. Калачов лично

участвовал в образовании и воспитании слушателей, которые постоянно имели «пример энергии и любви к делу своего старца-учителя» [7, с. 27].

15 января 1881 г. он поступил на сверхштатную службу в Канцелярию обер-прокурора Синода, где ему были поручены занятия в синодальных архиве и библиотеке. Штатных должностей в архиве, бывшим на тот момент несамостоятельным справочным подразделением Канцелярии Синода, было всего две: начальник архива (Н.И. Григорович) и его помощник. Последним на тот момент был историк Н.П. Барсуков. С 1883 г., после перехода последнего в архив Министерства народного просвещения, Львов занимал штатную должность помощника начальника, а с 28 марта 1889 г. (и до своей кончины) – начальника Архива и библиотеки Синода [9, с. 255]. Вместе с тем уже с осени 1887 г., по болезни Н.И. Григоровича, он исполнял его обязанности. 25 ноября 1887 г. Львов был избран членом Комиссии по описанию Синодального архива [12, л. 8–23].

До середины 1890-х гг., как ранее упоминалось, архив был справочным, скромным по бюджету подразделением Канцелярии Синода, в котором по штатам 1872 г. состояли два сотрудника. Уже в 1888 г. Львов представил К.П. Победоносцеву записку о состоянии архива и предложил меры по наведению порядка в его деятельности. Однако очевидных последствий эта записка не имела. Памятуя как много Калачов «боролся с полнейшим равнодушием к задачам [Археологического] института не только общества, но даже и многих наших ученых» [7, с. 25], Львов, наверное, и не надеялся на быстрый результат в решении проблем Синодального архива. Потребовались годы кропотливой работы, много «и змеиной хитрости и голубиной невинности чтобы дело двинулось» [10, л. 3 об.].

С конца 1888 г. в заседаниях Комиссии по описанию Синодального архива Львов делал обстоятельные доклады по отдельным насущным его проблемам. И предложения главе духовного ведомства, поддержанные авторитетом этого ученого учреждения, поэтапно реализовывались: в архиве появились сверхштатные сотрудники с высшим образованием (с 1889 г.), были составлены правила о сдаче и выдаче дел, о пользовании книгами библиотеки, приведены в порядок журналы и протоколы Синода за 1721–1878 гг., завершились проверка и систематическое размещение документов в новом помещении и др. [12, л. 108–109 об.].

В декабре 1893 г. Львов поставил в Комиссии по описанию Синодального архива вопрос «о ненормальном положении служащих в Архиве лиц» и просил «указать какой-либо исход» из него. Комиссия высказалась за увеличение штата и разработку положения об Архиве,

соответствовавшего бы «его количеству и значению» [12, л. 129 об.–134]. При этом Львов отмечал в своем дневнике, что долго «подготавлил» обер-прокурора к этому шагу, и К.П. Победоносцев «волей-неволей согласился». Впереди начальнику архива еще предстояли многие месяцы составления различных записок, докладов, проектов, а также «полное противодействие со стороны чиновников и больших, и маленьких» [4, с. 99–100]. Усилия Львова увенчались успехом, хотя и не полным: было уменьшено количество предполагаемых проектом сотрудников, их содержание, понижен класс штатных должностей. В то же время по новым штатам (1 июня 1895 г.) увеличилось финансирование архива, который при этом стал самостоятельным синодальным учреждением с научными задачами, правами исторического архива и штатом из пяти сотрудников [3, с. 8–9]. На следующем этапе преобразований удалось добиться для Комиссии по описанию Синодального архива с 1897 г. ежегодной казенной субсидии в 3000 рублей [12, л. 251 об.–252], что увеличило в разы количество выпускаемых изданий.

В 1898 г. начальником архива было также инициировано рассмотрение вопроса о мерах к сохранению письменных и вещественных памятников старины. Нельзя вполне согласиться с А.И. Соболевским, что Львов изменил лишь «в последние годы своей жизни» взгляд на сохранение вещественных памятников [13, с. 77]. К.Я. Здравомыслов отмечал, что еще в 1870-х гг. он «проектировал образовательные прогулки в Москве с учащимися для обозрения исторических памятников» [3, с. 5]. В 1894 г. Львов вместе с профессором Н.В. Покровским разработал проект устава Общества охранения церковной старины при Санкт-Петербургской духовной академии, который во многом лежал в основе предложений 1898 г. [1, с. 49].

Начальник Синодального архива был хорошо осведомлен о проблемах, связанных с сохранением памятников старины в духовном ведомстве. Они усугублялись нехваткой специалистов, разногласиями между Императорской археологической комиссией и Московским археологическим обществом, в том числе и относительно экспертных заключений по тому или иному вопросу, что приводило к «частым недоразумениям». Львовым предлагалось создание при Синоде комиссии для координации и поддержке местных церковно-археологических учреждений, подготовки заключений по археологическим вопросам [2, с. 61].

К 1898 г. для такого предложения сложились условия. Положение Синодального архива в правовом отношении стало устойчивым, что позволило заняться подготовкой кадров и успешно ходатайствовать о ежегодной субсидии из казны для Комиссии по его описанию. Для охраны памятников и «тщательной разработки» исторических материалов

важно было содействие «уже опытных и любящих свое дело архивистов», о котором писал Н.В. Калачов [4, с. 22–23]. Кроме того, начальник архивного учреждения и в силу должностных своих обязанностей должен был смотреть «на архивное дело как на нечто более важное, чем археология» [13, с. 77].

Проекту этой комиссии не суждено было осуществиться. 11 августа 1901 г. начальник Архива Синода скончался в Гатчине, где и был похоронен. На прощальной церемонии все было исполнено строго по его завещанию: не делать «никаких печатных объявлений о моей смерти», а сделать «все как можно проще, скромнее, без всякого афиширования» [3, с. 15]. Между тем, проводить Львова приехали многие («без приглашений, из уважения к высоким качествам души почившего») из Санкт-Петербурга, а также с дач в окрестностях столицы. 14 августа 1901 г. в отпевании в Гатчинском Павловском соборе, которое возглавил член Синода, епископ Петр (Лосев), участвовали 16 протоиереев и священников, 5 диаконов. Неделью спустя могилу почившего посетил первенствующий член Синода, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский) [8, с. 25–26].

К сожалению, имя А.Н. Львова было изрядно подзабыто. Выявление ранее неизвестных источников для написания его биографии, на наш взгляд, будет способствовать и дальнейшему изучению научного наследия Н.В. Калачова, и новым исследованиям по истории Синодального архива и архивного дела в целом.

Библиографический список

1. *Богомолов А.Б.* Сохранение памятников старины в Русской православной церкви (1889–1901) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIII Междунар. науч. конф., Иваново, 27–28 марта 2024 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. С. 48–52.

2. *Богомолов А.Б.* Особенности церковного законодательства о сохранении памятников древности России в конце XIX – начале XX века Вестник Исторического общества Санкт-петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 51–68.

3. Венки на могилу Аполлинария Николаевича Львова, почетного члена и товарища председателя Совета Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви († 11 Авг. 1901 г.). СПб., 1902.

4. Дневник Аполлинария Николаевича Львова / введ. ст., коммент. С.Л. Фирсова // Нестор. 2000. № 1. С. 8–164.

5. *Калачов Н.Ф.* Некоторые данные о разработке материалов в наших архивах и об изучении нашего народного быта // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани. Казань, 1884. С. 19–28.

6. «Князя церкви» (дневник А.Н. Львова) // Красный архив. 1930. № 39. С. 108–148; № 40. С. 97–124.

7. *Львов А.Н.* Воспоминания о Н.В. Калачове, как руководителе занятий слушателей Археологического института // Вестник археологии и истории. 1886. Вып. V. С. 25–31.

8. Памяти А.Н. Львова // Отчет о деятельности Высочайше утвержденного 4 апреля 1881 года Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви за 1901 год. СПб., 1902. С. 18–26.

9. Пятидесятилетие Высочайше утвержденной комиссии по разбору и описанию Архива Святейшего Синода. 1865–1915: Историческая записка. Пг., 1915.

10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1628. Оп. 1. Д. 28.

11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 164. Д. 2449.

12. РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 191.

13. *Соболевский А.И.* А.Н. Львов (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Ноябрь. С. 74–81.

14. Энциклопедический словарь: в 12 т. / Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. Доп. т. II: Кошбух – Прусик. СПб., 1906.

УДК 322.2; 321

С.И. Бойко,

доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

ПРАВОСЛАВИЕ В МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье исследовано влияние православия на эволюцию российского политического режима в современных условиях. Рассмотрена зависимость модернизации политического режима от особенностей российской православной цивилизации. Взаимозависимость российского политического режима и цивилизации указывает на необходимость углубленных исследований и обновления теории политических режимов, преподаваемой в высшей школе Российской Федерации.

Ключевые слова: православие, политический режим, модернизация, российская цивилизация.

S.I. Boyko,

Associate professor, Russian state university for the humanities (Moscow)

ORTHODOXY IN THE MODERNIZATION OF THE POLITICAL REGIME OF CONTEMPORARY RUSSIAN CIVILIZATION

Abstract. The article examines the influence of orthodoxy on the evolution of the Russian political regime in modern conditions. The article considers the dependence of the modernization of the political regime on the peculiarities of the Russian orthodox civilization. The interdependence of the Russian political regime and civilization indicates the need for in depth search and update of the theory of political regime taught at the higher school of the Russian Federation.

Key words: orthodoxy, political regime, modernization, Russian civilization.

В российской политической науке тематика вопросов, связанных с модернизацией политических режимов и трансформацией политических систем остается предметом теоретических дискуссий, является проблемным полем при преподавании политологии в высшей школе.

В современной России предстоит теоретически обосновать, как необходимо развивать национальную политическую систему без отрыва от цивилизационных особенностей многополярного мироустройства, в каком направлении ориентировать вектор социально-политической модернизации российского политического режима.

Теории политических режимов достаточно подробно изложены во многих неоднократно издаваемых в России учебниках для университетов, например, в «Политологии» Ю.В. Ирхина [5, с. 98–130], в «Политологии» под ред. А.Ю. Мельвиля (для МГИМО, в котором отдельная глава посвящена демократии) [7, с. 129–229], в «Политологии» Э. Хейвуда (этот учебник по политологии считается одним из лучших зарубежных) [10, с. 29–49], и т.д.

Вместе с тем, до настоящего времени в учебниках и монографиях преобладает мысль о том, что наиболее благоприятным направлением модернизации политических режимов являются западноевропейский или англосаксонский варианты. Так, в России была издана коллективная монография «Партийная организация и партийная конкуренция в “недодемократических” режимах» [6]. Естественно, российскими политологами и на примере России. И в достаточно далеком уже 2006 году, в то время первый заместитель председателя правительства, кандидат юридических наук, доцент в сфере римского права Медведев Д.А. (в настоящее время заместитель председателя Совета безопасности России) дал интервью журналу «Эксперт», где высказал личное мнение об имеющейся универсальной модели демократии, как эталона для

трансформации российского политического режима. Медведев Д.А. в интервью утверждал: «Мне кажется, "суверенная демократия" – далеко не идеальный термин, впрочем, как и любой другой. Гораздо более правильно говорить о подлинной демократии или просто о демократии при наличии всеобъемлющего государственного суверенитета. Если же к слову «демократия» приставляются какие-то определения, это создает странный привкус. Это наводит на мысль, что все-таки речь идет о какой-то иной, нетрадиционной демократии» [3]. Между тем, в 2016 г. издана также коллективная монография западных политологов с названием, предполагающим глубокий политический анализ: «Цивилизация, притворяющаяся страной: ведущие западные аналитики о России» [11].

Поэтому при изложении теорий политических режимов у преподавателя возникает ощущение амбивалентности, поскольку не может быть универсального эталона политического режима, «подлинной демократии», наподобие эталона физического метра для измерения длины предметов или расстояний. В каждом государстве демократический политический режим имеет национальные особенности, и это предмет научных обсуждений на конференциях, предмет дискуссий среди организаторов государственного управления. Показателен пример острой дискуссии в марте 2021 г. на встрече высокопоставленных делегаций КНР и США в Анкоридже. Тогда на переговорах возник публичный спор о политическом режиме в КНР, высокомерно инициированный членами делегации США, утверждавшими, что они представляют весь демократический мир, а в Китае «неправильная демократия». И был получен жесткий прямолинейный ответ китайских представителей, что делегация США никого, кроме государства США, не представляет на переговорах: «И у Соединенных Штатов есть свой стиль, демократия американского типа. А в Китае существует китайская демократия» [12]. Различия в культурах, порождаемые языковыми, ментальными и традиционными различиями, формируемые в значительной степени цивилизационными факторами и политический историей государств и народов, объективно приводят к национальному характеру политических режимов.

Любая религия оказывает решающее влияние на формирование и модернизацию политической системы в том или ином государстве, соответственно на политический режим. Религия – учение о вере, объединяющее людей в сообщества, добровольные и влиятельные как в государствах, так и за границами государств. Религия призывает людей соблюдать законы и уважать общечеловеческие ценности, связывает настоящее и прошлое. Религия учит, как следует жить, объясняет сущность жизни, обращается к душе человека, определяет отношение граждан к государственному управлению, участвует в оформлении политического режима и его национальных особенностей. В контексте темы

статьи, в православии (но вообще говоря, в любой официально признанной в российской конституции религии) моральные нормы опираются на предания, традиции, легенды о предках, опираются на исторически сложившуюся политическую культуру, влияют на законодательство и государственное управление, на политический режим. Выдающийся российский политолог проф. Ирхин Ю.В. считал, что наиболее удачным вариантом определения политического режима может быть следующее: «Под политическим режимом понимается совокупность элементов идеологического, институционального и социологического порядка, способствующих формированию политической власти в данной стране на определенный период» [4, с. 325]. Православие в современной России является неотъемлемой составной частью российской политической культуры, идеологическим элементом политического режима. Православие не ограничено территорией одного государства. И можно говорить о распространении православия на группу стран, или государств, на территорию цивилизации. Многие исследователи правомерно говорят о православной цивилизации. Цивилизация – это в обобщенном виде исторически конкретный **этап развития общества, который имеет устойчивые характеристики социальной организации, экономическо-технологический способ производства и социально-политических отношений с соответствующими политическими институтами и культурными достижениями**. Общие объединяющие объективные элементы цивилизаций подчеркивал Хантингтон С.: «Язык, история, религия, обычаи, социальные институты» [9, с. 49]. Хантингтон С. Выделяет «отдельную православную цивилизацию с центром в России, отличную от западного христианства» [9, с. 54], причем подчеркивает: «Цивилизация может содержать одно или более политических образований. Эти образования могут быть городами-государствами, империями, федерациями, конфедерациями, национальными государствами, многонациональными государствами, и у всех них могут быть различные формы правления» [9, с. 51].

Решающим аргументом в дискуссии стал Указ Президента России от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»: «Россия – великая страна с многовековой историей, государство-цивилизация, сплотившее русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность и внесшее огромный вклад в общемировое развитие. В основе самосознания российского общества лежат формировавшиеся и развивавшиеся на протяжении всей истории России традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, сохранение и защита которых являются обязательным условием гармоничного развития страны и ее

многонационального народа, неотъемлемой составляющей суверенитета Российской Федерации» [8].

Российский политолог и социолог, известный автор научных исследований российской православной цивилизации и российского государственного управления Дугин А.Г. утверждает: «В реальности Россия – это отдельная цивилизация. Мы разошлись с западной цивилизацией в XI веке и стали самостоятельной цивилизацией в XV веке. Осознали себя в XVI–XVII, потом с разной степенью успеха держались, иногда отступая далеко, иногда опять возвращаясь. Сейчас эпоха возвращаться к тому, что мы – государство-цивилизация. Об этом говорит наш президент, об этом говорят многие высокопоставленные люди» [2].

Политическая история у каждого государства своя, с национальными особенностями, которые и дают основание считать, что не существует единого, эталонного политического режима или модели государственного управления. В современной России в формировании процессов модернизации политического режима объективно важную роль играет православие, и в этом отличие от политических режимов в иных государствах, от иных цивилизаций постепенно оформляющегося многополярного мироустройства. Дугин А.Г. программирует оптимистичный сценарий будущего: «И возникнут сплочённые своими традиционными ценностями государства-цивилизации, которые станут выстраивать совершенно иной порядок и выступают против колониализма Запада, против его положения как единственной цивилизации. Это предрёк Самюэль Хантингтон тридцать с лишним лет назад» [1].

Это ставит проблему политического режима и национального политического управления, культуры православия в многонациональном и многоконфессиональном государстве-цивилизации в центр углубленного изучения глобальных социально-политических процессов. С целью обеспечения адекватного понимания социальной реальности и аргументированного преподавания в высшей школе направлений модернизации российского политического режима. Уже очевидно, что проект глобального однополярного мира не состоялся.

Библиографический список

1. Александр Дугин: Мир цивилизаций. [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/26668> (дата обращения: 02.01.2026).
2. Александр Дугин: Мы – государство-цивилизация. [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/27146?ysclid=mjx9kulzrt312220616> (дата обращения: 02.01.2026).
3. Интервью первого вице-премьера правительства России Дмитрия Медведева главному редактору журнала «Эксперт» Валерию Фадееву. [Элек-

тронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/expert/2006/28/medvedev/> (дата обращения: 10.01.2026).

4. *Ирхин Ю.В.* Политический Режим // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд. М.: Мысль, 2003.

5. *Ирхин Ю.В.* Политология: учебник для академического бакалавриата. в 2 ч. Ч. 2: Теория политической мысли. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. 459 с.

6. Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических» режимах / под ред. Ю.Г. Коргунюка [и др.] М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); РОССПЭН, 2012. 300 с.

7. Политология: учебник / А.Ю. Мельвиль [и др.]. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Изд-во Проспект, 2008. 618 с.

8. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 10.01.2026).

9. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2015. 571 с.

10. *Хейвуд Э.* Политология: учебник для студентов вузов / пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова и В.Ю. Бельского. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-Дана, 2013. XVIII, 525 с.

11. Цивилизация, притворяющаяся страной: ведущие западные аналитики о России: пер. с англ. М.: Эксмо, 2016. 384 с. (Россия vs. Запад. Вчера, сегодня, завтра).

12. CNBC (США): основные моменты жесткого диалога между представителями США и Китая во время встречи на Аляске. [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210320/249381776.html> (дата обращения: 10.01.2026).

И.Ф. Верещагин,

доцент, Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова (Архангельск)

СОПРИЧАСТНОСТЬ ВЕРУЮЩИХ К РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЯ (НА ПРИМЕРЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье автор анализирует степень вовлечённости населения в Русскую Православную Церковь через посещение храмов, через уровень знаний о структуре и иерархии Церкви, а также через участие в религиозной общине.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, конфессиональная принадлежность, Архангельская область.

I.F. Vereshchagin,

Associate professor, Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk)

THE INVOLVEMENT OF BELIEVERS IN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: THE PROBLEM OF THE CRITERION (ON THE EXAMPLE OF THE ARKHANGELSK REGION)

Abstract. In this article the author analyzes the degree of involvement of the population in the Russian Orthodox Church through visits to temples, through the level of knowledge about the structure and hierarchy of the Church, as well as through participation in the religious community.

Key words: Russian Orthodox Church, confessional affiliation, Arkhangelsk region.

В силу того, что в программе Всеобщей переписи населения в России за последние годы так и не появился вопрос о конфессиональной принадлежности, мы до сих пор лишь косвенно можем судить о преобладании православия среди граждан. Во-первых, это часто подаётся как само собой разумеющееся. Взятое как аксиома выражение «Россия – православная страна» на самом деле разбивается о факт культурного многообразия, в том числе в различных субъектах федерации. Во-вторых, о преобладании православия судят, исходя из опросов общественного мнения. Однако тут следует помнить о некотором несовершенстве социологического инструментария. С одной стороны, вопрос в анкете может быть закрытым, а не открытым, т.е. намерено ограничивать респондента

в выборе среди «традиционных» для России конфессий. С другой стороны, сам вопрос о конфессиональной принадлежности может быть понят респондентами превратно (отсюда, например, курьёзные случаи, когда треть опрошенных, называющих себя православными, считают, что Бога нет [1]). В-третьих, о преобладании православия в России судят по мощи и разветвлённости организации – Русской Православной Церкви. Но не всегда жизнь на уровне прихода говорит о широкой воцерковлённости населения.

Мы не ставим под сомнение исключительное значение РПЦ и православия в жизни российских граждан, но всё же считаем, что было бы крайне важно прояснить конфессиональную картину страны, или хотя бы отдельного региона – Архангельской области. За неимением актуальной официальной статистики по конфессиональной принадлежности населения обратимся к той информации, которая регулярно декларируется на официальных ресурсах администрации региона. В частности, отмечается, что в регионе зарегистрировано 218 религиозных организаций, из которых 187 относятся к РПЦ. Констатируется, что региональная конфессиональная модель представлена системой различных религиозных объединений, в которых преобладает православие, Архангельская митрополия имеет высокий общественный авторитет, стабильно развивается. Подавляющая часть раздела «Конфессиональный мир Архангельской области» на сайте Правительства региона посвящена подробностям организации РПЦ [2].

Для того, чтобы понять, насколько эта формальная информация соотносится с реальной жизнью граждан, мы решили обратиться не к массовому анкетному опросу, а глубинному интервью с простыми жителями региона. В данной статье мы ограничимся лишь несколькими моментами из результатов интервью. И для более чётких выводов ограничимся в данном случае семью информантами – женщинами средних лет, поскольку не секрет, что именно эта демографическая категория является наиболее частыми последовательницами православия. При этом информантки представляли разные муниципалитеты: по две из Архангельска и Северодвинска (самые крупные муниципалитеты, в которых проживает половина населения региона), три из Онежского, Пинежского и Устьянского округов (из разных частей области).

Одна из часто встречаемых претензий к подсчёту православных – это выбор критерия. Самостоятельная идентификация себя как православного без элементов воцерковления вряд ли может удовлетворить. Должна быть демонстрация сопричастности к религиозным обрядам, событиям, объектам. Отсюда также возникло полупублицистичное разделение на прихожан и «захожан» (посещающих храмы нерегулярно, по

особым поводам, чаще по большим праздникам). К такому нерегулярному посещению могут подталкивать обстоятельства, как например, у информантки из Онежского округа: в её деревне старый, действующий храм, и нет своего священника, который бы проводил регулярно службы. Двум другим сельским информанткам повезло больше – работающие храмы в шаговой доступности. Одна отметила, что старается ходить по воскресеньям и по праздникам, ноне всегда получается, так как работающий, занятой человек. Другая, неработающая, как раз наоборот, ходит и в будние дни.

У городских верующих, конечно, больше возможностей, поскольку церквей в шаговой доступности больше. Хотя не всегда – одна из северодвинок ходит в церковь на рабочем обеденном перерыве, потому что она рядом с работой, а у дома нет. Но в целом транспорт позволяет добираться до разных церквей в пределах города. Одна из архангелогородок даже сказала, что выбрала церковь самую близкую по духу. Вместе с тем, она же призналась, что бывает там очень редко («Стыдно, но, видимо, нет пока такой потребности»). Порой горожане выбирают церкви, действительно, не из-за географической близости, а в силу биографических обстоятельств (на кладбище при церкви похоронены родственники; были крестины или венчание). Ещё одна информантка из Архангельска заявила о том, что заходит в такую церковь, когда на душе становится беспокойно, когда что-то происходит нехорошее в жизни, а иногда просто так. Но при этом она же добавила: «Я, наверное, всё-таки не фанатик такой, что мне надо в церковь идти, там молиться. Я могу, например, помолиться дома: у меня те же иконки есть, те же свечи и также своими словами я могу помолиться». Эти слова говорят о возможности религиозной автономии, когда верующий сам устанавливает правила и сроки обрядовости, догматические ориентиры и трактовки событий, а также об индивидуальном, а не коллективном религиозном эмоциональном переживании. Примечательно, как одна из жительниц Северодвинска объяснила, почему не часто посещает церковь: «Для меня это всё очень тяжело даётся. Вот эта атмосфера церкви, храма, она воздействует с такой силой, что я просто не могу себя эмоционально сдерживать. У меня текут слёзы». В таком случае можно поставить под сомнение сопричастность подобного верующего к единому церковному организму.

Мы задавали информанткам напрямую вопрос о том, считают ли они себя частью Русской Православной Церкви. Единый церковный организм, как известно, состоит из клира и мира: активные миряне, прихожане должны ощущать себя частью церкви. Но если граждане редко ходят в храм, есть ли это ощущение? Ответы информанток были

довольно примечательны. Жительница Онежского округа чётко аргументировала: «Я же верю в Бога, значит, я часть Русской Православной Церкви» (косвенно это повторила и жительница Пинежского округа). А вот информантка из Устьянского округа подтвердила свою сопричастность через то, что ходит в церковь, исповедуется, причащается.

Одна из северодвинок привела целую цепочку тезисов, показывающих её идентификацию: «Я живу в России. Моё гражданство Российская Федерация. Моя национальность – я русская. Моё вероисповедание христианство. Если я принимаю данную веру, значит, я являюсь частью Русской Православной Церкви». В данном случае информантка сама показывает привязку конфессиональной идентичности к этнической и даже территориальной идентичности. При этом одна из архангелогородок уточняет: «Я, как русский человек, считаю, что я часть православной церкви. Не церкви, а религии православной. Скорее всего, так правильнее ответить». То есть в её сознании вполне можно не состоять в Церкви как организации, но вероисповедание определяется через этническую принадлежность. С точки зрения науки, не может быть такой жёсткой закономерности (русский – значит, православный), но это довольно характерный, стереотипичный взгляд граждан.

Помимо собственного ощущения (являюсь ли частью Церкви) сопричастность к РПЦ, на наш взгляд, может показать информированность (знание о сути, структуре, иерархии и т.п.) и соучастие (членство в общине). Важность информированности может вызывать, на первый взгляд, сомнения: так ли уж важно верующему разбираться в организационной жизни РПЦ? Однако, с нашей точки зрения, индивид, состоящий в той или иной организации или идентифицирующий себя с ней, не может не знать её основ. Наши информанты показали весьма поверхностный уровень знаний – это не говорит о том, что они как-то не так верят, но это интересная характеристика.

Одна из северодвинок призналась, что хоть и пыталась разобраться в структуре и иерархии, но боится ошибиться. Она знает, что во главе Церкви стоит Патриарх всея Руси Кирилл. Но ей более понятен близкий уровень – «батюшка» и «матушка». При чём «батюшка» – это чёрная ряса, обязательно крест на груди, обязательное ношение головного убора, а «матушка» – это его жена, которая помогает ему, проводит какие-то консультации по поводу крещения, посещения церкви, кому, куда, какой иконе поставить свечку. Это близкий и понятный для обычного прихожанина уровень организации. Другая северодвинка показала знания санов епископов и митрополитов, а также разделения на белое и чёрное духовенство (правда, сама же заявила, что узнавала об этом,

читая Ф.М. Достоевского). Она заявила, что хоть и не особо понимает, но представляет данную структуру, во главе которой патриарх.

Жительница Онежского округа тоже смогла назвать патриарха Кирилла, а также упомянула митрополитов, архиепископов, епископов. Хотя всё же признала, что всех тонкостей, конечно, не знает и специально никогда не интересовалась. Самых главных иерархов она может отличить по дорогим одеждам и головным уборам. Одна из архангелогородок повторила данные слова о цветовой дифференциации одеяний иереев. Она также знает патриарха, которого «очень часто у нас сейчас показывают по телевизору».

Другая архангелогородка вроде бы признала значимость информированности, но затем заявила, что «возглавляет нашу церковь Алексий, честно говоря, очень уважаю». Возможно, она просто оговорилась, но далее она показала, что для неё не так важны имена и саны, сколько слова и харизма священнослужителей. Жительница Устьянского округа тоже не интересовалась подробностями иерархии и структуры («Мне главное человек»). Возможно поэтому она вспомнила имя Кирилла, но назвала его митрополитом, хотя вполне вероятно, что она перепутала имя и имела в виду архангельского митрополита Корнилия. Как раз информантка из Пинежского округа обратила внимание на то, что поскольку живёт в сельской местности, знает свой местный уровень: и архангельского митрополита Корнилия, и местного благочинного архимандрита Иосифа, и батюшку Кирилла. Интересно, что информантка сама заявляет, что иерархия в Церкви чем-то схожа со светской жизнью: «у нас тоже власть есть на территории, на местах, она есть в округе, есть в области, и есть как бы в целом в государстве».

Ещё один важный аспект сопричастности – это фактическое членство в приходской общине, какое-либо соучастие в её деятельности. Несмотря на большой выбор церквей в городах, оказалось, что информантки из Архангельска и Северодвинска ни в каких общинах не состоят, хотя знают, что это возможно. Одна из северодвинок чётко заявила, что не состоит в общине, не принимает участие в жизни прихода, поскольку называет себя «очень скромным, тихим, пока сторонним обывателем». Вместе с тем, её интересует община одного из храмов, где есть воскресная школа для детей и взрослых. И вроде бы у неё есть желание записаться в эту школу, но пока на это нет времени.

Информантка из Онежского округа хоть и сказала, что её местное сообщество нельзя назвать общиной, всё же описала совершенно общинное поведение. Небольшая группа людей поддерживает в храме чистоту, ремонтирует, собирает деньги. Конечно, это может показаться скромным уровнем, но именно эти действия порождают сопричастность, чужой

человек вряд ли будет это делать. Информантке из Пинежского округа довелось более активно поучаствовать в местной общине при храме. Участники помогают храму, убирают территорию. Когда клир обращается к мирянам, те помогают. Или они сами предлагают что-то, советуются со священником. Даже на какие-то светские мероприятия приглашают священника, «чтобы нам не отрываться». Жительница Устьянского округа призналась, что поскольку не является активисткой, она не проявляет инициативы. Но если какая-то помощь нужна, то готова помочь в общине, которая состоит примерно из двадцати человек.

Примечательны рассуждения одной из архангелогородок, которая в ходе интервью сама провела аналогию с сектой и заявила, что не является фанатиком, как некоторые люди. Оказалось, что несмотря на то, что она всегда жертвует деньги на божьи дела, когда оказывается в храме, у неё был не приятный опыт взаимодействия в общине («почему-то у меня не задалось»). Она описала, что в общине столкнулась с «фанатичными» женщинами, было очень много правил, определённых порядков, которые, по её мнению, лишние, мешают людям зайти в церковь и просто почувствовать себя в церкви хорошо. Архангелогородка резюмировала: «Может, я какая-то неправильная женщина. Но у меня православная вера внутри меня, как у русского человека. Вот мне даже не надо идти в церковь».

И это примечательно для нашего исследования, поскольку подтверждает, что не только количество храмов, но и количество местных религиозных организаций не может служить показателем доли верующих православных среди населения страны или региона. А массовые анкетные опросы покажут лишь формальную сторону явления, тогда как глубинные интервью раскрывают особенности религиозности наших граждан.

Библиографический список

1. «Индекс веры»: сколько на самом деле в России православных // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20170823/1500891796.html?ysclid=mk7e322hl7738981675> (дата обращения: 09.01.2026).
2. Конфессиональный мир Архангельской области // Правительство Архангельской области. URL: https://dvinaland.ru/gov/national_policy/confessions/ (дата обращения: 09.01.2026).

А.Е. Волчков (епископ Лука),

аспирант, Общецерковная аспирантура и докторантура им. Святых Кирилла и Мефодия (Москва), епископ Биробиджанский и Кульдурский

НОВОСИБИРСКАЯ ЕПАРХИЯ В 1964 г.: ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА И НАПРАВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Новосибирская епархия вошла в период строительства «развитого социализма» на грани прекращения существования при минимальном числе храмов и клириков. Несмотря на усиливающийся контроль и атеистическую пропаганду ситуация начала меняться после назначения на Новосибирскую кафедру архиепископа Павла (Голышева).

Ключевые слова: Новосибирская епархия, архиепископ Павел (Голышев), уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Новосибирской области А.С. Николаев, гражданская обрядность, комиссии по соблюдению Законодательства о культах.

A.E. Volchkov (Bishop Luka),

Postgraduate Student, Saints Cyril and Methodius Church Postgraduate and Doctoral School (Moscow), Bishop of Birobidzan and Kuldur

NOVOSIBIRSK DIOCESE IN 1964: ORGANIZATIONAL STRUCTURE AND DIRECTIONS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION

Abstract. The Novosibirsk Diocese entered the period of building “developed socialism” on the brink of collapse, with a minimal number of churches and clergy. Despite increasing control and atheistic propaganda, the situation began to change after the appointment of Archbishop Pavel (Golyshev) to Novosibirsk Diocese.

Key words: Novosibirsk Diocese, Archbishop Pavel (Golyshev), authorized representative of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Novosibirsk Region A.S. Nikolaev, civil rituals, commissions for compliance with the Legislation on Cults.

В истории СССР датой, завершившей эпоху «хрущевской оттепели» и ставшей началом периода «развитого социализма» стало 14 октября 1964 г. В этот день на Пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев был отстранен от должности Первого секретаря ЦК КПСС, а Л.И. Брежнев избран Первым секретарем и Председателем Бюро ЦК КПСС по РСФСР [13, л. 49]. Это событие стало началом одного из непростых этапов

истории Новосибирской епархии в пределах Новосибирской области (1937–2011), в котором были использованы все рычаги административно-правового регулирования, заложенные идеологами церковной политики 1953–1964 гг.

Поскольку история Новосибирской епархии в 1964–1982 гг. не выступала в качестве предмета исследования, обращение к ее положению на первом этапе становления государственно-церковных отношений времени Л.И. Брежнева представляется актуальным.

Историография поставленной проблемы не отличается обширностью. Различные аспекты истории Русской Православной Церкви в XX в. рассматриваются в монографиях Д.В. Поспеловского [12], М.И. Одинцова [9] и М.В. Шкаровского [17]. В 2024 г. было издано исследование, посвященное истории Новосибирской епархии [11], в котором автор кратко касается событий 1960-х гг. Религиозная политика советского государства в 1980-е гг. анализируется в статье А.Н. Васькина [1, с. 38–43]. Ряд публикаций посвящен личности архиепископа Павла (Голышева) [5, с. 264–275; 14, с. 204–223; 16, с. 110–116]. В 2000-х гг. пристальное внимание уделялось деятельности уполномоченных Совета по делам религий при Совете министров СССР Западной Сибири, в том числе Новосибирской области [15].

К концу «хрущевских» гонений Новосибирская епархия оказалась на грани прекращения существования [10, с. 672–680]. На 1 января 1964 г. здесь оставалось 5 зарегистрированных церковных общин [2, л. 30], но действовали только 4 храма, поскольку в с. Колывань «из-за нарушения правил противопожарной безопасности» церковная община оставалась зарегистрированной, но храм временно не действовал [2, л. 32]. Четыре церкви были отнесены уполномоченным Советом по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Новосибирской области А.С. Николаевым к категории сельских (в том числе в с. Колывань), и один имел статус молитвенного дома. Ежедневно богослужения совершались в одной церкви, в трех – по воскресеньям, субботам и церковным праздникам [2, л. 30].

Клир Новосибирской епархии, возглавляемой епископом Кассианом (Ярославским) [10, с. 765] также отличался малочисленностью. В четырех храмах несли служение 7 священников (два из них в сельской местности) и 4 диакона. Учитывая малочисленность клириков, уполномоченный не мог повлиять на их возрастной ценз и уровень образованности. Четверо из священнослужителей были молодыми – в возрасте до 40 лет. Один священник был выпускником духовной семинарии и один – духовной академии [2, л. 34].

Священнослужители Новосибирской епархии несли напряженное служение: в 1963 г. ими было крещено 6682 ребенка, что составило 13,5 % от общего числа родившихся в Новосибирской области; совершено 35 венчаний браков и 647 очных отпеваний [2, л. 35].

Одиннадцать священнослужителей за 1963 г. смогли обеспечить общий доход епархии 411336 руб. 95 к.: 231062 руб. 54 к. от продажи свечей, 13377 руб. 64 к. тарелочно-кружечного сбора и 105419 руб. 56 к. от исполнения треб. В фонд мира к 1 января 1964 г. Новосибирская епархия внесла 51600 руб. [2, л. 36].

К 1 января 1965 г. зарегистрированными остались только 4 церковных общины. Богослужения совершались только в двух церквях и одном молитвенном доме. Число клириков оставалось таким же – 7 священников и 4 диакона [3, л. 35].

На протяжении 1964 г. клириками Новосибирской епархии было совершено 4351 крещение детей (12,1 % от числа родившихся); 48 венчаний браков и 647 захоронений по церковному обряду и 8148 заочных отпеваний [3, л. 36].

Общий доход Новосибирской епархии за 1964 г. составил 207813 руб. 41 к., в том числе 31773 руб. от исполнения религиозных обрядов; 227505 руб. от продажи свечей; 6516 руб. от продажи просфор; 20002 руб. от тарелочно-кружечного сбора и других пожертвований [3, л. 37]. Несмотря на сокращение доходов, епархия внесла в фонд мира 60000 руб. [3, л. 38].

В обстановке усилившегося контроля со стороны властей, с 10 июня 1964 г. в качестве епархиального архиерея Новосибирской епархии начал свою деятельность выдающийся архипастырь – архиепископ Павел (Гольшев) [7, с. 342]. Понимая, что епархия находится в сложной ситуации, он, невзирая на позицию уполномоченного, начал увеличивать число клириков. На 1 января 1965 г. в Новосибирской области, благодаря усилиям иерарха, было зарегистрировано 13 священнослужителей, из которых 7 были священниками. Из них высшее духовное образование имел один священник, духовную семинарию окончили четверо. Один священник учился заочно в духовной академии и один – в семинарии. Из 13 клириков духовного образования не имел один священник. Из четырех дьяконов один имел высшее духовное образование и три человека не имели духовного образования. По возрасту духовенство было: от 30 до 40 лет – 1 человек, от 40 до 50 лет – 4, от 50 до 60 лет – 2, и старше 60 лет – 4 человека [3, л. 45].

Особенное внимание архиепископ Павел уделял нравственному облику духовенства. Как сообщал в отчете уполномоченный, «Архиепископ Павел повысил требовательность к духовенству, например, сейчас

все священники носят бороды и длинные волосы, чего не было при прежних архиереях. Архиепископ Павел чаще выезжает в церковные приходы и сам там проводит службы» [3, л. 51].

Жизнь Новосибирской епархии, возглавляемой до 7 мая 1964 г. архиепископом Кассианом (Ярославским) и с 10 июня 1964 г. архиепископом Павлом (Голышевым), проходила в тяжелых условиях продолжающегося контроля со стороны уполномоченного А.С. Николаева и административно-правового регулирования, регламентируемого Советом по делам Русской православной церкви [7, с. 342].

Основным рычагом притеснения Церкви в 1964 г. было исполнение постановления ЦК КПСС от 2 января 1964 г. «О мероприятиях по усилению атеистического воспитания населения» [8, с. 22–26]. После его принятия в ряде районов Новосибирской области усилилась атеистическая пропаганда и контроль за деятельностью религиозных обществ [3, л. 41].

Атеистическая пропаганда реализовывалась в широком внедрении в быт новых праздников и обрядов. Так, например, в городах Новосибирске и Куйбышеве Новосибирской области в дни масленицы были организованы проводы «русской зимы», на Троицу проведен день «березки». Как сообщал в отчете в Совет уполномоченный А.С. Николаев, «с большим подъемом были организованы проводы молодежи в ряды Советской Армии» [3, л. 46]. В 1964 г. в городах и селах Новосибирской области было проведено 610 торжественных регистраций браков и 172 торжественные регистрации новорожденных. Впервые были организованы дни «памяти умерших». В этот день в селе Ново-Луговое на кладбище на траурном митинге присутствовало свыше 1000 человек [3, л. 47]. Увеличивалось количество лекций по «научному атеизму». Если за 9 месяцев 1963 г. было прочитано 2299 лекций, то за 9 месяцев 1964 г. – 3210 [3, л. 49].

В 1964 г. в Новосибирской области усилили работу комиссии по соблюдению Законодательства о культах, которые на общественных началах контролировали деятельность, прежде всего, финансовую, религиозных обществ и групп, обращая основное внимание на храмы Русской Православной Церкви. В ряде районов области комиссии пристальное внимание уделяли детям из религиозных семей. Так, комиссия Краснозерского района совместно с работниками школ изучили какое религиозное влияние оказывают на своих детей «церковники». В результате активного воздействия учителей и членов комиссии несколько школьников были вовлечены в пионерские организации [3, л. 50]. Аналогичную работу проделала комиссия Куйбышевского райисполкома.

Комиссия содействия Октябрьского района Новосибирска выявила ряд нарушений законодательства о культах [3, л. 50].

Итак, 1964 г. в истории Новосибирской епархии был переломным. Епархия вошла в период строительства «развитого социализма» в пограничном состоянии, в 4-х действующих храмах несли служение всего 7 священников и 4 диакона. Их деятельность осуществлялась при усиливающемся давлении со стороны уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Новосибирской области, инициировавшего активизацию антирелигиозной пропаганды и внедрение советской гражданской обрядности при усилении контроля со стороны комиссий по соблюдению Законодательства о культах. В этой ситуации переломом стала позиция архиепископа Павла (Голышева), прилагавшего усилия для увеличения числа клириков.

Библиографический список

1. Васькин А.Н. Изменение отношений государства и Русской Православной Церкви в 1980-е гг. (на примере Новосибирской и Барнаульской епархий) // Вестник КеМГУ. 2013. № 2 (542). Т. 1. С. 38–43.
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 76.
3. ГАО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 80.
4. Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Горбатов Алексей Владимирович; Кемер. гос. ун-т. Кемерово, 2009. 437с.
5. Гуляев В.В., *свящ.* Церковная жизнь в Новосибирской епархии в 1964–1972 годах (по материалам уполномоченных по Новосибирской области) // Церковный историк. 2019. Т. 2, № 2. С. 264–275.
6. Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С. Деятельность уполномоченных по делам религий при Совете Министров СССР в середине 1960-х – начале 1980-х гг. (на примере Алтайского края) // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 100–112.
7. История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М.: ПСТБИ, 2006. 925 с.
8. О мероприятиях по усилению атеистического воспитания населения // Партийная жизнь. 1964. № 2. С. 22–26.
9. Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М.: ЦИНО, 2002. 310с.
10. Павлова О.А., Пивоваров Б., *свящ.* Новосибирская и Бердская епархия // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2018. Т. LI. С. 672–680.
11. Пивоваров Б.И. Очерк истории Новосибирской епархии, 1924–2024 / прот. Борис Пивоваров. Новосибирск: Новосибирская епархия Русской православной церкви, 2024. 217 с.
12. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке: пер. М.: Республика, 1995. 509 с.

13. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 1200.

14. *Симон (Истоков), иером.* Борьба за права Церкви после окончания хрущевских гонений (на примере служения архиепископа Павла (Голышева) на Новосибирской кафедре в 1964–1972 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 1 (29). С. 204–223.

15. *Сосковец Л.И.* Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века / под ред. Н.С. Ларькова. Томск: Том. гос. ун-т, 2003. 346 с.

16. *Четверяков Е.Н.* Новосибирский архипастырь Павел (Голышев) – участник Сопротивления // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 110–116.

17. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече: Лепта, 2010. 478 с.

УДК 271.2

Игумен Агафангел (Гагуа),

помощник Митрополита, Представительство Митрополичьего Округа Русской Православной Церкви в Республике Казахстан в г. Москва, кандидат богословия, д.м.н., профессор, проректор Алма-Атинской православной духовной семинарии (Республика Казахстан)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ЕПАРХИЙ В КАЗАХСТАНЕ В 1927–1991 гг.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о времени и обстоятельствах формирования православных епархий в Казахстане в 1927–1991 гг. Первые епархии были ограничены в возможности деятельности; с 1937 г. по 1945 г. их деятельность была полностью прекращена. Показано, что четко определить канонические границы епархий в Казахстане стало возможным только после возобновления деятельности епархий после Великой Отечественной войны. С 1960 по 1991 г. в Казахстане действовала только одна православная епархия. Еще две были образованы в 1991 г., а единая церковная административная структура для православных Казахстана Митрополичий Округ Русской Православной Церкви в Республике Казахстан был создан только в 2003 г.

Ключевые слова: Алма-Атинская епархия, Семипалатинская епархия, Петропавловская епархия, Чимкентская епархия, Уральская епархия.

Hegumen Agafangel (Gagua),

Assistant to the Metropolitan in the Office of the Metropolitan District of the Russian Orthodox Church in the Republic of Kazakhstan in Moscow; Candidate of Theology, Doctor of Medicine, professor, Vice Rector of Alma Ata Orthodox Theological Seminary (Republic of Kazakhstan)

FORMATION OF ORTHODOX DIOCESES IN KAZAKHSTAN IN 1927–1991

Abstract. The article examines the time and circumstances of the formation of Orthodox dioceses in Kazakhstan from 1927 to 1991. The first dioceses were limited in their activities, and their operations were completely suspended from 1937 to 1945. It is shown that it was only after the resumption of diocesan activities after the Great Patriotic War that the canonical boundaries of the dioceses in Kazakhstan could be clearly defined. From 1960 to 1991, there was only one Orthodox diocese in Kazakhstan. Two more were established in 1991, and the unified church administrative structure for the Orthodox Church in Kazakhstan, the Metropolitanate of the Russian Orthodox Church in the Republic of Kazakhstan, was established only in 2003.

Key words: Alma-Ata Diocese, Semipalatinsk Diocese, Petropavlovsk Diocese, Chimkent Diocese, Ural Diocese.

Несмотря на все историческое значение создания Туркестанской епархии с центром в г. Верный (Алма-Ате) в 1871 г., именно создание самостоятельной Алма-Атинской епархии в 1927 г., а затем Семипалатинской в 1928 г. стало началом формирования непосредственно казахстанских церковных канонических и административных структур.

Говоря о формировании административных границ епархий Казахстана, необходимо отметить, что при создании Алма-Атинской епархии в 1927 г. и Семипалатинской в 1928 г., а также при решении об образовании Петропавловской, Кустанайской и Уральской епархий в 1934 г. в связи с обстоятельствами времени, связанными с деятельностью государства по разрушению централизованного церковного управления, происходившими переменами в административных границах регионов, установить точные канонические границы епархий того времени практически невозможно. К 1937 г. церковная структура в Казахстане была практически разрушена. Возобновление деятельности епархий началось в 1945 г.

После перемен, наступивших в советской государственной религиозной политике после 1943 г., началось постепенное возрождение церковной жизни и в Казахстане. На первом этапе было открыто несколько храмов, которые относились к Ташкентской и Среднеазиатской епархии. Ее правящий архиерей – епископ Кирилл (Поспелов), который, будучи протоиереем, с 1934 по 1943 г. находился в Казахстане сначала в ссылке, а затем в лагере. После освобождения проживал в Актюбинске,

откуда в 1944 г. был вызван в Москву для архиерейской хиротонии. После краткого служения в Пензе, переведен в Ташкент. Поскольку с Казахстаном был связан продолжительный и крайне сложный период его жизни, епископ Кирилл (Поспелов) пытался наладить здесь восстановление церковной организации в новых исторических условиях.

По мере открытия новых храмов, некоторые регионы Казахстана стали относиться к Новосибирской епархии, еще часть к Свердловской. На заседании Священного Синода 12 апреля 1945 г. на основании обращения архиепископа Новосибирского Варфоломея о том, что к нему ввиду удобства сообщения, все время обращаются верующие из Петропавловской и Семипалатинской областей со своими духовными нуждами, между тем как они должны были бы обращаться к епископу Ташкентскому и Средне-Азиатскому, было принято решение «...оставить православные приходы Петропавловской и Семипалатинской областей в ведении Архиепископа и Новосибирского, о чем послать указы Преосвященным Новосибирскому и Ташкентскому» [7, л. 8 об.]. На этом же заседании, на основании донесения епископа Свердловского и Челябинского Товии, что им получено заявление духовенства г. Кустаная и области с просьбой принять православные приходы Кустанайской области под свое непосредственное водительство, было определено «...поручить православные приходы и причт церкви Кустанайской области ведению Преосвященного епископа Товии» [7, л. 8].

При отсутствии отдельной епархии и небольшом числе действующих храмов, тем не менее, с самого начала после появления уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Казахской ССР, начала создаваться целая обширная административная сеть во всех областях республики. Причем, если в регионах РСФСР уполномоченный – это был по существу советский работник сравнительно невысокого уровня – примерно как заведомо облисполкома, то в Казахстане «...обязанности уполномоченных при Облсоветах депутатов трудящихся возложены на первых заместителей председателей Облисполкомов, а в г. Алма-Ата на 1-го заместителя председателя Горисполкома» [6, л. 2], а республиканский уполномоченный оказывался их начальником. Впрочем, этот статус не препятствовал тому, что, как отмечал первый республиканский уполномоченный В.В. Грязных, когда им «...был поставлен вопрос перед Совнаркомом об укомплектовании аппарата, предоставлении оборудованного помещения для канцелярии и создания условий для практической работы, <...> ни одно из моих требований СНК КССР до сих пор не удовлетворил» [6, л. 2].

Интересно, что именно уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви поднял вопрос о необходимости восстановления епархиальной жизни в Казахстане: «В связи с увеличением числа

действующих церквей и приходов по Казахстану, прошу Совет по делам РПЦ рассмотреть вопрос и поставить перед патриархом о необходимости организации в Казахстане самостоятельной епархии и направить для этих целей епископа» [6, л. 2].

Сменивший в этой должности С.Р. Вохменин, который в отличие от своего предшественника выполнял работу республиканского уполномоченного не по совместительству, в письме в Совет по делам Русской православной церкви также писал: «Казахстан разделен на три епархии. Я не знаю, из каких соображений и какой необходимостью вызвано такое деление, но со своей стороны это деление считаю нецелесообразным, а если принимать во внимание географию, то оно будет даже неправильным, между этими областями имеется Павлодарская область, от которой отказываются все три епархии, так как она находится в стороне от железной дороги. В настоящее время в Казахстане, как выше было сказано, что функционирующих церквей немного, всего 11. Но из поступающих заявлений от церковных общин и по сообщениям от облисполкомов имеются большие потребности и настойчивые ходатайства верующих об открытии церквей и молитвенных домов в разных районах республики. Много заявлений идет из районов Восточно-Казахстанской области, Кустанайской, Кокчетавской и Северо-Казахстанской. В районах этих же областей наиболее широко распространены нелегальные службы и самовольные открытия молитвенных домов (Самарка, Зыряновск, Белоусовка, Шучинск, Сарканд и др.). <...> Это обстоятельство также говорит за то, чтобы в Казахстане было единое духовное руководство» [6, л. 34–35]. Наверное, правомочно говорить о том, что инициатива республиканских казахстанских уполномоченных по созданию епархии и открытию храмов в данном случае в этот исторический период была связана и с необходимостью для них показать перед руководством, что у них есть серьезный участок работы.

Постановлением Священного Синода от 5 июля 1945 г. было решено «епископом Алма-Атинским и Казахстанским назначить Преосвященного архиепископа Николая (Могилевского), до сих пор пребывающего на покое и проживающего в г. Челкар, и предложить Преосвященному Алма-Атинскому архиепископу Николаю поручить точно установить границы своей епархии путем переписи с епископами Ташкентским, Новосибирским и Свердловским, с донесением о сем Священному Синоду» [7, л. 7]. Но в Алма-Ату он прибыл лишь в начале ноября 1945 г. [7, л. 17]. Им был создан Епархиальный совет, в который вошли протоиереи Анатолий Сеницын, Михаил Серебрянов и Николай Стоянов [7, л. 18].

В послевоенные годы стали открываться не только приходы, но и епархии; в Казахстане в период 1947–1955 гг. была возобновлена

деятельность Семипалатинской епархии, а с 1957 по 1960 г. – Петропавловская епархия. По поводу восстановления Семипалатинской епархии архиепископ Николай писал Патриарху Алексию I: «принимая во внимание тенденцию Семипалатинска на выделение в самостоятельную епархию, считаю нужным заявить, что открытие не только другой епархии в Казахстане, но и даже викариатства, является нецелесообразным» [8, л. 24]. Изначально границы Семипалатинской епархии ограничивались Семипалатинской и Павлодарской областями. 24 февраля 1948 г. в ее состав Синод включил еще Восточно-Казахстанскую область [9, л. 34].

Архиереи служили в Семипалатинской епархии недолго, а последние годы своей жизни митрополит Алма-Атинский Николай (Могилевский) был временно управляющим этой епархией. В постановлении Патриарха и Синода от 9 декабря 1950 г. «Во изменение состоявшегося постановления о передаче Семипалатинской епархии во временное управление митрополита Новосибирского, принимая во внимание, что означенная епархия находится в Казахстане, поручить ее управлению архиепископа Алма-Атинского» [4, л. 19]. С кончиной митрополита Николая Семипалатинская епархия оказалась упразднена. Петропавловская епархия была больше Семипалатинской, включая в себя не три, а пять областей: Акмолинскую, Карагандинскую, Кокчетавскую, Кустанайскую и Северо-Казахстанскую [2, л. 1–2]. В состав Алма-Атинской епархии при этом входили 11 областей Казахской ССР: Алма-Атинская, Талды-Курганская, Семипалатинская, Павлодарская, Восточно-Казахстанская, Кызыл-Ординская, Актюбинская, Западно-Казахстанская, Гурьевская, Южно-Казахстанская, Джамбульская [1, л. 1].

Петропавловская епархия была присоединена к Алма-Атинской в сентябре 1960 года, управляющим объединенной епархией стал архиепископ Иосиф (Чернов), писавший в годовом отчете Патриарху, что «в состав Алма-Атинской епархии на 1 января 1961 г. входит весь Казахстан» [2, л. 1].

Появление в Казахстане новых епархий кроме Алма-Атинской произошло только в конце советского периода истории. Решением Священного Синода от 31 января 1991 г. на территории Казахской ССР были образованы три самостоятельные епархии – Алма-Атинская епархия, в которую входили Алма-Атинская, Талды-Курганская, Семипалатинская, Восточно-Казахстанская, Карагадинская и Павлодарская области; Чимкентская епархия, в которую входили Чимкентская, Кызыл-Ординская, Джезказганская, Целиноградская, Кокчетавская, Джамбулуская, Северо-Казахстанская области и Уральская епархия, в которую входили Актюбинская, Гурьевская, Магистауская, Уральская, Тургайская, Кустанайская области [5, с. 10].

Это произошло после обращения архиепископа Алма-Атинского и Казахстанского Алексия (Кутепова) к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II с просьбой рассмотреть вопрос о создании на территории Казахской Советской Социалистической Республики Казахстанского Экзархата Русской Православной Церкви и образовании в его составе шести епархий [3, л. 5]. Обосновывая необходимость этого, он в частности писал: «Считаю необходимым в настоящих условиях самым неотложным образом усилить повседневное влияние архиерея на формирование духовной жизни приходов Казахстана. Это возможно лишь при открытии новых епархий, объединяющей в себя приходы двух-четырех областей. Вместо десяти благочиннических округов можно открыть пять или шесть епархий, которые объединить в Казахстанский Экзархат. Это даст возможность повернуть русло практической жизни православных приходов Казахстана в полное соответствие с Уставом об управлении Русской Православной Церкви, повысить духовно-нравственный уровень духовенства и, самое главное, позволит наиболее полно осуществить миссию дальнейшего возрождения, укрепления и распространения Святого Православия на обширных просторах Казахстана» [3, л. 5].

Однако на том историческом этапе идея создания в Казахстане единой церковной административной структуры более крупной, чем епархии не встретила поддержки Патриарха и Священного Синода. Лишь спустя несколько лет, в 1995 г. было принято решение о создании в Казахстане Межепархиальной православной комиссии, не являвшейся канонической структурой и лишь дважды собиравшейся на заседания. Но это также был важный этап на пути к созданию единой централизованной православной структуры в Казахстане, которая и появилась в 2003 г. в формате Митрополичьего округа Русской Православной Церкви в Республике Казахстан.

Библиографический список

1. Архив Митрополичьего Округа Русской Православной Церкви в Республике Казахстан (АМО РПЦ РК). Отчет по Алма-Атинской епархии за 1958 г.
2. АМО РПЦ РК. Отчет по Алма-Атинской епархии за 1960 г.
3. АМО РПЦ РК. Отчет по Алма-Атинской епархии за 1990 г.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р.6991. Оп. 7. Д. 88.
5. Журналы заседаний Священного Синода от 31 января 1991 г. // Журнал Московской Патриархии. 1991. № 5. С. 10.
6. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК). Ф. 1709. Оп. 1. Д. 3.
7. ЦГАРК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 5.
8. ЦГАРК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 13.
9. ЦГАРК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 30.

А.И. Ганчар,

доцент, Гродненский государственный аграрный университет (Гродно)

ЦЕРКОВНО-ИМУЩЕСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ В ДРУЕ: МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ 1905 ГОДА

Аннотация. В статье рассматривается административная процедура решения имущественного спора между римско-католическим и православным ведомствами, вовлекшая органы местной власти, Министерство внутренних дел и Святейший Синод. Анализируется аргументация сторон, отражающая не только правовые, но и религиозно-политические аспекты государственной политики в условиях действия указа «Об укреплении начал веротерпимости».

Ключевые слова: Православная Церковь, Римско-католическая церковь, Виленский губерния, церковное имущество, религиозный конфликт.

A.I. Hanchar,

Associate professor, Grodno State Agrarian University

CHURCH PROPERTY CONFLICT IN DRUYA: MECHANISMS FOR IMPLEMENTING THE CONFESSIONAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE AFTER 1905

Abstract. The article examines the administrative procedure for resolving a property dispute between the Roman Catholic and Orthodox ecclesiastical authorities, which involved local government bodies, the Ministry of Internal Affairs, and the Holy Synod. It analyzes the arguments put forward by the parties, which reflect not only legal but also religio-political aspects of state policy under the regime of the Edict "On Strengthening the Principles of Religious Toleration."

Key words: Orthodox Church, Roman Catholic Church, Vilna Province, church property, religious conflict.

Актуальность изучения конфессиональной политики Российской империи в начале XX в. обусловлена её сложностью и противоречивостью. С одной стороны, издание высочайшего указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» ознаменовало собой попытку либерализации государственно-церковных отношений и смягчения дискриминационных мер в отношении инославных и иноверных исповеданий. С другой стороны, на практике реализация этих принципов наталкивалась на сопротивление консервативных кругов, в первую очередь – Св. Синода, стремившегося отстаивать положение Православной церкви.

Особую остроту эти процессы приобретали в регионах со смешанным населением, каким являлась Виленская губерния, где имущественные споры между конфессиями были тесно переплетены с вопросами национальной идентичности и политической лояльности.

В июне 1907 г. прихожане Друйского римско-католического прихода Виленской губернии Пётр Саханович, Казимир Красовский и пр. во всеподданнейшем своём прошении ходатайствовали о возвращении в их распоряжение здания упразднённого в 1832 г. древнего доминиканского костёла в г. Друя с принадлежавшими ему земельными угодьями. Прошение это было препровождено главноуправляющим канцелярией ЕИВ по принятию прошений в МВД, которое уведомило об этом обер-прокурора Св. Синода, добавив, что Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор Константин Фаддеевич Кршвицкий сообщил, что он не находил серьёзных возражений против возвращения просителям полуразрушенного остатков бывшего доминиканского костёла с примыкавшим к нему участком земли, так как здание это, принадлежавшее православному ведомству, в православную церковь не было преобразовано и не было освящено совершением в нём православного богослужения. Вместе с тем, ВКиГ г.-г. К.Ф. Кршвицкий признал необходимым, чтобы остальные угодья костёла, отошедшие в собственность Друйского православного причта, остались во владении этого последнего, чтобы просителя обязались принять меры к действительной безопасности примыкавших к развалинам построек православного духовенства и чтобы местным католикам было предоставлено право возвести новый костёл, по выполнению требуемых п. 13 высочайшего указа 17 апреля 1905 г. условий. Сообщив об этом, МВД просило о последующем уведомить [О возвращении прихожан Друйского римско-католического прихода, Виленской губернии здания упраздненного Доминиканского костела в городе Друе, с земельными участками (2 января – 13 января 1909 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 717. Л. 1–3].

Преосвященный Литовский (еп. Иоаким (Левитский) викарий Литовский епархии), при отзыве от 12 июля 1907 г. за № 5295, препроводил акт Друйского благочиннического совета, причта и представителей прихожан Благовещенской и Преображенской Друйских церквей от 18 июня 1907 г., добавил, что он не находит возможным согласиться на возвращение здания упразднённого доминиканского костёла и признаёт необходимым, в виду ветхости, подвергнуть его сломке, с обращением вырученных за материалы денег в пользу Друйской Преображенской церкви.

Из предоставленного акта обер-прокурор Св. Синода Пётр Петрович Извольский усматривал, что ходатайство католиков о возвращении им здания доминиканского костёла вызывалось не потребностями местного р.-к. прихода в новом храме, который в случае нужды мог бы быть выстроен на свободном соседнем плацу, отстоявшем от упразднённого костёла в 21 м, на котором 12 лет тому назад стоял сгоревший деревянный Антониевский костёл, а целями религиозно-политической пропаганды, и что площадь земли, занимаемая остатками Доминиканского костёла, необходима была для постройки нового православного храма в виду того, что оба имевшиеся православные храма в г. Друя стояли на берегу р. Западная Двина, при половодье которой заливались водой на два аршин и угрожали разрушением. В свою очередь православные прихожане Благовещенской и Преображенской Друйских церквей, в количестве 280 человек, обратились со всеподданнейшим прошением, в котором ходатайствовали не возвращать здание доминиканского костёла, а повелеть выстроить на его месте православную церковь.

Обсудив изложенные обстоятельства дела и приняв во внимание доставленные преосвященным Литовским сведения, Св. Синод, по определению от 24 октября/5 ноября 1907 г. за № 6865, не усмотрел основания к возвращению католикам упразднённого Доминиканского костёла в г. Друя, о чём и было сообщено министру внутренних дел Петру Аркадьевичу Столыпину.

В отношении своём от 12 июня 1908 г. за № 4087, П.А. Столыпин сообщил, что в виду высочайше утверждённого 23 апреля 1908 г. журнала Совета министров о порядке возвращения р.-к. духовному управлению упразднённых костёлов и по-костельных имуществ, он полагал бы необходимым подвергнуть вопрос о возвращении католикам бывшего Друйского доминиканского костёла новому обсуждению по следующим основаниям: исходя из преподанных в высочайше утверждённом 12 марта 1907 г. журнале Совета министров указаний, необходимо было признать, что переданные православному духовному ведомству костёлы, неиспользованные и не получившие освящения по православному обряду, могут быть возвращены р.-к. духовному управлению, вместе с принадлежавшими ему угодьями, необходимыми для обеспечения костёлов и их причтов, за исключением особо уважительных случаев, когда возвращение таковых по-костельных имуществ представляется совершенно невозможным. Министр Пётр Аркадьевич находил, что условия, в которых находился указанный костёл, вполне отвечали изложенным требованиям журнала Совета министров, так как полуразрушенное здание бывшего доминиканского р.-к. костёла не было преобразовано в православную церковь и не освящено совершением в нём

православного богослужения. Восстановление этого костёла представлялось, по мнению министра внутренних дел, тем более справедливым, что православное духовное ведомство в течении 70-ти лет оставляло бывший доминиканский костёл без всякого назначения, очевидно, в виду отсутствия, за наличностью др. церквей, острой нужды в православном храме. Вместе с тем, основываясь на приведённых суждениях Совета министров, П.А. Столыпин находил необходимым, в видах обеспечения причта костёла, передать последнему тот участок земли, за возвращение которого высказался ВКиГ г.-г. К.Ф. Кршивицкий.

Одновременно с этим приходское попечительство Друйской Спаса-Преображенской церкви обратилось с ходатайством о недопущении возвращения костёла и по-костельных угодий, и о содействии в устройстве на месте костёла крайне необходимого в Друе православного храма. Вследствие чего было сделано новое отношение с преосвященным Литовским еп. Иоакимом, который в своём отзыве от 10 октября 1908 г. дал ряд пояснений. По в. с. императора Николая I по-доминиканский костёл в г. Друя был закрыт с условием обращения его в православный храм, и если это здание до сих пор в течение 70-ти лет не использовалось православным духовенством, то это не вина местного православного духовного ведомства, которое многократно ходатайствовало об этом, составив сметы. Но так как здание это в течение долгих лет оставалось в запустении, то в настоящее время оно пришло в полное разрушение и, по заключению епархиального архитектора, не могло быть восстановлено и подлежало разборке и то с опасностью для жизни. Друйский по-доминиканский костёл никогда не был приходским, не имел штатного причта и лишь обслуживал религиозно-нравственные потребности находившихся в нём монашествующих лиц и отчасти случайных богомольцев, а угодья монастыря принадлежали только монастырю, а не приходскому духовенству и прихожанам, почему прихожане Друйского приходского костёла не имели никакого юридического права как на по-доминиканский костёл, так и на его угодья. Не только в г. Друя имелся обширный приходской костёл, с успехом обслуживавший религиозные нужды прихожан, но в радиусе 30 км от города действовало ещё 16 приходских костёлов и 2 приписных к Друйскому костёлу, и если бы понадобилось друйским католикам построить в г. Друя второй костёл, то для этой необходимости в разных частях города имелись три костельных плаца земли, пространством в 16 га, поэтому и нужды в месте для постройки второго костёла в г. Друя, по мнению еп. Иоакима, они не встречали никакой. Православные же жители г. Друя и окрестностей крайне нуждались в постройке православного храма и при том на месте развалин по-доминиканского костёла, так как другого места у православных для постройки храма в г. Друя не мелось. По замечанию

местного духовенства, место, занятое развалинами костёла, более насущного хлеба было необходимо православным, так как небольшая деревянная Преображенская православная церковь, занимавшая площадь в 173 м², просуществовав более 300 лет, доживала последние старческие дни. Благовещенский же храм, будучи очень неудачно построен на самом берегу р. Западная Двина, затоплялся во время половодья водой и мог очутиться в реке, а по донесением благочинного церковная ограда уже обваливалась в реку. Преподанные в высочайше утверждённом 12 марта 1907 г. журнале Совета министров указания на то, переданные православному духовному ведомству костёлы, неиспользованные и не получившие освящения по православному обряду, могут быть возвращаемы р.-к. духовному управлению вместе с принадлежавшими им угодьями, необходимыми для обеспечения костёлов и их причтов, за исключением особо уважительных случаев, когда возвращение таковых по-костельных имуществ представляется совершенно невозможным, не могли быть всецело применены к по-доминиканскому костёлу в г. Друя, к этому времени уже разорённому и сгнившему, только в первой своей половине, так как этот костёл не был приходским и принадлежал монашескому ордену доминиканцев, уже не существовавшему в г. Друя, во второй же своей половине эти указания вполне соответствовали существовавшему положению усадьбы и места этого костёла, так как было давным-давно получено специальное назначение, составляя неотъемлемую собственность Православной церкви, так как бывший костельный погост уже около 70-ти лет (что составляло 7 гражданских давностей) служил огородом для псаломщика Преображенской церкви. В 64-м от развалин костёла располагалось построенное на средства училищного совета при Св. Синоде здание двухклассной ЦПШ, а в 8,5 м были устроены на специальные епархиальные средства холодные постройки и жилой дом для священника Преображенской церкви. В виду этих данных, хотя Друйский монастырский по-доминиканский костёл не был в своё время использован православным местным духовенством, по независимым от него обстоятельствам, и не получил освящения по православному обряду, но использована кругом его земля, которой причт Преображенской церкви владел около 70-ти лет как собственностью, что и должно было признаваться за особо уважительное обстоятельство, когда костёлы, неиспользованные православным ведомством и не получившие освящения по православному обряду, не должны подлежать возврату р.-к. духовному управлению, удовлетворение ходатайства прихожан Друйского р.-к. прихода о возвращении им развалин здания упразднённого по-доминиканского костёла в г. Друя с принадлежавшими ему земельными угодьями, по убеждению еп. Иоакима, было бы не только прямым нарушением приобретённых давностью прав причта

Преображенской православной церкви, но даже ничем не оправдываемым и ничем не заменимым нравственным насилием по отношению к православному духовенству и Православной церкви.

Согласившись с доводами местного православного начальства, а также учтя признание императором в 1896 г. правильным соображения МВД о невозможности изъятия из православного ведомства переданных ему установленным порядком имуществ, Св. Синод, по определению от 11/25 ноября 1908 г. за № 8053, не признал возможным изъять своё согласие на передачу здания и всех принадлежавших ему земельных угодий бывшим его прихожанам, предоставив дело на заключение Совета министров [РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 717. Л. 3–7].

Совет министров, рассмотрев в заседании 13 января 1909 г. представление и.о. обер-прокурора Св. Синода сенатора Роговича от 31 декабря 1908 г. за № 11178, по ходатайству прихожан Друйского р.-к. прихода Виленской губернии о возвращении им зданий упразднённого по-доминиканского костёла в г. Друя, согласившись с заключением сенатора Роговича, а также со словесными объяснениями по данному делу представителей МВД, подлежащим отклонению [Там же. Л. 12].

Таким образом, можно сделать ряд выводов, значимых для понимания специфики конфессиональной политики Российской империи в начале XX в. Во-первых, несмотря на наличие формальных оснований для удовлетворения ходатайства католиков, правительство приняло решение в пользу православного ведомства. Во-вторых, ключевую роль в исходе дела сыграла позиция местной православной епархии во главе с еп. Иоакимом. Его аргументация, сочетавшая ссылки на давность владения, практическую необходимость для православной общины и обвинения католиков в «религиозно-политической пропаганде», оказалась весомее логики генерал-губернатора К.Ф. Кршвицкого. В-третьих, имущественные споры между конфессиями были лишь внешним проявлением более глубокого противостояния – борьбы за влияние, символическое доминирование и культурное пространство в регионах, где православие не являлось бесспорной доминантой.

А.Н. Гребенкин,

сотрудник, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации
(Орел)

А.Н. Антошкин,

сотрудник, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации
(Орел)

МЕСТО РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОДГОТОВКЕ ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. В конце XIX в. вследствие системного кризиса отечественной военной школы религиозное образование будущих офицеров пришло в упадок и не оказывало должного влияния на формирование их личности. Однако в первые годы следующего столетия благодаря усилиям нового Главного начальника военно-учебных заведений великого князя Константина Константиновича преподавание Закона Божия стало осуществляться с опорой на текст Библии, качество проведения церковных служб возросло, воинские ритуалы получили более тесную связь с религией. Это дало возможность повысить уровень нравственного развития кадет и юнкеров, вести борьбу с грубостью нравов, содействовать формированию патриотических убеждений.

Ключевые слова: Российская империя, военное образование, религиозное образование, Русская Православная Церковь, великий князь Константин Константинович Романов.

A.N. Grebenkin,

Staff Member, Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation
(Orel)

A.N. Antoshkin,

Staff Member, Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation
(Orel)

THE PLACE OF RELIGIOUS EDUCATION IN THE TRAINING OF OFFICERS OF THE RUSSIAN IMPERIAL ARMY IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

Abstract. At the end of the 19th century, as a result of the systemic crisis of the Russian military school, the religious education of future officers declined and did not have a proper impact on the formation of their personality. However, in the early years of the next century, thanks to the efforts of the new Chief of Military Educational Institutions, Grand Duke Konstantin Konstantinovich, the teaching of the Law of God began to be based on the text of the Bible, the quality of church services

increased, and military rituals became more closely linked to religion. This made it possible to raise the level of moral development of cadets and junkers, to combat the rudeness of morals, and to promote the formation of patriotic beliefs.

Key words: Russian Empire, military education, religious education, Russian Orthodox Church, Grand Duke Konstantin Konstantinovich Romanov.

В ходе военно-учебной реформы 1860-х гг. была создана целостная система подготовки офицеров, в рамках которой особое внимание уделялось развитию личности воспитанников. Религиозно-нравственное образование обрело прочную научную и методическую основу, и духовный облик офицеров – выпускников военных гимназий и военных училищ – изменился в лучшую сторону. Однако к концу 1870-х гг. военно-учебные заведения России вступили в полосу системного кризиса. Это не могло не отразиться на интеллектуальных и нравственных качествах обучающихся. Некогда эффективные методы воздействия были выхолены, и гуманизм уступил место формальному, безжизненному милитаризму. Перед руководством военной школы стояла задача восстановить статус религиозного воспитания с тем, чтобы оно заняло подбавляющее место в системе подготовки будущих офицеров.

В контексте обновления руководящих документов религиозное образование стало частью военно-профессиональной подготовки. В соответствии с утвержденной в 1886 г. «Инструкцией по воспитательной части для кадетских корпусов», оно мыслилось как «живо проникнутое духом христианского вероучения» [8, с. 1]. Уроки Закона Божия, проповеди, наставления и беседы, проводимые законоучителями, беседы и рассказы учителей и офицеров, совместные молитвы в храмах должны были обеспечить гармоничное развитие личности воспитанников, в рамках которого органично объединялись гуманитарная и военная составляющие. С учетом того, что в России достаточно серьезное развитие получило революционное движение, затронувшее и военную школу, и офицерский корпус, следовало стремиться к развитию у представителей военно-учащейся молодежи таких принципов личности, «в которых каждый юноша имел бы всегда надежную опору от могущих постигнуть его впоследствии внутренних сомнений и внешних искушений, как и постоянный источник душевной силы для доброго совершения предстоящего ему дела жизни» [12, л. 6–6 об.]. Эти принципы позволяли выработать иммунитет, защищавший от атеистической и антиправительственной пропаганды.

Еще одной целью религиозного образования было содействие развитию нравственных качеств питомцев военных школ, формированию сознательного патриотизма. Как отмечал известный военный историк М.С. Лалаев, развитие личности будущих офицеров основывалось

на «любви к Богу, на благоговении к постановлениям Святой Его Церкви» [9, с. 63]. Стремительная меркантилизация общественной жизни резко диссонировала с уровнем материального обеспечения офицеров, и нужно было превратить кадет и юнкеров в убежденных патриотов, стремившихся не искать себе «тепленькие местечки» как в военном ведомстве, так и за его пределами, а беззаветно и бескорыстно защищать монарха, престол и православную веру. Это достигалось в том числе посредством изучения истории. На занятиях воспитанники знакомились с подвигами русских воинов во имя своего Отечества и Русской Православной Церкви. Особое внимание уделялось тем, кто предпочел смерть отречению от православия – например, унтер-офицеру 2-го Туркестанского стрелкового батальона Фоме Данилову, убитому по приказу Пулат-хана в 1875 г. во время восстания в Коканде.

К сожалению, системный кризис, охвативший на рубеже 1870–80-х гг. как военную школу, так и армию в целом, к концу 1890-х гг. не был преодолен. Уроки, беседы, молитвы в некоторых военно-учебных заведениях, и столичных, и периферийных, проводились формально и воспринимались и наставниками, и их подопечными как номер, который следовало отбыть. Закон Божий преподавался схоластически, и полные баллы ставились всем воспитанникам едва ли не по умолчанию, а церковные службы были столь монотонны и утомительны, что обучающиеся часто притворялись больными, чтобы покинуть храм. Известный военный дипломат А.А. Игнатьев, в первой половине 1890-х гг. являвшийся питомцем Владимирского Киевского кадетского корпуса, отмечал, что «...о религии никто не рассуждал и никто ею не интересовался, а хождение в церковь для громадного большинства представлялось одной из скучных служебных обязанностей» [6, с. 38]. Следует, однако, отметить, что случаи кощунства и святотатства происходили крайне редко, имели большой резонанс и резко осуждались кадетской и юнкерской массой.

Нельзя сказать, что руководство военно-учебного ведомства не замечало негативных явлений или относилось к ним безучастно. Главный начальник военно-учебных заведений генерал от инфантерии Н.А. Махотин в приказе от 31 июля 1897 г. обращал внимание подчиненных, что развитие нравственных качеств у будущих офицеров «достигается не только одной исполнительностью в смысле внешнего надзора, но и умением проникнуть в духовную жизнь воспитанников, в их общие и личные интересы» [11, с. 43].

Однако подлинный перелом в организации религиозного образования кадет и юнкеров наступил в начале XX в., когда пост главы военно-учебного ведомства занял великий князь Константин Константинович.

Он искренне желал видеть своих питомцев высокодуховными воинами-рыцарями. Августейший Главный начальник начал свое руководство с объезда всех военных училищ и кадетских корпусов, включая отдаленные. Человек тонкой душевной организации, прекрасный психолог, способный найти общий язык как с массой воспитанников, так и с каждым конкретным обучающимся, поэт К.Р. был крайне расстроен тем, что ему пришлось увидеть. Грубость нравов, крайняя зачерствелость чувств, распушенность, цинизм – все это, по его мнению, было следствием формального подхода к воспитанию, в том числе и к религиозному. Великий князь с горечью отмечал: «Меня удивляет... совершенное равнодушие кадет к урокам Закона Божия. Эти уроки не дают им ни сведений, ни религиозно-нравственного настроения... На священника кадеты смотрят, прежде всего, как на учителя скучного и непонятного для них предмета, а потом уже, – и то не всегда, – как на наставника в вере и в христианской нравственности. Поэтому кадеты не только не воспитываются в вере, но теряют даже всякий интерес к священному писанию» [2, с. 203].

Руководитель военно-учебного ведомства приложил все усилия к тому, чтобы преподавание Закона Божия вновь обрело прочную методическую основу. Он считал, что ключевым элементом религиозного образования являлось непосредственное знакомство с текстами Священного Писания. Каждому кадету при поступлении в корпус давалась Библия, в которую был вклеен лист со стихотворением поэта К.Р. «Пусть эта книга священная». Руководители заведений стали следить за тем, чтобы уроки Закона Божия не сводились к сухим, оторванным от жизни лекциям и зубрежке непонятных текстов, а церковные службы, не утомляя детей и юношей, позволяли им ощутить свое единение с Богом.

Меры, которые принимались по инициативе великого князя Константина Константиновича, приходилось реализовывать в крайне неблагоприятной обстановке. Общественная среда, из которой выходили кадеты, все более проникалась антирелигиозными взглядами. Участники Первого съезда офицеров-воспитателей кадетских корпусов, который проходил в столице в конце 1908 г., пришли к выводу, что в военно-учебные заведения с каждым годом поступало все больше детей, которые в церкви пытались не только играть и шалить, но и заглядывать в алтарь, так как никогда не бывали в храме и не были знакомы ни с его устройством, ни с порядком проведения богослужений [13, с. 75]. Отмечались случаи глумления над религиозными настроениями в рамках «цука» (корпусной «дедовщины»), когда хулиганы избивали молившихся товарищей, заставляя их подставлять то одну щеку, то другую, при этом уверяя, что следуют тексту Священного Писания [10, с. 206–207].

Однако постепенно ситуация менялась к лучшему. Кадеты осознали великую духовную силу совместной молитвы. Один из них так описал свои чувства: «...ведь множество уст становятся едиными устами, множество сердец – единым сердцем, локтями чувствуешь своих соседей слева и справа... какими бы замечательными качествами ни отличались стоящие в строю, без общей молитвы они никогда не почувствуют себя принадлежащими к Христолюбивому Воинству» [5, с. 34].

Наставникам военно-учащегося юношества удалось обеспечить симфонию религиозных и воинских ритуалов. В храмах размещались мраморные доски с именами питомцев заведений, удостоенных наград за боевые подвиги [1, с. 11]. Священники произносили проповеди, в которых призывали своих подопечных в случае необходимости принести свою жизнь в жертву грядущему процветанию России. Служивший в Сумском кадетском корпусе отец Василий так говорил кадетам: «Вот вы некоторые считаете, что нет Бога и не верите в Него. Подождите, не дай Бог, свистнет первая пуля или случится беда – тогда обратитесь к Нему и поверите...» [4, с. 233]. Юнкера военных училищ, находившиеся на действительной военной службе, должны были четко усвоить, что «за Св. Церковь и Православного Царя воины бодро идут на смерть, в твердом уповании, что и за гробом жертва эта не останется без награды» [7, с. 7–8]. Особое значение имел ритуал освящения корпусных знамен, которые в начале XX в. были пожалованы многим заведениям. Один из участников церемонии освящения знамени Первого кадетского корпуса оставил запись следующего содержания: «Кто знает, возможно, под новым знаменем, пожалованным рукою царствующего императора, из среды юных питомцев корпуса возникнут полководцы, перед памятниками которых признательное потомство будет встречать третье столетие Корпуса» [3, с. 66]. Прощаясь с воспитавшей их школой, кадеты посещали церковную службу, по окончании которой, став на колени, целовали корпусное знамя и получали из рук своего законоучителя благословение родного заведения – небольшую икону.

Таким образом, после пережитого в конце XIX в. кризиса религиозное образование будущих офицеров русской армии в первые годы нового столетия вновь получило прочную основу. Содержание приобрело законный приоритет перед формой, уроки, проповеди и беседы были адаптированы к возрасту и уровню развития кадет и юнкеров и за счет этого оказывали серьезное воздействие на их разум и чувства. Питомцы великого князя Константина Константиновича действительно представляли собой христолюбивое воинство. К сожалению, начало Первой мировой войны, а затем и революция 1917 г. не позволил реализовать намеченные меры в полном объеме. Их отложенный эффект

проявился уже в эмигрантском рассеянии, сплачивая кадет и юнкеров последних выпусков и сохраняя тем самым преемственность российской военной культуры.

Библиографический список

1. Бельский В.Я. О родном корпусе. Сан-Франциско, 1971.
2. Бутовский А.Д. В вагоне Августейшего главного начальника военно-учебных заведений // Русская старина. 1915. № 8.
3. Гребенкин А.Н. Кадетские корпуса как социально ориентированный институт // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. № 3.
4. Гурковский В.А. Кадетские корпуса дореволюционной России. Как это было // Народное образование. 2010. № 4.
5. Гурковский В.А. Церковная жизнь и кадетство // Шестое чувство: духовно-светское культурно-просветительское издание. 2007. № 3.
6. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986.
7. Инструкция для руководства юнкеров Московского пехотного юнкерского училища. М., 1889.
8. Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. СПб.: В. Березовский, 1886.
9. Лалаев М.С. Исторический очерк военных учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. Ч. III. 1881–1891. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1892.
10. Н.К. М. Цук // Педагогический сборник. 1908. № 9. Ч. неофиц.
11. Приказ по военно-учебным заведениям от 31 июля 1897 г. № 62 // Педагогический сборник. 1897. № 10. Ч. офиц.
12. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 725. Оп. 24. Д. 219.
13. Труды Первого съезда офицеров-воспитателей кадетских корпусов (22–31 декабря 1908 г.). СПб., 1909.

Л.А. Грицай,

доцент, Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского (Ярославль)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСЛЯЦИИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается православная блогосфера как значимый элемент медиaproстранства Русской православной церкви, направленный на трансляцию и укрепление семейных ценностей, анализируются формы цифровой миссии, дискурсивные стратегии и ценностные акценты православных блогеров, интерпретирующих брак и родительство как духовную и социальную норму в условиях секуляризированной культуры.

Ключевые слова: Русская православная церковь, медиaproстранство, православное блогерство, цифровая миссия, семейные ценности, брак, родительство.

L.A. Gritsai,

Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl)

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE MEDIA SPACE AS A TOOL FOR BROADCASTING FAMILY VALUES

Abstract. The article examines the Orthodox blogosphere as a significant element of the media space of the Russian Orthodox Church, aimed at broadcasting and strengthening family values, analyzes the forms of digital mission, discursive strategies and value accents of Orthodox bloggers who interpret marriage and parenthood as a spiritual and social norm in a secularized culture.

Key words: Russian Orthodox Church, media space, Orthodox blogging, digital mission, family values, marriage, parenthood.

В условиях медиатизации общественной жизни и трансформации традиционных институтов особую актуальность приобретает анализ присутствия религии в цифровом пространстве, поскольку именно медиасреда становится ключевым каналом формирования ценностных установок современного человека. Ослабление института семьи, рост числа разводов и снижение репродуктивных установок молодежи формируют проблемное поле, в котором Русская православная церковь активизирует миссионерскую деятельность, используя блогосферу как инструмент публичной коммуникации.

Целью статьи является выявление особенностей трансляции семейных ценностей в медиадискурсе православных блогеров, в работе применяются методы качественного контент-анализа, дискурс-анализа и сравнительного анализа, а также используются междисциплинарные методологические подходы медиарелигиоведения, социологии религии и теории медиатизации.

В современной научной литературе православное блогерство рассматривается как специфическое явление цифровой медиасреды, возникающее на пересечении религиозной традиции, медиатизации общественной жизни и трансформации форм публичной коммуникации, при этом исследователи подчеркивают, что блогосфера становится пространством, в котором Русская православная церковь осваивает новые способы присутствия и взаимодействия с аудиторией, выходя за рамки институционально закреплённых каналов религиозной проповеди и обращаясь к языку повседневности, характерному для сетевой культуры. Как отмечает С.А. Вартанов, развитие информационно-коммуникационных технологий конца XX – начала XXI в. привело к формированию медиа-коммуникационной индустрии как особого макросоциального субъекта, обеспечивающего производство и циркуляцию смыслов в обществе [2, с. 5], в рамках которой религиозные институты вынуждены адаптировать свои коммуникативные стратегии, что в случае РПЦ выражается в активном освоении цифровых платформ и формировании сообщества православных блогеров, включающего как священнослужителей, так и мирян.

В исследованиях О.А. Богатовой и С.В. Голованова подчеркивается, что православное блогерство выступает одним из ключевых факторов модернизации религиозной коммуникации, поскольку именно через индивидуальные медиапрактики духовенства и активных мирян Церковь выстраивает диалог с широкой аудиторией, не ограниченной рамками церковной общины [1, с. 95], при этом авторы выделяют просветительское направление, ориентированное на объяснение основ вероучения и включение религиозного взгляда в интерпретацию повседневных событий, а также публично-дискурсивное направление, в рамках которого блогеры транслируют позицию РПЦ по социально значимым вопросам, включая проблемы семьи, брака и демографии. Таким образом, блогосфера становится не только каналом религиозного информирования, но и инструментом формирования нормативных представлений о социально одобряемых моделях поведения.

И.В. Пивоварчик подчеркивает, что обращение к молодежной аудитории требует от православных блогеров глубокого понимания медиалогики цифрового пространства и способности трансформировать язык проповеди без утраты богословской точности [4, с. 41], поскольку

именно молодежь рассматривается церковным дискурсом как наиболее уязвимая группа в условиях ценностного плюрализма и секуляризации. В научных работах также отмечается, что миссионерская активность православных блогеров выходит за пределы собственно религиозного наставления и включает элементы этического и социального комментария, что, по мнению А.В. Петрейкина, позволяет рассматривать цифровое пастырство как форму общественной рефлексии, в рамках которой священник или религиозно мотивированный мирянин выступает в роли интерпретатора социальных процессов [3, с. 89].

Особое место в теоретических исследованиях занимает проблематика семьи и брака, которая в православной блогосфере приобретает характер зоны повышенной тревожности, поскольку, как отмечают исследователи религиозного дискурса, именно трансформация семейных ценностей воспринимается церковной средой как индикатор глубинного духовного кризиса общества. Я.К. Удовенко указывает, что доверие к личности блогера, основанное на эффекте цифровой харизмы, позволяет ему не только транслировать официальную позицию Церкви, но и эмоционально вовлекать аудиторию в обсуждение тем, связанных с браком, родительством и ответственностью [9, с. 115], формируя устойчивые ценностные установки через личное свидетельство и моральную аргументацию.

В научной перспективе подчеркивается, что обращение православных блогеров к темам отказа молодежи от вступления в брак и рождения детей интерпретируется ими как следствие доминирования индивидуалистических и гедонистических установок, сформированных в условиях секулярного воспитания и утраты религиозной идентичности, при этом подобные интерпретации укладываются в более широкий церковный нарратив об отходе современного человека от Бога как источника нравственного порядка. Таким образом, теоретический анализ научных источников позволяет рассматривать православное блогерство как значимый инструмент трансляции семейных ценностей в медиапространстве, в котором цифровая коммуникация становится формой символической борьбы за сохранение традиционных представлений о браке и родительстве, что создает основу для последующего анализа позиций и аргументации самих православных блогеров.

Анализ контента православных блогеров позволяет выявить общую ценностную рамку осмысления семьи и брака, внутри которой, однако, прослеживаются различные интонационные и риторические оттенки, обусловленные как личным пастырским опытом, так и выбранной медиастратегией, при этом семья в их дискурсе последовательно конструируется как пространство духовного становления личности, а брак рассматривается не только как социальный институт, но прежде

всего как путь ответственности, жертвенности и спасения души. В условиях цифровой медиасреды миссионерская активность православных священников приобретает форму персонализированного пастырства, в котором традиционное церковное учение о семье транслируется через личные нарративы, психологические интерпретации и публицистические высказывания, адаптированные к логике сетевой коммуникации и ожиданиям аудитории.

В медиадискурсе отца Альвиана Тхелидзе [5] семейная тематика раскрывается преимущественно в мягкой, диалогической манере, основанной на апелляции к собственному положительному опыту супружества и родительства, при этом брак предстает как пространство радости, взаимной поддержки и духовного роста, а призыв к созданию семьи адресуется молодым людям не в форме нормативного давления, а через аргументацию, построенную на личном свидетельстве и эмоциональном вовлечении. Такая стратегия позволяет сформировать доверительное отношение аудитории к пастырскому слову, в рамках которого семейные ценности предлагаются не как абстрактный идеал, а как прожитый и осмысленный жизненный опыт, что усиливает их убедительность в цифровом пространстве, ориентированном на персональные истории и искренность высказывания.

Иная риторика характерна для медиапрактики отца Геннадия Шкиля [6], который выстраивает свои рассуждения о семье и браке в более жестком, нормативно окрашенном ключе, акцентируя внимание на проблеме разводов как следствии эгоистических установок современного человека и утраты религиозных оснований семейной жизни: в его высказываниях развод интерпретируется не как частная драма, а как социально значимый симптом духовного кризиса, в связи с чем он последовательно отстаивает идею необходимости создания дополнительных барьеров для расторжения брака, рассматривая их как форму защиты семьи и ответственности супругов друг перед другом. Особую роль в аргументации отца Геннадия играет личный опыт, поскольку он прямо утверждает, что без православной веры его собственный брак мог бы завершиться разводом, однако именно религиозное мировоззрение позволило сохранить семью и воспитать четверых сыновей, что придает его позиции характер экзистенциальной подлинности и усиливает нормативный потенциал высказываний.

Психологическое измерение анализа современной семьи представлено в медиадискурсе отца Николая Бабкина [8], который соединяет пастырское слово с элементами психологического консультирования, рассматривая кризисы брака через призму внутренних состояний личности, эмоциональной незрелости и неспособности к ответственности: в его публикациях брак интерпретируется как важнейший этап личностного

развития, требующий работы над собой, преодоления инфантильных установок и готовности к длительному диалогу с другим, при этом автор также обращается к собственной семейной истории, что позволяет ему говорить о ценности брака не в отвлеченно-нравоучительном, а в эмпатийно-аналитическом ключе. Такая стратегия делает семейную проблематику частью более широкого разговора о внутреннем здоровье человека и духовной целостности личности.

Отличительной особенностью медиапозиции отца Игоря Сильченкова [7] является отсутствие прямых автобиографических высказываний о собственной семье, однако тема брака и семейной жизни последовательно присутствует в его текстах и художественных нарративах как необходимое условие духовного спасения человека: в его дискурсе семья осмысливается преимущественно в символическом и экзистенциальном измерении, как пространство, в котором человек учится любви, жертве и преодолению собственного эгоизма, при этом художественно-литературная форма высказывания позволяет воздействовать не столько на рациональное, сколько на эмоционально-ценностное восприятие аудитории, формируя образ семьи как духовного пути, а не только социальной нормы.

Таким образом, анализ мнений православных блогеров показывает, что при общей установке на утверждение традиционных семейных ценностей их медиадискурсы различаются по степени жесткости нормативных требований, по способам аргументации и по уровню персонализации пастырского слова, однако в совокупности они формируют целостное ценностное поле, в котором брак и родительство противопоставляются индивидуалистическим и гедонистическим моделям самореализации, доминирующим в современной культуре. В цифровом медиaprостранстве православные блогеры выступают не только трансляторами официальной позиции Русской православной церкви, но и активными интерпретаторами семейной проблематики, предлагая аудитории различные, но взаимодополняющие модели осмысления семьи как ключевого элемента духовной и социальной устойчивости общества.

Библиографический список

1. Богатова О.А., Голованов С.В. Деятельность православных блогеров как фактор модернизации православных религиозных организаций // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 91–102.
2. Вартанов С.А. Медиакоммуникационная индустрия: к теоретическому обоснованию категории // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2023. Т. 48, № 6. С. 3–36.
3. Петрейкин А.В. Сетевой мир как вызов для современного пастыря // Труды Коломенской духовной семинарии. 2023. № 4 (23). С. 82–95.
4. Пивоварчик И.В. Новые религиозные практики: православные батюшки-блогеры // Славянский мир и национальная речевая культура в современной

коммуникации: сборник научных статей. Часть 2. Гродно: ГГУ имени Янки Купалы, 2022. С. 38–45.

5. Священник Альвиан [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/alwian> (дата обращения: 22.10.2025).

6. Священник Геннадий Шкиль [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/gennadyshkil> (дата обращения: 22.10.2025).

7. Священник Игорь Сильченков [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/otetsigor> (дата обращения: 22.10.2025).

8. Священник Николай Бабкин [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/nickolaybabkin> (дата обращения: 22.10.2025).

9. *Удовенко Я.К.* Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви среди молодежи в сети интернет // Поминайте наставников ваших (Евр. 13:7): материалы XIX Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения». Липецк, 2023. С. 114–117.

УДК 271.22

Игумен Герман (Г.И. Дворцов),

Настоятель Свято-Благовещенского прихода г. Кохма (Ивановская область)

«НЕРЕДКО СОВЕТСКИЙ НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ ЯВЛЯЕТСЯ ПОМОЩНИКОМ ПОПА»: ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА В 1920-е ГОДЫ (на материалах Иваново-Вознесенского уезда)

Аннотация. В статье рассматривается процесс реализации Декрета СНК от 23.01.1918 г. в части отделения школы от церкви на материалах Иваново-Вознесенского уезда Иваново-Вознесенской губернии.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Иваново-Вознесенская губерния, Иваново-Вознесенский уезд, дети духовенства, советская школа, учителя.

Abbot Herman (G.I. Dvortsov),

Rector of the Holy Annunciation Parish in Kokhma (Ivanovo region)

"SOME TIMES, A SOVIET PEOPLE'S TEACHER IS A POP'S ASSISTANT": CHURCH AND SCHOOL IN THE 1920s (based on materials from the Ivanovo-Voznesensk District)

Abstract. The article examines the process of implementing the Decree of the Council of People's Commissars dated January 23, 1918, which separated schools from the church, based on the materials of the Ivanovo-Voznesensky Uyezd of the Ivanovo-Voznesensky Governorate.

Key words: Russian Orthodox Church, Ivanovo-Voznesensky Governorate, Ivanovo-Voznesensky Uyezd, children of the clergy, Soviet School, Teachers.

Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20.01(2.02).1918 г. запретил преподавание «религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях» [4]. Реализация этого декрета в Иваново-Вознесенской губернии осуществлялась не сразу. В анкетах о его проведении в жизнь волисполкомы и уисполкомы указывали, что преподавание религии было прекращено или в начале, или в конце 1918/19 учебного года [3, ф. А-353, оп. 3, д. 771, л. 50–72].

С целью «освобождения учительства от всех элементов, враждебных Советской власти» Наркомпрос РСФСР в 1918–1919 гг. принял ряд постановлений по удалению из школ неблагонадежных учителей [6; 7], но в Иваново-Вознесенской губернии они не были полностью реализованы.

После введения НЭПа и активизации в церковной жизни, партийные и советские органы власти обратили внимание на влияние верующих учителей на учащихся. В Иваново-Вознесенской губернии многие учителя были выходцами из духовного сословия и активно участвовали в деятельности приходских общин, что вызывало неодовольство властей. Губернская газета «Рабочий край» публиковала возмущенные заметки: «В наших краях... учительство организует церковные хоры, поет свадьбы, встречает разных шарлатанов Ерофеев и т.п.» [8, № 5 от 10.01.1923 г.]; «...нередко советский народный учитель является помощником попа» [8, № 117 от 25.05.1924 г.].

Возможно под влиянием учителей, в г. Кохма Иваново-Вознесенского уезда в начале 1923/1924 учебного года большинство учащихся Советской школы 2 ступени (возраст от 12 до 17 лет) потребовало ввести в программу обучения Закон Божий. В связи с этим бюро Иваново-Вознесенского укома РКП(б) 2.11.1923 г. поручило УИКу перевести всех учителей, проживающих с родителями – «служителями культа», на новые места работы, удаленные «от мест службы отцов» [2, ф. П-10, оп. 1, д. 483, л. 149]. А 10.11.1923 г. на пленуме Кохомского райкома РКП(б) был проанализирован классовый состав школьников, потребовавших преподавания Закона Божьего (75 % – дети «не рабочего элемента»), отмечены недостатки в работе Кохомского ВолОНОи принято решение об увеличении количества учащихся за счет детей из семей рабочих и крестьян [2, ф. П-2, оп. 1, д. 1157, л. 375]. Уже в 1924/25 учебном году из 294 учеников Кохомской школы 2 ступени 187 (63,6 %) являлись детьми рабочих и крестьян, 93 (31,6 %) – детьми служащих. В школе также обучались 4 (1,3 %) детей ремесленников, 2 (0,6 %) детей торговцев и 2 (0,6 %) детей местного духовенства [13].

В сводке ГПУ СССР за август 1924 г. отмечалось, что «учительство не порвало связи с религией, и если сами не преподают закона божия, то покровительствуют в этом попам» [11].

В связи таким положением дел Иваново-Вознесенский губком РКП(б) 12.06.1924 г. издал циркулярное письмо № 46 «Об удалении из учреждений народного образования работников, не заслуживающих общественно-политического доверия» [2, ф. П-10, оп. 1, д. 569, л. 1]. Согласно ему в июне-июле 1924 г. была произведена замена инструкторского и административного аппарата местных Отделов народного образования на членов РКП(б).

Затем с их участием при каждом уезде партии в начале августа 1924 г. были созданы комиссии, которые должны были до начала нового учебного года проверить работников школ на «наличие пролетарской идеологии, политической сознательности, общественно-полезной активности, а также и ценности работника по своей специальности» [2, ф. П-10, оп. 1, д. 569, л. 1].

Рассмотрим работу таких комиссий на примере Иваново-Вознесенского уезда, в котором в этот период работало 165 учителей в 73 школах [2, ф. П-10, оп. 2, д. 43, л. 192]. Иваново-Вознесенская уездная проверочная комиссия была сформирована в количестве 8 человек, 4 из которых имели право решающего голоса – А. Чугунов от УИКА, Медникова от УОНО, Пастин от укома РКП(б), Захаров от губернского профсоюза работников просвещения.

В ходе первого заседания комиссии 12.08.1924 г. представитель профсоюза Захаров заявил, что списки кандидатов на увольнение предварительно не рассматривались ни ГубОНО и Губпросветом [2, ф. П-10, оп. 2, д. 43, л. 5]. Возможно, они были подготовлены укомом РКП(б).

На заседаниях комиссии 12.08.1924 г. и 19.08.1924 г. были рассмотрены дела 52-х (31,5 %) учителей уезда. Из них 20 (13 учителей и 7 заведующих школами) являлись детьми православного духовенства.

По решению комиссии 10 учителей, происходящих из духовного сословия, были уволены как «непригодные к школе». Непригодность учителей определялась «недоброжелательным отношением к Советской власти и РКП» (А.Ф. Сперанская и М.Ф. Сперанская, г. Кохма) и влиянием на них родителей из числа духовенства (Покровская В.И., г. Кохма; Остроумов В.А., с. Митрофано-Берки; Крутинов, с. Поповское). Также в вину всем уволенным ставились личная религиозность и неучастие в общественной работе. Учительница В.Н. Ставровская (г. Кохма) была уволена по обвинению в некоем «распущенном поведении».

Учительница Ламакина Л.Б. (с. Балахонки) была уволена по возрасту с ходатайством о пенсии, а дело учителя Г.М. Белороссова

(г. Кохма), обвиненного в наличии буржуазной идеологии и родственной связи с бывшим фабрикантом, было отложено для будущего рассмотрения. В своей должности осталась только одна учительница из духовного звания – 23-летняя Ф.Н. Шуткова-Островская (с. Строева Гора), которая активно занималась общественной работой.

Из 7 заведующих школами, 5 – А.Ф. Доброхотова (с. Сидоровское), Е.А. Модестова (с. Брюхово), Сокольская (с. Дегтярево), В.П. Велтисова (с. Степашово), Г.И. Хрящев (с. Шарапово), были освобождены от занимаемых должностей, но оставлены рядовыми учителями, а 2 – Покровский (с. Тюгаево) и И.И. Раевский (с. Гробищево), уволены по старости с ходатайством о предоставлении пенсии [2, ф. П-10, оп. 1, д. 569, л. 5–8 об.].

Таким образом, из 20 учителей, происходящих из духовного сословия, 13 были уволены, 5 понижены в должности, а 2 оставлены. Несмотря на произведенную чистку, к началу 1924/25 учебного года в школах уезда продолжали работать 54 учителя из духовного сословия, что составило 32,7 % от общего количества педагогов [2, ф. П-10, оп. 1, д. 569, л. 9].

Помимо выходцев из духовного сословия комиссией увольнялись из школ и другие учителя, признанные не заслуживающими «общественно-политического доверия». Так 12.08.1924 г. из 4 Кохомской школы 1 ступени была уволена А.Г. Ясюнинская, как жена бывшего фабриканта. За «вращение в обществе бывших фабрикантов» были уволены учительницы А.В. Разумова (Кохомская школа 2 ст.) и М.А. Воскресенская (3 Кохомская школа 1 ст.). Учитель рисования К.И. Здиновский (Кохомская школы 2 ст.) был уволен за «занятие буржуазной художественностью» и написание в прошлом портретов членов семьи Ясюнинских. Увольнялись на пенсию и педагоги «старой формации» – заведующий 3 Кохомской школы 1 ст. Г.С. Бочаров (возраст – 65 л., стаж – 46 л.) и учительница 2 Кохомской школы 1 ст. Е.М. Никитина (возраст 64 г., стаж – 44 г.) [2, ф. П-10, оп. 1, д. 569, л. 1–2, 5–7, 12].

Подобные увольнения учителей в 1924 г. прошли по всей губернии, что вызвало негативную реакцию населения. В информационной сводке губотдела ГПУ от 13.06.1924 г. сообщалось, что сокращения учителей в сельской местности «действует на крестьянство в плохую сторону» и показывает «несостоятельность власти дать широкое образование в деревне» [2, ф. П-2, оп. 1, д. 1350, л. 245].

Деятельность властей по удалению из школ верующих учителей продолжалась и после 1924 г. Так, председатель Иваново-Вознесенского ГубОНО Д. Чудинов в 1925 г. заявлял: «Религиозное настроение учительства в той или иной степени передается и на учеников...Мы должны принять все зависящие меры, чтобы религиозного учительства не было» [12].

Проводившиеся в 1925–1927 гг. анкетирования школьников показывали большой процент верующих детей. По сведениям Иваново-Вознесенского ГубОНО религиозность учащихся школ 2 ступени составляла не менее 50 % [9], а в школах 1 ступени «более 50 % учащихся ходят в церковь не по настоянию родителей, а по своему желанию» [10].

На губернской женской конференции 7.10.1927 г. заведующий Иваново-Вознесенским ГубОНО П. Артамонов сообщил, что среди учителей губернии треть являются детьми духовенства [1]. А Иваново-Вознесенский Губсовет «Союза безбожников» в 1927 г. констатировал, что «многие учителя верующие и ходят в церковь», а «в религиозные праздники, когда школа работает, многих ребят не бывает в школе» [8, № 292 от 22.12.1927 г.].

В связи с этим с 1927 г. началась подготовка к переходу советской общеобразовательной школы от безрелигиозного воспитания к антирелигиозному. С 1929 г. в педагогических техникумах Иваново-Вознесенской губернии с целью подготовки учителей нового типа вводилась новая дисциплина – Курс антирелигиозной пропаганды (32 часа) [5].

Учителя и работники сферы просвещения принуждались проводить антирелигиозное воспитание. При этом «в процессе введения антирелигиозного воспитания в школе учитывались, прежде всего, политические задачи. Образовательный аспект отодвигался на второй план. На практике антирелигиозное воспитание провоцировало конфликт советской школы с религиозной семьей и пагубно отражалось на качестве школьного образования в 1929–1932 гг.» [14].

На местах вопросы введения атеистического воспитания в школах рассматривались на заседаниях партийных бюро. Так, на заседании бюро Иваново-Вознесенского укома ВКП(б) 30–31.08.1928 г. подчеркивалось, что в уезде «плохо обстоит дело с антирелигиозным воспитанием учащихся», которое зависит от состава учителей, и указывалось, что начинать эту работу нужно «с перевоспитания учительского состава» [2, ф. П-10, оп. 1, д. 850, л. 5–7]. Командируемым на двухмесячную работу в деревню партийцам предписывалось «выявить социальный состав школы» [2, ф. П-10, оп. 1, д. 598, л. 3]. На коллегии отдела агитации и пропаганды Иваново-Вознесенского укома ВКП(б) от 14.03.1929 г. УОНО поручалось «выявить учительство и особо заведующих школами, которые не проводят антирелигиозное воспитание в школе» [2, ф. П-10, оп. 1, д. 897, л. 86].

Однако, несмотря на усиление работы по внедрению атеистического воспитания и борьбу с общественно-политически неблагонадежными педагогами, в 1930 г. в различных округах Ивановской Промышленной области «дети служителей культа» составляли от 42 до 80 %

школьных учителей [8, № 168 от 23.07.1930 г.]. Таким образом, органам Советской власти не удалось в 1920-е годы вытеснить верующих учителей из системы народного образования.

Библиографический список

1. *Артамонов П.* Заключительное слово на губернской женской конференции 7 октября 1927 г. // Вопросы просвещения. 1927. № 12. С. 67.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО).
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
4. Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах от 20.01.1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 371–373.
5. Итоги конференции заведующих и обществоведов техникумов // Вопросы просвещения. 1929. № 2. С. 58–59.
6. Постановление НКП РСФСР «О выборах на учебные и учебно-административные должности в школах» от 27.02.1918 г. // Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. М.: Наркомпрос, 1919. С. 82–85.
7. Постановление НКП РСФСР «О выборах на педагогические (образовательно-воспитательные, организаторские и технические) должности в учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждениях» от 5.09.1919 г. // Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 2. М.: Наркомпрос, 1921. С. 27–28.
8. Рабочий край: печатный орган Иваново-Вознесенских Губкома РКП(б) и Губисполкома Советов рабочих и крестьянских депутатов.
9. *Ржевский Г.* Пора по серьезному взяться за дело коммунистического воспитания в школах // Вопросы просвещения. 1928. № 6-8. С. 23.
10. *Ржевский Г.* Религиозность учащихся рабочей окраины г. Иваново-Вознесенска // Вопросы просвещения. 1928. № 11-12. С. 45.
11. Обзор политэкономического состояния СССР за август 1924 г. // Совершенно секретно. М., 2001. Т. 2. С. 183.
12. *Чудинов Д.* Очередные вопросы Народного Образования в губернии. // Вопросы просвещения. 1925. № 1. С. 59.
13. *Чудинов Д.* Состояние народного образования в губернии и его перспективы // Вопросы просвещения. 1925. № 2. С. 9.
14. *Шевченко В.А.* «Необходимо ударить, кого следует, чтобы делу не мешали: введение антирелигиозного воспитания в советской школе в 1928–1929 годах // Российская история. 2009. № 1. С. 86–96.

Н.А. Дмитриев,

ассистент, Тверской государственный университет (Тверь)

**«НАРОДНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ»
В КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1940–1950-е гг.**

Аннотация. В статье анализируется понятие и рассматриваются проявления «народного православия» в Калининской области в 1940–1950-е гг.: почитание чудотворных икон, святых источников, проведение самостоятельных богослужений в отсутствие действующих церквей и духовенства Русской православной церкви.

Ключевые слова: Калининская область, «народное православие», епархия, духовенство, молитва, верующие.

N.A. Dmitriev,

Assistant, Tver State University (Tver)

**«FOLK ORTHODOXY»
IN THE KALININ REGION IN THE 1940s–1950s**

Abstract. The article analyzes the concept and examines the manifestations of «folk orthodoxy» in the Kalinin region in the 1940s and 1950s: veneration of miraculous icons, holy springs, and holding independent divine services in the absence of functioning churches and clergy of the Russian Orthodox Church.

Key words: Kalinin region, «folk Orthodoxy», diocese, clergy, prayer, believers.

М.Ю. Смирнов в энциклопедическом словаре к признакам «народной религии» относит совмещение официальной религиозной доктрины со священными текстами фольклорного происхождения (заговоры, обрядовые песни, стихи), обращение к неформальным духовным лидерам (бродячие проповедники, святые старцы, знахари), самостоятельную интерпретацию процедур и атрибутов религиозного культа. «Народная религия», по его мнению, характеризуется религиозным синкретизмом (тесным переплетением «народной» и «официальной» религии), преобладанием внедоктринальных смыслов совершаемых религиозных практик, обрядоверием и склонностью последователей к магии [13, с. 204]. Разработке этой темы с точки зрения христианства посвящены работы Д. Маринова, М.Ф. Лозовицкой, К.В. Цеханской, Т.А. Листовой других. Авторы отмечают неоднозначность понятий «народное православие», «народная вера». Например, К.В. Цеханская определяет эти явления как «грех», «суеверно-православные» практики крещёных, но непросвещённых верующих [11, с. 654; 12, с. 162]. Для изучения «народного православия»

в Калининской области в 1940–1950-е коллективом ученых исторического факультета Тверского государственного университета был создан банк данных «Религиозные практики населения Калининской области в воспоминаниях «детей войны». 1940–1950-е гг.» [1].

1940–1950-е гг. – период постепенного восстановления Калининской епархии (епархиальное управление, приходская сеть, церковная жизнь). Тем не менее, при недостатке действующих церквей, духовенства, религиозной литературы вера критически перерабатывалась – приобретала «народную» форму. Полноценную церковную жизнь заменяли молитвенные собрания и совершение таинств и обрядов без священников, почитание святых источников и чудотворных икон.

Верующие подчас сами выполняли функции священников – поддерживали порядок в храмах, совершали крещения, отпевания, молебны, крестные ходы, панихиды, а в редких случаях, по свидетельству архивных документов и респондентов, исповедь и причастие: «В д. Данилово была бабка Маня, она крестила, и к ней ходили исповедоваться и причащаться» (Людмила Александровна П., 1938 г. р.) [1, № 351]. В д. Ручьи Конаковского района был организован молитвенный дом, где находилась чудотворная икона Божией Матери Казанской. По свидетельству настоятеля храма в с. Дулово Конаковского района, «два старичка-самозванца» там совершали все таинства и требы [7, л. 19]. В с. Костовское Брусовского района верующие 4–5 раз в год по 100 и больше человек собирались на кладбище, пели церковные песнопения и молитвы. На этом же кладбище житель д. Сонково Тимофей Дмитриевич, слепой, бывший певчий, служил панихиды, он же ходил в праздники в дома верующих и служил молебны [6, л. 50].

Наиболее популярными «народными» таинствами, по словам опрошенных, были крещения и отпевания. «Бабушки-крестилки» являлись бывшими монахинями, церковнослужителями или простыми верующими, которые на дому проводили таинство крещения. Например, Зинаиду Анатольевну (1945 г. р.) в 1945 г. в деревне Лосево Селижаровского района крестила родная бабушка (полное крещение прошла только в 1995 г.), Тамару Алексеевну Ш. (1941 г. р.), Ларису Александровну О. (1945 г. р.) во время войны крестили монахини бывшего Знаменского монастыря в Осташкове [1, № 111, 114, 177].

В случае невозможности доставить покойника до ближайшей действующей церкви, отпевания совершались дома или в закрытых церквях и часовнях: «Отпевали сами старушки, священника не было» (Галина Михайловна Б., 1948 г. р.); «Слышала, что это было распространено во время и после Великой Отечественной войны. Отпевание происходило дома, приходила “бабушка-читалка” (деревенская женщина, которая знала молитвы и отчитывала покойника)» (Мария Митрофановна М., 1951 г. р.) [1, № 204, 395].

Взамен веры в Бога и участия в церковных таинствах власти пытались насадить гражданские обряды при рождении, заключении брака, похоронах, вселить веру в светлое будущее – коммунизм и советских политических деятелей. В колхозах создавались красные уголки, где висели портреты [10, л. 78]. Из 400 респондентов 71 (17,85 %) сталкивались с почитанием вождей как святых, упоминаются В.И. Ленин, И.В. Сталин, М.И. Калинин, архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) [1, № 183, 391, 394].

Конкурентами рукоположенных клириков по исполнению религиозных потребностей населения становились женщины, которые в годы закрытия церквей прятали у себя иконы и церковную утварь. В отчетах уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Калининской области В.И. Хевронова встречается множество таких примеров. Так, в д. Илейкино Луковниковского района в доме А.Н. Беляевой систематически проводились церковные службы без духовенства, присутствовали на службе до 30 человек, а в престольный праздник иконы Божией Матери «Ахтырская» собиралось верующих в деревне до 800 человек, а в д. Будёновка Максатихинского района службу проводила у себя дома бывшая монахиня Е.М. Царькова [2, л. 4]. В домах г. Осташкова Калининской области систематически собирались группы верующих и под руководством бывших монашек Знаменского монастыря или религиозных стариков устраивали церковные службы, ходатайствовали в разные инстанции об открытии церкви [4, л. 30 об.].

Нелегальные с точки зрения государства и епархиальной власти собрания верующих происходили и на святых источниках. В архивах отложились ходатайства верующих из д. Заозерье Кировского района об открытии церкви в селе Оковцы, где находился святой источник, и проходили коллективные моления [4, л. 30 об.; 9, л. 98, 99, 100]. В деревне Ельцы Селижаровского района проходили молитвы у источника Здоровец, жители брали святую воду (Мария Филипповна К., 1930 г. р.) [1, № 119]. Даже где не было святых источников и действующих храмов, жители не забывали традиции освящения воды. В д. Родионово Андреапольского района в праздник Богоявления Господня так имитировали обряд: «на колодец ставили иконы, кресты на красиво вышитые рушники и молились, чтобы вода стала святой крещенской» (Валентина Александровна З., 1944 г. р.) [1, № 165].

Иногда верующие открывали недействующие храмы и часовни и молились там. На погосте Серемха (место подвигов преподобного Нила Столобенского) собирались в Троицком храме в 1940–1950-е гг. около 30 монахинь и бабушек для совершения богослужений, уполномоченный в подробном описании даже называл это «своеобразной сектой» [3, л. 3–4]. «В Облове (сейчас окраина г. Кувшиново) ходили тоже сами

в часовню, молились там сами, без священника» (Лидия Васильевна Е., 1936 г. р.) [1, № 34]. Более многочисленные молитвенные собрания проходили в Успенском храме с. Ясенское Осташковского района (Анна Васильевна К., 1937 г. р.) [1, № 116]. Кроме того, среди почитаемых мест Калининской области, где собирались на молитву верующие без священника, архиепископ Калининский Феодосий (Погорский) назвал часовню и крест в с. Завидово, источник мученицы Параскевы в с. Тешилово Завидовского района, часовню с купелью с. Новое Каменского района [5, л. 12].

Несмотря на антирелигиозную пропаганду, стремление властей вытеснить религию из общественной жизни, традиции отмечать церковные праздники внутри семьи в послевоенные десятилетия сохранились в воспоминаниях респондентов. Чаще всего свидетельствуется о наведении порядка в доме, праздничных застольях и специальных угощениях [1, № 22, 23, 25, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 39, 40, 45, 57 и другие]. К примеру: «К Пасхе яички красили, чистую одежду доставали, не новая, но глаженная угольным утюгом. И шли в церковь 2 км. Яйца светили. На кладбище светили в церкви. Никола – мама всегда варила пиво, гнали самогонку, по 12 ведер. Нам, детям, всем сусло наливали. 3 дня гуляют Николу, Воздвижение тоже. А на остальные праздники – нет. Воздвижение – с утра картошку копали, а вечером гуляли. Рождество – мама утром в большую миску масло клала и тарелку оладий. В Пасху – пироги пекли, яички, в этот день ничего не делали, даже в огород не ходили, это чистый праздник, утром помолились, “Христос Воскресе” пели, мама топит печку – и поёт» (Клавдия Фёдоровна Б., 1931 г. р.) [1, № 3].

Церковные богослужения нередко заменялись посещением кладбища и фольклорными традициями: «На Пасху красили яйца и пекли кулич, на Троицу ломали берёзу, ходили на кладбище» (Нина Ивановна К., 1947 г. р.); «Знала, что после Рождества Христова будут колядки, “посевание”» (Галина Гордеевна У., 1938 г.р.); «Перед Рождеством играли в снарядихи – переодевались в козлов, медведей и других животных, колядовали. Пасху отмечали, играли – катали яйца. Но религиозного смысла этому не придавали» (Элеонора Викторовна Д., 1938 г. р.) [1, № 129, 214, 381]. Украшался дом на Вербное Воскресенье, Пасху, Троицу березкой, вербой у 281 респондента (70,25 %) [1].

Почти в каждой деревне, где был когда-то действующий храм, отмечались престольные праздники. С закрытием церквей уходила литургическая часть праздника, ее компенсировали моления вне храма, но главной составляющей почитания священного события стал запрет на работы [8, с. 248]. Верующими устраивались крестные ходы на двенадесятые и престольные праздники деревень, на начало посевной, о ниспослании дождя и по другим поводам: «Наша соседка организовывала

крестные ходы с иконами с молитвой перед посевной, первый выгон скота на пастбище. Ходили вокруг хутора, где жили, от пожара. Мы, дети, с большой охотой шли за взрослыми» (Татьяна Васильевна Л., 1941 г. р.) [1, № 61, 101, 186, 348].

Среди воспоминаний «детей войны» можно отметить множество чудес, связанных с усердной молитвой, явлениями святых, исцелениями от болезней [1, № 105, 116, 122]. Отложились в памяти респондентов и чудеса, связанные с наказанием за разрушение храмов, богохульство [1, № 24, 33, 34, 45, 56, 61, 75, 116, 117, 118, 123, 140, 168, 171, 175, 177, 330].

Таким образом, в условиях запретов со стороны властей на полноценное участие в церковной жизни и недостатка действующих храмов «народная вера» как продолжение литургической традиции церкви стала формой сохранения православия. Важную роль играла нелегальная самоорганизация верующих в борьбе за храмы и для совершения богослужебных обрядов – это служило импульсом для официальной регистрации властями самых активных собраний. Обычаи и традиции, связанные с православными праздниками, передавались из поколения в поколение, хотя зачастую уже теряли религиозный смысл.

Библиографический список

1. Банк данных: Религиозные практики населения Калининской области в воспоминаниях «детей войны». 1940–1950-е гг. / Леонтьева Т.Г., Беговатов Д.А., Дмитриев Н.А., Леонтьева О.Г. Свидетельство о регистрации № 2023620533 от 9.02.2023. URL: <https://history.tversu.ru/pages/301> В ссылках указан номер респондента.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–6991. Оп. 1. Д. 485.
3. ГАРФ. Ф. Р–6991. Оп. 1. Д. 1134.
4. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р–2723. Оп. 1. Д. 7.
5. ГАТО. Ф. Р–2723. Оп. 1. Д. 35.
6. ГАТО. Ф. Р–2723. Оп. 1. Д. 44.
7. ГАТО. Ф. Р–2723. Оп. 1. Д. 80.
8. *Листова Т.А.* Особенности религиозной жизни русских в советское и постсоветское время // Границы советского традиционализма (из опыта русского народа в XX веке). Этнологическое исследование / отв. ред. и сост. О.В. Кириченко. СПб.: Алетейя, 2021. С. 140–306.
9. Тверская епархиальная научная библиотека. Архивный отдел. Ф. 2. Д. 80.
10. Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 147. Оп. 6. Д. 436.
11. *Цеханская К.В.* «Народная вера» и церковные традиции: старые проблемы современной религиозности православных // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. № 2-2. С. 649–655.
12. *Цеханская К.В.* «Народное православие»: новый взгляд на старую проблему // Традиционная культура. 2023. Т. 24, № 2. С. 153–163.
13. Энциклопедический словарь социологии религии / отв. ред. М.Ю. Смирнов. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. 508 с.

Е.В. Дроботушенко,

директор гуманитарно-педагогического института им. Н.Г. Чернышевского,
декан историко-филологического факультета, Забайкальский государственный
университет (Чита)

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ 1950-х ГОДОВ

Аннотация. В статье приводятся некоторые количественные данные по церквям и молитвенным домам, священнослужителям Кемеровской области в начале шестого десятилетия XX в. Основу исследования составил один из документов фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Отмечается, что к приводимой информации нужно относиться с определенной долей осторожности, поскольку ощущается субъективизм автора записки в некоторых оценках, особенно, когда речь идёт не о «чистой» статистике, а, к примеру, о личностях священнослужителей. Говорится о том, что материалы документа дополняют имеющиеся данные по истории православия на территории Кемеровской области в рассматриваемое время.

Ключевые слова: православие, церковь, молитвенный дом, приход, священнослужитель, псаломщик, дьякон, Кемеровская область.

E.V. Drobotushenko,

Director of the Humanitarian and Pedagogical Institute
named after N.G. Chernyshevsky Dean of the Faculty of History and Philology
Transbaikal State University (Chita)

MATERIALS ON THE HISTORY OF ORTHODOXY IN THE KEMEROVO REGION IN THE EARLY 1950s

Abstract. The article provides some quantitative data on churches and prayer houses, clergy of the Kemerovo region at the beginning of the sixth decade of the XX century. The research was based on one of the documents from the funds of the State Archive of the Russian Federation (SARF). It is noted that the information provided should be treated with a certain degree of caution, since the subjectivity of the author of the note is felt in some assessments, especially when it comes not to “pure” statistics, but, for example, about the personalities of the clergy. It is said that the materials of the document complement the available data on the history of Orthodoxy in the Kemerovo region at the time under review.

Key words: Orthodoxy, Church, Prayer House, Parish, Minister, Psalmist, Deacon, Kemerovo Region.

История православной церкви на территории Кемеровской области в середине XX столетия не раз находила отражение в научных исследованиях [1; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15 и др.]. В то же время, встречаемые сегодня в архивных хранилищах документы позволяют дополнить имеющиеся данные, внести что-то новое или поставить вопросы относительно чисел, дат и событий.

Хронологические рамки исследования определены тем, что к началу 1953 г. относится достаточно интересный документ. Это «Записка о деятельности православных церковных общин на территории Кемеровской области за 1952 год». Текст отпечатан на машинке, авторства не имеет [2].

Подобные документы составлялись уполномоченными Совета по делам Русской православной Церкви (РПЦ) при Совете Министров СССР в регионах. С определённой долей вероятности можно предположить, что записка составлена им. Однако аналогичные записки или справки, вероятно, могли составляться проверяющими.

В правом верхнем углу проставлен гриф «Секретно». Документ составлен небрежно, в приводимой информации есть противоречия. На это обращено внимание, вероятно, читавшего записку ответственного сотрудника, по всему документам подчеркивания спорных цифр и фактов [Там же, л. 11, 13–14]. Несмотря на это акцентировать внимание на документе и проводимых в нём фактов необходима для составления наиболее полной картины существования православной церкви на территории Кемеровской области в рассматриваемое время.

На 1 января 1953 г. на территории Кемеровской области было 14 действовавших культовых постройки Русской Православной Церкви:

в г. Кемерово: Знаменская и Никольская церкви, одна на левом, вторая на правом берегу р. Томь;

в г. Киселевск: Петропавловская церковь;

в г. Ленинск-Кузнецкий: Покровская церковь;

в г. Тайга: Ильинская церковь;

в г. Анжеро-Судженск: Петропавловская церковь;

в с. Верхотомка: Троицкая церковь

в с. Кузнецеево: Пантелеймоновская церковь [Там же, л. 11–12].

Молитвенные дома действовали:

в г. Прокопьевск: Покровский;

в г. Осинники: Ильинский;

в г. Белово: Вознесенский;

в г. Топки: Никольский;

в г. Сталинск (бывший Кузнецк, Ново-Кузнецк и будущий Ново-Кузнецк): Никольский и Михайло-Архангельский [Там же].

В 1952 г. был снят с государственной регистрации молитвенный дом в г. Гурьевск. Связано это с закрытием религиозной организации. Решение об этом было принято Советом по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР [Там же, л. 11].

Помещения под всеми культовыми домами – это приспособленные под культовые цели, выкупленные у частных лиц дома [Там же, л. 12].

Помимо перечня православных храмов в регионе автор документа говорит о церковнослужителях, отмечая, что на 1 января 1953 г. в регионе было 24 зарегистрированных священнослужителя, 3 диакона и 12 псаломщиков. Основная масса священников была старше 55 лет, это 18 чел. Четверо были в возрасте от 40 до 55 лет и двое до 40 лет. Дьяконы все до 40 лет [Там же, л. 12 об.].

В Знаменской церкви г. Кемерово было 3 священника и один псаломщик, там же в Никольском храме, соответственно, два священника, один дьякон и один псаломщик. При Петропавловской церкви г. Киселёвска служили один священник и один псаломщик, при Покровской в г. Ленинск-Кузнецкий два священника и два псаломщика, при Ильинской в г. Тайга один священник и один псаломщик, при Петропавловской в г. Анжеро-Судженск один священник и один псаломщик. В Троицком храме с. Верхотомка и Пантелеймоновском с. Кузнецеево было по одному священнику [Там же, л. 12].

Разное количество священников и псаломщиков было в молитвенных домах:

в г. Прокопьевск: 3 священника и один псаломщик;

в г. Белово: два священника и два псаломщика;

в г. Топки один священник;

в г. Сталинск: при Никольском молитвенном доме один священник и один псаломщик, при Михайло-Архангельском три священника и два псаломщика.

в г. Осинники: псаломщика не было, однако было два священника и один дьякон [Там же, л. 12–12 об.].

В течение 1952 г., по разным причинам, службу по всем приходам в регионе оставило 14 священников, два диакона и 6 псаломщиков. Основной причиной оставления службы автор записки называл «аморальное поведение» [Там же].

Далее в тексте документа приводятся примеры нарушений со стороны некоторых священнослужителей. При этом в ряде случаев, совершённые им проступки не просто «аморальны», а уголовно наказуемы. В документе не говорится о том, были ли провинившиеся священнослужители наказаны, а покинувшие место службы найдены. Так, один из священников. Речь идёт о служителе молитвенного дома в г. Прокопьевске, который «сбежал», «прихватив» 400 000 руб. [Там же, л. 12 об.].

Иной священник, из Ильинской церкви г. Осинники, «отличился» меньшей суммой, в 40 000 руб. Также сбежал [Там же, л. 13].

Здесь в глаза бросается некоторая нестыковка в приводимых данных. Как отмечалось выше, Ильинская церковь была в г. Тайга, а в Осинниках был молитвенный дом.

В качестве негативного фактора церковной жизни автор записки говорит о том, что изготовление золотого креста в г. Сталинске было потрачено 42 000 руб. [Там же, л. 13]. В то же время им не даётся характеристика размеров креста.

Среди примера аморальных поступков приводится случая появления на церковной службе в пьяном виде настоятеля церкви г. Ленинск-Кузнецкий [Там же].

Отмечал автор записки, что в некоторых православных приходах были значительные разногласия в среде прихожан. Заключались они в том, «что каждая группа стремится во главе управления церкви поставить своих людей». Фиксировались случаи срыва богослужений в связи с возникновением конфликтов. Такие случаи замечены в г. Сталинск, Белово, Осинники, Ленинск-Кузнецкий [Там же].

В г. Сталинск «противоречия верующих дошли до того, что они стали друг друга вытаскивать из церкви». Это, по мнению автора характеризуемого документа является единственным объяснением поездки туда митрополита [Там же].

Выше отмечалось, что приводимая информация, несомненно, субъективна, однако восстановления наиболее объективной картины она должна быть проанализирована исследователем и использована в дальнейшей работе.

В 1952 г. по Кемеровской области поступило 5 заявлений об открытии православных церквей и молитвенных домов: 2 в городах и 3 в сельских поселениях [Там же].

Таким образом, можно констатировать, что «Записка о деятельности православных церковных общин на территории Кемеровской области за 1952 год» является интересным и, по своему, ценным источником по православной истории региона середины XX в. Наряду с иными источниками и материалами имеющихся исследований, она, дополняя последние, позволяет, где-то уточнить отдельные количественные данные, некоторые даты и названия, а где-то поставить вопросы для дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Васькин А.Н. Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской православной церкви: предпосылки создания, основание и развитие (1970-е гг. – начало XXI в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Кемерово: ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», 2013. 274 с.

2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-6991, Оп. 1. Д. 1100.

3. *Генина Е.С.* Государство и Русская Православная церковь в середине 1940-х – начале 1950-х годов (по материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. 2010. № 10. С. 105–112.
4. *Генина Е.С.* Церковное движение в Кузбассе в середине 1940-х - начале 1950-х гг. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: четвертые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина, 7–8 октября 2003 г. / отв. ред. В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 355–358.
5. *Генина Е.С.* «Церковное движение» в г. Кемерово в середине 1940-х гг. // Балибаловские чтения: материалы второй науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию упоминания первого наделённого пункта г. Кемерово – займки Щегловой, 280-летию открытия Кузнецкого угольного бассейна, 80-летию создания АИК-Кузбасс, 90-летию со дня рождения И.А. Балибалова, ноябрь 2001 г. / сост. Н.П. Гусева, Л.Ф. Кузнецова. Кемерово: ОГУП Кемеровского обл. изд-во «Притомское», 2001. С. 65–68.
6. *Горбатов А.В.* Государственно-церковные отношения в Сибири (1949–1952 гг.) // Известия Томского политех. ун-та. 2007. Т. 310, № 3. С. 166–170.
7. *Горбатов А.В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Томск: ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», 2009. 407 с.
8. *Горбатов А.В.* Государство и религиозные организации в СССР (1940–1960-е гг.) в трудах эмигрантских и современных исследователей // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2011. № 2. С. 10–12.
9. *Климова Е.С.* Восстановление церковно-приходской жизни на территории Кемеровской области в 1944–1947 гг. // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. № 1 (61). Т. 2. С. 53–56.
10. *Климова Е.С.* Актуальные вопросы изучения истории Русской православной церкви (на примере Кемеровской области, 1945–1960-е гг.) // Magistra Vitae. Электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 1. С. 117–124.
11. *Кушникова М.М., Тогулев В.В.* Плач золотых звонниц: Церкви Кузбасса: Страницы непарадной истории 1940–1960-х гг. в архивных документах. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 527 с.
12. *Скворцова (Климова) Е.С.* Кемеровское благочиние Новосибирской и Барнаульской епархии в системе государственно-церковных отношений в 1949–1963 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 4 (48). С. 82–88.
13. *Скворцова Е.С.* История приходских общин Русской Православной Церкви в Кемеровской области (1943 – первая половина 1960-х годов): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. Кемерово: ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», 2023. 26 с.
14. *Сосковец Л.И.* Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е гг. XX в. Томск: Томский гос. ун-т, 2003. 347 с.
15. *Сосковец Л.И.* Религиозные организации Западной Сибири в 1940–1960-е годы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Томск: Томский гос. ун-т, 2003. 348 с.

Иеромонах Афанасий (Зимин),

древлехранитель Курской епархии (Курск)

О.В. Пигорева,

доцент, Курский государственный аграрный университет

им. И.И. Иванова (Курск)

**ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ЖИЗНЬ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х – НАЧАЛА 1960-х гг.
В ОТРАЖЕНИИ НОВЕЙШЕЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Аннотация. Статья посвящена современной научной литературе по вопросам церковно-приходской жизни периода хрущевской оттепели. Показан рост интереса исследователей к изучению деятельности приходов как структурной единицы Русской православной церкви, ключевого элемента церковного сообщества и значимой социальной группы.

Ключевые слова: современная историография, хрущевская оттепель, церковно-приходская жизнь, государственно-церковные взаимоотношения.

Hieromonk Athanasius (Zimin),

Keeper of the Ancient Monuments of the Kursk Diocese (Kursk)

O.V. Pigoreva,

Associate Professor, Kursk State Agrarian University named after I.I. Ivanov (Kursk)

**PARISH LIFE IN THE SECOND HALF
OF THE 1950s – EARLY 1960s IN REFLECTION
OF THE LATEST RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

Abstract. The article is devoted to the modern scientific literature on the issues of parish life during the Khrushchev Thaw. It shows the growing interest of researchers in studying the activities of parishes as a structural unit of the Russian Orthodox Church, a key element of the church community, and a significant social group.

Key words: modern historiography, the Khrushchev Thaw, parish life, and state-church relations.

Актуальность исследования государственно-церковных отношений в СССР определяется рядом факторов, в числе которых значимость светского и духовного начал в жизни общества; близость советской эпохи к нынешней эпохе: со времени новой в послевоенный период волны антирелигиозных гонений прошло немногим более 60 лет. Про-

изошедшее в последние годы в России изменение государственной политики, ее направленность на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, которые рассматриваются как основа общества, позволяющая защищать и укреплять суверенитет России, актуализирует внимание к православию.

В тематическом плане исследования государственно-церковных отношений второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. охватывают достаточно широкий круг вопросов, касающихся взаимодействия государственных и религиозных институтов, правового положения, социально-экономической деятельности Русской православной церкви.

В данной статье авторы сконцентрировали внимание на анализе научной литературы, созданной начиная с рубежа XX–XXI вв. Произошедшее на этапе перехода от СССР к России открытие архивов с целью заполнения «белых пятен истории» расширило круг исторических источников, что в условиях возникшего плюрализма научных методологических подходов позволяло рассматривать историю государственно-церковных отношений с позиций объективного научного знания.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. на фоне возросшего в научных кругах интереса в религиозной проблематике появились исследования, в которых деятельность Русской православной церкви второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. рассматривалась как самостоятельная историческая тема. Важное место в историографии темы занимают выполненные в 2000-е гг. обобщающие труды Ю.В. Гераськина, А.А. Федотова, раскрывающие государственно-церковные отношения, показывающие борьбу верующих за сохранение храмов в контексте государственной церковной политики [2; 12].

Научный интерес представляют публикации, посвященные подготовке и проведению в 1961 г. реформы приходского управления, реакции приходского духовенства на столь крупное антицерковное мероприятие. В контексте данной проблематики прежде всего следует выделить работы протоиерея Алексея Марченко [8]. Научный интерес вызывает анализ причин поспешности созыва Архиерейского Собора 1961 г., что исследователи справедливо связывают с требованием правительства немедленно навести порядок в жизни церковных приходов, восстановив права исполнительных органов приходов на ведение финансово-хозяйственной деятельности. Согласимся с выводом о том, что, несмотря на канонические нарушения, связанные с проведением Архиерейского Собора, епископат не оказал должного сопротивления гражданской власти и собственным единогласным решением санкционировал не выгодные Церкви изменения в «Положении об управлении Русской Православной Церкви», касающиеся порядка управления приходами [9, с. 298].

Значимы в новейшей историографии публикации митрополита Смоленского и Дорогобужского Исидора (Р.В. Тупикин). Автор обосновывает, что пиком гонений на Русскую православную церковь, отличавшихся продуманностью, масштабностью и беспрецедентностью, стали 1961–1964 гг., а созыв Архиерейского собора 18 июля 1961 г. и последовавшая реформа приходского управления Русской православной церкви характеризует как начало открытого антирелигиозного выступления [11].

Ученые Ивановского филиала Института управления А.А. Федотов и К.А. Полозова, анализируя основные направления организованной Н.С. Хрущевым антицерковной политики (закрытие храмов, усиление атеистической пропаганды и др.), отмечали, что задачей приходской реформы было отстранение священнослужителей от финансово-хозяйственной деятельности приходов, проведение единовременного учета и создание при райисполкомах комиссий по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах с целью ужесточения контроля за всеми сторонами жизни религиозных объединений и частной религиозной жизни граждан. Авторы оценивают политику Н.С. Хрущева как попытку создания модели, при которой Церковь должна была самоликвидироваться без проведения явных кровавых гонений [13].

Историк М.В. Каиль отмечал произошедшие в хрущевский период существенные изменения прихода как главной структурной единицы церкви и структуроформирующего элемента православного общества [5]. Согласимся с утверждением, что в конце 1950-х – 1960-е гг. наиболее заметные изменения имели место как раз в сфере внутрицерковных отношений: примат советского и социалистического над традиционным церковным, методы коммуникации и решения противоречий, свойственные скорее колхозу, но не религиозной организации – наиболее болезненные характерные черты эпохи [Там же, с. 105].

О.В. Кириченко характеризовал положение Русской православной церкви в годы правления Хрущева как тяжелейшее, «поскольку была поставлена вполне определенная задача ее уничтожения», и характеризует происходившее как уничтожение «через шельмование духовенства и религии, через материальные рычаги экономического удушения, через закрытие и резкое сужение церковного пространства во всем Союзе» [6, с. 8–9].

С.М. Зинчук с привлечением регионального материала по Костромской области анализировал проведение приходской реформы, оценивая ее главный замысел как ликвидацию финансового фундамента Русской православной церкви. Интересен основанный на архивных дан-

ных послы, что приходские священники приняли последовавшие в результате реформы изменения неоднозначно: «...многие не скрывали своего недовольства, пытались отправлять жалобы местным уполномоченным Совета по делам РПЦ. Некоторые шли по другому пути: подчиняясь для вида, фактически продолжали оставаться руководителями хозяйственных вопросов в своих приходах, используя лично им преданных малограмотных членов исполнительных органов» [3, с. 69].

Выделим выполненные на материалах Курской области исследования, посвященные отдельным аспектам религиозной жизни в период политической оттепели [4; 7]. Профессор А.В. Апанасенко значительное внимание уделил изучению причин сохранения православных традиций в Курском крае в хрущевский период и практике реализации богослужебных обрядов, анализируя тему на обширном источниковом материале [1].

Протоиерей Сергей Пташинский подробно изучил деятельность приходов в период антирелигиозной кампании второй половины 1950-х – начала 1960-х гг., подробно описав основные методы сопротивления верующих [10].

Таким образом, современные исследования, посвященные государственно-церковным отношениям периода, вошедшего в историю как хрущевская оттепель, но в отношении Церкви ставшего новым витком гонений, значительное внимание уделяют жизни приходов как структурной единицы Русской Православной Церкви, ключевого элемента церковного сообщества и значимой социальной группы.

Библиографический список

1. *Апанасенко А.В.* Рождественские богослужения в советском провинциальном городе хрущевского периода: описания Курского уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви 1957 и 1960 гг. // *Провинциальные научные записки.* 2025. № 1 (20). С. 109–113.
2. *Гераськин Ю.В.* Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х – 70-е годы XX века): монография. Рязань: Рязанский гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2007. 271 с.
3. *Зинчук С.М.* Внутрицерковные процессы в период осуществления приходской реформы в первой половине 1960-х гг. // *Вестник Костромского государственного университета.* 2019. Т. 25, № 2. С. 67–70.
4. *Ильина З.Д., Лебедева О.В.* Развитие миротворческой и благотворительной миссии Русской Православной Церкви в XX веке // *Ученые записки Российского государственного социального университета.* 2010. № 9 (85). С. 75–81.
5. *Каиль М.В.* Российское православное духовенство и верующие: самосознание и вера в исторических реалиях 1914–1960-х годов // *Персональная*

история православия: судьбы церкви и верующих в новейшей истории России. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2021. С. 57–106.

6. *Кириченко О.В.* Духовное влияние советского строя на иерархов и духовенство в 1960–1980-е годы // Традиции и современность. 2020. № 24. С. 3–18.

7. *Макарова Д.Ю.* Атеистическая пропаганда в СССР в 1954–1964 годах (на материалах Курской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13, № 3. С. 33–39.

8. *Марченко А.Н.* Религиозная политика советского государства в годы правления Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья; Общество любителей церковной истории, 2010. 330 с.

9. *Марченко А.Н., Марченко Н.А.* Архиерейский Собор 1961 года по материалам церковной печати и воспоминаниям его участника архиепископа Павла (Голышева) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 39. С. 292–303.

10. *Пташинский С.Н., протоиер.* Борьба за сохранение приходских храмов в период антирелигиозной кампании Н.С. Хрущева 1958–1964 гг. // Церковный историк. 2024. № 4 (18). С. 185–199.

11. *Тушкин Р.В.* Антицерковная политика Советского государства и положение Смоленской епархии в 1961–1964 гг. // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2025. №1. С. 7–23.

12. *Федотов А.А.* Русская православная церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России). Иваново: Ин-т управления, филиал, 2009.

13. *Федотов А.А., Полозова К.А.* Законодательная база и практические аспекты антицерковных репрессий при Н.С. Хрущёве в 1958–1964 гг. // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5-6 (33-34). С. 103–109.

УДК 94(47)

А.А. Кузьмин (епископ Артемий),
епископ Таганрогский, викарий Ростовской епархии

**ЭТАП ЛИКВИДАЦИИ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ
В АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОМ КРАЕ В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД:
ЗАКРЫТИЕ РОСТОВСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА
РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ И РЕПРЕССИИ ДУХОВЕНСТВА**

Аннотация. Рассматривается центральное событие церковной жизни Азово-Черноморского края (в границах Ростовской области) 1935 г. – арест архиепископа Ростовского и Таганрогского Николая (Амасийского), клириков ростовских храмов и последующее закрытие храма.

Ключевые слова: собор Рождества Пресвятой Богородицы г. Ростова-на-Дону, Ростовская и Таганрогская епархия, архиепископ Николай (Амасийский), закрытие церквей, репрессии духовенства.

A.A. Kuzmin (Bishop Artemy),
Bishop of Taganrog, vicar of the Rostov diocese

**THE LIQUIDATION OF CHURCH LIFE
IN THE AZOV-BLACK SEA REGION IN THE PRE-WAR PERIOD:
THE CLOSURE OF THE ROSTOV CATHEDRAL
OF THE NATIVITY OF THE MOTHER OF GOD
AND THE REPRESSION OF THE CLERGY**

Abstract. The central event in the church life of the Azov-Black Sea region (within the borders of the Rostov region) in 1935 is examined: the arrest of Archbishop Nikolai (Amasiysky) of Rostov and Taganrog, the clergy of the Rostov churches, and the subsequent closure of the church.

Key words: Cathedral of the Nativity of the Blessed Virgin Mary in Rostov-on-Don, Rostov and Taganrog Diocese, Archbishop Nikolai (Amasiysky), closure of churches, repression of the clergy.

Довоенный период (1922–1940 гг. [4, с. 374]) на территории СССР характеризовался планомерным уничтожением церковной жизни, которое началось после принятия 8 апреля 1929 г. Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» [7, с. 373–374]. Обращение к не изученным в достаточной степени событиям в Азово-Черноморском крае (с 1920 по 1924 г. – Донской области, с 1924 г. – в составе Юго-Восточной области, затем Северо-Кавказского края, с 1934 г. – Азово-Черноморского края, с 1937 г. – Ростовской области)

представляется актуальным, поскольку позволит выявить особенности реализации антицерковной политики, проводимой в регионе.

Историография поставленной проблемы скудна. Документы о времени закрытия церквей и молитвенных зданий в Донской области в 1920–1930-е годы представлены в сборнике документов, изданном в 2013 г. [8]. Частично вопрос закрытия собора Рождества Богородицы Ростова-на-Дону в 1935 г. затронут в монографии А.В. Шадриной [9]. Отдельные аспекты проблемы ликвидации церковной жизни в Азово-Черноморском крае освещены в статьях кубанских ученых Н. Ю. Беликовой [3, с. 22–26] и Н.В. Кияшко [5, с. 138–141].

Знаковым событием, ставшим важным этапом ликвидации церковной жизни в Азово-Черноморском крае (с 1937 г. Ростовской области), стала подготовка к закрытию кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы г. Ростова-на-Дону, сопровождавшаяся репрессиями клириков.

Собор, возведенный в 1860 г. [9, с. 76] получил статус кафедрального в 1919 г. после учреждения самостоятельной Ростовской и Таганрогской епархии на Юго-Восточном русском церковном соборе в Ставрополе [9, с. 145]. 22 ноября 1933 г. управляющим Ростовской и Таганрогской епархии был назначен епископ Николай (Амасийский) [6, с. 310–312], в 1934 г. возведенный в сан архиепископа [6, с. 311]. В 1925 г. он привлекался органами НКВД к следствию по ст. 58 п. 10 Уголовного Кодекса, однако был освобожден после 1,5 месяцев заключения [2, л. 30 об., 31].

Спустя меньше года после назначения архиепископа Николая в Ростовской области начались закрытия православных храмов. Так, в 1934 г. был расторгнут договор с общиной и закрыта Преполовенская церковь Нижне-Гниловской станицы (ныне район г. Ростова-на-Дону). Приходское духовенство и активные верующие начали собирать подписи против закрытия храма. В результате священнослужители и активные прихожане были репрессированы [1]. 29 мая 1935 г. Постановлением Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме Северо-Кавказского Краевого исполнительного комитета была закрыта и разрушена церковь в хуторе Рогожкино [8, с. 299], находившемся вблизи Ростова. 15 декабря 1935 г. расторгнут договор с обществом верующих Флоро-Лаврской церкви станицы Пролетарской, а 21 декабря 1935 г. принято постановление «об использовании церковного здания под культурные цели – клуб» [8, с. 299].

Эти события вызвали беспокойство у иерарха, ростовского духовенства и прихожан собора. Вокруг архиепископа Николая объединились клирик собора священник Михаил Домнич и духовенство Софиевской церкви – священники Никанор Трёмбовельский и Александр Бедин.

Священник Михаил Домнич начал нести служение в Ростове-на-Дону с 1931 г. До 1917 г. он получил образование в Таврической духовной семинарии (г. Симферополь) и в Киевской духовной академии. С августа 1921 г. он был священником в Мелитопольском округе, с апреля 1930 по май 1931 г. – в с. Греково-Александровке Таганрогского округа, с мая по сентябрь 1931 г. в Батайске, с сентября 1931 г. назначен клириком ростовского собора Рождества Богородицы [2, л. 64].

Священник Никанор Трёмбовельский – выпускник Киевской духовной семинарии (1896 г.). С 1907 г. – военный священник, участвовал в Первой мировой войне в составе 197 пехотного полка. После расформирования полка уехал в Новочеркасск, где служил до 1919 г., затем переехал в Таганрог и нес служение как клирик Петропавловской церкви при богадельне, окормлял Атаманский полк, стоявший в Таганроге. В 1929 г. был переведен в Ейск, в 1932 г. – в Ростов-на-Дону в Софиевскую церковь [2, л. 39–39 об.].

Священник Александр Бедин был уроженцем Области войска Донского. В 1908 г. он окончил Донскую духовную семинарию [2, л. 56 об.] и с 1909 г. был рукоположен в сан священника Донской и Новочеркасской епархии. В 1932 г., учитывая обстоятельства времени, перевелся в Ростовскую и Таганрогскую епархию и стал клириком Софиевской церкви Ростова-на-Дону [2, л. 57].

Трудно предположить почему эти священники объединились вокруг архиепископа Николая (Амасийского) и стали на защиту кафедрального собора. Однако в 1935 г. с согласия епархиального архиерея они предприняли попытку предупредить принятие постановления о закрытии собора и попытались начать собирать подписи верующих. В частных беседах священников с верующими, как было зафиксировано в протоколах допросов в период следствия, звучала традиционная для того времени оценка советской власти как посланной «в наказание от дьявола, которая старается уничтожить веру в Бога, преследует духовенство и верующих, насильственно закрывает храмы» [2, л. 33].

Деятельность духовенства привлекла внимание НКВД и в глазах его сотрудников получила негативную оценку. Так, следствием было зафиксировано, что священник Михаил Домнич «проводил среди верующих активную антисоветскую агитацию, направленную на дискредитирование советской власти и создание эксцесса» [2, л. 23], т.е. организацию сопротивления закрытию собора. Как сообщал на допросе 29 мая 1935 г. архиепископ Николай (Амасийский), «примерно с конца апреля месяца 1935 г. Домнич М. и Бедин А. с целью недопущения закрытия собора обрабатывали прихожан для организации сопротивления массовых эксцессов. Для этого они выделяли и посылали более надежных

и грамотных женщин... ходить по домам верующих, собирать подписи о недопущении закрытия собора путем распространения агитации о гонении советской власти на религию» [2, л. 134].

Священник Никанор Трёмбовельский проводил среди верующих активную «антисоветскую агитацию», распространяя разного рода «провокационные слухи» [2, л. 7], а также хранил у себя на квартире антисоветскую литературу» [2, л. 11]. Священник Александр Бедин проводил среди верующих активную «антисоветскую агитацию, также направленную на дискредитирование советской власти и создание эксцесса» [2, л. 17]. Учитывая идеологическую заданность следственных документов, очевидно, что священники пытались привлечь прихожан к защите собора от закрытия.

В ходе следствия сотрудниками НКВД была сформулирована версия деятельности архиепископа Николая и ростовского духовенства, которая предполагала необходимость их репрессий. Так, в отношении иерарха и священника М. Домнича следствие пришло к выводу, что «в целях свержения советской власти и установления фашистского строя в СССР (они. – *en. А.*) организовали нелегальные совещания кружков, на которых разъясняли и давали установки пропагандировать фашизм на селе приезжавшим в епархиальное управление отдельным попам с периферии» [2, л. 142]. Как видно, стандартная епархиальная деятельность иерарха и духовенства получила оценку как противозаконной. В ней была отражена и предвоенная действительность – «пропаганда фашизма», которая не велась членами Церкви.

В деле архиепископа Николая и ростовского духовенства также была отражена и ставшая традиционной в 1937–1938 гг. тактика «создания» контрреволюционных организаций. Согласно заключению по делу, архиепископ Николай и священник М. Домнич «являлись инициаторами контрреволюционной группировки, систематически дискредитировали советскую власть и руководителей коммунистической партии, распространяя контрреволюционные провокационные слухи о неизбежной гибели советской власти» [2, л. 142].

Помимо попыток архиепископа Николая и духовенства препятствовать закрытию кафедрального собора, в его стенах в среде прихожан развернулась борьба против иерарха. Ее возглавил член церковной общины ростовского собора Иван Иванович Кутилин. Он почитал архиепископа Серафима (Силичева), который в 1931 г., будучи епископом Ростовским и Таганрогским, был репрессирован за «контрреволюционную деятельность» [2, л. 77] и приговорен к трем годам ИТЛ. Кутилин был «ярым сторонником возвращения... епископа» [2, л. 77]. В октябре 1934 г. по поручению прихожан в он «ездил в Москву в патриарший

Синод с просьбой о замене епископа Николая другим» [2, л. 71]. Аргументируя свою позицию, И.И. Кутилин сообщал следствию, что «епископ Николай разваливает епархию и работает на руку безбожной власти, а Силичев, став у власти в Ростове, сможет удержать от развала епархию» [2, л. 77]. Деятельность И.И. Кутилина, не увенчавшаяся успехом, была характерна для прихожан собора, которые на протяжении XX в. по своей инициативе неоднократно предпринимали попытки вмешательства в деятельность иерархов и епархиального управления.

Попытки духовенства предотвратить закрытие собора привели к вмешательству НКВД. Архиепископ Николай (Амасийский) был арестован 5 мая 1935 г., священники М. Домнич, Н. Трёмбовельский, А. Бедин и И. Кутилин – 23 мая 1935 г. Представляют интерес обвинения, сформулированные после проведения полугодового следствия. Архиепископ Николай обвинялся в том, что «проводил среди верующих антиправительственную агитацию, распространяя разного рода провокационные слухи» [2, л. 197]. Священникам Домничу Михаилу Константиновичу, Трёмбовельскому Никанору Никандровичу, Бедину Александру Ивановичу и Кутилину Ивану Ивановичу было предъявлено обвинение в «контрреволюционной деятельности группировки из священнослужителей» [2, л. 194, 196, 195, 193].

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 16 ноября 1935 г. архиепископ Николай (Амасийский) был приговорен к ссылке в Башкирию сроком на 3 года [2, л. 197]; священник Михаил Домнич – к заключению в ИТЛ сроком на 3 года [2, л. 194]; священник Никанор Трёмбовельский – к ссылке в Северный край сроком на 3 года [2, л. 196]; священник Александр Бедин – к заключению в ИТЛ сроком на 3 года [2, л. 195]; И.И. Кутилин подвергнут ссылке в Северный край сроком на 3 года [2, л. 193]. Священники М. Домнич, А. Бедин и И.И. Кутилин в предъявленных им обвинениях виновными себя не признали. Однако это никак не повлияло на приговор.

Архиепископ Николай был выслан в Уфу (в 1938 г. переведен в Казахстан [6, с. 312]). Священник М. Домнич отбывал наказание в Сиблаге (Новосибирская область, А. Бедин в Карлаге (Карагандинская область), Н. Трёмбовельский в Архангельске [2, л. 169–172].

Постановление о закрытии собора Рождества Богородицы было принято Постоянной комиссией по вопросам культов при Президиуме Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета 11 мая 1935 г., однако богослужения продолжались в храме до 1936 г. [9, с. 197].

Как видно, в Азово-Черноморском крае (Ростовской области) основными направлениями антицерковной политики, регламентированной постановлением «О религиозных объединениях» от 08.04.1929 г., было

заккрытие церквей, сопротивление которому со стороны духовенства и прихожан приводило к репрессиям.

Библиографический список

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области (Архив УФСБ РФ по РО). Д. П-36076.
2. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-38681.
3. *Беликова Н.Ю.* Русская православная церковь на юге России накануне Великой Отечественной войны (на материалах Краснодарского края) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 4 (164). С. 22–26.
4. Большая Российская энциклопедия: в 30 т. Т. «Россия» / науч.-ред. совет: пред. Ю.С. Осипов и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. С. 374–380.
5. *Кияшко Н.В.* Конфессиональная политика государства и Русская Православная Церковь на Кубани в 1929–1937 гг. // Отраденские историко-краеведческие чтения. Вып. III: материалы Международной научной конференции, посвященной 105-летию со дня рождения краеведа Михаила Николаевича Ложкина / науч. редактор С.Н. Немченко. Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2015. С. 138–141.
6. Николай (Амассийский Николай Васильевич) // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2018. Т. L. С. 310–312.
7. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 08.04.1929. О религиозных объединениях // Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. I. С. 373–374.
8. *Табунщикова Л.В., Шадрина А.В.* Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е годы: сборник документов. Ростов-на-Дону: [б. и.], 2013.
9. *Шадрина А.В.* Ростовский кафедральный собор Рождества Пресвятой Богородицы. История. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. 400 с.

Ю.А. Лабынцев,

ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

СОЗДАТЕЛЬ ИНТЕГРАЛЬНОГО БЕЛОРУСОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИК Е.Ф. КАРСКИЙ И ПРАВОСЛАВИЕ

Аннотация. Выдающийся славист Е.Ф. Карский, выходец из семьи сельского дьячка, добившийся мировых научных высот, как никто другой способствовал формированию новой исследовательской дисциплины – белорусоведения.

Ключевые слова: Е.Ф. Карский, православие, белорусоведение.

Yu.A. Labyntsev,

Leading research fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

THE FOUNDER OF INTEGRAL BELARUSIAN STUDIES, ACADEMICIAN E.F. KARSKY AND ORTHODOXY

Abstract. The outstanding slavist E.F. Karsky, who came from the family of a rural sexton and achieved world scientific heights, contributed like no one else to the formation of a new research discipline - Belarusian studies.

Key words: E.F. Karsky, Orthodoxy, Belarusian studies.

1 января 2026 г. исполнилось 165 лет со дня рождения великого ученого, академика Императорской Академии наук и Академии наук СССР Евфимия Федоровича Карского, автора знаменитой, не имеющей мировых аналогов семитомной научной эпопеи «Белорусы», в буквальном смысле обессмертившей его имя, как бы открывшей целый малоизвестный дотоле народ [1].

Вот как сам Е.Ф. Карский в рукописной автобиографии рассказывает о своем рождении, образовании, вхождении в университетскую преподавательскую среду: «Из духовного звания, родился 20 декабря 1860 года [т. е. 1 января 1861 г. по новому стилю] в селе Лаше Гродненской губ. и уезда. С переездом родителей в Минскую губернию, обучался сначала в Минском духовном училище и Минской духовной семинарии, в которой прошел 4 класса; в августе 1881 года поступил в Историко-филологический Институт кн. Бездорозко в Нежине, где и окончил курс по славяно-русскому отделению в 1885 году со званием учителя гимназии, дающим права кандидатов университета. Главным руководителем при занятиях славяно-русской филологией в Институте был Р.Ф. Брандт. Магистерскому экзамену подвергался при историко-

филологическом факультете Варшавского университета и по защите диссертации в Киевском университете 24 октября 1893 года удостоен степени магистра русского языка и словесности... с 1 июля 1885 года был преподавателем Виленской 2-й гимназии по предмету русского языка и словесности, а также древних языков в низших классах до декабря 1892 г. С 7 января 1893 года был причислен к Департаменту Министерства Народного просвещения, с 1-го февраля того же года состоял лектором русского языка в Императорском Варшавском университете, а с 26 июня 1894 года назначен экстраординарным профессором...» [2, л. 1–1 об.].

О Е.Ф. Карском написано довольно много и, пожалуй, к настоящему моменту даже возникло особое направление исследований, «карсковедение», чему в немалой степени мы обязаны неутомимой многолетней деятельности профессора М.И. Конюшкевич, проводящей с 1990 г. специальные научные чтения, посвященные Е.Ф. Карскому [3, с. 3–136]. За последние годы создано несколько очень важных обобщающих работ, связанных с жизнью и деятельностью этого замечательно-го ученого с весьма непростой судьбой. Прежде всего это ряд публикаций правнука академика, хранителя семейного архива, инженера по образованию А.А. Карского, около четверти века собиравшего материалы о Е.Ф. Карском и написавшего о нем двухтомное биографическое исследование [4], а также составившего ряд библиографий, посвященных его наследию [5; 6. с. 137–191]. Весьма ценной является публикация архивных документов и материалов, связанных с деятельностью Е.Ф. Карского, подготовленных сотрудниками ряда учреждений Национальной Академии наук Беларуси и Российской Академии наук, увидевшая свет в 2020 г. [7].

Возникшая многие годы назад идея выпуска «Полного собрания сочинений» Е.Ф. Карского, ставших по сути классическими не только в белорусской, но и мировой науке, не реализована до сих пор и оказалась совершенно утопической. В полном виде не переиздана даже его академическая эпопея «Белорусы», а лучшее переиздание нескольких ее частей принадлежащее зятю и ученику Е.Ф. Карского академику В.И. Борковскому, увидело свет 70 лет назад [8].

Для Е.Ф. Карского «Белорусы» оказались в конце концов едва ли не главным из столпов всей его научной жизни. После выхода в свет первых двух томов «Белорусов» в 1903, 1904 и 1908 гг. он сообщал в своих рукописных биографических материалах: «... большинство моих работ было посвящено белорусскому наречию. Произошло это от того, что я, природный белорус, родившийся и выросший среди белоруссов, посещавший белорусские области неоднократно и после, приобрел

познания по белорусскому наречию и вознамерился использовать их для науки. Обстоятельства благоприятствовали приведению в исполнение моих намерений. Весной 1903 г. мне было предложено Императорским Русским Географическим Обществом от имени Виленского Генерал-Губернатора кн. Святополк-Мирского отправиться в научную командировку в Белоруссию для определения границ племени и изучения языка, для чего было дано и пособие в 500 р. Исполнив поручение, я решил объединить весь материал, собранный мною в течение всего предыдущего времени по языку Белоруссии – современному и старому западнорусскому – в одном сочинении, к написанию и печати которого и приступил в 1903 г.» [2, л. 13–13 об.].

В эти же очень тревожные для судьбы Российской империи годы Е.Ф. Карский избирается ректором Варшавского университета, продолжающим вести известное периодическое издание «Русский филологический вестник», в котором были опубликованы сотни различных материалов, в основном критико-библиографического характера и аналитического свойства, подготовленных автором «Белорусов». Насколько значимой для него была эта колоссальная хлопотная работа в «Вестнике» в своих рукописных записках Е.Ф. Карский сообщал так: «С 1 января 1905 г. взял на себя редакцию и издание “Русского Филологического Вестника”, каковую и веду до сих пор... Каждый том не только редактирован и корректирован мною. В каждой книжке имеются мои отзывы и рецензии на поступившие в редакцию книги, иногда довольно обширные. В каждом томе мои рецензии подписываются Е.К., занимают около печатного листа. Журнал еле окупается и никаких материальных выгод не приносит» [2, л. 14].

В 1901 г. Е.Ф. Карский избирается членом-корреспондентом Императорской Академии наук, а в 1916 г. ее ординарным членом, академиком. Семья Карских переезжает в Петроград, где, после эвакуации из Варшавы университета сначала в Ростов на Дону, начинает издаваться и «Русский филологический вестник».

1917-й и начало 1920-х гг. – тяжелейший период в жизни всех членов семьи Карских, омраченный для самого Евфимия Федоровича еще и возникновением разногласий с частью местной белорусской интеллигенции о восточнославянском культурном единстве, вскоре переросших в настоящую вражду, перешедшую в жестокую травлю академика. В конце концов в апреле 1927 г. был даже поставлен вопрос на заседании Бюро ЦК Коммунистической партии Белоруссии «об изъятии Карского из состава членов Академии Наук» [9, л. 44]. Духовной опорой для Е.Ф. Карского в эти трудные и последние в жизни годы продолжает оставаться семья во главе с его любимой женой Софьей Николаевной,

дочерью белорусского провинциального священника Николая Сцепуржинского, известного устроителя церковно-приходских школ, и давнишние друзья и коллеги по Академии наук, в основном ленинградские. Впервые повстречав Е.Ф. Карского в деревенской церкви минская гимназистка поповна София Сцепуржинская, став его женой, оказывается помощницей и в некоторых академических делах, а главное самым верным другом, когда, как писала она в своих рукописных воспоминаниях, их жизни как бы сливаются в одну [10, л. 5]. Была и еще одна особая роль у Софии Николаевны – она стала главным членом, организатором своей домашней Церкви, «малой Церкви», и таковой же воспитала свою дочь Наталью. Ее семейное церковное попечительство распространялось на всех членов семьи, включая и Евфимия Федоровича.

В 1928 г. в Ленинграде выходит в свет один из самых известных капитальных трудов Е.Ф. Карского «Славянская кирилловская палеография», в силу своей значимости затем переиздававшаяся как в СССР, так и за рубежом. Евфимий Федорович несмотря на травлю продолжал успешно работать и публиковать свои исследования в СССР и за границей вплоть до 1930 г. Его не стало 29 апреля 1931 г. Развернувшаяся в 1930-е гг. внутривластная борьба в СССР, поглотившая и многих врагов Е.Ф. Карского, стойкого исповедника восточнославянского единства, тем не менее не освободила его и после смерти от тяжких обвинений в великодержавном шовинизме и малой ценности многолетних как дореволюционных, так и послереволюционных исследований. «Карский упорно сохраняет... шовинистическую установку и... труды его могут быть использованы ныне только как собрание материалов» – заключали в 1937 г. анонимные авторы и редакторы «Большой Советской Энциклопедии» [11, стб. 623].

Впрочем, так думали далеко не все и прежде всего многие его коллеги-ученые в СССР и за рубежом, а также члены семьи во главе с будущим академиком В.И. Борковским, ставшим уже в первые послевоенные годы подлинным воскресителем научного наследия Е.Ф. Карского.

Последовательный и неуклонный исповедник восточнославянского единства, во многом определявшегося на основе кирилло-мефодиевского культурного наследия, выходец из православного «духовного сословия», академик Е.Ф. Карский оказался вместе с тем чрезвычайно объективным исследователем культурных реалий развития религиозной ситуации на европейских территориях. Постоянно обращаясь в своих трудах к конфессиональной проблематике, пронизывающей историю всех славянских земель, он строил свои собственные наблюдения и анализ на реалистических оценках, во многом привитых ему

в белорусских церковных учебных заведениях – школе, училище, семинарии и в нежинском Институте, славившемся глубокими православными традициями и где с 1871-го по 1888 г. законоучителем был известный священнослужитель протоиерей профессор Андрей Хойнацкий.

Библиографический список

1. *Карский Е.Ф.* Белорусы. Т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903; То же. Вильна, 1904; Белорусы. Т. 2. Язык белорусского племени. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава, 1908; Белорусы. Т. 2. Язык белорусского племени. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии. Варшава, 1911; Белорусы. Т. 2. Язык белорусского племени. 3. Очерки синтаксиса белорусского наречия. Дополнения и поправки. Варшава, 1912; Белорусы. Т. 3. Очерки словесности белорусского народа. 1. Народная поэзия. М., 1916; Белорусы. Т. 3. Очерки словесности белорусского народа. 2. Старая западнорусская словесность. Петроград, 1921; Белорусы. Т. 3. Очерки словесности белорусского народа. 3. Художественная литература на народном языке. Петроград, 1922.
2. Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 377. Оп. 7. Д. 1732.
3. *Конюшкевич М.И.* Карские чтения сквозь призму времени и памяти // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сборник научных статей. Гродно: Гродн. гос. ун-т, 2020. Ч. 1.
4. *Карский А.А.* Академик Е.Ф. Карский. Биография. Минск: Полиграфкомбинат им. Якуба Коласа, 2019. Т. 1–2.
5. *Карский А.А.* Карский Евфимий Федорович: К 150-летию со дня рождения. Библиографический обзор. Гродно: Гродн. гос. ун-т, 2020.
6. *Карский А.А.* Библиография работ об академике Е.Ф. Карском // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сборник научных статей. Гродно: Гродн. гос. ун-т, 2020. Ч. 1.
7. Жизнь и деятельность академика Е.Ф. Карского: сборник документов и материалов: в 2 ч. Минск: Белорусская наука, 2020. Ч. 1.
8. *Карский Е.Ф.* Белорусы. Язык белорусского народа. М.: Изд. АН СССР, 1955. Вып. 1–3. М.: Изд. АН СССР, 1956.
9. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4. Оп. 3. Д. 26.
10. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 58.
11. Карский Евфимий Федорович // Большая Советская Энциклопедия. М.: ОГИЗ РСФСР, 1937. Т. 31.

Митрополит Астанайский и Казахстанский Александр (Могилев),
Глава Митрополичьего Округа Русской Православной Церкви
в Республике Казахстан

СОВРЕМЕННОЕ ПОЧИТАНИЕ ПЕРВОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО ТУРКЕСТАНСКОЙ ЕПАРХИЕЙ АРХИЕПИСКОПА СОФОНИИ (СОКОЛЬСКОГО)

Аннотация. Автором показаны формы современного почитания в Казахстане выдающегося российского архипастыря XIX века архиепископа Софонии (Сокольского), который в 1871 г. был назначен первым управляющим Туркестанской и Ташкентской епархией. При этом местопребывание владыки было определено в г. Верный (в настоящее время Алма-Ата). Здесь он и служил до своей кончины в 1877 г., здесь же и был погребен. Современное почитание архиепископа Софонии (Сокольского) в Казахстане – связь эпох и традиций в сознании православного народа.

Ключевые слова: архиепископ Софония (Сокольский), Туркестанская епархия, Митрополичий Округ в Республике Казахстан, орден, медаль.

Metropolitan of Astana and Kazakhstan Alexander (Mogilev),
Head of the Metropolitan District of the Russian Orthodox Church
in the Republic of Kazakhstan

MODERN VENERATION OF THE FIRST ARCHBISHOP OF TURKESTAN, SOFONIA (SOKOLSKY)

Abstract. The author shows the forms of modern veneration in Kazakhstan of the outstanding Russian archpastor of the 19th century, Archbishop Sophonia (Sokolsky), who was appointed the first bishop of the Turkestan and Tashkent diocese in 1871. At the same time, the bishop's residence was established in the city of Verny (now Almaty). He served there until his death in 1877, and was buried there. The modern veneration of Archbishop Sophonia (Sokolsky) in Kazakhstan is a link between different eras and traditions in the minds of the Orthodox people.

Key words: Archbishop Sophonia (Sokolsky), Turkestan Diocese, Metropolitan District in the Republic of Kazakhstan, Order, Medal.

Учрежденная в 1871 г. новая епархия, преемником которой сегодня является Казахстанский Митрополичий округ, объединила земли современного Южного и Западного Казахстана, Узбекистана и Киргизии. Ее духовным и административным центром стал город Верный, нынешняя Южная столица Казахстана – Алма-Ата. Сюда, в мае 1872 г., прибыл первый архипастырь новоучрежденной кафедры Преосвящен-

ный епископ Софония (Сокольский) – один из выдающихся по своей учености и просветительской деятельности русских иерархов. Семидесятилетний старец-архиепископ трудился на земле Семиречья поистине с юношеской ревностью, стремясь делом и словом зажечь в сердцах паствы живительный огонь веры, созидая храмы, неустанно совершая богослужения и проповедуя Слово Божие. Личность владыки Софонии стала примером для священнослужителей, совершающих церковное делание на южной границе Русского мира и христианской цивилизации [8].

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл писал об архиепископе Софонии: «За шесть лет своего служения в Туркестане архиепископ Софония построил более тридцати храмов, во всем показывал в себе образец добрых дел (Тит. 2:7) и, подобно апостолам, проповедовал Царствие Божие и учил о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением (Деян. 28:31). Созидая крепкие православные общины новообразованной епархии, архипастырь также заботился и о сохранении добрососедских отношений между представителями разных национальностей и религий. Православные верующие Казахстана и Средней Азии всегда хранили благоговейную память об архиепископе Софонии, называя его "апостолом Великой степи". Его ревностное служение и сегодня являет нам вдохновляющий пример, дает правильные духовно-нравственные ориентиры в жизни» [9].

Необходимо отметить, что в XX столетии архиепископ Софония оказался едва ли не совершенно забытым. Слово священника Михаила Колобова на страницах «Туркестанских епархиальных ведомостей» (№ 8 за 1908 г.), едва ли не единственная в церковной печати прошлого века попытка воздать должное трудам и заслугам первого Туркестанского архиерея. Не случайно о. Михаил избрал для своего текста заголовок: «Забытый святитель».

Память об архипастыре возрождается в начале третьего тысячелетия.

1 августа 2023 г. в Иверско-Серафимовском монастыре в городе Алма-Ате по окончании Божественной литургии и молебна преподобному Серафиму Саровскому состоялось освящение надгробной часовни в честь Воскресения Христова. Часовня стала местом упокоения честных останков приснопамятного архиепископа Софонии (Сокольского), которого почитают многочисленные верующие как в Казахстане, так и за пределами страны [4].

11 августа 2025 г. завершилась роспись часовни. Ее осуществляла группа алма-атинских иконописцев под руководством изографа Г.П. Киселевой – мастера традиционной церковной палехской живописи. Площадь расписанных за 4 месяца стен и сводов составила 134 квад-

ратных метра. Без нимбов изображены почитаемые народом, но еще не канонизированные праведники – митрополит Иосиф (Чернов) и архиепископ Софония (Сокольский) [6].

В связи с 225-летием со дня рождения иерарха в Алма-Ате в духовно-культурном центре Казахстанского Митрополичьего округа имени митрополита Иосифа (Чернова) была открыта выставка «Архиепископ Софония (Сокольский) – первый Туркестанский архипастырь». К открытию выставки была издана книга – «Уста праведника изрекают премудрость» [10]. Издание представил руководитель информационно-издательского отдела Митрополичьего округа протоиерей Евгений Иванов [5].

В сборник вошли избранные поучения и слова архиепископа Софонии. Его гомилитическое наследие является примером классического стиля, композиции, использования риторических приемов и источников при построении проповеди. Помимо известных проповедей святителя Софонии, издание включает в себя ранее неопубликованные материалы, старинные фотографии мест служения архипастыря, а также современные кадры из жизни Казахстанского Митрополичьего округа. Для удобства современного читателя текст был отредактирован с учетом современной орфографии; в подстрочнике дается перевод архаичных слов и выражений, смысл которых сегодня полностью или частично утрачен. Данный сборник проповедей послужит полезным и назидательным пособием для священнослужителей и мирян, а также заинтересует любителей русской словесности и ценителей духовной литературы [7].

В своих проповедях он раскрывает своей пастве положительное содержание основ православной веры, связывает догматические истины с повседневной жизнью и убеждает прихожан внимательно вдумываться в учение Церкви Христовой. Несмотря на то, что в числе слушателей владыки за многие годы его архипастырского служения были люди разной социальной и сословной принадлежности, разного культурного и интеллектуального уровня, все его речи отличает высокий, благородный стиль. Обращается ли Преосвященный к священнослужителям или семинаристам, к горожанам или крестьянам, к прихожанам кафедральных соборов или верующим, собравшимся в скромной сельской церкви, всегда и везде он стремится помочь людям преодолеть будничность и мирскую суету, увлечь их к высотам духа, от земного к Небесному.

Митрополичьим Округом в Республике Казахстан в память архиепископа Софонии проводятся крупные научные и просветительские форумы. Так 22 ноября 2024 г. в Алма-Ате состоялись «XXII Алма-Атинские православные образовательные чтения памяти святителя Софонии (Сокольского), архиепископа Туркестанского, просветителя

Семиречья». Мероприятие прошло в рамках регионального этапа XXXIII Международных Рождественских образовательных чтений [1].

Необходимо отметить, что посвященные архиепископу Софонии мероприятия проводятся и Среднеазиатским Митрополичьим Округом. Так 10 ноября 2021 г. в Ташкенте, в Духовно-административном центре Ташкентской-Узбекистанской епархии, прошла научно-практическая конференция, посвящённая 150-тилетию назначения Святейшим Синодом первого правящего архиерея на Ташкентскую-Туркестанскую епархию - епископа Софонии (Сокольского). Возглавил конференцию митрополит Ташкентский и Узбекский Викентий (Морарь) [2].

В «Богословском вестнике Алматинской православной духовной семинарии» (выпуск 5, 2025 г.) большой раздел посвящен «225-летию со дня рождения первого иерарха земли Казахстанской архиепископа Софонии (Сокольского)» [3, с. 7–54].

В наградную систему Митрополичьего Округа в Республике Казахстан входят орден и медаль архиепископа Софонии (Сокольского), первого иерарха Туркестанской епархии и апостола Семиречья [12].

Идет подготовка материалов к канонизации первого иерарха Туркестанской епархии [11].

Наш священный долг – бережно хранить память о владыке Софонии, который своими трудами способствовал распространению правды Божией на древней Казахстанской земле, жизнь свою отдал служению Святой Церкви.

Архиепископ Софония (Сокольский) – подвижник благочестия, истинный аскет, который не желал ничего личного, весь жил для Христа и Его Святой Церкви. Все его время делилось между молитвой, отеческими заботами о пастве и нелегкими административными трудами. Его современное почитание в Казахстане – связь эпох и традиций в сознании православного народа.

Библиографический список

1. XXII Алма-Атинские православные образовательные чтения памяти святителя Софонии (Сокольского), архиепископа Туркестанского, просветителя Семиречья. URL: <https://mitropolia.kz/news/video/11903-xxii-agma-atinskie-pravoslavnye-obrazovatelnye-chteniya-pamyati-svyatitelya-sofonii-sokolskogo-arkhiiepiskopa-turkestanskogo-prosvetitelya-semirechya-video.html> (дата обращения: 29.01.2025).

2. Архимандрит Александр принял участие в конференции посвящённой 150-тилетию назначения епископа Софонии (Сокольского) первым правящим архиереем Ташкентской-Туркестанской епархии. URL: https://prav-church.ae/news/arkhimandrit-aleksandr-prinyal-uchastie-v-konferentsii-posvya-shchyennoy-150_tiletyu-naznacheniya-ep2021/ (дата обращения: 29.01.2026).

3. Богословский вестник Алматинской православной духовной семинарии: сборник статей. Алматы, 2025. 288 с.

4. В Алма-Ате освящена часовня в честь Воскресения Христова для упокоения останков приснопамятных казахстанских иерархов XIX–XX вв. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/82374> (дата обращения: 30.01.2026).

5. Галкина Г. «Он не желал ничего личного для себя»: путь и труды первого Туркестанского архипастыря. URL: https://iapn.kz/articles/letopis/on_ne_zhelal_nichego_lichnogo_dlya_sebya_put_i_trudy_pervogo_turkestanskogo_arkhipastyrja/ (дата обращения: 29.01.2026).

6. Завершена роспись Воскресенской часовни – места упокоения архиепископа Софонии (Сокольского). URL: <https://mitropolia.kz/news/mitropolia/13109-zavershena-rospis-voskresenskoj-chasovni-mesta-upokoeniya-arkhiepiskopa-sofonii-sokolskogo.html> (дата обращения: 30.01.2026).

7. Издан сборник проповедей архиепископа Софонии (Сокольского) «Уста праведника изрекают премудрость». URL: <https://mitropolia.kz/news/ads/7675-izdan-sbornik-propovedej-arkhiepiskopa-sofonii-sokolskogo-usta-pravednika-izrekayut-premudrost.html?ysclid=ml0tn3kvy249070698> (дата обращения: 30.01.2026).

8. Обращение митрополита Астанайского и Казахстанского Александра по случаю празднования 145-летия учреждения Туркестанской епархии. URL: <https://eparhia.kz/news/obraschenie-mitropolita-astanajskogo-i-kazahstanskogo-aleksandra-po-sluchayu-prazdnovaniya-145-> (дата обращения: 29.01.2026).

9. Патриаршее поздравление по случаю 225-летия со дня рождения архиепископа Туркестанского и Ташкентского Софонии (Сокольского). URL: [http://pravest-kokshe.kz/patriarchy/4394-Patriarshee_pozdravlenie_po_sluchayu_225-letiya_so_dnya_rozhdeniya_arhiepiskopa_Turkestanskogo_i_Tashkentskogo_Sofonii_\(Sokolyskogo\)](http://pravest-kokshe.kz/patriarchy/4394-Patriarshee_pozdravlenie_po_sluchayu_225-letiya_so_dnya_rozhdeniya_arhiepiskopa_Turkestanskogo_i_Tashkentskogo_Sofonii_(Sokolyskogo)) (дата обращения: 30.01.2026).

10. Уста праведника изрекают премудрость: избранные проповеди и слова архиепископа Софонии (Сокольского). Алма-Ата: Издательство Митрополичьего округа Русской православной церкви в Республике Казахстан, 2022. 175 с.

11. Установлена точная дата рождения Первосвятителя земли Туркестанской – архиепископа Софонии (Сокольского). URL: <https://mitropolia.kz/news/education/10069-ustanovlena-tochnaya-data-rozhdeniya-pervosvyatitelya-zemli-turkestanskoy-arkhiepiskopa-sofonii-sokolskogo.html> (дата обращения: 30.01.2026).

12. Церковных наград удостоены потрудившиеся ко благу Православия на Казахстанской земле. URL: <https://pck.kz/ru/news/2/1724-tserkovnyh-nagrad-udostoeny-potrudivshiesya-ko-blagu-pravoslaviya-na-kazahstanskoy-zemle/> (дата обращения: 29.01.2026).

Н.А. Овчар,

доцент, Волгоградский государственный технический университет,
Волгоградский институт бизнеса (Волгоград)

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ГИМНАЗИСТОВ (на примере Царицынской Александровской гимназии)

Аннотация. Духовно-нравственное воспитание детей в системе дореволюционного образования осуществлялось при обязательном участии православной церкви. Правилами учебных заведений (гимназий, реальных училищ) предусматривались религиозные обязанности, которые описаны в статье на основе исторических источников рубежа XIX–XX вв. на примере Царицынской мужской Александровской гимназии.

Ключевые слова: православная церковь, воспитание, паломничество, гимназия, религиозные обязанности.

N.A. Ovchar,

Associate professor, Volgograd State Technical University,
Volgograd Institute of Business (Volgograd)

RELIGIOUS DUTIES OF GYMNASIUM STUDENTS (based on the example of the Tsaritsyn Alexander Gymnasium)

Abstract. The spiritual and moral upbringing of children in the pre-revolutionary education system was carried out with the indispensable participation of the Orthodox Church. The rules of educational institutions (gymnasiums, real schools) provided for religious duties, describing in historical sources at the turn of the 19th and 20th centuries in the Tsaritsyn Alexander Gymnasium for Boys.

Key words: Orthodox Church, upbringing, pilgrimage, gymnasium, religious duties.

Уездный город Царицын во второй половине XIX века переживал фантастический взлет, его называли «русским Чикаго», подмечая развитие промышленности и экономические успехи. Соответственно, растет и население – если в 1847 г. насчитывалось 4805 горожан [3, с. 103], то к 1901 г. – по разным оценкам от 55000 до 67000 жителей. Растет число церквей – в 1897 г. в Царицыне 10 православных церквей, 1 монастырь, 3 часовни, 1 лютеранская церковь, 1 мечеть и 1 молельня для лиц иудейского закона. В 1911 г. были возведены вторая соборная мечеть и синагога, строится костел, к 1914 г. в Царицыне действовало уже 16 церквей [3].

Одной из важнейших потребностей жителей динамичного и активного города было образование. Именно поэтому в сентябре 1874 года Царицынская Городская Дума постановляет ходатайствовать перед Правительством об учреждении в городе гимназии, и с сентября 1875 года Царицынская 4хклассная прогимназия начинает прием воспитанников, а с 1883 года гимназия становится полной.

Русская православная церковь в дореволюционной России выполняла важные функции, будучи вовлечена в деятельность учреждений образования и воспитывая подрастающее поколение в духе традиционных ценностей, несмотря на вероисповедание гимназистов. При этом православная вера не была необходимым условием для принятия учеников в гимназии, в них обучались также представители других конфессий: так, в первый год приема в Царицынскую мужскую Александровскую прогимназию (на 1 января 1876) было зачислено 50 православных, 1 – католик, 1 – сектант, а в 1900 в гимназии обучалось 221 православный воспитанник, 2 сектанта, 5 католиков, 11 лютеран, 1 магомет. (мусульманин. – *Прим. авт.*), 12 иудеев [1, с. 160]. Учебной программой предусматривалось изучение Закона Божия как самостоятельной дисциплины, занятия по которой вел свящ. Арс. И. Соколов [1, с. 11.] в объеме 2 часа в неделю для всех классов, кроме приготовительного – у них предусмотрено 4 часа в неделю [1, с. 91–92].

Помимо учебного процесса, нравственное воспитание посредством исполнения религиозных обязанностей стало частью ежедневных ритуалов. Так, «каждый учебный день перед началом уроков читалась самими учениками утренняя молитва, при чем некоторые молитвенные песнопения пелись под управлением преподавателя пения. Затем помощник классных наставников или кто-либо из них самих, или же о. законоучитель, прочитывал главу из Евангелия» [1, с. 24]. После занятий, в те дни, когда не было 5-го урока, воспитанники также собирались на общую молитву. Численность гимназистов росла (на 1 января 1876 их было 52, на 1 января 1877 – 88, а к 1 января 1878 уже 119 [1, с. 160], и в 1877 году, когда воспитанники не уместались в одной комнате для общей молитвы, она прочитывалась в каждом классе отдельно перед началом учения и в конце занятий. В 1879 году по предложению Попечителя в дни, предшествующие праздникам, законоучитель объяснял ученикам Евангелие предстоящего праздничного дня. С 1896 до 1900 года преподаватели истории, русской словесности, совместно с о. Законоучителем составляли списки знаменательных дней, церковных и гражданских, для проведения Утренних чтений, к которым ученики двух старших классов готовят выступления и после общей утренней молитвы «сообщают свои сочинения в форме кратких речей по предварительном одобрении их г. Директором гимназии и преподавателями

предмета» [1, с. 99]. Наряду с политическими деятелями, поэтами, учеными, в числе памятных дат были заявлены события, связанные с именами Св. Кн. Владимира, Св. Сергия Радонежского, Филарета, митр. Московского, Св. Благов. Кн. Александра Невского, патр. Никона и др.

Воскресные и праздничные дни посещение богослужений допускалось по месту жительства учеников, вместе с родителями. Но в соборной церкви «вследствие ходатайства Инспектора от 11 августа 1875 года, по предписанию Преосвященнейшего Тихона, Епископа Саратовского и Царицынского для учеников прогимназии совершалась в 9 часов единственная в городе поздняя литургия», что сохраняло ощущение выходного дня у гимназистов и избавляла их «от повода являться в храм Божий с некоторой неохотою или вовсе не являться». Такие привилегии способствовали тому, что ученики отдавали предпочтение именно этой соборной церкви. Кроме того, поскольку на поздней литургии не было певчих, к 1876 году из самих учеников образовался хор, исполнявший песнопения при богослужении. Однако, со временем практика поздних литургий прекратилась, и гимназисты стали посещать церкви по месту жительства. Новый директор прогимназии Д.Т. Третьяков обращался к местному протоиерею И. Росницкому с просьбой о служении поздних литургий, чтобы дать возможность «всем воспитанникам присутствовать при богослужении в одном храме; кроме того, последние могли бы петь на клиросе, так как достаточно были обучены церковному пению» [1, с. 49], но получил отказ «по неимению для этой цели священнослужителей».

Законоучителем в прогимназии был священник А.И. Соколов, и воспитанники могли посещать церковь Покрова Божией Матери, где он был настоятелем, как в праздничные и воскресные дни, так и в период Великого поста.

На страстной неделе ученики прогимназии должны были говеть в своих приходских церквях и предоставлять свидетельства об этом от священнослужителей.

В 1884 году для гимназии был приобретен киот с иконами Христа Спасителя, св. Благоверного Князя Александра Невского и св. учителей словенских Кирилла и Мефодия, и с октября проведение служб накануне праздников стало возможным в самой гимназии. С наступлением Пасхи, воспитанники вновь собираются ко всенощной в соборной церкви. Гимназисты сопровождали церковные службы своим хором певчих.

С 1885 года Директор гимназии Д.Т. Третьяков обозначал проблему отсутствия домово́й церкви. Он напоминал Царицынскому городскому обществу, что ранние богослужения в приходских церквях в 6 часов утра крайне неудобны по времени, а поздняя служба в 9 утра

проводится только в соборной церкви, которая «страшно тесна», и дети «совсем не могут видеть священнодействия». С этой же проблемой Директор обращался лично, будучи в Санкт-Петербурге, к Министру Народного Просвещения. В 1889 года в гимназии появляется своя домовая церковь в честь и память св. Благоверного Князя Александра Невского, на которую были собраны пожертвования от видных граждан Царицына Репниковых, Ворониных, Лапшина и других.

Настоятелем гимназической церкви становится законоучитель гимназии – сначала священник Т.Н. Остроумов, затем Н.В. Архангельский. С этого времени воспитанники не только присутствуют на каждом богослужении, но и принимают непосредственное участие в отправлении богослужения: «ставят свечи, присутствуют в алтаре, выходят с подсвечниками при больших и малых выходах, читают Апостол и на клиросах поют все богослужебные песнопения. На страстной неделе все воспитанники говеют в гимназической церкви» [1, с. 120]. Церковный хор, под управлением учителя пения, состоит из 30–35 учеников [1, с. 146].

Значительное большинство гимназистов были православными, но доля других конфессий росла, так число лютеран в отдельные годы достигало 15–16 человек (1887 – 16 лютеран, 1888 – 15 лютеран). И с 1890 в гимназии проводились уроки по Закону Божию Законоучителем лютеранского исповедания Виктором Доббертом, а с 1893 г. – пастором Евгением Бернардовичем Дегеллером.

Наряду с гимназией, в Царицыне существовали и иные образовательные учреждения. Описание религиозных обязанностей их воспитанников в исторических источниках обнаружить не удалось. Однако, деятельность по духовно-нравственному воспитанию велась, судя по обнаруженной статье в Саратовских епархиальных ведомостях: «В конце апреля сего 1916 года учениками IIIа и IIIв классов Царицынского реального училища, совместно и под руководством законоучителя сего училища, протоиерея Алексея Лебедева совершена экскурсия в древнейшие храмы гор. Царицына – Иоанно-Предтеченский и соборный Успенский для поклонения святыням и осмотра достопримечательностей и принадлежностей этих храмов» [2]. Далее автор подробно описывает ключевые достопримечательности старейшей церкви Царицына, осмотренные учениками – Древний Крест, Древняя икона Корсунской Божией Матери, Святые Евангелия 1676 и 1684 гг. В Соборном Успенском Храме, кроме осмотра древнейших икон, ученики участвовали в молитвенном поклонении и священном песнопении [2, с. 1326–1327].

Таким образом, образовательные учреждения, опираясь на духовные ценности православия и традиционные обряды в религиозных организациях – церквях, храмах Царицына, осуществляли работу по

нравственно-этическому воспитанию учеников, формировали ценностное отношение к вероисповеданию, истории своего города и страны.

Библиографический список

1. Двадцатипятилетие Царицынской Александровской гимназии 1875–1900 г. Исторический очерк по поручению Попечительского Совета составил преподаватель А. Горбатов. Казань: Типография Императорского университета, 1900.

2. *Лебедев А.* Паломничество учащихся Царицынского реального училища к святыням г. Царицына / Царицынского реального училища законоучитель, протоиерей Алексей Лебедев // Саратовские епархиальные ведомости. 1916. № 34/35. С. 1326–1327.

3. *Материкин А.В.* Храм Иоанна Предтечи. Страницы истории города Царицына и его первой церкви. Волгоград: Комитет по печати и информации, 2009. 176 с.

УДК 908

А.В. Павлов,

внештатный экскурсовод, Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Судогда)

Ю.В. Павлова,

экскурсовод, Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Судогда)

ОБ ОТКРЫТИИ НАРОДНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ В.М. СЕРГИЕВСКОГО В СЕЛЕ АЛЕКСАНДРОВЕ СУДОГОДСКОГО УЕЗДА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. На примере открытия народной библиотеки в селе Александрове, рассматривается разрешительный характер и механизм осуществления данного процесса губернскими чиновниками.

Ключевые слова: народная библиотека, село Александрово, Судогодский уезд, Владимирская губерния.

A.V. Pavlov,

Freelance guide, State Vladimir-Suzdal Historical,
Architectural and Art Museum-Reserve (Sudogda)

Yu.V. Pavlova,

Guide, State Vladimir-Suzdal Historical,
Architectural and Art Museum-Reserve (Sudogda)

ON THE OPENING OF THE PEOPLE'S LIBRARY NAMED AFTER V.M. SERGIEVSKY IN THE VILLAGE OF ALEXANDROVO, SUDOGODSKY DISTRICT, VLADIMIR PROVINCE

Abstract. Using the example of the opening of a public library in the Alexandrovo, the permitting nature and mechanism for implementing this process by provincial officials is examined.

Key words: public library, village of Alexandrovo, Sudogodsky district, Vladimir province.

В конце XIX – начале XX столетия потребность населения в получении новых знаний, организации культурного досуга удовлетворяли народные библиотеки. Открываясь повсеместно, обслуживая читателей из разных слоев общества, народные библиотеки содействовали развитию культуры чтения, помогали закреплять читательские навыки, углублять и систематизировать полученные знания, обеспечивать книгами запросы людей. Основным контингентом этих библиотек были мелкие служащие, ремесленники, рабочие, крестьяне, а также молодежь, обучающаяся в начальных и средних учебных заведениях [5, с. 218]. Понимая роль библиотек в формировании политических взглядов граждан, правительство вырабатывало различные формы надзора за ними. В 1884 году император Александр III утвердил «Временные правила», требовавшие от губернаторов проведения тщательной проверки политической благонадежности, как учредителей, так и заведующих библиотеками. Регламентировался список книг, которые выдавались для чтения в библиотеках. Однако, не смотря на принятые меры, благодаря попустительству либерально настроенных губернаторов и градоначальников, некоторые народные библиотеки становились настоящими опорными базами революционеров [2]. В то же время, лица желающие посредством открытия библиотек повысить образовательный уровень своих земляков испытывали определенные затруднения в этом благородном и, безусловно, нужном деле.

В мае 1912 года (15.05.1912) судогодская уездная земская управа подала прошение владимирскому губернатору И.Н. Сазонову об открытии библиотеки в селе Александрово. В тексте документа сообщалось, что: «Василий Максимович Сергиевский, уроженец с. Александрова

и занимавший там должность учителя в 1861–1863 годах, обратился в управу с предложением открыть в селе Александрове библиотеку, для чего пожертвовал часть своей библиотеки и деньгами 750 рублей. Земское собрание в заседании 24.09.1911 г. постановило: жертвователя благодарить, пожертвование принять и библиотеке присвоить имя жертвователя» [1, л. 1]. Согласно закону был разработан проект устава библиотеки, а так же определено ответственное лицо – крестьянин села Александрова – Василий Иванович Голиков. От последнего взята расписка, в которой он принимает на себя ответственность по открываемой «публичной бесплатной библиотеке» и обязуется «в точности исполнять все как существующие, так и могущие впредь последовать по этому предмету постановления и правила» [1, л. 3]. Судогодский уездный исправник, в своем рапорте дает следующую характеристику В.И. Голикова: «44 лет, православный, образование получил в своей земской школе и проживал все время до военной службы дома, занимаясь крестьянством. В 1891 году был взят в военную службу и служил старшим писарем в управлении судогодского воинского начальника, после окончания службы проживал дома, занимаясь крестьянством. Состоит в должности Александровского волостного старшины. Голиков поведения, образа жизни и нравственных качеств хороших, судим, не был и ни в чем предосудительном замечен не был» [1, л. 31]. Можно добавить, что Василий Иванович в 1909 году в составе делегации, организованной департаментом Министерства земледелия принимал участие в поездке в Данию. В ходе этой экскурсии 13 крестьян, собранных со всей России, познакомились с организацией сельского хозяйства в европейских странах. В течение многих лет он вместе с братом Сергеем отвечал за содержание лошадей на александровском земском пункте, а также неоднократно заведовал александровским военно-конским участком. На ответственности Василия Ивановича находился бык-производитель швицкой породы, использующийся для улучшения крестьянского скота местного населения. Имея свое хозяйство и обладая большим практическим опытом в выращивании и уходе за животными, В.И. Голиков избирается сельскохозяйственным старостой, район деятельности которого распространялся на Александровскую, Бережковскую, Березниковскую, Даниловскую, Моругинскую и Ягодинскую волости. В октябре 1904 года в селе Александрове создается ссудно-сберегательное товарищество, председателем которого избирается В.И. Голиков. Василий Иванович ведет наблюдения над количеством выпавших осадков и снеговым покровом на метеостанции III разряда, относящейся к метеорологической сельскохозяйственной сети губернского земства и расположенной в селе Александрове. Проводит опыты с минеральными

удобрениями, пытаясь улучшить плодородие почвы. В составе партии народной свободы (конституционно-демократическая партия, кадеты) он участвует в выборах в учредительное собрание, призванное решить судьбу России [4]. К сожалению, о том, как сложилась жизнь В.И. Голикова в советское время, нам не известно.

Устав вновь создаваемой библиотеки включал семь пунктов. Наиболее интересные из них мы приводим в нашем сообщении. «1. Александровская народная библиотека имени Василия Максимовича Сергиевского утверждается с целью доставить местному населению возможность бесплатно пользоваться книгами и периодическими изданиями. 3. Библиотека-читальня состоит из книг и периодических изданий, допущенных действующими законами и правилами к употреблению. Общее заведование принадлежит судогодской уездной земской управе. 4. Ближайшее заведывание имуществом, помещением, выпиской книг и журналов и всеми другими делами библиотеки принадлежит ответственному лицу, допущенному к исполнению своих обязанностей не иначе, как с разрешения губернатора. 5. Выдача книг и периодических изданий, регистрация читателей и запись выдаваемых книг, ведение инвентарной книги, систематического каталога и прочих необходимых записей лежит на обязанности библиотекаря. 6. Библиотека-читальня не должна служить для посетителей оной местом для собраний, совещаний и других действий чуждых её назначению. 7. Дополнение и изменение сих правил допускается не иначе, как с утверждения губернатора» [1, л. 22]. На должность библиотекаря была предложена учительница местной школы – Малахова Александра Фёдоровна. Судогодский исправник сообщает о ней в канцелярию губернатора следующие сведения: «учительница Александровской школы – Александра Фёдоровна Малахова – 38 лет, девица. Вероисповедания православного, с малолетства проживала в г. Москве, у родственницы своей Анны Симеоновой и Надежды Петровой Струевых. 31 августа 1896 года поступила на должность учительницы церковно-приходской школы в село Сеславско-Жимохинское Ярославского уезда, где пробыла до 24 марта 1899 года, а с того времени поступила учительницей в земскую школу села Александрова, где проживает и в настоящее время. За время проживания в этом селе поведения, образа жизни и нравственных качеств Малахова была хороших. Под судом и следствием не состояла и ни в чем предосудительном замечена не была» [1, л. 30]. Благонадежность Александры Фёдоровны у губернских властей не вызвала подозрений и 30 декабря 1913 года она была допущена к работе в библиотеке.

Проверку прошел и организатор библиотеки – В.М. Сергиевский. Бывший учитель около 26 лет не проживал в селе Александрове, о чем и сообщил исправник. По его сведениям, В.М. Сергиевский жил в селе Ижевском Спасского уезда Рязанской губернии. Более точный ответ был получен из Рязанской губернии. Оказалось, что около 1903 года Василий Максимович вышел в отставку с должности старшего акцизного надзирателя в городе Касимове и проживал на хуторе Горки близ села Ижевского. Желание организовать в родном селе библиотеку может свидетельствовать о передовых взглядах и активной гражданской позиции В.М. Сергиевского. Он сам имел хорошее образование, закончив в 1860 году владимирскую духовную семинарию по первому разряду, будучи десятым в общеразрядном списке выпускников [3, с. 240]. Поэтому понимал и ценил знания, хранящиеся в книгах.

Таким образом, на примере открытия народной библиотеки в селе Александрове Судогодского уезда Владимирской губернии, можно рассмотреть, как проходил подобный процесс в Российской империи в начале XX века. Исходя из лучших побуждений, и имея возможность принести пользу обществу, прогрессивные граждане пытались послужить своему народу. Простые люди и земские чиновники ценили это внимание. Имена благотворителей получали организованные ими учреждения, стипендии и другие выплаты. Нам стоило бы поучиться этому у предков. Активно использовать и возвращать в повседневную жизнь забытые имена меценатов – наших земляков, сделавших многое для процветания своей малой родины, а через неё и России в целом.

Библиографический список

1. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 4. Д. 3576.
2. Глазков М.Н. Библиотеки в политической культуре XX века (на примере революционных событий 1905–1907 гг.) // Культура: теория и практика. Электронный научный журнал.
3. Малицкий Н. Списки воспитанников Владимирской духовной семинарии. М. 1902.
4. Павлов А.В. Практическое знакомство владимирских крестьян с европейским опытом ведения сельского хозяйства в начале XX века // Рождественский сборник. Выпуск XXVI. Ковров; Шуя. 2025.
5. Попов Д.И. Государственная регламентация народных библиотек в России во второй половине XIX в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2025. № 3 (96).

Н.Н. Павлюченков,

доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

СВЯЩЕННИК ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ В БОРЬБЕ ЗА ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВУ ЛАВРУ В 1918–1920 гг.

Аннотация. В статье обращается внимание на некоторые подробности деятельности священника Павла Флоренского в 1918–1920-х гг., направленной на сохранение в Троице-Сергиевой Лавре действующего монастыря. Эти подробности раскрывают всю сложность возникшей тогда ситуации и помогают по достоинству оценить подвиг Флоренского и его единомышленников.

Ключевые слова: Троице-Сергиева Лавра, монастырь, богослужение, Церковь, храм, советская власть, комиссия.

N.N. Pavliuchenkov,

Associate professor, St. Tikhon's Orthodox university (Moscow)

PRIEST PAVEL FLORENSKY IN THE FIGHT FOR THE TRINITY-SERGIUS LAVRA IN 1918–1920

Abstract. The article draws attention to some details of the activities of Priest Pavel Florensky in the 1918–1920s, which were aimed at preserving the active monastery in the Trinity-Sergius Lavra. These details reveal the complexity of the situation at the time and help us to appreciate the feat of Florensky and his associates.

Key words: Trinity-Sergius Lavra, monastery, worship service, Church, temple, Soviet government, commission.

Крайне сложная ситуация, в которой Русская Православная Церковь оказалась в XX веке, была связана не только с обрушившимися на нее гонениями новой власти и с внутренними расколами. Перед революциями февраля и октября 1917 г. шел достаточно длительный процесс расцерковления российского общества, в результате которого многие православные по крещению и русские по происхождению люди воспринимали Церковь как устаревший и не отвечающий запросам современности религиозный институт, место которому должно быть, в лучшем случае, в историческом музее. Такое отношение можно назвать скрытым, и потому наиболее эффективным, гонением на Церковь. осуществляемым самими христианами, ставшими лишь номинально православными и церковными.

Эту трагедию церковной жизни в России в начале XX века осознавали многие, но пример священника Павла Флоренского особо замечателен в связи с характером его деятельности после совершившегося в 1917 г. общественно-политического переворота. До революции он, еще будучи студентом Московской духовной академии, говорил о том, что для современного сознания оказалось обесцененным то, что в христианской жизни должно являться высшей ценностью – содержащееся в церковной догматике Богооткровенное знание. Догматика, утверждал он, оказалась оторванной от жизни потому что «выдохнула» из себя «аромат» живого религиозного опыта и превратилась в «мертвый догматизм» [2, с. 227]. В отечественном богословии Флоренский одним из первых пытался раскрыть тему опытного богопознания и обратить внимание интеллигенции на Церковь, прежде всего, как на мистическую реальность, в которой совершается единение человека с Богом.

С той же мотивацией в мае 1918 года, в еще холодных после первой «революционной» зимы московских квартирах, он прочел свои первые лекции из цикла «Философии культа», в которых пытался показать, что без участия в церковных богослужениях человек не сможет состояться как полноценная личность. И это было тем более значимым, что как раз в это время новая власть брала курс на закрытие и разрушение храмов как мест, где «служители культа» поддерживают «религиозные предрассудки» в безграмотном или малограмотном народе.

Флоренский никогда не вступал в открытую борьбу с советской властью, полагая, что работать нужно на той глубине, где сформировались условия для идеологического переворота и укрепления атеистического и антицерковного мировоззрения. В России, по его убеждению, должна, хотя и не сразу, а постепенно, возродиться церковная жизнь как приобщение людей к богослужению и церковным таинствам. Для этого он проводил духовно-просветительскую работу и пытался через сами же создаваемые новой властью структуры сохранять действующие храмы. Как представляется, этот его подвиг до сих пор не получил должной оценки и на него хотелось бы обратить особое внимание.

Прежде всего, речь идет о работе Флоренского в организованной в октябре 1918 года Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. Внешнему взгляду деятельность этой комиссии могла показаться очень неоднозначной. Она занималась «обследованием» различных помещений и святынь Лавры, осуществляла «приемку» имущества, в том числе «предметов культа». Весьма немногие тогда понимали, что в новых условиях только так обитель преп. Сергия можно было спасти от стихийного поругания и полного разграбления. Большинство монахов было настроено против членов комиссии, а со стороны местного населения в их адрес даже звучали угрозы [1, с. 222].

В начале ноября 1918 г. Флоренский писал в письме патриарху Тихону: «С 30-го октября нового стиля Лавра стала достоянием Комиссар[иата] Нар[одного] Просв[ещения]. Следовательно, речь может идти не о том, что отнимут у Церкви из Лавры, ибо все отнято, но скорее о том, что удастся сохранить для Церкви на том или ином косвенном основании. Основная задача Комиссии – не дать ничему уйти за пределы Лаврских стен и по возможности сохранить строй Лаврской жизни. К этой основной задаче присоединяется другая, сама по себе второстепенная, но тем не менее делающая возможным осуществление первой – направить реставрационные работы в наиболее безобидную для Церкви сторону» [4, с. 237].

В комиссии Флоренский с самого начала занимал должность ученого секретаря и хранителя ризницы Лавры. Как ученый секретарь, он составлял план работы комиссии, и вот что, в числе прочего, он предложил уже на самом первом заседании 28 октября 1918 г.: «обследовать надгробие в селе Подсосино»; «перевести в музейный фонд крест из деревни Рязанцево» [1, с. 207].

Село Подсосино, расположенное недалеко от Сергиева Посада, относилось к старинным владениям Троицкой лавры. До Смутного времени здесь существовала женская обитель, а в 1616 году Троицкий архимандрит Дионисий построил на месте разрушенного поляками монастыря деревянный храм. Именно этот храм в 1844 году был перенесен святителем Филаретом (Дроздовым) в урочище Корбуха, положив таким образом начало Гефсиманскому скиту. Надгробие, о котором заботился Флоренский, очевидно, представляло собой, прежде всего духовную ценность, как и крест в деревне Рязанцево, который был поставлен в 1580 году Иваном Грозным на предполагаемом месте духовного общения свт. Стефана Пермского и преп. Сергия Радонежского. По преданию, зимой 1390 г., следуя по Переславской дороге в Москву, еп. Стефан взошел на возвышенность, поклонился в сторону Троице-Сергиева монастыря и сказал: «Мир тебе, духовный брат». В это же время преп. Сергий встал из-за трапезы, поклонился в сторону Переславской дороги и ответил: «Радуйся и ты, пастух Христова стада, и мир Божий да будет с тобою!». Позднее крест был помещен в часовню, которую называли «часовня Стефана Пермского на Поклонной горе», «Стефанова часовня», «часовня Креста Господня» или просто «Крест». Разрушена она была в 1930-е гг.

Замысел Флоренского спасти и сохранить святыни простирался за пределы Лавры и даже за пределы ее ближайших окрестностей. Уже на третьем заседании Комиссии Флоренский отметил связь Лавры «со всей организацией и характером жизни местного края» [1, с. 209].

В протоколе заседания отмечалось, что «докладчик развивает мысль, что Лавра в целом является тем идейным центром Русской жизни, который выявлял и в свою очередь определял духовный смысл русской культуры» [1, с. 210]. В написанной по материалу доклада в Комиссии работе «Троице-Сергиева Лавра и Россия» Флоренский настаивал на том, что Лавра – единое культурное целое, «центр которого – в Троицком соборе (т.е. у мошей преп. Сергия. – *Н. П.*), а периферия – далеко с избытком покрывает границы России» [4, с. 235]; «Лавра собою объединяет в жизненном единстве все стороны Русской жизни» [4, с. 235].

Сподвижником Флоренского в это время был граф Юрий Александрович Олсуфьев (1878–1938), выпускник юридического факультета Петербургского университета. Весной 1917 году он переселился из родового имения в Тульской губернии в Сергиев Посад после того, как его супруга Софья три раза во сне видела преп. Сергия, сказавшего ей, чтобы она поселилась у его гроба. Не веря снам, супруги ездили к Оптиному старцу Анатолию (Потапову) за советом и он подтвердил необходимость устройства их нового места жительства вблизи Троице-Сергиевой Лавры. В Комиссии Олсуфьев занимал пост заместителя ее председателя, а впоследствии и самого председателя.

9 декабря 1918 г. Флоренский и Олсуфьев составили первый «Проект музея Троице-Сергиевой Лавры» [1, с. 211]. Флоренский пытался представить дело так, чтобы Лавра стала «живым» музеем, с сохраняющимися в ней богослужением и монашеской жизнью. Когда «эmissар» Николай Петрович Киселев (1884–1965) отправился в Оптину Пустынь, Флоренский 9 мая 1919 г. написал ему письмо о необходимости сохранения Оптиной пустыни как действующего монастыря. «Оптина, – писал Флоренский, – отличный памятник 20-х годов, она богатый архив высокоценных документов по истории русского просвещения, наконец она – духовная санатория многих израненных душ... Оптина ... есть в настоящее время, как целое, могучий коллективный возбудитель духовного опыта... Было бы с нашей стороны великим преступлением не пред группою монахов, а пред культурою будущего, не употребить всех возможных усилий для сохранения Оптиной в ее целом...» [3, с. 411–412]. И то, что Флоренский в этих вопросах обладал определенным авторитетом, свидетельствует тот факт, что через неделю после этого (16 мая 1919 г.) Киселев приехал к Флоренскому в Сергиев Посад с рассказом о своей поездке и вместе с ним говорил «об Оптиных делах» [1, с. 225].

В течение лета 1919 года, Флоренский и Олсуфьев выписали сотрудникам Комиссии направления на командировки: в Оптину пустынь для обследования библиотеки и архива, для собрания исторических

материалов, «необходимых комиссии»; в Тверь для обследования хранящихся в тверских храмах и монастырях «древностей»; в Переславль Залесский для доставки оттуда «ценных рукописей»; в Николо-Бабаевский монастырь «по встретившейся надобности библиотеки Лавры составить опись рукописей Игнатия Брянчанинова» [1, с. 228–230].

В то время, когда над самой Лаврой уже сгушались тучи, Флоренский 23 февраля 1919 г. провел первую экскурсию в Лавре для учителей и учительниц Сергиева Посада [1, с. 220]. Далее, как известно, последовало вскрытие мощей преп. Сергия (11 апреля 1919 г., в Лазареву субботу) и выселение монахов из Лавры (3 ноября 1919 г.) [1, с. 223, 230]. Флоренский после этого продолжал содействовать тому, чтобы монахов официально зачисляли в штат охраны Лавры [1, с. 239], но тучи сгушались теперь уже над ним самим. В период с 25 по 28 января 1920 г. в Сергиевом Посаде работала другая комиссия – по разрешению вопросов, связанных с ликвидацией Лавры как монастыря [1, с. 235]. Председательствовал в комиссии Михаил Васильевич Галкин (1885–1948), священник с 1906 г, духовный писатель, писавший под псевдонимом «Горев», автор трехтомника «На службе Богу» (1905–1906) о подвижниках благочестия XIX века. 15 июля 1918 г. он отрекся от сана и 1 января 1919 г. стал членом РКП(б). Галкин содействовал тому, чтобы удалить из комиссии по охране Лавры Ю.А. Олсуфьева и некоторых других. Флоренского было решено временно оставить «ввиду его незаменимости как в данный момент, так равно и в первый период работы комиссии в обновленном составе», а также «в виду его ученых трудов» и «выяснившейся полной непричастности его к деятельности каких-либо приходских общин и церковных братств» [1, с. 235].

Насколько для Флоренского все было невыносимо трудно, показывает целый ряд сохранившихся свидетельств. Прежде всего, катастрофически не хватало средств к существованию, поскольку у о. Павла к началу 1920-х гг. было уже трое детей и ожидалось еще прибавление семейства (четвертый ребенок и третий сын Флоренского Михаил родился 26 октября 1921 г.). Архивные документы пестрят фиксациями задержек в выплате «месячного вознаграждения» [1, с. 215], «крайнего стеснения в средствах» у сотрудников Комиссии [1, с. 223] и т.п. Дом Флоренского в Сергиевом Посаде, где жила его семья и который он купил в 1915 г., постоянно находился под угрозой «национализации», а он сам ожидал призыва в «тыловое ополчение», привлечения к «трудовой повинности» [1, с. 214] или отправки прямо на гражданскую войну, в действующую Красную Армию.

Троице-Сергиеву Лавру окончательно закрыли как монастырь и, хотя секретная резолюция Бюро Сергиевского райкома РКП и президиума Сергиевского Исполкома от 5 марта 1920 г. признала вывоз мощей

преп. Сергия «в данный момент тактически нецелесообразным» [1, с. 237], 26 марта 1920 г. Московский областной исполком все же принял решение о перемещении мощей «в один из Московских музеев» [1, с. 238]. За Флоренским и Олсуфьевым было установлено «тщательное наблюдение» [1, с. 237].

В октябре 1920 г. уже начался новый этап в жизни Флоренского, когда он был приглашен на работу в Москву. Крушение надежд на спасение в Лавре действующего монастыря не подорвало его решимости продолжать работать на благо Церкви и будущей России, теперь уже на другом поприще.

Библиографический список

1. Библиографический справочник. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского / сост. Игумен Андроник (Трубачев). С. Посад: Фонд науки и православной культуры священника Павла Флоренского, 2015. 1055 с.

2. *Флоренский П.А.* Догматизм и догматика // *Флоренский П.А.* Богословские труды. 1902–1909 / сост.: Н.Н. Павлюченков, игум. А. Трубачев; вступ. статья, комм. Н.Н. Павлюченкова. М.: Издательство ПСТГУ, 2018. С. 217–237.

3. *Флоренский П., свящ.* Письмо Н.П. Киселеву // *Флоренский П., свящ.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 411–413.

4. *Флоренский П., свящ.* Троице-Сергиева Лавра и Россия // *Флоренский П., свящ.* Избранные труды по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996. С. 227–244.

УДК 271.2

А.В. Рогозин,

соискатель кафедры культурологии и изобразительного искусства,
Ивановский государственный университет, Шуйский филиал

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ КРЕЩЕНИЯ РУСИ КАК НАЧАЛО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ПЕРЕМЕН В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Аннотация. В статье рассматриваются историко-культурные перемены, которые произошли в СССР вскоре после прошедшего с большим размахом празднования Тысячелетия Крещения Руси. Наверное, не совсем корректно соотносить эту смену культурной парадигмы именно с этим юбилеем – скорее, можно говорить о влиянии перестройки. Но для изменения положения Русской Православной Церкви в советских государстве и обществе именно 1988 г. стал знаковым и рубежным.

Ключевые слова: Тысячелетие Крещения Руси, Советский Союз, Русская Православная Церковь, культура.

A.V. Rogozin,

Graduate student of the Department of Cultural Studies
and Fine Arts at the Shuya Branch of the Ivanovo State University

THE THOUSANDTH ANNIVERSARY OF THE BAPTISM OF RUSSIA AS THE BEGINNING OF HISTORICAL AND CULTURAL CHANGES IN THE SOVIET UNION

Abstract. The article examines the historical and cultural changes that took place in the USSR shortly after the grand celebration of the Millennium of the Baptism of Rus. It may not be entirely accurate to attribute this shift in the cultural paradigm solely to this anniversary, as it is more appropriate to consider it as a result of the impact of perestroika. However, 1988 marked a significant turning point in the position of the Russian Orthodox Church in the Soviet state and society.

Key words: Millennium of the Baptism of Rus, Soviet Union, Russian Orthodox Church, culture.

Празднование Тысячелетия Крещения Руси, которое советские идеологические органы изначально планировали разрешить провести в качестве локального внутрицерковного мероприятия, приобрело большой размах, привлекло широкое общественное и международное внимание. Слабеющее советское государство не могло с этим не считаться, им стали делаться шаги навстречу появившемуся общественному запросу на церковное возрождение. При этом необходимо учитывать, что в условиях тотальной религиозной безграмотности советского населения, которому десятилетиями внушали, что религия – это вера в чудо, а чудес не бывает, приходили в Церковь в то время именно в поисках чуда. Между тем, советская цензура и советское воспитание новых поколений священнослужителей приводили к тому, что как сказал на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1988 г. представитель от мирян Калининской епархии Г.Н. Лопавев «в изданиях Московской Патриархии чудеса позволялись только в далекие времена. Мало того – в Минеях даже русские святые прошедших времен представлены, скорее, как строители, администраторы и в самой меньшей степени как люди, отмеченные Самим Богом, то есть чудотворцы, прозорливцы. А ведь ничто так не вдохновляет к деятельной жизни, как православная мистика» [5, с. 403].

«Неорганизованная» же мистика, которую в конце советского периода истории практически не запрещали. Более того: С.Б. Филатов писал о магическом сознании, присущем даже целым направлениям советской атеистической пропаганды: «После этих статей возникало чувство, что участвующий в богослужении будет мистически "испорчен", в противовес ... представлению церкви, что он будет "спасен". В церковном учении есть своя логика, в антицерковной магии найти ее достаточно

трудно» [11, с. 271]. Не случайно директор Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС В.И. Гараджа писал, что «...перестройка <...> существенным образом затрагивает и наши взгляды на атеизм <...> что же это за атеизм, который представляет собой некий символ веры, противостоящий религии? Некий заменитель религии, "антирелигия"? <...> Так нужен ли нам атеизм, обретший свойства религиозного мировоззрения?» [2, с. 25]. В ходе продолжения ослабления возможностей государственного влияния на идеологию, «неорганизованная мистика» начала принимать вполне организованные и уродливые формы. Б.З. Фаликов констатировал сложившуюся в конце 1980-х гг. в СССР ситуацию: «... "мистическое подполье", не таясь более входит в нашу жизнь – секты легализуются, клубы медитации переходят на хозрасчет, ... кружки йоги обретают статус практических семинаров при обществе "Знание", кооперативы занимаются нетрадиционным лечением, создаются поисковые группы НЛО, кто-то всерьез уже взялся за привидения» [7, с. 478].

Исследователь В.С. Свечников обращал внимание на то, что «...возникновение рынка магических услуг в России датируется телесансами А. Чумака и А. Кашпиrowsкого в конце восьмидесятых годов. <...> На смену официальному государственному атеизму пришла традиционная религиозность и квазирелигиозность народных масс. Оказалось, что современный, и, казалось бы, рационально мыслящий россиянин, живет в магическом мире» [6, с. 136–137]. Можно отметить, что этот процесс – развивающийся. По мнению Л.Г. Ионина, «...к торжеству магии ведет сам неостановимый прогресс науки и техники. <...> невероятное усложнение технологических, экономических и социальных систем <...> приводит к тому, что эти системы становятся непостижимыми для самих их создателей и неподдающимися контролю с их стороны. <...> представляется, можно говорить о новой "заколдованности", о новой магической эпохе. Наступление этой новой эпохи сказывается не только в повсеместном распространении знахарей, колдунов и народных целителей и не только в скудных суевериях основной массы народов. Она сказывается в становящемся все более распространенным отношении простых (и непростых) людей к техническим артефактам. <...> вскрытие технического аппарата не обнаруживает постижимой в нормальном опыте системы тяг и рычагов, связь между нажатием кнопки и результатом обнаруживает черты магического действия. Я не знаю, почему, но знаю, что при нажатии этой кнопки должен последовать определенный результат» [3, с. 156–157].

Перемены в общественном сознании не были линейными и однозначными; большое количество людей получили возможность заявить

и доказать, что у них есть свобода воли и возможность выбора мировоззрения на основе собственного духовного опыта. Исходная и конечная точки пути в рамках этого поиска могли принципиально отличаться. Имели место множество примеров, когда через интерес к нехристианской мистике или вдумчивое чтение атеистической литературы, люди приходили в Русскую Православную Церковь.

На первом этапе либеральная интеллигенция, на какое-то время почувствовавшая себя властью, пыталась оставить Русскую Православную Церковь «на обочине» общественной жизни. Закон «О свободе вероисповеданий» РСФСР 1990 г. был благоприятным для развития деятельности в России разного рода новых религиозных культов, в том числе представляющих опасность для личности, общества и государства, но, продолжая традиции советского законодательства о религии, не признавал централизованного устройства Русской Православной Церкви. Здесь можно провести аналогию с Временным правительством 1917 г., которое провозглашая религиозные свободы, делало попытку еще более сузить рамки дозволенного для Российского Православия, по сравнению с Синодальным периодом его истории в Российской империи. Однако, в связи с неожиданно для либералов быстрым ростом авторитета Русской Православной Церкви, вплоть до попыток медиации, предпринятых Патриархом Московским и всея Руси Алексием II в октябре 1993 г., курс на ограничение был свернут, в 1997 г. принят новый Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», учитывающий внутреннее устройство Православной Церкви, интересы России как государства и исторические традиции. При этом либералами была сделана ставка на расширение своего влияния на церковную деятельность через тех православных людей, которые разделяют либеральные идеи до такой степени, что они для них важнее их принадлежности к Русской Православной Церкви. Это закладывало основания для внутрицерковных конфликтов между представителями разных взглядов, которые окончательно стали явными только в 2022 г.

Как отмечают С.Ф. Артемова и О.В. Мельниченко, «...в 1990-е гг. отношения РПЦ и общества принимали различные формы – от категоричного неприятия и оголтелой критики со стороны вчерашних партийных и комсомольских руководителей до буквально поклонения, когда "бывшие" вдруг превратились в ревнителей православия; от конфронтации до взаимовыгодного взаимодействия» [1, с. 160].

Можно согласиться с мнением о том, что в конце 1980-х – нач. 1990-х гг. «...многие от Церкви ожидали какого-то чуда, что священнослужители будут образцами морали и нравственности, что Церковь даст народу твердую систему ценностей взамен рушившейся коммунистической. Но при этом те люди, которые пытались что-то требовать от

Церкви, не считали нужным свою жизнь изменять в соответствии с церковными установлениями, а пытались Церковь приспособить к своим представлениям, зажать ее в те рамки, в которых находились религиозные объединения в наиболее секулярных из западных государств. Естественно, что реальность резко отличалась от их фантазий, поэтому они в той церкви, которую сами себе выдумали, разочаровались, стали ее противниками» [10, с. 83].

В условиях господства атеистической идеологии в СССР любая церковная деятельность по организации культурного пространства, которая могла бы способствовать внешней миссии Русской Православной Церкви была запрещена. После широкого празднования Тысячелетия Крещения Руси, положение начинает изменяться. В 1990 году почти одновременно принимаются союзный и российский республиканский законы, регулирующие религиозную сферу. Но, если союзный закон разрабатывался профессионалами, в том числе в его подготовке принимал участие бывший в то время народным депутатом СССР будущий Патриарх Алексий II, «...то российский закон готовился представителями либеральной интеллигенции, в тот исторический период получившими возможность участвовать в законотворческой деятельности» [4, с. 20]. Как следствие, в нем были заложены положения, подрывающие основы иерархического устройства Церкви, в чем он сохранял преемственность с советским законодательством о религии; давались возможности для беспрепятственного распространения в России деструктивных религиозных культов, многие из которых впоследствии были запрещены, но успели принести физический, материальный и духовный вред многим людям. Поскольку союзный закон перестал действовать сразу после распада Советского Союза, российский закон оказывался единственным действующим. Несовершенство его стало заметно сразу, и уже в 1997 году был принят новый федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», который «...был призван несколько ограничить деятельность зарубежных проповедников нетрадиционных для России религиозных учений, но в отношении Православия был вполне лоялен» [8, с. 46].

Законодательные перемены давали возможность Русской Православной Церкви активно развивать свою деятельность по самым разным направлениям, которые ранее находились для нее под запретом. Но остро вставала кадровая проблема. Это было связано, в том числе, с тем, что «...советское атеистическое государство всячески способствовало подрыву авторитета духовных учебных заведений, препятствовало появлению в них профессиональных ученых и преподавателей, оно стремилось превратить духовные школы в учебные заведения "второго сорта", препятствовало поступлению в духовные учебные заведения

талантливых молодых людей» [9, с. 156]. Ситуация начинает изменяться по мере широкого привлечения для церковной деятельности специалистов, имеющих высшее светское образование, открытию духовных учебных заведений для использования в них лучших образовательных и научных практик, которые имелись в светских вузах, расширению сети церковных учебных заведений; появлению и углублению интереса светских ученых к религиозной проблематике, появлению изучения религии в тех или иных формах в светских учебных заведениях разного уровня. Это дало возможность развернуть и церковную деятельность по организации культурного пространства.

Можно констатировать смену культурной парадигмы в СССР вскоре после Тысячелетия Крещения Руси. Наверное, не совсем корректно соотносить эту смену именно с этим юбилеем – скорее, можно говорить о влиянии перестройки. Но для изменения положения Русской Православной Церкви в советских государстве и обществе именно 1988 г. стал знаковым и рубежным.

Библиографический список

1. *Артемова С.Ф., Мельниченко О.В.* Русская Православная Церковь и государство в конце 1990-х – начале 2000-х гг. // Национальное здоровье. 2019. № 1. С. 159–161.
2. *Гараджа В.И.* Переосмысление // На пути к свободе совести. М.: Прогресс, 1989. С. 19–28.
3. *Ионин Л.Г.* Новая магическая эпоха // Логос. 2025. № 2 (47). С. 156–173.
4. *Полозова К.А., Федотов А.А.* Роль интеллигенции в подготовке и принятии Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» (1990 г.) и итоги его действия // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 17–27.
5. Поместный Собор Русской Православной Церкви. Троице-Сергиева Лавра 6–9 июня 1988 года. Материалы. Издание Московской Патриархии, 1990. 480 с.
6. *Свечников В.С.* Религиозность и магические мистификации в массовом сознании // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 136–145.
7. *Фалико З.Х.* Неомистицизм в СССР // На пути к свободе совести. М.: Прогресс, 1989. С. 478–492.
8. *Федотов А.А.* Некоторые аспекты церковно-государственных отношений в условиях постсоветской России // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2006. С. 4–47.
9. *Федотов А.А.* Православное профессиональное образование в Советском Союзе в 1943–1988 гг. // Наука и школа. 2010. № 6. С. 155–156.
10. *Федотов А.А.* Русская Православная Церковь и религиозная интеллигенция в 1970-х – начале 1990-х гг. // Интеллигенция и мир. 2010. № 3. С. 83–92.
11. *Филатов С.Б.* Нужна ли нам внутренняя граница? // На пути к свободе совести. М.: Прогресс, 1989. С. 264–273.

А.С. Соколов,

профессор, Рязанский государственный радиотехнический университет
им. В.Ф. Уткина (Рязань)

РЯЗАНСКАЯ ЕПАРХИЯ В 1917 г.

Аннотация. Статья посвящена событиям в Рязанской епархии после февраля 1917 г. Рассматриваются мероприятия по изменению организации управления в церкви в местной епископии. Свержение монархии сопровождалось сложными процессами в сфере государственно-церковных отношений. События в Рязанской епархии показывают попытку «прогрессивного» духовенства захватить власть при поддержке Временного правительства.

Ключевые слова: выборы, духовенство, Православная церковь, революция, Рязанская епархия, епархиальный съезд.

A.S. Sokolov,

Professor, Ryazan State Radioengineering University
named after V.F. Utkin (Ryazan)

THE RYAZAN DIOCESE IN 1917

Abstract. The article is devoted to the events in the Ryazan diocese after February 1917. It examines the measures taken to change the organization of church administration in the local bishopric. The overthrow of the monarchy was accompanied by complex processes in the field of state-church relations. The events in the Ryazan diocese show an attempt by the «progressive» clergy to seize power with the support of the Provisional Government.

Key words: elections, clergy, Orthodox Church, revolution, Ryazan Diocese, diocesan congress.

События Февраля 1917 г. стали социальным детонатором антирелигиозных настроений среди недовольных своей жизнью людей. В их представлении Церковь и царство были едины, и десакрализация представлений о царстве, сказалась и на отношении к церкви. Пропаганда накануне и во время мировой войны расшатала нравственные устои многомиллионной русской армии, костяк которой составляло крестьянство [5, с. 76]. Февральская революция 1917 г. в кругах Православной русской церкви была встречена неоднозначно. Высшая иерархия, опасаясь за будущее Церкви после крушения монархии, реагировала на февральские события сдержанно. Значительная часть рядового духовенства приняла изменения, видя в них залог освобождения от контроля госу-

дарственной власти в лице Синодального управления. Временное правительство предприняло ряд собственных инициатив в области государственно-церковных отношений. Началась чистка епархиальных архиереев и рядовых священников. Святейший Синод уволил на покой митрополитов Петроградского Питирима (Окнова) и Московского Макария (Невского), а также архиепископа Тобольского Варнаву (Накропина). Чистка коснулась епархиальных архиереев и рядовых священников. На местных съездах духовенства и мирян «консервативным» 17 владыкам были вынесены вотумы недоверия [1, с. 70]. Наиболее конфликтный характер носили выборы правящего архиерея в Рязанской епархии.

После февраля 1917 г. рязанский архиерей Дмитрий (Сперовский), занимавший этот пост с июля 1911 г., был выдворен из епархии по требованию Исполнительного комитета. По данным рязанского жандармского управления от 1916 г. Дмитрий своими резкими проповедями восстановил против себя как пастыря церкви большую часть положительно настроенного населения Рязани. Рязанский краевед С.Д. Яхонтов в своих «Воспоминаниях» указывал, что Дмитрий был всецело предан церковному благолепию. «Такому человеку, как Дмитрий, нельзя было мириться с распушенностью значительной части духовенства и заброшенностью храмов. И он начал подтягивать, но не карательными мерами, а головомойками. Особенно не нравилось батюшкам, что он «мылил головы» за появление духовных лиц в городе на улицах с папиросами и на веселе», – писал он [10, с. 53]. После свержения монархии Дмитрий признал новый строй и на празднике «Свободы» 12 марта в губернском центре призывал к поддержке Временного правительства. Праздник начался с торжественного молебна и салюта, затем прошли военный парад и общегородская манифестация. С.Д. Яхонтов, так описывал это событие: «День был ясный, теплый, весенний. Народ шел на площадь. И я пошел...пришедши на площадь и выбравши место повыше, я увидел себя окруженным красными бантиками. Ну, и я вынул свой из кармана и приколот к борту пальто. Площадь была полна народу. От собора шел облаченный викарий Амвросий» [10, с. 22]. Несмотря на признание новой власти архиерей Дмитрий вынужден был 16 марта покинуть Рязань т.к. своими «выступлениями перед паствой» сильно волновал население [2, с. 3]. Новые власти в губернии телеграфировали оберпрокурору В.Н. Львову: «Учитывая всю предшествующую деятельность епископа Дмитрия (Сперовского), стоящего во главе «Союза русского народа» и принимая во внимание его широкую, все время возбуждавшую население агитационную черносотенную пропаганду во время богослужения Рязанский исполнительный комитет просит принять меры

к срочному удалению рязанского епископа Димитрия». Епископ Димитрий отбыл в Петроград, где 20 марта обер-прокурор принудил подписать его прошение об отставке [9, с. 169].

Обстановка в епархии после отъезда Димитрия не стабилизировалась, а, наоборот, накалилась. В епархии сложилось настоящее двоевластие. Епископ Амвросий (Смирнов), начав управлять епархией, быстро вступил в конфликт с епархиальным бюро. Принципиальным стал вопрос о том, кого поминать за богослужением, Амвросия или Димитрия. 22 марта 1917 г. состоялся Первый епархиальный съезд в Рязани, на котором присутствовало около 150 человек. В этот же день в губернском центре состоялись торжественные проводы на фронт маршевых рот защищать от германских войск революционную Россию [3, с. 135]. На съезде многие из ораторов указывали на то, что в прежнее время при старом режиме духовенство находилось в порабощенном состоянии. На упреки, направленные в адрес Рязанского духовенства в том, что виноват в данном случае епископ Димитрий, который не давал возможности духовенству собраться [6, с. 3]. Съезд признал необходимость иметь «выборного епископа». От имени председателя съезда священника Чернобаева в Синод было направлено прошение об удалении епископа Димитрия как «остатка старого строя» [4, с. 159].

В мае Синод освободил Амвросия от управления епархией и назначил на место Амвросия бывшего Московского викария, епископа Верейского Модеста (Никитина). С.Д. Яхонтов так характеризовал нового руководителя епархии: «Он не был деятелем, попросту ленив... Да и навыки его были, по-видимому, не монашеские. По крайней мере, мы с женой были смущены таким непривычным для нас пустяком. Раза два он был у меня в доме гостем. На первый же визит жена угостила его наскоро изготовленными скромными оладьями и котлетами: был пост Петровский. Он, как бы ничего не замечая, преспокойно их кушал. Сидел за чаем, закинувши ногу на ногу. Жена и говорит мне: Какой же это архирей?!». Такие архиреи бывают из овдовевших протопопов» [10, с. 56].

Второй экстренный епархиальный съезд, открылся 15 мая 1917 г. в зале женского епархиального училища. Накануне открытия форума газета «Рязанская жизнь» поместила заметку, в которой говорилось, что кандидатами в руководители собрания могут быть преподаватель духовной семинарии Алфеев или протоиерей села Тумы, депутат IV Государственной Думы Остроумов. Издание подчеркивало, что в пользу данных кандидатов говорят их нравственные достоинства и общественная деятельность [7, с. 3].

Съезд принял важное постановление по поводу властных структур епархии. Высшим органом церковно-епархиального управления был

объявлен съезд клира и мирян, которому передавалась вся власть в епархии. Было решено выбрать нового управляющего епархией. Съезд выдвинул кандидатуру архимандрита Серафима (С.С. Руженцева), смотрителя Сапожковского духовного училища. По мнению С.Д. Яхонтова это был авантюрист. До назначения архиерея епархией временно управлял викарный епископ Павел, по словам Степана Дмитриевича «человек борьбы». Он призывал паству к «усмирению церковно-приходской жизни, особенно в настоящее трудное и смутное время [8, с. 3]. После длительной борьбы за церковную власть между викарным епископом Павлом и архимандритом Серафимом Синод в целях устранения разногласий назначил в августе на рязанскую кафедру Иоанна (Смирнова), бывшего до этого архиепископом Рижским. Будущий владыка некогда возглавлял Рязанскую духовную семинарию, принимал активное участие в деятельности братства Василия Рязанского, редакции «Епархиальных новостей». Приехав из Риги на первую сессию Всероссийского Собора в августе 1917 г. он получил направление в Рязань. «При Иоанне церковь в Рязани была сравнительно в покое. Говорю – сравнительно. Архиепископ был свой, родной и благодушный, и тактичный, а главное – терпеливый. С ним, когда он первый раз служил в соборе, подходя к благословлению после Евангелия, я даже заплакал – так был рад ему», – писал С.Д. Яхонтов [10, с. 65].

В истории выборов архиерея в Рязани просматривается корпоративная солидарность епископата, не позволившего ни одному человеку, не имевшему соответствующего сана, занять место руководителя епархии. Ситуация в Рязанской епархии показала, что в условиях демократизации страны после февраля 1917 г. в Православной церкви также была предпринята попытка демократизации организационного управления Церковью. Прошедшие в епархиях весной – начале лета 1917 г. епархиальные съезды явились, по сути, попыткой изменить традицию выбора правящих архиереев лишь высшей церковной властью в сторону «выборного начала», участия в выборах представителей духовенства и мирян епархии. Конфликтность выборов свидетельствовала о политизации церковно-религиозной жизни России 1917 г. в целом [1, с. 74].

Библиографический список

1. Гераськин Ю.В. 1917 год и ситуация в Рязанской епархии // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 1.
2. Голос свободной церкви. 1917. 14 мая.
3. История Рязанского края. 1778–2007. Рязань, 2007.
4. Рогозный П.Г. Православная церковь и Русская революция. Очерки истории. 1917–1920. М., 2018.
5. Русская Православная Церковь. XX век. М., 2015.

6. Рязанская жизнь. 1917. 24 марта.
7. Рязанская жизнь. 1917. 12 апреля.
8. Рязанская жизнь. 1917. 13 октября.
9. Черная сотня. Историческая энциклопедия. М., 2008.
10. *Яхонтов С.Д.* Воспоминания 1917–1942. Т. 2 / под ред. П.В. Акульшина. М.; Рязань, 2017.

УДК 271.2(56)(091):82-94

А.А. Соловьев,

старший научный сотрудник, Ивановский государственный университет (Иваново)

ПРАВОСЛАВНЫЕ АРАБЫ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ПАЛОМНИКОВ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

Аннотация. В XIX – начале XX века в Святой Земле довольно сильные позиции занимало православие. При этом большую часть православных верующих здесь составляло местное арабское население. Российские паломники после первого же взаимодействия с рядовыми православными арабами понимали, что это «другое православие». Причем дело заключалось именно в религиозном поведении арабов-христиан.

Ключевые слова: Святая Земля, православные арабы, арабские храмы, российские паломники, паломнические мемуары.

A.A. Soloviev,

Senior Researcher, Ivanovo State University (Ivanovo)

ORTHODOX ARABS THROUGH THE EYES OF RUSSIAN PILGRIMS IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

Abstract. In the 19th and early 20th centuries, Orthodoxy held a fairly strong position in the Holy Land. At the same time, the majority of Orthodox believers here were the local Arab population. After their first interaction with ordinary Arab Orthodox Christians, Russian pilgrims realized that this was «another Orthodoxy». Moreover, the case was precisely in the religious behavior of Christian Arabs.

Key words: Holy Land, Orthodox Arabs, Arab churches, Russian pilgrims, pilgrimage memoirs.

© Соловьев А.А., 2026

* Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием Ивановского государственного университета в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» FZZM-2025-0001.

Святая Земля была многонациональным регионом. Здесь жили турки, которые являясь в Османской империи титульной нацией, а в Палестине составляли меньшинство населения. Также в этом регионе проживали евреи, которых становилось всё больше и больше в связи с постепенным переселением «избранного народа» из Западной Европы, Северной Америки и России на родину предков. Имелась на рассматриваемой территории армянская диаспора, не очень многочисленная, но влиятельная и богатая.

Российские образованные паломники, направлявшиеся в Святую Землю, имели отчетливое представление о том, что здесь, наряду с господствующим исламом, довольно сильные позиции занимала православная религия в лице Иерусалимского патриархата. Также они знали, что большую часть православных верующих составляли арабы, в то время как руководящие позиции в Иерусалимской церкви практически безраздельно принадлежали грекам. Богомольцы из России после первого же соприкосновения со здешней рядовой арабской средой, обнаруживали, что это «другое православие». Причем дело заключалось не в догматике и не в этосе, и даже не в ритуале, а в религиозном поведении арабской паствы.

Аксиомой поведенческой модели в православном русском храме было чинное, т.е. дисциплинированное стояние во время богослужения. Нельзя было мешать литургическим действиям громкими разговорами и иным шумом, не принято было переходить с места на место во время богослужения. Совершенно другие модели поведения, а точнее – отсутствие их, россияне обнаруживали в православных храмах Палестины. Первым среди русских богомольцев-мемуаристов серьезно акцентировал своё внимание на этом А.Н. Муравьев, который в пятницу на Страстной неделе пришел в храм Гроба Господня и обнаружил там совершенно необычную картину, которая показалась ему очень оскорбительной для чувств верующего. По его словам «...малое число арабов...поспешило осматривать с буйным любопытством святыню, прикасаясь бесчинно к иконам и прерывая смехом церковное пение...» [5, с. 194]. Тогда А.Н. Муравьев обратился к турецкой страже, поддерживавшей порядок в христианском храме, с просьбой «изгнать буйных», что было немедленно исполнено, т.к. турки знали, что Муравьев – «бейзаде московский», т.е. человек важный и влиятельный.

В конце того же дня уже другие арабы, явившиеся в главную христианскую святыню, снова открыто нарушили благочиние, которое было аксиомой для любого православного россиянина. А.Н. Муравьев, находившийся здесь, с горечью сетовал: «Грустное и вместе странное зрелище поразило меня в ротонде Святого Гроба: там шумела толпа арабов. Сии дикие пришельцы гор Палестинских, сбираясь на торжество

Пасхи в Иерусалим, не умели лучше выражать своей грубой радости, как песнями и скачками при громком биении ладостей, не постигая, сколь несообразны со святыней Храма подобные увеселения» [5, с. 196]. Муравьев во второй раз обратился к турецким стражникам, которые снова удалили нарушителей церковного благолепия из храма Гроба Господня.

На следующий день, в Великую Субботу, обстановка в храме изменилась не к лучшему, а к худшему. Говор и крик в святыне были несколько не тише, чем в предыдущий день, тем более что все ожидали схождения Благодатного огня. Это событие арабы считали для себя особенно важным. Кроме того, вконец раздосадованному русскому богомольцу пришлось вспомнить тот фрагмент Священного Писания, в котором говорится, как Иисус Христос изгнал торгующих из храма: «Арабы, их жены и дети сидели на мраморном помосте, корзины плодов и припасов лежали посреди толпы поклонников, ...везде был говор и крик...» [5, с. 197]. А.Н. Муравьев понял, что его постоянное вмешательство не принесет никаких результатов и вышел, совершенно расстроенный и даже подавленный тем, что он увидел в течение двух дней: «...я с разбитым сердцем исторгся из воскресного Храма Христова, где уже не было более места для христианина» [5, с. 197].

А.С. Норов, побывавший в Иерусалиме на пять лет позже А.Н. Муравьева, застал в храме Гроба Господня на Страстной неделе практически ту же самую картину. Он тоже делился с читателями сравнениями того, что видел с благочинием, господствовавшим в русских храмах. Но А.С. Норов всё же проявил большую сдержанность в оценках по сравнению с крайне эмоциональным А.Н. Муравьевым: «Глухой шум голосов слитых голосов сначала удивляет и беспокоит европейского христианина, привыкшего к благочестию храмов Божьих...» [6, с. 45].

Однако то, что произошло в Великую Субботу, поразило А.С. Норова до глубины души. Арабы по-своему готовились к схождению Благодатного огня: «Перед начатием Великосубботной обедни они выражают радость свою, обегая толпой три раза кругом часовни Гроба Господня, бия в ладоши и восклицая: «Нет другой веры, кроме веры православной!». Уже при раздаче митрополитом свечей, зажжённых от Благодатного огня, одну из которых Норов, как почетный гость, получил в числе первых; он же и пострадал. «Один из арабов, – вспоминал А.С. Норов, – в безумном исступлении, впился зубами в мою руку...», чтобы вырвать зажженную свечу [6, с. 70]. В центре храма происходила такая давка, что Норова, у которого вместо одной из ног был протез, обезумевшая публика могла просто опрокинуть и затоптать насмерть. К счастью, среди присутствовавших нашлись адекватные люди: «Один из арабов, видя меня почти затертого народом, знаками показал мне,

чтоб я охватил его за шею, и повлек меня среди стремящейся толпы; но скоро я был сорван с его плеч; тогда другой из арабов, с которым мы были уже знакомы, видя мое положение по причине моей раны, оказал мне ту же помощь и довлек меня до алтаря» [6, с. 71].

Картину совершенно дикого ликования арабов во время этой очень важной религиозной церемонии дополняют воспоминания Е.Э. Картавцева. Во-первых, он сообщает, что схождение Благодатного огня для местных арабов является главным годовым праздником, т.е. даже важнее Светлого Христова Воскресения. Во-вторых, как свидетельствует мемуарист, во время ликования восторженные прихожане прыгали внутри храма с высоты третьего яруса на толпу. Стоящие внизу не возражали, а даже поощряли ловкачей, подхватывая их. Для некоторых эти прыжки заканчивались благополучно, а для других – серьезными травмами. Оказавшиеся подхваченными толпой арабы начинали в полном смысле этих слов ходить по головам и плечам людей. Самые ловкие становились даже на руки и ходили по толпе вверх ногами. Е.Э. Картавцев, в отличие от А.Н. Муравьева, без возмущения и даже без раздражения наблюдавший за ликованием арабов, высказывал предположение, что «радостный, бешеный, дикий вопль» и последующие акробатические упражнения арабов при появлении огня – «это разрядка после напряженного ожидания этого чуда» [3, с. 228–231]. Арабы были не уверены в том, что схождение огня произойдет в очередной раз, опасаясь, что Господь может прогневаться на людей за грехи, и даст знать о своей немилости тем, что Благодатного огня не будет. Таким образом, Картавцев считал, что арабы являлись такими же преданными и богобоязненными приверженцами православия, как и русские, но гораздо более эмоциональными, что выражалось в их буйном поведении, которое для них – норма, а для верующих россиян совершенно неприемлемо.

Относительно особенностей эмоционального религиозного поведения у православных арабов есть и другие свидетельства паломников из России. Архимандрит Антонин (Капустин) однажды присутствовал на богослужении в маленькой церкви арабского прихода. Она находилась в пещере на месте, где по священному преданию пастырям являлся ангел с вестью о рождении Спасителя, а иереем в ней был тоже араб: «...в подземелье явился престарелый священник в рясе и чалме. Немедленно он надел на себя на себя епитрахиль, отдернул завесу царских врат и начал петь и читать литию». Сначала служба шла неспешно, но постепенно иерей всё более увлекался: «...в нем уже не слышалось старческого дребезжания, а все сливалось в один гортанный крик. Пот струился с утомленного чела старца, а открытая и поросшая седыми волосами грудь поднималась часто и высоко. Памятную надолго останется мне эта первая встреча моя с арабскою церковью». Отец Антонин

глубоко проникся этой истовой литургией и неслучайно заключил свои впечатления написанием о необходимости помогать братьям по вере, находившимся не в лучшем положении и окруженным враждебными конфессиями: «сия ветвь православия ждет заступничества и горячего участия нашей, можно сказать, царствующей церкви» [1, с. 76].

Арабские храмы в Святой Земле отличались крайней бедностью, особенно вопиющей в сравнении с теми, где служило греческое духовенство, и особенно иерархи Иерусалимского патриархата. Паломник из Архангельской губернии Г. Корельский (его имя нам, к сожалению, не удалось выяснить) рассказывает о том, что он со своими спутниками во время путешествия оказались на дороге из Иерусалима в Назарет в селении Буркин.

Русские паломники были приглашены осмотреть приходскую церковь, в которой служил иерей, приютивший их. То, что они увидели в «доме Божьем», повергло россиян в шок. Г. Корельский восклицает: «Боже мой, что за церковь! Везде запущенность, неряшливость и грязь!» [4, с. 520]. Сначала паломники прониклись глубоким сочувствием к такой вопиющей бедности, но позже услышали от более информированных людей о том, что местные иереи специально поддерживали церкви в столь удручающем виде для того, чтобы вызвать русских богомольцев на пожертвования. Эта версия подтвердилась тем, что при выходе из церкви священник стал собирать «доброхотные даяния» с паломников [4, с. 521].

Таким образом, у российских паломников, приехавших на Ближний Восток для поклонения христианским святыням, оставалось неоднозначное впечатление от их взаимодействия с местным православным арабским населением, особенно от их религиозного поведения. Им часто мешала эта шумная толпа арабов-христиан, которые по-своему тоже являлись верующими, но их эмоциональное поведение в храмах было непонятно и чуждо православным верующим из России. Однако следует согласиться с профессором К.Е. Балдиным, который считает, что «в целом, если положить на чаши воображаемых весов негативные и позитивные впечатления, последние всё же перевешивали. Российские паломники в большинстве своем возвращались домой глубоко удовлетворенными своей поездкой на Восток» [2, с. 21].

Библиографический список

1. Антонин Капустин, архимандрит. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. М.: Индик, 2007.
2. Балдин К.Е. Восточная экзотика на страницах отечественных мемуаров: впечатления русских паломников второй половины XIX – начала XX в. // Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 7–22.

3. *Картавцов Е.Э.* По Египту и Палестине. СПб., 1892.
4. *Корельский Г.* Воспоминания о путешествии по Святой Земле // Архангельские епархиальные ведомости. 1912. № 18. Ч. неоф. С. 517–527.
5. *Муравьев А.Н.* Путешествие ко святым местам в 1830 году. М.: Индрик, 2007.
6. *Норов А.С.* Путешествие по Святой Земле в 1835 году. М.: Индрик, 2008. 292 с.

УДК 94(47)

А.В. Степанов,

доцент, Ивановский государственный университет (Иваново)

ВЕРА И КАРЬЕРА: ИНОСЛАВЦЫ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В ЯРОСЛАВЛЕ 1900-х гг.

Аннотация. Рассмотрены примеры несения государственной, земской и частной службы русскими чиновниками из числа западных христиан в г. Ярославле в 1900-е гг. Автор показывает, что те не встречали дискриминации и не получали преференций в силу своей конфессиональной принадлежности. В качестве единственного служебного преимущества чиновников-инославцев отмечено их более высокое образование.

Ключевые слова: католики, лютеране, государственная служба, Ярославль, 1900-е гг.

A.V. Stepanov,

Associate professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

FAITH AND CAREER: WESTERN CHRISTIANS IN GOVERNMENT SERVICE IN YAROSLAVL IN THE 1900s

Abstract. Cases of Western Christian Russians serving as government officials as well as zemstvo and private businesses employees in the City of Yaroslavl in the 1900s are examined. The author's point is that such persons faced neither discrimination nor preferential treatment due to their religious affiliation. Their single career advantage was their better than average education.

Key words: Catholics, Lutherans, government service, Yaroslavl, 1900s.

В Российской империи начала XX в. православная церковь пользовалась открытым покровительством власти. Основные государственные законы в статье 62 провозглашали ее «первенствующей и господствующей». При этом они же устанавливали право подданных империи свободно исповедовать иные вероучения: «Все не принадлежащие

к господствующей церкви подданные Российского государства пользуются свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной» (ст. 66). Приверженцев западных христианских церквей официально именовали инославцами, в отличие от «иноверцев», например мусульман или иудеев. Представляет интерес попытка проследить, как эта норма соблюдалась на практике, особенно не в космополитичном и законопослушном Петербурге, а в великорусской глубинке. Можно предполагать, что вдали от столиц, в краю, где подавляющее большинство населения исповедовало православие, принадлежность к западному христианству могла стать препятствием в карьере чиновника, мешала бы ему продвигаться по службе, вела к его дискриминации.

Информативным источником по этому вопросу могут служить ежегодные «Справочные книги Ярославской губернии». Их с конца XIX в. выпускал Губернский статистический комитет. Обычно книга содержала лишь минимум сведений о каждом из сотен государственных и общественных служащих губернии. Однако на исходе 1900-х гг. составители временно расширили объём публикуемых биографических справок, включив в них сведения о вероисповедании каждого чиновника, а также о полученном им образовании и должностном окладе. Такой объём информации сохранялся в 1908–1910 гг.; в справочнике на 1911 г. уже не указаны оклады чиновников, но приведены сведения об их вероисповедании. В более поздних выпусках составители вернулись к первоначальному лаконичному формату.

Надо признать, что по части полноты и достоверности «Справочные книги» не безупречны. Судя по всему, информацию для них представляло начальство «подлежащих учреждений»; проверить ее составители вряд ли имели возможность. В результате в книге могли появиться, например, разночтения в написании отдельных нерусских фамилий, а то и более серьёзные ошибки. Так, приват-доцент Демидовского лицея А. Шмидт в справочнике 1907 г. назван лютеранином, а в справочнике 1908 г. – православным; служивший в акцизном ведомстве надворный советник К. Шульц за два года «сменил веру» с лютеранской на католическую. Однако эти единичные ошибки не умаляют общей ценности книг: они содержат массовый материал, дающий широкий социальный срез ярославского служилого мира начала XX в.

Укажем, прежде всего, общее количество инославцев, состоявших на гражданской службе – государственной, общественной или частной. Справочник на 1908 г. содержит сведения о 44 таких людях – 29 лютеранах и 15 католиках. Справочник на 1909 г. стал несколько полнее: в нем указаны 21 лютеранин и 18 католиков. Наконец, в справочнике на 1910 г. перечислены 44 инославца (в т.ч. 15 католиков).

На наш взгляд, простой подсчет доли инославцев в общем числе служащих не имеет смысла: данные справочников явно неполны, но даже с такой оговоркой лютеране и католики не составляли и десятой доли в общей массе ярославской бюрократии. Важнее то, в каких чинах состояли эти чиновники. В 1908 г. высший ранг имел действительный статский советник лютеранин И. Минцлов, возглавлявший Губернское акцизное управление; он же получал и самый большой среди всех служивых инославцев оклад – 6600 руб. (годовое жалование ярославского губернатора составляло 10 тыс. руб., вице-губернатора – 4500 руб.) Четверо инославцев обладали чином V класса (статский советник): католик Ф. Ковалевский служил членом Окружного суда, его единовец Р. Орженцкий – ординарным профессором Демидовского лицея, католик Б. Зеленский преподавал в гимназиях, а лютеранин Э. Вальтер в 1910 г. дожидался места земского начальника. Прочие инославцы состояли в чинах от VI до XIV класса, лежавших в средней и нижней частях Табели о рангах.

Еще важнее изучить места службы местных инославцев. Немалая их часть трудилась в органах государственного управления. Назовем, в частности, помощника начальника Губернского жандармского управления по г. Ярославлю ротмистра лютеранина К. Графтио, старшего фабричного инспектора лютеранина В. Гросса, помощника секретаря Окружного суда католика М. Высоцкого, судебного следователя по важным делам католика М. Марграфа, инспектора сельского хозяйства католика Л. Пиотрашко. Заметим, что последний из перечисленных получал один из высочайших окладов жалования (5000 руб. в год) и в течение изучаемого периода вырос из надворных советников в коллежские (из VII класса в VI).

Инославцы имелись и в администрации уездов Ярославской губернии. Например, участковыми земскими начальниками в Мышкинском и Рыбинском уездах служили отставные подполковники лютеране братья К. и Г. Вейде. Такую же должность в Ярославском уезде в 1908 г. занимал их единовец Э. Ставенгаген.

Немало инославцев состояло в ведомстве Министерства финансов. Здесь они занимали такие позиции, как бухгалтер Казенной палаты, контролеры (младшие и старшие) акцизных округов, бухгалтер отделения Крестьянского Поземельного банка. Губернское акцизное управление после ухода Минцлова в 1910 г. возглавил католик К. Злотковский. В аппарате этого управления имелась лаборатория, которой в 1907–1910 гг. заведовал лютеранин К. Маас (за эти годы он поднялся из чина IX класса в VIII). Помощником заведующего Казенным винным складом состоял католик И. Пиотровский, ректификатором склада – лютеранин Г. Алликас. Одним

из пяти помощников контролера по постройке железной дороги Вологда-Вятка был католик Л. Матушкевич. Заметим, что за время с 1906 по 1909 г. он вырос в чинах с коллежского регистратора (XIV класс) до губернского секретаря (XII класс), что, впрочем, не изменило его жалования (1200 руб.)

Активная деятельность, которую после 1905 г. развило вновь учрежденное Главное управление землеустройства и земледелия, нашла отражение в открытии Испытательной лаборатории по молочному хозяйству (в 1907 г. старший лаборант – лютеранин К. Саковский, с 1910 г. его единовец Л. Линдер). В этом же ведомстве находился Лесоохранительный комитет, где делопроизводством заведовал коллежский советник католик Ф. Тафиловский.

Число педагогов-инославцев в различных учебных заведениях Ярославля оказывается меньше ожидаемого. Ординарным профессором Демидовского юридического лица (фактически университета) служил католик Р. Орженцкий (1863–1923). Между 1906 и 1909 гг. он из коллежских советников был произведен в статские, т.е. из чина VI класса в чин V. Впрочем, его оклад (2400 руб. в год) от этого не изменился. При этом семь других профессоров Демидовского лица были православными. Чуть большей была доля инославцев среди приват-доцентов этого вуза. Там на исходе 1900-х гг. пять православных преподавателей трудились наряду с двумя лютеранами. Один из них – А. Шмидт – за изучаемый отрезок времени (1906–1910 гг.) перешел из IX класса сразу в VI; здесь, впрочем, не исключена ошибка источника.

Несколько больше инославцев трудилось в средних учебных заведениях Ярославля – казённых и частных. Там, например, учительствовали лютеране Ф. Гелинг, Н. Несслер, В. Трейман, а также католики П. Дюмениль и Б. Зеленский. Заметим, что наряду с мужчинами, в средних школах работали и женщины, исповедовавшие лютеранскую или католическую веру: А. Вебус, В. Пецольд, А. Геттинг, Т. Нигоф, А. Бредрих. Следует отметить, что некоторые из приверженцев западно-христианских исповеданий служили в двух учебных заведениях, так что их совокупное годовое жалование приближалось к 1500 руб. Интересно и то, что среди учительниц были не только незамужние женщины, но и состоявшие в браке; вероятно, тысяча рублей годовой зарплаты была не лишней в их семейном бюджете. И это не преувеличение: например, преподавательница ярославской женской гимназии Антиповой замужняя лютеранка Аделаида Бредрих заработала в 1909 г. 1045 руб.; учительница частной гимназии Корсунской замужняя лютеранка Альма Геттинг в тот год получила ровно 1000 руб. Наконец, отметим, что для лютеранской семьи Пецольд служба в сфере образования была едва ли

не традицией: брат работавшей учительницей немецкого языка в частной гимназии и реальном училище Вильгельмины Карловны (ее суммарный заработок в 1909 г. составил 1340 руб.) статский советник Эрнест Пецольд (1862–1940) состоял инспектором Коммерческого училища в Рыбинске с годовым окладом 2500 руб. (Об этом выдающемся педагоге см. [6]).

Трудились инославцы и в учреждениях здравоохранения. Должность губернского фармацевта в 1910–1911 гг. занимал надворный советник лютеранин Г. Бредрих. Ординаторами губернской земской больницы состояли коллежские советники лютеране И. Виллерт (1871–?) и Г. Фальк (1855–1924) [7]; в психиатрическом отделении той же больницы служил коллежский советник лютеранин Ю. Мнишке; аптекой при больнице заведовал их единовец А. Буркевич.

Еще одним местом службы инославцев была казенная Московско-Ярославская железная дорога. Так, начальником службы пути на станции Ярославль работал коллежский советник католик А. Лоран, начальником отделения службы движения – католик К. Кульчицкий, ревизором станции Ярославль – католик В. Рыхлинский.

Таким образом, в 1900-е гг. инославцы находили себе применение в разных сферах государственной, земской и частной службы. Если между ними и было что-то общее, то это, судя по всему, их учебная подготовка. В ту пору, когда в рядах провинциальной бюрократии встречалось еще немало людей с домашним или начальным образованием, лютеране и католики, как правило, приходили на службу с более высокой профессиональной базой. Ее неписанным минимумом был неполный курс гимназии; гораздо чаще инославцы имели за плечами полное среднее или среднее специальное образование: реальное, городское, землемерное или юнкерское училище. Весьма часто эти чиновники обладали дипломами высших учебных заведений: Петербургского, Московского, Юрьевского/ Дерптского, Варшавского, Казанского, Киевского или Харьковского университетов, Военно-медицинской академии, Академии художеств, рижского Политехнического и столичного Технологического институтов, московского Высшего технического училища. Многие инославцы закончили Демидовский лицей в Ярославле. Встречались среди них и выпускники зарубежных вузов, например, немецких и французских.

Конечно, образование не гарантировало чиновнику безбедной жизни. Однако среди четырех десятков служилых инославцев, сведения о которых содержатся в изученных нами справочниках, мужчины, получавшие скромное жалование в размере 750–900 руб. в год, встречались скорее как исключение. Типичными были оклады 1200–1500 руб.,

что в провинциальном городе 1900-х гг. обеспечивало вполне достойную жизнь. Не были единичными и оклады в 2000+ рублей. Заметим, что такое же содержание получали за службу православные коллеги лютеран или католиков. Никаких признаков дискриминации последних или, наоборот, создания им преимуществ в вознаграждении мы не обнаружили. Можно утверждать, что служилые инославцы составляли одну из заметных частей городского среднего класса, который в условиях провинциальной России неизбежно сливался с чиновничеством.

Наиболее же последовательно провозглашенная властями страны веротерпимость проявлялась среди офицеров ярославского гарнизона. Так, в 1908 г. из трех полковников расквартированного тогда в городе 11-го гренадерского Фанагорийского полка двое были католиками; двое из четырех подполковников были православными, один – католиком и один принадлежал к армяно-григорианской церкви. Врачами в этом полку служили коллежский советник католик С. Зачинский и надворный советник иудейского исповедания Б. Цимковский. Офицеры-инославцы (в том числе в чине капитана, равном современному майору) встречались и в двух резервных батальонах, стоявших в Ярославле – в 4-м саперном и 247-м пехотном.

В 1911 г. в городе размещались иные воинские части; однако и там служили офицеры-инославцы. Так, из 17 капитанов 181-го Остроленского полка трое были католиками и один – лютеранином; из 20 штабс-капитанов полка инославцами были двое. Трое лютеран служили офицерами в 46-й артиллерийской бригаде. Показательно, что директором ярославского кадетского корпуса состоял генерал-майор католик И. Латур (1853–1933). Из 16 преподавателей этого корпуса в 1908 г. пятеро были инославцами (впрочем, к 1911 г. их число сократилось до двух).

Все это не означает, что в начале прошлого века принадлежность российского государственного служащего к иным, чем православие, христианским конфессиям никак не сказывалась на его карьере. Показательно, что среди ярославских чиновников православного исповедания нет-нет, да встречаются люди, чьи *отчества* свидетельствуют о принадлежности их отцов к западному христианству: Константин Рудольфович Кистер, Сергей Августович Бергман, Евгений Германович Пленцендорф, Ардальон Христофорович Оппель. При этом *имена* таких чиновников заимствованы из синодальных святцев; вероятно, они первыми в своей семье приняли крещение по православному обряду. Конечно, мотивы такого поступка могли быть различными, однако желание человека, избравшего для себя казенную службу, избежать возможных карьерных затруднений нельзя исключать.

Это предположение, надо полагать, справедливо и для тех православных чиновников, чье давнее родство с инославцами выдает только фамилия: Владимир Николаевич Бернштейн, Николай Владимирович Бауэр, Владимир Александрович фон-Цур-Милен, Георгий Георгиевич Юргенсон, Александр Александрович Энгель-Брехт, Василий Васильевич Шпеер, Сергей Васильевич фон-Ховен. В православие перешли уже как минимум их отцы. Наконец, принимать православие, чтобы избежать жизненных затруднений, приходилось и выходцам из иудейских семей: без такой смены веры Григорий Самуилович Фельдштейн (1868–1930?) вряд ли смог бы на исходе 1880-х гг. поступить в Московский университет и в 1904 г. получить в Демидовском лицее место магистра уголовного права с профессорским окладом.

Библиографический список

1. Памятная книжка Ярославской губернии на 1906 год / сост. С.Н. Беллерт. Ярославль: Типография Губернского правления, 1906. 759 с., разд. паг.
2. Справочная книга Ярославской губернии на 1908 год / сост. А.П. Морозов. Ярославль: Типография Губернского правления, 1908. 145 с.
3. Справочная книга Ярославской губернии на 1909 год / сост. А.П. Морозов. Ярославль: Типография Губернского правления, 1909. 151 с.
4. Справочная книга Ярославской губернии на 1910 год. Ярославль: Типография Губернского правления, 1910. XII+171 с.
5. Справочная книга Ярославской губернии на 1911 год. Ярославль: Типография Губернского правления, 1910. XLI+216 с.
6. <https://daz.asia/ru/e-petsold-sperva-lyubit-potom-uchit/> (дата обращения: 18.01.2026).
7. <https://yarwiki.ru/article/3052/ulica-duhovskaya-respublikanskaya-chast-v-kvartal-34>.

В.А. Тулянов,

доцент, Государственный университет просвещения (Москва)

ПРАВОСЛАВНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА О ПРИЧИНАХ ВОЙНЫ В КОРЕЕ (1950–1953 гг.)

Аннотация. В 1950-е гг. в публикациях рубрики «В защиту мира» «Журнала Московской Патриархии» проявляется усиление внимания к событиям, связанным с конфликтом в Корее. Православные публицисты выделяют два типа причин начала войны в Корее: политическую борьбу Востока и Запада, мальтузианство, неоколониализм и неофашизм, а также теологическое осмысление происходящего как битвы добра и зла. Особенностью публикаций является использование характерных лозунгов советской пропаганды и строгая цензура, что влияет на восприятие материала.

Ключевые слова: война в Корее, православная публицистика, «Журнал Московской Патриархии», Русская православная церковь.

V.A. Tulyanov,

Associate professor, State University of Education (Moscow)

ORTHODOX PUBLICISM ON THE REASONS FOR THE KOREAN WAR (1950–1953)

Abstract. In the 1950s, the "In Defense of Peace" section of the "Journal of the Moscow Patriarchate" began to focus more on the events surrounding the Korean conflict. Orthodox publicists identified two main reasons for the outbreak of the Korean War: the political struggle between East and West, Malthusianism, neo-colonialism, and neo-fascism, as well as the theological interpretation of the conflict as a battle between good and evil. The publications were characterized by the use of Soviet propaganda slogans and strict censorship, which influenced the way the material was presented.

Key words: The Korean War, Orthodox journalism, The Journal of the Moscow Patriarchate, and the Russian Orthodox Church.

Международное движение сторонников мира начало свою деятельность в 1949 г., когда 20 апреля в Париже открылся Всемирный конгресс сторонников мира [7, с. 91]. Еще 17 марта патриарх Алексий (Симанский) обратился в Совет по делам РПЦ (СДРПЦ) с вопросом о возможности участия представителей Русской православной церкви (РПЦ) в этом конгрессе. Положительный ответ был получен в начале апреля, РПЦ было позволено отправить на конгресс своих представителей.

Выбор пал на митрополита Николая (Ярушевича), председателя отдела внешних церковных сношений Московской патриархии. На конгрессе в Париже митрополит Николай был избран в состав постоянного комитета Всемирного совета мира, а по возвращении в Москву он, вместе с патриархом Алексием, стал членом Советского комитета мира [11, с. 93]. Появившуюся уже в мае рубрику «В защиту мира» «Журнала Московской Патриархии» (ЖМП) также было поручено вести митрополиту Николаю [9, с. 181]. С началом войны в Корее (25 июня 1950 г.) – первого «горячего» конфликта «холодной войны» – материалы ей посвященные стали появляться на страницах ЖМП в указанной рубрике. В рамках данной статьи мы проанализируем материалы рубрики «В защиту мира», посвященные причинам войны в Корее.

Говоря по существу, стоит прежде всего указать на то, что причины войны в проанализированных материалах указаны максимально обобщенно и без какой-либо конкретики. Условно их можно разделить на причины политического характера и теологического.

К причинам политического характера могут быть отнесены: 1. противостояние капиталистических стран и СССР после окончания Второй мировой войны; 2. мальтузианские идеи некоторых западных лидеров (стремление сократить численность населения Земли); 3. неоколониализм (стремление развитых стран Западной Европы и США подчинить своему влиянию развивающиеся страны); 4. неофашизм; 5. попытки развязать Третью мировую войну. Обратимся к интерпретации этих причин православными публицистами более подробно.

Первую причину как основную в своей статье выделяет архиепископ Минский и Белорусский Питирим (Свиридов). Свое изложение он начинает с того, что советский «народ-богатырь» в тяжелой и кровопролитной войне одержал победу над «гитлеровскими захватчиками». По прошествии пяти лет с окончания Великой Отечественной войны, Советское государство «успешно заживает раны, нанесенные врагом; уже неузнаваемо преобразилось лицо нашей страны». Однако, рост и процветание «нашей Родины – СССР» «не по нутру всем капиталистам», которые недовольны результатами Второй мировой войны и усилением роли страны Советов на мировой арене. На протяжении первых послевоенных лет они наращивали вооружение направленное «против нашей мирной страны, против стран народной демократии» и наконец перешли к прямой агрессии в Корее [8, с. 22–23]. Таким образом, война в Корее представляется автору как война неконкретизированных «капиталистов» (понятно, что за этим термином скрываются США и их союзники) против СССР и стран «народной демократии» с целью пересмотреть итоги Второй мировой войны.

О второй причине пишет митрополит Новосибирский и Барнаульский Варфоломей (Городцев). В самом начале статьи он отмечает, что «источником общей тревоги является воинственная политика новых претендентов на мировое господство, стремящихся ... уменьшить население земного шара при помощи атомных бомб и других, невиданных ранее, орудий уничтожения жизни». Вновь прямо не называются «претенденты на мировое господство», но по контексту изложения становится понятным, что имеются в виду, в первую очередь, США. Хотя сам термин «мальтузианство» в статье и не упоминается, ясно, что эти «претенденты» являются, с точки зрения автора, последователями идей Томаса Мальтуса (1766–1834) об ограничении численности населения Земли, сократить которое пытаются за счет «мирных жителей Корейского полуострова» [1, с. 6].

О неокOLONIALИЗМЕ как причине войны в Корее пишут профессор Московской духовной академии Н.П. Доктусов и настоятель Свято-Троицкого храма в Тбилиси протоиерей Мелхиседек Хелидзе. Оба автора указывают, что стремление «сильных государств» к эксплуатации «малых народов» вызвано лишь желанием «наживы»: «в целях захвата чужих земель, в целях порабощения малых народов, в настоящее время сильные государства вторгаются в пределы малых народов» [5, с. 10], «стремление к мировому господству, к захвату рынков и колоний, к наживе, к эксплуатации человека и целых народов» [10, с. 12]. Если Хелидзе, как и выше цитированные авторы, не называет прямо агрессоров, то Доктусов пишет: «кичащиеся своею силой, растленные ненасытным обогащением крупные дельцы США вторглись в небольшую Корею и там хозяйничают, не считаясь ни с волей народа, ни с его национальным достоинством» [5, с. 10]. По сути, это первое прямое указание на США как агрессора. До этого в статьях встречалось лишь размытое понятие «капиталисты» и сходные с ним по смыслу.

Неофашизм как основная причина войны назван в статье советского журналиста и многолетнего сотрудника ЖМП А.В. Ведерникова. Он считает, что «эта опасность [имеется в виду война в Корее] надвигается на нас из темных глубин недр современного неофашизма». Прямо автор указывает на неофашистские взгляды современных американских элит и их желание с помощью развязывания новых войн решить проблему перенаселения Земли, что сближает взгляды Ведерникова с выше цитированным митрополитом Варфоломеем: «неофашизм убеждает, что статистические данные американского государственного департамента называют угрожающие последствия развития человечества: перенаселение, голод в громадных масштабах, и что только массовое уничтожение в современных войнах может создать необходимую разрядку» [4, с. 21].

Таким образом, уничтожение корейцев-«недочеловеков» современными американцами-«неофашистами» с целью предотвращения перенаселения Земли и стало причиной начала войны в Корее.

И наконец последнюю из обозначенных причин выделяют доцент Ленинградской духовной академии А.Ф. Шишкин и все тот же Ведерников. Оба автора сходятся во мнении, что война в Корее, «усиленно раздуваемая англо-американскими Атиллами» [12, с. 29], «обозначила зловещий призрак третьей мировой войны, которая обещает быть еще более жестокой и опустошительной, чем вторая» [3, с. 8]. Однако целей, которые преследуют «англо-американские фашисты» [12, с. 33] пытаясь развязать новую мировую войну ни один из авторов не называет.

Прежде чем перейти к анализу причин теологического характера укажем, что в наиболее ранних публицистических материалах (особенно в номерах ЖМП за 1950 г.) виновниками начала войны назывались «капиталисты», «капиталистические страны» и т.п., однако уже в 1951 г. от этих терминов отказываются, заменяя их на «Атилл», «фашистов»/«неофашистов», «крупных дельцов» и т.п., что, очевидно, связано с активным вовлечением РПЦ в работу Всемирного совета мира и участием ее представителей во Втором всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве (1950 г.) и Венском конгрессе в защиту мира (1952 г.), и, чтобы не оскорбить своих идейных союзников по миротворческому движению – выходцев из капиталистических стран – наименование агрессоров претерпело изменение. Кроме того, нельзя не упомянуть наличие в проанализированных материалах огромного количества штампов советской государственной пропаганды («агрессивные планы НАТО», «звериный оскал империализма», «политика большой дубинки», «загнивающий капитализм», «братская рука помощи» и т. п.), что разумеется стоит рассматривать как результат цензуры со стороны СДРПЦ и Главлита и желания использовать ЖМП в качестве канала государственной пропаганды.

Теперь обратимся к теологическим причинам войны в Корее, к которым отнесены борьба с «мировым злом», «силами зла» и «слугами дьявола». Об этом, в частности, говорит уже упоминавшийся Ведерников, в том числе, в материале написанном под псевдонимом «А. Крашенинников».

Основная идея автора заключается в следующем: в мире идет борьба между представителями мирового христианства («силами добра») и «поджигателями войны» («силами зла»). Если первые (речь идет не только о православных, а о всех ветвях христианства) борются за «мирную жизнь на Земле» и «идеалы Христа Спасителя», то вторые «угрожают истребить на Земле творение Божие», т.е. жизнь вообще.

Примечательно, что «поджигатели войны» и «силы мирового зла», под которыми явственно подразумеваются США и их союзники, при своем декларируемом христианстве, Ведерниковым характеризуются как «слуги дьявола», пришедшие в мир с целью «разжигания новой мировой войны, с угрозой истребления народов атомной бомбой». Победа над «мировым злом» автору видится возможной, но скорее даже не на полях сражений войны в Корее, а через «преобразование всей жизни в духе евангельской любви и правды», чтобы «силам зла» и «слугам дьявола» не осталось места, где они могли бы укрыться и вынашивать замыслы по уничтожению мира [2; 6].

Итак, вопрос о причинах войны в Корее православными публицистами решался по-разному – от противостояния капиталистических стран и СССР после окончания Второй мировой войны до борьбы с «мировым злом». Однако главным нашим выводом стало обнаружение в публицистических статьях огромного количества штампов советской государственной пропаганды, что является ярким свидетельством влияния цензуры на ЖМП в рассматриваемые годы.

Библиографический список

1. *Варфоломей (Городцев), митр.* Первый шаг к миру // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 9. С. 6–7.
2. *Ведерников А.* Испытание верности // Журнал Московской Патриархии. 1951. № 2. С. 11–14.
3. *Ведерников А.* Путь совести и благоразумия // Журнал Московской Патриархии. 1951. № 4. С. 6–11.
4. *Ведерников А.* Русская Православная Церковь за Пакт Мира // Журнал Московской Патриархии. 1951. № 10. С. 21–23.
5. *Доктусов Н.* Православная церковь и мир // Журнал Московской Патриархии. 1951. № 1. С. 8–10.
6. *Крашенинников А.* Новый вклад Церкви в дело мира // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 8. С. 24–32.
7. *Мячин С.В.* Участие Русской Православной Церкви в международном движении сторонников мира в конце 40-х гг. XX века // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2022. Вып. 3 (24). С. 91–102.
8. *Питирим (Свиридов), архиеп.* Церковный и патриотический долг // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 8. С. 22–23.
9. *Тулянов В. А.* Русская православная церковь и международное движение сторонников мира в 1949–1953 гг. (по материалам «Журнала Московской Патриархии») // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 1 (57). С. 179–201.
10. *Хелидзе М., прот.* За мир // Журнал Московской Патриархии. 1951. № 4. С. 12–13.
11. *Чумаченко Т.А.* Русская православная церковь в международном движении сторонников мира: интересы церкви и власти (1949–1953 гг.) //

Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1, История. 2008. Вып. 23. № 5 (106). С. 93–95.

12. Шишкин А. Православие и борьба за мир // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 12. С. 29–35.

УДК 930.2:271.2(091)

О.С. Удалова,

младший научный сотрудник, Ивановский государственный университет (Иваново)

МЕМУАРЫ В.М. ДОРОШЕВИЧА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ВПЕЧАТЛЕНИЙ ПРАВОСЛАВНЫХ ПАЛОМНИКОВ ОТ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ*

Аннотация. В корпусе мемуаров православных паломников, посещавших Святую Землю в XIX–XX вв., рельефно выделяются воспоминания Власа Михайловича Дорошевича, известного русского театрального критика, мастера художественного слова. Изучение его мемуаров позволяет составить яркую, образную картину впечатлений православных паломников, посещавших Палестину на рубеже позапрошлого и прошлого столетий.

Ключевые слова: православные паломники, мемуары, Святая Земля, Палестина, Дорошевич.

O.S. Udalova,

Junior Researcher, Ivanovo State University (Ivanovo)

MEMOIRS OF V.M. DOROSHEVICH AS A SOURCE FOR THE STUDY OF ORTHODOX PILGRIMS' IMPRESSIONS FROM THE HOLY LAND

Abstract. Among the memoirs of Orthodox pilgrims who visited the Holy Land in the 19th and 20th centuries, the recollections of Vlas Mikhailovich Doroshevich, a renowned Russian theater critic and master of literary expression, stand out prominently. A study of his memoirs allows us to create a vivid, imaginative picture of the impressions of Orthodox pilgrims who visited Palestine at the turn of the 19th and 20th centuries.

Key words: Orthodox pilgrims, memoirs, Holy Land, Palestine, Doroshevich.

© Удалова О.С., 2026

* Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием Ивановского государственного университета в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» FZZM-2025-0001.

Среди значительного числа мемуаров паломников, посещавших Святую Землю на рубеже XIX–XX вв., особый интерес представляют воспоминания Власа Михайловича Дорошевича – известного русского театрального критика, журналиста, публициста и мастера фельетонов. Для большинства исследователей жизненного пути и творчества В. Дорошевича его фигура представлялась неотделимой от истории русского театра. В частности, Александр Кугель – другой знаменитый участник театральной жизни того времени, в предисловии к своему сборнику вспоминал, что В. Дорошевич был «...учтивейший маркиз московского театрального Трианона... Блестящий, остроумный, всегда любезный, с нескрываемым презрением относящийся к педантам и «специалистам» театральной критики», которые, по его мнению, только и мечтали о том, чтобы «обесценить радостное обладание театром» [5, с. 6].

Писательский талант В. Дорошевича обнаружился еще в юные годы – в период обучения в московской гимназии, в которую он был принят в 1872 г. Он являлся репортером «Московского листка», «Петербургской газеты», а также составлял юмористические заметки в журнал «Будильник». Довольно точную характеристику творческого пути В. Дорошевича составил его друг и коллега А.В. Амфитеатров. По его мнению, в жизни Власа Михайловича было пять основных этапов, а именно: «московский подготовительный (мелкое репортерство и работа в юмористических журналах), московский фельетонно-хроникерский («За день», в «Новостях дня» и «Московском листке»), одесский... петербургский... третий московский» [1, с. 499]. В свою очередь, период, именуемый А.В. Амфитеатовым «третьим московским», был полностью связан с газетой «Русское слово». В. Дорошевич являлся авторитарным диктатором этого самой популярного и распространенного периодического издания, выходившего накануне революции. Его имя прочно вошло в мир московской журналистики на рубеже XIX–XX вв.

Между тем, наследие В. Дорошевича не представляется возможным охарактеризовать как исключительно журналистское: в XXI столетии интерес к его творчеству вспыхнул с новой силой, его много цитировали и изучали. Можно заключить, что сбылось предсказание К.И. Чуковского о том, что «...возможно...теперь произведения Дорошевича ожили бы снова – для современных читателей» [3, с. 6].

Простоту и значительность и, вместе с тем, «полнокровную любовь» к искусству, отличавшие творчество «романтика сцены» В. Дорошевича, отмечали практически все современники. В связи с этим, его воспоминания о путешествии в Святую Землю рельефно выделяются среди других паломнических мемуаров русской интеллигенции конца XIX – начала XX в. В первую очередь, их отличает необычайная выра-

зительность, образность изложения, формирующие ассоциативное поле читателя и позволяющие с точностью воссоздать всю гамму впечатлений паломника. Вместе с тем, язык писателя не изобилует сложными лексемами – он является простым и понятным, тем самым, очень привлекательным для аудитории.

Мемуары Власа Дорошевича – «В Земле Обетованной (Палестина») были изданы в 1900 г. в типографии известного книгоиздателя И.Д. Сытина, с которым автор сблизился в период тяготения к народной жизни в своей творческой деятельности. Упомянутая выше газета «Русское слово», редактируемая В. Дорошевичем в период с 1902 г. вплоть до революции 1917 г., также принадлежала И.Д. Сытину.

Мемуары В. Дорошевича представляют собой путевые заметки, составленные в период путешествия в Святую Землю. Они состоят из 36 небольших по объему глав, каждая из которых, в свою очередь, представляет собой завершенное художественное описание святынь вселенского христианства, которые посетил автор. Несомненным преимуществом воспоминаний является обилие иллюстраций, формирующих более полное представление читателей о паломническом маршруте, наиболее почитаемых христианских святынях, а также о тех трудностях, с которыми приходилось сталкиваться поклонникам на пути в Святую Землю.

Несмотря на то, что по роду своей профессиональной деятельности В. Дорошевич являлся театральным критиком, описания Святой Земли в его тексте носят преимущественно положительный характер. По всей вероятности, с одной стороны, это определялось нелюбовью автора к «критиканству» в целом [5, с. 6], «красной нитью» проходившей через все его творчество, в том числе – присутствовавшей в описаниях Святой Земли. С другой стороны, отсутствие негативных оценок определялось восхищением автора от посещения Ближнего Востока, знакомства с чуждой ему культурой и бытом местного населения. Наконец, принадлежность В. Дорошевича к театральному миру, «полнокровная» любовь к этому высокому искусству [6, с. 8], глубоко проникшая в его сердце, определяла поэтичность, певучесть писательского языка, в котором положительные, восхищенные оценки окружающей действительности неизменно преобладали над отрицательными. Мемуары В. Дорошевича позволяют составить комплексную картину ощущений православного паломника при посещении святых мест Палестины на рубеже XIX – начале XX в. На страницах воспоминаний автора ярко и образно отражены цветовые, звуковые, вкусовые впечатления от посещения Святой Земли, читатель может буквально «вдохнуть» запахи Палестины вместе с писателем.

Как уже отмечалось выше, специфика авторского изложения, определяемая особенностями его чувственного восприятия, в первую очередь, состояла в акцентировании внимания читательской аудитории на запахах и цветах Палестины. Красочные описания последних составляли поистине увлекательное чтение, переносящее читателя в мир Ближнего Востока, сочетавшего в себе бескрайность моря и неба, яркость палящего солнца, пестроту базаров и одежд местных жителей.

Повествование В. Дорошевича с первых строк погружает читателя в экзотический и незнакомый, солнечный и пропитанный зноем мир Ближнего Востока, вечерняя тишина которого напоена сладостью фруктовых садов: «День тихо умирал. Ни шороха, ни звука. Раскаленный, знойный воздух, золотистый от лучей заходящего солнца, напоен ароматом цветущих апельсиновых и лимонных садов» [4, с. 3]. Таким образом, Святая Земля в повествовании В. Дорошевича предстает перед читателем как диковинный, постепенно узнаваемый русским паломником мир, сочетавший в себе благоухание ароматов, новизну местной колористики и звуков.

В целом характеристики основных точек паломнического маршрута, которые преодолевали православные поклонники, у В. Дорошевича совпадают с другими авторами, посещавшими Святую Землю. Аналогично им, он подчеркивает свежесть и пестроту цветущих садов Яффы, указывает на несоответствие нынешнего облика города Иерусалима его поистине великому историческому прошлому, на безжизненность и серость пустынных ландшафтов. Но каковы сами описания! Необычайно сочно передает автор всю красоту арабской ночи, в тишине которой, «...словно серебряные колокольчики, зазвенели цикады. И запела ночь, сверкая звездами, дыша ароматом» [4, с. 11]. Места поклонения православных паломников в Святом Граде В. Дорошевич именует грудями («...несметных богатств среди гор, лохмотьев, развалин и грязи» [4, с. 42], а сам Иерусалим – бесконечным «лабиринтом, полным неожиданностей» [4, с. 46]. Столь образные сравнения, личностно и эмоционально окрашенные, безусловно, придают особую художественную привлекательность мемуарам В. Дорошевича.

Традиционно Ближний Восток являлся местом паломничества православных верующих из России, так как именно здесь находились главные святыни христианства, связанные с земной жизнью Иисуса Христа, Божией Матери, целого ряда христианских святых [4, с. 29]. В свою очередь, в тексте В. Дорошевича присутствуют упоминания христианских святынь, либо отсутствующих в мемуарах других паломников, либо встречающиеся сравнительно редко. К их числу следует отнести могилу Георгия Победоносца, находившуюся в Лидде –

маленьком городке, расположенном неподалеку от Рамле, местным преданием о котором автор тут же захватывает внимание читателя, подчеркивая, что имя Георгия Победоносца «окружено таким же ореолом в глазах мусульман, как и в глазах христиан» [4, с. 19].

Повествование В. Дорошевича в целом изобилует отсылками как к местным преданиям и легендам, так и к Священной истории, к некоторым сюжетам которой автор демонстрирует глубоко личностное отношение. В частности, глава IX мемуаров посвящена Гефсиманскому саду, где произошло моление Христа о чаше, с одной стороны, иллюстрировавшее собой торжество неизбежности Божьей воли, с другой – проявление человеческой природы Иисуса Христа через желание избежать крестных страданий. В. Дорошевич подчеркивал, что Спаситель был пленен на том самом месте, которое он очень любил, после молитвы в ночь, когда все кругом было погружено в сон: «не спали...только ненависть и любовь» [4, с. 59]. Описывая Гефсиманский сад, автор сокрушался о том, что этому священному месту не дали уцелеть в его первоначальном виде, когда здесь молился Искушитель мира, однако, делал это в свойственной ему, нерезкой манере изложения: «Около каждого дерева разбита клумба цветов, и каждая клумба окружена каменной оградой. Словно витрины. Дорожки, мощенные камнем. Все это производит впечатление банальной, шаблонной рамы, в которую зачем-то вставили картину дивной, редкой, божественной красоты [4, с. 61]. Автор подчеркивал своего рода, статичность палестинской природы, которая в дни Спасителя ничем не отличалась от той, которую лицезрели паломники, прибывавшие в Святую землю на рубеже XIX–XX вв.: «Тогда была такая же тихая, холодная, звездная весенняя ночь Палестины. И нежный аромат цветов поднимался к небу, как тихая молитва Гефсиманского сада» [4, с. 65]. Именно после этой молитвы свершилось роковое предательство Спасителя через поцелуй Иуды, по образному выражению В. Дорошевича, отравившего «...сомнением все поцелуй мира» [4, с. 64].

Наряду с отсылками к Священной истории, специфичным для повествования В. Дорошевича является акцентирование внимания читательской аудитории на некоторых, весьма неприятных особенностях жизни ближневосточного населения. К числу таковых относились грязь на улицах городов, а также в жилищах местных жителей, антисанитарные бытовые условия, обилие калек и нищих, неизменно требовавших бакшиш (т. е. подаяние) и прокаженных. Последние в мемуарах В. Дорошевича описаны довольно обстоятельно, однако, вновь, не в ключе осуждения или критики, а, скорее, с состраданием и искренним сочувствием к этим людям, изумлением перед столь необычной формой

человеческой болезни: «Какая тяжелая, какая удручающая картина эти люди, ... эти несчастные, эти полутрупы, еще живые, еще чувствующие, ...выкинутые в городскую клоаку» [4, с. 172].

Подводя итоги рассмотрению вопроса о мемуарах Власа Михайловича Дорошевича как источнике по изучению впечатлений православных паломников от путешествия в Святую Землю, следует отметить, что воспоминания известного театрального критика своего времени, «ревнителя театра», мастера художественного слова рельефно выделяются в корпусе паломнических мемуаров конца XIX – начала XX в. благодаря необычайной образности, яркости, самобытности писательского изложения. Автор не только красочно описывает весь комплекс цветовых, звуковых, вкусовых впечатлений паломников, а также запахи Святой Земли, но также фиксирует места поклонения христианским святыням, о которых не упоминали другие авторы. Обращаясь к местным легендам и преданиям, а также событиям Священной истории, В. Дорошевич демонстрирует глубоко личностное отношение к ним, вызывая, тем самым, неподдельный интерес читательской аудитории.

Библиографический список

1. *Амфитеатров А.* Дорошевич // Антология Сатиры и Юмора России XX века. Т. 48 // Влас Дорошевич: сборник произведений. 2006. 509 с.
2. *Балдин К.Е.* Русские православные паломники и греческая церковь в Палестине во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 4 (15). С. 29–42.
3. *Букчин С.В.* Ревнитель театра // Театральная критика Власа Дорошевича / сост., вступ. статья и коммент. С.В. Букчина. Мн.: Харвест, 2004. 864 с.
4. *Дорошевич В.* В Земле Обетованной (Палестина). М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1900. 232 с.
5. *Кугель А.* Предисловие // Дорошевич В.М. Старая театральная Москва. Пг.; М., 1923. 174 с.
6. *Ямпольская Е.* О «Старом Москвиче» ala Влас Дорошевич (По страницам театральных очерков) // Театральная жизнь. 1991. № 21.

Д.М. Черниковский,

профессор, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова

УЧАСТИЕ В ЦЕРКОВНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ЕПАРХИИ ЗОДЧИХ ИЗ ДРУГИХ РЕГИОНОВ

Аннотация. Приводятся архивные сведения об авторах церковных построек рубежа XIX–XX вв. на территории Владимирской епархии – архитекторах из других регионов. Используются протоколы совещательного присутствия техников строительного отделения и проекты отдельных построек.

Ключевые слова: церковные постройки, архитекторы, проекты, протоколы совещательного присутствия техников.

D.M. Chernikhovskii,

Professor, St. Petersburg State Forestry Engineering University
named after S.M. Kirov

PARTICIPATION OF ARCHITECTS FROM OTHER REGIONS IN CHURCH CONSTRUCTION ON THE TERRITORY OF THE VLADIMIR DIOCESE

Abstract. Archival information about the authors of church buildings at the turn of the 19th–20th centuries on the territory of the Vladimir Diocese, architects from other regions, is provided. The protocols of the consultative presence of the construction department technicians and the projects of individual buildings were used.

Key words: church buildings, architects, projects, protocols of the advisory presence of technicians.

Дореволюционная архитектура Владимирской области в первую очередь известна памятниками владими́ро-суздальского зодчества – выдающимися произведениям мировой и отечественной культуры. Стоит отметить, что среди относительно поздних церковных построек также имеются примечательные в архитектурном и историческом отношении объекты. Но сведения об архитекторах и истории строительства церквей, возведенных на рубеже 19–20 столетий, пока недостаточно отражены в литературе. Ценными источниками информации о постройках периода 1870–1917 гг. могут служить протоколы заседаний Совещательного присутствия техников строительного отделения Владимирского губернского правления. Большая часть церковных построек Владимирской губернии возведена по проектам местных зодчих –

епархиальных, губернских и городских архитекторов, губернских инженеров и специалистов строительного отделения. Их биографии и творческое наследие достойны подробного изучения. В данной статье приводятся сведения об участии в местном храмостроительстве архитекторов из других регионов (преимущественно из Москвы и Московской губернии).

К наиболее ярким произведениям церковного искусства предреволюционных десятилетий принадлежат несколько храмов, построенных известными российскими архитекторами по заказам местных промышленников. Проект трёхпрестольной Георгиевской церкви при Гусевской фабрике гофмейстера Высочайшего Двора Ю.С. Нечаева–Мальцева в Меленковском уезде, был выполнен петербургским зодчим – академиком архитектуры **Леонтием Николаевичем Бенуа** [1, л. 121–127 об.]. В оформлении церкви участвовали выдающиеся деятели отечественной культуры – художник В.М. Васнецов, мастера мозаики А.Н. и В.А. Фроловы, а также специалисты мозаичной мастерской Академии Художеств. Планы этажей и изображения фасадов храма с кратким пояснением архитектора опубликованы в журнале «Зодчий» [2, с. 8. Илл. 1, 2, 6, 36, 59]. Каменную церковь во имя Преображения Господня в Иваново-Вознесенске спроектировал **Александр Степанович Каминский** по заказу фабриканта Мефодия Никоновича Гарелина [3, л. 363–374]. Проекты церкви и иконостаса опубликованы в Художественном сборнике работ русских архитекторов [4]. Уничтоженная в 1937 г. Спасская церковь в Иваново-Вознесенске была спроектирована и построена **Фёдором Осиповичем Шехтелем** по заказу фабриканта Александра Ивановича Гарелина [5]. Данный храм представлял собой яркий памятник, в котором гармонично сочеталось несколько направлений – архитектура, живопись и декоративно-прикладное искусство. Сохранились фотографии и чертежи фасадов и интерьеров храма, а также отдельных предметов церковной утвари, подтверждающие высокое мастерство художников и зодчих [6].

Церковные постройки, возведенные зодчими из других регионов, встречаются по всей территории бывшей Владимирской губернии. В соответствии с архитектурными тенденциями конца 19-го – начала 20-го столетия, к таким постройкам относятся небольшие краснокирпичные храмы и колокольни в русском стиле.

Архитектура уничтоженной в 1930 г. Спасской церкви в Шувее успешно сочетала черты классицизма и русского стиля. Образцом колокольни для шувеевской церкви стала колокольня церкви Святого Великомученика Никиты на Кузнецкой улице в Москве. Архитектором, спроектировавшим новую колокольню и перестройку Спасской церкви в 1866 г. стал **Николай Иванович Финисов** [7].

Проект каменной церкви в имении «Пустынки» при Выползовой слободке Переславского уезда (Ярославская обл., Переславский р-н, с. Новоалексеевка) разработал московский архитектор **Константин Викторович Терский** [8, л. 79–80].

Ярким и незаурядным выглядит восстанавливаемый в настоящее время храм Бориса и Глеба, построенный по проекту академика Императорской Академии художеств **Владимира Васильевича Сулова** в сельце Воскресенском Переславского уезда (Ярославская обл., Переславский р-н, с. Новоселье) [9, л. 199–201]. Пирамидальный объем здания с высоким шатровым завершением окружён галереями с входным крыльцом. Автор предполагал устройство специальных крестов «Они проектированы стеклянные в медной оправе, причем стекла назначены в форме призм со скошенными по концам углами. Эффект, получающийся от разложения света в призмах на цвета радуги, даст крестам чрезвычайно богатый вид...». Проект церкви опубликован в журнале Зодчий [10, л. 53].

В с. Заполицы Суздальского района расположена недавно отреставрированная краснокирпичная Казанская церковь, декорированная в стиле русской архитектуры 17-го века. Церковь построена на средства московского купца, выходца из местных крестьян Николая Ивановича Силуанова по проекту московского архитектора **Дмитрия Николаевича Чичагова** [11].

Алекسانдро-Невская церковь на Михайловой стороне Суздаля (территория частного общеобразовательного учреждения «Православная средняя общеобразовательная школа им. святителя Арсения Элассонского») заметно отличается от традиционных суздальских храмов. Это небольшой храм-усыпальница крестообразной формы, увенчанный центральным куполом с шатром и боковыми декоративными главками. Фасады здания выполнены в лицевой кладке и богато декорированы в русском стиле. Проект церкви-часовни был изначально разработан нижегородским архитектором **Илиодором Геннадьевичем Хвориновым**, затем дополнен епархиальным архитектором Н.Д. Корицким [12, л. 164–165 об.].

Сказочно нарядную и пышно декорированную в стиле московского узорочья церковь Святой Александры в имении полковника В.С. Храповицкого в Судогодском уезде спроектировал и построил московский архитектор **Пётр Самойлович Бойцов** [13].

Трёхпрестольный храм Зосимовой пустыни (Владимирская область, Александровский район, п/о Плеханы) и колокольню пустыни Святого Параклита в Александровском уезде (Московская область, Сергиево-Посадский район, посёлок Смена) спроектировал лаврский архитектор **Александр Афанасьевич Латков** [14, л. 121, 121 об.].

Небольшая церковь в д. Головине Покровского уезда (Петушинский район, с. Головино) была построена по проекту московского архитектора **Никиты Фёдоровича Кольбе** [15].

Строительство каменной часовни в деревне Дровосеково Покровского уезда (Московская обл., Орехово-Зуевский г.о., д. Дровосеки) с последующей её перестройкой в церковь выполнено по проектам академика архитектуры **Николая Дмитриевича Струкова** [16].

В д. Санино Покровского уезда (Петушинский р-н, с. Санино) была построена небольшая шатровая церковь во имя Черниговской Пресвятой Богородицы по проекту московского архитектора **Георгия Александровича Кайзера**. В протоколе рассмотрения проекта церкви отмечено: «Составленный проект подобной церкви таких же размеров рассмотрен и утвержден Московским Губернским Правлением в 1894 г. и в том же году вышеозначенная церковь выстроена под его, Кайзера, наблюдением в Москве, в Петровском парке во имя Святого Митрофания» [17, л. 343–344 об.].

Ярким и оригинальным памятником в неорусском стилес элементами псковско-новгородского зодчества является соборная Казанская церковь Святозерской Иверской пустыни Гороховецкого уезда (Ивановская обл., Южский р-н, с. Мугреевский), рассчитанная на 750 человек. Автором проекта был московский архитектор **Дмитрий Петрович Сухов** [18, л. 188–189].

Лаконичная по декору и уравновешенная по объемам Успенская церковь в Петушках хорошо просматривается с федеральной трассы М-7. Проект церкви в д. Старые Петушки Покровского уезда, составленный архитектором **Иваном Ивановичем Мочаловым**, был утвержден 12 июня 1904 г. [19, л. 244]. Примечательно, что храм с момента освящения в 1910 г. никогда не закрывался и многие элементы ценного и высокохудожественного внутреннего убранства, сохранились.

Воскресенский собор в Шуе в 1912–1914 гг. был перестроен и расширен по проекту архитектора **Ильи Евграфовича Бондаренко**. Архитектор применил передовые строительные технологии и материалы для существенного увеличения внутреннего пространства и постарался сохранить стиль фасадов храма, построенного в конце 18-го века [20].

В протоколах совещательного присутствия техников также упоминаются и другие архитекторы: **Иван Дмитриевич Боголепов** (проект колокольни в с. Переборове Суздальского уезда); **Аршак Исаевич Саламбеков** (проект приделов к церкви при Карабановской фабрике товарищества Баранова в Александровском уезде; расширение церкви в с. Семеновском-Шуйском Александровского уезда), **Борис Викторович Фрейденберг** (проект галереи при Федоровском женском монастыре в Переславле), **Адольф Эрнестович Эрихсон** (перестройка зимней

церкви в с. Симе Юрьевского уезда), академик архитектуры **Александр Петрович Попов** (распространение трапезы и устройство приделов при храме с. Палашкина Владимирского уезда), академик архитектуры **Сергей Устинович Соловьёв** (внутренняя отделка церкви с. Орехова Покровского уезда), **Владимир Викторович Иордан** (ремонт и отделка Владимирского собора в Переславле-Залесском), **Лев Николаевич Кекушев** (отделка церкви в с. Карабанове Александровского уезда), **Владислав Осипович Грудзин** (проект каменной колокольни с распространением паперти церкви в с. Гарь Покровского уезда; сейчас Московская обл., адм. тер. Орехово-Зуево, д. Гора), **Иван Михайлович Васильев** (проект каменной церкви в м. Никольском Покровского уезда; сейчас г. Орехово-Зуево), **Константин Николаевич Дуванов** (проект церкви с колокольней в с. Суромне Владимирского уезда), **Николай Александрович Тютюнов** (расширение храма в с. Иванисове Переславского уезда, технический надзор за строительством деревянной старообрядческой церкви в местечке Дулево по проекту В.Н. Пясецкого).

Некоторые из упомянутых зодчих – признанные мастера и авторы значительного количества построек, о некоторых практически нет сведений. Вклад частнопрактикующих архитекторов из других регионов в местное храмостроение стоит оценивать критически – порой они участвовали в малозначительных работах (ремонтах, расширениях трапезных, надстройках колоколен), порой результаты их деятельности не сохранились. Установление авторства церковных построек важно для изучения истории и особенностей формирования местных архитектурных традиций, уточнения биографических сведений об архитекторах, краеведческих изысканий.

Библиографический список

1. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 40. Оп. 1. Д. 18442.
2. *Бенуа Л.* Церковь на 2000 человек при Гусевских фабриках Ю.С. Нечасва-Мальцева // Зодчий. 1893.
3. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18256.
4. Художественный сборник работ русских архитекторов / собран и изд. А.А. Нетькса; под ред. А.С. Каминского. М., 1890–1891.
5. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 4090.
6. Церковь Спаса Всемилоственного в г. Иваново-Вознесенске. М., 1903. [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.cntb-sa.ru/node/2703> (дата обращения: 11.01.2026).
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 137. Оп. 1. Д. 147, 528.
8. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18256.
9. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18300.
10. Зодчий. 1893.

11. *Батурин В.* Закладка каменного храма в честь Казанской иконы Божией Матери в селе Заполицах, Суздальского уезда // Владимирские епархиальные ведомости. 1894. № 20. С. 511–517. Отдел неофициальный.

12. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18513.

13. *Барченкова О.Б.* Из истории строительства церкви во имя Святой Мученицы Царицы Александры // Муромцево. Между минувшим и грядущим: научно-популярный альманах / М.Е. Родина [и др.] Вып. 3; ГВСМЗ. Владимир, 2016. С. 108–117.

14. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18513, л. 449–450 об.; ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18883.

15. *Асдоницкий А.* Освящение вновь устроенной церкви в деревне Головине Покровского уезда прихода села Ивановского-Прозоровских // Владимирские епархиальные ведомости. 1885. № 23. С. 685–697. Отдел неофициальный.

16. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18941, л. 3, 3 об.; Алексей Васильевич Смирнов (биографический очерк) // Владимирские епархиальные ведомости. 1915. № 17. С. 373. Отдел неофициальный; Епархиальная хроника // Владимирские епархиальные ведомости. 1909. № 39. С. 650. Отдел неофициальный.

17. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18883.

18. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20095.

19. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1 Д. 20095.

20. Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 1. Д. 354; РГИА. Ф. 1293. Оп. 108. Д. 93.

УДК 94(47).081:2-185.4

А.А. Чукавин,

аспирант, Московский городской педагогический университет (Москва)

ДУХОВНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СМУТЫ: «МОСКОВСКИЕ ЦЕРКОВНЫЕ ВЕДОМОСТИ» О РЕВОЛЮЦИОННОМ КРИЗИСЕ (ЯНВАРЬ – СЕНТЯБРЬ 1905 ГОДА)

Аннотация. Издание последовательно интерпретировало революционные потрясения в духовно-нравственной плоскости. Показана эволюция этой позиции – от призывов к покаянию до прагматического осмысления новых политических реалий.

Ключевые слова: «Московские церковные ведомости», 1905 год, Первая русская революция, Русская православная церковь, духовный кризис, церковная публицистика, общественная мысль.

A.A. Chukavin,

Postgraduate student, Moscow City University (Moscow)

**SPIRITUAL INTERPRETATION OF THE TURMOIL:
"MOSKOVSKIE TSEKOVNYE VEDOMOSTI"
ON THE REVOLUTIONARY
CRISIS (JANUARY – SEPTEMBER 1905)**

Abstract. The publication consistently interpreted revolutionary upheavals through a spiritual and moral lens. The article traces the evolution of this stance – from appeals for repentance to a pragmatic engagement with new political realities.

Key words: "Moskovskie Tserkovnye Vedomosti", 1905, First Russian Revolution, Russian Orthodox Church, spiritual crisis, church journalism, social thought.

Публикации «Московских церковных ведомостей» в период января–сентября 1905 года демонстрируют сложную эволюцию в осмыслении революционного кризиса официальным печатным органом Московской епархии.

В январе–феврале 1905 года газета усматривала причины начавшихся революционных потрясений в духовном кризисе народа, избегая политических оценок. Так, в своей статье «О хранении заветов старины» [9], епископ Макарий (Невский), оценивая трагические события 9 января 1905 года, усматривал их причины в утрате народом христианской веры и традиций, которую он объяснял влиянием западного атеизма, социалистического утопизма, а также пролетаризацией крестьянства [9, с. 27]. Епископ видел прямую связь между традиционным семейным укладом жизни и всем государственным устройством страны [9, с. 26]. Монархия, по его мнению, воплощает собой патриархальный принцип построения семьи в масштабах всего государства [9, с. 26]. Размышления владыки Макария развивал в своей статье «Первое и главное средство спасения» [15] протоиерей А.Г. Полотебнов. По его мнению, революционный кризис может быть разрешен только во всенародном соборном покаянии, главный пример которого священник находит в историческом опыте Смутного времени [15, с. 88].

По мере разрастания революционных событий риторика издания становилась все более обличительной. В статьях священников Н.А. Любимова [8] и С.М. Маркова [10], вышедших весной 1905 года, политический протест напрямую отождествлялся с религиозным отступничеством и богоборчеством. Священник Н.А. Любимов в своем «Слове в Великий Пяток» [8] проводил аналогию между крестными страданиями Христа и современностью, заявляя, что «разумная» часть общества «снова явно распинает Сына Божия» [8, с. 173]. Протоиерей С.М. Марков

в «Речи в неделю о слепом» [10], говоря о революционерах, сравнивал их с духовно-слепыми фарисеями [10, с. 245]. Путь к разрешению ситуации оба автора также видели в глубоком покаянии и укреплении веры народа. В свою очередь, историк церкви Н.И. Кедров в статье «Мужество и сила пророка из Фесвы» [6] предлагал верующим рыцарский по духу ответ на вызовы времени. На примере пророка Илии, человека «пламенной ревности» [6, с. 316] и «огненного слова» [6, с. 316], он призывал к пробуждению в каждом христианине бескомпромиссной веры, способной дать отпор искушениям революционного времени [6, с. 318].

Решающий поворот в позиции газеты происходит в связи с Манифестом 6 августа о созыве Государственной думы. Издание, столкнувшись с неизбежностью политической реформы, перешло от рассуждения о духовных причинах революционного протеста к попытке политической агитации православных верующих. Статья «Черты христианского учения о власти и подчинении» [23] обосновывала с богословской точки зрения саму возможность ограничения власти царя народным представительством, а статья «Голос из обители преподобного Сергия» [4], объявляя царскую волю прямым проявлением воли Божией, призывала верующих к активному участию в выборах, дабы обеспечить в Думе преобладание «истинно-православных русских людей» [4, с. 371].

Перед лицом нарастающих рабочих стачек, в газете была сделана попытка ответить в духовной плоскости на требования революционеров о реформах в области трудового законодательства. В цикле статей «Труд и время его продолжительности по учению Слова Божия и святой Церкви» [18–21] лозунги о сокращении рабочего дня и увеличении зарплат оценивались как проявление греховной лени, праздности и «алчной, если можно так выразиться, жадности» [18, с. 113]. Подлинный труд представлялся в статье аскетическим служением, заповеданным ещё в раю, а его тягота – следствием грехопадения [18, с. 114].

Заметную роль в статьях газеты этого периода играет и тема продолжающейся Русско-японской войны, неудачный ход которой авторы статей начинали прямо связывать с внутренней смутой. В вышеупомянутой статье [15] священник А.Г. Полотебнов утверждал, что военные неудачи – это кара за отсутствие соборного покаяния [15, с. 89]. Священник Н.А. Любимов развивал этот тезис [8]: по его мнению, «Господь из-за беззаконий наших, не благословляет успехом нашего оружия» [8, с. 173]. Еще радикальнее звучит рассуждение протоиерея А.Г. Полотебнова в статье «Суд Божий над нами в эти дни» [16], написанной под впечатлением от новостей о результатах Цусимского сражения. По словам священника, «нас потопил Бог наш врагами язычниками»

[16, с. 253], и теперь величественная песнь «Спасителю Богу» [16, с. 253], спасшему свой народ в море и потопившему фараона, «совершенно обратно прилагается к нам» [16, с. 253].

Особое внимание на страницах издания в этот период уделялось борьбе с «лжеучителями» народа – светскими интеллигентами и революционными агитаторами. Священник Н.И. Красновский указывал, что христиан может увлечь «вихрь общественных волнений» [7, с. 273], а значит, им нужно «блюсти» [7, с. 273] себя. Статья «Возможно ли и как христианину предостеречь себя от обольстителей» [1; 2] призывала верующих к строгой интеллектуальной аскезе, советуя избегать не только прямого общения с «обольстителями» [1, с. 383], но и «политического празднословия» [1, с. 384].

В условиях общественной смуты на страницах «Московских церковных ведомостей» последовательно звучали предостережения духовенству против увлечения политической борьбой. В одной из статей [13] осуждалось «политиканство» [13, с. 373] священников, поскольку, по мнению автора, учение Христа «имеет отношение прежде всего к душе человека, к его вечному спасению» [13, с. 372] и «не определяет внешнего строя жизни» [13, с. 372]. Важной проблемой представлялось и то, что политизированный пастырь «вносит смуту в жизнь своих пасомых» [13, с. 373], затемняя «истинный свет веры Христовой» [13, с. 373]. Резкому осуждению была предана и прогремевшая в обществе статья священника Г. Петрова «Интеллигенция и духовенство», напечатанная газетой «Русское слово» в июле 1905 года [17]. В другой статье осуждался «пресловутый Гапон» [14, с. 333]. Оба священника обвинялись с богословских позиций в том, что противоречат в своей агитации догматам Церкви. На страницах газеты не раз выражалось мнение, что таких «лжеучителей» необходимо опознать и отлучить от служения на будущем церковном соборе [14, с. 333].

Революционные события 1905 года заставили авторов «Московских церковных ведомостей» с новой остротой поставить вопрос об ответственности духовенства и мирян за свидетельство о Христе. Епископ Никон (Рождественский) [11] предупреждал, что если жажда народа к слушанию душеполезных поучений останется неутолённой «по нашей же вине» [11, с. 41], то паства уйдет к отравленному атеизмом студенчеству и «лжеучителям» [11, с. 41]. Он напоминал священникам «грозное слово Господа» [11, с. 41] пророкам о пастырях, губящих овец, подчёркивая личную вину духовенства в случае утраты паствой веры [11, с. 41]. В том же ключе размышлял о христианском свидетельстве протоиерей Д. Фаворский [22], утверждая, что «более чем когда-либо необходимо в наши дни, чтобы живое Слово Божие жгло сердца людей» [22,

с. 253]. При этом, свидетельствуя о вере, Церковь, по его мнению, должна действовать «не насилием... а явлением духа и силы, убеждением, словом кротости и силою доброго примера» [22, с. 253], следуя за евангельским образом Христа [22, с. 253].

Особую актуальность призыв к миссионерской деятельности приобретал в свете новых правовых реалий – указа о веротерпимости. Один из авторов газеты [12] отмечал, что теперь пастырское учительство обретает «свое особенное значение» [12, с. 363], поскольку должно вестись в условиях открытой религиозной конкуренции [12, с. 363]. В этой ситуации пастырям следовало разъяснять основы православной веры прихожанам, чтобы удержать их в церковной ограде [12, с. 363].

Одной из ключевых проблем церковной жизни на страницах издания называлась внешняя религиозность народа [12, с. 363]. Именно поэтому, как говорилось в статье, когда «набожный, преданный своей Церкви» [12, с. 363] русский человек сталкивался за границей с атеистическими идеями, его вера, лишённая внутреннего понимания, рушилась [12, с. 363]. Вывод еще одной статьи, поднимающей эту проблему, можно назвать пророческим: когда «широким потоком польются в народ антирелигиозные и антицерковные учения» [12, с. 363], «детская, простая вера нашего народа» [12, с. 363], если она останется лишь внешней, «легко может рушиться» [12, с. 363]. Единственным противодействием против внешней религиозности и обрядоверия авторы видели систематическое духовное просвещение народа и в храмах, и в печати [12, с. 363].

В условиях нарастания революционного кризиса на страницах газеты поднимались вопросы обновления богослужения. Так, в одной из статей [13] говорилось о необходимости сделать его более вразумительным и благоговейным, дабы удержать паству в лоне Церкви. Теперь, «при развитии народа», молящиеся пожелают богослужения «более осмысленного, чем прежде» [13, с. 372]. Поэтому, резкой критике подвергался формализм в богослужении: «если молящиеся плохо слышат и разбирают пение и чтение, то невольно являются только безучастными зрителями, скучают и рассеиваются» [13, с. 372], и могут уйти в секты, поскольку «там... молятся с воодушевлением, и молитва понятна и молиться не скучно» [13, с. 372].

Благосклонно газета отзывалась и на слухи о созыве Всероссийского церковного собора [5], призванного разрешить многие вопросы церковной жизни, среди которых газета называла восстановление патриаршества, участие приходского духовенства в общественных учреждениях, благоустройство прихода [5, с. 385]. Непосредственно с вопросом благоустройства прихода была связана и развернутая на

страницах газеты дискуссия о возможности выборов приходами своих пастырей [3].

Анализ публикаций «Московских церковных ведомостей» за январь – сентябрь 1905 года раскрывает, что газета последовательно оценивала революционные события как внешнее проявление глубокого внутреннего духовного кризиса всего народа – ослабления веры и отхода от традиционных устоев. Издание было аполитично и, даже признавая после Манифеста 6 августа возможность участия православных в выборах в Думу, оно видело в этом не возможность политической борьбы, а форму защиты национально-религиозных ценностей в новых исторических условиях.

Одновременно с этим, на страницах газеты созревало понимание необходимости перемен в Церкви для духовного преодоления смуты. Возможность созыва поместного собора и церковных реформ представлялась авторам газеты не развитием революции внутри церкви, а, наоборот, залогом полноценного воцерковления народа и возрождения в нем веры для преодоления духовно-нравственного кризиса.

Библиографический список

1. Возможно ли и как христианину предостеречь себя от обольстителей // *Московские церковные ведомости*. 1905. № 37.
2. Возможно ли и как христианину предостеречь себя от обольстителей // *Московские церковные ведомости*. 1905. № 40–41.
3. Вопрос об избрании приходских пастырей прихожанами и решение этого вопроса на Киевском пастырском собрании 19 октября минувшего года // *Московские церковные ведомости*. 1905. № 12.
4. Голос из обители преподобного Сергия // *Московские церковные ведомости*. 1905. № 36.
5. К предстоящему церковному собору // *Московские церковные ведомости*. 1905. № 37.
6. *Кедров Н.И.* Мужество и сила пророка из Фесвы // *Московские церковные ведомости*. 1905. № 30.
7. *Красновский Н.И., протоиерей*. Женщины как проповедницы христианства // *Московские церковные ведомости*. 1905. № 25.
8. *Любимов Н.А., протопресвитер*. Слово в Великий Пяток // *Московские церковные ведомости*. 1905. № 15.
9. *Макарий (Невский), епископ*. О хранении заветов старины // *Московские церковные ведомости*. 1905. № 3.
10. *Марков С.М., протоиерей*. Речь в неделю о слепом // *Московские церковные ведомости*. 1905. № 22.
11. *Никон (Рождественский), епископ*. Пастырские заметки // *Московские церковные ведомости*. 1905. № 4.
12. Пастырское служение // *Московские церковные ведомости*. 1905. № 35.
13. Пастырское служение // *Московские церковные ведомости*. 1905. № 36.

14. Пастырское учительство // Московские церковные ведомости. 1905. № 32.

15. *Полотебнов А.Г., протоиерей*. Первое и главное средство спасения // Московские церковные ведомости. 1905. № 8.

16. *Полотебнов А.Г., протоиерей*. Суд Божий над нами в эти дни // Московские церковные ведомости. 1905. № 23.

17. По поводу статьи свящ. Г. Петрова: «Интеллигенция и духовенство» // Московские церковные ведомости. 1905. № 31.

18. Труд и время его продолжительности по учению Слова Божия и святой Церкви // Московские церковные ведомости. 1905. № 10.

19. Труд и время его продолжительности по учению Слова Божия и святой Церкви // Московские церковные ведомости. 1905. № 14.

20. Труд и время его продолжительности по учению Слова Божия и святой Церкви // Московские церковные ведомости. 1905. № 21.

21. Труд и время его продолжительности по учению Слова Божия и святой Церкви // Московские церковные ведомости. 1905. № 24.

22. *Фаворский Д., протоиерей*. Слово в неделю седьмую по Пасхе, святых отцов 1-го вселенского собора // Московские церковные ведомости. 1905. № 23.

23. Черты христианского учения о власти и подчинении // Московские церковные ведомости. 1905. № 28.

УДК 94(47)

А.В. Шадрина,

профессор, Ростовский государственный университет путей сообщения
(РГУПС) (Ростов-на-Дону)

ОСОБЕННОСТИ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «МОЛОТ» (РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ). 1955–1958 гг.

Аннотация. Рассматриваются антирелигиозные публикации на страницах центральной газеты Ростовской области «Молот». До 1958 г. статьи носили научно-популярный характер и завершались пропагандистскими выводами. При этом они не содержали выпадов против Русской Православной Церкви, иерархов и духовенства.

Ключевые слова: «хрущевская оттепель», антирелигиозная пропаганда, Ростовская область, газета «Молот».

A.V. Shadrina,

Professor, Rostov State Transport University (RSUTS) (Rostov-on-Don)

FEATURES OF ANTIRELIGIOUS PROPAGANDA ON THE PAGES OF THE NEWSPAPER "MOLOT" (ROSTOV REGION) IN 1955–1958

Abstract. This article examines antireligious publications in the pages of the central Rostov regional newspaper, Molot. Until 1958, the articles were of a popular science nature and concluded with propaganda. However, they did not contain attacks against the Russian Orthodox Church, its hierarchs, or clergy.

Key words: "Khrushchev thaw", anti-religious propaganda, Rostov region, Molot newspaper.

В истории СССР период, получивший наименование «хрущевская оттепель», характеризовался ужесточением политики в отношении религиозных организаций и проведением массовой антирелигиозной пропаганды, целью которой было формирование безрелигиозного социалистического общества. Одним из методов реализации этой задачи являлись публикации на страницах периодических изданий, знакомство населения с содержанием которых входило в задачи многочисленных агитаторов. Антирелигиозные статьи на страницах издания «Молот» – органа Ростовского обкома и горкома КПСС, областного и городского Советов депутатов трудящихся – имели отличия от периодических изданий других регионов, что обуславливает актуальность обращения к данной теме.

Историография поставленной проблемы не отличается обширностью. Антирелигиозные публикации на страницах региональных периодических изданий определялись как предмет исследования в работах А.Г. Подмарицына [14] и Р.В. Тупикина (митрополита Исидора) [16; 17].

Поскольку антирелигиозные публикации 1954 г. в газете «Молот» ранее анализировались [18], предметом исследования настоящего доклада выступают публикации 1955–1958 гг. – времени создания правовой базы для осуществления административно-правового (нормативно-правового) регулирования, которое в церковно-исторической науке квалифицируется как гонения на Русскую Православную Церковь.

Становление системной антирелигиозной пропаганды в период «хрущевской оттепели» было связано с принятием 7 июля 1954 г. Постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде» [15]. В Ростовской области уже 16 июля 1954 г. газета «Молот» опубликовала первую антирелигиозную статью, в которой излагалась позиция руководства СССР в отношении христианства. Позднее были представлены еще 3 статьи антирелигиозно-пропагандистского характера, которые, однако, не содержали выпадов

против Русской Православной Церкви, иерархов и духовенства [18], как, например, в других регионах [17].

Антирелигиозные публикации 1955–1957 гг. на страницах газеты «Молот» отличались малочисленностью – в 1955 г. было опубликовано 3 статьи, в 1956–1957 гг. по две. Как и в 1954 г., их авторы имели ученые степени, что подчеркивало научный подход к проведению антирелигиозной пропаганды.

Редакция «Молота» выстраивала заданную ЦК КПСС линию проведения атеистической пропаганды весьма сдержанно – на страницах газеты не было критики религиозных организаций и их представителей. В весьма нечасто встречающихся фельетонах затрагивались исключительно вопросы повседневной жизни жителей Ростовской области, отступающих от норм жизни в социалистическом обществе.

Публикации 1955 г. антирелигиозной направленности были посвящены естественнонаучной проблематике. Первая из них – статья кандидата биологических наук М. Бардинской затрагивала проблему возникновения жизни на Земле [2, с. 3]. Статья, опубликованная 2 апреля, очевидно была приурочена к грядущим церковным праздникам Благовещения Пресвятой Богородицы и Пасхи (17 апреля 1955 г.). В публикации автор сообщала, что религиозно-идеалистические представления не объясняют ни происхождение жизни, ни развитие органического мира [2, с. 3]. В отличие от них, материализм, опираясь на данные науки, утверждает, что «сущность жизни познаваема... это не нечто духовное... а результат развития самой неорганической природы» [2, с. 3]. После обширного повествования о химических процессах, результатом которых стали живые организмы, М. Бардинская пришла к заданному идеологическому выводу: «научные данные о возникновении и развитии жизни на Земле... опровергают религиозно-идеалистические воззрения о непознаваемости жизни» [2, с. 3].

Логическим продолжением статьи М. Бардинской стала публикация кандидата биологических наук И. Новикова о происхождении человека [13, с. 3–4], изданная 7 апреля, т.е. также приуроченная к церковным праздникам. Автор, обращаясь к сравнительной анатомии, эмбриологии и палеонтологии пришел к выводу о том, что «происхождение человека от животных является совершенно бесспорным» [13, с. 3]. Пользуясь семантикой языка советского времени, он авторитетно заявил, что причины превращения обезьяны в человека «вскрыты» Ф. Энгельсом в его работе «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны» [13, с. 4].

Статья Ростовского государственного университета Ф. Бизяева, посвященная соотношению дарвинизма и религии, стала завершением

своеобразной антирелигиозной трилогии. В отличие от предыдущих авторов, Ф. Бизяев акцентирует внимание на роли церкви в отрицании естественно-исторических теорий происхождения человека [3, с. 3]. После изложения теории Дарвина и обоснования ее репрезентативности, автор заключает, что «Дарвинизм есть одно из величайших завоеваний науки и поэтому не может быть совместим с религией». Далее следует логическая цепочка: чем больше Дарвин изучал жизнь организмов, тем более проникался неверием. «Советский народ, создавая под руководством Коммунистической партии новый общественный строй... не может мириться с религиозными пережитками в сознании трудящихся» [3, с. 3].

Две статьи, опубликованные в газете «Молот» в 1956 г., посвященные вопросам летосчисления и марксизма-ленинизма, также приво-дили читателя к выводам о необходимости отказа от религии. Так, кандидат философских наук М. Карпов, обращаясь к проблеме летосчисления, впервые позволил себе выпад против Священного Писания Христианской Церкви, заявив, что «Расчеты... по определению времени рождения Христа произвольны и не научны... год рождения Христа установить совершенно невозможно», а «сведения, сообщаемые евангелистами, не соответствуют точно установленным наукой историческим фактам», что свидетельствует о том, что «евангелиям верить нельзя» [10, с. 4].

Статья Н. Губанова была приурочена к выпуску сборника работ К. Маркса и Ф. Энгельса о религии. Это издание автор определил как труд, в котором «заложены теоретические основы пролетарского атеизма» [8, с. 3–4]. В статье звучит идеологическая установка: «Религиозные взгляды и суеверия, засоряя сознание людей, мешают им овладеть наукой, тормозят строительство коммунизма. Поэтому партия считает своей прямой обязанностью помочь верующим людям понять вред религиозных предрассудков и освободиться от них» [8, с. 4].

В 1957 г. на страницах газеты «Молот» были опубликованы две антирелигиозные статьи. Работа кандидата философских наук И. Негодаева посвящена до сегодняшних дней актуальной проблеме соотношения науки и религии, но представлена автором в антирелигиозной традиции: «Наука представляет собой систему достоверных знаний о природе и обществе, о законах их развития» [12, с. 2]. В противоположность ей «религия представляет собой извращенное, фантастическое отражение в сознании людей господствующих над ними природных и общественных сил» [12, с. 2]. Несмотря на то, что религия ведет упорную борьбу против науки в вопросе познаваемости мира, наука, «раскрывая действительные законы его развития... наносит все более сокрушительные удары по фантастическим религиозным представлениям» [12, с. 2].

Статья В. Быстрова затрагивает проблему религиозного сектантства, но носит исключительно пропагандистский характер. Автор приходит к выводу, что «систематическая идейная борьба против сектантских вероучений, как и борьба против всякой религии – это борьба за окончательное искоренение антинаучных, фантастических взглядов на природу и общество, за превращение всех советских людей в сознательных и активных строителей коммунизма [4, с. 3].

Риторика газеты «Молот» изменилась в 1958 г., следуя за развернувшимся в СССР антирелигиозным наступлением, базировавшемся на созданной законодательной базе, ставшей центром советского «Законодательства о культах». В отличие от предыдущих лет, газета увеличила число антирелигиозных публикаций до шести. Однако пять из них были заимствованы в других региональных газетах [16, с. 6–22]: статья В. Базыкина «Искусственные спутники Земли и религиозные сказания о небе» [1, с. 3], П. Дарманского «Почему я порвал с религией» (Из газеты «Киевская правда») [9, с. 3–4]. Это отречение от Бога и Церкви священника-рenegата открыло в Ростовской области публикацию серии отречений, инициированных уполномоченными Совета по делам Русской православной церкви и КГБ. Также были заимствованы в других изданиях статьи Л. Великовича «О религиозной маскировке империалистической политики» [5, с. 3–4], Л. Великовича и И. Бокова «Атомщики в рясах» [6, с. 3] и М. Гапочки «Социализм и религия непримиримы» [7, с. 3]. Поскольку приведенные публикации были подробно проанализированы [16], имеет смысл остановиться на единственной оригинальной статье среди публикаций 1958 г. в газете «Молот» – заметке В. Клименко «За боевую научно-атеистическую пропаганду» [11, с. 2], посвященной обзору научно-атеистической пропаганды, проводимой в Ростовской области.

Клименко В., констатируя, что «партия ведет борьбу против религиозных предрассудков потому, что в процессе строительства коммунизма у нас воспитываются новые люди» [11, с. 2], сообщает, что в ряде районов Ростовской области работники отдела пропаганды и агитации «равнодушно взирают на мракобесие», т.е. научно-атеистическая пропаганда не ведется. Вероятно, для второй половины 1950-х гг. это явление было распространенным. Антирелигиозные публикации в газете «Молот» свидетельствуют о том, что религия в повседневности населения Ростовской области действительно занимала весьма скромное место.

Итак, на протяжении 1955–1958 гг. центральное периодическое издание Ростовской области газета «Молот» стала площадкой для проведения антирелигиозной пропаганды, инициированной ЦК КПСС. Особенностью публикаций на страницах этого издания была сдержан-

ность в сужениях и ориентация на научный подход, выражавшийся в привлечении авторов с научными степенями. Вплоть до 1958 г. статьи антирелигиозной направленности, в отличие от газет других регионов, не содержали выпадов против Русской Православной Церкви, иерархов и духовенства.

Библиографический список

1. *Базыкин В.* Искусственные спутники Земли и религиозные сказания о небе // *Молот*. 1958. № 76. С. 3.
2. *Бардинская М.* Возникновение жизни на Земле // *Молот*. 1955. № 78. С. 3.
3. *Бизяев Ф.* Дарвинизм и религия // *Молот*. 1955. № 119. С. 3.
4. *Быстров В.* Происхождение и сущность религиозного сектантства // *Молот*. 1957. № 151. С. 3.
5. *Великович Л.* О религиозной маскировке империалистической политики // *Молот*. 1958. № 107. С. 3–4.
6. *Великович Л., Боков И.* Атомщики в рясах // *Молот*. 1958. № 210. С. 3.
7. *Гапочка М.* Социализм и религия непримиримы // *Молот*. 1958. № 240. С. 3.
8. *Губанов Н.* Основоположники марксизма о религии и ее преодолении // *Молот*. 1956. № 8. С. 3–4.
9. *Дарманский П.* Почему я порвал с религией // *Молот*. 1958. № 85. С. 3–4.
10. *Карпов М.* Как возникло современное летоисчисление // *Молот*. 1956. № 5. С. 4.
11. *Клименко В.* За боевую научно-атеистическую пропаганду // *Молот*. 1958. № 238. С. 2.
12. *Негодаев И.* Противоположность науки и религии // *Молот*. 1957. № 8. С. 2.
13. *Новиков И.* О происхождении человека // *Молот*. 1955. № 82. С. 3–4.
14. *Подмарицын А.Г.* Атеистические антиправославные публикации рубежа 50–60-х годов XX века в Куйбышевской областной периодике // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 12-2 (38). С. 158–162.
15. Постановление ЦК КПСС о крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения. 7 июля 1954 г. // *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986)*. Т. 8. 1946–1955. М.: Политиздат, 1985. С. 428–432.
16. *Туликин Р.В.* Антирелигиозная пропаганда в Смоленской области в 1958–1960 гг. на страницах газеты «Рабочий путь» // *Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии*. 2024. № 3 (24). С. 6–22.
17. *Туликин Р.В. (митр. Исидор)*. Система атеистической пропаганды в период хрущевской антирелигиозной кампании 1958–1964 гг. (по архивным материалам Калининской области) // *Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии*. 2023. № 2 (23). С. 68–93.
18. *Шадрина А.В., Марченко А.Н.* Газета «Молот» 1954 г. в контексте антирелигиозной пропаганды в Ростовской области // *Научная мысль Кавказа*. 2025. № 4 (124). С. 65–68.

И.Н. Шиловский,

Вологодский государственный университет (Вологда)

**ПРАВОСЛАВИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ КРЕСТЬЯН
РУССКОГО СЕВЕРА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(по материалам источников личного происхождения)**

Аннотация. В начале XX века православие продолжало оказывать серьезную роль на уклад крестьянской жизни и крестьянское мировоззрение. Для изучения особенностей восприятия православной религии в общественном сознании крестьянства Русского Севера проводилась работа по изучению двух уникальных документов – личных дневников крестьян.

Ключевые слова: Православие, Русский Север, крестьянин, общественное сознание, менталитет.

I.N. Shilovsky,

Vologda State University (Vologda)

**ORTHODOXY IN THE SOCIAL CONSCIOUSNESS
OF THE PEASANTS OF THE RUSSIAN NORTH
IN THE EARLY 20TH CENTURY
(based on personal sources)**

Abstract. At the beginning of the 20th century, Orthodoxy continued to play a significant role in the way of life and worldview of the peasantry. In order to study the perception of the Orthodox religion in the public consciousness of the peasantry of the Russian North, two unique documents, personal diaries of peasants, have been examined.

Key words: Orthodoxy, the Russian North, peasant, public consciousness, and mentality.

На международной конференции «Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)», организованной в 1994 г. Институтом российской истории РАН, ведущие отечественные историки В.П. Данилов, Л.В. Данилова, Л.В. Милов, И.Е. Кознова, О.Ю. Яхшиян, В.В. Кондрашин, С.В. Кузнецов, Л.А. Тульцева в своих докладах обращали внимание, что православие, тесно переплетенное с языческими обрядами, являлось одним из ведущих условий формирования крестьянского мировоззрения в России [2, с. 26, 32, 44, 116, 239, 285–293, 294–305, 375]. Влияние Русской Православной церкви на повседневную жизнь и быт крестьян русского Севера в первой половине XX в., мы попытаемся

изучить на основе личных дневников двух крестьян. В научном исследовании Шиловского И.Н. [4, с. 127–128] дается ссылка на описание данных источников и сведения о введении их в научный оборот. Автор указывает, что это единственные известные научному сообществу дневники крестьян Русского Севера, которые велись ими в начале XX в. В своей статье он отмечает, что эти уникальные документы позволяют проследить ментальные установки крестьян, которые отражены в их восприятии повседневной жизни.

Первый дневник вел А.А. Замараев, крестьянин, проживавший в деревне Тотемского уезда, расположенной рядом с городом Тотма. Дневник хранится в Тотемском краеведческом музее и включает в себя записи за 1906–1922 гг. (с 1921 г. по 1922 г. записи эпизодически производятся его дочерью Лидией). Подробное описание состояния дневника и особенности его заполнения представлены исследователями: В.В. Морозовым и Н.И. Решетниковым, которые его впервые опубликовали в 1995 году в серии «Библиотека российского этнографа», издаваемого институтом этнологии и антропологии Миклухо-Маклая [1, с. 246–250]. Второй дневник вел И.Г. Глотов, пежемский крестьянин, проживавший в Вельском районе нынешней Архангельской области. Дневник хранится в Вельском районном архиве и содержит записи с 1915 г. по 1931 г. [На разломе: 12]. В научный оборот введен ленинградским ученым М.И. Мильчиком, который его опубликовал в 1997 г. в книге, изданной при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, под названием «На разломе жизни» [3, с. 5–11].

Оба крестьянина женаты, имеют семью. Но есть и различия, так у Александра Замараева один поздний ребенок (ребенок маленький, сами родители довольно-таки пожилые). Семья Ивана Глотова большая, помимо их с супругой, пятеро детей. Отношения в семьях доброжелательные, взаимно уважительные. Записи дневников содержат переживания крестьян о членах своих семей.

При проведении анализа, представленных нами дневников, удалось выделить совокупность представлений об окружающем мире, которые определяют крестьянское мировоззрение. Одним из ведущих представлений, определяющим ментальность изучаемых крестьян, является их отношение к православию. Так, анализируя записи в дневниках А.А. Замараева и И.Г. Глотова, мы встречаем ежегодные упоминания о православных праздниках, именинах, памятных датах в православии, посещениях церкви, причащении крестьян и членов их семьи, молебнах, осуществлении помощи церкви и священнослужителям и т.д.

В данной статье мы предлагаем изучить частоту упоминаний о православии на страницах крестьянских дневников в сравнении. Чтобы лучше осмыслить повлияла ли революция на православное мировоззрение крестьян, мы вначале проанализируем записи дневника А.А. Замаараева за 1913 год – последний полный предвоенный год. В дальнейшем «Первая мировая война» и последовавшие за ней революции внесут серьезные изменения в повседневную размеренную жизнь крестьянства. Для того, чтобы понять, повлияли ли эти изменения на общественное сознание крестьян Русского Севера в этот период, мы проанализируем записи А. Замаараева за 1920 год и И. Глотова за 1922 год. Выбор этих годов обусловлен тем, что 1920 год – это последний полный календарный год жизни Александра Замаараева, так как в 1921 году его здоровье ухудшается, и он умирает. Выбор 1922 года в записях Ивана Глотова, связан с тем, что этот год наиболее приближен к последнему году жизни А. Замаараева, а также является первым полным календарным годом, когда он проживает в деревне, после своего возвращения из города.

Оба, изучаемых нами крестьянина, ведут записи в своих дневниках по старому стилю исчисления календарного года. Для более глубоко погружения в изучаемую историческую эпоху, мною в статье будут включены «живые голоса» исторических персонажей, которые взяты из записей в их личных дневниках.

Изучая дневник А. Замаараева за 1913 год, мы находим в его записях 51 упоминание, касающееся православной религии. Первые упоминания из его дневника в январе, так он пишет: «Январь. 1, вторник. С 12 часов ночи был молебен у нас в приходе и в городских церквях. 5 ... Сочельник. 6. Крещение. Ездил в город на воду. 28. Память Феодосия преподобного.» [1, с. 293–294]. Мы видим, что он отмечает проведение молебствий, православных праздников, непосредственно сам принимает участие в них.

За февраль-март записи содержат 13 упоминаний, в основном они касаются подготовки к наступающему Великому посту и отсчета прошедших дней и недель с момента начала поста, осуществлению помощи церкви, церковным праздникам, посещению церкви к обедне [1, с. 295–300].

В апреле его записи содержат упоминания о последних самых тяжелых неделях поста и празднования одного из основных православных праздников – Пасхи. Так читая из его записей в апреле: «6, суббота Вербной недели. 7, Вербное воскресенье. 8. ... В ночь на девятой часа в два заблаговестили, редко, в большой колокол. 11, четверг Страстной недели. Ходил к обедне. 12, Страстная пятница. ... Вечером ходил на Исповедь. 13, ... После обедни ходили в город, ... 14, Светлое Христово

воскресение.» [1, с. 300–301]. Всего 9 упоминаний. За этот месяц встречаются и другие упоминания о православии, которые относятся к повседневному крестьянскому быту – это упоминание о соборовании у соседей, о проведении молебна, перед тем как выгнать коров на пастбище.

За май в дневнике Александра Замараева 5 упоминаний, три из них связаны с упоминанием православных праздников и святых: Преполование и Иона Богослова, Николин день, Вознесение. Два других упоминания сообщают об интересе крестьянина к происходящим изменениям в церковной жизни – это причисление патриарха к лику святых и посещение А. Замараевым обедни в местном приходе. Очень много упоминаний в записях дневника в отношении православия в июне: «1, Троицкая суббота. 2, Троицын день, ... 9, Заговенье. 12 вечером и 13 днем возил священнику Арановичу от варниц дрова. 14, Девятая. ... Сегодня Кресный ход в городе. 16 субботу Девятой недели ездили на поминки к Жигулеву Дмитрию, 40 дней. 19, среда. Сегодня кресной ход круг полей. ... Пережидали с иконами у Соломона. 27 был на поминках Августе, 40 дней ... 29, Петров день, ...» [1, с. 304–306]. Такая частота упоминаний, в период страды, говорит о значимости и насыщенности православия в жизни крестьян Русского Севера. Как мы видим А. Замараев прочно придерживается церковно-православного календаря, является верующим человеком, стремится исправно посещать церковь, соблюдать христианско-православные традиции, активно участвует в помощи церкви и священнослужителям.

С июля до ноября, мы находим всего 8 упоминаний. В основном они касаются упоминания церковных праздников и посещения церкви (7 упоминаний) и один раз это посещение поминок. В ноябре–декабре 3 упоминания, которые касаются начала и окончания поста, а также празднования Рождества Христова [1, с. 306–315].

При изучении записей за 1920 год, нами было выделено 46 упоминаний, отражающих представление о православии в жизни крестьянина. Данные упоминания о православной религии в записях дневника А. Замараева во многом цикличны и идентичны фиксации основных событий церковно-православного календаря, которые мы с вами раскрыли при изучении его записей за 1913 год [1, с. 479–499]. Схожую частоту упоминаний и фиксацию основных православных праздников, традиций, посещения церкви, интерес к событиям, происходящим в русской православной церкви, оказания помощи священнослужителям мы находим за все года ведения дневника А. Замараевым, как в дореволюционные годы, так и после революции. Таким образом, мы видим, что записи в дневнике А. Замараева фиксируют важную роль православия в его сознании, которое занимает значительное место в его представлениях об окружающем мире. Ежегодная цикличность и однообразие

многих совершаемых им религиозных действий только подчеркивает их значимость для менталитета крестьянина Русского Севера в начале XX века.

При изучении записей дневника Ивана Глотова мы находим у него 32 упоминания о православной религии в его жизни за 1922 год. Так за январь-февраль 6 упоминаний, которые касаются православных праздников, именин (день Ангела) и посещения церкви членами семьи И. Глотова [3, с. 84–86]. В марте-апреле 8 упоминаний, читаем: «25.III. Благовещение Пресвятой Богородицы. ... Приобщался Святых Тайн. 27.III. Вербное Воскресенье. Ходил в Церковь. Сдал 20 000 рублей в пользу голодающих. 28.III, ... Начало Страстной недели. 2 апреля, Страстная суббота. 3 апреля, Святая Пасха, Светлое Христово Воскресенье. Ходил в церковь. 4 апреля, ... Второй день Пасхи. Отдых. Тая ходила в Церковь (супруга). 6 апреля, ... Священник ходил с иконами. 17.IV, ... сосватал невесту крестн Мишке. 23.IV, ... День Ангела Толи (сын)» [3, с. 88–92]. Из этих записей, мы видим, что И. Глов и его семья придерживаются церковно-православного календаря, исправно посещают церковь, являются верующими людьми. Частота упоминаний позволяет говорить о значимости православной религии в жизни его семьи.

Май и июнь очень насыщены в православном календаре, что мы можем проследить и в записях Ивана Глотова (10 упоминаний). Большинство из них касаются церковных праздников, подготовке к посту и его началу, посещению церкви членами семьи, оказанию помощи священнослужителям [3, с 92–97]. С июля до декабря количество упоминаний в дневнике И. Глотова мы находим всего семь. Такое же незначительное число упоминаний за этот период, мы с вами наблюдали и в дневнике Александра Замараева. Все эти упоминания связаны православными праздниками и посещением церкви. Одно из упоминаний относится к именинам сына И. Глотова [3, с. 98–112].

Наиболее частые религиозные упоминания в дневнике связаны с основными православными праздниками в церковном календаре: Пасха и Рождество. Эти упоминания в основном связаны с соблюдением церковного поста, посещением церкви и непосредственно празднования, значимых для любого православного человека, праздников. Так в декабре 1922 года в дневнике И. Глотова сразу три записи, выражающие его отношение к православию: «4.XII, воскресенье. Тая ездила в церковь, приобщала Марусю (дочь Глотова). 6.XII, вторник. Николдень. 25.XII, воскресенье. Рождество Христово» [3, с. 112–115].

Подводя итог, мы можем сказать, что для обеих крестьянских семей присуще цикличное ежегодно повторяющееся следование крестьянского уклада в соответствие с православным церковным календарем,

трепетное отношение к церкви и православным праздникам всех членов семьи. Что позволяет нам говорить о значимости православной религии для мировоззрения крестьян Русского Севера в начале XX в.

Библиографический список

1. *Замараев А.А.* Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева, 1906–1922 годы / предисл. «Тотемский крестьянин А.А. Замараев и его дневниковые записи», публ. и коммент. В.В. Морозова, Н.И. Решетникова // Тотьма: краеведческий альманах. 1997. Вып. 2. С. 251–517.

2. Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 440 с.

3. На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915–1931 годы. / РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Вельский район. краевед. музей; публ. подгот. М.И. Мильчик, М.А. Шумар. М.: Координац.-метод. центр прикл. этнографии Ин-та этнологии и антропологии РАН: Вельск. район. краевед. музей, 1997. 323 с.

4. *Шиловский И.Н.* Страда в общественном сознании крестьян Русского Севера в первой трети XX века // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 126–132.

УДК 93/94+261.5

Л.Л. Щавинская,

старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

ЖУРНАЛ «ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНИЕ» (1924–1939) – КРУПНЕЙШИЙ ЛЕТОПИСЕЦ ПРАВОСЛАВНОЙ ЖИЗНИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. Издававшийся в Варшаве массовым тиражом еженедельный русскоязычный журнал «Воскресное чтение» был важнейшим архивом разнообразнейших материалов о православной жизни не только межвоенной Польши, но и всего Русского Зарубежья.

Ключевые слова: Православие, журнал «Воскресное чтение», история православной жизни восточных славян.

L.L. Shchavinskaya,

Senior research fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
(Moscow)

THE MAGAZINE «SUNDAY READING» (1924–1939) – THE LARGEST CHRONICLER OF THE ORTHODOX LIFE OF THE EASTERN SLAVS IN THE INTERWAR PERIOD

Abstract. The weekly Russian-language magazine «Sunday Reading», published in Warsaw in large print runs, was a vital archive of diverse materials on Orthodox life not only in interwar Poland, but also in the entire Russian Diaspora.

Key words: Orthodoxy, interwar Poland, the magazine «Sunday Reading», the history of Orthodox life among the Eastern Slavs.

В межвоенное двадцатилетие в возрожденной в конце 1918 г. новой независимой Польше Православная церковь, насчитывавшая около пяти миллионов верующих, являлась второй по величине и значению конфессией. Православное население при этом было «почти исключительно крестьянским», коренным, полноправным наследником церковной жизни бывшей имперской России [1, с. 168].

Новые государственные границы, резко изменившиеся политические обстоятельства самым жестким образом повлияли на православную жизнь в Польше, организация которой столкнулась со многими драматическими и даже трагическими сложностями, в полной мере недостаточно изученными. Например, касающимися внутрицерковных национальных движений, включая великорусское во всех его оттенках. Как нельзя полнее исторические особенности православия в межвоенной Польше оказались зафиксированы в многочисленных материалах нескольких десятков польских православных периодических изданий тех лет, среди которых мы сразу же выделили «церковно-народный иллюстрированный журнал» «Воскресное чтение», насчитывавший свыше восьмисот еженедельных выпусков: ничего подобного тогда «в мировой славянской православной среде... не существовало» [2, с. 76; 3, с. 30]. Журнал этот оказался в центре нашего внимания очень давно, несколько десятилетий назад, тем более что он долгие годы сохранялся в библиотеках православных священнослужителей и прихожан в нескольких странах Европы. В современной Польше исследовательский интерес к истории православной периодики межвоенного двадцатилетия появился лишь в самые последние годы, хотя еще в 1985 г. известный польский историк К. Бобовский с горечью был вынужден констатировать, что ее судьбе не посвящено «ни одного специального исследования» [4, с. 25].

Возможность издания такого журнала как «Воскресное чтение» могла осуществиться лишь при наличии собственной издательской

базы, к организации которой приступили в конце 1922 г. по инициативе митрополита Георгия (Ярошевского). На его просьбу к польским властям о том, что «Митрополии необходима собственная типография, которая должна находиться в Варшаве», от Министерства религиозных исповеданий и народного просвещения первоначально был получен отрицательный ответ [5, с. 2]. Затем отношение властей к подобной идее изменилось, что в конце концов поспособствовало появлению в межвоенной Польше крупнейшего православного литературно-издательского комплекса, которым стала Варшавская Синодальная типография [6; 7; 8; 9]. Собственно издание православной периодики также задумывалось, и при том едва ли не в первую очередь, митрополитом Георгием. В октябре 1922 г. он писал польским чиновникам о «великой потребности в выпуске собственного периодического издания» [10, с. 3].

Первый номер «Воскресного чтения» вышел в свет 20 (7) января 1924 г. в Варшавской Синодальной типографии, размещавшейся на правом берегу реки Висла (район Прага) на улице Зигмунтовской 13. Первую страницу номера целиком заняли православные «Святцы», на второй странице редакцией журнала представлена обширная программа его издания. «Воскресное чтение», издаваемое «по благословению Священного Синода Православной Митрополии в Польше» должно было «дать здоровую духовную пищу православным людям Польши, в частности – жителям провинциальных городов, а особенно – сел и деревень, не имеющих у себя ни книг, ни газет». В качестве постоянных отделов журнала планировались следующие: «1) Святцы и краткие церковно-богослужебные статьи; 2) Поучения, избранные в соответствии с священными событиями, празднуемыми Церковью; 3) Церковно-богословские и церковно-исторические популярные статьи; 4) Рассказы из церковно-бытовой жизни народа; 5) Изложение и разбор сектантских заблуждений; 6) Из печати – о Православной Церкви; 7) Церковная хроника в Польше и за границей; 8) Обзор современной общественно-политической и хозяйственной жизни в Польше и за границей; 9) Библиографические заметки о церковных книгах и журналах, а также по сельскому хозяйству и другим отраслям народной жизни; 10) Сведения и советы по вопросам земледелия, скотоводства, пчеловодства, огородничества и т. д.; 11) Корреспонденции с мест; 12) Почтовый ящик (Вопросы и ответы)».

«Воскресное чтение», как и планировалось, было иллюстрированным изданием, периодичность его была еженедельной. «Редакция и Контора» журнала располагались в том же здании, что и Варшавская Синодальная типография. Во главе и того и другого предприятия Православной Митрополии стояло одно и то же лицо, чрезвычайно много

сделавшее для развития православной жизни в межвоенной Польше – выпускник православной Санкт-Петербургской духовной академии Евгений Юрьевич Сакович (1889–1944), жизнь и деятельность которого совершенно не изучены. Одновременно тогда он был «помощником правителя дел Синода», заведующим «Синодальной типографией» и многолетним редактором нескольких периодических изданий Православной Митрополии, а чуть позднее Польской Автокефальной Православной Церкви после принятия в самом конце 1924 г. автокефалии. Насколько Е.Ю. Сакович малоизвестен сейчас даже в среде польских исследователей, говорит, например, факт именованя его не Евгением, а Юрием. «Редактором-Издателем» «Воскресного чтения» Е.Ю. Сакович оставался в течение первых пяти лет существования журнала, именно он стал его основным практическим организатором при всемерной поддержке членов Священного Синода Православной Митрополии в Польше, а позднее подготовил, защитил и издал свою докторскую диссертацию, не потерявшую до сих пор своего научного значения «Православная церковь в Польше в эпоху Великого сейма 1788–1792» [11].

Как разработчик программы «Воскресного чтения» Е.Ю. Сакович во многом рассчитывал на активность рядовых священнослужителей на местах. В конце редакционного обращения в первом номере журнала именно им адресованы завершающие его слова: «Надеемся, что приходское духовенство, стоящее на страже религиозного и культурного возрождения православного народа в Польше, с любовью встретят “Воскресное чтение” и поддержит его как распространением среди своих прихожан, так и сотрудничеством на страницах его; а мы приложим со своей стороны все старания к тому, чтобы журнал давал читателям поучительное, приятное и полезное чтение в единственно свободный для трудящихся людей день в седмице – воскресенье – и, таким образом, вполне он оправдывал бы свое название “Воскресное Чтение”».

За более чем пятнадцатилетний период своего существования «Воскресное чтение» опубликовало на страницах своих восьмистах номеров многие тысячи самых разнообразных материалов, в том числе касающихся судеб российского православия как в Российской империи, так и в СССР. В качестве приложений к журналу были опубликованы сотни книг, брошюр и листовых материалов на самые злободневные темы, в их числе по истории российского православия и богословия, среди которых и такая, например, публикация, специально подготовленная для «Воскресного чтения», как книга Н.Н. Глубоковского [12], не потерявшая своего значения до сих пор и с огромным успехом переиздающаяся подобно другим приложениям к журналу. В качестве приложений к «Воскресному чтению» выходили, например, периодическое

антиалкогольное «просветительское издание» «За трезвость» (1938–1939) и детский ежемесячник «Мой друг» (1939).

Резкое ужесточение в 1938 г. польской правительственной политики в отношении православия в Польше стали причиной гонений и на журнал «Воскресное чтение», который начинает издаваться как частный, правда, печатающийся во все той же Варшавской Синодальной типографии. «Издателем и Редактором» его тогда являлся протоиерей Михаил Помазанский, будущий известный богослов, протопресвитер (1888–1988).

Последний номер варшавского «Воскресного чтения» вышел в свет 27 августа 1939 г. менее чем за три недели до начала Второй мировой войны. Это был 35 номер «XVI года» его существования, на последней странице которого был помещен краткий каталог учебных изданий на русском, украинском, белорусском и польском языках, напечатанных Варшавской Синодальной типографией, со значительным превалированием книг на русском языке, в том числе написанных в имперскую эпоху истории Российской православной церкви.

Библиографический список

1. *Щавинская Л.Л.* Православные имперской России в границах новой межвоенной Европы: Судьба одной полесской матушки // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIV Междунар. науч. конф. посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, Иваново, 26–27 марта 2025 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2025.

2. *Щавинская Л.Л.* Книги и брошюры крупнейшего православного издательского центра межвоенной Польши – Варшавской Синодальной типографии // Славяноведение. 1998. № 1.

3. *Щавинская Л.Л.* Книжный репертуар крупнейшего православного издательского центра межвоенной Польши – Варшавской синодальной типографии // Slavia Orientalis. 1999. № 1. Т. XLVIII.

4. *Bobowski K.* Szkice z dziejów prasy Kościoła prawosławnego w Polsce w latach 1918–1939 // Chrześcijanin a Współczesność. 1985. № 2. S. 24–28.

5. *Archiwum Akt Nowych w Warszawie* (далее – AAN). MWR i OP. № 1261.

6. *Лабунцев Ю.А.* Всему православному миру: Православная литература межвоенной Польши. М.: ИСл РАН, 1995.

7. *Лабунцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Православная литература Польши. М.: ИСл РАН, 1998.

8. *Лабунцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши. Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г. М.: ИСл РАН, 1999.

9. *Лабунцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Православная литература Польши (1918–1939 гг.) Минск: НББ, 2001.

10. AAN. MWR i OP. № 1260.

11. *Sakowicz E.* Kościół Prawosławny w Polsce w epoce Sejmu Wielkiego 1788-1792. Warszawa: Warszawska Metropolia Prawosławna, 1935.

12. *Глубоковский Н.Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава: Издание Редакции «Воскресного чтения», 1928.

УДК 281.9(470.43)

В.Н. Якунин,

профессор, Московский художественно-промышленный институт (Москва)

МОНАСТЫРИ САМАРСКОЙ ЕПАРХИИ В 1991–2011 гг.

Аннотация. В статье анализируется деятельность монастырей Самарской епархии в 1991–2011 гг. Доказывается, что 1991–2011 гг. – это время возрождения монастырской жизни в Самарской области. Утверждается, что монастыри занимались активной социальной деятельностью.

Ключевые слова: архимандрит, игумен, инок, духовенство, иеромонах, иеродиакон, послушник, трудник.

V.N. Yakunin,

Professor, Moscow Art and Industry Institute (Moscow)

MONASTERIES OF THE SAMARA DIOCESE 1991–2011

Abstract. This article analyzes the activities of the monasteries of the Samara Diocese from 1991–2011. It is argued that 1991–2011 was a period of revival of monastic life in the Samara Region. It is argued that the monasteries were actively involved in social activities.

Key words: archimandrite, abbot, monk, clergy, hieromonk, hierodeacon, novice, laborer.

Возрождение монастырской жизни в Самарской области стало возможной в начале 90-х гг. XX в. Иверский женский монастырь в г. Самаре был вновь открыт 6 декабря 1991 г. – в этот день была официально зарегистрирована монастырская община. 13 февраля 1992 года Иверскому монастырю были переданы оставшиеся монастырские строения. 27 марта 1992 года вышло постановление администрации Самарской области о восстановлении Вознесенского мужского монастыря в г. Сызрани, а в 1994 году бывшая монастырская территория была передана Самарской епархии. Свято-Воскресенский мужской монастырь г. Тольятти был создан 25 декабря 1997 г. Свято-Воскресенский мужской монастырь г. Самары был образован 30 июля 2003 г. Таким

образом, к 2004 г. в Самарской епархии действовали 4 монастыря [1]. В 2010 г. Самарской епархии действовало уже 7 монастырей, в т.ч. 5 мужских и 2 женских [3].

Иверский женский монастырь в г. Самаре был крупнейшим в епархии. Он был образован 14 сентября 1850 г., закрыт в 1922 г. вновь открыт 6 декабря 1991 г. На территории обители были расположены храмы: в честь Иерусалимской иконы Божией Матери (1903 г. постройки), богослужения в котором совершались по будням; храм Иверской иконы Божией Матери (1888 г. постройки), реставрация которого к 2010 г. была завершена; четыре жилых отремонтированных корпуса, один из них – игуменский. В 2010 г. велось строительство колокольни и были заложены фундаменты на две часовни. Строилась часовня царя-страстотерпца Николая II. В 40 км от обители находился Свято-Духовский скит (монастырское подворье), где был расположен храм в честь Святого Духа, корпуса, скотный двор, пастбища и земельный надел. 22 августа 2004 года в Свято-Духовском скиту митрополитом Сергием был освящен нижний храм в честь преподобных Киево-Печерских угодников. Монастырь имел приписной храм-часовню во имя святителя Николая Чудотворца на территории окружного военного госпиталя (освящен в 1995 году архиерейским чином). В монастыре действовали золототшвейная, швейная и иконописная мастерские. Настоятельницей монастыря являлась игуменья Иоанна (Капитанцева). В 2004 г. в обители проживало 75 насельниц: 5 схимонахинь, 19 монахинь, 18 инокинь, 33 послушницы. В причте монастыря служили 1 диакон, 3 священника в обители, 1 в скиту, 1 – на покое [1]. В 2005 г. в обители проживало 82 насельницы: 5 схимонахинь, 24 монахини, 18 инокинь, 35 послушниц. В причте монастыря служили 1 диакон, 3 священника в обители, 1 – в скиту [2]. В 2010 г. в обители проживало 96 человек: 1 игуменья, 7 схимонахинь, 36 монахинь, 19 инокинь, 14 послушниц, 18 трудниц. В богадельне монастыря проживал 1 человек. В причте монастыря служили 1 архимандрит, 1 игумен, 2 протоиерея, 2 иерея, 1 иеродиакон [3]. Иверский монастырь окормлял в окружном военном госпитале воинов. Священники монастыря сотрудничали с воинскими частями, служили молебны в дни принятия присяги и перед отправлением в «горячие точки». В те же годы в монастырской трапезной богомольцы и нуждающиеся ежедневно получали обеды и помощь продуктами [1; 2].

Свято-Воскресенский мужской монастырь. Решением Священного Синода Воскресенский храм г. Самары 30 июля 2003 г. был преобразован в Свято-Воскресенский мужской монастырь. Его наместником стал игумен Серафим (Глушаков). В 2004 г. насчитывал 18 насельников, в т.ч. 1 игумена, 3 иеромонаха, 1 священноинока,

3 монаха, 3 инока, 7 послушников [1]. В 2010 г. монастырь насчитывал 18 насельников, в т.ч. 1 архимандрита, 7 иеромонахов, 1 священноинок, 1 протоиерея, 2 иеродиакона, 3 монаха, 3 послушника [3]. Общая площадь монастыря составляла 6 га. В 1992 г. было начато строительство храма в честь Воскресения Христова. В 2010 г. продолжалось его строительство и строительство братского корпуса. На территории обители имелся храм в честь святителя Николая Чудотворца (работы по строительству были завершены в 2010 г.), административно-хозяйственный корпус.

На монастырском подворье с. Винновка Ставропольского района в 2004 г. были начаты работы по обследованию храма во имя Казанской иконы Божией Матери, закрытого в 1917 году и частично разрушенного. Построенный по проекту Х. Клодта, храм являлся памятником истории и культуры. В 2004 г. были оформлены документы на передачу в собственность монастыря здания храма, здания бывшего клуба с. Винновка и земельного участка, прилегающего к этим зданиям [1].

Свято-Воскресенский мужской монастырь занимался активной социальной деятельностью. Монастырь взял под своё шефство госпиталь ветеранов войн, детский дом. При монастыре действовал клуб православной молодежи. В Сергиевском районе области ему была передана бывшая школа с. Нероновка с прилегающим участком в безвозмездное пользование для организации там детского православного лагеря труда и отдыха.

Свято-Воскресенскому мужскому монастырю в 2004 г. администрацией города Самары было передано пустующее здание детского сада по улице Черемшанской, 244-А для организации в здании учреждения внешкольного дополнительного образования. Монастырем на восстановление здания были привлечены необходимые денежные средства, и там разместился Детский епархиальный образовательный центр при Самарском Свято-Воскресенском мужском монастыре. В этом центре действовали: храм в честь прп. Сергия Радонежского, детская воскресная школа, кружки хохломской росписи, изобразительного искусства, хорового пения, иконописи, столярного дела, класс информатики, музыкальный класс, класс начальной подготовки к школе, спортивный и актовый залы [1]. В монастыре действовали иконописная, ризная, столярная и художественные мастерские.

Свято-Вознесенский Сызранский мужской монастырь г. Сызрани был образован в 1685 г., закрыт в 1923 г., вновь открыт в 1993 г. Особо почитаемой в монастыре была икона Федоровской Божией Матери. Ныне она находится в Казанском соборе г. Сызрани. В настоящее время Свято-Вознесенский Сызранский мужской монастырь располагается в центре г. Сызрань в 180 км от г. Самара. В 2010 г.

в нём действовали Вознесенский соборный храм, в котором братия обители ежедневно совершала богослужения (построен в 1851 году, вновь освящен архиерейским чином в 1996 году) и скитский храм в с. Балашейка в честь святителя Николая Чудотворца. Велись работы по восстановлению храма в честь иконы Божией Матери «Феодоровская». На источнике Феодоровской иконы Божией Матери имелось монастырском подворье [3]. В 2004 г. монастырь насчитывал 13 насельников. Из них: 1 игумен, 1 иеромонах, 1 иеродиакон, 1 инок, 3 монаха [1]. В 2010 г. монастырь насчитывал 23 насельника. Из них: 2 игумена, 1 иеромонах, 2 протоиерея, 1 иеродиакон, 4 монаха, 1 инок, 5 послушников, 7 трудников [3]. 5 августа 2004 года в монастыре были обретены останки первого управляющего Симбирской епархией архиепископа Анатолия (Максимовича) и первого настоятеля Свято-Вознесенского монастыря архимандрита Германа (Похвалинского). По прошению архиепископа Симбирского и Мелекесского Прокла останки архиепископа Анатолия были торжественно перенесены в г. Симбирск и захоронены на старом городском кладбище. Останки настоятеля монастыря были перезахоронены на территории обители, около алтаря Феодоровского храма, который восстанавливался. В монастыре имелись два братских корпуса и игуменский дом [1].

Свято-Воскресенский мужской монастырь г. Тольятти был создан 25 декабря 1997 г. заново. Ранее на месте монастыря находилась Ставропольская земская городская больница (1872–1953 гг.). Затем здания занимал ряд государственных организаций. На территории монастыря находились три корпуса дореволюционной постройки и один каменный корпус – братский. Они представляли историческую ценность и находились под охраной государства. В 1996 г. вся территория была передана Самарской епархии. В монастыре действовали Свято-Воскресенский храм (освящен в 1997 году архиерейским чином), и храм прп. Силуана Афонского (освящен в 2005 году архиерейским чином). С 2005 г. строился храм в честь иконы Божией Матери «Отрада и Утешение». Имелась мини-гостиница для паломников. Братия обители в 2004 г. состояла из 5 иеромонахов, 2 монахов, 6 иноков и 5 послушников [1]. В 2005 г. братия обители состояла из 17 человек: 1 игумена, 4 иеромонаха, 1 иеродиакона, 5 иноков, 1 монаха и 5 послушников [2]. В 2010 г. монастырь насчитывал 20 насельников, в т. ч. 1 архимандрита, 4 иеромонаха, 2 иеродиакона, 2 инока, 7 послушников и 8 трудников. Наместником монастыря являлся архимандрит Гермоген (Крицын). Монастырь взял под своё шефство наркологический центр в с. Тимофеевка. В рамках сотрудничества со структурами МВД осуществлялось

окормление подразделений, выполняющих воинский долг в «горячих точках». Богослужения совершались по уставу ежедневно [3].

Свято-Богородичный Казанский мужской монастырь в с. Винновка Ставропольского района был образован 26 декабря 2006 г., до 2006 г. имел статус архиерейского подворья. Монастырь расположен на территории заповедника Самарская Лука в 140 км от г. Самара. В 2006 г. в монастыре были завершены работы по восстановлению храма во имя Казанской иконы Божией Матери, закрытого в 1930 году и частично разрушенного. Храм являлся памятником истории и культуры. В нем ежедневно совершались богослужения. В 2006 г. был готов проект монастырского комплекса, куда вошли: второй храм, гостиница для паломников, братский корпус, помещения под детский православный лагерь, хозяйственные постройки, святые врата с колокольной. В 2010 г. монастырь насчитывал 20 человек: 2 игумена, 5 иеромонахов, 3 иеродиакона, 10 трудников. Его наместником являлся игумен Аристарх (Безлапов). На базе монастыря проводились семинары и конференции для педагогов общеобразовательных школ. На монастырских звонницах проходили обучение начинающие звонари. Проходили экскурсии для учеников школ г. Тольятти. В соответствии с Областной целевой Программой «Развитие туризма в Самарской области на 2004–2008 годы» многие туристические маршруты проходили через Свято-Богородичный Казанский мужской монастырь в с. Винновка [3]. В 2006–2007 гг. на Епархиальных Советах благочинным было предписано провести собрания, на которых осуществить сбор средств на строительство мужского монастыря в с. Винновка.

Заволжский мужской монастырь в честь Честного Животворящего Креста Господня с. Подгоры Волжского района был образован в 2007 г., на месте одноименного скита. В 2004 г. скит насчитывал 9 насельников, из них: монахов – 8, послушник – 1, такое же число насельников оставалось в 2005 г. [1; 2]. В 2010 г. монастырь насчитывал 21 насельника, из них: 1 игумен, 5 иеромонахов, 1 иеродиакон, 2 монаха, 5 иноков, 7 послушников. Наместником монастыря был назначен игумен Георгий (Шестун). Обитель находилась в 2 км от с. Подгоры, у подножия Жигулевских гор, рядом со святым источником в честь пророка Илии. Имелся деревянный храм в честь Честного Животворящего Креста Господня, который был построен в стиле древнего русского деревянного зодчества и сочетался с окружающей природой. Распорядок дня насельников и ежедневные богослужения шли в соответствии с афонским уставом. Монастырь был разделён на верхнюю (скитскую) часть и нижнюю часть. Монашеские келии были как срубовые, так и пещерные. В монастыре имелось своё хозяйство: кузница, скотный

двор, столярные мастерские, возделывались огород и сад, было расчищено озеро, в котором разводилась рыба. Монастырь благоустроил береговую часть. В келии монастыря в с. Подгоры было начато строительство жилого корпуса и мастерских. В с. Новинки производилась отделка храма в честь Успения Пресвятой Богородицы [3].

Заволжский Свято-Ильинский женский монастырь с. Подгоры Волжского района был образован 11 апреля 2006 г. на месте одноименного скита. В 2004 г. скит насчитывал 14 насельниц, из них в великой схиме 2, в мантии – 8, инокинь – 4 [1]. В 2005 г. скит насчитывал 16 насельниц, из них в великой схиме – 2, 10 монахинь, 4 инокини [2]. В 2010 г. монастырь насчитывал 23 насельницы, из них: 1 игумения, 2 схимонахини, 15 монахинь, 3 инокини, 1 послушница [3]. Настоятельница была назначена игумения Анастасия (Шестун). Обитель была расположена у подножия Жигулевских гор на окраине с. Подгоры. В монастыре находился деревянный храм в честь сщмч. Константина Сухова и храм в честь пророка Илии (1865 г. постройки), в котором совершалось ежедневное уставное богослужение. На территории имелся игуменский дом, корпуса для проживания сестер. В монастыре действовали золотошвейная и иконописная мастерские. Монастырь имел земельный участок в Гавриловой Поляне и подворье в Самаре с храмом [3].

Выводы. 1991–2011 гг. – это время возрождения монастырской жизни в Самарской области. Монастыри занимались активной социальной деятельностью: в монастырских трапезных богомольцы и нуждающиеся получали обеды и помощь продуктами. Монастыри брали под своё шефство госпитали, детские дома, наркологические центры, открывали клубы православной молодежи, учреждения внешкольного дополнительного образования, детские воскресные школы. Ими осуществлялось окормление подразделений, выполняющих воинский долг в «горячих точках». На базе монастырей проводились семинары и конференции для педагогов общеобразовательных школ. Через некоторые монастыри проходили туристические маршруты.

Библиографический список

1. Архив Самарского епархиального управления. Отчет правящего архиерея Самарской епархии в Московскую Патриархию за 2004 год.
2. Архив Самарского епархиального управления. Отчет правящего архиерея Самарской епархии в Московскую Патриархию за 2005 год.
3. Архив Самарского епархиального управления. Отчет правящего архиерея Самарской епархии в Московскую Патриархию за 2010 год.

Секция 2
**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ/ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ
И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ
В ОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(РУБЕЖ XIX–XX вв. – РУБЕЖ XX–XXI вв.)**

УДК 347.1

А.И. Бибилов,

заведующий кафедрой частноправовых дисциплин, Ивановский филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Иваново)

**ВЛИЯНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ИДЕОЛОГИИ
НА ФОРМИРОВАНИЕ НАВРСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ**

Аннотация. В статье критически оценивается юридическое понимание добросовестности и справедливости, сложившееся в римском праве. Исследуется этимология термина «добросовестность», ее экклезиальный характер, основанный на ключевом понятии «совесть» в его предметной связке с материальным миром вещей и действий, дается новое понимание добросовестности как морального качества, характеризующего такое отношение лица к своему поведению, в котором предметные действия лица через механизм нравственного самоконтроля совершаются с учетом ценности прав и законных интересов его контрагентов.

Ключевые слова: добро, верность, совесть, польза, ценность благ, баланс интересов.

A.I. Bibikov,

Head of the Private Law Disciplines Department, Ivanovo Branch
of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation (Ivanovo)

**THE INFLUENCE OF ORTHODOX IDEOLOGY
ON THE FORMATION
OF MORAL VALUES IN CIVIL LAW**

Abstract. This article critically evaluates the legal understanding of good faith and justice established in Roman law. It examines the etymology of the term "good

faith" and its ecclesial nature, based on the key concept of "conscience" in its objective connection with the material world of things and actions. It offers a new understanding of good faith as a moral quality that characterizes a person's attitude toward their behavior, in which their objective actions, through the mechanism of moral self-control, are carried out with due regard for the value of the rights and legitimate interests of their counterparties.

Key words: goodness, fidelity, conscience, benefit, value of goods, balance of interests.

Закон может требовать от каждого подчинения своим постановлениям, но он никого не может заставить быть добрым и добродетельным.

Йозеф Колер. Шекспир с точки зрения права (Шейлок и Гамлет): пер. с нем. М., 2006. С. 40.

Зарождение и развитие гражданского права всегда было далеко от истоков и путей становления нравственных ценностей того или иного общественного организма. Такое, в некотором смысле, «параллельное» существование «духовного мира» и «мира материального», юридически оформленного в виде системы частноправовых категорий, было обусловлено первичностью физиологических потребностей человека. Как отмечал К. Маркс, люди, прежде чем заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д., должны есть, пить, одеваться, иметь жилище [11, с. 350]. Такая закономерность особенно ярко проявилась в истории становления римского частного права, ставшего впоследствии фундаментом построения современного гражданского права.

Вся история возникновения и развития римского права базируется на антагонизме двух начал: формализма и индивидуализма. Древнее римское право, как право квиритов – исконных жителей Рима, отличалось крайним формализмом, пронизывающим все сферы их частной жизни. Приобретение в собственность наиболее ценных вещей (италийской земли и рабов), заключение законного римского брака с властью мужа, древний заем под залог личности должника (*nexum*) и многие другие юридические действия совершались в ритуальной либеральной форме под страхом ненаступления тех последствий, на которые были направлены такие действия. Соответственно и судебная защита строилась на системе законных исков и совершаемых формальных процессуальных действий, даже если эти действия совершались под угрозой и принуждением. *Coactus tamen volui, Хотел под принуждением, но все-таки хотел* (Paul. D. 4, 2, 21, 5). Это говорит о том, что формализм права начисто исключал в своем использовании норм морали.

С развитием индивидуализма формализм частного права теряет свои позиции. Индивидуальная свобода усиливает эгоистические

устремления римских граждан и требует установления границ крайних форм их проявления. Ответом на этот вызов стало использование в практике римской магистратуры *исков доброй совести* (*actio bonae fidei*). Помимо доброй совести римские юристы широко использовали также термин *aequitas*, *справедливость*. Так, такие объекты как текущая вода, море и морской берег, дикие животные и птицы объявлялись вещами общими для всех (*omnium communes*), изъятыми из оборота, свободными от права и подчиняющиеся принципу справедливости. Тем самым древние юристы мыслили несовместимость права и справедливости как нравственной ценности. С другой стороны, те же юристы характеризуют римское право как *Jus est ars boni et aequi*, *искусство добра и справедливости*. В связи с этим возникает вопрос, как же право, оформляющее свободу, частную инициативу и, как следствие, эгоизм участников гражданских правоотношений, получает оправдание через указанные выше нравственные характеристики?

Начнем с добросовестности. Анализ цивилистической литературы не дает ясного ответа на вопрос, что такое добросовестность в применении к специфике осуществления гражданских прав. Одними авторами весьма осторожно добросовестность характеризуется как «неопределенное» [8, с. 256–257], «неуловимое, несмотря на его «соблазнительную простоту», понятие [12], функционально предназначенное для ограничения своекорыстия субъектов гражданского права и в этом смысле не чуждое нравственности [2, с. 97]. Другие, напротив, определяют добросовестность как чисто нравственную категорию, направленную на формирование модели эталонного поведения, в основе которого лежат представления о честности, правдивости, вежливости, доброты [5, с. 125; 6, с. 17–24]. Третьи полагают, что право само по себе разумно и ему нет нужды апеллировать к доброй совести [9, с. 81–83].

Зарубежное и отечественное гражданское право рецепировало из римского права латинское словообразование *bona fides* именно как добросовестность *в его юридическом понимании*, в котором ни само латинское *bona fides*, ни иные иностранные аналоги (нем. *treu und glauben* и *guter glaube*, англ. *good faith* и др.) не являются идентичными русскому слову «добросовестность». В каждом из них отсутствует «совесть» как составляющая термина добросовестность.

Этимология римской *bona fides* основывается на ключевом слове *fides* (*fidei*), которое с латинского переводится как *вера, доверие, честность* (соответственно нем. *treu* и англ. *faith* – *верный, преданный, glauben* – *верить в кого-то, полагаться на кого-то*). Вторая составляющая римской добросовестности *bona* (*bonum*, соответственно нем. *guter* и англ. *good*) имеет двойное значение: с одной стороны, оно выражено

в таких характеристиках, как *добрый, хороший, храбрый, справедливый, честный, порядочный*, а с другой, означает *добро (имущество, состояние)*, *благо, пользу*. Отсюда в зависимости от смысла второй составляющей эти словосочетания могут означать либо 1) «*уверенность в порядочности, честности*» (контрагента), либо 2) «*благоверность*», «*уверенность в полученном благе*» (от контрагента), либо 3) *справедливость имущественного предоставления* со стороны контрагента. Последнее понимание смысла *bona fides* устраняет сомнения в правильности определения римского частного права как искусства согласования имущественного предоставления, интереса (*bona*) и справедливости (*aequi*), выраженной в равенстве, балансе таких интересов.

Русский термин «добросовестность» прямо включает в себя совершенно иную, чем *fidei*, нравственную категорию – *совесть*, которая характеризует способность личности осуществлять *моральный самоконтроль*, самостоятельно формировать для себя нравственные *обязанности*, требовать от себя их выполнения и производить *самооценку* совершаемых поступков [10, с. 312].

Совесть является одним из выражений нравственного самосознания личности. В этом плане она может проявляться не только в разумных актах осознания личностью значения своих действий, но и их нравственной оценки. Однако «естественная среда ее обитания» все же находится в душе, где совесть проявляет себя исключительно в формах эмоциональных переживаний, весьма разнообразных по своей сути: «спокойной совести», «угрызения совести», «сожженной совести», «торжества совести» и т.п. В этом плане, совесть имеет экклезиальный характер и связана с таинствами исповеди и покаяния. Как писал русский философ И.А. Ильин, мы живем на земле «в состоянии внутреннего раскола...: это расхождение между нашими *лично-эгоистическими побуждениями* и нашим *божественным призванием*, которое мы иногда переживаем как внутреннее влечение, как духовную жажду. ...Внутренняя раздвоенность лишает нас цельности» [4, с. 178]. Как бы продолжая эту мысль, Феофан Затворник говорил: «истинное *исцеление*, обещающее *цель-ность* души, нуждается всего-навсего в согласии: только оно может дать человеку внутреннее примирение, единение между инстинктом и духом... Так возникает *совестная цельность человеческой души*» [3, с. 178].

Главное отличие «верности» (*fides*) как составляющей юридического обозначения добросовестности и «совести» как составляющей действительного термина «добросовестность» состоит в том, что верность является формальной характеристикой личности и ее действий, и она сама по себе ничего не говорит об их содержании. Верность может

быть в хорошем и плохом, в истинном и ложном. Поэтому верность нуждается в позитивной нравственной характеристике того действия, которое будет оцениваться как юридически добросовестное. Без прилагательного «добрый» (*bona, guter, good*) и иных перечисленных его модификаций «верность» (*fides, glaube, faith*) не может раскрыть своего содержания как качества, характеризующего нравственную личность.

В этой связи может возникнуть вопрос, почему римская, а затем и западноевропейская юриспруденция при конструировании юридического понятия добросовестности использовала в качестве корневой основы *fides*, а не *совесть*, которая в каждом из языков выражена особым термином: в латинском *совесть* – это *conscientia*, в английском – *conscience*, в немецком – *gewissen*, а действительная (неюридическая) добросовестность как, соответственно, *diligens* (лат.), *conscientious* (англ.), *gewissenhaft* (нем.)? Различия в терминах, номинирующих юридическое и действительное значение добросовестности, по всей видимости, лежит в истории возникновения этой конструкции в римском праве и рецепции ее как юридической категории европейским правом. *Bona fides* стала продуктом преторского права, которое начало формироваться в предклассический период и достигло наивысшего расцвета в I–II веках н. э., то есть в дохристианское время и начальный период христианства, когда основы этого учения не только не получили еще признания и распространения в среде римского населения, но и встретили первоначально жесточайшее противодействие со стороны публичной власти [1, с. 213–219]. Этос (греч. *ethos* – обыкновение, привычка, в данном смысле «стиль жизни») римлян этого периода имел иные материальные и нравственные основы. Рабство и благородство происхождения, склонность решать конфликты оружием и стремление к славе, чувственность к почестям и демонстративная праздность – вот тот нравственный фон рабовладельческого общества, в котором складывается представление о *bona fides*. Духовное руководство и воспитание, как отмечал Вернер Йегер, было делом аристократии. Именно она создавала личностные образцы, и только она способна была их создавать. И если в более позднюю христианскую эпоху обращение к чувству стыда (греха и покаяния) стало сильным стимулом действия или отказа от действий, то человек эпохи античности измерял свою добродетель (*arete*) внешним признанием, которым он пользуется. Голоса индивидуальной совести не существовало [7, с. 52]. Таким образом, *bona fides* стала юридическим продуктом своего времени и вошла в юридический лексикон именно в таком понимании, несмотря на изменения материальных условий жизни и появления новых этических ценностей.

Подводя итог краткому анализу этих достаточно разнообразных научных взглядов на понимание роли нравственных категорий в гражданском праве, все же вряд ли можно сомневаться в том, что в отличие от иных базовых понятий гражданского права добросовестность и справедливость относится к числу нравственных понятий. Однако, как представляется, механический перенос этических категорий на почву гражданско-правовых отношений не может ничего изменить в материальной ориентации и существе этих отношений. Категории добросовестности и справедливости для достижения целей социальной ориентации в реализации гражданских прав должны приобрести *ту же материальную окраску*, какую имеют сами эти права и правоотношения. Другими словами, добросовестность и справедливость как нравственные категории должны быть объяснена и непротиворечиво вписаны в систему цивилистических понятий.

Библиографический список

1. Бибииков А.И. Этимология термина добросовестность и его смысловое значение в гражданском праве // Юридическая наука и практика на рубеже эпох: уроки прошлого, взгляд в будущее: сб. трудов XIV всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме (14–16 декабря 2017 г. г. Кострома) / отв. ред. Г.Г. Бриль, В.В. Груздев. Кострома: Изд-во Костромского гос. ун-та. 2018. 588 с.
2. Дождев Д.В. Добросовестность (bona fides) как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность. М., 2000. С. 96–128.
3. Душеполезные поучения святителя Феофана Затворника. М., 2013. 572 с.
4. Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Наш современник. 1991. № 6–7. С 166–182.
5. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. Научный журнал. 2006. № 1. Т. 6. С. 124–181.
6. Микрюков М.А. Принцип добросовестности – новый нравственный ограничитель гражданских прав // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 17–24.
7. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали: пер. с польск. / общ. ред. А.А. Гусейнова. М., 1987. 528 с.
8. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2003. 351 с.
9. Скловский К. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. 2002. № 9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Словарь по этике / под ред. И.С. Кона. М., 1981. 430 с.
11. Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 350–354.
12. Zeller Bruno. Good Faith – The Scarlet Pimpernel of the CISG. <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/zeller2.html> [2000 (дата обращения: 26.03.2015)].

А.С. Гордеев,

студент, Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского (Липецк)

Н.Э. Вашкау,

доктор исторических наук, профессор, Липецкий государственный
педагогический университет им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского (Липецк)

**«А.В. ЛУНАЧАРСКИЙ И «БЕЗБОЖНИКИ»:
АНТИКЛЕРИКАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ
В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ (1917–1929)**

Аннотация. В статье исследуется формирование системы антирелигиозного воспитания в советской школе 1920-х годов как ключевого элемента проекта создания «нового человека». Анализируется деятельность Е.М. Ярославского и Союза безбожников. На основе декретов, публицистики и материалов детской печати показывается, как через законодательство, школу, кружки и пропаганду создавалась среда для искоренения религиозного сознания у молодого поколения.

Ключевые слова: А.В. Луначарский, наркомпрос, Е.М. Ярославский, советское образование.

A.S. Gordeev,

Student, Lipetsk State Pedagogical University (Lipetsk)

N.E. Vashkau,

Dr., Prof. Lipetsk State Pedagogical University (Lipetsk)

**«A.V. LUNACHARSKY AND THE «GODLESS»: ANTI-CLERICAL
STRATEGIES IN THE SOVIET EDUCATION SYSTEM (1917–1929)**

Abstract. The article examines the formation of the anti-religious education system in the Soviet school of the 1920s as a key element of the project to create a «new man». The activities of E.M. Yaroslavsky and the Union of the Godless are analysed. Based on decrees, publicistic writings, and materials from children's periodicals, the article demonstrates how an environment for the eradication of religious consciousness among the younger generation was created through legislation, school, clubs, and propaganda.

Key words: A.V. Lunacharsky, People's Commissariat for Education (Narkompros), E.M. Yaroslavsky, Soviet education, anti-religious upbringing, Union of the Godless.

После Октябрьской революции 1917 года положение Русской православной церкви стало катастрофическим. Причинами этому послужили не только знаменитые декреты об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, лишившие её легитимного статуса и экономической базы, но и начало систематических гонений, включавших репрессии против духовенства, конфискацию имущества и закрытие храмов [2, с. 272–273]. Однако самым стратегическим и долгосрочным ударом, определившим будущее, стала тотальная секуляризация образовательного пространства. Именно через школу – главный институт формирования личности, новая власть начала методичное вытеснение религии из общественного сознания, стремясь воспитать «нового человека», свободного от «религиозных предрассудков». Одним из архитекторов этой политики в сфере культуры и просвещения стал Анатолий Васильевич Луначарский, который был далек от примитивного атеизма. Его философская концепция «богостроительства» видела в социализме возможность создать новую религию человечества, призванную унаследовать коллективистский дух христианства [7, с. 7–8].

Этот идеологический проект по созданию «нового человека» требовал собственных инструментов, выходящих за рамки традиционной педагогики. Формирование нужного типа сознания для наркомата просвещения велось не только через школьную программу, но и через перестройку культурной и бытовой среды, окружавшей ребенка. Для этого была задействована целая система специально созданных институтов, практик и медиа, превращавших атеизм в норму повседневной жизни и коллективной идентичности.

29 октября 1917 года, всего через три дня после образования Совнаркома, первый нарком просвещения А.В. Луначарский в обращении ко всем гражданам России заявил о создании «единой для всех граждан абсолютно светской школы» [1, с. 8]. Заявление по сути стало программой действий, которая последовательно реализовывалась через систему декретов и постановлений. Этот курс был немедленно подкреплён декретом СНК от 11 декабря 1917 года «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению». Документ передавал все учебные заведения духовного ведомства под управление Наркомпроса. Среди них: церковно-приходские и учительские семинарии, духовные и женские епархиальные училища, миссионерские школы, духовные академии и другие учреждения. Ключевым документом, закрепившим светский характер образования, стал декрет СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви от 20 января 1918 года. Этому предшествовало постановление Наркомпроса от 23 февраля 1918 года о передаче всех учебных заведений

в его ведение. V Всероссийский съезд Советов 10 июля 1918 года принял первую советскую конституцию [3], и во 2 разделе в 13 статье было указано о том, что «В целях обеспечения трудящимся действительной свободы совести церковь отделяется от государства, а школа от церкви, и каждому гражданину предоставляется свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды».

На фундаменте этой законодательной базы Луначарский и будет заниматься реорганизацией образования, культуры и постройки там абсолютно новой, радикальной, то, что мир отныне не видел системы на основе своих воззрениях относительно религии и мира. Однако реализация на практике статьи 13 Конституции, предоставлявшей свободу как религиозной, так и антирелигиозной пропаганды, немедленно привела к радикальному перекоосу.

Свобода антирелигиозная - получила мощнейшую государственную и общественную поддержку. Именно отсюда и появляется Союз воинствующих безбожников во главе с Емельяном Ярославским, чья агрессивная, мобилизационная тактика стала неофициальным, но главным инструментом в борьбе с религией. Так, уже на I съезде СБ предлагалось создать ячейки юных безбожников, принимая в них подростков с 14 лет, но предложение было отвергнуто, и принимали молодых людей с 18 лет в кружки. На местах, конечно, дела состояли иначе и там создавали детские группы юных безбожников. Например, в Тамбовской губернии в 1927 году [9, с. 467–491]. В конце 1920-х годов в советской образовательной системе было инициировано внедрение антирелигиозного воспитания. Эта программа была направлена не только на популяризацию естественнонаучных знаний, но и на активное вовлечение молодежи в процесс деконструкции религиозных верований и институциональных структур церкви.

В июне 1929 года на II съезде Общества друзей газеты «Безбожник» был утверждён новый Устав Союза воинствующих безбожников. Основной целью Союза стало вовлечение в антирелигиозную деятельность широких слоёв населения, включая детей. С этого момента в Советском Союзе активно развивалось детское безбожное движение [10].

В период с 1929–1932 год в образовательных учреждениях повсеместно начали формироваться кружки и ячейки антирелигиозной направленности. Атеистическая пропаганда в рамках этих кружков осуществлялась с активным привлечением периодической печати. Важные методические рекомендации для функционирования школьных антирелигиозных кружков регулярно публиковались в специализированном журнале Союза воинствующих безбожников под названием «Антирелигиозник», который выступал в качестве ключевого инстру-

мента для распространения атеистических идей. Однако существовала необходимость в разработке новых изданий, которые бы были адаптированы для детской аудитории и сочетали научно-популярные и агитационные материалы. В период с 1931 по 1933 год в Москве начал выходить журнал «Юные безбожники» [5, с. 510], который быстро завоевал популярность среди антирелигиозных кружков в школах.

Этот журнал отличался разнообразным содержанием, охватывая такие темы, как история религии и атеизма, естествознание, техника, а также атеистическое движение среди молодёжи в СССР и за границей. Каждый номер включал в себя следующие разделы: «Очередные задачи детского безбожного движения», «За рубежом», «Антирелигиозная работа во второй пятилетке», «Юные безбожники за работой», «Досуг юного безбожника». Как видно из структуры, издание было направлено не только на расширение кругозора и знаний юных безбожников, но и на поддержку их в организации антирелигиозных кружков, а также на предоставление рекомендаций по проведению атеистической пропаганды.

С данной политикой были не согласны значимые деятели, например, заместитель наркома просвещения РСФСР Н.К. Крупская, считала, что резкое введение антирелигиозной пропаганды в школе принесет лишь негативные результаты. Но Союз Безбожников одержал победу над умеренной линией наркома просвещения. «Школа должна пропитать всё воспитание детей элементами антирелигиозности, помогая ребёнку освобождать себя от влияния церкви, которое проводится через семью, и теми многочисленными средствами, которые находятся в распоряжении религиозных организаций» [4].

Так же мы можем отметить большую роль деятельности комсомола и пионеров в борьбе с религией. Именно в подростковой среде есть то, чего не было у взрослых, осознанных людей. Это, во-первых, их психо-возрастные особенности, бесконечная энергия и стремления к свободе. Во-вторых, они только формировали своё отношение к этому миру, и поэтому подобный возраст предоставлял государству прекрасную возможность создать борцов с поповщиной. Н.И. Бухарин писал, что именно пионерия «своими слабыми ручонками разрушает старые отношения в семье, то есть ведет медленный подкоп под самую консервативную твердыню всех гнусностей старого режима» [6, с 510–527].

Этот потенциал молодёжной энергии, о котором писал Бухарин, не оставался теорией, а направлялся в русло конкретных действий. Пионерские и комсомольские отряды активно участвовали в организации и проведении новых советских праздников, призванных вытеснить религиозные. Яркими примерами были «Комсомольское рождество» и «Красная Пасха» – факельные шествия и карнавалы, которые по форме

напоминали традиционные крестные ходы [8, с. 353–358]. В этих уличных действиях пионеры разыгрывали антирелигиозные сценки, исполняли сатирические частушки и, что важно, несли наглядные, эмоционально заряженные плакаты и карикатуры.

Подводя итоги, следует отметить, что процесс секуляризации образования после 1917 года был комплексным государственным проектом, в котором сочетались правовое регулирование, идеологическое конструирование и массовая мобилизация. Умеренная «богостроительская» линия А.В. Луначарского была оттеснена более радикальным и воинствующим курсом Е.М. Ярославского и СВБ, которые через кружки юных безбожников, журналы, плакаты, карнавальные шествия превратили атеизм в обыденность жизни. Главным объектом и орудием этой политики стала молодёжь, которая с десятилетиями потеряла какую-либо связь с религией.

Библиографический список

1. Обращение Народного комиссара по просвещению от 29 октября 1917 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сборник документов. 1917–1973 гг. / сост. А.А. Абакумов. М., 1974. С. 8.
2. Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20 января (2 февраля) 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1918. № 18. Ст. 263. С. 272–273.
3. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
4. Антирелигиозная пропаганда – классовая борьба // Правда. 1928. 25 декабря.
5. Атеистический словарь / А.И. Абдусамедов, Р.М. Алейник, Б.А. Алиева и др.; под общ. ред. М.П. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1986. 512 с.
6. Бухарин Н.И. Доклад о работе среди молодежи // Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года: стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. С. 510–527.
7. Луначарский А.В. Несколько слов о моем «богостроительстве» // Ко всем товарищам. Париж, 1909. С. 7–8. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/kovsem-tovarishcham/naskolko-slov-o-moem-bogostroitelstve/> (дата обращения: 10.11.2025).
8. Макарова Ю.В. Антирелигиозное воспитание пионеров в 1920-х гг. в СССР // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2015. Т. 1 (67), № 3. С. 353–358.
9. Слезин А.А. Противостояние верующих и юных «безбожников» как фактор межпоколенческого разлома в российской деревне 1920-х годов // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 1. С. 467–491.
10. Шевченко В.А. Юные безбожники против пионеров. М., 2009. 202 с.

УДК 930.1.

М.Ю. Горожанина,

доцент, Кубанский государственный университет (Краснодар)

РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматривается отражение особенностей российской цивилизации в трудах отечественных мыслителей, особо обращается внимания на важную роль православия как ее духовной основы.

Ключевые слова: православие, особенности России, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, особый путь развития.

M.Yu. Gorozhanina,

Associate Professor, Kuban State University (Krasnodar)

RUSSIAN THINKERS ON THE CHARACTERISTICS OF RUSSIAN SOCIETY AND STATE

Abstract. This article examines the reflection of the characteristics of Russian civilization in the works of Russian thinkers, focusing on the important role of Orthodoxy as its spiritual foundation.

Key words: Orthodoxy, characteristics of Russia, N.A. Berdyaev, I.A. Ilyin, special development path.

В современных реалиях противостояния России и западного мира особенно актуальным становится изучение духовных основ и особенностей формирования русского государства и общества. Примечательно, что впервые к этой проблеме обратились еще древнерусские книжники. Так, автор Слова о Законе и благодати митрополит Иларион еще в XI в. подчеркивал особую миссию Руси и ее отличие от других мировых народов, в частности иудеев, живущих не по Закону Божьему, а по Закону человеческому, отраженному в Ветхом Завете. «Так, иудеи тенью и Законом оправдывались, но не спасались, христиане же Истиною и Благодатью не оправдываются, а спасаются. Ибо у иудеев – оправдание, у христиан же – спасение. И поскольку оправдание – в этом мире, а спасение – в Будущем Веке, иудеи земному радуются, христиане же – сущему на Небесах» [7, с. 3].

Таким образом уже в первом отечественном политическом трактате был обоснован особый путь развития русского государства. Не

поэтому ли автор ПВЛ особо обращал внимание на 3 вопроса, указывающих на отличие Русской Земли от других стран.

1. Откуда есть русская земля (географический фактор),

2. Кто первым в Киеве начал княжиче (политический).

3. Что есть Русь (духовный) [8, с. 34].

Не вдаваясь в до сих пор существующей дискуссии о происхождение Руси, лишь заметим, что для наших предков поиск ответа лежал не в этнической сфере, а духовной.

Не случайно Византийские летописи в XIV–XV вв. Русью именовали славянские земли, где доминировала православие (отсюда Белая Русь, Червоная Русь, Великая Русь). Именно Византийские хроники впервые вводят и термин Россия, первоначально так именовалась одна из православных митрополий [6].

Выход из Смуты показал, что только с верой православной, только в единстве всех сословий и наций можно сохранить российскую государственность и идентичность. Подчеркивая важность православия как особенность российского государства, Ф.М. Достоевский писал: «Русский народ весь в Православии и в идее его. Всё, всё, чего ищет русский народ заключается для него в Православии – в одном Православии и правда, и спасение народа русского»; «главнейшее предызбранное назначение народа русского в судьбах всего человечества и состоит в том, чтоб сохранившийся в Православии Божественный лик Христа, когда придёт время, – явить всему миру, потерявшему свой путь» [3, с. 124]. И прежде всего русский народ должен спасти Европу – это «дорогое, – по словам Ивана Карамазова, – кладбище... давно уже кладбище, и никак не более» [4, с. 156].

Неудивительно, что во время всероссийской переписи 1897 г. почти все русские мужики на вопрос, кто вы такие, отвечали мы православные. Именно православие стало духовным основанием русской государственности, оказало сильное влияние на все русскую историю и культуру и способствовало формированию российской самобытности. Как верно замечал А.С. Пушкин «греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер. В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Мы обязаны монахам нашей истории, следственно и просвещением» [10, с. 34]. Да и вся наша русская философия также несет на себе влияние православия. Не случайно, главное отличие русской политической мысли от западной заключается в поиске не ответа на вопрос «как возник мир», а смысла жизни. Показывая важность духовного начала Н.А. Бердяев писал: «Душа человека стоит дороже государства, обычаев и нравов» [1, с. 21].

В начале XX в., когда русская интеллигенция все чаще стала задумываться о будущем России, вновь стал актуальным вопрос об особенностях русского общества. Особенно большой вклад в разработку данной проблемы внесли два крупных отечественных философа Н.А. Бердяев и И.А. Ильин. Именно на основе их трудов (Н.А. Бердяев «Судьба России», И.А. Ильин «О России») и рассмотрим российскую специфику, которая коренится в следующих особенностях.

Территориальная (Россия – самая огромная страна в мире).

К началу XX века, Российская империя представляла собой одно из обширнейших государственных объединений. Именно огромная территория при низкой плотности населения, способствовали складыванию особого русского мира. В то время, как в Европе шла жесткая борьба за обладание новыми территориями перед российской властью стояла совершенно другая проблема, а именно – выработка наиболее эффективно-го способа управления данной территорией. Дискутируя по этому вопросу, отечественные мыслители сформировали три модели управления:

- жесткая централизация (оказалась эффективной в эпоху правления Ивана III и Ивана IV);

- децентрализация, основанная на широких полномочиях местного самоуправления (показала свою неэффективность, так как ее осуществление на практике совпало с временем усобиц в Древней Руси и период Смуты);

- гармоничное сочетание централизации с развитием местного самоуправления (именно эту модель большинство отечественных авторов считали наиболее эффективной. Не случайно славянофилы, выступая за переустройство российского государства выдвинули принцип: «Сила власти царю, сила мнения – народу».

В 1870-х гг. образованная часть российского общества связывала определенные чаяния с реализацией данного способа управления страной. Однако, незавершенность земской реформы разрушила все надежды).

Географическая (расположение территории российского государства сразу в двух частях света в Европе и в Азии оказали сильное влияние на специфику формирования русской ментальности, которая включила в себя, как часть европейских качеств, так и азиатских. Не случайно в 1920-х гг. в. эмигрантских кругах формируется течение евразийцев, в основании которого лежала концепция Евразии как самостоятельного «географического и исторического мира» (П.Н. Савицкий. 1927), расположенного между Европой и Азией и отличающегося от обеих в геополитическом и культурном плане.).

Историческая (Россия всегда играла важную роль в мировой истории. С первых веков своего существования Россия, как называли

Русскую землю византийские авторы, заявила о себе как о мировой державе. Миссионерские амбиции Руси нашли отражение в первом политическом трактате «Слово о Законе и Благодати», в XV в. они оказали сильное влияние на формирование идеологии «Москва – третий Рим». С давних времен Россия походила на огромного богатыря, который стоял на страже слабых и обездоленных народов и защищал их от агрессии соседей. Не раз именно русский воин спасал мир от очередного закабаления. Так, именно Русь защитила Европу от ордынского нашествия. Она же вернула свободу европейским странам, разгромив многочисленную армию Наполеона. Советскому солдату обязан западный мир и освобождением от нацистской чумы. Именно Россия стала первой в мире социалистической державой и показала пример жизни без частной собственности и эксплуатации человека человеком.

Национальная (Россия – исторически многонациональное государство). Именно поэтому здесь крайне опасно проявление любой формы национализма. В отличие от европейских государств в основе образования которых, как правило, лежало подчинение одних германских племен другими, древняя Русь возникла как конгломерат различных этносов: не только славянских народов, но и тюркских, фино-угорских, ираноязычных). Изначально основой российского государства был интернационализм – братский союз различных народов.

Исходя из этого любое проявления национализма крайне опасно для целостности России. Как верно замечал И.А. Ильин. «Есть два вида национализма. Один естественный, основанный на любви к своей нации и уважительном отношении к культуре, традициям и истории других народов. Второй противоестественный и губительный для любой страны. Он основан на слепом превозношении своего народа над всеми другими, на ненависти ко всему чужому. Это путь к гибели» [5, с. 20].

Духовная. Данная особенность раскрывает специфику русского национального духа. Исторические документы показывают, что процесс перехода от язычества к христианству на Руси занял несколько столетий, что нашло отражение в таком явлении как двоеверие. Долгое существование двух форм религий способствовали их синкретизму, синтез православной веры и языческих традиций нашел свое воплощение в феномене «народное православие». Все это способствовало формированию русского духа, основанного на трех антиномиях [2].

1. С одной стороны, сильная внутренняя свобода. Русские подобно спартамцам предпочитают смерть сдачи в плен врагу. Превыше жизни для них является сохранение свободы, независимости своей страны.

С другой стороны, отсутствие внешней свободы. Так, подымаясь от мала до велика на борьбу с внешним агрессором, русские могли

веками терпеть эксплуатацию и жить без всяких политических прав и свобод. Иронизируя над славянофилами, утверждающими, что русскому народу милее обычаи, а не юридический закон Б. Алмазов писал:

Широки натуры русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал

2. С одной стороны русскому народу присуща любовь к философии. Даже русские народные сказки содержат большой пласт философских рассуждений о смысле жизни. Как верно замечал Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы»: «Все настоящие русские люди – философы».

С другой, наличие крайностей в суждениях. Любовь к мудрости не мешала русскому человеку быть максималистов в своих взглядах. Если русский мужик понимал, что его собеседник не разделяет его позицию, разговор сразу же прекращался как и любое общение в будущем.

3. С одной стороны, покорность властям. Трудно отыскать в мире более терпеливого и покорного народа, чем русский.

С другой стороны, непримиримая ненависть к своим угнетателям, много раз выливавшаяся в русский бунт. Описывая его ужасы в романе «Капитанская дочь» А.С. Пушкин верно замечал: «**Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный.** Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка» [11, с. 57].

Этнопсихологическая. Данная особенность раскрывает специфику поведения русских людей и включает четыре присущие им черты.

– Монархизм (вера в мудрого правителя, а не в свои силы). Идеализация, а порой и сакрализация власти на фоне недоверия к государственным чиновникам. Не случайно на Руси бытовала поговорка: «Жалует царь, да не милует псарь». Именно признание этой особенности русского народа способствовало доминированию в отечественной политической мысли представления о монархии как идеальной форме правления для России.

– Общинность (исторически в России изначально общие интересы превалировали над частными, что находило отражение в развитой коллективной взаимовыручке и взаимопомощи. Во многом сильные позиции коллективного начала были обоснованы длительным существованием крестьянской общины). Не случайно с древних времен на Руси все проблемы решали сообща, как говорили наши предки: «Всем

миром, всем народом». Общинность русского народа нашла отражения и в поговорках, таких как: «В одиночку не одолеешь и кочку», «Один в поле не воин», «Сам погибай, но товарища выручай» [9].

– Патриархальность (огромная роль отца в семье). Данная черта способствовала формированию представления о российском государстве как патриархальной семье, где все должны подчиняться воли отца, в лице царя батюшки.

– Православие (русский народ не мог жить без веры, вся его жизнь неразрывно была связана с православием).

Примечательно, что даже те мыслители, которые критиковали Россию за ее самобытность, со временем признавали ошибочность своей позиции. Так, П.Я. Чаадаев в начале своего творческого пути упрекавший Россию за ее самобытность писал: «Мы принадлежим к тем нациям, которые не входят в состав человечества, а созданы для того, чтобы преподнести всему миру какой-нибудь важный урок», в конце же жизни он отказался от этого взгляда и пришел к выводу, что: «Провидение сделало нас слишком великими, чтобы быть эгоистами. Оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества... Мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества» [12, с. 287].

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Самопознание. Л., 1990.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1989.
3. Достоевский Ф.М. Избранное. М., 2010. С. 124.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, М., 2009. С. 201.
5. Ильин И.А. О России. М., 1990.
6. Клосс М.Б. О происхождении названия Русь. М., 2012.
7. Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати / под ред. Д.С. Лихачева. М., 1989. С. 3.
8. Памятники литературы Древней Руси начало X – XII в. М., 1978.
9. Пословицы и поговорки русского народа. М., 1985.
10. Пушкин А.С. Заметки по русской истории. М., 1978.
11. Пушкин А.С. Капитанская дочка. М., 1979.
12. Чаадаев П.Я. Избранные труды. М., 1989.

Л.И. Грошева,

доцент, Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена
Кутузова училище им. маршала инженерных войск А.И. Прошлякова (Тюмень)

МЕХАНИЗМЫ ОТРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЁЖИ НА ПРИМЕРЕ АКЦИИ БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Аннотация. В статье рассматриваются особенности отражения исторического наследия в системе ценностей молодёжи с учётом дополнительных контекстных значений, формируемых в других комплексах информационного поля. Представлены данные, отражающие особенность наложения современных стандартов восприятия событий и объективных результатов исторических периодов.

Ключевые слова: историческое наследие, воспитание молодёжи, историческая память, коммеморация, общественные движения, социальная активность.

L.I. Grosheva,

Associate Professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School
of the Order of Kutuzov named after Marshal of Engineering Troops
A.I. Proshlyakov (Tyumen)

METHODS OF REFLECTING HISTORICAL HERITAGE IN YOUNG PEOPLE'S PERCEPTION: A CASE STUDY OF THE IMMORTAL REGIMENT CAMPAIGN

Abstract. In the article the reflection of historical heritage in the value system of young people, taking into account additional contextual meanings formed in other areas of the information field is examined. Data reflecting the overlap between modern standards of event perception and the objective results of historical periods are presented.

Key words: historical heritage, youth education, historical memory, commemoration, social movements, social activism.

Исторический контекст развития государства является неотъемлемым компонентом формирования гражданской идентичности, а также социально активной позиции молодых граждан. Ввиду естественной временной отдалённости исторических фактов в популярных средствах массовой информации они становятся предметом переосмысления, анализа и оценки с учётом специфики современных норм морали, условий жизни, ценностей и установок. Подобный интерес в том числе может быть сопряжён с деятельностью деструктивных агентов влияния,

заинтересованных в снижении ценности отдельных исторических событий и достижений граждан государства или его отдельных народов.

Особенность современного представления истории заключается в высокой доле применения средств искусственного интеллекта, назначение которых заключается в визуальном или аналитическом дополнении, расширении механизмов и форматов донесения информации до целевой аудитории. Тем не менее, несовершенство имеющихся цифровых технологий, а также вероятность искажений ввиду недостаточной детализации промптов способствует появлению содержательных ошибок и неточностей, которые воспринимаются пользователями в качестве объективной информации и широко воспроизводятся в дальнейшем. В то время как отдельные социально активные граждане способствуют санации пространства, объём создаваемого контента и узость целевых аудиторий тематических сегментов не позволяют в полной мере задействовать инструменты социального контроля.

Указанная проблема во многом сопряжена с параллельным давлением нескольких факторов. Так в исследованиях А.А. Акинина отражается проблема правового и социокультурного контроля и диагностики историко-культурных артефактов, а также нематериальных ценностей. Зачастую в конфликт опосредовано вступают традиции, памятники, культурные сооружения и объекты современной инфраструктуры, массовой культуры, которые по объективным причинам чаще получают больше социального одобрения в особенности со стороны молодого поколения нежели сохранность истории, полезность которой чаще носит имплицитный характер. Поддержание артефактов прошлого в свою очередь требует системного и комплексного взаимодействия государственных и общественных институтов, так как часть из них требует не только материальных вложений в реконструкцию или сохранение, но и нуждается в защите интеллектуальных прав собственности, которые закрепляются не за отдельной личностью, а за народом в целом или этнической группой в частности [1, с. 358].

Исследователи отмечают, что осознанное восприятие историко-культурного наследия во многом зависит от системы воспитания, а также сопряжён с накопленным жизненным опытом и определением собственной роли в социуме, что для молодых людей выступает затруднительным ввиду их текущего самоопределения, а также значительного воздействия глобализированной массовой культуры, которая через цифровую среду выступает в качестве наборов конкретных благ и символов или объектов, демонстрирующих успешность или личностную состоятельность [2, с. 1672]. По этой причине более значимые усилия и продуктивные действия, как правило, исходят от старших поколений, которые

и выступают зачастую носителями устойчивой гражданской и культурной идентичности, в то время как молодые люди в большинстве случаев выступают в качестве усваивающих ценности, но не осознающих их полезность и значимость. Таким образом, эффект от трансляции исторических знаний рассматривается в пролонгированной перспективе и не всегда может быть объективно оценён в рамках различных возрастных категорий. По этой причине возрастает актуальность повышения разнообразия предлагаемых историко-культурных продуктов, расширения форматов подачи и механизмов вовлечения молодёжи в проактивную социальную среду, способную к конструированию позитивного образа исторического пути государства.

Учитывая качество и интенсивность развития современных технологий, аккумулярование и ретрансляция исторического наследия в современных условиях может реализовываться посредством параллельного воздействия комплексов средств и методов. Наиболее эффективными исследователи обозначают те механизмы, которые создают положительный эмоциональный аффект или субъективную вовлечённость в процесс ознакомления с материалами. Одним из ярких примеров подобного подхода выступают общественные движения «Бессмертный полк» и «Бессмертный полк России», которые являются элементами успешного проекта, направленного на популяризацию истории как совокупности общенародных достижений и личностного вклада посредством актуализации семейного наследия граждан [4, с. 96].

В системе феномена следует выделить несколько значимых аспектов, которые позволяют ему сохранять целевую аудиторию, снижать риски монотонии и обеспечивать естественное воспроизводство памяти. Наиболее значимым выступает идея коллективных коммеморативных практик, создаваемых на основе свободного вклада в общий информационный массив личных данных о предшествовающих поколениях, обеспечивая, тем самым увековечивание и символизацию семьи [3, с. 16]. В экстенсивном плане в данном случае используется механизм региональной экспансии, посредством объективного и статистического вовлечения в структуру движения представителей не только регионов конкретного государства, но и других стран, что создаёт условия для формирования транстерриториальной гражданской идентичности, когда общность исторической памяти выступает более значимой ценностью, нежели локация проживания людей.

С позиции интенсивного развития система мероприятий Бессмертного полка как общественного движения предлагает смешанный подход к социальной активности. По этой причине в структуру мероприятий включён комплекс мероприятий, который подразумевает как

индивидуальное участие без непосредственного социального контакта с ингруппой (творческие конкурсы, сбор информации о героях и участниках войны, обобщение и анализ семейных историй), так и коллективные формы взаимодействия в рамках пассивной (посещение концертов и фестивалей) и активной включённости (подготовка творческих номеров, участие в поисковых отрядах и поисках информации и пр.) [5, с. 89].

Таким образом, в системе мероприятий структурировано развитие имиджа как движения, так и памяти как социального факта, сформированы группы высокой социальной активности, а также произведена диверсификация возможности реализации личного вклада в общесоциальный проект.

В то время как в самой системе обоих движений существует ряд недостатков, в том числе сопряжённых с возможностью контроля реализации мероприятий в региональном контексте (подлог информации, намеренная порча символов, искажение данных в общей консолидированной базе, дезинформационные массивы в социальных сетях), сам концепт и подход к работе с молодёжью является наиболее массовой формой охвата целевой аудитории.

С целью оценки особенностей восприятия акции Бессмертный полк в молодёжной среде автором в составе исследовательской группы было проведено исследование методом фокус-групп (N = 33, по 6–7 человек в группе), в рамках которого приняли участие молодые люди в возрасте 18–25 лет, обучающиеся в вузах силовых структур по техническим специальностям, непосредственно не связанным с профессиональным изучением истории. Обозначение феномена как акции было вызвано параллельным функционированием двух организаций, которые в большинстве случаев в восприятии опрошенных сводятся к единой структуре. В систему критериев отбора входили следующие параметры: наличие родственников, участвовавших в ВОВ или выполнявших трудовые функции в тылу по обслуживанию нужд фронта; наличие знакомых или родственников, в активной или пассивной форме вовлечённых в общественное движение; получение информации об акции, не реже чем 1–2 раза в год; ориентация на построение карьеры и профессиональное развитие в рамках силовых структур на период не менее пяти лет.

Участники исследования подчеркнули, что в первую очередь их восприятие акции сопряжено с оценкой уникальности предлагаемых событий в сравнении с другими подобными движениями. Молодые люди отмечают, что их интерес к предлагаемым мероприятиям и новостным массивам если не отражает их готовность к участию, то является стимулом к проявлению гордости и уважения к гражданам страны. Если оценивать структуру причин положительного восприятия феномена, то

наиболее значимым фактором был определён международный статус шествия. Возможность реализации шествия в других государствах, в особенности с учётом распространения массивов о запрете или препятствии акции в некоторых странах, рассматривается молодёжью как форма проявления гражданской идентичности и патриотизма для тех, кто территориально проживает вне границ России. Следует отметить, что во взглядах исследуемых проявилась содержательная диспропорция в оценках мотивов участников шествия. Если в отношении акции за пределами страны они чаще воспринимали это как проявление свободы воли и самовыражения, то на вопросы о мотивах внутри государства в половине случаев обозначалась вероятность принуждения и следования корпоративной этике организаций, предоставляющих своих сотрудников для создания массовости шествий.

В значительной мере данная дивергенция взглядов обусловлена характером освещения событий в русскоязычном сегменте. Участники обозначили социальные сети и информационные каналы в качестве основных источников поступающей информации, в рамках которой были широко представлены сведения об использовании на портретах лиц, не связанных с войной, о деструктивном отношении к демонстрационным материалам после окончания мероприятий. Также были указаны видеофрагменты в виде коротких интервью о фактах принуждения к участию. Следует подчеркнуть, что во всех ситуациях героями интервью в представлении молодёжи выступали школьники или студенческая молодёжь, в то время как более возрастные категории в ходе исследования не упоминались.

Ситуативность информирования и его приуроченность к конкретному периоду (в рамках подготовки и проведения концертов и шествий), также рассматривалась молодыми людьми в качестве конструктивного механизма просвещения. В первую очередь отмечалась уместность поставляемой информации, её дозированный характер, а также готовность к её обнаружению ввиду подсознательного восприятия праздничной даты. Вторым значимым механизмом выступило разнообразие отображаемых форматов: в структуре информирования упоминались результаты работы поисковых отрядов, деятельность реконструкторов, результаты конкурсов и соревнований в рамках концертов и фестивалей. При наличии смены векторов освещения событий, молодёжь воспринимала сведения более активно, а также демонстрировала меньший уровень сопротивляемости.

Среди эксплицитного подхода в форме образовательного просвещения следует отметить, что экскурсионные программы и деятельность таких организаций как библиотеки, музеи и архивы упоминалась

лишь среди десятой части опрошенных. Учитывая большую ориентацию на виртуальную среду и цифровое общение, большее внимание было уделено публикациям рассекреченных данных и документов. Несмотря на сравнительно высокий интерес к данному рода сведениям, молодые люди отмечают значительный объём тематических постов и в ряде случаев – затруднительную для понимания терминологию. Участники исследования отметили, что наиболее эффективными подходами акции считают многообразие предлагаемых форматов, возможность беспрепятственного внесения личного вклада в базу данных, а также международную значимость феномена. Для молодых людей имеет значение восприятие открытости идеи исторической памяти для представителей различных стран, что формирует у них ощущение инклюзии в международные процессы и подтверждения ценности предлагаемых установок.

Библиографический список

1. Акинин А.А. Сохранение культурного и исторического наследия культуры народов России // Право и управление. 2024. № 7.
2. Атаева Дж., Бердыев М., Баймырадов Р. Сохранение исторического и культурного наследия путем реставрации и реконструкции зданий и сооружений // Вестник науки. 2024. № 6 (75).
3. Береснев В.Д., Береснева Н.И. «Бессмертный полк»: социокультурный контекст и философская рефлексия // Вестник Пермского университета. Филология. Психология. Социология. 2019. № 1.
4. Бешкинская В.С. «Бессмертный полк России»: символические и практические сдвиги в воспроизведении и интерпретации практики в 2019–2022 гг. // Политическая наука. 2023. № 2.
5. Малафеев А.В. «Бессмертный полк» как сохранение памяти о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. 2022. № 1 (46).

И.А. Грошева,

доцент, Филиал АНО ВО «ИДК» в Тюменской области (Тюмень)

И.Л. Грошев,

профессор, Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена Кутузова училище им. маршала инженерных войск А.И. Прошлякова (Тюмень)

«СОХРАНИТЬ, НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ»: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

(на примере данных мониторинга

«Студенчество о Великой Отечественной войне»)

Аннотация. В статье на основе анализа эмпирических данных масштабного научно-исследовательского проекта Российского общества социологов «Студенчество о Великой Отечественной войне» выявлены особенности восприятия студенческой молодёжью значимого исторического события.

Ключевые слова: историческая память, студенческая молодёжь, Великая Отечественная война, мониторинг, коммеморация, мировоззрение.

I.A. Grosheva,

Branch of ANO VO "IDK" in Tyumen Oblast (Tyumen)

I.L. Groshev,

Tyumen Higher Military Engineering Command School of the Order of Kutuzov named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov (Tyumen)

"SAVE, NOT FORGET": THE HISTORICAL MEMORY OF STUDENTS (based on data from the "Students on the Great Patriotic War" monitoring)

Abstract. This article is based on an analysis of empirical data from the Russian Society of Sociologists' large-scale research project "Students on the Great Patriotic War," identifies the characteristics of student youth's perceptions of this significant historical event.

Key words: historical memory, student youth, Great Patriotic War, monitoring, commemoration, worldview.

В эпоху постмодерна, главным правилом которого является отсутствие каких-либо правил и ограничений в самовыражении, общество оказалось в эпицентре конфликтного взаимодействия, порождаемого противоречивыми установками различных групп, являющихся активными субъектами формирования новой реальности. Объектами воздействия

стали исторические события, историческая память, в связи с чем развернулись настоящие «войны памяти», чему способствовали различные факторы: временные (удалённость событий во времени), поколенческие (смена поколений, очевидцев событий), политические (трансформационные процессы в постсоветском пространстве).

Следует отметить, что изучение концепта «историческая память» имеет высокую степень социальной востребованности, однако в настоящее время его нельзя назвать однозначно определённым, поскольку феномен памяти – это динамичный объект исследования. Кроме того, существуют различные научные школы, порой конкурирующие друг с другом. При ближайшем рассмотрении мы можем встретить такие понятия как «политика памяти», «историческая политика», «историческое сознание», «коллективная память» и др. В работах М. Хальбвакса отмечается, что «множество коллективных памятей» – это и есть историческая память [7], а Й. Рюзен рассматривает её через призму исторического сознания, возникающего в результате осмысления пережитого опыта [6, с. 23]. В отечественной историографии прослеживается связь исторической памяти и культуры. В исследованиях Л.П. Репиной рассматривается «реконструктивный характер» исторической памяти, представляющей собой актуальный набор культурных символов [5]. Позиция профессора О.Б. Леонтьевой о том, что историческая память проявляется в различных социальных практиках (в том числе социализация и ресоциализация, культурных травмах и др.) и формирует идентичность и культуру [3, с. 84] близка к концепции человеческого капитала Пьера Бурдьё [1]. В частности, в исследованиях А.И. Миллера, мы находим предложение обозначить имеющиеся коммеморативные практики и связанные с ними стратегии изучения прошлого термином «политика памяти». А всё то, что находится в сфере политических и партийных интересов, деятельности властных структур он предложил именовать исторической политикой, выступающей «частным случаем» политики памяти [4, с. 114].

Обзор существующих подходов подтверждает многозначность изучаемого феномена, актуализируя изучение проблем, возникающих в современном обществе. В частности, одна из них проявляется в противоречии государственной политики по сохранению памяти и массовой культуры. Со стороны государства осуществляется комплекс мероприятий, направленных на сохранение исторической памяти (созданы новые мемориальные комплексы, демонстрируются советские и современные художественные фильмы о войне, распространяется информация о Бесмертном полке и волонтерах Победы и т.д.). С другой стороны, в отдельных ток-шоу, а также на платформе Youtube можно встретить

высказывания о бессмысленности жертв среди русского народа. В беспощадном стремлении раскрыть историческую правду констатируются факты о психическом заболевании Зои Космодемьянской. Нельзя не согласиться с мнением Н.В. Шалаевой и Г.В. Лобачевой в том, что отказ от существовавшей концепции подачи информации, смещающий акценты, приводит к подмене образов и смыслов, разрушая тем самым консолидирующие основы общества [8, с. 217].

Обращение к исторической памяти как одному из основополагающих элементов образовательной, воспитательной и мировоззренческой парадигм обусловлена необходимостью исправления ошибок, допущенных в постсоветский период. Поспешный отказ от идеологической работы с населением, ставка на информационное разнообразие и способности современного человека к конструктивному анализу создали прецедент для активного внешнего влияния в виде образовательных, культурно-просветительских и информационно-пропагандистских программ иноагентов (программы Сороса, Форда и др.), необоснованного перехода на Болонскую образовательную систему, ревизии исторических фактов и событий, роли и значения Отечества в мироустройстве и миропорядке и др.

В условиях современного общества риска особое значение имеет изучение восприятия исторических событий студенческой молодёжью. Социализация современного поколения Z прошла в условиях мультикультурализма, в итоге оно приобрело специфические особенности. Во-первых, мировоззренческий разрыв между поколениями, констатируемый многими авторами, способствовал возникновению экзистенциального кризиса, изменившего систему восприятия исторических фактов. Во-вторых, высокая степень изменчивости в обществе, породившая быстрое устаревание информации, привела к тому, что исчезла необходимость фиксации информации в течение длительного времени. Отсюда неизбежные проблемы с когнитивными способностями, особенно с памятью. Механизм возникновения стереотипов восприятия важных исторических событий перестал функционировать. В-третьих, особенности ценностных установок и мышления современного молодого поколения. Следует отметить доминирование прагматизма: зумеры выражают готовность принимать участие в «приуроченных» мероприятиях, но сдержанно относятся к обязательствам. К этому следует добавить низкий уровень аналитических способностей и критического мышления.

В связи с этим, научный интерес представляет механизм функционирования памяти молодого поколения в отношении наиболее значимых событий, к которым, в частности, относится Великая Отечественная война 1941–1945 гг. (ВОВ). Чрезвычайно важно найти ответы на

вопросы о факторах влияния на историческую память (подвергается ли забвению, что мешает и что способствует её сохранению и др.). Вопросы восприятия отдельных событий Великой Отечественной войны студенческой молодёжью исследовались входе масштабного научно-исследовательского проекта Российского общества социологов (РОС) «Студенчество о Великой Отечественной войне», имеющего двадцатилетнюю историю, участниками которого являлись авторы статьи. Первая волна исследования проведена в канун 60-летия Великой Победы (N = 2000, 2005 г.), вторая волна – в канун 65-летия Победы (N = 3500, 2010 г.). В третьей волне (2015 г.) опрошено 4691 человек, в четвёртой (2020 г.) приняли участие 10065 человек. Пятая волна федерального мониторингового исследования «Студенчество о Великой Отечественной Войне» (декабрь 2024 – февраль 2025) охватила 19232 человека. Метод сбора информации – online-анкетирование (google-form), вопросы о репрезентативности выборки не ставились, принимали участие все желающие студенты.

В ходе анализа результатов опроса последней волны в целом по массиву выявлена зависимость восприятия значимого события от места проживания и места обучения студентов, т.е. фактически от среды социализации. Печально осознавать тот факт, что утрата интереса к событиям ВОВ в большей степени проявилась у студентов, живущих в городах-миллионниках. Например, с высказыванием «Война была давно и это неинтересно» чаще соглашались те, кто проживает в столичном городе и в меньшей степени жители малых городов и посёлков городского типа. Зафиксировано усиление патриотически настроенной молодёжи, причём чаще давали утвердительный ответ о том, считают ли они себя патриотами респонденты, относящие себя к верующим [2, с. 109].

Большинство студентов, позиционирующих себя религиозными (64 %), отмечали восприятие Победы как пример для подражания и подвига старших поколений. Среди нерелигиозных доля таких ответов составила меньше половины (47 %) [2, с. 115]. По сравнению с результатами мониторинга 2020 г. зафиксировано меньшее количество ошибок в названии исторических сражений и фамилиях полководцев ВОВ. В отношении последних выявлено большее разнообразие в ответах. Подтвердилось наличие региональной специфики в исторических представлениях молодёжи о героях войны и местах сражений (например, студенты из Волгограда чаще называли фамилию В.И. Чуйкова). Военачальники союзнических войск, в отличие от четвёртой волны, практически не упоминались в ответах. Тревожной выглядит ситуация в группе 18–24-летних студентов: больше половины не смогли вспомнить ни одного героя ВОВ, в целом по массиву – каждый третий.

Стоит отметить, что результат оценки вклада в победу СССР за период с 2005 года по 2025 претерпел некоторые изменения, при этом оценка вклада как значительного других стран по сравнению с 2020 г. снизилась. Студенты Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова (N = 497) дали самые низкие оценки вклада СССР, среди них выявлено самое большое количество затруднившихся с ответом. Степень значительности вклада оценена на 60,6 %, затруднились с ответом – 33,4 %. Оценки вклада СССР студентами остальных вузов варьировали от 89 до 96 %. Полученные данные требуют пристального внимания и дальнейшей интерпретации. Согласно данным всех волн мониторинга, учителя и учебники чаще всего выступают основными источниками получения информации об исторических событиях, именно им необходимо уделять особое внимание, учитывая неоднократные инциденты с теми же учебниками по истории не только на постсоветском пространстве, но и в России.

Нельзя игнорировать то обстоятельство, что историческая память народов Кавказа сохраняет события, связанные с насильственной депортацией, ставшей основой культурной травмы целого поколения, сформировало травмированную память. В северокавказских республиках созданы и продолжают создаваться мемориалы, посвящённые жертвам депортации: в 1992 г. мемориал установлен в Грозном, в 2005 – в Карачаевске, в 2014 – в селе Учкёкен Малокарачаевского района Карачаево-Черкесской республики и др. Имеются и другие примеры коммеморативных практик. Открыты для обсуждения вопросы: какое влияние оказывают подобные социальные практики на ценностную картину мира молодёжи? В каком контексте преподносится молодым людям эта болезненная часть истории и главное – кем? Отсюда возникает необходимость в региональной проработке вопросов формирования политики памяти, чтобы не возникла ситуация с постановкой запятой, обозначенная в названии статьи: «сохранить нельзя забыть».

Перспектива формирования исторической памяти, по мнению авторов статьи, может быть представлена в рамках трёх сценариев: 1) полное усвоение только тех фактов, которые имеют отношение к ценностям семьи и личным целям; 2) отказ от восприятия исторических фактов в целом по причине отсутствия их инструментальной составляющей; 3) присоединение к референтным группам с высокой степенью социальной эксклюзии с целью отражения дисфункциональной связи с социальным окружением.

Библиографический список

1. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. № 5.

2. Великая Отечественная война в исторической памяти российской студенческой молодёжи: от интереса к деятельному участию // Память сильнее времени: итоги V волны мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020–2025 гг.): монография / Е.В. Андрианова, Е.В. Ануфриева, А.А. Балясов [и др.]; [под общ. ред. Ю.Р. Вишневого]; М-во науки и высш. образования РФ, Урал. федер. ун-т им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2025.

3. *Леонтьева О.Б.* «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. Т. 50.

4. *Миллер А.И.* Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Политика. 2013. № 4 (71).

5. *Репина Л.П.* Историческая память и национальная идентичность. Подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. URL: https://roii.ru/dialogue/54/roii-dialogue-54_1.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

6. *Рюзен И.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 7.

7. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 15.06.2025).

8. *Шалаева Н.В., Лобачёва Г.В.* Социально-политическая мифология о Великой Отечественной войне и «войны памяти» // Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия : материалы международной научно-практической конференции «Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия», Саратов, 10–11 ноября 2021 г. / отв. ред. Наумов С.Ю. СПб.: Скифия-принт, 2022.

УДК 378

В.Н. Дежнев,

доцент, Шадринский государственный педагогический университет (Шадринск)

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ, НРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ЦЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Аннотация. В статье отмечается относительная стабильность религиозно-мировоззренческой ситуации, до половины студентов заявляют о своей религиозности. Вместе с тем существует увеличение безразличия к религиозно-мировоззренческим вопросам, религиозные нравственных нормы не часто выполняются в повседневной жизни. При позитивном в целом решении межнациональных проблем часть студентов негативно относится к пребыванию мигрантов на территории нашей страны. Проявляется серьезное непонимание ряда

актуально-политических проблем. Сравнение позиций отдельных типологических групп показывает, что наиболее адекватной является позиция представителей группы верующих, а наиболее проблемной является группа безразличных к вопросам религии.

Ключевые слова: студенческая молодежь, религиозность, нравственные ценности, политика, межнациональные отношения, духовно-нравственное воспитание, гражданско-патриотическое воспитание.

V.N. Dezhnev,

Associate Professor, Shadrinsk State Pedagogical University (Shadrinsk)

RELIGIOUS ORIENTATIONS, MORAL AND POLITICAL VIEWS AND VALUES OF PEDAGOGICAL UNIVERSITY STUDENTS

Abstract. The article notes the relative stability of the religious and ideological situation, with up to half of the students declaring their religiosity. At the same time, there is an increase in indifference to religious and ideological issues, religious moral norms are not often fulfilled in everyday life, while generally solving interethnic problems, some students have a negative attitude towards the stay of migrants in our country. There is a serious misunderstanding of a number of topical political issues. A comparison of the positions of individual typological groups shows that the most appropriate position is that of representatives of a group of believers, while the most problematic is that of those who are indifferent to religious issues.

Key words: student youth, religiosity, moral values, politics, interethnic relations, spiritual and moral education, civic and patriotic education.

Актуальность заявленной темы определяется цивилизационным противостоянием в духовно-ценностной сфере, необходимостью объективных знаний о ее состоянии особенно у студентов педагогического вуза.

Основой для анализа стало социологическое исследование, проведенное в 2024–2025 годах, в котором приняли участие 118 студентов пяти курсов очного отделения бакалавриата Шадринского государственного педагогического университета.

При определении религиозно-мировоззренческих позиций, особенностей отношения студентов к религии мы руководствовались предложенной ранее типологией [Дежнев В.Н. Религиозно-атеистические мировоззренческие ориентации студентов и вопросы духовно-нравственного воспитания // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2023. № 4 (60). С. 82–88] и выделили группы верующих, колеблющихся в своем отношении к религии и вере, не определившихся в своем отношении к религии, безразличных к религии и вере, не верующих и атеистов.

Распределение студентов по мировоззренческим группам согласуется с данными опроса 2020–2021 годов [Там же], что дает основание считать религиозно-мировоззренческую ситуацию в целом стабильной.

Анализ полученных результатов дает возможность выявить некоторые тенденции изменений религиозно-атеистических позиций студентов. Высокий уровень религиозности на первом курсе (третья часть студентов) на последующих курсах снижается, но стабильно сохраняется в пределах четвертой-пятой части респондентов. Неверие и атеизм характерны в целом для менее чем десятой части студентов и особенностей по курсам обучения не показывают.

Содержательная сторона религиозности студентов характеризуется тем, что если по объективным критериям верующими можно признать 22 процента отвечавших и еще 28 процентов – колеблющимися в своей религиозной вере, то есть 50 процентов респондентов являются религиозными людьми, то по ряду позиций цифры будут иными. Например, более 75 процентов соотносят себя с конкретной религиозной конфессией, называя себя православными, мусульманами и т.д., тем самым проявляя культурно-религиозную самоидентификацию, но далеко не все признают у себя наличие религиозной веры.

За помощью Бога в повседневной жизни обращаются 52 процента опрошенных, но храм, мечеть, молитвенный дом на регулярной основе посещают около 7 процентов, несколько раз в год бывают 16 процентов, а остальные были несколько раз в жизни. Следует отметить, что достаточно прочные позиции занимают суеверия, верят в различные приметы в большей или меньшей степени более 60 процентов респондентов.

Обращает внимание высокая доля не определившихся в своем отношении к религии (в среднем – каждый четвертый, а по отдельным курсам – больше). И конечно нельзя не отметить тревожную тенденцию роста безразличия к религиозно-мировоззренческим вопросам. Если на первом курсе безразличие к религиозным проблемам высказывает каждый десятый студент, в среднем по массиву – каждый шестой, то на пятом курсе одна треть респондентов заявляет о своем безразличии к религиозно-мировоззренческим вопросам.

При анализе оценок роли религии, ее влияния на общество и личность выявляется следующая приоритетность. На первое место поставлена значимость религии как средства утешения в трудные минуты жизни, помогающее их пережить. Вторым по значению названа роль религии в сохранении культурных ценностей и народных традиций. На третьем месте оказались оценки религии как источника дополнительных сил и роль религии в удержании от дурных поступков, как средства становления высоконравственного человека.

Оценки влияния религии на нравственный уровень личности и общества достаточно противоречивы. Однозначно положительное влияние отмечают 17 процентов респондентов, а 78 процентов считают, что религия в одних случаях влияет положительно, а в других отрицательно.

Оценки потенциала религии в ее влиянии на повседневное поведение таковы: 17 процентов считают важным влияние религии в повседневном поведении и 16,1 процента скорее важным, чем нет, в целом 33,1 процента, остальные считают роль религии в повседневной жизни не важной (44,9 процента) или совсем неважной (12,7 процента), а в целом 57,6 процента. В наибольшей степени подобная позиция характерна для групп безразличных (94,7 процента) и не определившихся в своем мировоззрении (76,7 процента). Что свидетельствует о значительном недопонимании роли религии как источника и хранителя морали, важного средства нравственного воспитания.

В ряде случаев религиозный фактор признается достаточно важным. При создании семьи для значительной части респондентов (38 процентов) религиозные убеждения являются критически важными при выборе партнера для брака, что указывает на необходимость соответствия мировоззрения и ценностей в отношениях. Для примерно трети респондентов (30 процентов), религиозные убеждения имеют значение при выборе партнера, но не являются определяющим фактором, еще для трети респондентов (32 процента) религиозные убеждения не играют существенной роли в процессе выбора партнера для брака.

Ответ студентов на вопрос об уровне уверенности в своих силах для преодоления трудностей дал такой результат: при средней уверенности по массиву в 84 процента верующие и неверующие дали стопроцентный положительный ответ, а не определившиеся в своем отношении к религии 56 процентов. Это дает возможность предположить, что определенность в мировоззренческих вопросах положительно влияет на настрой и результативность всей деятельности человека.

В вопросах взаимопомощи стремление самому найти возможность помощи товарищу наиболее высоко (50 процентов) у верующих, неверующих и атеистов, у остальных групп преобладающей является помощь только в случаях, когда об этом попросят. Причем у группы безразличных такая позиция является подавляющей – 74 процента. В мотивации помощи общественный мотив – «взаимопомощь помогает в решении общих задач» в наибольшей степени поддерживается атеистами и неверующими, частный мотив «облегчить труд товарища» в большей степени характерен для верующих и безразличных, мотив «добрые дела в будущем зачтутся человеку» характерен для верующих, колеблющихся и безразличных.

В вопросах межнациональных отношений 89,9 процента отвечающих заявляют, что уважительно относятся к людям любой национальности, а 83,9 процента считают, что все нации достойны уважения, отношение к человеку зависит от его поступков, а не от национальности. Вместе с тем часть отвечающих занимают позицию национально-религиозной уникальности либо противопоставления другим нациям на национально-религиозной почве. Так 2,5 процента отвечающих считают представителей своей нации достойными уважения больше других, 4,2 процента уважительно относятся только к нациям исповедующими одну религию со своей нацией, 1,7 делят нации на «хорошие» и «плохие». В отношении пребывания мигрантов на территории нашей страны мнения разделились следующим образом: положительно относятся к нахождению мигрантов 35 процентов, у 44,1 процента отношение нейтральное, а 17,8 процента к пребыванию мигрантов относятся крайне негативно. Это говорит о том, что сфера межнациональных отношений при общем внешнем благополучии имеет внутренний конфликтный потенциал, и требует внимания как от государственных структур, так и со стороны воспитателей всех уровней.

Анализ политических взглядов и предпочтений дает следующие результаты. Свою поддержку политическим партиям выражают 56,9 процента респондентов, наибольшую поддержку имеет партия Единая Россия (одна треть опрошенных). Среди отдельных типологических групп наибольшую политическую активность проявляют верующие (около 70 процентов), наименьшую – безразличные (37 процентов).

В отношении службы в армии выражают мнение, что необходимо отдать долг Родине, стать достойным гражданином 70,3 процента отвечающих, а среди групп безусловным лидером являются верующие с результатом 92,3 процента. Религиозный мотив – служба как испытание на пути к Богу – характерен для 2,5 процента респондентов. Другое отношение к военной службе выражают 28 процентов отвечающих, в том числе 18 процентов считают ее бесполезной тратой времени, при этом такая позиция наиболее характерна для студентов, отнесенных к группе безразличные (почти треть отвечающих). Все это весьма настораживает, особенно в современных условиях, и требует серьезных действий.

Политическая активность студентов в основном носит позитивный характер, в частности 60 процентов отвечающих не допускают своего участия в несанкционированном митинге. Вместе с тем 8,5 процента такую возможность допускают (среди безразличных – 15,8 процента), а 30 процентов затруднились с ответом.

Отношение к идущей специальной военной операции оказалось далеко не однозначным. Позицию того, что это вынужденный шаг для

восстановления безопасности и суверенитета России в борьбе с объединенным Западом, для защиты Донбасса и освобождения народа Украины от нацизма разделяют только 44,9 процента, причем наименьшую поддержку данная позиция имеет в группе безразличных – 26,3 процента. Другие ответы: можно было обойтись без проведения СВО – 16,1 процента, это агрессия против Украины – 3,3 процента, это наказание Бога – 1,7 процента, уклонились от ответа – 30,9 процента. Проблемы понимания текущей военно-политической ситуации оказались не совсем такими как представлялось и это вынудило оперативно принять ряд мер для выправления положения. Вместе с тем несмотря на определенное недопонимание политических процессов, студенты оказывают посильную поддержку нашим героям СВО, при ответе на вопрос о том, какие чувства они испытывают в адрес участников СВО абсолютное большинство выражает гордость за их поступки, радость за то, что они творят благое дело.

В порядке выводов следует отметить относительную стабильность религиозно-мировоззренческой ситуации, религиозно-ориентированные молодые люди составляют примерно половину студентов.

Студенты, в том числе по своему мировоззрению относимые к религиозным группам, очень редко посещают храм, мечеть, молитвенный дом, поэтому по характеру их религиозность можно назвать внецерковной.

Существует значительная часть не определившихся в своем отношении к религии (в среднем – каждый четвертый, а по отдельным курсам – больше). Проявляется тенденция роста безразличия к религиозно-мировоззренческим вопросам. Неверие и атеизм характерны в целом для менее чем десятой части студентов и особенностей по курсам обучения не показывают.

Признание важности религии в ее влиянии на нравственность не сопровождается реализацией этого понимания в повседневной жизни.

При настрое в целом на позитивное решение межнациональных проблем у пятая часть респондентов занимает позицию национально-религиозного противопоставления другим нациям.

Часть студентов в отношении ряда актуально-политических проблем (служба в армии, проведение СВО) проявляют непонимание современной военно-политической ситуации.

Среди отдельных типологических групп наиболее адекватной является позиция представителей группы верующих, а наиболее проблемная группа безразличных к вопросам религии. Потому в качестве важнейшей задачи в сфере формирования мировоззрения, в воспитательной работе является преодоление безразличия к религиозно-атеистическим мировоззренческим проблемам.

Г.Л. Ершова,

преподаватель социально-экономических дисциплин,
Ивановский фармацевтический колледж (Иваново)

ОПЫТ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНОВСКОГО ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА

Аннотация. В статье обобщается опыт патриотического воспитания студентов Ивановского фармацевтического колледжа на материалах истории изучения исторических памятников города Иваново и в частности бывшего хирургического корпуса дореволюционной больницы для мастеровых и чернорабочих. Рассматриваются формы и методы такой работы. Делаются выводы о возможностях сохранения, восстановления и популяризации всего историко-архитектурного наследия города Иваново, входящего в состав «Золотого кольца».

Ключевые слова: объекты культурного наследия, восстановление городских памятников архитектуры, патриотизм, исследования студенческого клуба.

G.L. Ershova,

Teacher of Social and Economic Disciplines,
Ivanovo Pharmaceutical College (Ivanovo)

EXPERIENCE OF PATRIOTIC EDUCATION IN THE ACTIVITIES OF THE IVANOVSKY PHARMACEUTICAL COLLEGE

Abstract. The article summarizes the experience of patriotic education of students of the Ivanovo Pharmaceutical College on the materials of the history of studying the historical monuments of the city of Ivanovo and, in particular, the former surgical building of the pre-revolutionary hospital for artisans and laborers. The forms and methods of such work are considered. Conclusions are drawn about the possibilities of preserving, restoring, and popularizing the entire historical and architectural heritage of the city of Ivanovo, which is part of the Golden Ring.

Key words: cultural heritage sites, restoration of urban architectural monuments, patriotism, and student club research.

Актуальной проблемой работы учебных заведений России является патриотическое воспитание учащейся молодежи. Одним из направлений такой деятельности является приобщение обучающихся к изучению исторических памятников своей малой Родины. В данной статье мы попытаемся обобщить опыт патриотического воспитания студентов Ивановского фармацевтического колледжа на материалах изучения исторических памятников города Иваново и в частности бывшего хирур-

гического корпуса дореволюционной больницы для мастеровых и чернорабочих.

В городе Иваново большое количество красивых старинных зданий. Все они – объекты культурного наследия и таких памятников архитектуры около 240. Большинство из них требуют реставрации. С момента своего открытия в 1998 году Ивановский Фармацевтический колледж принимает участие в восстановлении городских памятников архитектуры, в частности бывшего хирургического корпуса дореволюционной больницы для мастеровых и чернорабочих. Целью этой работы является сохранение объекта культурного наследия «Хирургический корпус, 1860–1910-е гг.», входящего в состав объекта культурного наследия регионального значения «Комплекс больницы для мастеровых и рабочих, 1860–1910-е гг.» и организация на базе колледжа музейно-выставочного пространства, посвященного этому комплексу. А в перспективе сохранение, восстановление и популяризация всего историко-архитектурного наследия города Иваново, входящего в состав «Золотого кольца» России необходимо решать в ближайшее время.

В ходе данной работы были поставлены следующие задачи.

1. Проведение противоаварийных и реставрационных, ремонтных работ по сохранению объекта культурного наследия «Хирургический корпус, 1860–1910-е гг.», входящего в состав объекта культурного наследия регионального значения «Комплекс больницы для мастеровых и рабочих, 1860–1910-е гг.».

2. Организация и проведение Студенческим клубом РИТМ архивных и исторических изысканий, связанных с объектом культурного наследия регионального значения «Комплекс больницы для мастеровых и рабочих, 1860–1910-е гг.» (люди, события, факты).

3. Разработка дизайн-проекта и экскурсии по музейно-выставочному комплексу (тематико-экспозиционный план, визуализация, светотехнический проект, проект оснащения экспозиции интерактивным оборудованием, контент - проект наполнения экспозиции).

4. Организация экскурсий, презентация и открытие музейно-выставочного комплекса.

5. Разработка серии репортажей об объекте культурного наследия, о ходе работ по его реставрации и о важности сохранения исторических памятников родного города.

Строительство больницы началось за несколько лет до официального правительственного указа от 26 августа 1866 г., обязывавшего фабрикантов обеспечивать рабочих медицинской помощью. Еще в 1857 году губернатор дал согласие на создание больницы и поручил составить «положение», которое утвердили через три года. К своему полуве-

ковому юбилею в 1911 г. больница имела целый комплекс больничных корпусов, оснащенных современным по тем временам оборудованием.

Сохранившееся до сегодняшних дней огромное по тем временам здание хирургического корпуса на 100 мест было спроектировано известным ивановским архитектором Сергеем Викторовичем Напалковым. Хирургический корпус – самое импозантное здание комплекса – выполненное в кирпичном стиле и играющее важную градостроительную роль на пересечении пр. Ленина с ул. Сибирской. Расположенный на центральном проспекте города этот объект культурного наследия является ярким примером архитектуры того времени.

Для организации всей патриотической работы в 2009 г. в колледже был создан студенческий клуб РИТМ (романтики, искатели, творцы и мечтатели). За этот период времени клуб занимался исследованиями в области краеведения: Города побратимы г. Иваново, История формирования брендов г. Иваново, Медицинские и фармацевтические династии ИФК, они прославили наш край, Ивановцы на фронтах Великой Отечественной войны, Первая аптека города Иваново-Вознесенска, Иваново – город трудовой доблести. Клуб разработал и проводит экскурсии по Ильинской слободе, Комплексу больницы для мастеровых и рабочих, исторической местности, где расположен колледж.

Для подтверждения социальной работы по восстановлению комплекса больницы для мастеровых и чернорабочих членами студенческого патриотического клуба РИТМ в разных частях города были проведены опросы жителей города по этому направлению (порядка 1000 человек, разной возрастной группы). Исследование показало глубокую озабоченность жителей состоянием нашего культурного наследия. 90 % респондентов отмечали необходимость сохранять и восстанавливать такие объекты, они украшают город и передают ему историческую ценность. Однако только 10 % опрошенных могут поделиться знаниями об объектах культурного наследия города. Остальные теряются в ответах, ограничиваясь лишь названиями пары музеев и некоторыми очень приметными объектами эпохи советского конструктивизма. В том числе горожане не владеют информацией об уникальном комплексе культурного наследия регионального значения «Комплекс больницы для мастеровых и рабочих, 1860–1910-е гг.», но знают из региональных СМИ, что на одном из объектов данного комплекса начались реставрационные работы.

Еще одним пунктом исследования клуба РИТМ был анализ официального портала Комитета Ивановской области по государственной охране объектов культурного наследия – «ПАМЯТНИКИ & ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ» (<http://culture37.ru/>). Рассматривались объекты культурного наследия

период создания, которых относится к концу XIX века – началу XX века. Согласно portalу в г. Иваново таких объектов 39. Из них у 70 % объектов удовлетворительное техническое состояние, однако, достойный внешний вид и убранство имеют лишь 36 %. Порядка 30 % имеют статус неудовлетворительного технического состояния, причем основная масса – это большие ансамбли и комплексы (реставрационные работы на фасадах не проводились, некоторые не соответствуют историческому внешнему виду).

Таким образом, в ходе проведенной исследовательской работы были сделаны следующие выводы:

1. Жителей города Иваново тревожит печальное состояние объектов культурного наследия;

2. Все опрошенные поддерживают необходимость сохранения и восстановления данных объектов, а в частности начавшуюся реставрацию «Хирургического корпуса, 1860–1910-е гг.», входящего в состав объекта культурного наследия регионального значения «Комплекс больницы для мастеровых и рабочих, 1860–1910-е гг.»;

3. Горожане крайне низко информированы об Истории города и его достопримечательностях.

4. Необходимо усилить информационную работу по информированию жителей города о его истории.

В настоящее время члены клуба РИТМ участвуют в проекте «Историческое Иваново-2». Студенты нашего объединения заинтересованы в восстановлении объекта культурного наследия «Хирургического корпуса больницы для мастеровых и рабочих города Иваново-Вознесенска». Студенческий патриотический клуб РИТМ проводит исследовательскую работу, связанную с изучением архивных документов о людях событиях и фактах, связанных с данным комплексом. Члены клуба используют воспоминания старожилов города, встречаются с историками – краеведами (Семененко Александром Михайловичем, Корниковым Аркадием Андриановичем).

В октябре 2025 года состоялось открытие музейно-выставочного комплекса. Были проведены экскурсии для студентов колледжа, школьников города, Городского Совета Пенсионеров и депутатов Городской Думы.

Был снят репортаж на Ивановском ТВ об объекте культурного наследия для жителей города и области.

Наши первоочередные задачи:

- во-первых, усилить интерес к истории родного города и его достопримечательностям;

– во-вторых, подарить родному городу эстетически красивое место, которое станет его украшением и поднимет его туристическую привлекательность;

– в-третьих, позволит проводить экскурсии для жителей города и знакомить их с историческим наследием;

– а в – четвертых, студенты колледжа будут иметь возможность соприкасаться с историческим наследием ежедневно.

За период 2020–2025 годы, наш колледж и его студенты, члены Студенческого клуба РИТМ, осуществляя работу над проектом «Историческое Иваново» провели.

1. Встречу членов Студенческого клуба РИТМ с историками – краеведами о значимости восстановления объекта культурного наследия «Хирургического корпуса больницы для мастеровых и рабочих города Иваново-Вознесенска»;

2. Встречу с Главой Города Иванова Шарыповым Владимиром Николаевичем о значимости восстановления объекта культурного наследия «Хирургического корпуса больницы для мастеровых и рабочих города Иваново-Вознесенска», в ходе интервью были заданы вопросы:

– Как вы относитесь к тому, что колледж участвует в конкурсе Президентских грантов по направлению «Сохранение исторической памяти»?

– Будет ли администрация города оказывать поддержку в ходе реализации проекта «Историческое Иваново» в случае победы в конкурсе?

– Как глава города Иваново считаете ли вы целесообразным создание музейно-выставочного пространства в здании Хирургического корпуса Больницы Мастеровых и рабочих? (интервью на сайте колледжа, в разделе «Президентские гранты»).

3. Провели социологический опрос жителей и старожилов г. Иваново о значимости восстановления объекта культурного наследия «Хирургического корпуса больницы для мастеровых и рабочих города Иваново-Вознесенска».

Вопросы интервью:

– Какие объекты культурного и исторического наследия есть в нашем городе?

– Надо ли сохранять объекты культурного и исторического наследия?

– Почему объекты культурного и исторического наследия в нашем городе находятся в запущенном состоянии. Их сносят и строят Торговые центры?

– Считаете ли Вы, что восстановлением объектов культурного и исторического наследия могут заниматься: физические лица, Индиви-

дуальные предприниматели, организации (юридические лица), образовательные учреждения, общественные объединения, любители истории и культуры?

– Какие из зданий Частного профессионального образовательного учреждения «Ивановский фармацевтический колледж» относятся к объектам культурного и исторического наследия нашего города?

4. Участвовали в межрегиональных конференциях студентов и преподавателей 2022–2025 гг.

В 2024 году проект «Историческое Иваново» Ивановского Фармацевтического колледжа получил Президентский гранд. Это дало возможность продолжить исследовательскую работу. В настоящее время принимаем участие в проекте «Историческое Иваново-2».

Используя наработанные материалы, члены студенческого клуба РИТМ разработали городскую экскурсию по «Комплексу больницы для мастеровых и рабочих г. Иваново-Вознесенска» в центре города, а также экскурсию по музейно-выставочному пространству внутри колледжа.

Таким образом, проведенная исследовательская и методическая работа в рамках студенческого клуба РИТМ, реализации проекта «Историческое Иваново» способствовала улучшению патриотического воспитания студентов фармацевтического колледжа, усилению их интереса к истории. Вместе с тем, достигнутые результаты требуют их глубокого осмысления и планирования дальнейшей деятельности, в частности популяризации всего собранного материала при проведении экскурсионной работы в Иваново, как составной части известного туристического маршрута «Золотое кольцо».

Т.В. Ершова,

профессор, Московский городской педагогический университет (Москва)

А.Р. Кабуров,

аспирант, Московский городской педагогический университет (Москва)

ГАЗЕТА «КРЕМЛЬ ИЛОВАЙСКОГО»: ВЗГЛЯД ИСТОРИКА НА ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Аннотация. Статья посвящена взглядам историка Д.И. Иловайского на Первую мировую войну и актуализированные ею проблемы внутренней жизни России, изложенным им в собственной газете «Кремль».

Ключевые слова: Первая мировая война, «Кремль», Д.И. Иловайский, периодическая печать, Германия.

T.V. Ershova,

Professor, Moscow City Pedagogical University (Moscow)

A.R. Kaburov,

Postgraduate student, Moscow City Pedagogical University (Moscow)

ILOVAISKY KREMLIN NEWSPAPER: A HISTORIAN'S VIEW OF THE FIRST WORLD WAR

Abstract. The article is devoted to the views of historian D.I. Ilovaisky on the First World War and the problems of Russia's internal life that it actualized, as outlined by him in his own newspaper Kremlin.

Key words: World War I, "Kremlin", D.I. Ilovaisky, periodical press, Germany.

При изучении отражения Первой мировой войны в отечественной периодической печати примечательным источником является газета «Кремль» («Кремль Иловайского»), издававшаяся Д.И. Иловайским в Москве в 1897–1916 годах. Газета выходила раз в год, объёмом не больше 6–7 страниц. При этом газета не содержала рекламы, афиш и прочих атрибутов периодических изданий того времени, поэтому каждый номер по сути являлся сборником собственных заметок и статей Иловайского, ввиду чего «Кремль» и представляет интерес, несмотря на редкий выход и малый объём. Иловайский исповедовал радикально-консервативные взгляды, что нашло отражение в его публицистике. Дмитрий Иванович – историк, а не журналист, поэтому для него имеет ценность не сенсация и не погоня за интересом читателей, а возможность поделиться своей профессиональной и взвешенной оценкой.

В последнем номере газеты (март 1916 года) Иловайский так охарактеризовал цель своей издательской деятельности: «При конце своего земного поприща, автор-издатель всё ещё горит желанием по мере сил послужить Царю и Родине своими историческими сведениями и многолетними политическими наблюдениями» [8].

Война рассматривается Иловайским в контексте эпохи новейшей истории, где доминирующим интересом и движущей силой, по словам историка, стали интересы национальные [9]. Соответственно, именно германский национализм выступает причиной охватившей Европу войны – «главный источник настоящей великой войны – это ненасытные национальные стремления и аппетиты Немцев» [2]. О предпосылках к военному конфликту и его близости Иловайский писал ещё в 1912 и 1913 годах (о чём напоминал в выпуске газеты 1914 года). Дмитрий Иванович разделял распространяемую многими периодическими изданиями в 1914 году концепцию славяно-германского антагонизма. Согласно этой точки зрения, война именно с Россией как благотворительницей славян, в данном случае – южных, была предreshена «Австро-Германией». Тот факт, что первый удар Германии пришёлся на запад, а не на восток, объясняется Божьей милостью и ошибкой Вильгельма II. Таким образом, историк транслирует представление о России как главной цели немецкой агрессии.

Уже в 1914 году Иловайский излагает своё видение условий заключения мира. Выделим главные предлагаемые историком после победы над германским блоком мероприятия: 1) «Сократить и обезвредить Германскую империю», то есть ликвидировать империю как таковую, дать независимость некоторым немецким землям, а иные поделить между соседними государствами; 2) Предъявить Германии контрибуцию «вчетверо или впятеро» больше взятой ей с Франции в 1871 году; 3) Поделить между победителями германский военный флот; 4) Разделить территорию Австро-Венгрии, переведа её земли, населённые славянами под покровительство России; 5) Окончательное решение Восточного вопроса в пользу России; 6) Освобождение Гроба Господня и Святой земли от мусульман [2]. Как видим, в прогнозах историка содержатся как откровенно утопические идеи, так и реально имевшие место меры воздействия на поверженную Германию и Австрию.

Не остались без внимания и «немецкие зверства». Иловайский сравнивает немцев с вандалами, гуннами и татаро-монголами [2]. Актуальным оставался вопрос о причинах «страшной перемены», произошедшей с высококультурным немецким народом. «Только теперь становится ясно, что она не явилась внезапно, что она подготавливалась издавна, а именно со времён победоносных войн, завершённых

объединением Германии и вызвавших крайнее национальное сомнение», указывает Иловайский [2]. Здесь, между прочим, содержится и критика «бывшего Санкт-Петербурга с его постоянной угодливостью и уступчивостью перед Берлином». Иловайский не стесняется критиковать на страницах своей газеты дипломатию России. «Но кто же более всего в том виноват? Да всё тот же бывший Петербург-немцефил» – напишет он по поводу вступления в войну Болгарии [1]. Неоднократно на страницах газеты подвергался нападкам и министр иностранных дел Сазонов.

Что касается целей внутренней политики России на время войны, то Иловайский призывает к «разнемечению» русской политики, культуры и экономики. В статье «Главные задачи внутренней политики и разнемечение России» даётся исторический обзор засилья немцев в России. В условиях начавшейся войны акцентируется внимание на конкретных примерах влияния немцев на государственную политику. Впрочем, далее речь идёт о европейском засилье вообще и о еврейском вопросе в частности [4]. Стоит отметить, что проблема иностранного (иностранного) засилья в культуре и экономике России поднималась Иловайским до войны и будет фигурировать в каждом последующем выпуске его газеты. В 1915 году он констатирует «крайнюю недостаточность или малую действенность тех мероприятий, которые должны были бы способствовать сему разнемечению» [5].

В дальнейшем историк не будет касаться боевых действий и хода войны, обращая своё внимание «на политику, и экономику, отчасти внешнюю, а главным образом внутреннюю». Свою позицию по обозначенным областям Иловайский характеризует как «неизменно строго русскую, национальную», отмечая при этом, что «строгий национализм отнюдь не означает какое-либо угнетение инородцев. Наоборот, мы прежде всего настаиваем на освобождении коренной Русской народности от всякого инородческого засилья» [7].

К числу главных проблем, выдвинутых войной на первый план, Иловайский относит культурную и техническую (промышленную, экономическую) отсталость России. Эту отсталость он объясняет недостатком протекционизма, проповедником которого являлся [6]. О необходимости покровительства отечественной экономике историк будет писать и в 1915, и в 1916 годах [11, 10].

На этой почве он вступил в заочную дискуссию с другими периодическими изданиями: «наша левая или антинациональная печать всегда и дружно восставала против протекционизма ... Это *Русские ведомости*. За ними шли *Русское слово*, *Раннее утро* и другие органы левой печати» [11]. Недовольство Иловайского вызвало и недостаточное участие печати в обозначении проблемы: «Теперь русская периодическая

печать усердно толкует о нашей отсталости в культуре и технике и происходящих отсюда трудностях в борьбе с Германией. Но что делала она в предшествовавшее мирное время, чтобы побороть эту отсталость? Да почти ничего или очень, очень мало» [11]. При этом Иловайский подчёркивает свои «тщетные» попытки «обратить внимание, кого следует, на величайшую опасность, грозящую нам со стороны нашей отсталости» [11]. Упомянутую «левую» и «антинациональную» печать Иловайским именуется «органом жидо-кадетской партии» и, наряду с представителями этой самой партии, считает внутренним союзником немцев [3].

Таким образом, на страницах своей газеты Д.И. Иловайский не только обозначал свою гражданскую позицию, но и давал оценку происходящих событий с позиции историка-профессионала. Главную причину войны он усматривал в росте германского национализма, посягнувшего на славянский мир. Не считая возможным обсуждать боевые действия до их окончания, Иловайский затрагивал актуальные в условиях военного времени проблемы развития и общественной жизни Российской Империи.

Библиографический список

1. Бывший болгарский нейтралитет и наша дипломатия // Кремль. 1915. 17 октября.
2. Великая освободительная война и задачи внешней политики // Кремль. 1914. 30 декабря.
3. Внутренние союзники немцев // Кремль. 1915. 17 октября.
4. Главные задачи внутренней политики и разнемецение России // Кремль. 1914. 30 декабря.
5. К вопросу о разнемецении России // Кремль. 1915. 17 октября.
6. Как мы берегли свою культурную отсталость перед великой войной // Кремль. 1914. 30 декабря.
7. Москва, 16 октября // Кремль. 1915. 17 октября.
8. Москва, 26 марта // Кремль. 1916. 26 марта.
9. Москва, 29 декабря // Кремль. 1914. 30 декабря.
10. Покровительство, покровительство и покровительство // Кремль. 1916. 26 марта.
11. Промышленность, печать и государственная оборона // Кремль. 1915. 17 октября.

М.В. Жульков,

доцент, Ивановский государственный университет (Иваново)

РОССИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

Аннотация. В настоящее время происходят трансформация из однополярного в многополярный мир. Россия активно участвует в формировании многополярного мира, формируя и являясь членом таких объединений как БРИКС, ШОС, ЕАЭС, союзное государство Россия – Белоруссия. В статье на основе сетевого подхода показана иерархия глобального управления мировой цивилизационной сетью, перечислены сформированные и формирующиеся цивилизационные зоны, рассмотрены отдельные глобальные проекты.

Ключевые слова: мировая цивилизационная сеть, иерархия глобального управления, многополярный мир, цивилизационная зона, глобальные проекты.

M.V. Zhulkov,

Associate Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

RUSSIA IN THE MULTIPOLAR WORLD

Abstract. The world is currently undergoing a transformation from a unipolar to a multipolar one. Russia is actively participating in the formation of a multipolar world, forming and serving as a member of such associations as BRICS, the SCO, the EAEU, and the Russia-Belarus Union State. Using a network approach, this article demonstrates the hierarchy of global governance within the global civilizational network, lists existing and emerging civilizational zones, and examines individual global projects.

Key words: global civilizational network, global governance hierarchy, multipolar world, civilizational zone, global projects.

Современный мир находится в процессе трансформации. Они имеют сложную структуру, многоплановость, разную скорость протекания, захватывают как отдельные страны, так и регионы и весь мир, преобразуются практически все стороны жизни.

Процессы, протекающие в современном мире, носят противоречивый характер, это глобализация и деглобализация, регионализация. Глобальный мир, конечно, остается, происходит выбор пути его дальнейшего развития: однополярный или многополярный мир, тип многополярности. Деглобализация определяется необходимостью увеличивать суверенитет стран, происходит подъем национальных самосознаний. Регионализация – это скорее процесс изменения формы глобализации,

мир разделяется на сформированные и формирующиеся цивилизационные зоны. Эти региональные объединения характеризуются особенностями экономики, политики, религии, культуры, они формируют валютные зоны, общие социальные сети и медиа пространства.

Россия участвует в этих процессах, утверждает политический, военно-стратегический суверенитет; борется за экономический, внешнеторговый, культурный суверенитет, в том числе развивая национальную культуру, философию. Россия осуществляет разворот на Восток в торговле, культурных, политических и экономических связях.

Отметим, что в истории выделяется восточная глобализация, репликой которой является китайский шелковый путь, объединявший Евразию, а также часть Африки, он просуществовал до XVIII века. Западной модели глобализации примерно пятьсот лет, в настоящее время доминирование Запада подходит к концу и развивается всеобщая глобализация, в которой принимают участие страны и регионы всего мира, постепенно формируя многополярный мир.

Большую проблему для безопасности России (и для всего мира) создает расширение НАТО на восток, что привело к необходимости СВО на Украине. Пять волн расширения НАТО: 1999 – Польша, Венгрия, Чехия; 2004 – Болгария, Эстония, Латвия, Литва, Румыния, Словакия и Словения; 2009 – Албания, Хорватия; 2017 – Черногория; 2020 – Северная Македония. Следующими странами, по планам Альянса, должны были стать Грузия, Украина, что делало нашу страну сильно уязвимой, нарушало основу безопасности России. В 2022 г. в состав НАТО были приняты Швеция, Финляндия. Тем самым военно-политический блока вплотную подошел к границам России.

Рассмотрим структуру современного мира, используя сетевой подход, концепцию мировой цивилизационной сети [3]. В этой концепции города представляют собой узлы (обладающие набором потенциалов), связанные между собой линиями, символизирующие экономические, военно-политические, информационные связи. Концепция рассматривает как иерархические, так и горизонтальные, сетевые связи в современном мире. Сеть показывает, как социальные структуры, так и формирующееся глобальное сознание. Субстратом системы мировой сети является совокупность поселений на планете, структуру образуют вещественные, энергетические, информационные связи между ними, формирующееся глобальное сознание / глобальный сетевой разум является системообразующим свойством мировой сети. Данная сеть моделирует цивилизацию с ее экономикой, культурой и политикой – с одной стороны. А с другой – это модель глобального и локального сознаний. Элементами глобального сознания выступают не столько индивидуальные сознания, сколько объединенные сознания городских поселений.

Жизнь сети – это возбуждение связей или изменения внутри узлов сети – городов. По нашему мнению, триггером современного развития явилось событие 11 сентября, возбуждение крупного узла мировой сети (Нью Йорка), от которого начали расходиться круги ответных реакций. Изменения, которые происходят в сети, хорошо известны: экологические проблемы, экономические и политические кризисы, военные конфликты, межрелигиозные конфликты, распад и образование новых государств, стихийные бедствия, техногенные катастрофы, международный терроризм, развитие науки и технологий. Все эти такие разные события вызываются возбуждением отдельных узлов сети или их взаимосвязей, а также целых локальных регионов.

Концепция исследует три уровня взаимодействий в мировой сети: вещественно-энергетический, психоэнергетический, информационный. Взаимосвязь между уровнями определяется основным ноосферным законом (информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество, разработан И.В. Дмитриевской [1, с. 27–28]). Примерное содержание уровней [3, с. 95]:

- вещественный, социальный уровень – это синтетический уровень, он объединяет политические, экономические и культурные процессы. Одновременно эти процессы можно классифицировать как обмен веществом, энергией, информацией, все эти компоненты должны иметь определенный физический субстрат.

- энергоинформационный, структурно-энергетический уровень. Содержит психоэмоциональные, психоэнергетические отношения: межэтнические, военно-стратегические, религиозные отношения; национальные характеры, пассионарность этноса, его психологические особенности – все, что связано и отрабатывается психическими энергиями и напряжениями, психоэнергетические потенциалы стран и народов, а также городов;

- информационно-семиотический уровень – наполнение осуществляется энергией мысли: культура, наука, образование, философия, национальные миссии и цели, мировоззрение, система права и т.п. Этот уровень обеспечивает общее поле для обсуждения проблем, культурного, идейного обмена, достижения компромиссов по мировоззренческим вопросам, возможности решения проблем.

В связи с выделенными уровнями необходимо констатировать, что цивилизация, как мы ее понимаем, существует на социальном (социально-экономическом) уровне, а глобальное сознание формируется не столько на этом уровне, сколько на своем собственном – информационном.

Связи в мировой цивилизационной сети формируются на основе двусторонних, трехсторонних и многосторонних отношений. Геополитические треугольники – способ формирования мировой цивилизацион-

ной сети. Отношения в геополитическом треугольнике характеризуются динамикой, то есть двусторонние напряжения сглаживаются благодаря большей циркуляции различных энергий между странами.

Геополитические треугольники являются составной частью мировой цивилизационной сети, представляют способ ее ноосферной самоорганизации, образуют каналы протекания культурно-семиотических, политических, экономических энергий [2]. Они формируются для решения общих проблем, региональных или глобальных, а также могут иметь этническое происхождение. Выделены этнический, региональный и стратегический типы треугольников, а также четыре дополнительных, обеспечивающих расширение влияния отдельных государств и треугольников государств [2, с. 143–145].

На основе концепции мировой цивилизационной сети возможно выстроить современную структуру глобального управления. Она включает в себя несколько уровней взаимосвязей в сетевой организации мира:

Глобальный стратегический треугольник Россия – США – Китай;

Организация развитых стран Запада (G7) и БРИКС (см. ниже) как ядро нового миропорядка;

Региональные политические, военно-политические, экономические, общественные организации (НАТО (агрессивный военный блок западных стран), ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), ЕАЭС (Евразийский экономический союз), ОДКБ (организация Договора коллективной безопасности) и др.)

Одновременно происходит формирование отдельных цивилизационных зон, ряд из них уже функционируют, другие не сформированы или находятся на разных ступенях формирования: ЕС, страны англосаксонского мира (США, Англия, Австралия, Новая Зеландия), Россия и страны СНГ, Япония, Китай, Индия, АСЕАН (объединение стран Юго-Восточной Азии); объединения стран Африки, Латинской Америки, стран Ближнего Востока.

Глобальной структурой (общественной организацией) является Организация Объединенных наций, в которую входят Совет безопасности ООН, Генеральная Ассамблея ООН, различные подразделения ООН.

Еще одним способом объединения цивилизационных зон и глобального мира являются большие проекты, предлагаемые теми или иными странами:

Проект Трансатлантического партнерства (ТТП) между США и ЕС, в настоящее время не имеет формальной организации;

Один пояс – один путь, проект предложен Китаем, включает евразийские и межконтинентальные транспортные коридоры, как сухопутные, так и морские. Россия участвует в транспортном коридоре между Китаем и ЕС (БАМ, транссибирская железнодорожная магистраль);

Российский проект: международный транспортный коридор Север – Юг, соединяющий Индию через Иран, Азербайджан, Туркмению, Казахстан с Россией, странами ЕС, предложен Россией;

Северный морской путь, Российский проект, соединяющий Китай, страны Юго-Восточной Азии с Европой, Россией. Требуется ледокольный флот, среди преимуществ – более короткий путь, а также более безопасный, чем традиционный путь через Малакский пролив, Красное и Средиземное моря.

БРИКС+ – неформальное объединение стран, имеющих общие взгляды на современный мир. Основные характеристики: страны выступают за справедливый многополярный мир, за международный правопорядок под эгидой ООН; отсутствует главная страна, решения принимаются консенсусом, отношения основаны на принципе невмешательства во внутренние дела друг друга. БРИКС постепенно стал организационной формой многополярного мира. В декабре 1998 года Е. М. Примаков предложил геополитический треугольник Россия – Индия – Китай (РИК), который со временем стал основой БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), функционирует с июня 2009 года. В 2024 году к объединению присоединились еще шесть государств, теперь оно называется БРИКС+: ОАЭ, Иран, Египет, Эфиопия, Саудовская Аравия, Индонезия. Создан банк БРИКС для расчетов во взаимной торговле в национальных валютах. В БРИКС входят страны всех континентов, то есть эта организация имеет планетарный охват.

Союзное государство Россия – Белоруссия. Государственное объединение нового типа, надгосударственное образование для выработки общих подходов в политической, экономической, финансовой, оборонной, социальной сферах, унификации законодательств. Основано в 1996 году. При этом страны сохраняют суверенитет, конституционный строй, членство в международных организациях, символику.

Период XX века невозможно представить без России, через территорию которой прошли основные битвы этого века – революции, мировые войны, образование мировой системы социализма. СССР играл ключевую роль в послевоенный период холодной войны, стоял у истоков образования ООН, принял активное участие в распаде мировой колониальной системы, становлении биполярного мира. Именно в период социализма Россия стала сверхдержавой. Современная Россия борется за справедливый мировой порядок, становление многополярного мира, так же находясь на острие мировой истории. Советский Союз ориентировал своих союзников на путь социалистической ориентации, в идеологии, политике и экономике. Современная Россия отказалась от идеологического диктата, экспортирует безопасность при условии

равноправного сотрудничества. Так, в настоящее время разворачивается битва за Африку, где Россия и Китай вытесняют бывшие колониальные державы и США. Китай приносит инвестиции, Россия – военное сотрудничество, атомные технологии, технологии в сфере добычи полезных ископаемых.

После введения санкций стало необходимым развивать полные циклы производства внутри страны, собственную финансовую систему, необходим уход от доллара как доминирующей валюты и др. Россия развивает евразийский проект: собственное возрождение и развитие; развитие в рамках ЕАЭС; обеспечение безопасности этого пространства с помощью ОДКБ; развитие и интеграция Евразии в рамках ШОС; наконец, БРИКС как основа нового миропорядка. Позиционирование ШОС и БРИКС как организационных структур нового миропорядка не раз озвучивалась главой МИД России С.В. Лавровым.

Таким образом, Россия продолжает играть в мире существенную роль, входя в стратегический геополитический треугольник (Россия – США – Китай), выступает за формирование справедливого многополярного мира (что является выражением русской идеи на современном этапе), является инициатором и двигателем формирования организаций нового мирового порядка, каковыми являются БРИКС – как мировое объединение, ШОС – континентальное, ЕАЭС и ОДКБ – организации на пространстве бывшего СССР, союзное государство Россия – Белоруссия.

Во внутренней политике вырабатывается проект справедливого общества, соединяющего преимущества капитализма и социализма без их недостатков. Россия преодолевает проблемы борьбы с НАТО (СВО на Украине), тем самым борется за обеспечение безопасности; занимается реиндустриализацией, производит разворот на Восток в своей внешней политике, торговле, решает основные проблемы – в развитии экономики, финансовой политике, преодолении демографического спада. Государство является главной организующей и реализующей силой национального развития.

Библиографический список

1. *Дмитревская И.В., Портнов А.Н., Смирнов Г.С.* Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы. Ч. 1 // Ноосферные исследования. 2002. Вып. 1. 158 с.

2. *Жульков М.В.* Геополитические треугольники как способ самоорганизации мировой цивилизационной сети // Вестник Московского государственного Областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 139–152. DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-139-152

3. *Жульков М.В.* Мировая цивилизационная сеть: модель глобального мира // Современные философские исследования. 2023. № 4. С. 91–102. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-91-102

Р.В. Карапетова,

преподаватель, Краснодарский педагогический колледж (Краснодар)

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ГЕНОЦИДЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА НАЦИСТАМИ И ИХ ПОСОБНИКАМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ОСНОВЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Доклад посвящен значимым событиям, связанным с празднованием 85-й годовщины победы в Великой Отечественной войне. Автор подчеркивает важную роль исторических уроков и необходимость сохранения памяти о подвигах предков.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, искусственный интеллект.

R.V. Karapetova,

Teacher, Krasnodar Pedagogical College (Krasnodar)

PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY OF THE GENOCIDE OF THE SOVIET PEOPLE BY THE NAZIS AND THEIR ACCOMPLISHES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR BASED ON THE POSSIBILITIES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. The report is devoted to significant events related to the celebration of the 85th anniversary of victory in the Great Patriotic War. The author emphasizes the importance of historical lessons and the need to preserve the memory of our ancestors' heroic deeds.

Key words: Great Patriotic War, historical memory, artificial intelligence.

В этом году наша страна отметила 85-летие со дня Победы в Великой Отечественной войне. Как сказал президент России В.В. Путин 9 мая 2025 года, «мы помним, что судьба человечества решалась в грандиозных битвах под Москвой и Ленинградом, Ржевом, Сталинградом, Курском и Харьковом, под Минском, Смоленском и Киевом, в тяжёлых кровопролитных боях от Мурманска до Кавказа и Крыма». «Россия сейчас переживает сложный, рубежный период. Судьба Родины, её будущее зависит от каждого из нас» [1].

Спустя месяц, на заседании Петербургского международного экономического форума президент отметил, что «Важно не только разрабатывать новые технологические решения, но и оперативно внедрять их в жизнь» [3].

В своей педагогической практике мы решили совместить сохранение исторической памяти и возможности технологий искусственного интеллекта. Этот шаг предоставляет огромные возможности, но вместе с тем ставит и серьезные вопросы, требующие взвешенного и обдуманного подхода. Сегодня мы постараемся рассмотреть эту тему, выявить потенциальные преимущества и риски, а также определить, как можно эффективно и этично интегрировать ИИ в образовательный процесс.

ИИ позволяет создавать новые образовательные инструменты, такие как интерактивные материалы, виртуальные экскурсии и обучающие видео. Эти инструменты делают обучение более увлекательным и интерактивным, что способствует лучшему усвоению материала. При этом ИИ не способен заменить человеческое общение и эмоциональную поддержку, которые так важны для развития личности. Учитель – это не просто источник знаний, а наставник, который вдохновляет, поддерживает и помогает ученику раскрыть свой потенциал. Технологии должны быть инструментом, который помогает нам достигать образовательных целей, а не самоцелью.

Нетрадиционная форма проведения занятия урок-суд является эффективной, поскольку сочетает в себе различные виды самостоятельной деятельности обучающихся. В ходе подготовки рассматриваются различные исторические документы и факты, которые необходимо исследовать и буквально «пропустить через себя», чтобы представить точку зрения и мотивы всех участников заседания. Формируется чувство патриотизма и умение работать в команде. В ходе работы над проектом обучающиеся активно исследовали материалы сайта. Без срока давности, работали с архивными документами, информационными источниками и мемуарами.

Обратимся к видеоматериалам, демонстрирующим преступления нацистов против детства. Вот история юного скрипача Муси Пинкензона – одиннадцатилетнего скрипача из станицы Усть-Лабинскую Краснодарского края (рис. 1).

Рис. 1. Видеоматериалы

Перейдя по коду можно узнать историю 11-летнего Гарика Стародубцева, уроженца станицы Динской, ставшего партизаном. В августе 1942 года он пробрался в совхоз «Агроном», где стояла наша оборона,

и вступил в конную разведку, разведал, где стоит обоз, батарея, бензовозы немецких войск и убил немецкого солдата. За отважную разведку и образцовое выполнение обязанностей связного, Гарик Стародубцев награжден медалью – «За боевые заслуги» При помощи нейросети мы оживили фотографии военной кинохроники и озвучили бессмертные строки стихотворения А.Т. Твардовского «Рассказ танкиста», а также связали события Великой Отечественной войны и Специальной военной операции словами стихотворения Ксении Мальцевой «Ты вернешься домой, солдат» (рис. 2).

Рис. 2. Видеоматериалы

На уроке ожила история Алексея Лебедева. Этому мальчику с большими и взрослыми глазами на снимке 12 лет. Он оказался среди тех, кто сумел выжить в Освенциме. Там ему и присвоили номер, который он показывает на фотографии. Номер 158671, который остался с ним на всю жизнь, как память о детстве, которого не было. Война забрала у него все, – отца, мать, сестер. Он вырос в Киевском детском доме, а когда вырос – закончил вуз и стал дипломатом. К сожалению, его не стало в 1972 году, когда ему было 38 лет. Все эти материалы были представлены на занятии в ходе заседания суда «Нюрнбергский процесс» (рис. 3).

Рис. 3. Алексей Лебедев

Заключение. Сегодня важно подготовить высококвалифицированных будущих специалистов, воспринимающих судьбу Отечества как свою собственную. Без знания своего исторического прошлого нет будущего. Сегоднешние обучающиеся педагогического колледжа – это будущие педагоги и родители. От их слова и дела зависит наше «завтра». Если в течение года они будут узнавать страницы истории и делиться этим в доступной и современной форме со сверстниками, то в дальнейшем смогут передать свои знания следующему поколению.

Библиографический список

1. Путин В.В.: РФ должна отстаивать историческую правду о событиях Второй мировой [Электронный ресурс]. URL: www.gazeta.ru (дата обращения: 25.10.2025).
2. Путин: новая архитектура безопасности должна быть равной и неделимой [Электронный ресурс]. URL: tvzvezda.ru (дата обращения: 27.10.2025).
3. Путин с Красной площади обратился к россиянам. [Электронный ресурс]. URL: www.tvc.ru (дата обращения: 27.10.2025).

УДК 94(47).084

В.В. Комиссаров,

профессор, Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет (Иваново)

ПОПУЛЯРНОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНТСКИХ ПРОФЕССИЙ У ВЫПУСКНИКОВ СОВЕТСКИХ ШКОЛ ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА*

Аннотация. Анализируются социологические опросы советских школьников 1960-х гг. Изучаются профессиональные предпочтения выпускников школ. Делается вывод о высокой популярности интеллигентских профессий в 1960-е гг., что явилось отражением особенностей периода НТР.

Ключевые слова: интеллигенция, профориентация, социология, социологические опросы, поздний социализм.

V.V. Komissarov,

Professor, Upper Volga State Agrobiotechnological University (Ivanovo)

POPULARITY OF INTELLIGENT PROFESSIONS AMONG SOVIET SCHOOL GRADUATES OF THE LATE SOCIALISM PERIOD

Abstract. This article analyzes sociological surveys of Soviet schoolchildren in the 1960s. The professional preferences of school graduates are examined. It concludes that intelligentsia professions were highly popular in the 1960s, reflecting the characteristics of the period of scientific and technological revolution.

Key words: intelligentsia, career guidance, sociology, sociological surveys, late socialism.

© Комиссаров В.В., 2026

* *Статья подготовлена в рамках технического задания на выполнение научно-исследовательской работы по заказу Ивановского государственного университета № 2025—03 «Интеллигенция и интеллектуалы, многообразие современного мира и будущее России».*

В середине 1960-х гг. в СССР наблюдается рассвет социологических исследований. Во многом это было связано с некоторым потеплением внутриполитической атмосферы в стране в период оттепели. Определенный вклад внесла и экономическая реформа 1965 г. Одним из положений данной реформы было более рациональное использование трудовых ресурсов, что было сложно сделать без социологического среза. Таким образом, в исследованиях преобладала социология труда, важным компонентом которой стала профориентация. В СССР появилось несколько социологических школ, рассматривавших среди прочего профессиональную ориентацию выпускников средних школ – потенциальных абитуриентов. Сейчас результаты исследований утратили былую актуальность, но могут служить источником сведений о настроениях и престиже тех или иных видов деятельности в советском обществе.

Одна из ведущих социологических школ СССР сформировалась в Сибирском отделении Академии наук. Ее специалисты работали в Новосибирском университете, Институте экономики и организации промышленного производства и Институте истории СО АН СССР. Начиная с 1962 г. сибирские социологи под руководством доктора философских наук В.Н. Шубкина проводили профориентационные опросы школьников. Это исследование осуществлялось в несколько этапов. На первом этапе в 1962 г. с помощью анкет было опрошено 300 выпускников средних школ Новосибирска. Второй этап работы в 1963 г. включал сплошное исследование средних школ Новосибирской области, в том числе в областном центре, в средних и мелких городах, селах и деревнях, а также в 10 % неполных средних школ. Всего на втором этапе было задействовано 4500 анкет по средним школам, и столько же по неполным средним. Третий этап, начиная с 1964 г., предполагал повторные опросы новосибирских школьников, а также обследование выпускников в других регионах страны. На этом этапе счет респондентов шел на десятки тысяч [3, с. 155, 162–163]. Обработка итогов исследования проводилась самыми современными на тот момент способами. Для этого применялись электронно-вычислительные и счетно-перфорационные машины вычислительного центра Сибирского отделения АН СССР.

В процессе этого исследования школьники заполняли так называемую «анкету выпускника». В ней, помимо прочего, респонденты должны были оценить привлекательность тех или иных профессий по 10-бальной шкале.

Общие итоги исследования показывают полный приоритет профессий, традиционно относящихся к сфере деятельности интеллигенции. Спустя несколько лет В.Н. Шубкин писал об этом: «Наибольшей популярностью пользуются интеллигентные профессии. После окончания школы интеллигентами намерены стать 71 % детей интеллигентов,

60 % детей рабочих промышленности, 36 % детей работников сферы обслуживания. При этом особенно заметна популярность интеллигентных профессий в связи с той специальностью, которую хотели бы приобрести учащиеся после завершения образования» [3, с. 180].

Но и среди интеллигентских специальностей существовала своя градация. Максимальные оценки среди новосибирских школьников получили такие сферы научной деятельности как физика (максимальная оценка у юношей 7,91) и математика (максимальная оценка у девушек 8,2) [3, с. 192]. Несколько ниже оценивались профессии в области просвещения и медицины. Так учитель начальной школы набрал среднюю оценку в 5,3 балла, причем у девушек оценка была почти в два раза выше, 6,2 балла против 3,7 у юношей. Учитель средней школы набрал 6 баллов, врач – 7,2. И здесь оценки у девушек были выше. Из инженерных специальностей высокую степень привлекательности получили специальности радиотехника, геолога, а наименьшую – инженеры пищевой и швейной промышленности. В аграрной сфере максимальную оценку имел агроном, а минимальную – ветеринар [3, с. 191–192].

Другим центром социологических исследований в СССР стал Ленинград. Параллельно с сибирскими учеными ленинградские социологи во главе с В.В. Водзинской опросили выпускников 1965 г. Всего респондентами стали 624 ученика – 279 юношей и 345 девушек, все из пяти школ, расположенных в разных районах Ленинграда. Также к ним были добавлены результаты опросов, проведенных среди выпускников сельских школ Ленинградской области. За основу взяли «анкету выпускника» из Новосибирска, в которую добавили новые вопросы и усовершенствовали методику обработки результатов. Опрашиваемые были разделены на основную (100 человек) и контрольную группы. Им было предложено оценить 80 профессий по четырем критериям: возможности творчества, возможности роста, уровень зарплаты и общественный престиж [1, с. 79–80]. На основании этих критериев авторы опроса вывели такой интегральный показатель, как «критерий общей привлекательности». Согласно ему у юношей первые пять мест заняли такие профессии как «научный работник – физик», «научный работник – математик», «инженер-радиотехник», «радиотехник», «научный работник – медик». У девушек показатель общей привлекательности профессий давал несколько иные данные. На первом месте находился «врач», затем шли: «научный работник – физик», «научный работник – медик», «летчик» и «инженер-радиотехник» [1, с. 85]. Расхождения в оценках проистекали не только от гендерной принадлежности респондентов, но от социального происхождения, уровня образования родителей, материального положения семьи. Здесь нет необходимости подробно пересказывать все особенности интерпретации результатов опроса. Можно отметить

общие выводы. Как отметили сами социологи: «в изученной нами иерархии профессий в зависимости от ряда социальных признаков первые места заняли в основном одни и те же профессии – профессии в сфере научно-исследовательской деятельности и инженерного труда, что свидетельствует о высокой степени общности интересов, стремлений и возможностей молодежи, независимо от различий по полу, социальному происхождению, территориальному размещению» [1, с. 100]. Ученые подчеркнули, что ключевым мотивом при выборе профессии выпускники назвали интерес к содержанию труда, прежде всего, его творческой составляющей [1, с. 83].

Также показательно, что на последнем месте оказались самые «денежные» по тем временам профессии – «работник коммунального предприятия», «продавец», «портной» [1, с. 91]. Это опровергает фигурирующее в современной публицистике утверждение, что к 1960–1970-м гг. советское общество омещанилось, было полностью проникнуто исключительно меркантильной мотивацией. Советские социологи даже предлагали своеобразную программу повышения популярности данных профессий. «Важнейшее значение имеет повышение привлекательности профессий сферы обслуживания. Престиж этих профессий пока не высок. Особенно низок он у городской молодежи, – писал В.Н. Шубкин и продолжал. – ... Печать, радио, телевидение, кино должны показать, что обслуживать – не значит унижаться, лакействовать, что торговля не менее важное дело, чем любое другое, что без делопроизводства, счетной работы, стенографии, перевода невозможно управление народным хозяйством, развитие науки, культуры и т.д. Повышение авторитета профессий сферы обслуживания позволит серьезно облегчить в то же время решение ряда социальных проблем молодежи» [3, с. 204].

Еще один центр социологических исследований возник в Орловском педагогическом институте, при котором была сформирована Лаборатория социологических исследований. Ее сотрудники в 1966 г. провели опрос в семи колхозах и шести совхозах Орловской области. Респондентами этого исследования стали 842 члена колхоза, 876 работников совхозов и 617 выпускников сельских школ [2, с. 116–117].

Итоги опроса однозначно свидетельствуют, что в сельских семьях преобладала ориентация на получение детьми высшего образования. Так 65,5 % опрошенных селян заявили, что желали для своих детей высшего образования; 17,7 % – среднего; 14,8 % – восьмилетнего; 2 % полагались на решение самих детей [2, с. 119]. Эти сведения демонстрируют, что образование оставалось важнейшим механизмом социальной мобильности. Строго говоря, в середине 1960-х гг. в советском обществе было три ведущих социальных лифта для сельской молодежи:

образование, армия и работа на стройках в отдаленных районах страны. При этом армейская служба, особенно получение офицерского образования, для сельских юношей должно было выглядеть более предпочтительным как из-за высокой оплаты, так и в связи с возможностью ранней пенсии. Не следует забывать, что в те годы Вооруженные силы пользовались в обществе огромным авторитетом. Но данные социологического опроса свидетельствуют о популярности именно гражданского высшего образования. 40,8 % опрошенных выпускников предполагали учиться в педагогических вузах; 11,5 % – в сельскохозяйственных; 5,8 % – в технических. И только 13,1 % намеревались поступать в медицинские институты и военные училища (по итогам опроса эти показатели идут одной строкой). Еще 28 % школьников затруднились с ответом [2, с. 120]. Выбор педагогического и в особенности сельскохозяйственного образования демонстрирует, что для сельских школьников поступление в институт не было способом бегства из деревни. По крайней мере, часть из них намеревалась вернуться обратно.

Анализируя эти показатели с позиций сегодняшнего дня, можно сделать следующие выводы. Данные исследований полностью отражают особенности эпохи. Научно-техническая революция (НТР) сформировала запрос на научные и инженерные профессии. Именно поэтому советская молодежь 1960-х гг. и намеревалась попробовать свои силы именно в этих сферах деятельности. Организаторы опросов отмечали, что выбор школьников часто зависел от профессионального и социального статуса родителей. Иначе говоря, дети из семей интеллигентов в большей степени выбирали интеллигентские профессии, а дети рабочих – рабочие специальности. Но даже в этом случае и в рабочих семьях интеллигентские профессии преобладали. Это несмотря на то, что в СССР в то время всячески пропагандировались пролетарские профессии и воспевались рабочие династии. Например, такая легендарная и хорошо оплачиваемая профессия как сталевар в опросе ленинградских школьников заняла по индексу общей привлекательности только 24 место у юношей и 30 у девушек [1, с. 85]. Характерно минимальное значение при выборе профессии меркантильной мотивации. Выше уже отмечалась крайне низкая привлекательность сферы обслуживания. Данные опросов однозначно опровергают точку зрения, бытующую в современной публицистике, что советские интеллигенты 1960-х гг. были социальными маргиналами без всякого общественного авторитета. Резюмируя, стоит отметить, что интеллигенция была достаточно статусной группой советского общества. Особенно это касается научной интеллигенции, рекрутирование в состав которой для молодежи являлось признаком социального успеха.

Библиографический список

1. *Водзинская В.В.* Ориентация на профессии // Молодежь и труд: всесоюзная научно-теоретическая конференция «Социализм и молодежь». М.: Молодая гвардия, 1970.
2. *Левыкин И.Т.* Жизненные планы сельской молодежи // Молодежь и труд: всесоюзная научно-теоретическая конференция «Социализм и молодежь». М.: Молодая гвардия, 1970.
3. *Шубкин В.Н.* Социологические опыты. М.: Мысль, 1970.

УДК 140.8

Л.В. Корсакова,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Кубанский государственный технологический университет (Краснодар)

Д.И. Овчинников,

студент кафедры электротехники и электрических машин,
Кубанский государственный технологический университет (Краснодар)

ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ И ЦИФРА В ИССЛЕДОВАНИИ УТОПИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. Предметом данного исследования является утопия как важный междисциплинарный феномен для диагностики состояния общества. Синтез философско-культурологического и исторического подходов позволил показать двойственную природу утопии: как двигателя социального прогресса, с одной стороны, и как источника потенциального насилия, с другой. Особое внимание уделяется эволюции утопического мышления: от классических социальных проектов, нашедших отражение и в российской интеллектуальной традиции, до современных цифровых форм (виртуальная реальность, метавселенные). Через анализ философских и художественных текстов (Т. Мор, Э. Фромм, З. Бауман, Г. Маркузе, Дж. Оруэлл) выявляется двойственная природа утопии – как морального импульса, направляющего человечество, и как соблазна, способного обернуться насилием. В заключении делается вывод, что утопия, в силу невозможности полной реализации, выполняет функцию поддержания ценностной и смысловой устойчивости культуры, задавая обществу направление развития и предотвращая стагнацию. Исследование также предлагает инструментарий для осмысления исторических трансформаций российского общества через призму его утопических исканий и антиутопических предостережений.

Ключевые слова: утопия, общество, идеал, свобода, виртуальность, антиутопия, моральный импульс, цифровые технологии.

L.V. Korsakova,

PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy
Kuban State Technological University (Krasnodar)

D.I. Ovchinnikov,

student, Department of Electrical Engineering and Electrical Machines
Kuban State Technological University (Krasnodar)

PHILOSOPHY, HISTORY, AND THE DIGITAL IN THE STUDY OF UTOPIAN THINKING

Abstract. The subject of this research is utopia as a crucial interdisciplinary phenomenon for diagnosing the state of society. The synthesis of philosophical-cultural and historical approaches has made it possible to reveal the dual nature of utopia: as an engine of social progress, on the one hand, and as a source of potential violence, on the other. Particular attention is paid to the evolution of utopian thinking: from classical social projects, also reflected in the Russian intellectual tradition, to modern digital forms (virtual reality, metaverses). Through the analysis of philosophical and artistic texts (T. More, E. Fromm, Z. Bauman, H. Marcuse, G. Orwell), the dual nature of utopia is revealed – as a moral impulse guiding humanity, and as a temptation capable of turning into violence. In conclusion, it is argued that utopia, due to the impossibility of its full realization, serves the function of maintaining the axiological and semantic resilience of culture, setting a direction for societal development and preventing stagnation. The study also proposes a framework for interpreting the historical transformations of Russian society through the lens of its utopian quests and dystopian warnings.

Key words: Utopia, society, ideal, freedom, virtuality, dystopia, moral impulse, digital technologies.

Междисциплинарный анализ феномена философских и литературных утопий с точки зрения философско-культурологической, исторической и социологической очень важен для понимания динамики общественного сознания. Рассмотрение утопии как «моральной лаборатории» (З. Бауман) позволяет выявлять не только универсальные механизмы социального воображения, но и специфические черты самых разных национальных и исторических контекстов. В отечественной интеллектуальной традиции с её внушительным багажом социально-философской и литературной утопической мысли (от А.Н. Радищева и Н.Г. Чернышевского до философов Серебряного века и советских проектов будущего), рассматриваемый феномен становится ключом к осмыслению цивилизационных поисков, исторических травм и векторов развития общества. А обращение к современным цифровым формам утопий позволяет выявить, как традиционные общественные идеалы трансформируются в условиях глобализации и технологической революции, затрагивая российское социальное пространство.

История человеческой мысли – это история попыток преодолеть несовершенство мира. Утопия с древности служила инструментом для осмысления границ возможного. Своё имя этот жанр получил от книги Томаса Мора «*Утопия*», где идеальное общество описано как остров, существующий лишь в воображении, но отражающий недостатки Европы XVI века [1]. Уже у Мора утопия выступает не как рецепт, а как зеркало, в котором общество видит собственные пороки.

Позднее идея идеального государства многократно переосмыслилась – от рационалистических проектов Нового времени до социалистических концепций XIX века. В каждой из них сохранялся один и тот же нерв: убеждение, что мир можно перестроить разумом. Однако XX век показал, что воплощённая утопия часто превращается в антиутопию.

Так же Томас Мор в книге «*Утопия*» отмечал, что попытки реализовать утопические идеалы ведут к подавлению свободы, поскольку совершенство требует устранения различий [1]. Его анализ показывает, что утопия становится опасной именно тогда, когда перестаёт быть метафорой и превращается в политическую программу.

Эрих Фромм в работе «*Человек для самого себя*» рассматривал стремление человека к смыслу как источник утопического мышления. По его мнению, человек не может жить без цели, поэтому даже иллюзорная надежда оказывается жизненно необходимой [2]. Вследствие этого утопия выполняет психологическую и моральную функцию: она поддерживает способность мечтать и верить в возможность перемен.

Зигмунт Бауман писал, что утопия служит своеобразной «моральной лабораторией», где общество проверяет границы своих желаний и страхов [3]. В этом контексте она выступает не как наивное воображение, а как форма коллективной саморефлексии.

Однако мечта о совершенном мире неизбежно сталкивается с человеческой природой. Джордж Оруэлл в романе «*1984*» показал, как язык утопии превращается в язык власти [4]. Там, где обещают абсолютное равенство и порядок, возникает тотальный контроль. Герберт Маркузе в книге «*Одномерный человек*» делал схожий вывод: рационализированное общество может превратиться в систему всеобщего подчинения, если утопия теряет критический характер [5].

Тем не менее человечество не отказывается от утопий. Их формы лишь меняются. Если раньше утопия воплощалась в политических идеалах, то сегодня она проявляется в культуре и технологиях. Современные виртуальные миры – от массовых онлайн-игр до VR-пространств – становятся новой ареной для утопического воображения.

Современные исследователи цифровой культуры отмечают, что виртуальная реальность часто служит пространством, где человек

реализует то, что невозможно в действительности [6]. В играх и метавселенных он переживает свободу от социальных ролей, времени и тела. Этот феномен можно рассматривать как попытку построить «утопию для одного» – личный идеальный мир, где всё подчинено воле субъекта.

Фильмы вроде *«Начала»* (К. Нолан, 2010) и *«Первому игроку приготовиться»* (С. Спилберг, 2018) художественно исследуют этот парадокс: стремление уйти от реальности оборачивается возвращением к ней. Современная утопия становится цифровым отражением старой философской мечты – создать мир без страдания и ограничений, но без потери себя.

Эдгар Морен писал, что утопия необходима культуре, чтобы не утратить способность к самоосмыслению [7]. Она напоминает, что смысл человеческой истории не сводится к выживанию и материальному успеху. Даже научно-технический прогресс, основанный на рациональности, питается утопической верой в совершенство знания.

Важно подчеркнуть, что утопия – это не просто фантазия. Она является проявлением глубинного морального импульса. В ней сосредоточено стремление человека выйти за пределы необходимости, обрести свободу в пространстве мысли. В своей знаменитой максиме А. Эйнштейн отводил воображению роль фундаментального двигателя познания, тогда как знанию – роль производного ресурса. Ибо если знание фиксирует уже актуализированные состояния бытия, то воображение обращено к сфере возможного, тем самым генерируя условия для эволюции и прорывного развития.

Современный скепсис по отношению к утопиям часто объясняется усталостью от неудавшихся экспериментов XX века. Однако отказ от мечты не освобождает, а обедняет культуру. Когда исчезает утопическое мышление, общество теряет внутренний вектор. Тогда реальность становится самодовольной и неподвижной.

Антиутопии XX и XXI веков не отменяют утопию, а продолжают её в ином ключе. Они указывают, где проходит граница возможного. В этом смысле сериалы вроде *«Черного зеркала»* выполняют ту же функцию, что и *«Утопия»* Мора, – предостерегают. Они фиксируют, как мечта может превратиться в ловушку, и тем самым сохраняют её живой.

Утопия, несмотря на свою невозможность, остаётся важнейшей формой духовного опыта. Она объединяет рациональное и поэтическое, политическое и личное, реальное и воображаемое. Через неё человек выражает не столько стремление к совершенству, сколько протест против ограничений.

В конечном счёте утопия не требует воплощения, чтобы быть необходимой. Её задача не построить совершенный мир, а не позволить несовершенному стать нормой. Пока человек сохраняет способность мечтать, утопия выполняет свою миссию, она напоминает, что возможное не исчерпывает реальности.

Библиографический список

1. Мор Т. Утопия. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. 113 с.
2. Фромм Э. Человек для самого себя. М.: АСТ, 2023. 252 с.
3. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 140 с.
4. Оруэлл Дж. 1984. М.: АСТ, 2019. 320 с.
5. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Республика, 1994. 97 с.
6. Таратута Е.Е. Философия виртуальной реальности. СПб., 2007. Т. 19. 43 с.
7. Морен Э. Утраченная парадигма: природа человека. М.: Прогресс, 2005. 143 с.

УДК 82-141:22.06:223.9

В.Л. Кукушкин,

доцент, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия
им. Н.В. Верещагина (Вологда)

И.А. Кукушкина,

преподаватель, Вологодский областной медицинский колледж (Вологда)

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ М.В. ИСАКОВСКОГО «ЛУЧШЕ НЕТУ ТОГО ЦВЕТУ...»

Аннотация. В статье показана связь художественных образов стихотворения М.В. Исаковского «Лучше нету того цветущему...» с содержанием священных книг Ветхого и Нового Заветов.

Ключевые слова: М.В. Исаковский, военная лирика, Великая Отечественная война, стихотворение «Лучше нету того цветущему...», христианские символы, Воскресение Христа, Песнь песней Соломона.

V.L. Kukushkin,

Associate professor, Vologda State Dairy Farming Academy
named by N.V. Vereshchagin (Vologda)

I.A. Kukushkina,

teacher, Vologda Regional Medical College (Vologda)

BIBLICAL MOTIFS IN M.V. ISAKOVSKY'S POEM «THERE'S NO BETTER BLOOM...»

Abstract. The article shows the connection between the literary images in M.V. Isakovsky's poem «There's No Better Bloom...» and the content of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments.

Key words: M.V. Isakovsky, military lyrics, the Great Patriotic War, the poem «There's No Better Bloom...», Christian symbols, the Resurrection of Christ, the Song of Solomon.

Стихотворение Михаила Васильевича Исаковского «Лучше нету того цвету...», ставшее в послевоенный период известной песней на музыку М.И. Блантера, было написано в 1944 году. По распространенной версии со слов самого М.В. Исаковского, на создание этого произведения его вдохновили открытка с изображением красивой девушки и цветущей яблони, подготовленная к тиражированию издательством «Искусство», а также чувство приближения Великой Победы. Правда, открытка, по утверждению поэта, так и не была выпущена [3].

На сегодняшний день еще нет возможности подтвердить эту историю другими источниками. Тем не менее, главная идея стихотворения – предвидение Победы советского народа в Великой Отечественной войне представлена в рассказе весьма достоверно и фактически имеет глубокую смысловую связь почти со всеми произведениями военной лирики М.В. Исаковского. В ней лейтмотив приближения Победы показан в форме аллегорических образов оживающей и расцветающей природы, торжества жизни над смертью («Старик», «Старик Нечай», «Калина», «Оттуда», «Огонек», «Украина моя, Украина!», «Освободителям Ельни», «Рассказ про Степана и про смерть», «Ласточка» и другие произведения [4, с. 208, 214, 225, 228, 233, 236, 237, 253–256, 262, 263]). В нашем же понимании аллегорический образ Победы у М.В. Исаковского происходит от библейского образа ожидаемого им Воскресения и прихода в мир Иисуса Христа, а также от определенного духовного опыта поэта. Православное мировоззрение М.В. Исаковского сформировалось еще в детском и юношеском возрасте. Он рос в набожной семье, в школе и гимназии изучал Закон Божий, в родном селе служил псаломщиком, был знаком с религиозными текстами. О наличии христианских образов в его поэзии свидетельствуют некоторые современные исследователи [5,

с. 248–249]. В этом смысле представляется актуальным рассмотреть одно из произведений М.В. Исаковского «Лучше нету того цвету...» в интертекстуальном сопоставлении с Библией [1].

Основополагающим библейским текстом для написания произведения «Лучше нету того цвету...» [4, с. 262] стала ветхозаветная книга Песнь песней Соломона. В ней в иносказательном контексте любви девушки и юноши описываются переживаемые душой человека чувства при встрече с Богом [7]. О том, что речь в стихотворении идет именно о душе, поэт намекает во втором четверостишии произведения («...Вся душа моя пылает, вся душа моя горит»). Состояние души в любви к Богу сравнивается с горением и в самой Песне песней: «...любовь... она пламень весьма сильный. Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее» [Песн. 8: 6–7].

Выбор М.В. Исаковским образа яблони в процессе цветения как бесподобного дерева («Лучше нету того цвету, когда яблоня цветет...» [4, с. 262]) не случаен и также перекликается с содержанием Песни песней: «Что яблоня между лесными деревьями, то возлюбленный мой между юношами» [Песн. 2: 3]. Примечательно, что яблоня в условиях восточного климата – редкая и весьма прихотливая плодовая культура. Она плохо переносит жару, требует особого ухода и обычно приживается с теневой стороны домов [6, с. 47]. В этом смысле яблоня является исключительным деревом, образ которого в глазах влюбленной женщины (души) сравнивается с единственным возлюбленным, женихом, а в иносказательной евангельской трактовке – с Иисусом Христом [Мф. 25: 1–13].

Весьма близко по смыслу к тексту Песни песней описание поэтом в стихотворении сцен ожидания и прихода возлюбленного, когда испытывающая радостное волнение от предстоящей встречи героиня обращается к своим зрению и слуху («...Лучше нету той минуты, когда милый мой придет. Как увижу, как услышу – все во мне заговорит...» [4, с. 262]): «Я сплю, а сердце мое бодрствует; вот, голос моего возлюбленного... Возлюбленный мой протянул руку свою сквозь скважину, и внутренность моя взволновалась от него... [Песн. 5:2, 4]. Голос возлюбленного моего! Вот, он идет, скачет по горам, прыгает по холмам... Вот он стоит у нас за стеною, заглядывает в окно, мелькает сквозь решетку. Возлюбленный мой начал говорить мне...» [Песн. 2: 8–10]. Наряду с этим семантически увязываются между собой в текстах сцены объятий и последующей совместной прогулки влюбленных. Так, образы третьего и четвертого четверостишия: «Мы в глаза друг другу глянем, руки жаркие сплетем, и куда – не знаем сами, – словно пьяные, бредем. Мы бредем по тем дорожкам, где зеленая трава...» [4, с. 262], – очевидно, заимствованы автором из многих стихов Песни песней. Такими стихами,

в частности, являются: «Пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих...» [Песн. 4: 9] или «Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня...» [Песн. 6: 5], «Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня...» [Песн. 2: 6; 8: 3], «...ласки твои лучше вина...» [Песн. 1: 1], «...ласки твои больше, нежели вино...» [Песн. 1: 3], «...выйдем в поле, побудем в селах...» [Песн. 7: 12], «...ложе у нас – зелень; кровли домов наших – кедры, потолки наши – кипарисы» [Песн. 1: 15].

Большую смысловую нагрузку несет пятая строфа произведения. Символ сада («А кругом сады белеют...» [4, с. 262]) в Библии отличается исключительным многообразием значений. Это и сотворенный Всевышним Эдемский сад, где люди находятся в вечной гармонии с природой и Богом, и овеществленный результат человеческого труда, и место уединения возлюбленных (в иносказательном смысле – души и Бога), наконец, это город-сад, небесный Иерусалим, как прообраз заоблачного рая. Два образа сада связаны с жизнью Иисуса Христа. Гефсиманский сад признается местом принятия Иисусом решения, изменившего ход мировой истории. Сад пребывания Гроба Господня – участок земли, на котором произошло великое чудо Воскресения [8]. Слово «сад» в стихотворении как бы обеспечивает логический переход от ветхозаветного блаженства единения человеческой души и Бога к новозаветному Воскресению и вечной жизни. Этот контекст подтверждается временными символами пятого календарного месяца («...А в садах бушует май...») и фазы луны («...И такой на небе месяц...»). Май является не только месяцем бурного весеннего цветения и возрождения природы, знаком Великой Победы, на него обычно приходится часть Пятидесятницы, то есть периода времени между Пасхой и Троицей, когда христианами особенно ощущается присутствие в их жизни Христа, а вероятность встречи с Ним наиболее высока. Возможно, что и сам автор в 1944 году пережил нечто подобное.

Показательно, что слово «иглы» во множественном числе («...Хоть иголки подбирай» [4, с. 262]) встречается в Библии только один раз – в 11 стихе двенадцатой главы Екклесиаста: «Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди, и составители их – от единого пастыря» [2]. По сути это аллюзия, используя которую поэт стремился намекнуть причастным читателям о необходимости восприятия его стихотворения с привлечением библейского нарратива, в котором иглы отождествляются со Словом Божиим. Вместе с тем глагол «подбирать» («собирать») ассоциативно привязан к 5 стиху 3 главы этой же книги Екклесиаст: «...время разбрасывать камни, и время собирать камни...», через который проясняется связь с первым стихом 3 главы: «Всему свое время...» [Еккл. 3:1]. Тем самым поэт пророчествует о приближении Победы,

о наступлении времени мира, поры рождать, насаждать, врачевать, строить, искать, любить, обнимать, плясать, смеяться, говорить и принимать Слова Божии [Еккл. 3: 1–8]. Не случаен и тот факт, что образы речи трижды встречаются в произведении («Все во мне заговорит...», «... из сердца сами рвутся незабвенные слова», «... иголки подбирай»). В первых двух случаях к Богу, очевидно в молитвенной форме, обращается человеческая душа, в третьем случае уже подразумевается божественный отзыв.

По-видимому, в стихотворении М.В. Исаковского кульминация идиллического взаимодействия человеческой души с Богом заканчивается тем, что душа, как и прежде, остается одна. Подобное состояние одиночества описывается и в Песне песней: «Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел» [Песн. 5: 6]. Однако надежда души на повторную встречу с Богом не утрачена. Она возможна в новом месте при условии преодоления определенных препятствий. Именно поэтому в последнем четверостишии («За рекой гармонь играет, то зальется то замрет...» [4, с. 262]) поэт изобразил Небесное Царство. Путь в него лежит через реку – символический Иордан. Его пересекли ветхозаветные евреи по дороге в Землю Обетованную [Нав. 1–4]. Кроме того, в водах этой реки Иисус и его ученики приняли новозаветное крещение [Мф. 3: 13–17]. Интересно, что у М.В. Исаковского образ Христа – Жениха в Небесном Царстве перенесен на русскую почву. Гармонь традиционно признается русским музыкальным инструментом, непременным атрибутом крестьянских свадеб. Гармонист у крестьянских девушек – первый парень на деревне, завидный и желанный жених. Прерывистость игры гармонии («...То зальется, то замрет...») означает неопределенность времени второго пришествия. Как свидетельствовал сам Иисус: «Если кто скажет вам: вот здесь Христос, или там, не верьте..., вот Он в пустыне..., вот Он в потаенных комнатах, – не верьте... Бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий» [Мф. 24: 23, 26; 25: 13]. В этой связи в последней строфе душа утешается радостными воспоминаниями о пережитой встрече с Христом и, сознавая ее исключительность, еще раз констатирует факт: «Лучше нету того цвету, когда яблоня цветет».

Таким образом, стихотворение М.В. Исаковского «Лучше нету того цвету...» написано в духе многих его произведений военной поры, где в аллегории победы жизни над смертью главной идеей выступает христианское Воскресение. В содержании произведения проявляется образная интертекстуальная взаимосвязь с Библией. Исходными текстами для стихотворения послужили книги Ветхого и Нового Заветов: Песнь песней, Екклесиаст, Книга Иисуса Навина, Евангелие от Матфея.

Тем не менее, в нем преобладают образы Песни песней. По сути М.В. Исаковский следует в русле традиции литературного творчества многих поэтов и писателей, представив свое стихотворное переложение этой священной книги. Фабула «Лучше нету того цвету...» привязана к определенному времени – промежутку между христианскими праздниками Пасхи и Троицы, когда православными верующими особенно ярко ощущается божественное присутствие. Не исключено, что и сам автор, воспитанный в христианской культуре, пережил это чувство, послужившее причиной написания произведения.

Библиографический список

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Библейские общества, 1993.
2. Библия онлайн. Симфония для Библии. URL: <https://bible.by/symphony/word/9/155/> (дата обращения: 04.01.2026).
3. Брежнев А.В. История песни «Лучше нету того цвету...» URL: <https://skc.pavkult.ru/item/938054> (дата обращения: 04.01.2026).
4. Исаковский М.В. Стихотворения / сост. А. Исаковская. М.: Современник, 1988.
5. Кукушкин В.Л., Кукушкина И.А. Христианские смыслы и образы в произведении М.В. Исаковского «Враги сожгли родную хату...» // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIV Междунар. науч. конф., Иваново, 26–27 марта 2025 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2025. С. 247–252.
6. Сад: символы, метафоры, аллегории: сб. статей / отв. ред. Е.Д. Федотова. М.: Памятники исторической мысли, 2010.
7. Священник Даниил (Д.А. Сысоев). Беседы на книгу Песнь Песней. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Daniil_Sysoev/besedy-na-knigu-pesn-pesnej/#source (дата обращения: 04.01.2026).
8. Словарь библейских образов: справочник / под общ. ред. Лиланда Райкена, Джеймса Уилхойта, Треппера Лонгмана III. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/803> (дата обращения: 04.01.2026).

Н.А. Личак,

заведующая кафедрой гуманитарных наук, Ярославский государственный технический университет (Ярославль)

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА У СТУДЕНТОВ В ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Аннотация. В статье актуализируется идея патриотизма, ее воздействие на молодежь в техническом вузе. Выделяются факторы, оказывающие влияние на формирование патриотических чувств, включая информационную повестку, воздействие глобальных процессов. Уделяется внимание анализу причин, которые оказали заметное воздействие на общественное мнение и привели к снижению уровня патриотизма. Приведены примеры мероприятий, реализованных на современном этапе. Преподаватели всех кафедр технического университета включены в воспитательный процесс. Отчеты об участниках, содержании мероприятий кафедры Института базовой инженерной подготовки выкладываются в различных группах в социальных сетях, на которые подписаны студенты.

Ключевые слова: молодежь, патриотизм, формирование, технический университет, студенческий патриотический клуб.

N.A. Lichak,

Associate Professor, Yaroslavl State Technical University (Yaroslavl)

FORMATION OF PATRIOTISM AMONG STUDENTS AT THE TECHNICAL UNIVERSITY

Abstract. The article actualizes the idea of patriotism and its impact on young people at a technical university. The factors influencing the formation of patriotic feelings are highlighted, including the information agenda and the impact of global processes. Attention is paid to the analysis of the reasons that had a noticeable impact on public opinion and led to a decrease in the level of patriotism. Examples of measures implemented at the present stage are given. Teachers from all departments of the university are involved in the educational process. The report on the participants, the content of the events of the Institute of Basic Engineering Training are posted in various groups on social networks subscribed to by students.

Key words: youth, patriotism, education, technical university, Student Patriotic Club.

Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации – документ, включающий в себя базовые сведения о сфере патриотического воспитания и его содержании. Документ призван синхронизировать представления о сущности патриотического воспитания всех

вовлеченных в его реализацию сторон, систематизировать патриотическую работу, консолидировать усилия различных организаций и ведомств в данном вопросе.

Актуальность документа обусловлена потребностью в дальнейшем развитии и расширении сферы патриотического воспитания, создании единой, понятной каждому смысловой платформы для реализации целостной и гибкой государственной политики в этой области.

В частности, в контексте реализации национального проекта «Молодёжь и дети» (2025–2030) в образовательной среде ярославского государственного технического университета реализуются практики патриотического и духовно-нравственного воспитания. Цель подхода, связанного с формированием патриотизма у студентов, воспринимается как возможность уделить внимание вопросам силы единства общества, героизма предыдущих и нынешних поколений, как необходимых условий развития величия и могущества Российского государства, конкурентоспособности и дальнейшего развития России [1, с. 9].

В современной информационной и высокоскоростной картине мира вопросы политического, культурного и исторического характера, с одной стороны, должны отодвинуться на второй план, вместе с тем – усиливаться, приобретая новую, более глубокую и осмысленную форму. Понимание мироустройства с точки зрения патриотической составляющей является диверсифицированной, поскольку отражает множество дефиниций самого понятия «патриотизм», что порождает потребность в использовании проектной деятельности через интеграцию социокультурных смыслов, которые могут выступать катализатором различных практик. Так, исследователь К.В. Булах выявляет существующую трактовку понятия «патриотизм», с внешней стороны, сквозь «призму неолиберализма (глобализма), которая выступает архаичной политехнологией деления «граждан» планеты на «своих» и «чужих» по национальному признаку, а само национальное государство является антогонистом прав человека» [3, с. 23]. В то же время на патриотизм, по мнению исследователя, смотрят, как «на социалистический или советскую версию патриотизма, включающую в себя эмоциональную и культурную привязанность людей к своей родине, основанную на истории борьбы за выживание своей нации и интернационалистических ориентациях (дружбы народов)» [3, с. 23].

По мнению А.В. Азаровой, под патриотизмом понимается передача патриотической идеи из поколения в поколение как одна «из наиболее значимых, непреходящих ценностей, характеризующих высший уровень духовно-нравственного развития личности и проявляющихся в ее активной деятельностной самореализации на благо своего

Отечества» [2, с. 21]. Анализируя трансформацию понятия, С.Н. Лещинская отмечает доминирование данной идеи в современном патриотическом дискурсе, который развивается в российском социально-политическом и научном пространстве, определение направления патриотической и воспитательной работы, направленной на поддержку интересов власти и общества [4, с. 1532].

Для большей части молодежи, по мнению исследователей, характерно эмпатичное отношение к патриотическому настрою общества, определяемого как любовью к своей стране, ее истории, так и готовностью защищать и прилагать усилия в ее развитии. Большое значение имеет место проживания молодых людей, их семейная история, уровень образования и культуры [6, с. 81].

Вместе с тем, как показывают исследования и наш опыт, приоритетными для российской молодежи являются ценности материального порядка, индивидуализма, прагматизма, соответственно, важно, чтобы позитивная проектность смещала акценты на общечеловеческие ценности и принципы [5, с. 190]. На сложность формирования патриотических чувств у студентов технического вуза влияют такие факторы как чрезмерное количество информации, отсутствие достоверных сведений о происходящем, о государственной системе, малая вовлеченность в развитие своей страны, наличие постмодернистских взглядов.

Именно цифровизация пронизывает поле проблематизации, задавая ему концептуальную и технологическую форму. Средства массовой информации на современном этапе стали полноправным институтом социализации личности. Они демонстрируют образцы поведения, формируют облик современного российского гражданина, его ценностные установки [8].

Большая часть молодежи на современном этапе находится в интернет-среде, социальных сетях [9]. Государственные органы власти отслеживают информационные ресурсы, на которых содержится информация противоправного и экстремистского содержания, но она может появляться на вновь открываемых страницах в сети. Следовательно, нужно искать новые форматы общения.

В качестве положительного примера воздействия на сознание молодежи следует привести работу студенческого и преподавательского актива в Ярославском государственном техническом университете (ЯГТУ). Все события, затрагиваемые в работе патриотического клуба ЯГТУ, освещаются в интернет-группах, на которые подписаны обучающиеся вуза. В данных постах отражаются важные даты истории нашей страны, а также размещаются фотографии студентов, принимавших участие в различных мероприятиях.

По приглашению Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Ярославской области студенты нашего университета посетили выставку «Защита суверенитета Российского государства. История и современность». В основе выставки исторические документы и фотографии, демонстрирующие борьбу России против иностранного вмешательства – от Смутного времени до современности. Этот масштабный проект подготовлен Минюстом России, Российским историческим обществом при поддержке Фонда «История Отечества». Фотографии с выставки преподаватели и студенты и разместили в университетских группах.

К Дню народного единства регулярно проводится мероприятие при участии историков-реконструкторов. Они не только интересно рассказывают о событиях Смутного времени, о роли народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, освободившего Москву от польских интервентов, но и представляют русский традиционный костюм, рассказывают об этапах реализации проекта «Волжская верфь». В ноябре 2025 г. студенты ЯГТУ посетили тематическую выставку в «Точке кипения». Атмосфера мероприятия вызвала неподдельный интерес, т.к. проводилась с интерактивной лекцией магистранта ЯГТУ Приятелева Глеба с использованием макетов стрелкового оружия – от легендарных револьверов до современных автоматов; различные модели бронежилетов и защитных касок разных эпох.

Студенты ЯГТУ на протяжении двух лет участвовали в проекте «Улица героя». Это уникальный конкурс, где обучающиеся вуза презентуют для школьников свои авторские экскурсии по улицам, названным в честь героев столицы Золотого кольца. Обучающиеся прошли по улице Гагарина, рассказав ребятам школы № 18 о жизни космонавта. Экскурсия прошла в формате интерактивной программы, где участникам предлагалось ответить на вопросы, правильность которых оценивалось жетонами. Студенты проложили маршрут, подготовив интересные факты из жизни космонавта и истории самой улицы.

Преподаватели кафедры гуманитарных наук ЯГТУ не первый год являются наставниками грантов при поддержке РосМолодежь. В 2025 году реализован проект Дмитрия Шадрикова «Ярославль. Маршрутами Героев». Более 150 студентов университетов и СПО, школьников выполнили задания квест-маршрутов, посвященных празднованию 80-летия в Великой Отечественной войне.

Студентка бакалавриата ЯГТУ Анастасия Попова приняла участие в межрегиональном студенческом телемосте для обучающихся образовательных учреждений высшего образования нашего региона и Астраханской области на тему «Исторический калейдоскоп: Астрахань и Ярославль в многовековой истории России». Обучающиеся вузов

Астрахани и Ярославля сформировали две студенческие команды, подготовили видеовизитки о своем регионе, его месте во многовековой истории России и вкладе в развитие российской цивилизации и государственности. Приглашенные на телемост эксперты в области истории, краеведения и культуры, обсудили просмотренные видеоматериалы, дополнили интересными, по мнению специалистов, фактами, имеющими важное значение.

Обучающиеся из Донецка и Луганска посетили Ярославль в рамках проекта «Университетские смены». Более двух недель студенты-волонтеры и преподаватели кафедры профессиональное обучение обеспечивали работу школьных секций. Преподавателями кафедры гуманитарных наук были проведены экскурсии для ребят по центру города.

Стало доброй традицией посещать экспозиции музеев по Пушкинской карте. В течение трех месяцев нового учебного года в ней приняли участие около 500 человек. Необычность и новизна этого проекта заключается в том, что впервые государство поддержало не учреждения культуры напрямую, а молодежь, расширив их возможности с точки зрения посещений театров, музеев, концертных залов за счет бюджета по своему выбору [7, с. 92].

Таким образом, важна популяризация исторических фактов через различные очные мероприятия, освещаемые в затем в сети интернет. Интерактивные события будут стимулировать интерес у студентов, приглашая новых участников на такого рода встречи.

В 2025/26 учебном году запланированы исторические интернет-баттлы с заданиями, проверяющими знания отечественной истории и культуры, увеличится количество посещений доступных локаций по Пушкинской карте. Участникам понадобится получить дополнительные знания, чтобы размещать не только фотографии, но небольшие ролики в группах Студенческого патриотического клуба, групп «Ярославль. Маршрутами Героев» и #Кафедрагуманитарныхнаукягту.

У России, имеющей тридцатилетний опыт развития, на современном этапе появилась возможность трансформации сознания граждан, формируя общее чувство ответственности за судьбу страны, чувство привязанности к своей Родине, чувство гордости за свою нацию, культуру. Современная молодежь, сталкиваясь с вызовами и возможностями, может стать движущей силой для укрепления патриотизма и создания устойчивого, процветающего общества.

Библиографический список

1. Абдулвахидова А.Ш. Патриотизм в молодежной среде// Проблемы совершенствования законодательства: сборник научных статей студентов юридического факультета. Вып. 87/20. Махачкала: АЛЕФ, 2020. С. 9–10.

2. *Азарова А.В.* К вопросу об истории развития идеологии патриотизма в России // Вестник Военного университета. 2010. № 3 (23). С. 21–25.

3. *Булах К.В., Семкина Е.Н.* Патриотизм в молодежной среде: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». 2024. № 2. С. 20–26.

4. *Лецинская С. Н.* Патриотизм как ценность в молодежной среде России // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года. СПб.: Сциентия, 2023. С. 1532–1538.

5. *Личак Н.А., Крохинов Е.С.* Формирование патриотизма в молодежной среде // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIII Междунар. науч. конф., Иваново, 27–28 марта 2024 года. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. С. 189–192.

6. *Кондраткова Н.В., Русайкина А.В.* Формирование патриотизма в молодежной среде: от теории к практике // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 15 ноября 2023 года. Новосибирск: Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. С. 80–84.

7. *Мулява С.В., Григоренко О.С.* Программа «Пушкинская карта» как новая модель бюджетного финансирования // Социально-экономический ландшафт региона: история финансов: материалы Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, студентов и практиков, Красноярск, 2022 года. Красноярск: СФУ, 2022. С. 91–93.

8. *Немчинова И.П.* Влияние медиа на воспитание патриотических ценностей у молодежи // Молодой исследователь Дона. 2017. № 5 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-media-na-vozpitanie-patrioticheskikh-tsennostey-u-molodezhi> (дата обращения: 07.11.2025).

9. *Овчинников П.С.* Патриотизм в цифровую эпоху: диалог государства и новых медиа // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 5 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-v-tsifrovuyu-epohu-dialog-gosudarstva-i-novyh-media> (дата обращения: 07.11.2025).

В.А. Матвиенко,

доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец)

А.В. Исаев,

доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Орел)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ И МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье проводится исследование различных аспектов социальной и миссионерской активности религиозных объединений в общественно-политическом пространстве российских регионов. Особое внимание уделяется анализу процессов формирования партнерских отношений между религиозными, государственными и общественными организациями в контексте их совместной деятельности в области социальной работы в период перестройки. В процессе исследования феноменов, характерных для указанного сложного этапа недавнего прошлого, выявляются проблемы и определяются перспективы дальнейшего осуществления социальной и миссионерской деятельности, направленной на возрождение позитивных традиций социального служения религиозных институтов в контексте дальнейшего развития национальной идентичности российского государства.

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика, религиозные организации, социальная и миссионерская деятельность, российские регионы, национальная идентичность.

V.A. Matvienko,

Associate professor, Bunin Yelets State University (Yelets)

A.V. Isaev,

Associate professor, Central Russian Institute of Management – RANEPA branch (Orel)

INTERACTION OF SOCIAL AND MISSIONARY ACTIVITIES OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE REGIONAL POLITICAL SPACE

Abstract. This article examines various aspects of the social and missionary activity of religious associations in the socio-political space of Russian regions. Special attention is paid to the analysis of the processes of forming partnerships between religious, state and public organizations in the context of their joint activities in the field of social work during the period of perestroika. In the process of studying the phenomena characteristic of this difficult stage of the recent past, problems are identified and prospects for further implementation of social and missionary activities

aimed at reviving positive traditions of social service of religious institutions in the context of the further development of the national identity of the Russian state are determined.

Key words: state and confessional policy, religious organizations, social and missionary activities, Russian regions, national identity.

Рубеж XX–XXI веков стал периодом значительных преобразований для российского государства, включающих не только реформирование фундаментальных основ политической системы, но и усиление роли религии, что оказало значительное влияние на различные аспекты общественной жизни. Этот процесс сопровождался ростом мировоззренческой неопределенности.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что только глубокое понимание диалектики данных процессов как в историческом прошлом, так и в настоящее время являлось и продолжает оставаться фундаментальной основой для взаимодействия религиозных организаций различной конфессиональной принадлежности, функционирующих на территории нашей страны, с государством и общественными объединениями, в том числе в контексте практической реализации социальной и миссионерской деятельности.

Кроме того, в период «перестройки» и демократизации произошли значительные изменения в позиционировании религии. Религиозные организации вышли из тени и стали активными участниками ключевых преобразований, выступая в качестве важного социального института, оказывающего существенное влияние как на личную жизнь граждан, так и на различные аспекты государственной деятельности [5, с. 99].

Исследование специфики взаимодействия социальной и миссионерской активностей, традиционных для России религиозных объединений различной конфессиональной направленности, в условиях трансформации регионального политического ландшафта продолжает сохранять свою актуальность.

Как в период перестройки, так и в наши дни в российском обществе сохраняется множество нерешенных социальных проблем, связанных с оказанием помощи уязвимым категориям граждан, включая детей и молодежь. Эти вопросы находятся в центре внимания современных научных исследований. К настоящему времени было опубликовано немало интересных исследований, посвященных различным аспектам этой сложной и многообразной темы.

Так, критический анализ социально-политического партнерства, проведенный Н.В. Филиной, позволяет охарактеризовать данное явление как взаимодействие между акторами властных структур и религиозными организациями, в рамках которого каждый участник осуществляет

последовательные, целенаправленные действия, ориентированные на достижение конкретных результатов [7, с. 179].

Следует также подчеркнуть фундаментальное единство миссионерской и социальной деятельности. Это единство, прежде всего, в контексте христианства находит свое отражение на уровне терминологии, так как в семантике обоих понятий присутствуют схожие элементы: проповедь Евангелия и возвешение о благе, с одной стороны, и филантропия, благотворительность и благие деяния – с другой. В данном контексте представляет интерес исследование И.Г. Шаркова, Л.Б. Томилиной и К.В. Воденко, в котором акцентируется внимание на аксиологических аспектах, общественном потенциале и перспективах развития церковного социального служения в России. Согласно их точке зрения, церковная благотворительная деятельность и социальное служение могут быть оценены по показателям успешности социализации индивидов, степени их интеграции в общественные процессы и уровню согласованности интересов различных социальных групп [1, с. 200].

Христианская проповедь и истинное милосердие не знают ни границ, ни различий по полу и национальности. Господь велел обучать все народы и проявлять милосердие ко всем, кто просит. В понимании Евангелия понятие «ближний» не имеет ограничений. Семья, народ, страна и всё человечество – это разные уровни социальной реальности, к которым, согласно евангельской заповеди, нужно относиться, как к самому себе, так как «...Бог есть любовь, Любовь ко всем – не разделяющая, не различающая, беспредельная, Любовь, ведущая к совершенствованию мира и человека» [2, с. 253]. В этой связи следует согласиться с мнением Ю.Э. Андроновой, считающей, что благотворительность в религиозном контексте всегда была важным условием личного нравственного здоровья, а не просто средством улучшения общественной жизни [6, с. 101].

В середине 1990-х годов политическая и религиозная обстановка в Российской Федерации претерпела значительные изменения, характеризующиеся усилением консервативных тенденций. Эти явления последовательно проявились практически во всех российских регионах, охватив широкий спектр географических и социально-экономических направлений развития.

Эти изменения, прежде всего, коснулись регионов с разным этническим и религиозным составом. В различных религиозных традициях, включая индуизм, иудаизм, буддизм, христианство, ислам и другие, в указанный временной период начали формироваться специфические позиции относительно участия в инициативах и программах, направленных на миссионерскую и социальную деятельность [9, с. 80]. На

рубеже XX и XXI веков указанные инициативы зачастую осуществлялись в партнерстве с государственными учреждениями и включали проекты, направленные на решение социальных задач. В 1997 году был принят Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», который закрепил на законодательном уровне приоритетное сотрудничество государства с религиозными организациями, исторически традиционными для Российской Федерации, включая православные, мусульманские, иудаистские и буддистские объединения [8, с. 93].

Традиционные религиозные организации также осуществляют свою социальную и миссионерскую деятельность исключительно на добровольной основе, руководствуясь доктринальными принципами, изложенными в священных религиозных текстах, теологических исследованиях и конфессиональных социальных доктринах. В начале 2000-х годов подобные документы были разработаны и приняты практически всеми традиционными для российского государства религиозными организациями различной конфессиональной принадлежности:

- «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» получили одобрение на Юбилейном Архиерейском соборе, который состоялся в августе 2000 года;

- «Основы социальной концепции иудаизма в России» были подготовлены Конгрессом еврейских религиозных организаций и объединений России (КЕРООР) и обнародованы в 2002 году;

- «Социальная позиция протестантских церквей России» была разработана и представлена общественности Консультативным советом глав протестантских церквей России в 2003 году и другие.

Практические примеры миссионерской и социальной деятельности религиозных конфессий, традиционно представленных в российских регионах, характеризуются как общими, так и уникальными особенностями и проявлениями. Христианское миссионерство и благотворительная деятельность, являясь транснациональным феноменом, обладает как внутренней, так и внешней направленностью. Это означает, что данные процессы могут реализовываться как непосредственно православной церковью, так и за ее административно-территориальными границами. Согласно точке зрения Е.В. Тумбаева, сотрудничество государства и церкви в обозначенный период времени в контексте социальной защиты и поддержки населения представляет собой традиционную, отчасти публично признанную и юридически закреплённую форму взаимодействия в общественном сознании [10, с. 109].

Кроме того, в период перехода от XX к XXI веку миссионерская деятельность стала ключевым инструментом сохранения отечественных

духовно-нравственных устоев. Она обеспечивала православным христианам возможность поддержания связи с представителями русской диаспоры по всему миру. Основные цели миссионерской работы и паломничеств включают укрепление межнациональных связей и развитие взаимодействия между церковными структурами и государственными институтами.

В постсоветский период, когда изменились отношения между государством и Русской православной церковью, она начала постепенно восстанавливать свою миссионерскую деятельность на исторически принадлежащих ей территориях. По мнению Т.В. Ткачевой и Н.С. Хариной, к 1990-м годам духовная жизнь русского и местного населения севера Западной Сибири была тесно связана с православием, а миссионерская деятельность стремилась укрепить основы веры и институционализировать присутствие православия на этой территории [3, с. 144].

В рамках нашего исследования представляет интерес социальная и миссионерская деятельность протестантских церквей Дальнего Востока. С момента своего появления в данном регионе эти религиозные организации активно включились в процесс социального служения обществу. В 1990-е годы значительную социальную работу осуществляли такие протестантские объединения, как Приморское Объединение Миссионерских Церквей Евангельских Христиан, Северо-Восточный Союз Церквей Евангельских Христиан, Церковь «Бога живого», Церковь «Дом жизни», а также Евангельская Христианская Церковь города Владивостока и другие религиозные организации [4, с. 64].

Таким образом, в период формирования новой российской государственности, который характеризовался активным развитием национальной идентичности и пришелся на конец XX – начало XXI века, наблюдалось значительное усиление влияния религии на различные аспекты общественной и политической жизни. Этот процесс сопровождался повышением социальной и миссионерской активности традиционных религиозных конфессий, что способствовало дальнейшему укреплению их позиций в обществе. Анализ недавнего исторического периода выявляет многочисленные примеры успешной реализации миссионерской и социальной деятельности религиозными организациями в различных регионах России. Данный опыт, учитывая текущие социально-экономические и политические условия, представляет значительный интерес для его применения в современной практике.

Библиографический список

1. Андропова Ю.Э. Благотворительность в оценках предпринимателей: вариативность смыслов // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 2 (53). С. 100–105. EDN TREBYV.

2. *Атаманова Е.Т.* Православные некрополи Ельца: туристский дискурс // «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас...»: материалы XIII Международного форума (Липецк-Задонск, 27–29 апреля 2017 г.) Липецк, 2018. С. 251–253. EDN:RTKGAN.

3. *Игнатова А.В., Дзюбан В.В.* Проблемы и перспективы миссионерской деятельности православной церкви в начале XXI века // Вестник Института мировых цивилизаций. 2018. Т. 9, № 4 (21). С. 92–94. EDN YUNGZF.

4. *Исаев А.В., Матвиенко В.А.* Социально ориентированное партнёрство государства и религий в ретроспективе преобразований «новой» России // Вестник государственного и муниципального управления. 2022. Т. 11, № 3. С. 98–110. DOI 10.22394/2225-8272-2022-11-3-98-110. EDN VQSGZF.

5. *Матвиенко В.А.* Репрезентация социальной политики в государственном и религиозном дискурсах: опыт политико-правового анализа // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18, № 2. С. 79–85. DOI 10.22394/1682-2358-2018-1-79-85. EDN UQKLPI.

6. *Ткачева Т.В., Хариной Н.С.* Миссионерская деятельность Тобольско-Тюменской епархии на севере Западной Сибири в 1990–2010 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2, История. История Русской Православной Церкви. 2024. № 118. С. 136–148. DOI 10.15382/sturII2024118.136-148. EDN CGGYKC.

7. *Тумбаева Е.В.* Государство и церкви: перспективы и проблемы социального партнерства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 105–110. EDN KNNVCF.

8. *Федирко О.П., Дударенок С.М.* Социальное служение неправославных христианских религиозных организаций Дальнего Востока в 1990-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Т. 12, № 6. С. 61–71. DOI 10.17748/2075-9908-2020-12-6-61-71. EDN AEEXRO.

9. *Филина Н.В.* Условия и факторы, влияющие на социально-политическое партнёрство государства и религиозных организаций // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-2 (32). С. 178–184. EDN QAKSNH.

10. *Шарков И.Г., Томилина Л.Б., Воденко К.В.* Благотворительная деятельность и социальное служение Русской православной церкви как инструменты развития гражданского общества в современной России // Православие и общество: грани взаимодействия: материалы II Международной научно-практической конференции, Чита, 14 декабря 2018 года / отв. ред. Е.В. Дроботушенко. Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. С. 198–201. EDN OGSANH.

С.И. Минько,

магистр исторических наук, главный специалист Дзержинского райисполкома
(г. Дзержинск, Минская область)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ (на примере Дзержинского района Минской области)

Аннотация. В статье анализируется деятельность религиозных организаций района за 2025 год в рамках работы Комиссии содействия контролю за исполнением законодательства о свободе совести и религиозных организаций при Дзержинском районном исполнительном комитете, раскрываются основные этапы взаимодействия местных органов власти с религиозными общинами Дзержинского района.

Ключевые слова: город-спутник, культовое здание, Белорусская Православная церковь, конфессия, комиссия, уставная деятельность, религиозная организация, этноконфессиональная ситуация.

S.I. Minko,

Master of Historical Sciences, chief specialist of the Dzerzhinsk District Executive Committee (Dzerzhinsk, Minsk region)

INTERACTION OF LOCAL AUTHORITIES WITH RELIGIOUS ORGANIZATIONS (by the example of Dzerzhinsk district Minsk region)

Abstract. In the article the activity of the religious organizations of the district in 2025 is analyzed as a part of the work of the Commission for the Promotion of Control over the Implementation of Legislation on Freedom of Conscience and Religious Organizations in the Dzerzhinsk District Executive Committee, and the main stages of interaction between local authorities and religious communities of Dzerzhinsk district are revealed.

Key words: satellite city, religious building, Belarusian Orthodox Church, confession, commission, statutory activity, religious organization, ethno-confessional situation.

Дзержинский район, образованный 17 июля 1924 года, располагается в центре Минской области и является аграрно-промышленным, с населением около 71 тыс. человек. Центр района – город Дзержинск. Наиболее крупные населенные пункты региона: города Дзержинск и Фаниполь, поселки Негорелое и Энергетиков. Всего насчитывается

276 населенных пунктов (из них 13 агрогородков). Городам Дзержинск и Фаниполь придан статус города-спутника г. Минска (согласно Указа Президента Республики Беларусь № 214 07.05.2014 «О развитии городов-спутников»).

Руководящую роль в работе с религиозными организациями района играет Комиссия содействия контролю за исполнением законодательства о свободе совести и религиозных организаций при Дзержинском районном исполнительном комитете (далее – комиссия), которая работает согласно утвержденного плана на календарный год. В состав комиссии входит 11 членов – представителей различных служб райисполкома и района (отделов идеологической работы и по делам молодежи, ЖКХ, архитектуры и строительства, внутренних дел, медицины, образования, чрезвычайных ситуаций и иных) во главе с заместителем председателя районного исполнительного комитета по социальным вопросам. В 2025 году прошло 4 заседания комиссии (ежеквартально), которые касались деятельности религиозных организаций района и разрешения возникающих у них вопросов.

К 1 января 2026 года членами комиссии был проведен анализ деятельности религиозных организаций района за 2025 год по результатам которого можно отметить:

1). Уставную деятельность в районе вели 21 религиозная община (их количественный состав остался прежним). Из них: 10 – православных общин, 5 – католических общин, 4 – общины христиан веры евангельской, 1 – община адвентистов седьмого дня и 1 община христиан полного Евангелия «Слово Истины». Незарегистрированных религиозных общин в районе не выявлено.

Ведущее место в религиозной жизни района по количеству верующих занимают Белорусская Православная Церковь и Римско-Католическая Церковь.

Особенностью Дзержинского района является то, что в районе религиозную деятельность осуществляют общины только христианских конфессий (православные, католики и протестанты).

Вместе с тем, монастырей, духовных учебных заведений, братств и сестричеств, миссий в Дзержинском районе не имеется.

2). В 2025 году в районе религиозную деятельность осуществляли 17 священнослужителей (их состав остался прежним). Из них: 8 священнослужителей Белорусской Православной Церкви, 3 священнослужителя Римско-Католической Церкви, 4 священнослужителя Христиан Веры Евангельской, 1 священнослужитель Адвентистов Седьмого Дня, 1 священнослужитель Христиан Полного Евангелия.

3). Количество культовых зданий у религиозных организаций района:

Белорусская Православная Церковь – 7 храмов, 4 строится (в том числе 1 более 10 лет);

Римско-Католическая Церковь – 3 костела, 1 строится (в том числе 1 более 10 лет);

Христиане Веры Евангельской – 2 дома молитвы (еще по 2 зданиям принадлежащим религиозным общинам ХВЕ начат процесс перевода из жилого помещения в культовые сооружения);

Христиане полного Евангелия – 1 дом молитвы;

Адвентисты седьмого дня – культовых зданий не имеют (во владении общины имеется жилой дом).

4). В 2025 году членами комиссии была осуществлена 41 проверка уставной деятельности и законодательства о свободе совести в религиозных организациях района. Из них, было осуществлено: 15 проверок законодательства общин Белорусской Православной Церкви, 10 – Римско-Католической Церкви, 8 – Христиан Веры Евангельской, 4 – Христиан полного Евангелия, 4 – Адвентистов седьмого дня. Фактов нарушения законодательства о свободе совести и религиозных организаций, уставной деятельности не выявлено. При проведении проверок религиозных общин им была оказана консультативная помощь в решении хозяйственно-бытовых вопросов.

5). В соответствии с Законом Республики Беларусь от 30 декабря 2023 г. № 334-З «Об изменении законов по вопросам деятельности религиозных организаций» религиозные объединения и организации Республики Беларусь должны были пройти перерегистрацию и в срок до 5 июля 2025 года подать соответствующие документы в регистрирующий орган (в Минской области – в Минский областной исполнительный комитет).

В связи с вышеуказанным Дзержинским райисполкомом 17 религиозным общинам района была оказана консультативная помощь в вопросах подготовки документов и подачи их в регистрирующий орган для перерегистрации религиозных организаций, а 4 – в вопросах ликвидации.

По результатам работы местных органов власти и религиозных организаций в 2025 году перерегистрацию прошло 17 религиозных организаций района: 7 православных общин, 4 католические общины, 4 общины Христиан веры евангельской, 1 община Адвентистов седьмого дня, 1 община христиан полного Евангелия. К ликвидации запланированы 3 православные и 1 католическая религиозные организации в связи с малочисленностью членов, входящих в общину (численность составляет менее 20 человек).

В октябре 2025 года в ГУ «Дзержинский ТЦСОН» состоялось выездное заседание комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о свободе вероисповеданий и религиозных организаций, на котором в торжественной обстановке священнослужителям 17 религиозных организаций района были вручены новые свидетельства о государственной регистрации и выданы утвержденные уставы религиозных организаций в новой редакции.

«Мы никогда не будем в стороне от народа, – подчеркнул протоиерей Борис Полторжицкий, Благодинный Дзержинского церковного округа. – Церковь и народ – едины. Сегодня в торжественной обстановке мы получили свидетельства о перерегистрации наших общин, а значит, каждый из нас проделал большую работу в данном направлении. Хочу заверить, что священнослужители, как и раньше, будут молиться о мире во всем мире и прививать духовные ценности людям» [3].

6). В 2025 году членами комиссии при Дзержинском райисполкоме проведена следующая работа по оказанию помощи религиозным организациям в проведении массовых мероприятий:

религиозной организации «Приход храма Святителя Николая Чудотворца д. Станьково Дзержинского района Молодечненской епархии БПЦ» в проведении памятных мероприятий на могиле святой блаженной Валентины Минской на территории кладбища д. Заболотье и в д. Станьково Дзержинского района (5–6 февраля 2025 г.). В мероприятиях в честь блаженной в эти дни приняли участие представители местных органов власти и депутатский корпус района, а также почетные гости – епископ Молодечненский и Столбцовский Павел, председатель правления общественного объединения «Белорусский фонд мира» М.В. Мисько и его заместитель по гуманитарному сотрудничеству, белорусская женщина-космонавт М.В. Василевская. По завершении торжественных мероприятий представители духовенства и гости побывали на стройплощадке на краю кладбища, где уже заложен фундамент будущего храма-часовни. «Под эгидой Белорусского фонда мира, совместными усилиями, мы хотим построить здесь, на месте упокоения святой Валентины Минской, храм-часовню. Чтобы люди приходили, молились, просили. Потому что все сбывается, и святая помогает, – поделилась целью визита Марина Василевская. – Уже открыт благотворительный счет, куда принимаются пожертвования на строительство от всех неравнодушных» [1];

религиозной организации «Приход храма Покрова Пресвятой Богородицы в г. Дзержинске Молодечненской епархии БПЦ» совместно с религиозной организацией «Сестричество в честь преподобномученицы великой княгини Елисаветы д. Лысая Гора Минского района

Минской епархии Белорусской православной церкви» оказана помощь в проведении фестиваля православной культуры «Кладезь» в Дзержинском районе с 14 по 24 августа 2025 года на площадке прилегающей к храму Покрова Пресвятой Богородицы в г. Дзержинске.

В широком ассортименте на выставке-ярмарке были представлены иконы, выполненные в различных техниках, православная литература для разных возрастов, авторская керамика в необычном исполнении, текстиль, сувениры, продукция для здоровья, медовые угощения и ароматный хлеб. Вырученные на ярмарке средства были направлены на дела милосердия монастыря: строительство храма, помощь детским и взрослым интернатам, содержание двух социально-реабилитационных центров.

«В этом году у нас много проектов, – отмечал куратор православной выставки-ярмарки Игорь Гаврус на открытии выставки-ярмарки. – В рамках фестиваля пройдут встречи-беседы монахини Марии Литвиновой и отца Дионисия в Дзержинском РОЧС, ТЦСОНе, районной больнице, социально-педагогическом центре в Станьково. О путях выхода из кризисных ситуаций поговорят с семьями, которые находятся в социально опасном положении. Кандидат исторических наук, доцент Минской духовной академии Александр Гронский пообщается с военнослужащими войсковой части 1463 на тему исторических мифов в современном мире. Писательница, поэтесса, автор песен Татьяна Дашкевич проведет литературно-музыкальную встречу в библиотеке» [2].

Главный специалист отдела идеологической работы и по делам молодежи райисполкома С.И. Минько отметил, что программа будет насыщенной: «Организаторы подготовили полезные встречи, интересные мероприятия. Здесь, на выставке, можно приобрести все: от хлеба, пищи материальной, до литературы, пищи духовной. Большую помощь в проведении фестиваля нам оказали службы и организации района – Дзержинское ЖКХ, швейная фабрика «ЭЛИЗ», Столбцовское райпотребобщество, Дзержинский РОВД» [2].

7). Православными религиозными организациями района во взаимодействии с местными органами власти, организациями и службами района на протяжении года проводилась благотворительная и иная работа по социальному служению в УЗ «Дзержинская ЦРБ» (с больными), в учреждении «ЛТП № 6 г. Дзержинска» (со спецконтингентом), с военнослужащими воинских частей № 1463 (г. Дзержинск) и № 30151 (г. Фаниполь), в ГУ «Дзержинский ТЦСОН» (с инвалидами, многодетными, одиноко проживающими и пр.), а также в работе с людьми, больными наркоманией и алкоголизмом.

Таким образом, этноконфессиональная ситуация в Дзержинском районе в 2025 году характеризовалась выстраиванием конструктивных

взаимоотношений местных органов власти и религиозных организаций. Конфликтных ситуаций между религиозными организациями, райисполкомом, сель(гор)исполкомами и населением в отмеченный период не отмечалось. Ситуация развития конфессиональной сферы региона контролируема. Возникавшие вопросы решались в рамках заседаний комиссий содействия контролю за исполнением законодательства о свободе совести и религиозных организаций при Дзержинском райисполкоме, а также при посещении религиозных организаций.

Библиографический список

1. Космонавт Марина Василевская почтила память святой блаженной Валентины Минской. Районная газета «Узвышша» <https://dzh.by/06022025/kosmonavt-marina-vasilevskaya-pochtila-pamyat-svyatoj-blazhennoj-valentiny-minskoj/>.

2. Православный фестиваль «Кладезь» открылся в Дзержинске. В чем его особенность на этот раз. Районная газета «Узвышша» <https://dzh.by/14082025/pravoslavnyj-festival-kladez-otkrylsya-v-dzerzhinske-v-chem-ego-osobennost-na-etot-raz/>.

3. Религиозные общины Дзержинского района получили свидетельства о перерегистрации. Районная газета «Узвышша» <https://dzh.by/08102025/religioznye-obshhiny-dzerzhinskogo-rajona-poluchili-svidetelstva-o-pereregistracii/>.

УДК 004.8:35+316.42

С.С. Морозова,

доцент кафедры Российской политики,

Санкт-Петербургский государственный университет

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РОССИИ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Анализируется реализация государственной стратегии России в сфере искусственного интеллекта (ИИ), включая аспекты регулирования. Рассматривается внедрение ИИ в государственное управление и социальную сферу, а также ключевые общественные вызовы, связанные с цифровой трансформацией. Обосновывается необходимость комплексного подхода для достижения технологического суверенитета.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), государственная стратегия, национальная стратегия развития ИИ, цифровая трансформация, общественные вызовы, этика ИИ, регулирование ИИ, технологический суверенитет, экономика данных, государственное управление.

S.S. Morozova,

Associate professor, Department of Russian Politics, Saint Petersburg State University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN RUSSIA: STATE STRATEGY, SOCIETAL CHALLENGES, AND NEW HORIZONS FOR DEVELOPMENT

Abstract. The report analyzes the implementation of Russia's state strategy for Artificial Intelligence (AI), including regulatory aspects. It examines the integration of AI into public administration and the social sphere, as well as the key societal challenges of digital transformation. The paper argues for a comprehensive approach to achieve technological sovereignty.

Key words: Artificial Intelligence (AI), state strategy, National AI Development Strategy, digital transformation, social challenges, AI ethics, AI regulation, technological sovereignty, data economy, public administration.

Введение. Искусственный интеллект (ИИ) трансформировался из концептуальной области в один из ключевых факторов, детерминирующих геополитическую конфигурацию и динамику экономического развития. Российская Федерация, осознавая стратегическую значимость данной технологии, осуществляет формирование национальной повестки в сфере ИИ, направленной на достижение конкурентных преимуществ в глобальной технологической гонке. В докладе представлен комплексный анализ государственной стратегии России в области искусственного интеллекта, исследуются ключевые социальные вызовы, сопряженные с его имплементацией, и определяются перспективы дальнейшего развития.

Государственная политика и регуляторная среда: курс на технологический суверенитет. Нормативно-стратегической основой государственной политики Российской Федерации в области ИИ выступает Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [5], утвержденная Указом Президента РФ. Стратегическое видение и конкретные директивы для следующего этапа ее реализации были сформулированы в Послании Президента Федеральному Собранию в 2024 году [8].

Глава государства поставил задачу к 2030 году сформировать цифровые платформы во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы, для решения которой запускается новый национальный проект «Экономика данных» с объемом финансирования не менее 700 миллиардов рублей на ближайшие шесть лет. Подчеркивается, что «важным элементом цифровых платформ являются алгоритмы искусственного интеллекта», в связи с чем Россия должна быть «самодостаточной и конкурентоспособной» [8]. В обновленной редакции Национальной стратегии поставлены цели по обеспечению технологического

суверенитета в таких направлениях, как генеративный ИИ и большие языковые модели [5].

Инструментом реализации этих стратегических установок выступает федеральный проект «Искусственный интеллект» [6], изначально являвшийся частью национальной программы «Цифровая экономика». Впоследствии его действие было пролонгировано до 2030 года с интеграцией в структуру нового нацпроекта «Экономика данных». Проект включает комплекс мер господдержки, направленных на стимулирование отечественных разработок, содействие внедрению ИИ-решений в реальный сектор экономики, развитие кадрового потенциала и формирование технологической инфраструктуры.

Особое значение в рамках государственной политики придается формированию нормативно-правовой и этической регуляторной среды. Применяется гибридная модель регулирования, сочетающая меры государственного стимулирования с механизмами саморегулирования отрасли. Ключевым событием в области саморегулирования стало принятие в 2021 году Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта [3], целью которого является формирование среды доверия к технологиям ИИ на основе общих этических принципов и стандартов. Кодекс носит рекомендательный характер и распространяется на разработки в гражданской сфере.

Трансформация государственного управления и социальной сферы. Искусственный интеллект выступает в качестве значимого инструмента модернизации системы государственного управления. В рамках единой цифровой платформы «ГосТех» предполагается создание специализированного технологического кластера для интеграции больших языковых моделей в государственные информационные системы и сервисы [7]. Данная мера направлена на повышение операционной эффективности и автоматизацию процессов предоставления государственных услуг. Алгоритмы ИИ также рассматриваются как потенциальный инструмент для проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов с целью минимизации субъективного фактора и сокращения трудозатрат.

Имплементация технологий ИИ активно осуществляется и в ключевых отраслях социальной сферы:

- **Здравоохранение:** технологии ИИ применяются для анализа медицинских изображений, поддержки принятия врачебных решений и разработки лекарственных препаратов. По данным исследований, на начало 2025 года в России было зарегистрировано 39 медицинских изделий, использующих ИИ, значительная часть которых является продуктом отечественной разработки [4].

- **Образование:** нейросетевые технологии используются для построения персонализированных образовательных траекторий, автоматизации оценочных процедур и разработки адаптивных обучающих систем.

Экономический эффект и общественные вызовы. Потенциальный макроэкономический эффект от внедрения ИИ в России оценивается как значительный. Согласно экспертным прогнозам, к 2030 году его вклад в ВВП может составить от 7,9 до 12,8 трлн рублей ежегодно [9]. Данный эффект достигается посредством оптимизации производственных затрат, создания новой выручки за счет инновационных продуктов и услуг, а также трансформации существующих бизнес-моделей.

Вместе с тем, масштабирование применения ИИ сопряжено с рядом существенных социальных вызовов:

- **Трансформация рынка труда.** Социальные опасения связаны с потенциальным замещением человеческого труда автоматизированными системами. Однако эмпирические данные показывают, что большинство организаций перераспределяют высвобождаемые трудовые ресурсы на решение более сложных и стратегических задач [9].

- **Общественное восприятие.** Социологические исследования фиксируют высокий уровень осведомленности населения об ИИ (81 %) [2]. При этом наблюдается поляризация мнений относительно доверия к данной технологии: его выражает около 45 % респондентов [1]. Сохраняются опасения, связанные с угрозами для занятости и проблемами кибербезопасности.

- **Этико-правовые дилеммы.** Проблематика алгоритмической предвзятости, обеспечения конфиденциальности персональных данных и распределения ответственности за действия автономных систем требует перманентного научного и общественного дискурса.

Технологический суверенитет и место России в глобальной гонке ИИ. В современном анализе международных отношений доминирует представление о глобальной технологической конкуренции как о биполярном соперничестве между США и Китаем. На этом фоне Россия определяет своей стратегической целью обеспечение технологического суверенитета, уделяя особое внимание развитию искусственного интеллекта. Данная цель декомпозируется на ряд ключевых задач, направленных на формирование полного цикла разработки и внедрения ИИ-систем на национальной основе.

Ключевыми векторами государственной политики выступают:

1. **Формирование отечественной экосистемы ИИ-решений.** Стимулируется разработка и коммерциализация конкурентоспособных продуктов. Примерами служат большие языковые модели от российских

технологических компаний, такие как GigaChat (Сбер) и YandexGPT (Яндекс).

2. Развитие национальной вычислительной инфраструктуры. Приоритетом является создание отечественной компонентной базы и сетей центров обработки данных (ЦОД) в рамках национального проекта «Экономика данных».

3. Нарращивание кадрового потенциала. Государство инвестирует в подготовку специалистов через создание исследовательских центров в сфере ИИ на базе ведущих университетов (например, Центр ИИ и науки о данных СПбГУ, НИУ ВШЭ, Сколтех, ИТМО, Университет Иннополис).

Данный подход свидетельствует о том, что стратегия России заключается не в фронтальном копировании моделей технологических лидеров, а в асимметричном подходе. Признавая отставание по некоторым общим метрикам, страна концентрирует ресурсы на нишевых направлениях, где имеется значительный научный задел и внутренний спрос, таких как применение ИИ в промышленности, системе государственного управления и в сфере обеспечения безопасности.

Заключение. Искусственный интеллект представляет для Российской Федерации амбивалентное явление, являясь одновременно источником системных вызовов и фактором, открывающим возможности для технологического лидерства. Успешная реализация государственной стратегии, подкрепленная развитием отечественных технологий и кадрового потенциала, является необходимым условием для обеспечения конкурентоспособных позиций страны в формирующемся технологическом укладе. Достижение поставленных целей детерминировано не только технологическими достижениями, но и способностью государственных и общественных институтов формулировать адекватные ответы на возникающие этические и социальные вопросы. Формирование комплексного подхода, гармонично сочетающего государственную поддержку, частную инициативу и общественный диалог, выступает ключевым условием для полной реализации потенциала ИИ в интересах национального развития.

Библиографический список

1. ВЦИОМ: Россияне разделились во мнении, доверять ли ИИ [Электронный ресурс]. Издательство «Открытые системы». 17.11.2025. URL: <https://www.osp.ru/articles/2025/1117/13060174> (дата обращения: 12.01.2026).
2. Искусственный интеллект: благо или угроза? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 07.07.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/iskusstvennyi-intellekt-bлаго-ili-ugroza> (дата обращения: 12.01.2026).

3. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://a-ai.ru/kodeks-etiki> (дата обращения: 12.01.2026).

4. Мурашко М.А., Ваньков В.В., Панин А.И. и др. Внедрение технологий искусственного интеллекта в здравоохранении России: итоги 2024 г. // Национальное здравоохранение. 2025. № 6 (3). С. 6–19. <https://doi.org/10.47093/2713-069X.2025.6.3.6-19>

5. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (в ред. от 15.02.2024) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 12.01.2026).

6. Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» (приложение № 3 к протоколу президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 27.08.2020 № 17) [Электронный ресурс]. URL: <https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/5-1.pdf> (дата обращения: 12.01.2026).

7. Первые инструменты для работы с ИИ появятся на платформе ГосТех в конце 2024 года [Электронный ресурс] // TAdviser. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Гостех_\(Единая_цифровая_платформа_Российской_Федерации\)?ysclid=mked4edsg0661095272#D0.9F.D0.B5.D1.80.D0.B2.D1.8B.D0.B5_.D0.B8.D0.BD.D1.81.D1.82.D1.80.D1.83.D0.BC.D0.B5.D0.BD.D1.82.D1.8B_.D0.B4.D0.BB.D1.8F_.D1.80.D0.B0.D0.B1.D0.BE.D1.82.D1.8B_.D1.81_.D0.98.D0.98_.D0.BF.D0.BE.D1.8F.D0.B2.D1.8F.D1.82.D1.81.D1.8F_.D0.BD.D0.B0_.D0.BF.D0.BB.D0.B0.D1.82.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.B5_.C2.AB.D0.93.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B5.D1.85.C2.BB_.D0.B2_.D0.BA.D0.BE.D0.BD.D1.86.D0.B5_2024_.D0.B3.D0.BE.D0.B4.D0.B0](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Гостех_(Единая_цифровая_платформа_Российской_Федерации)?ysclid=mked4edsg0661095272#D0.9F.D0.B5.D1.80.D0.B2.D1.8B.D0.B5_.D0.B8.D0.BD.D1.81.D1.82.D1.80.D1.83.D0.BC.D0.B5.D0.BD.D1.82.D1.8B_.D0.B4.D0.BB.D1.8F_.D1.80.D0.B0.D0.B1.D0.BE.D1.82.D1.8B_.D1.81_.D0.98.D0.98_.D0.BF.D0.BE.D1.8F.D0.B2.D1.8F.D1.82.D1.81.D1.8F_.D0.BD.D0.B0_.D0.BF.D0.BB.D0.B0.D1.82.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.B5_.C2.AB.D0.93.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B5.D1.85.C2.BB_.D0.B2_.D0.BA.D0.BE.D0.BD.D1.86.D0.B5_2024_.D0.B3.D0.BE.D0.B4.D0.B0) (дата обращения: 12.01.2026).

8. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Президент России. 29.02.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 12.01.2026).

9. Экономический эффект от ИИ в России может к 2030 году превысить 7,9 трлн рублей [Электронный ресурс] // Forbes. 08.12.2025. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/551509-ekonomiceskij-effekt-ot-ii-v-rossii-mozet-k-2030-godu-prevysit-7-9-trln-rublej> (дата обращения: 12.01.2026).

М.Н. Начапкин,

доцент, Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург)

РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТВОРЧЕСКОМ КОНСЕРВАТИЗМЕ И.А. ИЛЬИНА

Аннотация. Одним из главных элементов идеологии творческого консерватизма И.А. Ильина является православная вера. Без веры в Бога невозможно было преодоление последствий смуты 1917 года, создание обновленной российской государственности. Рассматривается роль Православной церкви в истории России, развитии национальной культуры, анализируются причины мирового религиозного кризиса

Ключевые слова: Православная церковь, вера, история, правосознание, кризис.

M.N. Nachapkin,

Associate professor, Urals States Pedagogical University (Ekaterinburg)

RELIGIOUS ISSUES IN THE CREATIVE CONSERVATISM OF I.A. ILYIN

Abstract. One of the key elements of I.A. Ilyin's creative conservatism is the Orthodox faith. Without faith in God, it would have been impossible to overcome the consequences of the 1917 turmoil and create a renewed Russian state. The role of the Orthodox Church in Russian history and the development of national culture is examined, and the causes of the global religious crisis are analyzed.

Key words: Orthodox Church, faith, history, legal consciousness, crisis.

Сегодня мы все больше понимаем значение творческого наследия Ивана Александровича Ильина (1884–1954) для формирования русской религиозной философии. В эмиграции, разрабатывая основы доктрины творческого консерватизма, Ильин сделал вывод, что неразрывным ее элементом является православная вера как средство сохранения русской государственности, культуры и грядущего возрождения России. Можно сослаться на несколько работ Ивана Александровича, в которых затрагиваются вопросы религиозной проблематики: журнал «Русский Колокол», издававшийся с 1927 по 1930 г., брошюра «Основы христианской культуры», опубликованная в Женеве в 1937 г., статьи из сборников «Наши задачи», вышедшие в Париже, в течение

7 лет, с 1948 по 1954 гг. Н.П. Полторацкий – исследователь наследия Ильина отмечал, что темы его статей были посвящены следующим вопросам: «...духовно-социальный и культурный фон эпохи, природа и структура государства, формальная и творческая демократия,...причины падения российской империи, природа и ход революции,...необходимость духовного обновления,... православие и католичество, церковь и оцерковление жизни, русская идея» [1, с. 7–8].

В первой статье журнала «Русский Колокол» Ильин отмечал, что России нужно «...идейное и волевое обновление духа в русском образованном строе...Мы верим, что Россию поведет и впредь ее собственный национально чувствующий и мыслящий образованный слой» [3, с. 7]. Новой России будет особо востребован волевой, религиозно-укорененный характер.

Мыслитель много писал о причинах глубокого религиозного кризиса, постигшего человечество: «Мир переживает религиозный кризис; люди разучились любить Бога и верить в него, воспринимать Божественное и идти за ним в жизни; души людей привыкают жить поверхностно, мелко, пошло; люди руководятся смесью из инстинкта и рассудка и становятся материалистами. В этом глубокий корень и источник современных зол» [3, с. 12]. Прогноз Ильина о дальней секуляризации западного общества оказался очень точным. Достаточно вспомнить открытие недавней олимпиады в Париже, где кощунственно высмеивались церковные святыни. Рассказывая о задачах журнала «Русский Колокол» по теме «Православное Христианство», Иван Александрович писал: «...нам надлежит выделить и обосновать: 1) мироприемлющую традицию Христианства; 2) волевые и воспитывающие характер традиции Православного Христианства; 3) великие и мудрые традиции и особенности русского Православия – в вопросах а) свободы, любви и видения как источников веры, б) очищения души и мироприятие, в) сопротивлению злу силою, г) связи и разграничения Церкви и государства» [3, с. 13].

Иван Александрович связывал победу большевизма и тоталитаризма в России с процессом оскудения веры, формированием полуинтеллигенции: «Эти новые элиты...не ведают ни правосознания, ни чувства ответственности...не имеют ни малейшего представления о религии о духе и о культуре, они ценят только технику и власть» [1, с. 17]. Эти полуинтеллигенты, пришедшие к власти, в России не только посмеиваются над религией, но и уничтожают священников и храмы.

Ильин связывал начало процесса религиозного кризиса с идеями европейского просвещения и Великой Французской революции. Именно Вольтер, Дидро, Монтескье, Руссо выступили против Бога, природы

и справедливости, со своей верой в материализм, силу техники и идеи прогресса. Тем самым, они подорвали влияние христианской церкви.

В чем же Иван Александрович видел огромное влияние христианства? Это, прежде всего, сдерживающая инстинкты сила учитель нравственности. Он писал, что в душе человека есть две силы: сила инстинкта и сила духа. Человек, не обузданный религией, силой духа есть волк. Бездуховному инстинкту «...противостоит дух в человеке, начало сердца, разумной воли, ответственного представления и совести. Дух проявляется в жажде священного, в поисках Бога. Правосознание есть одно из его проявлений... Человек, имеющий здоровое правосознание, – есть свободный субъект прав; он имеет волю к лояльности (законопослушанию), он умеет блюсти и свои и чужие полномочия, обязанности и запреты; он есть живая опора правопорядка, самоуправления, армии, государства» [1, с. 31]. Ильин считал, что в основе правосознания лежит чувство собственного духовного достоинства, уважение и доверие граждан к друг другу и государству. Человек, обладающий развитым правосознанием, строить свою не преступая закон. Важнейшая роль в воспитании у молодежи верного правосознания должна принадлежать семье, Православной церкви и школе. Таким образом, роль Православной морали в воспитании правосознания очень велика.

Рассуждая о причинах революции 1917 года, мыслитель сделал вывод об отсутствии у широких масс народа верного правосознания. Самодержавный строй последнего периода монархии породил изувеченное и немощное русское правосознание. Он критиковал монархию Николая II за то, что она мало уделяла внимание правовому образованию граждан, не научила их уважать закон, частную собственность. Проблема для него также состояла в отсутствии социальных лифтов – простому человеку сложно было достичь вершин государственной службы. Эта ситуация привела к политической пассивности, отчуждения государства от народа. Он воспринимал государство как инородное тело, слепо ненавидел его. Таким образом, государственная власть была виновата в том, что идея самообразования не стала жить в сознании народа. Кроме того, многовековое крепостное право и поземельная община подрывали в простом народе веру в честный труд. Поэтому, во время революции 1917 года к власти пришла ненастная, своевольная, корыстная толпа, стремившаяся к мести и слепой расправе. Революцию он определил как своекорыстное расхищение государства, избиение культурного меньшинства темной толпой. В трудный год Гражданской войны (1919) Ильин написал работу «Учение о правосознании» в которой подчеркивал важнейшую роль правосознания в организации мирной и справедливой жизни граждан.

Как же Иван Александрович определил роль Православной церкви в истории России? Роль Православия он ценил необычайно высоко: «Значение православия в русской истории и культуре духовно определяющее. Достаточно признать, что тысячелетняя история творилась людьми христианской веры, что Россия слагалась, крепла и развешивала свою духовную культуру именно в христианстве» [1, с. 308–309]. Мыслитель старался ответить на вопрос: в чем проявляется самобытность России? Вслед за великим русским поэтом Пушкиным он отмечал, что самобытность проявлялась в особом духовном акте (особом способе чувствовать, жить, думать, действовать). Можно также сделать вывод, что: «Русский национальный акт сложился под влиянием четырех великих факторов: природы, славянской души, особенно веры и исторического развития» [1, с. 309].

Затрагивал Иван Александрович проблемы взаимоотношения Православия и католичества. Он писал о враждебном отношении Запада и Ватикана к нашей стране. Запад не понимал нашей религии и культуры, боялся огромных размеров России. Цель западной экспансии – расчленение, всемерное ослабление России, захват ее богатейших природных богатств. Среди недругов России всегда был католический Ватикан. Ватикан столетия готовил против православной России крестовые походы. Папские легаты приезжали в советскую Россию в 1929 году для переговоров с большевистским руководством. Ильин отмечал, что Ватикан в годы советской власти массово скупал иконы, религиозную литературу, православные реликвии, готовил католическое духовенство для богослужения на русских землях. В своих публикациях он затрагивал вопрос об основных отличиях греческого, русского православия от католицизма: «Это есть отличие догматическое, церковно-организационное, обрядовое, миссионерское, политическое, нравственное и актовое» [1, с. 311]. Так, важнейшее догматическое отличие Православия от католицизма состоит в том, что Православия признает единого главу церкви – Иисуса Христа, а католичество признает римского первосвященника главой церкви. Русская Православная церковь никогда не посягала на политическую власть, в отличие от католической теократической власти Ватикана.

Какие же важные вопросы, касающиеся взаимоотношений государства с Православной церковью, рассматривает Ильин. В журнале «Русский Колокол» он писал: «...нам надлежит установить, что 1) древнее исконно-русское соотношение Церкви и государства (от Феодосия Печерского и преп. Сергия до Филарета Романова) есть верное и мудрое – взаимная независимость и взаимное непосягательство авторитета Церкви и авторитета мирской власти при творческом сотрудничестве

в едином деле Божьем на земле; 2) что для восстановления этой традиции необходимо поколение мудрых и сильных характеров в современной церковной иерархии; что единство Церкви не достижимо...на путях церковной бесхарактерности, безволия и безвластия...» [3, с. 13].

В эмиграции Ильин постоянно размышлял о будущем устройстве России. Государственная идеология должна быть основана на таких принципах, как патриотизм, братство, творческий труд, достоинство, честь, сильно и глубокое правосознание. Руководитель страны должен быть сильным, волевым. Можно согласиться с выводом Ивана Александровича, что прочность и сила государства зависят: от воли и прозорливости правителя, религиозной укорененности народного характера, энергии, государственно мыслящей интеллигенции.

В период с 1937 года по 1952 год Ильиным было разработано несколько проектов Основного закона. Примером особой роли духовного, религиозного, Православного фактора является статья Ильина «Кое-что об Основных законах будущей России». Чтобы понять отношение Ивана Александровича к Православию, можно привести первые две наиболее важные статьи: «Ст. 1. В порядке Божьего изволения возникшее, Божиим промыслом веках ведомое Российское Государство утверждает, как установленное по духу своему Христианское и национальное, призванное ко хранению и осуществлению закона правды в жизни российских народов. Ст. 2. Российское Государство – есть правовое единство – священное, исторически преемственное, властное и действенное. Оно положено на братском единении русских людей, их верности Богу, Отечеству, государственной власти, закону» [1, с. 159].

Иван Александрович в работе «Основы христианской культуры» правильно показал причины глубокого религиозного кризиса: «Широкие слои людей утратили живую веру и отошли от христианской церкви. Но, отойдя от нее, многие не остались к ней безразличны. Они усвоили себе настроения отчужденности, осуждения вражды» [2, с. 292]. Он писал о складывающимся с странах Запада и СССР широком антихристианском фронте. Прогноз Ильина о будущем христианской церкви в мире, к сожалению, продолжает сбываться. Но это объективный процесс, который церковь остановить не в силах. По его мнению, грандиозное развитие науки в XX веке, создание многомиллионного класса пролетариев, оторванных от привычной среды, привело к тому, что христианская церковь «...с присущем ей глубоким консерватизмом в учении... не находит в себе достаточной творческой инициативы для того, чтобы по-прежнему удерживать за собой главный авторитет в вопросах человеческих знаний, в вопросах культурной теории и практики» [3, с. 294].

Библиографический список

1. Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи. М.: Воениздат, 1993. 308 с.
2. Ильин И.А. Одинокий художник. М.: Искусство, 1993. 348 с.
3. Ильин И.А. Собрание сочинений: Русский Колокол: Журнал волевой идеи. М.: ПСТГУ, 2008.

УДК 291.1

А.С. Никулина,

специалист Комиссии по культуре Иркутской епархии (Иркутск)

ЦЕРКОВЬ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА (социокультурные и психологические аспекты стабильности в XX–XXI вв.)

Аннотация. В статье рассматривается эволюция взаимодействия государственно-церковных и общественных институтов в России на протяжении XX–XXI веков через призму междисциплинарного подхода. Автор обосновывает необходимость синтеза исторического, социологического и психологического знания для осмысления роли религиозной коммуникации в формировании социальной ответственности и психологической устойчивости граждан. Анализируются исторические трансформации институционального поля религии: от периода радикальных деструкций советского времени к современным моделям социального партнерства. Особое внимание уделяется анализу религиозного фактора как ресурса консолидации общества в условиях глобальных вызовов современности.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения, междисциплинарный подход, социальная ответственность, психологическая устойчивость, религиозная коммуникация, история России, гражданское общество.

A.S. Nikulina,

Specialist of the Cultural Commission of the Irkutsk Diocese (Irkutsk)

CHURCH, SOCIETY, AND STATE IN THE CONTEXT OF INTERDISCIPLINARY ANALYSIS (socio-cultural and psychological aspects of stability in the 20th and 21st centuries)

Abstract. This article examines the evolution of the interaction between state, church, and public institutions in Russia throughout the 20th and 21st centuries through the lens of an interdisciplinary approach. The author substantiates the need to

synthesize historical, sociological, and psychological knowledge in order to understand the role of religious communication in shaping social responsibility and psychological resilience among citizens. The article analyzes the historical transformations of the institutional field of religion, from the period of radical destructions during the Soviet era to modern models of social partnership. Special attention is given to the analysis of the religious factor as a resource for consolidating society in the face of global challenges of our time.

Key words: state-church relations, interdisciplinary approach, social responsibility, psychological resilience, religious communication, history of Russia, civil society.

Осмысление исторического пути России в XX–XXI веках требует выхода за рамки узкоспециального дескриптивного подхода. Триада «Государство – Общество – Церковь» представляет собой сложную самоорганизующуюся систему, где каждое изменение в одном из звеньев неизбежно влечет трансформацию всей архитектоники национального бытия. Междисциплинарность в данном контексте выступает не просто как академический тренд, а как насущная эпистемологическая необходимость, позволяющая увидеть за фактологией событий движение смыслов, ценностей и психологических установок, определявших устойчивость российского социума в кризисные эпохи [4, с. 79].

Традиционная историография зачастую фокусируется на институциональном аспекте взаимодействия Церкви и Государства (законодательные акты, статистика, административные решения). Однако для понимания того, как религиозный фактор влиял на жизнь общества, необходимо привлечение инструментария исторической социологии и психологии религии. Методологический синтез позволяет рассматривать религиозную коммуникацию как специфический вид социальной связи, которая в XX веке подверглась беспрецедентной деформации. Используя концепцию «символического капитала» П. Бурдьё и теорию «социального конструирования реальности» П. Бергера, мы можем интерпретировать историю государственно-церковных отношений не только как историю борьбы или сотрудничества организаций, но как историю борьбы за право определять ценностно-смысловой фундамент общества [1, с. 129]. Междисциплинарный подход дает возможность проанализировать, как религиозные ценности интериоризировались (усваивались) населением даже в условиях официального атеизма, создавая скрытые резервы психологической устойчивости личности.

XX век стал для России периодом радикальных экспериментов в области социальной инженерии. Слом традиционного уклада после 1917 года означал попытку полной элиминации Церкви из структуры общественной коммуникации [2, с. 10]. С точки зрения социальной психологии, это привело к возникновению «экзистенциального вакуума», который

государство стремилось заполнить идеологическими конструктами [5, с. 308]. Однако исторический опыт показал, что в периоды наиболее суровых испытаний (например, в годы Великой Отечественной войны) государство было вынуждено возвращаться к апелляции к традиционным религиозным символам и смыслам [6, с. 269]. Междисциплинарный анализ этого периода позволяет выявить феномен «катакомбной» психологической устойчивости. Религиозная коммуникация, вытесненная в частную сферу, продолжала выполнять функцию сохранения морального стержня личности. Социальная ответственность в этот период трансформировалась в форму личного исповедничества, что в долгосрочной перспективе предопределило крах материалистической парадигмы и возможность «религиозного ренессанса» рубежа 1980–1990-х гг. [7, с. 29].

В постсоветский период взаимодействие государства, общества и церкви перешло в стадию активного поиска новых моделей интеграции. В условиях современности Церковь рассматривается не только как хранительница традиции, но и как активный субъект гражданского общества. С точки зрения современной психологии и социологии, роль религиозной коммуникации в XXI веке заключается в формировании адаптационных механизмов личности в условиях «текущей современности» (З. Бауман). Психологическая устойчивость молодежи, сталкивающейся с кризисом смыслов и атомизацией общества, напрямую зависит от наличия устойчивых ценностных ориентиров. Религиозная община здесь выступает как пространство, где формируется подлинная социальная ответственность – не как внешняя обязанность перед законом, а как внутренний императив служения ближнему.

Междисциплинарный подход позволяет выделить конкретные сферы, где партнерство Церкви и Государства дает наиболее ощутимый социальный эффект: социальное волонтерство и благотворительность: переход от разовой помощи к системным институтам милосердия; педагогическое сопровождение молодежи: внедрение курсов основ религиозных культур и светской этики как попытка восстановить преемственность поколений; психологическая поддержка в кризисных зонах: работа капелланов в вооруженных силах и священнослужителей в медицинских учреждениях.

В контексте междисциплинарности принципиально важно рассмотреть категорию «психологической устойчивости» (жизнестойкости) через призму религиозного опыта. Исследования показывают, что религиозная коммуникация, основанная на диалоге и осознанном принятии ценностей, выступает мощным антидотом против социальной апатии и деструктивного поведения. Для современного российского общества,

переживающего период трансформации и поиска национального кода, Церковь предлагает модель идентичности, сочетающую в себе верность традиции и открытость к актуальным проблемам. Формирование социальной ответственности через религиозную интериоризацию ценностей становится фундаментом для профилактики фанатизма и экстремизма. В отличие от догматизма, который, как мы отмечали в теоретических трудах, является формой психологической защиты от неопределенности, зрелая религиозная коммуникация способствует развитию когнитивной сложности и эмпатии [3, с. 34].

Современный этап истории России диктует необходимость дальнейшего углубления междисциплинарных подходов. Невозможно адекватно оценить состояние российского общества, игнорируя динамику религиозности. В то же время, Церкви необходимо использовать данные социологических и психологических наук для совершенствования своих миссионерских и образовательных стратегий. Междисциплинарность в осмыслении истории XX–XXI веков позволяет сделать вывод: устойчивость государства и процветание общества возможны лишь при наличии глубокого ценностного консенсуса, в формировании которого Церковь играет исторически обусловленную и стратегически важную роль [4, с. 107]. Социальная ответственность граждан и их психологическая устойчивость перед внешними вызовами являются прямым следствием качества той духовной и коммуникативной среды, которую совместно создают государственные, общественные и религиозные институты.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что междисциплинарный подход в осмыслении истории взаимодействия государства, общества и церкви в России позволяет уйти от односторонних оценок. На протяжении XX–XXI веков религиозный фактор оставался константным элементом национального сознания, трансформируясь под давлением политических режимов, но сохраняя свою функциональную значимость. Сегодня религиозная коммуникация выступает не только как транслятор догматов, но и как важнейший инструмент формирования социально зрелой и психологически устойчивой личности, способной разделять ответственность за будущее своего Отечества [7, с. 210].

Библиографический список

1. Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / пер. с англ. Р. Сафронова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 208 с. (Серия «Studiareligiosa»).
2. Васильева О.Ю. Советское государство и деятельность Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1990. 28 с.

3. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003.

4. Мchedlov М.П. Политика и религия. М.: Сов. Россия, 1987. 251 с.

5. Мchedlov М.П. Религиозный фактор в социально-политическом процессе. М.: Экзамен, 2007.

6. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник: пер. с англ. и нем. / общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вступ. ст. Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368с.

7. Цыпин В., *прот.* История Русской православной церкви: Синодальный период. Новейший период: учеб. пособие / Учеб. ком. Рус. православ. церкви, Моск. духов. акад. М.: Изд-во Учеб. ком. Рус. православ. церкви, 2004. 839 с.

8. Шмеман А., *прот.* Исторический путь Православия. М.: Паломник, 1993. 211 с.

УДК 930.85

А.С. Панин,

доцент, Челябинский институт развития образования (Челябинск)

СВЯТОЕ МЕСТО: ПРОЯВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ИСЛАМА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Аннотация. Зафиксированная на Южном Урале практика поклонения святым местам может быть расценена как одно из проявлений так называемого «народного ислама». Вместе с тем, несмотря на ряд специфических черт характерных для традиций зиярата, надгробие «аулия» на слоне горы Лысая (Челябинская область) представляет собой яркий пример современной попытки создания религиозной традиции, вариант массовой религиозности.

Ключевые слова: Южный Урал, народный ислам, святые места, зиярат, аулия, массовая религиозность.

A.S. Panin,

Associate Professor, Chelyabinsk Institute for Education Development (Chelyabinsk)

HOLY PLACE: MANIFESTATIONS OF FOLK ISLAM IN THE SOUTHERN URALS

Abstract. The practice of venerating holy places documented in the Southern Urals can be regarded as a manifestation of so-called «folk Islam». However, despite a number of specific features characteristic of ziyarat traditions, the «awliya» tombstone on Lysaya Mountain (Chelyabinsk Region) represents a striking example of a modern attempt to create a religious tradition.

Key words: Southern Urals, folk Islam, holy places, ziyarat, awliya.

Ислам относится к числу традиционных религий России, его влияние на современную жизнь российского общества бесспорно, однако вместе с тем отдельные проявления ислама в повседневности остаются малоизученными.

На Южном Урале последователи ислама появляются раньше, чем христианские верующие, исламизация Степи начинается ещё в XIV столетии и, к моменту основания Оренбургской укрепленной линии, в XVIII веке, кочевники по ту и эту сторону новой российской границы были мусульманами.

При создании Новолинейного района Оренбургской губернии в 1835–1837 гг. на территории России оказались и традиционные места религиозного поклонения мусульман-степняков, в частности мавзолеев Кесене (сегодня это Варненский район Челябинской области). Датированный XIV–XVI веками мавзолеев к XIX столетию превратился в центральный объект большого погребального комплекса – его формирование началось ещё в первом тысячелетии до нашей эры. К моменту появления здесь Оренбургских казаков рядом с мавзолеев Кесене действовало мусульманское кладбище, а само надгробное сооружение пользовалось славой «святого места».

«Среди тюркоязычного населения прилегающих районов бытовало поверье о том, что раз в году в период весеннего полнолуния больные, принёсшие особое подношение и сотворившие молитву в одиночестве у мавзолеев, излечивались от многих тяжких недугов – проказы, порчи, бесплодия...» [2, с. 29].

Почитание «чудотворных» могил в исламе является частью практики паломничества к «святым местам» («зиярат»). Такими «святыми местами» могут быть могилы пророков, святых, шейхов, имамов («аулия»), а также всё что наделено ореолом святости: деревья, камни, колодцы, пещеры, колодцы и др.

«Возникновение традиции посещения захоронений аулия исследователи связывают с бытовавшим ранее культом предков – верой в то, что души умерших не безразличны к судьбе живых родственников и могут оказывать влияние на их жизнь. При исламизации... культ предков трансформировался... в культ святых...» [6, с. 78].

Практика почитания священных могил как «святых мест» среди тюркоязычного населения Южного Урала сохраняется и в XX, и даже в XXI веке.

Так, на склоне горы Лысая (больше известной как Шаманка), в нескольких километрах от памятника эпохи бронзы, укрепленного поселения Аркаим (Челябинская область), в настоящее время можно увидеть надгробие, текст на котором сообщает, что здесь могила святого.

Надпись сделана на трёх языках.

На арабском: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного».

На татарском: «Здесь погребён живший в XVII веке святой [«аулия»] сибирских татар Бикташ Шариф улы Киеков.

На русском: «Святой Бикташ-Ата 17 век».

Надгробие установлено на территории старого мусульманского кладбища, обозначаемого на установленном здесь информационном стенде как Погребальный комплекс «Лысая гора». Этот некрополь расположен на северо-восточном склоне горы Лысая (Шаманка) и включает 93 каменных оградки (намогильные сооружения), два грунтовых кургана – возможно эпохи ранних кочевников. Кладбище действовало примерно до середины XIX столетия, отдельные захоронения совершались во второй половине XX века.

Надгробие «аулия» представляет собой чёрную каменную плиту (предположительно гранитную), горизонтально уложенную на бетонное основание. Плита содержит русскоязычный текст и изображение полумесяца дополненного пятиконечной звездой. Ещё одна подобная плита, несколько меньшего размера (предположительно мраморная), закреплена вертикально над надгробием, на железной ограде, установленной вокруг предполагаемой могилы. На второй плите тексты на арабском и татарском языках, а также изображение мечети Кул-Шариф (Казань, возведена в 1996–2005 гг.).

Разные виды приношений, визуально фиксируемые на самом надгробии и рядом с ним, свидетельствуют о практиках ритуального поклонения и позволяют определить мемориальное сооружение как «святое место». Прежде всего для тюркоязычного населения «прилегающих районов» (включая Казахстан).

Паломничества к могилам святых – «зиярат» – традиционно для мусульман степной Евразии и определяет главную специфику «религиозного сознания и культовой практики тюрков Центральной Азии в эпоху средневековья» [4, с. 26].

С учётом существующих у мусульман традиций зиярата, ритуальное отношение к надгробию на Погребальном комплекс «Лысая гора» следует считать проявлением практик ислама. В силу отсутствия признаков какого-либо организованного паломничества к «могиле святого» вероятнее всего мы имеем дело с правлениями так называемого «народного ислама».

«Религиозная психология тюркских народов, как правило, принимала форму «народного ислама», соединяющего в себе исламские постулаты с некоторыми народными обычаями и этническими особенностями...» [6, с. 78].

Как «народный ислам» может обозначаться религиозный комплекс, возникший в Степи в ходе исламизации «Золотой Орды» – «Улуса Джучи» в XIV веке [3, с. 143].

В другом понимании «народный ислам» является следствием деградации изначальной институциональной религии Улуса Джучи, проявлением своего рода «степного декаданса» [5, с. 922].

«Народный ислам» может восприниматься как региональная форма «мировой религии», например, как важная составляющая «религиозной идентичности казахов» [5, с. 913].

Представляется, что с учётом культурно-исторической и региональной специфики Южного Урала, где в настоящее время прямая связь с реалиями Золотой Орды или Казахстана не очевидна, допустимо рассматривать «народный ислам» как «практическую» форму «теоретической» религии.

«Любая религия, и ислам, в данном случае, не будет исключением, фактически имеет две формы проявления – «книжный» и «практический» ... Именно о последнем мы можем говорить, как об исламе «народном» ...» [7, с. 34].

Во всех случаях одним из существенных проявлений «народного ислама» является почитание «святых мест», что связано с традиционным для тюркских народов культом предков и освящено практикой почитания мусульманских святых: представителей исламского духовенства или суфийского тариката. Обращает на себя внимание, что обозначенное на надгробии «аулия» погребального комплекса Лысая гора имя («Бикташ-ата») может быть воспринято как прямая отсылка к одному из суфийских шейхов: бекташи это суфийский орден («тарикат»), основанный Хаджи Бекташи Вели в XIII веке.

Однако для «народного ислама» исторические и биографические факты менее значимы, чем возможность получить на могиле святого исцеление «от многих тяжких недугов».

«Считалось, что в могилах святых присутствует «береке» (от араб. «барака» – благодать), т.е. некая духовная энергия, исходящая от мощей...Зиарат в традиционном понимании обязательно предполагал ночевку, т.е. нужно было переночевать возле мазара (гробницы) святого. Именно ночью, во сне, должны были явиться «откровения» и произойти исцеление... в практике паломничества часто наблюдался отход от монотеизма (даже в суфийском понимании), и массы людей, особенно женщины, хотя и произносили устами слово «Аллах», но надеялись на конкретного «аруаха» ...» [4, с. 33].

«Аруах» это дух «святого» чьей поддержкой можно заручиться, принеся «особое подношение» и «сотворивши молитву» на месте последнего упокоения праведника-чудотворца.

Совсем необязательно, что «святой Бикташ-ата» был погребён именно на склоне Лысой горы, можно допустить что он умер совсем в другом месте (а возможно даже никогда и не жил), но соединение надгробного камня со словом «святой» («аулия») позволяло надеяться на чудо и превращало могилу в источник духовной энергии («береке»). Иначе говоря, первично наличие «святого места», а обоснование «святости» (в нашем случае в виде надгробной надписи) уже вторично и может носить произвольный характер.

Получение благодати и покровительства «духа святого места» («аруаха») зачастую становится основной целью зиярата и в таком качестве получает распространение в современном оккультно-мистическом движении «Ата-жолы». Движение «Ата-Жолы» (Ак жол, Орда) (с 1997 года) строилось на учении о целительной силе аруахов, обращение к которым, как и в старые добрые времена, позволяет избавить людей от «от многих тяжких недугов».

«Движение «Ата Жолы» возникло на основе казахских народных языческих верований и суфизма как мистического направления в исламе. Его целью является открытие пути – связи живых с духами умерших предков («аруахами»)… Поводом к запрету движения «Ата Жолы» в Казахстане стало самоубийство его психически больной последовательницы, слышавшей голоса духов…» [1, с. 37].

Деятельность «Ата Жолы» была запрещена в Казахстане с 2009 года. После чего под названием «Орда» (или «Путь предков») это движение получило популярность в России (Магнитогорск, Омск, Оренбург, Татарстан, Башкортостан и др.).

Можно увидеть прямую связь между активизацией «Ата Жолы» в России в начале 2010-х годов и появлением в это же время нового «святого места» на склонах горы Лысая (Шаманка).

Однако на Южном Урале «Ата Жолы» открыто действовало относительно недолго, уже в 2014 году Челябинский областной суд признал её организацией, которая наносит вред здоровью граждан, и запретил деятельность этого движения на территории региона.

Так или иначе, целью сооружения надгробия «аулия» Бикташ-ата, по-видимому, следует считать не увековечивание памяти безвестного «суфийского святого», но именно выделение «святого места» как цели потенциального зиярата.

Это вполне в традициях «народного ислама» Поволжских и Урало-Казахстанских степей.

Ещё в конце XIX – начале XX века как негативная тенденция отмечалась практика «конструирования» исламских святынь на потребу простым верующим. О создании новых «святых могил» в районах проживания мусульман Поволжья и Приуралья говорилось в начале XX столетия на страницах мусульманской периодики (в 1915 году об этом писал журнал «Шура», издававшийся в Оренбурге с 1908 г. по 1917 г.).

«Чтобы собрать народ к могиле, не надо знать состояние (т.е. святость. – *Прим. авт.*) хозяина могилы... Зарабатывающие на могилах находят могилу на удобном месте (а если нет, то сами ее делают), возводят постройки. Расстелив дорогие паласы, зажигая благовония и ладан... объявляют хозяина этой могилы святым...» [7, с. 41].

Надгробие «аулия» на слоне горы Лысая (Шаманка) представляет собой яркий пример современной попытки создания религиозной традиции. Отсюда может возникнуть вопрос, насколько бытование этого «святого места» укладывается в рамки «народного ислама» – «особые подношения» здесь оставляют не только мусульмане. Возможно правильнее было бы говорить о том, что могила «аулия» Бикташ-ата является проявлением современной «массовой религиозности», сходной по форме с различными вариантами известных этнографам «народных религий», но имеющей собственное содержание – так или иначе перед нами религиозно-мировоззренческая система, «в которой «сохранились бесчисленные суеверия и обряды».

Вероятно и сегодня, при обращении к любой традиционной религии, следует иметь в виду, что существует не только «книжное» богословие священнослужителей, но и «практическое» верование богомольного народа. Проявления «народного ислама» на Южном Урале говорят больше о современности, чем о прошлом.

Библиографический список

1. *Амелин В.В., Денисов Д.Н., Моргунов К.А.* Межэтнические и конфессиональные отношения в Оренбургской области. Оренбург: Университет, 2013.
2. В долине Тамерлана. Мавзолей Кесене и то, что его окружает / Г.Х. Самигулов, А.В. Поляков и др. Челябинск, 2024.
3. *Макуров Ю.С.* Мусульманизация Золотой Орды: предпосылки формирования «Народного ислама» у казахов Южного Урала и Западного Казахстана в XIII–XV веках // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2012. № 34 (288).
4. *Нуртазина Н.Д.* Религиозный туризм в Казахстане: история и современные проблемы // *Современные проблемы сервиса и туризма.* 2009. № 4.
5. *Нуртазина Н.Д., Исахан М.Б.* Постзолотоордынский декаданс и судьбы религии в казахском кочевом обществе XV – начала XVIII в. // *Золотоордынское обозрение.* 2022. Т. 10, № 4.

6. *Хабибуллина З.Р.* Современное состояние паломничества Российских мусульман: по материалам исследований на Южном Урале // Проблемы востоковедения. 2018. № 3 (81).

7. *Шафиков И. Ф., Хамидов Е. Н.* «Суфизм» и «народный ислам»: дискурс и восприятие в конце XIX – начале XX в. // Историческая этнология. 2023. № 1.

УДК 271.2(091):94(=512.165)

А.К. Папцова,

доцент кафедры, Московский художественно-промышленный институт (Москва)

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ДУХОВНОМ РАЗВИТИИ ГАГАУЗСКОГО НАРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ГАГАУЗОВ ЮГА МОЛДАВИИ)

Аннотация. В статье рассматривается роль Русской православной церкви в исторической судьбе и духовном развитии гагаузов., прошедших путь от – «задунайских переселенцев» на территорию Российской империи до народа, создавшего автономию на Юге Молдавии.

Ключевые слова: Русская православная церковь, гагаузы, историософские концепции гагаузов, рост этнического самосознания, гагаузская автономия.

A.K. Paptsova,

Associate Professor, Moscow Institute of Art and Industry (Moscow)

THE ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE SPIRITUAL DEVELOPMENT OF THE GAGAUZ PEOPLE (BASED ON THE MATERIAL OF THE GAGAUZ PEOPLE OF SOUTHERN MOLDOVA)

Abstract. This article examines the role of the Russian Orthodox Church in the historical destiny and spiritual development of the Gagauz people, who evolved from "Transdanubian settlers" into the Russian Empire to a people who established an autonomous region in southern Moldova.

Key words: Russian Orthodox Church, Gagauz, Gagauz historiosophical concepts, growth of ethnic self-awareness, Gagauz autonomy.

Пример этнокультурного развития гагаузского народа, добившегося создания автономии в конце XX века интересен не только политиками, изучающим удачный вариант этно-политического конфликта, но и этнологам, рассматривающим процессы развития этнического

самосознания. В отличие от множества культурных проектов, предполагающих создание этноцентричных картин мира, гагаузский культурный проект сохраняет больше универсалистских черт. Более того, в отличие от множества культурных проектов, возникших на постсоветском пространстве, он лишен русофобии, гармоничен и целостен.

В немалой степени это связано с тем влиянием, которое на духовное развитие гагаузского народа оказывала и оказывает Русская православная церковь. Рассмотрение этой роли и тенденций её эволюции является предметом исследования в рамках данной работы.

В целом, в связи с огромным значением православия различные аспекты православной культуры глубоко и полно изучены историками, этнологами, культурологами. Наиболее полно различные аспекты православной традиции изучены Е.Н. Квилинковой, в частности в ее фундаментальном труде «Православие- стержень гагаузской этничности» [3]. Проблемы развития гагаузской этничности рассмотрены в трудах М.Н. Губогло [2], П.М. Шорникова, С.С. Булгара. Взаимосвязь эти двух линий исследований предопределена тем значением, которое православие имело на каждом из этапов этнической истории гагаузского народа.

В период христианизации народов Северо-Восточной Болгарии православная идентичность стала фактором консолидации тюркоязычных элементов, что имело определяющее значение для этногенеза гагаузов. В период завоеваний Османской империи на Балканах православная идентичность рождающегося этноса препятствовала его ассимиляции и исламизации. В рамках Рум милleti (православной общины) сохранялось культурное своеобразие православного народа.

Спецификой развития этносов Нового времени стало возрастание значения этнической идентичности, формирование субъектности, которое проявляется в формировании образа прошлого, развитии литературной традиции и символического пространства. Православные священники и церковь в целом включились в этот процесс, что отразилось, в попытках восстановления автокефальных церквей, приходы которых были подчинены Константинопольскому патриархату в период османских завоеваний. Можно рассмотреть это на примере Болгарского национального Возрождения. Воссоздание образа прошлого связано с трудом «Славяно-болгарская история», написанным священником Паисием Хилендарским в 1762.

Для духовного развития гагаузского народа определяющее значение имели священники Русской православной церкви. В XVIII веке системный кризис в Османской империи разрушал порядок на ее окраинах. Отдельные семьи уже тогда начали переселяться в более безопасные места. После русско-турецкой войны 1806–1812 в состав Российской

империи вошли земли Бессарабии. Этнокультурная картина региона быстро менялась – на земли Буджака, оставленные ногайскими татарами, приглашались колонисты, в том числе «задунайские переселенцы» – болгары и гагаузы. Именно в этом регионе гагаузский народ достиг максимально возможного уровня развития этнического самосознания, что в конечном проявилось в создании гагаузской автономии, которая хотя и была признана в этом качестве уже в Республике Молдова в 1994, но фактически сложилась на закате советской эпохи в 1990 г.

С момента переселения гагаузов в Бессарабию именно Русская православная церковь внесла наиболее значимый вклад в духовное развитие народа. Храмы стали центрами символического пространства. Священники большое внимание уделяли духовно-нравственному воспитанию прихожан, описывая этот процесс на страницах «Кишиневских епархиальных ведомостей», в частности в обстоятельной статье Н. Стойкова «Религиозно-нравственное состояние болгарских колоний в Бессарабии со времен их основания до настоящего времени» [8]. Их очерки жизни приходов, такие как очерки И. Козака [5] и К. Малая [6] стали бесценным источником для этнографов XX века. Материалы, собранные этнографами, показывают какими причудливые формы принимало отражение усиление значения церкви даже в мифологической картине мира: в соответствии с мифологическими представлениями гагаузов начала XX в. ангел сидит на правом плече человека. На левом плече человека сидит шейтан и если человек в течение 40 дней не побывал в церкви, шейтан начинает спорить с ангелом [7, с. 206].

Отражением рождающейся и осознаваемой субъектности гагаузского народа стало появление историософских концепций. Первая из них представлена протоиереем Д. Чакиром в «Биографическом очерке рода и фамилии Чакир» (1893), в которой дается толкование этнониму «гагауз» и сочетанию конфессиональной и языковой идентичности православного тюркоязычного народа [9, с. 29].

Протоиерей М. Чакир (1861–1938) добился разрешения Святейшего Правительствующего Синода РПЦ вести службы на гагаузском языке, для чего перевел «Евангелие», «Псалмы», «Литургию», «Часослов», «Историю новых святых», «Историю старых святых». Это не только обеспечило гагаузскому языку особый статус, но и заложило прочные основания для развития литературной традиции. Он также инициировал очередной виток процесса роста национального самосознания, издав брошюру «Бессарабия лыгагаузыларын историясы» – «История бессарабских гагаузов» (1934) – первое оригинальное сочинение, написанное на гагаузском языке, новая историософская концепция гагаузов, вписавшая историю гагаузского народа в контекст истории тюрк-

ского мира [10, с. 80–108]. Стоит, правда отметить, что конкретно в 1934 г. Бессарабия была подчинена Румынии и приходы православных церквей – Румынской православной церкви (1918–1940, 1941–1944).

Но спецификой рождающегося культурного проекта этноса, переживающего процесс роста этнического самосознания является то, что он находится на пересечении культурных миров – не только тюркского, но и православного и славянского, включая русский, и занимая место в центре = на пересечении этих миров избавлен от комплекса периферийности.

Важный этап этого процесса приходится на советский период истории (1940–1941, 1944–1991) – тогда происходит формирование наиболее массового слоя гагаузской интеллигенции, закладываются традиции надобщинного сотрудничества в рамках районных структур.

Универсалистский, ориентированный на прогресс советский проект обладал динамикой и сочетал ее с вниманием к этническим культурам малых народов. Так, для гагаузского народа в 1957 была разработана письменность на основе кириллицы, печатались книги на гагаузском языке. Универсалистский культурный проект советский проект повлиял на складывающийся культурный проект гагаузов.

Хотя в данный период закрывались храмы, вплоть до того, что на территории современной Гагаузии оставалось только два действующих храма – в Чок-Майдане и в Конгазе – религиозные практики не подверглись такому воздействию атеистической политики государства. И религиозное возрождение 90-х годов оказалось достаточно естественным процессом. Более того, возрождение православных храмов и приходов позволяло избежать тяжелых последствий разрушения идеологической системы. Совсем неслучайно то, что «бойцы идеологического фронта» – прежде всего учителя воцерковлялись и органично вливались в приходскую жизнь.

Примером взаимосвязанности процессов роста этнического самосознания, создания институциональных структур будущей автономии и религиозного возрождения является история создание единственного вуза автономии Комратского государственного университета.

19 августа 1990 Провозглашенная 12 ноября 1989 г. Гагаузская АССР была преобразована в суверенную Гагаузскую Республику в составе обновленного Союза ССР. Это вызвало негативную реакцию властей МССР. 22 октября, в воскресенье, на многотысячном митинге, устроенном Народным Фронтом Молдавии в центре Кишинева, было объявлено о записи в добровольческие отряды для похода на Юг. В Москву прибыл протоиерей о. Дмитрий (Киорогло), в то время Благодетельный Юга Молдовы. Его задачей так же был прорыв информационной

блокады, привлечение к разрешению конфликта различных структур. В конечном итоге в 1990 г. Удалось избежать применения оружия и в целом этнополитический конфликт был разрешен, хотя гагаузская автономия была признана только в декабре 1994 г.

Обсуждая ситуацию в Верховном Совете РСФСР Дмитрий Киорголю узнал что в сентябре 1990 года было принято решение о создании Всероссийского фонда образования и обратился к руководству Фонда.

С инициативой о создании Фонда выступил Комитет ВС РСФСР по науке и народному образованию. В составе учредителей Фонда был Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II. 29 октября 1990 года Постановление было принято Президиумом Верховного Совета РСФСР. В нем содержалось положение (пункт 3) о том, что Фонд может создавать совместные с зарубежными юридическими и физическими лицами образовательные центры, учебные заведения и предприятия. Первым таким учебным заведением стал Гагаузский национальный университет, который был создан 11 февраля 1991 г. [4, с. 309]. В июне 1991 он стал Комратским государственным университетом.

Процесс этнической мобилизации гагаузов в силу универсалистского характера его культурного проекта избежал радикализации. Это отчасти связано с тем, что она стала ответом на националистические настроения, которые охватили власти сначала союзной республики, а затем и молодого независимого молдавского государства.

Но не меньшее значение имело то, что этот процесс шел параллельно с процессом религиозного возрождения. Православные храмы были переданы церкви, а там, где они не сохранились, они были восстановлены или построены заново [1]. Молдавская православная церковь получила широкую автономию и остается самой влиятельной религиозной организацией страны. По данным переписи 2004 93 % опрошенных указали принадлежность к православной церкви. Это во многом способствовало сглаживанию остроты конфликтов.

И хотя под воздействием международных правовых институций Молдавия была вынуждена зарегистрировать Бессарабскую митрополию Румынской православной церкви, но на территории гагаузской автономии нет приходов Бессарабской митрополии. У Гагаузии нет особой епархии, приходы автономии подчинены Кагульско-Комратской митрополии. Активно развивается приходская жизнь, действуют воскресные школы, устраиваются концерты воскресных школ, организуются паломнические поездки по монастырям и храмам Молдовы. Некоторое время священники принимали участие и в политической жизни. Так, депутатом Национального собрания Гагаузии в нулевые годы был

протоиерей Дмитрий Киорогло. Но в настоящее время церковь избегает таких прямых форм взаимодействия с политическими структурами.

Влияние Русской православной церкви прослеживается и в жизни диаспоры. Так культурную жизнь гагаузской диаспоры в Москве организует Фонд гагаузского наследия. Председателем его Попечительского совета является патриарший архидиакон кафедрального соборного Храма Христа Спасителя Константин Барган. Одним из многих направлений работы Фонда является организация Божественной Литургии на гагаузском языке. Совсем недавно такое событие состоялось в Храме Христа Спасителя, где в рамках Рождественских чтений была организована такая служба на нескольких тюркских языках. Фонд организует воспитательную работу для молодежи, празднование таких праздников как Касым и Хедерлез.

В конечном итоге можно сделать следующие выводы: с момента переселения гагаузов на земли Российской империи духовному развитию гагаузов способствовала деятельность священников и институций русской православной церкви. В XIX – начале XX века большое внимание уделялось духовно-нравственному воспитанию. Тогда же именно священники Д. Чакир и М. Чакир создают первые историософские концепции гагаузов, а решение Святейшего Правительствующего Синода РПЦ о разрешении богослужения на гагаузском языке способствует развитию языка. В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. процесс этнической мобилизации гагаузов, итогом которого стало образование автономии идет во взаимосвязи с религиозным возрождением и это является фактором сглаживания противоречий. Гагаузский культурный проект лишен русофобии. Русская православная церковь готова помочь ответить на вызовы времени. Одним из таких вызовов является размах миграции. Деятельность церкви может способствовать интеграции в русское культурное пространство при сохранении этнической и языковой идентичности.

Библиографический список

1. Бойков В.Е., Константинова И.А. Гагаузия православная / авт.-сост.: Бойков В.Е., Константинова И.А. Кишинэу: Б. и., 2018. (F.E.-P. «Tipografia Centrală»), 248 с.
2. Губогло М.Н. Именем языка. М.: Старый сад, 2006. 432 с.
3. Квилинкова Е.Н. Православие – стержень гагаузской этничности / НИЦ Гагаузии им. М.В. Маруневич, Софийский ун-т им. Св. Климента Охридского. Комрат; София: Б. и., 2013. 866 с.
4. Кириллова Н.Х., Папцова А.К. Комратский государственный университет: история и перспективы развития // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы VIII Международной научно-практической конференции:

в 2 ч. Москва, РУДН, 20–21 апреля 2017 г. / науч. ред. В.И. Казаренков. М.: РУДН, 2017. Ч. 1. С. 306–310.

5. *Козак И.С.* Дезгинжа, болгарский приход Бендерского уезда // Кишиневские епархиальные ведомости. 1878. № 6. С. 233–254.

6. *Малай К.* Приход Чок-Мейдан Бендерского уезда // Кишиневские епархиальные ведомости. 1875. № 24. С. 908.

7. *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда. (Этнографические очерки и материалы). Кишинев: Tipogr Centrală, 2004. 550 с.

8. *Стойков Н.* Религиозно-нравственное состояние болгарских колоний в Бессарабии со времен их основания до настоящего времени // Кишиневские епархиальные ведомости. 1910. № 36. С. 1267–1280; № 37. С. 1307–1311; № 38. С. 1355–1366; № 41. С. 1463–1478; № 42. С. 1510–1516; 1911. № 1–2. С. 5–14; № 4. С. 142–152.

9. *Чакир Д.* Биографический рода и фамилии Чакир // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX в. Кишинев: Pontos, 2005. С. 25–56.

10. *Чакир М.* История гагаузов Бессарабии // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX века. Кишинев: Pontos, 2005. С. 80–108.

УДК 061.2

О.Ю. Постникова,

аспирант, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина (Рязань)

ДОВЕРИЕ КАК ОСНОВА ВЛИЯНИЕ НКО НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматривается доверие как ключевой нематериальный ресурс некоммерческих организаций, определяющий их способность оказывать устойчивое влияние на общественное мнение в условиях трансформации социальной структуры и роста роли третьего сектора; на основе анализа современных отечественных исследований обосновывается системообразующая функция доверия в формировании легитимности НКО, вовлеченности граждан и общественного признания их деятельности, делается вывод о стратегическом значении доверия для устойчивого развития некоммерческого сектора.

Ключевые слова: доверие, некоммерческие организации, НКО, общественное мнение, третий сектор, гражданское участие, социальный капитал.

O.Yu. Postnikova,

Post-graduate student, Ryazan State University named after S.A. Yesenin (Ryazan)

TRUST AS A BASIS FOR THE INFLUENCE OF NGOs ON PUBLIC OPINION

Abstract. The article considers trust as a key intangible resource of non-profit organizations, determining their ability to exert a lasting influence on public opinion in the context of the transformation of the social structure and the growing role of the third sector; based on the analysis of modern domestic research, the system-forming function of trust in the formation of the legitimacy of NGOs, citizen engagement and public recognition of their activities is substantiated, and the conclusion is made about the strategic importance of trust for the sustainable development of the non-profit sector.

Key words: trust, non-profit organizations, NGOs, public opinion, the third sector, civic participation, social capital.

В современных условиях усложнения социальных процессов и роста общественного запроса на участие негосударственных акторов в решении социально значимых проблем некоммерческие организации все в большей степени выступают важными посредниками между государством и обществом, формируя альтернативные каналы социальной поддержки и общественного диалога, что актуализирует проблему доверия как базового условия их эффективного функционирования и влияния на общественное мнение, поэтому несмотря на количественный рост НКО и расширение сфер их деятельности, уровень доверия со стороны населения остается неоднородным и во многих случаях недостаточным, что ограничивает возможность третьего сектора в мобилизации ресурсов и формировании устойчивых общественных установок.

Целью статьи является теоретическое осмысление доверия как основы влияния некоммерческих организаций на общественное мнение, методологическую основу исследования составляют институциональный и социологический подходы, а также методы теоретического анализа, обобщения и интерпретации результатов исследований отечественных авторов.

Доверие в деятельности некоммерческих организаций выступает не просто сопутствующим социальным ресурсом, а фундаментальным условием их устойчивого функционирования и способности оказывать влияние на общественное мнение, поскольку именно доверие обеспечивает легитимацию деятельности НКО в глазах граждан, формирует готовность населения воспринимать транслируемые ими смыслы, ценности и интерпретации социальных проблем, а также создает основу для добровольного участия, поддержки и солидарности, без которых третий сектор утрачивает свою общественную значимость и превращается в формально

существующий, но социально малоэффективный институт. В условиях, когда НКО зачастую берут на себя функции компенсации дефицитов государственных и рыночных механизмов в сфере социальных услуг, защиты уязвимых групп и развития локальных сообществ, доверие становится ключевым нематериальным активом, позволяющим организациям не только мобилизовывать ресурсы, но и формировать устойчивое позитивное общественное мнение о собственной роли и полезности, что особенно важно в ситуации ограниченных финансовых и кадровых возможностей.

Эмпирические исследования демонстрируют, что дефицит доверия напрямую ограничивает потенциал влияния НКО на общественные установки и модели поведения граждан, поскольку недоверие снижает готовность к включению в волонтерскую и иную общественно полезную деятельность, подрывает репутацию сектора в целом и усиливает социальную дистанцию между организациями и целевыми группами, так, А.В. Ижик, анализируя отношение молодежи Свердловской области к некоммерческим организациям, указывает на сохраняющийся низкий уровень доверия к значительной части НКО, несмотря на количественный рост сектора, и подчеркивает наличие статистически значимой слабоумеренной связи между доверием молодых людей к НКО и их готовностью участвовать в добровольческих практиках, что позволяет рассматривать доверие как важнейший предиктор гражданской активности [1, с. 58–63]. При этом автор выделяет комплекс причин недоверия, среди которых ключевыми являются недостаточная информированность о деятельности организаций, негативный опыт взаимодействия и репутационные риски, связанные с деятельностью недобросовестных акторов третьего сектора, что в совокупности формирует у молодежных групп смешанные чувства и отсутствие мотивации к участию, а также приводит к парадоксальной ситуации, когда волонтерские движения, часто институционально связанные с НКО, пользуются большим доверием, чем сами организации, на базе которых они функционируют.

В более широком региональном контексте значение доверия как фактора развития некоммерческого сектора раскрывается в работах К.Е. Косыгиной, которая в рамках социологической диагностики факторов развития НКО в Вологодской области рассматривает доверие как один из ключевых компонентов вовлеченности населения наряду с информированностью и участием, подчеркивая, что низкий уровень участия граждан в деятельности НКО выступает основным барьером для развития сектора [3, с. 87–102], рассчитанные автором субиндексы доверия и интегральный индекс вовлеченности показывают, что общественное признание и влияние НКО на развитие региона напрямую зависят от степени доверия со стороны различных социально-демографических групп, при

этом выявляется, что даже при наличии позитивной динамики включенности населения в долгосрочной перспективе дефицит доверия и слабая обратная связь с обществом продолжают ограничивать потенциал НКО как значимого агента общественного мнения.

Анализируя участие населения в деятельности некоммерческих организаций, О.А. Урбан обращает внимание на институциональные и поведенческие барьеры, связанные с пассивностью граждан и доминированием моделей самоисключения из социального участия, что, хотя и не формулируется напрямую через категорию доверия, в значительной степени с ней коррелирует, поскольку отчужденность, изоляционизм и маргинальные стратегии поведения отражают низкий уровень доверия к общественным институтам в целом и к НКО в частности [5, с. 23–32]. в этом контексте доверие выступает скрытым, но системообразующим фактором, определяющим готовность граждан рассматривать НКО как легитимных и значимых акторов, достойных личного участия и поддержки, а его дефицит ограничивает кадровый потенциал организаций и снижает их способность влиять на общественные установки и социальные практики.

Значимость общественного мнения и доверия к НКО как условия их эффективной деятельности подробно рассматривается в работе О.Г. Седых, В.А. Авиловой и Ю.Г. Алсаевой, где подчеркивается, что низкая информированность и частичное недоверие населения не позволяют в полной мере использовать потенциал некоммерческих организаций для решения социальных проблем и компенсации недостатков государственных сервисов [4, с. 140–150], результаты сравнительного анализа по различным регионам показывают, что даже при осознании общественной полезности деятельности НКО и знании форм оказываемой ими помощи, граждане сохраняют настороженное отношение к самим организациям, что указывает на сложную структуру доверия, включающую не только когнитивный, но и эмоционально-оценочный компонент, формируемый через личный опыт, медиаобраз и социальное окружение.

Теоретическое осмысление роли доверия в функционировании социально ориентированных некоммерческих организаций дополняется более ранними работами К.Е. Косыгиной, в которых развитие НКО рассматривается через призму удовлетворения общественных благ и выполнения социальной миссии в условиях ограниченных ресурсов [3, с. 107–121], в данном подходе доверие имплицитно выступает необходимым условием реализации этой миссии, поскольку без общественного признания и доверия со стороны населения и государства НКО не способны эффективно аккумулировать ресурсы, привлекать квалифицированные кадры и выстраивать устойчивые партнерские отношения, что

в конечном итоге снижает их влияние на общественное мнение и социальные процессы.

Таким образом, обобщая позиции исследователей, можно констатировать, что доверие рассматривается в научной литературе как ключевой системный ресурс некоммерческих организаций, определяющий уровень их общественной легитимности, степень вовлеченности граждан, кадровый и волонтерский потенциал, а также способность формировать и трансформировать общественное мнение, при этом дефицит доверия, обусловленный низкой информированностью, негативным опытом взаимодействия и репутационными рисками сектора, выступает одним из главных ограничителей развития НКО и их влияния на социальные установки, что актуализирует необходимость целенаправленной работы по укреплению доверительных отношений между некоммерческими организациями и обществом.

Систематизируем теоретические выводы о значении доверия для деятельности НКО и их влияния на общественное мнение с выделением ключевых критериев и последствий с помощью таблицы.

Значение доверия для деятельности НКО и их влияния на общественное мнение

Критерий значения доверия	Содержание критерия	Проявление в деятельности НКО	Последствия для влияния на общественное мнение
Легитимность деятельности	Доверие обеспечивает общественное признание НКО как социально значимого и допустимого актора	Принятие НКО населением как самостоятельного института, а не формальной или сомнительной структуры	Повышение готовности граждан воспринимать транслируемые НКО оценки социальных проблем
Вовлеченность граждан	Доверие формирует мотивацию к участию в волонтерских и иных формах активности	Рост добровольческого участия, расширение кадрового и ресурсного потенциала	Укрепление социальных связей и распространение поддерживаемых НКО ценностей
Репутационная устойчивость	Доверие снижает влияние негативного информационного фона и репутационных рисков сектора	Стабильность поддержки даже при наличии отдельных негативных кейсов	Сохранение позитивного образа НКО в массовом сознании

Информированность и прозрачность	Доверие усиливается через доступность и понятность информации о деятельности НКО	Рост осведомленности населения о целях, результатах и формах работы организаций	Формирование осмысленного, а не стереотипного общественного мнения
Социальное партнерство	Доверие облегчает взаимодействие с государством, бизнесом и местными сообществами	Развитие межсекторных проектов и программ	Расширение каналов влияния НКО на общественные дискуссии
Компенсация институциональных дефицитов	Доверие позволяет НКО эффективно восполнять недостатки государственных и рыночных механизмов	Признание НКО как надежного поставщика социальных услуг	Усиление доверия к продвигаемым НКО социальным инициативам
Долгосрочная устойчивость	Доверие выступает основой стабильного развития в условиях ресурсных ограничений	Сохранение деятельности и постепенный рост сектора	Закрепление устойчивых позитивных установок в общественном мнении

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что доверие выступает не вторичным, а системообразующим фактором влияния некоммерческих организаций на общественное мнение, поскольку именно через доверительные отношения обеспечивается легитимность НКО, формируется готовность граждан к участию и поддержке, а также закрепляется позитивное восприятие социальной значимости их деятельности, установлено, что дефицит доверия, обусловленный низкой информированностью, репутационными рисками и ограниченным опытом взаимодействия, существенно снижает потенциал НКО как агентов общественных изменений. В этой связи укрепление доверия следует рассматривать как приоритетное направление развития некоммерческого сектора и важное условие повышения его роли в формировании общественных установок и ценностных ориентаций.

Библиографический список

1. *Ижик А.В.* Недоверие к НКО как фактор неучастия в волонтерской деятельности // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 1 (105). С. 58–63.

2. *Косыгина К.Е.* Актуальные вопросы развития социально ориентированных некоммерческих организаций // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 107–121. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.7.

3. *Косыгина К.Е.* Факторы развития регионального некоммерческого сектора: социологическая диагностика // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, № 3. С. 87–102. DOI: 10.14258/ssi(2022)3-06.

4. *Седых О.Г., Авилова В.А., Алсаева Ю.Г.* Взгляды имеют значение: анализ общественного мнения о деятельности некоммерческих организаций // Социодинамика. 2023. № 11. С. 140–150. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.11.69141.

5. *Урбан О.А.* Участие населения в деятельности некоммерческих организаций (типологический анализ) // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 1 (105). С. 23–32.

УДК 351/354

М.В. Рослякова,

доцент, Ивановский филиал РАНХиГС (Иваново)

ЭМПАТИЯ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ГОССЛУЖАЩИХ В КЛИЕНТОЦЕНТРИЧНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Аннотация. Эмпатия рассматривается как профессиональная компетенция государственных служащих, способствующая реализации клиентоцентричной модели государственного управления. Обоснован интегративный подход (аффективный, когнитивный, мотивационно-поведенческий), необходимость деперсонализации и институционализации эмпатии. Предложены рекомендации по развитию эмпатии на государственной службе.

Ключевые слова: эмпатия, клиентоцентричное государство, компетенции, интегративная эмпатия, государственная служба, бюрократия, клиентоцентричность, «Государство для людей».

M.V. Roslyakova,

Associate Professor, Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ivanovo)

EMPATHY AS A PROFESSIONAL COMPETENCE OF CIVIL SERVANTS IN A CLIENT-CENTERED STATE

Abstract. Empathy is considered as a professional competency of civil servants, contributing to the implementation of a client-centric model of public administration. An integrative approach, the need for depersonalization, and the institutionalization of empathy are substantiated. Measures for its development, including training and evaluation of interactions with citizens, are proposed.

Key words: empathy, client-centric state, competencies, integrative empathy, civil service, bureaucracy, emotional intelligence, client-centricity.

В Российской Федерации происходит трансформация государственного управления, переход от традиционной бюрократической модели к клиентоцентричной. В отечественной теории управления подчеркивается, что «классическая» бюрократическая модель, ориентированная на соблюдение процедур, иерархический контроль нередко демонстрирует деструктивность и отстраненность от интересов граждан [9, с. 24]. По мнению А.Г. Барабашева, бюрократический аппарат имеет «врожденную потребность» использовать административные механизмы в своих целях, стремится расширять и усложнять административные процедуры при отсутствии функциональной необходимости [2, с. 166–167]. Не случайно эмпирические данные показывают негативное отношение граждан к чиновникам и отчуждённость чиновников от граждан [11, с. 116]. Актуальность приобретает подход, в рамках которого органы публичной власти ориентируются на морально-нравственные принципы. Как подчеркивает Президент РФ «человекоцентричность должна быть во главе всей нашей работы» [10].

Федеральный проект «Государство для людей» рассматривается как практическая реализация новой управленческой парадигмы. Формируемое клиентоцентричное государство фокусируется на потребностях человека, отдавая приоритет решению реальных жизненных ситуаций граждан, а деловая культура государственных служащих должна основываться на профессионализме, честности и эмпатии (Декларация ценностей клиентоцентричности, 2022 г.). Примечательно включение в эту триаду эмпатии– ценности, которая ранее не упоминалась в государственном управлении, исторически сосредоточенном на нейтральности, формальных процедурах и дистанции власти.

Появление эмпатии в официальных документах государственной политики свидетельствует о трансформации управленческого взаимодействия. Происходит отказ от односторонней трансляции решений в пользу диалога, в рамках которого понимание контекста гражданина (клиента) рассматривается как условие повышения эффективности органов власти. Особую актуальность эти изменения приобретают в условиях цифровизации, которая упрощает коммуникацию, но увеличивает риск формализации и дегуманизации [9]. Несмотря на декларирование ценностей и принципов клиентоцентричности, эмпатия в государственном управлении недостаточно изучена в отечественной литературе. Более того, эмпатия не включена в перечень профессиональных компетенций государственных служащих (Модель профессиональных и личностных качеств (компетенций), Минтруд России).

Цель статьи – обосновать роль эмпатии как профессиональной компетенции государственных служащих в условиях перехода к клиентоцентричной модели государственного управления. На основе междисциплинарного анализа предлагается адаптация понятия «эмпатия» для сферы публичного управления.

Понятие эмпатия впервые появилось в научной литературе в конце XIX в. Эмпатия разрабатывается исследователями в области педагогики и психологии, которые рассматривают ее как важный концепт в современных гуманитарных науках [4, с. 44]. Сложность и многомерность рассматриваемого феномена подтверждается отсутствием единого устойчивого определения эмпатии [3, с. 91, 93]. Исследователи с одной стороны, признают значимость понятия для теории и для практики, а с другой – указывают на значительные трудности в эмпирическом изучении эмпатии и в теоретическом осмыслении результатов экспериментальных исследований [5]. Особую роль эмпатия играет в профессиональных системах «человек – человек», где она выступает как важное профессиональное качество, в значительной степени определяющее эффективность коммуникации [6, с. 159].

Суть различных определений эмпатии сводится к способности и готовности субъекта к «вчувствованию» – пониманию ситуации другого человека, вхождению в его контекст и изменение своего поведения под воздействием сопереживаний [8, с. 113].

Е.Д. Макарова рассматривает эмпатию как эмоционально-когнитивный процесс, включающий три уровня: 1) сопереживание (эмоциональное слияние и идентификация с объектом эмпатии); 2) сочувствие (переживание собственных чувств по поводу эмоционального состояния другого человека); 3) внутреннее содействие (готовность к помощи) [7].

М.В. Алаева описывает четыре основных компонента эмпатии: 1) аффективный – способность воспринимать и сопереживать эмоциям другого; 2) когнитивный – способность понимать и анализировать эмоциональное состояние другого; 3) аффективно-когнитивный – сочетает эмоциональный отклик и осмысление внутренних состояний и чувств другого; 4) интегративный – объединяет эмоциональные, когнитивные аспекты с мотивационно-поведенческим компонентом (активным помогающим поведением и действиями по улучшению ситуации) [1, с. 103].

Для государственного сектора актуальна интегративная эмпатия, так как от государственных служащих требуется не просто эмоциональная вовлеченность, а результативные действия, направленные на разрешение жизненной ситуации заявителя. Гражданин взаимодействует с государством в различных статусах, как физическое лицо или как пред-

ставитель бизнеса. Каждый из этих статусов предполагает дифференцированный подход к коммуникации и предоставлению государственных услуг. Понимание контекста клиента в государственном секторе включает несколько ключевых аспектов. Во-первых, это распознавание конкретной жизненной ситуации, в которой находится гражданин. Во-вторых, учет когнитивной нагрузки, которую испытывает заявитель при прохождении административных процедур или заполнении документов. В-третьих, оценка эмоционального состояния клиента (тревожность, агрессия, недоверие) для корректировки стиля коммуникации и выбора оптимального сценария взаимодействия. Наконец, четвертое, нельзя игнорировать административный контекст – нормативные требования и ограничения, которые влияют на процесс оказания услуг.

Особую сложность для встраивания эмпатии в публичное управление представляет ее естественная избирательность. Эмпатические реакции чаще всего возникают спонтанно по отношению к близким, «похожим», знакомым людям и соответственно уменьшаются в отношении «чужих», «других» людей [3, с. 92]. Исходя из этого, можно предположить, что эмпатия разрушает нейтральность государственного служащего и создает препятствия для беспристрастного соблюдения юридических норм, которые регламентируют взаимодействие с гражданами. Следовательно, для преодоления этой избирательности на государственной службе требуется эмпатия как осознанная профессиональная компетенция. Эмпатия госслужащего должна быть сознательно направлена на всех граждан, с которыми он взаимодействует, независимо от личных симпатий и привязанностей. Более того, интегративная эмпатия не ослабляет, а усиливает рациональный подход. Формальное применение правил без учета их восприятия и реального влияния на человека в конкретной жизненной ситуации, ведет не к объективности, а к бюрократическому формализму.

Поэтому в публичном управлении эмпатию следует рассматривать не как личностное качество государственного служащего, а как профессиональную управленческую компетенцию, то есть набор поведенческих навыков, обеспечивающих клиентоцентричное взаимодействие с гражданами в условиях учета различных интересов и ограничений. В этой логике «эмпатия государства» заключается не в эмоциональном «вчувствовании», а в профессиональном распознавании контекста для снижения когнитивной, эмоциональной и административной нагрузки на клиента государства. В этом случае профессиональное эмпатичное поведение позволяет сочетать юридическую строгость с человекоцентричностью. Тем самым реализуется цель клиентоцентричного государства – «эффективно удовлетворять потребности человека

и постоянно совершенствоваться на основе анализа клиентского опыта» (Декларация ценностей клиентоцентричности). Однако, существующая вариативность трактовок эмпатии [3, с. 94] затрудняет ее внедрение в управленческую практику, поэтому потребуются разработка конкретных поведенческих индикаторов для оценки и развития данной компетенции у госслужащих.

Таким образом, эмпатия в рамках клиентоцентричного государства, это не эмоциональный отклик, а профессиональная способность государственного служащего распознавать и учитывать при взаимодействии с заявителем (клиентом государства) контекст и эмоциональное состояние гражданина для снижения его когнитивной, эмоциональной и административной нагрузки. Внедрение принципов и ценностей клиентоцентричности в государственном управлении требует деперсонализации эмпатии для того, чтобы перевести ее из спонтанной реакции конкретного государственного служащего в универсальную и профессиональную норму поведения служащего, применимую ко всем получателям государственных услуг. Практический вывод заключается, во-первых, в необходимости разработки и реализации для государственных служащих образовательных программ, направленных на развитие навыков интегративной эмпатии. Во-вторых, поддержка эмпатичного поведения на государственной службе должна включать разработку стандартов общения, оценку качества взаимодействия и измерение удовлетворённости клиентов. В-третьих, необходимы меры, направленные на поддержание психологического здоровья госслужащих и снижение эмпатической усталости.

Библиографический список

1. *Алаева М.В.* Эмпатия как один из инструментов понимания психического состояния другого человека // Вестник Мордовского университета. 2011. Т. 21, № 2. С. 102–105.
2. *Барабашиев А.Г.* Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 163–194.
3. *Бовина И.Б.* Исследование эмпатии: критический анализ и новые перспективы // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16, № 1. С. 88–95.
4. *Гордеева Е.Н.* Эмпатия сотрудников органов внутренних дел как профессионально значимое качество будущих специалистов и цель их профессиональной подготовки // Педагогика и психология: академический журнал. 2024. № 1. С. 42–50.
5. *Карягина Т.Д.* Эволюция понятия «эмпатия» в психологии: спец. 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии»: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 35 с.

6. Котлярова В.В., Коновалова А.А., Корнилова И.С. Эмпатия в профессиональной деятельности «помогающих» профессий и профессий экстремального профиля деятельности // Форум молодых ученых. 2022. № 12. С. 158–161.

7. Макарова Е.Д. Воспитание эмпатии как профессионально-личностного качества будущих социальных педагогов в целостном образовательном процессе педагогического колледжа: спец. 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования»: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Петрозаводск, 2006. 23 с.

8. Матросова Ю.С. Педагогическая эмпатия во взаимодействии преподавателя и студента при изучении педагогических дисциплин // Вестник ОГУ. 2025. № 3. С. 112–117.

9. Пугачев В.П. Бюрократизм в цифровом обществе // Вестник Московского университета. Серия 21, Управление (государство и общество). 2025. Т. 22. № 1. С. 20–41.

10. Путин В.В. Выступление на пленарном заседании Второго форума будущих технологий «Современные медицинские технологии. Вызовы завтрашнего дня – опережая время», 14 февраля 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73454> (дата обращения: 03.01.2026).

11. Римский В.Л. Господство государственной бюрократии в России // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 108–126.

УДК 37.01:327:141.7

А.В. Свиридов,

проректор по идеологической и воспитательной работе,
Белорусский государственный университет физической культуры (Минск)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СФЕРА КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. В статье представлен новый подход в геополитической науке. В рамках информационного пространства геополитики особую роль начинает приобретать образовательная сфера, в рамках которой происходит формирование сознания людей, продуцируются духовные ресурсы социума, сохраняются и укрепляются смыслы его существования.

Ключевые слова: геополитика, образование, духовная сила, ресурсы, манипуляция сознанием.

A.V. Sviridov,

Vice-Rector for Ideological and Educational Work,
Belarusian State University of Physical Education (Minsk)

EDUCATION AS A FACTOR OF GEOPOLITICAL STABILITY IN THE MODERN WORLD

Abstract. This article presents a new approach to geopolitical science. Within the information space of geopolitics, education is beginning to assume a special role, shaping people's consciousness, fostering the spiritual resources of society, and preserving and strengthening the meaning of its existence.

Key words: geopolitics, education, spiritual power, resources, mind manipulation.

Усиливающаяся трансформация глобального мира обуславливает качественные изменения современного геополитического пространства. На смену его физико-географической детерминированности приходит дифференциация на территориально-географическое, политическое и информационное составляющие геополитики, анализ которых позволяет с большей степенью объективности оценивать происходящие в мире геополитические процессы.

Совершенно по-иному на проблему организации и защиты пространства в геополитике заставляют взглянуть качественные изменения в системе международных отношений, обусловленные, в том числе, современной информационной революцией. Ибо, как пишет российский исследователь И.А. Василенко, «каналы коммуникаций всего мира превращаются в виртуальную силовую арену геополитической борьбы – на первый взгляд невидимую и бескровную, но в действительности жестокую и беспощадную» [1, с. 8].

Сегодня становится очевидным, что содержанием геополитики, требующим глубокого научного осмысления, выступает борьба за достижение информационного превосходства, за обладание более развитым информационным ресурсом, открывающим лучшие возможности контроля над геополитическим пространством. Причем борьба за информационные ресурсы предопределяет современную мировую динамику в не меньшей степени, нежели борьба на полях «горячих» сражений. Информационное противоборство сегодня трансформировалось из обеспечивающей подсистемы в самостоятельный вид войн и способно решать стратегические задачи геополитического уровня.

При всей сложности определения приоритетности изменений в гуманитарной сфере особое внимание следует обратить на роль и место образования в системе нынешних геополитических координат. «Результат информационного воздействия на сознание и подсознание во многом зависит от уровня образования объекта воздействия: чем выше этот

уровень, тем труднее манипулировать человеком. В силу этого состояние образования населения тех или иных стран приобретает сегодня важнейшее геополитическое измерение, становится фактором геополитической борьбы» [2, с. 79]. Иными словами, в ходе образовательного процесса происходит формирование сознания людей, иногда целых поколений, целых стран.

Система образования выступает одним из ключевых ресурсов геополитического пространства, обеспечивающего функционирование общества и государства в рамках той или иной парадигмы. Образование является ретранслятором технологий мышления, форматов поведения и образа жизни в целом.

Исходя из сказанного, можно выделить следующие позиции, которые позволяют рассматривать образовательную сферу в качестве важнейшего фактора геополитической устойчивости в современном мире.

Во-первых, образование – это та отрасль деятельности и одновременно отрасль инновационной экономики, где многократно возрастает ценность сложно организованной личности. Критерием ее образования является ни сумма знаний, ни диспозиция экзаменационной процедуры и ее результативность, ни сама дисциплинарная квалификация, но проявленная и актуальная эффективность специалиста. Проверяемая и доказываемая мерой его свободной адаптации к изменчивой практике.

Добиться этого возможно лишь через обеспечение функционирования системы образования на так называемом принципе избыточности. Избыточность в данном случае – это ресурс, который преобразуется в те или иные профессиональные компетенции и квалификации. Неоценимая важность этого ресурса диктуется перманентной динамикой, в которой находятся объекты управления в современных социумах. Возникает потребность в таких специалистах, которые будут обладать не только пакетом профессиональных знаний, умением «продвигать» его, но также владеть методами творческого, модифицированного использования этих знаний в меняющейся практике.

Другими словами, нарастающее усложнение объектов и субъектов мира, резкое увеличение их численности требует иного качества интеллектуальных усилий, не вполне совпадающих с существующими регламентами и прописями образования.

Студент как потенциальный специалист должен быть ориентирован на ту самую избыточность, позволяющую при случае первым подхватить эстафетную палочку ставшей актуальной компетенции.

Тем более именно этого от образования требует сегодня так называемая новая экономика, где речь уже не идет о подготовке кадров

на определенное функциональное место: нельзя ответить на вопрос, где человек будет использовать то, что он получит в своем образовательном курсе.

У выдающегося российского и советского ученого С.Г. Кара-Мурзы эта идея раскрывается в сравнении двух типов школ: ориентированной на фундаментальные знания «университетской», которая стремится дать «целостный свод принципов бытия», воспитать человека как всесторонне развитую личность, и школой «мозаичной культуры», формирующей узкого функционера.

«Университетская» школа отличается фундаментальностью и последовательностью учебных курсов и системностью подачи материала, а школа «мозаичной культуры» намеренно избегает системности, предлагая формы обучения, не предполагающие четкую дисциплинарную организацию учебного процесса, т.е. устраняющие барьеры между учебными дисциплинами. «Междисциплинарность», отказ от предметного преподавания, использование в учебном процессе модулей, в которых стираются границы между предметами – основные черты образовательной модели, направленной на создание человека массы [3, с. 247].

Во-вторых, увеличение значимости ресурса образования в современном обществе связано с еще одной тенденцией. На смену долгие годы господствовавшей схеме «школа – вуз – работа – карьера» приходит иная модель – «школа – работа – карьера – вуз – работа». Своим последствием такая трансформация имеет изменение представления о роли высшего образования в жизни общества.

Согласно второй схеме, студент, получающий высшее образование, после знакомства с реальной системой реальных деятельностей, с действительными, а не выдуманными взаимоотношениями, с правами и обязанностями взрослого человека, рассматривает необходимость получения высшего образования в совершенно ином контексте, нежели человек, попадающий в вуз сразу после школы.

Возникает совершенно иная система мотивации. По этому поводу российский исследователь С.Б. Переслегин пишет, что «когда учеба кажется интересной, она важнее – и, в конечном счете, социально полезнее любого труда. Но когда она воспринимается как нудная и бессмысленная обязанность, любой труд лучше такой учебы: он, по крайней мере, кому-то нужен. Кстати, за него платят деньги» [4, с. 533].

В-третьих, образование играет ключевую роль в формировании такого геополитического ресурса государства, как национальный менталитет, культура и моральное состояние людей. Речь идет о сохранении архетипа народа, его способности воспринимать, оценивать настоящее и прогнозировать будущее, чувствовать и думать. Ценности и нормы общества менее всего подвержены изменениям.

Образовательная сфера продуцирует духовные ресурсы социума, сохраняет и укрепляет смыслы его существования. Белорусский исследователь В.М. Макаров делает верное замечание: «Не завоевание страны противником становится концом ее истории, так как после этого возможно и возрождение. Настоящая катастрофа – поражение в сфере смыслов» [5, с. 47]. Игнорирование духовной составляющей в геополитике чревато подрывом эффективности власти.

Если заинтересованность, солидарность и воодушевление людей падают, любая геополитическая система начинает давать сбои. Любая политическая общность (нация) способна перенести всевозможные испытания, всякий натиск враждебной ей идеологии при условии, если ей присуща устойчивая идентичность, вера в свое призвание, если она патриотична. И напротив, даже в условиях относительного материального благополучия нация деградирует, если поражен ее центральный нерв – сознание своей идентичности, разрушена ее ценностная система. Следовательно, наиболее эффективная модель геополитического равновесия не только инструментально-прагматическая, но и нравственно-этическая, способная мобилизовать духовные ресурсы стран и народов.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что в современных условиях достижение геополитической устойчивости обусловлено соответствием системы образования национальным интересам страны, политическим решениям по упрочению ее суверенной государственности и обеспечению национальной безопасности.

Библиографический список

1. *Василенко И.А.* Геополитика современного мира: учеб. пособие для вузов. М.: Гардарики, 2006. 317 с.
2. *Кирвель Ч.С.* Социогуманитарное знание и образование в контексте современных информационных войн и глобальной конкуренции // *Социология*. 2012. № 2. С. 79–91.
3. *Кара-Мурза С.Г.* Потерянный разум. М.: Эксмо, 2007. 736 с.
4. *Переслегин С.Б.* Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.: АСТ; СПб.: TerraFantastica, 2005. 619 с.
5. *Макаров В.М.* Война в сфере смыслов // *Беларус. думка*. 2007. № 12. С. 40–47.

Е.Ю. Синин,

старший научный сотрудник, экспозиционно-мемориальный отдел «Пресня»
Государственного центрального музея современной истории России (Москва)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ Г.Е. ЗИНОВЬЕВА В ЭКСПОНАТАХ МУЗЕЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Abstract. Произведён обзор экспонатов Государственного центрального музея современной истории России (ГЦМСИР), имеющих отношение к одному из основателей большевизма – Григорию Евсеевичу Зиновьеву. Экспонаты были поделены на группы, среди них обозначены наиболее перспективные для изучения, намечены перспективы их введения в научный оборот.

Ключевые слова: Государственный центральный музей современной истории России, ГЦМСИР, Г.Е. Зиновьев, политическая биография, музейные экспонаты.

E.Yu. Sinin,

Senior scientist, Exhibition and Memorial Department "Presnya"
of the State Central Museum of Contemporary History of Russia (Moscow)

G.E. ZINOVIEV'S POLITICAL BIOGRAPHY IN THE ARTIFACTS OF MUSEUM OF CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

Abstract. The review of artifacts from the State Central Museum of Contemporary History of Russia (GCMCHR) related to Grigory Yevseyevich Zinoviev, one of the founders of Bolshevism, was conducted. The artifacts were divided into groups, those most promising for study were identified, and prospects for their introduction into scholarly circulation were outlined.

Key words: State Central Museum of Contemporary History of Russia, GCMSIR, G.E. Zinoviev, political biography, museum artifacts.

Изредка вспоминаемый ранее как «штрейкбрехер революции» и оппонент сталинской линии, Григорий Евсеевич Зиновьев теперь интересен историкам. В дополнение к обзорным статьям Н.А. Васецкого [1] и Л. Лиха [15], а также посвящённым отдельным аспектам диссертациям В.М. Вихрова [3] и В.Н. Самоходкина [12], за последние пять лет появилась множество работ.

Отметим важнейшие из них. Ю.Н. Жуков выпустил полную биографию Г.Е. Зиновьева [5]. С.С. Войтиков изучил его политическую борьбу с И.В. Сталиным [2]. В.Н. Самоходкин исследовал здоровье Григория Евсеевича [6]. Создание Зиновьевым политического образа

проанализировано Вячеславом Николаевичем, Т.Н. Раковым и Е.Д. Флигинской [10; 11; 14]. Политические идеи и послеопозиционный этап жизни революционера освещены нами [8; 13].

Такое обилие работ обусловлено двумя факторами: 1) относительной неизученностью темы в советский период, 2) наличием доступных архивных и опубликованных источников. Поэтому можно сказать, что основные вехи жизни и деятельности Г.Е. Зиновьева уже изучены. Однако историки куда реже обращаются к таким источникам, как музейные экспонаты. Разумеется, что от Зиновьева осталось не столь много предметов. Но таковые всё же имеются.

Многие из подобных экспонатов введены в научный оборот благодаря заведующему музея «Шалаш» В.Н. Самоходкину. Именно там, в месте подполья Ленина и Зиновьева летом 1917 г., работала в 2021–2023 гг. временная экспозиция «Григорий Зиновьев: забытый обитатель ленинского шалаша». Недавно был издан каталог этой выставки [4]. Хранит связанные с «обитателем» предметы и крупнейший в стране политический музей – Государственный центральный музей современной истории России (ГЦМСИР).

Для данной статьи мы отобрали те экспонаты, у которых в названии или в описании имеется фамилия Зиновьева. Всего в главной инвентарной книге (ГИК), вспомогательном фонде (ВС) и иных источниках было найдено 273 экспоната. При дальнейшем обращении к отдельным предметам будет указываться их номер по ГИК или ВС. В целом же найденные нами «зиновьевские» экспонаты распределяются следующим образом:

Документы за авторством Г.Е. Зиновьева (в т.ч. письма)	44 (11)
Групповые и индивидуальные фотографии	69
Негативы с изображением Г.Е. Зиновьева	66
Адресованные Г.Е. Зиновьеву письма	16
Письменная и печатная продукция (в т.ч. документы с подписью Г.Е. Зиновьева)	41 (6)
Ленинградский коммунистический университет имени Г.Е. Зиновьева (ЛКУ)	10
Прочее	27

Эти цифры, безусловно, возрастут при более глубоком изучении коллекции ГЦМСИР. Уже выявленные экспонаты хранятся в составе разных фондов музея: фотографии, библиотека, листовки, документы, негативы, международный фонд, персональные фонды. Отдельного фонда Г.Е. Зиновьева нет по понятным причинам. Музей революции СССР открылся в 1924 году. Уже в 1926 г. Зиновьев превратился из

партийного лидера в гонимого оппозиционера, в 1936 г. был расстрелян, а реабилитирован только в 1988 году. Хотя, например, ещё в позднесоветские годы в Центральный музей революции СССР передавались персональные коллекции ранее реабилитированных деятелей (например, бывшего зиновьевца и ректора ЛКУ С. И. Канатчикова).

Теперь охарактеризуем приведённые в таблице группы. Комплекс документов преимущественно состоит из книг и брошюр за авторством Г.Е. Зиновьева, а также его писем. В фотографиях отражены события Октябрьской революции и Гражданской войны, а также работа Коммунистического Интернационала. Это преимущественно оригинальные групповые (реже одного Григория Евсеевича) фотографии, полученные музеем от В.К. Буллы, Я.В. Штейнберга и др. Негативы в большинстве повторяют фотографии. Среди адресованных революционеру писем хранятся фотокопии посланий В.И. Ленина и К. Цеткин, оригиналы от М.М. Костеловской и др. Комплекс письменной и печатной продукции представлен листовками, брошюрами, оригиналами и фотокопиями бумаг о Зиновьеве; есть и подписанные им документы. Сохранились предметы, связанные с работой носившего в 1920-е гг. его имя и курируемого им Ленинградского коммунистического университета. Большинство «прочих» экспонатов посвящено посмертному осуждению Григория Евсеевича как «врага народа».

Размер статьи позволяет описать лишь наиболее характерные «зиновьевские» предметы. Так, в персональном фонде историка М.Н. Покровского (1868–1932) хранятся 5 дореволюционных писем от Григория Евсеевича. Все они были приняты в фонды в 1957 г., источником поступления указана экспедиция к семье Михаила Николаевича и другим лицам. Первое из посланий было отправлено из Парижа 4 марта 1910 года (ГИК 31642/312). В нём Зиновьев просил историка написать статью для центрального органа РСДРП «Социал-демократ». Григорий Евсеевич обещал достать Покровскому некоторые из нужных материалов и указал: «Рукопись хорошо бы получить не позднее 15 [числа] с[его] [месяца]. Желательный нам размер статьи: 15 тыс[яч] букв. Если немного перевалит за эту цифру – не беда». Из письма не совсем ясно, о какой статье Михаила Николаевича шла речь. Однако, хранящееся в ГЦМСИР письмо Зиновьева определённо поможет это выяснить.

Остальные 4 письма Г.Е. Зиновьева М.Н. Покровскому датированы 1916–1917 гг. и были посланы из Берна (ГИК 31642/317п142-1–31642/317п142-4). Из них мы узнаём о довольно тесных отношениях отправителя и адресата, а также о деталях жизни Григория Евсеевича. Например, в одном из писем Зиновьев сообщил, что гонорары за публикации в издательстве «Парус» он должен был получить через Покров-

ского, в связи с чем просил: «250 фр[анков] (150 руб[лей]), которые я получаю, составляют только 1/3 всего гонорара. Остаются ещё. Получите их как можно скорее для меня» (ГИК 31642/317п142-3). Эти сведения подтверждают мысль о литературном труде как основном источнике заработка российских социал-демократических политэмигрантов.

В ходе Великой Российской революции раскрылись и агитаторские таланты Г.Е. Зиновьева. Он выступал с многочисленными речами в различных залах [12, с. 111–113]. В ГЦМСИР хранится документальное свидетельство этому – входной билет на его лекцию на тему «Война и революция» 2 мая 1917 г. в 19:00 в зале Морского корпуса в Петрограде (ГИК 3567/25). Лекция была платной – на билете указана цена в 50 копеек. Любопытно и то, что принятый на постоянное хранение 10 марта 1927 г. экспонат затем был помещён в спецхран. В наши дни билет на зиновьевскую лекцию так тщательно не скрывается.

В годы Гражданской войны Г.Е. Зиновьев руководил Петроградом. Но в октябре 1918 г. он отправился на Уральский фронт для агитации. Несколько лет назад Российская Национальная Библиотека выложила открытки с кадрами этой поездки [9]. Отметим, что некоторые из оригинальных снимков попали в 1920-е гг. в Музей революции СССР. Это, например, фотографии митинга в Череповце (ГИК 1948/2471в) и беседы Г.Е. Зиновьева с крестьянами (ГИК 624/183). Причём второе фото указано в РНБ как сделанное в Бабаево, а в музейных документах отмечен город Двинск, что ставит вопрос об уточнении атрибуции.

В советском тылу проводилась политика военного коммунизма – максимальной централизации скудных ресурсов в интересах армии и пролетариата. В персональном фонде поэта А.И. Пучкова (1894–1973) есть два письма от Г.Е. Зиновьева и одно направленное ему, касавшиеся снабжения Петрограда и окрестностей. 30 апреля 1918 г. Анатолий Иванович, как продовольственный работник получил от Григория Евсеевича письмо с предложением вернуть рабочим механического завода «Артур Коппель» реквизированные у них картофель и крупу (ГИК 39652/81). В том же году Зиновьев просил Москву выделить двадцать тысяч «шамотных» (огнеупорных) кирпичей для «постройки крематориума» (ГИК 39652/82). 23 августа 1919 г. некий Горшков сообщил главе Петрограда, что Пучков раскрыл многомиллионные злоупотребления с сеном на Северо-Западной дороге (ГИК 39652/85). Содержание писем подчёркивает напряжённость со снабжением в годы военного коммунизма, а также практику обращаться для решения даже самых малых проблем к высоким руководителям.

Компетенции Г.Е. Зиновьева как руководителя проверяла и природа. 23 сентября 1924 г. в Ленинграде случилось второе по силе за всю

историю наводнение, вызванное сезонным нагоном воды в Неву из Финского залива. Интересно, что власти заблаговременно зарезервировали финансы на случай бедствия, а коммунальная сфера в целом быстро ликвидировала последствия [7, с. 29–30]. В 1925 г. сотрудники Ленинградской комендатуры подарили. Зиновьеву на память роскошную папку с картой затапливаемых при наводнениях территорий Северной столицы (ГИК 11877/5-1, 11877/5-2).

Как раз в 1920-е гг. формировалась культура подарков вождям, ставшая гротескной при И.В. Сталине: подарки ему ныне составляют отдельный фонд в ГЦМСИР. Но зиновьевский презент не сразу попал в музей. Папку и карту приняли на постоянное хранение 26 марта 1935 г. после покупки в магазине Союза писателей, причём фамилия Зиновьева на папке была вырезана. Мы предполагаем, что он мог потерять, отдать или продать подарок из-за невозможности его хранить или нужды в деньгах. Как бы то ни было, весной 1935 г. Зиновьев уже находился в тюрьме [5, с. 504–505]. Папкой он воспользоваться точно не мог.

Но за десять лет до этого Григорий Евсеевич ещё был главой Коминтерна и членом Политбюро. Эти посты предполагали идеологическую компетентность. Укажем, что в 1920-е гг. вожди нередко читали для студентов лекции о марксизме. В персональном фонде заместителя ректора Коммунистического университета им. Свердлова К.И. Кирсановой (1888–1947) имеется любопытное письмо Г.Е. Зиновьева от 14 марта 1924 года (ГИК 41639/21). Он извинялся за невозможность вовремя прочесть свой курс. Причины ярко иллюстрирует эта тирада: «У меня нет времени, чтобы выспаться. Уверяю Вас. Сплю 5 часов в сутки. Большинство членов П[олит]б[юро] в отпуску. По Коминтерну не успеваю сделать самого необходимого <...> Найдите кого-нибудь другого для курса. Или – подождите ещё недели 1½». Подобные перегрузки обостряли вызванную неврозом хроническую болезнь сердца, всего в 1924 г. Зиновьев не работал по состоянию здоровья 100 дней [6, с. 217, 225].

В конце 1927 года Зиновьев отказался от продолжения политической борьбы. Однако, покой так и не настал: в декабре 1934 г. его арестовали по ложному обвинению в организации убийства С.М. Кирова [8, с. 74]. В 1936 г. он стал главным обвиняемым на Первом Московском процессе, сознавшись уже в «заговоре» против Сталина. Готовясь к будущей войне и желая сплотить тыл, сталинское руководство целенаправленно дискредитировало бывших оппонентов вроде Зиновьева в глазах всего коммунистического движения. Это проводилось невзирая ни на какие фактические и логические противоречия в их «показаниях». Доводили «истину» и до коммунистов, нелегально действовавших в фашистских странах. В музее хранится изданная в 1937 г. в Венгрии

брошюра «Развитие живого существа» со вшитым внутрь отчётом о суде над троцкистами и зиновьевцами (ГИК 15986/2а). Можно лишь сожалеть, что в момент, когда требовалось максимальное сплочение всех левых и антифашистских сил, ресурсы отвлекались в том числе на подобные акции.

В завершение подчеркнём: хранящиеся в ГЦМСИР «зиновьевские» экспонаты могут дать историкам большой объём информации как непосредственно о революционере, так и о политической истории страны первой трети XX века. Мы лишь наметили контуры их введения в научный оборот. Дальнейшая работа возможна по следующим направлениям: 1) использование предметов во временных и постоянных экспозициях, 2) составление тематических каталогов и брошюр, 3) электронная и печатная публикация визуальных и текстовых источников, 4) уточнение атрибуции и бытования совместно с другими музейными и научно-исследовательскими институтами. Исторический масштаб личности Г.Е. Зиновьев определённо говорит о необходимости такой работы.

Библиографический список

1. *Васецкий Н.А.* Г.Е. Зиновьев: страницы политической биографии. М.: Знание, 1989. 64 с.
2. *Войтиков С.С.* Сталин против Зиновьева. М.: Вече, 2022. 546 с.
3. *Вихров В.М.* Коммунистический лидер Г.Е. Зиновьев во главе Петрограда – Ленинграда (конец 1917 г. – начало 1926 г.): дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Отечественная история. СПб., 2011. 227 с.
4. Григорий Зиновьев: забытый обитатель «ленинского» шалаша. Каталог выставки / авт.-сост. В.Н. Самоходкин; ред. Н.С. Коваленко, О.В. Фролова. СПб.: Историко-культурный музейный комплекс в Разливе, 2025. 240 с.; 160 ил.
5. *Жуков Ю.Н.* Григорий Зиновьев. Отвергнутый вождь мировой революции. М.: Концептуал, 2021. 560 с.
6. Здоровье советских Вождей: 1920–1930-е гг. / И.С. Ратьковский, В.Н. Самоходкин, Е.Ю. Синин [и др.]. М.: Наше завтра, 2022. 496 с.
7. *Малинова-Тзиафета О.Ю.* Катастрофическое наводнение 1924 года и городское хозяйство Ленинграда – была ли катастрофа? // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 23–35.
8. *Орчакова Л.Г., Синин Е.Ю.* Григорий Зиновьев: терзания и метания оппозиционера (1927–1934 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. С. 67–80.
9. Поездка Григория Евсеевича Зиновьева на Уральский фронт (октябрь 1918 года). Открытки из фондов Российской национальной библиотеки. URL: https://expositions.nlr.ru/ex_print/army/zinovjev.php?ysclid=mizussbwi5648384272 (дата обращения: 10.12.2025).
10. *Раков Т.Н.* Политические культы в Ленинграде: «вождизм» Г.Е. Зиновьева и дискуссии в РКП(б) 1920-х гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 3 (66). С. 63–71.

11. *Самоходкин В.Н.* Г.Е. Зиновьев как биограф Ленина: конструирование биографии вождя и ее использование как источника собственной политической легитимности: 1918–1924 гг. // Рязановские чтения (Девятые): материалы научной конференции, Москва, 20–21 апреля 2023 года. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2024. С. 88–101.

12. *Самоходкин В.Н.* Политическая и государственная деятельность Г.Е. Зиновьева в ходе Великой Российской революции: 1917 – март 1918 г.: дис. ... канд. ист. Наук: 07.00.02 Отечественная история. СПб., 2017. 264 с.

13. *Синин Е.Ю.* «Принципы партийности» во взглядах Григория Евсеевича Зиновьева // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 5. С. 8–22.

14. *Флигинская Е.Д.* Конструирование культового образа Г.Е. Зиновьева в 1920-е годы // Роль личности в историческом процессе. Чтения памяти профессора С.В. Тютюкина: материалы Всероссийской научной конференции (10–11 декабря 2022 года, г. Москва). Казань: Бук, 2023. С. 182–186.

15. *Lih L.* Zinoviev: populist Leninist // The NEP Era: Soviet Russia, 1921–1928. 2008. № 2. Р. 1–23.

УДК 316.647:2-67(470+476)"1991/2024"

П.В. Стасяк,

Магистр педагогических наук,

Заведующий отделом маркетинга, Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта (Республика Беларусь, Минск)

ПРАВОСЛАВИЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ И ДИСКУРСОВ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Аннотация. В статье исследуется трансформация взаимосвязи религиозной (православной) идентичности и гражданской/национальной идентичности в России и Беларуси после распада СССР. На основе междисциплинарного подхода, сочетающего социологический анализ, дискурс-анализ и историческую ретроспективу, выявлены ключевые тенденции постсоветского периода. Доказывается, что общим трендом для обеих стран стал рост декларативной православной самоидентификации при низком уровне религиозной практики и знаний, что свидетельствует о восприятии православия прежде всего как культурно-исторического маркера. Однако характер интеграции этого маркера в проекты национального строительства принципиально различен. В России православие было консолидировано «сверху» в качестве идеологического ядра новой державно-цивилизационной идентичности, активно используемого в государственном нарративе. В Беларуси, с ее историческим опытом фронта и поликонфессиональности, православие осталось одним из многих компонентов национальной идентичности, прагматично включаемым в модель секулярного

государства для народа. Сравнительный анализ показывает, что конфессиональная общность является дополнительным, но не определяющим фактором интеграции, уступая в значимости политическим и экономическим детерминантам.

Ключевые слова: национальная идентичность, религиозность, православие, постсоветское пространство, Беларусь, Россия, дискурс-анализ, сравнительные исследования, социология религии.

P.V. Stasiak,

Master of Pedagogical Sciences

Head of Marketing Department, Belarusian State Museum of Folk Architecture and Rural Life (Republic of Belarus, Minsk)

ORTHODOXY IN POST-SOVIET IDENTITY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF DYNAMICS AND DISCOURSES IN RUSSIA AND BELARUS

Abstract. The article examines the transformation of the relationship between religious (Orthodox) identity and civil/national identity in Russia and Belarus after the collapse of the USSR. Based on an interdisciplinary approach combining sociological analysis, discourse analysis, and historical retrospection, key trends of the post-Soviet period are identified. It is proven that a common trend for both countries has been the growth of declarative Orthodox self-identification against a low level of religious practice and knowledge, indicating the perception of Orthodoxy primarily as a cultural-historical marker. However, the nature of the integration of this marker into nation-building projects is fundamentally different. In Russia, Orthodoxy was consolidated "from above" as the ideological core of a new state-civilizational identity, actively used in the state narrative. In Belarus, with its historical experience as a frontier and poly-confessionality, Orthodoxy has remained one of many components of national identity, pragmatically included in the model of a secular state for the people. Comparative analysis shows that confessional commonality is an additional, but not determining, factor of integration, yielding in importance to political and economic determinants.

Key words: national identity, religiosity, Orthodoxy, post-Soviet space, Belarus, Russia, discourse analysis, comparative studies, sociology of religion.

Распад Советского Союза в 1991 году означал не только геополитическую катастрофу, но и глубокий кризис коллективной идентичности. Ранее монолитная советская гражданская идентичность, подкрепляемая мощной идеологической машиной, рухнула, оставив после себя мировоззренческий вакуум. В этих условиях религия, и в особенности исторически доминирующее в восточнославянском ареале православие, оказалась одним из наиболее доступных ресурсов для заполнения этого вакуума, консолидации общества и строительства основ новых национальных государств. Однако этот «религиозный ренессанс» на постсо-

ветском пространстве оказался сложным, многогранным и внутренне противоречивым процессом, ход которого существенно различался в разных странах.

Российская Федерация и Республика Беларусь представляют собой особенно интересный кейс для сравнительного анализа. Будучи близкородственными восточнославянскими государствами, связанными обширной общей историей, культурой и провозглашенным курсом на интеграцию в рамках Союзного государства, они, тем не менее, демонстрируют заметные различия в моделях построения национальной идентичности и места в ней религиозного компонента. Эти различия являются результатом совокупного действия исторического наследия, особенностей политического развития и сознательных стратегий элит в постсоветский период.

Исследование опирается на конструкционистское понимание идентичности как динамического, процессуального феномена, который не является раз и навсегда данной сущностью, а постоянно производится, воспроизводится и трансформируется в социальных практиках, коммуникации и дискурсе [1]. Национальная идентичность в этом ключе рассматривается как «воображаемое сообщество» [2], чьи границы и содержание являются предметом постоянного символического конструирования элитами и усвоения или переосмысления массами.

В постсоветском контексте ключевое значение приобретает разграничение между **религиозностью** (religiosity) как комплексом глубоких личных убеждений, регулярных практик (молитва, посещение богослужений, соблюдение постов) и экзистенциальных ориентаций, и **религиозной идентификацией** (religious identification) как декларативной принадлежностью к определенной конфессии, часто лишенной содержательного теологического наполнения [3]. Как будет показано далее, именно вторая доминирует в рассматриваемых обществах, превращая православие из системы верований в культурно-символический маркер «своих».

Православие в публичном пространстве России и Беларуси функционирует в рамках конкурирующих идеологических проектов. С одной стороны, это концепция **«Русского мира»**, где православие выступает неотъемлемым цивилизационным стержнем, объединяющим «триединый русский народ» (великороссов, малороссов, белорусов) поверх политических границ [4]. С другой – проекты **суверенного национально-го строительства**, в которых православие может занимать разное место: от статуса духовной основы государства (как в риторике современной России) до роли одного из элементов историко-культурного наследия, наряду с языком, фольклором и светскими традициями (что в большей степени характерно для официального белорусского дискурса).

Исторический контекст: отправные точки различий

Корни различий в современных моделях идентичности уходят глубоко в историю. **Россия** (Московское царство, Российская империя) сформировалась как централизованное государство, где православие после падения Византии было осмыслено как идеологическая основа единства и мессианского призвания «Третьего Рима». Церковь была интегрирована в государственный аппарат по модели «симфонии властей». Советский период радикальной секуляризации, несмотря на попытки создания новой светской религии (коммунизма), не стер эту глубинную связь православия с имперской и державной идеей.

Беларусь исторически являлась **территорией фронта** – пограничьем между православным и католическим мирами, между Россией и Польшей (Речью Посполитой) [5]. Это породило уникальную **поликонфессиональность**: наряду с православием, глубокие корни пустили католицизм и униатство (греко-католицизм). Белорусские земли столетиями входили в состав разных государственных образований (Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская империя), что препятствовало формированию устойчивой связи между религией, языком и государственностью. В Российской империи политика русификации часто проводилась через призму православия, что, однако, не привело к полной ассимиляции. Советский период принес мощную секуляризацию и русификацию, но также и формальное национально-государственное оформление в виде БССР. После 1991 года Беларусь, в отличие от России, не стала строить идеологию на реставрации имперского или дореволюционного прошлого, а сделала ставку на прагматичную модель социально стабильного, секулярного «государства для народа», в котором аккуратно комбинируются советские, общеславянские и национальные символы.

Таким образом, исторический контекст predetermined различную «почву» для постсоветского религиозного ренессанса: в России православие легло на подготовленную почву **державно-мессианской идентичности**, в Беларуси – на сложный, гетерогенный **конгломерат идентичностей**, где оно должно было конкурировать с другими историческими нарративами.

Сравнительный анализ динамики: социологические данные

Данные социологических опросов за три постсоветских десятилетия выявляют как общие тренды, так и системные различия между двумя странами.

1. **Общая тенденция: взрывной рост декларативной православной идентификации.** В начале 1990-х годов в обеих странах произошел стремительный рост доли граждан, называющих себя православными. Этот рост был прямым следствием крушения советской

идентичности и поиска новых точек опоры. В России доля православных выросла примерно с 30–40 % в конце 1980-х до 70–80 % к середине 2010-х годов [6]. В Беларуси этот показатель изначально был и остается очень высоким, стабильно находясь на уровне около 80 % населения [7]. Важно отметить, что в России всплески православной самоидентификации четко коррелируют с периодами внешнеполитической консолидации и напряженности (например, заметный рост после аннексии Крыма в 2014 году), что указывает на её связь с государственно-патриотическими настроениями [6].

2. Ключевое различие: связь с национально-гражданской идентичностью. Именно здесь проявляется основное различие. В России установилась тесная, поддерживаемая официальным дискурсом связь между триадой «**православный = русский = патриот России**». Православие становится культурно-религиозным синонимом «русскости», интегрируясь в ядро государственной идеологии «традиционных ценностей».

В Беларуси картина более сложная. Как показывают исследования, религиозная идентичность здесь слабее коррелирует с национально-гражданской. Например, самоидентификация «белорус» может сочетаться с различной религиозной идентичностью (православной, католической, атеистической) [7]. Более того, согласно исследованию Н.Л. Балич, религиозная идентичность и практика в Беларуси значительно варьируются в зависимости от типа населенного пункта (столица, крупный город, малый город, село) и региона (запад и восток), что отражает историческую неоднородность страны [8]. Гражданская белорусская идентичность носит более светский и надконфессиональный характер.

3. Универсальный парадокс: «вера без принадлежности и принадлежность без веры». Для обоих обществ характерен глубокий разрыв между высокой долей самоидентификации и крайне низким уровнем религиозной практики и базовых теологических знаний. Данные, представленные в статье «От человека советского к человеку православному», красноречивы: до 70 % россиян, называющих себя православными, не верят в основные догматы (Бог, рай, ад, воскресение), а регулярно (хотя бы раз в месяц) посещают храм лишь 5–7 % [6]. Аналогичная ситуация фиксируется и в Беларуси [7]. Это подтверждает тезис о том, что «быть православным» для большинства означает не исповедовать определенную веру, а **принадлежать к культурной традиции, исторической общности**. Различие же заключается в том, как эта «культурная принадлежность» политически ангажируется: в России она

мобилизуется государством, в Беларуси остается в большей степени делом личного или семейного выбора.

Дискурс-анализ: православие в нарративах власти и конкурирующих проектах

Анализ публичного дискурса позволяет понять, как выявленные социологией тенденции конструируются и закрепляются на уровне официальной риторики и альтернативных идеологических проектов.

Российский официальный дискурс после 2000 года, и особенно после 2012–2014 гг., демонстрирует последовательную интеграцию православной риторики и символики в ядро государственной идеологии. Концепция **«традиционных ценностей»**, противопоставляемых «распаду» и «бездуховности» Запада, немыслима без православного фундамента. Патриарх Кирилл активно использует понятия «Святая Русь» и «русская цивилизация», напрямую увязывая духовное здоровье нации с верностью православию. Победа в Великой Отечественной войне осмысливается не только как советский, но и как православный подвиг. В этой системе координат РПЦ выступает не просто как религиозный институт, а как **морально-политический субъект**, соавтор государственного нарратива и хранитель национальной идентичности. Православие становится обязательным атрибутом «правильного» патриотизма.

Белорусский официальный дискурс, в сравнении с российским, отличается значительной сдержанностью и прагматизмом. Государство подчеркивает уважительное отношение ко всем «традиционным» конфессиям, выделяя, однако, православие и католицизм как наиболее массовые. Православие ценится прежде всего как важная часть **культурно-исторического наследия** и фактор **социальной стабильности и нравственности**. Оно редко преподносится как исключительная духовная основа государственности. Интересный поворот произошел в период так называемой **«мягкой белорусизации» (2014–2019 гг.)**, когда в ответ на украинские события и растущее российское влияние власти стали осторожно продвигать национальные символы: белорусскоязычный контент, исторические фигуры ВКЛ, национальный орнамент [9]. В этом дискурсе акцент смещался на язык и светскую историю, а не на религию. После массовых протестов 2020 года и внешнеполитического кризиса официальный Минск вновь усилил акцент на общую с Россией историю (особенно советский период), где православие присутствует как общий фон, но не как центральный скрепляющий элемент.

Конкурирующие нарративы в белорусском обществе, выявленные в ходе качественных исследований, демонстрируют, насколько по-разному может трактоваться роль православия. Наталья Мамуль,

анализируя биографические интервью, выделяет несколько нарративных шаблонов [10]:

- **Про-российский (имперский) нарратив:** Православие выступает стержнем общерусского единства, основой цивилизационной близости с Россией.

- **Белорусский национальный нарратив:** Православие может рассматриваться как часть национального наследия, но не единственная и не всегда доминирующая; акцент делается на языке и светской истории.

- **Про-демократический (проевропейский) нарратив:** Православие часто воспринимается как элемент консервативной, пророссийской модели, и его роль может минимизироваться в пользу гражданско-политической, а не культурно-религиозной идентичности.

- **Жертвенный нарратив:** Православие может фигурировать в истории как объект притеснений (со стороны католиков, униатов, советской власти), что способствует формированию негативной, оборонительной идентичности.

Это многообразие показывает, что в Беларуси не существует единого, общепринятого дискурса о роли православия в национальной идентичности. Он является предметом конкуренции и зависит от общего мировоззренческого выбора индивида или группы.

Заключение

Проведенное сравнительное исследование позволяет сделать ряд выводов о динамике взаимосвязи православной и национальной идентичности в постсоветских России и Беларуси.

1. Общий тренд культурно-символической идентификации.

В обеих странах произошел массовый переход от советской гражданской идентичности к декларативной православной идентификации. Однако эта идентификация в массе своей лишена глубинного религиозного содержания, оставаясь феноменом **культурного православия** – способом обозначить свою принадлежность к исторической традиции и обществу в ситуации ценностного кризиса.

2. Принципиальное различие в политической инструментализации.

Главное различие заключается не в статистике самоотожествлений, а в том, как этот ресурс используется в проектах национального строительства.

- **В России** православие было последовательно консолидировано «сверху» как **идеологическое ядро** новой державно-цивилизационной идентичности. Оно стало неотъемлемой частью официального патристического нарратива, инструментом консолидации вокруг государства и демаркации от «чужих» (Запада).

• В Беларуси православие осталось одним из многих компонентов в модели национальной идентичности, конструируемой государством прагматично и эклектично. Оно является важным, но не системообразующим элементом, чья публичная роль строго дозирована и подчинена задачам обеспечения социальной стабильности и многовекторности.

3. **Ограниченная роль как интеграционного фактора.** Общая конфессиональная принадлежность, несомненно, создает дополнительный культурный фон для российско-белорусской интеграции, облегчая риторику о «братских народах». Однако данные исследования показывают, что она не является определяющим или самостоятельным интеграционным фактором. Её значение полностью опосредовано политической волей и экономическими интересами. Как показал украинский пример (рассмотренный в статье «От человека советского...»), в ситуации политико-цивилизационного выбора гражданская и национальная идентичность могут легко перевесить конфессиональную общность [6].

4. **Перспективы.** Дальнейшие исследования могли бы быть сосредоточены на изучении поколенческой динамики (сохраняется ли модель «культурного православия» у молодежи), региональной специфики (особенно в западных областях Беларуси), а также на анализе того, как цифровая среда и новые медиа трансформируют способы бытования религиозной идентичности в обеих странах.

Таким образом, постсоветский «путь к православию» в России и Беларуси оказался путем к разным целям. В первом случае – к созданию новой **религиозно-политической ортодоксии** как основы государственности. Во втором – к включению религии в более широкий набор **культурно-символических ресурсов** суверенного светского государства. Это различие является ключом к пониманию не только внутренней динамики двух обществ, но и нюансов их взаимодействия на пути интеграции.

Библиографический список

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс: Кучково поле, 2001. 288 с.
2. *Berger P., Luckmann T.* The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. N. Y.: Anchor Books, 1966. 240 p.
3. *Karpov V., Lisovskaya E., Barry D.* Ethnodoxы: How Popular Ideologies Fuse Religious and Ethnic Identities // Journal for the Scientific Study of Religion. 2012. Vol. 51, No. 4. P. 638–655.
4. *Белорусская идентичность и общерусская идея [Электронный ресурс]* // ЗападРус. 2016. 8 августа. URL: <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/1515->

belorusskaya-identichnost-i-obshcherusskaya-ideya.html (дата обращения: 08.01.2026).

5. *Усовская Э.А.* Аксиология белорусской идентичности рубежа XX–XXI вв. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. 2012. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/24355/1/59-66.pdf> (дата обращения: 07.01.2026).

6. От человека советского к человеку православному [Электронный ресурс] // Sonar2050.org. 2018. 25 мая. URL: <https://www.sonar2050.org/publications/ot-cheloveka-sovetskogo-k-cheloveku-pravoslavnomu/> (дата обращения: 07.01.2026).

7. *Балич Н.Л.* Религиозная идентичность жителей Беларуси в зависимости от типа населенного пункта и конфессиональной принадлежности [Электронный ресурс] // Вестник гуманитарных наук. 2022. URL: https://vestihum.belnauka.by/jour/article/view/922?locale=ru_RU (дата обращения: 07.01.2026).

8. *Балич Н.Л.* Религиозная идентичность населения Беларуси и Краснодарского края: сравнительный социологический анализ [Электронный ресурс] // Cyber Leninka. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-identichnost-naseleniya-belarusi-i-krasnodarskogo-kraya-sravnitelnyy-sotsiologich> (дата обращения: 07.01.2026).

9. *Jachovič J.* Reinforcing the National Identity: Belarusian Language and History Policy [Электронный ресурс] // Journal on Baltic Security. 2022. Vol. 8, Issue 2. P. 3–40. URL: <https://journalonbalticsecurity.com/journal/JOBS/article/32/text> (дата обращения: 07.01.2026).

10. *Mamul N.* Narrative Templates of Post-Soviet Identity in Belarus [Электронный ресурс] // Polish Sociological Review. 2009. No. 166. P. 229–246. URL: <https://polish-sociological-review.eu/pdf-126958-54542?filename=54542.pdf> (дата обращения: 07.01.2026).

А.Ю. Суслов,

ведущий научный сотрудник, Академия наук Республики Татарстан

**ИСТОРИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА
В ТАТАРСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Аннотация. В статье рассматривается история изобразительного искусства в Татарстане во второй половине XX в. Обращается внимание на основные направления и стилистические особенности.

Ключевые слова: история, изобразительное искусство, Россия, Татарстан, Казань, XX век.

A.Yu. Suslov,

Leading researcher, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

**THE HISTORY OF THE VISUAL ART IN TATARSTAN
IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY:
MAIN DIRECTIONS AND STYLISTIC TENDENCIES**

Abstract. The article examines the history of fine arts in Tatarstan in the second half of the 20th century. Attention is paid to the main trends and stylistic features.

Key words: history, visual art, Russia, Tatarstan, Kazan, 20th century.

Вторая половина XX века стала для изобразительного искусства Татарстана периодом интенсивного развития, отмеченным сложным взаимодействием национальных традиций, общесоветских художественных установок и поиска индивидуальной выразительности. В этот период сформировалась самобытная татарстанская школа живописи, графики и скульптуры, органично соединившая локальные культурные коды с актуальными тенденциями советского и мирового искусства. Послевоенный период в СССР характеризовался жёсткой идеологизацией искусства в рамках доктрины социалистического реализма. Для Татарстана это означало двойную задачу – как следование общесоюзным эстетическим нормам, так и сохранение и развитие национальной художественной традиции [6].

Ключевыми институциями, определявшими вектор развития, стали Союз художников Татарской АССР (основан в 1936 г., активизировал деятельность в послевоенный период), Казанское художественное учи-

лице (преемник Казанской художественной школы), Государственный музей изобразительных искусств ТАССР (открыт для посещений в 1959 г.).

В 1950–1960-е годы в советском изобразительном искусстве доминировал соцреализм, однако татарстанские художники вносили в него этническую специфику, а именно тематические полотна о труде и быте татарского села; исторические композиции, воссоздающие ключевые моменты татарской истории; портретная живопись, фиксирующая образы современников с национальными чертами.

Особой линией стало осмысление татарстанского ландшафта: река Волга как символ единства природы и культуры (работы И. Зарипова, Р. Нурмухаметова); деревенские мотивы с акцентом на традиционную архитектуру; городские пейзажи Казани, сочетающие старину и современность. Татарстанская графика развивалась в нескольких руслах: книжная иллюстрация к произведениям татарской литературы (Э. Садердинова, иллюстрации к поэмам Г. Тукая); эстампы с этническими мотивами (линогравюры М. Усманова); экслибрисы как мини-произведения искусства (работы Ф. Аминова).

К числу наиболее ярких представителей изобразительного искусства Татарстана второй половины XX в можно отнести Хариса Якупова (1919–2010), мастера исторической живописи, народного художника СССР. Его полотна («Передовые животноводы», 1964) сочетали соцреалистическую риторику с этнографической достоверностью. Оригинальным стилем отличался Лотфулла Фаттахов (1918–1981) – автор эпических композиций на темы татарской истории и деревенской жизни. Его стиль отличался драматизмом и графической чёткостью. «Суровый стиль» в татарстанской живописи представлял Ильдар Зарипов (1939–2012), его работы подчёркивали героiku труда через лаконичную пластику. Наконец, выделяется творчество Фариды Якупова, соединившего традиции татарского декоративного искусства с модернистскими приёмами [5].

В 1960–1980-е годы активизировалась выставочная жизнь, стали проходить регулярные республиканские выставки в Казани; участие татарстанских художников во всесоюзных экспозициях (Москва, Ленинград); создание художественных фондов для поддержки авторов. Открытие Государственного музея изобразительных искусств ТАССР в 1959 г. [4] стало поворотным событием в формировании коллекции национального искусства – активизировались научные исследования татарской художественной традиции; получила новый импульс популяризация художественного наследия через каталоги и лекции.

Особенность татарстанского искусства этого периода – синтез орнаментальности татарского декоративно-прикладного искусства;

колористических находок казанской художественной школы начала XX века; формальных экспериментов советского модернизма 1960–1970-х [1]. Примерами синтеза стали использование татарских узоров в композициях (работы Ф. Якупова); адаптация иконописных приёмов в светской живописи (монументальные панно Х. Якупова); игра с плоскостью и объёмом, вдохновлённая традиционной вышивкой.

Развитие изобразительного искусства сопровождалось известными трудностями, такими как цензура и ограничения на эксперименты вне рамок соцреализма; конфликт поколений: старшее поколение отставило академизм, молодёжь стремилась к модернистским формам; дефицит материалов для современных техник [2]. Тем не менее, художники находили лазейки: аллюзии на традиционное искусство вместо прямой этнографии; символические композиции, допускающие множественные трактовки; работа в прикладных сферах (театральные декорации, книжная графика), где контроль был слабее. Параллельно существует множество направлений, сочетающих философичность тем и полифоничность сюжетов, декоративность и полихромную, отражение жизни не такой, какая она есть, а какой должна быть, фантазийность и свобода перемещения во времени, глубокий интерес к «белым пятнам истории» и исконно национальным традициям [2, с. 232].

К концу 1980-х годов изобразительное искусство Татарстана сформировало самобытную школу, узнаваемую в СССР и за рубежом, сумело сохранить этническую идентичность в условиях идеологического давления. Была подготовлена почва для постсоветских экспериментов 1990-х (возрождение исламской символики, постмодернистские игры с традицией). К числу ключевых достижений можно отнести создание национального портретного канона, разработку оригинального пейзажного языка, интеграцию декоративно-прикладных элементов в станковое искусство [3].

Вторая половина XX века для изобразительного искусства Татарстана стала временем сложного, но плодотворного диалога между традицией и современностью [6]. Несмотря на идеологические ограничения, художники сумели сохранить связь с татарским культурным наследием, внести вклад в общесоветский художественный процесс, заложить основы для дальнейшего развития в постсоветский период. Это наследие продолжает влиять на современное искусство Татарстана, где мотивы и приёмы второй половины XX века переосмысливаются в контексте глобализации и цифровых технологий.

Библиографический список

1. Авангард и традиции: взаимодействие и трансформация в региональном искусстве России второй половины XX века: Девятые Казанские искусство-

ведческие чтения: к 100-летию со дня рождения художника Алексея Авдеевича Аникеёнка (1925–1984): материалы конф. Казань: Фолиант, 2025. 134 с.

2. *Алмазова А.А.* Художественная культура Татарстана в контексте социальных процессов и духовных традиций: очерки. Казань: Казан. ун-т, 2013. 246 с.

3. *Ахметова Д.И.* Изобразительное искусство Татарстана рубежа XX–XXI веков: проблемы и перспективы // Пятые Казанские искусствоведческие Чтения. Творческий гений Баки Урманче: евразийский контекст. К 120-летию со дня рождения художника: материалы конф. Казань, 2017. С. 32–37.

4. Музеи Татарстана (1991–2021 гг.): справочный комплект / авт.-сост. Р.А. Айнутдинов, З.З. Гилазев, А.Ю. Суслов. Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2022. 324 с.

5. *Червоная С.М.* Художники Советской Татарии: биогр. справочник. Казань: Тат. кн. изд-во, 1975. 214 с.

6. *Шамгуллина С.А.* Возникновение новой идейно-эстетической образности в живописи и графике Республики Татарстан в конце XX века // Наследие Ислама в музеях России: пространственные границы и образы: материалы научно-практической конференции 10–11 декабря 2008 г. Казань: РИЦ «Школа», 2009. С. 117–120.

УДК 82-3+316.7

А.В. Теняков,

старший преподаватель, Армавирский механико-технологический институт, филиал Кубанского государственного технологического университета (Армавир)

НАЦИЯ И ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ

Аннотация. Данная статья акцентирует внимание на значении русской литературы как ключевого фактора в формировании национального самосознания русского народа, отмечая ее многогранное влияние на общественное сознание и культурные идеалы. Автор подчеркивает, что литература не только фиксирует реалии своего времени, но и активно участвует в исследовании сложных внутренних и внешних проблем общества, что позволяет ей оставаться актуальной на протяжении веков. Автор утверждает, что русская литература, с её многослойностью и философским содержанием, служит важным инструментом для глубокого понимания как исторических процессов, так и современных проблем. Литература становится ареной для обсуждения ключевых вопросов, способствуя развитию критического мышления и культурного самосознания в обществе.

Ключевые слова: литература, самосознание, идентичность, нация, ценности, инструмент.

A.V. Tenyakov,

Senior Lecturer, Armavir Institute of Mechanics and Technology,
branch of Kuban State Technological University (Armavir)

THE NATION AND LITERATURE IN RUSSIA

Abstract. This article focuses on the importance of Russian literature as a key factor in the formation of the national identity of the Russian people, noting its multi-faceted influence on public consciousness and cultural ideals. The author emphasizes that literature not only captures the realities of its time, but also actively participates in the study of complex internal and external problems of society, which allows it to remain relevant for centuries. The author argues that Russian literature, with its multi-layered and philosophical content, serves as an important tool for a deep understanding of both historical processes and modern problems. Literature becomes an arena for discussing key issues, contributing to the development of critical thinking and cultural awareness in society.

Key words: literature, self-awareness, identity, nation, values, instrument.

Литература в России играет ключевую роль в формировании национального самосознания, выступая как зеркальное отражение многогранного и сложного процесса самоопределения русского народа [7]. С самого начала своего существования русская литература активно исследовала проблемы, связанные как с внутренним, так и с внешним положением общества. Произведения таких выдающихся авторов, как Александр Пушкин, Лев Толстой и Фёдор Достоевский, освещают глубинные социальные, культурные и философские вопросы, которые были актуальны для времени их создания и остаются значимыми и по сей день.

Пушкин, как основоположник современной русской литературы, заложил основы не только для художественного слова, но и для национального самосознания [9]. Его произведения поднимают вопросы свободы и личной ответственности, отражая стремления русского народа к самовыражению и самопознанию.

Толстой, в свою очередь, проанализировал проблемы общественных отношений и нравственного выбора [2]. Его романы, такие как «Война и мир» и «Анна Каренина», затрагивают основные вопросы человеческого бытия, идентичности и духовного поиска, что также значительно влияет на формирование общественного сознания.

Достоевский, исследуя внутренний мир человека, поднимал острые вопросы морали, свободы и судьбы, ставя под сомнение устоявшиеся нормы и представления [6]. Его произведения служат важным инструментом для понимания сложностей человеческой природы и социальных конфликтов, с которыми сталкивается наше общество.

Таким образом, русская литература не просто отражает реалии своего времени, но и активно участвует в формировании культурных и социальных идеалов, помогая обществу осознать свои проблемы и искать пути их решения. Она продолжает оставаться важным фактором в развитии национального самосознания, обогащая его новыми идеями и глубокими размышлениями о месте человека в мире.

Влияние литературы на нацию

Русская литература занимает центральное место в формировании русской идентичности и национального духа, ее влияние на общественное сознание трудно переоценить [4]. Она служит зеркалом, отражающим сложные исторические процессы, в том числе и такие значимые явления, как крепостное право, революции и социальные перемены, а также культурные изменения, возникающие вследствие взаимодействия с Западом.

Крепостное право, как основа социального устройства России в XIX веке, оказало глубокое влияние на литературу того времени [1]. Многие писатели, такие как Фёдор Достоевский и Лев Толстой, поднимали важные вопросы свободы человека и моральной ответственности, а также исследовали сложные отношения между помещиками и крестьянами. Эти литературные произведения не только отражали существующее состояние общества, но и стали катализаторами для общественного осознания необходимости перемен.

Революции, случившиеся в России в начале XX века, стали ещё одним важным историческим этапом, который кардинально изменил литературный ландшафт страны. Авторы, такие как Анна Ахматова и Борис Пастернак, столкнулись с новыми вызовами, связанными с цензурой и политическими репрессиями. В своих произведениях они часто исследовали темы личной свободы, человеческого бытия и трагедии утраченной культуры, что в свою очередь способствовало переосмыслению русской идентичности в контексте этих перемен.

Кроме того, влияние Запада в различные исторические периоды оказывало значительное воздействие на русскую культуру и литературу [5]. Взаимодействие с европейскими идеями, философией и литературными течениями, такими как романтизм и реализм, открывало новые горизонты для русских писателей. Это позволило им не только обогатить свой профессиональный лексикон, но и углубить понимание различных аспектов человеческой природы и социальных проблем. Таким образом, русская литература стала важным инструментом для анализа и интерпретации меняющегося мира.

В заключение, русская литература, с её глубоким содержанием и многообразием тем, не только отражает исторические процессы, про-

исходившие в стране, но и активно участвует в формировании национальной самоидентификации и осознания. Влияние литературных произведений на общественное сознание остается значимым и актуальным, запечатлевая в себе дух времени и поощряя непрерывный поиск перемен в социальной и культурной сферах.

Литература как инструмент национального самосознания

Литературные произведения, такие как «Война и мир» Льва Толстого и «Преступление и наказание» Фёдора Достоевского, служат не только зеркалом русской жизни, но и мощным инструментом формирования моральных и этических норм общества [3]. Эти великие романы исследуют сложные вопросы человеческой природы, социальной справедливости и нравственного выбора, что делает их актуальными для любого поколения.

Толстой и Достоевский погружают читателя в лабиринты социального и личного характера, что позволяет глубже понять не только судьбы отдельных героев, но и судьбу целого народа. При помощи своих творений – от описания войны и мира до разоблачения внутренних конфликтов и противоречий – они пробуждают в читателе стремление к обсуждению и осмыслению важнейших вопросов, касающихся идентичности нации и её исторического пути.

Литература, как инструмент, имеет уникальную способность объединять людей вокруг общих тем, задавать неудобные вопросы и требовать неуклонного поиска ответов. В этом контексте произведения Толстого и Достоевского становятся не только объектами литературного анализа, но и важными источниками для размышлений о моральной ответственности, долге перед обществом и поиске смысла жизни.

Таким образом, литература не просто фиксирует исторический момент; она активно участвует в формировании общественного сознания и ценностей, вдохновляя новые поколения на осознание своих обязанностей перед обществом и историей.

Современная литература и нация

Современные русские писатели, такие как Людмила Улицкая и Виктор Пелевин, не только продолжают традицию отечественной литературы, но и активно исследуют актуальные проблемы современности [8]. В их произведениях ощущается глубокое понимание изменений в социальной структуре общества, что позволяет читателям лучше осознать свою идентичность и место в мире. Улицкая, например, затрагивает вопросы семейных отношений, человеческих ценностей и культурной памяти, в то время как Пелевин обращается к темам постмодернизма, влияния технологий на жизнь человека и поиска истины в условиях информационного потока.

Литература всегда была и остаётся важным инструментом в формировании нации, её культуры и ценностей. Современные писатели помогают новому поколению не только взглянуть на насущные проблемы через призму литературного искусства, но и задать необходимые вопросы о себе и о своём месте в этой непостоянной реальности. Через свои произведения они инициируют дискуссии о моральных и этических выборах, которые стоят перед обществом, и тем самым способствуют развитию критического мышления и культурного самосознания. Таким образом, взаимодействие традиций и современности в русской литературе становится основой для дальнейшего культурного роста и переосмысления значимости литературного творчества в жизни общества.

Библиографический список

1. *Алексеев К.В.* Крепостное право как социально-политическая проблема в произведениях Я.П. Полонского // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2021. № 2 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krepostnoe-pravo-kak-sotsialno-politicheskaya-problema-v-proizvedeniyah-ya-p-polonskogo>
2. *Гельфонд М.Л.* Этика Л.Н. Толстого: дилемма свободы и закона // Этическая мысль. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-l-n-tolstogo-dilemma-svobody-i-zakona>
3. *Захаров В.Н.* Концепция романа как творческий диалог Толстого и Достоевского: «Война и Мир» и «Преступление и Наказание» // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23, № 2. С. 159–176. DOI 10.15393/j9.art.2025.15202. EDN TBLEDG.
4. *Ибрай Д.М.* Литература как отражение и средство построения национальной идентичности // Вестник науки. 2024. Т. 2, № 6 (75). С. 1242–1246. EDN BYZMZS.
5. *Никитина И.Н.* Взаимодействие русской и западноевропейских литератур конца XVIII – начала XIX века // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 189–191. EDNTXLWRK.
6. *Соина О.С., Сабиров В.Ш.* Метафизические и антропологические основания этики Ф.М. Достоевского // Соловьёвские исследования. 2014. № 2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizicheskie-i-antropologicheskie-osnova-niya-etiki-f-m-dostoevskogo>
7. *Учужук М.П., Соколова Г.В.* Роль литературы в формировании национального самосознания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. 2022. № 4 (307). С. 71–78. DOI 10.53598/2410-3489-2022-4-307-71-78. EDN BVQCTM.
8. *Цветкова О.И.* Современное русское самосознание и творчество В. Пелевина: писатель о людях и люди о писателе // Вестник НовГУ. 2015. № 1 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-russkoe-samosoznanie-i-tvorchestvo-v-pelevina-pisatel-o-lyudyah-i-lyudi-o-pisatele>
9. *Целищев Н.Н.* А.С. Пушкин как создатель современного русского языка, родоначальник Отечественной классической литературы // Аграрное образование и наука. 2014. № 2. С. 11. EDN SGINXL.

Л.А. Труженикова,

профессор, Дагестанский государственный университет (Махачкала)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ ДАГЕСТАНА В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы развития музеев и музейного дела в первом десятилетии XXI века, раскрываются ключевые направления их деятельности и трудности в организации работы музейного комплекса республики.

Ключевые слова: Республика Дагестан, музеи, выставки, воспитательная работа, финансирование.

L.A. Truzhenikova,

Professor, Dagestan State University (Makhachkala)

ACTIVITIES OF DAGESTAN MUSEUMS IN THE FIRST DECADE OF THE 21ST CENTURY

Abstract. The article discusses the current issues of museum development and museum work in the first decade of the 21st century, revealing the key areas of their activities and the difficulties in organizing the work of the republic's museum complex.

Key words: Republic of Dagestan, museums, exhibitions, educational work, financing.

2025 год стал особенным в культурной жизни республики – главный хранитель уникального духовного и материального наследия – Национальный музей Дагестана – отметил свой столетний юбилей. История музейного дела ведет свой отсчет еще с 1913 года, когда по завещанию штабс-лекаря Дагестанского конного полка И.С. Костемеровского, на его средства и при поддержке генерал-губернатора Дагестанской области А. Вольского и статс-советника Е. Козубского в нескольких комнатах дома генерал-губернатора открылась экспозиция, насчитывавшая 300 предметов. После Октябрьской революции 1917 года Советская власть активно способствовала распространению музейного дела с целью просвещения народа и развития краеведения. Уже в 1920 году были возобновлены работы по открытию музея на базе «Кустарного музея им. И.С. Костемеровского» с переводом экспонатов из города Темир-Хан-Шура в город Порт-Петровск [2].

С 1922 года дело организации музея было поручено вести Наркомату просвещения и непосредственно его руководителю наркому А. Тахо-Годи. В 1925 году состоялось официальное открытие музея. А с 2006 года музей стал носить имя Алибека Тахо-Годи [4].

Именно создание первого музея в республике заложило традицию популяризации краеведения и собирательства, способствуя развитию республиканского музееведения и созданию комплекса музеев Дагестана, который насчитывает сегодня более 200 музеев самой разной направленности. Они рождались на протяжении XX века и продолжают создаваться сегодня как по инициативе государства, так и при участии ведомств и частных лиц. Сто лет – это целая эпоха, наполненная головами предков, блистательными победами и тяжелыми испытаниями, великими открытиями и бесценными традициями [3].

Вместе с тем к концу XX столетия музейный комплекс, как и вся социокультурная сфера республики, столкнулся с системным кризисом. Резкое снижение финансирования, отсутствие стимула для творчества музейных работников, недостаточное внимание со стороны органов власти к нуждам музеев, слабое обеспечение сохранности экспонатов, появление новых форм досуга и развлечений у населения привели к тому, что музеи оказались фактически неподготовленными к происходившим глубинным изменениям в обществе.

Постепенное изменение ситуации начинается с 2000 года, когда начавшийся процесс укрепления всей системы органов власти непосредственно затронул и культурную сферу. Благодаря реализуемым федеральным программам в области культуры в первом десятилетии начавшегося XXI века стали проводиться масштабные мероприятия с целью создания благоприятных условий для функционирования музейного комплекса региона. Начала обеспечиваться сохранность и безопасность музейных собраний, организовывалось проведение экспертных заключений, проводилась сертификация систем пожарной и охранной сигнализации, модификация оборудования, а также стали выделяться средства на приобретение новых экспонатов и проведение выставочных мероприятий [1, с. 94].

В 2010 году в системе Министерства культуры республики функционировали следующие музеи: Дагестанский государственный объединенный музей (с апреля 2017 года – Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи) и его 28 филиалов, расположенных в ряде городов и районов республики; Дагестанский государственный музей изобразительных искусств им. П. Гамзатовой; Дербентский государственный историко-архитектурный художественный музей-

заповедник; этнографический комплекс «Дагестанский аул», открывшийся в 2009 году, а также свыше ста школьных музеев.

Музеи республики, обладая богатейшей базой уникальных раритетов, пользовались огромной популярностью и были востребованы не только в России, но и за ее пределами. Так, в 2003 году в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО был включен Дербентский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Нарын-Кала». Это событие, как и включение самого древнего города Дербента в Список памятников федерального значения стало важнейшим в культурной жизни и послужило мощным стимулом для развития экономического и туристического потенциала региона. В Список федерального значения были включены и 439 га земель историко-культурного значения и шесть музеев: Музей ковра и прикладного искусства, Музей культуры и быта, Музей археологии, Музей боевой славы, Дом-музей Бестужева-Марлинского и Музей природы.

В рассматриваемый период Министерством культуры в рамках реализации Республиканской целевой программы «Развитие культуры и искусства Дагестана» проводилась системная работа по увеличению количества музейных филиалов, а также по созданию и вовлечению в культурную жизнь новых, имеющих большую художественную и историческую ценность, объектов.

В тесном взаимодействии с Министерством образования, руководством районных и городских администраций развивался процесс и по формированию коллекций школьных музеев, а к созданию мемориальных музейных комплексов привлекались и крупные организации и предприниматели. Так, например, по инициативе коллектива ОАО «Дагэнерго» и за счет его средств был возведен мемориальный комплекс «Ватан».

Большую работу проводили сотрудники музеев по популяризации истории родного края и патриотическому воспитанию. Систематически проводились тематические беседы как в стенах самих музеев, так и с выездом в районы республики. Для жителей отдаленных сел организовывались мобильные выставки, которые пользовались большой популярностью. Музейные работники освещали сюжеты из местной истории, раскрывали культурные традиции и обычаи, и, конечно, всегда присутствовали рассказы о героической истории нашей страны и ее народов. При этом подобные выставки проводились и в республиках Северного Кавказа, а также Москве, Санкт-Петербурге и других городах России. Выставки становились знаковым событием как для самих работников музеев, так и для всей культурной общественности. Особое место в череде проводимых выставочных мероприятий занимали

ежегодные экспозиции, посвященные Дню Победы. Большое воспитательное влияние на детей оказывали мероприятия, организованные школьными музеями. Так, например, внимание посетителей всегда привлекает уникальный материал, бережно собранный юными краеведами-токсовцами Гимназии № 35 города Махачкалы и выставленный в школьном музее Гимназии.

В 2000-е годы была значительно укреплена материальная база музеев, реставрированы многие исторические и архитектурные памятники как за счет федеральных и республиканских средств, так и за счет привлечения средств спонсоров. Например, на проведение реставрационных и восстановительных работ на территории цитадели «Нарын-Кала» из резервного фонда Правительства России было выделено пять миллионов рублей (согласно распоряжению Президента Российской Федерации от третьего декабря 2001 года № 673) [1, с. 95].

Вместе с тем в указанный период в музейной деятельности возникали новые и сохранялись прежние нерешенные проблемы. Современные технические средства, специальное оборудование для размещения фондов, проведения экспозиций и выставок в местных музеях пока еще либо вообще отсутствовали, либо их не хватало для организации полноценной деятельности. Система пожарной и охранной сигнализации в ряде музейных зданий не соответствовала предъявляемым требованиям. Многие музейные работники не всегда имели возможность повысить свою квалификацию на должном уровне, к тому же все еще не хватало комплексно оснащенных выставочных и экспозиционных площадок. Требовались новые подходы к организации взаимодействия музеев с научными и учебными заведениями, к проведению совместных научных и поисковых экспедиций с целью изучения истории родного края, популяризации краеведения и пополнения музейных фондов. Не всегда в срок осуществлялось внедрение в деятельность республиканских музеев новых форм и видов деятельности, а также новых мультимедийных технологий в работе с аудиторией и в организации экспозиционно-выставочной работы. Во многом решение имевшихся проблем упиралось в отсутствие достаточного финансирования и должной организации спонсорской помощи для развития музейного дела. Все это требовало самого пристального внимания со стороны Правительства республики и республиканских ведомств. Вместе с тем тенденции к заметному улучшению ситуации в обеспечении деятельности музеев наметились уже в следующее десятилетие.

Тем не менее несмотря на все сложности, с которыми столкнулись музеи республики в начале столетия, они выполняли и продолжают выполнять возложенную на них задачу – быть ярким свидетелем

и хранителем нашего бесценного историко-культурного наследия, быть центром просвещения и воспитания безграничной любви к своей Родине. Музеи Дагестана сегодня активно ведут научную, просветительскую, выставочную деятельность, внося свой, многогранный, вклад в развитие отечественной культуры.

Библиографический список

1. Гебеков Г.Ф. Культура Дагестана на современном этапе: основные тенденции и противоречия развития (1992–2005 гг.). Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. 196 с.
2. Давудова М. Выставочное трио // Дагестанская правда. 2025. 8 октября. № 147.
3. Музей – хранитель души Дагестана // Дагестанская правда. 2025. 10 октября. № 149.
4. О музее: Как все начиналось // Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://dagmuzey.ru> (дата обращения: 18.12.2025).

УДК 34.01

Е.А. Фролова,

заведующий кафедрой теории государства и права и политологии
Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова;
научный сотрудник, Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф.М. Достоевского (Москва)

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: П.И. НОВГОРОДЦЕВ*

Аннотация. На примере концепции естественного права П.И. Новгородцева анализируются вопросы философии права в России на рубеже XIX–XX вв. Раскрывается взаимосвязь права и морали в этико-нормативной концепции права. Демонстрируется связь правового учения Новгородцева с неокантианской философией.

Ключевые слова: русская философия права, юриспруденция, право, мораль, П.И. Новгородцев, естественное право, неокантианство.

© Фролова Е.А., 2026

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02349, <https://rscf.ru/project/25-28-02349/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

E.A. Frolova,

Chairholder, Chair of Theory of State and Law and Political Science
Lomonosov Moscow State University (Moscow)

PHILOSOPHY OF LAW IN RUSSIA IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES: P.I. NOVGORODTSEV

Abstract. Using Novgorodtsev's concept of natural law as an example, this article analyzes issues of legal philosophy in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries. The relationship between law and morality in the ethical and normative concept of law is revealed. The connection between Novgorodtsev's legal doctrine and neo-Kantian philosophy is demonstrated.

Key words: Russian philosophy of law, jurisprudence, law, morality, P.I. Novgorodtsev, natural law, neo-Kantianism.

В конце XIX – начале XX века философы и теоретики права в России занимались разработкой онтологии, гносеологии, аксиологии социальных явлений, в частности, исследовали природу естественного права. Полемизируя с западноевропейскими юристами, они создавали оригинальные учения о праве, не уступавшие по своему теоретическому уровню работам зарубежных коллег.

В это время, несмотря на господство в юриспруденции историзма и позитивизма, наметился рост интереса к идее естественного права. Большой вклад в изучение вопросов природы естественного права внес известный русский философ права Павел Иванович Новгородцев. В области фундаментальной юриспруденции его основная заслуга заключалась в обосновании этически должного в праве и методологии обоснования политико-правового идеала. В работе «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии» (1896). По мнению Новгородцева, идея естественного права пережила нападки со стороны исторической школы права; центр естественно-правовой концепции заключается не в подходах к происхождению права, а в возможности нравственного суда над ним. Таким образом, в философии права необходимо изучать не условия правообразования, а проблемы самостоятельного значения нравственной оценки социальных явлений [4, с. 2; 6, с. 68–78; 1; 7; 8].

Цель учения Новгородцева – разобрать лишь один пункт новой методологической программы общественных наук – вопрос о самостоятельном значении нравственной проблемы в независимости от ее генетического анализа [3, с. 10–11; 2, с. 52; 5, с. 8–9]. Не ставя своей задачей более полное рассмотрение методологии философии права, он сконцентрировал свое внимание на изучении этой проблемы, показав возмож-

ную связь этического начала с правовыми воззрениями в области философии права. Его известная работа «Введение в философию права. Кризис современного правосознания» (1909), содержащая изложение и критический разбор наиболее значимых политико-правовых концепций XIX – начала XX в., доказывала необходимость восстановления утраченного под влиянием позитивизма и историзма авторитета естественно-правовой концепции, обновленной идеями в области социальной философии XX века.

Поставив вопросы философского познания права на почву этики, П.И. Новгородцев, яркий представитель баденской школы неокантианства, оправдывал идеализм в качестве исходного пункта всех моральных определений и абсолютизм в виде неизменной формы и сущности моральных предписаний. Этика, как область свободы, полагал мыслитель, предполагает самодостаточность и самоопределение личности. Определения морали получают свой смысл только как индивидуальные переживания личности: даже если эти определения направлены на интересы многих лиц, то общие цели сознаются отдельными личностями. Социальные требования приобретают нравственный характер только через самоопределяющуюся личность. Это – почва, на которой воздвигается высшее благо нравственного мира, нравственная основа социума. Вне общественных союзов личность не может проявить всего содержания нравственных целей, с другой стороны, вне автономной личности вообще нет нравственности. Таким образом, личность, с точки зрения этой философии, является границей между царством необходимости и царством свободы.

Следует отметить, что представители неокантианской методологии не отрицали влияния общественной среды на конкретное содержание нравственного требования: этический индивидуализм не отменял необходимость внешних условий для проявления нравственных предписаний, напротив, представители этой философии подчеркивали значение общественных учреждений, поскольку именно последние создают соответствующую атмосферу в социуме и, тем самым, способствуют нравственному самосознанию лиц.

Нравственный идеализм определяет направление и цель развития общественной среды; его конечная цель – возвышение нравственного достоинства и нравственного сознания всех индивидов. По мысли Новгородцева, формулы категорического императива обращаются к отдельной личности, но ставят ей требования, исходящие из представления объективного порядка. Те воззрения, которые настаивают на социальной сущности морали, смешивают, по мнению сторонников Канта, условия нравственного развития с его основанием, средства с целью.

С позиции философии нравственного идеализма основанием и целью является только личность: общество существует только лишь в лицах. В этом положении заключается аксиологический момент философии права П.И. Новгородцева [5, с. 283–284].

Нормативно-этическая теория рассматривает нравственное начало как внутреннюю абсолютную ценность. По Новгородцеву, абсолютизм нравственного должествования является абсолютизмом не факта, а идеи, не проявления, а сущности, не конкретного содержания, а отвлеченной формы [5, с. 286]. При этом неизменная форма нравственных предписаний наполняется различным содержанием нравственной идеи; на этом соотношении основывается не только теория естественного права с изменяющимся содержанием, но и сама возможность построения идеалов. Отстаивая философию Канта, русский правовед утверждал, что абсолютизм нравственного закона относится только к его форме, но не к содержанию. В связи с этим нравственный закон может признаваться масштабом оценки явлений, в том числе, в области политики и права. Таким образом, являясь по существу формальным, моральный принцип не устраняет возможности своего сочетания с временными конкретными целями. Соотношение неизменной формы моральных предписаний и изменяемого содержания права – одна из ключевых тем философии права.

П.И. Новгородцев развивал идеи моральной философии И. Канта с учетом дополнений ее положениями учений родоначальников баденского неокантианства В. Виндельбанда и Г. Риккерта. По мнению русского правоведа, реализация нравственного закона зависит не только от нашей воли и силы ее нравственных стремлений (Кант), но также и от наличных средств, поэтому представление о нравственном должествовании должно быть восполнено изучением причинных соотношений (баденская школа неокантианства). В духе оценок Виндельбанда и Риккерта Новгородцев определял задачу объективной этики: рассмотреть вопрос об условиях осуществления нравственного закона – именно в этом, по его оценкам, проявляется практический характер теории естественного права. Если речь идет об устройстве общества, то мысль с неизбежностью вступает в область политики и права, что является предметом естественно-правовых исследований.

Согласно концепции Новгородцева, идея естественного права получает свои высшие принципы от моральной философии, однако реализация этих требований в конкретных условиях – проблема построения идеала, то есть вопрос о средствах его достижения. Поэтому на уровне осуществления принципов естественного права важны методы исследования, применяемые в юриспруденции, политэкономии, истории.

Вместе с тем первенство принадлежит нравственному долженствованию: причинные соотношения берутся только в соответствии с этим высшим и первенствующим принципом [5, с. 294]. С этих методологических позиций Новгородцев стремился соединить принципы нравственного долженствования с принципами причинной необходимости: «Задача нашего времени, как и эпохи непосредственных преемников Канта, состоит в том, чтобы понять связь двух областей и их конечную гармонию. Эта задача выводит нас за границы как положительной науки, так и моральной философии: мы вступаем здесь в область метафизики» [5, с. 296]. В области философии права неоднократно обращалось внимание на то, что элементы причинной необходимости могут вступать в противоречие с нравственными законами, однако это случается только в пределах эмпирических явлений, конечное торжество заключено в высшем единстве и гармонии. Именно в этом синтезе науки и этики, в поиске конечной объективной цели Новгородцев видел соединение принципов долженствования с началами бытия.

На протяжении всей своей творческой деятельности русский мыслитель стремился отыскать эквивалент понятиям «долг» и «ценность» в общественной жизни индивидов, найти критерий нравственности применительно к области социального организма. Поэтому признание заслуг философии естественного права проявлялось не столько как возрождение метода исследований (рационализм классических доктрин теории естественного права был очевиден для этого времени), а как восстановление проблемы преобразования права [2, с. 8–10, 13–14; 10]. П.И. Новгородцев – яркий представитель этой теории. Этический момент в его естественно-правовой конструкции заключался в том, что одновременно это была и оценка настоящего состояния права и государства с точки зрения нравственного долженствования. Формальный нравственный принцип позволяет признать идею вечного развития и совершенствования. В сущности, по Новгородцеву, основное нравственное положение – достойное, нравственно-ценное существование следует предпочесть положительному и спокойному существованию – решается для личности и для общества одинаково. Отсюда можно заключить, что естественно-правовая идея является протестом против несправедливого положительного права и против власти, от которой исходят эти законы. С этой точки зрения естественное право, как оно предстает в теории русского юриста – выражение самостоятельного абсолютного значения личности, которое должно принадлежать ей при всех формах политического устройства. Естественное право – это больше, чем простое требование лучшего законодательства, это еще и протест личности против властного произвола и моральная основа для

фундамента правомерного общества и соответствующего ему государства. Вывод Новгородцева заключался в констатации двух существенных моментов естественно-правовой идеи: нравственной оценки положительных учреждений и стремления к философскому исследованию основ права.

Политико-правовая концепция П.И. Новгородцева явилась составной частью гуманитарного направления, возникшего в России в начале XX века как реакция на позитивный тип мышления. В современной трактовке проблем философии права остаются востребованными идеи естественного права как ценностного мышления своей эпохи и морального масштаба оценок поведения членов общества [1; 7; 8; 9].

Библиографический список

1. Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2017.
2. Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М., 1904.
3. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии М., 1896.
4. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М., 1901.
5. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. (К вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма. М., 1902.
6. Фролова Е.А. Методологические основы неокантианского учения П.И. Новгородцева // Государство и право. 2012. № 5. С. 68–78.
7. Фролова Е.А. Моральная философия права П.И. Новгородцева. М., 2023.
8. Фролова Е.А. Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX – первая половина XX века). 2-е изд. М., 2025. 474 с.
9. Шавело Н.А. Философия права Рудольфа Штаммлера. М., 2018.
10. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения / пер. с нем. В.А. Краснокутского. М., 1908.

УДК 94(470)

Цзэн Цзыи,

аспирант, Университет Китайской академии общественных наук (Пекин);
стажёр-аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург)

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Аннотация. На основе официальных документов и материалов публичной памяти конца XX – начала XXI в. прослеживается институционализация памяти о Великой Отечественной войне в государственной исторической политике России. В 1990-е гг. доминировали плюрализация интерпретаций и слабая координация; в 2000-е гг. упорядочиваются мемориальные практики и образовательные рамки; в 2010-е – начале 2020-х гг. усиливается нормативное закрепление через стратегические формулы и институты.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, государственная историческая политика, институционализация памяти.

Zeng Ziyi,

PhD Candidate, University of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing);
Visiting PhD Student, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg)

THE INSTITUTIONALIZATION OF THE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN RUSSIA'S STATE HISTORICAL POLICY AT THE TURN OF THE TWENTIETH AND TWENTY-FIRST CENTURIES

Abstract. Based on official documents and materials of public memory from the late twentieth to the early twenty-first century, this study traces the institutionalization of the memory of the Great Patriotic War within Russia's state historical policy. In the 1990s, pluralism of interpretations and weak coordination prevailed; in the 2000s, commemorative practices and educational frameworks became more structured; in the 2010s and early 2020s, normative consolidation intensified through strategic formulations and institutions.

Key words: historical memory; the Great Patriotic War; state historical policy; institutionalization of memory.

На рубеже XX–XXI вв. историческая память в России заняла особое место в системе отношений между государством и обществом.

В условиях постсоветской трансформации прошлое перестало быть исключительно предметом академического осмысления и всё чаще стало рассматриваться как значимый фактор общественной консолидации. Центральное место в этом процессе заняла память о Великой Отечественной войне, сохранявшая высокую социальную значимость на протяжении всего постсоветского периода.

В отличие от советского времени, когда интерпретация войны была встроена в относительно устойчивый идеологический канон, в постсоветской России память о войне прошла сложный путь переосмысления и постепенного закрепления в публичном пространстве. В постсоветский период формировались новые рамки взаимодействия государства и общества в сфере интерпретации прошлого, что в дальнейшем привело к возникновению более системной государственной исторической политики.

Цель данной статьи – проследить исторический процесс институционализации памяти о Великой Отечественной войне в России на рубеже XX–XXI вв., выявить его основные этапы и показать, каким образом память о войне была включена в устойчивые формы государственного регулирования публичного исторического дискурса.

Под государственной исторической политикой понимается совокупность мер и дискурсивных стратегий, посредством которых государство влияет на интерпретацию и воспроизводство прошлого в публичном пространстве. В отечественной историографии и политической науке понятие «историческая политика» часто связывается с инструментальным измерением обращения к прошлому. Так, А.И. Миллер определяет историческую политику как особый способ использования государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей партии [2, с. 19]. В свою очередь О.Ю. Малинова рассматривает историческую политику и политику памяти как часть символической политики, через которую выстраиваются рамки интерпретации прошлого и поддерживаются модели коллективной идентичности [1, с. 22–23]. В этом контексте принципиально важно проследить не только содержание официальных установок, но и способы их устойчивого воспроизводства в публичном пространстве, что обуславливает обращение к понятию институционализации.

Институционализация в рамках данной работы понимается как процесс постепенного закрепления интерпретаций прошлого в устойчивых нормах, практиках и формах государственного регулирования публичной памяти, включая образовательные, мемориальные и символические механизмы. Такой подход позволяет рассматривать память не как

спонтанное социальное явление, а как исторически формирующийся результат взаимодействия государства и общества.

Источниковую базу исследования составляют официальные государственные документы Российской Федерации, материалы, отражающие трансформацию мемориальных и образовательных практик, а также труды российских исследователей, посвящённые проблематике исторической памяти и политики памяти.

В 1990-е гг. историческая память в России развивалась в условиях глубокой институциональной трансформации. Распад советской системы сопровождался демонтажем прежних механизмов централизованного контроля над интерпретацией прошлого, что привело к отсутствию единого координирующего центра в сфере исторической памяти.

Характерной чертой данного периода становится отсутствие устойчивых координационных механизмов в сфере производства исторических нарративов. Интерпретации прошлого формировались в пространстве академических исследований, публицистики, массовых медиа и общественных инициатив, что способствовало сосуществованию различных, нередко противоречивых версий исторических событий. В этих условиях память о Великой Отечественной войне сохраняла высокую эмоциональную и символическую значимость, однако её публичные интерпретации отличались вариативностью и отсутствием устойчивых нормативных ориентиров.

На государственном уровне в 1990-е гг. интерпретация прошлого не была оформлена в виде системной и устойчивой государственной исторической политики и во многом развивалась в пространстве социального и академического дискурса. Отсутствие закреплённых институциональных механизмов обуславливало фрагментарный характер публичного воспоминания.

Таким образом, память о Великой Отечественной войне в 1990-е гг. развивалась в условиях напряжённости между её устойчивой значимостью в общественном сознании и отсутствием оформленного институционального статуса в системе государственной политики. Именно эта ситуация во многом предопределила последующие попытки координации и институционализации памяти в 2000-е гг.

С начала 2000-х гг. роль исторической памяти в публичной политике России постепенно меняется. В условиях укрепления государственной власти и поиска новых символических оснований легитимности память о Великой Отечественной войне всё чаще рассматривается как ресурс общественной консолидации и символической преемственности.

В отличие от 1990-х гг., в 2000-е гг. государство переходит к координации ключевых форм публичного воспоминания. Это проявляется прежде всего в переоформлении и новой стабилизации практик празднования Дня Победы в постсоветских условиях [3]. Речь идёт не о формировании коммеморации «с нуля», а об институциональном упорядочении и интеграции уже существующих практик в обновлённые рамки взаимодействия государства и общества.

Существенное значение в этот период приобретает образовательная сфера как механизм долгосрочного воспроизводства памяти. Преподавание истории Великой Отечественной войны постепенно включается в более согласованную нарративную рамку, что способствует формированию устойчивых представлений о прошлом и обеспечивает межпоколенческую передачу закреплённых интерпретаций. Таким образом, школа становится одним из ключевых институтов институционализации памяти.

Характерной особенностью данного этапа является то, что процесс институционализации осуществляется не через жёсткую унификацию или вытеснение альтернативных интерпретаций, а посредством согласования и поддержания уже существующих практик и символических форм в новых постсоветских условиях. Государство усиливает своё участие в формировании нормативных рамок публичного воспоминания, придавая более устойчивый характер традициям и каналам воспроизводства памяти.

В результате в 2000-е гг. формируются базовые механизмы воспроизводства памяти о Великой Отечественной войне, которые обеспечивают её стабильное присутствие в публичном пространстве и создают основу для дальнейшего нормативного закрепления в последующее десятилетие.

В 2010-е гг. тенденция к институционализации памяти о Великой Отечественной войне приобретает более выраженный нормативный характер. Это проявляется прежде всего в языке официальных документов и публичных формулировках, где всё чаще подчёркивается необходимость защиты исторической правды и ответственности за сохранение памяти о войне как значимой общественной ценности.

Установки, связывающие сохранение духовно-нравственных ценностей и исторической памяти с обеспечением национальной безопасности, формируются в стратегических документах Российской Федерации поэтапно. В редакции «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» 2009 г. подчёркивается значение духовности и достойного отношения к исторической памяти [4]; в редакции 2015 г. усиливается акцент на сохранении традиционных духовно-нрав-

ственных ценностей и культуры [6]. В 2021 г. данная линия получает нормативно закреплённое выражение в формуле «сохранение и защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» [7], а в 2022 г. дополняется принятием «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [8]. В совокупности эти документы отражают постепенное нормативное оформление связки духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти в рамках государственной политики. Практическое воспроизводство сформировавшихся установок подтверждается и указом 2023 г. о подготовке празднования 80-й годовщины Победы [9], что свидетельствует о функционировании устойчивого и заранее выстроенного механизма государственной коммеморации.

Важным элементом данного процесса становится развитие специализированных организационных механизмов. Учреждённое в 2012 г. Российское военно-историческое общество получает статус структуры, призванной содействовать реализации государственной политики в сфере военной истории, а его проекты способствуют включению памяти о войне в устойчивые формы публичной коммуникации. Дополнительным шагом в этом направлении становится оформление в начале 2020-х гг. координационных механизмов при Президенте РФ, включая Межведомственную комиссию по историческому просвещению (2021) и создание в 2023 г. «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации», ориентированных на систематизацию работы с исторической памятью и её публичным представлением.

Существенную роль в институционализации памяти играет и образовательная сфера как механизм долгосрочного воспроизводства закреплённых интерпретаций. В постсоветских условиях материал о войне в учебниках постепенно оформляется в более согласованную и устойчивую рамку: усиливается акцент на Победе как одном из ключевых событий национальной истории, на теме единства фронта и тыла и на представлении войны как общего опыта, в котором прослеживается нравственно-нормативное измерение. Одновременно расширяется учебный аппарат, в том числе вопросы и задания, документы для чтения, карты и иллюстративные материалы, задающий учащимся типовые способы интерпретации и воспроизводства доминирующей нарративной схемы о войне, что способствует закреплению устойчивой образовательной рамки памяти.

Проведённый анализ показывает, что на рубеже XX–XXI вв. память о Великой Отечественной войне в России прошла поэтапный путь институционализации в рамках государственной исторической политики.

В 1990-е гг. она функционировала в условиях плюрализации интерпретаций и отсутствия устойчивых координационных механизмов; в 2000-е гг. формируются базовые формы согласования мемориальных практик; в 2010-е – начале 2020-х гг. институционализация приобретает выраженное нормативное измерение, закрепляясь в стратегических документах, организационных структурах и образовательных механизмах.

Такой исторический подход позволяет рассматривать память не только как отражение прошлого, но и как динамический социальный процесс, формирующийся в конкретных институциональных условиях. Данный процесс важен как пример исторически обусловленного механизма включения прошлого в систему государственных и общественных отношений.

Библиографический список

1. *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.

2. *Миллер А.И.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / под ред. А.И. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.

3. Указ Президента Российской Федерации от 05.08.2002 № 841 «О подготовке и проведении празднования 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

4. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»

5. Указ Президента Российской Федерации от 29.12.2012 № 1710 «О Российском военно-историческом обществе».

6. Указ Президента Российской Федерации от 03.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

7. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

8. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

9. Указ Президента Российской Федерации от 31.07.2023 г. № 568 «О подготовке и проведении празднования 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

Т.Г. Чекменёва, А.А. Прибытков,

доценты, Воронежский государственный технический университет (Воронеж)

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЕССИИ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается религиозная идентичность с точки зрения психологического и социологического подходов, а также роль религии как важнейшего фактора индивидуальной и коллективной идентификации в России.

Ключевые слова: религия, религиозность, религиозная идентичность, религиозные конфессии.

T.G. Chekmeneva, A.A. Pribytkov,

Associate Professors, Voronezh State Technical University (Voronezh)

RELIGIOUS IDENTITY AND RELIGIOUS DENOMINATIONS IN RUSSIA

Abstract. The article considers religious identity from the point of view of psychological and sociological approaches, as well as the role of religion as the most important factor in individual and collective identification in Russia.

Key words: religion, religiosity, religious identity, religious denominations.

Распад СССР, исчезновение такой общности как советский народ привели к кризису этнокультурной и гражданской идентичности и поиску ее новых оснований [8]. В поисках идентификационных ресурсов многие россияне сделали выбор в пользу религии. В постсоветском российском обществе религия претендует на роль важнейшего фактора индивидуальной и коллективной идентификации.

Религия (лат. religio – благочестие, святыня) – особая форма мировоззрения, обусловленная верой в сверхъестественное, включающая в себя свод моральных норм и типов поведения, обрядов, культовых действий и объединение людей в единую общность. Религиозность в широком смысле означает вовлеченность в религию и следование религиозным ориентирам.

Религиозная конфессия (лат. confessio – исповедание) – объединение верующих в пределах одной религии, имеющее своё вероучение, особенности богослужения, определенную организационную структуру.

Религиозная идентичность – это форма коллективного и индивидуального самосознания, построенная на осознании принадлежности к определённой религии и формирующая представления о себе и мире посредством соответствующих религиозных догм.

Религиозная идентичность связана с механизмами самоопределения, эмоционального отождествления и субъективной причастностью индивида к конкретной религии, образу жизни, общности единоверцев. Она может занимать доминирующие позиции, подчиняя себе гражданскую, семейную, профессиональную и другие виды идентичностей. Когда субъективная значимость религиозной идентичности оказывается более значимой и сопровождается принятием соответствующего образа жизни, она «окрашивает» другие виды идентичностей присущим конкретной религии колоритом, тем самым, создавая варианты воплощения православной, католической или иной идентичности. Это процесс, в котором внешние (социальные) и внутренние обстоятельства приводят человека к религиозному обращению, а сама религиозная идентичность оказывает обратное воздействие на формирование гражданской, национальной, культурной (и др.) видов социальной идентичности [1].

В связи с этим религиозная идентичность в структуре социальной идентичности личности может рассматриваться с точки зрения психологического и социологического подходов.

Первоначальный вклад в изучение идентичности внесли психологи. З. Фрейд, Э. Эриксон обратили внимание на адаптационную, социализирующую функцию идентичности, указали на сложность и «болезненность» процессов, связанных с возможным кризисом идентичности, на их последствия для личности. З. Фрейд полагал, что религиозность выступает в качестве признака незрелости человеческой личности, являясь способом подавления бессознательных влечений [6; 7]. По мнению Э. Эриксона, идентичность личности связана с чувством сопричастности миру и другим людям, собственной истинности и полноценности, чувством обретения адекватности и стабильного владения личностью собственным «я». Исходя из данных рассуждений, с одной стороны, идентичность личности можно отнести к сознательному ощущению личной тождественности, с другой стороны, она характеризует бессознательное стремление к целостности личного характера, а с третьей, обусловлена внутренней солидарностью с групповыми идеалами и групповой идентичностью и выступает критерием процесса синтеза эго [9; 10].

А. Эллис считал религию иррациональным способом мышления, схожим с эмоциональным нарушением, и предполагал, что люди были бы здоровее, если бы не были религиозными. В своей книге он обращает внимание, что необходимо учитывать религиозные убеждения при работе не только с глубоко верующими людьми, но и в тех случаях,

когда у человека сформированы жесткие дисфункциональные убеждения в той или иной сфере жизни [3].

К.Г. Юнг рассматривал религию как некий бессознательный защитный механизм [11].

Значительное число работ европейских и американских исследователей посвящены рассмотрению отдельных аспектов религиозной идентичности, анализу ее роли и места в системе личностной идентичности. Особое внимание уделяется вопросам этно-религиозных взаимодействий и конфликтов, ассимиляции культур, проблемам адаптации иммигрантов, формирования этнических и религиозных замкнутых сообществ, противостоящих господствующей культуре.

В рамках социологического подхода понимание идентичности личности важно с позиции освоения ею ценностей и норм в относительно стабильном социуме. Религия в качестве социального феномена проявляется в системе социальных действий индивида.

Ч. Глок и Р. Старк предложили пятимерный подход к изучению религиозности, который определял её как сложный феномен и раскрывал в пяти измерениях: ритуальной деятельности (участия в ритуальных практиках), идеологии (принятия содержания веры), опыта (постижения каждым человеком предельной реальности), интеллектуальной составляющей (готовности человека расширять свои знания о содержании своей веры), результирующего влияния на образ жизни (влияния религиозных принципов человека на его повседневную жизнь) [4, с. 270–271].

Э. Дюркгейм рассматривал общество как реальность, целостность, несводимую к индивидуальным составляющим. Такими признаками социального обладает и религия. В связи с этим Э. Дюркгейм предлагал методику измерения религиозности соотносить с особенностями самоидентификации верующего, то есть соотношения себя с определённой религиозной группой, но и с коллективным признанием идентификации верующего со стороны группы [2].

Так, социологи приходят к выводу, что религиозность и религиозная идентичность возникает в системных отношениях:

- «человек – божественное» (вера, опыт, познание, мировоззрение);
- «человек – человек» (общение на основе религиозных норм и ценностей, коммуникация с членами религиозной группы);
- «человек – группа» (принятие/непринятие в религиозную группу, идентификация с определённой религиозной группой);
- «человек – окружающий мир» (концепции построения мира на основе религиозного учения, отношение индивида к культурной, политической, экономической и другими сферами жизни с учётом религиозных норм и ценностей).

Специфика социологического подхода в том, что социологию как науку отдельный человек интересуется не сам по себе, а как член определённой социальной группы, которая объединена определённой целью, имеет общие ценности, стереотипы и так далее. Религиозность рассматривается как массовое явление, которое нуждается в социальной опоре и выражается в массовом посещении церкви, участии в обрядах.

В этой связи социологический взгляд на религиозную идентичность как изменчивую и условную конструкцию предполагает выявление основных компонентов категории «религиозность», к числу которых относится вера как основной признак религиозности, принадлежность к определённой конфессии и культовое поведение. В результате религиозную идентичность можно рассматривать как связующее звено между институциональной религиозностью общности и личными религиозными мотивами. Тем самым она определяется социальными факторами и в то же время оказывает влияние на социум. Можно утверждать, что социальная и личностная идентичность дополняют друг друга.

Люди по-разному относятся к религии, для одних ее догмы – основа познания мира и себя, для других – часть истории и культуры. Опрос 2023 года, проведенный Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и приуроченный ко Дню Крещения Руси, показал, что за три десятилетия роль религии в жизни россиян усилилась. В два с половиной раза выросла доля тех, кто называет религию очень важной для себя (с 6 % в 1993 г. до 15 % в 2023 г.), а в общей сложности доля россиян, для кого религия важна, составляет теперь 40 %, четыре из десяти (1993 г. – 28 %). Одновременно с этим сократилась доля тех, для кого религия не играет никакой роли: с 35 % в 1993 г. до 28 % в 2023 г. [5].

Россия – одна из самых многонациональных стран мира. Этим объясняется уникальность страны по религиозному составу населения. В России проживают не только представители трех мировых религий – христианства, ислама и буддизма, но и приверженцы многочисленных национальных и традиционных верований. К христианским конфессиям принадлежат православие, католицизм, протестантизм. Большая часть верующих россиян – православные христиане. 57 % россиян относят себя к последователям этой конфессии. В основном это – русские, а также осетины, армяне, мордва, марийцы, карелы, коми, якуты. Небольшая часть верующих христиан – католики (1 %) и протестанты (1 %) (лютеране, баптисты, адвентисты и т.д.). 5 % относят себя к приверженцам ислама. Последователи ислама в России в основном – мусульмане-сунниты. Это доминирующая ветвь этой религии. Основная

часть россиян, исповедующих ислам, живет на Северном Кавказе, в Татарстане и в Башкирии. Буддизм в России в основном исповедуют жители Алтая и Бурятии (1 %). Называют себя неверующими 19 % (+2 п.п. к 2017 г.), еще 6 % отметили, что считают себя верующими вне какой-либо конфессии, а 7 % колеблются между верой и неверием [5].

На фоне роста религиозных настроений в обществе в последние годы выросла доля россиян, которые регулярно, минимум раз в месяц, посещают церковь (мечеть, синагогу). Если в 2012 г. таких было 7 %, то в наши дни – 15 %, в два раза больше. Но общий тренд – нисходящий, в целом в 2012 г. с разной периодичностью посещали церковь 71 %, а сегодня – 66 %. Сократился процент тех, кто посещает церковь (мечеть, синагогу) время от времени, сегодня это половина россиян – 51 % (–13 п.п. к 2012 г.), а также вырос процент тех, кто не ходит в храм (2012 г. – 26 %, 2023 г. – 31 %) [5].

Религиозность современных россиян имеет амбивалентный характер: большинство россиян заявляют о своей религиозности, о своей принадлежности к тем или иным конфессиям, но декларируемая религиозность сочетается с низким уровнем исполнения религиозных практик, участия в жизни религиозного сообщества. Россияне придают первостепенное значение социокультурному и идеологическому статусу религий, принимают и способствуют закреплению в общественном сознании представления о роли традиционных религий, и, прежде всего, православия, как носителей традиционных ценностей, национальной идеи. Массовая религиозная идентификация россиян в качестве последователей традиционных религий реализуется как осознание собственной принадлежности к культуре, проявляющейся в привычных для них культурных образцах, нормах морали, стереотипах поведения, бытовых традициях, представлениях о семье, власти и выражает желание быть сопричастными к историческому наследию этой культуры. При этом они не обнаруживают регулярной религиозной практики, связанной с исполнением обрядов, знанием и чтением религиозной литературы, посещением богослужений, участием в жизни церкви, общины. Вопросы о роли религии и частоте посещения храмов указывают на то, что в обществе происходит трансформация отношения к религии. С одной стороны, роль религии в жизни россиян растет, но, с другой стороны, это не конвертируется в массовый рост посещения церкви (мечети, синагоги). И это может говорить как о том, что религия уходит в светскую сферу, так и о том, что запрос на религию может реализовываться вне религиозных институтов, например через индивидуальные духовные практики.

Таким образом, религия, выступив в постсоветской России наиболее активной формой трансляции ценностей традиционной культуры, стала для россиян важнейшей формой самоидентификации, существенно потеснив другие виды идентичности. Однако такие уровни религиозности как убеждения, представления, религиозная практика оказались слабо затронутыми.

Библиографический список

1. Балич Н.Л. Религиозная идентичность в культуре современного общества // Социологический альманах. 2015. № 6. С. 234–243.
2. Дюркгейм Э. Мистика. Религия. Наука: Классики мирового религиоведения. Антология. 2-е изд. М.: Канон, 1998. 432 с.
3. Нильсен С.Л., Джонсон В.Б., Эллис А. Рационально-эмоциональная поведенческая терапия с религиозными людьми. М.: Изд. Базенков И.Л., 2023. 238 с.
4. Пруцкова Е. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 2 (30). С. 268–292.
5. Религия и общество: мониторинг // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring>
6. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М.: Наука, 1989. 455 с.
7. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». СПб.: Азбука, 2011. 190 с.
8. Чекоменёва Т.Г. Кризис национальной идентичности в постсоветской России и пути его преодоления // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2010. Т. 6, № 10. С. 35–38.
9. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Психол. центр «Ленато»; Балашиха: Фонд «Унив. кн.», 1996. 589 с.
10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 340 с.
11. Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 297 с.

М.В. Череповицкая,

студент, Ивановский государственный университет (Иваново)

Е.Б. Задорожникова,

доцент, Ивановский государственный университет (Иваново)

Н.С. Рычихина,

доцент, Ивановский государственный университет (Иваново)

ОБУЧЕНИЕ СЛУЖЕНИЕМ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИВГУ И СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. В статье рассматривается дисциплина «Обучение служением» как современная форма развития традиций социального служения, сложившихся в истории российского общества. На примере опыта Ивановского государственного университета показано взаимодействие высшего образования и социально ориентированных некоммерческих организаций. Подчёркивается значение дисциплины «Обучение служением» для подготовки специалистов социальной сферы и развития общественных форм помощи.

Ключевые слова: обучение служением; социальная работа; практическая подготовка; НКО; социальная ответственность; ИВГУ.

M.V. Cherepovitskaya,

Student, Ivanovo State University (Ivanovo)

E.B. Zadorozhnikova,

Associate professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

N.S. Rychikhina,

Associate professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

SERVICE LEARNING: THE EXPERIENCE OF SOCIAL INTERACTION BETWEEN IVANOV STATE UNIVERSITY AND SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Abstract. The article examines the course “Service-Learning” as a modern form of developing the traditions of social service that have been historically established in Russian society. Based on the experience of Ivanovo State University, the interaction between higher education and socially oriented non-profit organizations is shown. The significance of the course “Service-Learning” for the training of social work specialists and the development of public forms of assistance is emphasized.

Key words: service-learning; social work; non-profit organizations; social responsibility; Ivanovo State University.

Идея служения обществу занимает важное место в истории российского государства и системы образования. Под социальным служением традиционно понимается деятельность, направленная на помощь ближнему, поддержку семьи и заботу о людях, находящихся в трудной жизненной ситуации. В российской истории такие практики начали формироваться ещё в Древней Руси, когда церковь через идеи христианского милосердия объединяла людей, а княжеская власть брала на себя ответственность за защиту и поддержку населения.

Со временем социальное служение развивалось и принимало новые формы. От благотворительности и церковной помощи оно постепенно перешло к более организованным и устойчивым видам поддержки, ориентированным на семью, материнство, детство, пожилых людей и людей с инвалидностью. В дальнейшем именно эти практики стали основой для формирования системы социальной помощи и социальной работы в России.

В современной социальной и образовательной сфере понятие «служение» получает новое содержание.

Современная подготовка специалистов социальной сферы требует сочетания теории и практики. Этому эффективно способствует технология «Обучение служением», основанная на выполнении студентами социально значимых задач в партнёрстве с социальными организациями и направленная на решение актуальных проблем и поддержку уязвимых групп населения.

В российской практике данный подход был реализован в рамках дисциплины «Обучение служением», стартовавшей с 2023 года в 135 университетах страны. Ивановский государственный университет присоединился к этой дисциплине в 2024/2025 учебном году. Данная дисциплина приобретает всё большую актуальность в образовательном и воспитательном процессе в университетах страны благодаря активному развитию и расширению деятельности социально-ориентированных некоммерческих организаций и усилению их роли в предоставлении социальных услуг. В этих условиях включение студентов в деятельность СО НКО позволяет одновременно поддерживать их работу и формировать у обучающихся необходимые профессиональные навыки, а также гражданскую активность и социальную ответственность.

В настоящее время в Ивановском государственном университете дисциплина «Обучение служением» является важным элементом профессионального обучения студентов таких направлений подготовки, как «Социальная работа» и «Социология». Данный курс ориентирован на развитие у студентов гражданственности путем реализации социального ориентированного проекта с использованием профильных знаний

и умений, полученных в учебном процессе, а также формирование у них профессиональных знаний и практических навыков в области организации проектной деятельности как ресурса личностного роста и общественного развития; выхода за пределы образовательной организации и взаимодействие с внешними партнерами, формирование навыков практической работы с людьми (работы в коллективе, управления проектами) и взаимодействия с социально ориентированными некоммерческими организациями Ивановской области, осуществляющими поддержку социально уязвимых групп населения.

Важным компонентом дисциплины стало сотрудничество ИвГУ с такими социально ориентированными некоммерческими организациями Ивановской области, как: Общественный комитет защиты детства, семьи и нравственности «Колыбель» Добровольческая организация «Благо», Некоммерческий благотворительный фонд «МыВместе» и др. Деятельность НКО ориентирована на решение задач, связанных с помощью социально уязвимым группам населения, что делает их ключевыми партнерами образовательной программы «Обучение служением» [1].

Одним из направлений взаимодействия с СО НКО в рамках дисциплины стало участие студентов ИвГУ в деятельности Общественного комитета защиты детства, семьи и нравственности «Колыбель» (Иваново). Работа организации «Колыбель» направлена на укрепление института семьи, поддержку материнства и повышение рождаемости.

В ходе этого взаимодействия студенты:

- занимались разработкой и распространением информационных материалов;
- участвовали в различных просветительских мероприятиях;
- привлекались к консультативной и организационной деятельности НКО;
- взаимодействовали с получателями социальных услуг, нуждающимися в сопровождении и пр.

Кроме того, по запросу НКО для данной организации была разработана программа социологического исследования и в дальнейшем проведено исследование, посвященное изучению потребностей получателей социальных услуг, имеющих опыт обращения за помощью в данную организацию. Это исследование позволило СО НКО лучше понять своих клиентов, обнаружить проблемные зоны, выявить имеющиеся возможности и в дальнейшем провести необходимые изменения, способствующие оптимизации деятельности НКО в целом.

Таким образом, сотрудничество студентов ИвГУ в рамках курса «Обучение служением» с ИООО «Колыбель» позволило студентам познакомиться на практике с различными аспектами таких актуальных

проблем, как поддержка материнства, укрепление семейных ценностей, сопровождение женщин в кризисных ситуациях и ролью социальной работы в их профилактике и разрешении.

Опыт взаимодействия студентов с некоммерческим благотворительным фондом «МыВместе», который занимается поддержкой детей-сирот и выпускников интернатов, позволил студентам погрузиться в сложную проблему социализации и интеграции выпускников детских домов. По просьбе руководства НКО студенты занимались разработкой оценочных социологических средств для определения того, как меняется мировоззрение выпускников детских домов после их участия в предлагаемых программах.

Работа в центре помощи военнослужащим «Нашим! СВОих не бросаем!» познакомила студентов с системой социальной поддержки военнослужащих, находящихся на СВО. В рамках взаимодействия с этим НКО студенты были вовлечены в деятельность по плетению маскировочных сетей, изготовлению окопных свечей и сбору гуманитарной помощи. Наибольшее значение этой деятельности представляется в развитии у студентов навыков: командной работы, проектного мышления и брать ответственность за результат коллективных действий.

Наряду с этим в ходе освоения дисциплины «Обучение служением» наши студенты приняли участие в различных мероприятиях, организованных НКО «Благо» для пожилых людей и людей с инвалидностью, проживающих в доме-интернате для ветеранов войны и труда «Лесное». Одновременно студенты были привлечены к деятельности ОБСУСО «Богородский дом-интернат» по инициативе данной организации. В рамках этого взаимодействия с социальными учреждениями студенты разрабатывали и проводили досуговые программы (в том числе концерты), мастер-классы, развивающие занятия, а также сопровождали маломобильных граждан, проживающих в домах-интернатах, во время прогулок. Полученный студентами опыт способствовал развитию, прежде всего коммуникативных навыков, а также эмпатии, терпения, владения собой и др. Полученный в ходе этого взаимодействия студентов с получателями социальных услуг вызвал у студентов наибольший эмоциональный отклик.

Промежуточное исследование влияния дисциплины «Обучение служением» на профессиональное и личностное развитие студентов, прошедших данный курс, выявило интересные результаты. Было опрошено 35 студентов ИвГУ, участвовавших в реализации данного курса в 2024 и 2025 учебных годах. Результаты данного исследования позволили выявить оценку респондентами эффективности данной дисциплины на текущем этапе ее реализации и дополнить ранее представленные

исследования внутри университета, выполненные в начале внедрения дисциплины в 2024 учебном году.

В исследовании приняли участие студенты 3 и 4 курсов: 45,7 % и 54,3 % соответственно.

Сравнение по ключевым параметрам (полезность, новые знания, качество организации дисциплины, понимание социальных проблем, желание участвовать снова) показало, что наиболее значимым результатом стало понимания социальных проблем (средний балл – 3,71). Опыт работы с НКО получил среднюю оценку 3,37, приобретение новых знаний – 3,34, а качество организации дисциплины – 3,4. Эти данные отражают стабильную удовлетворенность студентов реализацией дисциплины и ее содержанием. К сожалению, была выявлена достаточно низкая готовность к добровольному участию в мероприятиях в рамках данного курса (2,69). Это обусловлено интенсивностью теоретической нагрузки вне дисциплины, спецификой отдельных НКО и ограниченностью выбора направлений помощи, а также индивидуальными различиями студентов.

Исследование показало, что студенты, прошедшие дисциплину «Обучение служением», отмечали у себя развитие таких личностных навыков, как:

- понимание социальных проблем – 71,4 %;
- эмпатия – 68,6 %;
- коммуникация и работа в команде – 45,7 %;
- ответственность и самоорганизация – 42,9 %.

О развитии профессиональных навыков по специальности высказалась лишь 11,4 % опрошенных, а о развитии навыков проектной деятельности только 8,6 % респондентов. Эти данные демонстрируют, что дисциплина «Обучение служением» в большей степени формирует социально ориентированные и коммуникативные навыки студентов, тогда как профессиональные навыки являются всего лишь сопутствующими.

Подавляющее большинство студентов (74,3 %) отметили, что чувствовали личную значимость участия в дисциплине. Для них были важными следующие аспекты взаимодействия с СО НКО:

- видеть практический результат своей работы;
- понимать значимость и востребованность своего вклада в деятельность СО НКО;
- ощущать собственный вклад в помощь тем, кто нуждается в социальной поддержке.

Анализ различий между студентами 3 и 4 курсов выявил, что старшекурсники выше оценивают полезность, организацию дисциплины и полученные знания. Это связано с более осознанным пониманием

профессиональной значимости опыта и лучшей способностью соотносить практику с будущей карьерой. В тоже время студенты 3 курса чаще испытывают сильные эмоциональные реакции: от выраженного вдохновения до трудностей адаптации.

Опыт реализации дисциплины «Обучение служением» в Ивановском государственном университете показал её высокую эффективность для подготовки специалистов помогающих профессий, а также для деятельности СО НКО и получателей социальных услуг. Вовлечение студентов в работу НКО и социальных учреждений способствует развитию профессиональных навыков, эмпатии, социальной ответственности и готовности к работе с уязвимыми группами населения. Включение данного подхода в образовательный процесс соответствует современным тенденциям партнёрства вузов и НКО и позволяет эффективно сочетать теорию с практикой, что делает его перспективным направлением профессиональной подготовки.

Библиографический список

1. Рычихина Н.С., Задорожникова Е.Б. Новый образовательный подход «обучение служением» как механизм интеграции вузов и третьего сектора экономики // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2025. № 2 (82). С. 36–41.

2. Рычихина Н.С., Сорокин Н.Д., Задорожникова Е.Б. Некоммерческая организация как ресурс развития малого города // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2025, № 4 (84). С. 56–66.

3. Рычихина Н.С., Задорожникова Е.Б., Сорокин Н.Д. Калейдоскоп социальных заказов со НКО и опыт их реализации студентами ИВГУ в рамках дисциплины «обучение служением» // Образовательный подход «Обучение служением»: проблемы, результаты и перспективы развития: материалы конференции. Ярославль, 2025. С. 138–146.

4. Рычихина Н.С., Сорокин Н.Д., Задорожникова Е.Б. Реализация образовательного подхода «Обучение служением» при подготовке студентов укрупненного направления «социология и социальная работа» // Образовательный подход «Обучение служением»: проблемы, результаты и перспективы развития. материалы конференции. Ярославль, 2025. С. 211–217.

В.Л. Черноперов,

профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений,
Ивановский государственный университет (Иваново)

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПОУЧЕНИЯХ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО
ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО
(по материалам сборника «Венок на свежую могилу
Кронштадтского пастыря»)***

Аннотация. Сообщение лежит в русле проблемы взаимоотношений Церкви и интеллигенции. В нем отмечено, что критическое восприятие святым праведным Иоанном Кронштадтским российской интеллигенции в конце XIX – первые годы XX в. неразрывно связано с его размышлением о личном спасении людей и будущем Российской империи.

Ключевые слова: святой праведный Иоанн Кронштадтский, интеллигенция, Российская империя, кризис духовности.

V.L. Chernoperov,

Professor of the Department of General History and International Relations,
Ivanovo State University (Ivanovo)

**THE INTELLIGENTSIA
IN THE TEACHINGS OF SAINT JOHN OF KRONSTADT
(based on materials from the collection "A Wreath on the Fresh Grave
of the Kronstadt Shepherd")**

Abstract. The message addresses the issue of the relationship between the Church and the intelligentsia. It notes that Saint John of Kronstadt's critical perception of the Russian intelligentsia in the late 19th and early 20th centuries is inextricably linked to his reflections on personal salvation and the future of the Russian Empire.

Key words: Saint Righteous John of Kronstadt, intelligentsia, Russian Empire, spiritual crisis.

Настоящее сообщение продолжает изыскания автора настоящего материала о святом праведном Иоанне Кронштадтском (Иване Ильиче Сергиеве). (1829–1908) [4, 5, 6]. Популярность этого священника в конце XIX – начале XX в. была всероссийской, однако, имелись у него и

© Черноперов В.Л., 2026

* *Статья подготовлена в рамках технического задания на выполнение научно-исследовательской работы по заказу Ивановского государственного университета № 2025–03 «Интеллигенция и интеллектуалы, многообразие современного мира и будущее России».*

противники. И одни из самых непримиримых – в массе интеллигенции, значительная часть которой, отвергнув вековые традиции, желала найти некую истину и на ее основе построить на земле общество счастья. Эти люди не могли простить о. Иоанну его твердой позиции по защите монархической идеи и его призывов к покаянию и сохранению православных начал как основы собственного спасения и выживания России. В этой борьбе с праведным из Кронштадта объединились российские либералы и революционеры. Причем именно либерально-настроенные интеллигенты проявляли, пожалуй, наибольшее рвение. Одним из первых против о. Иоанна выступил Н.С. Лесков. В повести «Полунощники», опубликованной в двух номерах популярного у либералов журнала «Вестник Европы» за 1891 г., он создал весьма неприглядный образ Кронштадтского пастыря и его почитателей. Пик же критики о. Иоанна пришелся на Первую русскую революцию 1905–1907 гг. После Октябрьского манифеста 1905 г., который существенно ослабил цензуру, на него обрушился шквал критических и даже оскорбительно-непристойных материалов, в череду которых одним из наиболее известных стал спектакль «Черные вороны» по пьесе В.В. Протопопова, вызвавший такой скандал, что потребовалось вмешательство императора Николая II [Подр. см.: 3].

Как же святой реагировал на оскорбления и иные вызовы, брошенные ему интеллигенцией? Попытку частично ответить на вопрос мы попытаемся данным сообщением. В его основании положен сборник «Венок на свежую могилу Кронштадтского пастыря» [2]. Это собрание 148 проповедей и поучений праведного Иоанна, произнесенных во время служб в последний год жизни, с 29 декабря 1907 г. по 10 декабря 1908 г. по юлианскому календарю (далее в тексте все даты по этому календарю). Эти речи были изданы в 1909 г., т.е. через год после кончины святого, и переизданы в Рыбинске уже в наше время. Точное время переиздания установить не удалось ввиду отсутствия в книжке полных выходных данных. Обычно речи произносились о. Иоанном перед Причастием и затрагивали самые разные темы. В 35 случаях святой упоминал интеллигенцию, под которой понимал гражданских и военных чиновников, купцов, «ученых людей» (преподавателей вузов), докторов, писателей, а также «молодежь высших и средних учебных заведений» [2, с. 19, 21, 22, 47, 57, 68 и др.].

О. Иоанн у современной ему интеллигенции выделял следующие пагубные черты: неверие в Бога и святыне Таинства, неучастие в Евхаристии, непризнание Церкви, нежелание поклоняться Кресту и читать Евангелие [2, с. 19, 35, 47, 90], веру «во всезнание и могущество человеческого разума» [2, с. 20–21, 167, 193], неразумное пользование языком

или словом в речах и печати [2, с. 22], гордость и кичливость [2, с. 167, 168, 223], стремление в праздной жизни («...они думают, как бы поесть, попить послаще, как бы развеселить себя музыкой, пением, как бы в карты поиграть, как бы копеечку скопить...») [2, с. 85]. Такое поведение старец объяснял «душеной слепотой», которая, «несравненно хуже и опаснее телесной». Ведь «одержимые ею не хотят и думать, что они слепы, а считают себя зрячими; они не видят опасности своего положения, не видят..., какой гнев Божий навлекают ... на себя» [2, с. 21].

Особое беспокойство у святого Иоанна вызывали вузы. В речи от 1 октября 1908 г. он отметил, что в университетах уменьшается количество русских, что там каждый студент, каждый профессор «хочет все поставить по своему» [2, с. 169]. Причем многие вузы пусты, в том числе из-за забастовок [2, с. 170, 175]. Большинство преподавателей вузов, по мнению Иоанна Кронштадтского, не выглядели людьми умными. В этой связи святой замечал: «...чем человек больше одарен способностями, чем ему легче даются науки, тем он бывает..., как будто глупее» [2, с. 86]. Со временем это убеждение у святого только нарастало. И, в конце концов, 5 и 18 октября 1908 г. он выносит вердикт: «Интеллигенция наша просто глупа. Немыслимые, поглупевшие люди! Они и учиться-то не могут как следует, а только бастуют... <...> Глупые, они верят самим себе да своему разуму глупейшему, а разума-то собственно у них и нет: они совсем его потеряли. А без разума нет и науки» [2, с. 176, 193].

Не менее строг Иоанн Кронштадтский был к студентам. По его словам, молодые люди, поступив в вузы, переставали ходить в Церковь, ухудшали или даже разрывали отношения с родителями, быстро делались «дикими» [2, с. 193], «обезумившими» и «обезверившими» «бездельниками» и «богохульниками» [2, с. 211, 212]. С сильным волнением за будущее страны святой 15 мая 1908 г. говорил с амвона: «...Посмотрите на нашу молодежь университетскую и вообще всех высших учебных заведений! Она почти наголо неверующая. Пока молодежь такова, не может быть полного благоденствия России... Неверующий в Бога не может быть верен Царю и Отечеству. От неверия все наши бедствия» [2, с. 153]. Причем такие жесткие оценки касались не только юношей, но и девушек, которые в своей массе «как только кончают гимназию, забывают о Боге и идут совсем иным путем – путем дьявольским» [2, с. 252].

Из других групп интеллигенции праведный Иоанн отдельно останавливался на писателях и журналистах, которых он иногда называл писаками, «слепцами» и даже «тварями неразумными» [2, с. 22, 61, 152]. У этой части образованного сословия святой из Кронштадта отмечал помимо неверия и небрежения к священникам и их проповедям

(«Мы сами все знаем, сами поучаем людей»), трусливую зависимость от т.н. либерального общественного мнения. Причем это касалось даже тех литераторов, которые исповедовались и участвовали в Евхаристии. О. Иоанн в своих проповедях с 29 апреля по 15 октября 1908 г. трижды, правда, с некоторыми отличиями, вспоминал посещение им некоего писателя. Причем в одном случае речь шла об умирающем. Святой пришел к нему по просьбе жены. На вопрос «не хочет ли [больной писатель] причаститься», тот ответил отказом на том основании, что боится. Боится того, что его «товарищи по перу» узнают, что он причащается, и будут смеяться над ним или даже проклянут [2, с. 121, 152, 187]. Услышав такие слова, праведный Иоанн, как он вспоминал в проповеди 29 апреля 1908 г., с сокрушением лишь сказал: ««Если так, то Бог с тобой, а я ухожу» – и ушел» [2, с. 121].

Среди литераторов о. Иоанн особенно резко высказывался о Л.Н. Толстом [2, с. 19–20, 35, 43, 47, 86, 115, 152–153, 166, 168, 182, 187, 193–194, 238], который за свою антиклерикальную позицию был отлучен от Церкви. Старец называл этого писателя и мыслителя «графчиком яснополянским», «травой сорной», лжепророком, богохульником, который «считает себя чуть не за Бога», а его учение характеризовал ерундой и даже безумием, поскольку писатель не верует в Святую Троицу, Иисуса Христа как Сына Божия и Святые Таинства. При этом Иоанн Кронштадтский сокрушался, что Толстой «смутил всю нашу интеллигенцию» [2, с. 152], «соблазнил» много молодых людей и военных [2, с. 86], что «многие верят ему, слушают его, признают в нем великого учителя» [2, с. 19], хотя слова его «высоки перед людьми, но мерзки перед Богом» [2, с. 115–116]. Исходя из этого, о. Иоанн строго предостерегал: сегодня «Бог его щадит еще, чтобы увеличить его наказание» [2, с. 194], и рано или поздно. «все Львы Толстые будут страшно наказаны и осуждены на вечную муку» [2, с. 168].

Какой выход из сложившегося положения предлагал праведный Иоанн? Причем не только для интеллигенции, а всех людей? Во-первых, читать Евангелие [2, с. 20, 22, 43, 94 и мн. др.] – «это книга спасения, светильник на нашем жизненном пути» [3, с. 99]. Во-вторых, веровать и молиться [2, с. 51, 58, 60, 97, 126 и др.]. В-третьих, делать добрые дела и быть милосердными [2, с. 51, 60, 62, 63 и др.]. В-пятых, быть кроткими, незлобливыми, братолюбивыми, терпеливыми и смиренными [2, с. 60, 53, 97]. В-пятых, быть трудолюбивыми и послушными [2, с. 60, 63]. Но главное, к чему призывал старец из Кронштадта именно интеллигенцию – это к глубокому покаянию, к возвращению в Церковь и к участию в Евхаристии [2, с. 20, 22, 35, 47 и мн. др.]. В противном случае, предупреждал святой, всех отпавших Господь поразит, и все они будут

обречены на вечную погибель и вечные муки [2, с. 51, 57, 71]. «Веруйте в Бога, дорогие братья и сестры, – говорил отец Иоанн 13 января 1908 г., – веруйте во святые Таинства, чтите Церковь Христову и готовьтесь, готовьтесь к Страшному Суду. День его близок... Всем Господь скажет Свой праведный приговор. У Господа серп готов, у Господа большая лопата. Он хорошо развезет; житницу отделит и вознесет ее на небо, а солому сожжет огнем неугасимым – будет гореть и не сгорит» [2, с. 20]. Почти дословно эту же мысль святой повторил 2 апреля [2, с. 103]. А 31 января 1908 г. о. Иоанн, обращаясь к интеллигентам и будущим интеллигентам – студентам, предупреждал: «Какие бы не занимали высокие места и должности – директоров, докторов, профессоров, – если они неверующие, то они ничего не значат; они думают о себе много, мудрствуют, но, “что высоко у людей, то мерзость перед Богом (Лк. 16, 15)”» [2, с. 47].

При воспитании учащейся молодежи о. Иоанн допускал наказания [2, с. 60]. «...Если их не наказывать строго, – говорил он 9 февраля 1908 г., – то никого не будут слушаться, ни родителей, ни учителей, ни профессоров, ни директоров, ни даже Царя» [2, с. 57].

В контексте вышесказанного встает вопрос: видел ли Иоанн Кронштадтский какие-то положительные примеры в среде современной ему интеллигенции? Лишь четырежды (14 марта, 15 мая, 23 сентября и 15 октября 1908 г. [2, с. 85, 152, 161, 186] праведный в своих речах замечал, что «между интеллигентами» есть люди «благоразумные», «простосердечные», «верующие, хорошие, и они еще выше, потому что сознательно веруют, по убеждению». Правда, далее святой тут же добавлял: «таких людей мало», интеллигенты в своем большинстве не верующие [2, с. 85–86, 152, 160, 186]. Такое мнение было у него в отношении литераторов [2, с. 220].

В завершении сообщения поставим вопрос. Извлечены ли уроки из проповедей и поучений святого о. Иоанна об интеллигенции? Ответ неоднозначный. С одной стороны, сегодня этот праведник почитается всеми православными России, включая интеллигенцию. С другой – значительная часть образованного сообщества продолжает относиться к праведному с внутренним скепсисом, а то и враждебно. Поэтому актуальным остается страшное предостережение Иоанна Кронштадтского: «Где будут на Страшном Суде наши начальники и профессора академий, университетов и всех высших, средних и низших заведений со своими питомцами? По достоинству своего духа каждый получит свое. <...> Спешите исправиться все; Суд приближается. Аще кто не имеет Духа Христова, тот и не Его (Ср.: Рим. 8,9)» [1, с. 86–87].

Библиографический список

1. *Иоанн Кронштадтский, св. прав.* Творения. Предсмертный дневник. 1908, май–ноябрь. М.; СПб.; Кронштадт: Отчий дом, 2006. 85 с.
2. *Иоанн Кронштадтский, св. прав.* Венок на свежую могилу Кронштадтского пастыря: проповеди и поучения, произнесенные в последний год жизни. Рыбинск: ООО «Медиа Гранд», [Б. г.]. 264 с.
3. *Перекатов А.В.* «Черные вороны»: конфликт духовенства и театрального сообщества (1907 г.) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 98. С. 60–73.
4. *Черноперов В.Л.* Отношение святого праведного Иоанна Кронштадтского к инославным // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы XII Междунар. науч. конф., Иваново, 20–21 февраля 2013 г.: в 2 ч. Ч. 2. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 286–290.
5. *Черноперов В.Л.* Благотворительная и миссионерская деятельность святого праведного Иоанна Кронштадтского // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXII Междун. науч. конф., Иваново, 29–30 марта 2023 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2023. С. 20–25.
6. *Черноперов В.Л.* К вопросу об отношении святого праведного Иоанна Кронштадтского к инославии и инославным // Святая Русь как высший идеал Русской культуры. К 70-летию со дня рождения основателя обители игумена Бориса (Храмцова) и 50-летию его монашеского пострига: сб. тр. II Всерос. науч.-практ. конф., с. Погост Крест, 10 июня 2025 г. СПб.: ИД «Сциентиа», 2025. С. 65–82.

УДК 13. 130.3

Т.А. Чикаева,

заведующая кафедрой, Московский художественно-промышленный институт (Москва)

ИДЕИ Д.С. ЛИХАЧЕВА КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО ПОНИМАНИЯ ПАТРИОТИЗМА

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды Д.С. Лихачева на то, что есть Родина и патриотизм, какими характеристиками должен обладать патриот, как следует осуществлять патриотическое воспитание, почему патриотизм является положительным принципом межкультурного взаимодействия

Ключевые слова: Родина, патриотизм, патриот, воспитание патриотизма, дух, Д.С. Лихачев.

T.A. Chikaeva,

Head of the Department, Moscow Art-Industrial Institute (Moscow)

D.S. LIKHACHEV'S IDEAS AS THE BASIS OF MODERN UNDERSTANDING OF PATRIOTISM

Abstract. The article examines D.S. Likhachev's views on what Motherland and patriotism are, what characteristics a patriot should have, how patriotic education should be carried out, and why patriotism is a positive principle of intercultural interaction.

Key words: Motherland, patriotism, patriot, education of patriotism, spirit, D.S. Likhachev.

В ноябре 2026 года исполнится 120 лет со дня рождения выдающегося деятеля российской и советской науки Дмитрия Сергеевича Лихачева. На наш взгляд справедливо сказать, что с его именем связана целая эпоха в осмыслении нашей истории и литературы, того вклада, что внесли в развитие всего человечества как известные русские гении, так и русский народ в целом как коллективный творец произведений, сохраняющих и транслирующих ключевые ценности отечественной культуры, как субъект жизни согласно этим ценностям.

С высокой оценкой значения наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева согласны современные российские учёными. Они даже выдвигают более яркие и образно окрашенные тезисы, иллюстрирующие оценку вклада учёного в совершенствование отечественной жизни на всех уровнях. Так Т.К. Ростовская, Е.А. Князькова утверждают, что книга мыслителя «Письма о добром и прекрасном», обращая внимание на патриотизм и гражданственность как величайшие духовные «скрепы России», по сути является напутствием для всех россиян [7, с. 131]. Рассматривая данное утверждение как обоснованное и имеющее перспективу быть положенным в основу современного ценностного совершенствования индивидуального и общественного бытия, полагаем целесообразным провести краткий анализ понимания Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым сущности патриотизма и патриотического воспитания.

В настоящее время тема патриотизма является востребованной как на уровне научно-философских изысканий, так и на уровне практико-ориентированного поиска ответов на внешние и внутренние вызовы. Патриотизм рассматривается как национальная идея России на государственном уровне. Следует заметить, что патриотический принцип кладётся в основу идеологических установок политических субъектов в разных странах мира, что подтверждает фундаментальную значимость изучения его сущности.

Вклад исследований и рассуждений Дмитрия Сергеевича Лихачева в понимание того, что есть патриотизм, почему он является основой понимания целей и ценностей отечественной культуры, трудно переоценить. Концепция патриотизма и патриотического воспитания мыслителя продолжает оставаться обоснованной и актуальной, хотя с момента её опубликования в разных произведениях автора прошло много времени, и произошли существенные изменения во всех сферах жизни общества, как российского, так и мирового. Возможно, одной из причин этого является искренняя любовь Дмитрия Сергеевича к России, её прошлому, настоящему, уверенность в светлом будущем для всех русских людей, которую не смогли поколебать никакие перипетии его личной судьбы.

На основе проведённых историко-филологических исследований Д.С. Лихачев приходит к выводу, что с того момента, как жизнь русского общества стала находить отражение в дошедших до нас письменных источников, Родная Земля, любовь к Родине были основополагающими ценностями отечественной культуры.

Подтверждение этому он находит уже в дописьменной дружинной поэзии, из чего делает вывод о высоком уровне развития патриотической идеи и её внедрённости в общественное сознание [5, с. 14]. Учёный указывает на то, что в первой русской летописи и «Слове» митрополита Иллариона есть свидетельство патриотического подъёма, который связан с культурными успехами [5, с. 35]. В летописях XI века мыслитель также отслеживает тревогу за судьбы Родины, выражение идеи единения русских земель и делает вывод о важности Родной Земли, Родины для русского человека.

Объектом любви в патриотизме является Родина, которую Д.С. Лихачев рассматривает как субъект, великую личность. Он называет её Матерью с большой буквы и ставит это слово на первое место, использует выражение «Мать-Родина» [4, с. 283]. На наш взгляд в этом именовании Родины мыслитель отражает её сущность и ключевые черты. Родина – это то, что предшествует личности, обществу, материальным объектам, её онтология является онтологией духа, суть которого проявляется в рождении и заботе. Родина, следовательно, является причиной и предпосылкой появления человека как субъекта материального и духовного бытия, а взаимодействие с ней целесообразно рассматривать как вектор и критерий успешного движения человека к совершенствованию. Такое понимание Родины оценивается В.Н. Даренской как создание интегрального образа Родины [2, с. 84].

Отсюда мыслитель делает вывод о естественности патриотизма, его заложенности в человеческом начале, которое отказывается воспри-

нимать окружающий мир только как источник ресурсов. Рассуждая о любви к Родине, Д.С. Лихачев указывает на производность его от любви к матери, отцу, другим членам семьи, своего дома. «Постепенно расширяясь,.. привязанности распространяются на ... всю свою страну» [6, с. 89].

Мы можем сделать следующий вывод о понимании Родины и любви к ней в концепции мыслителя. Родина является основой единства людей, их совместного созидательного творчества. Более того, так как сущность Родины раскрывается через понимание её как духовного субъекта, то будет справедливым сказать, что вне Родины нет и истинно человеческого бытия, так как верен тезис В.А. Храповой и В.А. Комовой о том, что «духовность является...способом существования человека» Исследователи также соглашались с тем, что духовность, а значит связь с Родиной, позволяет человеку подняться на эгоцентрическими установками и подключиться к энергии надындивидуальных общностей и высших сил [8, с. 50].

Сделанный вывод согласуется с пониманием Д.С. Лихачевым патриотизма, то есть любви к своей стране и своему народу как надличностному началу, которое освящает всю деятельность человека, приносит ему настоящее счастье, избавляет от неприятностей, мелких личных неудач [3, с. 11]. В этом определении, на наш взгляд, прослеживается понимание Родины как высшей ценности, превосходящей все прочие, во взаимосвязи с которой личность способна преодолеть ограниченность себя как единичного субъекта.

Отметим ещё одну важную характеристику патриотизма, на которую указывает мыслитель. Патриотизм – это творческое начало, способное вдохновить всю жизнь человека, «это тема, если можно так сказать, жизни человека, его творчества» [4, с. 137]. Таким образом, в трудах исследователя закладывается и аргументируется идея о ключевой роли патриотизма в реализации творческого потенциала человека и социальной группы, о том, что патриотическая идея является атрибутом совершенствования человеческого бытия.

Важной чертой человека, любящего Родину является, по мнению Д.С. Лихачева нравственная ответственность перед будущими поколениями, то есть патриот должен обладать способностью к анализу и прогнозированию результатов своих деяний, сопрягать их с будущими целями развития общества [3, с. 102]. По нашему мнению, этот тезис сейчас особенно актуален, он противостоит идеологии потребительского общества, ориентирующего человека на приобретение ценностей, прежде всего материальных, здесь и сейчас, на решение тактических задач и отсутствие должного внимания к фундаментальным, общечеловеческим целям.

Другой характеристикой патриотизма у Д.С. Лихачева, на которую обращают внимание современные исследователи, с которыми можно согласиться, является указание мыслителя на то, что любовь к своей Родине понятие далекое от абстрактности, она проявляется через любовь к месту, где родился и вырос, к памятникам культуры, через гордость за свою историю [7, с. 136].

В современных условиях противостояния глобализма и антиглобализма, попыток отдельных политических сил извратить сущность патриотизма, крайне важно то, что Д.С. Лихачев в традициях русской и советской философии разграничивает патриотизм как любовь к своему народу и национализм, как пренебрежение, ненависть к другим народам [3, с. 12]. Патриотизм, по мнению Д.С. Лихачева не требует и не совмещается с ненавистью, враждебностью к другим народам [6, с. 20].

Истинный патриотизм, как отмечает Д.С. Лихачёв состоит в том, чтобы обогащать других и обогащаться самому [4, с. 147]. Данный тезис согласуется с суждением о Родине как духовной сущности, которая не может быть пространственно или как-то иначе замкнута, ограничена. Мыслителем, следовательно, формулируется тезис о том, что в патриотизме нет противопоставления своей Родины Родине прочих, как это происходит в национализме. Также в патриотизме отсутствует космополитическое отрицание святости и ценности Родины, рассмотрение её только в качестве политико-идеологического конструкта. Любовь к Родине в понимании мыслителя – это любовь к духу, духовности как энергии, которая вдохновляет на творчество и созидание в интересах всего человечества, на благо себя, своих близких, будущих поколений.

Патриотическое чувство, согласно точке зрения Д.С. Лихачева, заложено в русском менталитете как нравственное чувство. Привязанность к своей семье, дому, селу, городу, стране мыслитель называет «нравственной оседлостью» и утверждает необходимость воспитывать её в себе и других [6, с. 120]. Начало этому процессу должно быть положено в семье, через приобщение каждого человека к общим интересам, знакомство с историко-культурными памятными местами, с жизнью предшествующих поколений родных людей. В целом, для мыслителя сохранение исторической памяти является важной составляющей воспитания патриотизма [1, с. 251].

Следующий этап воспитания патриотизма связан с отечественной системой образования. В своих трудах мыслитель рассматривает данную проблему очень ответственно. Сформулированные им рекомендации сегодня могут и должны быть положены в основу российской политики в сфере воспитания граждан, что уже происходит в некоторых аспектах. Так М.Н. Ветчинова указывает на то, что уже сейчас признано

то, что данный вопрос «является первостепенной задачей государства и общества» [1, с. 252].

Главный принцип патриотического воспитания, который обосновывается в трудах Дмитрия Сергеевича Лихачева, звучит так: «патриотизм непременно должен быть духом всех гуманитарных наук, духом всего преподавания» [4, с. 137]. На наш взгляд, этот принцип справедлив и реализуем.

Мы можем сделать вывод о том, что идеи Д.С. Лихачева о Родине, патриотизме, патриотическом воспитании являются актуальными в настоящее время, и нам следует обращаться к его трудам для поиска оптимального решения задач, стоящих перед каждым человеком и человечеством в целом.

Библиографический список

1. *Ветчинова М.Н.* Идеи патриотического воспитания Д.С. Лихачева // Актуальность историко-педагогического просвещения для развития отечественной педагогики и системы российского образования: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции – XXXVIII сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики РАО, Иваново, 25–27 сентября 2025 года. Иваново: Редакционно-издательский центр ГАУ ДПО ВГАПО, 2025. С. 249–252.
2. *Даренская В.Н.* Личностный образ Родины в работах Д.С. Лихачева // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы III Международной научной конференции, Москва, 19 апреля 2019 года. М.: МХПИ, 2019. С. 84–90.
3. *Лихачев Д.С.* Земля родная. М.: Просвещение, 1983. 256 с.
4. *Лихачев Д.С.* Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. М.: Российский Фонд Культуры, 2006. 336 с.
5. *Лихачев Д.С.* Национальное самосознание Древней Руси: очерки из области русской литературы XI–XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 118 с.
6. *Лихачев Д.С.* Письма о добром и прекрасном. М.: Детская литература, 1989. 238 с.
7. *Ростовская Т.К., Князькова Е.А.* Наставничество и социальное служение Академика Д.С. Лихачева (по материалам книги «Письма о добром и прекрасном», 1985 г.) // Человеческий капитал. 2023. № 7 (175). С. 130–137.
8. *Храпова В.А., Комова В.А.* Феноменологические аспекты исследования концепта «культурный статус» // Logos et Praxis. 2022. Т. 21, № 4. С. 46–54.

Секция 3
«РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО
(РУБЕЖ XIX–XX вв. – НАЧАЛО XXI в.)»

УДК 930.2

Р.И. Арбузов,

аспирант, Ивановский государственный университет (Иваново)

**ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. В статье раскрывается изменение сути методологических подходов тематических акцентов и доступности источниковой базы для изучения заявленной темы исследования. Особое внимание уделено преодолению идеологической ангажированности, свойственной советской историографии, отражению развития региональной историографии по указанной теме, а также «антропологическому повороту» в современных научных трудах.

Ключевые слова: историография, школьное образование, Великая Отечественная война, советская школа, государственная политика, источники.

R.I. Arbuzov,

Graduate student, Ivanovo State University (Ivanovo)

**THE PROBLEM OF STUDYING SCHOOL EDUCATION
IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Abstract. The article reveals a change in the essence of methodological approaches to thematic accents and the availability of a source base for studying the stated research topic. Special attention is paid to overcoming the ideological bias inherent in Soviet historiography, reflecting the development of regional historiography on this topic, as well as the «anthropological turn» in modern scientific works.

Key words: historiography, school education, the Great Patriotic War, soviet school, state policy, sources.

Великая Отечественная война стала предельным испытанием для всех социальных институтов Советского Союза, подвергнув их глубочайшей деформации и потребовав немислимой ранее адаптации. Система общего образования, являясь фундаментальным инструментом социализации, воспроизводства культурных кодов и кадрового обеспечения государства, оказалась на острие ключевых противоречий воен-

ного времени. С одной стороны, она должна была решать утилитарные задачи по обеспечению элементарной грамотности и идеологической лояльности молодежи в условиях тотальной мобилизации, с другой – выполнять стратегическую миссию по сохранению интеллектуального и культурного потенциала нации перед лицом катастрофы.

Изучение того, как советская школа пережила эту эпоху, представляет собой не только значительную историко-педагогическую проблему, но и важнейший сюжет социальной истории России XX века. Однако научное осмысление данного феномена само по себе прошло сложный путь, отражающий общие черты отечественной исторической науки, изменения политического климата и расширение доступа к архивным материалам. Цель данной статьи заключается в проведении историографического анализа, направленного на выявление основных этапов, сдвигов парадигм, ключевых проблем и перспективных направлений в исследовании темы школьного образования в 1941–1945 гг.

Первые попытки осмысления опыта школы в военные годы предпринимались практически синхронно с событиями. Уже в 1943–1945 гг. появляются публикации в педагогической периодике, посвященные организации учебного процесса в условиях эвакуации, патриотическим инициативам учащихся, роли учителя на фронте и в тылу. Эти тексты носили, в первую очередь, мобилизационный и агитационный характер, их задача заключалась в консолидации общества, пропаганде лучших практик и поддержании морального духа.

В послевоенное десятилетие складывается жесткая идеологическая схема интерпретации, которая будет доминировать вплоть до конца 1980-х годов. В рамках этой парадигмы история военной школы становилась составной частью монолитного нарратива о «героическом тыле».

Акцент делался исключительно на достижениях и победах. Трудности (голод, отсутствие топлива, катастрофическая нехватка кадров и помещений) упоминались лишь как фон, который героическими усилиями партии, государства, учителей и общественности был успешно преодолен. Школа изображалась как хорошо отлаженный механизм, бесперебойно работавший даже в самых суровых условиях.

Анализ был сфокусирован на решениях центральных органов власти (СНК СССР, ЦК ВКП(б), Наркомпроса). Реформы военного времени, такие как введение раздельного обучения (1943 год), пятибалльной системы оценок и выпускных экзаменов, преподносились как глубоко продуманные и исключительно прогрессивные меры, направленные на «укрепление дисциплины» и «улучшение качества образования». Критический анализ социальных и психологических

последствий этих реформ (например, усиление гендерных стереотипов) полностью отсутствовал.

Воспитательная функция школы рассматривалась как главная. Исследователи детально описывали участие школьников в сборе средств на танковые колонны и авиаэскадрильи, работу на полях и предприятиях, помощь госпиталям.

Региональная специфика, как правило, нивелировалась. Исследования по истории школ союзных республик или отдельных областей РСФСР, появившиеся в 1970–1980-е годы, дублировали общероссийскую схему, лишь наполняя ее местными примерами. Тема школы на оккупированных территориях либо замалчивалась, либо сводилась к описанию зверств оккупантов и героического сопротивления учителей-подпольщиков. Систематического изучения образовательной политики нацистских администраций, повседневных практик выживания в «серой зоне» не проводилось.

Советская историография создала целостный, но предельно идеализированный и упрощенный образ. Школа представляла неким безжизненным монолитом, лишенным внутренних противоречий и управляемым исключительно сверху [7, с. 333–347].

Крушение советской идеологической системы и открытие ранее засекреченных архивных фондов вызвали перелом в историографии. Исследователи получили доступ к документам, которые радикально меняли картину: статистическим отчетам о массовом закрытии школ, справкам о голоде среди детей и педагогов, переписке о катастрофическом дефиците учебников и дров, материалам о детской беспризорности и преступности. На первый план вышла проблема системного кризиса.

Ключевые характеристики этого этапа:

1. Критический анализ государственной политики. Утрата идеологических табу позволила переоценить реформы военного времени. Анализ правительственных постановлений стал более критичным, с учетом их реальной, а не декларируемой эффективности.

2. Расцвет региональной истории. Именно в этот период защищается множество кандидатских диссертаций, посвященных опыту отдельных областей, краев и республик (Южный Урал, Курская область, Поволжье, Сибирь и др.). Эти работы впервые детально показали, как общероссийские тенденции преломлялись на местах. Они выявили огромную разницу между положением в прифронтовых, тыловых и освобожденных районах. Конкретика региональных исследований – о проблемах эвакуированных учреждений, о работе школ при заводах и в колхозах, о местных инициативах по спасению детей – позволила «оживить» сухую общесоюзную статистику [1, с. 1–20; 4, с. 1–23; 5, с. 1–15].

3. Начало изучения «запретных» тем. Наиболее значимым прорывом стало постепенное введение в научный оборот темы образования на оккупированных территориях. Исследователи начали анализировать директивы нацистских администраций, механизмы ликвидации советской школьной системы и попытки внедрения упрощенных, прагматичных и пропагандистских моделей обучения.

4. Расширение источниковой базы. Помимо официальных документов наркоматов и партийных органов, историки стали активнее привлекать материалы личного происхождения – воспоминания, письма, дневники. Однако на этом этапе они чаще служили иллюстративным приложением к основному, по-прежнему институциональному, нарративу.

Несмотря на огромный прогресс, историография 1990–2000-х гг. все еще была сосредоточена преимущественно на «внешней» истории школы – политике, управлении, статистике. Повседневность военного обучения, внутренний мир и субъективный опыт участников образовательного процесса оставались в тени.

Современный этап развития историографии характеризуется стремлением к синтезу и созданию целостной картины. Он отмечен несколькими взаимосвязанными тенденциями:

1. Антропологический и социально-культурный поворот. Это главная черта современного этапа. Фокус внимания смещается с государства и институтов на человека. Ученых интересует, как был организован быт в интернатах и школьных зданиях, каковы были реальные рационы питания, как дети и учителя справлялись с холодом и болезнями, как проходил урок в полуразрушенном классе, какие неформальные практики помогали выживать. Анализируются стратегии адаптации, психологические травмы военного детства [3, с. 146–156].

2. Междисциплинарность. Изучение темы вышло за рамки собственно истории педагогики. К нему активно подключаются методологии социологии, культурной антропологии, истории эмоций, устной истории. Это позволяет задавать новые вопросы: как война трансформировала представления о детстве? Как в школьном пространстве конструировались и переживались коллективные и индивидуальные идентичности (патриот, труженик тыла, сирота, эвакуированный)? Какова была гендерная специфика военного опыта школьников и учителей?

3. «Демифологизация». Современные исследователи сознательно уходят как от героико-триумфального, так и от сугубо кризисно-катастрофического дискурса. Они стремятся показать советскую школу военных лет как сложное, противоречивое пространство, где сосуществовали: жесткая государственная мобилизация и стихийная локальная самоорганизация, идеологический прессинг и искренний, личностно

пережитый патриотизм, административный хаос и дефицит и невероятная личная инициатива, и самоотверженность педагогов, травма, потери, взросление не по годам и сохранявшиеся элементы нормальной школьной жизни (дружба, увлечения, первая любовь) [2, с. 3–20].

4. Углубление изучения оккупации. Современные работы по этой теме вышли на новый уровень. Анализируется не только политика оккупационных властей, но и весь спектр стратегий поведения населения: от открытого коллаборационизма и адаптации до пассивного неповиновения, и активного сопротивления. Изучается, как в этих условиях учителя пытались тайно сохранять элементы советской программы, как дети воспринимали новую власть, как образование становилось полем «тихой» идеологической борьбы [6, с. 5–8].

5. Актуализация цифровых методов и публичной истории. Создаются электронные базы данных, виртуальные архивы школьных воспоминаний. Тема активно популяризируется через музеи, выставки, что, в свою очередь, стимулирует сбор нового корпуса устных исторических источников.

6. Переосмысление роли государственных институтов. Современные исследования отходят от восприятия Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) как монолитного центра, издающего директивные и безукоризненно исполняемые указания. В фокусе внимания оказывается изучение наркомата как сложного института, действовавшего в условиях экстремальных ограничений и вынужденного постоянно адаптироваться. Наркомпрос предстает не просто проводником политики, а активным участником сложного процесса переговоров между центром и периферией, чья деятельность балансировала между идеологическим заказом, административным ресурсом и насущными потребностями выживания школьной системы в условиях большой войны.

Историография школьного образования в годы Великой Отечественной войны продемонстрировала впечатляющую динамику – от создания единого идеологического конструкта к многослойной, критической и гуманной реконструкции. Пройдя через этапы героизации, критического разоблачения и, наконец, сложного синтеза, современная наука приблизилась к пониманию того, что школа военного времени была не просто «институтом» или «фронтом в тылу», а уникальным социальным микрокосмом, в котором сконцентрировались все противоречия, трагедии и проявления человеческого духа эпохи.

Главными достижениями последних лет стали децентрализация взгляда (через региональные и локальные исследования) и антропологический поворот, поставивший в центр рядового участника образовательного процесса. Перспективы дальнейшего изучения видятся

в углублении именно этих направлений: проведении сравнительных исследований различных регионов, интеграции микро- и макроисторических подходов, более активном использовании визуальных и устных источников, осмыслении долгосрочных последствий военного детства для послевоенных поколений. Только на этом пути возможно создание подлинно объемной и правдивой истории о том, как в горниле самой страшной войны XX века выживала и продолжала работать одна из ключевых основ общества – школа.

Библиографический список

1. *Гальченко С.И.* Проблемы развития системы школьного образования на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. 2010. 212 с.
2. Государственное руководство системой народного образования в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: (на материалах Ярославской и Костромской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук: специальность 07.00.02 / Малхасян Надежда Вадимовна; [Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова; Место защиты: Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова]. Ярославль, 2011. 23 с.
3. *Гуркина Н.К.* Российская школа в годы Великой Отечественной войны (особенности управления и развитие образовательной системы) // Управленческое консультирование. 2020. № 10. С. 146–156.
4. *Дорошева О.А.* Школьное образование на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. 2003. 222 с.
5. *Лантева Ю.В.* Система школьного образования Урала в годы Великой Отечественной войны. 2015.
6. *Помелов В.Б.* Отечественное образование в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник ШГПУ. 2019. № 4 (44).
7. *Ровный Б.И.* Особенности разработки и реализации политики Советского государства в сфере образования в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. 2004. 359 с.

А.М. Белов,

профессор, Костромской государственный университет (Кострома)

А.Н. Малинин,

аспирант, Костромской государственный университет (Кострома)

УЧАСТИЕ ИНСПЕКТОРОВ МЕЛКОГО КРЕДИТА В РАЗВИТИИ КРЕДИТНОЙ КООПЕРАЦИИ НА МЕСТАХ (по материалам Костромской и Ярославской губерний)

Аннотация. В предвоенное десятилетие российская кредитная кооперация активно развивалась при поддержке Государственного банка. В статье анализируется вклад инспекторов мелкого кредита в этот процесс на региональном уровне. Использованы материалы Костромской и Ярославской губерний.

Ключевые слова: кредитная кооперация, кредитные товарищества, Государственный банк, инспектор мелкого кредита, Костромская губерния, Ярославская губерния.

A.M. Belov,

Professor, Kostroma State University (Kostroma)

A.N. Malinin,

Postgraduate student, Kostroma State University (Kostroma)

THE PARTICIPATION OF SMALL-SCALE CREDIT INSPECTORS IN THE DEVELOPMENT OF LOCAL CREDIT COOPERATION (based on materials from Kostroma and Yaroslavl provinces)

Abstract. In the pre-war decade, Russian credit cooperation was actively developing with the support of the State Bank. The article analyzes the contribution of small-scale credit inspectors to this process at the regional level. Materials from Kostroma and Yaroslavl provinces were used.

Key words: credit cooperation, credit partnerships, State Bank, small loan inspector, Kostroma province, Yaroslavl province.

Кредитная кооперация, зародившаяся в России в 1860-е гг., пережила период активного развития в предвоенное десятилетие. Значительную роль в этом процессе сыграло Министерство финансов, заинтересованное в распространении кредитных кооперативов на местах, используя для этого сеть контор и отделений Государственного банка.

Кредитная кооперация привлекала российских экономистов, земских, общественных и государственных деятелей еще с пореформенного периода, когда в разных губерниях стали открываться первые ссудо-

сберегательные товарищества. Теоретики полагали, что кредитные кооперативы способны приостановить процесс пролетаризации части крестьянства посредством предоставления выгодных ссуд для удовлетворения различных нужд, в первую очередь связанных с ведением хозяйства.

Особое внимание на кредитную кооперацию обратило Министерство финансов на рубеже XIX–XX веков, о чем свидетельствует принятие «Положения об учреждениях мелкого кредита» от 7 июня 1904 г. Закон регламентировал открытие учреждений мелкого кредита, в том числе кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. Теперь их деятельность начиналась только с разрешения губернских комитетов по делам мелкого кредита. При этом кредитные кооперативы могли учреждаться при содействии земских касс мелкого кредита. Им не требовалось получать разрешение от губернских комитетов, но они были обязаны предоставлять им сведения о каждом открытом товариществе [11, с. 49].

Кредитные кооперативы находились в ведении Министерства финансов. Контроль над их деятельностью осуществлялся через Управление по делам мелкого кредита, учрежденное при Государственном банке. Именно это Управление отвечало за развитие и поддержку мелкого кредита в России. Госбанк имел конторы и отделения в различных регионах страны. Костромская и Ярославская губернии не стали исключением. На их территории действовали постоянные Костромское, Ярославское и Рыбинское отделения Госбанка.

Согласно закону от 7 июня 1904 г., при конторах и отделениях Госбанка учреждены должности инспекторов мелкого кредита. Они осуществляли большую работу по развитию кредитной кооперации на местах. В их задачи входило содействие открытию учреждений мелкого кредита, их ревизия и проверка годовых отчетов. Кроме того, инспекторы составляли сводные годовые отчеты о состоянии мелкого кредита в конкретных губерниях [11, с. 69].

Учредители кредитного кооператива получали от Госбанка выгодный кредит, который формировал первоначальный оборотный капитал организации. Однако использование государственных ссуд ставило кооперативы в зависимость от управляющих контор и отделений Госбанка. Инспекторы мелкого кредита, действуя с санкции управляющих, обладали полномочиями созывать чрезвычайные общие собрания членов кооперативов и вмешиваться в состав аппарата управления, вплоть до временного отстранения должностных лиц от исполнения обязанностей [11, с. 69].

Инспектор не мог повлиять на ситуацию в кооперативе, который не брал кредиты в Госбанке. Так произошло в случае с Рождественским

ссудо-сберегательным товариществом (с. Рождественское, Ветлужский у., Костромская губ.). В конце октября 1912 г. управляющий Костромского отделения Госбанка обратился к инспектору с просьбой провести ревизию. Причиной послужило то, что товарищество было первым кредитным кооперативом в России, поэтому «правильная постановка в нем дела весьма желательна». Инспектор в своем рапорте констатировал неудовлетворительное положение дел. Он отмечал корыстную деятельность ростовщика Шаурова, занимавшего пост «распорядителя» кооператива, но подчеркнул на отсутствие каких-либо рычагов воздействия. Поскольку товарищество не получало кредитов от Госбанка, даже дальнейшие ревизии могли проводиться инспектором лишь по поручению Центрального Комитета по делам мелкого кредита (состоял при Управлении по делам мелкого кредита) [13, л. 36–36 об.].

Вопрос о необходимости инспекторов мелкого кредита обсуждался высокопоставленными чиновниками еще в начале XX века. Так, в июле 1903 г. заведующий IX отделом инспекции Госбанка А.А. Берретти прибыл в г. Ярославль. Его целью было выяснить причины отсутствия в Ярославской губернии кредитных товариществ. На совещании по этому вопросу присутствовал и представитель Министерства земледелия и государственных имуществ. Обсуждения вывели три причины: недостаточное осведомление местного населения о порядке создания товариществ, дефицит «интеллигентных сил» на местах, а также отсутствие «особого инспектора», который бы курировал деятельность товариществ [14, с. 3]. В предвоенное десятилетие последнюю функцию выполняли именно инспекторы мелкого кредита.

Материалы отдельных губерний показывают практическую работу инспекторов на местах. От их деятельности во многом зависело развитие кредитных кооперативов, рассчитывавших на государственную финансовую поддержку. Инспекторы были обязаны лично проверять все ходатайства учредителей будущих кредитных товариществ, выезжая на места предполагаемого открытия кооперативов. Губернские комитеты придавали большое значение выводам инспекторов. Они обращались к управляющим местных отделений Госбанка с просьбой направить инспекторов для сбора информации «о хозяйственном положении и нравственных качествах» учредителей, а также для оценки степени потребности в мелком кредите среди крестьян и сельских хозяев данной местности и выявления лиц, способных вести дела и отчетность товарищества [5, л. 52–52 об.].

В январе 1910 г. инспектор мелкого кредита при Костромском отделении Госбанка, посетив Благовещенскую волость Юрьевоцкого уезда, подробно доложил управляющему о положении дел. По его

мнению, жители волости, ходатайствующие об открытии кредитного товарищества, остро нуждаются в кредите. Создание такого товарищества было признано «целесообразным для поддержки сельского хозяйства». Учредители произвели впечатление честных людей, пользующихся доверием и уважением местного населения. Среди них нашлись и те, кому можно было бы доверить ведение счетоводства и делопроизводства. Уже в марте того же года Костромской губернский комитет по делам мелкого кредита, изучив доклад инспектора, одобрил ходатайство об открытии Благовещенского кредитного товарищества [12, л. 8–9].

Инспекторы Госбанка, несмотря на заинтересованность в развитии кредитной кооперации на местах, подходили к каждому случаю с особой тщательностью. Им было важно понимать, насколько новый кооператив будет устойчивым и сможет своевременно погашать свои долги. Так, в июле и сентябре 1909 г. инспектор при Костромском отделении Госбанка отклонил два ходатайства. В первом случае он отметил отсутствие среди учредителей тех лиц, которые могли бы взять на себя вопросы счетоводства, и предположил, что их цели носят корыстный характер. Во втором случае причиной отказа послужили те же корыстные мотивы, а также недоверие к учредителям из-за неуплаты земских и мирских сборов. Кроме того, было признано, что место для правления кооператива выбрано крайне неудачно. В обоих случаях инспектор рекомендовал и других вышестоящим инстанциям отклонить ходатайства [1, л. 10–10 об., 18].

Источники показывают, что инспекторы оказывали и консультационную помощь. Они снабжали правления кооперативов необходимой учетной и отчетной документацией, объясняли порядок ведения счетоводства, отчетности и делопроизводства. Инспекторы подчеркивали и важность привлечения новых членов и денежных средств [2, л. 3]. Они также встречались для беседы с крестьянами, которые только начинали рассматривать возможность создания кредитного товарищества [6, с. 4].

Инспекторы часто отправлялись в командировки, которые у некоторых служащих могли занимать до 195 дней в году, включая 60 дней в пути [3, л. 115]. Помимо ревизий кооперативов, они участвовали в торжественных открытиях [7, с. 3], выступали учредителями [4, л. 7] и организовывали совещания представителей кредитных кооперативов для решения актуальных вопросов. Так, в апреле 1912 г. инспектор при Ярославском отделении Госбанка председательствовал на совещании представителей кредитных кооперативов Ярославского и Ростовского уездов. Обсуждалось возможное создание кооперативного союза [8, с. 5].

Инспекторы думали и о путях популяризации кредитной кооперации среди населения. Так, в 1912 г. инспектор при Ярославском

отделении Госбанка М.И. Григорьев сообщал, что по запросу Инспекции были опубликованы статьи в таких периодических изданиях, как «Ярославские епархиальные ведомости» и «Голос». В последней газете даже появилась специальная рубрика «Кооперативное дело» [9, с. 22]. Примечательно, что еще ранее кредитные товарищества рекомендовались в «Костромских епархиальных ведомостях». В одном из номеров за 1906 г. было отмечено, что лучший способ избежать кабалы у кулаков – это создание кредитного товарищества. По всем вопросам предлагалось обращаться к Л.А. Морачевскому – инспектору при Костромском отделении Госбанка [10, с. 629].

Значение инспекторов признавалось и на кооперативных съездах. Так, на первом съезде представителей кооперативных учреждений Ярославской губернии (22–26 января 1913 г.) участники попросили инспекторов чаще посещать кредитные кооперативы и присутствовать на их общих собраниях [15, с. LXXVI].

Предвоенное десятилетие показало, что инспекторы мелкого кредита при отделениях Госбанка играли важную роль в развитии кредитной кооперации на местах. Они не только проводили ревизий кредитных кооперативов, но и непосредственно участвовали в их деятельности. Инспекторы присутствовали на общих собраниях, выступали учредителями, занимали ответственные посты, курировали управленческий аппарат и оказывали консультационную помощь по всем интересующимся вопросам.

Библиографический список

1. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 253. Оп. 1. Д. 203.
2. ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 206.
3. ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 451.
4. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 79. Оп. 7. Д. 4207.
5. ГАЯО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 103.
6. Голос. 1911. 10 (23) февраля.
7. Голос. 1911. 30 января (12 февраля).
8. Голос. 1912. 3 (16) мая.
9. *Григорьев М.И.* Мелкий кредит в Ярославской губернии: исторический очерк развития учреждений мелкого кредита, обзор их деятельности и сводка материалов анкеты / сост. М.И. Григорьев. Ярославль: Тип. Овсеевич, 1912. 295 с.
10. Костромские епархиальные ведомости. 1906. 1 августа.
11. Положение об учреждениях мелкого кредита 7-го июня 1904 года / Положение об учреждениях мелкого кредита седьмого июня 1904 года /

С объяснениями П.А. Соколовского. СПб.: С.-Петербург. отд-ние Ком.осельск. ссудо-сберегательных и пром. т-вах, 1904. 82 с.

12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 582. Оп. 2. Д. 3828.

13. РГИА. Ф. 582. Оп. 2. Д. 4057.

14. Северный край. 1903. 26 июля (8 августа).

15. Труды Первого Съезда представителей кооперативных учреждений Ярославской губернии (22–26 января 1913 года) / Ярославское губернское земство; под общ. ред. И.П. Матвеева; авт. предисл. Л. Каратыгин. Ярославль: Типолитография Губернской земской управы, 1913. 702 с.

УДК 908

Ю.Г. Белоногов,

доцент, Пермский национально-исследовательский политехнический университет (Пермь)

РЕАЛИЗАЦИЯ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 26 ИЮНЯ 1940 г. НАРОДНЫМИ СУДАМИ МОЛотовСКОЙ ОБЛАСТИ В 1940 г.

Аннотация. На основе использования статистических данных рассматриваются организационные проблемы в деятельности судов первой инстанции по реализации Указа от 26 июня 1940 г. во втором полугодии 1940 г. на территории промышленного региона.

Ключевые слова: народный судья, Указ 26 июня 1940 г., прокуратура, уголовное наказание.

Yu.G. Belonogov,

Associate professor, Perm National Research Polytechnic University (Perm)

IMPLEMENTATION OF THE DECREE JUNE 26, 1940 BY THE COURTS OF THE MOLOTOV REGION IN 1940

Abstract. Based on the use of statistical data, organizational problems are considered in the activities of the courts of first instance to implement the Decree of June 26, 1940 in the second half of 1940 in the industrial region.

Key words: judge, Decree of June 26, 1940, prosecutor's office, criminal punishment.

Летом 1940 г. в СССР был принят ряд нормативно-правовых актов, которые криминализовали некоторые трудовые правонарушения. В частности, Указ Президиум Верховного Совета СССР от 26 июня

1940 г. предусматривал уже уголовную ответственность за прогул по неуважительным причинам и самовольное оставление места работы [4]. В позднесоветской, современной российской и зарубежной историографии ход и этапы реализации Указа в довоенный период изучены достаточно подробно (например, см.: [1; 2; 3; 11; 12]). Однако введение в научный оборот региональных архивных источников (статистических данных, делопроизводственной документации) позволяет осветить малоизвестные аспекты деятельности судов первой инстанции по реализации данного нормативно-правового акта (в частности, объем и эффективность работы народных судов, организационно-правовые проблемы функционирования судебной системы, взаимоотношения с вышестоящими инстанциями и местными партийными органами).

О резком увеличении масштабов работы для судебных органов Молотовской области свидетельствуют следующие статданные. За первое полугодие 1940 г. в народные суды области поступило 8712 дел, за второе полугодие – уже 72715, т.е. в 8,3 раза больше. При этом наибольший удельный вес в поступающих за второе полугодие дел составляли именно дела по Указу от 26 июня 1940 г. (57201 дело или 78,66 %). Самый высокий показатель фиксируется в августе 1940 г. (как результат решений июльского пленума ЦК ВКП(б)): из 16040 дел «указные» дела составили 13995 или 87,25 %. Если за первое полугодие 1940 г. народные суды рассмотрели 8898 дел, то за второе полугодие – уже 70573 (т.е. в 7,93 раз больше), из них по Указу от 26 июня 1940 г. 52235 или 74 %. Наибольшие показатели по количеству и удельному весу приходится на август 1940 г. (подсчитано по: [5, л. 1–4]).

Резкое увеличение количество поступающих дел летом 1940 г. совпало с уходом в отпуск в июле–августе 45 народных судей (т.е. более половины кадрового состава), а также ряда высокопоставленных работников Управления НКЮ по Молотовской области, которые могли бы оказать практическую помощь оставшимся заместителям народных судей [6, л. 14 об.]. Следует отметить и некоторое сокращение числа участков народных судов с 88 в январе 1940 г. до 85 в октябре 1940 г.

Значительный рост количества дел по Указу от 26 июня 1940 г. не происходил равномерно по территориям. Поскольку Указ распространялся, прежде всего, на рабочих и служащих промышленных предприятий, шахт,строек и иных объектов «индустриального» сектора экономики, то в Молотовской области в наибольшей степени с проблемой перегрузки делами столкнулись именно народные суды городов-индустриальных центров (Молотов, Кизел, Березники, Краснокамск, Чусовой, Лысьва и др.). И в самих этих городах в наибольшей степени оказались перегруженными те судебные участки, на подведом-

ственной территории которых оказывались крупные градо- и районообразующие предприятия. Согласно акту проверки работы Управления НКЮ и облсуда по выполнению Указа (датируется 27 августа 1940 г.), в нарсуд 1-го участка Сталинского района г. Молотов поступило 280 дел, в нарсуд 2-го участка – 702 дела; в нарсуд 1-го участка Молотовского района г. Молотов поступило 280 дел, в нарсуд 3-го участка – 425 дел; в нарсуд 1-го участка Ленинского района г. Молотов поступило 112 дел, а в нарсуд 3-го участка 279 дел. В нарсуд 3-го участка Краснокамского района поступило 113 дел, в нарсуд другого участка – 344 дела; в нарсуд 5-го участка Ворошиловского района поступило 69 дел, а в нарсуд 2-го участка – 329 дел [6, л. 13–19]. Это логично приводило к тому, что в наиболее загруженных участках судьи не успевали в установленный 5-дневный срок рассматривать дела. Так, на 20 августа 1940 г. в целом по области с нарушением сроков было рассмотрено 17,7 % дел. По областному центру этот показатель составлял уже 18,3 %, а по некоторым участкам г. Молотов удельный вес таких дел составлял 40–50 % [6, л. 14 об.]. На 15 сентября 1940 г. удельный вес дел, рассмотренный судами в установленный срок, составил 85 %, причем значительная часть дел, рассмотренных с нарушением срока, пришла на июль 1940 г. [7, л. 15].

О том, что народные суды первоначально слабо справлялись с увеличивающимся потоком «указных» дел, свидетельствует удельный вес дел, не рассмотренных на конец отчетного периода и перенесенных на начало нового отчетного периода. Так, за второе полугодие 1940 г. этот показатель составлял 8416 дел или 11,93 % от общего количества рассмотренных дел. При этом в июле 1940 г. удельный вес был максимальным (16,85 %), а после решений июльского пленума ЦК ВКП(б) и значительного упрощения процессуального судопроизводства показатель плавно снижается с 16,2 % (август) до 8,1 % (октябрь). Эта эволюция оказалась возможной и благодаря тому, что Управление НКЮ по Молотовской области фактически в «ручном режиме» передавало часть дел от наиболее загруженных в наименее загруженные судебные участки, наделяло заместителей народных судей полномочиями выносить решения по «указным» делам, с начала июля до середины августа закрепляло за народными судьями «кураторов» из числа судей областной коллегии и постоянно их командировало в наиболее «проблемные» судебные участки для оказания непосредственной практической помощи [7, л. 15, 19].

Не менее важным обстоятельством, повлиявшим на деятельность судебных органов по реализации Указа, стало давление со стороны партийных комитетов и вышестоящих органов юстиции на результаты

карательной политики. На первом этапе (июнь–июль 1940 г.) органы прокуратуры и суда, не имея ясных трактовок изменившихся правовых положений, соблюдали прежние процессуальные нормы, что объективно увеличивало сроки прохождения дел. Данное обстоятельство подвергалось критике партийных комитетов за нарушение «духа» Указа. Так, постановлением бюро Молотовского обкома ВКП(б) от 12 июля 1940 г. за «формальное бюрократическое отношение» к выполнению Указа прокурору г. Кизел Цыганкову был объявлен выговор с занесением в личное дело. В вину ставилось то, что «вместо проведения решительной борьбы с нарушителями трудовой дисциплины и дезорганизаторами производства, немедленного привлечения их к суду и организации над ними показательных судебных процессов», прокурор «занился ненужной бюрократической подборкой документов на прогульщиков и нарушителей трудовой дисциплины» [8, л. 9–10].

«Рубиконом» между первым и вторым этапами стал июльский пленум ЦК ВКП(б), решения которого повлияли на упрощение процессуального судопроизводства ради ускорения прохождения уголовных дел по Указу от 26 июня 1940 г. Традиционно формой влияния на «правильные» решения стало показательное привлечение к ответственности работников органов суда и юстиции, «виновных» в нарушении партийных директив и указаний вышестоящих органов. Так, интерес представляет конфликт между руководством Больше-Сосновского райкома партии и местным нарсудьей Гавриличевым по поводу неудовлетворительных результатов работы нарсуда в августе 1940 г. Заведующий организационно-инструкторского отдела райкома Залазаев в беседе с судьей сделал тому замечание: «Почему вызываете в суд в рабочее время свидетелей по делам прогульщиков, ведь это запрещено июльским пленумом ЦК?» На что Гавриличев «якобы» ответил: «Это решение наших судебных органов не касается и мы выполнять его не будем, а по мере надобности суда мы вызывали и будем вызывать свидетелей». По решению местных райкома партии и райисполкома Гавриличев за «политическую близорукость» с должности народного судьи был отозван, а руководство Молотовского облсуда посчитало его «дальнейшее оставление на работе народным судьей не возможным» [6, л. 25–26]. Результатом давления стало осуществление правосудия по новым «правилам», которые предполагали пренебрежение основополагающими нормами. Это объективно приводило к увеличению количества судебных ошибок при рассмотрении «указных» дел.

Для снижения растущего социального недовольства органы власти на третьем этапе реализации Указа от 26 июня 1940 г. начали отходить от очевидных «перегибов» в карательной политике, восстанавли-

вать значимые для судопроизводства процессуальные нормы. Так, органы прокуратуры начинают критиковаться за необоснованное предание суду, нарушение сроков рассмотрения дел, а работа прокуроров начинает оцениваться в зависимости от числа дел, прекращенных в судах, возвращенных к доследованию и окончившихся вынесением оправдательных приговоров [9, л. 59].

В целом, за второе полугодие 1940 г. было рассмотрено «указных» дел в отношении 55839 человек, из которых 49583 (88,8 %) были осуждены, в отношении 1732 лиц (3,2 %) дела были прекращены в подготовительных заседаниях, еще 4474 (8 %) человек были оправданы. Примечательно, удельный вес лиц, не привлеченных судами к уголовной ответственности, начинает значительно увеличиваться с сентября – октября. Соотношение лиц, осужденных по Указу от 26 июня 1940 г., к лицам, чьи дела были прекращены в подготовительных и судебных заседаниях, и к лицам, оправданным по данному Указу в судах первой инстанции, составило за второе полугодие 1940 г. 7,93 к 1. Наибольший показатель карательной политики приходится на июль (25,36:1) и август (37,47:1), потом резко снижаясь в сентябре (8,08:1), октябре (5,14:1), ноябре (4,82:1) и декабре (4,71:1). Всего в 1940 г. в Молотовской области было осуждено 49085 человек (из них за прогул – 40321 человек, самовольный уход – 8764); при этом были оправданы и прекращено дел на 6486 человек, что составляет пропорцию осужденных к не привлеченным к уголовной ответственности как 7,57:1 [9, л. 41].

Серьезной проблемой для народных судов стало документационное обеспечение приведения приговоров в исполнение: резкий рост числа рассматриваемых дел требовал увеличения и соответствующей «бумажной» работы. Интерес представляет письмо от 19 июля 1940 г. наркома НКЮ РСФСР Горшенина руководителям региональных органов юстиции, где напоминалось об обязанности народных судей своевременно указывать все необходимые данные для исполнения приговора в отношении осужденного к исправительно-трудовым работам (ИТР): ФИО, год и место рождения, местожительство, соцположение, семейное положение, специальность, место работы (подробное название и адрес предприятия, в каком отделе/цехе и на какой должности работал, по какой статье осужден и на какой срок, к какому виду ИТР осужден, размер процентного удержания). Особо подчеркивалось, что в случае нарушения инструкции НКВД СССР «О порядке ведения учета осужденных к ИТР и отчетности по ним» отделы ИТР НКВД СССР будут обратно возвращать в нарсуды присланные приговоры для исправления ошибок [10, л. 55–56].

Народные судьи критиковались за «исключительную неповоротливость и медлительность» в отправке копий приговоров и исполнительных листов на работников, приговоренных к ИТР по месту работы и вычету процентов из заработной платы. Так, постановление бюро Молотовского городского комитета ВКП(б) от 15 августа 1940 г. констатировало, что первые исполнительные листы на завод № 172 им. Молотова поступили только 18 июля, а по 387 поступившим в июле исполнительным листам произведено удержание из июльской зарплаты только по 64: «Все это привело к тому, что осужденные прогульщики и лодыри еще не почувствовали закона на своем материальном положении» [10, л. 82–83]. По итогам разбирательств нарсудья 1-го участка Молотовского района Казаков в конце августа был снят с занимаемой должности «за поздние сроки исполнения приговора» [6, л. 15].

В целом, реализация Указа от 26 июня 1940 г. резко увеличила бюрократический объем работ, к чему судебная система (кадровый состав народных судей, существовавшее процессуальное законодательство) первоначально оказалась слабо готовой. Возникавшие в ходе кампании организационно-управленческие проблемы и «перегибы» решались путем применения «оргвыводов» к народным судьям.

Библиографический список

1. Белоногов Ю.Г. Реализация Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. в предвоенный период (на примере Молотовской области): монография. Пермь: Издательство ПНИПУ, 2024.
2. Земсков В.Н. Указ от 26 июня 1940 года... (еще одна круглая дата) // Радуга. 1990. № 6.
3. Козинцев А.А. Государственная политика в системе органов юстиции СССР в 1933–1956 гг.: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010.
4. О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений [Электронный ресурс]: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1940 г. URL: <https://base.garant.ru/77698394/> (дата обращения: 21.11.2025).
5. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1461. Оп. 2. Д. 17.
6. ГАПК. Ф. Р-1461. Оп. 2. Д. 11.
7. ГАПК. Ф. Р-1366. Оп. 3. Д. 121.
8. ГАПК. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 11.
9. ГАПК. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 19.
10. ГАПК. Ф. Р-1461. Оп. 2. Д. 10.
11. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 464 с.
12. Хатанзейская Е.В. Советское уголовное законодательство по трудовым преступлениям и особенности его правоприменения (1940–1956) // Российская история. 2024. № 1.

С.Н. Блиняев,

доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Чувашский государственный аграрный университет (Чебоксары)

В.А. Колесников,

доцент кафедры философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин, Костромская государственная сельскохозяйственная академия (Кострома)

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам Костромской и Ярославской губерний)

Аннотация. Во время Первой мировой войны в Российской империи власть и общество столкнулись с новым явлением: с самого начала войны на территорию страны были интернированы сотни, а затем и тысячи военнопленных, подданных вражеских стран. На материалах Костромской и Ярославской губерний рассматривается вопрос размещения военнопленных в глубинных районах территории России.

Ключевые слова: Первая мировая война, Костромская губерния, Ярославская губерния, военнопленные, продовольственный вопрос, снабжение, революция.

S.N. Blinyayev,

Associate Professor of the Department of General Education, Chuvash State Agrarian University (Cheboksary)

V.A. Kolesnikov,

Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Social Sciences and Humanities, Kostroma State Agricultural Academy (Kostroma)

ON THE SITUATION OF PRISONERS OF WAR DURING THE FIRST WORLD WAR (based on materials from Kostroma and Yaroslavl provinces)

Abstract. During the First World War in the Russian Empire, the government and society faced a new phenomenon: from the very beginning of the war, hundreds and then thousands of prisoners of war, subjects of enemy countries, were interned in the country. Based on the materials of the Kostroma and Yaroslavl provinces, the issue of prisoners of war in the internal territories of Russia is being considered.

Key words: World War I, Kostroma province, Yaroslavl province, prisoners of war, food issue, supply, revolution.

Первая мировая война стала тяжёлым испытанием для Российской империи. Комплекс проблем сливался в единый клубок и стал прологом к революции 1917 г. Среди проблемных вопросов отдельными трагедиями стоят судьбы военнопленных. Первые военнопленные оказались в Российской империи практически сразу в начале войны, в 1914 г. Активные боевые действия приводили к тому, что солдаты воюющих держав сотнями и тысячами попадали в плен. В результате наступательных боевых действий русской армии в августе–сентябре 1914 г. в Российскую империю были направлены первые военнопленные. Подданные враждебных стран, проживающие на территории Российской империи, и заставшие начало войны в России, быстро были поставлены под контроль Министерством внутренних дел и органами местной власти.

Тема военнопленных не нова для исторической науки. Однако современная историография подробнее останавливается на этих сюжетах, в том числе, в рамках регионалистики. Гуманитарная трагедия сотен тысяч людей наложилась на социально-экономический кризис внутри страны, обострив его, в особенности, в потребляющих продовольствие регионах. В ряде работ, посвящённых военнопленным, поднимается вопрос тяжёлого положения русских воинов, попавших в плен [10, 11, 16]. В коллективной монографии, посвящённой военномобилизационным предприятиям, отмечается сокращение посевных площадей и использование труда вражеских военнопленных, которые не могли полностью решить проблему нехватки рабочей силы в деревне, ввиду низкой производительности [17]. Ю.И. Смирнов и М.И. Скрипникова отмечают безудержную эксплуатацию труда военнопленных на стройках железных дорог, лесозаготовках, военных заводах, в шахтах и т.д. [21]. Тяжёлый физический труд побуждал военнопленных к побегам, при этом Мурманская железная дорога была сравнительно недалеко от границы, поэтому был зафиксирован случай побега австрийского полковника графа Лубенского из лагеря военнопленных в Костроме через Петроград и Финляндию в Швецию [9]. Тема военнопленных в годы Первой мировой войны касается всех воюющих сторон.

С началом войны по обязательному постановлению Главного начальствующего Ярославской губернии домовладельцы должны были предоставить местной полиции в трёхдневный срок информацию о проживающих у них германских подданных [15]. Подготовка к принятию военнопленных в провинции началась уже в первые недели Великой войны. 22 августа 1914 г. в Ярославской губернии по распоряжению губернатора началась проверка всех казённых зданий на предмет их пригодности для размещения раненных и военнопленных [25]. 12 октября в Рыбинск прибыл военно-санитарный поезд с ранеными и воен-

но пленными (всего – 411 человек). Военнопленных австрийцев и германцев (в числе которых 5 офицеров) поместили в Карякинском училище в здании новой биржи [1]. Существенная специфика Костромской и Ярославской губерний была в их в промышленной направленности. Кострома и Ярославль выступали крупными фабричными центрами, выгодно расположенными на р. Волге. Одним из ключевых направлений деятельности была – лёгкая текстильная промышленность. Сельское хозяйство по объективным климатическим причинам было скорее вспомогательным. Своих урожаев овса и ржи хватало всего на несколько месяцев до декабря-января. За годы войны в Костромской губернии произошло сокращение посевных площадей на 25 % с 859,7 тыс. десятин в 1913 г. до 642,3 тыс. десятин в 1917 г. [19]. При этом численность населения губернии и, в первую очередь, городов возрастала за счёт беженцев из западных губерний и военнопленных, обостривших проблему нехватки хлеба. Использование труда военнопленных на сельскохозяйственных работах не могло компенсировать и заменить сил русского крестьянина, мобилизованного на войну.

В деревнях же, крестьяне встретили военнопленных по-разному. «К находящимся в Костроме пленным австрийцам население относится доброжелательно, к немцам – хуже»; «Крестьяне, когда ездят на базар в Кострому, охотно и с удовольствием беседуют с пленными, жалеют их, особенно австрийцев-славян, так как они «нашей веры»». Реже в 1914–1915 гг. фиксировались негативные настроения: «Население не очень благосклонно к ним. Даже ропщут что у нас и так хлеб дорог»; «Желают, чтобы за пленниками был строгий надзор, а чтобы не нянчились с ними» [21].

Серьёзной проблемой за годы войны стал нарастающий продовольственный кризис. В целях борьбы с дороговизной предметов первой необходимости местные самоуправления с самого начала войны издавали предельные цены на печёный хлеб и мясо, но такие действия не дали желаемых результатов. Торговцы и купцы ожидали сезонных снижений цен (промежуток времени с весны по осень – главный период навигации и новый урожай). Но в губерниях появлялось всё больше военнопленных и беженцев, а цены на хлеб не падали [18]. Снабжение военнопленных было различным, в зависимости от условий проживания и специфики местности. Снабжение военнопленных продовольствием в 1915 г. в одном из имений Мологского уезда Ярославской губернии состояло из горячего блюда – щей или супа из свежей или солёной говядины, каши или картофеля с подсолнечным маслом, а также четверти фунта чая и 2 фунтов сахара [2, с. 112].

При обеспечении продовольственных нужд губерний для получения гарантии государственного казначейства по займам в частных кредитных организациях, учитывались в том числе сведения о численности населения города, уезда, губернии в настоящее время, включая войска, раненых, беженцев, пришлых рабочих, военнопленных и прочих [8].

В Костромской губернии летом 1915 года австрийским и германским подданным, проживающим в г. Кологриве, запрещалась покупка продуктов первой необходимости не из лавок [12]. Иногда запрещалось сельским жителям продавать германским и австрийским подданным продукты первой необходимости. В Солигаличе запрещено было приобретение продуктов первой необходимости через подставных лиц [13]. С 1916 года главноначальствующим Костромской губернии была запрещена покупка продуктов и предметов первой необходимости до 12 часов дня, как вражескими подданными, так и лицами, скупающими для них продукты [14]. В конце 1916 г. в Буге австрийские подданные скупали предметы продовольствия ранее 12 часов дня, за что были арестованы на две недели [6].

Летом 1916 года в России было сокращено потребление мяса. Нерехтский уездный исправник фиксировал в рапорте, что закон о мясопустных днях оказался неудобно применимым в жизни и тяжёлым для населения и принят последним очень недоброжелательно, особенно в виду отсутствия здесь рыбы для замены мяса и дороговизны других съестных припасов: яиц, молока и овощей. А масло было совершенно недоступно по цене: доходило до 1 руб. 80 коп. за фунт. Кроме того, закупка этих съестных припасов в значительном размере военнопленными вызывала большое недовольство среди городского населения в Нерехте [5].

1917 год для России стал переломным. Внутренние события, общественные настроения, ожидания и неудовлетворённость «били» и по военнопленным. Министру продовольствия в мае 1917 г. был сделан запрос из Ветлуги – оказать помощь военнообязанным германским подданным. С осени 1916 г. уже несколько раз они старались получить от местных продовольственных органов продукты питания, но безрезультатно. Некоторые военнопленные нашли в городе работу и получили продовольственные карточки. Большинство же, и в особенности люди, высланные в деревни, остались без необходимых продуктов, которые кроме как у продовольственного комитета негде было достать. Положение военнообязанных было критическим [3]. Обострялась нехватка рабочих рук. В Костромскую губернскую земскую управу поступило требование от 6 уездных управ на 5225 военнопленных, однако в отпуске военнопленных Губернскому земству было отказано ввиду того, что

пленных не хватало для хозяйств центральных и южных губерний [24]. В итоге решено было направить на сельскохозяйственные работы около 2000 военнопленных, находящихся в Костромской губернии с подённой платой в 50 копеек [23]. Военнопленных возвращали с работ ввиду их плохого отношения к животным, отсутствия у них одежды и обуви, болезней, либо «малопригодности к делу» [7].

К концу 1917 г. ситуация в России стремительно шла к хаосу. В Кологриве требовали перевода военнопленных военнообязанных в местности, более обеспеченные хлебом. На местах опасались, что «тёмное население возможно проявит насилие над подданными враждебных держав» [4].

Военнопленные – это гуманитарная трагедия для всех воюющих сторон. Германцы, австрийцы, турки, оказавшиеся интернированными на территорию России, столкнулись с разным отношением людей в местах своего размещения, различными условиями жизни и труда. Ситуация обострялась и ухудшалась постепенным формированием кризисных явлений в социально-экономической сфере России, вылившаяся в итоге, в революцию 1917 года. Среди обломков корабля российской государственности в бушующем хаосе событий военнопленные продолжали бороться за своё существование и надеялись на возвращение домой.

Библиографический список

1. 12 октября // Голос. 1914. 15 (28) декабря. С. 3
2. Гулин А.О. Провинциальное общество в условиях Первой мировой войны (на материалах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Гулин Александр Олегович. Кострома, 2016. С. 112.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 266. Л. 57.
4. Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. 1288. Оп. 1. Д. 17. Л. 78, 78 об.
5. ГАКО. Ф. 133. Оп. 31. Д. 870. Л. 92, 92 об.
6. ГАКО. Ф. 133. Оп. 31. Д. 925. Л. 53.
7. ГАКО. Ф. 535. Оп. 1. Д. 739. Л. 35, 38, 42.
8. ГАКО. Ф. 535. Оп. 2. Д. 155. Л. 10.
9. Кузнецов А.Г. Проблема военнопленных в годы Первой мировой войны // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник. 2008. № 1. С. 92–99.
10. Нагорная О.С. Военный плен Первой мировой войны: традиции «Прекрасной эпохи» и тенденции «Тотальной войны» // Вестник РУДН. История России. 2011. № 1. С. 107–119.
11. Назарова Т.П. Периодическая печать о судьбе русских военнопленных в годы Первой мировой войны 1 // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 5. С. 35–38.

12. Обязательное постановление Главногоначальствующего Костромской губернии // Костромские губернские ведомости. 1915. 17 июня. С. 1.
13. Обязательное постановление Главногоначальствующего Костромской губернии // Костромские губернские ведомости. 1916. 6 июля. С. 2.
14. Обязательное постановление Главногоначальствующего Костромской губернии // Костромские губернские ведомости. 1916. 13 октября. С. 1.
15. Обязательное постановление // Ярославские губернские ведомости. 1914. 19 августа. С. 2.
16. *Оськин М.В.* Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М.: Вече, 2014. 448 с.
17. Первая мировая война и военно-мобилизационные мероприятия в Среднем Поволжье и Центральном Черноземье: монография / под ред. М.М. Есиковой, П.С. Кабытова, К.В. Самохина. М.: Новый хронограф, 2015. 288 с.
18. Российский государственный исторический архив. Ф. 457. Оп. 1. Д. 883. Л. 13.
19. Сельское хозяйство России в XX веке: сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. / под общ. ред. проф. Н.Д. Кондратьева. М.: Новая Деревня, 1923. С. 86–87.
20. *Сенявская Е.С.* Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник РУДН. История России. 2013. № 1. С. 64–83.
21. *Смирнов В.И.* Отношение деревни к войне // Труды Костромского научного общества по изучению местного края: Выпуск V. Костромская деревня в первое время войны. Кострома: Электро-печатня М.Ф. Риттер, 1916. С. 94–96.
22. *Смирнов Ю.И., Скрипникова М.И.* Военнопленные на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник МИЭП. 2016. № 1 (22). С. 135–139.
23. Сопровождение по применению труда плен. На с.-х. работы // Известия Костромского губернского земства. 1917. № 17. С. 10–11.
24. Трудовая помощь сел. хозяйству // Известия Костромского губернского земства. 1917. № 15. С. 13–16.
25. 22 августа // Ярославские губернские ведомости. 1914. 5 сентября. С. 1.

А.О. Бунин,

профессор, Ивановский государственный медицинский университет (Иваново)

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В 1925–1927 ГОДАХ

Аннотация. В 1925–1927 годы производственная деятельность сельскохозяйственной кооперации значительно расширяется. Большую роль стали играть специальные производственно-сбытовые кооперативные центры. Анализируется работа разнообразных производственных кооперативных объединений.

Ключевые слова: производственные сельскохозяйственные кооперативы, специальные производственно-сбытовые центры, колхозы.

A.O. Bunin,

Professor, Ivanovo State Medical University (Ivanovo)

THE PRODUCTION ACTIVITY OF THE RUSSIAN AGRICULTURAL COOPERATIVE IN 1925–1927

Abstract. In 1925–1927, the production activity of the agricultural cooperative expanded significantly. Special production and distribution cooperative centers began to play an important role. The work of various industrial cooperative associations is analyzed.

Key words: agricultural production cooperatives, special production and distribution centers, collective farms.

В 1925–1927 годах значительно выросла производственная деятельность российской сельхозкооперации. К 1925 г. она получила много предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции (частично безвозмездно, частично на условиях аренды), ранее конфискованных государством.

Быстро росли простейшие производственные объединения: машинные, тракторные, мелиоративные, животноводческие и другие товарищества. Активно создавались производственно-сбытовые кооперативы – маслодельные артели, семенные товарищества, свекловичные, табачководческие, картофелеводческие и другие.

Появлялись предприятия по первичной переработке и обработке сельскохозяйственных продуктов – механизированные склады, элеваторы, холодильники, мясохладобойни, беконные фабрики, плодосушки,

консервные заводы, ферментационные склады, откормочные заведения, сложные машины, электрические установки.

Большую роль в развитии производственной кооперации играли специальные производственно-сбытовые центры. Это были Лыноцентр (объединял 9960 крестьянских кооперативов и 79 универсальных союзов), Союзкартофель (объединял 70 кооперативов и 12 универсальных союзов), Маслоцентр (в 1927 г. в его системе насчитывалось 4996 маслодельных, 711 сыроваренных и 180 заводов смешанного производства, основная масса которых – 3608 – находилась в Сибири и в других районах товарного производства), Плодовинсоюз (объединял 2673 кооператива, 16 универсальных и 6 специализированных союзов), Центротабак (объединял 308 кооператива, 8 универсальных и 5 специальных союзов), Хлебоцентр (объединял 4024 кооператива, 62 универсальных и 1 специализированный союз), Птицеводсоюз (объединял 480 кооперативов и 24 универсальных союзов). В 1927 г. были созданы Животноводсоюз и Свеклоцентр.

В 1927 г. из Сельскосоюза выделился Колхозцентр, объединивший колхозы. Колхозы (коммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли) являлись отдельным видом производственных кооперативов, число которых стало расти с началом массовой коллективизации. В 1926 г. число крестьянских хозяйств в колхозах составляло 247 тысяч, а в 1927 г. уменьшилось до 194,7 тысяч, то есть до 0,8 % от их общего числа. К 1927 г. колхозы не достигли прочного успеха в подъеме сельского хозяйства, значительная их часть не имела инвентаря, скота и построек в достаточном количестве. У многих колхозов были соборские настроения, они заботились лишь о собственном обеспечении продовольствием. К 1927 г. колхозы и совхозы давали вместе лишь 2 % всей продукции сельского хозяйства.

В 1925/26 г. в системе сельхозкооперации насчитывалось 4216 зерноочистительных пунктов, 3165 прокатных пунктов, 2553 случайных пунктов, 2000 питомников, садов, племхозов и рассадников, 6002 маслодельных, сыроваренных и смешанных кооперативов, 154 картофельных предприятий, 486 мельниц, 8000 мастерских и предприятий заводского типа, 2300 кустарно-промысловых кооперативов.

По данным 65 союзов о 2161 сельскохозяйственных и сельскохозяйственных кредитных товариществах среди принадлежащих им производственных предприятий 79 % составляли предприятия по переработке сельхозпродуктов, 7 % по обработке металла и починке сельхозинвентаря, 6,5 % – кирпичные и известковые заводы, 3,8 % – пищевые, 2,4 % – заводы по обработке дерева и другие. Свыше 50 % из них являлись собственностью кооперативов [2, с. 31]. В льняных райо-

нах кооперированность населения достигала в среднем 30 %, в картофельных – 60 %.

Производственные кооперативы проводили и широкую культурно-просветительскую работу. Методы ее были разнообразными: это были курсы подготовки и переподготовки кадров, сельскохозяйственные курсы и кружки, уголки; кино и радиофикация, организация библиотек и изб-читален, пунктов ликвидации безграмотности, школ политграмотности, кооперативных выставок и музеев, народных театров.

Сельскохозяйственная кооперация в 1925–1927 гг. значительно увеличила фонды на капитальное строительство, реконструировала старые и строила новые предприятия. С конца 1927 г. плановое руководство капитальным строительством сельскохозяйственной кооперации возлагалось на созданный Союз Союзов сельскохозяйственной кооперации.

Слабым звеном в производственной деятельности сельскохозяйственной кооперации оставался ремонт тракторов и другой сельхозтехники. В целом по России услуги частника по ремонту сельхозорудий были дешевле кооперативных [3, л. 154]. Но наблюдался и рост ремонтных предприятий. Если в 1926 г. в системе Сельскосоюза имелась 41 мастерская, то в 1927 г. – уже 107. В 1925 г. в РСФСР техническим обслуживанием сельскохозяйственной кооперации было охвачено 48 % всех тракторов, а в 1926 г. – уже 67 % [1, с. 123, 129]. В 1926 г. в сельском хозяйстве было задействовано около 14000 тракторов, но использование их часто оставалось неудовлетворительным.

Роль сельскохозяйственной кооперации в производстве семян выросла с 53 % в 1924/25 г. до 70,5 % в 1927/28 г. Росло и число простейших производственных товариществ. Их число за 1925–1927 гг. выросло в 12,2 раза и достигло 18555, а число членов увеличилось за тот же период в 12 раз. Удельный вес производственных кооперативов за тот же период вырос с 29,2 до 55,5 %.

Таким образом, в 1925–1927 гг. производственная сельскохозяйственная кооперация развивалась достаточно быстрыми темпами и достигла больших успехов в удовлетворении потребностей крестьянских хозяйств.

Библиографический список

1. Булатов И.Г. Кооперация и ее роль в подготовке сплошной коллективизации. М., 1960.
2. Вестник сельскохозяйственной кооперации. 1925. № 14.
3. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 944.

Е.С. Бутрин,

Государственный архив Ивановской области (Иваново)

СКОТОБОЙНИ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Аннотация. В статье на материале архива городской Думы Иваново-Вознесенска анализируется развитие контроля за убоем скота в городе в конце XIX – начале XX в. Автор прослеживает эволюцию убойных пунктов города от нескольких небольших боен, устроенных частными лицами, сначала к городским бойням, сдававшимся одному арендатору, а затем – к общественным бойням, находившимся в заведовании ветеринарных врачей. Движущей силой этой эволюции было постепенное введение властями санитарного контроля за убоем скота. Вопреки желанию городской управы, не стремившейся к устройству городских предприятий, бойни все же стали первым общественным предприятием Иваново-Вознесенска и в начале XX в. приносили стабильный доход местному бюджету.

Ключевые слова: Иваново-Вознесенск, городская Дума, санитарный контроль, ветеринария, мясная торговля, скотобойни.

E.S. Butrin,

State Archive of Ivanovo Region (Ivanovo)

SLAUGHTERHOUSES OF IVANOVVO-VOZNESENSK AT THE TURN OF THE 19TH – 20TH CENTURIES

Abstract. This article, using materials from the archives of the Ivanovo-Voznesensk City Duma, analyzes the development of slaughter control in the city in the late 19th and early 20th centuries. The author traces the evolution of the city's slaughterhouses, from several small slaughterhouses run by private individuals, first to municipal slaughterhouses leased to a single tenant, and then to public slaughterhouses under the supervision of veterinarians. The driving force behind this evolution was the gradual introduction of sanitary control over slaughter by the authorities. Despite the wishes of the city council, which did not seek to establish municipal enterprises, the slaughterhouses nevertheless became the first public enterprise in Ivanovo-Voznesensk and, in the early 20th century, generated a stable income for the local budget.

Key words: Ivanovo-Voznesensk, City Duma, sanitary control, veterinary medicine, meat trade, slaughterhouses.

Иваново-Вознесенск – один из самых быстро растущих городов России рубежа XIX–XX вв. Свое появление в июле 1871 г. он встретил

с населением всего в 10,8 тыс. чел., к январю 1897 г. в нем насчитывалось уже 54,2 тыс. чел., а к 1913 г. численность жителей достигла 168,5 тыс. чел. [1, с. 275–277]. Феноменальный рост населения Иваново-Вознесенска обеспечивали крупные индустриальные предприятия. Заметим, что все эти данные имеют в некоторой степени условный характер, поскольку значительную часть городского населения составляли временные жители – «трудовые мигранты» из сельской местности. Для столь значительного числа населения важной являлась задача продовольственного обеспечения – в том числе мясными продуктами. Хотя, по замечанию известного краеведа Я.П. Гарелина, мясо на столе рабочего являлось «только по большим праздникам», мясная торговля в городе была развита очень неплохо. На 1883 г. мяса в городе продавалось на 235 тыс. руб., причем 70 % составляла местная и привозная говядина, 18 % – баранина и телятина, 6,6 % – птица, и всего 5,4 % – свинина. Мясо в основном привозили из сельской местности – сел Середы, Писцова, Тейкова, Лежнева, телятина поступала из Пестяков, а птица доставлялась из Нижнего Новгорода [2, с. 69–70, 103].

В самом городе скотину держали очень немногие. В 1896 г. в Иваново-Вознесенске насчитывалось 834 головы крупного рогатого скота, 194 козы, 18 свиней и 15 овец [4, д. 427, л. 6, 7]. К 1912 г. число коров, быков и телят выросло до 2452 голов, свиней – до 642 голов, коз – до 328 голов, овец – до 60 голов [4, д. 1272, л. 92 об.–93]. Таким образом, количество скота на дворах иваново-вознесенцев росло примерно одинаковыми темпами с увеличением численности населения. В меньших объемах (но также значительно) возрастала численность ремесленников, занимавшихся мясным и колбасным делом. В 1896 г. в городе насчитывалось 30 мясников (у них трудилось 58 рабочих) и 6 колбасников (10 учеников, 28 рабочих). К 1912 г. в Иваново-Вознесенске число мясников возросло вдвое (79 чел., 20 учеников и 79 рабочих), а колбасников – втрое (20 чел., 30 учеников и 80 рабочих). Эти данные позволяют проследить два основных направления, в котором развивалась торговля мясом в городе на рубеже XIX–XX вв.: сильно вырастает потребление свинины и увеличивается число колбасных заведений. При этом крупных мясных промышленников в городе было немного. Только один торговый дом в Иваново-Вознесенске (открытый А.С. Мясниковым и С.М. Беловым в октябре 1911 г.), специализировался на торговле мясными товарами [3, д. 5106, л. 15–18].

Уже очень скоро после образования города, местные власти были поставлены перед необходимостью наблюдения за местами убоя скота. 10 марта 1877 г. городской голова Я.П. Гарелин сообщал в полицейское управление, что мясные торговцы в г. Иваново-Вознесенска

в течение более четырех лет занимают скотобойнями принадлежащую городу землю за Успенским кладбищем без всякой в доход города платы, а многие также «убивают скотину в лавках и на дворах». В тот же день мясники (12 чел.) сообщили, что отведенным управой местом с арендной платой в размере 300 руб. пользоваться не желают, а наймут место на уездной земле. Городской пристав в течение недели обязал их освободить местность за Успенским кладбищем. Семеро мясоторговцев 22 марта 1877 г. дали подписку в соблюдении медицинских правил торговли мясом. При этом оказалось, что свои бойни они просто перенесли на уездную землю. Общая бойня была открыта на землях крестьян д. Рылихи. Двое мясников также имели и личные бойни: С.А. Блохин – в черте города за Московской заставой, А.В. Гаврилов – на уездной земле крестьян д. Воронникова. Неделю спустя полицмейстер просил Гарелина обсудить вопрос об устройстве боен в черте города, поскольку они должны постоянно находиться под его контролем. Так как число потребителей мяса в Иваново-Вознесенске было велико, необходимо было «ежедневно производить свидетельство боен, ибо только в них можно увидеть, что мясники привели на убой скотину в болезненном состоянии или же искусственно надувают мясо» [3, д. 862, л. 1, 5–7].

Дума на заседании 12 апреля 1877 г. приняла решение устроить на городских землях одну бойню, а затем и еще одну – если таковая понадобится. Поскольку перенос боен на уездную землю означал уход от контроля за правилами убоя скота, городские власти постарались надавить на мясников через места торговли. Уже 22 апреля 1877 г. Гарелин сообщал полицмейстеру, что «в мясных лавках продается нередко мясо скота, дурно убитого, так что кровь сочится из него в значительном количестве». Месяц спустя (24 мая 1877 г.) городская комиссия в составе члена управы М.В. Алякринского, полицмейстера Д.П. Успенского и врача В.А. Бугельского провела осмотр мясных лавок, арендуемых мясниками на торговой площади у гр. С.Д. Шереметева. Лавки, лавочки и полки на площади были расположены без плана, а также «большей частью настолько ветхи, что угрожают разрушением». Хуже всего оказались дела в лавке С.Я. Блохина – местность вокруг нее была завалена мусором и нечистотами, покрывала и ножи были грязными, в лавке найдено и изъято немало мяса, «негодного к употреблению». Лавки К.Е. Мужжавлева, А.М. Тюрменова и Е.А. Пантенкова также содержались нечисто и неопрятно, ножи в них покрылись ржавчиной, покрывала – грязью, а солонина хранилась не в леднике. Обо всех «неисправностях» были составлены протоколы [3, д. 862, л. 9–14].

Мясные торговцы намек поняли – так что уже 15 июня 1877 г. от них поступило заявление о «желании произвести постройку бойни для

битья скота» на месте, отведенном управой. Неделью спустя М.В. Алякринский отправленный для поиска удобного места для бойни вместе с землемером П.И. Бабиковым, доложил, что место для двух боен на 400 кв. саж. отведено с юго-запада от Успенского кладбища на мысе перед оврагом. От прежнего места оно отстояло всего в двух десятках сажен. В то же день, 22 июня 1877 г., мясоторговцы (25 чел.) заключили с управой договор об аренде этой земли на два года (по 150 руб. в год) для устройства скотобойни за собственный счет. Два года спустя аренда была возобновлена. На сей раз в роли арендаторов выступили не все мясники, а только четверо наиболее значительных – И.А. и В.А. Ноздрины, Н.С. Кокушкин и А.В. Грязнов. В марте 1879 г. они получили в двухлетнюю аренду для устройства бойни участок при Успенском кладбище в 200 кв. саж. за 200 руб. в год. Остальные мясники могли пользоваться этой бойней за плату арендаторам. В июне 1879 г. еще двое мясоторговцев – А.С. Мясников и А.В. Гаврилов – получили в аренду для бойни участок на территории Вознесенского посада (в пустоши Бор, за заводом Д.П. Шипова). Он был сравнительно невелик – всего 30 кв. саж., стоимость годовой аренды составила 30 руб. [3, д. 862, л. 19–23, 32–39]. Для арендаторов земли при Успенском кладбище появление второй бойни оказалось неприятной неожиданностью – ведь при заключении договора аренды городской голова заявил им, что «другой бойни в городе устроено не будет». С появлением вознесенской бойни монополия дала трещину, так что на исходе июля 1879 г. Ноздрины, Кокушкин и Грязнов сетовали, что новая бойня «приносит им лишь убытки» и просили сократить арендуемый участок до 50 саж. (с соответственным уменьшением платы). Городские власти на эту просьбу не отреагировали. В марте 1880 г. успенские арендаторы вновь обрисовали тяжелую для них ситуацию: большая часть торговцев (всего их было 23 чел.) убивала скот либо на бойне в Рылихе, принадлежавшей К.Е. Мужжавлеву и А.М. Тюремнову, либо на бойне в посаде. С ними работали всего двое – но их платы с трудом хватало для найма человека, занимавшегося очисткой бойни.

В таком положении (с периодической сдачей в аренду мясоторговцам) иваново-вознесенские бойни просуществовали еще 1890 г. В июне 1885 г. окончился очередной двухгодичный срок аренды земли под бойни, после чего он был возобновлен еще на два года. Землю на пустоши Минсеево в посаде арендовали все те же А.С. Мясников и А.В. Гаврилов (они платили за 15 кв. саж. всего 33 руб. в год). Земля в Боголюбовском овраге арендовалась несколькими группами мясников. С июля 1885 г. они получили четыре участка. Арендная плата за первый составила 60 руб. в год (его получили Н.С. Кокушкин, И.А. Ноздрин

и А.В. Грязнов). Еще три участка были сданы с уплатой 30 руб.: первый – А.М. Тюремнову и И.К. Мужжавлеву, второй – И.В. Шапошникову и К.Е. Мужжавлеву, а третий – шестерым мясников во главе с И.Е. Кудряковым [3, д. 1886, л. 1–3 об.]. Сокращение арендных участков и увеличение числа арендаторов свидетельствует об экономической слабости многих мясоторговцев – на индивидуальную аренду им просто не хватало средств. Организация убоя была соответствующей – ремесленники старались выжать максимальную прибыль при минимальных затратах на устройство боен. Ситуация достигла критической точки к концу 1889 г. – в декабре этого года в городскую управу поступило заявление группы граждан г. Иваново-Вознесенска о необходимости переноса Боголюбовских скотобоен в «уединенную и более удаленную от города местность». Граждане жаловались, что три существующие бойни распространяют непреодолимое «зловоние». Кроме того, опасности заражения подвергается скот, поскольку рядом с бойнями существует ночное пастбище коней, а также «прогон, лежанка и водопой» для коров.

По этому заявлению, бойни 17 апреля 1890 г. были осмотрены городским полицмейстером А.П. Декаполитовым и врачом П.А. Алявдиным. Выяснилось, что необходимые «приспособления для убоя скота и для соблюдения опрятности» при бойнях отсутствовали. Кровь спускалась прямо под пол, где разлагалась, «издавая сильное зловоние», помет разбрасывался вокруг боен, средств для дезинфекции не имелось. Все отбросы через короткое время оказывались в ручье на дне оврага, а затем и в реке. Первую бойню содержали Кокушкин, Ноздрин и Грязнов, вторую – двое Мужжавлевых, Тюремнов и Шапошников, третью – сразу девять мясников во главе с Я.А. Ноздриным. Они пояснили, что убирать нечистоты просто не успевают ввиду постоянного прибытия на бойни больших партий скота. В связи этим было рекомендовано устроить вместо трех боен одну, со всеми необходимыми «приспособлениями» [3, д. 2377, л. 1–7]. Содержавшие самую значительную бойню Кокушкин и Ноздрин немедленно обратились с предложением выделить им место, наиболее подходящее для устройства этого заведения (примерно в 60 саж. ниже по течению ручья). Несколько выше по течению ручья предложили расположить свою новую бойню Шапошников и Грязнов. Однако Дума 4 мая 1890 г. приняла решение – предложить мясникам устроить одну общую бойню, а в случае их несогласия сделать это за счет городского бюджета.

Городской голова А.И. Дилигенской в итоговом докладе о положении боен отмечал, что их владельцы за ненадлежащее содержание «привлекались не один раз к ответственности, но горбатого исправляет одна могила, бойни продолжают оставаться в крайне неприглядном

виде». Мясники были приглашены им в управу 22 мая 1890 г. На предложение устроить общую бойню они «выразили одобрение», но принять в этом предприятии участие отказались – большинство из них были бедны и убивали скот «в крайне ограниченном числе». Тогда и возник проект устройства городской бойни – мясники были согласны уплачивать определенную сумму с каждой убитой головы. Переход бойни в руки города был удобен не только ввиду возможности пополнения местного бюджета, но и установления контроля за соблюдением санитарных норм. Дилигенский начерно набросал и проект бюджета: в городе ежегодно убивалось до 4000 голов крупного и 5000 голов мелкого рогатого скота. При взимании за первый по 10 коп. с головы, а за второй – по 5 коп. с головы, в год можно было получить до 750 руб. Бойню предполагалось устроить длиной 25,6 м, шириной 8,5 м, с асфальтовым полом и помещением для сторожа. Стоимость ее оценивалась в 2000 руб. Землю Дилигенский предлагал выделить с правой стороны от кохомской дороги. Гласные 12 июня 1890 г. приняли его предложение об устройстве общественной бойни, сильно увеличив тариф для мясников: до 30 коп. за голову крупного и до 10 коп. – за голову мелкого рогатого скота.

Бойни были построены в течение летнего сезона 1890 г. Истрачено на них было 2081 руб., а главным подрядчиком выступил крестьянин П.И. Мясников. Опасаясь сразу принимать этот объект в городское хозяйство, гласные приняли решение о его сдаче «на кондиции» специальному содержателю. По этому документу, арендатор на два года получал в полное распоряжение как боголюбовские скотобойни, так и вознесенскую. Открытие других частных боен на территории города запрещалось. Приведенный скот свидетельствовался ветеринарным врачом. Арендатор обязывался содержать бойни «в полной исправности», своевременно очищать их, вывозя грязь в специально отведенные места. На его счет приходились также наем специального караульного и «произведение небольших поправок». В ходе торгов 5 октября 1890 г. за бойни спорили В.И. Хвостов и ветеринарный фельдшер И.Г. Коровкин. Торг стартовал с 500 руб., а верх в итоге одержал Коровкин, положив 625 руб. годовой аренды [3, д. 2377, л. 18–26]. Он получил специальную книгу для ежедневной записи количества убитого скота. Городские мясники, в свою очередь, дали специальную подписку в убое скота только на общественных бойнях. В октябре 1893 г. новым арендатором боен стал Г.Е. Федчин за 628 руб. в год [6, с. 7–8]. Но постепенно размер арендной платы снижался – с октября 1894 г. бойни были сданы за 560 руб. в год, с октября 1896 г. – за 500 руб. [7, с. 36].

Происходило это в первую очередь, по причине не слишком удовлетворительного содержания боен. Новые арендаторы, как и прежние, стремились получить наибольший доход при наименьших затратах на содержание. Санитарный врач Д.Е. Померанцев, действовавший в Иваново-Вознесенске летом 1893 г., оценивал состояние осмотренных им боен крайне неудовлетворительно. В старых посадских бойнях не имелось даже колодца для постоянного снабжения водой, почва под ними превратилась «буквально в выгребную яму». Не отличались опрятностью и новые ивановские бойни – в них требовалось устройство помещения для разделки кишок, а также «целесообразной системы удаления нечистот». Кроме того, обычно игнорировались санитарные требования при перевозке разделанных туш: использовались грязные телеги и рожи, с мясом соседствовали плохо промытые внутренности. Ивановские бойни не удовлетворяли практически ни одному из требований «санитарной науки» [3, д. 2736, л. 300–316]. Они постепенно ветшали, так что последний арендатор – В.П. Мешков за «серьезные недостатки» в их устройстве даже был привлечен к уголовной ответственности. Когда 2 октября 1898 г. в Думе состоялись очередные торги он заявил, что аренда боен «в таком виде на будущее время представляется рискованной». С этим согласились все участники торгов. Ввиду этого было решено торги отменить, а вопрос о судьбе боен передать недавно сформированной санитарной комиссии Думы [3, д. 3366, л. 5–6].

Арендаторы (В.П. Мешков и В.А. Перлов) продлили срок аренды еще на месяц с небольшим. Но 15 ноября 1898 г. они от продолжения ее окончательно отказались. Санитарная комиссия приняла решение о коренном переустройстве боен. В боголюбовских бойнях были окрашены стены, канавы заделаны бетоном, устроены люки для спуска крови, сделаны навесы для скота, а у подъезда к бойням и во дворе выстлана мостовая. Бойня была огорожена забором с двумя воротами, кровля ее окрашена, появились блоки с цепями, а столы в помещении были отделаны цинком. Аналогичным образом была исправлена и вознесенская бойня. Всего капитальный ремонт обошелся в 1577 руб. – немногим меньше, чем в свое время строительство новых боен [8, с. 92]. Ремонт был окончен к апрелю 1899 г. и вплоть до сдачи боен в аренду управе пришлось нанять для их содержания сторожей. На вознесенской бойне эту должность занял крестьянин Я.И. Захаров, на ивановской – бывший унтер-офицер М.Г. Кузнецов. Сторож принимал на себя очистку боен, содержание в них инструмента, а также наблюдение за убоем скота. Месячный оклад был невелик – вознесенский сторож получал 15 руб. в мес., ивановский – всего 6 руб. На исходе июня 1899 г. в ивановской бойне появился и второй сторож – крестьянин И.Г. Сушин. Деньги им

выплачивались из сумм, собранных с мясников по таксе за убитый скот. Этим сбором занимался ветеринарный фельдшер И.Г. Коровкин, а его коллега Н.И. Земсков еженедельно представлял в управу ведомость о количестве убитого скота. Впрочем, санитарное состояние боен находилось не в лучшем виде. При осмотре их врачом П.А. Алявдиным 15 мая 1899 г. было отмечено «резкое зловоние», исходившее от ям с кровью, которые не были продезинфицированы. Когда же врач потребовал открыть два отделения, в которых убоя не было, войти туда оказалось невозможно «по причине сильной вони». Он просил управу «вменить в обязанность лицу, заведующему бойнями, соблюдать должную чистоту и производить дезинфекцию» [3, д. 3505, л. 1–15].

Хозяйственное содержание боен требовало постоянно внимания от членов управы, отнюдь не горевших желанием постоянно посещать места убоя скота. 10 июля 1899 г. было принято решение о проведении торгов с целью сдачи боен новому арендатору. Первые торги состоялись 16 июля, стартовая цена аренды была установлена в 600 руб. [3, д. 3366, л. 9–12]. Однако память об уголовном преследовании, которому подвергся последний арендатор, заставила всех потенциальных претендентов отказаться от этой сомнительной затеи. На торги просто никто не явился. Таким образом, у городских властей фактически не осталось выхода – бойни перешли в хозяйственное распоряжение общественного самоуправления. Этот момент явился поворотным в их истории. Как верно замечает Д.А. Мельникова, к концу XIX в. в России так и не установился «единый порядок проведения» ветеринарной экспертизы на бойнях [5, с. 207]. Наиболее благоприятные возможности для его организации предоставляли общественные бойни – в столице империи они появляются еще в 1882 г., а вот в провинцию это прогрессивное нововведение проникало с трудом [14, с. 35].

В Иваново-Вознесенске городские власти по сути, оказались заложниками ситуации с отсутствием крупным мясоторговцев-арендаторов. Но случайное попадание боен в общественное управление резко стимулировало развитие в городе санитарно-ветеринарного дела, так что новое городское предприятие очень быстро начало приносить неплохую прибыль. Если в 1899 г. бойни принесли в городскую казну всего 167,18 руб., то уже в 1900 г. – 1752,13 руб. В 1901 г. доход снова упал до 962,53 руб., а в 1902 г. вырос незначительно – до 1025,13 руб. Между тем необходимость контроля за убоем скота привела к появлению в городе специального ветеринарного врача. Решение о его найме было принято гласными Думы 20 января 1900 г., а к исполнению своих обязанностей врач Н.И. Любимов приступил 12 марта 1900 г. с жалованием 50 руб. в мес. [9, с. 40, 110; 10, с. 38; 11, с. 28]. С января 1901 г.

жалование Николаю Ивановичу было повышено в полтора раза – до 900 руб. в год. Именно новый санитарный врач обратил внимание на недопустимую ситуацию с освидетельствованием мяса, привозимого на базары в Иваново-Вознесенске. 28 февраля 1902 г. он представил в городскую управу свои соображения по этому поводу.

Существующий порядок осмотра туш – на базаре во всякое время дня – был не только «не по силам» ветеринарному надзору, но и достигал главной цели: охраны жителей от больного мяса. По его мнению, надзор за привозимым мясом необходимо было приурочить «к определенному времени и месту»: в базарные дни – с 6 до 8 часов утра, а в остальные – с 9 до 10 часов. За осмотр вводилась специальная такса: 40 коп. с туши крупного рогатого скота, 25 коп. с туши свиньи, 10 коп. с мелкого скота, 5 коп. с поросенка и 3 коп. с говяжьего студня. После осмотра выдавалась соответствующая квитанция. Мясо, подвергнувшееся санитарному осмотру на месте убоя и имевшее соответствующий штемпель, не осматривалось. По словам Любимова, в город ежегодно привозилось до 3000 туш коров и быков, 1000 туш свиней, а также 4000 туш телят и овец, так что проектируемый сбор должен был дать казне не менее 2000 руб. Под его руководством постепенно модернизировались городские бойни. Ввиду этого, он предлагал увеличить также плату за убиваемый на них скот: 45 коп. (вместо 25 коп.) с крупного рогатого скота и 10 коп. (вместо 7 коп.) – с мелкого. Плата за свиные туши не повышалась (25 коп.). Эти нововведения также должны были принести городу не менее 900 руб. в год. Почти целый год любимовский проект обсуждался в недрах городской управы. Наконец, 28 ноября 1902 г. она вышла с новой таксой на заседание Думы. Это проект перекрыл предложения Любимова: за убой головы крупного рогатого скота плата была установлена в 50 коп., мелкого – в 15 коп., поросят – в 5 коп. Повышена была и плата за освидетельствование туш: до 50 коп. – с крупного рогатого скота, до 15 коп. – с мелкого скота. За телят взималось 15 коп., за поросят по 10 коп. с пуда, с ягнят – 5 коп., с солонины – по 3 коп. с пуда. Проект таксы был направлен в Министерство финансов и получил «зеленый свет» в июле 1903 г. [3, д. 3812, л. 1–3 об., 17].

В следующем месяце такса была введена в городе официально, сбор начал производиться с 5 августа 1903 г. Всего в течение оставшейся части года за убой скота было получено 1088,77 руб., а за осмотр – 6304,29 руб. [12, с. 22]. Благодаря этим поступлениям, в 1903 г. проводится капитальный ремонт скотобоен. В них исправляются асфальтовые полы, окрашиваются стены, покупаются новые принадлежности для убоя и инструменты для ветеринарных врачей. Наконец, при бойнях устраиваются отапливаемые «помещения для временного пребывания

ветеринарного надзора». Всего в 1903 г. на ремонт было израсходовано 1589,05 руб., а в 1904 г. – 308,98 руб. Ввиду значительно увеличения работы по осмотру привезенного на базары скота, Дума 11 декабря 1903 г. приняла решение о приеме на работу второго ветеринарного врача с жалованием в 600 руб. Эту должность в 1904 г. занял К.В. Коровин. При этом старший врач – Н.И. Любимов – избрал в качестве своей базы посадские бойни, тогда как его коллеге были доверены ивановские. Таким же образом были разделены полномочия врачей по осмотру туш на базарах. Поступления от вознесенского врача оказывались немного выше: в 1904 г. Коровиным было собрано 1328 руб., а Любимовым – 6356,49 руб. (82,8 %). В следующем году разница оказалась еще более впечатляющей – 8031,4 руб. с посадской части города и всего 305,3 руб. – из ивановской (3,7 %). В дальнейшем она сократилась до прежних величин: в 1908 г. из общей суммы 85 % было собрано в посадской части, в 1909 г. – 81,5%, в 1910 г. – 89 %.

В 1912 г. Н.И. Любимов подвел итог десятилетней работе городской скотобойни в Иваново-Вознесенске. Оказалось, что количество убиваемого в городе крупного рогатого скота несколько уменьшилось: в 1903 г. оно составило 3613 голов, в 1912 г. – 3401. Овец и телят также стали убивать меньше – в 1903 г. их на бойне оказалось 969 голов, а в 1913 г. – всего 264 головы. Зато количество свиней, переработанных на скотобойне выросло за те же годы с 78 до 453. Наибольший убой крупного рогатого скота приходился на период с мая по сентябрь, мелкого – с августа по октябрь, свиней – с июля по сентябрь. Зимой (с декабря по апрель) скот резали намного меньше. Зато именно на этот период (с октября по январь) приходился наибольший убой лошадей [3, д. 4737, л. 25–25 об.]. Что касается привозного мяса, то его объем основательно увеличился. Туш быков и коров в город в 1912 г. поступило вдвое больше, чем в 1903 г. (их число возросло с 5835 до 11772), примерно в таком же объеме увеличилось количество свиней (с 1626 до 3111 туш). Число привезенных телят возросло на 73 % (с 2907 до 5038 туш), солонины – на 40 % (с 8300 до 11674 пудов), а вот количество овец и баранов почти не увеличилось (с 8097 до 8310 туш). Всего же, по расчетам Любимова объем привозного мяса в пудах с 1903 по 1912 г. вырос почти на 88 % (с 75567 до 141865,5 пудов). Доходность бойни за эти годы выросла более чем вдвое – с 6231,47 руб. до 13227,57 руб. [13, с. 270–272].

Таким образом, скотобойни г. Иваново-Вознесенска в конце XIX – начале XX в. проходят путь от частных учреждений с небольшой арендной платой городу, до одного из самых прибыльных городских предприятий. Собственно, бойни оказались первым и на долгое время единственным предприятием города. Характерным является тот факт,

что этот статус они получили благодаря не предприимчивости властей, а отказа частных лиц от аренды. Управа фактически была вынуждена принять бойни на свое попечение – и оказалось, что при умелой организации работы это предприятие может приносить немалый доход. Благодаря ему в городе появляются ветеринарные врачи. Они не только обеспечивают надлежащий контроль за убоем скота и санитарным состоянием боен, но и организуют осмотр привозного мяса, количество которого в Иваново-Вознесенске в первое десятилетие XX в. возрастет практически вдвое.

Библиографический список

1. Бутрин Е.С. Городская перепись в Иваново-Вознесенске в 1916 году // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв.: материалы XXI Международной научной конференции. Иваново, 2022. С. 275–282.
2. Гарелин Я.П. Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский Посад. Ч. 2. Шуя, 1885.
3. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 2. Оп. 1.
4. ГАИО. Ф. 4. Оп. 1.
5. Мельникова Д.А. Ветеринарно-санитарный надзор в скотобойном деле в Российской империи в последней четверти XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2023. № 2. С. 200–218.
6. Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1893 год. Иваново-Вознесенск, 1894.
7. Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1898 год. Иваново-Вознесенск, 1899.
8. Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1899 год. Иваново-Вознесенск, 1900.
9. Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1900 год. Иваново-Вознесенск, 1901.
10. Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1901 год. Иваново-Вознесенск, 1902.
11. Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1902 год. Иваново-Вознесенск, 1903.
12. Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1903 год. Иваново-Вознесенск, 1904.
13. Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1912 год. Владимир, 1914.
14. Рогатко С.А. Торговля и переработка на мясном рынке Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. // Современная научная мысль. 2021. № 4. С. 32–39.

А.Ю. Вакарчук,

главный библиограф, Центральная универсальная научная библиотека
Ивановской области (Иваново)

ИЗ ИСТОРИИ ИВАНОВСКОГО ТЕАТРА ЮНОГО ЗРИТЕЛЯ (1929–1948 гг.)

Аннотация. Движение за создание специализированных ТЮЗов привело к созданию такого в нашем городе. Его история – это достижения через преодоление слабой материальной базы и неожиданная загадочная ликвидация.

Ключевые слова: театры для детей, театральные здания, Ивановский областной театр юного зрителя, культурное строительство 1930-х гг., Ивановская область.

A.Yu. Vakarchuk,

Chief Bibliographer, Ivanovo Regional Central Universal Scientific Library (Ivanovo)

FROM THE HISTORY OF THE IVANOV YOUNG AUDIENCE THEATRE

Abstract. The movement to create specialized young audience theaters led to the creation of one in our city. Its history is one of achievement, overcoming a weak financial base, and an unexpected, mysterious closure.

Key words: youth theaters, theater building, Ivanovo Regional Young Audience Theatre, cultural construction of the 1930s, Ivanovo region.

Специализированные театры для детей и юношества впервые в истории были созданы только в СССР. Начало было положено в 1918 г., и к началу 1930-х гг. количество таковых профессиональных театров исчислялось десятками [4, с. 5, 9, 12]. В их числе был и Ивановский театр юного зрителя. Приходится писать «был»: театр юного зрителя (ТЮЗ) в Иваново-Вознесенске – Иваново работал в 1929–1948 гг. с перерывом 1941–1944 гг. Так получилось, что открыт он был по рекомендации «сверху», а закрыт через 19 лет – тоже под влиянием «верхов», но не только (об этом в финале). Его история была полна трудностей: организационные пертурбации, две ликвидации, проблемные здания и помещения, недостаточность финансирования – это с одной стороны. С другой: любовь и равнодушное отношение юных зрителей, которые мотивировали держаться на плаву и на уровне. В статье мы рассмотрим, насколько это возможно кратко, 3 стороны существования Ивановского ТЮЗа, одного из провинциальных детских театров Центральной

России: организационно-управленческую, материально-техническую и идейно-творческую, привлекая разнообразные источники, в том числе еще не введенные в оборот.

Театры юного зрителя или детские театры были тесно связаны одновременно с двумя «епархиями» – и органами управления зрелищных искусств, и органами народного образования, причем до 1936 года со вторыми – больше. Ивановский ТЮЗ был создан в конце 1929 г. [8] в результате, назовем ее так, пропагандирующей командировки Московского педагогического театра, а его фактическим основателем стал губернский пролеткульт, уже имевший свой взрослый драматический театр. В 1932 г. пролеткульты во всей стране были упразднены в результате известного «монополизирующего» постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», ивановский передвижной детский театр перешел в ведение областного отдела народного образования и... стал на грань ликвидации, от которой ее спас новый художественный руководитель (с 1933 г.) Борис Капитонович Пашков (1890–1972). Театр получил дотацию и впервые – собственное здание в местечке Пески, то есть стационар. ТЮЗ въехал в здание ликвидированного кинотеатра «Постройка» (ныне место Троицкого сквера близ начала улицы Жарова), располагавшее небольшим залом на 250–300 мест [9, с. 3, 6]. В 1936 г. управление искусством в СССР перешло во впервые создаваемый Всесоюзный комитет по делам искусств, в орбиту которого попали и театры для детей, с тех пор Ивановский стал полноценным театром системы областного Управления по делам искусств Облисполкома. В 1935 г. Б.К. Пашков приютил у себя только что зародившуюся небольшую труппу театра кукол во главе с его основательницей Е.П. Пироговой. Пять лет они давали спектакли в одном здании.

Условия, в которых работал театр в 1930-е гг., хорошо характеризует состояние здания в Песках. Прямо под сценой, под фундаментом тек ручей, размывая его. От этого, конечно же, в помещениях было сыро и холодно. Здание от ручья все больше приходило в негодность. Негде было хранить декорации – они хранились во дворе и могли очутиться на сцене мокрыми [3, л. 45]. Зрительская часть была настолько тесной, что не находилось места для гардероба (зрители сидели одетыми). Только к началу сезона 1936/1937 после ремонта была оборудована раздевалка, сделан покаты пола, введена нумерация мест (не было даже ее!) [5].

Но в этих крайне плохих условиях прошли лучшие годы театра как творческой единицы благодаря уже упомянутому Б.К. Пашкову – режиссеру и театральному деятелю, который был художественным руководителем в 1933–1938 гг. Формальным показателем этого и призна-

ния труппы стало то, что с 1 января 1937 г. театр был переведен из 4-го пояса в 3-й «на основании художественного и творческого роста коллектива» [1, л. 1]. От места в иерархии т.н. поясов зависела смета и штаты. Но это было позже, прежде же ему доводилось сетовать: «Хороших актеров мало, т.к. мы в 4-м поясе. Идут, кому жизнь надоела». И ему удалось повысить «классность» театра, хотя это не могло решить всех проблем. Со следующего года проблема для него стала во взаимодействии с очередным директором (менялись часто): в 1938 г. Пашков жаловался, что труппу за сезон директор набрал без его участия, да еще как: «Я просил 8 мужчин и 3 женщины, они дали 6 женщин и 2 мужчин. Так еще и они (некоторые) терпеть не могут детей! А уволить их досрочно я не могу, так как договора до конца сезона» [3, л. 46–47].

Театр давал 30 показов спектаклей в месяц, 4–5 премьер в сезон [3, л. 46]. Б.К. Пашков в 1936 г. сетовал на недостаточную информационную работу в отношении их местными газетами: редко что-то писали «Рабочий край» и даже пионерская «Всегда готов», иногда рассказывал содержание пьес «Ленинец», в то время как постановка «Сережа Стрельцов» В. Любимовой была отмечена самой центральной «Правдой» [2, л. 25, 67]. Но несмотря на это и вследствие небольшого выбора культурного досуга, театр был востребован и был заполнен. Обратной стороной востребованности стала повторяемость: детей в Иванове 38 тыс., многие уже раз по 12 смотрят, все выучили и даже... подсказывали запамятовавшим артистам! Текучка актеров была, и пока там новые хорошо выучат роль... Актеры жаловались, что «невозможно играть, сидит зритель и подсказывает, говорит вперед актера. Только актер вышел на сцену, начал говорить – а ему уже подсказывают следующую реплику». Другого рода проблема была из разряда, как говорил Пашков «идут кому жизнь надоела». Как-то одной из актрис не нравилось играть старуху, и играла она спустя рукава. На конференции юных зрителей дети написали об этом (не прошло у них незамеченным!), она прочла отклик и это ее пристыдило, она взялась за роль, походку сменила на старушечью [3, л. 48]. Вот она, сила зрителя! Как же на тогдашних юных зрителей влияла сила искусства ярко показывает реакция на спектакль про Павлика Морозова – «Хмурово устье» Л. Бочина. Актер, персонаж которого убивал Павлика, жаловался, что вечером после спектакля мальчишки подкарауливают его на улице, пристают с криками «Это он Павлика убил!» и обещают поколотить, играют или всерьез – неясно, но ему неприятно, и просил снять его с роли [2, л. 27; 9, с. 15].

В 1940 г. областной драматический театр въехал в наконец-то достроенное огромное здание на площади Пушкина, а его бывшее, тоже немалое здание (народный дом) с залом на 1100 мест получил ТЮЗ. Это

было достижением. Труппа кукольного театра осталась в старом здании в Песках, теперь единолично. Но радости оказалось только на один сезон – 1940–1941 гг.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны и ухода многих артистов в народное ополчение, в июле 1941 г. театр юного зрителя был временно ликвидирован – буквально временно объединен с облдрамтеатром [6, с. 29], который теперь совместными усилиями с перешедшими актерами должен был осваивать (и осваивал) репертуар для детей (первая такая пьеса – Золотой ключик А. Толстого) [6, с. 38]. В декабре 1944 г. ТЮЗу был возвращен прежний самостоятельный статус [6, с. 157–158], то есть он был возобновлен и вернулся в здание нардома.

В 1948 г. вследствие постановления Совета министров СССР от 4 марта 1948 г. № 537 «О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности» провинциальные театры, за редкими исключениями, были переведены на самоокупаемость. Больше всего долгов обнаружилось у ТЮЗа. Чтобы решить эту проблему, Облисполком принял решение временно объединить ТЮЗ с областным драматическим театром, передав ему большую часть актеров и имущество, а здание (нардом) было сдано под размещение временной стационарной киноустановки. Но это оказался как раз тот случай, когда нет ничего более постоянного, чем временное. Временная киноустановка так и выросла со следующего года в настоящий кинотеатр. Название его было – «Великан».

А ликвидация ТЮЗа как организации происходила в апреле – мае 1948 г.: решение Облисполкома было от 22 апреля, актеров уволили 16 мая [9, с. 40]. К Первомаю газеты анонсировали спектакли ТЮЗа (правда, на вне стационаре) и ничего не писали о ликвидации [7]. Так в мае 1948 г. ТЮЗ исчез, к тому же еще и вместе со своим архивом [9, с. 40]. С тех пор в Иванове детского профессионального драматического театра нет. Бывшее первое здание ТЮЗа было снесено в 1950-х гг. Помещение бывшего нардома («Великана») сейчас не используется. Б.К. Пашков с 1951 г. работал главным режиссером Ивановского театра кукол.

Библиографический список

1. ГАИО. Ф. Р–2725. Оп. 3. Д. 5 (приказы областного управления по делам искусств за 1937 г.).
2. ГАИО. Ф. Р–1510. Оп. 1. Д. 3856 (стенограмма совещания в облисполкоме с работниками театров области, 8–9 дек. 1936 г.).
3. ГАИО. Ф. П–327. Оп. 6. Д. 115 (стенограмма совещания в обкоме ВКП(б) о работе театров, 10–11 февраля 1938 г.).
4. *Гозенбуд А.Н.* Центральный детский театр. М.: Наука, 1967. 307 с.

5. *Исаков И.С.* Лучшие условия – большая ответственность // Рабочий край. 1936. 18 сент.

6. Музы в военном строю, 1941–1945. Вклад ивановских артистов в Победу: сб. док. / Гос. арх. Иван. обл.; отв. ред. О.И. Захарова. Иваново: ИвГУ, 2010. 200 с.

7. На сценах театров в праздничные дни // Рабочий край. 1948. 28 апр.

8. Театр для детей (к открытию) // Рабочий край. 1929. 28 нояб.

9. *Шутова Н.Ю.* Аплодисменты в прошлое: история Ивановского профессионального театра юного зрителя 1929–1948 гг. Иваново: Печатный двор, 2010. 68 с.

УДК 93/94

Э.Ш. Велибеков,

аспирант, Ивановский государственный университет (Иваново)

ИЗ ОПЫТА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО УПРАВЛЕНИЮ ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена изучению опыта советского государства по управлению оборонной промышленностью накануне Великой Отечественной войны. Анализируется деятельность Комитета обороны и народных комиссариатов по выполнению задач советского государства

Ключевые слова: Комитет обороны, состав, народные комиссариаты, оборонная промышленность, оборонный заказ.

E.Sh. Velibekov,

Postgraduate student, Ivanovo State University (Ivanovo)

FROM THE EXPERIENCE OF THE SOVIET STATE IN MANAGING THE DEFENSE INDUSTRY ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. This article examines the Soviet state's experience in managing the defense industry on the eve of the Great Patriotic War. It analyzes the activities of the Defense Committee and the People's Commissariats in fulfilling their responsibilities as a Soviet state.

Key words: Defense Committee, composition, people's commissariats, defense industry, defense order.

Актуальность и историография темы исследования. Главной задачей современной оборонной промышленности в условиях проведения

специальной военной операции является удовлетворение потребностей вооруженных сил России в современных видах высокотехнологичного вооружения. Организация ее выполнения возложена на Военно-промышленную комиссию Российской Федерации, которая являясь постоянно действующим органом, осуществляет реализацию государственной политики в сфере оборонно-промышленного комплекса, военно-технического обеспечения обороны страны, безопасности государства и правоохранительной деятельности. Деятельность данной комиссии с 2014 г. подчинена Президенту Российской Федерации В.В. Путину. По сути, как подчеркнул он на одном из заседаний комиссии, в настоящее время не только нарабатывается опыт конструктивного взаимодействия действующей армии с оборонной промышленностью, но и максимальная ее адаптация к опыту на передовой. Все это актуализирует необходимость обращения к историческому опыту и, прежде всего, к деятельности оборонной промышленности накануне и в годы Великой Отечественной войны. Так, в фундаментальном 12 томном научном издании «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» при освещении опыта предвоенного управления военной экономикой используются два термина: «оборонная промышленность» и «военно-промышленный комплекс», под которыми понимается совокупность отраслей промышленности подчинённых специальным наркоматам [1]. Данный подход имеет место в трудах И.С. Быстровой [2], В.В. Васильева [3], Н.С. Мартыненко [4], Н.С. Симонова [5,6], и других.

Управление. Нити в управлении оборонной промышленностью в предвоенный период первоначально были сосредоточены в Комитете Обороны, подчиненном непосредственно Совету Народных Комиссаров СССР (СНК). Комитет был образован постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 апреля 1937 г. одновременно с упразднением его предшественника – Совета Труда и Обороны при СНК СССР. Изначально на Комитет возлагались задачи по практическому руководству осуществлением государственных программ военного строительства и непосредственной подготовки промышленности и народного хозяйства к мобилизации. Также он ведал рассмотрением вопросов о принятии на вооружение новой техники и подготовкой решений по утверждению военных и военно-морских заказов, утверждение планов и сроков её запуска в серийное производство.

В январе 1938 г. функции Комитета после создания при нём Военно-промышленной комиссии значительно возросли. Все решения Комитета были обязательны для наркоматов и иных ведомств. Ещё более расширились полномочия Комитета в мае 1940 г., когда на него были дополнительно возложены функции координации деятельности НКО

СССР, НК ВМФ СССР и ряда Главных управлений при СНК СССР по вопросам военной промышленности (авиация, гидрометеорология, военное строительство, геодезия и картография, а также Осоавиахим).

Первоначально постоянного аппарата при Комитете не было, он был образован только решением Политбюро от 7 декабря 1937 года. Подготовкой вопросов для рассмотрения на Комитете занимался его Секретариат (руководитель комкор Г.Д. Базилевич), затем эта функция была передана аппарату Н.А. Вознесенского, которому тем самым были переданы обязанности по практической организации работы Комитета (позднее эти функции перешли к А.А. Жданову).

Председателем Комитета с 27 апреля 1937 г. по 7 мая 1940 г. был В.М. Молотов. Первоначально в состав Комитета обороны входили 7 членов (В.М. Молотов, И.В. Сталин, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, В.Я. Чубарь, М.Л. Рухимович, В.И. Межлаук) и четверо кандидатов (Я.Б. Гамарник, А.И. Микоян, А.А. Жданов, Н.И. Ежов). С выбытием из него ряда членов по причине репрессий состав Комитета изменился. На их место в 1939 г. в состав Комитета были введены Н.Г. Кузнецов, Л.П. Берия, Г.И. Кулик, Б.М. Шапошников, И.И. Проскуров, а должности кандидатов в члены Комитета были упразднены.

В июле 1940 г. был утверждён новый состав Комитета: К.Е. Ворошилов (председатель), Н.А. Вознесенский (заместитель председателя), И.В. Сталин, С.К. Тимошенко, Л.П. Берия, Л.М. Каганович, Н.Г. Кузнецов, Б. М. Шапошников. До конца 1940 г. в состав членов Комитета дополнительно были введены С.М. Будённый, К.А. Мерецков, Н.А. Булганин и В.А. Малышев. Однако в связи с принятием ЦК ВКП(б) и СНК СССР 21 марта 1941 г. совместного постановления «Об образовании Бюро Совнаркома» состав Комитета был сокращён до пяти человек, персонально утверждаемых СНК СССР. В результате в него с 9 апреля 1941 г. вошли К.Е. Ворошилов (председатель), А.А. Жданов (заместитель председателя), И.В. Сталин, С.К. Тимошенко, Н.Г. Кузнецов. Функции Комитета обороны были ограничены вопросами принятия на вооружение новой военной техники, рассмотрения военных и военно-морских заказов, разработкой мобилизационных планов с внесением их на утверждение в ЦК и СНК.

30 мая 1941 года Комитет был упразднён, вместо него создана Комиссия по военным и военно-морским делам при Бюро СНК СССР в составе: И.В. Сталин (председатель), Н.А. Вознесенский (заместитель председателя) и на правах членов: К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов и Г.М. Маленков. С учетом того, что И.В. Сталин к этому времени возглавлял СНК СССР, значимость Комиссии в решении оборонных вопросов значительно возросла.

Народные комиссариаты: 11 января 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О разделении Наркомата Оборонной промышленности СССР» было положено начало формированию в системе управления советской промышленности «кадровых» наркоматов по проектированию и производству основных видов артиллерийско-пулеметного и стрелкового вооружения (Наркомат вооружения СССР), комплектных боеприпасов (Наркомат боеприпасов СССР), авиационной техники (Наркомат авиационной промышленности СССР), боевых надводных и подводных кораблей (Наркомат судостроительной промышленности СССР). В случае необходимости производственно-технический потенциал предприятий военно-промышленных наркоматов мог быть усилен присоединением к совместному производству (в качестве комплектаторов) родственных (по технологическому профилю) предприятий гражданской промышленности.

По состоянию на середину 1938 г., из 219 «кадровых» военных заводов, входивших в систему НКОП СССР, 68 предприятий (31 %) дислоцировались в Москве и Московской области, 38 предприятий (17,3 %) в Ленинграде и в Ленинградской области. В краях и областях Урала, Сибири и Дальнего Востока дислоцировались 30 (13,6 %) предприятий, а на стратегически опасном юго-западном направлении (области Украинской ССР) – 26 предприятий (11,8 %). В состав НКОП также входили 9 Государственных проектных институтов, 25 научно-исследовательских институтов (в том числе: ЦАГИ, ВИАМ и ЦИАМ) и 17 конструкторских бюро. На проектные институты возлагались задачи разработки проектно-сметной документации для строящихся и реконструируемых военных заводов. НИИ и КБ занимались созданием новых образцов ВВТ, разрабатывали технологии их серийного и массового поточного производства. В общем объеме валовой промышленной продукции СССР, оценивавшийся советской статистикой в 1937 г. в размере 90,2 млрд руб. в ценах 1926/27 г., на долю НКОП приходится 10 % (из них 3,2 % составляла мирная продукция и 6,8 % – военная). В плане капитальных вложений в промышленность на 1937 г. доля НКОП составляла 52,5 %.

Значимая роль во взаимоотношениях с военной промышленностью в рассматриваемый период была отведена органам НКВД. На всех военно-промышленных предприятиях и конструкторских бюро специальные части НКВД несли наружную охрану, а подчиненные территориальным управлениям НКВД первые отделы выполняли разнообразные режимные функции, связанные с охраной государственной тайны. На Экономическое управление (ЭКУ) НКВД были возложены функции контроля за работой военной промышленности, причем они являлись

одновременно ревизионными и следственными. Работники территориальных управлений ЭКУ НКВД осуществляли систематическую проверку финансовой и хозяйственной деятельности заводов, имеющих государственный оборонный заказ, а также состояние оборудования, инструмента, качество полуфабрикатов, осуществление процесса технического контроля и т.д.

С первых же дней после начала Второй мировой войны советское руководство приняло меры к установлению жесткого централизованного контроля за деятельностью наркоматов оборонной промышленности, достижения более рациональной загрузки производственных мощностей и своевременной комплектации военных заводов предметами материально-технического снабжения. С октября 1940 г. в СССР был введен новый порядок формирования отпускных цен на военную продукцию. На все изделия, входившие в номенклатуру государственного оборонного заказа, были установлены утверждаемые правительством твердо-расчетные цены. С того же времени представители НКО и НКВМФ, стали получать доступ к отчетно-сметной документации предприятий, на которых размещались их заказы, а в случае несоответствия отпускных цен установленным техническим нормативам, получать право апеллировать к вышестоящим инстанциям. Контингент военных представителей НКО СССР на предприятиях, НИИ и КБ военно-промышленных наркоматов в 1940 г. увеличился, по сравнению с 1938 г., почти в полтора раза и насчитывал 20281 человек. При разработке плана государственного оборонного заказа на 1940 г. по первому варианту планировалось затратить не менее 30,9 млрд руб., однако, в дальнейшем, размеры оборонного заказа на 1940 г. были уменьшены до 17,5 млрд руб.

Таким образом, в предвоенный период шел активный процесс формирования структуры управления советским государством оборонной промышленностью. Он предполагал трехступенчатую систему, включавшую в себя Комитет обороны, его преемника Комиссию по военным и военно-морским делам при Бюро СНК СССР, а также военно-промышленные наркоматы вооружения, боеприпасов, авиационной и судостроительной промышленности СССР. В чрезвычайных обстоятельствах производственно-технический потенциал предприятий указанных наркоматов мог быть усилен присоединением к совместному производству родственных предприятий других отраслей промышленности.

Библиографический список

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 7: Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013. 864 с. 20 л.; ил.

2. *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: Институт российской истории РАН, 2006. 703 с.

3. *Васильев В.В.* Название: Создание и работа военно-технического бюро при комитете обороны СНК СССР в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 44–48.

4. *Мартыненко Н.С.* Деятельность Комитета Обороны при Совете Народных Комиссаров СССР. 1937–1941 гг.: опыт и уроки: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1993. 28 с.: ил.

5. *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950 гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.

6. *Симонов Н.С.* Создание в СССР военной промышленности и формирование Советского военно-промышленного комплекса (1920–1950-е гг.): проблемы экономического роста, структура, организация производства, управление: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 1999. 40 с.

УДК 908(091)(470.315)

Ю.А. Виноградова,

аспирант, Ивановский государственный университет (Иваново)

«ЗОЛОТОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ» КРАЕВЕДЕНИЯ В 1920 ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. В статье на основе анализа архивных источников уточняются и дополняются важные организационные аспекты советского краеведения 1920-х гг. Устанавливается взаимосвязь центральных и региональных структур в становлении и развитии краеведения на местах, прежде всего на примере Иваново-Вознесенской губернии. Прослеживается преемственность дореволюционного опыта организационных и научных поисков, кадрового потенциала с опытом советских управленческих структур, работой ученых и усилий общественности

Ключевые слова: краеведение, ЦБК, Наркомпрос, Главнаука, Научное общество краеведения, Иваново-Вознесенское губернское научное общество краеведения.

Yu.A. Vinogradova,

PhD student, Ivanovo State University (Ivanovo)

THE GOLDEN DECADE OF LOCAL HISTORY IN THE 1920S (ON THE EXAMPLE OF IVANOVO-VOZNESENSKAYA PROVINCE)

Abstract. Based on the analysis of archival sources, the article clarifies and supplements important organizational aspects of Soviet local history of the 1920s. The interrelation of central and regional structures in the formation and development of local lore is established, primarily on the example of Ivanovo-Voznesenskaya province. The continuity of the pre-revolutionary experience of organizational and scientific research, human resources with the experience of Soviet management structures, the work of scientists and the efforts of the public is traced.

Key words: local history, Central Library, Narkompros, Glavnauka, Scientific Society of Local History, Ivanovo-Voznesensk Provincial Scientific Society of Local Lore.

1920-е годы в культурной жизни страны – время неустойчивое, противоречивое: борьба с религиозной пропагандой, резкое падение влияния церкви, культурная революция, прорыв в образовании, создание пролетарской культуры, образование нового слоя советской интеллигенции, культурный обмен с Западом, приезды деятелей культуры и искусства в Россию. Страна бурлит новыми идеями, сосуществуют различные стили и направления. Это время небывалой активности общественных организаций и советской интеллигенции.

В постсоветской историографии этот период получил название «золотого десятилетия» советского краеведения. В статье С.О. Шмидта была дана развёрнутая характеристика общего состояния краеведческой работы в стране, отражалась преемственность с дореволюционным опытом, приводились факты роста обществ изучения местного края в период с 1917 по 1927 г., краеведческих конференций, организующей роли Центрального Бюро Краеведения (ЦБК) [5, с. 505].

Итак, в декабре 1921 г., в Москве состоялась I Всероссийская конференция научных обществ и учреждений по изучению местного края. Ее инициатором стал действовавший в рамках Народного комиссариата просвещения РСФСР академический центр, контролировавший практически все сферы культурной жизни страны. На ней же было принято решение создать Центральное бюро краеведения (ЦБК).

Первое рабочее заседание ЦБК состоялось 13 января 1922 г. в Петрограде, а спустя месяц, 16 февраля, в Москве прошла его первая сессия. Был избран президиум под председательством востоковеда академика Сергея Ольденбурга. Почетным председателем бюро стал географ, антрополог, этнограф академик Дмитрий Анучин. В составе ЦБК

образовали два отделения – Московское и Петроградское, сессии попеременно проходили в обеих столицах.

Печатным органом Центрального бюро стал журнал «Краеведение», ответственность за его выпуск взяло на себя Петроградское отделение. Редакцию возглавил академик Ольденбург, в числе участников редколлегии были историк Иван Гревс, антрополог и этнограф Давид Золотарев, астроном Даниил Святский, географ Вениамин Семенов-Тянь-Шанский.

Первый номер журнала вышел в 1923 году. Помимо статей ученых он публиковал хронику текущих событий, обзор деятельности провинциальных научных обществ, представлял новинки краеведческой литературы.

Что же касается бюро, то оно кроме издательской деятельности занималось, говоря современным языком, мониторингом положения провинциальных научных сообществ. Оно также содействовало не только их деятельности, но также старалось наладить предоставление провинциальным обществам академических пайков и денежных выплат. В 1925 г. произошла реорганизация: бюро вывели из состава Академии наук и передали в ведение Главнауки Наркомпроса РСФСР, заседания были перенесены в Мраморный дворец, где находилось Ленинградское отделение Главнауки.

В городе Иваново – Вознесенске было организовано Научное общество краеведения лишь с третьей попытки в 1923 году. Первые две попытки не удались, «потому что не было подходящей к тому обстановки. Не было средств, инициаторы находились в тяжелых материальных условиях, общие условия работы были иные» [1, д. 1, л. 1]. К 1923 г. появился центр, который стал регулировать и концентрировать работу по краеведению, да и общие условия жизни улучшились, а средства на работу – поступать из центра.

При этом следует отметить, что во вновь образованной Иваново – Вознесенской губернии еще не сложились краеведческие традиции, как это было в соседних – Костромской, Владимирской и Ярославской. Тем не менее новый губернский центр смог аккумулировать научные силы и это заложило основу для развития краеведения. Этому способствовало и то, что в Москве стал издаваться специальный журнал «Краеведение», где рассматривались основные направления и методы краеведческой работы. В уездах к этому времени так же стали организовываться уездные общества, объединить работу которых теперь уже предстояло губернскому центру [1, д. 1, л. 1].

Начало Иваново-Вознесенскому губернскому научному обществу краеведения было положено 15 декабря 1923 года на собрании неболь-

шой инициативной группы, осознавшей назревшую необходимость широкой организации краеведческого дела. 20 декабря 1923 г. на организационном собрании, привлечшем 24 человека, был рассмотрен проект Устава общества, в котором целью общества полагалось «объединение в Иваново-Вознесенской губернии лиц, научно работающих в области краеведения, а также научная разработка относящихся к этой области вопросов, распространения соответствующих сведений и пробуждения интересов к задачам общества в общественной среде» [3].

На этом собрании от имени инициативной группы доклад сделал П.М. Экземплярский, который отметил, что новый губернский центр привлеч к себе новые научные силы и это даст гарантию, что общество разовьет свою работу. Кроме того, к этому времени в городе Шуе уже было организовано уездное общество краеведения, в Юрьевце организованных ячеек краеведения не было, но «отдельными лицами кое – что делается» [1, л. 4 об.], соответственно, губернский центр должен объединить работу этих обществ. Таким образом, сообщил он «будет выстроена четкая вертикаль власти: центр – губернский центр – уезды».

Присутствовавший на собрании Яков Александрович Осипов (зав. Губархивом) дополнил, что центр весьма заинтересован в организации на местах общества краеведения и вообще по изучению родного края.

Дмитрий Геннадьевич Бурьин (хранитель Губмузея) кроме того, что считал организацию Общества весьма полезной и желательной, со своей стороны предложил включить в задачи общества охрану памятников старины. В последствии приветствуя организацию научного общества краеведения, он заявил, что передает обществу материалы по истории города Иваново-Вознесенск с тем, чтобы общество опубликовало их. При этом он отметил. Что данные материалы собраны его усилиями при участии профессора И.Я. Озерова.

На учредительном собрании 31 января 1924 г. был принят Устав Иваново-Вознесенского научного общества краеведения, произведены выборы правления и ревизионной комиссии, приняты планы работ и сформированы 4 секции: библиографическая, естественно-научная, экономическая, историко-археологическая. Собрание проходило в доме Просвещения, присутствовало 43 человека. Вся корреспонденция на имя общества должна была направляться по адресу Напалковская ул. д. б. Невского. Перед секциями ставился ряд задач. Так, действия членов «Естественно – научной секции» должны были быть направлены на изучение губернии в естественно – историческом отношении (естественный покров, полезные ископаемые, флора, фауна как сухопутный, так и обитающий в текущих и стоячих водоемах, паразитическая фауна

человека и животного). Экономическая секция должна была изучать хозяйственные ресурсы губернии, крупной индустрии, кустарных промыслов, добывающей промышленности, сельского хозяйства. Работа «Историко-археологической секции» предполагала собирание исторического сведений, выявление и охрану археологического и архивного материалов, исследовательскую работу и популяризацию достижений.

Основная цель Иваново-Вознесенского общества краеведения заключалась в объединении лиц, работавших в области краеведения, научную разработку относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и побуждение интереса к задачам общества в общественной среде.

Кроме обсуждения задач общества в программе собрания были озвучены доклады: «Село Иваново в жизни С.Г. Нечаева» докладчик П.М. Экземпларский и «Шуйская легенда о декабристе П.И. Пестеле» докладчик А.Н. Овсянников.

18 февраля 1924 г. Устав общества был утвержден губернским административным отделом. Ряд учреждений Иваново-Вознесенска, начиная с губисполкома, перечисляли средства в помощь обществу. Председателем общества был избран Яков Александрович Осипов, работник губернского статбюро. Он работал в этом качестве до 30 сентября 1928 г., до момента отъезда в Москву в связи со служебным переводом.

К апрелю 1924 г. в Шуе, Кинешме, Плесе, Юрьевце и Макарьеве состоялась организация отделений общества. Согласно пожеланиям для отделений общества ежегодные взносы составляли 1р.50 коп. в год с уплатой по трети года (3 р. в год для основных членов общества). К участию в обществе привлекался учительский, агрономический и медицинский персонал местных учреждений [1, д. 1, л. 36].

На 1 января 1925 г. в состав общества уже входило 167 членов, из них 74 человека имели высшее образование, 5 – низшее образование. По профессиям: 58 человек – школьных работников, преподавателей профессоров, 20 – студентов, 12 – агрономов, 15 – статистиков, 20 – служащих, 9 – библиотечных, журнальных и книжных работников, 5 – архивных, 6 – инженеров, 4 – рабочих, 4 – юристов, 3 – врачей, 3 – художника, 1 – военный, 4 – без профессии [2, с. 4]. В состав почетных членов организации был избран М.В. Фрунзе.

На пятнадцатом заседании историко-археологической секции Иваново-Вознесенского общества краеведения, состоявшемся 5 ноября 1925 г., присутствовали 21 член секции и почетные гости. Председательствовал Б.В. Александров – профессор Иваново-Вознесенского политехнического института. Было запланировано обсуждение докладов С.Е. Елховского «Чин крестьянской слободы Юрьевецкого уезда по

анкетным данным» и А.Н. Овчинникова «Иногородние купцы в г. Шуе 1849–1851». Открывая заседание, председатель сообщил о «последовавшей 31 октября неожиданной для всех» смерти М.В. Фрунзе, «которого так хорошо знали ивановцы и которому были близки интересы губернии ткачей». Собрание почтило память почётного члена общества краеведения вставанием. Кроме того, 12 ноября Иваново-Вознесенское общество научного краеведения устроило специальное собрание памяти Михаила Васильевича. С докладами выступали Я.А. Осипов, А.Е. Ноздрин и Н.Д. Агриков [1, д. 5, л. 27].

Таким образом «Золотое десятилетие» советского краеведения 1920-х гг. было обусловлено не только традиционным подвижничеством советской интеллигенции, но и созданием целой системы руководства со стороны как академических, так и правительственных структур.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 1151. Оп. 2. Д. 1.
2. Первый год деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. 1924. Иваново-Вознесенск, 1925.
3. Устав Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. Иваново-Вознесенск, 1929.
4. *Борина С.Н.* Из истории деятельности Центрального бюро краеведения (1922–1927 гг.) // Труды Ленинградского института культуры им. Н.К. Крупской. Л., 1967.
5. *Шмидт С.О.* Краеведение и культура России первой трети XX столетия // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996.

УДК 930.1

Н.П. Ганчар,

учитель-методист, Гимназия № 9 им. Ф.П. Кириченко (Гродно)

ОТКРЫТИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ В СЛОНИМЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ (1910)

Аннотация. Актуальность изучения истории становления системы женского образования в Российской империи на рубеже XIX–XX веков обусловлена необходимостью глубокого осмысления взаимодействия государства, общества и религиозных институтов в решении ключевых социальных задач. Данное исследование фокусируется на ходатайстве об открытии правительственной женской гимназии в г. Слониме в 1910 г. и позволяет выявить специфику этого взаимодействия в условиях провинциального города Северо-Западного края.

Ключевые слова: гимназия, образование, Российская империя, Слоним, общество.

N.P. Hanchar,

Methodologist teacher, Gymnasium № 9 named after F.P. Kirichenko (Grodno)

OPENING OF THE GOVERNMENT WOMEN'S GYMNASIUM IN SLONIM: INTERACTION OF PUBLIC AND GOVERNMENT INSTITUTIONS (1910)

Abstract. The relevance of studying the history of the formation of the women's education system in the Russian Empire at the turn of the 20th century is driven by the need for a profound understanding of the interaction between the state, society, and religious institutions in addressing key social tasks. This research focuses on the petition to open a state women's gymnasium in the town of Slonim in 1910, which allows us to identify the specifics of this interaction within the context of a provincial town in the Northwestern region.

Key words: gymnasium, education, Russian Empire, Slonim, society.

Слонимский уезд являлся самым большим уездом в Гродненской губернии, по территории и количеству жителей, располагался по соседству с уездами Новогрудским Минской губернии, большим железнодорожным узлом Барановичи Минской губернии, Пружанским уездом Гродненской губернии и Лидским уездом Виленской губернии. Все эти уезды не имели ни одного женского правительственного среднего учебного заведения. В виду этих причин, городской глава А.А. Байко 2 февраля 1910 г. обратился к министру народного просвещения об открытии в г. Слониме с начала 1910/1911 учебного года женской восьмиклассной правительственной гимназии по положению 26 мая 1869 г., представив документы: копия постановления Слонимской городской думы от 9 января 1910 г. за № 2, отношение командира 1-й бригады 30 пехотной дивизии от 22 декабря 1909 г., отношение командиров 117 Ярославского и 118 Шуйского пехотных полков от 15 января 1910 г. за № 354 и 14 января 1910 г. за № 2.

После поддержки ходатайства правления «Общества распространения просвещения между жителями г. Слонима и его уезда» (внесено в реестр обществ и союзов по Гродненской губернии под № 7 на основании определения Гродненского губернского по делам об обществах и присутствия от 12 мая 1907 г. № 28, подписанным и. д. губернатора, вице-губернатором Столяровым) о скорейшем открытии в г. Слониме правительственного реального училища, офицерам очень важно было иметь в г. Слониме также правительственную женскую гимназию, чтобы иметь возможность воспитывать своих дочерей здесь, а не отправ-

лять их в учебные заведения других городов, отрывая их от домашнего очага. Со стороны же самого Общества, узнав, что попечитель Виленского учебного округа сообщил о том, что будет удовлетворено ходатайство о преобразовании Слонимского общественного реального училища в правительственное, в силу § 1 устава оно немедленно решило приступить к нахождению средств и инициированию ходатайства об открытии в г. Слониме правительственной женской гимназии или преобразования одной из существовавших трёх частных женских прогимназий. Педагогический персонал частных семиклассного учебного заведения Горбачевич, шестиклассного учебного заведения Васениной и четырёхклассного еврейского женского учебного заведения Юдковской г. Слонима не пользовался правами государственной службы, а ученицы не получали прав, предоставленных правительственными женскими гимназиями. Именно последнее, по утверждения Общества, представляло собой такое предприятие, в которое при большем вложении средств, больше получаешь надежд на процветание учебно-воспитательного дела, а это было посильно только «Обществу распространения просвещения между жителями г. Слонима и его уезда», а не содержательницам частных прогимназий со скромными средствами. Ходатайство от Общества было подписано 150 жителями г. Слонима и его уезда. Отметим также, что в г. Слониме функционировало одноклассное женское приходское училище.

Для осуществления этого ходатайства Слонимское городское общественное управление предоставляло в полное безвозмездное распоряжение МНП вполне приспособленное помещение, оборудованное необходимым инвентарём и учебными пособиями, ручаясь за существование гимназии. Будучи 27 июня 1909 г. в г. Слониме, помощник попечителя ВУО Фёдор Николаевич Владимиров (1 февраля 1910 г. назначен попечителем Оренбургского учебного округа), лично осмотрев все три частные женские прогимназии, указал на два двухэтажных каменных городских дома, расположенных в одном дворе в 15 м один от другого, которые с успехом могли быть приспособлены для казённой женской гимназии, обещая полное своё содействие при условии, что всё будет сделано на средства общества без затрат со стороны МНП. 15 января 1910 г. председатель правления И. Гоптарский вместе с членом правления городским главой А.А. Байко явились в г. Вильно к попечителю ВУО, но ввиду его болезни приняты были тем же Ф.Н. Владимировым, который посоветовал им для ускорения получения просимых разрешений обратиться непосредственно к министру народного просвещения, что и было исполнено 8 февраля 1910 г. При этом городской глава А.А. Байко ходатайствовал о предоставлении преимуществ в приёме учениц в женскую правительственную гимназию городских

жителей и лиц, сделавших денежные взносы на устройство этой гимназии, список которых по первому требованию он обязался представить, а также разрешение Слонимскому городскому общественному управлению бесплатно воспитывать в гимназии, по указанию Слонимской городской думы, десять девиц беднейших домовладельцев г. Слонима. Получив словесный ответ, что к наступлению весны они получат удовлетворение своих просьб, все они в тот же день явились к товарищу министра Георгиевскому, которым были обнадёжены, что к весне получат крайне нужные для них ответы на их ходатайства, чтобы иметь время приспособить отведённые городом дома для женской гимназии [Дело об открытии в городе Слониме Гродненской губернии правительственной женской гимназии по положению 26 мая 1869 года (12 февраля 1910 г. – 10 мая 1913 г.) // РГИА. Фонд 733. Оп. 167. Д. 847. 109 л.; Л. 1–6, 10, 30–31, 34, 44 об.].

На основании ст. 102 Городового положения, представляя попечителю ВУО копию постановления Слонимской городской думы от 9 января 1910 г. за № 2, и. д. гродненского губернатора 17 марта 1910 г. отметил желательность открытия в г. Слониме правительственной женской гимназии. Частная женская гимназия, как по своим размерам, так и по численному составу учебного персонала, не в состоянии была удовлетворить потребности почти 25 000 населения города в деле предоставления молодому поколению среднего образования. Кроме того, преследуя часто коммерческие цели и не предоставляя учительскому персоналу обеспечения, как в отношении пользования правами государственной службы, так и в отношении выслуги пенсии, гимназия эта не могла стоять на одном уровне с правительственной, а по взиманию высокой платы за право учения являлась доступной только людям с большими средствами. Вице-губернатор также находил требование просителей о предоставлении населению г. Слонима привилегий вполне справедливым, так как вся тяжесть расходов по открытию и первоначальному оборудованию этого учебного заведения ложилась на местное общество, как в лице Слонимского городского общественного управления, так и в лице «Общества распространения просвещения между жителями г. Слонима и его уезда» [Там же, л. 18–18 об.].

26 марта 1910 г. был представлен в ВУО план зданий, приспособленных для женской гимназии, согласно указаниям Ф.Н. Владиминова с соединительным тёплым коридором обоих зданий между собою, но он уже уехал к новому месту своего служения в г. Оренбург. Предлагаемые здания находились в самом центре города и окружены были садами. 31 марта 1910 г., осмотрев Слонимское реальное училище и здания для женской гимназии, окружной инспектор Коссаковский, оставшись довольным помещением и оборудованием реального училища, нашёл

здания для женской гимназии подходящими, высказав пожелания, чтобы в первом из двух зданий надстроен был ещё третий этаж. Уезжая Коссаковский обещал, что через несколько дней из ВУО будет получен окончательный ответ относительно обоих учебных заведений. В результате относительно преобразования реального училища в правительственное никакого ответа ещё не было получено, а относительно открытия женской правительственной гимназии 6 апреля 1910 г. за № 5675 предъявлены были очень суровые требования, которые на давали даже надежды на открытие с будущего учебного года в г. Слониме правительственной восьмиклассной женской гимназии, как было обещано помощником попечителя ВУО Ф.Н. Владимировым 8 февраля 1910 г. Требование приобрести соседнюю чужую усадьбу поставили просителей в полное уныние. На отчуждение чужой собственности ни городское управление, ни тем более Общество были не в праве. Самого владельца в г. Слониме не было, как и не было известно его местонахождения и наличия желания продать усадьбу. К тому же, он наверняка захотел бы воспользоваться положением, потребовав в несколько раз больше действительной стоимости.

Опираясь на властное обещание, просители собрали деньги и должны были немедленно приступить к приспособлению зданий, оборудования их инвентарём и снабжение учебными пособиями. В связи чем, они 18 апреля 1910 г. обратились с ходатайством к попечителю ВУО исполнить властное обещание, предоставив разрешение на открытие женской гимназии, согласившись поделиться своими средствами, понимая, что в данное время МНП нельзя уделить средства для слонимских средних учебных заведений. В ходатайстве просители упоминали донос о том, что саму гимназию открывают революционные элементы будто бы для революционной пропаганды, подписанный «истинно русским человеком». На что просители парировали, что правильное воспитание можно было ожидать лишь в правительственном учебном заведении, выразив желание в скором получении телеграммы об открытии женской гимназии без затрат со стороны казны, что порадовало бы их в светлое Христово воскресенье [Там же, л. 30–32].

Возвращая 1 июня 1910 г. в ДНП переписку по ходатайству Общества и Слонимского городского общественного управления об открытии в г. Слониме правительственной женской гимназии, попечитель ВУО Григорий Васильевич Левицкий сообщил, что в г. Слониме к 1 января 1910 г. числилось постоянных жителей мужского и женского пола 21 114 человек и временных (два полка) 3 200 человек. Постоянные жители г. Слонима по сословиям распределялись: дворян – 1 280, духовенства – 16, мещан – 17 886, купцов – 235, граждан – 144, сельских сословий –

597, военных сословий – 930, иностранных подданных – 26. По вероисповеданиям преобладали православные жители – 3 638 человек, католиков насчитывалось 2 986 человек, протестантов – 35, иудеев – 13 635, магометан – 820. В 118 Шуйском полку состояло офицеров и классных чинов 70 человек, нижних же семейных чинов, состоявших на сверхсрочной службе, – 4.

Так как при открытии в г. Слониме правительственной женской гимназии она несомненно переполнилась бы ученицами, то даже при установлении в ней платы за учение в размере 70 руб. в год от каждой ученицы, которая была ниже взимаемой в частных женских училищах, общая сумма в 14 735 руб. являлась достаточной для покрытия расхода по содержанию гимназии. Григорий Васильевич поддержал ходатайство о предоставлении преимуществ при приёме в гимназию уроженкам г. Слонима перед иногородними, но выступил против разрешения городского общественному управлению воспитывать в гимназии бесплатно десять девиц беднейших жителей г. Слонима, что, впрочем, им сообщено было слонимскому городскому голове в отношении от 6 апреля 1910 г. за № 5675 [Там же, л. 43–46].

На запрос, какое отношение имеет Якубсон (фигурировавший в анонимном доносе как «революционер», желавший увеличить число своих последователей) к Обществу, председатель правления Общества 15 марта 1910 г. сообщил инспектору народных училищ Слонимского уезда, что он не состоял и не состоит его членом и никакого отношения к содержанию Обществом реального училища не имеет. При первом возникновении Общества на первом собрании, 12 июля 1907 г., присяжный поверенный Якубсон был выбран в правление Общества в числе 12 лиц состава правления: предводитель дворянства Величковский, протоиерей Кузьминский, окружной надзиратель Гоптаровский, доктор Бельский, банкир Лозинский, заведующий коммерческим банком Рабинович, содержатель типографии Гурвич, агент страхового общества Миллер, провизор Гродзенский, присяжный поверенный Якубсон, частный поверенный Циринский, раввин Гурвич, а кандидатами – кс. Клямм, доктор Шероцкий, агент страхового общества Шерешевский и купец Екимовский.

23 июля 1907 г. собравшееся правление Общества исключило Якубсона из членов правления, как не состоявшего членом Общества и выбывшего на неопределённое время за границу, а вместо него был приглашён в правление кс. Клямм. Остальные 11 лиц, как состоявшие членами Общества, были признаны законно выбранными. С тех пор Якубсон никакого отношения к делам Общества не имел до общего собрания членов Общества 19 декабря 1909 г. На последнем собрании Якубсон был в комиссии из 7 лиц: окружного надзирателя Гоптаровского, город-

ского головы Байко, помощника окружного надзирателя, Автономова, провизора Стребеико, заведующего коммерческим банком Рабиновича, купца Гвирцмана и, собственно, Якубсона (Гвирцман и Якубсон не числились членами Общества). Собранной на один месяц комиссии поручено было исходатайствовать в г. Слониме правительственную женскую гимназию. Таковая комиссия с 10 января 1910 г. сама собой прекратила своё существование, так как накануне, 9 января, Слонимская городская дума постановила от своего имени ходатайствовать перед МНП об открытии в г. Слониме правительственной женской гимназии, уполномочив городскую голову Байко немедленно приступить к исполнению постановления. Вся деятельность комиссии в выпуске от имени Слонимского городского головы, как председателя комиссии, приглашения 23 декабря 1909 г. [Там же, л. 63–64].

Таким образом, история Слонимской женской гимназии является яркой иллюстрацией противоречий в развитии российской образовательной системы накануне крупных исторических потрясений, демонстрируя наличие активного запроса «снизу» со стороны провинциального общества и его столкновение со скептической позицией государственной бюрократии.

УДК 323.33

И.В. Горячев,

доцент, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Иваново)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РОССИЙСКИХ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. На рубеже XIX–XX вв. российскими властями с целью регулирования продовольственного обеспечения фабрично-заводских рабочих комплексно применялись правовые и административные меры, ведущую роль в их реализации играла фабрично-заводская инспекция. В чрезвычайных ситуациях (неурожайный год) регулирование цен на отдельные виды продовольствия для жителей Иваново-Вознесенска, значительная часть которых работала на местных заводах и фабриках, осуществлялось органами местного самоуправления.

Ключевые слова: рабочий вопрос, фабрично-заводские рабочие, продовольственное обеспечение, государственное регулирование, регулирование цен, материальное положение, продовольственный вопрос.

I.V. Goryachev,

Associate Professor, Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Ivanovo)

FOOD SUPPLY FOR RUSSIAN FACTORY WORKERS AT THE TURN OF THE 19TH-20TH CENTURIES: ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECT

Abstract. At the turn of the 19th and 20th centuries, the Russian authorities comprehensively applied legal and administrative measures to regulate the food supply of factory workers, and the factory inspectorate played a leading role in their implementation. In certain emergency situations (a lean year), the regulation of prices for certain types of food for residents of Ivanovo-Voznesensk, a significant part of whom worked in local factories and factories, was carried out by local governments.

Key words: labor issue, factory workers, food security, government regulation, price regulation, financial situation, food issue.

Создание условий для бесперебойного обеспечения продовольствием фабрично-заводских рабочих, численно быстрорастущей социальной группы, было одной из задач российских властных структур на рубеже XIX–XX вв. Решение данного вопроса требовало применения комплекса мер, как экономического, так и административно-правового характера.

Нормы права по вопросам продовольственного обеспечения фабрично-заводских рабочих нашли своё отражение в таких законодательных актах как: Устав о промышленности, Устав об обеспечении народного продовольствия, Положение о трактирном промысле, Торговый устав и др. Отметим, что реализация положений, указанных выше нормативно-правовых актов, касалась не только фабрично-заводских рабочих, но и была направлена на обеспечение продовольствием (в определенной мере продовольственной безопасности) и других социальных слоев.

Современниками давались достаточно противоречивые оценки нормам действовавшего на рубеже XIX–XX вв. фабричного законодательства, порой «звучали» достаточно жесткие оценки: «устав о промышленности имеет совершенно безобразный вид» [3]. Между тем это был важнейший свод законов в сфере трудовых отношений, охраны прав промышленных рабочих.

Исправить недостатки существовавшего правового поля пытались чиновники различных ведомств (министерства финансов и созданного в 1905 г. министерства промышленности и торговли), дополнявшие принятые правила различными распоряжениями, разъяснениями, циркулярами [5].

Надзор за соблюдением работодателями положений законодательства осуществляли фабричные инспектора, которые наблюдали за надлежащим исполнением правил, в том числе требований Устава о промышленности. В частности, фабричные инспектора следили за тем, чтобы:

- расчет с рабочими осуществлялся только в денежной форме. Расчет товарами, купонами иными знаками был запрещен. За нарушение данного правила фабрикантов штрафовали. Заработок часто являлся единственным источником существования трудящихся, поэтому ему «присваивалась» известная неприкосновенность;

- фабричные инспектора утверждали правила внутреннего распорядка на предприятиях и таксы для фабричных лавок. В ассортимент продаваемых из них товаров могли входить только товары первой необходимости (хлеб, мясо, соль, керосин и др.). В правилах, среди прочих пунктов, оговаривалось время завтрака и обеда. Кроме того, в помещениях заводов и фабрик могли быть открыты лавки потребительских товариществ для снабжения фабричных служащих и рабочих недорогими и доброкачественными предметами потребления. Такие лавки учреждались на принципах взаимопомощи, считалось, что их деятельность не преследует выраженные коммерческие цели. В целом, российский законодатель в конце XIX в. признавал желательность развития при фабриках потребительских обществ.

Рассматривая административно-правовой аспект продовольственного обеспечения фабрично-заводских рабочих, следует также обратить внимание на роль органов местного самоуправления в деле обеспечения продуктами питания населения динамично развивающихся провинциальных торгово-промышленных центров, к числу которых в конце XIX в. принадлежал безудездный город Иваново-Вознесенск.

Поскольку в стране часто случались неурожаи, органам местного самоуправления приходилось действовать в условиях форс-мажора. Неурожайным выдался и 1891 г. От него пострадали, главным образом, центральные, северо-восточные и заводские губернии. Кроме того, ситуация усугублялась скудостью запасов от прежних урожаев, сезонной распутицей на дорогах, ростом цен на продовольствие зарубежом [4]. Неурожай стал причиной заметного увеличения цен на хлеб и внутри страны. Городская дума Иваново-Вознесенска была обеспокоена их ростом, особенную тревогу у неё вызывало подорожание ржаного хлеба, бывшего одним из основных продуктов питания в рационе малообеспеченного населения, в частности, рабочих текстильных предприятий [2].

Учитывая существующие цены, органы местного самоуправления установили специальную таксу на ржаной хлеб, которая была призвана стабилизировать положение. Согласно таксе от 23 июля 1891 г. один

пуд ржаной муки мог продаваться не дороже 1 руб. 05 коп., а фунт не дороже 2 $\frac{2}{3}$ коп. До издания таксы пуд ржаной муки стоил 1 руб. 30 коп. [1]. За её нарушение торговцы привлекались к ответственности, денежному штрафу.

По согласованию с властями на полицию возлагались обязанности по надзору за соблюдением разработанных правил. С поставленной задачей она справилась. Также полицейские развешивали информационные бюллетени в наиболее людных местах с указанием официальных цен. Действия иваново-вознесенских органов городского самоуправления были обусловлены чрезвычайной ситуацией, обычно они не участвовали в ценообразовании на продовольствие. В 1891 г. им не только удалось установить контроль за стоимостью ржаного хлеба, но и возможно не допустить социального взрыва.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2510. Л. 6, 7.
2. *Горячев И.В.* К вопросу об исследованиях бюджетов промышленных рабочих российских регионов в начале XX в. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIII Междунар. науч. конф., Иваново, 27–28 марта 2024 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. С. 304.
3. Законы о частной фабрично-заводской промышленности. Практическое руководство / под ред. Д.И. Гутцайт. М., 1913. С. 3.
4. Промышленность и торговля. СПб., 1908. № 1. С. 34.
5. Фабричные законы. Сборник законов, распоряжений, разъяснений по вопросам русского фабричного законодательства / сост. М. Балабанов. Киев, 1905.

УДК 355.133.4

Д.М. Грядский,

преподаватель, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ КАДЕТОВ ВЛАДИКАВКАЗСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА В НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. В начале XX в. в России происходит расширение сети военно-учебных заведений. Данные процессы не обходят стороной и южные регионы страны, что приводит к открытию в 1901 г. в городе Владикавказ своего военно-учебного заведения – Владикавказского кадетского корпуса. Через некоторое время в кадетском корпусе, под воздействием ряда факторов проявляются определённые девиации в поведении воспитанников корпуса.

Ключевые слова: Владикавказский кадетский корпус, военное образование на Кавказе, начало XX в., девиации в поведении.

D.M. Gryadskiy,

Teacher, Southern Federal University (Rostov-on-Don)

SOME FEATURES OF DEVIANT BEHAVIOR AMONG THE CADETS OF THE VLADIKAVKAZ CADET CORPS IN THE EARLY 20TH CENTURY

Abstract. At the beginning of the 20th century, Russia expanded its network of military educational institutions, and these processes also affected the southern regions of the country, leading to the establishment of the Vladikavkaz Cadet Corps in 1901. Over time, certain behavioral deviations began to emerge among the cadets due to various factors.

Key words: Vladikavkaz Cadet Corps, military education in the Caucasus, early 20th century, behavioral deviations.

Актуальность рассмотрения данной проблемы обуславливается тем, что на сегодня отсутствуют работы, которые бы рассматривали проблемы проявления различных девиаций в поведении воспитанников Владикавказского кадетского корпуса в заявленные временные рамки. Также данная проблема интересна с практической стороны применения определённых методов для пресечения девиаций в поведении воспитанников учебных заведений различного профиля.

Целью нашей работы является выявление поведенческих девиаций, в среде воспитанников Владикавказского кадетского корпуса в начале XX в.

Исходя из темы, анализируемым *объектом* является система неуставных взаимоотношений и неуставного поведения кадетов рассматриваемого военно-учебного заведения в начале XX в.

Предметом рассмотрения выступает организация учебного процесса во Владикавказском кадетском корпусе, а также проявление поведенческих отклонений в среде воспитанников корпуса.

Методология: помимо общенаучных методов – описание, сравнение, синтез. Широко был применён историко-антропологический метод, который позволил раскрыть особенности военного образования в вышеозначенном военно-учебном заведении в рассматриваемый период. Важным элементом являлась призма восприятия рассматриваемых событий их акторами.

26 сентября 1901 г. в городе Владикавказ открылся Владикавказский кадетский корпус. В дискуссии по вопросу об открытии нового учебного заведения, звучали разные города, которые могли стать местом дислокации для нового военно-учебного заведения. Однако точку в этих спорах поставил полковник Миткевич, который убедил своих

оппонентов в прямой связи Владикавказа со всеми дорогами, ведущими в Закавказье [4, с. 39]. Именно удобство расположения и стало важным фактором появления во Владикавказе новой военно-образовательной институции.

За семь лет существования корпус достиг своего полного состава и вошел полностью в работу. Однако, несмотря на основательную организацию, в корпусе через некоторое время после его открытия, начали проявляться различные девиации в поведении воспитанников.

В военно-учебном заведении была установлена строгая дисциплина, за ней следили офицеры-воспитатели и отставные солдаты – «дядьки». Специфические условия обучения со строгим распорядком дня не всегда позволяли поддерживать дисциплину воспитанников на должном уровне. Порой такая непомерная требовательность становилась для кадет невыносимой и тогда они проявляли различные поведенческие девиации. Свой отпечаток накладывала и специфика работы кадетского корпуса. Так как заведение было военно-учебным, то и наказания были соответствующими военным уставам.

Подъем осуществлялся по расписанию и происходил в 7 часов утра под барабанный бой, если кадет не успевал к нему, то он оказывался в карцере на 1 час. При злостных нарушениях наказания увеличивалось, доходя до 10 часов, а то и до срока в целый день. Если кадет не исправлял своего поведения, его могли отчислить из военно-учебного заведения. Отметим, что последствием отчисления было лишение права на повторное поступление в какое-нибудь иное военно-учебное заведение. Таков, согласно источникам, был случай с кадетом Доногуевым, которого за злостные нарушения дисциплины высекли перед корпусным строем, а затем отчислили за грубость по отношению к офицеру-воспитателю [5, л. 61].

Исследовательский интерес вызывает не только военно-учебная подготовка воспитанников, но и то, что корпус работал над общей социализацией детей. Являясь специфически мужским заведением, корпус воспитывал в подрастающих поколениях необходимость выполнения мужской роли в отношении общения с противоположным полом. Так, для кадета проступком могло служить неуважительное или пренебрежительное отношение к женщине или девушке. Ежегодной традицией, как отмечает исследователь С.А. Хубулова, в корпусе было приглашение на бал воспитанниц Ольгинской женской гимназии. Автор указывает, что кадета могло ожидать наказание, если он после двух танцев не сменил бы своих перчаток, или же, если после танца он забыл бы угостить девушку лимонадом [4, с. 41].

Наказание также могло последовать за нерасторопность и медлительность при соблюдении принятого в корпусе распорядка дня. Так,

согласно расписанию с 18 часов до 20 часов, кадеты находились в классах и готовили заданные им уроки. В это время они могли разговаривать исключительно шепотом. Воспитатель был обязан следить за соблюдением дисциплины, либо находясь непосредственно в классе, либо в дежурной комнате. При возникновении какого-либо шума он тут же вмешивался. В 22:00 следовал отбой, и все кадеты должны были оказываться в постелях со сложенным рядом на табуретку бельем [4, с. 41].

Однако имелся целый набор различного рода «развлечений», которым кадеты отдавали предпочтение. На занятиях преподавателей, которые не смогли завоевать расположение кадет, не редкими были случаи лая и мяуканья. Из-за того, что не всех учеников могли запомнить в лицо, отвечать на контрольной мог пойти совершенно иной кадет, выдавая себя за другого. Интерес вызывает также то обстоятельство, что некоторые свои проступки кадет сам обязан был выносить на суд воспитателя. Так за курение воспитанник должен был самостоятельно отчитаться своему наставнику, после чего следовало наказание [4, с. 41].

Один из авторов казачьего проекта «Наследие» Я.М. Бокова отмечает, что были разнообразные формы нарушений устава. Так самым безобидным было выпачкать мелом ладони и хлопать преподавателя по спине. С теми преподавателями, которые не смогли завоевать авторитет среди детей кадеты «поступали» более грубо. Они могли издавать лай и мяуканье во время занятия. Если преподаватель не мог запомнить в лицо ученика, то он порой подсылал вместо себя иного. Практиковалось активное использование шпаргалок и списывания из книг. В особо вопиющих случаях такое происходило и на экзаменах.

Основной формой наказания за такие проступки становилась отправка кадета в Тифлис на каникулы отдельно от остальных, но и это порой не останавливало мальчишек, мечтавших показать свою удаль однокурсникам. Одним из страшных проявлений нарушения устава стала попытка одного из кадет причинить увечья преподавателю, налив серную кислоту ему на стул. Однако трагедии удалось избежать, так как преподавателя предупредили его однокурсники [1, с. 5].

Несмотря на все негативные проявления эти девиации в поведении не снижали боевого духа кадет, которым суждено было оказаться на фронтах Первой мировой войны. Так бывший кадет Сердюков писал: «Мы уже 6 суток сидим в окопах и сдерживаем немцев. Наш полк все время находился в бою, сильно пострадал...» [2, с. 36]. Другой кадет, Ярошевич отмечал: «Под Буничем пошли в атаку на вражескую артиллерию. 2-й сотне выпало на долю взять вражескую батарею» [2, с. 37]. Еще один выпускник, Поморцев вспоминал: «В голове отряда шел наш

полк. Отряд неприятеля человек в 600 разбили наголову» [2, с. 38]. Воспоминания выпускников показывают нам картину стойкости и героизма, который проявляли бывшие воспитанники, в прошлом устраивавшие разнообразные нарушения дисциплины в кадетском корпусе.

Своим героизмом отличались также и преподаватели. Как отмечают исследователи Р.С. Тавитов и А.С. Новикова: «...многие офицеры учебного корпуса: помощник инспектора классов М.Н. Дёмин; преподаватель французского языка этнический француз А.Ф. Фауси; офицеры-воспитатели П. Панкратов, Е.П. Штригель, Г.Э. Келер и др. В военную летопись вписаны имена их достойных воспитанников: штабс-капитан Гроховского пехотного полка Илья Владимирович Гусаков (4-й выпуск, 1912 г.), павший смертью храбрых в 1916 году, удостоенный Георгиевского оружия и награждённый офицерским Георгиевским крестом 4-й степени; прапорщик Глеб Жорович (7-й выпуск, 1915 г.), павший смертью храбрых в 1916 году» [3, с. 79] и многие другие.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы по рассматриваемой теме:

- суровые правила, которые устанавливались уставом не всегда четко выполнялись кадетами, мелочное следование им приводило к тому, что кадеты нарушали установленные правила. Это приводило к различного рода поведенческим девиациям;
- довольно строгое, до мелочей, воспитание кадет для последующей их социализации, которое проводил корпус позволяло ввести мальчика во взрослую жизнь русского общества начала XX в.;
- следует отметить, что некоторые строгие правила довольно легко обходились в виду индивидуальных особенностей характера воспитателей и ведущих преподавателей;
- из-за того, что кадетскому корпусу приходилось работать не только с военной подготовкой детей, но и заниматься проблемами общей социализации детей, некоторые практики, как походы на бал становились причинами наказания кадета, если он не соблюдал, положенные мужчине правила поведения;
- в корпусе порой наблюдались случаи, которые граничили с преступлениями, что неминуемо влекло за собой отчисление из корпуса без права повторного поступления в военно-учебное заведение;
- однако участие кадет в Первой мировой войне и проявленные ими смелость и героизм позволяют утверждать, что в целом корпус справлялся не только с воспитанием новых поколений, но и прививал своим воспитанникам чувство высокого патриотизма и любви к Родине.

Библиографический список

1. Бокова Я.М. Страницы из жизни Владикавказского кадетского корпуса [Электронный ресурс] <https://nasledie-tereka.ru/2021/03/25/stranicy-iz-zhizni-vladikavkazskogo-kadetskogo-korpusa/> (дата обращения: 03.12.2025).
2. Досуг Владикавказца. 1914. № 5.
3. Тавитов Р.С., Новикова А.В. «Руки крепче сжимали винтовку...». Кадетские публикации периода Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2020. № 4. С. 76–80.
4. Хубулова С.А. «Все пути, связывающие Закавказье с Северным Кавказом, ведут через Владикавказ». Из истории Владикавказского кадетского корпуса // Военно-исторический журнал. 2013. № 5. С. 39–43.
5. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 276. Оп. 1. Д. 3.

УДК 355/359

А.О. Гулин,

преподаватель, Буйский техникум железнодорожного транспорта
Костромской области (Буй)

ВОСПОМИНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ЧВК «ВАГНЕР» КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. В статье анализируются мемуары сотрудников частной военной компании «Вагнер», принимавших участие в боевых действиях на африканском континенте, а также на территории Сирийской Арабской Республики и в зоне Специальной военной операции на Украине (СВО). Дается краткий источниковедческий анализ приведенных воспоминаний, определяется возможность их использования в процессе изучения различных военных конфликтов на современном этапе.

Ключевые слова: ЧВК «Вагнер», мемуары, источники личного происхождения, военные конфликты, Сирийская Арабская Республика, Ливия, Специальная военная операция.

A.O. Gulin,

Teacher, Buy's Technical school of railway transport of Kostroma region (Buy)

MEMORIES OF EMPLOYEES OF THE PMC WAGNER AS A SOURCE OF INFORMATION IN THE STUDY OF MODERN MILITARY CONFLICTS

Abstract. This article analyzes the memoirs of Wagner private military company employees who participated in combat operations on the African continent, as well as in the Syrian Arab Republic and the Special military operations zone in Ukraine. A brief source analysis of these memoirs is provided, and their applicability to the study of various military conflicts in the modern era is explored.

Key words: PMC Wagner, memoirs, sources of personal origin, military conflicts, Syrian Arab Republic, Libya, Special military operation.

Современные международные отношения и возникающие на современном этапе военные конфликты являются одной из самых популярных тем исследования для специалистов в области истории, политологии и других социально-гуманитарных наук. Поскольку значительный массив официальных документов, посвященных военным конфликтам последних десятилетий, остается недоступен для широкого круга исследователей, большую роль при изучении данной проблемы играют источники личного происхождения – воспоминания, мемуары, дневниковые записи, интервью непосредственных участников рассматриваемых событий.

В целом ряде военных конфликтов начала XXI века значительную роль играли и продолжают играть так называемые частные военные компании (далее – ЧВК) – коммерческие предприятия, специализирующиеся на оказании различных видов силовых услуг. Хотя первые упоминания о подобных формированиях относятся к концу 1960-х гг., максимальную популярность ЧВК приобрели после окончания «Холодной войны».

В России самым ярким представителем частных военных компаний можно считать ЧВК «Вагнер» (компания), основанную в 2014 году подполковником спецназа Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС РФ Дмитрием Уткиным и предпринимателем Евгением Пригожиным. Основание ЧВК «Вагнер» принято связывать с началом военного конфликта на Донбассе. В дальнейшем сотрудники компании принимали участие в боевых действиях в Сирийской Арабской Республике, кроме того, выполняли ряд задач на территории Ливии и ЦАР. С 2022 года бойцы «Вагнера» активно участвовали в Специальной военной операции на Украине, сыграв решающую роль при

освобождении таких крупных центров обороны ВСУ, как Попасная, Соледар и Бахмут.

В связи с продолжающейся спецоперацией на Украине большое количество официальной ведомственной документации ЧВК «Вагнер» остается закрытым для «гражданских» исследователей. События июня 2023 года, именуемые в СМИ «маршем справедливости» и получившие самые неоднозначные общественные оценки, также способствовали изъятию из свободного доступа значительного массива материалов, посвященных истории и деятельности компании за последние годы. В связи с этим важнейшим источником изучения участия «вагнеровцев» в современных военных конфликтах, становятся их воспоминания, опубликованные как в виде самостоятельных изданий, так и размещенных в свободном доступе в сети Интернет.

В настоящей статье мы попытаемся классифицировать доступные на сегодня материалы мемуарного характера, а также определить степень их научной значимости при изучении упомянутых военных конфликтов первой четверти XXI века.

На наш взгляд, весьма продуктивной формой работы по заявленной проблематике является личное интервьюирование непосредственных участников боевых действий в составе ЧВК «Вагнер» и работа с уже размещенными в сети интернет воспоминаниями. В ходе устных бесед, организованных как в очном, так и в онлайн-форматах, можно выявить многочисленные детали, которые опускаются при подготовке печатных мемуаров. В частности, автору публикации удалось пообщаться с участником спецоперации в составе ЧВК «Вагнер» Сергеем Алексеевым [1], который прошел путь от солдата-штурмовика до командира взвода. В своих воспоминаниях респондент очень подробно остановился на мотивах, побудивших его вступить в ряды «Вагнера», обратил внимание на психологию современных военнослужащих, на собственном примере оценил, что помогает в процессе реабилитации после полученных серьезных ранений и возвращения к мирной жизни.

Представляют интерес воспоминания писателя Максима Мельника [8], который, будучи сотрудником компании, принимал участие в спецоперации, а также выполнял боевые задачи во время командировки в Мали. В своих воспоминаниях автор подробно анализирует причины указанных конфликтов, описывает специфику военных действий в каждом из них.

Следующую группу рассматриваемых источников составляет мемуарная литература, опубликованная традиционным типографским способом. Следует отметить, что изученные нами воспоминания представителей компании были изданы в 2024–2025 гг., причем многие

авторы, по их собственным признаниям, намерены продолжать свою писательскую деятельность.

Весьма ценными с точки зрения объема информации являются работы корреспондента РИА ФАН К.А. Романовского [9]. Каждая из двух выпущенных книг представляет собой сборники интервью сотрудников ЧВК «Вагнер», выполнявших боевые задачи в Сирии, Ливии, ЦАР и на Донбассе. В этих интервью респонденты характеризуют мотивы, побудившие вступить в ряды ЧВК, особенности военных действий, взаимоотношения с местным населением, уровень подготовки, которую проходили сотрудники компании. Кроме того, в работе представлены воспоминания и самого автора, который работал с сотрудниками ЧВК «Вагнер» с 2014 года: «17.11.2017. Три года назад я поехал на войну. Три года назад я впервые увидел донецкий аэропорт. События наслаивались, подобно записям на палимпсесте, соскабливались, выцветали, становились нечитаемыми, уступая место другим... Не буду лукавить, мне редко снится война. Потому что она мне уже приснилась. И осталась со мной навсегда» [10, с. 282–283].

С началом Специальной военной операции на Украине ряды ЧВК «Вагнер» активно пополнялись добровольцами из самых разных категорий населения. О процедуре попадания в число сотрудников компании, о прохождении добровольцами боевого слаживания в учебном центре Молькино, особенностях подготовки в своих воспоминаниях подробно рассказывают А.В. Габов [5] и Л.В. Трапезников [11].

Примечательно, что оба автора, кроме непосредственного описания происходящих событий много внимания уделяют природе конфликта на Донбассе и целях России. При характеристике ЧВК «Вагнер» делается акцент на том, что это, в первую очередь, добровольческое формирование, защищающее российские государственные интересы, а не группа наемников, оказывающая платные силовые услуги [12]. Как отметил в заключительной части своих воспоминаний Л.В. Трапезников, «Группа «Вагнер» оставила народную память о подвиге русского человека, о его преданности служению стране. «Вагнер» теперь уже легенда, и, как любая легенда, будет снова и снова вдохновлять новые поколения русских на подвиг во имя Отечества, во имя своей семьи и во имя самого себя... «Вагнер» будет вновь и вновь зажигать сердца в их стремлении соперничества, завоеваний и любви к Родине» [11, с. 413–414].

В 2025 году вышла в свет работа Максима Мельника «Изгнанники рая», изданная в двух книгах и посвященная так называемому «Проекту «К» – набору в ряды ЧВК «Вагнер» лиц, отбывающих наказание в исправительно-трудовых учреждениях. Повествование в обеих книгах ведется от имени заключенного, который добровольно вступил в ряды

компании и, отработав положенный полугодовой контракт, продолжил военную службу в зоне СВО. Автор уделяет значительное внимание процедуре набора добровольцев, организации их боевой подготовки, бытовым условиям в учебном центре и на передовой, морально-психологическому состоянию бывших заключенных, получивших «уникальный шанс в истории современной России, отправиться на войну с ЧВК «Вагнер» и тем самым кровью искупить свои прошлые ошибки, получить помилование президента России» [6; 7].

Подводя итог всему сказанному, необходимо отметить, что мемуары сотрудников ЧВК «Вагнер» сегодня являются весьма важным источником информации при изучении целого ряда военных конфликтов на современном этапе. Содержащаяся в воспоминаниях информация придает изучаемым событиям так называемое «ощущение эпохи», позволяет посмотреть на них с различных точек зрения и выявить возможные для последующего изучения тенденции.

Вместе с тем, нельзя забывать, что воспоминания, как и любой другой источник личного происхождения, не могут претендовать на абсолютную точность и беспристрастность излагаемых событий. Для получения наиболее объективной картины рассматриваемой проблемы любые мемуары необходимо подвергать критическому переосмыслению, а также перепроверять представленную в них информацию с помощью других видов исторических источников.

Библиографический список

1. *Алексеев С.* Нужно довершить дело до конца// На наш взгляд. 10 сентября 2025 года. URL: https://нанашвзгляд.рф/obshchiestvo/_nuzhno_doviershit_dielo_do_kontsa_ (дата обращения: 06.01.2026).
2. *Андреев Н.* ЧВК «Вагнер». Летопись: Донбасс, Сирия. М., 2025. 416 с.
3. *Андреев Н.* ЧВК «Вагнер». Летопись: Африка. М., 2025. 352 с.
4. *Андреев Н.* ЧВК «Вагнер». Летопись: СВО. М., 2025. 448 с.
5. *Габов А.В.* С шевроном «Вагнер». М., 2025. 352 с.
6. *Мельник М.* Изгнанники рая. Книга первая. СПб., 2025. 328 с.
7. *Мельник М.* Изгнанники рая. Книга вторая. СПб., 2025. 344 с.
8. *Мельник М.* Как просто быть писателем...// Два слова о войне: страница группы рос. соц. сети ВКонтакте. 7 августа 2025 года. URL: https://vk.com/wall-138291661_38338 (дата обращения: 05.01.2026).
9. *Романовский К.А.* Восемь лет с «Вагнером». Тени войны. М., 2024. 352 с.
10. *Романовский К.А.* Восемь лет с «Вагнером». М., 2025. 448 с.
11. *Трапезников Л.В.* «Вагнер»: в пламени войны. М., 2024. 416 с.
12. *Трапезников Л.В.* «Вагнер»: кровавый ринг. М., 2025. 384 с.

Е.В. Дианова,

доцент, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск)

ОТДЫХАЮЩИЕ, «САНАТОРНИКИ» И КУРОРТНИКИ В СОВЕТСКОМ КИНО 1920-х ГОДОВ

Аннотация. В статье говорится о том, как в советском кино 1920-х годов были представлены наиболее важные мероприятия государства по организации отдыха и лечения трудящихся в здравницах, созданных в бывших особняках, и национализированных санаториях. Кинематографисты затронули тему распределения путевок в крестьянский санаторий «Ливадия». Они выявляли преимущества коллективного летнего отпуска в домах отдыха по сравнению с отдыхом на даче.

Ключевые слова: кино, трудящиеся, санаторий, курорт, отдых, лечение.

E.V. Dianova,

Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk)

VACATIONISTS, "SANATORIUM RESIDENTS" AND RESORT RESIDENTS IN SOVIET CINEMA OF THE 1920S

Abstract. The article explores how Soviet cinema of the 1920s depicted the most important state measures to organize recreation and treatment for workers at health resorts established in former mansions and nationalized sanatoriums. Filmmakers addressed the distribution of vouchers to the Livadia peasant sanatorium, highlighting the advantages of collective summer vacations at rest homes compared to vacations at dachas.

Key words: cinema, workers, sanatorium, resort, recreation, treatment.

В 1920-е годы наряду с историческими фильмами снимались специально-бытовые фильмы, комедии, социальная сатира. Бытовые картины высмеивали пережитки старого уклада, демонстрировали новые явления в повседневной жизни советских граждан, жителей города и деревни. К общественно важным инновациям относилось право на ежегодный оплачиваемый отпуск, закрепленное Кодексами законов о труде РСФСР (1918; 1922). По декрету СНК РСФСР «О домах отдыха» от 13 мая 1921 года «в целях предоставления рабочим и служащим возможности восстановить свои силы и энергию в течение получаемого ими ежегодного очередного отпуска в наиболее благоприятных и здоровых условиях» национализированные дворцы и большие особняки при-

способливались под дома отдыха и санатории [5]. Трудящиеся могли посвящать отпускное время и отдыху, и оздоровлению. Отбор граждан, нуждающихся в санаторно-курортном лечении, осуществляли санаторно-отборочные комиссии. При отборе граждан они следовали медицинским показаниям для санаторно-курортного лечения взрослого населения, в том числе при заболевании туберкулезом.

Борьбе с туберкулезом посвящен фильм режиссера Владимира Гардина и сценариста Натана Зархи «Особняк Голубиных» / «Ксюша» (Межрабпом-Русь, 1924), поставленный в жанре агитационной, социально-бытовой драмы. В фильме «Особняк Голубиных» показано, что помещичий дом, владельцами которого до революции 1917 года были господа Голубины, советская власть превратила в санаторий. Рабочий Николай Скворцов, ютившийся в подвале, заболел чахоткой. После Октябрьской революции он попадает в противотуберкулезный санаторий, который разместили в бывшем особняке Голубиных, где вскоре и вылечивается. В здравнице, где он проходил лечение, за ним ухаживала деревенская девушка Ксюша, между ними возникли взаимные чувства. Санитарно-просветительский фильм о борьбе с туберкулезом, поставленный на средства и по заданию органов здравоохранения, демонстрировал санатории и тубдиспансеры, убеждал зрителей, что «только при социалистическом строе возможна активная борьба с туберкулезом» [6, с. 68].

Пресса встретила «Особняк Голубиных» критически. Картина была названа «антихудожественной, антибытовой, антиагитационной», так как там «агитации против туберкулеза не было». В фильме были показаны только «два заболевших человека (рабочий и крестьянка) и бесцветный доктор, говоривший по этому поводу бесцветные фразы». Авторы не использовали «агитационный материал о том, почему болевают люди (особенно в рабочей и крестьянской среде) в прошлом настоящем». Они не показали «жизнь в санаториях и диспансерах», откуда, по словам сценариста, «выходят здоровые, счастливые и веселые люди». Режиссер хотел провести «параллель между жизнью представителей двух миров – подвала и особняка». Однако «параллель между богатым особняком Голубиных и подвалом бедняка-рабочего показана самым шаблонным, ходульным образом, так же как и любовь рабочего Скворцова к крестьянке Ксюше». Для того чтобы «убедить аудиторию в идеологической приемлемости картины, ее завершают парад на Красной площади и восторженно позирующие артисты» [3, с. 2].

Обслуживанию в лечебно-профилактических учреждениях подлежали работники предприятий с особо опасными условиями труда в металлургической, горнодобывающей, нефтяной, химической и прочих отраслях промышленности. Заботу государства о здоровье рабочих

Бакинских нефтяных промыслов режиссер Александр Литвинов запечатлел в комедии «Горняк-нефтяник на отдыхе и лечении» (1924), снятой Азербайджанским фотокиноуправлением (АФКУ) и киностудией «Кино-горняк» (Баку). Кинокомедия раскрывала также некоторые бытовые неурядицы 1920-х годов, связанные с отдыхом и лечением трудящихся. Интересно, что в смешное положение попал председатель курортно-отборочной комиссии – товарищ Дедушкин. «Устав на работе, он засыпает. Ему снится, что он стал душевнобольным. Дедушкин выдает самому себе путевки во все санатории Азнефти. На одном из курортов в Дедушкина влюбляется заведующая хозяйством, которая силой тащит его в загс. В последний момент Дедушкин попадает в руки слушающих сумасшедшего дома и... просыпается» [6, с. 56].

В целях пропаганды отдыха и лечения трудящихся в санаториях Северного Кавказа по заказу северокавказского Крайсоцстраха при участии краевого университета на киностудии «Ювкинокомсомол» (Ростов-на-Дону) был создан культурфильм «Похождения Лавровых» / «Из жизни курортов» (1926). Картина доказывала преимущества культурного досуга, совмещенного с медицинскими процедурами, в ней показывались некоторые лечебные мероприятия [6, с. 160].

В картинах всегда демонстрировались санатории и курорты Черноморского побережья и Кавказских Минеральных Вод. По декрету СНК РСФСР от 4 апреля 1919 года «О лечебных местностях общегосударственного значения» лечебные местности, курорты со всеми сооружениями, строениями и имуществом переходили в собственность государства. После освобождения Крыма от войск Врангеля В.И. Ленин подписал декрет СНК «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» 21 декабря 1920 года, в котором говорилось: «Санатории и курорты Крыма, бывшие раньше привилегией крупной буржуазии, прекрасные дачи и особняки, которыми пользовались раньше крупные помещики и капиталисты, дворцы бывших царей и великих князей должны быть использованы под санатории и здравницы рабочих и крестьян» [2, с. 60].

Целебные свойства Крымского побережья планировалось использовать для лечения и восстановления трудоспособности всех трудящихся, а в Ливадии решили устроить крестьянский курорт. По постановлению СНК РСФСР от 12 декабря 1924 года царский дворец Ливадия передавался в ведение Наркомата здравоохранения. На основе постановления СНК РСФСР от 20 февраля 1925 года в летней императорской резиденции создавался санаторий для бесплатного лечения крестьян на 500 коек. Официальное открытие санатория состоялось 28 июня 1925 года. Путевки в крестьянский санаторий распределяли санаторно-

отборочные комиссии по методичке «О способе отбора больных крестьян для лечения на курортах». Там говорилось, что на лечение отправляются только крестьяне «от сохи», т.е. только хлеборобы, работавшие в полях, «и никто из сельских властей и служащих на койки эти не может быть отправлен» [1, с. 154].

Нередко возникали смешные и нелепые ситуации, связанные с отправкой тружеников из дальних мест в южную здравницу. Бывало, что «женщины провожали кормильцев на “курорт” со слезами. Дорога дальняя – через всю страну ехать, а в провинциях беспокойно. Да и что такое курорт, возвращаются ли оттуда живыми, никто не знал. Поэтому пролетарии старались избегать санаториев, а отводили душу за пьянством и поездками к родным в деревню. Тоже, между прочим, отдых» [8, с. 19].

Такие комичные случаи привлекали внимание кинематографистов. Режиссер Александр Лёвшин в своей картине «Переполах» / «Ошибка генерала Стрехи» (Совкино, 1928) по сценарию Арсена Аравского и его соавтора Ивана Пырьева пытался «осмелить отсталость некоторых крестьян», испугавшихся распределения путевок в «Ливадию». Фильм начинался с того, что «в село Глухарево пришло из волости предписание “выделить в порядке разверстки” одного из крестьян на курорт. Нетерпеливая, строгая бумажка о “разверстке крестьян по курортам”, составленная непонятным казенным языком, вызвала на селе переполах». В это время «все население деревни находилось в далеком поле, а древние старики во главе с сельским исполнителем Стрехой (по прозвищу “генерал”) вверглись в мрачное раздумье, как выполнить новую разверстку на людей. Непонимающие что такое “курорт”, встревоженные словом “разверстка”, крестьяне решают “пожертвовать” одним из селян. Разверстка всегда первым делом полагается с кулака – решили послать мельника, но тот пригрозил закрыть мельницу, и выбор пал на сухорукого мужика Захара Пенькова. Жизнь у Захара и без того была пропащая – угнетала жена. Пеньков согласился “пострадать за мир”, ему терять нечего – ни здоровья, ни хозяйства, но взамен требовал компенсации – теленочка, поросеночка и многое другое» [6, с. 284; 7, с. 12].

Дальше в фильме было показано, как «Захар лечится в Ливадии солнышком и электризацией, постепенно вживаясь в курортный быт». Помимо лечения в санатории с крестьянами проводилась культурно- и политико-просветительная работа. Для «санаторников» из сел и деревень устраивались лекции и читки газет, они могли посещать библиотеку и кружки по ликвидации неграмотности.

А «деревня забыла о Захаре, и жена отдала свое сердце обходительному пономарю». Считая мужа погибшим, она заказала по нему панихиду. Тем временем, пройдя лечение, Захар, «вернулся домой именно тогда, когда произносились слова: “Помяни, Господи, душу...”». Жених-пономарь и все поминавшие его односельчане были изгнаны Захаром из дома». Странствующий герой фильма Одиссей-Захар, окрепший и излечившийся от болезни, расстроил своим появлением предстоящую свадьбу. «Строптивая жена укротилась, увидев у Захара пару здоровых рук. Так древние старики узнали, что такое курорт» [6, с. 284; 7, с. 12]. Многие сцены фильма «Переполох» снимали в крестьянском санатории «Ливадия» в Крыму, и съемки приковывали внимание отдыхающих. «Санаторники» обступали киноаппарат; спрашивали, как будет называться фильм; просили рассказать сюжет картины про то, «какая деревня темная». Их «заботливое ухаживание» часто мешало работе кинематографистов [7, с. 13].

В 1920-е годы распространялась идея о том, что «санаторный режим для нетяжелых больных должен обязательно включать строго дозированные трудовые процессы – в саду, в огороде и проч.» [4, с. 101]. Режиссер Дмитрий Бассалыго и сценарист Ольга Третьякова создали киноновеллу «Биюк-Гюнеш» / «Великое солнце» (Востоккино, 1930) о помощи курортников колхозному строительству в Крыму. «Весной 1930 года в недавно созданном Симеизском колхозе назревал прорыв: не хватало рабочих рук, заметно ослабла трудовая дисциплина. Кулацкая агитация ставила под угрозу выполнение плана весенних полевых работ». Колхоз обратился за помощью к отдыхающим курорта «Симеиз» им. В.И. Ленина. Они «дружно откликнулись на этот призыв. Для многих крымский курорт оказался не только местом восстановления здоровья, но и серьезной политической школой». Из сохранившихся кадров фильма видно, как колонна отдыхающих с орудиями труда и транспарантом «Позор лодырям!» идет работать в поле. Вскоре колхозники Симеиза отправили своим шефам подарок – ранние овощи и фрукты. Фильм заканчивался призывом: «Шефство курортников над колхозниками, взаимная дружба и поддержка должны стать лозунгом наших дней» [6, с. 359].

Комедия «Главдыня на отдыхе» (Ленсовкино, 1927) касается темы отдыха на курортах советских служащих и разоблачает «порочную практику раздувания штатов». Трест «Южная Главдыня» имеет представительство на севере, где числится шесть изнывающих от безделья человек. Из-за крайнего переутомления от праздности на курорт отбывает машинистка Муся. За ней устремляются ее сослуживцы, поэтому фильм имел еще одно название «Один за всех, все за... одной». На

курорте все они наперебой пытаются покорить ее сердце. В это же время Рабоче-крестьянская инспекция проверяет деятельность «Главдыни» и убеждается в том, что для работы этого предприятия вполне достаточно одного человека. Штаты треста «Главдыня» подвергаются сокращению, о чем с ужасом узнают из газет его сотрудники, отдыхающие на берегу Черного моря [6, с. 186].

В некоторых кинокартинах сравнивали организованный и неорганизованный отдых, например, в комедии «Отдых дыбом» (Трудикино, 1929). В ней нашла воплощение и тема летних романов. Аккомпаниатор Малявкин отправляется в дом отдыха, его друг техник Братаев едет за город на дачу. Малявкин получает все «преимущества» организованного отпуска, потому что в доме отдыха «обитает гораздо больше очаровательных девиц, склонных к флирту». А Братаев на даче «терпит в этом вопросе полное фиаско» [6, с. 335].

Организованный отдых расценивался как социально одобряемое проведение свободного времени сознательными рабочими, служившими образцом для подражания со стороны их недисциплинированных друзей. В комедии «Степка» / «Степка – горе-экскурсант» (1928), снятой кинокружком Балтийского завода, рассказывалось о молодом рабочем Степане, который «старался во всем быть похожим на своих товарищей, но это ему плохо удавалось. Не везло Степке и в дни отдыха. Однажды он проспал и опоздал на загородную экскурсию, а затем на одной станции его высадили как безбилетного пассажира. Ночь Степка провел за городом, а на утро опоздал на работу» [6, с. 296]. Зрителям незаметно внушали мысль о необходимости соблюдать дисциплину как на работе, так и на отдыхе.

В других фильмах показывали молодых рабочих, которые даже в отпуске не перестают решать производственные проблемы. Режиссеры Павел Вейсбрем и Николай Дирин посвятили им комедию «Веселая война» / «Зарядка» (Союзкино, 1930). За успешную работу молодежный коллектив ткацкой фабрики получил возможность провести отпуск на море. Однако и на отдыхе текстильщики и механики соревнуются в изобретательстве, для них это «веселая война» [6, с. 360].

Таким образом, в советском кино 1920-х годов были представлены наиболее важные мероприятия государства по организации отдыха и лечения трудящихся в здравницах, созданных в бывших особняках, и национализированных санаториях Черноморского побережья, Кавказских Минеральных Вод. Кинематографисты затрагивали тему распределения путевок в крестьянский санаторий «Ливадия». Они выявляли преимущества коллективного летнего отпуска в доме отдыха или на курорте по сравнению с индивидуальным отдыхом на даче.

Библиографический список

1. Багдасарян С.Д. Властное регулирование развития крестьянских курортов в Советской России в 1920-х гг. // Власть. 2012. № 2. С. 153–155.
2. Декреты Советской власти. Т. XII. М.: Политиздат, 1986. 427 с.
3. Кино-газета. 1925. 13 января. С. 2.
4. Кузнецова Л.А. Дискуссии о форме и содержании советского курортного отдыха (1920–1930-е гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 4 (43). С. 98–106.
5. Собрание Узаконений Рабоче-крестьянского правительства. 1921. № 47. Ст. 232.
6. Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог: в 3 т. Т. 1: Немые фильмы (1918–1935). М.: Искусство, 1961.
7. Советский экран. 1928. № 48.
8. Тихомиров В. Азбука быта. Библиотека «Огонек». М., 2008. 31 с.

УДК 94(47+57)''1941/45''-055.2

Ю.Н. Егорова,

ассистент, Ростовский государственный университет путей сообщения
(Ростов-на-Дону)

ВОДИТЕЛИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ФРОНТА И ТЫЛА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ВКЛАД ЖЕНЩИН-ВОДИТЕЛЕЙ (на материалах Ростовской области)

Аннотация. Статья посвящена значимой роли женщин-шоферов в обеспечении фронта и тыла во время Великой Отечественной войны. Анализируется их профессионализм, стойкость и мужество, подчеркивается вклад женщин-водителей в достижение Победы и укрепление фронтовых коммуникаций.

Ключевые слова: женщины-водители, Великая Отечественная война, шофер, автоэлектрик, Л.Ф. Журавлева, В.И. Раско, В.С. Шкатова.

Yu.N. Egorova,

Assistant professor, Rostov State Transport University (Rostov-on-Don)

DRIVERS IN SUPPORTING THE FRONT AND REAR IN THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE CONTRIBUTION OF WOMEN DRIVERS (based on materials from the Rostov region)

Abstract. This article explores the significant role of female drivers in providing support to the front and rear during the Great Patriotic War. Their professionalism, resilience, and courage are analyzed, highlighting the contribution of female drivers to achieving victory and strengthening frontline communications.

Key words: women drivers, Great Patriotic War, driver, auto electrician, L.F. Zhuravleva, V.I. Krasko, V.S. Shkatova.

Вторую мировую войну принято называть войной моторов, поскольку значение пехоты и кавалерии значительно уменьшилось, уступив первенство моторизированной технике. Однако там, где задействована техника, неизменно присутствует человеческий фактор – водитель играет ключевую роль. Несмотря на это, вклад водителей часто остается недостаточно освещенным при обсуждении Победы в Великой Отечественной войне. Водители несли не меньшие риски, доставляя бойцов на фронт, обеспечивая транспортировку боеприпасов и снабжение вооруженных сил. Малообеспеченные средствами защиты и комфорта в примитивных транспортных средствах, они полагались на самоотверженность, стойкость и готовность к самопожертвованию.

Помимо мужчин-водителей, управлявших автомобилями по опасным фронтовым дорогам, тяжелую службу выполняли также женщины-водители.

Военные водители независимо от пола постоянно подвергались высоким рискам, аналогичным другим участникам боевых действий, осуществляя транспортировку техники и грузов на маршрутах от Москвы и Сталинграда до Берлина и Праги, тем самым оставляя свой значимый след в истории Победы. На различных должностях – шоферы, автоэлектрики – женщины-водители по «фронтовым артериям» уверенно и ответственно выполняли свои задачи.

Так, например, гвардии старший сержант Журавлева Лидия Федоровна, родившаяся в 1923 г., была призвана Каменским районным военкоматом Ростовской области в июле 1941 г. Она исполняла обязанности шофера в 70 отдельном гвардейском тяжелом танковом Свирском полку. За проявление доблести и героизма в боевой обстановке командование части представило ее к награждению орденом «Отечественной войны» II степени.

Поводом для этого послужил следующий факт: 8 февраля 1945 г., в ходе боевых действий по уничтожению окруженной группировки противника в городе Шнайдемюль (Польша), гвардии сержант Журавлева совершила исключительно самоотверженный поступок. В нейтральной зоне, под мощным пулеметным огнем противника и находясь под угрозой обстрела, она, рискуя жизнью, незаметно подползла к группе тяжело раненых бойцов и офицеров 1285 стрелкового полка 60 стрелковой дивизии, которые находились в состоянии тяжелых ранений и лежали без оказания первой помощи. В личном порядке, по собственной инициативе, Журавлева перевязывала раненых, оказывая им первую помощь и вытаскивала их в безопасное место. В результате она эвакуировала из

зоны боевых действий шесть тяжело раненых вместе с их боевым оружием. При попытке вынести седьмого раненого, сама была тяжело ранена и, истекая кровью, оказала первую помощь последнему пострадавшему, а затем и себе [1].

За проявленную смелость, отвагу и инициативу в бою командир 70 отдельного гвардейского тяжелого танкового Свирского полка, подполковник Шаргородский Иосиф Рафаилович, в своем представлении предлагал наградить Журавлеву орденом «Отечественной войны» II степени. Однако командующий бронетанковыми и механизированными войсками 47-й армии, генерал-майор танковых войск Кретов Илья Иванович, принял решение наградить гвардии сержанта Журавлеву Лидию Федоровну орденом Красной Звезды за проявленный подвиг [2].

Гвардии сержант Журавлева скончалась 10 февраля 1945 г. в возрасте 22 лет от полученных ран и была захоронена в г. Шнайдемюль, в с. Лебенке [3].

Еще одна из наших землячек – Краско Вера Ивановна, родившаяся 29 июля 1924 г. в с. Б[ольше]-Креп[инском]¹ Курганского района Ростовской области. В 1943 г. она была призвана в Красную Армию через Больше-Крепинский районный военкомат Ростовской области. В течение службы исполняла обязанности шофера в хозяйственной части 289 истребительного противотанкового артиллерийского полка 48 отдельной истребительной противотанковой артиллерийской бригады резерва главного командования 4 Украинского фронта.

В приказе от 19 мая 1945 года № 015/н, касающемся 289-го истребительного противотанкового артиллерийского Лужского полка 48-й отдельной истребительной противотанковой артиллерийской Рижской бригады резерва Главного командования, отмечается, что во время боёв в районе г. Хоф 4 мая 1945 г., несмотря на сильный артиллерийско-минометный обстрел противника, обеспечила подразделение бесперебойной доставкой боеприпасов орудиям, находившимся на прямой наводке, а также устранила повреждение автомашины под огнем врага. За проявленную храбрость и профессиональную выдержку Краско В.И. была награждена медалью «За отвагу» [4].

Кроме женщин-военнослужащих в тыловых районах активно трудились женщины-вольнонаемные. Они выполняли различные задачи, такие как транспортировка грузов, работа в ремонтных мастерских и другие виды деятельности, требующие высокого уровня ответственности и мужества. Эти женщины часто сталкивались с тяжелыми условиями труда, риском для жизни и здоровья, демонстрируя стойкость, иници-

---

¹ В документе «Б-Крепка».

циативу и преданность делу. Их вклад в достижение общей победы был значимым, однако зачастую они оставались недостаточно признанными.

Ярким примером служит Шкатова Венадора Сергеевна, которая была призвана Ростовским городским военкоматом города Ростова-на-Дону. В годы Великой Отечественной войны она работала вольнонаемным автоэлектриком на базе 291-й полевой авторемонтной мастерской 3-го гвардейского стрелкового краснознаменного корпуса, начиная с ноября 1943 г. Первоначально В.С. Шкатова занимала должность повара, однако с августа 1944 г. приняла на себя функции электрика. За относительно короткий срок она успешно овладела сложными профессиональными задачами, включающими обмотку якорей генераторов, изготовление ниток из пряжи, проведение оплетки проводов для обмотки и намотку катушек реле генератора. Особое внимание уделялось последней операции, которая требовала высокой концентрации: в процессе наматывания около 200 витков проволокой диаметром 0,08 мм необходимо было соблюсти точность и аккуратность. В ходе выполнения боевого задания командования корпуса за двое суток ей удалось обеспечить ремонт 25 единиц техники, включая намотку 10 якорей, что превысило плановые показатели на 150 %. За высококачественное и досрочное выполнение поставленных задач, а также проявленную ответственность, Шкатова Венадора Сергеевна была выдвинута к награждению медалью «За боевые заслуги» [5].

Дорожные условия военных действий характеризовались экстремальной жесткостью для всех участников, особенно для женщин-водителей, сыгравших значительную роль в обеспечении боеспособности советских вооруженных сил. Несмотря на важность их вклада в достижение Победы, деятельность женщин-участниц зачастую остается недостаточно освещенной в исторической науке. Это свидетельствует о необходимости проведения более глубокого и всестороннего анализа роли женщин в Великой Отечественной войне, а также оценки их вклада в военные усилия и социальные процессы этого периода.

Библиографический список

1. Центральный архив Министерства обороны. (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 686196. Д. 4548. Л. 141.
2. ЦАМО.Ф. 33. Оп. 686196. Д. 4548. Л. 141 об.
3. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 432. Л. 174.
4. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 1532. Л. 244.
5. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 3261. Л. 30.

Р.А Еникеев,

аспирант, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

СОХРАНЕНИЕ ЭТНО-РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД НА ПРИМЕРЕ ХУТОРА КЗЫЛ-АУЛ ОБЛИВСКОГО РАЙОНА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. На примере изолированного татарского хутора Кзыл-Аул исследуется стратегии сохранения этнорелигиозной идентичности в советский период. Анализируются формы поддержания исламских обрядов, традиций, языка в приватной сфере.

Ключевые слова: Татары, ислам, СССР, Кзыл-аул, Обливский район, Ростовская область.

R.A. Enikeev,

Postgraduate student, Southern Federal University (Rostov-on-Don)

PRESERVATION OF ETHNO-RELIGIOUS IDENTITY IN THE SOVIET PERIOD ON EXAMPLE OF THE VILLAGE OF KZYL-AUL IN THE OBLIVSKY DISTRICT OF THE ROSTOV REGION

Abstract. Using the example of the isolated Tatar village Kzyl-Aul, strategies for preserving ethno-religious identity in the Soviet period are studied. The forms of maintaining Islamic rituals, traditions, and language in the private sphere are analyzed.

Key words: Tatars, Islam, USSR, Kyzyl-aul, Oblivsky district, Rostov region.

В советский период многие народы, проживали вне пределов своей исторической родины. Это обуславливалось многими факторами: поиском работы, стремлением получить образование, военной службой и многим другим. Дисперсное проживание активно встречалось и встречается до сих пор у татар. Согласно всесоюзной переписи населения татар всего в стране проживало более шести с половиной миллионов из них в ТАССР лишь миллион семьсот [2]. Одним из мест, где уже более 90 лет проживают представители этой нации, является небольшой хутор Кзыл-аул Обливского района, Ростовской области. Местные татары в советский период смогли сохранить культурную самобытность через религию и язык несмотря на то, что проживали в инокультурном пространстве.

Источниковой базой данного исследования служат прежде всего устные материалы в виде исторических интервью, взятых автором летом 2024 года, когда праздновалось 90-летие аула. Кроме того, в работе использованы данные Обливского краеведческого музея, видеоматериалы татарского культурного центра Ростовской области «Якташлар» (Земляки), материалы местной газеты «Авангард», а также интернет-ресурсы. Что касается данных ройного архива, то стоит отметить, что во время немецкой оккупации в период Великой Отечественной войны он сильно пострадал, поэтому многие материалы до 1945 года не сохранились.

Свое нынешнее название хутор получил в 1939 году, Кзыл-аул в переводе означает красная деревня, название очень логичное для того периода времени. Однако, первоначально он назывался Якты-юл (светлый путь) и был колхозом, в котором проживало около 100 семей. Располагаясь на берегу реки Чир, он часто подвергался затоплениям, поэтому власти перенесли его к восточной окраине станицы Обливской [9]. Постепенно в хутор стало приезжать больше людей. Свое происхождение большинство местных жителей ведут из татарских деревень Волгоградской области: Бахтияровка, Маляевка, Малые Чапурники, Латошинка. Которые в свою очередь ведут свою родословную из деревень Пензенской области [8]. Действительно многие фамилии татар Кзыл-аул такие же как у их соотечественников из Сурского края. Также язык, на котором говорят, местные жители является мишарским диалектом татарского языка, только с большим количеством русизмов, а также элементов казачьего говора. В послевоенное время сюда стали приезжать татары и из других регионов, так одна из старожилов рассказала, что приехала в хутор из Татарстана, услышав, что на Дону требуются рабочие руки [7]. Стоит отметить, что примерно до 1980-х годов хутор оставался практически мононациональным и каждый ребенок знал родной язык [6]. Кто приезжал сюда, подвергался «отатариванию». Примером служит местная жительница Абушаева Рита, которая является удмурткой по национальности, однако прекрасно говорит на татарском [9]. В 1990-е годы многие жители уезжают ввиду отсутствия работы, в опустевшие дома уже в 2000-е годы стали заселяться люди других национальностей.

В советский период главными занятиями жителей было овощеводство и животноводство, выращивали арахис и рис. Часть жителей работали в Обливской, а также в городе Сурувикино Волгоградской области [5]. Некоторые жители Кзыл-аула удостаивались особой похвалы в местной газете. Так в номере от 1 января 1982 года Курмакаев Андрей Таирович был назван мастером «золотые руки» [3]. Что касается

имен жителей, то у большинства в паспорте они были русские, хотя фамилии и зачастую отчества татарские. Делалось это для удобства при оформлении в паспортном столе и при приеме на работы. Хотя дома все конечно называли друг друга другими именами [6]. Язык общения в хуторе тоже был татарский, конечно, разговорный, но знали его все, даже те, кто родился в ближайших городах и приезжал сюда на лето [7].

Учитывая, что Кзыл-аул был основан в 1930-е года, о строительстве мечети здесь не могло быть и речи. Местные власти надеялись, что прибывшие сюда татары уже забыли религию предков и верят лишь в «светлое будущее коммунизма». Внешне все действительно выглядело именно так, местные жители конспирировали свои религиозные обряды, ибо не хотели проблем с законом. В хуторе не было зарегистрированной религиозной общины, соответственно никто не имел права «официально проводить обряды». Как рассказал автору нынешний имам г. Сурувикино Рифат хазрат Айсин (он сам родился в Кзыл-ауле), несмотря на запреты религия никогда не уходила из жизни людей. Были обряды, которые строго соблюдались всеми. Это – имя наречение ребенку, никах(бракосочетание), который проводили в доме невесты семейным кругом. Руководил таким процессом уважаемый старейшина, который знал молитвы на арабском, он же проводил и джаназа (похороны), а вот обряд обрезание (суннет) мог проводить отдельный человек (суннатче-бабай) [4]. Эти обряды за исключением похорон проводились тайно, после смерти человека всегда проводили поминки на 3, 7 и 40-й дни, молитвы иногда могла читать и уважаемая, знающая бабушка. Что касается поста в месяц Рамадан, то его соблюдало лишь старшее поколение, те кто не был обременен работой [5].

Ежедневные пятикратные молитвы соблюдались редко, пятничные тоже не часто, если только у кого ни будь дома и небольшой группой. А вот праздничные намазы собирали уже по больше людей, особенно если они выпадали на выходные дни. Ввиду отсутствия мечети, молитву читали в открытом поле возле кладбища [4]. Такая практика была у татар и в других населенных пунктах, где не было мечетей [1]. Религиозные тексты (суры Корана, молитвы) заучивались наизусть стариками и передавались детям и внукам устно, без опасных письменных свидетельств. Интересно, что распространенный среди татар-мишар Пензенской области обряд «кызыл йомырка», проводимый в день Пасхи, не получил распространения в Кзыл-ауле. Это связано с тем, что в соседних русских населенных пунктах Пасха, также праздновалась не открыто, поэтому и не случилось религиозного синкретизма. Праздновали и день рождения пророка Мухаммеда (Мавлид) на котором исполнялись религиозные песнопения. Элементы обрядов могли подаваться

как «народные обычаи предков» или «старинные песни», что было менее опасно, чем открытая религиозность.

После распада СССР начались процессы возрождения всех традиционных религий. В Кызыл-ауле была официально оформлена местная религиозная организация, которая успешно прошла регистрацию в Минюсте. Вскоре старожилы села подняли вопрос о строительстве мечети. Один из жителей добровольно предоставил свой дом для переустройства в мечеть. По итогу молитвенное здание официально открылось в 2003 году и функционирует по сегодняшний день [9].

На примере хутора Кызыл-Аул исследование демонстрирует, что в условиях атеистического официального курса этнорелигиозная идентичность сохранялась через стратегию конспиративной адаптации. Ключевыми механизмами стали перенос в частную, семейную сферу и камуфляж религиозных исламских обрядов под бытовые, семейные и фольклорные практики. Географическая изоляция сообщества выступила условием культурной консервации, создав «защитный буфер». Это позволило в неформальном пространстве дома, рода и природного ландшафта тайно воспроизводить никах, джаназу, пост, праздники и устную передачу религиозных знаний. Таким образом, публичное конформистское поведение сочеталось с приватным нонконформизмом, где ислам. Работа подтверждает, что изучение подобных микростратегий на периферии необходимо для понимания сложной мозаики советской национальной и религиозной политики, которая на практике часто сталкивалась с устойчивыми, но невидимыми институтами локальной идентичности.

Библиографический список

1. *Аширов Н.А.* Эволюция ислама в СССР. М., 1972.
2. *Болдырев В.А.* Итоги переписи населения СССР / Госкомстат. М.: Финансы и статистика, 1990.
3. Газета «Авангард» Обливского района, номер от 1 января 1982 г.
4. Интервью с Айсиным Р.Ф. 22.08.2024 (Архив автора).
5. Интервью с Казбулатовым А.Х. от 05.08.2024 (Архив автора).
6. Интервью с Курмакаевой Н.Х. от 09.08.2024 (Архив автора).
7. Интервью с Рафиковой Х.Т. От 27.08.2024 (Архив автора).
8. *Махмутова Л.Т.* опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка. М.: Наука, 1978.
9. Фильм. Кызыл-Аул: память поколений. 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://vkvideo.ru/video-176879561_456239613 (дата обращения: 15.05.2025).

Е.В. Ефимович,

доцент, Белорусский государственный педагогический университет
им. Максима Танка (Минск)

Т.И. Шупенько,

доцент, Белорусский государственный педагогический университет
им. Максима Танка (Минск)

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО БЕЛАРУСИ И РОССИИ: ИСТОКИ СТАНОВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. На протяжении последних 30 лет Беларусь и Россия строят успешно единое Союзное государство. Представляется необходимым обратить внимание на основные позиции по которым достигнуты успехи, какое влияние они имеют в современных международных условиях.

Ключевые слова: Союзное государство, геополитика, добрососедство, сотрудничество, интеграция, внешняя политика.

E.V. Efimovich,

Associate professor, Belarusian State Pedagogical University (Minsk)

T.I. Shupenko,

Associate professor, Belarusian State Pedagogical University (Minsk)

THE UNION STATE OF BELARUS AND RUSSIA: THE ORIGINS OF FORMATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. Over the past 30 years, Belarus and Russia have been successfully building a single Union State. It is necessary to pay attention to the main areas in which progress has been made and the impact they have in the current international environment.

Key words: Union State, geopolitics, good-neighborliness, cooperation, integration, foreign policy.

Российская Федерация и Республика Беларусь являются ближайшими стратегическими союзниками. Основным торговым партнёром нашей страны является именно Россия, так же оказывающая поддержку нам на международной арене. Существующие в настоящее время двухсторонние связи обусловлены географическим, геополитическим, историческим и иными факторами, взаимной дополняемостью экономик двух государств, тесными кооперационными связями между предприятиями. Республика Беларусь заинтересована в максимальной реализации потенциала стратегического партнёрства в отношениях с Россий-

ской Федерацией. Выстраивая отношения на союзнической основе, мы придерживаемся принципа сохранения суверенитета, чётко и ответственно выполняем свои международные обязательства особенно в нынешней международной обстановке.

Особое место в строительстве Союзного государства занимает 1996 г. – в нынешнем году этим отношениям исполняется 30 лет. Интеграционные отношения наших стран активизировались во второй половине 90-х гг. XX в., когда во главе Республики Беларусь оказался Лукашенко А.Г. Так, вначале в 1995 г. были подписаны Соглашение о Таможенном союзе между Республикой Беларусь и Российской Федерацией и Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве [1, 2]. Далее вопрос о дальнейшей интеграции наших стран был вынесен на всенародный референдум, который прошёл 14 мая 1995 г. Абсолютное большинство белорусов (83,3 %) поддержало эту инициативу. 2 апреля 1996 г. подписание очередного документа: О Сообществе Беларуси и России. Политически и экономически интеграционное сообщество создавалось в целях объединения материального и интеллектуального потенциала двух государств, которые сильно пострадали в результате разорванных связей, связанных с развалом СССР. В связи с тем, что договором было предусмотрено создание представительного органа, руководители парламентов двух стран подписали соглашение о Парламентском Собрании [3]. Следующим шагом интеграции стал Договор от 2 апреля 1997 г. о Союзе Беларуси и России [4]. С этого момента 2 апреля отмечается как День единения народов Беларуси и России, который равно празднуется в обоих государствах. В тот же год были образованы Высший совет и Исполнительный комитет Союза Беларуси и России, а Парламентское Собрание Сообщества преобразовано в Парламентское Собрание Союза Беларуси и России.

Следующим важным и судьбоносным моментом развития Союзного государства стало подписание в 1999 г. Договора о создании Союзного государства и утверждение Программы действий по его реализации. В Договоре были очерчены основные задачи союзного строительства: обеспечение мирного развития братских государств, повышение благосостояния и уровня жизни населения. Для реализации этих задач планировалось создание единого экономического и таможенного пространства, развитие социально-экономического развития стран на основе объединения материального и интеллектуального потенциала стран, проведение согласованной внешней и оборонной политики, рассматривалось формирование единой правовой системы. Определяющим для реализации данного проекта становилось создание единого экономического пространства, поэтапное формирование которого рассматривалось как главная задача органов власти Союзного государства.

В соответствии с Договором были сформированы и благополучно функционируют высшие органы власти Союзного государства. Эти органы состоят из представителей соответствующих республиканских и федеральных органов Беларуси и России и периодически собираются на свои заседания, где рассматриваются и решаются вопросы союзного строительства в соответствующих сферах.

В рамках Союзного государства постоянно проводится работа по унификации законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации и формированию правовой системы Союзного государства. В настоящее время положения Гражданского и Гражданско-процессуального кодексов Республики Беларусь аналогичны положениям соответствующих правовых актов Российской Федерации. Правовые нормы Хозяйственно-процессуального Кодекса Республики Беларусь и Арбитражно-процессуального Кодекса Российской Федерации в основном унифицированы и не содержат противоречий. Унифицировано таможенное законодательство. Многое сделано по сближению правовой базы в сфере обеспечения равных условий деятельности субъектов хозяйствования и равных прав граждан (уравнены в правах в обоих государствах пенсионеры, учащаяся молодёжи, работники сферы культуры и образования и т.д.). Согласованы дорожные карты по основным направлениям интеграции.

Одним из основных и наиболее успешных направлений деятельности Союзного государства является проведение согласованной внешней политики Беларуси и России. основополагающим документом, определяющим механизм взаимодействия внешнеполитических ведомств, является Программа согласованных действий в области внешней политики государств-участников Договора. Программа – это документ концептуального характера, который обеспечивает выработку согласованных подходов к наиболее важным проблемам международных отношений и координацию усилий двух стран во внешней политике, что договором о создании Союзного государства определяется в качестве одной из приоритетных задач союзного строительства. В настоящее время действует Программа согласованных действий в области внешней политики государств-участников Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг.

15 декабря 2023 г. состоялось совместное заседание коллегии МИД Российской Федерации и коллегии МИД Республики Беларусь под руководством глав внешнеполитических ведомств двух стран С.В. Лаврова и С.Ф. Алейника. Участники заседания детально рассмотрели актуальные вопросы российско-белорусского сотрудничества в различных сферах, перспективы взаимодействия в рамках интеграции

онных объединений и расширения взаимной поддержки на международных площадках, обменялись оценками состояния глобальной и региональной безопасности, сообщили в пресс-службе МИД Беларуси. По итогам заседания была подписана Программа согласованных действий в области внешней политики государств-участников Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг.

Главные заявления министра иностранных дел России заключаются в том, что Республика Беларусь ближайший стратегический партнёр и союзник России. Уникальный формат совместных заседаний коллегий внешнеполитических ведомств двух братских стран – яркое тому подтверждение. На внешнеполитические ведомства двух стран возложена задача эффективного дипломатического сопровождения работы по углублению союзной интеграции. Сегодняшняя повестка ориентирована на Глобальный Юг и Глобальный Восток – на Мировое большинство. На страны, которые открыты для сотрудничества на основе равноправия, взаимной выгоды, без ультиматумов, угроз (и тем более санкций). Такая повестка дня отражает дальнейшую адаптацию внешнеполитических приоритетов России и Беларуси к текущим геополитическим реалиям.

Беларусь и Россия достойно выдерживают массированные гибридные удары со стороны коалиции недружественных западных стран. Об этом заявил журналистам министр иностранных дел Беларуси С.Ф. Алейник после совместного заседания коллегий внешнеполитических ведомств Беларуси и России. Глава МИД Беларуси дал высокую оценку взаимодействию внешнеполитических ведомств двух стран: «Важно, что сколько бы раз в год мы не встречались, у нас всегда есть и будет субстантивная переговорная повестка. Это один из четких и понятных индикаторов интенсивности, насыщенности, союзнического и стратегического характера белорусско-российских отношений» [5].

Следует отметить, что документ впервые принят сразу на три года – с 2024-го по 2026-й включительно. «Это позволит плотнее скоррелировать этот документ с другими основополагающими документами в рамках Союзного государства», – заметил глава МИД Беларуси.

С.В. Лавров отметил, что Беларусь и Россия продолжают координировать подходы к работе в международных организациях [6].

Главный фактор, стимулирующий инновационное производство в рамках интеграции Беларуси и России – это союзные программы.

«Состоявшееся заседание Высшего госсвета Союзного государства подтвердило особый уровень взаимодействия Республики Беларусь и Российской Федерации как государств, объединенных союзным договором. Анализ реализации 28 союзных программ, новые решения, которые будут предусматривать принципиально иной уровень интеграции

по 11 направлениям на период до 2026 г. – это важнейшее решение, которое сегодня приняли члены Высшего госсвета», – отметил в декабре 2024 г. госсекретарь Союзного государства Дмитрий Мезенцев [5].

Строительство Союзного государства осуществляется последовательно и планомерно по всем направлениям интеграции, что даёт возможность получать значительные результаты для народов Беларуси и России, как в масштабном плане, так и для каждого простого гражданина наших стран.

Библиографический список

1. Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь [Электронный ресурс]: Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47867/ (дата обращения: 03.01.2026).

2. Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь [Электронный ресурс]: Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48020/ (дата обращения: 03.01.2026).

3. Соглашение о Парламентском Собрании Сообщества России и Белоруссии [Электронный ресурс]: Сайт Парламентское собрание Союза Беларуси и России URL: https://belrus.ru/info/soglashenie_o_parlamentskom_sobranii_soobtche/ (дата обращения: 04.01.2026).

4. Договор о Союзе Беларуси и России [Электронный ресурс]: Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47494/ (дата обращения: 04.01.2026).

5. ВГС утвердил Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы [Электронный ресурс]: Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/january/76679/> (дата обращения: 05.01.2026).

6. Лавров С.В. Беларусь: – ближайший стратегический партнёр и союзник России [Электронный ресурс]. Сетевое издание «БелРос» 15.12.2023 URL: <https://belros.tv/news/politika/lavrov-belarus-blizhayshiy-strategicheskiy-partner-i-soyuznik-rossii/> (дата обращения: 06.01.2026).

А.М. Иванов,

Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Смоленск)

К.В. Силина,

студент, Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Смоленск)

**ПРОБЛЕМЫ РЕГИСТРАЦИИ ВЯЗЕМСКОЙ ОБЩИНЫ
ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ
В КОНЦЕ 1970-х – НАЧАЛЕ 1980-х ГОДОВ
ПО МАТЕРИАЛАМ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Аннотация. Статья посвящена проблеме регистрации Вяземской общины евангельских христиан-баптистов в конце 1970-х – начале 1980-х гг. по материалам Смоленской области. Исследование проведено на базе архивных источников, хранящихся в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО), многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Авторами дается оценка работы Вяземского райисполкома по взаимоотношению государства и незарегистрированных религиозных объединений.

Ключевые слова: баптисты, Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), райисполком, молитвенный дом, незарегистрированные религиозные объединения.

A.M. Ivanov,

Smolensk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Smolensk)

K.V. Silina,

Student of the Smolensk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Smolensk)

**PROBLEMS OF REGISTRATION OF THE VYAZMA COMMUNITY
OF EVANGELICAL CHRISTIANS-BAPTISTS
IN THE LATE 1970S – EARLY 1980S
BASED ON THE MATERIALS OF THE SMOLENSK REGION**

Abstract. The article is devoted to the problem of registration of the Vyazma community of Evangelical Christians-Baptists in the late 1970s – early 1980s based on the materials of the Smolensk region. The study was carried out on the basis of archival sources stored in the State Archive of the Contemporary History of the Smolensk Region (hereinafter referred to as GANISO), many of which are introduced into

scientific circulation for the first time. The authors assess the work of the Vyazma District Executive Committee on the relationship between the state and unregistered religious associations.

Key words: Baptists, the All-Union Council of Evangelical Christians-Baptists (VSEB), the district executive committee, a prayer house, unregistered religious associations.

После Великой Отечественной войны положение Церкви в государстве и обществе начало стабилизироваться, так в 1943 году был создан новый государственный орган Совет по делам религиозных культов при СНК Союза ССР, занимавшийся контролем и регистрацией религиозных организаций [3, с. 52]. Основное внимание Уполномоченного по делам религии по Смоленской области в начале 1970-х годов было сосредоточено на практическом претворении в жизнь политики партии и правительства в отношении религии; выполнение положения о Совете и указаний Совета по делам религии при Совете Министров СССР; контроль за применением и соблюдением законодательства о культах местными религиозными организациями и служителями культа, а также местными советскими органами, должностными лицами, всеми гражданами; изучение религиозной обстановки в Смоленской области; информации Совета, партийных и советских органов о процессах и явлениях в религиях; принятие мер по предупреждению и пресечению нарушений законодательства о культах, рассмотрение заявлений и жалоб; оказание помощи комиссиям при исполкомах рай(гор)советах депутатов трудящихся в осуществлении контроля за соблюдением законодательства о культах [7, с. 58–59]. Не допускалось, чтобы религиозные объединения приступали к своей деятельности, пока не будет принято решение о регистрации общества или группы верующих Советом по делам религий при Совете Министров СССР. Для регистрации религиозного общества учредители его в количестве не менее 20 человек направляют ходатайство о регистрации религиозного общества и об открытии молитвенного здания (церкви, костела, кирхи, мечети, синагоги и т.д.) в исполнительный комитет районного, городского Совета депутатов трудящихся [5, с. 383].

В городе Вязьма с 1918 г. действовала религиозная группа баптистов, на 1977 г. она насчитывала 66 человек, 12 верующих проживало в городе, 16 – в Вяземском районе, остальные в Угранском и Сафоновском районах [1, л. 41]. Согласно социально-демографической характеристики незарегистрированного религиозного общества евангельских христиан-баптистов в г. Вязьме (данные на июль 1976 г.) община насчитывала 66 верующих, в том числе 55 женщин и 11 мужчин, из них работали на предприятиях 4 человека, 2 домохозяйки, 60 пенсионеров.

Проживали в городе Вязьме – 12 человек, в Вяземском районе – 16, в Угранском районе – 26, в Сычевском, Гагаринском и Сафоновском районах – 12 человек. По возрасту данная группа имела следующий состав: до 30 лет верующих не имелось, от 31 до 50 лет – 4 человека, от 51 до 60 лет – 7 человек, от 61 до 70 – 19 человек, старше 70 лет – 36 человек [1, л. 39].

По данным на июль 1977 г. Вяземская община евангельских христиан-баптистов насчитывалось 63 верующих, из них работало на предприятиях 4 человека, 2 домохозяйки, 57 пенсионеров, 52 женщины, 11 мужчин. В городе Вязьме проживало 9 верующих, Вяземском районе – около 20, селе Баскаково и других деревнях Гагаринского района – 15, Угранском районе – 12 человек. Несколько человек приезжало на моления из Сычевского района и других мест. Вяземский состав общины: до 30 лет верующих не имелось, –от 31 до 40 лет – 1 человек, от 41 до 50 лет – 3 человека, от 51 до 60 лет – 6 человек, от 61 до 70 – 17 человек, старше 70 лет – 36 человек. Время принятия водного крещения: до 1920 г. – 2 человека, 1921–1945 гг. – 22 человека, 1946–1950 гг. – 4 человека, 1951–1960 гг. – 15 человек, 1961–1970 гг. – 5 человек, 1971 г. – 1 человек (55 лет), 1972 г. – 2 человека (48 и 56 лет), 1973 г. – 8 человек (67, 65, трое – 63, два – 62 и 52 лет), 1974 г. – 1 человек (36 лет), 1975 г. – 2 человека (64 и 83 лет), 1976 г. – 1 человек (64 лет) [1, л. 40].

В религиозной группе за период ее длительного подпольного существования сложились устойчивые традиции, была установлена строгая дисциплина. Верующие проводили молитвенные собрания каждое воскресенье, на молениях присутствовало до 50 человек. Так, например, на молитвенном собрании 5 марта 1978 г., присутствовало 46 человек [1, л. 43]. Богослужения проходили в доме № 34 по ул. Декабристов. Домостроение принадлежало верующей Герасимовой Екатерине Никитичне, 1919 года рождения, пенсионерке. Дом был построен в 1966 г. и находился в хорошем состоянии, имелись необходимые условия для поддержания противопожарной безопасности: имелся запасной выход, на кухне находился колодезь, у дома располагался небольшой пруд, был приобретен пенный огнетушитель. Пресвитером данной группы с 1965 г. являлся Румянцев Трифон Петрович, имевший прописку в городе Москве (улица Островского, дом 27/5, кв. 13) год рождения 1889 г., год водного крещения 1920 г., рукоположен в 1926 г. [2, л. 33]. Румянцев 11–12 дней в месяц находился в городе Вязьма и занимался вопросами, связанными с деятельностью религиозной группы. По его словам, за разъезды община платит ему 10 рублей в месяц. Действующий вяземский пресвитер пять раз судился за нарушения советского законодательства о религиозных культах, он провел в тюрьмах и ссылках свыше 10 лет своей жизни. По утверждению пресвитера, на молениях, которые

проходили по воскресеньям собиралось 25 и более верующих, но владелица дома Герасимова Екатерина Никитична, пенсионерка, инспектору говорила, что собирается не 25 человек, а гораздо меньше. Моления проходили в 18-метровой комнате добротного дома, двор которого был обнесен глухим забором. Румянцев, несмотря на свой преклонный возраст, являлся хорошим плотником, печником и сантехником. В 1977 г. он собственноручно сделал к дому капитальную пристройку с центральным отоплением, ванной и другими коммунальными удобствами. Кроме того, ранее Румянцев соорудил на территории приусадебного участка Герасимовой строение для проживания в нем в летний период. Пресвитер хвалил проект новой Конституции СССР говорил, что теперь в стране полная свобода. В беседе с ним инспектор выяснил, что он признает лишь права, забывая об обязанностях гражданина страны. Румянцев грубо нарушал советское законодательство о религиозных культах, он скрывал, что, кроме проведения незаконных молений в Вязьме, периодически, по воскресеньям, выезжая в райцентры Угры, Сычевку и село Баскаково Гагаринского района, где без разрешения райисполкомов организовал в домах верующих молитвенные собрания и отправления других религиозных обрядов [1, л. 12].

Румянцев в апреле 1977 г. подавал в горисполком заявление с просьбой зарегистрировать возглавляемую им религиозную общину. Исполком городского Совета его просьбу о регистрации не удовлетворил. Следует заметить, что местные Советы неудовлетворительно осуществляли контроль за соблюдением законодательства о культах, не использовали в этих целях возможность соответствующих комиссий. Так, например, комиссия содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах при Вяземском горисполкоме не проявляла никакой активности, из ее 10 членов более или менее инициативно выполняли свои обязанности лишь представитель городского финансового отдела. Члены комиссии не посетили ни одного молитвенного собрания общины евангельских христиан-баптистов, не пытались прослушать и проанализировать проповеди священнослужителей. Аналогичная комиссия, созданная при Вяземском райисполкоме, в течение 12 месяцев (с июня 1976 г. по июнь 1977 г.), после ухода на пенсию секретаря исполкома, бездействовала [1, л. 12–13].

Религиозное общество лояльно относилось к советской власти, признавало законодательство о религиозных культах, поддерживало связи с Всесоюзным советом евангельских христиан-баптистов [1, л. 41]. Группа ежегодно отчисляла определенную сумму в Советский фонд мира. Так в 1977 г. группа внесла 60 рублей в советский Фонд мира, в январе 1978 г. в данный фонд перечислила еще 80 рублей [1, л. 43].

Религиозная группа евангельских христиан-баптистов неоднократно в 1977 и 1978 гг. возбуждала ходатайство перед исполкомом Вяземского горсовета о регистрации общества. Однако председатель и секретарь Вяземского горисполкома Фомин В.Д. и Иванова Т.В. приняли решение, в котором религиозному обществу было отказано в регистрации по формальным причинам (молитвенный дом якобы не подготовлен в противопожарном отношении, отсутствовал телефон, пресвитер не являлся жителем города Вязьмы, среди верующих было мало вязьмичей). Старший инспектор Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Смоленской облатки Гришовцев А.В. считал, что данные доводы советских руководителей несостоятельными. 9 марта 1978 г. была проведена проверка, в вяземском горисполкоме отсутствовали аргументированные данные для отказа религиозной группе евангельских христиан-баптистов в регистрации [1, л. 44].

Вяземский горисполком принял решение об отказе в регистрации в связи с тем, что среди верующих было только 28 человек которые являлись жителями города Вязьма и Вяземского района, остальные являлись приезжими. Вяземский горком КПСС полностью поддержал данное решение исполкома горсовета. Поскольку у горисполкома аргументированных доводов по данному вопросу не было, уполномоченный Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Смоленской области Тарасенков В.П. посчитал возможным зарегистрировать в установленном законом порядке общество евангельских христиан-баптистов в городе Вязьма [1, л. 41–42].

Совет по делам религии при Совете Министров СССР направил 15 февраля 1979 г. № 439 заявление заместителю председателя исполкома Смоленского областного Совета народных депутатов Моисееву В.С. от верующих евангельских христиан-баптистов в г. Вязьме о регистрации религиозного общества. «Просим дать указания об ускорении рассмотрения заявления верующих в установленном законном порядке и все документы направить в Совет для окончательного решения». От руки надпись на заявлении: вопрос о регистрации объединения ВСЕХБ г. Вязьмы рассмотрен на заседании Исполкома Вяземского горсовета 15 марта 1979 г. Представление Смоленского Облисполкома подписано 27 апреля 1979 г. Материалы по регистрации ВСЕХБ г. Вязьмы, были высланы в Совет по делам религии 28 апреля 1979 г. [1, л. 5]. К заявлению было приложено обращение верующих христиан-баптистов: «Для совместного удовлетворения религиозных потребностей, мы граждане в количестве 24-х человек принадлежащих к вероучению евангельских христиан-баптистов, желаем образовать религиозное общество. Район деятельности религиозного общества будет распространяться г. Вязьма

и район. Просим зарегистрировать нашу общину евангельских христиан-баптистов по адресу: г. Вязьме, ул. Декабристов, д. 34». Подписи всех учредителей (всего 24 человека) [1, л. 6].

15 марта 1979 г. в исполком Вяземского городского Совета народных депутатов обратились верующие евангельских христиан-баптистов в количестве 34 человек с просьбой зарегистрировать их религиозное объединение в г. Вязьма. Было установлено, что общество верующих евангельских христиан-баптистов в количестве более 70 человек длительное время молились в доме № 34 по улице Декабристов. Около 30 человек верующих проживали в г. Вязьме и Вяземском районе. Молитвенный дом, арендованный у гражданки Герасимовой Е.Н., находился в хорошем состоянии, был обеспечен запасным выходом и средствами противопожарной безопасности, электрифицирован, имел местное центральное отопление. Со стороны верующих грубых нарушений Советского законодательства о религиозных культах не допускалось. Исполком городского Совета решил, учитывая просьбу верующих граждан, в соответствии с законодательством о религиозных культах, считать возможным зарегистрировать религиозное объединение евангельских христиан-баптистов в г. Вязьме [1, л. 1–2].

Совет по делам религии при Совете Министров СССР протокол № 6 от 11 мая 1979 г. слушал представление исполкома Смоленского областного Совета народных депутатов от 23 апреля 1979 г. № 18 о регистрации религиозного общества евангельских христиан-баптистов в г. Вязьме Смоленской области. 30 мая 1979 г. постановили принять предложение Смоленского облисполкома о регистрации религиозного общества евангельских христиан-баптистов в г. Вязьме [1, л. 9].

Уполномоченный Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Смоленской области Тарасенкова В.П. в своем ответе Вяземскому горисполкому от 29 января 1983 г. № 02 сообщает том что, он не возражает в приобретении зарегистрированным религиозным объединением ВСЕХБ в г. Вязьме путем покупки помещения (жилого дома), расположенного в г. Вязьме по улице Декабристов под № 34 с последующим переоборудованием его под молитвенный дом религиозного объединения [1, л. 36].

Смоленский областной Совет народных депутатов от 28 апреля 1983 рассмотрев заявление верующих евангельских христиан-баптистов и заключение исполкома Вяземского городского СНД о регистрации религиозного объединения евангельских христиан-баптистов в г. Вязьме посчитал возможным зарегистрировать религиозное объединение евангельских христиан-баптистов в г. Вязьме [1, л. 2].

В дальнейшем после Перестройки произошли изменения во взаимоотношения государства и религиозных организаций, ослабление партийно-государственного контроля за деятельностью различных религиозных конфессий и течений привело к тому, что по состоянию на 1 октября 1989 г. на территории Смоленской области было зарегистрировано 43 религиозных объединения РПЦ; 6 религиозных обществ евангельских христиан-баптистов (г. Смоленск, Рославль, Вязьма, Ельня, Сафонове, ст. Игоревская Холм-Жирковского района), 2 религиозных общества адвентистов седьмого дня (г. Смоленск, Сафоново), 1 – пятидесятников (г. Смоленск) и 1 старообрядческая церковь в г. Сычевке [6, с. 105]. Эти религиозные объединения действовали в рамках закона. Также на территории Смоленской области действовало 3 незарегистрированные секты: сторонников т.н. Совета церквей евангельских христиан-баптистов (п. Колодня, Заднепровский район), две – пятидесятников (г. Рудня, Ярцево) [4, с. 197].

Таким образом, религиозные объединения и духовенство Смоленской епархии поддерживали внутреннюю и внешнюю политику советского государства. Уполномоченный по делам религии по Смоленской области Навозов Ф.Д. в 1970–1980-х гг. постоянно работал с областными и местными органами. Смоленский обком КПСС, облисполком, Совет оказывали помощь уполномоченному по осуществлению политики партии и государства в отношении религии и церкви, усилению контроля за соблюдением законодательства о культах, принимали меры по улучшению работы уполномоченного и инспектора [7, с. 73].

В середине 1980-х гг. произошли изменения во взаимоотношении государства и религиозных организаций, был ослаблен партийный контроль за деятельностью религиозных конфессий, что в дальнейшем привело к увеличению зарегистрированных религиозных обществ. Новые религиозные объединения воспитывали уважительное отношение к соблюдению законов, содействовало оздоровлению социально-политической обстановки в обществе, устанавливали нормальные взаимоотношений между верующими и органами государственной власти [4, с. 198].

Библиографический список

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИСО). Ф. 985. Оп. 3. Д. 38. Документы о деятельности религиозного общества евангельских христиан-баптистов в г. Вязьма за 1978–1988 г. Л. 1–45.
2. ГАНИСО. Ф. 985. Оп. 3. Д. 33. Отчет о работе комиссии по соблюдению законодательства о религиозных культах за 1974–1988 г. Л. 33, 55.
3. *Азаренкова А.С.* Деятельность религиозного объединения Крестовоздвиженской старообрядческой церкви белокриницкого согласия в д. Малые липки

Сычёвского района Смоленской области в 1950–1980-е годы // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2022. № 4 (17). С. 52.

4. *Аксёнова Е.К., Иванов А.М.* Русское православное общество и органы советской власти: взаимоотношения в период перестройки (1985–1991 гг.) по материалам Смоленской области // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XVI международной научно-практической конференции. Челябинск, 2020. С. 198.

5. *Иванов А.М., Азаренкова А.С., Котова Э.А.* Деятельность Угранского Райисполкома начала 1980-х гг. по вопросам соблюдения законодательства о религиозных культах по материалам Смоленской области // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIV Международной научной конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, Иваново, 26–27 марта 2025 года. Иваново: Ивановский государственный университет, 2025. С. 379–385.

6. *Иванов А.М., Михайленков С.Ю.* Деятельность Всесоюзного Совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) во второй половине XX века по материалам Смоленской области // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2022. № 4 (17). С. 98–109.

7. *Иванов А.М., Силина К.В.* Деятельность Русской Православной церкви в начале 1970-х годов по отчётам уполномоченного по делам религии при совете министров по Смоленской области // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2024. № 1 (22). С. 58–74.

УДК 327

Б.М. Идрисов,

аспирант, Ивановский государственный университет (Иваново)

**«ДРУЖБА» МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ, СССР И ТУРЦИЕЙ
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД
(в исследовании Джемиля Кочака
«Турецко-германские отношения (1923–1939)»)**

Аннотация. Международная изоляция Германии, Турции и СССР по итогу Первой мировой войны обусловили их политическое сближение в начале 1920-х гг. Однако эта «дружба» не переросла в политический блок ввиду разных внешнеполитических курсов стран. Серьёзные изменения в отношениях между государствами произошли после прихода А. Гитлера к власти в 1930-е гг. Реваншизм Германии и сближение Турции с Великобританией привели к тому, что во второй половине 1930-х гг. СССР отдалился как от Анкары, так и от Берлина.

Ключевые слова: Турция, Германия, СССР, Великобритания, реваншизм, «дружба», Монтрё.

B.M. Idrisov,

Postgraduate student, Ivanovo State University (Ivanovo)

“FRIENDSHIP” BETWEEN GERMANY, THE USSR AND TURKEY IN THE INTERWAR PERIOD

(in Jemil Kochak's study “Turkish-German Relations (1923–1939)”)

Abstract. The international isolation of Germany, Turkey and the USSR following the First World War led to their political rapprochement in the early 1920s. However, this ‘friendship’ did not develop into a political bloc due to the countries' different foreign policy courses. Serious changes in relations between the states occurred after Adolf Hitler came to power in the 1930s. Germany's revanchism and Turkey's rapprochement with Great Britain led to the USSR distancing itself from both Ankara and Berlin in the second half of the 1930s.

Key words: Turkey, Germany, USSR, Great Britain, revanchism, ‘friendship,’ Montreux.

Джемиль Кочак (1956 г. р., Измир) – турецкий историк, политолог и академик. Ученик Мете Тунчая (27 июня 1936 г., Стамбул – 18 августа 2025 г., Стамбул), одного из самых важных учёных Турции в области социальных наук и истории Турецкой республики. После обучения в Измире Дж. Кочак в 1978 году окончил факультет политических наук и факультет журналистики и издательского дела Анкарского университета, а затем получил степень магистра и доктора наук в том же университете (1985 г.). За свою докторскую диссертацию, которая впоследствии была издана в виде книги под названием «Период национального лидера в Турции (1938–1945)», он был удостоен премии Афет Инан за исследования в области истории в 1990 году. В настоящее время работает в Университете Сабанджи и занимается преимущественно изучением периода правления Исмета Инёню и вопросами политических партий и демократии [5].

Работа Дж. Кочака «Турецко-германские отношения (1923–1939)» представляет собой одно из первых исследований, посвящённых взаимоотношениям между Турцией и Германией в межвоенный период [4]. За этот труд Дж. Кочак получил премию Фонда Седата Симави в области социальных наук [5]. Проанализировав немецкие документы из архива внешней политики Германии и сборника документальных публикаций «Документы по внешней политике Германии 1918–1945 гг. Из архива Министерства иностранных дел Германии» [3] автор приходит к выводу, что наиболее важной областью турецко-германских отношений были экономические связи. С одной стороны, немецкий капитал способствовал индустриализации Турции, с другой, Анкара открывала возможность для Берлина восстановить свою экономику и обойти ограничения

Версальского мира. Поэтому вскоре после провозглашения Турецкой республики Берлин и Анкара восстанавливают дипломатические отношения в 1924 г. При этом политические отношения между странами часто испытывали пертурбации, которые, тем не менее, не перерастали в конфликт.

В политических отношениях в рамках этого небольшого исследования нас интересует место «дружбы» Анкары и Берлина с СССР в рамках турецко-германских отношений, которой Дж. Кочак уделяет отдельное внимание.

В связи с поражением в Первой мировой войне данные государства оказались в международной изоляции, которая стала основой для их сближения. Здесь Дж. Кочак особо отмечает Рапалльский договор, так как с его подписанием СССР поставил под сомнение (пусть и неявно) действительность Версальского договора. Правда, здесь исследователь допускает грубую фактологическую ошибку, датируя этот договор 1920 г. – соглашение в Раппало было подписано в 1922 г., во время Генуэзской конференции [4, с. 17].

Ещё раньше Советский Союз установил дружественные отношения с Турцией, поддержав Мустафу Кемалю Ататюрка в Освободительной войне 1919–1923 гг., которые были окончательно оформлены в Парижском договоре о дружбе и нейтралитете в 1925 г.

Характеризуя отношения между Берлином, Москвой и Анкарой, Дж. Кочак отмечает, что наибольшую заинтересованность в дружбе между тремя странами проявляла Турция. Так, Турция внимательно следила за германо-советскими переговорами по заключению нового договора о ненападении и нейтралитете и выражала дипломатическую поддержку по его скорейшему заключению. По заключению Берлинского договора 24 апреля 1926 г. турецкий посол Турции в Москве Салих Бей заявил, что сближение Германии и Советского Союза способствует развитию отношений Анкары с этими двумя странами. Похожую позицию разделял и советский посол в Турции Яков Захарович Суриц [4, с. 18].

Вместе с тем, автор утверждает, что немаловажное значение эти связи имели и для СССР. Вступление Германии в Лигу Наций вызывало серьёзное опасение в Москве о смене внешнеполитического курса Берлина с Советского Союза и Турции на Великобританию и Францию. Для СССР это грозило не только тем, что Германия может начать действовать в их пользу против него, но и тем, что под влиянием новой внешней политики Берлина турецко-советские отношения начнут ухудшаться. С другой стороны, Германия действительно была заинтересована Турцией: в случае вступления Анкары в Лигу Наций Берлин мог рассчитывать на её поддержку в защите своих интересов. Однако в 1925 – первой половине 1926 г. этот вопрос не мог быть решён в пользу

Германии, так как в это время Лига Наций принимала решение по Мосульскому вопросу. И если СССР был готов оказать военно-политическую поддержку Турции, то Германия, по справедливому замечанию автора, оказалась в сложной позиции: открытая поддержка Анкары или Лондона в равной степени ставила под угрозу реальные германо-турецкие и германо-советские отношения. Поэтому Берлин открыто не выражал своей позиции [4, с. 24–25].

Несмотря на поддержку СССР, Турция под давлением западных стран 5 июня 1926 г. подписала в Анкаре договор с Великобританией и Ираком о проведении границы между странами по «Брюссельской линии» [2, с. 191].

С решением Мосульского вопроса не было серьёзных препятствий для вступления Турции в Лигу Наций. Поэтому Советский Союз и Германия предприняли серию действий (переговоры, поддержка СМИ и др.), чтобы перетянуть Турцию на свою сторону [4, с. 19–22]. Анкара тоже была заинтересована во вступлении в Лигу Наций, но не выражала своей открытой позиции, так как дорожила отношениями с СССР. Дж. Кочак приводит слова министра иностранных дел Турции Тевфика Рюштю Араса, который заявил в 1933 г., что один из основных принципов турецкой внешней политики – дружба с СССР [4, с. 101]. Степень значимости СССР для Турции показывает следующий факт: в годы Мирового экономического кризиса 1929–1932 гг. Советский Союз дважды предоставил Турции кредит размере 2 млн доллара США и 1,6 млн рейхсмарок (или 800 000 турецких лир), в то время как Германия оказалась лишена таких финансовых возможностей [4, с. 65–66]. Однако это не помешало Турции вступить в Лигу Наций в 1932 г.

Характер отношений между тремя странами серьёзно изменился после прихода нацистов к власти в Германии в 1933 г. Дж. Кочак отмечает, что в Турции возникла атмосфера нерешительности и подозрительности в отношениях с Германией. Уже летом этого года министр иностранных дел Турции Тевфик Рюштю Арас в ходе длительной беседы с сотрудником генерального консульства Германии в Стамбуле В. Фабрициусом заявил, что Турция выступает категорически против немецкой политики аннексии [4, с. 102]. Здесь имелся ввиду меморандум Гугенберга, зачитанный на Лондонской конференции 15 июня 1933 г., который резко отдалил Москву и Анкару от Берлина. Турецкий министр также выразил надежду, что новое руководство Германии начнёт проводить политику, не вызывающую беспокойства СССР.

Однако турецкий исследователь ещё не говорит о начале конфликта между сторонами. Он указывает, что советская сторона в кулуарах просила Анкару оказать давление на Берлин с целью налаживания отношений с Советским Союзом. Летом 1934 г. между Мустафой

Кемалем Ататюрком и Я.З. Сурицем, ставшем полномочным представителем СССР в Германии, состоялась тайная и закрытая встреча, на которой стороны обсуждали последние политические процессы в Германии. Переговоры на этой встрече оказались напряжёнными, так как турецкий президент отметил сходство современной нестабильности Германии с политическими процессами в Турции в годы Освободительной войны и в СССР во время Гражданской войны. Глава Турции высоко оценил действия А. Гитлера как последовательные и продуманные, что позволило ему прийти к власти. Более того, комментируя инициативы А. Гитлера по восстановлению немецкой армии и полиции, глава Турции заявил, что официальные силы безопасности государства должны быть реальными представителями государственной власти [4, с. 103–104]. Таким образом, глава турецкого государства воспринимал действия А. Гитлера как меры, направленные на восстановление суверенитета страны.

Вместе с тем, как показывают немецкие документы, Мустафа Кемаль Ататюрк согласился на просьбу Я.З. Сурица побудить Германию наладить отношения с СССР. В конце 1934 – 1935 гг. министр иностранных дел Турции Тевфик Рюштю Арас в своих встречах с немецкими представителями неоднократно рекомендовал Берлину наладить и укрепить отношения с Москвой и выражал готовность Турции помочь в этом [4, с. 104–105].

Однако очень скоро отношения между Германией и Турцией начали ухудшаться.

Как замечает турецкий исследователь, в 1930-е гг. внешнеполитические курсы Германии и Турции стали противоположными. Если амбиции Берлина от пересмотра условий Версальского мира переросли в реваншизм, то Турция стремилась сохранить мир и статус-кво [4, с. 111].

Германия была против деятельности Турции по созданию союза с балканскими странами. С другой стороны, Турция была крайне обеспокоена политической поддержкой Италии Третьим Рейхом, в частности, помощь во Второй итало-эфиопской войне, а также милитаризацией Рейнской области. Политические события на международной арене побуждали Великобританию и Турцию на совместные действия против общей итальянской угрозы.

Сближение Анкары и Лондона негативно сказалось на турецко-советские отношения. Ярким примером стала Конференция Монтрё 1936 г. о пересмотре статуса Черноморских проливов. Хотя СССР был первым, кто поддержал инициативу Анкары, в ходе переговоров между Советским Союзом и Великобританией возник конфликт, грозивший Турции потерями в отношениях с одной из стран. Поэтому Анкара

стремилась достичь компромисса между странами. Такая позиция Турции вызвала недовольство в советской прессе [4, с. 114].

Между сторонами велись секретные переговоры. Решение конфликта виделось в следующем: СССР может потребовать закрытия морских проливов в случае войны, в которой обе стороны не участвуют, но решение остаётся за Турцией. В случае участия Советского Союза в войне Турция должна закрыть морские проливы, но, если участником войны окажется сама Турция, СССР предоставит ей военную помощь [4, с. 114]. Общеизвестно, что Турция и Великобритания пошли на некоторые уступки Советскому Союзу. По итогу Турция возвращала себе полный контроль над Черноморскими проливами; проливы становились свободными для гражданских и военных кораблей черноморских стран в мирное время. В военное время Турция, будучи нейтральной страной, может закрывать проливы для участников войны [1, с. 180–181].

Как отмечает автор, после соглашения в Монтрё отношения между Москвой и Анкарой демонстративно охладели. В 1938 г. СССР закрыл большую часть турецких консульств в своих республиках. Турция не считала СССР способным оказать военную помощь в случае итальянской угрозы. Но и Великобритания не давала конкретные гарантии своей поддержки. Поэтому Анкара отказывалась в мероприятиях англо-французского блока против Германии и Италии. Вместе с тем, причину ухудшений турецко-советских отношений с СССР Дж. Кочак видел также и во внутривластных процессах в самом Советском Союзе, закрывшем большую часть иностранных консульств в рамках борьбы с иностранным шпионажем [4, с. 124–125].

С другой стороны, Германия, хотя и высказала в дипломатических контактах с Турцией своё недовольство соглашениями в Монтрё, официально не выразила своё неодобрение, рассчитывая на возможность предоставления Германии и Италии таких же прав, что имели и участники конференции. Более того, для Германии Турция имела важные геостратегические позиции и могла быть полезна в случае войны. Поэтому Берлин продолжал выстраивать экономические и военные отношения с Анкарой. При этом Германия ещё в 1936 г. заявила турецким представителям, что Берлин не намерен устанавливать какие-либо соглашения с СССР. Советский Союз, в свою очередь, сообщал генеральному секретарю Турции Нуману Менемеджи оглу о возможном нападении Германии на Советский Союз в обозримом будущем из-за внешней политики, которая отрезала СССР от Европы [4, с. 113]. Фактически, с 1936 г. СССР больше не оказывает влияние на турецко-германские отношения.

Таким образом, в течение 1920–1930-х гг. взаимоотношения между тремя государствами претерпевали серьёзные изменения. Хотя Джемиль Кочак характеризует отношения между странами в 1920-е – начале 1930-х гг. как гармоничные, на наш взгляд, «политический треугольник» Берлин-Москва-Анкара имел неустойчивый характер и не смог перерасти в политический блок, противостоящий странам Антанты, ввиду разных внешнеполитических курсов. Главным сторонником такого сближения была Турция, получавшая заметную финансово-экономическую и политическую помощь из СССР и Германии. При этом для Берлина такая «дружба» представляла наименьший интерес ввиду выхода страны из международной изоляции в 1925 г. и её ориентации на развитие отношений с западными странами. Новый внешнеполитический курс Германии после 1933 г. нанёс серьёзный удар по германо-турецко-советским отношениям. Экспансионистские амбиции нацистов привели к политическому противостоянию Берлина с Москвой, а сближение Германии с Италией побудили Анкару начать развивать политические отношения с Великобританией для совместной защиты от итальянской угрозы, что не могло не вызывать недовольства в Германии. С другой стороны, занятие Турцией компромиссной позиции в конфликте Лондона и Москвы на конференции в Монтрё резко подорвали отношения между СССР и Турцией. Со второй половины 1930-х гг. бывшие союзники оказались по разные стороны баррикад.

Библиографический список

1. *Еремеев Д.Е.* История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. М.: Квадрига, 2017. 277 с.
2. *Киреев Н.Г.* История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. 608 с.
3. Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945 aus dem Archiv des Auswärtigen Amts. Ser. A, B, C. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1950–1995.
4. *Koçak C.* Türk-Alman ilişkileri, 1923-1939: iki dünya savaşı arasındaki dönemde siyasal, kültürel, askeri ve ekonomik ilişkiler. Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1991. 277 s.
5. İletişim [сайт]. URL: <https://iletisim.com.tr/kisi/cemil-kocak/5292> (дата обращения: 10.01.2026).

Ю.А. Ильин,

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

**СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ И ЗАМИРЕНИЕ СТОРОН
(ЛЕТО–ОСЕНЬ 1919 г.)**

Аннотация. Раскрывается гибкая тактика советской власти по отношению к трудовым слоям деревни в наиболее кризисный период гражданской войны. В то же время показывается склонность крестьянства к политическому компромиссу (сотрудничество в борьбе с белыми и интервентами) при всей непримиримости к военно-коммунистическим порядкам в стране

Ключевые слова: советская власть, крестьянство, противостояние, тактические уступки режима, военно-политический компромисс сторон.

Yu.A. Ilyin,

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

**SOVIET GOVERNMENT AND THE PEASANTRY:
POLITICAL DISSENT AND PEACE BETWEEN THE PARTIES
(SUMMER-AUTUMN 1919)**

Abstract. The article reveals the flexible tactics of the Soviet government towards the working classes of the countryside during the most critical period of the Civil War. At the same time, the article shows the peasantry's inclination towards political compromise (cooperation in the fight against the Whites and the invaders), despite their uncompromising attitude towards the military-communist regime in the country.

Key words: Soviet government, peasantry, confrontation, tactical concessions of the regime, military-political compromise between the parties.

Массированный поход объединенных сил белых армий и интервентов вглубь советской России (весна–осень 1919 г.) заставил центр отодвинуть реализацию курса VIII съезда партии в отношении середняка на второй план и вновь усилить военно-коммунистический натиск на деревню по всем направлениям. Ответом на это стал откат широких масс крестьянства от правящего режима, втягивание его в открытую вооруженную борьбу с властями. Особенности этого противостояния явились смещение по времени массированных вооруженных атак изнутри (крестьянский фронт) и извне (внешний фронт белогвардейцев и интервентов) оппозиции и авангардная роль «зеленоармейцев»

в борьбе против правящего режима (дезертиры, уклонившиеся от призыва в РККА). Основными центрами сопротивления являлись Северо-Запад (прифронтовые Псковская и Олонецкая губернии) и Центр со смежными территориями (Север, Московский промышленный район, Вятский край, Поволжье, ЦЧО). Из эпицентров крестьянских восстаний уже тогда выделялся Тамбовско-Саратовский край.

Какие же меры предпринимались властями для преодоления антисоветских настроений в крестьянских массах? Прежде всего, широкое применение репрессий к организаторам и участникам антиправительственных выступлений. К весне–лету 1919 г. уже окончательно оформился карательный механизм советской власти. Основу его составляла структура ВЧК, переживавшая в тот период свой «звездный час»: получила от ЦК РКП(б) и ВЦИК диктаторские полномочия по применению насилия. На фоне возросшей опасности свержения режима вертикальная и горизонтальная ветви власти проявили удивительное единодушие, позабыли споры, преодолели трения и конфликты, даже активно способствовали вышеуказанному процессу [8]. По явно заниженным данным С. Лациса, в 1919 г. только судебными инстанциями ВЧК было расстреляно 3 456 человек, а за 2 года – 9 641 человек [5]. На деле число жертв среди крестьян мятежных волостей было значительно больше.

Жизнь заставила центральные и местные власти больше внимания уделять и пропагандистским кампаниям в деревне. Теперь разворачивалась агитация по проблемам текущей политики и экономики на селе. Такой поворот подкреплялся агитацией практических дел: борьба с беспределом местных партийно-советских работников, меры социально-экономического характера в защиту трудового крестьянства. Такая тактика дала позитивные плоды: вновь наметилась тенденция сближения сторон, усилилась их координация действий против наступающих армий Колчака, Деникина, Юденича. Так, в Самарской губернии еще в ходе подавления выступлений крестьян были мобилизованы лучшие агитаторы для усиленной работы в деревне, началось беспощадное преследование на местах «владык помпадуров и присосавшихся негодяев», вплоть до расстрелов и арестов целых составов волостных исполкомов, членов Балаковской и Мелекесской ЧК. Постановлением губернского исполкома было приостановлено взимание с крестьян чрезвычайного революционного налога, проведение мобилизаций и гужевых повинностей. По признанию губернских властей: «<...> все это вместе взятое снова приблизило к нам, хотя и не вполне, крестьянские массы. Но в этой области нужна еще колоссальная, кропотливая работа <...>» [12]. В аналогичном направлении повели работу в деревне власти Московской, Ярославской, Смоленской и других губерний [9]. Такие подходы

порой не только разряжали политическую обстановку в районах подавленных крестьянских восстаний, но и позволяли бескровно, миром решать возникавшие конфликты между населением и властями (Ярославская, Северо-Двинская, Владимирская губернии) [1].

И все же, по признанию самарских губернских властей: «<...> лучшими агитаторами были перебежчики из белой армии, которые рассказывали о сибирском режиме <...> Сильнее всего разоблачил себя сам Колчак. Стоило лишь несколько дней пробыть колчаковским бандам в деревне, как крестьяне начинали добром вспоминать Советскую власть и с нетерпением ждать ее возвращения» [13]. Из Воронежской губернии сообщали: «Настроение масс улучшается. Произошел перелом в пользу Советской власти. Немало способствовали этому беженцы с их рассказами о зверствах казаков и их режиме <...> [2]. Мощные импульсы таких настроений проникали в глубинные тыловые районы из прифронтовой и фронтовой полосы по всей линии кольца боевых действий. Население временно оккупированных противником территорий с радостью встречало наступающую Красную армию. Из отчета политуправления Петроградского военного округа (1–15 сентября 1919 г.): «В волостях же, которые были заняты белыми, но ныне освобождены нашими войсками, царит совершенно другое настроение. Крестьяне облегченно вздохнули и уже иначе встречают красноармейцев и наших агитаторов, и увлеченно читают газеты и их прежнее стремление к белым превратилось в сильное влечение к Советской власти» [11].

Население, захваченных противником территорий, не только с радостью встречало Красную армию, но и всемерно помогало последней восстановить и упрочить советскую власть. Этот период гражданской войны характеризуется зарождением в тылу белогвардейских армий Деникина и Колчака «красно-зеленого» повстанческого движения среди крестьян. Так, 22 июля 1919 г. уездный ревком и уездный комитет партии телеграфировали в Воронежский губернский исполком: «Новохоперск занят советскими войсками при поддержке повстанцев. В наступлении участвовало до 600 вооруженных повстанцев и до 3 000 без винтовок. Число восставших свыше 20 000 человек. Шли все, не исключая женщин, противник бежал в дикой панике. Восстание крестьян происходило почти во всех селениях <...>» [3].

Настроения опять нивелировались в пользу власти Советов. Угроза и примеры реставрации старых порядков в ряде местностей заставили широкие крестьянские массы перевести конфронтационные моменты во взаимоотношениях сторон из плоскости политики в сферу социально-экономических отношений (то есть на уровень рубежа 1918–1919 гг. и марта–апреля 1919 г.). Они стали отделять сам принцип советской власти от произвола в действиях отдельных ее представителей

на местах. Крестьянство теперь предпочитало в рамках советской формы правления решать насущные проблемы деревни, даже склонно было относить остроту последних за счет происков буржуазии, ввергнувшей страну в пучину гражданской войны. Из доклада о военном положении Республики на заседании Московского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 28–29 октября 1919 г.: «<...> в течение этого года по существу шла борьба за крестьянство, борьба против кадетов и меньшевиков за влияние на крестьянство. И теперь мы можем сказать, что мы подходим к концу этой борьбы <...> в настоящее время крестьянство в основной своей массе произвело окончательный выбор между кулаком и пролетариатом и решительно стало на сторону последнего <...>» [4]. В немалой степени это объяснялось тем, что крестьянство стало осознавать «необходимость поступиться многим, поступиться частью, чтобы спасти все, что ему дала революция и Советская власть. Убеждение это складывается медленно и туго, но неуклонно <...>» [10].

Сыграло тут свою роль и то, что «<...> крестьянам пришлось практически иметь дело с большевиками, крестьяне убеждаются, что эта власть твердая, власть, которая требует довольно много, что эта власть, которая умеет добиться исполнения этих требований, во что бы то ни стало <...>» [7]. Позицию деревни на текущий политический момент предельно четко и емко выразил в письме к американскому президенту Вильсону беспартийный крестьянин деревни Карельской Семеновского уезда Нижегородской губернии К.М. Корнеев (8 августа 1919 г.): «<...> мы, русские, хотим, чтобы большевистское правительство улучшилось, но, повторяю, при создавшихся условиях мы находим, что только большевистское правительство способно создать твердую власть, порядок, избавить нас от еще большей смуты, от еще большего развала и междоусобицы <...>» [6].

Новый крен крестьянства в сторону советской власти не означал, что сельское население оставило надежды на «третий путь» решения насущных проблем деревни. Оно поддерживало не военнo-коммунистическую политику Советов, а их вооруженную борьбу с силами белогвардейцев и интервентов. В этих условиях от центральной власти требовалось принятия экстренных мер для усиления системы управления страной, которые бы обеспечивали режиму «спокойный тыл» на время окончательного военного разгрома армий Колчака, Деникина, Юденича; заставили крестьян уважать власть всех уровней, считаться с ними. Задача эта становилась еще более актуальной после окончания вооруженного противостояния с белогвардейцами и интервентами. Понимание этого толкало правящий режим на новые тактические уступки трудовому населению страны.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 3, Д. 432. Л. 116; *Неизвестная Россия*, XX в. М., 1992. Т. 1. С. 236.
2. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 432. Л. 195–196.
3. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 432. Л. 196.
4. *Гусев С.* Гражданская война и Красная Армия. М.; Л., 1925. С. 40–41.
5. *Известия* (орган ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов). 1920. 6 февраля.
6. *Известия* (орган ВЦИК Советов, Московского Совета Р. и К.Д.). 1919. 24 августа.
7. *Известия ЦК РКП* 96). 1919. 20 декабря. № 9. С. 148.
8. *Лацис С.* ЧК по борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 39; *Романенко В.В.* В борьбе с контрреволюцией. Саратов, 1965. С. 45–47.
9. *Неизвестная Россия*, XX в. М., 1992. Т. 1. С. 230.
10. *Правда* (орган ЦК, Московского комитета и Московского окружного комитета РКП(б)). 1919. 4 мая
11. *Пухов Г.С.* Как вооружался Петроград (Строительство Красной Армии в Петроградском военном округе в 1918–1919 гг.). М., 1933. С. 94–95.
12. *Советы в эпоху «военного коммунизма»*. Ч. 1. М., 1928. С. 129–130.
13. *Советы в эпоху «военного коммунизма»*. Ч. 1. М., 1928. С. 130.

УДК 94(470.316):336.712

Т.А. Ковров,

Преподаватель, Ивановский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова (Иваново)

УЧАСТИЕ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО КУПЦА М.М. МОСТОФИНА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЁТНО-ССУДНОГО КОМИТЕТА ПРИ РЫБИНСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА

Аннотация. Статья посвящена теме участия череповецкого купца М.М. Мостофина в учётно-ссудном комитете при Рыбинском отделении Государственного банка по торгово-промышленным кредитам. Определяются причины его утверждения в должности члена комитета, устанавливается период его общественного служения в комитете, приводится наградной список указанного лица.

Ключевые слова: Государственный банк, Рыбинское отделение, иногородний предприниматель, Череповец.

T.A. Kovrov,

Lecturer, Ivanovo Branch of the Plekhanov Russian University of Economics
(Ivanovo)

THE PARTICIPATION OF THECHEREPOVETS MERCHANT M.M. MOSTOFIN IN THE ACTIVITIES OF THE ACCOUNTING AND LOAN COMMITTEE AT THE RYBINSK BRANCH OF THE STATE BANK

Abstract. The article is devoted to the topic of participation of the Cherepovets merchant M.M. Mostofina in the accounting and loan committee at the Rybinsk branch of the State Bank for trade and industrial loans. The reasons for his approval as a member of the committee are determined, the period of his public service in the committee is specified, and the award list of this person is provided.

Key words: the State Bank, the Rybinsk branch, nonresident entrepreneur, Cherepovets.

Рыбинское отделение Государственного банка было открыто «14 апреля 1869 г.» [2, с. 533]. Учётная операция Рыбинскому отделению была разрешена Министром финансов «5 июня того же года» [5, л. 9]. Сразу после разрешения учётной операции при Рыбинском отделении был учреждён учётно-ссудный комитет, основным направлением которого было торгово-промышленное кредитование. В первый состав членов комитета вошли как рыбинские купцы, так и отдельные предприниматели из Санкт-Петербурга, что было обусловлено торговыми связями Рыбинска со столицей Российской Империи. Тем не менее, санкт-петербургские предприниматели весьма недолго числились в комитете и вскоре вышли из его состава. Возможно, причиной тому послужила занятость санкт-петербургских купцов по другим ведомствам, не позволявшая им часто посещать заседания комитета при Рыбинском банковском отделении.

Далее примерно до середины 1890-х гг. учётно-ссудный комитет при Рыбинском отделении Госбанка по торгово-промышленным кредитам состоял исключительно из рыбинского купечества. Показательно, что большинство членов комитета имели профессиональные познания именно в хлебной отрасли торговли, имевшей бурное развитие в Рыбинске и его уезде. Своими ценными суждениями о торговом положении и кредитоспособности населения Рыбинска члены комитета содействовали правильному ходу учётной операции Рыбинского отделения банка. И всё же к середине 1890-х гг. в комитете стала ощущаться нехватка иногородних предпринимателей. В частности, управляющий Рыбинским отделением Н.Д. Погорельский в письме Госбанку от 31 марта

1894 г. подчёркивал, что «наличный состав комитета не имел возможности сообщать сведения об иногородних лицах» [3, л. 11]. Отсутствие в комитете иногородних предпринимателей не способствовало привлечению клиентуры отделения из других губерний Империи.

После принятия 6 июня 1894 г. нового Устава Госбанка управляющий Банком направил управляющим всех региональных контор и отделений донесение от 11 июля 1894 г., в котором поручил сообщить информацию о составе учётно-ссудных комитетов при конторах и отделениях. Н.Д. Погорельский в представлении от 16 августа того же года уведомил Госбанк, что «из числа прежних членов комитета по торгово-промышленным кредитам планировалось оставить в прежнем количестве 7 человек, из которых 5 человек местных торговцев по разным отраслям торговли и 2 иногородних (на летнее время), как наиболее знакомых с низовым купечеством» [3, л. 12–12 об.]. Таким образом, проблема отсутствия в составе комитета иногородних лиц, которые бы состояли в комитете круглогодично, в полной мере не решалась.

Согласно материалам РГИА, в октябре 1896 г. Погорельский представил на рассмотрение управляющему Госбанком кандидата в члены комитета – череповецкого купца М.М. Мостофина. Согласно установленной процедуре, в Банк были направлены данные о торговом и имущественном положении, о нравственных качествах названного купца.

Так, «Михаил Михайлович Мостофин, – говорилось в них, – череповецкий купец 2-й гильдии, родился в 1868 г., православного вероисповедания. Должностей в частных кредитных учреждениях не занимает и в родстве с лицами, занимающими такие должности, не состоит. С 1860 г. торгует лесом. Может приносить пользу знанию положения лесных торговцев. Торговля производится на имя матери его Александры Петровны Мостофиной самостоятельно оптом, за наличные и в кредит. У матери его родовое имущество в Новгородской губернии: до 24.000 десятин земли в Белозёрском уезде, до 4.000 десятин земли в Устюженском уезде и до 2.000 десятин земли в Череповецком уезде; каменный дом со службами в Череповце. В Ярославской губернии: до 4.000 десятин земли в Пошехонском уезде и каменный дом в Рыбинске. Благоприобретённое имущество заключается в 6.000 десятинах земли в Белозёрском уезде. Не занимается дисконтом векселей и ссудными операциями. Человек молодой, весьма приличный. Образование получил в Череповецком реальном училище. Серьёзный и обстоятельный» [3, л. 134 об.–135].

Из выше-представленных сведений можно заключить, что к середине 1890-х гг. район Рыбинского отделения Госбанка распространился

не только за пределы Рыбинского уезда, но и охватил соседние с Ярославской губернии (например, Новгородскую). Как представитель торгово-промышленного предпринимательства Череповецкого уезда Новгородской губернии, Мостофин мог информировать управляющего Рыбинским отделением о кредитоспособности населения Череповца и его уезда. В свою очередь, это способствовало бы привлечению клиентуры Рыбинского отделения из торговцев и промышленников Череповецкого уезда.

В самом Череповце к 1896 г. ещё не было открыто отделения Госбанка, что создавало финансовые неудобства для населения этого города. Единственное государственное кредитное учреждение в Новгородской губернии – Новгородское отделение Госбанка – располагалось очень далеко от Череповца. А из близлежащих к Череповцу учреждений Банка были отделения в губернском центре Вологде и в уездном Рыбинске. В случае обращения череповчан в Рыбинское отделение банка с просьбами об открытии кредита управляющему данным отделением было необходимо располагать сведениями о кредитоспособности заёмщиков. Управляющий отделением мог получить искомые данные именно от Мостофина как коммерсанта, знакомого с торговым сословием Череповецкого уезда.

В архивных документах сохранился формулярный список о службе М.М. Мостофина. Одна из отметок касается «утверждения Министром финансов 6 ноября 1896 г. Мостофина в должности члена комитета при Рыбинском отделении Госбанка на двухлетие» [3, л. 129]. Дальнейшие записи в послужном списке Мостофина позволяют подытожить, что полномочия данного купца в комитете продлевались Министром финансов каждые 2 года. В частности, одна из последних отметок в формуляре Мостофина, датированная 25 октября 1912 г., – об «утверждении его в должности члена комитета на 9-ое двухлетие» [3, л. 133]. Таким образом, на основании формулярного списка можно утверждать, что Мостофин состоял в комитете до 25 октября 1914 г.

При очередном продлении полномочий Мостофина по должности члена комитета управляющему Госбанком оперативно высылались актуальные характеристики упомянутого члена комитета. Например, в датированных октябрём 1900 г. сведениях подчёркивалось, что «Мостофин – человек порядочный, хорошо знаком с лесным делом в Рыбинском и Череповецком уездах. Хотя усердно занимается своим делом, редко участвует в комитетских заседаниях, но его советы и замечания всегда полезны» [3, л. 137]. Относительно посещаемости Мостофиным заседаний комитета в упомянутых сведениях значилась запись: «За двухлетие с октября 1898 г. по октябрь 1900 г. было проведено 262 заседания комитета, из которых Мостофин пропустил 205» [3, л. 137].

Данные о показателях посещаемости Мостофиним комитетских заседаний за следующие двухлетия (1900–1914 гг.) в фонде 587 «Государственный банк Российской Империи» РГИА автору, к сожалению, не удалось обнаружить.

Поэтому для уточнения информации, как часто Мостофин посещал заседания комитета при Рыбинском отделении банка, были проработаны дополнительные источники в архивных фондах. В ходе исследовательского поиска в одном из дел фонда 15 «Иваново-Вознесенское отделение Госбанка» Государственного архива Ивановской области было найдено конфиденциальное донесение Банка от 31 марта 1910 г., адресованное управляющим всех провинциальных банковских контор и отделений. Приведём выдержку из этого донесения:

«Признавая частое посещение иногородними членами комитетов заседаний таковых весьма для них затруднительным, Госбанк не встречает препятствий к тому, чтобы названные члены комитетов принимали личное участие в комитетских заседаниях лишь в исключительных случаях, главным образом при общем пересмотре вексельных кредитов, в остальное же время необходимые комитетам сведения могут быть сообщаемы иногородними членами в письменной форме, на имена управляющих учреждениями Банка» [1, л. 6].

По сути, означенное донесение Госбанка официально закрепило уже повсеместно распространённую практику посещения иногородними членами учётно-ссудных комитетов заседаний только в особых случаях. Поэтому и частое отсутствие Мостофина на заседаниях комитета при Рыбинском отделении не встречало вопросов у управляющего этим отделением.

Согласно банковскому Уставу, Мостофин, как и другие члены комитета, не получал какого-либо денежного содержания за участие в заседаниях учётно-ссудного комитета, что свидетельствует о его безвозмездном общественном служении по ведомству Госбанка. Но за многолетнее исполнение полномочий по должности члена комитета при Рыбинском отделении банка Мостофин неоднократно был представлен к награждению почётными наградами. В формулярном списке Мостофина имеются следующие отметки о награждении: «1 января 1901 г. – золотой медалью с надписью “За усердие” для ношения на шее на Станиславской ленте; 1 января 1908 г. – золотой медалью с надписью “За усердие” для ношения на шее на Аннинской ленте; 1 января 1911 г. – золотой медалью с надписью “За усердие” для ношения на шее на Александровской ленте; 3 февраля 1913 г. – орденом Св. Анны 3-й степени; 21 февраля 1913 г. – светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых» [3, л. 130–133].

В перспективе участие М.М. Мостофина в заседаниях комитета при Рыбинском отделении банка способствовало привлечению в данное отделение новой клиентуры из населения Череповецкого уезда. Это суждение подтверждается в опубликованных источниках – «Списках лиц и фирм, о-кредитованных в конторах и отделениях Госбанка для предъявления к учёту векселей, с указанием долгов на 1 октября 1914 г.». В списках заёмщиков Рыбинского отделения Госбанка за этот период имеются фамилии и имена следующих лиц:

1) Череповецких купцов: «А.И. Афанасьев, К.Е. Кабачинов, Г.П. Крохин, Н.В. Моисеев, И.В. Москалёв, Н.Д. Соколов, И.Е. Шаргин» [4, с. 396–398].

2) Крестьян Череповецкого уезда: «И.П. Кункин, И.А. Милютин, Д.И. Репин, В.И. Соколов» [4, с. 396–398].

Выводы. Целью открытого в 1869 г. Рыбинского отделения Государственного банка было кредитование торговли и промышленности, а также населения Рыбинска и его уезда. Означенные вопросы рассматривались на заседаниях учреждённого при отделении учётно-ссудного комитета. Во время заседаний члены комитета сообщали управляющему отделением сведения о кредитоспособности заёмщиков и информировали управляющего о положении тех отраслей торговли и промышленности, которые развивались в Рыбинске (например, хлебной торговли). Особенностью социального состава учётно-ссудного комитета при Рыбинском отделении в 1870–1880-х гг. было отсутствие в нём иногородних коммерсантов.

К середине 1890-х гг. район Рыбинского отделения распространился далеко за пределы Рыбинского уезда, охватив соседние с Ярославской губернии. Руководствуясь необходимостью привлечения клиентуры отделения из населения других губерний, управляющий Рыбинским отделением осенью 1896 г. предпринял поиск подходящих лиц для пополнения или, скорее, усиления состава комитета иногородним предпринимателем.

В результате на рассмотрение управляющего Госбанком был представлен череповецкий купец 2-й гильдии М.М. Мостофин. Осведомлённость Мостофина в лесной отрасли и знакомство с торговым населением Череповецкого уезда стали главными причинами утверждения названного купца в ноябре 1896 г. в должности члена учётно-ссудного комитета при Рыбинском отделении банка. На протяжении 18-летнего общественного служения в комитете (1896–1914 гг.) Мостофин сообщал управляющему Рыбинским отделением информацию о развитии лесной отрасли торговли в Череповце и его уезде и данные о кредитоспособности череповчан. За добросовестное и ответственное

исполнение полномочий в комитете Мостофина регулярно награждали по ведомству Госбанка.

В целом участие М.М. Мостофина в учётно-ссудном комитете при Рыбинском отделении Госбанка по торгово-промышленным кредитам способствовало не только правильному ходу учётной операции Рыбинского отделения, но и обеспечению кредитными ресурсами купеческого и крестьянского сословий Череповца и Череповецкого уезда.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 15. Оп. 1. Д. 13а.
2. История Банка России: 1860–2010: в 2 т. Т. 1: Государственный банк Российской Империи. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 623 с.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 587. Оп. 41. Д. 1943.
4. Списки лиц и фирм, о-кредитованных в конторах и отделениях Государственного банка для предъявления к учёту векселей, с указанием долгов на 1 октября 1914 г. / Государственный банк. Санкт-Петербург, [1915]. 500 с.
5. Филиал Государственного архива Ярославской области в городе Рыбинске (Рбф ГАЯО). Ф. 23. Оп. 1. Д. 7.

УДК 286.15/908

А.С. Комаров,

диссертант, Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина (Пушкин, Ленинградской обл.)

НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЕВАНГЕЛЬСКО-БАПТИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОН. XIX – НАЧ. XX в.)

Аннотация. В статье впервые исследуется появление и начальная история евангелического движения в Костромской губернии Российской империи в конце XIX и начале XX века.

Ключевые слова: Евангелическое христианство, новомолюканство, баптисты, миссионерство, раскол, Костромская губерния.

A.S. Komarov,

Dissertator, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Leningrad region)

THE INITIAL HISTORY OF THE EVANGELICAL BAPTIST MOVEMENT IN THE KOSTROMA PROVINCE OF THE RUSSIAN EMPIRE (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)

Abstract. The article presents a first-time examination of the emergence and early history of the evangelical movement in the Kostroma province of the Russian Empire at late of the 19th and 20th centuries.

Key words: Evangelical Christianity, New Molokanism, The Baptists, missionary work, schism, Kostroma province.

В отличие от других земель Верхневолжья, история распространения евангелического движения в Костромской губернии остаётся самой малоизученной. Основная причина этого, конечно же, в очень скудных источниках, как по их наличию, так и по содержанию. Местное православное духовенство не уделяло изучению местного сектантства такое же внимание, как старообрядчеству, более распространённому здесь. Так, перед Костромским миссионерским Федоровско-Сергиевским братством изначально ставились задачи «противодействия учению раскольников» [16, с. 33]. В его ранних отчётах сведения о сектантах либо отсутствуют, либо очень скудные и искажённые. Так в «Отчёте» братства за 1890–1891 гг. упомянуты две «рационалистические секты», названия которых даны условно по самому очевидному признаку. Это «неверы» с. Георгиевского Юрвецкого уезда [11, с. 153], которые, скорее всего, были толстовцами (позднее, в советское время Юрьево было одним из центров толстовства в регионе [5, л. 38]) и «иконборцы» в количестве 31 жителя прихода с. Уреня Варнавинского уезда [11, с. 152–153], которые отвергали пышное православное богослужение и изображения Бога. Их можно ассоциировать, вероятнее всего, с немояками.

Первичное знакомство населения Костромской губернии с евангелизмом началось, по-видимому, при правлении императора Александра II посредством отходничества, в частности, в Санкт-Петербург, где в это время распространялось пашковство – одно из основных евангелических движений в тогдашней Российской империи. Подобные единичные обращения в евангельское христианство в регионе почти исключают какой-либо учёт. Например, сохранилось письмо В.А. Пашкову от крестьянки д. Бисериха Костромской губернии (ныне Ивановская обл.) М.Ф. Метелиной от 21.09.1883 г. [1, л. ар30178–ар30179]. В этом письме Метелина благодарит Пашкова за благодеяния и просит прислать ей Библию, потому что эту книгу, оставшуюся после смерти

мужа «его родители не дают и почитать». Дальнейшая история её религиозной жизни неизвестна, но можно утверждать, что это наиболее раннее свидетельство знакомства местных жителей с евангелизмом.

Самые ранние религиозные группы евангеликов, которые удалось установить к настоящему времени, принадлежали движению ново-молокан или захаровцев. Это были последователи молоканского лидера З.Д. Захарова, проживавшего на юге Российской империи и воспринявшего многие евангелические идеи и практики, которые распространяли протестантские миссионеры на Кавказе и юге Украины. Судя по их вероучению, составленному Зиновием Захаровым, эти новомолкане расходились с баптистами только своим отношением к крещению детей, которое захаровцы принимали. Как и баптисты, новомолкане стремились, прежде всего, заниматься миссионерской деятельностью среди молокан старых направлений, особенно тамбовского и владимирского толков. Сами Захаровы, происходившие из Владимирской губернии, поддерживали тесное общение со своими единоверцами и родственниками, проживавшими в селениях Меленковского уезда, где 1880-е гг. образовались несколько групп новомолокан-захаровцев, которые в совокупности и по значимости составили второй центр этого движения. Им удалось организовать распространение новомолоканства среди молокан Нижегородской губернии, особенно в Семёновском уезде. Оттуда новомолоканство проникло и на юг Костромской губ., образовав группу в д. Бортная, Макарьевского уезда [4, с. 558], а оттуда в середине 1880-х гг. [12, с. 164] начало распространяться в других селениях Варнавинского и Макарьевского уездов. По данным МВД последователей «рационалистического сектантства» в Костромской губ. на 1901 г. всего 76 человек обоего пола [15, с. 2], из которых только 11 человек молокан, а остальные воздыханцы (немоляки) [15, с. 8]. 10 «молокан» было приписаны к Макарьевскому уезду и 1 к Юрвецкому [15, с. 13]. Все макарьевские молкане компактно проживали в д. Бортная и впервые упоминаются в отчёте о второй поездке противораскольнического миссионера А.Е. Шашина по Костромской епархии. А.Е. Шашин беседовал с молканами 8 и 9 июня 1894 г. [4, с. 557–558]. Идентифицировать этих «молокан» при очень скудной информации о них в доступных источниках очень сложно, но по косвенным данным можно предположить, что они относились к движению новомолокан-захаровцев. Так, вступивший в спор с А.Е. Шашиным «молканин» держал в руках Библию в синодальном переводе и настаивал на использовании «русской Библии» (отличие меленковских новомолокан от молокан владимирского толка, по мнению местного миссионера состояло в том, что молкане использовали старославянскую Библию, а захаровцы – «русскую» [9, с. 432; 10, с. 66]). Сам А.Е. Шашин, по-видимому, был лишь поверхностно знаком

с учением молокан и не разбирался в особенностях его различных направлений, что следует из того, что он не узнал в речи вступившего с ним в спор «молоканина» привычного Шашину молоканства. «Молоканин» бойко вступил в дискуссию с миссионером (так, что «раскольникам» пришлось его унимать), что характерно для «штундистов», к которым православные миссионеры причисляли и новомолюкан. На влияние меленковских захаровцев на местное молоканство указывает факт о миссионерской деятельности В.С. Горина в Макарьевском уезде [2, с. 129], подчёркнутый в книге местного религиоведа Т.Л. Белкиной. Возможно, миссионерское служение Горина в с. Бортное связано с кризисом общины, упомянутом в Журнале III съезда захаровцев [7, с. 4]. Меленковский крестьянин В.С. Горин был одним из основных миссионеров Союза евангелических христиан (захаровцев) [7, с. 19].

Сведения о появлении и распространении движений евангельских христиан (пашковцев) и баптистов в Костромской губ. Относятся только ко второй декаде XX в. В основном они представляют собой краткие упоминания о проведённых с «сектантами» беседах и об успешном обращении кого-нибудь из них. Например, миссионер А. Диаконов провёл 7 бесед с баптистами и евангельскими христианами в 1915 г, согласно Отчёта, и подробно рассказана история обращения евангелиста из г. Кострома А.И. Копейкина в православие [13, с. 201, 204–205], а также приведены краткие конспекты бесед других миссионеров, из которых можно вычленишь лишь некоторые имена евангельских христиан и названия селений, где они проживали. При этом, во всех селениях читались лекции по «истории евангелизма». В сообщениях и отчётах Федоровско-Сергиевского братства излагались обычно истории обращения в православие или какие-либо факты, высмеивающие раскольников и сектантов. Случаи обращения евангелистов в православие были очень редки и далеко не всегда являлись результатом убедительной беседы миссионера, как например, крестьянская вдова д. Полина Галичского уезда Е.Г. Гордеева, скорее всего, пошедшая на это под давлением жизненных обстоятельств [6, с. 94]. Многие сведения неполные или неопределённые, хотя был утверждён специальный епархиальный противосектантский миссионер А. Диаконов 8 апреля 1916 г. [8, с. 156], до этого бывший епархиальным миссионером-проповедником I-го района. Авторы отчётов избегали упоминания фамилий наиболее активных и влиятельных евангелистов, ограничиваясь только сокращениями, как например, последователи миссионера евангельских христиан Виноградова в Рожновском приходе – «крестьянка М.» и «крестьянин С-в» [13, с. 204], а самого Виноградова «П... Т...В...» [13, с. 204] (по источнику Т.Л. Белкиной – Федор Тихонович Виноградов, 1886 г. Рождения [2, с. 129]). При этом, лидеры макарьевских и варнавинских верующих не

названы вовсе, но назван тесть крестьянки Е.Г. Гордеевой – евангелист И.Д. Голубев [14, с. 274]. Можно предположить, что евангелисты Костромского уезда своей активностью вызывали серьёзную обеспокоенность костромского православного клира, представители которого не желали называть их имена. Евангельские христиане с. Рожново Костромского уезда и Бортовской вол. Макарьевского уезда занимались активным миссионерством и при описании её на примере деятельности евангелистки М., указывалось, что приезжавший в Рожново в ноябре 1915 г. служитель крестил 8 новых евангелистов [12, с. 165]. Это значительно для сельской местности и село даже названо «главным гнездом» евангелизма в уезде [12, с. 165]. При этом сам лидер местных евангелистов Виноградов в это время находился в австрийском плену [12, с. 164].

Согласно данным православных миссионеров, в Костромской епархии в 1915 г. было 670 сектантов, большая часть которых проживала в Варнавинском (234) и Макарьевском (292) уездах [3, с. 298]. В других уездах, по мнению источника, их численность была незначительной до 40 человек [3, с. 298]. В число «сектантов» были записаны хлысты, иоанниты, толстовцы, «баптисты», евангельские христиане, немояки и ещё одна описанная, но не идентифицированная «секта», представляющая собой смесь старообрядчества и рационального сектантства числом 176 чел. [12, с. 165], распространённая в селениях Варнавинского уезда. Можно предположить, что это группы переходного типа из числа бывших старообрядцев, с которыми работали новомолокане соседнего Макарьевского уезда. В I-м Епархиальном районе было также «малое количество сектантов» неопределённого толка, которые, судя имеющимся сведениям, были неопределившимися или ищущими [12, с. 165].

По данным Отчёта Федоровско-Сергиевского братства за 1915 г. в Костромской епархии было 99 евангельских христиан: 11 в приходе с. Рожново Костромского уезда, 7 в с. Спасском и Леонтьеве Буйского уезда, 58 в приходах с. Шалдежино, Овянки и Знаменское Варнавинского уезда, 20 в Галичском и 3 в Солигаличском уезде [12, с. 164–165]. К ним также, вероятно, следует присовокупить и 275 «баптистов» (новомолокан) в прих. Красных Усад Бортовской вол. Макарьевского уезда, т.к. варнавинские и макарьевские верующие происходили из одного и того же источника – меленковских верующих [12, с. 165]. Поэтому собственно баптистов миссионеры насчитывали только 4 в Буйском уезде [12, с. 165].

По совокупности известных им фактов православные миссионеры выделяют три источника распространения евангельского движения в регионе: в Варнавинском и Макарьевском уездах – «молоканамиторговцами с юга», в Галичском и Солигаличском – через отходничество, в основном в С.-Петербурге, а в Буйском (кроме 4 баптистов)

и Костромском уездах – через миссионерское служение евангелиста «В.» (Виноградова) [12, с. 164].

Библиографический список

1. Архив Миссионерского союза «Свет на Востоке». Фонд В.А. Пашкова. Корреспонденция 1883 г. 385 л.

2. *Белкина Т.Л.* Религиозная жизнь Костромского края в прошлом и настоящем. Кострома, 2018. 279 с.

3. Ведомость о числе раскольников и сектантов в Костромской епархии за 1915 год // Костромские епархиальные ведомости. 1916. № 13. Офиц. отд. С. 298.

4. Вторая поездка миссионера-слепца Алексея Егоровича Шашина по раскольниковым селениям Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. 1894. № 24. Неофиц. отд. С. 555–561.

5. Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-1420. Оп. 6. Д. 23. Протоколы заседаний президиума Кинешемского окружного организационного бюро СВБ.

6. Епархиальные известия // Костромские епархиальные ведомости. 1916. № 6. Неофиц. отд. С. 93–95.

7. Журнал заседаний Третьего Всероссийского съезда христиан евангелического исповедания 14–18 октября 1907 года. Мелитополь, 1908. 23 с.

8. От Совета Костромского Православного Феодоровско-Сергиевского братства // Костромские епархиальные ведомости. 1916. № 8. Офиц. отд. С. 156.

9. Отчёт о деятельности Братства святого благоверного Великого Князя Александра Невского за 1895–96 год. Вязники: Типография С.К. Матренинского, 1897. 521 с.

10. Отчёт о деятельности Братства святого благоверного Великого Князя Александра Невского за 1898–99 год. Вязники: Типография С.К. Матренинского, 1900. 156 с.

11. Отчёт о состоянии и деятельности Православного Костромского Феодоровско-Сергиевского братства за 1890–91 г. // Костромские епархиальные ведомости. 1892. № 7. Офиц. отд. С. 142–154.

12. Отчёт о состоянии и деятельности Костромского Православного Феодоровско-Сергиевского братства за 1915 год // Костромские епархиальные ведомости. 1916. № 9. Офиц. отд. С. 164–170.

13. Отчёт о состоянии и деятельности Костромского Православного Феодоровско-Сергиевского братства за 1915 год // Костромские епархиальные ведомости. 1916. № 10. Офиц. отд. С. 199–205.

14. Отчёт о состоянии и деятельности Костромского Православного Феодоровско-Сергиевского братства за 1915 год // Костромские епархиальные ведомости. 1916. № 12. Офиц. отд. С. 268–276.

15. Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам / разработано Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел.: типография СПб. общ. печ. дела в России Е. Евдокимов, 1901. [2], 26 с.; 36.

16. Устав... Костромского Феодоровско-Сергиевского братства... // Костромские епархиальные ведомости. 1891. № 1. Офиц. отд. С. 32–39.

И.А. Комиссарова,

кандидат исторических наук, Ивановский государственный университет
(Иваново)

**МУЗЕИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ:
МЕСТО ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Аннотация. В данной статье будет дана характеристика количеству, тематике, деятельности военно-исторических музеев образовательных учреждений на территории Ивановской области. В том, числе будут названы некоторые проблемы, обозначены перспективы в контексте сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: историческая память, школьные музеи, образовательные учреждения, экспозиции, военно-исторические музеи, музеи Боевой Славы Ивановская область.

I. A. Komissarova,

Candidate of Historical Sciences, Ivanovo State University (Ivanovo)

**MUSEUMS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS
OF THE IVANOV REGION:
A PLACE OF REMEMBRANCE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Abstract. This article will focus on the activities of military historical museums in educational institutions of the Ivanovo region. Some problems are mentioned and prospects are outlined in the context of preserving the historical memory of the Great Patriotic War.

Key words: historical memory, school museums, educational institutions, expositions, military historical museums, museums of Military Glory Ivanovo region. Keywords: historical memory, school museums, educational institutions, expositions, military historical museums, museums of Military Glory Ivanovo region.

Автор опирается на собственный опыт работы, так как уже несколько десятилетий работает в системе дополнительного образования областного учреждения в должности методиста. Занимается организацией массовых краеведческих мероприятий, курирует работу со школьными музеями, в том числе отвечает за архив, который уже более 50 лет собирается по указанным видам деятельности в государственном автономном учреждении дополнительного профессионального образования Ивановской области «Университет непрерывного образования и инноваций» (до 2005 года Центр детско-юношеского туризма и экскурсий).

С 1960-е годов на территории Советского Союза стали появляются первые школьные музеи Боевой Славы. Экспозиции, как правило, были посвящены землякам, участникам войны и воинским подразделениям, сформированным в регионах страны. На территории Ивановской области первые такие музеи были открыты в середине 1960-х годов в школах г. Иванова. К сожалению, сейчас невозможно узнать почему коллектив школы принимал решение создать музей Боевой славы, можем предположить, что это могло быть в рамках подготовки к празднованию 20-летия Победы в Великой Отечественной войне. Например, в 1965 году в школе-интернате № 2 г. Иваново на 52 квадратных метрах было открыто 11 экспозиций, из которых 6 были посвящены истории Великой Отечественной войны. Среди них: учителям, землякам, воинским подразделениям (3) и увековечиванию памяти, погибших земляков. В основном фонде актив музея собрал более трехсот подлинных предметов: личные документы, фотографии, воспоминания, земля с мемориальных мест боев, подшивки газет за 1941–1945 годы и фрагменты вооружения. Музей школы-интерната в настоящее время не действует, но его коллекция передана в один из современных музеев образовательных учреждений. Обратим внимание на несколько аспектов.

Во-первых, тематика музея привязана не только к истории Великой Отечественной войны, но и к истории города, таким образом, была заложена традиция и поддержана общая тенденция организации работы школьного музея, именно, на краеведческом материале.

Во-вторых, тематика экспозиций первых военно-исторических музеев стала примером и для музеев открытых в 1970-е и в последующие годы.

В-третьих, вещевой фонд в музеях Боевой славы также идентичен в основе для большинства музеев.

В-четвертых, отметим, что школьные музеи стали своеобразным начальным звеном в формировании исторической памяти о войне. Как правило, начиная еще с начального звена в школе, учащиеся несколько раз в год посещают музей, т.е. по сути, именно он становится первым серьезным источником для получения знаний о Великой Отечественной войне. Еще один важный момент, музей в школе не только место хранения и экспонирования предметов и документов, но и центр воспитательной, массовой работы с учащимися, коллективом школы, родителями учащихся и жителями микрорайона школы, т.е. музей принимает на себя функции своеобразного локального центра сохранения и трансляции исторической памяти о войне.

Тематика экспозиций могла быть узко специализированной по войне или например, история войны сочеталась с предметами крестьян-

ского быта. Единые требования к музеям были сформулированы в 1974 году, тогда же была проведена первая масштабная паспортизация школьных музеев. В ходе паспортизации музеи определили свой профиль, его зафиксировали в паспорте музея, в свидетельстве о присвоении звания «Школьный музей». В результате этой методической деятельности, появились музеи Боевой Славы по тематике экспозиций, по вещевому фонду, по массовой работе. С этого же времени есть относительно точная статистика по количеству музеев, соответствующей тематики на территории Ивановской области.

Количество паспортизированных музеев Ивановской области

Год	1970	1980	1990	2000	2010	2020
Всего паспортизированных музеев	39	56	40	37	69	84
Из них военно-исторических музеев	14	27	16	11	11	11
% от общего количества	36	48	40	30	16	13

Отметим два важных момента. Ивановская область не самая большая в Российской Федерации, количество музеев может показаться не самым большим по сравнению с другими субъектами, но нам важны тенденции и роль музеев в изучении и сохранении истории Великой Отечественной войны. Еще одно важное замечание. Ивановская область тыловой район, но территориально близкий к Москве, поэтому, активно строились оборонительные рубежи, открывались госпитали, сюда и на временное размещение и на более длительные сроки привозили эвакуированное население, предприятия, учреждения. Население Ивановской области вместе со всей страной было активно включено в помощь фронту. За значительный вклад жителей в достижение Победы в Великой Отечественной войне 2 июля 2020 года указом Президента городу Иваново было присвоено почётное звание «Город трудовой доблести».

Общее количество музеев постоянно увеличивается, но, количество военно-исторических по профилю музеев сокращается и на протяжении последних десятилетий остается неизменной, заметив, что за период с 2000-х годов в Ивановской области был паспортизирован только один военно-исторический музей. Значит ли это, что военно-исторические музеи выполнили свою функцию по формированию исторической памяти и по воспитанию гражданской и патриотической позиции? Считаем, что – нет. Вывод о том, что музеи перестали играть роль места хранения, изучения и трансляции информации о Великой Отече-

ственной войне будет ошибочен. Первое, заметим, что актив современных музеев учел опыт работы предыдущих поколений и тот факт, что в определенный момент узко-тематические музеи начинают испытывать дефицит в пополнении фондов, в поиске новых тем для изучения, и вынуждены переходить от полноценной музейной деятельности только к массовой, экскурсионной работе или отказываться от краеведческой тематики. И тот и другой вариант был апробирован и современные музеи выбрали другой путь – расширение тематики и изменение профиля музея на историко-краеведческий при сохранении в музее военно-исторических экспозиций. То есть можем уверенно писать, о том, что музеи Ивановской области не только сохранили традиции первых музеев Боевой Славы, но и расширили тематику, творчески подошли к формированию вещевого фонда, самое важное, на наш взгляд, укрепили позиции музеев образовательных учреждений как центров максимально близких к месту жительства по формированию исторической памяти о войне.

Остановимся чуть подробнее на том, что и как собирают и экспонируют музеи образовательных учреждений, оговоримся, что мы сделаем акцент, именно на музейных формах деятельности, так как массовая работа отдельная большая тема. Современный музей ведет разнообразную по формам, видам работу не только в собственном образовательном учреждении, но и в пространстве населенного пункта.

Отметим, что в настоящее время на территории Ивановской области действуют 5 музеев воинских подразделений: Музей полка «Нормандия-Неман» (г. Иваново), Музей Ивановского военно-политического училища (г. Иваново), Музей боевой славы 117 стрелковой дивизии школы № 5 (г. Иваново), Музей 212 Тамашевского стрелкового полка и 49 Ивановской Рославльской дивизии (г. Кинешма), все они были созданы еще в советский период времени и фонды музеев собираются несколько десятилетий. В музеях действуют постоянные экспозиции по истории воинских подразделений и появились новые, которые рассказывают о работе активов музеев с ветеранами, с сообществом. С точки зрения организации, подобные музеи больше походят на классические, государственные. Основные экспозиции были сформированы еще в советские годы, по хронологическому принципу в них представлен традиционный материал, основу которого составляют фотографии, личные документы и немного вещевого фонда. Но, есть такое важное в подобных музеях, эмоционально окрашенное чувство сопричастности, очень личное для большинства посетителей даже самых маленьких. Так как в этих музеях выросло уже несколько поколений школьников, которые

приняли непосредственное участие в его формировании и оформлении, возможно, кто-то из них сейчас водит в школу уже своих детей.

Есть среди музеев несколько, мемориальных, они или носят имя участника, как правило, очень известного земляка, или основная постоянная экспозиция посвящена такому земляку. Музей Маршала А.М. Василевского (школа № 18, г. Кинешма), Историко-краеведческий музей имени Героя Советского союза В.А. Белороссова (школа № 7 г. Иваново), Школьный музей имени Героя Советского Союза гвардии генерал-полковника Павла Алексеевича Белова (школа № 4 г. Иваново), Музей Боевой Славы имени Героя Советского Союза Николая Александровича Вилкова (г. Наволоки, Кинешемский район). Эти музеи отличаются локальностью тематики, но можно отметить особую заинтересованность в биографии своего героя, как правило, жизнь и подвиг изучены досконально, на его примере воспитано несколько поколение учащихся, особо подчеркивается, что это земляк, в некоторых случаях выпускник школы. Среди проблем подобных музеев можно назвать дефицит вещевого фонда, мемориальные коллекции очень сложно пополнять, музеи ищут разные способы. Так Музей Маршала А.М. Василевского расширил тематику поиска, включив в него родственников Маршала, его коллег, собрали коллекцию автографов, выступлений, публикаций и записей за разные годы. Здесь отметим еще одно важное преимущество, которым музей образовательного учреждения обладает по сравнению с большими государственными музеями, и поэтому активнее и эффективнее участвует в формировании исторической памяти о войне. Речь идет об активной самостоятельной исследовательской деятельности школьников, т.е. той части населения РФ, ради которого в последнее время так много говорят о политике исторической памяти, в данном случае школьники сами выступают в роли ее хранителей.

Более чем в 50 % музеев образовательных учреждений Ивановской области есть экспозиции, посвященные труженикам тыла и работе в тылу различных учреждений и предприятий. Важно отметить общую тенденцию для подобных экспозиций. Мы уже указывали выше, что в первых военно-исторических музеях о тыле практически не было информации. Первые подобные экспозиции появились только в 1970-е годы, например «Иваново в годы войны» в школе № 65 г. Иваново. Но уже в 1990-е и в последующие годы появились экспозиции об учителях и школах в годы войны, и госпиталях, развернутых в образовательных учреждениях, например, «Госпиталь 1884» (школа им. А.Н. Островского, г. Кинешма), «Плёсские военные госпитали», «Мы не можем остановить время, но мы сохранить память», «Плёт в годы войны» (Плётская средняя школа, Приволжский район). А в 2000-е годы были оформлены

первые экспозиции, посвященные женщинам и их подвигу в годы Великой Отечественной войны. Оформление подобных экспозиций в школьных музеях существенно расширило круг лиц, вовлеченных в активный поиск и сбор материалов для музея, и актуализировало историческую память о войне, дает больше возможностей для пополнения вещевого фонда. Это в свою очередь позволяет периодически обновлять экспозиции, используя и осваивая современные приемы показа.

Отметим, что изменился и экспозиционный подход в 2000-е годы, визуализация исторического материала стала качественнее, фотографии, вырезки из газет увеличились в формате их стало проще рассмотреть, значит и память о войне «на словах» приобрела и визуальные образы.

Конечно, нельзя не отметить, что история войны в образовательных учреждениях представлена локально, т.е. максимально привязана к своему месту проживания. Возможности музеев и вещевого фонда не позволяют раскрыть историю войны полностью. Военно-исторические формируют первый очень важный слой исторической памяти, эмоционально окрашенный. Напомним, что в школьных музеях посетители максимально включены в исторический процесс, что заметно усиливает эффект знакомства с историей войны.

В настоящее время тематика экспозиций становится еще более разнообразной. Школьные музеи региона активно включились в акцию «Бессмертный полк», собранные материалы и фотографии оформляются в виде виртуальных выставок, мемориальных комплексов, альбомов, такая практика очень распространена.

Последние пять лет еще один федеральный проект «Без срока давности», нацеленный на сохранение исторической памяти о жертвах военных преступлений нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны, и разнообразные всероссийские и международные конкурсы, которые проводятся в рамках проекта, побуждают музеи разрабатывать и эту тематику, даже с учетом специфики нашего тылового региона.

Таким образом, считаем, что музеи образовательных организаций, выполняют очень важную роль в формировании исторической памяти о войне, так как являются первым этапом, на котором происходит конструирование основы знаний о Великой Отечественной войне. С другой стороны музеи сами формируют эти знания, актив и руководитель музея, а очень часто и коллектив образовательного учреждения, ведут поиск, сбор и анализ документов и данных о войне. После обработки оформляют их в экспозиции, которые уже в свою очередь, дают эти первые знания о войне. Именно, поэтому считаем так важно, оказы-

вать музеям поддержку на любом уровне, помогать популяризировать и распространять лучшие практики и опыт представления данных эмоционально, образно и максимально точно с исторической точки зрения.

УДК 94 (57)

Е.В. Конев,

доцент, Сибирский университет потребительской кооперации (Новосибирск)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ НЕМЦЕВ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1980-е гг.

Аннотация. В статье рассматривается формирование руководящей, научной и технической прослойки немецкой интеллигенции в городах Западной Сибири. Автор затрагивает проблему становления немецкого общественно-политического движения в период перестройки. Свидетельствуется, что именно представители ученой, инженерно-технической прослойки возглавили национальное движение.

Ключевые слова: немецкая интеллигенция, партийная номенклатура, Советское государство, Общество «Возрождение», перестройка.

E.V. Konev,

Associate Professor, Siberian University of Consumer Cooperation (Novosibirsk)

SOCIO-POLITICAL LIFE OF GERMANS IN THE CITIES OF WESTERN SIBERIA IN THE 1980s

Abstract. The article examines the formation of the German intelligentsia's leadership, scientific, and technical stratum in the cities of Western Siberia. The author addresses the issue of the emergence of the German socio-political movement during the period of perestroika. It is demonstrated that it was the representatives of the scientific and engineering stratum who led the national movement.

Key words: German intelligentsia, party nomenclature, Soviet state, Revival Society, perestroika.

Большинство немцев на территорию Западной Сибири прибыло в результате депортации и репатриации в 1940-е гг. После снятия немцев со спецучета в 1956 г. для партийных и государственных органов власти главной проблемой на протяжении нескольких десятилетий оставалось удержание немецкого населения в Сибири. Вместе с тем большая часть немцев изъявляла желание возвратиться в места прежнего проживания,

а некоторая группа, особенно бывших репатриированных, вынашивала эмиграционные настроения.

С целью нейтрализации этих намерений советские власти проводили кампанию по обработке немецкого населения СССР в духе «советского социалистического патриотизма». Для успеха кампании необходимо было интегрировать немцев в единое советское общество. В период разрядки международной напряженности советское правительство издало ряд постановлений, касавшихся немецкого вопроса. Так, 26 июня 1974 г. секретариат ЦК КПСС издал постановление «О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности», которое явилось основой национальной политики государства по отношению к немцам вплоть до начала изменений в общественной жизни во время перестройки. В свою очередь, западносибирские обкомы приняли соответствующее постановление [1, л. 56–58; 2, л. 10–12; 14, л. 75–77]. С середины 1970-х гг. партийные организации на предприятиях, в учреждениях стали более активно выдвигать немцев на руководящие должности.

Благодаря особой предприимчивости и деловитости, некоторые из представителей немецкой национальности к началу 1980-х гг. занимали руководящие должности. Из числа руководителей многие входили в местную партийную номенклатуру. Так, в Новосибирске 31 немец занимал должности, входившие в номенклатуру горкома [3, л. 94]. В их числе И.Е. Кем – управляющий трестом Ремстрой, А.Р. Бернвальд – проректор по научной работе института советской кооперативной торговли (Сибирского университета потребительской кооперации), В.Ф. Бренно – директор кожгалантерейной фабрики.

В период, предшествующий перестройке, прослойка руководящих кадров из числа лиц немецкой национальности значительно выросла. Многие немцы оказались в составе руководящих советских органов. В крупнейшем городе Сибири, Новосибирске, директор завода строительных машин Э.Н. Блейхрот избирался членом Дзержинского райкома КПСС, депутатом районного и городского Советов. В 1982 г. Э.Н. Блейхроту было присвоено звание «Заслуженный машиностроитель РСФСР». Директор Новосибирского хлебопекарного объединения им. Якушева А.В. Шлейт являлся депутатом Октябрьского райсовета [4, л. 28]. В Томской области В.М. Кресс стал заместителем председателя областного агропромышленного комитета, А.А. Фрицлер – управляющим трестом «Томсгазстрой», А.Э. Грот – начальником Колпашевской нефтегазоразведочной экспедиции. В 1989 г. все они были избраны народными депутатами [16, л. 6–7; 8].

Многие лица немецкой национальности успешно работали преподавателями учебных заведений, учеными, врачами. В Новосибирском научном центре Сибирского отделения (СО) Академии Наук (АН) СССР в 1980-е гг. насчитывалось 34 сотрудника немецкой национальности. Заведующий отделом института экономики, доктор экономических наук, К.К. Вальтух – известный советский ученый-экономист. В Новосибирском государственном университете заметную роль в науке играла кандидат философских наук, доцент Э.Р. Барбашина, которая в дальнейшем возглавила немецкий исследовательский центр. В Кузбассе В.Ф. Дизендорф также в должности доцента преподавал в Кемеровском техническом институте промышленного производства. В Томске директор средней школы № 18 Г.Г. Василевский возглавлял Кировскую районную депутатскую комиссию по народному образованию, А.В. Деттерер, кандидат педагогических наук, заведовал кафедрой педагогики Томского государственного педагогического института. Профессор Ф.Ф. Сакс являлся заведующим кафедрой оперативной хирургии Томского медицинского института [4, л. 29; 15, л. 155]. Все они были членами лекторской группы райкомов и горкомов КПСС. Например, Э.Р. Барбашина за активную работу в составе идеологического актива Советского района Новосибирска награждалась настольной Ленинской медалью.

Таким образом, к середине 1980-х гг. сформировалась «новая» немецкая интеллигенция. В основном это представители послевоенного поколения, которые получили высшее образование в период правления Л.И. Брежнева. И определились две группы. Первую составляли немцы, выдвинутые на руководящие должности в низших и средних эшелонах власти благодаря трудолюбию, добросовестному отношению к делу, профессионализму. В 1990-е гг. многие из них заняли видные административные должности. Так, упоминавшиеся выше В.М. Кресс стал главой администрации Томской области, А.Р. Бернвальд был назначен ректором Новосибирского института советской кооперативной торговли (Сибирского университета потребительской кооперации). Ко второй группе относились преподаватели учебных заведений, ученые, врачи, инженерно-технические работники на крупных предприятиях. В перестроечное и постперестроечное время некоторые из них стали заметными фигурами в общественно-политическом движении немцев (Э. Вольф, А. Эрлих, В.Ф. Дизендорф, В.А. Бауэр и др.)

С началом перестройки и с введением гласности в СССР во второй половине 1980-х гг. стали происходить изменения в общественной жизни. С 1 января 1987 г. вступил в силу «Закон о въезде и выезде». Многие желавшие ранее эмигрировать в ФРГ могли теперь свободно

оформить документы на выезд. Кроме того, пресса стала освобождаться от идеологического контроля партийных органов. Это привело к появлению в общественно-политических периодических изданиях публикаций, в которых журналисты освещали ранее запретные темы, затрагивали острые проблемы, в том числе и национальные отношения. Не случайно во второй половине 1980-х гг. одним из самых популярных журналов в интеллигентских слоях был «Огонек». Под влиянием таких публикаций нарастало недовольство советской системой. Со всех регионов страны представители немецкого меньшинства письменно обращались в центральные органы. В прессе, газетах появилась масса публикаций, очерков о немцах в СССР [7, с. 41–51]. Так, в Кемеровской областной газете «Кузбасс» в августе 1987 г. была напечатана статья В. Рудина «Что помнят о себе немцы»? [10]. Автор этой статьи на основе статистических данных, главным образом немцев Кузбасса, рассмотрел излишне в приукрашенном виде, что не могло не вызвать возмущения у представителей немецкой интеллигенции. В редакцию газеты «Кузбасс» поступила масса писем, заявлений, требуя публичного извинения автора перед немецким народом. В ноябре того же года В. Рудин в статье «Что же они помнят?» ответил на многие письма [11]. Итак, в начальный период перестройки «немецкая проблема» активно обсуждалась в прессе. Именно через публикации представители немецкой интеллигенции начали объединяться в общественную структуру и в марте 1989 г. на первой Всесоюзной конференции советских немцев в Москве было учреждено Всесоюзное общественно-политическое и культурно-просветительское общество «Возрождение». На этой конференции были приняты программа и устав «Возрождения» [7, с. 71–88]. Председателем его явился Г. Гроут.

Главными задачами общества явились всемерное содействие удовлетворению национальных запросов немецкого населения, сохранению и развитию культуры и языка, а также восстановление автономной республики немцев на Волге. Среди деятелей «Возрождения» были сторонники создания территориальной государственности немцев в других регионах страны. В частности, К. Видмайер выдвинул проект создания немецкой автономии в Калининградской области.

На рубеже 1980–1990-х гг. организации «Возрождение» учреждались на местах, в том числе и в Сибири. Наиболее активны в этой деятельности явились немцы Кемеровской области. Так, осенью 1989 г. в ряде городов (Новокузнецк, Прокопьевск, Анжеро-Судженск, Осинники, Юрга и др.) были образованы отделения общества «Возрождение». В Анжеро-Судженске уже в июле 1989 г. городское отделение возглавил Я.Г. Маурер [6, с. 199], в Новокузнецке – Г.Г. Руппель,

в Топках – И. Киба, в Осинниках – Д.Д. Вельк. В середине октября 1989 г. в областном центре, Кемерово, состоялось собрание немецких жителей города, и на нем была создана Кемеровская городская организация Всесоюзное общество советских немцев (ВОСН) «Возрождение» [12; 5, с. 7–8]. А в ноябре того же года в южной столице Кузбасса, Новокузнецке, в доме политпросвещения прошла областная учредительная конференция общества «Возрождение». На ней присутствовали немецкие делегаты городов и ряда сельских районов Кузбасса. Кроме них еще приняли участие представители других народов, например шорцев, и первый секретарь Новокузнецкого горкома КПСС А.И. Ленский. На конференции была создана Кемеровская областная организация ВОСН «Возрождение». Её председателем стал инженер А.С. Майснер [6, с. 204–207]. Необходимо отметить, что в Кузбассе с самого начала движения между Кемеровской и Новокузнецкой организациями имели место идейные разногласия. Они были связаны с соперничеством двух крупных городов в Кемеровской области. Если кемеровские лидеры (А.С. Майснер, В.Ф. Дизендорф) поддерживали идею Г. Гроута, то новокузнецкие (Г.Г. Руппель, В.Э. Готфрид) – К. Видмайера.

Кроме того, на кузбасской конференции были представлены художественные произведения местных деятелей искусства. Так, новокузнецкий художник Г.Р. Герман организовал выставку своих картин, а бывший шахтер А.А. Предигер из Прокопьевска показал свои работы по чеканке, живописные пейзажи, натюрморты [13]. Активистами Кемеровской областной организации «Возрождение» являлись главным образом представители инженерной и научно-технической интеллигенции.

В то же время, в ноябре 1989 г., состоялась первая областная (учредительная) конференция в Новосибирске, на которой возникло областное отделение общества «Возрождение» во главе с В.Ф. Вейнгардтом. Через месяц новая общественная организация была зарегистрирована Новосибирским облисполкомом [9, с. 716]. В других регионах Западной Сибири немецкие общества чуть позже получили официальную регистрацию.

Таким образом, в период, предшествующий гласности и перестройке, представители немецкой национальности, особенно имевшие эмиграционные намерения, находились под постоянным контролем партийных и государственных органов власти. В связи с этим на местах проводилась политика «улучшения работы с немецким населением». К началу 1980-х гг. устоялась небольшая прослойка научной, технической, управленческой интеллигенции. Многие из них занимали видные административные должности. Однако в период перестройки ситуация кардинально изменилась. Во второй половине 1980-х гг. из представителей

национальной интеллигенции сформировалось и активизировалось немецкое движение, которое привело к созданию общества «Возрождение».

Библиографический список

1. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 1. Д. 47.
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 4224.
3. ГАНО. Ф. П-22. Оп. 26. Д. 20.
4. ГАНО. Ф. П-22. Оп. 46. Д. 50.
5. Дизендорф В.Ф. 10 лет в «Возрождении». М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 2000. 654 с.
6. *Дизендорф В.Ф.* Прощальный взлёт: Судьбы российских немцев и наше национальное движение. Кн. 1: От национальной катастрофы к попытке возрождения. М., 1997. 347 с.
7. История российских немцев в документах. Кн. 2: Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности (1965–1992 гг.). М., 1994. 509 с.
8. Красное знамя. 1989. 19 апреля.
9. Наша малая Родина. Хрестоматия по истории Новосибирской области 1921-1991. Новосибирск, 1997. 767 с.
10. *Рудин В.* Что помнят о себе немцы? // Кузбасс. 5 августа. 1987.
11. *Рудин В.* Что же они помнят? // Кузбасс. 13 ноября. 1987.
12. *Сорокин А.* У старой карты. Праздник проводит культурно-политический клуб «Возрождение» // Кузбасс. 20 октября. 1989.
13. *Фролова И.* Чтобы быть счастливыми // Кузнецкий рабочий. 14 ноября. 1989.
14. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 4504.
15. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4506.
16. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 552.

А.А. Корзинин,

методист, ГБУ ИО «Центральная универсальная научная библиотека»

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИНЕШЕМСКОГО ПЛЕНБЕЖА
ПО ЭВАКУАЦИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА РОДИНУ
В 1918–1919 гг.**

Аннотация. Тысячи солдат и офицеров стран Четверного союза после выхода Советской России из Первой мировой войны оказались в разных районах Иваново-Вознесенской губернии. По условиям Брест-Литовского мира они должны были отправиться домой. В предлагаемом материале, подготовленном на архивных материалах, речь идет о деятельности Коллегии по делам пленных и беженцев в Кинешемском уезде по возвращению военнопленных государств Центральных держав на родину.

Ключевые слова: военнопленные, страны Четверного союза, Кинешма, Пленбеж.

A. A. Korzinin,

Methodologist, State Budgetary Institution of the Ivanovo Region
«Central Universal Scientific Library»

**THE ACTIVITIES OF THE KINESHEMSK PLENBERG
TO EVACUATE PRISONERS OF WAR TO THEIR HOMELAND
IN 1918–1919**

Abstract. Thousands of soldiers and officers from the Quadruple Alliance countries found themselves in various districts of the Ivanovo-Voznesensk Governorate after Soviet Russia's withdrawal from World War I. Under the terms of the Brest-Litovsk Treaty, they were required to return home. This article, based on archival materials, examines the work of the Kineshma District Collegium for Prisoners and Refugees in repatriating prisoners of war from the Central Powers.

Key words: prisoners of war, Quadruple Alliance countries, Kineshma, Plenbezh.

Подписание Советской Россией Брест-Литовского мира 3 марта 1918 года означало завершение ее участия в Первой мировой войне. Статьи № 8 и 12 данного соглашения предусматривали взаимный обмен гражданским населением и пленными военнослужащими. Уже в апреле Совет народных комиссаров РСФСР принял решение создать Центральную коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж), которая с советской стороны занялась решением данного вопроса.

Вскоре подобные структуры начали формироваться на местах – в губерниях и уездах. Настоящая статья посвящена работе одной из таких уездных организаций – Пленбежу в г. Кинешма. Нами не выявлено ни одной публикации по истории этой организации. В основание нашей работы легли материалы Государственного архива Ивановской области, отложившиеся в делах фонда Коллегии по делам пленных и беженцев при Кинешемском уездном исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Иваново-Вознесенской губернии [Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО). Р-168, оп. 1, д. 2, 4, 8, 11, 13].

Кинешемская коллегия Пленбежа была создана в августе 1918 года путем объединения существовавших ранее Кинешемского комитета по устройству беженцев, польского и латышского комитетов, а также еврейской секции [Там же, Р-168, д. 13, л. 4]. 14 августа из Иваново-Вознесенска в Кинешму пришла телеграмма за подписью Председателя Губернской коллегии Пленбежа Гамбурга с требованием немедленно отправить всех военнопленных, находящихся на территории уезда, в Москву, в распоряжение Центропленбежа [Там же, Р-168, д. 11, л. 13]. Для выполнения решения стали составлять списки бывших солдат и офицеров стран Четверного союза, а также российских беженцев.

Решение задачи учета пленных облегчалось отчасти тем, что они со времен Великой войны были задействованы в народном хозяйстве Кинешемского региона, поэтому находились на учете. Подписание Брест-Литовского мирного договора использование труда военнопленных одномоментно не прекратило. Согласно архивным данным, даже на 1 августа 1918 года на разного рода работах в Кинешемском уезде были задействованы 309 пленных [Там же, Р-168, д. 11, л. 68]: 1) 63 – в сельском хозяйстве (62 австрийских немца и 1 чех); 2) 64 – на земских и городских работах (62 австрийских немца, 1 чех и 1 германец); 3) 177 – на фабриках (Томне, заводе Торгового дома Бурнаева-Курочкина и др.) (15 германцев, 3 хорвата, 2 поляка, 143 австрийских немца, 5 чехов, 4 румына, 3 мадьяра (венгра), 1 еврей и 1 русин); 4) 5 австрийцев – по военному ведомству.

В июле 1918 года Центропленбеж установил следующий порядок возвращения пленных и беженцев на родину [Там же, Р-168, д. 2, л. 42]: 1) комплектование эшелона; 2) определение пункта погрузки и присвоение эшелону номера (эшелоны с пленными и беженцами формировались отдельно, поэтому номера у них отличались); 3) составление списка пленных с подразделением по национальностям; 4) направление информации об эшелоне в коллегия Центропленбежа того пункта на демаркационной линии, через которую происходил обмен (Курск,

Орша, Себеж и Торошино (Псковская область) и др.). В итоге появлялся, например, такой документ: «Эшелон № 4 Костромской с пленными германцами 800 чел., турок 200».

Эшелон сопровождали комендант, конвоиры и медики. Для охраны выделялся один красноармеец на 100 военнопленных. Если пленным было более 100, то 2 красноармейца. Из среды самих эвакуированных назначался старший [ГАИО. Р-168, д. 11, л. 1].

По прибытии на пропускной пункт на демаркационной линии старший врач или комендант эшелона обязаны были зарегистрировать поезд в местной коллегии Центропленбежа, указав номер и название эшелона [Там же, Р-168, д. 2, л. 42]. При обратном следовании эшелона домой в пункте также проводилась подобная регистрация.

Как показывают документы, массовая эвакуация военнопленных из Кинешемского уезда проходила с 14 августа по 4 октября 1918 года. Часть пленным отправлялась по железной дороге в Иваново-Вознесенск, в распоряжение местного Губернского Пленбежа, часть – опять же по железной дороге в Москву, в Центропленбеж [Там же, Р-168, д. 8, л. 1]. Наглядно этот процесс показан в приведенной ниже таблице:

№ эшелоны	Когда отправлено	Куда отправлено	Отправлено в распоряжение какого учреждения	Число		
				Австрийской армии	Германской армии	Всего
1	14 августа	в Иваново-Вознесенск	Губпленбеж	121	4	125
2	16 августа	в Москву	Центропленбеж	153	20	173
3	17 августа	в Иваново-Вознесенск	Губпленбеж	9	–	9
4	20 августа	в Москву	Центропленбеж	4	–	4
5	25 августа	в Москву	Центропленбеж	12	–	12
6	3 сентября	в Москву	Центропленбеж	1	–	1
7	25 сентября	в Иваново-Вознесенск	Губпленбеж	1 турок		1
8	4 октября	в Москву	Центропленбеж	–	1	1
Итого				301	25	326

Единственным подданным Турции, упоминаемом в документе, был Бекеш Казир, 22 лет, взятый в плен 15 сентября 1916 года [ГАИО. Р-168, д. 8, л. 30].

Изучение количества отправленных военнопленных высветило следующий факт. Как видно из приведенной таблицы из Кинешемского уезда было вывезено 326 человек, однако, в смете расходов, которые были потрачены на возвращавшихся домой бывших солдат и офицеров, фигурирует цифра 307 [Там же, Р-168, д. 3, л. 5]. Расхождение в 20 человек. Как его объяснить? По нашему мнению, причин может быть несколько: 1) отсутствие у властей знаний и навыков сбора статистических данных; 2) власти не успели выявить всех пленных, многие из которых были на сельскохозяйственных работах в дальних деревнях, поэтому их не включили в смету расходов, но позже включили в эшелоны, 3) тоже могло произойти с военнопленными, которые приехали в Кинешемский уезд из других районов, 4) имела место коррупция, когда средства или продукту питания, которые приобрели особую ценность в условиях набравшей силу Гражданской войны, были присвоены советскими служащими. Возможно, имела место комбинация причин, отмеченная выше и приведшая к несовпадению в цифрах.

Отправляемые на родину военнопленные и охрана, получили продовольственное обеспечение, исходя из следующих расценок (на 307 человек):

- 1) за 307 обедов по 2 руб. 10 коп. за обед – 647 руб. 70 коп.;
  - 2) за 9 пудов хлеба по 20 руб. за пуд – 180 руб.;
  - 3) выдано суточных конвоирам – 6 руб. 44 коп.
- Итого: 834 руб. 14 коп. [Там же, Р-168, д. 3, л. 5].

В пути следования эшелона военнопленные и красноармейцы должны были за государственный счет ежедневно получать $\frac{1}{2}$ фунта хлеба, 2 зол. чая, $\frac{1}{2}$ гороха или чечевицы [Там же, Р-168, д. 11, л. 1].

Среди военнопленных, находившихся в Советской России, не все пожелали покинуть страну. Некоторые за годы плена, работая в разных местах, обзаводились семьями или получали признание и хорошие оклады. Были и те, кто проникался идеями революции. Все они отказывались от эвакуации на родину, предпочитая оставаться в России. Документы на проживание на новой родине таким людям могла выдавать местная коллегия Пленбежа. В документах Кинешемского Пленбежа нами выявлены два подобных случая – 1) свидетельство от 2 октября 1918 года, выданное австрийскому военнопленному Адольфу Беркеру, 20 лет, согласно которому этому бывшему пленному было «разрешено повсеместное проживание в Российской республике» [Там же, Р-168, д. 4, л. 2]; 2) просьба военнопленного германской армии Ивана Пеглау,

проживающего в Троицкой волости и работавшего на местном заводе, вступить в русское подданство [ГАИО, Р-168, д. 4, л. 7].

Доподлинно неизвестно, все ли военнопленные из Кинешемского уезда были эвакуированы к началу октября 1918 года. Возможно, что нет. Во всяком случае, в архивных документах встречаются сведения о том, что еще в декабре 1918 года железнодорожная станция в гг. Кинешма и Вичуге продолжали использоваться для транспортировки военнопленных. Так 6 декабря заведующий кинешемским медико-санитарным отделом сообщал о том, что на станции в помещении дезинфекционной камеры скапливается грязное белье и одежда пленников, что могло спровоцировать эпидемию тифа. В то время самой распространенным способом дезинфекции были специальные камеры «Гелиос». Однако установленная на станции Кинешмы камера оказалась неисправна в виду отсутствия в ней термометра и бака для кипячения воды. По сообщению служащих железной дороги, эти предметы были убраны кем-то из администрации станции [Там же, Р-168, д. 15, л. 54]. В ходе переписки между медико-санитарным отделом и Кинешемской коллегией Пленбежа известно, что первый просил Санитарное бюро сделать доклад о мерах санитарного благоустройства, осуществляемых Коллегией по приему пленных в г. Кинешма и на ст. Вичуга [Там же, Р-168, д. 15, л. 55]. Позже, 12 декабря 1918 года, заведующий медико-санитарным отделом г. Кинешмы отправил жалобу в Губернский Иваново-Вознесенский медико-санитарный отдел, в который сообщил, что его отдел и уездный Пленбеж не могут договориться и согласовать работу, а со стороны управления железной дороги наблюдается явное противодействие в проведении санитарных мероприятий на станции [Там же, Р-168, д. 15, л. 57]. Впрочем, возможно, после 4 октября Кинешма использовалась для эвакуации пленных не столько из своего уезда, сколько из других регионов. Ведь железных дорог и оборудованных станций, игравших центральную роль в эвакуации, было мало.

Точные сроки прекращения деятельности Кинешемского Пленбежа неизвестны. Наиболее вероятной датой мы считаем 20 января 1919 года или день близкий к этой дате. На эту версию нас наводит тот факт, что именно этим днем заканчивается выделение средств на Кинешемский Пленбеж, что зафиксировано в «Книге ежедневного расхода обмундирования для (русских) пленных из коллегии Пленбежа» [Там же, Р-168, д. 5].

А.А. Корников,

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

ДВОРЯНСКАЯ РОДОВАЯ ГЕРАЛЬДИКА В СОВРЕМЕННОЙ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ РОССИИ.

**По материалам Владимирской, Ивановской, Костромской
и Ярославской областей**

Аннотация. В работе, основываясь на материалах Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей, анализируется влияние на современную муниципальную геральдику России дореволюционной дворянской родовой геральдики. Рассматриваются примеры составления современных муниципальных гербов на основе дворянских родовых гербов. Показывается место подобных гербов в системе современной муниципальной геральдики.

Ключевые слова: Владимирская, Ивановская, Костромская, Ярославская области, муниципальные гербы, дворянские родовые гербы, история происхождения эмблем.

A.A. Kornikov,

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

NOBLE FAMILY HERALDIC IN MODERN MUNICIPAL HERALDIC OF RUSSIA.

**Based on materials from Vladimir, Ivanovo, Kostroma
and Yaroslavl regions**

Abstract. In the work, based on materials from Vladimir, Ivanovo, Kostroma and Yaroslavl regions, the influence on modern municipal heraldic of Russia of pre-revolutionary noble family heraldic is analyzed. Examples of drawing up modern municipal coats of arms on the basis of noble family coats of arms are considered. The place of such coats of arms in the system of modern municipal heraldic is shown.

Key words: Vladimir, Ivanovo, Kostroma, Yaroslavl regions, municipal coats of arms, noble family coats of arms, history of origin of emblems.

В соответствии с действующим Законом о самоуправлении России местные органы власти муниципальных образований имеют право на принятие герба – эмблематического изображения, составленного по определённым правилам и утверждённого верховной властью. Современные муниципальные гербы в последние десятилетия стали привычными элементами эмблематической среды российских муниципий.

Целью данной статьи является выявление на основе материалов Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей влияния на современную муниципальную геральдику России дворянских родовых гербов.

В частности, будут поставлены следующие задачи. Во-первых, рассмотреть, символику и происхождение современных муниципальных гербов, созданных на основе дворянских гербов. Во-вторых, показать удельный вес подобных гербов в современной геральдике России

Научная актуальность поставленной проблемы обуславливается отсутствием обобщающих и глубоких исследований по данной теме. Имеется лишь небольшое количество работ, которые рассказывают об истории отдельных гербов регионов, происхождении некоторых их эмблем или дается в целом обзор геральдики региона [2]. Данная тема имеет и глубоко патриотическое звучание, т.к. актуализируя данный аспект современной геральдики, мы ретранслируем многие малоизвестные страницы исторического прошлого нашей Малой Родины, в том числе историю дворянских родов, внесших значительный вклад в развитие нашей страны. Выбор муниципальных образований Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей далеко не случаен, так как данные регионы являются историческим центром нашей страны. Основными источниками для анализа послужили материалы геральдических сайтов, а также сайтов муниципальных администраций регионов.

Говоря в целом о развитии геральдики рассматриваемых областей надо выделить факторы, влиявшие на развитие современной геральдики. Во-первых, это принятие конституции 1993 года, определившей систему государственного устройства нашей страны, в том числе, в том числе принципы федеративного устройства регионов с широким местным самоуправлением.

Во-вторых, издание новых законов о местном самоуправлении 1995 и 2003 годов. В частности в законе 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», муниципальные образования, как уже отмечалось, «вправе устанавливать официальные символы, отражающие исторические, культурные, национальные и иные местные традиции и особенности» [7].

В-третьих, создание в 1992 г. Геральдического Совета при Президенте как Государственной герольдии, играющей роль организационного и методического органа по развитию геральдики в России. В-четвертых, активная деятельность созданных в 1992 г. Союза геральдистов России, Всероссийского геральдического общества. Ну и наконец, на развитие современной геральдики повлияло усиление интереса

к историческому прошлому нашей страны, в том числе к геральдике и гербам с конца 1980-х гг.

Как выглядит в целом ситуация с муниципальными гербами в рассматриваемых регионах. На основании анализа геральдических сайтов, материалов сайтов местной администрации картина выглядит следующим образом [1, 9].

В соответствии с законодательством о местном самоуправлении на конец 2024 года во Владимирской области имелось 129 муниципальных образований. Из них гербы имеют 59, то есть 46 %. В Ивановской области из 143 образований гербы имеют 61, то есть 42 %. В Костромской области из 135 образований гербы приняты в 45 муниципий, что составляет 33 % муниципий. И наконец, в Ярославской области из 96 образований гербы имеются у 31 муниципии, то есть у 32 % муниципий.

Какое место среди общей массы муниципальных гербов занимают гербы, созданные под влиянием образов и символов дворянских гербов? По нашим подсчетам во Владимирской области имеется 5 таких гербов, что составляет 7 % от общего количества гербов в области. В Ивановской области соответственно 1 герб – 1,3 % от общего количества, в Костромской области 1 герб – 2 %. и в Ярославской области 3 герба, что составляет примерно 3 % от гербов данного региона. А в целом среди муниципальных гербов доминируют гербы, созданные на основе исторических дореволюционных гербов (Владимирская и Ярославская области) или гербы, отражающие специфику развития различных отраслей промышленности, сельского хозяйства, народных промыслов (Ивановская, Костромская области).

Рассмотрим гербы рассматриваемой группы во Владимирской области. Наиболее четко заимствование родовой геральдики прослеживается в гербе сельского поселения Черкутинское, утвержденного решением Совета народных депутатов Черкутинское № ½ от 25.01.2018: «В лазоревом поле два сообращенно восстающих серебряных соболя, держащих золотые лук тетивой вниз и за ним две стрелы накрест; всё сопровождается во главе серебряной звездой о шести лучах» [1]. Данная композиция полностью заимствуется из герба графа М.М. Сперанского [5]. Такое заимствование вполне обоснованно, так как село Черкутино является малой родиной известного государственного и политического деятеля графа М.М. Сперанского (1772–1839).

Создатели герба известного посёлка Мстера использовали при его разработке эмблему медведя из герба рода Ромодановских – Ладыженских [3, с. 5]. Обоснованием для этого послужило то, что территория посёлка входила когда-то в состав родовой вотчины князей Ромодановских, происходивших из князей Стародубских. Описание герба поселка

выглядит так: «В серебряном поле с пурпурной каймой, обремененной замкнутыми в гирлянду золотыми дубовыми листьями, чередующимися с соединенными попарно желудями на черенках – на зеленой оконечности черный, с золотыми глазами, языком и когтями, идущий медведь, на шее которого – золотой, украшенный самоцветами, медальон на цепи, а на спине – червлёный, расшитый золотом, плат, на котором поставлен черный, украшенный золотом, ларец» [1].

Такое же заимствование прослеживается в гербе сельского поселения Великодворского, являвшегося когда-то владением дворян Мальцевых-владельцев известных стекольных заводов: «В лазоревом поле над зеленой, тонко окаймленной золотом, вырубной оконечностью – серебряный летящий вправо и воздевший крылья гусь с червлёным клювом, сопровождаемый во главе червлёным, заполненным серебром знаком атома о четырех орбитах (равномерно переплетенных, две и две)» [1]. В композицию герба введена восьмиконечная звезда из родового герба дворян Мальцевых [4, с. 85].

В Ивановской области на основе родового герба князей Волконских разработан муниципальный герб Филисовского сельского поселения: «В рассечённом лазоревом и червлёном поле, на включённой оконечности переменных цветов – золотые сообращённосияющие со сложенными крыльями филин и сова, оба настороже, сопровождаемые во главе серебряным уширенным крестом» [1]. В герб поселения введен серебряный крест традиционная фигура из герба князей Волынских. Введение фигуры из герба бывших владельцев села должно, по мнению создателей герба, символизировать «уважительное отношение жителей к своей истории и преемственность поколений» [3, с. 32].

Среди гербов Костромской области также имеется один подобный герб – городского округа Мантурово: «В лазоревом поле на сплавляемом по серебряным волнам золотом суковатом бревне восстающий грифон того же металла с червлёными глазами и языком, имеющий все четыре лапы наподобие львиных и с черными когтями; грифон правит при помощи золотого шеста, держа его передними лапами» [9]. На этом гербе изображён золотой грифон с червлёными глазами и языком, имеющий все четыре лапы наподобие львиных с черными когтями. Эта эмблема заимствована из родового герба Романовых, так как земли рядом с городом Мантурово принадлежали в XVI веке брату жены Ивана Грозного Анастасии Романовны Захарьиной – Юрьевой [8].

Среди гербов Ярославской области имеется три герба, относящихся к этой категории: Некрасовского района, Карабихского и Кузнечихинского сельских поселений. В гербах Некрасовского района и Карабихского сельского поселения использованы элементы герба

дворянского рода Некрасовых – меч с золотой рукоятью поверх двух бердышей накрест [6]. Использование этих элементов обуславливается с тем, что с данными территориями связана жизнь и творчество поэта Н.А. Некрасова.

В гербе сельского поселения Кузнечихинское использована эмблема герба дворянского рода Прибытковых (подкова) [3, с. 99], владевших когда-то землями на этой территории. Интересно еще и то что, в данный герб введены золотая маршальская звезда и изображение молота в виде буквы «Т», которые напоминают об уроженце этой местности маршале Ф.И. Толбухине.

Современные муниципальные гербы рассматриваемых областей активно изображаются не только на печатях, городских и сельских администраций, но и в убранстве улиц городов, посёлков. Геральдические эмблемы активно воспроизводятся на сувенирах, на продукции местных предприятий и таким образом они стали неотъемлемой частью геральдической среды областей региона

Подводя итог рассмотрению влияния дворянской родовой геральдики на муниципальную геральдику областей региона, можно отметить следующее.

Геральдическое пространство региона имеет яркие самобытные образы, включая владимирского львиного леопарда, суздальского сокола, костромскую галеру, галичские «воинские трофеи», ярославского чёрного медведя, держащего на левом плече лапой золотую секир. Для муниципальных гербов, рассматриваемого региона характерно доминирование гербов отражающих развитие различных отраслей экономики – промышленности, сельского хозяйства, народных промыслов. Особенно это характерно для гербов Ивановской области. Много гербов, основывающихся на дореволюционных исторических гербах.

Вместе с тем в геральдике региона имеются гербы, основывающиеся на традициях дворянской родовой геральдике. Особенно это характерно для геральдики Владимирской и Костромской областей. Это свидетельствует об уважении разработчиков гербов, представителей местной власти к историческому прошлому этих территорий, к памяти тех дворянских родов, их вкладу в развитие тех или иных муниципий. Необходимо отметить и другое. Во-первых, большая часть муниципальных образований областей еще не имеют своих гербов. В то же время, например в Рязанской или Московской областях гербы имеют почти все муниципии. Во-вторых, в регионе имеется большое количество гербов, утверждённых местными органами власти, но не одобренных Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации и не внесенных в Государственный геральдический регистр нашей страны.

Таким образом, существующее геральдическое пространство областей региона передаёт в целом историю, экономику, географию этого древнего российского края, но вместе с тем ставит перед местными властями задачу по дальнейшей разработке гербов для муниципий, не имеющих свои символы и тем самым завершению геральдического поля региона и заполнению имеющихся в нем лакун. И в этой связи дореволюционная дворянская геральдика может дать интересный материал для разработки новых муниципальных гербов.

Библиографический список

1. Геральдика. ru URL: www.geraldika.ru (дата обращения: 01.12.2025).
2. Корников А.А. Современная муниципальная геральдика областей Верхней Волги // Гербоведение. Т. IX. М.: Изд-во: Старая Басманная, 2021. С. 127–142.
3. Общий гербовник дворян Всероссийской империи. Ч. 4. СПб.: Сенатская типография, 1799. 150 л.
4. Общий гербовник дворян Всероссийской империи. Ч. 7. СПб.: Сенатская типография, 1803. 180 л.
5. Общий гербовник дворян Всероссийской губернии. Ч. XI // РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 101.
6. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. XX // РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 110.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.
8. Указ Правительствующего Сената 31 мая 1857 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 32. СПб., 1857. С. 299–300. № 31720.
9. Heraldicum. URL: [http:// www.heraldicum.ru/russia/subjects/](http://www.heraldicum.ru/russia/subjects/) (дата обращения: 01.12.2025).

Г.Н. Крайнов,

д-р ист. наук, профессор, Российский университет транспорта (Москва)

ИСТОКИ, ПРИЧИНЫ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РУСОФОБИИ

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение истоков, причин и особенностей современной русофобии. Автор отмечает, что истоки русофобии лежат в расколе (схизме) в 1054 г. христианских церквей на западную, католическую и восточную, православную. Римский папа изначально старался переложить вину за раскол на Восточную церковь и стремился подчинить ее. В 988 г. Русь приняла православное христианство по греческому обряду от Византии и автоматически попала в лагерь «чужих», противников католического Рима. В основе западной русофобии лежат неприятие России как иной, самостоятельной по сравнению с Западом цивилизации, как угрозы мировому господству Западу. После начала специальной военной операции России на Украине 24 февраля 2022 г. на нашу страну обрушился шквал русофобии со стороны стран Запада. Первым проявлением русофобии стал *вандализм* (уничтожение памятников и др.). Вторым массовым проявлением русофобии в Европе стала *агрессия по отношению к русским людям*. Третьим проявлением русофобии в странах Запада являются попытки *отмены российской культуры*. Автор предлагает конкретные меры противодействия современной русофобии.

Ключевые слова: антироссийская пропаганда, русофобия, схизма, православная церковь, католическая церковь, вандализм, агрессия, «культура отмены».

G.N. Krainov,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian University of Transport (Moscow)

THE ORIGINS, REASONS AND FEATURES OF MODERN RUSSOPHILIA

Abstract. The purpose of the article is to examine the origins, reasons and features of modern Russophobia. The author notes that the origins of Russophobia lie in the split (schism) in 1054 of the Christian churches into the Western, Catholic and Eastern, Orthodox. The Roman Pope initially tried to shift the blame for the split to the Eastern Church and sought to subjugate it. In 988, Russia adopted Orthodox Christianity according to the Greek rite from Byzantium and automatically joined the camp of “outsiders” and opponents of Catholic Rome. Western Russophobia is based on the rejection of Russia as a different, independent civilization compared to the West, and as a threat to the West's global dominance. Since the start of Russia's special military operation in Ukraine on February 24, 2022, our country has faced

a barrage of Russophobia from Western countries. The first manifestation of Russophobia was vandalism (destruction of monuments, etc.). The second mass manifestation of Russophobia in Europe was aggression against Russians. The third manifestation of Russophobia in Western countries is the attempt to cancel Russian culture. The author proposes specific measures to counteract modern Russophobia.

Key words: anti-Russian propaganda, Russophobia, schism, Orthodox Church, Catholic Church, vandalism, aggression, "cancel culture".

Введение. Антироссийская пропаганда (русофобия) – предвзятое, подозрительное, неприязненное, враждебное отношение к русскому народу, России, русскому языку и культуре, выражающееся в агрессивных настроениях и действиях со стороны отдельных представителей и политических сил, а также дискриминационные действия со стороны властей недружественных России государств. В основе западной русофобии лежат неприятие России как иной, самостоятельной по сравнению с Западом цивилизации, как угрозы мировому господству Запада.

Противостояние Запада и Востока начинается с раскола Римской империи на Западную и Восточную. Западная Римская империя свой негатив переносила на Восточную Римскую империю (Византию), соответственно и на Восточную греческую (православную) церковь. В 988 г. Русь приняла православное христианство по греческому обряду от Византии и автоматически попала в лагерь «чужих», противников католического Рима. В 1054 г. произошел раскол (схизма) христианских церквей на западную, католическую, и восточную, православную. Римский папа Лев IX и константинопольский патриарх Кируларий предали друг друга анафеме. С началом по призыву папы крестовых походов, особенно с Четвертого крестового похода 1202–1204 гг., когда Константинополь был захвачен католическими крестоносцами и разграблен, этот раскол усиливается. Римский папа изначально старался переложить вину за раскол на Восточную церковь и подчинить ее [1].

Европейская русофобия усиливается с эпохи становления русского национального государства, когда православная Москва при великом князе Василии II отвергла флорентийскую унию 1439 г. с римским католицизмом (в 1448 г. РПЦ стала автокефальной, самостоятельной), а при Иване III превратилась в сильную державу.

В январе 1558 г. Иван IV начал Ливонскую войну за выход России к Балтийскому морю, в которой Россия впервые воевала против Запада как коалиции государств. В союзе с Ливонским орденом выступили Литва, Польша, Дания и Швеция, много наемников из всей Европы, ими был выдвинут лозунг «Священной войны» Европы против России. Русские были представлены дьявольскими силами, наползающими с Востока. Тогда была создана первая развитая технология психологической,

информационной войны. Было широко использовано книгопечатание и изобретен жанр «летучих листков» (листовок) – короткие иллюстрированные тексты для массового читателя. Они были дешевы, написаны простым образным языком и охватили значительную часть населения [2].

В XVIII в. и в последующие годы русофобы активно эксплуатировали в антироссийской пропаганде вымышленное «Завещание Петра Великого». Русофобия в Европе оформилась в качестве идеологии в 1830–1840-е гг. В 1836 г. английские либералы – виги – начали использовать термин «русофобия». Антироссийская риторика была использована политическими элитами Франции и Великобритании для нагнетания воображаемого страха перед Россией накануне Крымской войны (1853–1856), и чашу весов в пользу войны склонило именно русофобское общественное мнение. Английская русофобия была связана с расизмом и колониализмом. Премьер-министру Великобритании *Пальмерстону* приписывали фразу: «*Как тяжело жить, когда с Россией никто не воюет*».

В XIX – начале XX в. при активном участии поляков (Ф. Духинский и др.) начинает формироваться украинство – русофобия в форме национальной идеологии. Появились и украинцы – «самостийники» (М. Грушевский и др.). Стали культивироваться такие идеологемы русофобии как неславянское происхождение «москалей», отрицание исторического и этнического единства Руси, этническая чуждость «москалей» и русских, противопоставление украинцев россиянам с наделением последних всеми возможными негативными характеристиками [3].

В XX в. в СССР и в условиях «Холодной войны» антисоветская пропаганда, русофобия приобрели агрессивный характер идеологической, информационной борьбы.

Результаты исследования. Русофобия во многом построена на мифе о расовом и цивилизационном превосходстве Запада, на стереотипе, что Запад – это цивилизация, а Россия и все остальные – это варварство. Современная русофобия (ненависть к русскому этносу и российской нации) как на Западе, так и у наших западников стала нарастать в годы перестройки и бурно выплеснулась после краха СССР. Вектор противостояния должен был смениться с идеологического («социализм – капитализм») на экономический («российская экономика – западная экономика»). Но в реальности Россия «капиталистическая» стала Западом восприниматься: а) как экономический, финансовый конкурент в борьбе за рынки сбыта, прибыли, сырье, энергоносители, технологии, интеллектуальную собственность, экологическое благополучие (а конкурента по законам капитализма необходимо обманывать, опережать, унижать, изолировать, уничтожать); б) как социально-демографический

носитель «совковой» психологии и идеологии, остатков советского образа жизни, советской цивилизации. Следовательно, Россия остается в сознании Западного мира и идеологическим конкурентом со своей гуманистической системой ценностей в сферах труда, науки, управления, права, искусства, морали, религии, спорта и т.д. Противостояние идеологического характера оказалось не уничтоженным, преодоленным, а удвоенным: к нему добавилась жесткая финансово-экономическая борьба. Запад печалит то, что в современной (капиталистической) России не удастся полностью подчинить западным критериям образование, науку, мораль, религию, искусство, управление, экологию, медицину и т.д.

С начала 1990-х годов образ России был таким: мафия, проституция, коррумпированные чиновники, забитые покорные рабочие и т.д. Для Запада мы остаемся варварской, деспотичной страной с рабски покорным населением, неизменно стремящейся к экспансии. Представители европейских политических и интеллектуальных элит изобретают и эксплуатируют воображаемые страхи перед «русской угрозой» как средство воздействия на население с целью формирования нужного общественного мнения. А потом именно общественное мнение начинает оказывать влияние на принимаемые политические решения, т.е. от русофобии сверху мы переходим к русофобии снизу. Русофобия исходит от стран, где сильны позиции католицизма и протестантизма, поскольку неприязнь к России корнями уходит в принятие Русью православного христианства. Азия, Африка, Аравия, Латинская Америка не страдают такой русофобией.

Русофобскими образами пропитан кинематограф, в частности американский, который широко эксплуатирует русскую тематику, причем русские изображаются врагами, аморальными и недостойными людьми. Те же процессы наблюдаются и в социальных сетях, которые изобилуют русофобскими материалами, создающими негативный образ русского человека.

Особенно агрессивной стала русофобская риторика после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. и введения западных санкций. Обвинения России в «захвате Крыма» лишены исторических геополитических оснований, поскольку Крым был освобожден от турецких захватчиков в XVIII в. российскими войсками, политически и экономически освоен российским населением, развивался до 1955 года в составе СССР, а «подарен» Н.С. Хрущевым Украинской ССР безосновательно и некорректно в государственно-правовом отношении. Возвращение Крымской Республики в состав Российской Федерации был решен на референдуме крымского населения 25 мая 2014 г. Возвращение было санкционировано Государственной Думой и Советом Федерации РФ

и оформлено соответствующими государственно-правовыми документами, не противоречащими международному праву.

Западная русофобия не могла нанести России существенного ущерба, за исключением тех случаев, когда Западу удавалось наладить успешный экспорт русофобии в саму Россию, подрывая наши ценности, разрушая наш дом изнутри. Именно этому, самому опасному виду русофобии, и следует противостоять прежде всего.

После начала специальной военной операции России на Украине 24 февраля 2022 г. на нашу страну обрушился шквал русофобии со стороны стран Запада. Первым проявлением русофобии сразу после начала боевых действий на Украине стал *вандализм*. Нападением подверглись десятки зданий, памятников, сооружений и других объектов, связанных с Россией, сначала в странах Восточной, а затем и Западной Европы. Так, в Латвии неуставленные лица облили красной краской памятник солдатам Советской Армии, которые освободили Ригу от немецких войск. В Болгарии «раскрасили» памятник «Советский воин-освободитель Алеша» в Пловдиве. В Польше не отдельные люди, а целый Институт национальной памяти занялся ликвидацией оставшихся в стране советских мемориалов. Досталось и мемориальному комплексу советским воинам-освободителям в берлинском Трептов-парке – самому известному памятнику советским воинам-освободителям в Европе. В тех странах Западной Европы, где нет советских мемориалов, объектами актов вандализма стали дома русской культуры, магазины с российскими товарами, здания Русской Православной Церкви. Так, в Италии на стене православного храма появилась свастика, нападению вандалов также подвергся один из приходов в Страсбурге.

Вторым массовым проявлением русофобии в Европе стала *агрессия по отношению к русским людям*. Жертвами русофобской агрессии чаще всего становятся наименее защищенные слои населения – дети и женщины. Русские дети подвергаются травле в европейских школах, студентов из России отчисляют из европейских университетов, выходцы из России в первую очередь теряют работу на многих предприятиях. Дошло до того, что европейские врачи отказываются лечить тяжелых больных и инвалидов из России, в том числе детей.

Третьим проявлением русофобии в странах Запада являются попытки *отмены российской культуры*. «Культура отмены» сильно проявилась в связи с известными событиями на Украине, где гонениям в течение длительного времени подвергались русскоязычные жители ДНР и ЛНР. Проникая в пространство социальных сетей, «культура отмены» представляет жителей Донбасса маргинальными личностями, социальными аутсайдерами. Русофобия проявляется не только в отрицании или

«отмене» русской культуры, но и в игнорировании ценностей православия и связанного с ними кодекса поведения, в утверждении идеи о тупиковом пути развития, основанного на традиционных и православных ценностях. Отсюда и неприятие православной нравственности, традиционных духовно-нравственных ценностей. Пресловутая культура отмены превратилась в отмену культуры. Благодаря широкому использованию Интернета, социальных сетей, русофобские идеи внедряются в социум, с их помощью осуществляются процессы манипулирования индивидуальным и массовым сознанием с целью исказить российскую историю, принизить достижения России, замолчать ее победы, сделать из нашей истории череду ошибок и преступлений [4].

Заключение. Русофобию как архетипы коллективного бессознательного в европейском менталитете полностью преодолеть трудно, но можно поставить ее под контроль, исключить общественно опасные ее проявления с помощью введения экономических контрсанкций против недружественных европейских стран, разработки и внедрения механизмов административной и уголовной ответственности за ее противоправные проявления, а также систематического и объективного освещения жизни российского общества, его истории и культуры в СМИ, работающих на западную аудиторию. Надежным противовесом западной русофобии в нашей стране станут система патриотического воспитания и образования детей и молодежи, формирование общенациональной идеологии в России.

Библиографический список

1. *Крайнов Г.Н.* Эволюция системы международных отношений и ее особенности на современном этапе // Ученые записки Худжанского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2015. № 1 (42). С. 47–54.
2. *Крайнов Г.Н.* История современной России (1990–2022 гг.). М.: ПЕРО, 2022. 226 с.
3. *Крайнов Г.Н.* История России. Новейшее время (1990–2023). М.: КноРус, 2024. 231 с.
4. *Крайнов Г.Н.* История России (с древнейших времен до наших дней): учебник. М.: КноРус, 2026. 426 с.

А.Н. Кураев,

ведущий научный сотрудник, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый Казачий Университет)

ПОВОРОТ К КАЗАЧЕСТВУ В СССР В 1930-е ГОДЫ

Аннотация. В статье рассматривается поворот к казачеству в СССР с середины 1930-х гг. Указаны причины поворота (переход казачества на советские позиции; угроза начала новой мировой войны) и его содержание. Сделан вывод о значении и последствиях поворота для СССР и казачества.

Ключевые слова: СССР, неонЭП, казачество, казачий патриотизм, поворот к казачеству, казачьи воинские части, казачья кавалерия.

A.N. Kuraev,

Leading researcher, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University)

THE TURN TO THE COSSACKS IN THE USSR IN THE 1930s

Abstract. The article examines the turn to the Cossacks in the USSR since the mid – 1930s. The reasons for the turn (the transition of the Cossacks to Soviet positions; the threat of the outbreak of a new World War) and its content are indicated. A conclusion is drawn about the significance and consequences of the turn for the USSR and the Cossacks.

Key words: the USSR, neoNEP, the Cossacks, Cossack patriotism, turn to the Cossacks, Cossack military units, Cossack cavalry.

К середине 1930-х годов из-за революции, гражданской войны, политики «военного коммунизма», расказачивания, красного террора и других видов репрессий, а также коллективизации практически полностью был разрушен социально-экономический уклад жизни казачества. В результате к данному периоду времени оно испытало крутую ломку своего мировоззрения и постепенно, пройдя через все испытания и репрессии, стало советским колхозным крестьянством, хотя в душе эти люди всегда помнили, что они – казаки.

Уже к 1927 году территориальные кавалерийские части более чем наполовину состояли из казаков. Эти части показывали достаточно высокую боеспособность. Казаки желали служить именно в кавалерийских частях, в подтверждение чего они являлись на призывные пункты вместе со своими конями.

Прогнозируя неминуемые войны с Западом и на Востоке, высшее руководство СССР обратило внимание на казаков как на носителей патриотических ценностей, для которых понятие «Родина» стоит выше обид, нанесённых им большевиками. Это означало необходимость поворота к казачеству с целью превращения его в силу, не просто лояльную Советской власти, но и потенциально способную активно встать на защиту СССР. Данный поворот проходил в условиях политики «НеоНЭПа» – попытки в 1934–1936 годах в определенной степени реформировать и демократизировать очень жесткую административно-командную систему в экономике и политике Советского Союза.

Отражением поворота в политике по отношению к казачеству стали публикации в советской прессе. 18 февраля 1936 года газета «Правда», главный печатный орган ЦК ВКП(б), вышла с редакционной статьей «Советские казаки», где утверждалось, что «основная и подавляющая масса казачества сжилась и сроднилась с колхозным строем, сжилась и сроднилась с советской властью, покончив с проклятым прошлым, когда казачьи районы, особенно Дон и Кубань, были оплотом контрреволюции и гнездом антисоветского саботажа. Казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству». А неделей ранее, 11 февраля 1936 года, в газете «Молот» было опубликовано коллективное послание 25 казаков станицы Цимлянской наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову, в котором были слова: «И товарищ Ворошилов, наш герой, и товарищ Сталин, наш отец, вождь и учитель, пусть надеются на нас, казаков, как на самих себя».

Происшедшие изменения получили название политики «За советское казачество!», которая решала несколько задач: 1) Пропаганда позитивного образа советского колхозного казачества. 2) Содействие активному вовлечению казаков в экономическую деятельность. 3) Создание условия для формирования в Рабоче-Крестьянской Красной Армии казачьих кавалерийских частей и соединений. 4) Усиление военно-патриотического воспитания казачьей молодежи и поддержка движения «ворошиловских кавалеристов». 5) Поддерживала процессов сохранения и развития культурных традиций казачества.

Поэтому на волне патриотизма, поднявшегося в стране в середине 1930-х годов, и учитывая угрозу начала новой мировой войны, 20 апреля 1936 г. ВЦИК СССР постановил отменить все ранее существовавшие ограничения для казаков в отношении службы в рядах РККА, «учитывая преданность казачества советской власти, а также стремление широких масс советского казачества наравне со всеми трудящимися Советского Союза включиться в дело обороны страны». 23 апреля 1936 г. нарком обороны страны маршал Советского Союза

К.Е. Ворошилов издал приказ о создании на Северном Кавказе территориальных казачьих кавалерийских дивизий [3, с. 98].

То есть были воссозданы казачьи части, что отразилось в их названии и формальном статусе. Так, 10-я территориальная кавалерийская Ставропольская дивизия отныне стала называться 10-й Терско-Ставропольской территориальной казачьей дивизией; 12-я территориальная кавалерийская дивизия, расположенная на Кубани, стала именоваться 12-й Кубанской территориальной казачьей дивизией. На Дону появилась еще одна территориальная дивизия – 13-я Донская казачья. 10-я Терско-Ставропольская, 12-я Кубанская и 13-я Донская территориальные казачьи дивизии вошли в состав 4-го казачьего кавалерийского корпуса им. С.М. Будённого [1].

Кавалерийские дивизии им. И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова и С.М. Будённого, входившие ранее в 1-ю Конную армию, объявили «казачьими». Так, 4-я кавалерийская Ленинградская Краснознамённая дивизия им. К.Е. Ворошилова теперь стала называться 4-й Донской казачьей ордена Ленина Краснознамённой ордена Красной Звезды дивизией им. товарища Ворошилова. В момент переименования ею командовал Г.К. Жуков. 6-ю кавалерийскую Чонгарскую Краснознамённую дивизию им. С.М. Будённого переименовали в 6-ю казачью кавалерийскую Кубанско-Терскую Чонгарскую ордена Ленина трижды Краснознамённую ордена Красной Звезды дивизию им. С.М. Будённого. Она вошла вместе с 36-й кавалерийской ордена Ленина Краснознамённой ордена Красной Звезды дивизией им. товарища Сталина в состав 6-го казачьего кавалерийского корпуса им. И.В. Сталина, который дислоцировался в Белорусском военном округе.

Всего в составе Красной армии в 1936 году пять кавалерийских дивизий и два кавалерийских корпуса получили наименование «казачьи». Они отличались высоким уровнем боевой подготовки, что показал осенью 1939 года 6-й казачий корпус во время похода в Западную Белоруссию.

В казачьих частях была введена парадная форма одежды, соответствовавшая традициям казачества. Военнослужащие кубанских и терских частей носили черкески с газырями, бурки, кубанки, башлыки, шаровары. Красноармейцы донских казачьих частей были одеты в форму синего цвета, которая напоминала казачью форму русской императорской армии до 1907 года: помимо казакина и шаровар с лампасами красного цвета, в неё входили папаха и башлык. В такой форме казачьи части приняли участие в первомайском параде 1937 года на Красной площади в Москве. Элементы казачьей формы теперь не стеснялись носить местные партийные и советские работники. К примеру, широкое распространение в их среде получила низкая папаха – кубанка.

В отличие от дореволюционной эпохи, казачье происхождение при формировании казачьих частей не являлось обязательным. Тем не менее принятые решения вызвали большое воодушевление среди казаков, а сам факт создания казачьих частей и соединений широко пропагандировался. Они стали регулярно принимать участие в парадах на Красной площади.

Политика «За советское казачество!» способствовала развёртыванию военно-патриотического воспитания казачьей молодёжи. Наиболее ярко это проявилось в движении «ворошиловских кавалеристов». В колхозах и совхозах всего Советского Союза стали создавать конно-спортивные кружки и клубы «ворошиловских кавалеристов», чтобы дать вооружённым силам страны заранее подготовленных новобранцев. 4 марта 1936 г. Центральный совет Осоавиахима утвердил нормативы на звание «Ворошиловский всадник», новые положения о кавалерийских кружках, конноспортивных клубах и кавалерийских школах. 2 июня 1936 г. был утверждён отличительный значок кавалеристов Осоавиахима – «Ворошиловский всадник». Создание и функционирование клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов» продолжалось, особенно на Дону, Кубани, Ставрополье и на Тереке, вплоть до самого начала Великой Отечественной войны. В них были подготовлены тысячи молодых кавалеристов. В целом по стране в 1936 году числилось уже свыше 10 тысяч «ворошиловских всадников» – практически готовый личный состав для двух-трех кавалерийских дивизий. Молодые поколения казаков, которые выросли в первые десятилетия Советской власти, в массе своей приветствовали социалистические преобразования и высказывали поддержку всем советским реформам.

Ещё до начала Великой Отечественной войны ряд казаков дослужились до звания генерала РККА. Например, донской казак из хутора Семимаячный станицы Верхнекундрюченская, трижды Георгиевский кавалер и кавалер трёх орденов Красного Знамени генерал-лейтенант Тимофей Тимофеевич Шапкин. Также сделал генеральскую карьеру донской казак станицы Преображенской бывшего Хопёрского округа, кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды Василий Степанович Попов, защитивший в 1937 году диссертацию на соискание учёной степени кандидата военных наук на тему «Действия кавалерийского корпуса в прорыве» [2, с. 287–290].

Накануне Великой Отечественной войны казачьи формирования были представлены исключительно одним родом войск – кавалерией. Они были полностью включены в систему РККА во главе с Народным комиссариатом обороны СССР, организовываясь и обеспечиваясь по общеармейским стандартам и никак не обособляясь от других военнослужащих. Казачьи наименования, а также традиционное казачье

обмундирование носили военнослужащие частей и соединений, образованных только в местах компактного проживания донских, кубанских, терских, а также оренбургских казаков. Созданные же в других казачьих регионах части такого выделения не имели.

Но в 1940–1941 годах значительная часть кавалерии РККА, в том числе казачьи части, была расформирована. Бывшие кавалеристы пополнили танковые и механизированные войска, поскольку руководство Красной армии осознавало, что надвигающаяся война станет «войной моторов». К июню 1941 года в РККА сохранилось всего лишь одно казачье соединение – 6-я Кубано-Терская казачья Чонгарская Краснознамённая ордена Ленина кавалерийская дивизия имени С.М. Будённого, входившая в состав 6-го казачьего кавалерийского корпуса имени И.В. Сталина, дислоцированного в Белорусском особом военном округе. Этот корпус представлял собой хорошо подготовленное и полностью укомплектованное соединение, насчитывавшее 19 тыс. человек, 128 танков, 44 бронемшины, 136 орудий, 128 минометов и другую технику. Именно он 22 июня 1941 года принял на себя первый удар войск вермахта, оказав упорное сопротивление врагу [2, с. 296–297].

Поворот к казачеству, выраженный в политике «За советское казачество!», имел, несомненно, очень позитивное значение как для СССР, так и для самого казачества. Прекратилась конфронтация между Советской властью и казаками. Страна получила сотни тысяч хорошо подготовленных и патриотически настроенных воинов. А казаки увидели свою востребованность как воинов – защитников Родины, которыми они были на протяжении всего существования казачества. Они осознали смертельную угрозу, которую представляли для существования нашей страны гитлеровская Германия и ее союзники. Поэтому подавляющее большинство казаков в тяжёлый период Великой Отечественной войны встало на защиту своей Родины и не посрамило своего казачьего имени. Ведь именно в 1941 – 1945 годах проявились все лучшие черты казачества: патриотизм, массовый героизм, храбрость, мужество, готовность к самопожертвованию, отличная военная выучка.

Но поворот к казачеству имел ограниченный характер. Казачество тогда ещё не было официально реабилитировано. Не были осуждены и преступления Советской власти против казачества. Всё это было сделано лишь в последующие исторические периоды.

Библиографический список

1. Будённый С.М. Пройденный путь. Кн. вторая. М., 1965.
2. История казачества России: учебно-методическое пособие. М.: Наука, 2025.
3. Казачество на службе Отечества: учебное пособие. 2-е изд., дораб. и доп. М.: МГУТУ им. К.Г. Разумовского, 2021.

А.В. Курочкин,

Профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург)

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ПРАКТИКАМ СОВРЕМЕННОГО НЕОКОЛОНИАЛИЗМА*

Аннотация. В докладе анализируется феномен неокOLONиализма как системная угроза суверенитету государств в условиях кризиса однополярного мира. Автор обосновывает роль Русской православной церкви как хранителя духовного суверенитета и защитника традиционной морали, что формирует ценностную оппозицию неокOLONиальному проекту. Согласованное взаимодействие государства и церкви представлено как многоуровневая система защиты, объединяющая политические, экономические и духовно-культурные инструменты для утверждения права народов на собственный путь развития.

Ключевые слова: неокOLONиализм, суверенитет, вестернизация, Русская православная церковь, духовно-нравственные ценности.

A.V. Kurochkin,

Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg)

THE ROLE OF THE STATE AND THE CHURCH IN THE CONDITIONS OF CONTROLLING THE PRACTICES OF MODERN NEOCOLONIALISM

Abstract. This paper analyzes the phenomenon of neocolonialism as a systemic threat to state sovereignty amid the crisis of a unipolar world. The author substantiates the role of the Russian Orthodox Church as the guardian of spiritual sovereignty and defender of traditional morality, which forms a value-based opposition to the neocolonial project. Coordinated interaction between the state and the church is presented as a multi-layered defense system, combining political, economic, and spiritual-cultural instruments to assert the right of peoples to their own path of development.

Key words: neocolonialism, sovereignty, Westernization, Russian Orthodox Church, spiritual-moral values.

© Курочкин А.В., 2026

* Исследование выполнено в рамках НИР за счёт средств СПбГУ GZ_F 2026 «Дружественный» неокOLONиализм: истоки, механизмы и влияние на современное развитие стран и автономных территорий» (PURE ID: 131381004).

В условиях глобального кризиса однополярной системы неоколониализм выступает как одна из ключевых угроз политическому, экономическому и духовному суверенитету государств.

Фундаментальным механизмом неоколониализма остается экономическая детерминация развития. Через механизмы долговых обязательств, неэквивалентный торговый обмен и контроль над ключевыми международными финансовыми институтами, такими как Всемирный банк и Международный валютный фонд, неоколониальные державы диктуют развивающимся странам параметры их внутренней экономической и социальной политики. В результате возникает феномен, который исследователи называют «флаговой независимостью»: при наличии всех формальных атрибутов государственности – гимна, флага, представительства в ООН – реальные рычаги управления национальным бюджетом, природными недрами и вектором стратегического развития остаются в руках внешних акторов.

Параллельно осуществляется тотальная вестернизация культурного пространства: стандартизируется образование, доминирует голливудский и массово-развлекательный контент, продвигаются универсалистские либеральные модели поведения, маргинализирующие традиционные ценности и национальную идентичность.

Российская Федерация, опираясь на опыт СССР в поддержке антиколониальных движений Африки и Азии, конструирует свою внешнеполитическую стратегию как один из центров сопротивления неоколониализму. Обновленная Концепция внешней политики 2023 года фиксирует отказ от любой формы гегемонии и провозглашает принцип суверенного равенства государств, многополярности и невмешательства во внутренние дела, что концептуально противостоит неоколониальной логике «права сильного» [1]. Практическая реализация антиколониальной повестки России разворачивается по нескольким ключевым направлениям:

1. Политико-дипломатическая активность. Россия последовательно продвигает идеи справедливого мироустройства на площадках ООН, БРИКС, ШОС и других объединений «нового типа». Важнейшим элементом здесь является критика политики «двойных стандартов», которую практикует Запад, и поддержка права народов самостоятельно выбирать свои модели развития и социального устройства.

2. Финансово-экономическое и технологическое противодействие. В ответ на использование доллара как инструмента политического давления, Россия инициирует создание альтернативных финансовых систем, расширяет торговлю в национальных валютах и развивает новые логистические коридоры.

3. Военно-техническое и стратегическое партнерство. Поставки вооружений и технологий странам Африки и Азии позволяют им укреплять собственную безопасность и противостоять попыткам внешнего вмешательства, что является необходимым условием для сохранения реального суверенитета.

Идеологическое наполнение государственной политики связано с формированием нарратива России как «государства-цивилизации» и защитника традиционных ценностей.

В условиях неоколониального вызова Русская православная церковь выступает не просто как религиозный институт, но как хранительница смыслов и духовного суверенитета. Церковь рассматривает современный глобализм как проект, направленный на стирание национальных и культурных различий, что в конечном итоге ведет к духовному порабощению человека. Идеологическая оппозиция РПЦ неоколониальному проекту строится на нескольких фундаментальных принципах:

Защита традиционной морали. В выступлениях патриарха Кирилла и в документах Всемирного русского народного собора подчеркивается, что навязывание либеральных ценностей – это форма «нового рабства», разрушающая основы общества: семью, веру и национальную преданность [2].

Социальная справедливость. Церковь осуждает неоколониальную эксплуатацию как греховную практику, ведущую к обогащению немногих за счет страданий большинства, и призывает к построению отношений, основанных на христианской любви и взаимопомощи.

Уважение к культурной аутентичности. РПЦ настаивает на том, что каждый народ имеет право на свою духовную историю и не обязан следовать моделям, разработанным в западных аналитических центрах.

Сотрудничество государства и церкви в деле противостояния неоколониализму реализуется через модель «симфонии», адаптированную к реалиям XXI века. В этой модели светская власть и религиозная организация действуют согласованно, дополняя ресурсы друг друга для достижения общих национальных и цивилизационных целей. Государство обеспечивает внешнеполитическую рамку и безопасность, в то время как Церковь наполняет российское присутствие глубоким гуманитарным и ценностным содержанием. Основные формы координации включают:

1. Дипломатическая поддержка миссионерской деятельности. МИД России и Россотрудничество активно взаимодействуют с структурами РПЦ за рубежом.

2. Совместное продвижение концепции «Русского мира». Это понятие в контексте антиколониальной борьбы трактуется не этнически, а как пространство высоких духовных и нравственных идеалов, открытое для всех, кто разделяет ценности справедливости и солидарности.

3. Опора на историческую память. Совместные усилия государства и церкви направлены на актуализацию роли Советского Союза и России в деколонизации.

Таким образом, роль государства и церкви в условиях противостояния практикам современного неокOLONиализма заключается в конструировании многоуровневой системы защиты суверенитета, сочетающей политико-дипломатические, экономические, военные, гуманитарные и духовно-культурные инструменты. Согласованная деятельность этих институтов позволяет противостоять не только внешнему давлению, но и внутренней эрозии идентичности, формируя пространство, в котором свобода понимается как право народа на собственный исторический путь, а традиция – как ресурс развития, а не пережиток прошлого.

Библиографический список

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 08.01.2026).

2. Патриарх Кирилл: традиционные религии стремятся спасти мир от саморазрушения [Электронный ресурс] <https://tass.ru/obschestvo/25455691> (дата обращения: 08.01.2026).

УДК 930.1

Д.Ю. Листопадов,

архивист 1-й категории Государственного архива Ивановской области

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В РОССИИ В 1916–1917 гг.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об использовании пленных Центральных держав российским правительством, сферы применения их труда в экономике и на фронте, использование отдельных категорий для нужд союзных держав.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, экономика, сельское хозяйство, промышленность, статистика.

D.Yu. Listopadov,

Archivist (category 1), The State Archive of the Ivanovo region

THE USE OF PRISONERS OF WAR OF THE CENTRAL POWER IN RUSSIA IN 1916–1917

Abstract. The article discusses the use of prisoners of the Central Powers by the Russian government, the scope of their labor in the economy and at the front, and the use of certain categories for the needs of the allied Powers.

Key words: World War I, prisoners of war, economy, agriculture, industry, statistics.

Во время Первой мировой войны российское государство и общество столкнулись с проблемой явного недостатка рабочей силы в стране. Чтобы выйти из положения, к работам стали активно привлекать военнопленных Централных держав, численность которых была весьма велика: по нашим оценкам за войну было взято до 1,7 млн пленных, из них около 50 тыс. в 1917 г. Большинство из них во второй половине войны участвовало в работах на нужды фронта и тыла. Однако данный вопрос пока не вполне освещён должным образом, имеются ошибки и неточная информация. Так, в известном сборнике «Россия в мировой войне в цифрах», на который до сих пор часто ссылаются, все работы во внутренних военных округах, которые исполняли пленные в 1917 г., отнесены к сельскохозяйственным [4, с. 40], хотя на самом деле использование носило куда более разнообразный характер. Но сейчас, благодаря оцифровке архивных документов, можно увидеть реальную картину событий.

Война стала тяжелейшим испытанием для экономики страны. Только из сельского хозяйства в армию за три года войны было призвано около 13,5 млн чел [5, с. 194]. Чрезвычайно тяжелым было положение и в промышленности, где значительная часть квалифицированных рабочих также отправилась в армию. Поэтому вопрос об использовании пленных в народном хозяйстве встал практически сразу с началом войны. Ещё осенью 1914 г. было издано «Положение о военнопленных», согласно ст. 12 которого пленные, за исключением офицеров, могли быть привлекаемы к казённым и общественным работам в соответствии с их чинами и способностями, однако такие работы не должны были иметь отношения к военным действиям. Сначала труд пленных не был должен оплачиваться, однако потом были разрешены денежные поощрения для стимулирования работы [1, ф. 2003, оп. 2, д. 552, л. 96]. Помимо работ, пленный мог находиться в пункте размещения (во второй половине войны это были в основном офицеры), либо в лечебном заведении.

В начале войны пленные для работ использовались мало, однако с нарастанием нехватки рабочих рук в экономике их привлечение к труду стало массовым. Так, на 1 декабря 1916 г. есть подробные данные о численности и использовании неприятельских военнопленных. По ведомству земледелия (сельхозработы, мелиоративные и лесные работы, погрузка хлеба) проходило около 545 тыс. чел., на городских и земских работах находилось около 28 тыс., на фабричных, заводских, угольных, горных работах примерно 294 тыс., по ведомству путей сообщения 168,6 тыс., ещё около 103 тыс. использовались для нужд военного и морского министерства, а также на фронте, всего же было задействовано 1 млн. 138 тыс. пленных. Ещё 28026 офицеров и 83207 солдат в работах не участвовало, находясь в пунктах размещения по разным городам внутренних округов (например, в Шуе в таком пункте находилось 86 немцев, 209 австрийцев и 30 турок (все рядовые), а в Иваново-Вознесенске 76 немцев, 636 австрийцев (в том числе 280 офицеров), и 7 турок). Кроме того, 585 офицеров и 15479 солдат находились в лечебных заведениях [1, ф. 2003, оп. 2, д. 550, л. 18, 19, 21]. Особо следует отметить важную роль, которую играли пленные в промышленности: в Донецком бассейне на 1 января 1917 г. их численность была 74 тыс. из 291,5 тыс. рабочих, т.е. каждый четвёртый рабочий был военнопленным. Но мотивация их к труду была слабой, поэтому производительность сильно упала [2, с. 334]. На Урале процент пленных в промышленности был ещё больше, достигнув в 1916 г. 37 % [3, с. 146].

В 1917 г. ситуация в стране с рабочей силой стала критической, особенно этом проявилось в сельском хозяйстве: 27 марта Главное управление Генштаба уже сообщало на Румынский фронт, что свободных пленных во внутренних округах нет совсем, т.к. срочно нужна рабочая сила для сельхозработ [1, ф. 2003, оп. 2, д. 550, л. 140]. Поэтому июньское наступление Керенского, по нашему мнению, кроме военных и политических задач имело и другие, прямо не проговаривавшиеся, но подразумевавшиеся: захват большой массы пленных как рабочих рук для использования в промышленности и сельском хозяйстве. По крайней мере, многие губернии явно на это рассчитывали: 22 июня Речицкая управа запросила в управлении генерал-квартирмейстерства 3200 пленных для уборки хлебов и сенокоса, указывая, что иначе работы выполнены не будут [1, ф. 2003, оп. 2, д. 551, л. 72]. Председатель Херсонского продкомитета просил 3 июля уже 10 тыс. пленных [1, ф. 2003, оп. 2, д. 551, л. 181] для той же цели. Больше всего, однако, запросила Кубань: в телеграммах от 25 и 29 июня 1917 г. на имя Верховного Главнокомандующего сообщалось об отличном урожае, который, однако, погибнет, если не будет отправлено на сельхозработы сто тысяч пленных, просили

срочно присылать взятых в июньском наступлении [1, ф. 2003, оп. 2, д. 551, л. 81, 123]. Это ходатайство поддержало и Главное управление Генштаба, сообщив в Ставку, что у них во внутренних округах свободных пленных более не имеется [1, ф. 2003, оп. 2, д. 551, л. 81, 123]. Провал наступления положил конец надеждам хозяйственных органов тыла на сотни тысяч дополнительных рабочих рук. Из положения пытались выйти, распределяя уже имеющиеся ресурсы, но и это вызывало недовольство. Некоторые города в ответ на требования дать пленных для сельхозработ отвечали, что только силами пленных функционирует городская инфраструктура, поэтому они не только не могут отдать имеющихся, но нуждаются в ещё большем количестве [1, ф. 2003, оп. 2, д. 551, л. 127].

Возникает вопрос: был ли кризис действительно настолько острым, или же губернии хотели получить побольше низкооплачиваемой рабочей силы для сельхозработ? На наш взгляд, подобные мотивы где-то могли иметь место, но количество однотипных телеграмм из самых различных местностей показывает, что ситуация действительно была тяжёлой.

На 1 сентября 1917 г. из внутренних военных округов (Московский, Казанский, Омский, Иркутский, Туркестанский, Приамурский) 415893 пленных были отправлены для работ в другие округа – просьбы о помощи всё же не остались не услышанными. Во внутренних же округах пленные распределялись по работам так: сельское хозяйство 354833 ч., угольные и горные работы 116446 ч., пути сообщения 73003, торговля и промышленность 34221, землеустройство 34098, земские и городские работы 29374, разные казённые надобности 1418 ч., у частных лиц 3068 ч. В ведении военного ведомства находилось 30271 ч., а 41404 ч. были отправлены обратно на фронты для необходимых работ. Абсолютное большинство работавших во внутренних округах были нижними чинами, офицеров насчитывалось только 292, при этом из кайзеровской армии лишь 4 [1, ф. Р-3333, оп. 3, д. 575, л. 5 об.]. Видно, что по сравнению с декабрём 1916 г. количество пленных на городских и земских работах во внутренних округах в целом не изменилось, но в промышленности, горных и угольных работах, на путях сообщений сократилось вдвое, несмотря на кризис, которые переживали эти отрасли в 1917 г.

Помимо участия хозяйственной жизни в тылу военнопленные использовались и на фронтах. При этом они участвовали в окопных работах, строительстве дорог, инженерных работах, действиях по укреплению позиций и т.д. [1, ф. 2003, оп. 2, д. 550, л. 140]. Такое их использование, конечно, противоречило ст. 12 «Положения о военнопленных», т.к. работа прямо относилась к военным действиям. Но

фронты постоянно требовали для этой цели пленных. 21 июня, т.е. в разгар летних боёв, Западный фронт просил Ставку о переводе с юга хотя бы 5 тыс. австрийцев, ссылаясь на их необходимость для тыловых работ [1, ф. 2003, оп. 2, д. 551, л. 66].

В 1917 г. помимо нехватки рабочих рук перед Россией встала ещё одна проблема: Франция и Румыния требовали передачи им военнопленных из Эльзаса и Лотарингии и военнопленных румынской национальности соответственно. При этом число эльзасцев (они учитывались в некоторых документах отдельной строкой) в русском плену было незначительно: на 1 сентября 1917 г. около 1,5 тыс. находилось на различных работах, а вот пленных румын из рядов австро-венгерской армии на ту же дату насчитывалось более 100 тыс. чел. [1, ф. Р-3333, оп. 3, д. 575, л. 5 об.].

Франция вела себя эгоистично, требуя не только выдачи уроженцев Эльзаса и Лотарингии, находящихся в русском плену (небольшое их количество позволило французскому военному агенту в апреле передать Главному управлению Генерального штаба даже именной их список), но и 5 тыс. военнопленных металлургов для нужд французской промышленности. Управление в свою очередь запрашивало разрешение у штаба Верховного Главнокомандующего. Однако подобные просьбы не отвечали требованиям уже русской экономики. Так, 26 апреля 1917 г. управление дежурного генерала сообщало, что подобные требования крайне негативно отразятся на русских заводах, работающих на оборонку, поэтому передать Франции можно только 300 металлургов, в т.ч. 39 эльзас-лотарингцев. При этом была сделана ссылка на резолюцию генерала Алексеева от 22 февраля 1917 г., в которой тот сообщал, что в таких просьбах следует по возможности отказывать из-за недостатка рабочих рук в самой России [1, ф. 2003, оп. 2, д. 550, л. 214–215]. Но даже такой сокращённый объём передачи пленных французам на практике оказался невыполним. Например, в мае 1917 г. снабюз (Юго-Западного фронта) сообщал, что хотя и сделал распоряжение об отправке пленных металлургов, не может отдать 64 чел. из тыловой автомастерской, так как это привело бы к безвыходному положению. Отдельной телеграммой эти 64 человека разрешили оставить в мастерской [1, ф. 2003, оп. 2, д. 550, л. 260, 263].

Румыния понесла очень большие потери в 1916 г., и нуждалась в людях, поэтому её просьбы о передаче пленных были настойчивыми. Ещё 12 января 1917 г. пришла депеша о желании румынского правительства устроить вблизи Бердичева и Житомира концлагеря для австро-венгерских пленных румынской национальности, которые должны были после трёхмесячной подготовки пополнить румынскую армию [1,

ф. 2003, оп. 2, д. 550, л. 35]. 3 мая в генштаб поступила нота румынского военного агента, в которой просили провести набор 5 тыс. добровольцев из пленных для армии Румынии, не считая 1,5 тыс. уже завербованных. 24 июня Румыния просила уже 30 тыс. пленных. По итогам переговоров генштаб согласился на выделение для этого союзника 11500 пленных [1, ф. 2003, оп. 2, д. 551, л. 12, 75, 78].

Провал июньского наступления только усилил настойчивые просьбы румынского правительства. Так, 7 августа 1917 г. генерал-квартирмейстер штаба Корнилова Романовский писал, что румынские войска понесли большие потери в последних боях, нужны энергичные меры по набору для Румынии добровольцев румынской национальности, которые должны проводиться во внутренних округах смешанными русско-румынскими комиссиями [1, ф. 2003, оп. 2, д. 552, л. 142]. 18 августа 1917 г. высказался и сам Верховный Главнокомандующий. В своём сообщении военному министру он выразил мнение о совершенной необходимости передать в Румынию тридцать тысяч пленных соответствующей национальности. Корнилов указывал, что осведомлён о позиции Главного управления Генерального штаба, согласно которой рабочие руки пленных необходимы в промышленности, обороне и продовольственном снабжении, но считает невозможным отказать румынам не только по военным, но и по политическим причинам. Вместо этих пленных румынских национальности на всякие работы, по его мнению, следует посылать солдат из запасных полков [1, ф. 2003, оп. 2, д. 552, л. 170]. Подобное сообщение позволяет взглянуть по-другому на генерала Корнилова как на патриота (здесь он не предстаёт патриотом русской экономики, а защищает сугубо интересы другой державы, к тому же в отличие от Франции не представляющей большой ценности на поле боя). Впрочем, скорый провал корниловского выступления привёл к тому, что бывший главковерх больше не мог «проталкивать» интересы румын. Вероятно, запрашиваемые тридцать тысяч человек так и не были получены Румынией до Октябрьской революции.

Таким образом, ситуация с использованием военнопленных наглядно показывает критическое положение, в котором оказалась как российская экономика, так и государство в целом в конце 1916–1917 гг. Всё это напоминает «тришкин кафтан», когда за ограниченное количество рабочих рук боролись представители фронтов, сельского хозяйства, промышленности, и даже иностранных держав, и передача пленных даже в небольшом количестве могла сразу негативно отразиться на той области деятельности, откуда их изыали. Однако стихийная демобилизация армии на протяжении 1917 г. и окончание Первой мировой войны в 1918 г. позволили снять остроту проблемы с рабочими руками.

Пленные же должны были быть возвращены домой по условиям Брестского мира.

Библиографический список

1. <https://gwar.mil.ru>. Документы Российского государственного военно-исторического архива.
2. *Маевский И.В.* Экономика русской промышленности в условия первой мировой войны. М., 1957.
3. *Оськин М.В.* Неизвестные трагедии Первой Мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2011.
4. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925.
5. *Шигалин Г.И.* Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956.

УДК 930.1

Ю.Г. Листопадов,

руководитель Центра развития палаточных лагерей

СКАУТСКИЕ ЛАГЕРЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНЦЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается становление системы скаутских лагерей в РФ.

Ключевые слова: летние лагеря, школьники, скауты.

Yu.G. Listopadov,

Head of Tented Camps Development Centre

SCOUT CAMPS IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE END OF THE TWENTIETH CENTURY

Abstract. The establishment of the scouts youth camps system in the RF in is considered in the article.

Key words: summer camps, schoolchildren, scouts.

Начавшееся после распада СССР разрушение системы летнего детского отдыха привело к образованию своеобразного вакуума в загородной летней работе с подростками. Проиллюстрируем это на примере Шуйского района. Если в 80-е годы для шуйских детей и подростков действовали 7 стационарных профсоюзных лагерей Шуйских предприятий, три загородных лагеря труда и отдыха, лагерь комсомольского актива и палаточный подростковый лагерь, то к середине 90-х годов из

них продолжали работу только 3 стационарных профсоюзных лагеря, и то, в значительной мере заполнявшиеся детьми из «богатых регионов». В масштабах страны доступные данные таковы: по данным КИРФ, в 1985 году в РСФСР действовали более 6000 стационарных лагерей [2], при этом согласно официальным данным в 1998 г. функционировало 3,1 тыс. стационарных загородных лагерей [1], то есть их число сократилось фактически в два раза. Загородные лагеря труда и отдыха если и остались, то как единичное явление. Полностью исчезли колхозные и межколхозные лагеря (число которых также исчислялось тысячами). В некоторой степени этот вакуум заполнили скаутские лагеря. Мы в данной работе не будем выяснять, кто был «настоящим скаутом», кто «не вполне настоящим», а кто – «вообще не скаутом» и будем считать скаутскими лагерями все те лагеря, которые проводились людьми, которые считали их таковыми.

Также оговоримся, что в рамках данной статьи мы следуем определению лагеря согласно «Положению о лагерях» Организации Российских Юных Разведчиков (далее ОРЮР), согласно которому лагерем считается выезд на время более 3-х суток с ответственным взрослым руководителем, при наличии программы [5].

Первым скаутским лагерем, проведенным в России, мы полагаем лагерь ОРЮР в Горельце, проведенный в августе 1990 года [3].

В ноябре 1990 года в Москве, в Институте молодёжи, при поддержке Комитета по делам молодёжи Верховного совета СССР собрался Съезд педагогов, практикующих (ну или считающих, что практикуют, или собирающихся использовать) скаутскую методику, в котором в той или иной мере приняли участие более 100 человек. На Съезде была создана Ассоциация Возрождения Российского Скаутинга – АВоРС. Позднее на базе АВоРС была создана Федерация Скаутов России (далее ФСР).

Параллельно АВоРС начала формировать собственные оргструктуры ОРЮР, которая позиционировала себя как «традиционный российский скаутинг, история которого началась в 1909 году», в отличие от АВоРС, который ориентировался на западные модели скаутинга.

В 1991–1993 годах на территории России состоялось довольно много скаутских лагерей и своеобразным итогом этого трехлетия стали крупные скаутские лагеря, которые назывались Джамбори (иногда Джембори), а в ОРЮР – Слеты.

Первый крупный общероссийский Джамбори состоялся в 1993 году в Ленинградской области и собрал около 3000 участников [4]. ОРЮР провела свой первый Слет в 1994 году в местечке Малый Утриш между Анапой и Новороссийском. Слет собрал более 600 участников.

В 1994 году скаутское движение начало развиваться в Ивановской области, а именно, начала свою работу дружина ОРЮР «Шуя».

В конце апреля – начале мая группа ребят из Шуйского индустриального техникума выехала в С.-Петербург, где проходил 3-хдневный лагерь ОРЮР, собравший делегации из нескольких регионов, после чего была начата скаутская работа в Шуе. В мае – первой половине июня – были проведены два краткосрочных палаточных лагеря, после которых был сформирован отряд князя Пожарского, первым делом которого стало проведение городского праздника для детей в детском парке.

26–29 июня прошел инструктивный лагерь «ГОРИЦЫ» под руководством начальника Московско-Богородского отдела ОРЮР Дроздова М. при участии группы разведчиков из Черноголовки. Торжественное обещание дали несколько шуйских студентов и педагогов. В июле были проведены еще два лагеря, в результате чего был сформирован второй отряд: Адмирала Макарова.

Оба отряда шуйских разведчиков приняли участие в Слёте ОРЮР, который прошёл под Анапой с 30 июля по 5 августа 1994 года. В конце Слета руководством ОРЮР было принято решение о создании дружины «Шуя». В августе – сентябре 1995 года были проведены несколько краткосрочных лагерей для абитуриентов и студентов индустриального техникума. В осенние каникулы 1994 года представители дружины «Шуя» помогли провести разведческий лагерь для русских детей в Литве, а также участвовали в проведении лагеря в Ярославской области.

В январе 1995 года дружина «Шуя» провела в зимние каникулы первый крупный зимний лагерь Российской ОРЮР – в солдатские казармах шуйского гарнизона собралось почти 200 человек из более, чем полутора десятка регионов России и из стран ближнего зарубежья, многие из которых хотели «только посмотреть», что такое ОРЮР. В ходе лагеря приехавшие «посмотреть» педагоги решили вступить в ОРЮР и организовать у себя отряды ОРЮР. Так началась работа ОРЮР в Костромской, Пермской, Челябинской, Архангельской областях, а также в Иваново и Юрьевце.

Зимой–весной 1995 года представители руководящего состава дружины выступали в качестве инструкторов в курсовых учебных лагерях. Особенно важным событием стали курсы в Крыму, которые проводились не только для ОРЮР, но и других детских русских организаций Крыма и курсы в Анапе, давшие серьезный толчок к развитию ОРЮР в Краснодарском крае.

В мае–июне дружиной были проведены несколько лагерей.

3–18 июля прошел лагерь – слёт «Золотое кольцо-2», посвящённый пятилетию возрождения ОРЮР в России. Присутствовали делегации из Рыбинска, Москвы, Черногловки, Зеленограда, Санкт-Петербурга, Волхова, Павловска, Воронежа, Жигулёвска, Иваново, Костромы. Следует особо подчеркнуть, что в ходе слета действовал подлагерь подготовки российской делегации на Всемирный скаутский Джамбори в Голландии.

В августе шуйские и ивановские разведчики приняли участие в организации и проведении лагеря «Юный Разведчик в Костроме». Этот лагерь стал стартом для дружины «Кострома».

В 1996 году дружиной «Шуя» был проведен цикл лагерей:

Январь – Рождественский лагерь, в котором приняли участие гости из Франции, Германии, Украины, Белоруссии, Москвы, Рыбинска, Подмосковья, Иваново.

Май – межрегиональный и межорганизационный (присутствовали делегация Федерации Православных Следопытов и «экологические скауты» из Иваново) лагерь. Этот лагерь стал первым специально организованным лагерем для старшей ветви ОРЮР – старших разведчиков, витязей и дружинниц.

За июнь–август 1996 были проведены:

- городской лагерь (40 человек),
- лагерь «Золотое кольцо» (более 80 человек),
- областной лагерь «Юный разведчик» (три смены, более 240 человек),
- Российско-германский лагерь по восстановлению монастыря в селе Толпыгино Приволжского района Ивановской области (около 40 человек),
- учебный дружинный лагерь,
- лагерь «Русский Север» (к юбилею Каргополя) (20 человек),
- экологический лагерь «К истокам Тезы» (около 40 человек),
- семейный лагерь (дети дошкольного возраста) (около 30 человек).

Кроме того, делегации дружины приняли участие в разведческих лагерях в Краснодарском крае, Нижегородской и Костромской областях, в лагере ОРЮР в Германии.

Отметим также, что силами дружины «Шуя» впервые в России был организован подлагерь для младшей ветви ОРЮР (дети до 10 лет) в рамках крупного разведческого лагеря «Солнечный мир» на Черноморском побережье. В работе «подлагеря младшей ветви» принимало участие около 150 детей из разных делегаций.

Отметим, что в 1996 году деятельность дружины «Шуя» была полностью узаконена, а именно:

– в Ивановском управлении Министерства юстиции Российской Федерации было зарегистрировано «Ивановское региональное отделение» ОРИОР. Отметим, что это было первое областное отделение ОРИОР, созданное и зарегистрированное по всем правилам. В дальнейшем этот опыт был использован при регистрации ряда областных отделений ОРИОР.

– был зарегистрирован как юридическое лицо палаточный лагерь «Робинзон», который получил лицензию на образовательную деятельность. Отметим, что на тот момент «Робинзон» являлся единственным официально зарегистрированным палаточным лагерем в России. Наличие регистрации и лицензии позволило дружине «Шуя» получать частичное финансирование лагерных программ через органы по делам молодежи и Фонд Социального Страхования. Именно через «Робинзон» и стали в дальнейшем официально проводиться все дружинные лагеря

– была одержана первая победа Всероссийского масштаба: проект «Палаточные лагеря» победил во Всероссийском конкурсе летних программ. В этом проекте, в частности, была обнародована подпрограмма «Колокольчики» по поддержке детских русских организаций за рубежом. В рамках данной программы Шуйские руководители несколько раз выезжали для помощи в проведении лагерей для русских детских организаций за границей.

Все лагеря, проведенные в 1996 году, были официально подтверждены областным отделом по делам молодежи.

В 1997–1999 годах продолжалась практика проведения крупных палаточных лагерей, в том числе проводились открытые лагеря для всех желающих с выездом на Черное море численностью до 200 человек в смену.

Отметим, что при проведении лагерей дружины «Шуя» важной составляющей было оказание помощи окружающим, в частности, была оказана помощь храмам в Введенье, Дунилово, Толпыгино.

За 1994–1999 годы силами дружины «Шуя» было оказано инструкторское содействие в проведении лагерей в других регионах и даже странах, а именно: в Костромской, Нижегородской, Московской, Ленинградской, Ярославской областях, Краснодарском крае, Крыму, Прибалтике, Германии.

Из крупных лагерей, в которых принимали участие шуйские оряуровцы, отметим Джамбори 1997 года в Солнечногорске, собравший, по разным данным, от трех до пяти тысяч участников.

Важной составляющей работы было проведение курсов для педагогов (фактически краткосрочных учебных лагерей), в том числе: в Ханты-Мансийском округе, Крыму, на Чукотке, в Удмуртии, Красно-

дарском крае, в Москве, Подмоскowie, Ивановской, Костромской, Кемеровской областях.

Помимо проведения лагерей дружиной «Шуя» проводилась постоянная социально направленная деятельность, а именно в Шуе:

Была оказана помощь: детскому дому, дому ребенка, двум интернатам, православному приюту для девочек, детскому парку, нескольким школам, больнице, библиотеке.

Проводились субботники по поддержанию в порядке: городского пруда, памятника воинам-афганцам, сквера у Вечного огня, воинских памятников в Шуйском районе.

Также проводились многочисленные городские и областные мероприятия.

В 1996 году в Шуе силами дружины «Шуя» была проведена международная научная конференция, а педагоги дружины приняли участие в научных конференциях по тематике детского движения в Костроме, Чебоксарах, Москве, Архангельске, С.-Петербурге.

Силами дружины «Шуя» было издано более 20-ти брошюр и методических пособий.

Трижды программы дружины «Шуя» побеждали в конкурсах КДМ РФ на федеральном уровне, подростки – члены дружины неоднократно получали гранты Президента РФ, в активе дружины – победа в федеральном финале «Лидер XXI века», на федеральных краеведческих чтениях.

Отдельно отметим Диплом Минобрнауки РФ «За активную работу, направленную на развитие лидерского потенциала молодежного и детского движения России».

Таким образом, на примере дружины «Шуя» можно проследить, как распад советской системы детского отдыха стимулировал появление скаутских лагерей, как правило, палаточных.

Согласно информации руководства скаутских структур, к концу XX века в России каждое лето проводились сотни скаутских палаточных лагерей, причем в некоторых случаях они собирали сотни и даже тысячи участников.

К сожалению, в дальнейшем проведение палаточных лагерей стало сопряжено со значительными организационными трудностями и явно избыточными требованиями со стороны государственных органов (например, запрет разведения костров, требование открывать палаточные лагеря при среднесуточной температуре не менее 15 градусов в течение пяти дней подряд) в результате чего число проводимых скаутских лагерей резко сократилось.

Библиографический список

1. Барканов С. Каникулы: обновление традиций // Народное образование. 2001. № 3.
2. «В СССР было более 6000 детских лагерей, а сейчас – около 2000». <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/229110.htm>
3. Первый лагерь ОРЮР в России «Омофор» («Возрождение») <http://www.scouts.ru/events/15302>
4. Первый Российский Национальный Джамбори <http://www.scouts.ru/events/16666>
5. Положение ОРЮР о лагерях <http://sgpsf.org/ORUR%20Documents/POLOZH/pol-13lag-text.htm>

УДК 94(47+57)''1941/45''

А.А. Лузин,

библиотекарь, Частное Образовательное Учреждение (ЧОУ) Православная средняя школа им. Феодоровской иконы Божией Матери

ВКЛАД В.М.РЯБИКОВА В РАЗВИТИЕ ВООРУЖЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Аннотация. В статье анализируется вклад нашего земляка В.М. Рябикова в организацию производства вооружения для Красной армии в годы Великой Отечественной войны. В этот период он будучи первым заместителем наркома вооружения СССР участвовал в разработке проектов постановлений Государственного Комитета Обороны, которые в дальнейшем находили воплощение на оборонных предприятиях. За вклад в организацию производства вооружения в 1941–1945 гг. он был удостоен звания Героя Социалистического Труда. К сожалению, в силу закрытости его личности в течение длительного времени, многие факты из его трудовой деятельности требуют уточнения и соответствующей его статусу их оценки. На преодоление этих пробелов и направлена данная статья. Для её подготовки были использованы материалы фонда № 644 Государственного Комитета Обороны, хранящегося в Российском государственном архиве социально-политической истории, а также документы из Государственного архива Ивановской области.

Ключевые слова: В.М. Рябиков, Государственный Комитет Обороны, постановления, новые образцы вооружения, план, награды.

A.A. Luzin,

Librarian, Private Educational Institution (PEI) Orthodox Secondary School
named after the Feodorovskaya Icon of the Mother of God

V.M. RYABIKOV'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF WEAPONS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

Abstract. The article analyzes the contribution of our compatriot V.M. Ryabikov to the organization of weapons production for the Red Army during the Great Patriotic War. During this period, as the First Deputy People's Commissar of Armaments of the USSR, he participated in the development of draft resolutions of the State Defense Committee, which were later implemented at defense enterprises. For his contribution to the organization of weapons production in 1941–1945, he was awarded the title of Hero of Socialist Labor. Unfortunately, due to the secrecy surrounding his identity for a long time, many facts about his work require clarification and assessment in accordance with his status. This article aims to address these gaps. It is based on materials from the State Defense Committee's Fund No. 644, which is housed in the Russian State Archive of Social and Political History, as well as documents from the State Archive of the Ivanovo Region.

Key words: V.M. Ryabikov, State Defense Committee, resolutions, new weapons, plan, awards.

Уроженец Ивановской области [4] В.М. Рябиков во время Великой Отечественной войны являлся первым заместителем наркома вооружения [23] и неоднократно совместно Л.П. Берией и другими наркомками готовил проекты постановлений для Государственного Комитета Обороны (ГКО), а также участвовал в его заседаниях.

Как известно, ГКО был образован 30 июня 1941 года. Президиум Верховного Совета СССР, Центрального комитета ВКП(б) и СНК СССР передали вновь образованному органу «всю полноту власти в государстве». Из-за необходимости постоянного принятия чрезвычайных решений ГКО, руководство Политбюро и СНК действовали как единое целое. У них был и единый руководитель в лице И.В. Сталина. Постоянными членами ГКО являлись В.М. Молотов, Г.М. Маленков и Л.П. Берия. В феврале 1942 г. в состав членов ГКО дополнительно вошли Н.А. Вознесенский, А.И. Микоян и Л.М. Каганович. В ноябре 1944 г. из его состава был выведен К.Е. Ворошилов, а вместо его введен Н.А. Булганин [5, с. 5–6].

Все вопросы решались по мере их возникновения в кабинете И.В. Сталина и не всегда при полном составе его членов. Поскольку у ГКО не было технического аппарата, то его работа обслуживалась в Особом секторе ЦК ВКП(б). Здесь процедура принятия решений была в основном такой: выдвижение инициативы, согласование с ведомствами,

которые должны были выполнить намеченные задания и утверждение. В ряде случаев принимались решения без согласования, что приводило к возникновению различных проблем и в итоге к их невыполнению [5, с. 10–11].

Так, в мае [17] и декабре [19] 1942 г. согласно архивным данным В.М. Рябиков участвовал в разработке и обсуждении планов по производству вооружения и результатов работы оборонной промышленности.

Но есть еще один документ, где имеется подпись В.М. Рябикова, предыстория которого такова. 2 марта 1942 г. ГКО принял сразу несколько постановлений, в которых значился завод № 2, а также другие предприятия Ивановской области. Среди них постановление № 1360 сс «О плане производства и поставок артиллерийского и стрелкового вооружения и военных приборов на март 1942 года». Оно определяло плановые задания заводу по производству различных видов продукции:

План производства вооружения на март 1942 года

Наименование продукции	Калибр	Плановое задание заводу на март	План по всем заводам
Пистолет-пулемет Шпагина (ППШ)	7,62 мм	10 000 шт.	109 800 шт.
Противотанковое ружье Дегтярева (ПТРД)	14,5 мм	13 000 шт.	21500 шт. (ПТРД и ПТРС)
Пулемет Дегтярева пехотный (ДП)	7,62 мм	13 000 шт.	
Пулемет Дегтярева танковый (ДТ)	7,62 мм	4000 шт.	
Магазины к ПППШ		60 000 шт.	
Пушки ШВАК (моторные)	20 мм	250 шт.	
Пушки ШВАК (крыльевые)	20 мм	500 шт.	
Пушки ШВАК (танковые)* *возможно речь идет о пушке танковой Нудельмана-Шпитального (ТНШ)	20 мм	1000 шт.	

Примечание: заводу были сохранены освоенные им виды продукции. Однако по ряду позиций их объемы производства были снижены с увеличением выпуска пулеметов Дегтярева пехотных и с сохранением прежнего количества противотанковых ружей.

Данным документом заводу № 2 была поставлена еще одна важная задача – освоить производство 23 мм авиационных пушек Волкова-Ярцева (ВЯ-23) и произвести их в марте 200 штук, в апреле 400 и в мае 800 штук. По сути, в Коврове на заводе № 2 создавалась вторая база по производству пушек ВЯ-23. Постановление также обязало секретаря Ивановского обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцева взять производство 23 мм авиационных пушек Волкова-Ярцева под личный контроль и оказать заводу № 2 необходимую помощь. Важно сказать, что аналогичное требование было предъявлено секретарям Челябинского (Н.С. Патоличеву), Удмуртского (А.П. Чекинову) и Тульского (В.П. Жаворонкову) обкомов ВКП(б) в отношении заводов № 66 и 525, размещенных на подведомственных им территориях. Наркому боеприпасов Б.Л. Ванникову было поручено «обеспечить бесперебойное снабжение заводов № 2, 66 и 525 лафетно-пробными патронами для испытания 20 мм авиационных пушек ШВАК и 23 мм пушек Волкова – Ярцева... в количествах, обеспечивающих мартовский выпуск пушек». Данное постановление было подписано председателем ГКО И.В. Сталиным и что очень престижно для истории нашей Ивановской области, было завизировано замнаркомом вооружения В.М. Рябиковым. Причем его подпись стоит под подписью Л.П. Берии и далее под ними в столбик следуют подписи начальника ГАУ Красной армии маршала СССР Н.Д. Яковлева и замнаркома обороны по авиации А.А. Новикова, судьба которого также связана с историей ивановского региона [22, л. 136–146].

В 1943 г. В.М. Рябиков принял участие в работе ГКО в мае [12], июне [13], июле [16] и августе [5, с. 910]. Известно также о его участии в работе ГКО и весной 1944 года [6, с. 209–212]. При этом важно отметить, что внимание ГКО к производству вооружения особенно возрастало в преддверии решающих на фронтах Великой Отечественной войны событий и привлечение В.М. Рябикова к подготовке таких заседаний свидетельствовало о важном управленческом авторитете Василия Михайловича. Так, весной 1942 г. шли ожесточенные бои под Ржевом и Харьковом, осенью и в декабре этого же года началась реализация плана «Уран» по разгрому соединений германского вермахта под Сталинградом, к лету 1943 г. шла усиленная подготовка к решающей битве в районе Курска, Орла и Белгорода, а весной 1944 г. началось масштабное освобождение Европы от немецко-фашистских оккупантов [10, с. 402–406]. Для достижения стратегических успехов в ходе этих операций требовалось наращивание производства вооружения и боеприпасов, а также принятие на вооружение Красной армии новых образцов военной техники. Значительный вклад в решение этих вопросов и внес В.М. Рябиков.

В составе групп ответственных руководителей, он, обладая глубокими знаниями в области отечественного вооружения и научных разработок, неоднократно инициировал различные предложения, направленные на укрепление вооруженной мощи Красной армии, обеспечения её новыми современными видами вооружения. Многие из его предложений нашли воплощение в постановлениях ГКО. Так, благодаря его усилиям в 1942 году были приняты решения о производстве модернизированной винтовки Токарева [18], о расширении производства пистолетов-пулемётов Шпагина (ППШ), освоении производства нового пистолета-пулемета Судаева (ППС), разработанного в Ивановской области на Ковровском заводе № 2 [20].

В 1943 г. Были приняты решения об увеличении производства пушек-гаубиц образца 1937 года «МЛ-20» [21] и об изготовлении и испытании 152-мм пушек-гаубиц образца 1943 г. Д-1, изготовлении мортиры М-4 [14], о принятии на вооружение пушки образца ЗИС-2 и нового станкового пулемёта «Горюнова-Воронкова-Горюнова» (СГ-43), об изготовлении опытного образца прибора управления торпедной стрельбой «Трап» для подводных лодок [15].

Заслуги Василия Михайловича Рябикова были отмечены множеством наград уже в годы войны. В 1942 г. он был награждён вторым Орденом Ленина «за образцовое выполнение заданий Правительства по производству и освоению новых видов вооружения» [1], а в 1944 г. третьим Орденом Ленина «за успешное выполнение заданий Государственного Комитета Обороны по производству артиллерийского, стрелкового вооружения и военных приборов для Красной Армии, за создание и освоение новых образцов вооружения» [2].

Уже после войны, в сентябре 1945 г. В.М. Рябикову было присвоено звание Героя Социалистического Труда «за выдающиеся заслуги в деле организации производства самолётов, танков, моторов, вооружения и боеприпасов, а также за создание и освоение новых образцов военной техники и обеспечение ими Красной Армии и Военно-Морского Флота в годы Великой Отечественной войны» с вручением Ордена Ленина (уже четвёртого) и золотой медали «Серп и молот» [3; 7; 8; 9; 11].

Таким образом, Василий Михайлович внёс большой вклад в развитие вооружения в годы Великой отечественной войны. Он участвовал в разработке проектов постановлений ГКО, организовывал работу по их выполнению, способствовал своевременному обеспечению потребностей Красной армии современным вооружением.

Библиографический список

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. 15 июня.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. 17 августа.

3. Вечерняя Москва. 1945. 18 сентября.
4. ГАИО. Ф-1158. Оп. 1. Д. 204. Л. 25 об.
5. Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг. Аннотированный каталог: в 2 т. М.: Политическая энциклопедия, 2015. (Труды РГАСПИ). Т. 1: 1941–1943 гг. С. 5, 6, 10–11, 910.
6. Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг. Аннотированный каталог: в 2 т. М.: Политическая энциклопедия, 2015. (Труды РГАСПИ). Т. 2: 1944–1945 гг. С. 209–212.
7. Известия. 1945. 18 сентября.
8. Красная звезда. 1945. 18 сентября.
9. Ленинградская правда. 1945. 18 сентября.
10. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби. С. 385–386, 402–406.
11. Правда. 1945. 19 сентября.
12. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 114. Л. 121–145; Оп. 2. Д. 167. Л. 18–45. Л. 43–45.
13. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 122. Л. 62–84; Оп. 2. Д. 176. Л. 12–38, 173. Л. 36–38.
14. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 125. Л. 144–144 об., 145–145 об.; Оп. 2. Д. 179. Л. 20–22, 23–24.
15. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 126. Л. 3–3 об., 4–12, 68–68 об.; Оп. 2. Д. 179. Л. 84–84 об., 85–95, 143–144 об.
16. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 131. Л. 24–120; Оп. 2. Д. 187. Л. 33–128. Л. 125–127.
17. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 32. Л. 217–227. Оп. 2. Д. 57. Л. 15–17.
18. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 40. Л. 23; Оп. 2. Д. 72. Л. 37–39.
19. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 71. Л. 120–137; Оп. 2. Д. 114. Л. 17–39. Л. 36–38.
20. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 72. Л. 36; Оп. 2. Д. 114. Л. 104–107.
21. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 82. Л. 99–100; Оп. 2. Д. 126. Л. 148–150.
22. РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 38. Л. 136–146.
23. Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР за 1940 г. № 1–15. М., б. г. С. 522.

Л.В. Лукьянчикова,

профессор ИПиНБ РАНХиГС (Москва)

СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ДЕПУТАТОВ ВЫСШИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1906–1917 гг.

Аннотация. Статья посвящена определению материальных благ депутатов парламента дореволюционной России. Отмечается, что парламентарии получали достойное вознаграждение только при условии добросовестного исполнения своих обязанностей.

Ключевые слова: депутат, Российская империя, суточное довольствие.

L.V. Lukyanchikova,

Professor at the Institute of National Security and Science, RANEPa (Moscow)

SOCIAL GUARANTEES OF DEPUTIES OF THE HIGHEST REPRESENTATIVE INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE 1906–1917

Abstract. The article is devoted to the determination of material benefits of deputies of the parliament of pre-revolutionary Russia. It is noted that parliamentarians received decent remuneration only if they conscientiously fulfilled their duties.

Key words: deputy, Russian Empire, daily allowance.

Социальные гарантии депутата высших учреждений народного представительства являются неотъемлемой частью его статуса. Традиционно «социальный пакет» парламентария в Российской Федерации и в мировой практике, в целом, содержит внушительный перечень позиций, включая достойную заработную плату, различные льготы и привилегии [1]. Данная тема зачастую представляет повышенный общественный интерес, поскольку избиратели, щедро оплачивая работу депутатам, ожидают, в свою очередь, высокий уровень принимаемых законов и должного поведения, соответствующего статусу народного избранника. В этой связи, тема социальных гарантий депутатов российского дореволюционного парламента представляется весьма актуальной.

Период отечественной истории, охвативший две революции с 1905 по 1917 г. по праву считается значительным этапом развития политической демократии в России, достижением которого явилось введение законодательного двухпалатного парламента с выборным представи-

тельством. В Высочайше утвержденных «Учреждении Государственной Думы» и Указе «О переустройстве Учреждения Государственного Совета» от 20 февраля 1906 года наряду с нормами о составе, распорядке, предмете ведения и т.д. палат предусматривались также социальные гарантии парламентариям. Так, депутатам Госдумы в течение ее сессии выплачивалось суточное довольствие в размере 10 рублей в день каждому. Также им возмещался из государственной казны проезд один раз в год от места жительства до столицы и обратно, по расчету пять копеек за версту. Члены Думы, занимающие вместе с тем, должности министров или главноуправляющих отдельными частями, суточного довольствия не получали. Членам Госсовета по выборам в течение его сессии, как и думцам, полагалось суточное довольствие, но уже в размере 25 рублей в день каждому. Путевые издержки означенным членам Госсовета были те же, что и у их коллег из нижней палаты. Если члены Госсовета по выборам занимали другие должности с содержанием, то они его могли получать лишь в случае отказа от суточного довольствия [10, с. 151–156].

Как известно, весь свой положенный срок выработала только третья Государственная Дума. Именно на период ее деятельности был пересмотрен «соцпакет» парламентариям нижней палаты. 6 июля 1908 г. был принят закон «О назначении членам Государственной Думы довольствия». Следует отметить, что при рассмотрении данного вопроса в верхней палате, член Госсовета от Курской губернии князь Н.Ф. Касаткин-Ростовский заметил, что «первый избирательный закон не удался, мы получили две такие Думы, которые состояли не из лучших, а по преимуществу из худших людей. В большинстве случаев этот избирательный закон преградил путь в Думу не только лучшему, но и среднему человеку. Десятирублевки с одной стороны, и не ограничение ни имущественным, ни нравственным цензом с другой, сделали то, что туда даже попадали люди прямо с тюрьмы. Третьего июня 1907 года закон избирательный был исправлен, мы получили приличную Думу» [4, стб. 2290].

Законом от 6 июля 1908 г. для членов Государственной Думы предусматривалось ежегодное довольствие в размере четырех тысяч двухсот рублей в год (350 рублей в месяц). Довольствие выдавалось со дня избрания каждого из них – до дня прекращения их полномочий. До открытия сессии парламента предусматривалась деятельность ряда думских комиссий. За участие в их работе членам комиссий Госдумы также выплачивали довольствие в размере 10 рублей в день. Отказавшиеся от своего звания или выбывшие из состава Думы депутаты получали довольствие по расчету из 350 рублей в месяц до дня отказа от звания или дня постановления Думы об их выбытии из ее состава.

Также парламентарий нижней палаты в течении года имел право на отпуск, но не более полутора месяцев. Более продолжительный отпуск предусматривался лишь в случае тяжелой болезни. В случае смерти депутата Госдумы, причитающееся ему довольствие за весь месяц в котором последовала его смерть, выдавалось вдове покойного, а при ее отсутствии – ее детям, по их в том ходатайству. Следует отметить, что законом предусматривалось также и прекращение выдачи довольствия членам Госдумы. Так, выплата довольствия прекращалась в случае роспуска Государственной Думы по истечении того месяца, в котором этот роспуск последовал. Кроме того, за отсутствие без уважительных причин в общем собрании нижней палаты, из довольствия думца, причитающегося ему в ближайшем месяце, производились вычеты за каждый пропущенный день заседания. Для доказательства присутствия в общем собрании каждый депутат Госдумы расписывался в ведомости присутствующих в течении заседания. Если парламентарий не принял участие в поименном голосовании, хотя его подпись в ведомости была, он все равно считался отсутствующим. Вычеты из довольствия не производились у членов Госдумы, находящихся в отпуске, и у депутатов, отсутствующих по другим уважительным причинам. Причины неявки, признаваемые уважительными, определялись в Наказе Государственной Думы [8, с. 450].

В этой связи необходимо указать, что часть вопросов, касающихся социального статуса парламентариев регулировалась Наказами Государственной Думы и Государственного Совета. Наказы издавались в развитии правил Учреждения верхней и нижней палат, в которых прописывались правила внутреннего распорядка их функционирования, в том числе, ряд правил осуществления законотворческой деятельности парламентария.

Так, в Наказе Государственного Совета значилось, что члены Госсовета по выборам получают суточное довольствие в течение сессии со дня прибытия их к исполнению своих обязанностей. Суточное довольствие выдавалось в течение сессии по окончании каждого месяца, а по окончании сессии – при ее закрытии. Возмещение путевых издержек членам Госсовета на проезд в столицу производилось в начале сессии, а на обратный путь при ее закрытии. В случае болезни парламентарии верхней палаты получали суточное довольствие в течение четырех месяцев. Кроме того, в Наказе предусматривалось обязательное присутствие членов Госсовета на заседаниях, отсутствие могло быть только по уважительным причинам. При чем отлучаться можно было на срок не свыше 14 дней, с разрешения председателя палаты. Отпуск на более продолжительное время разрешался только постановлением палаты.

Если депутат Госсовета по выборам находился в отпуске более одного месяца в течение сессии, то причитающееся ему сверх месяца суточное довольствие не выплачивалось. Также довольствие не выплачивалось тем членам Госсовета, кто без уважительной причины пропускал заседания палаты более одного месяца [7, с. 4–5]. Подобные правила содержались и в Наказах Государственной Думы [6, с. 38–73].

Таким образом, депутаты обеих палат при добросовестном осуществлении своей миссии получали немалое вознаграждение, позволяющее безбедное проживание в столице на время парламентской сессии. Согласно примерным ценам Российской империи в означенный период, снять гостиницу с роскошным номером со всеми удобствами с телефоном и рестораном можно было за 5–8 рублей в день; номер в гостинице без излишеств, но вполне приличный, обходился в 0,7–2 рубля в сутки. Билет первого класса от Москвы до Санкт-Петербурга стоил 16 рублей, рубаха выходная – 3 рубля, костюм деловой для приказчиков – 15 рублей, сапоги яловые – 5 рублей, ботинки летние – 2 рубля. Стоимость продуктов также была весьма приемлемой: батон ржаного свежего хлеба 300 грамм стоил 4 копейки, белого сдобного 300 грамм – 7 копеек, конфеты шоколадные (1 кг.) стоили 3 рубля, парная вырезка телятины – 70 копеек (1 кг.), икра черная зернистая (1 кг.) стоила 3 рубля 20 копеек, икра красная соленая – 2 рубля 50 копеек за килограмм [5]. Размер денежного довольствия давал возможность, прежде всего, каждому депутату достойно осуществлять свои непосредственные функции невзирая на сословную принадлежность. Это наглядным образом демонстрирует, например, список адресов проживания депутатов IV Госдумы в столице во время парламентской сессии. Так, по соседству с действительным статским советником, дворянином, лидером «Русского народного союза имени Михаила Архангела», депутатом четвертого созыва от Курской губернии Пуришкевичем Виктором Михайловичем, снимающим жилье на улице Шпалерная дом 39, кв. 9, проживал (на той же улице в доме 50, кв. 33) также депутат от Курской губернии, крестьянин Белогуров Николай Александрович [3, с. 19, 85]. Шпалерная улица была неподалеку от места заседаний Госдумы – Таврического дворца, и в период деятельности четвертой Думы прилегающая к дворцу территория стала центром политической жизни страны и одним из фешенебельных районов города [9].

В заключении отметим, что в дореволюционном периоде функционирования российского парламента вырабатывалась не только практика проведения выборов, механизма принятия решений, депутатской деятельности, но и закрепления материальных благ народных избранников. Следует согласиться с Верхоглядом А.С. в том, что социальные

гарантии депутатов рассматривались в неразрывной связи с их обязанностями и санкциями за неисполнение этих обязанностей [2]. Осознание отечественных традиций сегодня весьма актуально. Думается, что обращение к данному опыту позволит учесть его положительную составляющую при совершенствовании социальных гарантий парламентариев современной России.

Библиографический список

1. Барова Е. Где жизнь слаще? Какие у депутатов привилегии в России, Европе и США // Аргументы и факты. 2021. 09 апреля. URL: www.aif.ru (дата обращения: 10.06.2024).
2. Верхогляд А.С. Эволюция правового статуса депутатов высших представительных органов государственной власти в дореволюционной России: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. 170 с.
3. Государственная Дума IV созыва. Справочный указатель. СПб.: Гос. тип-я, 1913. 180 с.
4. Государственный Совет. Стенографические отчеты за 1907–1908 гг. СПб.: Гос. тип-я, 1908. 748 стб.
5. Корова за три рубля. Цены и жалования в Царской России. URL: torwear.ru (дата обращения: 10.06.2024).
6. Маклаков В.А. Наказ Государственной Думы (по работам 2-й Государственной Думы) с объяснениями. СПб.: изд-во юрид. книжного склада «Право», 1907. 113 с.
7. Наказ Государственного Совета с предметным к нему указателем. СПб.: Гос. тип-я, 1908. 119 с.
8. О назначении членам Государственной Думы довольствия: Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон от 6 июля 1908 г. // Полное собрание законов Российской империи. (Далее – ПСЗРИ). Собрание Третье. Т. XXVIII. 1908. Отделение первое. № 30674. СПб.: Тип-я II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1911. 1008 с.
9. Патрикеева О.А. Петербург, литейная часть: адреса Государственной думы Российской империи // НИР. 2017. № 3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/peterburg-liteynaya-chast-adresa-gosudarstvennoy-dumy-rossiyskoy-imperii> (дата обращения: 11.06.2024).
10. ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отделение первое. № 27424. СПб.: Тип-я II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1909. 1141 с.

Д.Н. Лысых,

лаборант, ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция» (Иваново)

ПОЛЬСКИЙ КОНТИНГЕНТ В ЮЖСКОМ ЛАГЕРЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена малоизученному эпизоду начального периода Второй мировой войны – созданию и функционированию Южского лагеря для польских военнопленных в Ивановской области осенью 1939 года. На основе архивных данных реконструируется процесс стихийного развертывания лагеря, анализируется его роль как крупного фильтрационно-распределительного центра в системе НКВД.

Ключевые слова: Южский лагерь, система лагерей для военнопленных, Ивановская область, Вторая мировая война, сентябрь 1939.

D.N. Lysykh,

Laboratory Assistant, Ivanovo Archaeological Expedition LLC (Ivanovo)

THE POLISH CONTINGENT IN THE YUZHA CAMP OF IVANOVO REGION

Abstract. The article is devoted to a little-studied episode of the initial period of the Second World War – the establishment and operation of the Yuzha camp for Polish prisoners of war in the Ivanovo region in the autumn of 1939. Based on archival data, the process of the camp's hasty deployment is reconstructed, and its role as a major filtration and distribution center within the NKVD system is analyzed.

Key words: Yuzha camp, prisoner-of-war camp system, Ivanovo region, Second World War, September 1939.

Тема Второй мировой войны, как и Великой Отечественной до настоящего времени остается одной из самых загадочных. До сих пор, как в зарубежной, так и отечественной историографии имеются многочисленные лакуны, которые требуют своего заполнения для более ясного отражения обстоятельства дел. Одной из таких проблем, в рамках изучения региональной истории, является вопрос о количестве польских военнопленных, содержащихся на территории Южского лагеря, а также об оперативно-чекистской работе на территории лагеря.

За последние несколько лет в отечественной историографии прослеживается тенденция изучения микроисторических процессов, исследования «лагерного направления» появляются в большом количестве.

Однако, до сих пор в истории Ивановского края остается пятно, связанное с историей Южского лагеря. Крупных публикаций по этой теме нет.

Появление Южского лагеря, как и зарождение системы содержания военнопленного контингента, было следствием внешнеполитических пертурбаций, которые разделили мир на «до и после». 1 сентября 1939 года Гитлеровской Германии пересекли границу Польши. Советское правительство, воспользовавшись быстрым и успешным продвижением немецкой армии по территории Польского государства, 17 сентября 1939 года ввело войска на территорию страны. За 12 дней наступления советскими войсками были взяты в плен более 254, 5 тыс. польских военнослужащих. Почти половина пленных после проверки была отпущена, остальные 125 тыс. человек направлены в распоряжение НКВД [2, с. 15].

19 сентября 1939 года Л.П. Берия подписал указ № 0308 «Об организации при НКВД лагерей для содержания военнопленных». Согласно данному приказу при наркомате создавалось управление по делам военнопленных, его руководителем становился майор Сопруненко П.К., комиссаром – С.В. Нехорошев. Им предстояло наладить деятельность 8 лагерей для содержания военнопленных. В их числе был и лагерь, расположенный в Южском районе Ивановской области. Данным приказом начальником лагеря был назначен младший лейтенант государственной безопасности Кий А.Ф., комиссаром – старший лейтенант государственной безопасности Коротков Г.В. [1, с. 70–71].

22 сентября был подписан и разослан на места приказ НКВД № 0309 «О передачи помещений детских трудов колоний управлению по делам военнопленных», в котором говорилось: «Все здания, имущество и товарно-материальные ценности передать по акту начальнику Осташковского и Южского лагерей военнопленных» [1, с. 88]. Деятельность по подготовке лагеря к приему солдат польской армии была осуществлена недостаточно организованна, в частности об этом свидетельствует сводка «о степени готовности лагерей к приему военнопленных» от 28 сентября 1939 года, в которой говорится что в лагере нет белья, не хватает матрацев, а для обеспечения прибывающих военнопленных всем необходимым из Кинешемской исправительно-трудовой колонии забронировано 700 пар белья, 350 фуфаяк, 1700 простыней, 3000 тюфячных наволочек, 3000 верхних и нижних подушных наволочек. Также в лагере имеется проблема с хозоборудованием и питанием: нет кухонь и котлов, питания хватит на 7 дней [1, с. 108]. Ситуация была удручающей, так как в этот же день со станции Шепетовка было отправлено 3000 бывших польских солдат для содержания в Юже [1, с. 92]. Это были первые узники лагеря, а к 8 октября, согласно сводке «о количестве

военнопленных, подлежащих роспуску и остающихся в лагерях» их количество, достигло 11634 человек [1, с. 139].

Пятью днями ранее на заседание политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о проведении фильтрации военнопленных по различным категориям и распределение их в предписанные лагеря. Выполняя данное распоряжение было выяснено, что в Южском лагере содержится – 801 человек, относящийся к категории «генерал, старший офицер и чиновник»; 353 человека к категории «разведчики, контрразведчики, жандармы, тюремщики, полицейские», которые отправлялись в Старобельск и Осташков соответственно [1, с. 139].

При проведении данных мероприятий органами особого отдела лагеря, также был получен запрос из Москвы об поиске среди военнопленных князя Яна Радзивилла. Сотрудниками было выяснено, что среди военнопленных, разыскиваемый не числится, однако, в лагере содержится его сын – подпоручик Эдмунд Радзивилл [1, с. 140].

Тут стоит задаться вопросом с чем связан поиск князя, кто его разыскивает и с какими целями? Сначала стоит разобраться кто такой князь Януш Францишек Радзивилл. Род Радзивиллов имеет глубокие европейские корни. Сам разыскиваемый перед войной в Польше проживал в принадлежавшем ему ординате Олыка, находящийся на территории Западной Украины. Януш Радзивилл занимал не последнее место в числе Польской политической элиты. Запрос об его поиске был направлен Международным комитетом Красного креста в октябре 1939 года.

Его поиск не дал каких-либо результатов, так как он находился не в системе лагерей, а на Лубянке, где он разрабатывался органами НКВД. Об этом в своих мемуарах вспоминал П.А. Судоплатов: «Осенью 1939 года, после захвата Польши немцами, к нам в руки попали полковник Станислав Сосновский, бывший руководитель польской спецслужбы в Берлине, и князь Януш Радзивилл... Князем Радзивиллом занимался лично Берия. Он сумел убедить Радзивилла, что тот должен выступить в роли посредника между советским правительством и Герингом для выяснения деликатных вопросов во взаимоотношениях обеих стран» [4, с. 168–171].

Собственно говоря, о судьбе Эдмунда Радзивилла нам известно мало, единственное, что мы знаем так это то, что он был отправлен в г. Брест-Литовск для отправки в Германию. Распоряжение о его отправке было выдано начальником 5-го (разведывательного) отдела ГУГБ майором г/б П.М. Фитиным.

Массовая отправка контингента в другие лагеря и для обмена с Германией начались в ноябре. На данный момент мы не можем сказать точно, сколько эшелонов было направлено из Южского лагеря в места

назначения, какая часть контингента была направлена на территорию, захваченную гитлеровскими войсками, но у нас имеется информация, согласно которой 1 ноября в Козельский лагерь было направлено 514 офицеров из указанного лагеря [1, с. 211], однако уже к 6–7 ноября 1939 года были направлены последние два эшелона с военнопленными на территорию занятую Германией, а также один вагон с офицерами в Козельский лагерь [3, л. 182]. Указанные данные дают нам возможность понять, что к середине ноября в лагере оставалось около 7 тыс. человек [1, с. 139], а полное его освобождение произошло в начале декабря.

Таким образом, история Южского лагеря осенью 1939 года служит важным примером того, как в условиях глобального кризиса создавались и функционировали механизмы советской системы содержания военнопленных. Через призму его существования можно увидеть не только проблемы, с которыми сталкивались при создании системы ГУПВИ, но и проследить прямую связь между провинциальным лагерем и дипломатическими интригами начального этапа Второй мировой войны.

Библиографический список

1. Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / под ред. Р.Г. Пихои, А. Гейштора; сост.: Н.С. Лебедева, Н.А. Петросова, Б. Вошинский, В. Матерский. М., 1999. 608 с.: ил.
2. Кузьминых А.Л. Органы и учреждения военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР (1939–1956 гг.): монография. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. 180 с.
3. Российский государственный военный архив. Ф – 1п. Оп. 1е. Д. 6.
4. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. 688 с.: ил. 32 (Досье).

Н.А. Макаров,

аспирант, Ивановский государственный университет (Иваново)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТДЕЛА ПО РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ
ЮРЬЕВЕЦКОГО УЕЗДНОГО КОМИТЕТА РКП(б) В 1919 г.:
ПЛАНЫ И РЕАЛЬНОСТИ**

Аннотация. В статье анализируется деятельность большевистской партии в Юрьевецком уезде Иваново-Вознесенской губернии, направленная на усиления влияния в деревне. В частности, показываются мероприятия отдела по работе в деревне Юрьевецкого уездного комитета РКП(б) в 1919 г. нацеленные на сближение советской власти с крестьянской массой. В статье отмечается, что положение дел на фронтах Гражданской войны, слабые позиции РКП(б) в деревне не способствовали исполнению целого ряда задач поставленных на VIII Съезде РКП(б), направленных на усиление политического влияния большевиков в деревне, а также решения проблемы продовольственного обеспечения в стране. Однако данная работа помогла переломить отношение крестьянства к Советской власти.

Ключевые слова: Российская Коммунистическая Партия (большевики), кулаки, середняки, Юрьевецкий уезд, отдел по работе в деревне.

N.A. Makarov,

Postgraduate student, Ivanovo State University (Ivanovo)

**ACTIVITIES OF THE VILLAGE WORK DEPARTMENT
OF THE YURIEVETSKY DISTRICT COMMITTEE
OF THE RCP(b) IN 1919: PLANS AND REALITIES**

Abstract. This article analyzes the Bolshevik Party's activities in the Yuryevets District of Ivanovo-Voznesensk Province, aimed at strengthening its influence in the countryside. Specifically, it describes the activities of the Rural Affairs Department of the Yuryevets District Committee of the RCP(b) in 1919, aimed at bringing Soviet power closer to the peasant masses. The article notes that the situation on the Civil War fronts and the RCP(b)'s weak position in the countryside hindered the fulfillment of a number of objectives set at the Eighth Congress of the RCP(b), aimed at strengthening the Bolsheviks' political influence in the countryside and addressing the country's food security problem. However, this work helped change the peasantry's attitude toward Soviet power.

Key words: Russian Communist Party (Bolsheviks), kulaks, serednyaks, Yuryevets district, department for work in the village.

С марта 1919 года постепенно начинает меняться отношение Российской Коммунистической Партии (большевиков) к трудовому крестьянству, что отразилось в резолюции VIII Съезда РКП(б), и в частности в докладе Председателя Совета народных комиссаров В.И. Ленина на этом съезде [1]. Реализация политики «благоприятствования» к крестьянству касалась середняцкой части крестьянства. Таким образом, провозглашался курс пролетарской власти на долговременное соглашение с середнячеством. Цель указанного маневра – примирить середняка с политикой военного коммунизма, путем придания последней умеренных тенденций развития, тактических подходов к укладу жизни единоличной деревни, правовых рамок во взаимоотношениях Советской власти и крестьянства [2, с. 274].

В представленной статье делается попытка показать, как претворялись в жизнь положения VIII Съезда РКП(б) на примере Юрьевецкого уезда новообразованной Иваново-Вознесенской губернии. Данная тема не нашла отражение как в общероссийской, так и в краеведческой литературе. Источниковой базой для сообщения послужили материалы обращений и отчетов отдела по работе в деревне Юрьевецкого укома РКП(б), доклады его разъездных и районных инструкторов. Данные делопроизводственные документы отразили основные положения реализации политики большевистской партии в деревне, показав их противоречивый характер. В них четко показывается, что партия большевиков, включая крестьянство в орбиту своего внимания, рассматривала его не только как источник продовольственных ресурсов, но и как субъект политики, с которым необходимо добиваться взаимовыгодных соглашений [3, 4].

Выполнение задач, поставленных в решениях VIII Съезда РКП(б), по привлечению пролетарских и полупролетарских слоев крестьянства на сторону Советской власти в Юрьевецком уезде осложнялось рядом трудностей. Они были связаны с ошибками Советской власти по реализации своей политики в деревне, ухудшением продовольственного положения в стране. Определенную роль сыграла также антисоветская агитация со стороны кулацких элементов в деревне, спекулировавших на трудностях и сложностях социально-экономической и политической жизни страны [3, л. 3].

Интересно, что в материалах III Губернского съезда РКП(б) соседней Владимирской губернии, проводившегося в марте 1919 года были определены ближайшие задачи по работе в уездах, созвучные деятельности партийной организации и нашего региона: 1) теснее связать уездные комитеты с губернским и предложить таковым на все предписания и запросу губернского центра отвечать незамедлительно; 2) уси-

лить партийную работу и агитацию среди крестьян и строго следить за вновь образовавшимися коммунистическими ячейками и разъяснять им задачи истинного коммунизма [4, л. 143].

В свете решений VIII Съезда РКП(б) Юрьевецким укомом РКП(б) была разработана серия мероприятий, в основу которого был положен губернский план работы в деревне. В соответствии с этим планом предполагалось создание уездного отдела по работе в деревне, который состоял бы из заведующего отделом, двух уездных инструкторов и по одному представителю от отделов по работе среди женщин, Союза коммунистической молодежи (СКМ), от земледелия и внешкольного подотдела. Уезд планировалось разбить на 9 районов, объединяя по 2–3 волости. Центром партийной и культурно-просветительской работы в деревне становился народный дом и изба-читальня, где должны сосредотачиваться все культурные и партийные силы.

Понимая существенную проблему нехватки средств в отделе по работе в деревне, открытие минимальной сети изб-читален, организация и их деятельность, выделение помещения СКМ, предположительно, должно лечь на плечи отдела народного образования [3, л. 3 об.].

В Юрьевецком уезде предполагалось также:

- 1) созыв уездного крестьянского Съезда;
- 2) открытие и организация работы библиотек-читален с газетами и книгами по сельскому хозяйству и прикладным знаниям; планировалось также проведение в библиотеках чтения лекций по общественным вопросам и сельскому хозяйству;
- 3) чтение в волостях лекций и проведение бесед на темы строительства Советской власти и политики партии коммунистов;
- 4) совместная организация деятельности профессиональных союзов сельскохозяйственных рабочих и контрольных комиссий;
- 5) сельскохозяйственная и культурная помощь крестьянству с целью сближение последних с совхозами, артелями и коммунами [3, л. 3].

В процессе реализации, намеченного Юрьевецким уездным комитетом плана работы в деревне, была выполнена следующая работа на территории уезда. При подведении итогов работы уездного комитета РКП(б) к декабрю 1919 года, отмечалось, что был организован отдел по работе в деревне. Отдел, как и планировалось, состоял из уездного организатора, двух разъездных инструкторов (по факту на декабрь 1919 года – один) и шести районных инструкторов (временами районных инструкторов было больше – до 8 человек, но периодически некоторые из них отзывались уездными и районными комитетами).

За период с марта по декабрь 1919 года была организована одна волостная ячейка РКП(б) – в Махловской волости. В других волостях

имелись отдельные члены партии и сочувствующие, с которыми инструктора поддерживали связь. В Юрьевецком отделе по работе в деревне укома инструктора ежемесячно созывались на уездные совещания, где им читались лекции и доклады, а затем намечается конкретный план работ на местах. Уезд, кроме того, был разбит на 9 районов. В районе были созданы свои районные отделы по работе в деревне [3, л. 4].

Таким образом, за 1919 год Юрьевецким уездным комитетом РКП(б) была проведена значительная организационная и пропагандистская работа в деревне. Тем не менее, многие мероприятия так и не были реализованы в 1919 году.

В частности, не удалось развернуть деятельность по созданию совхозов (государственных сельскохозяйственных предприятий). Причиной этого была малочисленность сельского пролетариата. В уезде доминировали середняцкие и бедняцкие крестьянские хозяйства. На весь уезд удалось создать 4 совхоза с незначительным числом рабочих. Но и в них производственная деятельность была неудовлетворительной. Отмечалась бесхозяйственность в некоторых совхозах. Например, совхоз «Малиновский», начал тяжбу с соседними крестьянскими хозяйствами из-за покосов, и тем самым в значительной степени ослабил свою производственную деятельность. Некоторые, вновь созданные совхозы, ограничивали свою деятельность только производственной сферой и не оказывали никакой культурной и хозяйственной помощи местному населению и тем самым не исполняли роль проводников линии советского правительства [3, л. 4].

Коммуны и артели, которые были расположены в западной части уезда, также не оказывали никакой культурно-просветительской и хозяйственной помощи местному населению. Это обуславливалось тем, что все они (19 коммун и артелей) были слишком бедными хозяйствами, оснащенными простыми сельскохозяйственными орудиями, и не имели сложных сельскохозяйственных орудий и агрегатов. Кроме того, как отмечалось в источниках, местное население к большинству коллективных хозяйств относилось враждебно из-за привилегий, которые получали коммуны и артели в получении семян и сельскохозяйственного инвентаря [3, л. 4].

В документах также отмечалось, что агитационно-пропагандистская работа инструкторов укома подчас сводилась к разрешению мелких хозяйственных проблем в работе организаторов изб-читален и не касались, как правило, идейно-политической направленности их деятельности. Причиной этому являлось фактически отсутствие в Юрьевецком уезде изб-читален и народных домов, плохое снабжение деревни

литературой и газетами, а также бездеятельность центров внешкольных отделов Отдела народного образования.

Трудность работы обуславливалась и положением крестьянства. Часто крестьяне переживали острый продовольственный кризис и не видели никакой помощи от Советской власти. Этим пользовались кулацкие элементы деревни. Другая причина – слабая организация деятельности других советских органов. В частности, в проведении в продразверстки, что вызвало возмущение крестьянства. Вызывало неудовольствие у крестьян и неравномерность выдачи продовольствия крестьянскому населению разных районов, и особенно бесплатного детского питания [3, л. 4 об.].

Таким образом, подводя итоги можно отметить следующее. Материалы Юрьевоцкого укома РКП(б), показывают, что реализация основных положений VIII Съезда РКП(б), которые могли бы стать основой для сближения большевиков и крестьянства, не были осуществлены в полной мере в виду объективных трудностей, связанных с положением крестьянства, с решением продовольственного вопроса, с нехваткой людских ресурсов. Однако сама направленность политики большевистской партии в деревне, значительная разъяснительная работа смогли установить некое мирное соглашение между основной массой крестьянства и Советской властью. И это перемирие на «крестьянском фронте» гражданской войны помогло большевистской партии осуществить переворот, а затем и победить на внешнем фронте борьбы с белогвардейцами и интервентами.

Библиографический список

1. Доклад о работе в деревне на VIII Съезде Партии 23 марта 1919 года. Резолюция об отношении к среднему крестьянству. М., 1939. 32 с.
2. Ильин Ю.А. Советская власть и крестьянство: октябрь 1917 г. – начало 1921 г.: дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 1999.
3. Государственный архив Ивановской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3.
4. Государственный архив Ивановской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6.

Д.А. Максимец,

аспирант, Московский городской педагогический университет (Москва)

РОЛЬ А.Е. ГРУЗИНОВА В ШОССИРОВАНИИ ДОРОГ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. Шоссейные дороги в начале XX в. имели важное экономическое значение, особенно в таком развитом торгово-промышленном регионе как Московская губерния. Ещё с 1860-х гг. обустройством шоссе занималось Московское губернское земство, для реализации дорожных проектов была создана специальная комиссия. Кроме того, значительную роль в решении дорожных вопросов играли и председатели Московской губернской, активно продвигавшие идею шоссирования губернских дорог. Один из них, Александр Евграфович Грузинов, оставил особый след в дорожном деле Московской губернии.

Ключевые слова: шоссирование, Московское земство, председатель земства, дорожный отдел.

D.A. Maksimets,

Postgraduate student, Moscow City University (Moscow)

THE ROLE OF A.E. GRUZINOV IN HIGHWAY CONSTRUCTION IN MOSCOW PROVINCE

Abstract. Highways in the early 20th century were of great economic importance, especially in such a developed commercial and industrial region as Moscow province. Since the 1860s, the Moscow Provincial Zemstvo has been engaged in highway construction, and a special commission has been established to implement road projects. In addition, the chairmen of the Moscow Governorate also played a significant role in solving road issues, actively promoting the idea of provincial highways. One of them, Alexander Yevgrafovich Gruzinov, left a special mark in the road business of the Moscow province.

Key words: highway management, Moscow Zemstvo, chairman of the Zemstvo, road department.

Александр Евграфович Грузинов получил известность как военный деятель и участник Февральской революции, провозгласивший себя командующим Московским гарнизоном 1 марта 1917 г., принимавший парад войск на Красной площади 4 марта [11, с. 352] и причинявший, по мнению П.А. Половцова, много беспокойств командованию: «по собственной инициативе формирует новые части (даже одну «своего имени») и отправляет их на фронт, приводя весь Главный штаб и Главное

управление Генерального штаба в неопишемую тоску» [10, с. 27]. Но Грузинов был и опытным земским деятелем. Согласно С. Г. Куликовой, Грузинова «подобрал себе» в состав управы председатель Московской губернской земской управы в 1907–1911 гг. Н. Ф. Рихтер как деятеля «правых» воззрений (Грузинов был членом «Союза 17 октября») [9, с. 73].

Одним из главных направлений деятельности Грузинова в Московском земстве стало шоссирование дорог. В декабре 1908 г. на одном из заседаний комиссии по разработке новой дорожной сети он отметил, что разработка проекта и привлечение финансирования займут значительное время, но состояние ряда наиболее труднопроходимых участков дорог в уездах настолько ухудшилось, что откладывать их ремонт до утверждения сметы новой сети недопустимо. Комиссия поддержала его мнение и постановила начать исправление проблемных участков уже в 1909 г. [4, с. 6]. Грузинов, став заведующим дорожным отделом Московского губернского земства, выступал за предварительную заготовку камня, без которой «шоссирование не сможет быть произведено год в год и будет и далее откладываться» [4, с. 9]. Также Грузинов продвигал идею о равномерном распределении строящихся шоссе по уездам. Например, он согласился с другим земским гласным графом Ф. А. Уваровым об отсутствии такогораспределения относительно Можайского уезда, которому в новой дорожной сети определили всего 35 вёрст проектируемых шоссе, не учитывая того, что данный уезд занимал последнее место в губернии по количеству шоссеиных дорог [5, с. 75].

Став в 1912 г. председателем Московской губернской земской управы, несмотря на расширение круга заведующих вопросов, Грузинов продолжал придавать особое значение состоянию дорог и обеспеченности дорожных работников. Он на сессии земства в 1913 г. озвучил прошение сторожа моста Варшавского шоссе Егора Лихачева, прослужившего 16,5 лет, о единовременном пособии в 180 руб. [6, с. 46]. Когда в том же году Министерство путей сообщения начало разработку сети государственных шоссеиных дорог, Грузинов, поддержав инициативу, предложил привлечь представителей земств к участию в обсуждениях по вопросам государственных дорог [2, с. 117–118].

В начале 1914 г. земский гласный А. Н. Львович-Кострица указал на неисправность шоссе в летнее время: неудобства для населения создавались затянувшимся ремонтом участков дорог. Грузинов предложил решить эту проблему увеличением сумм на ремонт шоссе и высказал пожелание, чтобы «гласные о замеченных ими неисправностях сейчас же сообщали управе», кроме того по его инициативе была избрана комиссия для ознакомления с состоянием шоссе на местах [7, с. 42–43]. В начале лета 1914 г. Грузинов наблюдал за работами американского

трактора, применяемого Московским земством в качестве опыта по шоссированию дорог. Отзыв о работе иностранной техники был превосходным, но, согласно Грузинову, «устройство им грунтовых дорог в России является совершенно непригодным» из-за того, что «дождливые осень и весна превратят всю работу трактора в месиво» [1, с. 348].

Во время Первой мировой войны Грузинов был призван на военную службу, но несмотря на это он продолжал курировать дорожные вопросы. В 1916 г. он предложил усилить контроль за своевременным проведением работ по очистке дорог от грязи и устранению снежных заносов и выдвинул инициативу о разработке правил пользования шоссейными дорогами, что способствовало бы предотвращению конфликтных ситуаций и повышению сохранности дорожного покрытия [8, с. 7].

Подводя итог вышесказанному отметим, что Грузинов являлся одним из главных инициаторов создания новой губернской дорожной сети. Благодаря его активной дорожной деятельности Московская губерния была передовым регионом в сфере шоссирования. Поэтому к Московской губернской земской управе часто обращались другие губернские и уездные управы с просьбами перенять опыт дорожного строительства и выслать брошюры Грузинова «О постановке опытов по устройству грунтовых дорог» [12] и «Существующая потребность земского строительства России в связи с перспективами новых в этой области предположений правительства» [3; 13], касающиеся обустройства шоссе.

По мнению одного из ключевых деятелей Московского земства начала XX в. Ф. В. Шлиппе, Грузинов «вёл своё дорожное дело первоклассно. Он был чрезвычайно подвижен, постоянно в разъездах по шоссейным дорогам, наблюдал и направлял работы дорожных инженеров. Сеть казённых и земских шоссейных дорог всё расширялась» [14, с. 120].

Библиографический список

1. Водные пути и шоссейные дороги / журнал, издаваемый Управлением внутренних водных путей и шоссейных дорог; под ред. В.М. Лохтина. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения: Т-во И.Н. Кушнерёв и К°, 1914. № 7. С. 348.
2. Водные пути и шоссейные дороги [журнал] / сборники, издаваемые Управлением внутренних водных путей и шоссейных дорог; под ред. В.М. Лохтина. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения: Т-во И.Н. Кушнерёв и К°, 1913. № 3. С. 117–118.
3. Грузинов А.Е. Существующая потребность земского шоссейного строительства России в связи с перспективами новых в этой области предположений правительства. М.: Тип. страхового отд. Московского губернского земства, 1914. 43 с., 1 карт.: 24 см.

4. Доклад дорожной комиссии по вопросу об улучшении наиболее плохих участков дорог Московской губернии. М., 1908. С. 6.
5. Журналы заседаний и постановления Московского губернского земского собрания. 1910, чрезвычайная сессия 28 апреля – 1 мая. М.: Печ. С.П. Яковлева, 1910. С. 75.
6. Журналы заседаний и постановления Московского губернского земского собрания. 1913, 24 января – 16 февраля. М.: Печ. С.П. Яковлева, 1913. С. 46.
7. Журналы заседаний и постановления Московского губернского земского собрания. 1913, 6 февраля – 3 марта 1914 г. М.: Печ. С.П. Яковлева, 1914. С. 42–43.
8. Журналы заседаний и постановления Московского губернского земского собрания. 1916, чрезвычайная сессия 8 декабря. М.: Тип. Д.И. Иноземцева, 1916. С. 7.
9. Куликова С.Г. «Выгодные гешефты»: к истории консервативного проекта «национализации» электротехнических предприятий Московской губернии второй половины XIX – начала XX в. // Вестник БГУ. 2014. № 2. С. 73.
10. Половцов П.А. Дни затмения: записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 1999. С. 27.
11. Хутарев-Гарнишевский В.В. Февральская революция в Москве в наблюдениях, слухах и диалогах. Из дневников Н.П. Вишнякова Архив // ИВ. 2024. № 2. С. 352.
12. ЦГА Москвы. Ф. 184. Оп. 1. Д. 1515. 69 л.
13. ЦГА Москвы. Ф. 184. Оп. 1. Д. 1515. 79 л.
14. Шлиппе Ф.В. Автобиографические записки, 1941–1946 гг. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах: XVIII–XX вв. / Вступ. статья от редкол. Т. 17.; редкол.: Г.И. Вздорнов, В.М. Гуминский, В.П. Казарин; гл. ред. А.Л. Налепин; сост. М.Н. Силаева. М.: Студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова: Российский фонд культуры: Российский архив, 2008. С. 120.

М.В. Медоваров,

доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРЕССА РОССИИ О ПРОБЛЕМЕ ВВЕДЕНИЯ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ*

Аннотация. Статья посвящена позициям центральных газет и журналов Москвы и Санкт-Петербурга в дискуссиях о введении в Сибири земской реформы с 1896 по 1905 гг. Данные источники не были известны историкам ранее, что позволяет восстановить аргументацию либеральных сторонников и консервативных противников сибирского земства.

Ключевые слова: русское общественное мнение, периодическая печать России, «Русское обозрение», земская реформа в Сибири, земское самоуправление в Сибири.

M.V. Medovarov,

Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

THE CENTRAL PRESS OF RUSSIA ON THE PROBLEM OF INTRODUCING ZEMSTVO SELF-GOVERNMENT IN SIBERIA

Abstract. The article examines the positions of central newspapers and journals in Moscow and St. Petersburg in discussions about the introduction of zemstvo reform in Siberia from 1896 to 1905. These sources that were previously unknown to historians, allow us to reconstruct the arguments of liberal supporters and conservative opponents of the Siberian zemstvo.

Key words: Russian public opinion, Russian periodical press, Russkoe Obozrenie, zemstvo reform in Siberia, zemstvo self-government in Siberia.

Дискуссии о введении земского самоуправления в Сибири не прекращались с 1864 по 1917 гг. Историки неоднократно обращались к изучению этой проблематики на материалах сибирской региональной периодической печати, однако по трудно объяснимым причинам не включали в массив своих источников центральные (московские и петербургские) газеты и журналы. Исключением можно считать лишь единичное упоминание в диссертации Н.А. Яковлевой статьи М. Соколова 1903 г. [8, с. 125–126]. Вместе с тем этот нетронутый ранее источник уже можно ввести в научный оборот. Рассмотрим, какие мнения

© Медоваров М.В., 2026

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10037, <https://rscf.ru/project/24-78-10037/>

высказывали столичные журналы и газеты Российской империи о перспективах распространения земской реформы на Сибирь на примере двух периодов: до начала прямого обсуждения данного вопроса сибирской администрацией (1896–1898 гг.) и в период активного общественного обсуждения конкретных проектов на этот счёт (1903–1905 гг.).

В марте 1896 г. близкий к народникам «Северный вестник» счёл нужным познакомить своих читателей с историей проектов сибирского самоуправления в статье Н. Арёфьева [1], отмечавшего, что уже в 1874 г. местная администрация просила ввести земскую реформу, поскольку без содействия населения даже лучшие губернаторы оказывались бессильны на местах. Отмечалась агитация за сибирское земство в 1882–1884 гг. и благосклонность властей к ней. Арёфьев предлагал перенять опыт «крестьянского» земства Пермской и Вятской губерний и «инородческого» Усть-Сысольского земства коми-зырян, возлагал большие надежды на присущую крестьянам солидарность в их земской работе: «Земские учреждения – альфа и омега предстоящих сибирских реформ. В них и только в них Сибирь должна искать своё спасение от умственной, нравственной и экономической анемии... Условия сибирской жизни особенно благоприятны для широкой земской деятельности» [1, с. 19]. Столь же оптимистично автор смотрел на способности горожан, купцов, интеллигентов к участию в земских собраниях, сулил понижение общей суммы земских сборов за счёт сокращения расходов на волостных писарей [1, с. 21].

Правый публицист А.И. Елишев в связи с поручением Госсовета министру внутренних дел разработать вопрос о распространении земского самоуправления на неземские губернии посвятил данной проблеме обширную статью в «Русском обозрении» [2]. Признав неудовлетворительность тогдашнего хозяйства в неземских губерниях, где из пяти членов губернского распорядительного комитета лишь один (городской голова) мог считаться выборным представителем от всего населения, Елишев, однако, указывал на неземскую альтернативу этому порядку. Такой альтернативой он считал дореформенный строй при Николае I, когда в губернские по земским делам учреждения входили до 31 выборных представителя общественности в каждой губернии [2, с. 379–385]. Публицист желал видеть современные ему (1897 г.) неземские губернии полигоном для испытаний принципиально нового типа самоуправления, основанного на сочетании участия представителей населения в управлении и передачи всей исполнительной части в руки губернской администрации [2, с. 385–388].

В мае 1898 г. позицию «Русского обозрения» поддержал Н. Емельянов в другом консервативном журнале – «Русском вестнике». Призывы

«всей сибирской печати» к введению земского самоуправления он назвал «шумихой трескучих фраз» [3, с. 353]. Обильно цитируя томскую газету «Сибирский вестник», которая признавала неготовность местной интеллигенции и купечества к самоуправлению, Емельянов разделял её скепсис в отношении крестьян, которые и в центральных губерниях не были активны в земстве. «Кому, в самом деле, нужны земские учреждения на восточной окраине?» – вопрошал публицист [3, с. 354]. Он отмечал, что более 80 % населения Сибири составляют крестьяне и инородцы, которые владеют практически всей землёй; горстка чиновников, дворян, купцов проживает в городах и не могла бы участвовать в земских собраниях, тем более что города уже были перегружены налогами. Крестьянам, по мнению Емельянова, мысль о земстве вообще ни о чём не говорит, поэтому «вся агитация ведётся не во имя реальных нужд края, не для удовлетворения его насущных потребностей, а для торжества отвлечённого либерального принципа, даже очень плохо понятого» [3, с. 355].

Следуя за арифметикой «Сибирского вестника», Н. Емельянов оценивал размер расходов и земских сборов с Томской губернии в случае введения реформы и приходил к выводу, что половина всех доходов губернии должна будет тратиться только на содержание штата губернской и уездных земских управ, что в условиях Сибири с её малочисленными городами и фабриками означало бы разорение крестьян «господами» [3, с. 356–357]. Школы и больницы в деревнях Емельянов предлагал открывать по ходатайствам крестьян, для чего земства с их «ораторами» были излишни. Публицист отрицал заметные успехи земств и в Центральной России, а обвинял земцев в склонности к «чёрному переделу». Он предлагал создать в Сибири образцовые землевладения дворян и духовенства, на которых получали бы опыт работы в местном климате крестьяне-переселенцы из Европейской части России. После этого, полагал Емельянов, можно было создать в Сибири самоуправление, не обязательно в виде точной копии земского: «Что же мешает создать при губернаторах земские советы, которые и могли бы служить своею опытностью, своим знанием края? Само собою понятно, что этим советам не может быть предоставлено право земского обложения... Но и без этой прерогативы они могут с пользою работать для блага окраины» [3, с. 359].

В 1903 г. на волне широкого обсуждения проектов земского самоуправления на заседаниях местных сибирских комитетов Особого совещания и нуждах сельского хозяйства профессор Томского университета М. Соболев выступил со статьёй в крупнейшей либеральной московской газете «Русские ведомости» [7]. Начав с тезиса о том, что

Сибирь «переживает трудное время перехода от патриархального натурального хозяйства к хозяйству денежному», автор демонстрировал быстрый рост в 1896–1902 гг. экспорта сырья из региона и вздорожания пищевых продуктов вдоль Транссибирской железной дороги. Приезжие и иностранные предприниматели, сетовал Соболев, расхищают богатства Сибири. Малочисленная администрация не в состоянии оградить край от этого, помочь может только сильная местная общественность в форме земства. Приукрашивая действительность, Соболев утверждал, будто все сибирские комитеты о нуждах сельского хозяйства единогласно высказались за земскую реформу (что было далеко не так). «Самоуправление поведёт в Сибири к упорядочению всего вообще местного земского хозяйства, находящегося в настоящее время в крайне плачевном состоянии», – надеялся он [7, с. 2]. Опираясь на статистику радикального красноярского демократа Шольпа, Соболев демонстрировал нехватку и низкое качество министерских и церковно-приходских школ в Сибири, а также врачей, фельдшеров, ветеринаров. Он был убеждён, что «хорошая организация сельской медицинской помощи не под силу самой доброжелательной администрации» [7, с. 3], отмечал, что на всю Сибирь имелось лишь два штатных агронома (в Томске и Тобольске). Отмечался рост сборов с сибиряков местной администрацией вдвое за 10 лет, причём эти средства почти не расходовались на перечисленные выше народные нужды. С учётом натуральных повинностей 30% дохода крестьянина уходило на выплату разных налогов и сборов, к тому же, по словам Соболева, «в Сибири благодаря системе административного ведения местных дел волостные и сельские управления завалены громадною канцелярскою и административною работою и требуют дорогого персонала» [7, с. 3]. Профессор доказывал, что сибирские крестьяне хорошо показали свои способности в проведении окружных съездов по раскладке податей, а потому вполне готовы к участию в будущем земском самоуправлении наравне с горожанами и интеллигенцией. Соболев был убежден в умственном превосходстве «коренного сибирского» крестьянина (и крестьян Севера Европейской России) над его собратом из центральных губерний. Профессор заключал: «Земство *должно* быть введено в Сибири, так как вся совокупность существующих экономических и культурных условий этого настоячиво требует» [7, с. 3]. По оценке Н.А. Яковлевой, «в публикации чувствовалось определённое влияние областнических идей, но нет налёта народничества» [8, с. 125]. Соболев выступал за развитие в Сибири местного капитализма, которому мешали капиталисты Центральной России. Поэтому ведущую роль в земстве, с его точки зрения, должны играть

крестьяне, прошедшие обучение в школе и вузах, то есть фактически интеллигенты в первом поколении [8, с. 126].

3 апреля 1905 г. Николай II издал рескрипт генерал-губернатору П.И. Кутайсову с указанием подготовить проект введения земских учреждений в Сибири (4 губернии и 1 область), что в течение лета и осени привело к взрывному росту числа разработанных на местах конструирующих проектов. Однако центральные российские газеты, напечатав рескрипт, на протяжении нескольких месяцев молчали на эту тему. Наконец, «Русские ведомости» 14 июля 1905 г. напечатали «Проект земских учреждений в Сибири», разработанный Томским юридическим обществом [6, с. 3]. Проект предполагал создание, наряду с губернскими, общесибирского областного земства, в связи с чем неясно, почему «Русские ведомости» называли его образцовым для всей России. Помимо обычных земских сборов, проект предполагал введение прогрессивного поземельного налога, принудительный выкуп государственных земель земством и невероятное расширение его сферы ответственности до 22 пунктов. Постановления земских собраний объявлялись обязательными к исполнению под угрозой применения городской полиции. За губернатором, министром внутренних дел и Сенатом оставался лишь надзор и контроль за земскими постановлениями. Более того, проект включал требование судебной реформы по польскому образцу с введением бессловесных мировых судов, а также городской и полицейской реформ и распространения земств на Степное и Приамурское генерал-губернаторства [6].

Отличились вниманием к данной тематике и консервативно-либеральные «Санкт-Петербургские ведомости». 1 июля 1905 г. они сообщали о возвращении домой демобилизованных с русско-японской войны солдат, о неурожае и нехватке хлеба и сразу делали вывод: «Сибири нужно готовиться к продовольственной кампании, к организации общественно-государственной помощи местному населению. Система бюрократического управления народным хозяйством и жизнью в Сибири крайне неблагоприятна для этой деятельности. Опыт местной администрации в этом новом для неё деле весьма небольшой и результаты его, как правило, неудовлетворительны. Нужно поэтому спешить с введением в Сибири земского самоуправления» [5, с. 1]. Искжая факты о позиции комитетов 1902–1903 гг., газета утверждала, будто «общественное мнение окраины единодушно высказалось за внесловесное, с широкой компетенцией и свободной самостоятельностью, земство в Сибири» [5, с. 1]. Избранный П.И. Кутайсовым путь обращения к общественности за высказыванием мнений расценивался либеральным изданием как затягивание бюрократической волокиты в пустых обсуждениях

и запросах, без «общественного контроля и критики». «Жизнь же не ждёт, и вся тяжесть переживаемого в Сибири народного бедствия может быть облегчена лишь немедленным введением земства!» – восклицал анонимный корреспондент [5].

Месяц спустя, 2 августа, другой корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» писал о широчайшем распространении конокрадства в Восточной Сибири при полном бездействии полиции и администрации, не имевшей возможности контролировать гигантские территории [4]. Журналист предлагал исправить ситуацию созданием земской полиции при будущем сибирском земстве, восклицая: «Давно пора перестать смотреть на Сибирь как на место колоссального запустения: как страна, таящая в себе непочатый запас сил, она должна быть приобщена к великой культурной работе» [4, с. 1].

Таким образом, введение в научный оборот ранее не учтённых историками статей московской и петербургской прессы о проблеме сибирского земства позволяет более полно восстановить аргументацию его сторонников (либералов и народников) и противников (консерваторов). Первые с оптимизмом смотрели на результаты работы земств северо-востока Европейской части России и верили, что сибирские крестьяне и интеллигенты смогут показать плодотворные финансовые результаты. Вторые склонялись к возможности введения элементов альтернативного, неземского привлечения общественности к управлению Сибирью, не находя в регионе годных к самоуправлению сословий и опасаясь финансовой несостоятельности земства.

Библиографический список

1. *Арефьев Н.* Земство в Сибири // Северный вестник. 1896. № 3. С. 17–22. (2-я паг.)
2. *Елишев А.И.* Внутреннее обозрение // Русское обозрение. 1897. № 9. С. 372–388.
3. *Емельянов Н.* Сибирь и земство // Русский вестник. 1898. № 5. С. 353–359.
4. *Зигфрид.* Из сибирских впечатлений // Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 2 (15) августа. № 184. С. 1.
5. Из Сибири // Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 1 (14) июля. № 158. С. 1.
6. Проект земских учреждений в Сибири // Русские ведомости. 1905. 14 июля. № 188. С. 3.
7. *Соболев М.* Экономический перелом и земство в Сибири // Русские ведомости. 1903. 28 октября. № 296. С. 2–3.
8. *Яковлева Н.А.* Земство и Сибирь, 1864–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1984.

С.С. Михайлов,

научный сотрудник Музея истории и культуры староверия (Москва)

ОБЩИНА БАПТИСТОВ ГОРОДА ЭЛЕКТРОСТАЛЬ, МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ, В КОНЦЕ 1950-х – 1960-х ГОДАХ

Аннотация. В статье автор рассказывает о баптистском сообществе подмосковного города Электросталь, являющемся одним из старейших в регионе. Материал посвящен одному из наиболее непростых для верующих периодов истории – времени хрущевской антирелигиозной кампании, а также первым последующим годам.

Ключевые слова: Электросталь, баптисты, верующие, община, антирелигиозная политика, Московский регион.

S.S. Mikhailov,

Researcher of Museum of history and culture of Old Believers (Moscow)

THE BAPTIST COMMUNITY OF THE CITY OF ELEKTROSTAL, MOSCOW REGION, IN THE LATE 1950s–1960s

Abstract. In the article, the author talks about the Baptist community of the city of Elektrostal, Moscow region, which is one of the oldest in region. The material is devoted to one of the most difficult periods of history for believers – the anti-religious campaign of the Khrushchev era, as well as the first subsequent years.

Key words: Elektrostal, Baptists, believers, community, anti-religious policy, Moscow region.

Электросталь – один из молодых городов Московского региона, история которого начинается только в 1916–1917 гг., когда в урочище Затишье фабрикантом Второвым были построены и начали функционировать два предприятия, рядом с которыми вырос поселок, получивший затем статус города [14, с. 308–317]. По словам нынешнего пресвитера церкви ЕХБ в Иванисово, А. Подвигаило, чья семья участвовала в описываемых событиях, верующие баптисты стали селиться в Электросталь с 1936 г., а церковь как таковая (имеется в виду община, выросшая до статуса церкви) появилась в 1938-м. Однако, эти сведения опираются на историю семей, известных информанту. Мы считаем, что евангельские верующие и церковь появились в городе много раньше, скорее всего параллельно возникновению и росту города, поскольку туда приезжало множество народа из разных регионов. Более ранние электростальские баптисты могли попасть под маховик репрессий, выехать из города еще

до войны. С 1936 г. в городе живут старейшие семьи нынешнего электростальского баптистского сообщества, но наверняка уже ушедшие из жизни их члены могли бы что-то рассказать и о тех, кто уже был здесь был на момент их приезда сюда. На рубеже 1940–1950-х гг. электростальские баптисты, вокруг которых уже начали спланиваться и жители некоторых других городов востока Подмоскovie (Ногинск, Павловский Посад, Орехово-Зуево и др.), сделали две попытки зарегистрировать свою общину в лоне Всесоюзного Совета Евангельских Христиан-Баптистов (ВСЕХБ) – в 1949 и 1951 гг., о чем нам свидетельствуют документы уполномоченного Совета по делам культов [9, л. 143; 10, л. 28; 11, л. 25–26]. Однако, власти в обоих случаях ответили отказом. Причиной, как мы понимаем, была репутация города Электросталь, выросшего уже после 1917 г., как населенного пункта свободного от пережитков прошлого, прежде всего религиозных. Общину в то время уже возглавлял Григорий Захарович Рудниченко, который только в самом конце 1950-х гг. передал бразды правления ею Федору Владимировичу Никитину, оставаясь при этом в составе руководства.

В городских и районных газетах хрущевского периода обязательно печатались антирелигиозные материалы. Только во многих местах редколлегии ограничивались публикациями общего характера, помещая в разные номера в течении года перепечатки из других изданий, типа «Был ли Христос?», «Пасха и ее вред» и т.п. Местные сюжеты, касающиеся верующих, там не выносили на страницы изданий. В ряде же городов и районов, к коим относилась и Электросталь, считавшаяся городом областного подчинения, территориально находясь в Ногинском районе, местные партийные органы не стеснялись выносить на страницы своей прессы информацию о присутствии на подведомственной территории верующих, причем, как правило именно «сектантов». В интересующем нас городе, где среди практически сотни тысяч жителей (97000 – в 1959 г., 117000 в 1967 г.) имелись и пятидесятники, и адвентисты седьмого дня, и мусульмане, и, учитывая проживание достаточно большого числа еврейских семей, верующие иудеи, внимание властных органов оказалось направлено исключительно на баптистов, которые, как мы видим по отчетам уполномоченного, пытались здесь легализоваться еще в 1940-х гг.

Городская газета «Ленинское знамя», орган Электростальского горкома КПСС, тезка выходившего в это же время областного партийного издания, в 1958–1964 гг. регулярно печатала статьи и заметки, касавшиеся живших в городе баптистов. Это были и статьи городских работников идеологического фронта, и «письма» лиц, хорошо знакомых

с ситуацией. Из этих публикаций мы видим, под каким жестким давлением оказалась данная община.

До осени 1957 г. молитвенные собрания проводились по разным адресам, информации по которым нам найти не удалось. С октября указанного года по воскресным дням, а также еще два раза в неделю, верующие стали собираться в частном доме Софьи Никифоровны Козленко, расположенном по адресу: Фрязовское шоссе, д. 54 (не сохранился). Там молитвенные собрания проводились до июля 1960 г. Место это было известно властям, что мы видим и по публикациям в упомянутой газете [2]. Здесь могло собраться на воскресное служение до 120–130 человек верующих, причем не только электростальцев.

Авторы газетных материалов бесцеремонно вмешивались в семейную жизнь руководителей баптистского сообщества, прежде всего Г.З. Рудниченко и Ф.В. Никитина, публикуя информацию и о них, включая места работы, и о членах их семей, включая несовершеннолетних детей [1; 3; 5; 6; 7]. Так, когда осуществлялась откровенная травля Федора Владимировича Никитина, ставшего после Рудниченко лидером общины, целую статью под названием «Кто похитил ее детство?» посвятили его дочери-школьнице Тане Клиновой [8]. Понятно, что оставшаяся за строками травля детей из верующих семей осуществлялась в школах. На страницах же газеты мы видим и обвинения в адрес С. Козленко, причем когда уже год не проводились собрания в ее доме, и других активных представителей общины в «поборах» с рядовых верующих на десятину и другие обычные для общины сборы [4]. Их обвиняли в откровенном мошенничестве и прочих прегрешениях, что в реальности оказывалось клеветой – все эти статьи мне прокомментировали нынешние городские баптисты, помнившие то время или знающие о нем из рассказов родителей.

2 августа 1960 г., когда в доме Козленко фактически уже перестали собираться на молитву, властями было организовано массовое анти-сектантское мероприятие в той части Электростали, где он находился. Жителей окрестных улиц – самого Фрязовского шоссе, Оранжевой и 8 Марта, – собрали на митинг, на котором громили «сектантов», устроили даже выездной киоск с продажей атеистической литературы. «Ленинское знамя» самым выступлением на мероприятии, а также реакции на него в городе, выделило по целой полосе в трех номерах. Любопытно, но когда на митинге под воззванием против «сектантских молений» собирали подписи, то из нескольких сотен собравшихся (вернее, собранных) подписалось всего 22 человека, что видно из самой публикации [1; 6; 7].

Главными «героями» и материалов тех трех августовских полос, и многих других материалов «Ленинского знамени» на баптистскую тему, были несколько руководителей общины, проповедников: Г.З. Рудниченко, Ф.В. Никитин, И.Г. Куляк, И.Ф. Недашковский, Д.В. Кулюкин, Солопекин, Скаржевский (последние двое всегда писались в заметках без инициалов). Их, а иногда и простых верующих, предлагали выселить из города, дабы не мешали строить «светлое коммунистическое будущее». Но, до подобной радикальной меры дело не дошло [1; 6; 7]. После начала травли ушла с работы и покинула город врач местного завода Курганова, разобраться с которой также требовали на митинге.

От старожилов, потомков семей, составлявших общину в тот период, нам известно, что помимо описанного на страницах городской партийной газеты, были и другие действия со стороны атеистического актива. Регулярно, зная о времени проведения и окончания молитвенных собраний, к калитке дома Козаченко приходили комсомольцы, выстраивались коридором у выхода, и старались причинить какой-либо вред выходящим, прежде всего женщинам: в теплое время года хлестали крапивой по открытым частям тела, старались испачкать и даже порвать одежду, толкнуть. Особенно старались издеваться над молодежью, прежде всего женского пола. Периодически в окна дома летели камни. Понятно, что все это для активистов оставалось безнаказанным.

После 1964 г. на страницах «Ленинского знамени» хотя и остаются антирелигиозные публикации, но это уже лишь теоретические статьи, ничего, где бы «разоблачали» своих городских «сектантов» мы не встречаем. Для городских баптистов наступила уже совсем иная эпоха. Однако, к этому времени община, по примеру всего советского баптистского мира, разделилась на две части. Одна продолжала сохранять верность официозному ВСЕХБ, другая же ушла к «инициативникам», вставшим в оппозицию властям и регистрации. Как мне рассказывали сами члены нынешних общин, в Электростали раскол был мирным, ушедшие от сторонников официозной структуры объясняли свой шаг так: «везде разделились, и мы решили разделиться». Между верующими обеих групп сохранялись мирные взаимоотношения.

В 1966 г. была зарегистрирована часть электростальской общины, оставшаяся верной ВС ЕХБ. Однако, в городе, который считался передовым советским, обзавестись помещением власти ей опять не разрешили, а предоставили возможность купить себе здание под дом молитвы где-нибудь в окрестностях. Сама регистрация происходила при городе Фрязево, расположенном чуть южнее, на линии Горьковской ж.д., что делало удобным сообщение с Павловским Посадом, Орехово-

Зуево и другими городами и пунктами, где жили верующие [12, л. 108–110]. Однако, в ходе поисков подходящего частного дома, неожиданно подвернулось владение в соседнем с Фрязовым селе Иванисово. Судя по всему, местным властям это место также подходило для размещения там «сектантского» молитвенного дома. Мне рассказали, что когда некоторые сельские жители, а в селе и в советский период действовала православная церковь, стали протестовать и подбивать против «сектантов» односельчан, им предложили, что, либо в том доме будут молиться последние, либо будет устроен клуб. Последнее весьма напугало жителей, которые согласились на соседство с баптистами, тем более, что «сектанты» в виде евангельских христиан-трезвенников («колосковцев») со своей нелегальной моленной были в селе и до этого. У «сектантов» была репутация тихих, трезвых и доброжелательных людей, а вокруг клубов всегда происходили пьяные сборища, драки и прочие нежелательные моменты.

Незарегистрированная часть общины продолжала собираться на молитву по домам своих лидеров, чаще всего у Никитиных. Электростальская церковь «инициативников» считалась, по мнению уполномоченного, чуть ли не самой ключевой в Подмоскovie, сюда на служения регулярно приезжали «братья» из других городов региона. На деле же, испытывая определенное гонение со стороны властей, незарегистрированные баптисты старались проводить служения каждый раз в другом городе, дабы избежать каких-либо действий, типа разгона или предотвращения молитвенного собрания. Тем не менее, как мне рассказывали потомки Никитина, поскольку собрания всегда проводились в одних и тех же домах, среди соседей всегда оказывались добровольные осведомители, которые сигнализировали о «сборище сектантов». В документах уполномоченного сохранилось упоминание об одном из случаев, имевшем место в конце января 1968 г., когда собрание было разогнано. Выставленные на улицу баптисты, среди которых было много жителей других подмосковных городов, построились в колонну, и с пением христианских гимнов пошли по центру Электростали. Маршрут лежал по улицам Николаева и Советская. Пройти удалось примерно полкилометра, после чего к дружинникам подоспело значительное подкрепление. Верующих окружили, остановили, после чего стали разводить разными улицами и переулками в сторону станции, где сажали в электрички [13, л. 5–6].

Внук Ф.В. Никитина, Д. Егоров, рассказал автору этих строк, что подобные случаи в те годы происходили довольно часто. Кого-нибудь из проповедовавших братьев арестовывали и увозили в отделение. Верующие в таком случае шли под окна этого учреждения, и хором пели гимны до тех пор, пока задержанных не отпускали. Власти вели себя

уже не так, как это было при Хрущеве, и, как мы видим из документов уполномоченного, даже пытались в чем-то оправдать верующих [13, л. 7–13].

В настоящее время продолжает функционировать дом молитвы в Иванисово, от общины которого в 1990-х гг. отпочковались общины во многих городах по Горьковской ж.д., есть община РС ЕХБ в самом городе Электросталь. Последняя в 1990-х гг. обзавелась собственным зданием около платформы «Машиностроитель», но в 2015 г. власти его ликвидировали, и церковь собирается в арендованном помещении. Помимо этого, в городе, его восточной части, существует молитвенный дом незарегистрированных баптистов – прямое продолжение отколовшейся после 1961 г. части старой электростальской церкви.

Библиографический список

1. Запретить сборища изуверов // Ленинское знамя. Электросталь. 1960. № 97. 16 августа.
2. Корнеев А. Шире развернуть атеистическую пропаганду // Ленинское знамя. Электросталь. 1958. № 11. 25 января.
3. Кузьмин Д. Электростальская Медея // Ленинское знамя. Электросталь. 1960. № 110. 15 сентября.
4. Михайлов Д. «На вгощения братьев» // Ленинское знамя. Электросталь. 1961. № 53. 21 февраля.
5. Мозгалева Ф. Лицо баптиста // Ленинское знамя. Электросталь. 1959. № 63. 25 мая.
6. Обезвредить осиное гнездо // Ленинское знамя. Электросталь. 1960. № 92. 4 августа.
7. Освободиться от паутины изуверов // Ленинское знамя. Электросталь. 1960. № 94. 9 августа.
8. Солдатенков М., Герасимов Н. Кто похитил ее детство? // Ленинское знамя. Электросталь. 1959. № 55. 7 мая.
9. Центральный Государственный Архив гор. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 6.
10. ЦГА Москвы. Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 23.
11. ЦГА Москвы. Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 24.
12. Центральный Государственный Архив Московской Области (ЦГА-МО). Ф. 2157. Оп. 1. Д. 6911.
13. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 63.
14. Электросталь // Города Подмосковья: в 3 кн. Кн. 3. М., 1980. С. 308–343.

Н.И. Музафарова,

д-р ист. наук, профессор ИГН, Московский городской педагогический университет (Москва)

СТАНОВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: ОПЫТ И УРОКИ

Аннотация: Советская власть в числе первоочередных поставила задачу создания широкой сети школ, всеобщего охвата обучением всех детей, ликвидации безграмотности. Руководство осуществлял Народный комиссариат просвещения. Он приобщал к советской системе образования интеллигенцию, учителей, вовлекал их к подготовке учебников, пособий, составлению учебных программ по разным отраслям науки. В воспитании уделялось внимание на формирование у школьников социалистического мировоззрения и становления преданного стране гражданина.

Ключевые слова: советская школа, ликбез, учебная программа, начальная школы, семилетка, воспитание личности.

N.I. Muzafarova,

Doctor of History, Professor of the Institute of History and Social Sciences,
Moscow City University of Education (Moscow)

THE DEVELOPMENT OF EDUCATION IN THE FIRST DECADES OF THE SOVIET GOVERNMENT: EXPERIENCE AND LESSONS

Abstract. The Soviet government prioritized the creation of a wide network of schools, universal education for all children, and the elimination of illiteracy. The People's Commissariat of Education was responsible for these efforts. He introduced the intelligentsia and teachers to the Soviet education system, involving them in the preparation of textbooks, manuals, and curricula for various fields of science. The focus of education was on shaping a socialist worldview and fostering a sense of national pride among students.

Key words: Soviet school, literacy education, curriculum, primary schools, seven-year education, and personal development.

XX век внес изменения в систему развития государств с установлением Советской власти в России (1917). Пришедшая к власти партия большевиков поставила задачи построения социализма, решения хозяйственно-экономических задач, повышения культурного уровня, грамотности и образованности народа. В системе школьного образования сохранила преемственность обучения детей разным знаниям, но

поставили задачу воспитания нового поколения в духе верности идеалам социализма и патриотизма. Исследование опыта реорганизации учебных заведений после революции может способствовать творческой разработке современных методов совершенствования школьного, специального среднего и высшего образования.

Советские органы наряду с политическими, экономическими решали вопросы становления советской школы. В декабре 1917 г. образование и воспитание изымалось из Духовного ведомства, а в январе 1918 г. изданный «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» лишил влияния религии на образование [5. СУ. 1918. Ст. 263. С. 272–273]. Население неоднозначно восприняло эти документы, поскольку религия прочно вошла в жизнь, обычаи и традиции людей, как посредник с прошлыми поколениями, Декрет нарушал эти связи, но религиозность детей, родителей, учителей сохранялась и быстро устранить ее было невозможно.

Руководство школьным образованием было возложено на Народный Комиссариат Просвещения (Наркомпрос) во главе с А.В. Луначарским и сотрудниками Н.К. Крупской и М.Н. Покровским. Переход к советской школе требовал новых форм и методов. Тяжелое экономическое состояние страны, отсутствие учительских кадров, учебников, канцелярско-письменных принадлежностей, помещений усугубляли решение задач. Наркомпрос изыскивал возможности по открытию школ, проведению занятий по ликвидации безграмотности (ликбез). Внимание уделялось национальным меньшинствам, среди которых в поселениях был грамотным один человек (представитель культа или переселенец). Некоторые этносы не имели своей письменности, для них создавался алфавит. Так для некоторых северных народностей были составлены учебники, пособия, в том числе букварь (Хасанкаева).

Становление новой школы началась с постановления Государственной Комиссии по просвещению (18 февраля 1918) «О светской школе», отменявшего вероучение. В июне ВЦИК утвердил «Положение единой трудовой школы», а Наркомпрос издал постановление «О школах национальных меньшинств». Так начался процесс развития широкой сети советских школ для разнородного населения [5, с. 17–19]. Идеи новой школы предлагал Государственный Ученый Совет (ГУС). Он отстаивал опыт прежних школ, но соглашался с мыслью о безрелигиозном воспитании, Концепции двух органов расходились и вызвали дискуссию. Наркомпрос поддержал предложения Государственной Комиссии. Н.К. Крупская отвергла предложения ГУСа, настояла на атеистическом воспитании и недопущении к школьным урокам священников [2, с. 124–131]. В результате обсуждений было принято решение об атеистическом

воспитании школьников, что нанесло ущерб веками передаваемой духовной и материальной культуре.

Развитие школ переживало недостаток учителей: часть их эмигрировала, другая репрессирована, третья колебалась, их следовало привлечь. Ученые педагоги – П.В. Каптерев, В.В. Зеньковский в дискуссиях предлагали сохранить проверенную практику обучения, П.П. Блонский, В.Н. Шульгин С.Т. Шацкий высказывались за новые модели единой трудовой школы. Особое место в советской педагогике занял А.С. Макаренко (1888–1939). Его концепция заключалась в воздействии учителя на сломанную психику детей методом убеждения, добра и веры в порядочность подростка. В дальнейшем его мысли развили в научных трудах В.А. Сухомлинский (1918–1970). Отметим, идеи названных ученых истоками уходят к сочинениям древних мыслителей (Конфуция, Сократа), утверждавших, что основой воспитания детей является образ самого учителя, как эталона подражания [3, с. 192–196].

Наркомпрос предпринимал меры по подготовке учителей. Создавались краткосрочные курсы, летние(августовские) чтения, проводились конференции, семинары, проходили тематические занятия. Однако, перечисленные виды подготовки учителей не могли удовлетворить спрос. Внимание отводилось разработке и принятию стандартных учебных программ, ознакомлению с социалистической и атеистической литературой. А.В. Луначарский ставил задачи раскрыть потенциал учеников, чтобы дать им старт для дальнейшего роста получения необходимой профессии [3, с. 188].

Наряду с вопросами обучения детей проводилась работа по ликвидации безграмотности. В 1919 г. появились пункты ликбеза, затянущаяся гражданская война сорвала эти начинания. В условиях установленного мира ликбез стал обязательным, он проводился по окончании рабочего дня в течение 1,5–2 ч. Для обучения чтению и письму привлекали образованных лиц и служителей культа. СНК распоряжением (1921) г.) «О порядке предоставлении работы служителям религиозных культов» разрешил духовным лицам вести уроки, служить в канцеляриях. Данные меры помогли оживить образовательный процесс, особенно в национальных районах [4, ф. 103, оп. 1, д. 300, л. 2].

Проведенные мероприятия позитивно сказались на росте грамотности трудового народа, в том числе и среди полиэтнического населения. В Уральской области грамотность взрослых в 1923 г. достигла 28 %, среди детей – 34 %. На Тобольском Севера она составила лишь 15 %. В Челябинской и Тюменской губерниях 70 % учителей были религиозными, игнорировали советские обряды и праздники [6, с. 67–68]. Религиозность учителей, родителей, детей сохранялась на протяжении

нескольких поколений, чем впоследствии объяснился быстрый процесс возрождения религий после распада СССР.

Процесс становления советской школы исследован в фундаментальной монографии В.Г. Чуфарова. Он выявил трудности и показал процессы приобщения интеллигенции к педагогической и научной деятельности. Исследователь раскрыл выход из трудностей, связанных с отсутствием учебников, бумаги, карандашей. Ученики пользовались дощечками и писали угольками. Занятия проводились в культовых зданиях или в частном доме. Так налаживалась учебная работа, переходя к реализации всеобщего обучения детей. Согласимся с выводом ученого, что в результате проведенных мероприятий с середины 20-х гг. школа стала светской, а в 30-е гг. советской [7, с. 86–87].

Коснемся содержания учебных программ школ первой ступени начального обучения и семилетки, которые давали основы знаний ученикам для трудоустройства или дальнейшего продолжения обучения. В начальной школе велись уроки: чтения, письма, арифметики, решения задач на счетах, рисования, пения, ботаники, физкультуры и др. Результативность ее подтверждается статусом должности бывших учеников: так Раздьяконов А.И. стал начальником заготовительной базы; Н.Д. – заведующей столовой института, Усманов М.Г. инспектором областного отдела образования (Свердловск). Усманов начал трудовой путь по ликбезу, затем окончил рабфак, стал инспектором. По совместительству вел уроки в начальной школе, составил Букварь для татарских и башкирских школ. Учитывая низкую грамотность нацменьшинств, с 1924 г. разрешалось вести занятия духовным лицам. ВЦИК по запросам мусульман издал указ «О разрешении вероучения детям с 14 лет» [4, ф. 4, оп. 3, д. 506, л. 14]. В этом выражалась забота о культуре этносов с сохранением их обычаев.

Ударные стройки пятилеток отразились на образовательной системе: отменились льготы нацменьшинствам, запретили вести занятия муллам. Произошла замена арабского алфавита с 1926–27 гг. на латынь, а в 30-е гг. на кириллицу. Смены алфавита, внедрение социалистических воззрений, принудительное создание ячеек дегиляр (безбожников), нарушили объявленные ранее государством свободы развития мусульманскими народам. Это подрывало преемственность народной национальной культуры и негативно сказывалось на формировании личности, что проявилось в распаде СССР.

Наркомпрос, ученые педагоги старались улучшить образовательную систему, апробировали разные формы и методы обучения детей, планируя переход от обязательного начального к семилетнему обучению в школе. Значительные позитивные сдвиги произошли с конца

20-х – 30-е гг. Увеличилось число школ, появились учебники, открылись новые техникумы, училища, краткосрочные курсы разных специальностей, рабфаки. Следует отметить, что в профессиональных учебных заведениях создавались этнические группы для работы в разных отраслях и народном хозяйстве своих регионов и промыслов. Общее число учащихся в профессиональных учебных заведениях по сравнению с 20 гг. выросло в 6 раз. В техникумах и вузах число их возросло с 17 тыс. в 1929 г. до 125 тыс. в 1931–1932 гг. [8, ф. 17, оп. 21, д. 3888, л. 8–9]. В ряде регионов был взят курс на переход ко всеобщему начальному обучению детей на селе и семилетнему в городе.

Воспитательная работа в школе строилась через пионерские и комсомольскую организации, использовалась новая атрибутика, проводились советские обряды и праздники, что привлекало детей, но настораживало родителей. На воспитательный процесс воздействовал Союз воинствующих безбожников (СВБ, 1925) возглавляемый Е.М. Ярославским, который настаивал на преодолении религии и создания школьных ячеек безбожников. Между детьми, родителями, учителями возникали противоречия. Члены СВБ, в основном молодежь, подвергнутая революционной эйфории, допускали грубые выпады против верующих и духовенства. Действия безбожников в рассматриваемый период и ныне подвергаются осуждению за уничтожение ценных религиозных аксессуаров, именитых икон, взрывов храмов и др. Попытки советских и партийных органов пресечь их оскорбительные необоснованные действия были тщетны. Перед II Мировой войной СВБ, как выполнивший основные задачи, был распущен.

Вместе с тем отметим, в учебно-воспитательном процессе усилилось внимание естественно-научным дисциплинам, спортивно-физической и военно-патриотической подготовке (ГТО), что сказалось на трудовом подъеме молодежи, которая проявляла себя на ударных стройках, в стахановском движении и учебе под лозунгами – «овладения техникой». Молодое поколение надеялось и стремилось создать социалистическое общество, проявляло чувства патриотизма и преданность родине [1, ф. 5407, оп. 1, д. 14, л. 7–9]. В полной мере это проявились в годы Великой Отечественной войны, когда старшеклассники, учащиеся средних учебных заведений, нередко, приписывая себе возраст, добровольно отправлялись на фронт.

Изучение опыта становления советской школы в первые десятилетия Советской власти показывает целенаправленную политику государства по всестороннему развитию системы образования для повышения общей культуры населения. Выявлены основные направления реорганизации учебного и воспитательного процесса, направленные на

улучшение качества знаний и формирования преданной государству патриотической личности гражданина. Творческий подход к опыту становления советской школы и образовательной системы может быть полезен в деле восстановления утраченной с 80-х гг. военно-спортивной подготовки, а также изъятого «поведения» как морально-этической дисциплины, которой особую роль отводили древние мыслители, беспокоясь о судьбах своего народа и страны.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 5407. Оп. 1. Д. 14.
2. *Крупская Н.К.* Из атеистического наследия. М.: Наука, 1964. 396 с.
3. *Музафарова Н.И.* Исторические концепции формирования гуманной жизненно стойкой и востребованной социумом личности. М.: МГПУ, 2014. 208 с.
4. Свердловский государственный архив социально-политической истории (СГАСПИ). Ф. 4. Оп. 3. Д. 506. Л. 14.
5. Собрание Указаний и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ). 1917. М.: Политиздат, 1927. 339 с.
6. Уральский статистический ежегодник 1923–1924 г Серия 1. Т. П. Свердловск, 1925. 67 с.
7. *Чуфаров В.Г.* Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. Свердловск: Ср.-Ур. кн. изд., 1970. 381 с.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3888. Л. 8–9.

УДК 94(47).084.8

Ю.В. Невлад,

старший преподаватель, Донбасский государственный технический университет (Алчевск, ЛНР)

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПОДДЕРЖКУ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В ДОНБАССЕ С 1943 ПО 1953 ГОД

Аннотация. Послевоенный период, в истории Донбасса ознаменовался восстановлением региона, пострадавшего в ходе Великой Отечественной войны. Экономическая и социальная инфраструктура была разрушена, что создавало серьезные трудности для населения. В этих условиях советское государство инициировало ряд мер, направленных на восстановление региона и поддержку наиболее уязвимых групп населения. Исследование посвящено рассмотрению законодательных инициатив, и выявлению роли социальных программ, призванных защищать материнство и детство в Донбассе в период с 1943 по 1953 год.

Ключевые слова: Советский Союз, Донбасс, послевоенное восстановление, социальная защита, материнство и детство, пронаталистская политика, дети-сироты, детская беспризорность, патронаж, опека.

Yu.V. Nevlad,

Senior Lecturer, Donbass State Technical University (Alchevsk, LPR)

THE ROLE OF SOCIAL PROGRAMS TO SUPPORT MOTHERHOOD AND CHILDHOOD IN DONBASS FROM 1943 TO 1953

Abstract. The post-war period in the history of Donbas was marked by the reconstruction of the region, which had been devastated during the Great Patriotic War. The economic and social infrastructure had been destroyed, creating significant challenges for the population. In response, the Soviet government initiated a series of measures aimed at rebuilding the region and supporting the most vulnerable groups. This study focuses on examining the legislative initiatives and the role of social programs aimed at protecting motherhood and childhood in Donbas from 1943 to 1953.

Key words: The Soviet Union, Donbas, post-war reconstruction, social protection, motherhood and childhood, pronatalist policies, orphans, child neglect, patronage, and guardianship.

Во время Великой Отечественной войны Донбасс оказался в центре боевых действий и находился под властью нацистской оккупации с октября 1941 года по сентябрь 1943 года. За это время гитлеровское командование нанесло непоправимый вред региону, разрушив его инфраструктуру и экономику. Оккупанты применяли нечеловеческие методы уничтожения стариков, женщин и детей: от расстрелов и повешений до насильственного сбора крови, пыткам, удушения в газовых камерах, голода и принудительного отправления на тяжелые физические работы в Германию [4]. В 1943 году, когда Донбасс был освобожден от нацистского контроля, реальность состояла в том, что значительная часть женщин остались вдовами, дети – сиротами или полу сиротами, население региона сократилось на 20 %. Такое существенное снижение демографического потенциала имело долгосрочный отпечаток на социальную структуру и экономику региона [2].

Для скорейшего возмещения убыли и ускорения роста рождаемости советская власть осуществляла пронаталистскую политику, в рамках которой 8 июля 1944 г. был принят Указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [3].

В 1945 году в Сталинской области было удостоено высокой награды – ордена «Материнской славы» – 54 женщины. Из них 8 получили 1 ступень ордена, 46 – 2 ступень. Также 28 матерей были награждены медалью «Материнства» 1 ступени, а 65 – 2 ступени. Орден «Материнской славы» присваивался тем, кто воспитывал и заботился о 7 или 8 детях. Кроме того, данный указ устанавливал обязательность внесения в паспорта сведения о зарегистрированном браке, включая фамилию и инициалы супруга, его год рождения, а также место и дату регистрации брака.

Советское государство в своей семейной политике уделяло особое внимание проблеме сиротства, беспризорности и безнадзорности, которая являлась острой проблемой социальных вызовов в послевоенный период. К середине 1944 г. в Донбассе насчитывалось около – 11 100 детей-сирот, а это около 15 % беспризорных детей УССР. В первые годы после освобождения Донбасса количество «детей улиц» приобрело весомых размеров. Но уже в последующие годы восстановления социальной структуры, а именно за счет законодательных инициатив государства, безотцовщина шаг за шагом сокращалась. Такая тенденция утвердилась благодаря устройству детей, оставшихся без родителей – в семью через патронат, опеку и усыновление. Так, за 1952 г. численность беспризорников уменьшилось на 283 ребенка, в то время как в 1944 г. около 10 110. В Сталинской области на начало 1941 г. работало 42 детских дома на 5 тыс. мест, из них полностью уничтоженными оказались 31 детский дом на 3 280 мест. Но уже в мае 1945 г. в Сталинской области работало 39 детских домов. А в первый послевоенный год в Донбассе действовало уже 79 таких детских учреждений [5].

С 1947 года в Донбассе начали действовать специальные продовольственные программы, ориентированные на поддержку семей с детьми. В условиях нехватки продовольствия и общего дефицита ресурсов эти меры позволили снизить уровень голода среди наиболее уязвимых слоев населения. Карточная система распределения продуктов питания обеспечивала минимальный уровень безопасности для матерей и детей, что способствовало улучшению их жизненных условий в послевоенный период.

После окончания военных действий ключевым направлением стало возрождение и возобновление системы здравоохранения и образования. Так, 10 ноября 1944 года постановлением СНК Советского Союза «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучшению медицинского и бытового обслуживания женщин и детей» было принято решение о начале в 1945 году процесса возрождения медицинских учреждений: роддомов, детских поликлиник, педиатрических больниц. Суть

реконструкции заключалась в ремонте, и оснащение больниц, поликлиник и родильных домов необходим медицинским инвентарем, а также восстановление государственных образовательных учреждений, таких как детские сады и школы [6]. В 1950 году в Донбассе было создано более 200 школ и больниц, что значительно улучшило доступность образования и медицинского обслуживания для населения. Эти реформы не только способствовали повышению качества жизни, но и закладывали основы для дальнейшего социального и экономического развития региона.

Особое внимание уделялось охране здоровья женщин и детей, а также повышению качества медицинского обслуживания (во время войны в промышленный сектор Донбасса было мобилизовано 300 тысяч колхозников и свыше 150 тысяч комсомольцев и молодежи, причем среди них женщины составляли половину), что свидетельствует о многогранной направленности политики в сфере защиты материнства. Послевоенная государственная политика предусматривала комплекс мер по содействию трудоустройству женщин, включая создание новых рабочих мест и условий для гармоничного сочетания работы с материнскими обязанностями [1, с 145]. Вовлечение женщин в общественную жизнь, превращение их в активных участников в деле возрождения региона, произошло, в частности, из-за доступности образовательных возможностей, что привело к укреплению финансового благополучия семей и карьерному росту.

Таким образом, принятые социальные программы – Постановления, Указы партийных и советских органов, инициатива которых, была направлена на улучшение условий жизни матерей и детей, предоставлению им медицинской помощи, финансовой поддержке, улучшению демографического процесса, а также программам развития образования в регионе в послевоенный период, позволило смягчить последствия войны и устранить кризисные явления в социальной и экономической сфере. В городах и поселках региона интенсивно налаживалась работа школ, вузов, домов культуры, научных институтов, медицинских учреждений, детских приютов.

Библиографический список

1. Бобровский А.С., Никольский В.М. Социальная политика советского государства и ее реализация в Донбассе в 1943 – середине 1960-х годов: монография. Донецк: Норд-Пресс, 2008. 244 с.
2. Ковалева О.А. Повседневная жизнь населения тыла в годы Великой Отечественной войны в современной российской историографии. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 3Б март. С. 30–36. // <http://www.nauteh-journal.ru/>

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/2f0cd538-ac8f-44ce-90b7-7092a78962aa> (дата обращения: 08.01.2026).

3. *Накачи М.* Анализ пронаталистской семейной политики в СССР в 1940–1960-х годах // Демографическое обозрение. 2022. № 9 (1). С. 34–55. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14572> (дата обращения: 08.01.2026).

4. *Саенко А.С.* Нацистская политика геноцида в оккупированном Донбассе (1941–1943 гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11, № 3 (36). С. 34–34. // <https://www.noo-journal.ru/> [Электронный ресурс]. URL: <https://www.noo-journal.ru/vak/2023-3-36/saenko-natsistskaya-politika-genotsida-v-okkupirovannom-donbasse-1941-1943/> (дата обращения: 08.01.2026).

5. *Харченко А.А., Людоровская Т.Ю.* семейная политика советского государства и её реализация в Донбассе в 1943–1953 гг. // Россия в эпоху глобальных перемен: философские и историко-политологические аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. студенческой конф. Воронеж, 16 декабря 2020 г. С. 67–70. // <https://studfile.net/> [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/16728338/page/7/> (дата обращения: 08.01.2026).

6. *Чеснокова Ю.В.* Государственная политика по защите материнства и детства в годы Второй Мировой войны и первые послевоенные годы [2. Право и практика. № 1. С. 15–18. // <https://cyberleninka.ru/> [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-po-zaschite-materinstva-i-detstva-v-gody-vtoroy-mirovoy-voyny-i-pervye-poslevoennye-gody-2> (дата обращения: 08.01.2026).

УДК 93(930.85)

И.В. Неупокоев,

доцент, Курганский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Курган)

«ДА И ЧТО ЭТО ЗА ДУМА?»: КРИТИКА ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ДОСОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Аннотация. Статья посвящена общественной оценке, преимущественно критического характера, деятельности городских дум и управ Западной Сибири досоветского периода, которая зафиксирована в газетных публикациях. Осуждению и негативным отзывам в печати были подвержены не только персональный состав городских дум и управ, личности городских голов, но и широкий спектр сфер ответственности городского самоуправления: внешнее благоустройство городов и обеспечение его жителей необходимой инфраструктурой.

Ключевые слова: городская дума, городской голова, городское самоуправление, гласные, периодическая печать Западной Сибири.

I.V. Neupokoev,

Associate Professor at Kurgan branch of the Russian Academy of National Economy and State service under the President of the Russian Federation (Kurgan)

«AND WHAT KIND OF DUMA IS THIS?»: CRITICISM OF URBAN SELF-GOVERNMENT IN THE PRE-SOVIET PRESS OF WESTERN SIBERIA

Abstract. The article is devoted to the public assessment, which is mostly critical, of the activities of the city councils and administrations of Western Siberia during the pre-Soviet period, as recorded in newspaper publications. Not only the personal composition of the city councils and administrations, as well as the personalities of the city heads, were subjected to criticism and negative reviews in the press, but also a wide range of areas of responsibility for the city's self-governance, including the external improvement of cities and the provision of necessary infrastructure for their residents.

Key words: city Duma, mayor, city government, vowels, periodical press of Western Siberia.

Городовое положение 1870 г. закрепило систему органов городского общественного управления: городское избирательное собрание и городскую думу (с городской управой – исполнительным органом). Городская дума избирала городскую управу, состоявшую из городского головы и двух или более членов. Дума и управа избирались на четыре года, половина состава управы подлежала обновлению каждые два года. Думу и управу возглавляло одно и то же лицо – городской голова.

Компетенция городского самоуправления была ограничена рамками чисто хозяйственных вопросов: внешнее благоустройство города (содержание улиц, площадей, мостовых, тротуаров, городских общественных садов, бульваров, водопроводов, сточных труб, каналов, прудов, канав и протоков, мостов, гатей и переправ, освещение) и благосостояние городского населения (обеспечение народного продовольствия, устройство рынков и базаров, борьба с пожарами, развитие местной торговли и промышленности, устройство бирж и кредитных учреждений, устройство благотворительных заведений и больниц и т.д.).

О деятельности городского самоуправления написано значительное число научных исследований, в которых она рассматривается либо в рамках конкретной территории, либо через решение определенной местной проблемы. Однако, на наш взгляд, общественной реакции на работу этого института до сих пор уделялось недостаточно внимания. Иначе говоря, вопрос реагирования самих городских обывателей на устранение локальных проблем городским управлением остается малоизученным. Для решения указанной цели автор использовал материалы

дореволюционных сибирских газет, в которых публиковались критические заметки и материалы корреспондентов с мест.

Одним из наиболее распространенных направлений газетных материалов было нелестное описание персонального состава городских дум и управ. Например, корреспондент «Сибирской газеты» за 1882 г. следующим негативным способом характеризовал состав Ялуторовского городского управления: «Гласные совершенно безгласные, всем орудует бесконтрольно городской голова г. Б. вместе с двумя-тремя кулаками-кабатчиками. Выборы в гласные производятся настолько ловко, что выбираются или союзники головы или безграмотные плаксы <...>. Словом, дума олицетворяется г. Б., а общественный сундук тоже, что его собственный. Например, в управу ходят беспрестанно люди, требуя уплаты заработанных ими денег, но получают один ответ: «прийди когда-нибудь», а между тем захотелось голове посмотреть Питер, и тотчас дума обеспечивает ему это удовольствие; понадобился голове кирпич для подвала под его домом, и опять дума к его услугам с общественным кирпичом и т.д.» [3, с. 424].

Автор заметки «Сибирской газеты» от 1883 г. отметил следующие неодобрительные характеристики депутатского состава думы в г. Красноярске: группа гласных, «которые или совершенно не посещают думских собраний, или смирно и безгласно сидят на своих местах и кладут шары направо или налево не в силу каких-либо соображений, а совершенно безотчетно. Таким отношением к общественному делу они часто безосновательно приносят обществу громадный вред, делаясь игрушкой в руках ловких дельцов» [20, с. 491].

Один из корреспондентов «Сибирской газеты» за 1886 г. также выразил свое отрицательное отношение к профессиональным способностям гласных думы г. Омска. Он писал следующее: «В нашей думе нет таких гласных, которые дали бы жизнь и движение городскому и общественному делу. Много важных вопросов не затронуты. Например, городской базар с его безобразиями и порядками, городские бани, освещение, очистка улиц, извозчики, мясные лавки, колбасные, булочные и трактирные заведения» [8, с. 595].

Аналогичный скептический отзыв приводился в «Сибирской газете» от 1883 г. о деловых качествах гласных Курганской городской думы. В заметке было отмечено, что на четыре года с 1884 по 1888 г. «избрали одного кулака, выехавшего недавно из деревни и попавшего в гласные, где его деятельность проявилась лишь в отборных кабацких выражениях и широком горле» [6, с. 1295].

Не избежали и своей порции общественной критики городские головы Западной Сибири. Искреннее сожаление и негодование

о выполнении своих обязанностей городским головой г. Томска выразил автор заметки в газете «Сибирская жизнь» за 1907 г. Он писал, что последний опять уехал в трехмесячный отпуск на Крымский полуостров. При этом он еще получил из городской кассы 10 тыс. рублей. Автор также формулирует риторический вывод: «Надо полагать, что городская касса устроена с каким-то особенным секретом, так как для одних она оказывается абсолютно пустой, а для других в ней припасены десятки тысяч рублей» [2, с. 3].

В этом же неудовлетворительном ключе говорилось в «Сибирской газете» за 1886 г. о голове Ялуторовской городской думы. Автор сообщал, что «в бытность городским головой г. Ильиных, одному преподавателю жалование не выдавалось несколько месяцев, и когда он настоятельно потребовал, то получил за невежливое отношение к г. голове выговор от дирекции училищ» [9, с. 244]. В другой аналогичной заметке отмечалось, что бывший городской голова Б-ов, благополучно переложивший больше 20 т. руб. из городского ящика в свой широкий карман, делал невероятные усилия не выпустить из рук эту «мелочь» [7, с. 368].

Даже после перечисленных замечаний, авторы заметок писали о своих надеждах на изменение ситуации в лучшую сторону после проведения очередных выборов. Так, описывая недочеты самоуправления г. Барнаула корреспондент «Сибирской жизни» завершил свое письмо оптимистичными прогнозами: «Надо надеяться, что новый городской голова более серьезно отнесется к делу городского благоустройства» [15, с. 3].

Наиболее часто затрагиваемой темой сибирских дореволюционных газет, касающихся деятельности городского самоуправления, можно считать постоянную нерешенность бытового благоустройства городов. Подтверждением тому является заметка в газете «Сибирский вестник» от 1898 г. о ситуации в г. Тюмень. Автор с недоумением отмечал, что «санитарное состояние города самое печальное. С приходом весны, об очистке улиц никто не заботится; под деревянными мостками для пешеходов проходят канавы, наполненные гниющей водой и разными отбросами <...>». Автор надеется, что инициатива в принятии энергичных мер должна исходить от городского самоуправления, «которое действительно издало ряд обязательных постановлений по санитарной части, но на этом и успокоилось» [21, с. 3].

О том, что городские представители «нередко забывают о предметах» <...> «имеющих весьма существенное значение для всякого маломальски благоустроенного города» – писал в 1894 году корреспондент газеты «Сибирский вестник» о ситуации в г. Тюмень. Он обратил

внимание на отсутствие «дощечек с надписями названий улиц». Это, по словам автора, приводило к затруднениям в поиске необходимого человека или здания не только у приезжих, но и даже у местных извозчиков [13, с. 4].

Во время разлива реки Томь управа г. Томска «не сочла нужным сделать необходимые приспособления, и город в первый же день разлива остался без свежего мяса». Автор заметки с сожалением писал, что запасов мороженого мяса мало, и поэтому это отзовется на кармане бедного обывателя. Следующее суждение стало неоспоримым выводом: «Таких явлений не могло бы наблюдаться, если бы в городской думе сидели представители не толстой суммы, а представители всех городских слоев населения» [22, с. 3].

Вину за антисанитарное состояние г. Тюкалинска на городское самоуправление возложил и корреспондент газеты «Сибирская жизнь» в 1905 г. Он писал, что «Семь тысяч населения тонет в море грязи нечистот, пьет скверную воду. Город со всех, буквально, сторон обложен навозом и домашними отбросами, навоз покрывает озеро и пруд, из которого пью воду люди и скот и там же полощется белье: каждый двор — это целая вонючая клоака. На улицах остатки снега покрыты густым покровом навоза, которого никто не убирал за всю зиму. Около домов канавы, наполненные грязной навозной жижей». Автор корреспонденции делал прямой вывод, что именно по вине городского управления Тюкалинск «превратился в отвратительную грязную клоаку», что «Редко где так ясно видны все неудобства существующего городского самоуправления, как здесь» [10, с. 2].

Неоднократно в дореволюционных средствах массовой информации Западной Сибири печаталась информация и о так называемых «злоупотреблениях» деятелей городского самоуправления. Так, например, в газете «Сибирская жизнь» за 1907 г. было написано, что ревизионная комиссия обнаружила в книгах и делах общественного управления г. Ново-Николаевск «вырванные и вновь вклеенные листы и подложные документы и открыта масса других компрометирующих документов, показывающих халатность и недобросовестность лиц, ведавших в течении нескольких лет городское хозяйство» [19, с. 2]. Можно вполне предположить, что эти сведения и получили огласку только благодаря прессе.

Аналогичные сведения распространила «Сибирская газета» за 1882 г. Здесь говорилось, что комиссия из 4-х учетчиков, назначенная для проверки управской кассы г. Ялуторовск, обнаружила недостаток капитала на сумму более 20 тыс. рублей. Голова предлагал «не выносить сор наружу» и пустился «на деликатные угрозы». Гласные думы

принялись за составление акта об устранении головы от должности и представлении этого документа на утверждение губернатору [4, с. 618].

В современных условиях информационного общества граждане через социальные сети нередко высказывают свои мнения о первоочередности благоустройства того или иного городского пространства. Схожие тенденции имели место и в дореволюционной России. Например, в публикации «Сибирской газеты» автор писал, что по почину управы г. Туринска стали строить гостиный двор на базарной площади. Расходы на строительство увеличились, и поэтому приходится изыскивать новые источники доходов. Далее автор высказал следующее пожелание: «Если же дума заботится о благолепии города, украшая его гостиным двором, то ей следовало бы прежде позаботиться о ветхом и грязном здании, в котором помещается городская управа» [5, с. 516].

Примерный призыв опубликован в газете «Сибирская жизнь» за 1907 г. Автор обращал внимание управы г. Томска «на крайне невозможное состояние переходных мостков через р. Ушайку с конного базара на толкучий рынок. Мостки эти устроены крайне непрочны и проходить по ним в высшей степени небезопасно, особенно после дождя, когда колеблющиеся плахи мостков бывают мокры. Нет, между прочим, около мостков и перил» [1, с. 5].

Негативным отзывам в печати подвергались общие темпы и методы работы представителей общественного самоуправления. Это подтверждается такими эмоционально окрашенными суждениями: «Но если гг. гласные слишком долго будут почесываться <...>» [14, с. 4], «Спит городское самоуправление <...>» [16, с. 3], «В деятельности городского самоуправления нет планомерности, нет системы» [18, с. 4].

Одним из способов социальной консолидации выступают совместная встреча праздников и проведение юбилейных дат. В соблюдении этой традиции активно участвовали органы управления городом и сами горожане. Этот аспект деятельности городского самоуправления также не остался без общественного осуждения. Автор одной из корреспонденций «Сибирского вестника» за 1902 г. отметил, что память Н.В. Гоголя чествовалась Курганом весьма скромно: «Городское управление, очевидно, не имея понятия о Н.В. Гоголе, – не принимало ни малейшего в чествовании участия. Вообще наше городское управление во главе с думою не покинется ни чем хорошим: им чужды все благие начинания [11, с. 3]. Такой же отзыв оставил один из авторов «Сибирского вестника» за этот же 1902 г.: «Тобольская городская дума ни чем не отличилась на чествование Гоголя» [12, с. 3].

В равной мере объектом критики становилось содержание обязательных постановлений, которые имели право издавать городские думы.

Об этом речь шла в «Сибирской газете» от 1884 г. Автор писал, что благодаря халатности гласных г. Тюмени, городское хозяйство и городскую кассу до крайне печального положения. «Много внимания и затрат потребуется на приведение в порядок полуразрушенных мостов, взвозов, улиц и других общественных сооружений, на которые управа, а с нею и сибирский вестник, не обращали, видимо, никакого внимания <...>. Ради экономии дума и управа доходят до крайне странных, нелепых постановлений – прекращение и без того скудное освещение улиц. <...> Экономия грошевая, а вред чувствительный: кроме того что в темную ночь, при отсутствии хорошего караула, жители нисколько не гарантированы от краж и тому подобных неприятностей, на отсутствие которых Тюмень не может пожаловаться, – по улицам не возможно не пройти, ни проехать: для проезда полотно дороги грязно и разбито до невозможности, а для пешеходов нет совсем тротуаров, а если кое где и есть, то они скорее похожи на волчьи ямы, чем тротуары» [17, с. 1135].

Таким образом, практически все стороны деятельности городского самоуправления и деловые качества его членов в Западной Сибири достаточно часто подвергалась критике со стороны корреспондентов таких периодических изданий, как «Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь» и др. Эти газеты становились средством народного недовольства и инструментом общественного контроля, предвосхитив роль современных СМИ и социальных сетей. Как правило, авторство подобных публикаций было анонимным: авторы подписывались псевдонимами («плательщик городских налогов», «Жорж – не сибиряк», «Угадай-ка», «Тюменский житель», «Угадай-ка» и т.п.). Освещение в прессе недостатков в работе городского самоуправления, на наш взгляд, можно рассматривать как зарождение гражданского общества в дореволюционной России.

Библиографический список

1. Вниманию городской управы // Сибирская жизнь. 1907. № 85.
2. Городские дела и делишки // Сибирская жизнь. 1907. № 72.
3. Корреспонденции // Сибирская газета. 1882. № 18.
4. Корреспонденции // Сибирская газета. 1882. № 26.
5. Корреспонденции // Сибирская газета. 1883. № 20.
6. Корреспонденции // Сибирская газета. 1883. № 50.
7. Корреспонденции // Сибирская газета. 1886. № 12.
8. Корреспонденции // Сибирская газета. 1886. № 19.
9. Корреспонденции // Сибирская газета. 1886. № 8.
10. Корреспонденции // Сибирская жизнь. 1905. № 76.
11. Корреспонденции сибирских газет // Сибирский вестник. 1902. № 56.
12. Корреспонденции сибирских газет // Сибирский вестник. 1902. № 58.

13. Корреспонденция «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1894. № 47.
14. Нарым // Сибирская жизнь. 1911. № 102.
15. От наших корреспондентов // Сибирская жизнь. 1911. № 204.
16. От наших корреспондентов // Сибирская жизнь. 1911. № 246.
17. Письма из Тюмени // Сибирская газета. 1884. № 46.
18. По городскому хозяйству // Сибирская жизнь. 1911. № 41.
19. По Сибири // Сибирская жизнь. 1907. № 98.
20. Сказания о деяниях одного городского головы // Сибирская газета. 1883. № 19.
21. Тюмень // Сибирский вестник. 1898. № 80.
22. Халатность городской управы // Сибирская жизнь. 1907. № 6.

УДК 94(47)

А.П. Павленко,

доцент, Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург)

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА МООНЗУНДСКОЙ УКРЕПЛЕННОЙ ПОЗИЦИИ В 1917 г.

Аннотация. На основании архивных документов и периодической печати реконструируется персональный состав исполнительного комитета Совета воинских частей и исполкома Совета воинских и рабочих депутатов Моонзундской укрепленной позиции (Моонзиции). Особенностью комитета являлось наличие в его рядах священника, придерживавшегося революционных убеждений.

Ключевые слова: Революция 1917 г., Балтийский флот, Совет воинских и рабочих депутатов Моонзундской укрепленной позиции.

A.P. Pavlenko,

Associate professor, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg)

PERSONALITIES OF THE EXECUTIVE COMMITTEE OF THE MOONSUND FORTIFIED POSITION IN 1917

Abstract. Based on archival documents and periodicals, the personnel of the Executive committee of the Council of Military Units and the Executive committee of the Council of Military and Workers' Deputies of the Moonsund Fortified position are being reconstructed. A special feature of the committee was the presence in its ranks of a priest who adhered to revolutionary beliefs.

Key words: The Revolution of 1917, the Baltic Fleet, the Council of Military and Workers' Deputies of the Moonsund fortified position.

Характерной чертой вооруженных сил в 1917 г. стало массовое создание выборных комитетов и советов. В истории армии и флота они сыграли, в конечном итоге, деструктивную роль. Но их значение в жизни армии в 1917 г. было очень велико. Поэтому истории этих организаций посвящено немало исследований, но и до сих пор в этой теме остаются многочисленные «белые страницы». Одну из них мы постараемся заполнить сведениями нашего доклада. В центре внимания – Моонзундская укрепленная позиция и действовавший на ее территории исполком. «Историю творят люди», поэтому мы обратимся к реконструкции персонального состава этого органа революционной власти.

5–8 марта 1917 г. в г. Аренсбург на острове Эзель, после революционных беспорядков, складывается Совет воинских частей Моонзундской укрепленной позиции. 6 марта делегаты от частей и команд избрали исполком в составе 12 чел. [4, л. 30]. 8 марта начальник Моонзиции контр-адмирал Д.А. Свешников своим приказом утвердил состав исполкома уже из 16 чел. В их число входили: морской офицер лейтенант Е.К. Престин, армейские офицеры военного времени прапорщики Комарницкий и Рогозинский, инженер Павелецкий, военный чиновник губернский секретарь А.Б. Войташевский, солдаты Махлин, Ш. Фридман, Либерт, Селиванов, Слизков, Макрушин, Кай, Грищенко; матросы Федоров, М. Шелухин, И. Зеленцов [4, л. 30 об.].

На Моонзундской позиции, отвечавшей, прежде всего, за береговую оборону, преобладали сухопутные части. Это отразилось на составе исполкома. Флот был представлен четырьмя депутатами (все служили на берегу), сухопутные части имели одиннадцать делегатов, а сам штаб позиции – одного (это юристконсульт А.Б. Войташевский). В комитете были представлены следующие воинские части и подразделения: 426-й Повенецкий полк (четыре депутата: Рогозинский, Селиванов, Слизков, Макрушин), Аренсбургский конный дивизион пограничной стражи (Кай, Комарницкий), зенитная батарея в замке Лоде (Федоров, М. Шелухин), 2-я Ревельская инженерная рабочая дружина (Павелецкий, Ш. Фридман), 425-й Каргапольский полк (Махлин), автомобильная команда (Либерт), управление 8-го отдельного батальона артиллерии приморского фронта (И. Зеленцов), Ковенская телеграфная рота (Грищенко), Эзельское отделение службы связи Балтийского моря (Е.К. Престин) и вышеупомянутый А.Б. Войташевский из штаба Моонзиции [4, л. 30 об.].

Председателем учреждения был лейтенант (ст. лейтенант с апреля 1917 г.) Е.К. Престин, секретарем – солдат Махлин, делопроизводителем – матрос И. Зеленцов (писарь по служебной должности [4, л. 331]). Председатель, секретарь, делопроизводитель составляли Бюро

исполкома, функцией которого было разбирать все поступающие заявления, потом или отвечать на них, или передавать в профильные секции либо на общие заседания комитета [1, № 15, с. 4]. Е.К. Престин сохранял пост председателя на протяжении всего периода работы исполкома. Для 1917 г. подобная картина длительного нахождения офицера во главе выборного учреждения революционной власти является нетипичным явлением. На этом посту Е.К. Престин развернул активную деятельность, связанную не только с политическими, но и с военно-организационными вопросами.

31 марта 1917 г. на заседании исполкома было принято решение сформировать секции. В секцию по информации и распространению изданий вошли И. Зеленцов, Либерт, Старожилов; в литературно-редакционную – Войташевский, Гладков; в культурно-просветительную – Махлин, И.Н. Покровский, Гладков; продовольственную – Слизков, И.Н. Покровский, Старожилов, Ш. Фридман. Секцию, отвечающую за агитацию и «разъезды по местам» сформировали Ш. Фридман, И.Н. Покровский, Федоров, М. Шелухин, Комарницкий; а секцию милиционную – Селиванов, Слизков, Грищенко [1, № 15, с. 4]. Состав секций не был постоянным, почти сразу же стали вноситься изменения.

В дальнейшем состав исполнительного комитета менялся, что было обычным явлением для органов революционной власти в 1917 г. Так, 5 апреля на заседании учреждения присутствовали как «старые члены» Е.К. Престин, И. Зеленцов, Либерт, Махлин, Селиванов, Слизков, Федоров, Ш. Фридман, так и новые. Это были офицер-пограничник ротмистр А.Ю. Вальтер, прапорщик Гладков, священник И.Н. Покровский, Старожилов [6, л. 3]. Гладков и Старожилов были кооптированы в ряды исполкома [1, № 15, с. 3, 4]. Ротмистр А.Ю. Вальтер также входил в состав Исполнительного комитета на острове Даго и Аренбургского народного комитета [2, л. 201; 5, л. 233, 238 об.].

Необычным является факт наличия в исполкоме священника И.Н. Покровского. Первое упоминание о нем в выявленных документах датируется 26 марта [7, л. 71]. В дальнейшем, с небольшими перерывами, служитель церкви И.Н. Покровский был в рядах комитета до осени 1917 г. Он вел достаточно активную деятельность и стоял на позициях партии эсеров.

Для информирования личного состава и гражданского населения издавалась газета «Известия Моонзундской укрепленной позиции», позднее переименованная в «Известия Совета воинских и рабочих депутатов Моонзундской укрепленной позиции». Первоначально она издавалась штабом позиции и не была связана формально с Советом воинских частей. Но ее редактором был член исполкома А.Б. Войташевский.

3 апреля 1917 г. «Известия» перешли в ведение Совдепа, для редактирования газеты исполнительным комитетом была назначена комиссия: солдат Махлин, священник И.Н. Покровский, прапорщик Гладков [1, № 15, с. 4]. Ряд номеров газеты были выпущены при участии священника в апреле, а также в августе–сентябре 1917 г. Также над редактированием газеты трудились в разные периоды солдат Ш. Фридман, матрос П. Свечихин, чиновник А.Б. Войташевский, солдат Слишков, чиновник Крайз, прапорщик Липин, солдат Ансон, прапорщик В. Ягодкин, прапорщик И. Тапилин.

Переизбрание органов революционной власти в 1917 г. было частым явлением. 22 апреля на заседании исполкома был определен порядок новых выборов: 12 депутатов от Совета и по одному делегату от каждой воинской части [1, № 27, с. 4]. 30 апреля на собрании Совета воинских депутатов Моонзиции (162 чел.) был избран новый состав комитета. Состоялось голосование за 28 кандидатур, из которых по количеству набранных голосов в исполком вошли 12 чел.: ст. лейтенант Е.К. Престин, матрос М. Шелухин, солдат Махлин, матрос П. Свечихин, солдат Ш. Фридман, матрос И. Зеленцов, прапорщик Комарницкий, прапорщик Гладков, матрос Самсон, фельдшер Новиков, чиновник А.Б. Войташевский, чиновник Крайз. Офицер Е.К. Престин обладал значительным авторитетом среди подчиненных и набрал больше всех голосов. Было избрано семь кандидатов – по количеству набранных голосов они следовали за членами исполкома и должны были заменять их в том случае, если депутат покидал комитет. Это были фельдшер В. Фомин, солдаты Селиванов, Бриленков и Федоров, священник И.Н. Покровский, прапорщик Липин, матрос Федоров [1, № 24, с. 2]. Обратим внимание на преемственность в рядах исполкома Моонзиции – из первоначального состава в новом комитете было семь человек из двенадцати.

1 мая 1917 г. исполнительный комитет на первом своем заседании решал организационные вопросы: формировал структуру и проводил выборы на разные должности. Сразу же были кооптированы выше-названные офицер Липин, фельдшер В. Фомин, матрос Федоров, а также солдат Слишков. Было сформировано бюро: председатель Е.К. Престин, товарищи председателя А.Б. Войташевский и П. Свечихин, секретарь Махлин, товарищ секретаря Слишков, делопроизводитель И. Зеленцов. Из прошлого состава этого учреждения было решено оставить ротмистра А.Ю. Вальтера (в комиссии по обороне) [1, № 31, с. 1].

Также в ряды комитета влились дополнительные депутаты, избранные от воинских коллективов, общественных организаций, партий. 15 июня исполком жаловался, что части плохо посылают своих пред-

ставителей – как правило, в заседаниях участвуют 5–7 таких делегатов [1, № 40, с. 1]. Тем не менее, за период работы исполкома этого состава, мы выявили минимум 30 подобных депутатов в комитете. Среди них были представитель местного Союза офицеров-республиканцев подпоручик Тилинг, от комитета ПСР – Соколов, от РСДРП – солдат Ансон [1, № 43, с. 1]. В их среде была заметна более выраженная текучесть кадров, чем среди депутатов, которые были избраны 30 апреля от Совета.

4 июля 1917 г. Совет воинских частей Моонзиции объединился с местным Советом рабочих депутатов. Решение о слиянии советов было принято еще 12 мая, но окончательно реализовано на восьмом очередном собрании Совета воинских депутатов. В итоге сформировался Совет воинских и рабочих депутатов Моонзундской укрепленной позиции. Также были проведены довыборы в исполком – дополнительные 12 человек (нужно было довести число депутатов до 24-х). От фракции эсеров Совдепа избраны Матуз, Гусев, Пушков, Кунин; от фракции эсдеков – Полозов, Бутылкин, Шамаев, Ансон (ранее уже был представлен в исполкоме); от беспартийных – Васильев, Бриленков, Александров, Тюлин. Дополнительно от каждой воинской части по-прежнему следовало прислать по делегату, от рабочих – три представителя [1, № 59, с. 2].

30 июля на своем девятом заседании Совдеп сформировал новый состав исполнительного комитета, т.к. срок полномочий прежнего истек. Голосование велось путем подачи избирательных записок. Всего от Совета было избрано 24 депутата. Сначала голосовали 123 человека, избрав 22 депутата. Затем, из-за процедурного момента, были произведены довыборы еще двух представителей: Вильто и Кузнецова (голосовало 87 чел.). Преобладали солдаты – всего их было девять человек: Ансон (105 голосов), Бриленков (98), Гусев (87), Махлин (119), Матуз (91), Слизков (79), Тимофеев (83), Хрылев (75) и фельдфебель Сергеев (88). Матросов было шестеро: И. Зеленцов (103), Кузнецов (48), Самсон (119), П. Свечихин (121), Федоров (103), М. Шелухин (103). Офицеры были представлены ст. лейтенантом Е.К. Престиным (119) и прапорщиками: Агафоновым (92), Гладковым (89), И. Тапилиным (94) и В. Ягодкиным (105). Также в исполком вошли рабочий Г.Т. Вильто (60), военный чиновник Крайз (86), священник И.Н. Покровский (104) и фельдшер В. Фомин (117) [4, л. 331; 1, № 62, с. 2]. Обращает на себя внимание факт большого удельного веса представителей командного состава. Офицеры и военный чиновник в сумме составляли 25 % от избранных Советом членов исполкома. Для июля 1917 г. на Балтике это значительный показатель, на фоне роста антиофицерских настроений и сокращения числа офицеров в составе советов и комитетов. Также

вновь зафиксируем факт преемственности – от прежнего состава осталось 16 чел. (из 24 выбранных).

Председателем нового комитета был избран ст. лейтенант Е.К. Престин. Товарищем председателя стал В. Фомин, делопроизводителем – писарь 1 ст. И. Зеленцов. Он выбыл из исполкома в конце августа 1917 г., на его место 24 августа был избран Старожилов [1, № 73, с. 2]. В августе–сентябре должность товарища председателя замещал В. Ягодкин [1, № 72, с. 1; 3, л. 602, 660, 662].

Военнослужащие, избранные от Совдепа в исполком, служили в десяти различных частях и подразделениях. Больше всего депутатов служили в 426-м Повенецком полку – 9 чел. (Агафонов, Бриленков, Крайз, Матуз, Слишков, Тимофеев, В. Фомин, Хрылев, В. Ягодкин), в 425-м Каргапольском полку – 5 чел. (Гусев, Гладков, Махлин, Сергеев, И. Тапилин), в 8-м отдельном батальоне артиллерии – 2 чел. (Федоров, М. Шелухин). По одному депутату служили в штабе 107-й дивизии (Ансон), интендантстве Моонзигии (И. Зеленцов), на береговой батарее № 43 (Кузнецов), в полевой артиллерийской бригаде (И.Н. Покровский), службе связи Южного района Балтийского моря (Е.К. Престин), автомобильной команде штаба позиции (Самсон) и авиации (П. Свечихин) [4, л. 331].

Помимо них, были делегаты, избранные от воинских частей и рабочих коллективов. Их количество на заседаниях колебалось от шести до четырнадцати человек. Всего по протоколам заседаний исполкома с 31 июля по 18 сентября выявлен 21 такой депутат. В их среде также сформировался определенный костяк из людей, активно работавших в комитете. Это Кленовский (заведующий помещением, распределением дежурств и выдачей вина [1, № 64, с. 1]), Щелкунов, Виноградов, Прилепко, Горяинов, Шамаев, Серм, Сирпу, Старожилов, также можно добавить работавших меньшее время Богомолова, Боличева, Протасова. Шесть человек из вышеперечисленных имели опыт работы в исполнительном комитете прошлого созыва (как представители воинских частей).

Несмотря на то, что Совет был как военных, так и рабочих депутатов, трудящиеся в составе исполкома по результатам выборов 30 июля были представлены всего одним человеком. Это был Г.Т. Вильто, который также был членом Центрального комитета строительства Моонзигии [4, л. 331]. Через месяц на его место был избран другой депутат, т.к. сам Г.Т. Вильто из 14 заседаний исполкома посетил всего одно [1, № 73, с. 2]. Помимо него, 3 августа в исполнительном комитете появляются избранные от рабочих коллективов Серм и Сирпу [1, № 64, с. 1]. Военные делегаты доминировали в этой структуре.

Проведенное исследование позволило установить основные персоналии, действовавшие в рядах исполкома Моонзиции. Это учреждение отличалось определенной преемственностью, стабильностью состава. На протяжении всего периода работы комитет возглавлял один человек, что также нехарактерно для выборных органов революционной власти в 1917 г. Офицеры играли значимую роль в его деятельности даже в тот момент, когда из других комитетов и советов Балтики их начали «выдавливать». И своеобразным феноменом для Балтийского региона стала работа в исполкоме священника. В то же время как-то серьезно остановить падение боеспособности войск на позиции это учреждение не сумело, хотя и старалось принимать меры по поддержанию порядка и дисциплины, занимало конструктивную позицию по отношению к командованию.

Библиографический список

1. Известия Моонзундской укрепленной позиции (Известия Совета воинских и рабочих депутатов Моонзундской укрепленной позиции). 1917.
2. РГАВМФ. Ф. 941. Оп. 1. Д. 27.
3. РГАВМФ. Ф. 941. Оп. 1. Д. 57.
4. РГАВМФ. Ф. 941. Оп. 1. Д. 85.
5. РГАВМФ. Ф. 941. Оп. 1. Д. 97.
6. РГАВМФ. Ф. 941. Оп. 1. Д. 98.
7. РГАВМФ. Ф. 941. Оп. 1. Д. 175.

УДК 908

Д.А. Панов,

кандидат исторических наук (Мурманск)

«БЫЛО-БЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ ВАШЕ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В ЭТОМ ВАЖНОМ ДЕЛЕ» (к вопросу участия УСЛОНА в строительстве рыбопромысловых судов на Мурмане)

Аннотация. В 1920-е гг. на Мурмане начинается строительство рыбной промышленности. Данное мероприятие проводилось в рамках ограниченного количества ресурсов. К этому привлекались различные организации, которые располагали нужными для этого ресурсами.

Ключевые слова: шняк, ёла, карбас, тройник, УСЛОН.

D.A. Panov,

Candidate of Historical Sciences (Murmansk)

**"IT WOULD BE EXTREMELY EXPEDIENT FOR YOU
TO BE DIRECTLY INVOLVED IN THIS IMPORTANT MATTER."
(Regarding Uslon's participation in the construction of fishing vessels
in Murmansk)**

Abstract. In the 1920s, the construction of a fish industry began in Murmansk. This project was carried out with limited resources. Various organizations were involved in the process, as they had the necessary resources.

Key words: shnyaka, yola, karbas, tee, USLON.

В фондах Государственного архива Мурманской области отложился обширнейший пласт материалов связанных с экономическим развитием края в период колонизации Кольского полуострова в советский период (1920-е годы). Колонизация края была многоплановым явлением, затронувшим широкий диапазон жизнедеятельности населения Мурмана. Изменения вызванные колонизацией кардинальным образом видоизменили социально-экономическую картину края.

Основой экономической базы колонизации побережья Мурмана был признан прибрежный (кустарный) рыбный промысел [2, л. 241]. Данный вид промысла организовывался не на пустом месте, он являлся своеобразным наследником промысла который велся у берегов Мурмана начиная со второй четверти XVI века [4, с. 68–69]. Наследование носило исключительно географический характер, так как промысел до 1917 г. и после, это два абсолютно разных социально-экономических явления.

Как и любой другой вид промысла, он нуждался в инструментальной базе, которой выступало промысловое судостроение. Если раньше, необходимые по типу суда строились зачастую кустарным способом самим поморским населением или на немногочисленных верфях, то в советский период данные виды промыслового судостроения уже не могли в достаточной мере отвечать возрастающим потребностям промысла в оснащенных промысловых судах. Шняки, ёлы, карбасы, тройники, уже не могли обеспечить тот объем вылова, который требовался от мурманского промысла в связи с его включенностью в экономику всей страны. Настоятельно требовалось выработать определенный тип судна, который бы отвечал специфики промысла: осуществление промысла на расстоянии от 3 до 15 км, малый состав команды, оснащённость двигателем, хорошие мореходные качества. Помимо этого требовалось создать предприятие, которое могло бы наладить выпуск данного типа судна непосредственно на мурманском побережье.

Данным предприятием выступило мурманское товарищество промыслового судостроения и ремонта образовавшееся в 1926 г. В задачи предприятия входило постройка соответствующих промысловых судов и их ремонт. Но, вследствие, противоречий между пайщиками предприятия (Мурманский губернский исполнительный комитет, Колонизационный отдел мурманской железной дороги (Желрыба) и ряд кооперативных организаций), а также непродуманностью кредитной политики, предприятие не смогло развернуть свою деятельность в полном объеме.

Мурманское руководство попыталось исправить ситуацию посредством привлечения ещё одного пайщика – Управления Соловецкими Лагерями Особого Назначения. В фондах ГАМО нами был выявлен документ в котором отображается подноготная обращения мурманского руководства [3, л. 31–31 об.].

Документ напечатан машинописным способом на бумаге, представляет из себя оригинал обращения, исправлений и помарок в тексте нет. В верхнем левом углу проставлена чернилами дата – 17/ X – 28 г. Текст подписан председателем Мурманского Окрисполкома Аксеновым [1].

Документ содержит краткую историю создания товарищества, а также причины по которым мурманское руководство обратилось к УСЛОНУ. Ответ руководства УСЛОНА нами пока не выявлен, но в документах связанных с периодом конца 1928–1929 гг. среди пайщиков УСЛОН не значится. Дальнейшие архивные изыскания вполне могут привести к выявлению новых документов по указанной проблематике.

Л. 31

Начальнику Управления Соловецкими Лагерями
Особого Назначения.

Уважаемый товарищ.

Обновление и реконструкция рыбацкого промыслового флота является в настоящее время важнейшей задачей мурманских рыбных промыслов. Эта задача имеет большое как экономическое, так и колонизационное значение. Учитывая это обстоятельство Мурманский Губисполком еще в 1926 г. предпринял организацию на Мурмане рыбацкого судостроения. С этой целью было организовано Судостроительное Т-во в составе следующих участников: Губисполком, Колонизационный Отдел Мурм.ж.д. /в лице Желрыбы/ и ряда мелких

кооперативных организаций с общей суммой пассивного капитала 40 тысяч рублей, из них 24 тыс. пай Окрисполкома. Постановлением Эконо РСФСР от 27-го февраля 1927 г. были предназначены специальные безвозвратные кредиты на это дело из госбюджета. Однако, вследствие общей финансовой обстановки эти кредиты были отпущены лишь частично, при чем в виде возвратных сумм. Таким образом Т-во вынуждено было работать на заемные средства, так как при дефицитности бюджета Исполкома, выделить необходимые суммы из местных средств не представлялось никакой возможности.

Ввиду этих обстоятельств Т-во не смогло развернуть судостроительное дело надлежащим образом и работа построенной верфи проходила чрезвычайно кустарным порядком, при постоянных материальных и финансовых недостатках и отсутствии

Л. 31 об.

надлежащих технических сил. Положение верфи в настоящее время требует коренной ее реорганизации: вложения таких средств и сил, которые – обеспечили – бы возможность ее нормальной работы.

Одним из главных является вопрос об обеспечении дела судостроения надлежащими техническими силами, которыми крайне беден Мурманский округ. Немаловажное значение имеет также вопрос о пополнении основного капитала соответствующими средствами. Ни одна из мурманских организаций не в состоянии в настоящее время удовлетворительно разрешить этих задач. Учитывая Вашу производственно-хозяйственную работу в АКССР и то обстоятельство, что в Вашем распоряжении имеется достаточно технических сил было-бы чрезвычайно целесообразным Ваше непосредственное участие в этом важном деле. Это участие мыслится, примерно, на следующих основных условиях: 1/ совместно определяется необходимая сумма уставного капитала, по нашим предположениям она составит 125–150 тысяч руб. и Вы входите пайщиком в размере одной третьей части всего уставного капитала, пополнений остальных двух третей Окрисполком мог-бы взять на себя. 2/ Техническое руководство передается непосредственно в Ваше ведение, работа производится посредством Вашей рабочей силы. Эти условия были сообщены Вашему представителю П/Х-с/г.

Просьба сообщить Ваше мнение по данному вопросу в возможно непродолжительный срок.

В ожидании Вашего ответа.

Председатель Мурманского
Окрисполкома: /Аксенов/

Библиографический список

1. Аксенов Николай Иванович (1885–?), чл. ВКП(б) с 1917, сов. работник. В 1920 – монтер Балтийского завода; в 1927 – делегат 1-го Мурманского окружного съезда Советов от Мурманского горсовета, в 1927–1929 – председатель Мурманского окрисполкома, председатель окружной плановой комиссии, председатель окружного совета физической культуры, с 1929 – отозван в распоряжение Ленингр. ОК ВКП(б).
2. ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 128. Л. 241.
3. ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 115. Л. 31–31 об.
4. *Ушаков И.Ф.* Избранные произведения. Т. 1: Кольская земля. Мурманск, 1997. 648 с.

УДК 355/359

Д.В. Попов,

преподаватель, Военная академия РХБ защиты им. С.К. Тимошенко

ДИСКУССИИ О РАЗВИТИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ, ЯРОСЛАВСКОЙ И КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. Статья анализирует материалы губернских и уездных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1903 гг.) на примере Владимирской, Костромской и Ярославской губерний. Центральное внимание уделено дискуссиям о роли народного образования в модернизации аграрного сектора. Выявлены ключевые противоречия между сторонниками приоритета общегражданской грамотности и апологетами узко-практического обучения, а также споры о моделях финансирования и управления школами (земская автономия или государственная централизация). На основе широкого круга источников показано, что, несмотря на разногласия, местные комитеты пришли к консенсусу о необходимости всеобщего начального образования и масштабных государственных ассигнований, а их работа стала важным этапом в осознании образовательных потребностей страны и идейной предтечей будущих реформ.

Ключевые слова: Особое совещание, местные комитеты, народное образование, сельскохозяйственное развитие, земства, начальная школа, образовательная политика, Центральная Россия, Владимирская губерния, источники начала XX века.

D.V. Popov,

Lecturer, Federal State-Funded Military Educational Institution of Higher Education
"Military Academy of NBC Protection named after S.K. Timoshenko"

**DISCUSSIONS ON THE DEVELOPMENT OF PUBLIC EDUCATION
IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES
(A CASE STUDY OF VLADIMIR, YAROSLAVL,
AND KOSTROMA PROVINCES)**

Abstract. The article analyzes the materials of provincial and district committees of the Special Conference on the Needs of the Agricultural Industry (1902–1903) using the example of the Vladimir, Kostroma, and Yaroslavl provinces. Central attention is paid to the debates on the role of public education in modernizing the agricultural sector. Key contradictions are identified between proponents of the priority of general civic literacy and advocates of narrowly practical training, as well as disputes over models of financing and managing schools (zemstvo autonomy versus state centralization). Based on a wide range of sources, it is shown that, despite disagreements, local committees reached a consensus on the necessity of universal primary education and large-scale state funding. Their work became an important stage in recognizing the country's educational needs and served as an ideological precursor to future reforms.

Key words: Special Conference, local committees, public education, agricultural development, zemstvos, primary school, educational policy, Central Russia, Vladimir province, early 20th-century sources.

В 1902 году по инициативе министра финансов С.Ю. Витте было создано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, работа которого была организована через разветвленную сеть губернских и уездных комитетов. Уникальность работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности заключалась в следующем:

Во-первых, это был беспрецедентный по масштабу и открытости всероссийский опрос «снизу». Витте инициировал не работу закрытой бюрократической комиссии, а создание более 600 местных комитетов по всей империи, куда вошли не только чиновники, но и земцы, помещики, некоторые крестьяне, агрономы, учителя.

Во-вторых, его работа привела к парадоксальному и неожиданному для власти результату. Хотя целью было найти пути развития именно сельского хозяйства, собранные материалы (включая тома от местных комитетов) единодушно указали, что корень проблем лежит вне аграрной сферы. Главными препятствиями были названы нехватка общего образования, правовая неполноценность крестьян, общинная чересполосица и недостаток кредитов. Таким образом, Совещание,

задуманное как отраслевое, невольно доказало необходимость системных политических и социальных реформ.

В-третьих, оно стало идеологической и фактологической базой для будущих реформ, особенно столыпинских.

Это был редкий случай, когда самодержавное правительство организовало честную диагностику социальной болезни, но затем оказалось не готово немедленно применить прописанное ею радикальное лечение. Анализ материалов комитетов нечерноземных губерний Центральной России – Владимирской, Костромской и Ярославской – однозначно показывает, что вопрос народного образования был признан одним из ключевых, системообразующих факторов успеха любой аграрной реформы. Дискуссии развернулись вокруг фундаментальных целей, методов, источников финансирования и моделей управления, выявив как общие чаяния, так и глубокие противоречия между разными уровнями власти, сословиями и идеологическими подходами. Фактически, в трудах комитетов шла речь не просто об «аграрном просвещении», а о будущем облике российской деревни и путях преодоления ее многовековой отсталости.

Сердцевиной всех дискуссий стал идейный конфликт между сторонниками приоритета общего образования и апологетами узкопрактического обучения. Сторонники первичности общего образования, наиболее четко представленные Костромским губернским комитетом, занимали принципиальную позицию. Они доказывали, что без базовой грамотности, умения читать, писать и считать, распространение специальных агрономических сведений бесполезно. Комитет решительно выступал против введения сельскохозяйственных предметов в курс начальной народной школы, считая, что при существующем трехлетнем курсе ученики и так едва успевают освоиться с грамотой, а обременение программы специальными занятиями пойдет в ущерб необходимому общему развитию. Их лозунгом могла бы стать фраза, позднее озвученная в заключении одной из комиссий: «Сначала – азбука, потом – агрономия» [1].

В противовес этому сторонники практико-ориентированного подхода, часто представлявшие уездный уровень или выступавшие от имени крестьянских нужд, стремились теснее увязать школу с насущными жизненными потребностями деревни. Они выдвигали различные модели синтеза: самым популярным предложением стало введение четырехлетнего курса с добавлением в последний год элементарных знаний по сельскому хозяйству, что поддерживали Мологский и Даниловский комитеты [2]. Другим направлением была модель «школы-хозяйства»: Макарьевский уездный комитет настаивал на создании при

школах учебных огородов и демонстрационных делянок, а Юрьевецкий — на школьных участках для практического изучения новых методов [3]. Радикальное крыло, представленное такими деятелями, как В.Е. Горталов в Костромской губернии, предлагало и вовсе преобразовать часть школ в профессионально-ремесленные, аргументируя это большей эффективностью и мотивацией для крестьянских семей [4].

Параллельно с идеологическим спором велась не менее острая дискуссия об управлении и финансировании — вопросах, касавшихся реальных рычагов власти и источников средств. Практически все комитеты единодушно констатировали катастрофическую нехватку средств. Буйский уездный комитет приводил шокирующую цифру: в 1902 году на все образование выделялось лишь 1,8 % государственного бюджета. Земства, особенно в бедных уездах, выкладывались по максимуму: так, в Ветлужском уезде земские расходы на школы составляли 31 800 рублей, но для охвата всех детей требовалось еще 133 000 рублей ежегодно. Лейтмотивом стало требование активного и масштабного финансового участия государства в форме субсидий, министерских школ или освождения земств от части расходов [5].

В сфере управления позиции резко расходились, отражая конфликт между либеральными земскими кругами и центральной бюрократией. Земский лагерь, ярко представленный Костромским губернским комитетом, требовал радикального расширения самостоятельности: права самим открывать школы, устанавливать их программы и тип, а также организовывать просветительские мероприятия без избыточных разрешений. Им противостояли сторонники централизации, как, например, Ветлужский уездный комитет, предлагавший унифицировать все начальные школы под началом Министерства народного просвещения для обеспечения единых стандартов. Компромиссную модель взаимодействия предложили в Ярославской губернии, где призвали к «полному взаимодействию земских и церковно-приходских школ», признавая большую роль духовенства в просвещении [6].

Осознание острой нехватки квалифицированных преподавательских кадров было всеобщим. Для подготовки учителей главным рецептом стало учреждение учительских семинарий, причем преимущественно женских, так как опыт показывал их большую стабильность и эффективность в народных школах. Для уже работающих педагогов считались обязательными летние курсы по сельскому хозяйству. Почти всеобщую поддержку получила идея создания института земских сельскохозяйственных инструкторов как наиболее адресной формы работы со взрослым населением. Владимирский губернский комитет видел их главное преимущество в том, что они, проживая постоянно среди

крестьян и пользуясь их доверием, смогут эффективно распространять полезные знания [7].

Для работы со взрослым населением предлагался комплекс мер, упирившийся в требование либерализации административных процедур. Главным стало кардинальное упрощение порядка устройства народных чтений и лекций – Костромской комитет констатировал, что личная инициатива здесь «стеснена до полной невозможности». Одновременно предлагалось развитие библиотек, насыщение их дешевой популярной литературой, организация выставок и премирование передовых хозяйств. Уникальным новаторским предложением выделился Рыбинский комитет, выдвинувший идею использовать местную газету «Сельский вестник» как инструмент массового просвещения, сделав ее бесплатной для крестьян и расширив сельскохозяйственный отдел [8].

Несмотря на разногласия, существовал и широкий консенсус. Все комитеты признавали образование основой аграрного развития и необходимость всеобщего начального образования как долгосрочной цели. Единодушно констатировалась критическая нехватка финансирования и потребность в государственных ассигнованиях, а также важность внешкольной работы и необходимость снятия бюрократических барьеров. В то же время ряд предложений вызывал споры или отвергался. Помимо уже упомянутого спора о программе школы, радикальные требования земств о полной самостоятельности не находили поддержки на государственном уровне. Маргинальные инициативы, вроде предложения Владимирского уездного комитета о реформе орфографии через исключение букв «ѣ» и «і», оставались курьезом [9]. Идея священника Н. Крылова о создании сети сверхдешевых школ в крестьянских избах была отвергнута Костромской комиссией из-за антисанитарии и неэффективности [10].

В заключение можно сказать, что дискуссии в местных комитетах Особого совещания стали масштабной и откровенной рефлексией российского образовательного и аграрного кризиса накануне великих потрясений. Они отразили сложный переходный период, когда старое, патриархальное устройство деревни уже не работало, а новые модели только нащупывались. В этих материалах сталкивались не просто мнения, а мировоззрения: просвещенческий идеализм губернских интеллигентов и утилитарный прагматизм уездных деятелей, требовавших сиюминутной практической отдачи. Звучали и голоса отчаяния, как в анонимном мнении из Юрьевского комитета о жизни «среди полудикарей», и трезвые экономические расчеты. Несмотря на региональные акценты, все комитеты пришли к общему выводу: без беспрецедентных инвестиций в человеческий капитал, без преодоления «тьмы невеже-

ства» модернизация сельского хозяйства России обречена. Многие из высказанных прогрессивных идей опередили свое время и были реализованы позднее, но в начале XX века они остались в основном благими пожеланиями, утонувшими в бюрократической переписке и нерешенности фундаментальных вопросов о власти и ресурсах. Работа комитетов, тем не менее, стала важным этапом в публичном осознании образовательных потребностей нации и интеллектуальной подготовкой к будущим реформам.

Библиографический список

1. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Костромская губерния. Санкт-Петербург: тип. Исаака Гольдберга, 1903. С. 351–352.
2. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Ярославская губерния. Санкт-Петербург: тип. Н. Евстифьева, 1903. С. 77.
3. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Костромская губерния. Санкт-Петербург: тип. Исаака Гольдберга, 1903. С. 413.
4. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Костромская губерния. Санкт-Петербург: тип. Исаака Гольдберга, 1903. С. 331–333.
5. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Костромская губерния. Санкт-Петербург: тип. Исаака Гольдберга, 1903. С. 260–261.
6. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Ярославская губерния. Санкт-Петербург: тип. Н. Евстифьева, 1903. С. 2–4.
7. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Владимирская губерния. Санкт-Петербург: тип. Штаба отд. корпуса погран. стражи, 1903. С. 20.
8. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Ярославская губерния. Санкт-Петербург: тип. Н. Евстифьева, 1903. С. 209–210.
9. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Владимирская губерния. Санкт-Петербург: тип. Штаба отд. корпуса погран. стражи, 1903. С. 20.
10. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Костромская губерния. Санкт-Петербург: тип. Исаака Гольдберга, 1903. С. 322–323.

В.П. Пушкив,

старший научный сотрудник, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова (Москва)

УРОЖЕНЦЫ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ – ПЕРВОКУРСНИКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1917 г.

Аннотация. В 1917 г. Тульская губерния заняла 8-е место по числу первокурсников (75) Московского университета, были представлены 2 уезда из 12. В основном это были гимназисты и семинаристы. Впервые 1 девушка стала студенткой. По социальному составу в основном это были выходцы из семей духовенства, дворян и чиновников.

Ключевые слова: 1917, Московский университет, Тульская губерния, первокурсники.

V.P. Pushkov,

Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University (Moscow)

NATIVES OF TULA PROVINCE – FIRST-YEAR STUDENTS OF MOSCOW UNIVERSITY IN 1917

Abstract. In 1917, Tula province took the 8th place in the number of first-year students (75) of Moscow University, 2 counties out of 12 were represented. They were mostly high school students and seminarians. For the first time, 1 girl became a student. According to their social composition, they mostly came from families of the clergy, nobles and officials.

Key words: 1917 Moscow University; Tula region; university freshmen.

О большой демократизации высшего образования в результате Февральской революции 1917 г. убедительно свидетельствует подготовленный университетской канцелярией «Алфавитный список студентов, принятых в 1917/18 академическом году» [1], основная информация которого в форме электронной таблицы вошла в базу данных «Первокурсники Московского университета 1917 г.» [2].

По этой БД в 1917/18 учебном году в Московский университет было принято 2389 первокурсников, хотя по опубликованному 6 июля 1917 г. решению университетского Ученого совета планировалось зачислить в полтора раза меньше – 1450 чел. [3]. Впервые на равных правах с мужчинами было принято 154 женщины (6,4 %). В сложное военное-революционное время Московский университет не только

продолжал оставаться ведущим центром отечественной высшей школы, но даже усилил свои позиции по научной мобилизации талантливой молодежи. В 1917 г. в его стены пришли молодые люди и девушки из 212 населенных пунктов 80 губерний и областей страны [2, с. 303, 304], тогда как за предыдущее сорокалетие 1877–1916 гг. таких мест исхода университетских воспитанников было 202 [4, с. 224–226], что свидетельствует о серьезном приращении национального интеллектуального пространства. Максимально широкая география университетских новобранцев позволяет достаточно полно выявить источники формирования умственного капитала на переломе исторических эпох, с тем чтобы обеспечить возможность их сравнения с советским временем. И одним из ведущих центров формирования национального интеллекта, естественно, всегда была Москва, уроженцы которой продолжали лидировать и в 1917 г., составляя не более трети от всего нового набора – 828 чел.

На этом фоне 75 тульских первокурсников среди других губерний занимали высокое 8-е место. Они представляли саму Тулу и два уездных города – Белев и Ефремов, причем большинство из них были гимназистами – 44 чел. (59 %). Это 20 воспитанников Тульской мужской губернской гимназии, 13 из частной гимназии И.Ф. Перова и 11 из Дворянской гимназии. Больше других учебных заведений (22 чел.) подготовила для университета Тульская Духовная семинария. 8 абитуриентов реальные училища: 5 Тульское губернское, 2 Ефремовское и 1 Белевское. Каждый четвертый тульский гимназист был медалистом: 5 золотыми и 13 с серебряными медалями. За исключением 6 иудеев, все тульские первокурсники были православными.

Из 68 новоиспеченных студентов, указавших свое сословие, 16 чел. (23,5 %) оказались выходцами из духовенства (15 сыновей священников и 1 дьякона). Другие сословия представляли по 11 сыновей дворян (в том числе 8 потомственных), чиновников и купцов. Среди чиновников было по 2 сына статских и коллежских советников, по 1 сыну канцелярского служащего, губернского секретаря, коллежского секретаря, коллежского асессора и надворного советника, а также просто 3 сыновей чиновников. Из купчества вышли 5 сыновей потомственных почетных граждан, 3 – личных почетных граждан и 3 сыновей купцов. Мещане дали 10 первокурсников, крестьяне 6. Из семей медиков было всего лишь по 1 сыну врача и провизора, кроме того, от ремесленников имелся 1 «сын цехового». Совершенно не было первокурсников из семей преподавателей и военных

Научные приоритеты тульских студентов явно склонялись в сторону физико-математического факультета, поскольку основная их доля в 30 чел. из 75 (40 %) избрала именно физмат, причём интерес к его

математическому отделению оказался вдвое выше, чем к естественно-му). Треть первокурсников поступила на медицинский факультет – 25 чел., 13 на историко-филологический и лишь 7 на юридический. В относительном выражении по сравнению со всеми 2389 университетских новобранцами 1917 г. особенность научных интересов туляков проявлялась в полуторном превосходстве удельного веса медицинского факультета (33,3 % против 22,8 %) и существенно меньшей доли физмата: 40,0 % первокурсников против 53,0 %. По двум другим факультетам имелось почти полное доленое тождество: по юрфаку 9,3–9,7 % и по историко-филологическому – 17,3 % против 17,5 %. Приведенный ранжир научных интересов нового университетского поколения коренным образом отличался от соответствующей картины за 1877–1916 гг., когда, наоборот, наиболее привлекательным был юридический факультет. Огромное падение интереса к юриспруденции, видимо, объяснялось малым авторитетом права и законов на переломном этапе истории, тогда как медицинские и естественнонаучные специальности были остро востребованы военным временем.

Подавляющее большинство тульских первокурсников были молодыми людьми в возрасте 17–20 лет, однако встречались и более возрастные студенты вплоть до 1893 года рождения (поступивший на естественное отделение физмата сын крестьянина выученик Тульского реального училища 34-летний Сергей Куликов), а самым молодым оказался зачисленный на математическое отделение того же факультета 16-летний сын статского советника выученик Тульского реального училища Сергей Ризниченко. Единственной первокурсницей среди тульских уроженцев стала поступившая на юрфак бывшая гимназистка 22-летняя дочь потомственного почетного гражданина Генриетта Брук. Тульские первокурсники, естественно, рождались во все месяцы (в среднем 6 чел. в один месяц, но несколько неравномерно: пик рождений в 10 чел. выпал на март, а минимум в 3 чел. на июль, что, скорее всего, было обусловлено ограничением зачатий соответственно во время Великого и Петрова поста.

Среди 71 фамилии тульских первокурсников 5 имели по два носителя: Алферовы, Буровы (родные братья), Виноградовы, Дьяковы и Нечаевы. Встретился целый ряд церковно-семинарских фамилий и не только среди бывших семинаристов (Введенский, Виноградов, Знаменский, Казанский, Малицкий, Преображенский и др.), что убедительно говорит о большом вкладе духовенства в формирование отечественной умственного капитала. С «птичьими» фамилиями были Лебедев, Соколов, Сорокин и др., но не было ни одной «рыбей» или «звериной» фамилии. О польских предках ряда туляков говорят фамилии

Замбрицкий, Протусевич и др. Из известных дворянских родов встретились Бухвостов, Головкин, Потемкин и Татищев. Среди же 22 личных имен первокурсников чаще других фигурировали три: Николай, Михаил и Сергей (соответственно 18, 6 и 5 чел.), тогда как Иванов оказалось всего 4. Такая картина выявляет некую имперскую ментальность родителей тульских первокурсников при наречении своих сыновей. Процесс изменения приоритетности личных имен между смежными поколениями подтверждается тем, что деды первокурсников 1917 г. (судя по отчествам первокурсников) чаще всего называли их отцов Иванами и Николаями (по 11 раз), за которыми шли 9 Василиев и 6 Александров и др. Полный список тульских первокурсников 1917 г и 644 уроженцев Тульской губернии – выпускников Императорского Московского университета 1877–1916 гг. [5; с. 133–140] высылается по адресу электронной почт pushkov@wwwcom.ru

Библиографический список

1. Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 14 л. Д. 13312.
2. *Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М.* Списки первокурсников Московского университета 1917–1918 академического года как массовый источник // Идеи академика И.Д. Ковальченко в XXI веке. М., 2009. С. 302–311.
3. Русское слово. 6 июля 1917 г.
4. *Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М.* Профессионально-географический состав выпускников Московского университета. 1877–1916 гг. // История Московского университета: 1755–2004; материалы V научных чтений памяти профессора А.В. Муравьева. М., 2004. С. 222–234.
5. *Пушков В.П., Пушков Л.В.* Уроженцы Тульской губернии – выпускники Московского университета 1877–1916 гг. // Белевские чтения. Вып. 4. Белев, 2004. С. 133–140.

О.А. Рашитова,

кандидат исторических наук, преподаватель, Академия реставрации и дизайна
(Санкт-Петербург)

ОСОБЕННОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА ЯМБУРГА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются социально-экономические и культурные особенности жизни уездного города Ямбурга Санкт-Петербургской губернии в период империи. Выявляется специфика провинциального быта, экономики и менталитета города, находившегося в непосредственной близости от столицы, но сохранявшего характерные черты периферийного центра.

Ключевые слова: Ямбург, Санкт-Петербургская губерния, провинциальная жизнь, уездный город, локальная идентичность, модернизация.

O.A. Rashitova,

Candidate of Historical Sciences, Lecturer, Academy of Restoration and Design
(Saint Petersburg)

FEATURES OF PROVINCIAL LIFE IN THE CITY OF YAMBURG

Abstract. The article examines the socio-economic and cultural features of life in the district town of Yamburg in the St. Petersburg province during the imperial period. It reveals the specifics of provincial life, economy, and mentality in a city that was located in close proximity to the capital but retained the characteristics of a peripheral center.

Key words: Yamburg, St. Petersburg Province, provincial life, district town, local identity, modernization.

Ямбург (с 1922 г. – Кингисепп), один из старейших городов Северо-Запада России, к XIX веку был типичным уездным центром Санкт-Петербургской губернии, в состав которого входили два города – Нарва и Ямбург.

В Ямбурге к началу XX века проживало более четырех тысяч человек, доминировали мещане, малочисленное купечество, чиновники уездных учреждений и военные. Мещане и часть купечества занимались ремеслом, мелкой торговлей, содержанием постоянных дворов и трактиров. В городе торг вели 12 купцов, имелись 11 лавок и магазинов. В уезде активно развивалось молочное животноводство, продукция которого поставлялась в столицу.

Фабрично-заводская промышленность была развита хорошо: несколько кирпичных, кожевенных и стекольных заводиков, завод по производству бутылок, бумагоделательная, льнопрядильная и суконная фабрики, в Нарве машиностроительный, лесопильный, чугунолитейный заводы. Всего 45 промышленных предприятий в уезде [1, с. 16].

Ямбург располагался на стратегически важном пути из Петербурга в Прибалтику и далее в Европу через Нарву и Ревель. Открытие в 1870 году станции «Ямбург» на Николаевской железной дороге кардинально изменило жизнь города. Это определило его развитие как транзитного узла.

С одной стороны, железная дорога усилила связь со столицей (поездка занимала несколько часов), облегчила сбыт местной продукции и приток товаров. С другой – сделала транзит еще более интенсивным, не всегда способствуя развитию собственной промышленности.

Близость к Петербургу формировала двойственность провинциального сознания ямбуржцев. Многие стремились отправить детей на учебу или на службу в Петербург. Столичные моды, новости и культурные веяния проникали сюда быстро, создавая иллюзию сопричастности. Обратная сторона – «утечка» активной молодежи и капиталов в столицу.

Неоднократно Ямбург посещали члены царской семьи, проезжая через город по железной дороге. Для населения это всегда было грандиозное событие, и становилось темой разговоров на несколько дней.

Несмотря на близость к центру, жизнь протекала размеренно и спокойно со своими проблемами, мелкими интригами, сплетнями, печальными и радостными событиями. Основным местом общения был базар и бульвар на главной улице. Городская жизнь вращалась вокруг уездных учреждений: казначейство, суд, полицейское управление, земская управа. Интеллигенция была немногочисленна. Основной тон задавало мещанство с его идеалами стабильности, домовитости и неспешного процветания.

Главными событиями были ярмарки, церковные праздники и народные гулянья. Кроме этого досуг включал семейные вечера, чтение газет, посещение Народного дома. В воскресные и праздничные дни горожане ходили в храмы, летом гуляли в парке, катались на лодках по Луге, устраивали велопробеги до соседней Нарвы, по вечерам ходили в гости, играли в карты, обсуждали городские новости. В Ямбурге действовали больница, народный театр, пять начальных школ, среднее учебное заведение – Ямбургское коммерческое училище. Был в городе официальный публичный дом для «господ офицеров».

Ямбург представлял собой типичный провинциальный город, но были у него и свои особенности.

Начиная с 1832 года в Ямбурге были расквартированы военно-служащие и вплоть до революции 1917 года, они составляли значительную часть населения. Многолетнее нахождение в Ямбурге военных наложило отпечаток на провинциальную жизнь. Горожане сдавали квартиры в наем, оказывали различные услуги военнослужащим, что давало дополнительный заработок.

В Ямбурге дислоцировался 146-й пехотный Царицынский полк 37-й пехотной дивизии. Военные оказывали большую помощь в благоустройстве Ямбурга. В 1903 г. на территории древней крепости Ям солдаты Царицынского полка посадили новые аллеи деревьев. Так возник полковой сад, сразу полюбившийся горожанам стройностью тенистых аллей и музыкой духового оркестра. Несмотря на то, что сад носил официальное название «Полковой сад 146-го Царицынского полка», на его территорию нижние чины полка не допускались. Об этом строго предупреждала табличка, прикреплённая у входа: «*Солдатам и собакам вход воспрещён!*». Лишь однажды в царское время это правило было нарушено, когда Ямбург провожал в 1914 г. на Первую мировую войну [2, с. 11].

Благодаря усердию полкового священника и командира полка, при церкви Георгия Победоносца в разное время действовали две бесплатные школы грамоты в которых обучались дети военных и беднейших жителей Ямбурга.

Приходили ямбуржцы послушать хор певчих полковой церкви, состоявший из низших чинов полка, мальчиков-музыкантов учеников школы грамоты. Хор считался лучшим в Ямбурге и покорял слушателей своими концертами в офицерском собрании и доме Ямбургского попечительства о народной трезвости.

Воинская часть оказывала влияние на экономическую, социальную и культурную жизнь Ямбурга, неоднократно становилась организатором увеселительных мероприятий в которых участвовала большая часть населения.

В Ямбургском уезде был довольно пестрый этнический состав населения: ижоры, финны, эстонцы, немцы, но большинство все же составляли русские. Многонациональность и многоконфессиональность накладывала отпечаток на городскую жизнь.

Православный Екатерининский собор архитектора А. Ринальди, был архитектурной и духовной доминантой города. В конце XIX века в Петербургской епархии появились викариатства. На территории уезда их было два – Нарвское и Ямбургское. С 1897 года Екатерининский собор города получил статус кафедрального.

Значительная немецкая и эстонская община имела свою кирху Святого Лазаря, приход считался отдельным городским, не входящим в Западно-Ингерманландское пробство. В Ямбурге для немецких переселенцев-католиков действовала церковь св. Иоанна Непомуцкого. Она располагалась в каменном здании по Большой Санкт-Петербургской улице. Также в городе существовала еврейская община.

В учебных заведениях были представлены основные вероучения, как, например, в Ямбургском коммерческом училище законоучителями были священник Ласкарев Александр Петрович, ксендз Курляндский Станислав Николаевич (римско-католического вероисповедания), пастор Трейман Ян Янович (евангелистско-лютеранского исповедания) [3, с. 72].

Национальное разнообразие создавало пестрый культурный ландшафт. Взаимовлияние было заметно в кухне, лексике, деловой практике. Народы ябургского уезда со своей культурой, бытом, обычаями, вероисповеданием, взаимно обогащая друг друга лучшими традициями.

В 1898 году в Ямбурге было создано уездное попечительство о народной трезвости для борьбы с пьянством. Основой его работы стала идея предложить людям культурную альтернативу алкогольному досугу.

Деятельность попечительства началась с открытия в Ямбурге библиотеки-читальни с чайной и столовой, находившейся в центре города в доме купца Новгородкина. Детище попечительства занимало семь просторных комнат. Народные чтения и танцевальные вечера весьма охотно посещались простым народом, но помещение не могло вместить всех желающих. В 1901 году члены попечительства решили выстроить Народный дом, открытие которого состоялось в августе 1904 года.

Народный дом стал главным досуговым центром Ямбурга. В нем располагались чайная и любительский оркестр балалаечников, а в 1905 году открылась первая публичная земская библиотека, для отвлечения внимания населения от питейных заведений. Активное участие в организации библиотеки приняли граф Георгий Николаевич Сиверс – предводитель ябургского дворянства и Петр Петрович Зальцер – председатель Ябургской земской управы. Устав бесплатной народной библиотеки-читальни в Ямбурге был утвержден еще в 1899 г. [4]. К 1914 году Ябургское земство имело в своем ведении 22 народные библиотеки, и рассматривало вопрос о передаче ему еще 31 библиотеки попечительства о народной трезвости.

Ябургское попечительство представляло собой практичную, «созидательную» модель борьбы за трезвый образ жизни. Главный ак-

цент был сделан не на осуждение, а на создание привлекательных форм проведения времени.

В конце декабря 1909-начале января 1910 года в Петербурге состоялся Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством. В работе съезда принимал участие земский врач, доктор медицины Петр Николаевич Прохоров. Он выступил с докладом «Сравнительная оценка мер борьбы с алкоголизмом в Ямбургском уезде и в Норвегии».

Непосредственно о Ямбургском уезде докладчик сказал следующее: *«Книжки и брошюры, проповеди, дома трудолюбия, попечительства о народной трезвости из чиновников, чайные, народные дома, различные развлечения, все это не дало в Ямбургском уезде, как и в других местах никаких результатов. Пьянство не только не сократилось, но пошло усиленными темпами. Увеличилось количество драк и убийств, а посылка стражников с целью водворения порядка на праздниках пивных и храмовых, оказалась мерою отрицательной, так, как и эти охранители порядка любят выпить»* [5, с. 1052–1061].

Доктор считал, что абсурдом является устраивать чтения о вреде пьянства и тут же открывать с молебнами винные лавки. Петр Николаевич полагал, что духовенство, учителя и врачи, представители общественного управления и администрация должны совместно противостоять пьянству. Доклад Прохорова произвел впечатление на участников съезда. Одним из пунктов резолюции было следующее: «Съезд предлагает начать энергичную борьбу с пьянством в России с Ямбургского уезда» [6, с. 111].

По инициативе доктора Прохорова П. Н. в 1907 году было создано Ямбургское общество «Просвещение» куда вошло 76 человек из всех сословий.

В 1907 году была открыта телефонная сеть. К 1912 году имелось 675 верст проводов и 278 верст линий, с 51 платным абонентом.

Еще одним новшеством стал кинематограф. В начале 1911 года открылся синемаатограф «Модерн» наравитянина Бреннера, премьерой совсем не жизнерадостного фильма «Похороны Л.Н. Толстого» и лентой «Семирамида». После кинематографического сеанса в зале состоялись танцы, действовала «летучая почта», а вместо оркестра лихо наигрывал один местный гармонист. Господин Бреннер поставил рядом с Народным домом балаганчик, разместил в нем динамо-машину добывающую электричество, провел провода в зал и повесил лампочки. Такой иллюминации в стенах Народного дома ямбуржцы прежде никогда не видели. Как и предполагалось, был полный зал публики [7, с. 9].

29 августа 1910 года распахнуло свои двери для учеников коммерческое училище. В 1912 году здесь числилось 213 учащихся, препо-

давательский состав состоял из 13 высокообразованных педагогов, приглашенных из учебных заведений Петербурга и Эстонии, действовали кружки, смешанный хор, духовой оркестр.

В 1914 году был организован Ямбургский спортивный кружок. 22 июня был устроен 1-й спортивный праздник, в программу которого вошли состязания по легкой атлетике и футбольный матч между 1-й командой Ямбургского спортивного кружка и 1-й командой из Нарвы (береговой).

Провинциальная жизнь Ямбу́рга Санкт-Петербургской губернии в XIX – начале XX века представляла собой сложный синтез традиционных уездных укладов и влияния стремительно модернизирующейся столичной агломерации. Его ключевыми особенностями были: транзитная экономика, зависящая от логистических потоков; сложный этноконфессиональный состав, определявший культурное многообразие; и гибридный менталитет, балансировавший между провинциальной патриархальностью и столичными амбициями. Изучение Ямбу́рга как модели «ближней провинции» позволяет более глубоко понять механизмы взаимодействия центра и периферии в Российской империи, процессы адаптации традиционного общества к вызовам модернизации и формирования локальных идентичностей в эпоху глобальных перемен.

Библиографический список

1. Исторический обзор деятельности земских учреждений С.-Петербургской (ныне Петроградской) губернии. (1865–1915 гг.) / сост. Б.Б. Веселовским по поручению Петрогр. губ. зем. управы. Петроград, 1917.
2. *Белобородов А.* Сердце города // Восточный берег 2004. 9–15 июня. № 23 (529).
3. *Гадло А.В.* Этнография Северо-Запада России. СПб., 2004.
4. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга Ф. 254. Оп. 1. Д. 9107.
5. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. С.-Петербург. 28 дек. 1909 г. 6 янв. 1910 г.: в 3 т. Т. 3.
6. *Прохоров Б.Б.* Жил-был доктор. М.: АдамантЪ, 2007.
7. *Белобородов А.Н.* Во благо простого народа // Восточный берег. 2023. № 35. С. 9.

А.Д. Реутова,

доцент, Ивановский государственный медицинский университет (Иваново)

ШКОЛЫ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО УЧЕНИЧЕСТВА В 1920-е ГОДЫ

Аннотация. Фабрично-заводские школы занимались подготовкой молодежи к профессиональной деятельности, одновременно уделяя внимание её воспитанию в условиях советской действительности. О создании и развитии этих школ в 1920-е годы говорится в данной статье.

Ключевые слова: школы фабрично-заводского ученичества, подростки, рабочие, Н.К. Крупская.

A.D. Reutova,

Associate professor, Ivanovo State Medical University (Ivanovo)

FACTORY AND WORKSHOP SCHOOLS IN THE 1920s

Abstract. Factory schools prepared young people for professional activities while simultaneously educating them in the new conditions of Soviet reality. This article discusses the creation and development of these schools in the 1920s.

Key words: factory and workshop schools, teenagers, workers, N.K. Krupskaya.

Созданная в 1917 г. Советская республика была очень заинтересована в подготовке молодёжи к квалифицированной работе на производстве. Приспособление юношей и девушек к новой жизни и труду осуществлялось разными путями. Содействовать решению данной задачи также должны были школы фабрично-заводского ученичества. Советская власть не являлась изобретателем данного типа школ. К этому времени подобные организации существовали в Европе и Америке, да и в дореволюционной России имелись подобного вида учреждения: различные профессиональные училища, школы ремесленных учеников и низшие ремесленные школы.

В 1918 г. на базе ликвидированных ремесленных школ появились школы рабочих-подростков. А с 1920 г. под их эгидой стали возникать школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Однако по понятным причинам данным школам не уделяли должного внимания. В 1921 г. интерес к молодёжи, работающей на производстве проявила Н.К. Крупская. Она указала общественности, что «необходимо заботиться об устройстве специальных школ для заводских учеников» [3, т. 4, с. 41–

44]. Главным недостатком действующих школ рабочих-подростков называлось то, что в течение четырёх – шести часов молодёжь трудилась на производстве, а в остальное время была предоставлена сама себе. И это в то время, когда страна боролась с беспризорностью, детской и подростковой преступностью, безграмотностью. Отсутствие начального образования у подростков затрудняло процесс повышения их профессиональной квалификации. Надежда Константиновна, опираясь на зарубежный опыт указала на необходимость заниматься не только специальной подготовкой в заводских школах, но и общеобразовательной. Основной целью школ ФЗУ была подготовка квалифицированных рабочих современного типа, строителей новой жизни, сознательных коммунистов.

Осенью (25–29 сентября) 1922 г. в Москве проходил Первый съезд школ рабочих-подростков, на котором обсуждались вопросы организации школ фабрично-заводского обучения. Вслед за ним в начале октября проходил Всъезд Российского Коммунистического Союза Молодёжи (РКСМ), где также был поднят вопрос о развитии школ ФЗУ. Именно в принятой на этом съезде резолюции ставилась задача «наряду с выпуском высококвалифицированного рабочего, выпустить из школы также и сознательного коммуниста» [4, с. 37]. Необходимо отметить, что комсомол принимал большое участие в развитии школ ФЗУ. Это отмечалось на высшем уровне А.В. Луначарским [2, с. 86] и Н.К. Крупской. В решении упомянутого съезда указывалось, что при активном участии комсомольцев школа рабочих подростков стала массовой всего за два года.

Исследователь В. Архангельский отмечает [1, с. 15], что большую роль в развитии школ ФЗУ сыграл член бюро, а с 1922 по 1924 год Первый секретарь ЦК РКСМ Пётр Смородин. При его поддержке школы фабрично-заводского ученичества стали появляться на заводах Петрограда ещё в годы Гражданской войны, а затем получили распространение по всей стране. Комсомольцы отстаивали идею, что вырастить квалифицированного рабочего-общественника и рабочего-коммуниста можно лишь, воспитав подростка в рабочем коллективе, где он свыкнется с трудовой дисциплиной, в школе получит знания, а в молодежном коллективе научится общественной работе. Школы фабрично-заводского ученичества должны были объединить эти задачи. Комсомольцы рассматривали школы ФЗУ не только как особый тип образовательного учреждения, но и в большей степени как форму организации рабочей молодёжи.

В 1922 году в Советской России насчитывалось 440–500 школ ФЗУ, в которых обучалось по разным данным от 4-х до 34-х тысяч

подростков [1, с. 15; 2, с. 86]. По данным, которые приводит Н.К. Крупская, к указанному году в нашей стране уже насчитывалось 50 тысяч учеников [3, с. 68]. Она также отмечала значительный рост этих учебных заведений в течение указанного года, что не кажется случайным. Государство перешло к мирной жизни, стала проводится новая экономическая политика и началось развитие промышленности. Школы ФЗУ превратились в основную форму подготовки квалифицированных рабочих. В конце того же 1922 года А.В. Луначарский отмечал, что 50 % подростков, работающих в промышленности, получают образование именно в них [2, с. 86].

Школы действовали при крупных предприятиях, а также мастерских и готовили самых разных специалистов: кузнецов, печников, слесарей, ткачей, железнодорожников и т.п.

Школы ФЗУ были включены в систему народного образования как разновидность общеобразовательной школы. Они подчинялись Главному управлению профессионального образования, созданного в 1920 г., в системе Народного комиссариата просвещения. Чёткая регламентация создания и деятельности школ фабрично-заводского ученичества произошла в апреле 1925 г. согласно принятому «Положению о школе рабочих-подростков». Они были чётко определены как один из видов ШРП (школ рабочих подростков) и передавались в ведомство местных органов власти. Содержание школ ФЗУ полностью возлагалось на предприятия, при которых они создавались.

В ФЗУ принимали молодёжь в возрасте 14–18 лет. Особенно много подростков было до 16 лет. Так как по первому трудовому кодексу 1918 г. Рабочего и Крестьянского Правительства был запрещён труд детей до шестнадцатилетнего возраста. Чтобы отвлечь их от разлагающего влияния улицы, они отправлялись на обучение. Это решение было закреплено правительственным декретом от января 1919 г. «Об обязательном обучении подростков», по которому вводилось обязательное обучение молодёжи в возрасте от 15 до 17 лет, работавшей на фабрично-заводских, торгово-промышленных, ремесленных предприятиях и государственных учреждениях.

В школы фабрично-заводского ученичества должны были поступать подростки после окончания семилетки или рабфака. В действительности в них часто брали окончивших четырёхлетку, так как, во-первых, семилетних школ не хватало, а во-вторых, в таком случае в фабзавуч могли попасть только дети служащих, а не рабочего класса. А в начале 1920-х годов в ФЗУ обучалась молодёжь, часто окончившая два – три класса начальной школы, либо вовсе не умевшая читать и писать. Естественно, это мешало государственным планам по развитию

школ фабзавуча, увеличивало затраты по их содержанию. Вместо обучения общественным наукам, физике, химии подросткам приходилось давать азы грамотности. Поэтому в первое десятилетие советской власти срок обучения в рассматриваемых школах составлял 3–4 года. Конечно власть понимала, что неправильно готовить в течение нескольких лет рабочего, чтобы он впоследствии выполнял операцию, которой можно было обучить за две недели. Однако такой подход с одной стороны давал возможность человеку развиваться, а с другой – была перспектива отбора наиболее приспособленных для обучения к более специальным отраслям производства.

Общеобразовательные предметы в школах фабзавуча преподавали учителя из обычных школ, а специальные предметы вели инженеры, мастера и руководители различных подразделений предприятия. В начале двадцатых годов прошлого столетия появилась специальная книжная серия «В помощь школе фабзавуча», в которой выходили учебники и пособия для школ ФЗУ, а также методические рекомендации по преподаванию в данных учебных заведениях.

Школы фабзавуча активно давали профессиональное образование детям из детских домов. Им предоставлялись комнаты в общежитиях при предприятии. Однако в жилье нуждались и те, кто учился далеко от места проживания. Конечно жилищем обеспечивались не все нуждающиеся, поэтому ученики вынуждены были снимать комнаты.

Учащиеся ФЗУ должны были обеспечиваться питанием и обмундированием, но из-за недостаточного материального снабжения, часто данное положение не выполнялось. Поэтому жизнь подростков была очень трудной, а питание скудным.

Во второй половине 1920-х годов стала очевидна ещё одна проблема. Отсутствовала связь школ ФЗУ с научными институтами. Производство не знало какие рабочие им будут нужны через несколько лет. Поэтому на фоне роста безработицы в период НЭПа многие выпускники фабзавуча оказывались на бирже труда.

К началу индустриализации школы ФЗУ подготовили большое количество квалифицированных кадров. Многие их выпускники стали специалистами и передовиками производства в своей сфере. Кто-то после окончания фабзавуча продолжил получение профессионального образования и поступил в техникумы и вузы. Новый этап в становлении нашей страны и нерешённые проблемы в развитии школ ФЗУ требовали реорганизации данного типа учебных заведений, что и было сделано в начале тридцатых годов.

Библиографический список

1. *Архангельский В.В. Пётр Смородин*. М.: Молодая гвардия, 1974.

2. Десятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (23–27 декабря 1922 г.): стеногр. отчет. М.: Изд. ВЦИК, 1923.

3. Крупская Н.К. О заводском ученичестве // Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 4. М., 1959.

4. Решения Пятого Всероссийского съезда РКСМ. М.: Мол. гвардия, 1922.

УДК 93/94

Е.А. Решетов,

аспирант, Ивановский государственный университет (Иваново)

«ДЕЛО СЕМЧЕВСКОГО» ИЛИ ФАКТ КОРРУПЦИИ В ШВЕДСКОМ ТОРГПРЕДСТВЕ РСФСР (1921 г.)

Аннотация. Статья посвящена коррупционному скандалу, связанному с закупками зерна в 1921 г. одним из руководителей советского торгового представительства в Швеции Семчевским во время голода в Поволжье.

Ключевые слова: коррупция, взятки, зерно, Семчевский, шведские банки.

E.A. Reshetov,

Postgraduate student, Ivanovo State University (Ivanovo)

"THE SEMCHEVSKY CASE" OR THE FACT OF CORRUPTION IN THE SWEDISH TRADE MISSION OF THE RSFSR (1921)

Abstract. The article is devoted to a corruption scandal related to the purchase of grain in 1921 by one of the heads of the Soviet trade mission in Sweden, Semchevsky, during the famine in the Volga region.

Key words: corruption, bribes, grain, Semchevsky, Swedish banks.

В 1921 г. многие районы России переживали страшный голод. Советское правительство обратилось к международной общественности с просьбой о помощи. Одним из первых откликнулось Шведское королевство. В Стокгольме для голодающих были организованы масштабные сборы денежных и иных пожертвований, оказана существенная помощь по линии Красного Креста [3].

В поисках средств для нужд голодающих в Советской России с февраля 1921 г. начали пересматривать многие экономические проекты, включая закупки оружия, и выделять огромные суммы в золотых рублях и иных ценностях (бриллиантах, жемчуге, цветных камнях) на покупку

за рубежом продовольствия и посевных семян [5, с. 392–395]. Большевики не обошли вниманием и Швецию. Летом 1921 г. Москва решила приобрести там партию семенной ржи на сумму в 7 млн крон. Основная обязанность по выполнению задачи была возложена на Наркомат внешней торговли.

В то время для Советской России основным пунктом для международных торговых операций являлся Ревель (Таллинн) – столица Эстонии, у которой с РСФСР с февраля 1920 г. имелся мирный Юрьевский (Тартуский) договор. В этом же городе обычно происходил перевод ценностей, получаемых из России и исчисляемых в золотых рублях в иностранную валюту, прежде всего, в шведские кроны. И уже на этом этапе Москва теряла существенные суммы. Начальник Гохрана, заместитель начальника валютного управления, заведующий отделом международных расчетов Наркомата финансов РСФСР Г.М. Аркус в одном из донесений наркому финансов Н.Н. Крестинскому указывал: «Когда в Ревеле руководил этим делом [Г.А.] Соломон, мы попали в кабалу мелких банкирских контор[,] и реализация золота производилась по цене ниже паритета – один золотой рубль (около 2, 08) шведских крон – между тем как даже теперь золотой рубль (по лондонской бирже равен 2, 23 шведских крон, по паритету 1, 9201 шведских крон), т.е. на 16–17 % ниже биржевого курса» (цит. по: [6, с. 691]).

В Швецию для закупки семенного зерна весной 1921 г. прибыл инженер Семчевский. По приезду он занял пост заместителя представителя Наркомата внешней торговли в Стокгольме Э.Ф. Юона. Причем пользовался у этого торгпреда неограниченным доверием. Оказавшись в столице Шведского королевства Семчевский приступил к выполнению задания. Вскоре по Стокгольму поползли слухи, что в представительстве НКВТ имеются лица, берущие взятки. Слухи дошли до полномочного представителя РСФСР в Швеции П.М. Керженцева. Полпред начал расследование и выяснил, что при закупке семенного зерна имело место завышение цен. Семчевский вместо реальной цены в 33–34 кроны за 100 кг зерна закупил его по 42 кроны, переплатив свыше 1 млн крон. При этом ряд фирм, желавших участвовать в сделках и предлагавших выгодные условия, был обойден [1, л. 13]. Из неофициальных справок Керженцев узнал также, что Семчевский держит в банках значительные суммы, хотя годом ранее не имел никакого заработка и находился в крайне бедственном состоянии.

Получив эти сведения, полпред П.М. Керженцев сначала по телеграфу, а потом лично при встрече в Берлине сообщил данные о Семчевском главе НКВТ Л.Б. Красину и указал на необходимость немедленно назначить в Стокгольм в качестве представителя Накромвнешторга

человека, которому можно было бы всецело доверять. Официально такое обращение было связано с болезнью Юона. Торгпред проходил лечение, после которого возвращаться в Стокгольм не собирался [1, л. 13 об.]. Красин прислушался к Керженцеву и согласился на назначение заместителем Юона вместо Семчевского Я.П. Штоля. Последний получил указание строго контролировать работу Семчевского.

Тем временем сбор материалов о Семчевском продолжился. В целях получения дополнительных сведений Керженцев 23 или 24 октября 1921 г. познакомил с сложившейся ситуацией Юона и попросил торгпреда поговорить со своим замом для получения новых данных о его деятельности. Руководитель торгового представительства, абсолютно доверявший Семчевскому, был крайне огорчен, но просьбу полпреда выполнил. При встрече с Семчевским он задал ему несколько вопросов о семенной кампании и документе-запросе на семенную рожь, которого не оказалось в канцелярии. После разговора Семчевский заподозрил, что против него собирается компромат [1, л. 15].

Вскоре Москва обратилась в свои стокгольмские миссии с просьбой прислать сотрудника для участия в совещаниях НКВТ. Полпредство предложило поехать Семчевскому, но тот отказался, заявив, что не сделает этого на том основании, что чувствует, что ему не доверяют, и что очевидно про него «идут грязные сплетни». Имея в руках достаточно оснований для более решительных действий, Керженцев через адвоката Гельберга обратился к начальнику полиции Стокгольма для получения выписок из текущих счетов Семчевского в шведских банках. Через несколько дней выписки были получены. Они подтвердили подозрения и предварительную неофициальную информацию. Выяснилось, что за последние четыре месяца Семчевский внес в банки на свое имя 140 тыс. крон и еще 100 тыс. – на имя своей жены. При этом было ясно, что полученные документы отражают далеко не все суммы, которыми оперировал Семчевский, поскольку он мог поместить деньги не только в банки или в банки, но на другие имена или в банки других стран. Выяснилось также, что Семчевский делал одномоментные вклады на большие суммы. Так, 22 июля он положил на счет 20 тыс. крон в один банк, 27 июля 35 тыс. крон – в два банка, а 19 сентября 30 тыс. крон – в два банка. Причем внесение этих сумм совпало с датами подписания заказов с фирмами на поставку зерна. Выяснилось также, что Семчевский почти все свои деньги вывел из банков 25 октября 1921 г., т.е. чуть ли не на второй день после насторожившего его разговора с Юоном [1, л. 15].

Получив эти сведения, Керженцев вновь обратился к начальнику полиции Стокгольма с заявлением об обыске и аресте Семчевского. Силовики сработали оперативно. Семчевского арестовали и поместили

в тюрьму 18-го ноября 1921 г. В этот момент в игру вступили некоторые шведские фирмы. Речь шла о тех деловых партнерах Советской России, которые уже наладили через торгпредство каналы для выгодных операций и теперь опасались, что будут скомпрометированы. Они предприняли усилия, чтобы процесс против Семчевского не состоялся. Причем стали оказывать давление не только на полицию и министерство юстиции, но и на правительство Швеции [1, л. 15 об.].

В заключение сделаем следующий вывод. У нас нет информации о завершении «дела Семчевского», но тут, на наш взгляд, важнее другое. Несмотря на страшную трагедию на родине – в России, далеко не все россияне воспринимали это как личное горе. Примером служит это «дело Семчевского», т.е. попытка высокопоставленного сотрудника торговой миссии Советской России в Швеции «погреть руки» на людских страданиях. Выявленный нами факт коррупции объясняется как алчностью Семчевского, так и слабостью советского госаппарата, принимавшего на работу, связанную с деньгами, людей мало проверенных. Кроме того, имела место элементарная некомпетентность и бесхозяйственность. И не только в стокгольмской миссии НКВТ, но самом наркомате. Так, упоминавшийся выше Аркус в сообщении Крестинскому указывал: «Реализация всех ценностей за границей производится НКВТ не на основании какого-либо разработанного плана <...>, а происходит совершенно случайно, на основании отдельных заявок и телеграмм, не связанных даже в единый план» (цит. по: [6, с. 691]). Причем речь шла о колоссальных суммах. Согласно тому же донесению Аркуса по *разрозненным сведениям, поскольку полной отчетности от НКВТ не поступило*, этому наркомату в 1921 г. было выдано:

«бриллиантов, жемчуга, цветных камней на сумму	
R[ублей] зол[отом].....	23.025.300
и золота	
R[ублей] зол[отом].....	283.194.245
Итого R[ублей] зол[отом].....	306.219.545» [Там же]

Понятно, что такое положение способствовало цветению коррупции. Причем, не только в НКВТ. Бесхозяйственность, некомпетентность и коррупция проникла и в другие советские структуры, что вело к разбазариванию или расхищению золотого запаса страны (см., напр.: [2; 4, с. 221–440]). Еще одним страшным последствием этих пагубных проявлений становились факты, приведенные в Бюллетени Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции в сентябре 1921 г.: «По данным экспертизы <...>, а также по отзывам пищевой секции Наркомздрава о качестве получаемых из заграницы продгрузов выяснилось, что за исключением более или менее удовлетворительного сала (свиного), все

получаемые из заграницы продукты заставляють желать много лучшаго. Мука по большей части с примесью бобов, влажная со сладковатым привкусом, переходящим в горечь, при выпечке тесто плохо поднимается и дает скверный припек. Горох <...> покрыт плесенью темнаго цвета [и] <...> не может быть допущен в пищу людям, а годен лишь для корма животных. Фасоль с затхлым запахом, покрыта плесенью темнаго цвета с 12 % засоренности... Консервы мясные, частью во вздутых банках, издають гниlostный запах, некоторая часть опасна для употребления в пищу. Свиинина с бобами, на самом деле бобы с кусочками свиинины, с большим процентом гниlosti, кислым запахом и вкусом и т.д. Обращает на себя внимание скверная упаковка, в результате чего товар рассыпается, подмачивается и портится» (цит. по: [6, с. 694]).

Библиографический список

1. Архив внешней политики РФ. Ф. 0528. Оп. 1. П. 12. Д. 73 Л. 13–15 об.
2. *Иголкин А.А.* Ленинский нарком: у истоков советской коррупции // Новый исторический вестник. 2004. № 10. С. 18–54.
3. *Решетов Е.А.* Помощь голодающим Поволжья в 1921–1923 гг. // Интеллигенция и интеллектуалы в пространстве университетской традиции: материалы XXXIV Междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. 50-летию Иван. гос. ун-та, Иваново, 19–20 сентября 2024 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. С. 174–181.
4. *Мосякин А.Г.* Судьба золота в Российской империи в срезе истории. 1880–1922. Историческое исследование. М.: КМК, 2017. 657 с.
5. *Черноперов В.Л.* Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1918–1921 гг. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. 439 с.
6. *Черноперов В.Л.* Несколько штрихов к золотовалютной политике большевиков на фоне голода 1921 года // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы XIII Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Иваново, 13–14 марта 2014 г. Ч. 2. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. С. 688–694.

Г.Ш. Сагателян,

профессор, Международный юридический институт (Москва)

МОТИВАЦИЯ ТРУДА В ЗАКРЫТОМ ГОРОДЕ: ОСОБЕННОСТИ АРЗАМАСА-16 (САРОВА)

Аннотация. Мотивации труда на предприятиях ядерного центра СССР в г. Арзамас-16 (Саров) было характерно не только удовлетворенность уровнем высокой зарплаты, хорошими социальными условиями но и уверенности в том, что от их труда зависит сохранение мира во всем мире. Отсюда стремление самоотверженно трудиться максимально задействовать творческий потенциал работников.

Ключевые слова: мотивация труда, ядерщики, новаторство, самоотверженность, патриотизм.

G. Sh. Sagatelyan,

Professor, International Law Institute (Moscow)

LABOR MOTIVATION IN A CLOSED CITY: FEATURES OF ARZAMAS-16 (SAROV)

Abstract. The motivation of labor at the enterprises of the nuclear center of the USSR in Arzamas-16 (Sarov) was characterized not only by satisfaction with the level of high salaries, good social conditions, but also by the belief that the preservation of world peace depended on their work. Hence the desire to work selflessly to maximize the creative potential of employees.

Key words: labor motivation, nuclear scientists, innovation, dedication, patriotism.

В постсоветский период исследователи активно обращались к истории Федерального ядерного центра в Сарове (Арзамас-16), публикуя мемуары ветеранов, аналитические работы и документальные исследования [1]. В годы холодной войны за жёсткой закрытостью предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК) как рядовые граждане, так и учёные имели крайне ограниченное представление о том, как выстраивалась трудовая мотивация в коллективах оборонных производств. Возникал закономерный вопрос: что двигало работниками, занятыми в создании ядерного оружия? Какие ценности и стимулы определяли их повседневную деятельность? По этой же причине долгое время оставался неясным вопрос о том, какие именно смыслы и ценности лежали

в основе трудовой деятельности работников, изготавливавших стратегически важную продукцию

Актуальность анализа мотивационных механизмов в условиях закрытого города обусловлена необходимостью выявления специфики трудового поведения в среде, где труд сопряжён с жёстким режимом секретности, особой ответственностью и повышенными морально-психологическими требованиями. Рассмотрение системы стимулов на примере ведущего ядерного центра СССР Арзамаса-16 позволяет восполнить существующие пробелы в исследовании трудовой культуры оборонного комплекса.

Специфика мотивации труда в Арзамасе-16 включала пять ключевых факторов:

1. Повышенный уровень оплаты труда. Зарплаты здесь существенно превышали средние показатели по стране. Руководство предприятий располагало широкими возможностями для материального поощрения отличившихся сотрудников.

2. Улучшенные условия быта и труда. В отличие от большинства регионов страны, в Арзамасе-16 обеспечивались: высокий уровень культуры производства; доступное жильё; развитая сеть детских садов, школ и объектов соцкультбыта.

3. Высокий статус работников. Советское руководство, стремясь поддерживать паритет в ядерной гонке, щедро награждало сотрудников главного ядерного центра. Успешные испытания и производство «изделий» регулярно сопровождалось вручением орденов, медалей и иных государственных наград.

4. Идеологическая составляющая. В городе целенаправленно формировалось представление о миссионерской роли ядерщиков: большинство жителей верили, что их труд укрепляет обороноспособность страны и предотвращает глобальную катастрофу. Эта убеждённость становилась мощным внутренним стимулом.

5. Преференции в снабжении. Город обеспечивался по столичным нормативам, что резко выделяло его на фоне окружающих регионов.

Патриотизм как основа самоотдачи. Одной из отличительных черт работников Арзамаса-16 был особый тип патриотизма, пронизывавший всё трудовое сообщество. Большая часть жителей города была уверена в особой миссионерской роли ядерщиков в укреплении обороноспособности страны, предотвращении ядерной катастрофы в мире. Анатолий Васильевич Веселовский, более 40 лет возглавлявший испытательный отдел ВНИИЭФ, так характеризовал этот феномен: «Создание ядерного оружия в СССР в сжатые сроки, в тяжелейших условиях, стало подлинным подвигом во имя спасения не только народов Совет-

ского Союза, но и всего мира. Тот факт, что с 1945 года на Земле не произошло ни одной мировой войны, – заслуга наших создателей ядерного оружия» [2, с. 222]. Эта идея нашла отражение и в мемуарах ветеранов [3, с. 248]. Убеждённость в том, что от их работы зависит судьба Отечества и предотвращение глобальной катастрофы, побуждала сотрудников трудиться сверх норм: нередко они работали по 2–3 смены, не считаясь с личным временем.

Свидетельства очевидцев подтверждают экстремальную напряжённость труда: Лекальщик высшей квалификации В.М. Абакумов вспоминал, как вместе с сыном неделю не покидал завод во время выполнения срочного заказа [4, с. 208]. Начальник цеха Л.Я. Ефименко отмечал, что в 1970-е годы работники трудились по 12 часов в сутки, включая выходные [4, с. 166]. Технолог В.Б. Гончаров упоминал, что под Новый год смена могла заканчиваться в 23:00 [4, с. 166]. При этом срывов производственных заданий не фиксировалось: коллектив работал с осознанием высочайшей ответственности. Важную роль при этом играла корпоративная культура, которая изначально базировалась на принципах взаимопомощи и общей ответственности.

Вывод. Важнейшим отличительным признаком трудовой культуры Арзамаса-16 являлось специфическое проявление профессионального патриотизма. Цитируемые воспоминания руководителей и ветеранов подтверждают, что создание ядерного оружия представлялось работникам не просто трудовой задачей, а своеобразным подвигом ради сохранения мира. Уверенность в значении их работы приводила к тому, что трудовая дисциплина и самоотдача приобретали исключительный характер: сотрудники нередко работали по две-три смены подряд, не покидали предприятие в течение нескольких суток и выполняли задачи в условиях жёстких сроков.

Особенности трудового поведения и творческой активности. Ключевой характеристикой поведенческой модели работников являлась готовность к самоотверженному труду, стремление к повышению качества изделий и вовлечённость в процесс совершенствования производственных технологий. Примером может служить переход от штучной сборки к поточному производству ядерных зарядов в начале 1960-х годов, осуществлённый группой инженеров и мастеров под руководством В.Ф. Шатилова. Их новаторские решения получили высокую оценку в Министерстве среднего машиностроения СССР и стали важным вкладом в развитие производства [4, с. 115].

Другим прорывом стало освоение производства детонаторов повышенной безопасности – их надёжность превышала прежние образцы в 10000 раз. Это кардинально улучшило безопасность испытаний

и эксплуатации ядерного оружия [4, с. 116]. Такие технологические прорывы стали возможны благодаря высокой концентрации талантливых кадров и постоянной работе по улучшению конструктивных решений.

Однако не все инициативы встречали поддержку. Изобретатель завода «Авангард» В.В. Каледин вспоминал, что при попытке создать автомат для повышения качества изделий ему и коллегам приходилось работать четвером в свободное время – многие службы не только не помогали, но и препятствовали проекту. Лишь после завершения работы руководство оценило результат [4, с. 171–172]. Этот пример говорит о том, что даже в условиях сопротивления отдельных служб работники нередко доводили свои разработки до внедрения, что свидетельствует о силе творческой мотивации.

Профессиональное развитие и престиж труда. Важное значение придавалось развитию профессионального мастерства. Конкурсы технического творчества, такие как «Золотые руки», способствовали формированию положительного отношения к труду и стимулировали молодёжь к повышению квалификации. Победители конкурсов рабочих профессий становились заметными фигурами заводской жизни и пользовались уважением как внутри предприятия, так и за его пределами. На заводе «Авангард» молодёжь получала поддержку в освоении профессий и повышении квалификации. Победители конкурсов – токарь В. Коршунов, фрезеровщик С. Гусихин, слесарь А. Матюшкин, электромонтажники В. Казаков, И. Зуев стали широко известны коллективу завода. Руководство не скупилось на премии и меры морального поощрения [4, с. 360].

Инновационная деятельность. Одной из ключевых особенностей трудовой культуры Арзамаса-16 была высокая степень вовлечённости работников в рационализаторскую и изобретательскую деятельность. За несколько лет было подано тысячи рационализаторских предложений, экономический эффект от внедрения которых измерялся миллионами рублей. Изобретательская активность охватывала как крупные научно-технические подразделения, так и производственные цехи. Многие сотрудники были авторами десятков предложений и значительного числа изобретений. Статистика рационализаторства демонстрирует масштаб инновационной активности: за 1971–1975 годы сотрудники ВНИИЭФ подали около 7 000 рацпредложений и более 500 заявок на изобретения. Внедрение 4 200 предложений и 98 изобретений дало экономию в 1 797 000 рублей [5, с. 148]. Особое значение имело предложение сотрудников сектора № 13 ВНИИЭФ (Б.А. Выскубенко, В.И. Ефремов, В.Я. Шишов) о применении специаль-

ных затворов для физических опытов. Годовой экономический эффект составил около 360 000 рублей [5, с. 149].

На заводе «Авангард» с 1954 года было зарегистрировано 17 092 рационализаторских предложения, авторами которых стали более 1 500 работников. Среди наиболее активных – Б. Агалаков, П.П. Басов, О. И. Борисюк, В.А. Брагин и другие. Инженер М.М. Шендеров за период с 1962 по 1989 год внедрил 32 рацпредложения с экономическим эффектом 63 297 рублей [4, с. 393].

Несмотря на высокие достижения, система мотивации имела существенные недостатки: **уравнительность в оплате труда** – премирование не всегда отражало реальный вклад работника. **Недооценка материального стимулирования** – идеологические стимулы нередко подменяли экономические. **Низкие темпы механизации** – многие процессы оставались трудоёмкими. **Формализм в организации труда** – бюрократизация снижала эффективность соревновательности. **Неоднозначное восприятие статуса** – часть работников была недовольна своим положением в иерархии.

Заключение. Арзамас-16 как ключевой узел оборонно-промышленного комплекса СССР демонстрировал уникальную модель трудовой мотивации. Её особенности определялись: секретностью производства; жёсткими требованиями военной приёмки; высокой персональной ответственностью; идеологическим акцентом на «миссионерской» роли ядерщиков. Таким образом, мотивационная система предприятий в условиях закрытого города представляла собой уникальный комплекс материальных, социальных и мировоззренческих факторов. Специфика закрытого города, высокий уровень ответственности и устойчивое чувство причастности к большому государственному делу формировали особую модель трудовой культуры, в значительной степени отличавшуюся от мотивационных систем гражданских отраслей.

Несмотря на отмеченные недостатки и ограничения данная система доказала свою эффективность в условиях выполнения сложнейших производственных задач, оставаясь значимым объектом для современного научного анализа.

Библиографический список

1. Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было... Нижний Новгород – Арзамас-16. 1995; *Завалишин Ю.К.* Объект 551. Саров, 1996; *Веселовский А.* Ядерный щит. РФЯЦ-ВНИИЭФ. Саров, 1999; *Завалишин Ю.К.* Объект 551. Саров, 1996; *Куличков Г.Д.* ВНИИЭФ. Исторический очерк. РФЯЦ-ВНИИЭФ. Саров, 1998; Мы служили Родине. Электромеханическому заводу «Авангард» 50 лет. Саров – Арзамас-16. 1999.

2. Сагателян Г.Ш. Шестидесятые годы глазами очевидцев // Советское общество: будни холодной войны: материалы «круглого стола», ИРИ РАН, 29 марта 2000 г. / под ред. д.и.н., проф. Лельчука В.С., д.и.н., проф. Сагателяна Г.Ш. М.; Арзамас: ИРИ РАН-АГПИ, 2000.

3. Веселовский А. Ядерный щит. РФЯЦ-ВНИИЭФ. Саров, 1999. С. 248.

4. Мы служили Родине. Электро-механическому заводу «Авангард» 50 лет. Изд. 2-е, перераб. и доп. Саров – Арзамас-16, 1999.

5. Куличков Г.Д. ВНИИЭФ. Исторический очерк. РФЯЦ – ВНИИЭФ. Саров, 1998.

УДК 32.019.52:94(47).084.2

Б.Б. Сажин,

доцент, Свято-Филаретовский институт (Москва), РТУ-МИРЭА (Москва)

**НИКОЛАЙ II И АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА РОМАНОВЫ:
ОБРАЗ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(по архивным материалам А.С. Пругавина)**

Аннотация. В статье на основе архивных материалов личного фонда А.С. Пругавина реконструируется механизм формирования во время Гражданской войны среди социалистов образа Николая II и его семьи. Отмечается, что через критику царской семьи дискредитировалась сама модель неограниченной власти правителя.

Ключевые слова: Гражданская война, А.С. Пругавин, Николай II, Александра Федоровна Романова, Г.А. Распутин, секта «хлыстов».

B.B. Sazhin,

Associate Professor, St. Philaret's Institute, RTU-MIREA (Moscow)

**NIKOLAI II AND ALEXANDRA FEODOROVNA ROMANOVA:
THE IMAGE OF THE IMPERIAL FAMILY
DURING THE CIVIL WAR
(based on Archival Materials of A.S. Prugavin)**

Abstract. The article reconstructs, on the basis of archival materials from A.S. Prugavin's personal fund, the mechanism by which the image of Nikolai II and his family was formed among socialists during the Civil War. It is noted that criticism of the royal family served to discredit the very model of the ruler's unlimited power.

Key words: Civil War, A.S. Prugavin, Nikolai II, Alexandra Feodorovna Romanova, G.A. Rasputin, the "Khlysty" sect.

В эпоху Гражданской войны в России деятели социалистического движения учитывали возможность восстановления режима абсолютной монархии. Эти опасения вызвали появление в демократической печати ряд работ, содержание которых было направлено на создание негативного образа последнего российского императора Николая II и его семьи. Одним из таких историко-публицистических опытов стал очерк близкого к неонародническим кругам литератора Александра Степановича Пругавина «Николай II и «темные силы». Это произведение составлялось автором в 1917–1918 гг. и большая часть материала так и не была опубликована в печати. Целью статьи является раскрытие на примере данной работы Пругавина смысловых конструкторов образа последнего российского самодержца и его близкого окружения, направленных на формирование негативного отношения населения к монархической форме правления.

Пругавин, общественный деятель и публицист, известный исследователем народной религиозной жизни в России, во время Гражданской войны сотрудничал с правыми эсерами, потом с правительством Колчака, был главным редактором газеты «Великая Россия». Умер в начале 1920 г. в красноярской тюрьме после ареста большевиками.

Уже с начала вступления Пругавина в начале 1870-х гг. на арену активной общественной деятельности, он отрицательно относился к российскому самодержавию. Народник считал монархию отживающей общественной формой, препятствующей движению к «истине и справедливости», то есть к социализму [7, с. 44–47]. После 1917 г., по мере развития революционного кризиса, Пругавин выявляет распространение в народе настроений, связанных с надеждами на возвращение «старого» режима [2, л. 30 об.].

Наблюдения за настроениями народных масс совпадали с научными интересами Пругавина, который, как он объяснял С.П. Мельгунову, пытался «выяснить психологию людей (в данном случае царя и царицы), создающих себе живых Христов, живых Богов» [6, л. 29]. Все это, вероятно, побудило литератора к созданию цикла работ, посвященных семье последнего российского императора. В этот цикл как раз и вошел очерк «Николай II и темные силы». Эта работа была завершена литератором, однако опубликовать он успел только первые две главы в газете «Русские ведомости» в августе 1917 г.

Сам Пругавин придавал своим работам о царской семье «крупное значение» [6, л. 17–17 об.]. В первую очередь, литератор обосновывал читателям тезис о том, что политическая модель неограниченной власти в России при условии недостаточно высокого интеллектуального и нравственного уровней правителей грозила гибелью всей стране. Так

как в культурном коде российской цивилизации доминировала его религиозная составляющая, то именно отклонения в этом чувстве вызывало процессы, способные деструктивно повлиять на общество.

Оценки умственного и нравственного уровней развития семьи Николая II литератор презентовал крайне отрицательные. Прежний самодержец «туп, совершенно не образован, ничем не интересуется, не имеет ни малейшего понятия о том, что творится на белом свете, и даже, в частности, что творится в России <...> Доклады он подписывает, не читая; он даже «Нового времени» в руки не берет» [1, л. 5]. Неудивительно, подчеркивает писатель, «вся Россия хохотала», читая изданное социалистами-революционерами в 1906 г. «Полное собрание речей и тостов Николая II» [1, л. 28 в]. Таким образом, выносил вердикт Пругавин, последний русский самодержец «обделенный и обиженный судьбой дегенерат» [1, л. 4].

Александра Федоровна в умственном отношении «стояла выше» своего супруга, но также до первой русской революции совершенно не интересовалась общественными событиями в стране. Наличие высоких культурных запросов за царицей писатель отрицал [1, л. 4, 30].

В нравственном отношении Николай II представлялся читающей публике в качестве самого настоящего садиста. Во время первой русской революции он залил «всю страну кровью». Усиливая образ, Пругавин акцентирует внимание на том, что репрессиями подвергалось «множество юношей, почти детей – учеников и учениц средних учебных заведений» [1, л. 103–104]. Именно с этого момента за Николаем II закрепляется кличка «кровавый» [1, л. 105]. По мнению публициста, последний российский монарх «ограниченный, холодно-жестокий, коварный и вероломный, злобный и мстительный, крайне невежественный, и грубо-суеверный» [5, л. 96].

Нравственный облик Александры Федоровны органично вводится в общий семейный портрет Романовых. Пругавин характеризует ее как «истеричку» с прогрессирующим расстройством психики [1, л. 25]. Под влиянием усиливающейся болезни, царица «совсем забрасывает детей, особенно воспитание дочерей» [1, л. 26–27]. Кроме того, Пругавин обвиняет Александру Федоровну в супружеской измене с князем В.Н. Орловым, разрушая таким образом представления о дружной и любящей царской семье [1, л. 22–25].

По мнению Пругавина, общая неразвитость Николая II и его супруги способствовали их религиозной экзальтации. Для царской семьи вообще было характерно тяготение «к церковной обрядности, мистике и суеверию». У Александры Федоровны «мистические порывы принимают характер явного и грубого суеверия: обнаруживается сильное тяго-

тение к спиритизму и гаданиям, вера в разных медиумов, старцев, юродивых и т.д.». Она «также проникается верой в чудеса, верой в медиумов, старцев, блаженных, юродивых» [1, л. 18]. Эти экстатические настроения обусловили появление при царском дворе таких сомнительных личностей, как пророк «Митька Козельский» и «старец» Григорий Распутин.

Следует отметить, что Пругавин отрицательно относился к крайним проявлениям религиозного мистицизма, считая, что подобные настроения уводят людей от активной жизни, провоцируют изоляционизм и возбуждают авторитарные чувства. Акцентируя внимание на наличие крайнего мистицизма в мировоззрении царственных супругов, писатель демонстрировал отрицательное влияние их деятельности для блага России.

Пругавин отмечает также такую особенность мирозерцания Николая II и его супруги как ханжество, дополнявшее вместе с суеверием мистически-экзальтированный их портрет. Надо сказать, что ханжество писатель считал вообще присущей Романовым чертой. Он указывал, что «характерными чертами жизни русского двора Романовской династии издавна являлись: разврат и ханжество, роскошь, безудержное мотовство народного достояния» [5, л. 97].

Как видно, в работах Пругавина создавался не просто неприглядный умственный, нравственный и религиозный портрет царской семьи. Писателем демонстрировалось, что подобные черты в образе Николая II Александры Федоровны, олицетворявшие российское самодержавие, являлись угрозой для благополучия страны и общества.

Отрицательные характеристики представителей царской семьи усиливаются автором через описание их взаимоотношений с Григорием Распутиным. Центральным местом в повествовании является выяснение вопроса о принадлежности сибирского крестьянина и монаршей четы к секте «хлыстов». Следует помнить, что Пругавин всю свою жизнь посвятил исследованию народных религиозных движений, оппозиционных традиционному православию. Отдельные его работы посвящены секте «хлыстов». В целом, Пругавин отрицательно относился к данному направлению российской религиозной мысли. По его мнению, наличие в этой секте так называемых «живых богов», слепое и беспрекословное подчинение им верующих (авторитарная составляющая) останавливало нравственное и умственное развитие людей, способствовало развитию в их среде преступлений, разврата, насилия, покорности. Для лиц, стоящих у власти, утрата собственной воли в подобных обстоятельствах, грозила бедствиями для самого государства. Именно в такой ситуации оказалась семья последнего российского царя.

Образ Распутина Пругавин также создавал крайне негативным. Крестьянин для него «проходимец», «темный, невежественный мужик», развратник [1, л. 11]. Распутина исследователь считал «хлыстом». Он отмечал: «Все имеющиеся у нас сведения о его религиозных устремлениях, о его мировоззрении и наконец о его темпераменте, заставляют с уверенностью считать, что он принадлежал к одному из разветвлений хлыстовщины, хотя всячески старался скрыть это обстоятельство» [3, л. 70]. Учитывая роль, которую Распутин играл при царском дворе, Пругавин определял его «Богом-Саваофом», руководителем «хлыстовского» «корабля». Что касается идентификации религиозных настроений, господствовавших в окружении Николая II, то они являлись мистическими и носили, по мнению исследователя, «некоторые черты явно хлыстовского характера». Распутин как раз и стоял «во главе этого движения» [3, л. 70].

Именно «резко выраженная склонность к мистицизму и экзальтации» Александры Федоровны, передавшаяся к ее супругу, заставила подпасть их под полное влияние сибирского крестьянина. Обстоятельства, связанные с рождением наследника, его болезнью, а также события первой русской революции заставили видеть в Распутине «прозорливца», «провидца» и «пророка» [1, л. 105]. Кроме того, Пругавин намекает на влияние Ольги Лохтиной, близко стоявшей одно время к царскому двору. Она утверждала, ссылаясь на будто вычитанное ею у Ф.М. Достоевского пророчество, что именно в начале XX в. на землю спасти Россию должен прийти сам Бог, «непрерменно в образе простого, смиренного мужичка» и указывала при этом на Распутина. Пругавин утверждал, что под влиянием этого пророчества «вера в высокую, провиденциальную миссию старца Григория» все более и более укреплялась в царской семье [1, л. 50–52]. Так как неотъемлемой чертой религиозно-экзальтированных людей является потребность «преклоняться и обожать», то неудивительно, что царская семья, следуя идеям Лохтиной, стали признавать в крестьянине самого «живого Бога-Саваофа» [1, л. 113–114]. То есть, в этот момент вся Россия оказалась во власти «темного», «развращенного» и «невежественного» мужика. Начиная с 1912–1913 гг. все желания Распутина «беспрекословно исполнялись царницей и царем» [4, л. 65].

Вместе с Распутиным, в России воцарились «темные силы». В них Пругавин видел не только коррупционеров, но и тех, кто способствовал скатыванию страны в реакционное «черносотенное» пространство. С именем сибирского крестьянина писатель связывал расцвет так называемой «системы промессов», когда в политическую и экономическую жизнь страны врываются люди, далекие от интересов общества

и заботящиеся лишь о собственном благополучии. Страной стали управлять «проходимцы». «Благодаря этой системе, — отмечал литератор, — человек бедный, как Иов, проведя в сферах с помощью старца то или другое дело, нередко вдруг, в течение одного дня становился обладателем крупного капитала и даже целого состояния» [1, л. 64–65]. С другой стороны, убежденность царя и царицы в том, что Распутин олицетворял собой народные настроения любви и преданности к монархии, с подвигали власть к кровавым репрессиям против оппозиционеров и ставило препятствия для прогрессивных реформ. «Благодаря кошмару, происходившему в царской семье и при дворе, — констатировал писатель, — Россия оказалась на краю неизбежной гибели» [5, л. 143 об.].

Таким образом, в очерке Пругавина «Николай Пи темные силы» наглядно демонстрировалось, как религиозно-экзальтированная семья последнего российского императора оказалась в подчинении у «хлыстовского» лидера Григория Распутина, что подчиненность ему определялась как их низким нравственным и умственным развитием, так и принципом «преклонения и обожания». В условиях политического режима неограниченной монархии это приводило к полному отсутствию воли у носителей власти, которые, оказавшись во власти у невежественных и порочных людей, неизбежно вели Россию к гибели.

Библиографический список

1. Российский государственный архив литературы и искусства (далее - РГАЛИ). Ф. 608. Оп. 1. Д. 42.
2. РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 8.
3. РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 37.
4. РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 44.
5. РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 51.
6. РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 93.
7. *Ткаченко П.С.* Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958.

А.В. Сипейкин,

доцент, Московский университет «Синергия»

ЦЕЛИ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Аннотация. Данная статья посвящена характеру немецкой религиозной политики на временно оккупированной территории СССР в 1941–1944 гг. Особое внимание уделяется реализации данной политики на территории УССР.

Ключевые слова: Религиозная политика немецких оккупационных властей, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., религиозный коллаборационизм, Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ).

A.V. Sipeykin,

Associate professor, Moscow University “Synergy”

OBJECTIVES OF THE RELIGIOUS POLICY OF THE THIRD REICH IN THE TEMPORARILY OCCUPIED TERRITORIES

Abstract. The article is devoted to the character of the German religious policy on the temporarily occupied territory of the USSR in 1941–1944 years. Special attention is paid to this policy’s implementation on the territory of the Ukrainian SSR.

Key words: German occupational administration’s religious policy, Great Patriotic war 1941–1945 years, religious collaboration, Ukrainian autocephalous Orthodox Church.

Религиозная политика оккупационных властей с самого начала была противоречивой. С одной стороны, чиновники Третьего Рейха отводили церковным организациям значительную роль в деле «перевоспитания населения в духе антибольшевизма» [3, с. 545]. С другой стороны, нацистские функционеры чётко осознавали принципиальную несовместимость своей идеологии с христианскими идеалами. Так, А. Гитлер заявлял, что «мы исповедуем не ту религию», и что даже магометанская вера подошла бы для немцев гораздо лучше, чем призывающее к терпимости христианство [1]. Важно отметить, что лидеры Русской Православной Церкви хорошо понимали, что нацистская идеология несовместима с Православием. Так, митрополит Николай (Ярушевич) называл фашистов «сатанистами», митрополит Сергей (Страгородский), осуждая священников, которые идут на сотрудничество с оккупантами, отмечал, что те готовы «вместо святого креста, осеняться языческой свастикой» [3, с. 45, 97]. Однако коллаборацио-

низм оказавшихся в оккупации пастырей в большинстве случаев носил очевидно вынужденный характер. Ярким примером этого служит трагическая судьба митрополита Сергия (Воскресенского) [3, с. 134–135, 325–328].

Кроме идеологических противоречий существовали и политические причины, которые делали любой «союз» между оккупантами и представителями православных общин временным. Оккупационные власти опасались, что местные Церкви станут поддерживать «неосуществимые мечтания о свободе» у жителей оккупированных территорий. Поэтому нацисты склонны были видеть в православных «не союзников сегодня, а мировоззренческих врагов завтра». Оккупантов пугал образ «нового Распутина», который мог бы стать духовным вождём порабождённого народа и возглавить его борьбу за независимость. Поэтому нацисты считали, что религиозная политика должна быть крайне осторожной. Вмешиваться в религиозные дела следовало только при возникновении непосредственной опасности для интересов Третьего рейха. [10, с. 548; 2, с. 458; 2, с. 49]. Пока демонстрировать свою враждебность к Христианству в целом и к Православию в частности было нецелесообразно. Поэтому религиозная политика оккупантов диктовалась во многом утилитарными соображениями и обуславливались сложившейся на тот или иной момент войны политической конъюнктурой.

Начальник штаба Верховного Главнокомандования вермахта В. Кейтель предписывал не вмешиваться в религиозную жизнь населения [3, с. 323–324]. Аналогичную установку давал глава тайной полиции Г. Мюллер, согласно точке зрения которого вмешательство в религиозные дела не соответствовало интересам Третьего Рейха [3, с. 527–528]. Начальник полиции безопасности и СД Р. Гейдрих в июле 1941 г. предписывал не мешать Православной Церкви в её деятельности по расширению своего влияния, но при этом «настаивать на принципе отделения Церкви от государства и препятствовать возникновению единой Церкви». Также не следовало мешать образованию религиозных сект на оккупированных территориях [10, с. 183; 3, с. 521]. В августе тот же нацистский деятель писал о нежелательности демонстративной помощи со стороны немецких властей в деле возрождения Православия на оккупированных территориях. Нежелательным представлялось Р. Гейдриху восстановление церковного единства Православия, которое делало бы его более сильным по сравнению с другими религиями. Предпочтительным вариантом был признан раскол на отдельные группы. Исключалась нацистским лидером и какая-либо борьба с распространением «сектантства» [10, с. 184–187; 3, с. 524–527]. Главное управление имперской безопасности в августе 1941 г. также указывало на желательность

разделения религиозных организаций на отдельные группы. При этом разрешалось использование храмов верующими, но чётко оговаривалось, что о возвращении религиозным организациям отчуждённой советской властью собственности «не может быть и речи». Особую опасность в глазах нацистов представляли Католическая и Униатская церкви, поскольку они могли стать проводником влияния других государств и поэтому их деятельность должна была быть со временем полностью прекращена [10, с. 184–187].

Особое внимание оккупанты уделяли возможному политическому влиянию религиозных организаций. Восточное министерство в августе 1941 г. призывало «пресекать политическую деятельность священников» [10, с. 194]. Однако это отнюдь не означало, что оккупационные власти отказывались от идеи использовать религиозные организации в качестве «инструмента политического руководства». Размышляя над возможностями последнего, они ссылались на опыт Петра Первого. Этот опыт свидетельствовал, что такое использование религии приводит к «растущей пропасти между клиром и народом». Эта пропасть могла оказаться ещё более значительной, если диктовать свою политическую волю церковным организациям стало бы руководство «с совершенно другими историческими и мировоззренческими основами» [10, с. 324–330]. Ещё большее значение немецкие чиновники придавали вопросу об использовании в отношении религиозных организаций той политики, которую прежде проводили большевики. Так, оккупанты отдавали себе отчёт в том факте, что «широкая децентрализация церковных организаций» и действия по принципу «разделяй и властвуй» будут вызывать у верующих «воспоминания о советской церковной политике». Поэтому чиновники отдела культурной политики Рейхминистерства Остланд предлагали даже созвать «Поместный Собор против большевизма», чтобы «создать благоприятное впечатление у верующего населения» и использовать Церковь в интересах Третьего рейха [10, с. 324–330]. Разумеется, эти проекты так и не были реализованы, более того, продолжалась политика в отношении религиозных организаций, весьма напоминавшая большевистскую, что к концу войны было признано некоторыми немецкими функционерами одной из фатальных ошибок Третьего рейха [10, с. 330–331].

Начиная с осени 1941 года позиция оккупационных властей становилась всё менее доброжелательной по отношению к церквям. В вопросе о существовании Русской Православной Церкви на подчинённой им территории они проявляли всё большую «сдержанность» [10, с. 199]. В сентябре 1941 г. в информационных документах СС подчёркивалось, что о «воссоздании Германии» на занятых территориях религиозных

организаций «не может быть и речи», поскольку Церковь была «инфицирована большевизмом». В религиозной политике следовало «настраивать различные группы друг против друга». Поддержка православия была допустима лишь как средство для создания противовеса влиянию католицизма [10, с. 188–190]. Командующий группы армий «Юг» приказывал в октябре 1941 г. «ни поощрять, ни препятствовать» церковной деятельности населения занятых районов [10, с. 195–196]. В оперативном приказе РСХА от 31 октября 1941 г. «О разрешении церковного вопроса на занятых восточных территориях» указывалось, что «аполитических церквей не существует» и потому ради сохранения стабильности не следует мешать открытию церквей, однако в принципе предпочтительным признавалось «свободное от еврейского влияния учение о боге» [3, с. 531–533; 10, с. 190–194]. Христианство данному критерию не соответствовало. Поэтому конфликт между нацистами и христианами становился лишь делом времени. В этой связи предписывалось даже запрещать священникам «вносить в свою проповедь оттенок вероисповедания» [3, с. 531–533; 10, с. 190–192]. Данный запрет предполагал, очевидно, что в своих проповедях священники должны были ограничиться антибольшевистской и пронемецкой пропагандой.

Как отмечает М.В. Шкаровский, в вопросе о религиозной политике между разными ведомствами существовали существенные разногласия [9]. Так, после провала плана «Барбароссы» и начала периода коренного перелома в войне «военная администрация ... перешла от принципа благожелательного допущения к принципу поддержки» [10, с. 199–203]. Принятый на вооружение принцип «разделяй и властвуй» приводил к неожиданным результатам: «отсутствие высших церковных инстанций приводило к тому, что втайне образовывались местные церковные организации, чьи средства и цели было тяжело контролировать» [10, с. 199–203].

Специфику реализации целей религиозной политики Третьего Рейха лучше всего проследить по материалам, освещающим положение на временно оккупированных территориях УССР. Документы органов безопасности свидетельствуют о том, что на момент начала Великой Отечественной войны в этой республике были достаточно широко распространены националистические настроения [4, л. 3, 11, 27, 63, 65, 69, 80–81, 200, 282]. Более того, задолго до 1941 г. националисты стали активно использовать религиозные организации, и в первую очередь Украинскую автокефальную православную церковь, в качестве средства для распространения своих политических взглядов среди населения, что в конце концов привело к началу репрессий против членов УАПЦ [5, л. 66–68, 201; 6. Л. 6, 11 об., 41–42, 58–60, 68–69, 71, 74–75, 102–105,

118, 127, 155, 171, 187–188, 203–204, 226, 231, 233, 245, 247–248, 255, 268–269, 272, 285–287, 304, 306–307, 308–309, 318, 339–340, 344–345, 362, 375–376, 389–390, 399, 406, 412–413, 418–419, 422–423, 427, 429, 434, 440–441, 449, 451, 473–474, 478–479, 481а, 495, 497–501, 511–514, 522–524, 542, 554, 595–596, 599, 610, 615–616 об., 619–620, 626–626 об., 642 об., 683–684, 690–691, 729, 770; 7, л. 207–209]. Политика оккупационных властей дала возможность членам этой религиозной организации возобновить свою политическую деятельность. Первоначально она проводилась в интересах немецких «благотетелей», в частности, в своих проповедях иерархи УАПЦ доходили до благословения украинцев на отъезд на работы в Германии [8, л. 173, 176]. Однако в дальнейшем руководство Третьего Рейха увидело в УАПЦ опасность для своих интересов, в результате чего начали предприниматься меры, направленные на ослабление её влияния [8, л. 349–350].

Таким образом, специфика реализации задач, поставленных оккупационными властями в сфере религиозной политики на временно оккупированных территориях УССР, свидетельствует о том, что политизированный, националистически ориентированный характер деятельности ряда религиозных организаций на Украине оказывал существенное влияние на динамику развития отношений между ними и государством. При всём различии целей, поставленных двумя режимами в сфере отношений с религиозными организациями, история взаимоотношений УАПЦ со светской властью в 1920-е и 1940-е гг. прошла по аналогичному сценарию: от попыток взаимодействия с авторитарной (соответственно советской и нацистской) властью ко всё более и более выраженному конфликту.

Библиографический список

1. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы / Новгородский государственный университет; Новгородский межрегиональный институт общественных наук. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2009. С. 246.
2. Православие на Украине в годы Великой Отечественной войны: сб. док. и материалов / Федер. арх. агентство, Рос. гос. арх. соц.-полит. истории; отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2019. 511 с., ил.
3. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов / сост.: О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М.: Изд-во Крутицкого подворья: Об-во любителей церковной истории, 2009.
4. Центральный архив ФСБ России (далее – ЦА ФСБ России). Ф. 3. Оп. 8. Д. 745. Т. 1.
5. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 22.
6. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307.

7. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 433.
8. ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 10. Д. 387.
9. *Шкаровский М.В.* «Господь дарует нам победу». Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. М.: Познание, 2020. 528 с.
10. *Шкаровский М.В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов: 1935–1945 годов: сборник документов. М.: Издательство Крутицкого Патриаршего Подворья, 2003. 366 с.

УДК 656.2

В.А. Смирнов,

аспирант, Ивановский государственный университет, библиограф,
Центральная универсальная научная библиотека Ивановской области (Иваново)

ИЗ ИСТОРИИ ИВАНОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ (1992–1997 гг.)

Аннотация. Статья посвящена истории деятельности Ивановского отделения Северной железной дороги в последние годы его деятельности как самостоятельной административно-хозяйственной единицы в системе Министерства путей сообщения Российской Федерации. Рассмотрены формы и методы работы отделения в условиях экономического кризиса 1990-х гг. и адаптации к реалиям рыночной экономики.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, Ивановское отделение Северной железной дороги, экономический кризис 1990-х гг., рыночная экономика.

V.A. Smirnov,

Postgraduate student, Ivanovo State University, Bibliographer,
Central Universal Scientific Library of Ivanovo Region (Ivanovo)

FROM THE HISTORY OF THE IVANOV BRANCH OF THE NORTHERN RAILWAY (1992–1997)

Abstract. The article is devoted to the history of the activity of the Ivanovo branch of the Northern Railway in the last years of its activity as an independent administrative and economic unit in the system of the Ministry of Communications of the Russian Federation. The forms and methods of the department's work in the conditions of the economic crisis of the 1990s and adaptation to the realities of the market economy are considered.

Key words: railway transport, Ivanovo branch of the Northern Railway, economic crisis of the 1990s, market economy.

20 января 1992 г. было образовано Министерство путей сообщения РСФСР, ознаменовав собой начало нового этапа в истории отечественных железных дорог, вызванного распадом СССР, – периода экономического кризиса и, как следствие, спада объема перевозок на всей сети железных дорог. В то же время в кризисные 1990-е гг. начались масштабные административно-хозяйственные реформы отрасли, имевшие цель повысить конкурентоспособность железнодорожного транспорта в условиях нарождающейся рыночной экономики [5].

Данные процессы охватили все звенья административной цепи МПС, к февралю 1992 г. докатившись до служб и предприятий Ивановского отделения Северной железной дороги. Кризисные явления в народном хозяйстве молодой России вызвали к жизни невиданный на сети советских железных дорог феномен – профицит порожних вагонов. Уже в феврале 1992 г. на путях отделения сконцентрировалось более 3 тыс. порожних вагонов, невостребованных грузоотправителями [9]. Впрочем, и готовые для разгрузки вагоны адресаты не спешили обрабатывать. На путях станции Текстильный задержались под разгрузкой 18 вагонов с хлопком, адресованных текстильным предприятиям г. Иваново. Вичугский городской топливный отдел, обслуживаемый кинешемскими железнодорожниками, в это же время затягивал разгрузку 15 вагонов с каменным углем, полученным из Кузбасса для продажи местному населению [9].

Все более усугубляющийся экономический кризис негативно отразился на базовых индикаторах работы отделения: объемах грузоперевозок и пассажиропотоке. К сожалению, в нашем распоряжении нет сводных данных о работе отделения в сер. 1990-х гг., однако, эту лакуну частично заполняют материалы о работе отдельных крупных станций отделения, приведенные в районной прессе. По словам зам. начальника станции Кинешма по грузовой работе Ю. Сачкова, если в советский период стабильно работающие текстильные предприятия города ежедневно потребляли 12 вагонов хлопка, то к 1995 г. «хлопковая река» иссякла до 1–2 вагонов [7]. Ежегодно грузооборот падал в 2 раза по отношению к предыдущему году. К сожалению, цифровых данных «районка» не приводит. Известно лишь, что за 1-е полугодие 1995 г. станция Кинешма отгрузила около 57 тыс. т. грузов [7]. По данным начальника станции Шуя Ю. Наградова за 1-е полугодие 1993 г. железнодорожники отгрузили более 45 тыс. т. грузов [8]. В последующие годы объемы грузоперевозок по станции падали в среднем на 40 % к уровню предыдущего года [2].

Серьезный ущерб финансовой стабильности железнодорожных предприятий отделения приносили хронические неплатежи со стороны

заказчиков – крупнейших предприятий Ивановской области. На это обратил серьезное внимание последний начальник отделения Леонид Смирнов: на заседании областного Законодательного собрания в июле 1995 г., посвященном решению нелёгкой проблемы установления тарифов на пригородные пассажирские перевозки, Леонид Яковлевич одной из причин перманентного роста тарифов на услуги железнодорожного транспорта назвал нежелание ряда грузовладельцев оплачивать услуги железной дороги. Так, общая задолженность в 1-м полугодии 1995 г. составила сумму в 3 млрд рублей. Основными должниками стали предприятия Иванова – «Ивановомебель» (430 млн руб.) и «Кранэкс» (140 млн руб.), а также крупнейшее предприятие Кинешмы – Дмитриевский химзавод, задолжавший 219 млн рублей [11].

Говоря о проблеме пассажирских перевозок, отметим, что к сер. 1990-х гг. на отделении сложилась любопытная ситуация: на фоне сокращения объемов дальних перевозок, все большую популярность набирало пригородное сообщение, составлявшее в 1997 г. до 88 % от всего пассажирооборота, равного 7 млн пассажиров в год [10]. При этом железнодорожники, осознавая свою роль в сохранении стабильного социально-экономического климата в области, намеренно сохраняли достаточно низкие, судя по объему перевозок, тарифы, в 1995 г. компенсируя за их счёт всего 12 % стоимости априори убыточных пассажирских перевозок [11]. В 1997 г. рост эксплуатационных расходов на подвижной состав и продолжающееся падение пассажирооборота вынудило руководство упраздняемого Ивановского отделения сократить количество поездов на наиболее востребованном ивановцами направлении – Иваново – Ермолино – Кинешма. Эта мера коснулась самых актуальных дневных маршрутов. Свою роль, по мнению Леонида Смирнова, сыграл жесткий экономический детерминизм – «чем больше поездов на ближнем сообщении ходит, тем убытки больше» [10]. На фоне этого «железнодорожного погрома» приятным бонусом для ивановцев стал запуск в кризисном 1994 г. нового фирменного поезда № 77 сообщением Иваново – Москва, а в следующем 1995 г. – внедрение автоматизированной системы предварительного заказа билетов «Экспресс-2» [4].

Рассмотрим материально-техническое положение Ивановского отделения в последние годы его существования. В своем докладе ивановским парламентариям в июле 1995 г. начальник отделения Л. Смирнов дал общую характеристику областного «status in statu». В составе отделения находилось 15 производственных предприятий, части противопожарной и военизированной охраны, органов внутренних дел на транспорте, имелась обширная социальная инфраструктура. Пассажирские перевозки внутри области и за её пределами осуществлял парк из 14 локомотивов и 285 пассажирских вагонов разной комфортности [11].

Кризис 1990-х гг. наложил отпечаток на всю хозяйственную деятельность служб. Воровство на железной дороге стало бичом данного периода. Объектом посягательств становилось практически любое путевое имущество – от линзовых светофоров на станциях до кабелей высокого напряжения [7].

Хронический финансовый дефицит потребовал перехода в режим жесткой экономии, что вынудило руководство оптимизировать численность персонала на станциях и разъездах относительно слабо загруженных участков сети, стыдливо именую данное явление «программой экономической стабилизации». Например, с апреля 1994 г. в рамках данной программы, т.е. строго в дневную смену, заработал участок Кинешма – Ермолино, где «стабилизации» подверглись 87 сотрудников [12]. На станции Кинешма пик сокращений пришелся на 1996–1997 гг., когда её коллектив сократился с 250 человек в 1996 г. до 68 сотрудников в 1999 г. [6].

Еще одним «ноу хау», апробированным в том же 1994 г. на участке Иваново – Юрьев-Польский, стала система дистанционного управления смежных станций одним дежурным. В частности, в такой режим работы перевели станции Гаврилов Посад и Петровская, Тейково и Сахтыш. Однако, нет худа без добра – на «необитаемых» станциях оперативно смонтировали автоматические стрелки с электрической централизацией, чем данный участок ранее был обделен [3].

Однако, в корне неверно окрашивать последние годы истории существования самостоятельного Ивановского отделения Северной железной дороги исключительно в темные тона. Несмотря на финансовые трудности, проблемы с кадрами, хроническим старением парка локомотивов и вагонов, Ивановское отделение, по оценкам экспертов, и в кризисном 1995 г. оставалось платежеспособным предприятием – экономическим резидентом Ивановской области, а финансовая ситуация – стабильной [11]. Продолжалась модернизация станционной инфраструктуры отделения – в 1992–1996 гг. произведен ремонт вокзалов на станциях Иваново, Шуя, Гаврилов Посад, Фурманов [11]. А на станции Кинешма как памятник нереализованному проекту транзитного коридора «Москва – Урал» в 1992 г. сдали в эксплуатацию новый вокзальный комплекс. Начальник вокзала Н. Молчанов за короткий срок превратил его в центр притяжения для горожан, организовав бюджетную столовую, парикмахерскую, комнаты длительного отдыха и даже роскошный для начала 1990-х гг. зал ожидания (увы, платный) с цветным телевизором [1]. Не ограничившись данными мерами, инициативный начальник открыл цех по пошиву постельного белья, обеспечив к 1994 г. потребности в нем отделения, а затем организовав продажу его населению, принес в бюджет железнодорожников несколько дополнительных миллионов рублей [12].

До конца своего существования на балансе отделения находилась достаточно обширная социальная инфраструктура: 40 магазинов ОРСа, ДК железнодорожников в г. Иваново, пополнившийся новым корпусом детский лагерь «Игнатовское», сеть ведомственных детских садов. Продолжалось, несмотря на кризис, возведение новых многоквартирных жилых домов на берегу р. Талка (148-квартирный дом введен в строй в 1994 г.) в г. Иваново, а также в г. Юрьев-Польский Владимирской области [3].

Конец существованию самостоятельного Ивановского отделения Северной железной дороги положила начавшаяся в 1995 г. структурная реформа МПС, цель которой – повышение конкурентоспособности железнодорожного транспорта в условиях рынка. Реформа предусматривала сокращение лишнего, по мнению Москвы, звена в цепочке управления «Министерство – дороги – отделение – предприятия» – отделений дороги, с целью сокращения количества юридических лиц, а соответственно – расходов на их содержание и сокращение бюрократического аппарата. В рамках данной концепции, принятой в 1995 г. на съезде железнодорожников, в порядке эксперимента в 1997–1998 гг. Ивановское отделение трансформировалось в филиал Ярославского отделения Северной железной дороги [10]. Впрочем, этот шаг не смог вывести ивановский железнодорожный транспорт и экономику области из кризиса, постигшего их в 1992 г.

Подводя итог нашего исследования, отметим, что Ивановское отделение, понеся определенные финансово-экономические потери, к 1995 г. адаптировалось к новым реалиям «дикого капитализма» и продолжало свою деятельность вплоть до поглощения соседним Ярославским как стабильное предприятие, приносящее доход в бюджет Ивановской области. Также ивановские железнодорожники успешно выполняли план грузовых и пассажирских перевозок, несмотря на хронические неплатежи скованных кризисом промышленных предприятий области. И лишь необходимость жесткой экономии финансовых ресурсов побудила федеральный центр пойти на поглощение более мощным Ярославским отделением ослабленного соседа с целью сохранения на плаву сети стальных магистралей Ивановской области.

Библиографический список

1. Вокзал для пассажиров // Приволжская правда. 1992. 31 июля. С. 1–2.
2. Главное – не терять надежды // Шуйские известия. 1994. 6 авг. С. 2.
3. Гутман П. Завтра – День железнодорожника [интервью] // Иван. газ. 1994. 6 авг. С. 2.
4. Гутман П. На стальных магистралях [интервью] // Иван. газ. 1995. 5 авг. С. 2.

5. История железнодорожного транспорта Советского Союза. Т. 3: 1945–1991 гг. М., 2004. С. 596.
6. Комаровская А. Надежды на местную промышленность // Приволжская правда. 1999. 31 июля. С. 1.
7. На стальных магистралях недогруз // Приволжская правда. 1995. 5 авг. С. 1.
8. Наградов Ю. Вагончик тронется – перрон останется // Шуйские известия. 1993. 31 июля. С. 1.
9. Саркисов Б. Вагоны ищут адресатов // Рабочий край. 1992. 28 февр. С. 1.
10. Смирнов Л. Куда выведет нас железная дорога? / Беседу вела Т. Смирнова // Рабочий край. 1998. 29 янв. С. 2.
11. Субботина А. Дорога железная... // Иван. газ. 1995. 7 июля. С. 3
12. Чистосердов Л. ...А поезда идут / Беседовал А. Седых // Рабочий край. 1994. 6 авг. С. 2.

УДК 93

Л.Н. Соза,

доцент, Государственный социально-гуманитарный университет

ДОКУМЕНТЫ КОЛОМЕНСКОГО УЕЗДНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТНОШЕНИИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье на примере уездной Коломны Московской губернии анализируется отражение в полицейских документах правительственной политики в отношении еврейского населения России. Рассмотрены обстоятельства выселения лиц иудейского вероисповедания из Коломны в конце XIX в.

Ключевые слова: еврейский вопрос в Российской империи, «черта оседлости», Московская губерния, Коломенское уездное управление, еврейская диаспора.

L.N. Soza,

Associate Professor, State Social and Humanitarian University

DOCUMENTS OF THE KOLOMNA DISTRICT MANAGEMENT AS A SOURCE OF STUDYING THE POLITICS OF THE RUSSIAN EMPIRE AGAINST THE JEWISH POPULATION IN THE LATE 19TH CENTURY

Abstract. The article analyzes the government's policy towards the Jewish population of Russia, using the example of Kolomna, a district in the Moscow province. It examines the circumstances surrounding the eviction of Jewish residents from Kolomna in the late 19th century.

Key words: Jewish Question in the Russian Empire, Pale of Settlement, Moscow Province, Kolomna District Administration, Jewish Diaspora.

Российская империя являлась полиэтническим и многоконфессиональным государством, и судьба его в значительной мере зависела от обустройства населяющих ее народов. К исходу XIX в. экономические и социальные трудности пореформенной трансформации страны обострились, наряду с «крестьянским» и «рабочим», национальные вопросы и, особенно, «польский», «финляндский» и «еврейский». Изучение последних сюжетов в контексте унификаторско-ограничительного курса правительства (в нашем случае – по отношению к евреям, проживавшим в Москве и Московской губернии) позволит: во-первых, конкретизировать реализацию такого курса в рамках указанного региона и его административных частей; во-вторых, выявить степень участия евреев в экономической и повседневной жизни населения коренных русских территорий; в-третьих, объяснить роль национального фактора в сложных и противоречивых политических потрясениях в России 1900–1910-х гг.

Обследование фонда Коломенского уездного полицейского управления (ф. 492) в Центральном государственном архиве Москвы позволило выявить и ввести в научный оборот комплекс документов, где содержатся сведения о численности, занятиях, семейном состоянии и общественном положении еврейского населения Коломны в конце XIX в. Основной массив документов составила делопроизводственные документы: переписка с центральными и местными органами власти, рапорты и донесения уездного исправника о выселении евреев из Московской губернии в пределы «черты оседлости».

Напомним, что во второй половине XVIII в. в Российской империи началось формирование т.н. «черты постоянной еврейской оседлости», за пределами которой евреям запрещалось постоянное жительство. «Черта оседлости» к концу XIX в. включала 15 западных губерний, где иудеи имели право свободно перемещаться и заниматься любой законной деятельностью. В период реформ Александра II последовала отмена ряда таких запретительных мер: иудеям, приписанным к местным обществам, разрешалось проживать в пределах 50-верстной пограничной полосы, а также сохранять приобретенную там недвижимость (октябрь 1858 г.); купцам-евреям 1-й гильдии дозволялось приписываться на общем основании к купечеству той же гильдии во всех российских городах вне «черты оседлости» и пользоваться теми же правами, что и коренное российское купечество (март 1859 г.). На основании законов 1861, 1865 и 1879 гг., вне «черты оседлости» разрешено было проживать иудеям: окончившим высшие учебные заведения со

степенями (доктора, магистра и кандидата), купцам 1-й гильдии, механикам, винокурам, пивоварам, ремесленникам, аптекарским помощникам, дантистам, фельдшерам [9].

Пореформенный либеральный курс правительства способствовал росту внутренней миграции еврейского населения и увеличению в 1860-х гг. его численности в городах Центральной России и, в частности, в Коломне. По сведениям уездного полицейского управления, в Коломне в 1866 г. проживало 72 мигранта-еврея, в 1871 г. – 101, а к 1882 г. их представительство возросло до 162 чел. [1]. Согласно полицейским документам, переселение евреев происходило, как правило, из Могилевской, Ковенской, Люблинской, Волынской, Виленской и Полтавской губерний. В Коломне они проживали с семьями и были приписаны к местному мещанскому обществу. Среди них числились торговцы, ремесленники, отставные солдаты, содержатель и приказчик в ссудной лавке, фельдшер земской больницы, фармацевт, механик.

Гибель Александра II и воцарение Александра III привели к стеснениям в отношении евреев. В мае 1882 г. были изданные «Временные правила об евреях», запрещавшие им селиться вне городов и местечек (кроме еврейских колоний, занимающихся земледелием), арендовать, приобретать в собственность и распоряжаться недвижимым имуществом. Начало выселениям евреев из Москвы и Московской губернии положил доклад министра внутренних дел (высочайше утвержден 28 марта 1891 г.), запрещавший евреям-механикам, винокурам, пивоварам и вообще мастерам и ремесленникам переселяться из еврейской «черты оседлости», а также «из других местностей империи в Москву и Московскую губернию» и требовавший их постепенного выезда «в местности, определенные для постоянной оседлости» [10].

Реализуя постановления высших властей, Московское губернское правление в апреле 1891 г. предписало уездным полицейским управлениям предоставить данные о проживающих в уездах евреях и «под личную ответственность проверить право жительства каждого из них». Во исполнении запроса коломенский уездный исправник отправил на имя московского губернатора рапорт, в котором содержались сведения о лицах еврейской национальности с указанием членов семей и рода занятий. В рапорте, вслед за изложением затребованной информации, излагались следующие выводы: «еврейская каста, поселившаяся в кругу христианского населения, положительно не приносит никакой пользы последнему, а, напротив, разоряет христианство, что может служить доказательством Малороссии, пришедшая в упадок... от евреев, переселившихся в этих местностях. Евреи, где бы ни селились, под предлогом различного ремесла, торговли прикрываются лишь маской... высасыва-

ют последние крохи у христиан, относящихся ко всему с доверием... на основании сего выслать всех евреев в черту своей оседлости» [2]. Подобные умозаключения не были подтверждены фактами о проживавших в Коломне евреях и носили самый общий характер, отражая как текущую политическую ситуацию в стране, так и настроения части российского общества к еврейству в период правительственных гонений 90-х гг. XIX в.

В июне 1891 г. МВД разослало запрос по уездным полицейским управлениям о предоставлении списка евреев, проживавших в городе с указанием рода занятия, ремесленного свидетельства, оснащенности мастерской (инструменты, работники, количество готовой продукции); необходимо было выяснить «насколько было бы полезно продлить срок пребывания в городе некоторых евреев ремесленников», а также, «не заключается ли между местными и евреями договора с целью продления своего пребывания в городе». Выселению подлежали ремесленники, чьи «специальности являлись распространенными и ими владело русское население»: портные, сапожники, хлебники, булочники, слесари, мыловары, уксусники, скорняки. Евреи, не имеющие законных оснований на проживание, обязывались выехать из города [3], для чего должны были: а) получить предписания с указанием срока выезда за пределы губернии и б) предоставить расписку о выезде; в связи с этим, полицейской частью готовились их персональные характеристики с обоснованием выдворения или оставления.

Выселяемые имели право подать прошение в Московское губернское правление о продлении срока проживания в Коломне. Архивы сохранили ряд таковых. В мае 1892 г. прошение (о продлении нахождения в городе до 1 июля 1892 г.) поступило от Маркуса Манасевича, имевшего свидетельство московского общественного раввина на совершение иудейских обрядов и обучение еврейских детей грамоте и обрядам веры. В итоге, прошение было удовлетворено, и М. Манасевич с семейством отбыл в Ковенскую губернию в указанный в ходатайстве срок [4]. Другое ходатайство содержало просьбу о продлении пребывания в Коломне подрядчика Александра Розенфельда (из г. Городок Витебской губ.). Как следует из документа, он, по доверенности отца – купца 1-й гильдии Самуила Розенфельда, заключил с правлением Московского округа путей сообщений два подряда: в 1882–1884 гг. на поставку щебня для Рязанского шоссе на сумму 12 805 руб., а в 1894 г. – «на содержание переправы главного на платах моста через р. Оку близ города на 2 456 руб.». Полиция характеризовала А. Розенфельда положительно – «вполне честный и добросовестный человек». Но, несмотря на уважительные причины и положительную характеристику, ходатайство

было отклонено с обоснованием: «контракт заключался с его отцом, и удаление Розенфельда из Коломны и прекращение своей деятельности не сможет считаться нарушением контрактов и неблагоприятно повлиять на интересы правления округа», поскольку контракт «заключен был не с просителем, а с его отцом, который может доверить исполнение контракта другому лицу не из своих единоверцев». В результате, А. Розенфельд выехал из города в 1892 г. в назначенный срок [5].

Вместе с тем, выселению не подлежали «ценные персоны»: часовщики, золотых и серебряных дел мастера, а также купцы первой и второй гильдий. Так, Берхо Вакс получил право на продление срока пребывания в Коломне, поскольку являлся золотых и серебряных дел мастером и «за отсутствием в городе других таких мастеров выселению не подлежал». В полицейском отчете указывалось, что ювелир Б.Я. Вакс имел небольшую мастерскую (имущество – инструменты и изделия – оценивалось в 1 тыс. руб.), где самостоятельно занимался починкой золотых и серебряных вещей, а также продажей изделий из драгоценных металлов, «добываемых из московских магазинов» [6].

Не подлежали выдворению и часовщики Нахим Кормер и Янкель Позен. В отношении первого из них уездный исправника сообщил в рапорте, что он, «обладая свидетельством Быховской ремесленной управы (Могилевская губ.), владел мастерской, где трудился сам с двумя рабочими; его имущество (изделия и инструменты) оценивалось на сумму в 500 руб.». Далее, исправник отмечал, что в городе работали «еще два русских часовщика..., Зубарев и Иванов, но коим имеется малое доверие, и большинство жителей обращается к Кормеру как имеющему порядочный магазин и добросовестно выполняющему работы». В итоге, согласно предписанию Московского губернского правления Кормеру разрешили остаться в Коломне до 1 января 1893 г. [7]. Но эти случаи единичны, и большинство евреев с семьями из города были выселены.

Уездным исправником проводились персональные дознания и в отношении лиц, уже выбывших, согласно вышеуказанным предписаниям, за пределы Московской губернии. В частности, рапорт исправника содержит интересный факт, связанный с выяснением адреса проживания Нохима Рубинова, работавшего в Коломне механиком (для постановки котлов) на водочном заводе потомственного почетного гражданина Н.А. Озерова. В ходе дознания выяснилось, что Н. Рубинов «имел временное жительство в Коломне на Спасской улице», и им было составлено ходатайство с просьбой «разрешить пребывать в городе еще длительное время». Однако, в 1891 г. он выехал из города в село Щурово Зарайского уезда Рязанской губернии (с. Щурово находится на

границе Московской и Рязанской губерний), где якобы имел квартиру. Уездный исправник выяснил, что «по разным слухам Рубинов часто приезжал на склад водочного завода Озерова, где занимался постановкой машин и бывал на заводе по несколько часов». Представителем полицейской власти были опрошены владелец завода Н.А. Озеров, управляющий винным складом и дворник, которые подтвердили, что еврей Н. Рубинов действительно появлялся на заводе, но проживал в с. Щурово Зарайского уезда и не оставался ночевать ни на складе, и ни в доме Озерова. Приведенный факт свидетельствует о стремлении владельца завода любыми способами сохранить квалифицированного работника на предприятии, обеспечивая его проживание недалеко от Коломны (6 верст) вне Московской губернии [8].

Приведенные выше меры привели (по данным полицейского исправника) к сокращению к 1897 г. численности еврейской диаспоры в Коломне до 101 чел. В начале XX в. отрицательная динамика сохраняется, и к 1909 г. в Коломне числилось 50 евреев (этот показатель остался неизменным вплоть до 1913 г.).

Таким образом, документы коломенского уездного управления позволяют проследить общеимперскую национальную политику в отношении еврейского населения в конце XIX в. В отличие от губерний Запада и Юга России, Коломна избежала еврейских погромов, однако и здесь происходило активное выдворение иудеев за пределы Московской губернии, вследствие чего численность еврейской диаспоры в городе сократилось в три раза.

Библиографический список

1. ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 492. Оп. 2. Д. 152. Л. 160–164.
2. ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 492. Оп. 2. Д. 152. Л. 16.
3. ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 492. Оп. 2. Д. 581. Л. 18–22.
4. ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 492. Оп. 2. Д. 152. Л. 103–114.
5. ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 492. Оп. 2. Д. 152. Л. 94–97.
6. ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 492. Оп. 2. Д. 581. Л. 24 об.
7. ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 492. Оп. 2. Д. 581. Л. 23.
8. ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 492. Оп. 2. Д. 152. Л. 289–292, 300, 337.
9. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. II. СПб.: Тип. 2 Отд. С. Е. И. В. канцелярии, 1830–1885. Т. 33. Отд. 2. № 33659; Т. 36. Отд. 2. № 37684; Т. 54. Отд. 1. № 59236; Западные окраины Российской империи. М.: НЛЮ. С. 306, 327; *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 131–138.
10. ПСЗ-III. СПб.: Государственная тип., 1885–1916. 1891. Т. 11, № 7581; См. подробнее: *Софьин Д.М.* Великий князь Сергей Александрович и еврейский вопрос // *Власть*. 2014. Т. 22, № 12. С. 117–121.

УДК 94(571)

Д.И. Стогов,

доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КРАСНОЯРСКОГО ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ (1899–1919 гг.)

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот и анализируются архивные материалы, связанные с созданием и деятельностью Красноярского общества трезвости в период с 1899 по 1919 г. Делается вывод о том, что активная фаза в жизни общества прилась на период с 1913 по 1917 гг.

Ключевые слова: Российская империя, Сибирь, Церковь, Красноярское общество трезвости, пьянство.

D.I. Stogov,

Associate professor, St. Petersburg State Electro-Technical University «LETI» (St. Petersburg)

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE KRASNOYARSK TEMPERANCE SOCIETY (1899–1919)

Abstract. The article introduces into scholarly use and analyzes archival materials related to the creation and activities of the Krasnoyarsk Temperance Society during the period from 1899 to 1919. It concludes that the active phase in the society's life occurred from 1913 to 1917.

Key words: Russian Empire, Siberia, Church, Krasnoyarsk Temperance Society, drunkenness.

В современной России проблема пьянства и алкоголизма все еще остается одной из самых актуальных. Ежегодно от болезней, связанных с употреблением спиртного, умирают, по данным Всемирной организации здравоохранения, около 500 000 человек, то есть 10 % от общего количества умерших [2]. Противостоять пьянству и алкоголизму призваны многочисленные общества и братства трезвости, которые усилиями Русской православной церкви и других структур возрождаются сегодня в нашей стране. Весьма востребованным остается ныне и богатый опыт становления и развития дореволюционного трезвеннического движения, зародившегося во второй половине XIX в. Одним из крупнейших в Царской России являлось Красноярское общество трезвости, в том или ином виде существовавшее в период с 1899 г. по 1919 г. и возрождающееся в настоящее время. В 2025 г. общественность Краснояр-

ска отметила 110-ю годовщину воссоздания общества в 1915 г., его деятельности был посвящен круглый стол, о котором сообщали средства массовой информации [10].

За последние десятилетия вышло в свет немало научных трудов, посвященных обществам трезвости Российской империи и трезвенническому движению в СССР [1; 9; 11]. Особое место среди них занимает монография А.Л. Афанасьева [4]. Однако специальной литературы, посвященной Красноярскому обществу трезвости, весьма мало [5; 12; 13]. Так, в статье В.М. Белошапкина и А.А. Терсковой рассмотрена деятельность Общества только в период 1915–1917 гг. [5].

Впервые общество трезвости в Енисейской губернии возникло 24 октября (здесь и далее все даты указаны по старому стилю) 1899 г. Его председателем был мировой судья, а с 1906 г. член Государственной думы Евгений Густавович Шольп. Среди учредителей организации выделяются будущий священномученик архиепископ – на тот момент священник Дмитрий Матвеевич Вологодский, врач Петр Николаевич Коновалов и др. По данным А.Л. Афанасьева, к 1902 г. в обществе состояло около 230 человек [3, с. 96]. Общество устраивало народные гулянья, концерты и другие развлечения, продавало литературу антиалкогольной тематики, организовало чайную. Регулярно, вплоть до 1903 г., проводились общие собрания организации. Однако после 1905 г. сведений о деятельности Общества практически нет. Между тем, с 1907 г. и, вероятно, по 1911 г. работало Красноярское отделение Казанского общества трезвости, которое действовало по уставу Казанского общества трезвости [3, с. 96]. Попытка возрождения Красноярского общества трезвости была предпринята в 1912 г. по инициативе С.А. Кузнецова, однако по финансовым причинам оно прекратило существование уже в апреле 1913 г. В третий раз Красноярское общество трезвости возродилось 3 мая 1915 г. усилиями тогдашнего епископа Красноярского и Енисейского Никона (Безсонова), члена Государственной думы четвертого созыва [5, с. 130]. Общество инициировало создание народных домов и библиотек, создало институт инструкторов трезвости, проводило трезвенническую агитацию, организовывало культурные мероприятия, в том числе масштабные праздники трезвости, концерты, в частности, вечера духовной музыки, вечера песен и танцев, организовывало так называемый «разумный кинематограф», чайные, столовые. С июля 1915 г. в «Енисейских епархиальных ведомостях» ежемесячно велась рубрика «Странички трезвости» [5, с. 131]. После Октябрьской революции деятельность Общества была полностью прекращена.

В фондах Государственного архива Красноярского края (ГАКК) сохранились протоколы общих собраний Красноярского общества

трезвости за период с 9 сентября 1899 г. по 2 октября 1903 г. [6, л. 1–77]. Самое первое заседание учредителей Общества состоялось 9 сентября 1899 г. в городской лечебнице Красноярска. В нем приняли участие 15 человек. На заседании был зачитан утвержденный устав новой организации. Председателем собрания был избран Е.Г. Шольп, секретарем Н.Г. Бенедиктов. Тогда же был выбран организационный комитет Общества [6, л. 2]. Среди его активных членов наряду с Е.Г. Шольпом в период 1901–1902 гг., согласно Списку членов Красноярского общества трезвости, значится и его супруга Елизавета Михайловна Шольп [8, л. 30]. Прошло четыре года, и 2 октября 1903 г. состоялось очередное заседание Правления Общества. Оно прошло под председательством П.О. Куркутова. Участники заседания выслушали отчет по устройству гулянья на пароходе и постановили утвердить его, а также сделать публикацию о предложении напрокат пианино. Кроме того, было решено устроить 5 октября того же года в помещении чайной танцевальный вечер и чтения. Участники мероприятия вынули из кружки для пожертвований 2 рубля 20 копеек, по тем временам немалую сумму [6, л. 77]. Даже из этих скудных протокольных сведений становится ясно, что за несколько лет Красноярское общество трезвости проделало значительную эволюцию и превратилось в серьезную организацию со неплохими доходами, с многочисленными культурно-массовыми мероприятиями.

Как уже отмечалось, возрождение Красноярского общества трезвости произошло в 1915 г., и этому процессу предшествовал определенный период подготовки. В архиве сохранилось письмо от управляющего акцизными сборами Енисейской губернии П.В. Шаньгина на имя епископа Никона от 5 мая 1914 г., в котором он сообщает, что 4 мая того же года не смог прибыть на организационное заседание об открытии в Красноярске общества трезвости, так как приглашение от владыки Никона получил лишь 5 мая. Автор письма заявил, что относится «с полным сочувствием к этому благому начинанию», также он попросил архиерея записать его в члены возрождаемого Общества, изъявив при этом желание и впредь активно участвовать в жизни новой организации [7, л. 7]. Также чиновник сообщал епископу Никону, что еще в 1912 г. обращался в Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей с просьбой оказания денежной субсидии существовавшему в то время обществу трезвости в Красноярске, однако ему в этом было отказано [7, л. 7–7 об.]. После того, как в 1914 г. управляющий Министерством финансов П.Л. Барк издал циркуляр о борьбе с нетрезвостью народа, Шаньгин вновь обратился в Главное управление об ассигновании на этот раз особого кредита для открытия в губернии Попечительства о народной трезвости или в крайнем случае для оказания денежной

поддержки существующим и имеющим намерение открыться в Енисейской губернии обществам трезвости. Он также попросил поддержать это ходатайство и Енисейского губернатора И.И. Крафта [7, л. 7 об.].

Прошло чуть больше года, и 4 августа 1915 г. новый управляющий акцизными сборами Енисейской губернии Дмитрий Коробьин сообщал епископу Никону о том, что сообщил об открытии возрожденного Общества служащим вверенного ему управления. В результате из числа подведомственных чиновнику сотрудников пожелало вступить в члены Общества трезвости 60 человек, поименный список которых впоследствии был отослан Коробьиным в Правление Красноярского общества трезвости [7, л. 16].

Возрожденное Общество трезвости довольно быстро вышло на всероссийский уровень. В архиве сохранилось недатированное (но, видимо, относящееся к 1915 г., как и соседние документы) машинописное письмо из редакции первой в России противоалкогольной газеты с рисунками «Трезвость», которая издавалась в Петрограде. Редакция издания в лице редактора-издателя священника Петра Полякова обратилась в Красноярское общество трезвости с просьбой оказать поддержку распространением газеты «Трезвость» среди членов и посетителей Общества, а также разрешить открыть подписку. Кроме того, редакция попросила руководство Общества сообщить ей сведения о деятельности Красноярского общества трезвости, расписаний и прочего материала для публикации в газете «Трезвость» [7, л. 9].

В том же 1915 г. Красноярское общество трезвости отпечатало отдельной брошюрой речь управляющего акцизными сборами Енисейской губернии Д.Н. Воронова, сказанную им 26 октября 1915 г. на Канском съезде представителей администрации и сельского населения. Управляющий в начале своего выступления напомнил о грозном военном времени, которое переживала страна, и обращал внимание на тот факт, что победа на поле брани дается нелегко. Выступающий отмечал, что Россия обладает огромными ресурсами, способными поднять нашу промышленность, однако для реализации необходимых целей нужно работать не покладая рук. Воронов заявлял, что правительство сделало великое дело, запретив продажу вина и водки в самом начале войны. Власти решили «мудро пожертвовать» доходами от продажи питей, «лишь бы водворить в стране трезвость, потому что только вполне трезвый народ в состоянии дать дружный отпор могучему врагу и выполнить ту огромную работу в тылу, какая нужна нашим воинам для полной победы» [7, л. 29]. По словам выступающего, «народ свободно вздохнул, когда схлынул с него пьяный угар». Мало того, по его мысли, трезвость принесла с собой мир, спокойствие, уменьшилась преступность. Однако, продолжил

чиновник, вековые привычки все еще давали о себе знать. Так, постепенно усилилось самогоноварение, которое он охарактеризовал как «позорное и преступное деяние». В конце выступления Воронов призвал сельские общества «ясно выразить свою волю о недопущении самогонки, чтобы последняя исчезла» [7, л. 29 об.].

Итак, созданное усилиями Е.Г. Шольпа и его соратников Красноярское общество трезвости за несколько лет существования превратилось в поистине массовую организацию. «Разумные развлечения», концерты, спектакли, читальни, столовые, чайные, многочисленные книги и брошюры антиалкогольного содержания, поездки на пароходе – вот лишь небольшой перечень инициатив, на практике успешно реализованных обществом. К сожалению, судя по всему, революционные события 1905 г. надолго прервали работу красноярских трезвенников.

Рассмотренные нами документы позволяют сделать вывод и о том, что в 1915 г. усилиями епископа Никона (Безсонова) и его соратников Красноярское общество трезвости не просто возродилось, но и очень быстро окрепло, развернув активную деятельность в различных направлениях, сотрудничая с официальными светскими и церковными властями, распространяя трезвенническую литературу, пытаясь активно бороться с самогоноварением. Красноярское общество трезвости занималось публикацией антиалкогольных материалов, организовывало праздники трезвости и другие культурно-массовые мероприятия, делегировало своих представителей на епархиальные съезды. Неизменно члены Красноярского общества трезвости ратовали за полный запрет алкоголя «на вечные времена». Однако, как уже отмечалось, революционные события 1917 г. поставили крест как на этих планах, так и на всем существовании Красноярского общества трезвости.

Библиографический список

1. *Акоева Н.Б.* Борьба за народную трезвость в России: исторический аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 5. Ч. 1. С. 13–17.
2. Алкоголизм – проблема современной России? // Rehab Family. URL: <https://rehabfamily.com/articles/alkogolizm-v-rossii/> (дата обращения: 26.11.2025).
3. *Афанасьев А.Л.* Общества трезвости в Восточной Сибири (1890-е гг. – 1911 г. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 340. С. 94–98.
4. *Афанасьев А.Л.* Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества: монография. Томск: ТУСУР, 2007. 196 с.
5. *Белошапкин В.М., Терскова А.А.* Деятельность Красноярского общества трезвости в годы Первой мировой войны // Эпоха науки. Гуманитарные науки. 2017. № 11. С. 129–133.
6. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 690. Оп. 1. Д. 1.

7. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 690. Оп. 1. Д. 2.
8. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 690. Оп. 1. Д. 3.
9. *Королев С.В., Мелехин В.И., Уваров С.Н.* Борьба с пьянством и антиалкогольная политика в первые годы советской власти (1917–1930 гг.). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2025. 115 с.
10. Пора открывать «второй трезвый фронт» борьбы за наше будущее. Состоялся круглый стол на тему «К 110-летию создания Красноярского общества трезвости» // Русская народная линия. URL: :https://ruskline.ru/news_rl/2025/06/12/borba_za_trezvost_svoego_roda_vtoroi_front_borby_s_opasneishim_vnutrennim_vragom (дата обращения: 26.11.2025).
11. *Стогов Д.И.* Первый Всероссийский съезд по семейному воспитанию о борьбе с пьянством и утверждении трезвости // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIII Междунар. науч. конф., Иваново, 27–28 марта 2024 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. С. 490–496.
12. *Терскова А.А., Белошапкин В.М.* Иннокентьевский приют // Основы собриологии, профилактики, социальной педагогики и алкологии: материалы XXIX Международного форума / под общ. ред. проф. *А.Н. Маюрова*. Н. Новгород, 2021. С. 196–199.
13. *Терскова А.А., Белошапкин В.М.* Совместные проекты епископа Никона и губернатора И.И. Крафта // Вестник трудов Якутской духовной семинарии. 2019. № 6. С. 162–167.

УДК 93/94

И.А. Суздальцева,

доцент, Дагестанский государственный педагогический университет
им. Р. Гамзатова (Махачкала)

О ПРАКТИКЕ СОЗДАНИЯ ТВОРЧЕСКИХ ФРОНТОВЫХ БРИГАД В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В период Великой Отечественной войны в прифронтовых районах нашей страны распространилась практика создания творческих бригад, которые включали представителей разных художественных жанров, которые выступали перед работниками тыла, ранеными бойцами и со специальными театрално-концертными программами выезжали на фронт.

Ключевые слова: деятели искусства, Малый театр, режиссеры, артисты, концерты, Северный Кавказ.

I.A. Suzdaltseva,

Associate Professor, Dagestan State Pedagogical University
named after. R. Gamzatova (Makhachkala)

ON THE PRACTICE OF CREATING CREATIVE FRONTLINE BRIGADS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. During the Great Patriotic War, the practice of creating creative teams, which included representatives of various artistic genres, became widespread in the front-line regions of our country. These teams performed for home front workers, wounded soldiers, and traveled to the front with special theatrical and concert programs.

Key words: artists, the Maly Theater, directors, actors, concerts, the North Caucasus.

Активную деятельность в годы Великой Отечественной войны вели работники культуры и искусства. Творческие коллективы, деятели искусства и просвещения перестроили свою работу: изменили репертуарные планы театров и концертные программы, начали создавать произведения, отвечающие задачам военного времени и отражающие героические страницы истории борьбы народов нашей страны против агрессоров. Широкое распространение получила практика организации фронтовых бригад.

Фронтовые бригады – это творческие коллективы, которые создавались в условиях военного времени в прифронтовых районах. В них входили представители разных жанров сценического искусства, которые готовили театральные-концертные программы для воинских частей и бойцов, проходивших лечение в госпиталях.

Традиция выступления творческих коллективов перед армейскими частями зародилась еще в годы Гражданской войны: правительственные постановления 1919 г. определили порядок выезда артистов с концертами на фронт. После окончания военных действий работники культуры и искусства приняли решение продолжить эту работу. В 1923 г. Президиум ЦК профессионального союза работников искусств утвердил Положение о культурно-шефской работе над частями Красной Армии [7, с. 1074].

Первой театральной фронтовой бригадой в условиях Великой Отечественной войны стала группа актеров Малого театра, которая 21 июня 1941 г. приехала в один из гарнизонов Красной армии, располагавшийся в Волынской области на Северо-Западе Украины. Артисты планировали дать несколько шефских концертов, но на следующий день началась война. Участники театрального коллектива отказались вернуться в Москву и продолжили гастроли. В июле 1941 г. на фронт

в район Вязьмы выехала первая специально сформированная творческая бригада актеров разных московских театров. Этому примеру последовали работники большинства театров страны. Фронтные бригады организовали театры из Москвы и Ленинграда, Киева и Смоленска.

Концертные и театральные бригады стали самой доступной формой организации творческого коллектива. Они были мобильны и могли выступать на любых площадках, при любых погодных условиях и перед разными аудиториями. По данным исследователей, за время Великой Отечественной войны в боевых частях побывало более 3 500 артистических бригад, в которых участвовало свыше 40 тыс. творческих работников. Они дали около 500 тыс. спектаклей и концертов [2, с. 116].

Фронтные бригады работников искусства стали важной частью военной повседневности на фронте и в тылу: артисты разных жанров выступали перед бойцами Красной Армии и жителями прифронтовой зоны, посещали госпитали, встречались с работниками промышленных предприятий и сельского хозяйства. Обычно поездки длились 1,5–2 месяца.

К составу фронтных бригад предъявлялись строгие требования. Обычно в них входило от 12 до 25 человек. Все участники творческих коллективов должны были быть физически крепкими и морально устойчивыми так как им приходилось выступать в любую погоду, под открытым небом или в непригодных помещениях, ночевать в землянках или в неотапливаемых домах. Среди участников фронтных творческих групп были как начинающие артисты, студенты театральных вузов и музыкальных училищ, так и именитые профессиональные актеры. Театральные фронтные бригады возглавляли известные режиссеры: А.Д. Дикий, Ю.А. Завадский и С.М. Михоэлс. В их составе работали Иван Семенович Козловский, Клавдия Шульженко, Леонид Утёсов, Лидия Русланова, Нина Сазонова и многие другие известные и любимые народом артисты.

Творческие работники, выезжающие на фронт, получали командировочные удостоверения с указанием воинской части времени и места прибытия, комплект одежды (особенно в зимнее время), денежное довольствие и продуктовый паёк. Они обычно перемещались на грузовых машинах с откидным кузовом, которые со временем стали основной передвижной площадкой для выступлений.

Репертуар фронтных бригад был определен особенностями работы. Он включал военно-патриотические, народные и популярные песни, фрагменты спектаклей, хореографические и эстрадные номера, выступления цирковых артистов, поэтические композиции, скетчи, этюды и т.д. Тематика выступления была разнообразна: от сочинений героической и патриотической тематики до джазовых композиций, популярных

и народных песен. Программы театрально-концертных бригад, выезжающих на фронт, просматривали и утверждали специальные комиссии.

Артистам фронтовых бригад приходилось обходиться без реквизита и декораций, совмещать обязанности режиссера и администратора, гримера и костюмера, устанавливать декорации, а в случае особой необходимости оказывать медицинскую помощь раненым бойцам и хоронить погибших.

В годы войны фронтовые бригады артистов создавались во всех регионах страны. Так, в составе концертных бригад выезжали на фронт артисты Татарстана. По словам Н.И. Таирова, в республике годы войны было создано более полутора десятков бригад. В частности, артистическая бригада под руководством В.А. Байкалова работала на Карело-Финском фронте с 6 ноября по 18 декабря 1942 г. и провела 105 концертов. В 1943 г. артисты казанских театров и филармонии в составе фронтовых бригад выступали перед бойцами 7-ой воздушной армии Северного фронта, на Северо-Западном фронте, в 1944 г. – на 3-м Прибалтийском и Ленинградском фронтах [6, с. 349–350].

В 1942 г. широкое распространение практика создания фронтовых бригад получила на Северном Кавказе. Так, в Краснодарском крае в начале войны было сформировано 3 фронтовые бригады, а в первой половине 1942 г. их было уже 8 [4, с. 150]. Две фронтовые бригады были созданы силами Ставропольского драматического театра. Артисты театра, филармонии, Государственного ансамбля песни и танца вошли в состав концертной фронтовой бригады ЧИАССР. С.Х. Яндарова отметила, что выступлениями на фронте началась сценическая жизнь Махмуда Эсамбаева [8, с. 81].

В создании фронтовых концертных и театральных бригад принимали активное участие творческие коллективы Закавказья. По данным М.И. Амрахова, в 1941 г. работало 357 фронтовых бригад с участием артистов Азербайджана, в 1943 г. их было уже 1 215, а количество выступлений возросло до 150 тыс. [1, с. 16]. В создании художественных бригад активное участие принимали деятели грузинского искусства, которые постоянно выступали в госпиталях и фронтовых частях. По данным исследователей, художественная бригада Тбилисского театра имени Марджанишвили провела около 500 выездных концертов, из них больше половины – в воинских частях. Силами провинциальных театров в годы Великой Отечественной войны было организовано свыше 12 тыс. концертов [3, с. 6].

В сентябре 1942 г. была сформирована Дагестанская театральная фронтовая бригада. Она получила название Фронтовой театр эстрады и миниатюр. В состав бригады вошли работники искусств разных жанров

и национальностей: представители творческих коллективов республики и артисты, эвакуированные в Дагестан из Москвы, Ленинграда, Харькова, Рыбинская и т.д. Репертуар нового художественного коллектива был составлен из русской и дагестанской музыки, одноактных пьес и танцев. С 8 декабря 1942 г. до 15 февраля 1943 г. фронтовая бригада работала в составе 44-й армии. За 3 месяца артисты провели около 100 концертов и вместе с наступающими частями Красной армии прошли более 1 100 км. от железнодорожной станции Николаевская до станции Синявка (Синявская) западнее г. Ростова-на-Дону [5, с. 92].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны широкое распространение получила практика создания творческих фронтовых бригад. В их составе работники культуры и искусства проводили активную работу по поддержанию морального духа бойцов Красной армии и тружеников тыла.

Библиографический список

1. *Амрахов М.И.* Культура Азербайджана в годы Второй мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2005. № 2. С. 9–18.
2. *Дмитриев Ю.А., Хайченко Г.А.* История русского и советского драматического театра (от истоков до современности). М.: Просвещение, 1986. 160 с.
3. *Ефимова Н.Г., Бочкарева А.С.* Грузинская литература и искусство в годы Великой Отечественной войны: к проблеме историко-культурного наследия // Научные труды КубГТУ, 2015. № 7. С. 5–9.
4. *Панарин А.А., Панарина Е.В.* Творческая деятельность театров Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Вестник Армавирского государственного педагогического университета, 2022. № 2. С. 148–157.
5. *Суздальцева И.А.* Дагестанский фронтовой театр миниатюр в годы Великой Отечественной войны // Гусевские чтения – 2025. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики: сборник научных статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Т. II. М., 2025. С. 91–97.
6. *Таиров Н.И.* Из истории фронтовых концертных бригад Татарстана // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей / отв. ред. А.Ш. Кабирова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 347–352.
7. *Федосеева Л.Ю.* О шефской работе художественной интеллигенции над частями Красной Армии в 1930-е годы (на материалах Средней Волги) // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки, 2012. № 27. С. 1074–1078.
8. *Яндарова С.Х.* Перестройка научных, образовательных и культурно-просветительских учреждений ЧИАССР в период Великой Отечественной войны // Общество: философия, история, культура, 2016. № 6. С. 79–81.

Н.И. Суханова,

профессор, Государственный университет просвещения (Москва)

ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ С РАСТУЩИМ ПРОЦЕССОМ БЮРОКРАТИЗАЦИИ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА В РАБОТАХ В.И. ЛЕНИНА

Аннотация. Вопреки представлениям лидеров большевизма о несовместимости бюрократизма с социалистической системой самоуправления, в первые годы советской власти бюрократия стала разрастающейся реальностью в различных управленческих структурах. Предпринята попытка понять позицию Ленина о причинах указанного процесса.

Ключевые слова: бюрократия, партия большевиков, социализм, государство трудящихся, самоуправление.

N.I. Sukhanova,

Professor, State University of Education (Moscow)

THE PROBLEM OF COMBATING THE GROWING PROCESS OF BUREAUCRATIZATION OF THE PARTY-STATE APPARATUS IN V.I. LENIN'S WORKS

Abstract. Contrary to the Bolshevik leaders' belief that bureaucracy was incompatible with a socialist system of self-government, in the early years of Soviet power, bureaucracy became a growing reality in various administrative structures. This article attempts to understand Lenin's perspective on the reasons behind this process.

Key words: bureaucracy, Bolshevik Party, socialism, workers' state, self-government.

Идеологи революционной концепции преобразования общества, отрицали положительную роль бюрократии, сводя ее к службе интересам эксплуататорского государства. В основе их идейных построений лежала методология классовой борьбы со всеми проявлениями эксплуататорского государства. Такой подход был продиктован иллюзорными представлениями о системе самоуправления трудящимися всеми сферами жизни общества будущего – коммунизма. Опираясь на марксову теорию, лидер большевиков В.И. Ленин писал: «Всякая бюрократия, и по своему историческому происхождению, и по своему современному источнику, и по своему назначению представляет из себя чисто и исключительно буржуазное учреждение» [3, с. 440]. Начиная от полуазиатской России, отмечал он, до культурной и цивилизованной Англии,

бюрократизм есть везде, но в России он наиболее безобразный, его суть – *«полное бесправие народа перед чиновничеством, полная бесконтрольность привилегированной бюрократии»* [3, с. 455].

Абсолютизируя государство трудящихся, как высшую форму человеческого существования, Ленин считал, что «рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих» [2, с. 109–110]. Гарантии предотвращения бюрократических черт Ленин видел в выборности и сменяемости любого аппарата, всеобщности контроля и надзора, систему оплаты не выше рабочего. Более того, пролетарский вождь считал, что судьба бюрократии конечна. Такой подход базировался на отрицании частной собственности, наличие которой формировало систему бюрократии. При этом перемены в системе управления диктовались задачами государственного регулирования и целями социального равенства. По мере развития подлинного социализма, при котором собственность будет общенародной, а также значительно улучшатся условия работы и жизни трудящихся, могущих активно участвовать в выполнении государственных функций, необходимость в бюрократии отпадет потому, что отомрет само государство [2, с. 117].

Еще с апреля 1917 г. Ленин делал ставку на систему Советов, как аппарат новой власти. Советы, как инициативно созданные народом органы самоуправления, имели значительный авторитет в разных слоях населения. Позже Ленин будет считать, что надо возлагать на эту единую форму и законодательную, и исполнительную функции [17, с. 304–305]. Уже тогда закладывалась основа системы, при которой отсутствовало разделение властей. Представляется, что при такой системе избежать бюрократизации было бы невозможно. Поначалу идея Советов, соединенная в сознании лидера большевиков с верой в революционную сознательность пролетариата, рождала представление о них, как о высшей форме демократии, когда массы привлекаются к управлению разными общегосударственными и местными процессами и делами. На практике в отсутствие у большевиков разработанной стратегии и тактики построения нового государства создавались известные сложности в построении государственного аппарата. Ряд руководителей молодого государства не имели точных представлений о системе управления им, не представляли, как должна быть сформирована система связанных между собой органов управления, с учетом их компетенции [24, с. 236]. Чаще решение находилось прецедентно. Но константой в них оставалась идея централизма в экономических и политических процессах. Особенно необходимым это было в переходный период от капитализма

к социализму: «построение централизованного хозяйства, хозяйства из центра» [16, с. 377]. А.И. Рыков, поддерживая Ленина, отстаивал принцип вертикализации управления: «мы переживаем эпоху величайших кризисов ... и пережить такую эпоху можно только путем невероятной централизации» [23, с. 353]. Нацеленность большевистского руководства на централизацию управления была обусловлена и идеологической установкой, и критической внутривластной ситуацией. Между тем необходимо отметить, что эта задача оказалась крайне сложной в 1917–1921 гг., что было связано как с организационными проблемами, так и с кадровыми трудностями [1, с. 39].

Уже весной 1918 г. Ленин писал: «Жить без этого аппарата мы не можем, всякие отрасли управления создают потребность в таком аппарате» [18, с. 69]. Он пополнялся в первую очередь из партийных, профсоюзных органов, из трудящихся слоев по рекомендациям Петросовета. Участвовал в подборе кадров и партийный аппарат. Ленинский призыв: «Мы должны теперь Россией управлять», продекларированный в работе «Очередные задачи Советской власти» в апреле 1918 г. был подтвержден принципами управления, сформулированными в этой работе. И опять, как и в работе «Государство и революция», выдвигалась задача поголовного участия граждан в суде и управлении страной, ежедневного несения своей доли тягот по управлению государством. Ленин продолжал настаивать на классовости советского государственного аппарата. Главную причину бюрократизма Ленин видел в отчуждении государственного аппарата власти и управления от трудящихся масс [6, с. 15].

В речи на заседании Московской общегородской конференции РКП(б) 18 января 1919 г. Ленин заявил: «Нас заедает бюрократизм, который преодолеть очень трудно. С ним надо усиленно бороться, надо ставить в учреждения побольше рабочих» [15, с. 428]. Несомненно, что наряду с иными причинами отрицательно повлияла на формирование системы управления эпоха «военного коммунизма». Такие ее черты, как крайняя централизация, военные методы управления, обилие чрезвычайных органов власти, система централизованного производства и распределения, формировали архетип более продуктивного воздействия власти на массовое сознание. В ряде причин растущего бюрократизма Ленин называл вынужденную необходимость привлекать старых буржуазных специалистов, которые, якобы, вносили в новую систему управления пережитки прежней системы. В своем выступлении на Московской губернской конференции в ноябре 1920 г. Ленин назвал причины, по которым произошло возрождение бюрократии в молодом советском государстве. Во-первых, низкий уровень крестьян и рабочей массы, не соответствующий задачам момента. Во-вторых, военно-

политический характер эпохи, и соответствующие ей задачи. В-третьих – отсутствие на данном этапе экономических основ для социалистического общества. Все это, по мнению Ленина, возрождало бюрократизм. При этом он считал, что «бюрократизм возродился в советских учреждениях, но не мог не оказать тлетворного влияния на партийные организации, так как верхушки партии являются верхушками советского аппарата» [5, с. 32]. Еще одним рычагом борьбы с бюрократией Ленин считал гражданскую активность в виде контроля, который может сопровождаться системой жалоб: «жалоба должна была быть направлена и в СНК, и в ВЦИК, т.е. с использованием всех прав, предоставленных нашей Конституцией. ... Ведь вы же коммунисты, почему же вы не организуете ловушки этим господам бюрократам и потом не потащите их в народный суд и в тюрьму за эту волокиту? Сколько вы посадили их в тюрьму за волокиту?» [4, с. 327]. Ленин призывал к борьбе с бюрократией по всем правилам *военного* искусства [12, с. 193–194]. При этом он понимал, что хирургически бюрократию не удалить, нужно долгое лечение. В феврале 1922 г. в письме А.Д. Цюрупе Ленин писал: «Все у нас потонуло в паршивом бюрократическом болоте "ведомств"... Искать людей, проверять работу – в этом все» [8, с. 173]. И тогда же в письме Сокольникову он возмущался: «Коммунисты стали бюрократами. Если что нас погубит, то это» [10, с. 180]. Очевидной представляется динамика ужесточения борьбы с бюрократией в сознании Ленина. 3 сентября 1921 г. он предложил наркому юстиции Д.И. Курскому «обязательно этой осенью и зимой 1921–1922 гг. поставить на суд в Москве 4–6 дел о московской волоките, подобрав случаи поярче, и сделав из каждого суда *Политическое дело*» [11, с. 165]. В тех же интонациях Ленин назвал приговор ревтрибунала *боевым заданием* по делу о выпуске автопługов на основе системы Фаулера [14, с. 183].

Несмотря на то, что с приходом НЭПа стали упразднять систему управления времен «военного коммунизма», заменяя ее элементами рыночных отношений, хозрасчета, созданием трестов, основа для бюрократии оставалась. Главенствующая роль партийных органов в выработке стратегии и тактики хозяйственного, социального, культурного развития, формирование плановых органов, сохранение командных высот в сфере крупной промышленности и финансов создавали условия для *централизма, который и оставался основой бюрократизации*. По мнению Ленина залогом борьбы со старыми формами бюрократизма была очевидная подчиненность управленческого аппарата в первую очередь политике [13, с. 373]. Т.е. следование идейно-политическим основам большевизма будет гарантией вырождения бюрократии. *Такой подход должен предполагать глубинную природную или сформированную абсолютную социалистичность и социальную активность исполняющих*

государственные и общественные функции граждан. Насколько это возможно вообще, и тем более в России 1920-х гг.? Такой подход был явной иллюзией.

В ряде высказываний Ленин уповает, все-таки, на качества исполнителей. Он обращает внимание организаторов к характеру будущих кадров: мягкотелость, несамостоятельность в работе, малая научная подготовка, неспособность привлекать к себе людей, недобросовестность не годятся для советского управленца. Для высокой экспертизы необходимы не столько административные качества, сколько опыт и противоположные качества. Все это должно работать в сочетании со стремлением к социализму [7, с. 352]. Между тем работы и письма последних лет выдают раздражение вождя в отношении безуспешности борьбы с бюрократизмом. В итоге он пришел к выводу о главенстве контроля, проверок и судов.

В марте 1922 г. Ленин написал письмо в Политбюро ЦК РКП(б): «Московский комитет уже не первый раз фактически *послабляет* преступникам-коммунистам, коих надо вешать. *Предлагаю*: 2. Объявить строгий выговор Московскому комитету за *послабления* коммунистам. 3. Подтвердить всем губкомам, что за малейшую попытку "влиять" на суды в смысле "смягчения" ответственности коммунистов ЦК будет *исключать из партии*. 4. Циркулярно оповестить НКЮст (копия губкомпартам), что коммунистов суды обязаны карать *строже*, чем некоммунистов. За неисполнение этого нарсудьи и члены коллегии НКЮ подлежат *изгнанию со службы*. 5. Поручить Президиуму ВЦИКа *огреть* президиум Моссовета выговором в печати». И завершает горьким возгласом: «Верх позора и безобразия: партия у власти защищает "своих" мерзавцев!!» [9, с. 53].

Представляется, что революционная нетерпимость, непризнание эволюционности в развитии человеческой цивилизации подвели вождя большевиков к фактическому отрицанию принципа историзма в той части, что многовековое господство самодержавия и крепостничества сформировали культ почитания и подчинения в массовом сознании. А это социально-психологическое явление не могло стать базой для формирования высокого уровня социальной ответственности граждан нового общества трудящихся в столь короткие сроки. Концепция формирования самоуправляющегося государства трудящихся не могла автоматически изменить основы сознания рабочих и крестьян. Поэтому единственно возможным выводом для Ленина стало использование карательно-силовых методов в борьбе с засилием бюрократии, а не постепенное формирование системы государственного управления и государственной службы как правового института.

Библиографический список

1. Гапсаламов А.Р., Васильев В.Л., Бочкарева Т.Н., Ахметиин Э.М. Размышление о первых опытах создания системы управления экономикой (1917 – начало 1920-х годов) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 38–44.
2. Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33.
3. Ленин В.И. Задачи русских социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 2.
4. Ленин В.И. Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге 27 мая // Полн. собр. соч. Т. 43
5. Ленин В.И. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии. Московская губернская конференция РКП(б) // Полн. собр. соч. Т. 42.
6. Ленин В.И. О международном и внутреннем положении Советской республики // Полн. собр. соч. Т. 45.
7. Ленин В.И. О придании законодательных функций Госплану // Полн. собр. соч. Т. 45.
8. Ленин В.И. Письмо А.Д. Цюрупе // Полн. собр. соч. Т. 54.
9. Ленин В.И. Письмо в политбюро ЦК РКП(б) // Полн. собр. соч. Т. 45.
10. Ленин В.И. Письмо Г.Я. Сокольникову // Полн. собр. соч. Т. 54.
11. Ленин В.И. Письмо Д.И. Курскому и поручение секретарю // Полн. собр. соч. Т. 53.
12. Ленин В.И. Письмо М.Ф. Соколову // Полн. собр. соч. Т. 52.
13. Ленин В.И. План речи о замене разверстки налогом // Полн. собр. соч. Т. 43.
14. Ленин В.И. Проект постановления СТО о плугах «Фаулера» // Полн. собр. соч. Т. 44.
15. Ленин В.И. Речь на заседании Московской общегородской конференции РКП(б) 18 января 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. 37.
16. Ленин В.И. Тетради по империализму // Полн. собр. соч. Т. 28.
17. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Полн. собр. соч. Т. 34.
18. Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 38.
19. Макаренко В.П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса. Ростов-на-Дону: Изд. РГУ, 1985. 160 с.
20. Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону: Изд. РГУ, 1989. 362 с.

А.И. Сысов,

учитель истории МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 112»
(Трехгорный Челябинской области)

**ВЛИЯНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА
НА ФОРМИРОВАНИЕ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ
УПРАВЛЕНИЯ В ГОРНОЗАВОДСКОЙ ЗОНЕ ЮЖНОГО УРАЛА
В СЕРЕДИНЕ 1920-х – СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.**

Аннотация. В статье рассматривается влияние особенностей социально-экономического и культурного развития горнозаводской зоны Южного Урала на формирование районных органов управления в середине 1920-х – середине 1930-х гг. Анализируется влияние патернализма и других элементов традиционализма на взаимоотношения местного населения и партийно-советских чиновников.

Ключевые слова: горнозаводская зона Южного Урала, субрегион, форсированная модернизация, конформизм, патернализм, гражданское общество, тоталитарный политический режим.

A.I. Sysov,

History teacher MBOU «Secondary school number 112»
(Trekhgornyy, Chelyabinsk region)

**THE INFLUENCE OF ELEMENTS OF TRADITIONALISM
ON THE FORMATION OF PARTY AND SOVIET GOVERNING
BODIES IN THE MINING ZONE OF THE SOUTHERN URALS
IN THE MID-1920s – MID-1930s**

Abstract. The article examines the impact of the socio-economic and cultural development of the mining zone of the Southern Urals on the formation of district government bodies in the mid-1920s – mid-1930s. The influence of paternalism and other elements of traditionalism on the relationship between the local population and party-Soviet officials is analyzed.

Key words: mining zone of the Southern Urals, subregion, forced modernization, conformism, paternalism, civil society, totalitarian political regime.

Во второй половине 1920-х гг. Уральская область превратилась в один из важнейших в СССР регионов, где осуществлялась форсированная модернизация. В качестве организатора процессов модернизации выступали советские и партийные органы управления. Учитывая их важную роль в происходивших событиях, необходимо выяснить, какие

существовали особенности формирования управленческого корпуса в уральском регионе.

Как известно, помимо изменений в законодательстве и административно-территориальном устройстве, большое влияние на построение и функционирование системы управления на местах оказывают региональные особенности. Рассмотрение данных аспектов, на наш взгляд, можно провести на примере горнозаводской зоны Южного Урала, которая занимала видное место в модернизационных процессах, проходивших в СССР в середине 1920-х – середине 1930-х гг.

Южный Урал включает в себя территории современных Челябинской, Курганской, Оренбургской областей и Республики Башкортостан. В ноябре 1923 г. на основе Екатеринбургской, Пермской, Челябинской и Тюменской губерний была образована Уральская область. Одним из округов, входивших в состав Уральской области, был Златоустовский округ, включавший в себя значительную часть горнозаводской зоны Южного Урала, районы которой (Миныйрский, Катавский, Саткинский, Кусинский, Миасский, Медведевский) отличались от остальных территорий страны сходством исторических, хозяйственных и социокультурных условий возникновения и развития, близостью природно-географического ландшафта, особой ролью во многих исторических процессах. В то же время, данный субрегион Южного Урала, обладающий многими специфическими чертами и особенностями, является во многом типичным для значительной части Урала с точки зрения состава и занятий населения, социально-экономических и политических проблем. Поэтому, рассмотрение особенностей формирования районных органов управления в горнозаводской зоне Южного Урала позволит на ее примере обратить внимание на некоторые закономерности становления управленческого корпуса не только в этом, но и в других провинциальных промышленных районах в условиях форсированной модернизации.

По мнению некоторых ученых, именно строительство металлургических заводов, происходившее на протяжении XVIII–XIX вв. в горной части Южного Урала, привело к складыванию здесь особого социально-экономического и культурного уклада [1, с. 225–256; 5, с. 22–36 и др.]. Многие отечественные и зарубежные ученые считают, что в середине 20-х гг. XX в. СССР относился к т.н. «частично модернизированным обществам», так как элементы традиционного общества к этому времени еще не были здесь полностью изжиты [8]. И это утверждение в полной мере касается и горнозаводской зоны Южного Урала. Специфика данного субрегиона Уральской области оказала большое влияние на формирование здесь районных органов управления и их взаимоотношения

с местным населением. Основными занятиями большей части жителей здесь традиционно было заводское производство или связанные с ним промыслы. Поэтому, основной доход, на который могли рассчитывать местные жители, был связан с этими видами деятельности. При этом количество рабочих мест, приносящих хорошую, по местным меркам, прибыль всегда было здесь ограниченным. Жители горнозаводской зоны с момента отмены крепостного права почти панически боялись безработицы, к которой могли привести увольнение, закрытие заводов и т.д. [6, с. 252–255]. Другие виды получения доходов, каковым, например, в степных районах являлось занятие земледелием, были почти недоступны в силу климато-географического положения данного уральского субрегиона. Некоторые рабочие даже в коммунистическую партию вступали лишь для того, чтобы использовать партийный билет как страховку от сокращения с престижной и высокооплачиваемой, по местным меркам, работы. Об этом, например, в откровенной беседе в феврале 1930 г. говорил помощник машиниста станции Вязовая ЮУЖД Неряхин [7, л. 47]. Распределением «доходных мест» и других материальных благ, от которых зависел достаток здешних обывателей, занимались местные чиновники: в царское время это были приказчики, представители заводской и земской администраций, в советское время – должностные лица исполкомов и парткомов. Попасть в немилость к местным чиновникам всегда было здесь равносильно обречению себя и своей семьи на жалкое прозябание [2, с. 57–69; 3, с. 26–37]. Поэтому, отсутствие экономической самодостаточности обрекало здешнее население на зависимость от произвола чиновников. Стремление угодить чиновникам стало частью социального мировоззрения местных жителей. Чиновники, естественно, чувствовали это и активно пользовались данным обстоятельством в своих корыстных материальных и политических интересах. Подобная ситуация была характерна практически всем районам Урала, исторически связанным с заводским производством.

Большая, в сравнении со многими другими регионами, зависимость здешнего населения от местного чиновничьего аппарата во многом была связана также с особенностями социальной психологии и культуры здешнего населения, на формирование которых большое влияние оказал патернализм – система отношений, исторически возникшая на Урале еще в период господства крепостного права, при которой власти осуществляют покровительство жителям, обеспечивают их потребности, а взамен жители позволяют властям диктовать модели их поведения, как публичного, так и частного [4, с. 885; 10, с. 76–77]. Следствием патернализма стала частичная утрата местным населением способности и желания проявлять инициативу, формированию культа

«доброе начальника». Поэтому, несмотря на многочисленные недостатки в работе, чиновники горнозаводской зоны Южного Урала обладали у себя в районах серьезным влиянием на население.

Элементы традиционализма, продолжавшие, как сказано выше, существовать в горнозаводской зоне Южного Урала и в советский период, способствовали быстрому восстановлению после окончания Гражданской войны значительной части дореволюционных форм и методов управления этим субрегионом. Эта модель управления соответствовала менталитету местного населения, привыкшему к авторитарному обращению со стороны чиновников. Особенно ярко это проявлялось в отдаленных провинциальных уголках, таких, как Южный Урал, где уровень грамотности оставлял желать лучшего, население было «забитым» и аполитичным. К тому же, контролирующие органы были далеко, а правовое образование и воспитание на периферии, в том числе и в районах горнозаводской зоны Южного Урала, было поставлено гораздо слабее, чем в Центре. Поэтому, несмотря на декларируемое стремление дистанцироваться от дореволюционного аппарата управления, советские чиновники не только довольно быстро вернули значительную часть прежних форм и методов управления, но и воспроизвели многие недостатки царского чиновничества. В результате, советско-партийный аппарат «унаследовал» многие пагубные черты, которые были свойственны еще царским чиновникам (клановость, круговую поруку, склонность к коррупции, бюрократизм и т.д.).

Безусловно, такая специфическая черта мировоззрения местного населения, как патернализм, в совокупности с низким уровнем общего образования (у основной массы жителей горнозаводских районов оно было только начальное), являлись в тот момент одними из главных причин фактической несформированности у местного населения правосознания и основ гражданского общества, что также упрощало органам власти задачу манипулирования жителями. Многие экономические, политические, социальные явления протекали на Южном Урале несколько иначе, чем в Центре, и часто воспринимались населением совсем по-другому. Поэтому, в условиях формирования тоталитарного режима здесь выработалась особая стратегия выживания и адаптации, характерными чертами которой были консерватизм общественных настроений, плохо скрываемая аполитичность, готовность имитировать необходимые для Центра процессы и действия. Причины этого, помимо низкого уровня грамотности населения, кроются в жестко централизованной системе управления, удаленности от альтернативных источников информации, узком круге интеллектуальной элиты, способной к выработке самостоятельных оценок и суждений [9, с. 157]. В результате все это

привело к утверждению среди жителей горнозаводской зоны Южного Урала конформизма как основной формы политического поведения. В новых социально-экономических условиях основная масса населения воспринимала проявление лояльности по отношению к власти как обязательный элемент социального диалога, необходимый для выживания в сложившихся обстоятельствах. Демонстрация собственной лояльности по отношению к власти использовались людьми как одна из возможных стратегий приспособления, адаптации к условиям тоталитарного режима и даже продвижения по карьерной лестнице.

Таким образом, горнозаводская зона Южного Урала середины 1920-х гг. вполне может быть отнесена к категории частично модернизированных обществ, так как со времен феодализма и господства крепостного права она унаследовала многие элементы традиционализма, которые не были вытеснены даже в период так называемой «индустриализации Витте». Эта особенность, как уже говорилось выше, оказывала большое влияние на социально-экономическое и политическое развитие данного южноуральского субрегиона, а также на формирование и деятельность партийных и советских органов управления. Фактически в изучаемый период в горнозаводской зоне Южного Урала, как и по всей стране, происходит возвращение к дореволюционным формам и методам управления. Важнейшими предпосылками для этого как раз и стали элементы традиционного общества, которые еще не были вытеснены из общественной жизни в ходе модернизации, а также особенности хозяйственной деятельности, культуры и социальной психологии местного населения, особенно такая ее черта, как патернализм. Следует отметить, что в силу ряда социально-экономических причин население районов горнозаводской зоны Южного Урала находилось в большей зависимости от власти местных чиновников, чем жители многих соседних регионов. Поэтому, в середине 1930-х гг. контактируя с властными структурами, население чаще всего выбирало приспособленческие, компромиссные тактики взаимодействия, что характерно для конформистского типа политического поведения. Как и требовалось районными и местными властями, население горнозаводских районов Южного Урала проявляло лояльность официальному курсу правительства, заявляло о своей поддержке выдвигаемых целей и задач форсированной модернизации, демонстрировало активное участие в общественно-политической и производственной сферах общественной жизни.

Библиографический список

1. Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 225–256.

2. *Алеврас Н.Н.* «Заперты мы на заводе»: локальный мир горнозаводской культуры дореволюционного Урала // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX вв.: сб. статей. материалов междунар. конф. Челябинск: Каменный пояс, 2003. С. 57–69.

3. *Алеврас Н.Н.* Специфика провинциального социума дореволюционного Урала в ракурсе социокультурных процессов XVIII – начала XX в. // Вестник Челябинского госуниверситета. 2009. № 16. История. Вып. 32. С. 26–37.

4. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 885.

5. *Вагина П.А.* К истории возникновения горнозаводской промышленности Южного Урала // Вопросы истории Урала. Вып. 1. Свердловск, 1958. С. 22–36.

6. *Мукомолов А.Ф.* На южноуральских заводах. Кн. 3. М.: Территория, 2004. С. 252–255.

7. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-317. Оп. 1. Д. 95.

8. *Побережников И.В.* Модернизация: Теоретико-методологические подходы. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm> (дата обращения: 11.11.2019).

9. *Сибиряков И.В.* Нравственные коллизии политической модернизации (интеллигенция Южного Урала в первые годы «оттепели») // Урал в контексте российской модернизации: сб. науч. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2005. С. 157.

10. *Сусак В.* Патернализм // Социология: теория, методы, маркетинг. 2007. № 3. С. 76–77.

УДК 94(470.23-25) «1941/1944»:331.5-055.2

А.В. Толмачева,

доцент, Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева (Красноярск)

Я.С. Якунина,

студент, Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева (Красноярск)

ИЗ ДОМОХОЗЯЙКИ В ПЕРЕДОВИКИ ПРОИЗВОДСТВА: ТРУДОВОЙ ПОДВИГ ЖЕНЩИН БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Аннотация. В блокадном Ленинграде женщины взяли на себя ответственность за больных, стариков и детей, поддерживая порядок и экономику. Они работали на заводах и в сельском хозяйстве, активно участвуя в обороне. Их труд и самоотверженность стали ключевыми для выживания города.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, женщина на войне, блокадный Ленинград, экономический потенциал города, сельское хозяйство, промышленность, транспорт.

A.V. Tolmacheva,

Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk)

Ya.S. Yakunina,

Student, Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk)

FROM HOUSEKEEPERS TO PRODUCTION LEADERS: THE LABOR HEROES OF BLOCKED LENINGRAD

Abstract. In besieged Leningrad, women took on the responsibility of caring for the sick, elderly, and children, maintaining order and the economy. They worked in factories and agriculture, actively participating in the defense effort. Their hard work and dedication were crucial to the city's survival.

Key words: Great Patriotic War, woman in war, besieged Leningrad, city's economic potential, agriculture, industry, and transportation.

Блокада Ленинграда стала страшным испытанием для народа. Она не только оставила свой отпечаток на всей Великой Отечественной войне, но и сильно подорвала экономику целой страны. В условиях тотальной мобилизации мужского населения на фронт, основная тяжесть ответственности за функционирование промышленного комплекса, инфраструктуры и систем жизнеобеспечения легла на плечи женщин. К 1942 году женщины составляли около 75–80 % всех работающих на предприятиях Ленинграда [1; 14]. Блокада Ленинграда создала беспрецедентный в истории тип экономики – изолированную городскую систему, отрезанную от внешних ресурсов, но обязанную продолжать функционирование как промышленный и военный центр [15]. В условиях, когда свыше 70 % трудоспособного мужского населения было мобилизовано на фронт или в народное ополчение, возникла критическая потребность заменить мужчин женщинами на освоение нескольких профессий, исключительно мужских [12, с. 19].

К началу войны происходит всеобщая трудовая мобилизация. Все свободные руки в один момент превратились в рабочие. Если в 1940 году женщины составляли около 45 % рабочих, то к середине 1942 года этот показатель на ряде предприятий (например, завод «Электросила» или «Красная нить») достигал 92–95 % [14].

Впервые в таких масштабах был проведен массовый эксперимент по обучению женщин сложным техническим специальностям в кратчайшие сроки (от 2 недель до 1 месяца). Бывшие домохозяйки, студентки и педагоги становились операторами прессов, токарями и фрезеровщиками. Возник феномен, когда на место ушедшего на фронт мужа или отца вставала жена или дочь, что психологически поддерживало прием-

ственность производства и сохраняло культуру труда [11]. «Нас, девушек, привели в цех, где раньше работали только мужчины с десятилетним стажем. Мастер посмотрел на мои руки и сказал: «Тут точность нужна до микрона, а ты вчера еще в куклы играла». Через месяц я выполняла норму на 150 %. Мы спали у станков, потому что на дорогу домой не было сил, а завод должен был давать приборы для танков ежедневно. Экономика была простой: если станок стоит – фронт отстывает» [10, с. 651]. Это воспоминание Ольги Николаевны Грековой, работницы завода «Вибратор», говорит о радикальной трансформации женщины-жительницы блокадного Ленинграда. Девушка, которая не знала трудностей и бед, должна была за короткий срок обучиться и работать по мужской профессии, которой учатся и набираются опыта годами.

Промышленность блокадного города была переориентирована на нужды фронта. Женщины освоили производство продукции, которая традиционно считалась «мужской». На Кировском заводе, заводе им. И.В. Сталина, заводе «Большевик» женщины занимались сборкой танков, ремонтом тяжелой бронетехники и изготовлением полковых пушек [2]. Статистика свидетельствует, что производительность труда женщин-стахановок в условиях блокады нередко составляла 200–300 % от довоенных норм. Примечателен феномен «фронтовых бригад», где женщины заменяли ушедших на фронт мужчин, выполняя нормы выработки за двоих и троих. Важным аспектом была рационализаторская деятельность [13]. Из записок Нины Александровны Паперной, инженера Кировского завода: «Металла не хватало катастрофически. Мы собирали обломки снарядов, старые детали. Женщины-технологи предложили изменить схему плавки, чтобы использовать низкосортный лом без потери прочности брони. Мы экономили каждый киловатт электроэнергии: работали в темноте, подсвечивая только само острое резца. Это была экономия на грани возможного» [7, с. 234]. В условиях дефицита легирующих добавок и качественного сырья женщины-инженеры разрабатывали новые методы литья и закалки стали, позволявшие использовать имеющиеся в городе остатки материалов без потери боевых качеств оружия.

Функционирование ленинградской экономики было бы невозможным без восстановления городской среды. Восстановление ленинградского трамвая весной 1942 года – заслуга преимущественно женских бригад путейцев и электромонтеров. Это позволило возобновить доставку рабочих на заводы и грузов к линии фронта. Женщины составляли основу торфозаготовительных отрядов, которые в тяжелейших условиях обеспечивали топливом электростанции города. Подразделения местной противовоздушной обороны, на 90 % состоявшие из женщин, минимизировали

экономический ущерб от артобстрелов, оперативно ликвидируя пожары и завалы на промышленных объектах [9].

В условиях блокады наука стала прямым инструментом экономического выживания. Женщины-ученые (химики, биологи, технологи) создали уникальную систему использования пищевых заменителей. Под руководством женщин в лабораториях НИИ хлебопекарной промышленности и ВНИИ жиров разрабатывались методы получения пищевого белка из дрожжей, переработки отходов кожевенного производства в студень, внедрения гидроцеллюлозы в рецептуру хлеба. С экономической точки зрения это была уникальная модель максимального использования вторичных ресурсов (рециклинга), доведенная до абсолюта [8]. Дневник Елены Иосифовны Кочиной, научного сотрудника: «В лаборатории мы работали над тем, чтобы сделать съедобным то, что никогда не считалось едой. Мы извлекали белок из дрожжевой плесени, очищали технические масла. Каждая найденная тонна соевого шрота или мучной пыли на складах воспринималась как государственное сокровище. Мы высчитывали калории не для диеты, а для того, чтобы понять, сколько часов работы у станка сможет выдержать человек после такой порции» [6, с. 333].

Мотивация женского труда в блокадном Ленинграде носила не только патриотический, но и экзистенциальный характер. Работа на заводе давала доступ к рабочей карточке (более высокий продовольственный паек), что в условиях голода было единственным способом спасти семью. Однако сверхвысокие показатели выработки нельзя объяснить только пайком; важную роль играла высокая степень социальной солидарности и чувство сопричастности к обороне города [3]. Например, Валентина Никитична Петрова, вагоновожатая, вспоминает: «В марте 1942 года нас, женщин, вывели на расчистку путей. Лед был вперемешку с грязью и железом, высотой в метр. Мы долбили его ломami, едва держась на ногах от голода. Когда пошел первый грузовой трамвай, люди плакали. Это означало, что заводы снова получают уголь, а рабочие – хлеб. Трамвай был единственным механизмом, который связывал разрушенные части экономики города в одно целое» [4]. Эта заслуга принадлежит не одной женщине, а целому коллективному сообществу, который организованно смог договориться и сделать всё для такой заслуги.

Огромную роль в сохранении города сыграли сообщества огородниц. Воспоминания Марии Сергеевны Конотоп, участницы огородных бригад: «Нам выдали семена и лопаты. Мы копали землю в сквере у Исаакиевского собора. Каждая выращенная капуста – это были спасенные жизни наших детей в заводских яслях. Мы сами создали свою

продовольственную базу, чтобы не просить у государства то, чего у него не было в тот момент». Организация подсобных хозяйств внутри города рассматривается как децентрализация продовольственного снабжения. Этот женский проект самоорганизации позволил частично диверсифицировать источники питания и снизить нагрузку на внешние поставки по «Дороге жизни» [5; 8; 15].

Трудовой вклад женщин в экономику блокадного Ленинграда стал важным фактором, оказавшим влияние на сохранение и целостность безопасности города. Женщины доказали возможность эффективного замещения мужского труда в любой, даже самой тяжелой отрасли промышленности при условии краткосрочной интенсивной подготовки. Женский труд продемонстрировал высокую степень гибкости и изобретательности в условиях критического дефицита ресурсов. Без мобилизации женщин экономика Ленинграда прекратила бы свое существование уже в первую зиму блокады. Опыт блокадного Ленинграда остается ярким примером в истории мировой экономики, демонстрирующим пределы человеческих и технологических возможностей в условиях тотальной войны.

Библиографический список

1. *Адамович А.М., Гранин Д.А.* Блокадная книга. М.: АСТ, 2022. 800 с.
2. Архив АО «Кировский завод». Документы отдела кадров и производственных цехов за 1941–1944 гг.
3. *Дзенискевич А.Р.* Фронт у заводских стен: работа ленинградских заводов в годы блокады. Л.: Лениздат, 1970. 200 с.
4. *Ковальчук В.М.* Магистраль мужества: транспортная блокада Ленинграда. СПб.: Лики России, 2001. 407 с.
5. *Кочина Е.И.* Блокадный дневник (1941–1944). СПб.: Росток, 2013. 210 с.
6. Ленинград в осаде: сборник документов / отв. ред. А.Р. Дзенискевич. СПб.: Лики России, 1995. 639 с.
7. *Ломагин Н.А.* В тисках голода: блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб.: Янус, 2000. 336 с.
8. Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны: статистический сборник. Л.: Госстатиздат, 1945. 120 с.
9. *Никифорова Н.В.* У стен Ленинграда. Л.: Лениздат, 1955. 180 с.
10. Оборона Ленинграда. 1941–1944. Документы и материалы. Л.: Наука, 1968. 752 с.
11. *Пушкарева Н.Л.* Женщины в годы Великой Отечественной войны: вклад в победу и повседневность // Вестник антропологии. 2015. № 2. С. 64–78.
12. Трудовой подвиг женщин Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: сборник статей и воспоминаний / сост. Н.М. Морозова. Л.: Лениздат, 1963. 250 с.

13. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24 (Ленинградский обком ВКП(б)). Стенограммы совещаний о мобилизации женщин на заводы.

14. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7384 (Ленсовет). Данные по количеству работающих женщин и нормам выработки.

15. *Чистиков А.Н.* Экономика блокадного города // Санкт-Петербург: 300 лет истории. СПб.: Наука, 2003. С. 345–360.

УДК [677:334.71](091)(471.315)

С.В. Точенов,

доцент, Ивановский государственный университет

О.С. Цырулева,

специалист, Отдел охраны культурного наследия, Институт археологии РАН

РОДНИКОВСКИЙ МЕЛАНЖЕВЫЙ КОМБИНАТ «БОЛЬШЕВИК» В ПОСЛЕВОЕННЫЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1945–1993 гг.)

Аннотация. В статье рассказывается о послевоенной истории развития одного из крупнейших и самых известных текстильных предприятий Советского Союза – Родниковского меланжевого комбината «Большевик». Поднимаются вопросы, связанные с управлением и материальным обеспечением предприятия, его производственной и непроизводственной деятельностью. Рассматривается актуальная на тот момент проблема наличия причинно-следственных связей, повлекших за собой переход предприятия от государственной формы собственности к частной.

Ключевые слова: Родниковский комбинат «Большевик», текстильное производство, модернизация.

S.V. Tochenov,

Associate professor, Ivanovo State University

O.S. Tsyruleva,

Specialist, Department of Cultural Heritage Protection, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences

THE RODNIKOVSKY MELANGE PLANT «BOLSHEVIK» IN THE POST-WAR SOVIET PERIOD (1945–1993)

Abstract. The article describes the post-war history of the development of one of the largest and most famous textile enterprises in the Soviet Union – the Rodnikovsky melange plant «Bolshevik». Issues related to the management and material sup-

port of the enterprise, its production and non-production activities are raised. The problem of the existence of cause-and-effect relationships that led to the transition of an enterprise from state to private ownership is considered.

Key words: Rodnikovsky plant «Bolshevik», Textile production, Modernization.

Так исторически сложилось, что Ивановская область стала текстильным центром нашей страны, а областной центр носит неофициальное название «текстильной столицы России». Бренды «Ситцевый край» и «Красный Манчестер» до сих пор плотно ассоциируются с городом Иваново.

Немалую роль в развитии текстильной промышленности Ивановской области сыграл Родниковский район. Именно здесь, в районном центре, располагался орденов Ленина и Трудового Красного Знамени Родниковский меланжевый комбинат «Большевик». История основания этого градообразующего предприятия относится к концу XVIII века, когда крестьянин Георгий Михайлов (Красильщиков) открыл ручное красильное заведение для окраски льняных тканей и пряжи. Оно положило начало целой династии фабрикантов и созданию крупного предприятия. В 1820 году в Родниках на базе бумагопрядильной фабрики создали хлопчатобумажное производство. С 1894 года, в результате слияния всех родниковских фабрик и объединения капиталов Красильщиковых в одно целое, было образовано акционерное общество, получившее название «Товарищества мануфактур А.М. Красильщиковой с сыновьями» [1], которое постановлением ВСНХ от 15 декабря 1918 года было национализировано и переименовано в Родниковскую мануфактуру «Большевик», а с 1932 года – в Родниковский меланжевый комбинат.

В советские годы государство уделяло особое внимание развитию текстильной промышленности в Ивановской области, следствием чего стало формирование устойчивого имиджа области как текстильного края всесоюзного значения. Родниковский комбинат – одно из крупнейших и наиболее значимых предприятий как Ивановской области, так и советской текстильной промышленности в целом – оказал существенное влияние на социально-экономическое развитие региона. Он не только пережил тяжелейшие испытания Великой Отечественной войны, но и стал символом трудового героизма, технологической модернизации и социальной ответственности. Его история в послевоенный период отражает ключевые этапы советской экономической политики – от восстановления разрушенной инфраструктуры до попыток перехода к рыночным отношениям.

После окончания Великой Отечественной войны текстильная промышленность СССР находилась в тяжелом положении. Война нанесла колоссальный ущерб и унесла множество жизней, что сильно

повлияло на экономику страны. Большая часть текстильных предприятий была разрушена или повреждена, многие станки были уничтожены или находились в состоянии консервации, значительная часть специалистов была мобилизована на фронт.

Родниковский меланжевый комбинат на момент окончания войны являлся производством полного цикла и включал в себя хлопкопрядильное, ткацкое и отделочное производства, а также механический завод, который занимался выпуском деталей для производственного оборудования, а также материалов для строительства и ремонта. «Большевик» находился в критическом состоянии: корпуса требовали капитального ремонта, значительная часть оборудования простаивала из-за дефицита топлива, электроэнергии и сырья (хлопка). Период второй половины 1940-х ознаменовался масштабным восстановлением производства. Под руководством директоров М.А. Сорокина и П.И. Лахтина были предприняты решительные шаги по расконсервации оборудования, ремонту цехов и восстановлению технологических цепочек. Лишь к 1949 году, с нормализацией поставок сырья и энергоресурсов, комбинат вышел на довоенный уровень производства.

Несмотря на трудности восстановительного периода, производство старалось выполнять и задачи мирного времени. И, в первую очередь, это был переход на выпуск гражданской продукции. Новые сорта ткани стали выпускаться на комбинате уже со второй половины 1945 года, а в дальнейшем их ассортимент лишь расширялся. Но стоит заметить, что «Большевик» продолжал выпуск тканей по специальным заказам для армии, и их объем пока еще доминировал над тканями для гражданских нужд.

Родниковский комбинат брал на себя большую социальную ответственность за развитие города. При его поддержке и участии в 1948 году были открыты стадион и Летний сад [2], к началу 1950-х начали осуществлять жилищное строительство для рабочих предприятия, запустили вторую ветку водопровода, решили вопрос со строительством нового кинотеатра.

В 1950-е годы развитие комбината происходило преимущественно экстенсивно: наращивались объёмы за счёт ввода оставшегося законсервированного оборудования, однако модернизация материально-технической базы практически не осуществлялась. Отсутствие должного обновления порождало срывы в выполнении производственных планов. Но при этом, комбинат активно расширял ассортимент, осваивая выпуск новых видов тканей.

Значительные изменения произошли в 1960-х годах. В рамках начавшейся в середине десятилетия экономической реформы руковод-

ством страны было принято решение провести масштабную реконструкцию и комплексную модернизацию предприятий текстильной промышленности.

Стоит отметить, что на Родниковском комбинате процесс внедрения автоматизации начался ещё раньше – с начала 60-х. В 1960 году начался первый, а в 1961 году – второй цикл модернизации производства. Вместе с Ивановским хлопчатобумажным комбинатом им. Самойлова Родниковский «Большевик» стал пилотным проектом в Ивановской области по внедрению автоматизированных линий [3].

К началу 1970-х комбинат «Большевик» являлся крупнейшим текстильным предприятием в СССР. Достигнутые успехи были отмечены в 1970 году награждением комбината орденом Трудового Красного Знамени (первую награду – орден Ленина – комбинат получил еще в 1944 году) [1].

Параллельно с модернизацией и обновлением оборудования на Родниковском комбинате «Большевик» в 1960–1970-х годах происходит расширение ассортимента выпускаемой продукции. Кроме освоения новых тканей, разрабатывается большое количество рисунков для уже устоявшихся в производстве сортов и артикулов, а также подбираются новые высококачественные пропитки для улучшения прочности и иных технических характеристик ткани.

Проходивший во второй половине 1970-х очередной этап модернизации и реконструкции так же начался в Ивановской области с Родниковского меланжевого комбината «Большевик». В этот период процесс обновления оборудования был связан в основном с обеспечением производства новых видов ткани. И, в первую очередь, джинсовой ткани «Орбита», которая начала выпускаться на комбинате с 1977 года. Она была разработана на основе привезенного из Америки лоскута денима фабрики «Леви Страус» методом обратного инжиниринга.

Нет сомнения, что в целом в рассматриваемый период интенсивное направление развития отрасли преобладало. Свидетельством тому является достигнутое в начале 80-х годов если не абсолютное, то относительное насыщение рынка страны текстильными изделиями. Возникшие тогда трудности в реализации продукции текстильной промышленности характеризовались уже не как общая недостаточность товарного предложения, а как его ассортиментно-качественное несовершенство. На первый план выдвинулись требования рынка к качеству изделий с позиции их потребительской оценки. Значительная часть продукции текстильной промышленности не находила сбыта из-за несоответствия ее отделки не только мировым стандартам, но и самым элементарным потребительским требованиям. Отделка стала и продолжала быть

самым «узким местом» в традиционных подотраслях текстильной промышленности, как с точки зрения технологии, так и с позиции конъюнктуры рынка.

Несмотря на это, 1960–70-е годы можно назвать пиком, кульминацией развития Родниковского комбината. Как по линии производственной составляющей, так и в рамках так называемой «социальной ответственности» предприятия.

В период 1960 – начала 1980-х года шло активное развитие, как самого комбината, так и всего города в целом. «Большевик» оставался градообразующим предприятием, и большая часть модернизации социальной структуры города шла за счет финансирования и прямой его поддержки. Десятки тысяч квадратных метров жилья в разных районах города, Дворец культуры школьников, здание нового хирургического отделения ЦРБ, очистные сооружения, котельная, асфальтирование дорог – вот неполный перечень того, что делал «Большевик» для Родников.

В 1985 году в рамках начавшейся «перестройки» была провозглашена новая экономическая программа – курс на ускорение социально-экономического развития страны. Она, прежде всего, была направлена на развитие тяжёлой промышленности, легкая же (включая и текстильную), как обычно, отошла на второй план. Неудача курса «ускорения» побудила власти принять экономическую реформу 1987 года в надежде объединить социализм и рынок. Но рыночный механизм не работал в рамках командно-административной системы. С началом легализации частной собственности налоги текстильных предприятий от получаемого дохода выросли до фантастических размеров. Неупорядоченность налоговой системы, высокие налоги губительно сказались и на деятельности родниковского текстильного гиганта.

«Большевик» перешел на систему самоуправления раньше остальных текстильных предприятий Ивановской области. Нововведения стали ощущаться сразу. Комбинат начал работать в новых экономических условиях – самофинансировании и самоокупаемости. В 1987 году директор впервые за все время существования комбината был избран общим голосованием коллектива предприятия. Вместе с переходом на новую систему управления комбинат меняет свое официальное наименование и теряет знакомое всему Советскому Союзу имя «Большевик». С 1987 года предприятие стало называться Родниковское производственное хлопчатобумажное объединение (РПХБО), при этом продолжая оставаться в государственной собственности.

Более существенные изменения произошли на предприятиях текстильной промышленности после начавшейся в 1992 году приватизации. А еще в 1991 Министерства текстильной и легкой промышленно-

сти РСФСР были преобразованы в госконцерны, спустя еще два года – в акционерные общества.

В этих сложных экономических условиях комбинат сократил финансирование любых работ, связанных со строительством и развитием городской инфраструктуры. Он больше не занимался жилой застройкой города. А в скором времени все подшефные детские сады, школы, Дом культуры, стадион и многие другие социально-значимые объекты, ранее созданные и контролируемые комбинатом, перешли под контроль городской администрации.

В 1993 году Родниковское Государственное производственное хлопчатобумажное объединение (РГПХБО) перешло в частную собственность, появилось Акционерное общество открытого типа «Родники-Текстиль» (АООТ «Родтекст»). Историю же бывшего крупнейшего предприятия СССР – Родниковского меланжевого комбината «Большевик» – как государственного предприятия можно было считать завершенной.

Таким образом, история комбината «Большевик» в значительной степени отражает ключевые этапы советской промышленной политики – от послевоенного восстановления до попыток рыночных преобразований. Его вклад в развитие текстильной отрасли, социальную сферу и городскую среду остаётся значимым элементом промышленного наследия России.

Библиографический список

1. Комбинат «Большевик» // МБУК «Родниковский туристический центр»: официальный сайт. URL: <https://rodnikiturcentr.ivn.muzkult.ru/about> (дата обращения: 25.12.2024).
2. Директора текстильного предприятия провинциального города Родники. Ч. 5 // Родниковский проспект. 2020. 29 апреля.
3. Государственный архив Ивановской области. Ф. 327. Оп. 11. Д. 15. Л. 2–9.

Д.В. Тумаков,

доцент, Ярославский государственный медицинский университет /
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль)

НАЧАЛО ПЕРВОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ КАМПАНИИ 1994–1996 гг. В ОСВЕЩЕНИИ ГАЗЕТЫ «ИНГУШЕТИЯ»

Аннотация. Анализируются оценки ситуации на Северном Кавказе, приводившиеся в конце 1994 года в республиканской газете «Ингушетия». Используются типичные по содержанию статьи, опубликованные в данном издании. Сделан вывод об антивоенных настроениях газеты, которые привели к конфликту населения республики с российскими военными.

Ключевые слова: Чечня, военные действия, «Ингушетия», пресса, сепатизм, Россия.

D.V. Tumakov,

Associate professor of Yaroslavl state medical university, Yaroslavl State University named P.G. Demidov (Yaroslavl)

THE BEGINNING OF THE FIRST CHECHEN CAMPAIGN OF 1994–1996 IN THE NEWSPAPER "INGUSHETIYA"

Abstract. The article analyzes the assessments of the situation in the North Caucasus that were published in the republican newspaper Ingushetia in late 1994. The article uses typical articles published in this publication. The author concludes that the newspaper's anti-war sentiments led to a conflict between the republic's population and the Russian military.

Key words: Chechnya, military operations, Ingushetia, the press, separatism, Russia.

Военная операция 1994–1996 гг. по восстановлению конституционной законности и правопорядка в Чеченской Республике, получившая в центральных СМИ и среди широкой общественности распространённое наименование «первой чеченской войны», оказалась первым вооружённым конфликтом на постсоветском пространстве, наблюдать за ходом которого посредством печатных или электронных масс-медиа обычные россияне могли практически ежедневно. Тем не менее, если освещение боевых действий на Северном Кавказе в федеральных [3, с. 26–30] или даже зарубежных [11, с. 87–117] СМИ уже становилось темой научного исследования то аналогичная деятельность северокавказских периодических изданий в середине 1990-х гг. до сих пор остаёт-

ся на периферии внимания отечественных историков. Ярким примером таких масс-медиа стала республиканская общественно-политическая газета «Ингушетия», издававшаяся с 1993 года в станице Орджоникидзевская. Её учредителем являлось правительство Республики Ингушетия (РИ), возникшей в результате раздела Чечено-Ингушетии.

Как известно, ингушские власти во главе с первым президентом республики генерал-лейтенантом Р.С. Аушевым изначально выступали с категорическим осуждением силовой акции федерального Центра в Чечне. Р.С. Аушев – Герой Советского Союза, ветеран войны в Афганистане – был фактически единственным руководителем национальных регионов Северного Кавказа, резко осудившим ввод российских войск в мятежную республику [10, с. 217]. При этом его точка зрения не претерпела существенных изменений на всём протяжении первой чеченской кампании 1994–1996 гг.

Подобная позиция республиканского руководства была всецело отражена на страницах газеты «Ингушетия». Так, на первой странице номера за 4 декабря 1994 года было опубликовано совместное заявление руководителей законодательной и исполнительной ветвей РИ. Председатель Народного собрания РИ М.А. Султыгов и глава правительства М.И. Дидигов выразили готовность своей республики оказать посильную помощь жителям Чечни, пострадавшим от вооружённого противостояния между сторонниками и противниками режима генерала Д.М. Дудаева, а также стать посредниками в их последующем примирении [4]. Любые обвинения в предоставлении оружия или боевой техники противоборствующим сторонам должностные лица РИ отрицали, утверждая, что могут приветствовать только политическое решение внутричеченского конфликта.

В статье, вышедшей ровно за неделю до ввода федеральных сил в мятежную Чечню, также содержалось утверждение о том, что Ингушетия желает установления прочного мира в соседней республике [2]. Автор публикации, один из наиболее известных авторов газеты М. Бузуртанов, категорически отверг любые обвинения в предоставлении его республикой военной поддержки как обеим сторонам внутричеченского конфликта, так и федеральному Центру. Весьма примечательным было то обстоятельство, что название соседней республики в упомянутой статье звучало не так, как оно было обозначено в Конституции РФ 1993 года (Чеченская Республика), а так, как её с начала 1994 года именовал правящий режим сепаратистов – Чеченская Республика Ичкерия (ЧРИ). Подобное её наименование на страницах газеты сохранялось и в дальнейшем. Сам же фактический лидер мятежной Чечни Д.М. Дудаев упомянутой публикации был охарактеризован не как сепаратист или

нарушитель российского законодательства, а как «пользующийся уважением у народа Ингушетии» политический деятель [2].

Ввод на территорию Чечни подразделений силовых ведомств РФ 11 декабря 1994 года и последующее начало активных боевых действий также не были проигнорированы на страницах «Ингушетии». Спустя всего три дня газета опубликовала на первой полосе довольно резкое заявление президента РИ Р.С. Аушева, который охарактеризовал решение федеральных властей о вводе войск в Чечню как «провокационное», принятое в момент возможного скорого политического урегулирования конфликта и противоречащее решению Совета Федерации РФ от 8 декабря. Аушев потребовал прекратить дальнейшее наступление федеральных сил в Чечне и одновременно призвал федеральное и региональное руководство, а также российскую демократическую общественность пресечь любые попытки силовой развязки кризиса в Чечне [5]. Заметим, что и в некоторых более поздних номерах газеты «Ингушетия» публиковались заявления тех общероссийских политических групп и движений, что выступали против силового решения чеченской проблемы и призывали федеральный Центр к началу диалога с Д.М. Дудаевым и другими лидерами сепаратистов. В частности, на первой странице номера издания от 17 декабря 1994 года вышли соответствующие обращения за подписями лидеров «Яблока» (Г.А. Явлинский), движения «Демократическая Россия» (Г.В. Старовойтова), партии «Демократический выбор России» (Е.Т. Гайдар), а также аналогичные по содержанию телеграммы на имя руководства Республики Ингушетии от демократической общественности Москвы, руководителей политической партии «Молодая Россия» или членов Европарламента.

Некоторые из публикаций газеты «Ингушетия» выглядели настолько остро, что её редакция даже была вынуждена давать комментарии касательно причин их размещения на страницах официального печатного издания одного из субъектов Российской Федерации. Так, в статье журналиста Х. Плиева основное место уделялось программному интервью «вице-президента» самопровозглашённой ЧРИ З.А. Яндарбиева. Тот обвинял Россию в начале «второй колониальной войны против Чечни» и одновременно заявил о готовности к ведению переговоров с федеральными властями при условии вывода федеральных сил с территории республики, фактического признания её независимости и последующего установления «самых тесных и дружественных межгосударственных отношений» между РФ и ЧРИ [7]. В противном случае, утверждал один из высших лидеров чеченских сепаратистов, может развиться полномасштабная Кавказская война, поскольку на стороне ЧРИ выступали многочисленные добровольцы из Дагестана, Ингушетии и Кабардино-Балкарии, а Центр якобы уже задействовал против боеви-

ков в общей сложности 4 дивизии МО и ВВ МВД РФ, а также танки, штурмовую авиацию, боевые вертолёты и реактивную артиллерию [7].

Редакция газеты «Ингушетия» неоднозначно отреагировала на публикацию журналистом Х. Плиевым интервью З.А. Яндарбиева. С одной стороны, она подчёркивала, что сделала это для более полной информационной картины и утверждала, что ингушские читатели могут не согласиться с некоторыми из утверждений интервьюируемого [7]. С другой стороны, газета не помещала аналогичных интервью с представителями федеральных силовых структур или пророссийских сил Чеченской Республики, что позволяло обвинить её в одностороннем, ангажированном освещении нового вооружённого конфликта на Северном Кавказе.

Резкой критике на страницах издания подверглись и федеральные власти. В частности, главный редактор газеты «Ингушетия» М.А. Чахкиев полагал, что Президент РФ Б.Н. Ельцин и его окружение более не разделяют демократические ценности, и считал звеньями одной цепи «широкого наступления на демократию» в стране силовую акцию Центра во время эскалации осетино-ингушского вооружённого конфликта в Пригородном районе Северной Осетии в ноябре 1992 года, применение военной силы против Верховного Совета России в октябре 1993 года в Москве и ввод федеральных войск в Чечню в декабре 1994 года [12]. В передовой статье с говорящим заглавием «За державу обидно...» Чахкиев старался опровергнуть основные тезисы, которые официально декларировали российские власти, аргументируя собственное решение о применении силы на Кавказе. При этом он фактически повторял аргументы дудаевского режима в Грозном о том, что Чечня в XIX веке была завоёвана Российской империей и затем являлась составной частью РСФСР, но провозгласила собственную независимость ещё до распада СССР, на волне борьбы с путчистами в августе-сентябре 1991 года [12]. Тем самым, заключал М.А. Чахкиев, ЧРИ не подписывала Федеративный договор от 31 марта 1992 года, не голосовала за принятие новой Конституции 12 декабря 1993 года и потому никогда не входила в состав именно постсоветской России [12].

Комментируя наличие у сепаратистов большого количества вооружений и боеприпасов, главный редактор газеты обвинял в этом самих российских силовиков, которые покинули Чечню в 1992 году, бросив боевую технику и снаряжение Шалинского танкового полка, аэродрома в Ханкале, а также на многих других объектах МО и МВД. Примечательно, что применительно к упомянутой ситуации правительство и военизированные структуры самопровозглашённой ЧРИ даже заслужили похвалу со стороны М.А. Чахкиева, который утверждал, что сепаратисты якобы сумели взять под контроль часть военных объектов

в Грозном и тем самым спасли их от дальнейшего разграбления местными мародёрами [12]. Отметим, что главный редактор газеты «Ингушетия» не упоминал о том, что выводу российских военных с территории Чечни способствовали активные действия местного населения, о которых в начале 1990-х гг. регулярно сообщала центральная печать. Так, за 1991 год в тогда ещё единой Чечено-Ингушской Республике было совершено до 100 противоправных действий против военнослужащих Советской Армии, включая похищение их личного вооружения или имущества, а также угрозы применения оружия [6]. В январе-марте 1992 года число подобных акций только на территории Чечни превысило 60, а среди военных появились первые человеческие жертвы [8, с. 578–579].

Ещё одной характерной особенностью публикации М.А. Чахкиева было стремление экстраполировать звучавшие из федерального Центра в адрес самопровозглашённой Ичкерии обвинения в нарушении Конституции и российского законодательства в целом на соседнюю Республику Северная Осетия-Алания. Например, автор газеты «Ингушетия» утверждал, что именно там были сосредоточены незаконные вооружённые формирования, имевшие на руках многочисленные образцы тяжёлого вооружения, убивавшие мирных жителей или похищавшие их в заложники, а местные власти не соблюдают указы Президента РФ [12]. Хотя никаких конкретных фактов в его статье не приводилось, очевидно, что речь в данном случае шла о продолжавшемся осетино-ингушском конфликте, в частности, о попытках официального Владикавказа воспрепятствовать возвращению ингушских беженцев в Пригородный район Северной Осетии.

Таким образом, анализ типичных публикаций, вышедших в газете «Ингушетия» в конце 1994 года, показывает, что данное периодическое издание является важным источником по первой чеченской кампании. Редакция и журналисты газеты резко осуждали политику российских властей на Северном Кавказе и призывали к мирному урегулированию давнего конфликта между федеральным Центром и мятежной республикой, но одновременно не поддерживали и идею предоставления Чечне независимости. Не подлежало сомнению с их стороны и пребывание Ингушетии в составе России. Однако газета, регулярно освещавшая мирные акции протеста ингушского населения, ничего не сообщала об имевших место фактах вооружённого сопротивления федеральным силам со стороны жителей республики и имевшихся в результате этого человеческих жертвах [1]. Учитывая и без того непростые взаимоотношения с российскими властями вследствие отказа Москвы передать территорию Пригородного района Северной Осетии под юрисдикцию Ингушетии, неудивительно, что самая молодая российская республика, по словам известного военачальника, Героя России

генерал-полковника Г.Н. Трошева, в декабре 1994 года «превратилась в очаг сопротивления» [9, с. 13], а её лидер Р.С. Аушев все больше воспринимался военными как пособник чеченских боевиков [9, с. 107–113].

Библиографический список

1. *Белых В., Бурбыга Н.* Первые бои, первые жертвы // Известия. 1994. 14 декабря.
2. *Бузуртанов К.* Ингушетия желает мира // Ингушетия. 1994. 4 декабря.
3. *Глушаченков А.А.* Некоторые особенности отражения в центральной печати боевых действий в Чечне // Власть. 2008. № 2. С. 26–30.
4. Заявление Народного Собрания – Парламента и Правительства Республики Ингушетия // Ингушетия. 1994. 4 декабря.
5. Заявление Президента Республики Ингушетия от 11 декабря 1994 года // Ингушетия. 1994. 14 декабря.
6. *Леонтьева Л.* Чечено-Ингушетия. Грозненскому гарнизону снится Ростов // Московские новости. 1992. 19 января.
7. *Плиев Х.* Эта война – колониальная? // Ингушетия. 1994. 17 декабря.
8. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
9. *Трошев Г.Н.* Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М.: «Вагриус», 2001.
10. *Тумаков Д.В.* Горячая точка новой России: чеченский кризис 1991–1996 гг. в оценках российского общества. Ярославль: Аверс Плюс, 2017.
11. *Тумаков Д.В.* Публикации иностранных журналистов в российских масс-медиа как источник по первой чеченской кампании 1994–1996 гг. // *Historiaprovinciae*–Журнал региональной истории. 2018. Т. 2, № 3. С. 87–117.
12. *Чахкиев М.* За державу обидно... // Ингушетия. 1994. 20 декабря.

УДК 396:342.83:94(470)

Р.И. Шафиков,

соискатель, Казанский (Приволжский) федеральный университет

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ЖЕНЩИН ТАТАРСКОЙ АССР В 1920-е ГОДЫ

Аннотация. 1920-е гг. характеризуются активными мерами партийно-государственных структур РСФСР по политической эмансипации женщин. Представлена динамика их вовлечения в работу выборных органов власти, которая зависела от факторов, обусловленных и региональными особенностями Татарской АССР.

Ключевые слова: женщины, Советы, выборы, государственная политика в отношении женщин, женотделы, делегатские собрания, Татарская республика,

R.I. Shafikov,

Applicant, Kazan (Volga Region) Federal University

ON THE ISSUE OF POLITICAL ACTIVITY OF WOMEN IN THE TATAR ASSR IN THE 1920s

Abstract. The 1920s were characterized by active measures of the party and state structures of the RSFSR for the political emancipation of women. The dynamics of their involvement in the work of elected bodies of power, which depended on the factors due to the regional characteristics of the Tatar ASSR, is presented.

Key words: women, Soviets, elections, state policy on women, women's departments, delegates' meetings, the Tatar Republic.

До 1917 г. в России женщины не имели избирательных прав. С переходом власти к Советам установилось полное их равноправие с мужчинами в области политических прав, что было закреплено Конституцией РСФСР 1918 г. [36]. Теперь они могли избирать и быть избранными в государственные органы. В первое десятилетие советской власти рост политической сознательности женщин происходил медленно, а предоставленные права не решали автоматически проблему повышения их общественной активности [1, с. 134; 38, с. 175]. Социальная ограниченность женщин усугублялась сохраняющимися в крестьянском менталитете консервативными взглядами и гендерными стереотипами на их роль в общественной жизни [37, с. 34; 29 с. 145].

В 1922 г. в РСФСР доля женщин в сельских советах не превышала 1 % [32, с. 57]. В ТАССР данный показатель в этот же период составлял 0,4 %. Руководство и контроль за работой среди работниц и крестьянок берется партийной организацией, несмотря на то, что женотделы (органы по работе среди женщин) были сформированы в составе уездных и кантонных комитетов РКП(б) в 1919–1920 гг. ЦК РКП(б) 30 октября 1922 г. указал циркулярно всем губкомам и обкомам РКП(б) принять «все меры к привлечению работниц и крестьянок к выборам и проведению их членами в советы» [5, л. 45]. Циркуляр в свою очередь был разослан всем кантонным избирательным комиссиям ТАССР 5 октября 1922 г. с предписанием вести строгий учет и докладывать о количестве женщин, избранных в Советы [5, л. 42]. Эти распоряжения по-разному воспринимались руководителями местных органов власти. Наряду с их игнорированием встречалась и инициативность. Так, 8 октября 1922 г. Лаишевским исполкомом принимается воззвание к населению кантона о выборах в советы женщин [5, л. 59].

Агитационные кампании по вовлечению женщин в Советы практиковались перед ежегодными перевыборами. Коренизация советского

аппарата (укрепление местными кадрами) вносила свои коррективы в распоряжения правительства (циркуляр ТатЦИКа кантисполкомам от 15 октября 1923 г.), предписывающие активно «привлекать в советы» женщин-татарок [6, л. 96–96 об.]. Наряду с хозяйственно-бытовыми проблемами участию татарок в выборах препятствовали мужчины-родственники, которые прибегали к силовому воздействию [29; 2, с. 106]. По мусульманским традициям они занимали в семье и обществе подневольное положение. Это было характерно не только татарскому населению. В селе Егоркино Чистопольского кантона чувашские женщины боялись показаться на какое-либо собрание, так как их могли засмеять и побить [34].

Ниже представлена динамика участия женщин в выборных органах власти ТАССР всех уровней в годы нэпа, которая наглядно иллюстрирует их политическую активность, некоторые особенности использования ими активного избирательного права, а также отношения к этому процессу мужского населения [3, л. 50; 4, л. 100–101, 199; 5, л. 244; 7, л. 53 об.; 8, л. 525; 9, л. 14; 10, л. 26, 82; 12, л. 50, 77; 14, л. 158 а об.; 16, л. 13–14 об.; 17, л. 197 об.; 18, л. 4, 6, 16, 41, 60; 19, л. 1–5, 31, 41, 55, 56; 20, л. 79, 106, 160; 21, л. 15–23, 27–28, 70–71; 22, л. 19, 22 об., 26–28; 23, л. 24; 24, л. 15; 25, л. 5 об.; 26, л. 6–9; 27, л. 23–25; 28, л. 55, 77, 120].

	1920– 1921	1921– 1922	1922– 1923	1923– 1924	1924– 1925	1925– 1926	1927
ТатЦИК	3,3	5,6	2,6	2,6	5,3	8,6	12,4
Кантисполкомы	2,4	1,7	0,6	0,7	3,8	6,5	8,7
волисполкомы	0	0	0,5	0,4	0,8	10,1	10,5
сельсоветы	0	0	0,4	2,9	8,6	14,3	17,1
Казанский горсовет	9,7	–	8,9	12,4	24,8	26,7	30,8
горсоветы кантонов	–	12,2	7,2	10,3	18,5	19,1	23

Годы нэпа демонстрируют рост числа женщин в выборных органах власти ТАССР. Существенно этот процесс начинает проявляться к концу восстановительного периода. В 1926 г. процент участия женщин в Советах в целом низок. Наибольшая их доля на протяжении 1921–1927 гг. была представлена лишь в горсоветах.

Наличие значительной группы женщин-депутаток в них объясняется слабостью рамок, сдерживавших женщин от участия в политической жизни города. Здесь и менее консервативное отношение мужчин к положению женщины, и определенная их свобода от хозяйственно-

бытовых проблем, которыми больше обременялись крестьянки [35, с. 221]. К тому же отмечалась немногочисленность татарок среди городского населения, особенно в развитых промышленных центрах ТАССР – таких, как Казань, Чистополь, где удельный вес татар-пролетариев был невелик [2, с. 108].

Причины широкого участия женщин в городских советах крылись и в другом. В пределах кантонного центра сосредотачивались два различных по уровню и принципам формирования выборных органа власти – это кантонный исполком и горсовет. Первый формировался при непосредственном участии партийной организации, предлагавшей перечень кандидатов в члены исполкома, за которых, как правило, голосовали списком. Следовательно, в кантисполком преимущественно избирались женщины-коммунистки [13, л. 9 об.]. Выборы в горсоветы проходили прямым голосованием населения, в большей степени организовано – по производственному принципу при участии профсоюза, на общегородских собраниях жителей и в более демократичной атмосфере.

Избирательная кампания 1925–1926 г. показала активность и непринужденность женщин, когда в ТАССР была широко применена новая форма выборов путем созыва отдельных избирательных собраний женщин [2, с. 109]. Кроме этого, областной комитет РКП(б) начал созывать женские делегатские собрания не менее одного раза в месяц. Из этого актива советские и партийные структуры продвигали в выборные органы новых членов [31, с. 223–224].

Перевыборы 1923–1924 г. принесли значимые результаты по вовлечению крестьянок в низовые органы власти – сельские советы, в которые выборы также производились прямым голосованием, как правило, на сельских сходах. К примеру, в Челнинском кантоне в 1923–1924 г. доля женщин в сельсоветах составили 6,8 % [11, л. 154]. По ТАССР данный усредненный показатель по всем кантонам равнялся 2,9 %. Рассмотрим социально-демографический и партийный состав крестьянок – членов сельсоветов Челнинского кантона [11, л. 91–154].

Всего членов		Из них													
		Возраст				Националь- ность			Пар- тийность		Соц- положение		Образование		
		от 18 до 25	от 26 до 35	от 36 до 45	от 46 и выше	русских	татарок	нацменок	чл. РКП(б)	беспарт.	беднячек	среднячек	среднее	низшее	неграмотн.
абс.	71	28	18	13	12	21	40	10	2	69	49	22	3	48	20
в %	100	39,4	25,4	18,3	16,9	29,6	56,3	14,1	2,8	97,2	69	31	4,2	67,6	28,2

Наиболее интересен их возрастной состав. Так, предпочтения выборщиков к женщинам до 25 лет говорит о приоритете молодости. При этом в данной категории большинство составили девушки в возрасте от 18 до 21 года, что объяснялось влиянием комсомольских ячеек, а также ставкой на молодежь, которая еще не обзавелась семьей, не обременена бытовыми проблемами и хозяйством.

Национальное представительство характеризуется преимуществом татарок. Этому способствовали активные меры по коренизации советского аппарата, а также демографические условия, поскольку национальный состав населения Челнинского кантона распределялся следующим образом: русских – 40,8 %, татар – 42,7 %, нацмен – 16,5 % (мордва – 2,1 %, чуваш – 1,1 %, татары-кряшены – 13,3 %) [11, л. 59]. При этом в 12 волостях из 18 преобладало татарское население. Довольно-таки значительный процент представительниц национальных меньшинств объясняется включением в их число татарок-кряшенок (этноконфессиональная группа волго-уральских татар, исповедующих православие).

Членами РКП(б) являлись депутатки Кувадинского и Ново-Спасского сельсоветов, татарка 30 лет и русская 26 лет [11, л. 115 об., 119 об.].

Высокая доля беднячек объясняется сложившимися бытовыми условиями, обусловленными минимальной занятостью из-за маломощности их хозяйств. Средний и крепкий двор не позволял отвлекаться на общественные дела.

Значительный уровень неграмотности среди женщин – членов сельсоветов Челнинского кантона в 28,2 % объясняется общим состоянием образования в стране. Однако примечателен тот факт, что среди мужчин – членов сельсоветов этого же кантона данный показатель ниже и исчисляется 21,7 % [11, л. 154].

Прохождение крестьянок в сельсовет не всегда оправдывалось. Принцип «не мешайте, бабы» перечеркивал представительство женщины в сельсовете, тем более, если она оказывалась единственной среди мужчин. Как правило, ей противодействовали в реализации своих обязанностей в выборном органе и она постепенно отстранялась от его работы, числясь лишь на бумаге [15, л. 522 об.].

В редких случаях крестьянкам благодаря настойчивости или авторитету удавалось закрепиться в руководстве сельсовета. В 1923 г. в Камышинском и Поручиковском сельсоветах Челнинского кантона Тарасова Анна и Захарова Александра заняли должности заместителей председателя [11, л. 106 об.].

Иницилируемые партийно-государственными органами меры по вовлечению женщин в политическую жизнь периодически встречали

упорное противостояние мужчин. Весной 1925 г. во время вторичных перевыборов в населенных пунктах Лаишевского кантона ТАССР отмечены случаи организованной агитации против представительства женщин в сельских советах [15, л. 525 об.].

Однако это уже были безрезультатные попытки противодействовать политике партии и необратимым изменениям в формирующемся менталитете советского человека. К концу нэпа все более явно ощущаются позитивные сдвиги в сознании как мужской, так и женской половины общества в вопросе реализации крестьянками и работницами своего активно избирательного права. Женщины постепенно завоевывают руководящие посты в сельсоветах. Итоги избирательной кампании 1927 г. показывают, что женщины были представлены 4245 депутатами в сельсоветах, 263 – в городских советах, 89 – в волисполкомах, 10 – в райисполкомах, 18 – в кантисполкомах и 21 – в ТатЦИКе [33, с. 3].

Библиографический список

1. *Бильшай В.Л.* Решение женского вопроса в СССР. М.: Госиздат, 1959. 264 с.
2. *Бодреев С.* Татарская АССР. М.: Власть Советов, 1932. 132 с.
3. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. П115. Оп. 1. Д. 1387.
4. ГА РТ. Ф. П115. Оп. 2. Д. 70.
5. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 125.
6. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 212
7. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 213.
8. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 214.
9. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 216.
10. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 217.
11. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 218.
12. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 219.
13. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 236.
14. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 237.
15. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 260.
16. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 272.
17. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 275.
18. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 439.
19. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 451.
20. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 659.
21. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 702.
22. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 924.
23. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 1228.
24. ГА РТ. Ф. Р732. Оп. 1. Д. 1346.
25. ГА РТ. Ф. Р5852. Оп. 1. Д. 17.
26. ГА РТ. Ф. Р5852. Оп. 1. Д. 51.
27. ГА РТ. Ф. Р5852. Оп. 1. Д. 141.

28. ГА РТ. Ф. Р5852. Оп. 1. Д. 241.
29. *Давыдов Д.В.* Некоторые аспекты изменения социального статуса сельской женщины в 1920-е года (по материалам ТАССР) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2010. № 2.
30. *Емельянова Е.Д.* Революция, партия, женщина. Опыт работы коммунистической партии среди трудящихся женщин (октябрь 1917–1925 гг.). Смоленск: Смоленский педагогический институт, 1971. 238 с.
31. *Климов И.М.* Образование и развитие Татарской АССР (1920–1926). Казань: Издательство Казанского университета, 1960. 368 с.
32. *Кукушкин Ю.С.* Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М.: Изд. Московского университета, 1968. 296 с.
33. Материалы 1-го Всетатарского Съезда крестьянок – членов Советов. 5–8 октября 1927 года. Казань: Изд-во Орг. отдела ЦИК ТССР, 1927. 28 с.
34. Прикамье. Печатный орган Чистопольского и Лаишевского канткомов РКП(б), кантисполкомов и кантпрофбюро ТССР. 1925. № 43 (94).
35. *Саламатова М.С.* Абсентеизм в контексте советских избирательных кампаний 1920-х гг. // Вестник НГУЭУ. 2013. № 2.
36. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 51.
37. *Тропов И.А.* Сельские и волостные советы в России начала 1920-х гг.: особенности состава и деятельности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 2 (37).
38. *Чирков П.М.* Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.). М.: Мысль, 1978. 256 с.

УДК 94(47).084.8

К.А. Юдин,

профессор, Ивановский государственный химико-технологический университет (Иваново)

«МЫ ЧУВСТВУЕМ СЕБЯ БОЛЬШЕ, ЧЕМ “ХОРОШО” ДЛЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ...»: СОВЕТСКАЯ ЭВАКУИРОВАННАЯ КИНОИНДУСТРИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье исследуется повседневная жизнь советских деятелей культуры, кинематографической интеллигенции в условиях эвакуации. Особое внимание уделяется функционированию Центральной объединенной киностудии, существовавшей в г. Алма-Ате в 1941–1944 гг. Делаются выводы о масштабности кинопроизводственного процесса, творческих исканий в обстановке военного времени и усиленного политико-идеологического контроля.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советский кинематограф, культура, интеллигенция, эвакуация, Центральная объединенная киностудия.

K.A. Yudin,

Professor, Ivanovo State University of Chemistry and Technology (Ivanovo)

**«WE FEEL MORE THAN “GOOD” FOR WARTIME...»:
THE SOVIET EVACUATED FILM INDUSTRY
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Abstract. The article examines the everyday life of Soviet cultural figures and cinematographic intelligentsia during evacuation. Particular attention is paid to the functioning of the Central United Film Studio, which existed in Alma-Ata in 1941–1944. Conclusions are made about the scale of the film production process, creative searches in the context of wartime and increased political and ideological control.

Key words: The Great Patriotic War, Soviet cinema, culture, intelligentsia, evacuation, Central United Film Studio.

«Мы чувствуем себя больше, чем “хорошо” для военного времени. У нас есть бодрость, желание работать», – такие обнадеживающие слова были произнесены уже тогда известным советским режиссером, чья карьера в кинематографе набирала обороты, на заседании творческого актива в самый разгар Великой Отечественной войны – 17 июня 1942 г. – И.А. Пырьевым [4, с. 346]. Повседневная жизнь деятелей культуры, кинематографистов, пребывавших в эвакуации, и зрительской аудитории, киноиндустрии в целом в стране и регионах, выступает ведущим объектом историко-историографических исследований [1; 2; 3; 6; 8; 9; 11; 12]. В тоже время, детализация сюжетов, связанных с особенностями управления отечественной киноиндустрией, продолжает оставаться актуальной не только в русле современной политики памяти, стремления интенсифицировать межкультурный диалог с помощью инструментов «мягкой силы» [5], но и в плане историко-источниковедческой рефлексии уже опубликованных директивных, организационно-распорядительных, эго-документов [4].

Как известно, в 1941 г. с началом Великой Отечественной войны открылся особый – среднеазиатский период деятельности отечественных кинематографистов. Значимым событием следует считать создание в Казахской ССР, в г. Алма-Ате, Центральной объединенной киностудии (ЦОКС). Ее директором был назначен М.В. Тихонов, заместителем – известный казахский ученый, общественный деятель С.Е. Толымбеков. Курировал кинопроизводство (при художественном руководстве Ф.М. Эрмлера) в Алма-Ате начальник Главного управления по производству художественных фильмов К.А. Полонский, также фигурировавший в источниках и как уполномоченный Комитета по делам кинематографии при СНК СССР (КПДК) [3, с. 88–92, 259, 262]. Это привело

к непростым личностно-персональным, а также институциональным сопряжениям в спектре «центр-регион».

Прежде всего, судя по документам, прибытие в Алма-Ату инженерно-технических кадров таких крупнейших советских киностудий, как «Мосфильм», «Ленфильм», вместе с известными мэтрами киноискусства – М.И. Роомом, А.Л. Птушко, Л.З. Траубергом, С.М. Эйзенштейном, И.А. Пырьевым, Г.В. Александровым и другими, – вызвало среди автохтонной театрално-кинематографической интеллигенции и руководящих органов воодушевление, связанное со стремлением использовать «эти возможности для создания самого сложного, самого трудного искусства – кино в Казахстане» [4, с. 376]. Это подчеркивалось и в постановлении Совнаркома КССР и ЦК КП(б)К от 18 июня 1943 года, призывавшего «наряду с выпуском высокохудожественных картин на русскую тематику», прежде всего, «обратить особое внимание на скорейшее создание художественных картин на материале казахского народа» [4, с. 328]. Но центральное руководство с тревогой наблюдало за попыткой установления региональных приоритетов. Об этом свидетельствует письмо председателя КПДК при СНК СССР И.Г. Большакова секретарю ЦК КП(б)К Н.А. Скворцову, датированное 24 февраля 1942 г. «В настоящее время, – сообщал он, – отдельные работники Совнаркома Казахстана <...> вновь пытаются проводить неправильную политику в отношении Центральной объединенной киностудии <...>; 29 января с.г. на хозяйственном активе Центральной киностудии выступил тов. Толыбеков (заместитель директора киностудии) с обвинением студии в том, что она не хочет делать картины на казахском материале, причем в своем выступлении тов. Толыбеков ссылался на то, что является уполномоченным на студии партии и правительства Казахстана» [4, с. 322].

Позднее, инструктор Отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)К М. Токарева в письме от 27 января 1943 г., адресованном местной партийной номенклатуре – вышеупомянутому Н.А. Скворцову и секретарю ЦК КП(б)К Абдыкалыкову, пыталась опровергнуть столичную позицию, докладывая об отсутствии нарушений в институциональной иерархии. «Причем товарищ Большаков, – считала она, – также неправильно поставил в известность работников Управления (пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) по главе с Г.Ф. Александровым. – *К. Ю.*), что Отдел пропаганды ЦК КП(б) Казахстана требовал на утверждение все сценарии, ранее утвержденные ЦК ВКП(б). И далее: « В своем сообщении я разъяснила, что это неверно и что за полтора года пребывания в Казахстане студия не создала ни одного даже короткометражного фильма на Казахскую тематику и что требования бюро ЦК КП(б) Казахстана

к студии о создании в 1942 году одного киносборника из двух короткометражек при плане выпуска 17 фильмов в год никак не означает тенденции превращения студии в казахскую» [4, с. 379–380].

Маловероятно, что этот эпистолярный документ смог бы как-то усугубить ведомственную «дуэль» между Г.Ф. Александровым и И.Г. Большаковым, о которой упоминается в историографии [3, с. 468–486; 11, с. 133–137]. Перед кинематографистами стояли гораздо более важные творческие и жизненные задачи – пытаться адаптироваться в сложных условиях военного времени и к тому же на «чужой» территории, сохранять самообладание, несмотря на бытовую неустроенность, дискредитировавшую общую «корпоративную репутацию» кинематографического практику «самоснабжения», которую себе (иногда вынужденно) позволял вспомогательный персонал. Так, в справке о работе ЦОКС, предположительно составленной в июле 1942 г., констатировалось, что «директора съемочных групп, администраторы и подобные прохвосты обращаются к торгующим организациям города и обманным путем берут и присваивают продукты». И в другом месте: «Жулики снизили авторитет киностудии». Однако, в этом же документе признавалось, что необходимо «покончить с пренебрежительным отношением к инженерно-техническим работникам <...> Пом. директора тов. Могилевский был в Москве, добился спецфонда для творческих и административных работников, а инженеров забыл. Только недавно добились включения инженеров в спецснабжение» [4, с. 324].

Бытовые условия жизни многих кинематографистов, действительно, оставляли желать лучшего на протяжении всего периода пребывания в эвакуации. В 1944 г., уже, фактически, накануне возвращения киностудий и работников в столицу, в общежитии ЦОКС в Алма-Ате – «Доме Советов». – по-прежнему проживало более 200 человек – работников киностудии, а с семьями – 800. Некоторыми жильцами (в документе 63 подписи) было составлено коллективное письмо на имя председателя КПДК И.Г. Большакова, в котором они обрисовывали удручающую обстановку, когда перебои с электроснабжением, отоплением приводили не только к потере рабочего времени, но и самым неблагоприятным образом сказывались на состоянии здоровья. «Один небольшой котел для кипячения воды не состоянии обслужить даже 50 % всех живущих в “Доме советов”». Почти в каждом номере имеются больные. Только что закончилась эпидемия брюшного тифа, унесшая много жизней взрослых и детей. Теперь начались скарлатина, грипп и воспаление легких. В местах общего пользования царит неопишущая антисанитария. В коридорах, в абсолютной темноте горят керосинки, примусы, угольные печки, которые грозят пожаром <...>» [4, с. 369].

И тем не менее, как вспоминал сам председатель КПДК при СНК СССР И.Г. Большаков, «несмотря на эвакуационный период, съемки ранее начатых фильмов не прекращались ни на один день» [3, с. 92], хотя бытовые трудности усугублялись и барьерами творческой самореализации. На уже упоминаемом заседании творческого актива, 17 июня 1942 г., выступали известные режиссеры – И.А. Пырьев, А.Л. Птушко, М.И. Роом, Ф.М. Эрмлер, обсуждали проблемы рационализации кинопроизводства. В частности, А.Л. Птушко, делясь организационно-методическим опытом осуществления комбинированных съемок, напоминал о стремлении сохранить творческий потенциал. «Я, – говорил он, – веду работу с большой радостью и гордостью, взялся за организацию нового труднейшего цеха, но нельзя забывать, что я творческая единица, которая также что-то может создать <...> Я сделал очень много для того, чтобы внедрить комбинированные съемки в режиссерскую работу, а в результате не вижу самостоятельной работы <...>» [4, с. 355]. Эти и другие вопросы он поднимал и на художественном совете ЦОКС 26 января 1943 г. В этом же году на в Алма-Ате были начаты съемки картины детско-юношеской проблематики «Дочь народа» (рабочее название «Зоя», затем переданная на «Союздетфильм» и завершенная в 1944 г. – *К. Ю.*), постановщиком которой выступил Л.О. Арштам, а А.Л. Птушко, как отметила Н.Ю. Спутницкая, «делал батальные сцены», но очень ждал возвращения в режиссеру, очевидно, расстраивался отсутствием учеников, ибо многие из коллектива мастерской погибли в годы войны. В этом его поддержал не менее знаменитый коллега Г.И. Козинцев: «Спрашивается, сколько человек учится вокруг единственного мастера в советской России – Птушко? Я всячески за то, чтобы Птушко сам ставил картины, но так как он все делает своими руками, то любопытно, кто же будет обслуживать картины комбинированными съемками? Это абсолютное преступление, что вокруг Птушко не создаются кадры» [7, с. 69–70]. При этом, как известно, для съемок первой серии культовой картины С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный», проходивших также на ЦОКСе, были сосредоточены практически все материальные и людские ресурсы.

Безусловно, несмотря на все лишения, суровую повседневность военного времени, требовавшую непрерывной социально-интеллектуальной, психологической мобилизации, напряжения, представлялась возможность для отдыха, без которого невозможно было сохранить силы. Так, литовский кинорежиссер-документалист Л.И. Мацулявичус, который в это время также находился в Алма-Ате и учился в мастерской В.И. Пудовкина, вспоминал: «за столиками (летнего ресторана “Ала-Тай”. – *К. Ю.*) мы увидели много знакомых лиц:

Григорий Александров, Любовь Орлова, Михаил Жаров, Борис Андреев, Григорий Рошаль, Леонид Трауберг, Григорий Козинцев, Олег Жаков и многих других, мирно беседующих и потягивающих вино». И далее: «Под ажурной верандой журчал круглый фонтан, плавали рыбки. Оркестр играл душераздирающие мелодии. И трудно представить, что где-то война, летится кровь, гибнут люди» [4, с. 494]. Однако, думается, даже в эти минуты редкого «умиротворения» мэтры советской кинематографии не забывали о политико-идеологическом контроле, который не только не ослабевал, но и усиливался. С.М. Эйзенштейн уже пережил репрессивные атаки Сталина в 1930-е гг. Л.З. Трауберг в 1943 г., задолго до кампании по борьбе с «безродным космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом», был раскритикован за «уступки буржуазной идеологии». Наблюдение, в том числе по линии НКГБ СССР, было установлено за А.П. Довженко, обвиненного в «националистических извращениях» за киноповесть / киносценарий «Украина в огне» [11, с. 98–99, 270–271; 4, с. 480, 484]. В то же время, подводя итоги, отметим, что, несмотря на эти метаморфозы, в период эвакуации на ЦОКС усилиями советских кинематографистов были созданы художественные, документальные фильмы, боевые киноальбомы, составившие «80 % всей отечественной кинопродукции» [10]. Они получили не только мгновенную востребованность у советского зрителя в разных регионах страны, осуществлявших с ними соприкосновение в кинотеатрах, но и вошли в золотой фонд, составили классику отечественного кинематографа. Это такие картины, как «Секретарь райкома» (СССР, 1942, реж. И.А. Пырьев), «Она защищает Родину» (СССР, 1943, реж. Ф.М. Эрмлер) и многие другие.

Библиографический список

1. *Арапова Ш.* Сталинабадский «голливуд» // Историк. 2015. № 1. С. 44–50.
2. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
3. Кино на войне: Документы и свидетельства / авт.-сост. В.И. Фомин. М.: Материк, 2005. 944 с.
4. Пережить войну. Киноиндустрия в СССР, 1939–1949 годы. М: ПЭН, 2018. 648 с.
5. *Попова С.Ю., Белов С.И., Девочкина А.С.* Формирование положительного образа России среди детей и молодежи в странах ближнего зарубежья: технологии и практики // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. Вып. 10 (110). С. 322–3237.
6. *Потемкина М.Н.* Среднеазиатский период жизни в эвакуации столичных кинематографистов (1941–1944) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2005. № 15. С. 130–132.

7. *Спутницкая Н.Ю.* Птушко. Роу. Мастер-класс российского кинофэнтези. М.: Директ-Медиа, 2018. 371 с.

8. *Хисамутдинова Р.Р.* Деятельность Чкаловского (Оренбургского) областного управления кинофикации в годы Великой Отечественной войны // Известия ВГПУ. Серия: гуманитарные науки. 2017. № 2 (275). С. 161–167.

9. *Храмкова Е.Л.* Отечественная историография истории кино 1941–1945 годов на рубеже XX–XXI веков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 78. С. 123–130.

10. ЦОКС – Центральная объединенная киностудия (1941–1944 гг.) // URL: <https://csdfmuseum.ru/articles/418-цокс-центральная-объединенная-киностудия-1941-1944-гг> (дата обращения: 02.12.2025).

11. *Юдин К.А.* Советская кинополитика накануне и в период «холодной войны». Иваново: Информатика, 2023. 430 с.

12. *Юдин К.А.* Советская кинополитика накануне и в период Великой Отечественной войны // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв.: материалы XXI Международной научной конференции. Иваново, 30–31 марта 2022 г. Иваново: ИВГУ, 2022. С. 568–573.

УДК 174:35.08

Н.Г. Юркин,

заведующий кафедрой теории управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы,
Ивановский филиал

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ СТАНДАРТЫ СРЕДИ НОРМ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ЭТИКИ

Аннотация. В статье сопоставляются отдельные нормы административной и служебной этики в сфере профилактики коррупции. Акцентируется внимание на изменениях законодательства в указанной области. Делается вывод о перспективности компаративистского подхода в изучении данной разновидности профессиональной этики.

Ключевые слова: административная этика, служебная этика, требования к служебному поведению, антикоррупционные стандарты, профилактика коррупции.

N.G. Yurkin,

Head of the Department of Management Theory,

Russian Academy of National Economy and Public Administration, Ivanovo Branch

ANTI-CORRUPTION STANDARDS AMONG THE NORMS ADMINISTRATIVE AND PROFESSIONAL ETHICS

Abstract. This article compares individual norms of administrative and official ethics in the area of corruption prevention. It focuses on legislative changes in this area. It concludes that a comparative approach to studying this type of professional ethics offers potential.

Key words: administrative ethics, official ethics, requirements for official conduct, anti-corruption standards, corruption prevention.

На прошлогодней конференции автор уже обращался к поднимаемому в статье вопросу. В частности, указывалось, что под административной этикой автор понимает вид профессиональной этики, представляющий собой совокупность правил, стандартов поведения, предъявляемых к лицам, осуществляющим организационно-управленческие функции в системе государственного и муниципального управления. Таким образом, данные нормы распространяются на лиц, замещающих государственные и муниципальные должности в Российской Федерации, государственных и муниципальных служащих, а также на руководящий состав государственных и муниципальных предприятий и учреждений. Нормы служебной этики, в свою очередь, представляя собой разновидность административной морали, распространяются только на лиц, замещающих должности государственной и муниципальной службы [13, с. 318–323].

В данной работе автор поставил цель сравнить нормы административной и служебной этики в сфере профилактики коррупции. При этом, ограниченные объемами статьи, мы проанализируем требования к служебному поведению, которые предъявляются только к государственным служащим и лицам, замещающими государственные должности.

Что касается служебной этики, то большинство требований вообрал в себя типовый кодекс этики [12], который кодифицировал те нормы, которые ранее были закреплены в различных законах России. В отношении норм административной этики такого кодекса поведения не существует. Правовой статус каждой государственной должности Российской Федерации и субъектов РФ определяется отдельным нормативно-правовым актом. Сравним нормы служебной этики с нормами административной морали.

Стандарты поведения, направленные на профилактику коррупции, занимают среди требований служебной этики значительное место.

К их числу можно отнести необходимость исключать действия, связанные с влиянием личных, имущественных интересов на служебную деятельность, уведомлять о попытках склонения служащих к совершению коррупционных преступлений, принимать меры по урегулированию конфликта интересов и т.д. [12, ст. 11, 17]. Если учесть тот факт, что данные требования устанавливаются законом о противодействии коррупции, который распространяется не только на государственных служащих, но и на лиц, замещающих государственные должности федерального и регионального уровня [7, ст. 3], то в этом отношении нормы административной и служебной этики совпадают.

Обратим внимание на еще одно антикоррупционное обязательство — обязанность отдельных лиц декларировать сведения о своих доходах и доходах членов своей семьи [12, ст. 20]. В служебной этике эта норма имеет ограничения. Если при поступлении на гражданскую службу декларируют доходы все граждане, то обязанность ежегодного предоставления таких сведений ранее распространялась только на лиц, которые замещают должности, включенные в перечни, определенные указом Президента РФ [6, ст. 20] в отношении федеральных служащих или нормативно-правовыми актами субъектов РФ в отношении региональных служащих [5, ст. 13]. Поскольку все государственные должности связаны с принятием юридически значимых решений, то они все были обязаны предоставлять указанные сведения не только при назначении их на должность, но и ежегодно за весь период исполнения ими должностных обязанностей [7, ст. 8¹].

С 1 января 2026 года вступили в силу поправки в федеральное законодательство в части комментируемых положений [4]. Данный закон отменяет обязанность публичных должностных лиц ежегодно декларировать сведения о доходах, сохраняется только декларирование в период назначения на должность. Впрочем, это не означает, что контроль за этой стороной жизнедеятельности российских чиновников ослабнет. В дальнейшем контроль над имуществом и доходами чиновников будет проходить в режиме реального времени через государственную информационную систему «Посейдон», благодаря которой можно оперативно получать информацию от ФНС, Росфинмониторинга, Росреестра, Росимущества, Банка России и других ведомств [11]. Как заявил, председатель Комитета по безопасности и противодействию коррупции В. Пискарев: «Это позволит в непрерывном режиме получать полную информацию о любых изменениях финансового или имущественного положения контролируемого лица и также оперативно реагировать на коррупционные правонарушения» [10].

Впрочем, отношение к данной новелле у нас неоднозначное. С одной стороны, будучи независимым экспертом комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов целого ряда федеральных и региональных органов исполнительной власти, сам автор столкнулся с тем, что зачастую «конфликтная комиссия» была вынуждена разбирать не случаи реальных нарушений требований к служебному поведению, а ошибки, иногда чисто технические, допущенные при заполнении деклараций. Это естественно серьезно увеличивало нагрузку на всех членов комиссий. С другой стороны, институт декларирования доходов, кроме функций административного контроля, создавал условия для функционирования системы общественного контроля. Ежегодные сведения о доходах руководящего состава органов власти должны были публиковаться на официальных сайтах госорганов. Отмена ежегодных деклараций повлекла за собой и упразднение необходимости размещения таких сведений. Возможно, имеет смысл, отказавшись от данного требования как элемента служебной этики, сохранить ее как норму административной морали в отношении государственных должностей, а также руководителей госкорпораций.

Еще один аспект разбираемой проблемы. В типовом кодексе этики гражданских служащих установлен запрет на получение вознаграждений от физических и юридических лиц в связи с исполнением ими должностных обязанностей [12, ст. 18]. Подобные же нормы зафиксированы и в законодательстве о статусе членов представительных и исполнительных органов государственной власти [8, ст. 6, п. 2; 9, ст. 6], а также иных государственных должностей РФ и субъектов РФ [7, ст. 8, п. 1]. Причем ни в одном из перечисленных нормативно-правовых актов стоимость подарка не определяется. Одновременно с этим в Гражданском кодексе РФ содержится норма права, которая не допускает дарение подарков лицам, замещающим государственные должности и должности госслужбы, то есть с одной стороны ранее цитируемая норма подтверждается, но с другой стороны есть оговорка, что исключение составляют обычные подарки, «стоимость которых не превышает трех тысяч рублей» [2, ст. 575, п. 3]. При этом четкой позиции органов государственной власти по вопросу о том, как соотносятся указанные нормы права, автор не встречал.

Позволим себе высказать собственные соображения на данный счет. Здесь нужно учитывать то, что гражданское право относится к частноправовым отраслям права, а остальные цитируемые законы – либо к конституционному, либо к административному праву, т.е. к публично правовым отраслям права. Второй момент, который здесь нам

важен, – объект, кому ориентированы соответствующие нормы. Как нам представляется, статья 575 Гражданского кодекса прежде всего адресована физическим лицам и представителям юридических лиц, не являющимся публичными органами власти и управления. Поэтому граждане, предлагающие должностному лицу подарок, стоимость которого не превышает 3 000 рублей, не совершают противоправное деяние. Нормы же конституционного и административного права ориентированы к публичным служащим. В связи с этим, последние, принимая подобный подарок, в том числе и ниже указанной стоимости, нарушают требования профессиональной этики. Поэтому госслужащие и лица, замещающие госдолжности обязаны отказаться от подарка вне зависимости от его стоимости. В подтверждение нашего заключения приведем позицию Генпрокуратуры РФ: «Получение должностным лицом подарка... создает условия для *конфликта интересов*, ставя под *сомнение объективность принимаемых им решений*» (курсив мой. – Н. Ю.) [1, с. 11].

Говоря об антикоррупционных стандартах служебной этики, нельзя обойти вопрос о возможности получения дополнительного заработка служащими. Как известно, гражданские служащие имеют право с уведомления представителя нанимателя выполнять во внеслужебное время иную работу, получая за нее соответствующий заработок при условии, что это не приводит к конфликту интересов [6, ст. 14, п. 2]. В качестве примера можно привести случаи, когда чиновник трудоустраивается в организацию, в отношении которой он осуществляет контрольные функции. Здесь признаки конфликта интересов очевидны, поскольку личная заинтересованность гражданского служащего не только может негативно влиять на исполнение им должностных обязанностей, но и порождать сомнения в его беспристрастности и объективности [3]. Когда же при трудоустройстве отсутствуют признаки конфликта интересов, сотруднику не требуется согласия представителя нанимателя. Исключение из уведомительного порядка осуществления иной работы составляет только деятельность, которая финансируется за счет средств иностранных государств. В этом случае уже требуется разрешение руководителя государственного органа. А предпринимательская деятельность для служащего находится под полным запретом [6, ст. 17, п. 1].

Если говорить о нормах административной этики, то в отношении большинства государственных должностей предусмотрен почти полный отказ от иной оплачиваемой деятельности. В частности, члены Правительства РФ, сенаторы, депутаты не могут не только заниматься предпринимательской деятельностью, но и любой «другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой

деятельности», в т. ч., не могут даже получать гонорары за выступления в СМИ. При этом разрешенная деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций и т. п. (см., напр.: [8, ст. 6, п. 1; 9, ст. 6, п. 3]). Ни о какой возможности осуществлять последнюю по какому-либо специальному разрешению здесь речи не идет. Такая жесткость административной этики по сравнению со служебной вполне объяснима. Если государственный служащий отвечает за относительно узкий, локальный «фронт» работы, то лица, замещающие госдолжности, принимают решения, которые распространяются на все сферы жизнедеятельности общества.

Краткость представленного обзора не позволяет претендовать на комплексность анализа взаимосвязи антикоррупционных стандартов в административной и служебной этике. Тем не менее, приведенные данные свидетельствуют о необходимости развития компаративистских исследований в данной сфере. Тем более, что законодательство о деятельности публичных органов постоянно изменяется, дополняется и пересматривается, что открывает новые возможности для проведения сравнительного анализа.

Библиографический список

1. Антикоррупционный запрет на получение отдельными категориями лиц подарков и иных вознаграждений в связи с выполнением служебных (должностных) обязанностей: Памятка [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/BCecdEUNbq7TAwBNqzMk6CuyljKdZt4x.pdf> (дата обращения: 11.01.2025).

2. Гражданский кодекс РФ. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 24.06.2025). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.01.2025).

3. Обзор типовых ситуаций конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации и порядка их урегулирования // Минтруд России: официальный сайт URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/1> (дата обращения: 11.01.2025).

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2025 № 505-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.01.2026).

5. О государственной гражданской службе Ивановской области: Закон Ивановской области от 06.04.2005 № 69-ОЗ (в ред. от 02.12.2025). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.01.2026).

6. О государственной гражданской службе РФ: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (в ред. от 29.09.2025). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.01.2026).

7. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/> (дата обращения: 27.12.2025).

8. О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ: Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (в ред. от 07.06.2025). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.01.2026).

9. О Правительстве РФ: Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46015> (дата обращения: 08.01.2026).

10. Приняты изменения в антикоррупционное законодательство // Государственная дума РФ: официальный сайт. URL: <http://duma.gov.ru/news/62707/> (дата обращения: 08.01.2026).

11. Прокурор разъясняет // Управление Генеральной прокуратуры РФ в Дальневосточном федеральном округе: официальный сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_dvfo/activity/legal-education/explain/e8341467/ (дата обращения: 11.01.2025).

12. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420254359> (дата обращения: 07.01.2026).

13. Юркин Н.Г. О соотношении понятий «административная» и «служебная этика» // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIV Междунар. науч. конф., посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Иваново, 2025. С. 318–323.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Мирошникова Е.М. О роли государства в межрелигиозном диалоге	5
Шиманская О.К., Широкалова Г.С. Православные церкви и молодёжная политика: опыт и перспективы	9
Сазонов Д.И. «Слова и речи» митрополита Николая (Ярушевича) как понимание его личности и эпохи	15
Федотов А.А. Профессор Н.Р. Коровин (10.12.1935–5.12.2012) – учитель и ученый: к 90-летию со дня рождения	21
Усманов С.М. «Я оглох к России»: штрихи к биографии протоиерея Георгия Флоровского	26

Секция 1

«РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ (РУБЕЖ XIX–XX вв. – НАЧАЛО XXI в.)»

Афонин Д.Н., Афонин П.Н. Духовное окормление отдельного корпуса пограничной стражи Российской империи: институциональные основы, практики и социокультурная роль	30
Байкалов Н.С. Православная церковь городов и поселков БАМа: исторический генезис в условиях района нового освоения	36
Балахонова М.А. Значение православного паломничества для русских верующих XIX – начала XX в.	41
Балдин К.Е. Информационное сопровождение российских православных паломников в Палестину на рубеже XIX–XX вв.	47
Беззубов С.С. Социальное и образовательное служение Русской Православной Церкви в Кинешемском и Юрьевецком уездах Костромской губернии во второй половине XIX – начале XX века. По материалам Костромских епархиальных ведомостей	53
Богомолов А.Б. Аполлинарий Николаевич Львов (1848–1901) – начальник архива и библиотеки Святейшего Синода	60
Бойко С.И. Православие в модернизации политического режима современной российской цивилизации	65

Верещагин И.Ф. Сопричастность верующих к Русской Православной Церкви: проблема критерия (на примере Архангельской области)	71
Волчков А.Е. (епископ Лука). Новосибирская епархия в 1964 г.: организационная структура и направления административно-правового регулирования	77
Игумен Агафангел (Гагуа). Формирование православных епархий в Казахстане в 1927–1991 гг.	82
Ганчар А.И. Церковно-имущественный конфликт в Дрзе: механизмы реализации конфессиональной политики Российской империи после 1905 года	88
Гребенкин А.Н., Антошкин А.Н. Место религиозного образования в подготовке офицеров Русской императорской армии в конце XIX – начале XX в.	94
Грицай Л.А. Русская Православная Церковь в медиапространстве как инструмент трансляции семейных ценностей	100
Игумен Герман (Г.И. Дворцов). «Нередко советский народный учитель является помощником попа»: церковь и школа в 1920-е годы (на материалах Иваново-Вознесенского уезда)	105
Дмитриев Н.А. «Народное православие» в Калининской области в 1940–1950-е гг.	111
Дроботушенко Е.В. Материалы к истории православия на территории Кемеровской области в начале 1950-х годов	116
Иеромонах Афанасий (Зимин), Пигорева О.В. Церковно-приходская жизнь второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в отражении новейшей отечественной историографии	121
Кузьмин А.А. (епископ Артемий). Этап ликвидации церковной жизни в Азово-Черноморском крае в довоенный период: закрытие Ростовского кафедрального собора Рождества Богородицы и репрессии духовенства	126
Лабынцев Ю.А. Создатель интегрального белорусоведения академик Е.Ф. Карский и православие	132
Митрополит Астанайский и Казахстанский Александр (Могилев). Современное почитание первого управляющего Туркестанской епархией архиепископа Софонии (Сокольского)	137
Овчар Н.А. Религиозные обязанности гимназистов (на примере Царицынской Александровской гимназии)	142
Павлов А.В., Павлова Ю.В. Об открытии народной библиотеки имени В.М. Сергиевского в селе Александрове Судогодского уезда Владимирской губернии	146

Павлюченков Н.Н. Священник Павел Флоренский в борьбе за Троице-Сергиеву Лавру в 1918–1920 гг.	151
Рогозин А.В. Тысячелетие Крещения Руси как начало историко-культурных перемен в Советском Союзе	156
Соколов А.С. Рязанская епархия в 1917 г.	162
Соловьев А.А. Православные арабы глазами российских паломников в XIX – начале XX века	166
Степанов А.В. Вера и карьера: инославцы на государственной службе в Ярославле 1900-х гг.	171
Тулянов В.А. Православная публицистика о причинах войны в Коре (1950–1953 гг.)	178
Удалова О.С. Мемуары В.М. Дорошевича как источник по изучению впечатлений православных паломников от Святой Земли	183
Черниковский Д.М. Участие в церковном строительстве на территории Владимирской епархии зодчих из других регионов	189
Чукавин А.А. Духовное осмысление смуты: «Московские церковные ведомости» о революционном кризисе (январь – сентябрь 1905 года)	194
Шадрина А.В. Особенности антирелигиозной пропаганды на страницах газеты «Молот» (Ростовская область). 1955–1958 гг.	200
Шиловский И.Н. Православие в общественном сознании крестьян Русского Севера в начале XX века (по материалам источников личного происхождения)	206
Щавинская Л.Л. Журнал «Воскресное чтение» (1924–1939) – крупнейший летописец православной жизни восточных славян в межвоенный период	211
Якунин В.Н. Монастыри Самарской епархии в 1991–2011 гг.	216

Секция 2

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ/ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В ОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (РУБЕЖ XIX–XX вв. – РУБЕЖ XX–XXI вв.)

Бибиков А.И. Влияние православной идеологии на формирование нравственных ценностей в гражданском праве	222
Гордеев А.С., Вашкау Н.Э. А.В. Луначарский и «безбожники»: антиклерикальные стратегии в советской системе просвещения (1917–1929)	228

Горожанина М.Ю. Русские мыслители об особенностях российского общества и государства	223
Грошева Л.И. Механизмы отражения исторического наследия в восприятии молодёжи на примере акции Бессмертный полк	239
Грошева И.А., Грошев И.Л. «Сохранить, нельзя забыть»: историческая память студенческой молодёжи (на примере данных мониторинга «студенчество о Великой Отечественной войне»)	245
Дежнев В.Н. Религиозные ориентации, нравственно-политические взгляды и ценности студентов педагогического вуза	250
Ершова Г.Л. Опыт патриотического воспитания в деятельности Ивановского фармацевтического колледжа	256
Ершова Т.В., Кабуров А.Р. Газета «Кремль Иловайского»: взгляд историка на Первую мировую войну	262
Жульков М.В. Россия в многополярном мире	266
Крапотова Р.В. Сохранение исторической памяти о геноциде советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны на основе возможностей искусственного интеллекта	272
Комиссаров В.В. Популярность интеллигентских профессий у выпускников советских школ периода позднего социализма	275
Корсакова Л.В., Овчинников Д.И. Философия, история и цифра в исследовании утопического мышления	280
Кукушкин В.Л., Кукушкина И.А. Библейские мотивы в произведении М.В. Исаковского «Лучше нету того цвету...»	284
Личак Н.А. Формирование патриотизма у студентов в техническом университете	290
Матвиенко В.А., Исаев А.В. Взаимодействие социальной и миссионерской деятельности религиозных организаций в региональном политическом пространстве	296
Минько С.И. Взаимодействие местных органов власти с религиозными организациями (на примере Дзержинского района Минской области)	302
Морозова С.С. Искусственный интеллект в России: государственная стратегия, общественные вызовы и новые горизонты развития	307
Начапкин М.Н. Религиозная проблематика в творческом консерватизме И.А. Ильина	313
Никулина А.С. Церковь, общество и государство в контексте междисциплинарного анализа (социокультурные и психологические аспекты стабильности в XX–XXI вв.)	318

Панин А.С. Святое место: проявления народного ислама на Южном Урале	322
Папцова А.К. Роль Русской православной церкви в духовном развитии гагаузского народа (на материале гагаузов Юга Молдавии)	328
Постникова О.Ю. Доверие как основа влияние НКО на общественное мнение	334
Рослякова М.В. Эмпатия как профессиональная компетенция госслужащих в клиентоцентричном государстве	340
Свиридов А.В. Образовательная сфера как фактор геополитической устойчивости в современном мире	345
Синин Е.Ю. Политическая биография Г.Е. Зиновьева в экспонатах музея современной истории России	350
Стасяк П.В. Православие в постсоветской идентичности: сравнительный анализ динамики и дискурсов в России и Беларуси	356
Суслов А.Ю. История изобразительного искусства в Татарстане во второй половине XX века: основные направления и стилистические тенденции	365
Теняков А.В. Нация и литература в России	368
Труженикова Л.А. Деятельность музеев Дагестана в первом десятилетии XXI века	373
Фролова Е.А. Философия права в России в конце XIX – начале XX века: П.И. Новгородцев	377
Цзэн Цзын. Институционализация памяти о Великой Отечественной войне в государственной исторической политике России на рубеже XX–XXI вв.	383
Чекменёва Т.Г., Прибытков А.А. Религиозная идентичность и религиозные конфессии в России	389
Череповицкая М.В., Задорожникова Е.Б., Рычихина Н.С. Обучение служением: опыт социального взаимодействия ИвГУ и социально ориентированных некоммерческих организаций	395
Черноперов В.Л. Интеллигенция в поучениях святого праведного Иоанна Кронштадтского (по материалам сборника «Венок на свежую могилу кронштадтского пастыря»)	401
Чикаева Т.А. Идеи Д.С. Лихачева как основа современного понимания патриотизма	406

Секция 3
«РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО
(РУБЕЖ XIX–XX вв. – НАЧАЛО XXI в.)»

Арбузов Р.И. Проблема изучения школьного образования в годы Великой Отечественной войны	412
Белов А.М., Калинин А.Н. Участие инспекторов мелкого кредита в развитии кредитной кооперации на местах (по материалам Костромской и Ярославской губерний)	418
Белонотов Ю.Г. Реализация Указа Президиума Верховного совета СССР от 26 июня 1940 г. народными судами Молотовской области в 1940 г.	423
Блиняев С.Н., Колесников В.А. К вопросу о положении военнопленных в годы Первой мировой войны (по материалам Костромской и Ярославской губерний)	429
Бунин А.О. Производственная деятельность российской сельскохозяйственной кооперации в 1925–1927 годах	435
Бутрин Е.С. Скотобойни Иваново-Вознесенска на рубеже XIX–XX вв.	438
Вакарчук А.Ю. Из истории Ивановского театра юного зрителя (1929–1948 гг.)	449
Велибеков Э.Ш. Из опыта советского государства по управлению оборонной промышленностью накануне Великой Отечественной войны	453
Виноградова Ю.А. «Золотое десятилетие» краеведения в 1920-е годы (на примере Иваново-Вознесенской губернии)	458
Ганчар Н.П. Открытие правительственной женской гимназии в Слоиме: взаимодействие общественных и правительственных институтов (1910)	463
Горячев И.В. Продовольственное обеспечение российских фабрично-заводских рабочих на рубеже XIX–XX вв.: административно-правовой аспект	469
Грядский Д.М. Некоторые особенности проявления девиантного поведения среди кадетов Владикавказского кадетского корпуса в начале XX в.	472
Гулин А.О. Воспоминания сотрудников ЧВК «Вагнер» как источник информации при изучении современных военных конфликтов	477
Дианова Е.В. Отдыхающие, «санаторники» и курортники в советском кино 1920-годов	482

Егорова Ю.Н. Водители в обеспечении фронта и тыла в Великой Отечественной войне: вклад женщин-водителей (на материалах Ростовской области)	488
Еникеев Р.А. Сохранение этно-религиозной идентичности в советский период на примере хутора Кзыл-аул Обливского района Ростовской области	492
Ефимович Е.В., Шупенько Т.И. Союзное государство Беларуси и России: истоки становления и перспективы развития	496
Иванов А.М., Силина К.В. Проблемы регистрации Вяземской общины евангельских христиан-баптистов в конце 1970-х – начале 1980-х годов по материалам Смоленской области	501
Идрисов Б.М. «Дружба» между Германией, СССР и Турцией в межвоенный период (в исследовании Джемиля Кочака «Турецко-германские отношения (1923–1939)»)	508
Ильин Ю.А. Советская власть и крестьянство: политические разногласия и замирение сторон (лето–осень 1919 г.)	515
Ковров Т.А. Участие череповецкого купца М.М. Мостофина в деятельности учётно-ссудного комитета при Рыбинском отделении Государственного банка	519
Комаров А.С. Начальная история евангельско-баптистского движения в Костромской губернии Российской империи (кон. XIX – нач. XX в.)	525
Комиссарова И.А. Музеи образовательных учреждений Ивановской области: место памяти о Великой Отечественной войне	531
Конев Е.В. Общественно-политическая жизнь немцев в городах Западной Сибири в 1980-е гг.	537
Корзинин А.А. Деятельность кинешемского Пленбежа по эвакуации военнопленных на родину в 1918–1919 гг.	543
Корников А.А. Дворянская родовая геральдика в современной муниципальной геральдике России. По материалам Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей	554
Крайнов Г.Н. Истоки, причины и особенности современной русофобии	560
Кураев А.Н. Поворот к казачеству в СССР в 1930-е годы	565
Курочкин А.В. Роль государства и церкви в условиях противостояния практикам современного неокOLONиализма	568
Листопадов Д.Ю. Использование военнопленных Центральных держав в России в 1916–1917 гг.	574
Листопадов Ю.Г. Скаутские лагеря в Российской Федерации в конце XX века	

Лужин А.А. Вклад В.М. Рябикова в развитие вооружения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	580
Лукьянчикова Л.В. Социальные гарантии депутатов высших представительных учреждений Российской империи 1906–1917 гг.	586
Лысых Д.Н. Польский контингент в Южском лагере Ивановской области	591
Макаров Н.А. Деятельность отдела по работе в деревне Юрье-вского уездного комитета РКП(б) в 1919 г.: планы и реаль-ности	595
Максимец Д.А. Роль А.Е. Грузинова в шоссировании дорог Московской губернии	600
Медоваров М.В. Центральная пресса России о проблеме введе-ния земского самоуправления в Сибири	604
Михайлов С.С. Община баптистов города Электросталь, Мос-ковской области, в конце 1950-х – 1960-х годах	610
Музафарова Н.И. Становления образования в первые десятиле-тия советской власти: опыт и уроки	616
Невлад Ю.В. Роль социальных программ, направленных на под-держку материнства и детства в Донбассе с 1943 по 1953 год	621
Неупокоев И.В. «Да и что это за Дума?»: критика городского самоуправления в досоветской печати Западной Сибири	625
Павленко А.П. Персональный состав исполнительного коми-тета Моонзундской укрепленной позиции в 1917 г.	632
Панов Д.А. «Было-бы чрезвычайно целесообразным Ваше непо-средственное участие в этом важном деле» (к вопросу уча-стия УСЛОНА в строительстве рыбопромысловых судов на Мурмане)	638
Попов Д.В. Дискуссии о развитии народного образования в конце XIX – начале XX в. (на примере Владимирской, Яро-славской и Костромской губерний)	642
Пушков В.П. Уроженцы Тульской губернии – первокурсники Московского университета 1917 г.	648
Рашитова О.А. Особенности провинциальной жизни города Ямбурга в конце XIX – начале XX века	652
Реутова А.Д. Школы фабрично-заводского ученичества в 1920-е годы	658
Решетов Е.А. «Дело Семчевского» или факт коррупции в швед-ском торгпредстве РСФСР (1921 г.)	662
Сагателян Г.Ш. Мотивация труда в закрытом городе: особен-ности Арзамаса-16 (Сарова)	667

Сажин Б.Б. Николай II и Александра Федоровна Романовы: образ императорской семьи в годы Гражданской войны (по архивным материалам А.С. Пругавина)	672
Сипейкин А.В. Цели религиозной политики Третьего Рейха на временно оккупированных территориях	678
Смирнов В.А. Из истории Ивановского отделения Северной железной дороги (1992–1997 гг.)	683
Соза Л.Н. Документы Коломенского уездного управления как источник изучения политики Российской империи в отношении еврейского населения в конце XIX века	688
Стогов Д.И. Становление и развитие Красноярского общества трезвости (1899–1919 гг.)	694
Суздальцева И.А. О практике создания творческих фронтовых бригад в годы Великой Отечественной войны	699
Суханова Н.И. Проблема борьбы с растущим процессом бюрократизации партийно-государственного аппарата в работах В.И. Ленина	704
Сысов А.И. Влияние элементов традиционализма на формирование партийных и советских органов управления в горнозаводской зоне Южного Урала в середине 1920-х – середине 1930-х гг.	710
Толмачева А.В., Якунина Я.С. Из домохозяйки в передовики производства: трудовой подвиг женщин блокадного Ленинграда	715
Точенов С.В., Цырулева О.С. Родниковский меланжевый комбинат «Большевик» в послевоенный советский период (1945–1993 гг.)	720
Тумаков Д.В. Начало первой чеченской кампании 1994–1996 гг. в освещении газеты «Ингушетия»	726
Шафиков Р.И. К вопросу о политической активности женщин Татарской АССР в 1920-е годы	731
Юдин К.А. «Мы чувствуем себя больше, чем “хорошо” для военного времени...»: советская эвакуированная киноиндустрия в годы Великой Отечественной войны	737
Юркин Н.Г. Антикоррупционные стандарты среди норм административной и служебной этики	743

**ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЦЕРКОВЬ
В ИСТОРИИ РОССИИ XX–XXI ВЕКОВ**

Материалы XXV Международной научной конференции

Иваново, 25–26 марта 2026 г.

Издается в авторской редакции

Директор издательства *Л.В. Михеева*
Технический редактор *И.С. Сибирева*

Подписано в печать 02.03.2026.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 44,18. Уч.-изд. л. 44,6. Тираж 75 экз. Заказ № 1.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39.

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Отпечатано в АО «Ивановский издательский дом»

✉ 153000 Ивановская обл., г. Иваново,

ул. Степанова, 5, литер А, А1-А7

☎ (4932) 30-32-37. E-mail: 301411@rambler.ru

